(Годъ пятнадцатый).

РУССКІЙ АРХИВЪ

1877. ИЗДАВАЕМЫЙ 9.

Петромъ Бартеневымъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

МОСКВА.
Типографія Лебедева, на Донской улицѣ, домъ Зоркиной
1877.

Въ Конторѣ Русскаго Архива, въ Москвѣ, на Никитскомъ бульварѣ, въ домѣ Дюгамеля, можно получать оставшіеся экземпляры 1873—1876 годовъ Русскаго Архива

1873 ГОДЪ. КНИГА ПЕРВАЯ.

Біографія князя Г. Г. Орлова. — Письма о Франціи, **князя Куракина**, 1810 г.—Письма **Жуковскаго** о воспитаніи Государя Императора Александра Николаевича. — Письмо **жениха-Пушкина** къ его тещѣ.—Политическія записки **Ѳ. И. Тютчева**.—Записки **графа П. Х. Граббе**.—Записки **Н. И. Греча**.—Записка **графа І. И. Ростовцева**.—Записки **И. П. Сахарова**.—Записки **И. А. Шестакова**. Цѣна 4 рубля.

1873 ГОДЪ. КНИГА ВТОРАЯ.

Записки **Фокерода** о Петрѣ Великомъ. — Бумаги **П. А. Демидова**.—Е. И. Нелидова. — Донесенія изъ Франціи **графа А. И. Маркова**.—Записки о 1812 годѣ, **П. А. Тучкова**.—Записки **Фотія**.—Записки **А. Я. Стороженки**.—Воспоминанія **графини А. Д. Блудовой**.—Россія и Германія, статья **Ѳ. И. Тютчева**. — Выдержки изъ Старой Записной Книжки. Цѣна 4 рубля.

1874 ГОДЪ. КНИГА ПЕРВАЯ.

Письма **В. А. Жуковскаго** къ Императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ о первой молодости Государя Императора Александра Николаевича.—Пятьдесятъ писемъ **А. С. Пушкина** къ князю П. А. Вяземскому съ новыми стихами А. С. Пушкина.—Записки **Мессельера** о пребываніи его въ Россіи съ Мая 1757 по Мартъ 1759.—Письма **лорда Мальмсбюри** о Россіи въ царствованіе Екатерины II-й.—Записки **князя Ѳедора Николаевича Голицына**.—Записки **Хршонщевскаго**.—Записки **Ильи Ѳедоровича Тимковскаго**. — Воспоминанія **графини А. Д. Блудовой**.—Уроки исторіи, статьи **Д. И. Иловайскаго** (Мнимые охранители). Съ гравированнымъ портретомъ князя В. Ѳ. Одоевскаго. Цѣна 4 рубля.

1874 ГОДЪ. КНИГА ВТОРАЯ.

Письма **Д. В. Волкова** къ Г. Г. Орлову о Петрѣ Третьемъ. — Письмо **Императора Павла** къ С. А. Колычову и тайный наказъ о переговорахъ съ Бонапартомъ.—Два письма **графа Н. И. Панина** къ его супругѣ въ Москву о первыхъ недѣляхъ царствованія Александра Павловича.—Два письма изъ Лондона отъ **графа С. Р. Воронцова** къ графу Н. П. Панину и къ императору Александру.—Записки **Н. И. Лорера**.—Семь стихотвореній **С. А. Соболевскаго**.—Ѳедоръ Ивановичъ Тютчевъ, статья **И. С. Аксакова**. Съ гравированнымъ портретомъ Тютчева. Цѣна 4 рубля.

1875 ГОДЪ. КНИГА ПЕРВАЯ.

Записки сенатора **Е. Ѳ. Фонъ-Брадке**.—Воспоминанія **графини Блудовой**.—Старая Записная Книжка.—Письма **Императора Александра Павловича** къ князю Васильчикову. — Записки и бумаги **И. Б. Пестеля**. Цѣна 3 рубля.

1875 ГОДЪ. КНИГА ВТОРАЯ.

Сказаніе о Коліевщинѣ **М. А. Максимовича**.—Бумаги **князя Васильчикова**.—Старая Записная Книжка.—Москва въ 1812 году, сочиненіе **А. Н. Попова**. Цѣна 2 рубля.

1875 ГОДЪ. КНИГА ТРЕТЬЯ.

Москва въ 1812 году. Сочиненіе **А. Н. Попова**.—Записка **графа Ростопчина** о Мартинистахъ. — Первоначальное образованіе Петра Великаго.—Бумаги **Жуковскаго и князя Васильчикова**. Цѣна 3 рубля.

1876 ГОДЪ. КНИГА ПЕРВАЯ.

Автобіографія **графа С. Р. Воронцова**. Опала **графа Н. П. Панина** при Павлѣ. Вѣсти изъ Россіи въ Англію (Письма **графа Ростопчина**. 1791—1796). Политическая автобіографія **князя Адама Чарторыжскаго**. Французы въ Москвѣ въ 1812 году. **Сочиненіе А. Н. Попова**. Выдержки изъ Старой Записной Книжки. Объ отмѣнѣ крѣпостнаго права, статья **А. С. Хомякова**. Письмо **князя П. А. Вяземскаго** объ Н. И. Тургеневѣ. Цѣна 2 рубля.

1876 ГОДЪ. КНИГА ВТОРАЯ.

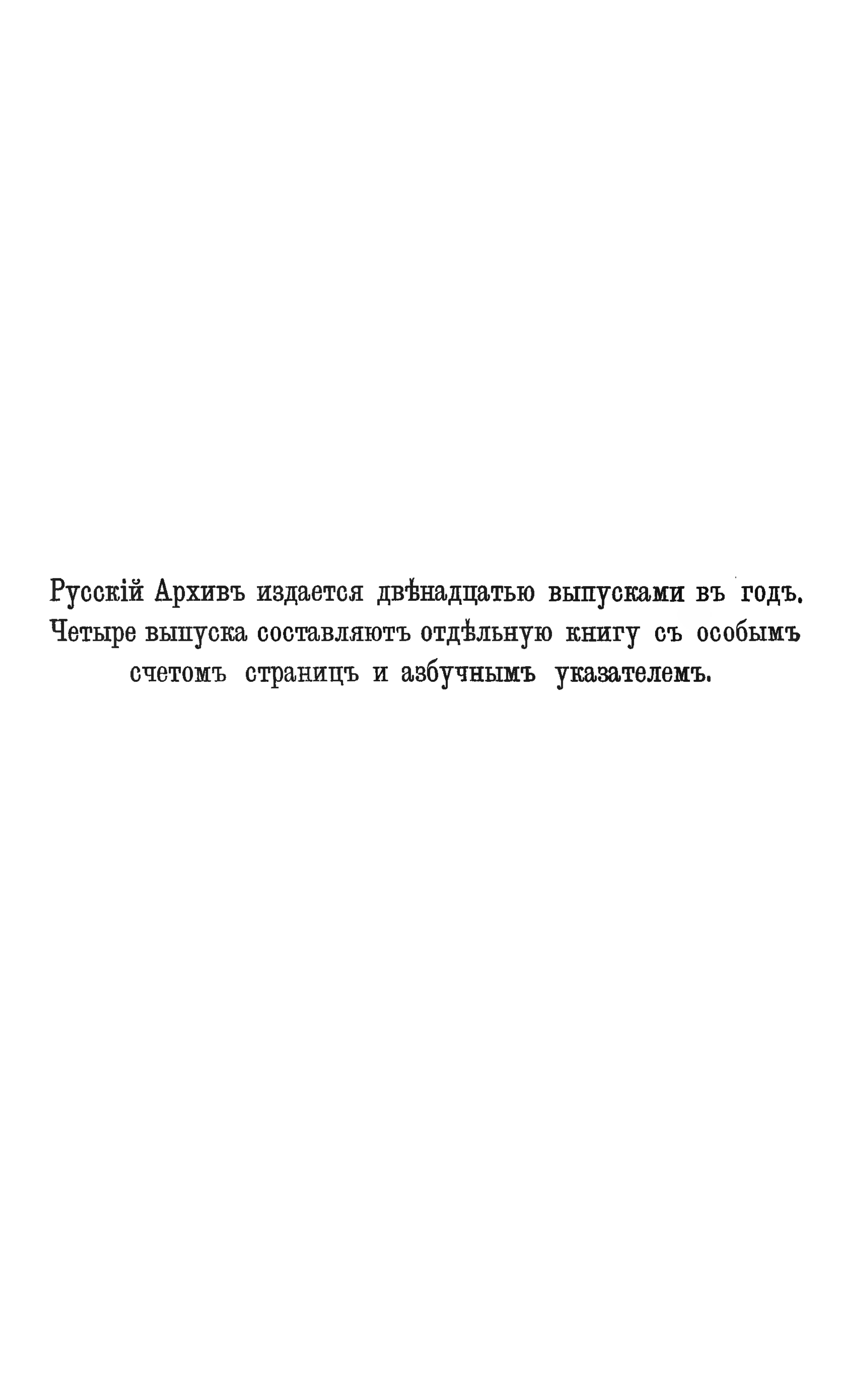
Французы въ Москвѣ въ 1812 году, сочиненіе **А. Н. Попова**. Вѣсти изъ Россіи въ Англію въ царствованіе Павла Петровича (Письма **графа Ростопчина**. 1799 годъ). Выдержки изъ Старой Записной Книжки. — Записки Польскаго **епископа Буткевича** (Разговоры съ императоромъ Николаемъ и папою Піемъ IX). Жуковскій въ Парижѣ, статья князя **П. А Вяземскаго**. Цѣна 3 рубля.

РУССКІЙ АРХИВЪ.

ГОДЪ ПЯТНАДЦАТЫЙ.

1877.

3.



Русскій Архивъ издается двѣнадцатью выпусками въ годъ. Четыре выпуска составляютъ отдѣльную книгу съ особымъ счетомъ страницъ и азбучнымъ указателемъ.

РУССКІЙ АРХИВЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

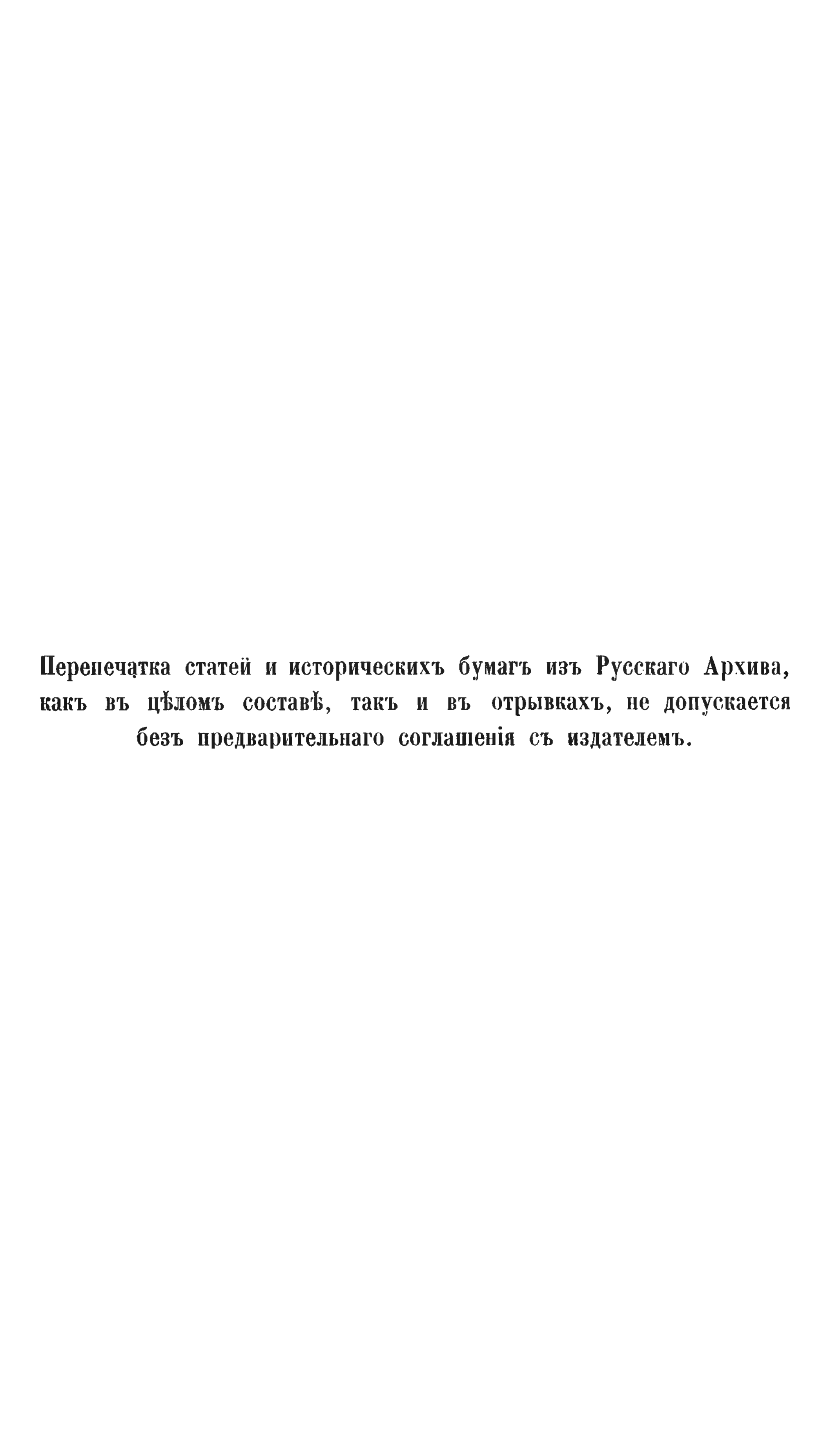
Петромъ Бартеневымъ.

ГОДЪ ПЯТНАДЦАТЫЙ.

(1877).

КНИГА ТРЕТЬЯ.

МОСКВА.
Типографія Лебедева, на Донской улицѣ, домъ Зоркиной.
1877.



Государю Наслѣднику Цесаревичу Великому Князю Александру Александровичу,

Атаману всѣхъ казачьихъ войскъ, при поднесеніи трости, принадлежавшей гетману казацкихъ войскъ, свѣтлѣйшему князю Г. А. Потемкину-Таврическому.

Былъ вѣкъ, роились исполины,
Вѣнчалъ насъ лавромъ каждый годъ!
Вѣкъ дивныхъ дѣлъ Екатерины
Въ народной памяти живетъ!

Предъ сѣверной ея державой
Никто не смѣлъ возвысить рѣчь;
Судьбу царей и царствъ со славой
Рѣшалъ ея побѣдный мечь.

Въ средѣ бойцовъ ея могучихъ,
Сподвижниковъ великихъ дѣлъ,
Одинъ, какъ молнья грозной тучи,
Державной мыслями владѣлъ.

Причудливъ, какъ волна морская,
Твердъ, неподкупенъ, какъ булатъ,
Онъ былъ, въ алмазахъ весь сверкая,
Солдатъ и тонкій дипломатъ.

Ему, смѣясь, она вручила
Однажды трость изъ камыша,
Сказавъ: «*Носи, какъ я носила!*»
И царскимъ даромъ дорожа,

Той тростью Запорожской Сѣчи
Онъ буйство дерзкое смирилъ;
Былъ съ нею подъ дождемъ картечи,
Когда Очаковъ разгромилъ;

За вѣковыя мстя обиды,
Ордынцевъ стеръ съ лица земли;
Далъ тростью знакъ: брега Тавриды
Къ ногамъ Монархини легли!

Предъ тростью сей султанъ въ Царьградѣ
Дрожалъ, предвидя смертный часъ,

Готовъ молить былъ о пощадѣ...
Какъ гетманъ вдругъ въ степяхъ угасъ.

Упала трость изъ рукъ безъ боя!...
Но, въ память будущимъ вѣкамъ,
Кладу ее, съ гербомъ героя,
Великій Князь, къ Твоимъ стопамъ.

Ознобишинъ.

Сентябрь 1870.
С.-Петербургъ.

Послѣсловіе автора.

Минувшаго 1870 года, я имѣлъ счастіе поднести чрезъ г. гофмаршала Двора Его Императорскаго Высочества, Василья Васильевича Зиновьева, Государю Наслѣднику Цесаревичу простую, камышевую, но историческую трость, жалованную великою императрицею Екатериною II-ю свѣтлѣйшему князю Потемкину-Таврическому, при отбытіи его въ южную армію. У наслѣдниковъ князя Потемкина, отъ коихъ пріобрѣтена была мною эта трость, сохранилась легенда, что трость эта, съ которою Императрица обыкновенно прогуливалась по любимому ею Царскосельскому саду, была дана при милостивыхъ ея словахъ: «Носи, какъ я носила!»

Воспользовавшись этою легендою, я, при моемъ всеподданнѣйшемъ приношеніи, приложилъ стихотвореніе, въ которомъ выразилъ величіе царствованія Монархини, благодѣтельницы моего роднаго по матери дѣда, Грека, уроженца острова Ипсары, Ивана Андреевича Варвація, котораго Государыня, за участіе въ Чесменской битвѣ, гдѣ онъ съ своимъ брандеромъ способствовалъ къ побѣдѣ, одержанной надъ Турками графомъ Орловымъ-Чесменскимъ, наградила, истинно поцарски, чиномъ поручика Русской службы и, въ замѣнъ конфискованнаго у него Турками милліоннаго состоянія, Астраханскими рыбными ловлями. Въ послѣдствіи мой дѣдъ былъ Астраханскимъ губернскимъ дворянскимъ предводителемъ.—Въ стихотвореніи этомъ выражено мною, какъ нашъ знаменитый атаманъ Русскихъ казацкихъ войскъ князь Потемкинъ, одушевленный этимъ царскимъ даромъ (на серебряномъ наалдашникѣ котораго онъ приказалъ вырѣзать свой гербъ) никогда не разставаясь съ этой тростію, переходилъ отъ одной побѣды къ другой болѣе блестящей, завоевалъ великолѣпную Тавриду и готовъ былъ низложить самого султана, если бы внезапная смерть не настигла его въ степяхъ Бессарабскихъ.

Трость эту, при вышеозначенныхъ стихахъ, я повергъ къ стопамъ Великаго Князя Наслѣдника Цесаревича, какъ настоящаго Атамана всѣхъ Русскихъ казацкихъ войскъ, и Его Императорское Высочество, черезъ годъ или два спустя, въ проѣздъ свой чрезъ городъ Симбирскъ, вызвалъ меня изъ среды провожавшихъ его и Государя Императора до пристани Симбирскихъ дворянъ, черезъ генералъ-маіора Воейкова, на пароходъ и благодарилъ лично за это мое вѣрноподданническое приношеніе, каковое привѣтствіе Его Высочества я цѣню выше всякой награды.

Сардинія въ эпоху первой Французской революціи.

Письма князя Александра Михайловича Бѣлосельскаго-Бѣлозерскаго, Россійскаго посланника при Сардинскомъ дворѣ, къ вице-канцлеру графу Ивану Андреевичу Остерману *).

1.

Туринъ, 26 Іюня (7 Іюля) 1792 года.

Церемоніймейстеръ его Сардинскаго величества далъ знать письменно иностраннымъ министрамъ, что король, по выѣздѣ своемъ за городъ на мызу, называемую Королевскою Винницею, принимать ихъ не будетъ. Послѣ представленія, учиненнаго Французскому консулу въ Ницѣ, не видны болѣе стали Французскія военныя судна передъ симъ портомъ. Со всѣмъ тѣмъ, сказываютъ, что вооруженія въ Тулонѣ производятся съ бо̀льшею дѣятельностію, нежели прежде. Равно и въ Ницѣ работаютъ день и ночь, не разбирая даже воскресныхъ и праздничныхъ дней, надъ укрѣпленіями, и между прочимъ надъ постройкою печей для раскаливанія ядеръ или брандкугелей. Пребывающій въ семъ послѣднемъ городѣ Французскій консулъ сряжается какъ бы для отъѣзда въ свое отечество по отвѣту, что̀ ожидаетъ изъ Парижа. Извѣстія изъ Франціи отъ 22-го до 30-го Іюня ничего еще такъ громкаго не гласятъ, что̀ бы достойно было или конституціональныхъ или анти-конституціональныхъ буйствъ. Все еще продолжаются дивно-утонченной философіи умозаключенія, которыя тамъ почитаются плодомъ жени **), но въ самой вещи не иное что суть, какъ атеизмъ, матеріализмъ и олигархія, прикрытые личиною красноглагольствія 745-ти сумасшедшихъ, которыхъ невѣжество въ политикѣ до такой надменности дошло, что они почитаютъ себя превыше свѣта дознанной черезъ всѣ вѣки мудрости. 29-го, г. де-Лафаетъ, вдругъ оставивъ свою армію и представъ предъ Національное Собраніе, началъ упрекать его за смуту 20-го дня и за беззаконную терпимость при себѣ Якобинцевъ. Засѣдающіе тутъ Нумы и Солоны, больше похожіе на Англійскихъ жокеевъ, сперва встрѣтили его съ великими рукоплесканіями; но какъ выслушали и выразумѣли его, что онъ все кладетъ на счетъ ихъ терпѣнія (что̀ по совѣсти должны они только класть на свое безсиліе), то подняли шумъ,

---

*) См. вторую книгу Русскаго Архива сего года, стр. 369.

**) Génie, т. е. генія.

ропотъ, гамъ. И такъ, по платью встрѣтили и по уму проводили. Можно предвидѣть однакоже, г. Лафаетъ прямо рѣшился идти на все, только чтобы возстановить порядокъ во Франціи, не въ смыслѣ Французскихъ принцевъ, но въ смыслѣ монархистовъ, которыхъ число несравненно болѣе, даже и между эмигрантами, нежели какъ обыкновенно думаютъ. Въ этомъ имѣю честь увѣрить в. с—во, полагаясь на мои наблюденія, такъ какъ и на неоднократные мои разговоры съ самими эмигрантами. Что касается до самой Франціи, то можно навѣрно положить, что теперь тамъ только двѣ партіи: одна изъ тѣхъ, кои держатся конституціи и которую Якобинцы толкуютъ какъ хотятъ, такъ какъ Испанскіе Доминиканцы толкуютъ нравоученіе инквизиціи; а другая изъ монархистовъ, главою надъ которой (хотя это и очень невѣроятно покажется) поставлю короля, Монмореня, Бретеля и наипаче самую королеву. Ваше с—во около половины Августа сами узнаете, имѣлъ ли я причину такъ думать. Я не знаю, въ угодность ли в. с—ву дѣлаю я, если занимаюсь Французскими дѣлами, и могутъ ли вѣсти мои послѣ Франкфуртскихъ и Брюссельскихъ благопріятны быть со стороны новизны или разсужденія? Я прошу в. с. сдѣлать мнѣ честь увѣдомить, долженъ ли я продолжать трудиться по плану моей ревности или замкнуться въ кружкѣ мелкихъ извѣстій той земли, гдѣ я нахожусь.

2.

Туринъ, 30 Іюня (11 Іюля) 1792 года.

Я уже имѣлъ честь доложить в. с—ву въ свое время, что общій Фрауенфельдскій сеймъ объявилъ вооруженный нейтралитетъ и кордонъ, состоящій изъ 1.400 человѣкъ. Этотъ кордонъ не иное что есть, какъ повѣстка для 60.000 набраннаго уже войска, которые, при помощи сигналовъ, разставленныхъ по всѣмъ Швейцарскимъ высотамъ, могутъ, сказываютъ, вооружиться и выступить въ походъ къ назначенному всѣмъ мѣсту черезъ шесть только часовъ. Замыселъ этотъ тѣмъ болѣе прекрасенъ, что тутъ порядокъ и расторопность совокупно дѣйствуютъ въ воинскомъ урядствѣ. Далѣе, сеймъ этотъ утвердилъ, что, какъ теперь невозможно вывести своихъ войскъ изъ Франціи, то представить королю тѣ трактаты, которыми Гельветическій корпусъ обязанъ не воевать наступательно съ Французами противъ Австрійцевъ, что тамъ Швейцарскія войска исполнить и должны. Въ противномъ же, да еще въ томъ случаѣ, когда они понесутъ какой-нибудь противный своимъ статьямъ поступокъ, повелѣвается имъ силою возвратиться въ свое отечество, которое съ своей стороны не преминетъ прикрывать возвратъ ихъ всѣми нужными мѣрами. Говорятъ, что заподлинно намѣреніе есть возстановить Іезуитовъ въ Пармѣ, Пьяченцѣ, Моденѣ, Миланѣ и даже, какъ увѣряетъ здѣшнее духовенство, въ самой Испаніи. Папа кому-то сказалъ, что философскія начала, колеблющія теперь католическими государствами, должно приписать уничтоженію сего братства. Однако его святѣйшество, видно, не разсуждетъ за благо предложить о томъ самъ, но дастъ знать только изъ-подъ руки Италіанскимъ принцамъ, что

сіе возстановленіе будетъ ему очень пріятно. По примѣру множества Майевъ, которые поставлены были въ Парижѣ передъ Національнымъ Собраніемъ, передъ королевскимъ дворцомъ и передъ всѣми караульнями, чернь во всѣхъ мелкихъ городахъ, примыкающихъ къ Альпамъ, наперерывъ такіе же Маи ставитъ передъ муниципальными домами. На верхушкѣ этихъ деревъ надѣта большая красная шерстяная шапка, коея блистаніе (такъ глаголятъ подневные витіи) помрачаетъ блистаніе коронъ.

Поселянамъ графства Ницскаго и другихъ Пьемонтскихъ округовъ дано повелѣніе вооружиться огнестрѣльнымъ оружіемъ и готовымъ быть къ оборонѣ по первому требованію, подъ именемъ національной милиціи.

Порты Ницскій и Вилла-франкскій приведены въ состояніе отражать недолговременную осаду, тѣмъ больше, что тамошнія воды почитаются неспособными къ удержанію на долгое время непріятельскихъ судовъ въ виду суши. Его величество на винницѣ своей почти никого не принимаетъ по причинѣ малости дома. Принцъ и принцесса Пьемонтскіе переѣхали въ Монпелье. Беременность герцогини Аостской приходитъ къ концу весьма благополучно и составляетъ величайшее удовольствіе всей королевской фамиліи. Дней восемь тому назадъ настали здѣсь несносные жары; мы скоро увидѣть надѣемся Реомюровъ термометръ на 32 градусѣ теплоты.

3.

Туринъ, 21-го Іюля (1-го Августа) 1792 года.

Сыновья графа д'Артуа отправляются сегодня въ дорогу, сколь ни удерживалъ ихъ отъ того Сардинскій король. Они отъѣзжаютъ въ Эвіанъ, Савойскій городокъ, что̀ лежитъ при озерѣ Леманѣ; а оттуда продолжать будутъ путь водою въ Лозанну. Его в—во велѣлъ препроводить къ Лозанскому правителю предъизвѣстительное письмо съ прошеніемъ, чтобы подъ нихъ выслана была вооруженная барка для прикрытія переѣзда. Эта предосторожность тѣмъ болѣе нужна, что тутъ переѣзжаютъ близь Версуа, Французскаго города, коего жители могутъ покуситься на большія наглости. Послѣ объявленія отъ Національнаго Собранія, что отечество находится въ опасности, безчиніе, бѣшенство, необузданность дошли по Французскимъ границамъ до крайности. По всѣмъ городамъ и деревнямъ сего несчастнаго королевства прибиты цыдулки, которыя доказываютъ мучительное его бѣснованіе. Въ нихъ прописано, что каждый Французъ и каждый иностранецъ, путешествующій во Франціи, долженъ впредъ носить трехцвѣтныя кокарды за исключеніемъ однако же пословъ; въ противномъ же случаѣ, кто пойманъ будетъ въ другой кокардѣ, тотъ, какой бы онъ націи ни былъ, долженъ быть заарестованъ въ муниципалитетѣ того мѣста, судимъ и казнимъ смертію. Сумашедшая сцена, происшедшая 22 Іюля въ палатѣ Національнаго Собранія по поводу суда надъ Лафаетомъ, подала новую пищу народному изумленію. Нѣкоторые люди, нарочно Якобинцами разставленные, вдругъ закричали: къ ружью, въ набатъ,

патріотовъ рѣжутъ! Обаятельное слово патріотъ и Якобинецъ произвело обыкновенное свое дѣйствіе и, какъ электрическая искра, подвинуло всѣхъ. Безчисленная сволочь подлости сбѣжалась къ Тюльери и хотя дворецъ этотъ не былъ назначенъ мѣстомъ позорища, со всѣмъ тѣмъ должностію поставлено разломать его двери. Королевская семья опять было сдѣлалась жертвою; но меръ Петіонъ, видно разсчитавши, что злодѣяніе въ томъ случаѣ неприбыльно бы ему было, угасилъ въ самомъ началѣ искру сего новаго бунта. Такое множество злопорядковъ, одни ужаснѣе другихъ, нимало не перемѣнили обыкновенной личины Парижа. Все тѣже забавы, тѣже веселья, тѣже кощунства противъ короля, противъ поставленныхъ властей. Театры также наполнены, какъ и прежде; шинки гобзятъ національными гвардейцами, солдатами, безштанниками; достаточные люди ни о чемъ не думаютъ, а чернь правитъ, обжорствуетъ и выдаетъ законы. Такая безпечность, такое забвеніе объ опасности отечества, происходятъ отъ многихъ причинъ. Во первыхъ, отъ крайней вѣтренности Парижанъ, которыхъ умы, страсти подобно колесу, превратны; отъ ихъ невѣжества столько же непонятнаго въ публичныхъ дѣлахъ, невѣжества соразмѣрнаго съ тѣмъ утвердительнымъ тономъ, съ какимъ они объ нихъ говорятъ, отъ невѣроятной на себя надежности (они въ самомъ дѣлѣ чтутъ себя героями), отъ презрѣнія иностранцевъ, наконецъ отъ утомленности, отъ усталости, въ каковыя обыкновенно впадаютъ духи слабые, легкіе, пылкіе, горячіе, сварливые при видѣ приближающейся и неминуемой бѣды. Во всей Франціи народъ такъ себя ведетъ, какъ бы эта бѣда совсѣмъ была пустая и, допуская нѣкоторое только исключеніе, каждый умствуетъ, мечтаетъ, страшится, угрожаетъ, надѣется, негосируетъ, и все это въ видѣ, въ смыслѣ, въ началахъ революціи, въ то самое время, когда министерство, всѣ извѣстія, цѣлая Европа гласятъ о вооруженіи 300,000 челов. противъ этихъ безмозглыхъ рогатиноносцевъ, коихъ все оружіе состоитъ въ остротѣ, мечтательности и въ объявленіи загадокъ, по мнѣнію ихъ, философскихъ. Непонятнѣе и сего еще есть то, что партія Якобинцевъ, видя невозможность воспротивиться иностранной силѣ, сама разсыпаетъ сѣмена раздора и неподчиненности во Французскихъ арміяхъ. Надобно думать, что это дѣлаетъ она изъ опасности, чтобы Французскія войска, ежели онѣ будутъ въ порядкѣ, не соединились съ иностранными противъ Національнаго Собранія. Въ ожиданіи же этого, Якобинцы внушаютъ черни, что войска измѣнили, или скоро измѣнятъ и что защита отечества зависитъ единственно отъ собственныхъ усилій частно каждаго Француза обоихъ половъ. Можно положить навѣрное, что Французскія войска легко побѣждены и разсѣяны быть могутъ; но весьма чрезвычайно трудно будетъ покорить и преклонить подлый народъ, коего голова запорошилась такими бреднями, коихъ нѣтъ примѣра ни въ какой исторіи человѣческихъ буйствъ. Извѣстія, пришедшія сюда изъ Кобленца, очень любопытны; утверждаютъ, что графъ д'Артуа отчаялся видѣть во Франціи возстановленіе самодержавства и что онъ чрезъ тайныя сношенія

преклоняется къ партіи королевы, Монмореня и Бретеля, т. е. къ той, которая во Франціи хочетъ завести образъ Англійскаго правленія. Военныя приготовленія продолжаются здѣсь все съ такимъ же жаромъ, хотя заемъ денегъ въ Генуѣ набирается не съ такимъ успѣхомъ, съ какимъ бы желательно было. Король часто пріѣзжаетъ въ городъ для присутствія въ Совѣтѣ; но иностранные министры его не видятъ. Марки Герардини, министръ Вѣнскаго двора при здѣшнемъ, вчера возвратился сюда изъ Ломбардіи, гдѣ онъ, съ позволенія, препроводилъ болѣе двухъ мѣсяцевъ.

4.

Туринъ, 21 Іюля (1 Августа) 1792 года.

Французская армія, стоявшая на границахъ Савойи, уменьшилась, такъ что изъ 23 баталіоновъ, ее составлявшихъ, осталось только 20; однако она умножена будетъ новымъ наборомъ національныхъ гвардейцевъ. Эмиграція продолжается во Франціи еще съ бо̀льшею противъ прежняго скоропоспѣшностью. Офицеры, монахи, попы не присягавшіе бѣгутъ со всѣхъ сторонъ. Первые, проходя черезъ земли короля Сардинскаго, идутъ въ Кобленцъ; а вторые расходятся по Савойскимъ деревнямъ, гдѣ имъ опять позволено селиться. Г. Вентимилль, генералъ-поручикъ и кавалеръ Св. Духа, представленъ былъ вчера королю въ качествѣ повѣреннаго въ дѣлахъ Французскихъ принцевъ. Марки Брезе, генералъ-поручикъ Сардинской арміи, сегодня отправился въ Миланъ. Ему приказано осмотрѣть Австрійскихъ войскъ, данныхъ въ королевское расположеніе и коихъ число, по строгому счету, простирается только до 7700 человѣкъ и до 30 пушекъ. На него также возложено учредить какъ маршъ для этихъ войскъ, такъ и доставленіе провіанта и условіе въ случаѣ дезертеровъ. Его Сардинское величество часто настаивалъ объ умноженіи войскъ Австрійскихъ и особенно о прибавкѣ 2000 гусаръ; но до сихъ поръ Вѣнскій дворъ несклоненъ на эту просьбу. Отказъ этотъ нѣсколько огорчаетъ короля противъ Вѣнскаго двора; со всѣмъ тѣмъ не погашаетъ еще его ревности къ теперешнимъ интересамъ Европы. Напротивъ того, еще жаръ его воевать противъ Франціи усиливается, кажется, день отъ дня. Но самая тонкая осторожность прикрываетъ его поступки и чертежи. Изъ оныхъ теперь заключить можно: 1) что онъ лагеремъ поставитъ армію, когда весь хлѣбъ убранъ будетъ съ полей; 2) что онъ данныя въ его распоряженіе Австрійскія войска тогда только двинетъ, когда соединенныя арміи нанесутъ Французамъ нарочитые удары; 3) что онъ раздѣлитъ свои войска на три колонны, въ Понъ-Бовуазень, въ Салюсъ и въ Ницу; что Ницская колонна останется въ оборонительномъ состояніи, потому что въ Провансѣ, землѣ гладкой, не можетъ занять надежно никакого поста; что такое же почти расположеніе будетъ въ разсужденіи корпуса и въ Понъ-Бовуазенѣ, но что Салюскій корпусъ атакуетъ Французовъ для занятія горжей въ Дофинэ, для завладѣнія этою провинціею и для полученія изъ оной хлѣба Савойѣ и въ ней находящимся войскамъ. Скоро наступитъ время, которое не позволяетъ пересылать

туда припасы изъ Пьемонта. Герцогъ Аостскій назначенъ командовать дѣйствующимъ корпусомъ, что̀ въ Сузѣ. Герцогъ Шаблезскій, братъ его величества, будетъ имѣть полную команду надъ корпусомъ что̀ въ Ницѣ.

5.

Туринъ, 28 Іюля (8 Августа) 1792 года.

Что̀ я предсказалъ в. с-ву о Марсели, то такъ и сбылось. Муниципалитетъ этого города опредѣлилъ составить совершенно отдѣльную отъ Французскаго правительства республику. Эзъ и Тулонъ, послѣ нѣкотораго кровопролитія, по поводу сего происшедшаго, туда же пристали. Семь полуденныхъ департаментовъ почти уже совѣщались объявить себя соединенною республикою, которая, начинаясь отъ Воланса, что̀ въ Дофинэ, протягиваться будетъ цѣпью до Бордо. Сіе приключеніе разстраиваетъ случайную систему Сардинскаго двора. Онъ было совсѣмъ думалъ, что, въ случаѣ наступательной войны, найдетъ онъ въ Провансѣ и въ Дофинэ множество роялистовъ. Даже и позволено уже было нѣкоторымъ выселившимся офицерамъ остановиться здѣсь, дабы потомъ помѣстить ихъ въ Сардинскую армію волонтерами. Г. Нарбоннъ-Фицларъ, Французскій генералъ-поручикъ, поставленъ у нихъ здѣсь начальникомъ; но опредѣленное въ Марсели республиканство можетъ отклонить отъ нихъ большое число единомышленниковъ. Г. Монтескье возвратился къ своей арміи, что̀ близъ Гренобля и, повидимому, не участвовалъ въ самовольномъ рѣшеніи города Марселя. Даже кажется, что, послѣ этой поѣздки въ Парижъ, онъ перемѣнилъ систему и присталъ къ партіи монархистовъ.

Армія его Сардинскаго в-ва теперь простирается до 40,000 человѣкъ: 12 тысячъ въ Савойѣ, 7000 въ Ницѣ и одинъ корпусъ отъ 12 до 13,000 человѣкъ собирается близъ Салюса; а прочіе разставлены по крѣпостямъ и важнымъ мѣстамъ въ Пьемонтѣ и Сардиніи. Сверхъ сего, поселяне въ Ницѣ и Пьемонтѣ вооружены для защищенія своихъ жилищъ. Вотъ то, что̀ король могъ только сдѣлать до сихъ поръ, для исполненія тѣснаго обязательства съ Вѣнскимъ дворомъ, который требовалъ отъ него держать себя по крайней мѣрѣ въ благовидной защитѣ. Вооруженіе его в-ва произвело уже въ Парижѣ такое дѣйствіе, какого онъ самъ не чаялъ. Въ полномъ Національномъ Собраніи сказано было, что Сардинскій король угрожаетъ Франціи болѣе нежели 60,000-ою арміею. Такое извѣстіе должно было произвести нарочитую остановку. Но дѣло въ самой вещи идетъ такъ, что ежели власть обстоятельствъ и подвиги герцога Брауншвейгскаго потребуютъ отъ короля плана наступательной войны, то одинъ только Салюскій корпусъ будетъ дѣйствовать. Этотъ корпусъ, соединившись съ Австрійцами, состоять тогда можетъ изъ 21,000 человѣкъ.

6.

Туринъ, 31 Іюля (11 Августа) 1792 года.

Въ Ницу все еще пріѣзжаютъ большими гурьбами попы и монахи, которые бѣгутъ отъ теперешнихъ смятеній во Франціи. Изгнаніе

и смертоубійства производятся тамъ какъ наперерывъ во всѣхъ городахъ и деревняхъ. Въ одномъ только городѣ Ницѣ считаютъ теперь близъ 2000 жертвъ всякаго состоянія, которыя ускользнули отъ такого варварства. Его Сардинское в—во позволилъ самимъ имъ усадьбы въ разныхъ мѣстахъ своихъ владѣній. Вчера держанъ былъ здѣсь чрезвычайный совѣтъ, который состоялъ, подъ предсѣдательствомъ короля, изъ принца Пьемонтскаго, герцога Аостскаго, герцога Монтфератскаго, герцога Шаблезскаго, брата его в—ва, трехъ штатскихъ министровъ и главнѣйшихъ генераловъ, всего на всего изъ тридцати особъ. Дѣло еще до сихъ поръ хранится въ тайнѣ; одно можно положить, почти не опасаясь ошибки, что на ономъ совѣтѣ трактовано было окончательное распредѣленіе войскъ, почти такъ, какъ я имѣлъ честь означить въ послѣднемъ номерѣ моихъ депешъ, развѣ съ прибавкою только войскъ къ находящимся въ Ницѣ. Надобно думать, что умножены они будутъ тремя полками, изъятыми изъ гарнизоновъ разныхъ крѣпостей; а на мѣсто ихъ поставлено будетъ такое же число вооруженныхъ поселянъ, которымъ даны уже и мундиры. Король теперь и самъ чувствуетъ, что такія издержки и поставки на военныя приготовленія весьма изнуряютъ землепахарей и вообще всѣхъ гражданъ, потому что припасы становятся со дня на день дороже. По сей причинѣ его в—во употребляетъ всевозможныя средства для разсѣянія между народомъ необходимыхъ поводовъ и причинъ къ этимъ приготовленіямъ и еще не щадитъ и всякой ласки для утѣшенія своихъ подданныхъ въ жестокости обстоятельствъ. Герцогъ Шаблезскій тотчасъ отправится принять команду надъ войсками, что̀ въ Ницѣ. Проводникомъ данъ ему человѣкъ весьма вѣрный, генералъ Куртенъ, Швейцарецъ. Герцогъ Аостскій вскорѣ выѣдетъ въ Салюсъ ставить лагерь для сбираемаго тамъ корпуса. Графъ де-Сентъ-Андре находиться будетъ при немъ спутникомъ, тайнымъ совѣтникомъ и настоящимъ командиромъ, пока самъ король до случая не пріѣдетъ принять команды. Герцогъ Монтфератскій, сынъ его в—ва, не замедлитъ также выѣхать въ Савойю и принять для виду въ команду тамошнія войска, которыя въ самой вещи состоять будутъ подъ повелѣніемъ графа Лазари. Выборъ сихъ генераловъ вообще одобряется публикою. Поелику эта земля въ самомъ дѣлѣ находится въ опасности, какъ по причинѣ ожидаемыхъ набѣговъ отъ Французовъ, такъ и по мятежнымъ расположеніямъ, хотя и скрытнымъ, Савояровъ: то его в—во заблагоразсудилъ принять гласъ народа въ уваженіе. Сія-то причина побудила здѣшній дворъ перемѣнять неоднократно свои повелѣнія, какъ въ разсужденіи перехода различныхъ войскъ, такъ и смѣны генераловъ, долженствующихъ командовать оными. Это не есть слѣдствіе нерѣшимости, и сильное напряженіе, съ каковымъ Сардинскій король вдругъ возсталъ, при полученіи извѣстія о разрывѣ Франціи и Австріи, отъ состоянія недѣятельности и долговременнаго и счастливаго мира, неоспоримымъ образомъ доказываетъ, что нерѣшимость и безпечность въ сердцѣ его мѣста не имѣютъ.

7.

Туринъ, 11 (22) Августа 1792.

Уже повѣщено было, что дворецъ Тюльери осажденъ будетъ по причинѣ разнесшагося слуха, будто король раздавалъ деньги Швейцарцамъ, которые, напившись пьяны, кричали: Vive le roi, vive Brunswik. Вслѣдствіе сего сдѣланы были къ защитѣ Тюльери распоряженія, коими король доволенъ былъ; но многія непредвидѣнныя причины сдѣлали эти распоряженія ненужными. Тутъ-же вмѣшалась и измѣна. Назначенные къ защищенію дворца канонеры были, между прочими, еще подкуплены; они послѣ перваго выстрѣла разбѣжались. 40 тысячъ человѣкъ, изъ числа которыхъ многіе были національные гвардейцы, приступили ко дворцу съ 18 пушками. Ворота и заборы были разметаны, и дворецъ взятъ былъ силою. Всѣ въ ономъ находившіеся были переколоты или выброшены за окна и побиты на улицѣ. Изъ числа сихъ суть генералъ д'Афри, полковникъ Швейцарской гвардіи, и Бахманъ, его полка маіоръ. Думаютъ, что мадамъ Лямбаль, неразлучная собесѣдница королевы, такой же участи подпала. Дворецъ весь разграбленъ и остался надолго недоможилымъ. Швейцарцы защищались, сколько можно. Издержавъ весь при себѣ порохъ и свинецъ, отступили они въ сады; но были преслѣдуемы и перебиты врозь. Нѣкоторые изъ нихъ, числомъ около 60, сдались и положили ружья; однако, не смотря на то, приведены были на площадь Ля-Гревъ и съ хладнокровіемъ перерѣзаны; да и приказано было, чтобы никого изъ нихъ не опущать, ниже изъ тѣхъ Швейцарцевъ, которые служатъ приворотниками. Число убитыхъ полагаютъ до четырехъ тысячъ. Между защищавшими дворецъ считаютъ 150 однихъ только кавалеровъ Св. Лудовика, до 200 національныхъ гренадеровъ и проч. Опредѣленіемъ отъ 14 числа король изъ Люксембурга переведенъ (по его требованію) въ Тампльвую башню, гдѣ онъ и останется съ фамиліею своею для житья, за присмотромъ и отчетомъ Петіона, пока опредѣлено о семъ будетъ иначе. Въ 83 департамента разосланы курьеры для раздачи повелѣній Народнаго Собранія, такъ какъ и для созыва чрезвычайнаго и немедленнаго всей націи. Новые повѣренные, которыхъ она имѣетъ выбрать, должны явиться въ Парижъ къ 20 числу слѣдующаго мѣсяца, для окончательнаго повелѣнія надъ королемъ. Національное Собраніе отправило также 12 повѣренныхъ изъ своего сословія въ четыре арміи, которые имѣютъ вручить тамъ разныя повелѣнія и судить кого заблагоразсудятъ. Другіе повѣренные отъѣхали въ главные Французскіе города для ободренія Якобинскаго духа; и сказываютъ уже, что почти весь городъ Ліонъ присталъ къ этому клубу, возрастающему ужаснымъ образомъ. Кажется, что какъ въ союзническихъ, такъ и въ эмигрантскихъ арміяхъ, понятія о Парижѣ и о провинціяхъ очень легки. Это доказано наипаче военнымъ поискомъ надъ Ландомъ, въ который городъ г. Кюстинъ вошелъ съ 1000 человѣкъ подмоги. Принцъ де-Конде увѣрялъ, будто имѣетъ доброжелателей себѣ въ

этой крѣпости, но на дѣлѣ не такъ оказалось. Даже хотя бы эмигранты имѣли и много единомышленниковъ во Франціи, то пользы мало: они нигдѣ сойтись не могутъ, они разтасованы по всей Франціи, они разлучены страхомъ или междоусобіями. Впрочемъ же они совершенно извѣстны Якобинской партіи и, при малѣйшей неосторожности, побиваются. Въ ближнихъ къ Парижу департаментахъ кровь проливается, такъ какъ и въ Парижѣ. Напротивъ того, сословіе Якобинцевъ все держится величайшаго единомыслія и глубокой политики. Его сравнить можно съ обществомъ Іезуитовъ. При первомъ знакѣ генерала, который теперь есть этотъ пресловутый Петіонъ, цѣлый милліонъ исполненныхъ отважности, краснорѣчія и проворства людей зашевелится по всѣмъ ущеліямъ Франціи, и производимое ихъ напряженіемъ движеніе дѣлается всеобщимъ почти. Кажется, что манифестъ герцога Брауншвейгскаго вышелъ слишкомъ скоро, и, можетъ быть, тонъ въ немъ таковъ, что вмѣсто того чтобы поразить, подвинулъ онъ заводчиковъ мятежа къ чрезвычайному остервененію и отчаянію. Покореніе Французовъ становится отъ того нѣсколько недоумительнымъ. Онъ навѣрно побѣдитъ встрѣтившіяся ему на пути арміи; но можетъ ли имѣть всегда такуюже удачу при укрѣпленныхъ городахъ, а особливо когда будетъ сражаться съ гурьбами отъ отчаянія остервенившагося народа? Пишутъ изъ Парижа, что за голову императора, короля Прусскаго, его дѣтей, герцога Брауншвейгскаго и всѣхъ выселившихся Французскихъ князей, положена цѣна. Оцѣнка головы короля Сардиніи еще не обѣщана, по той причинѣ, что неизвѣстно, куда онъ наклонится. Это предложеніе сдѣлано въ тайнѣ и утверждено, сказываютъ, въ Якобинскомъ клубѣ. Выходъ публичнымъ листамъ изъ Парижа теперь запрещенъ, контора аристократическихъ газетъ сожжена и Серизье, сочинитель газеты «Universelle», повѣшенъ.

8.

Туринъ, 11 (22) Августа 1792.

Здѣсь ожидаютъ съ нетерпѣніемъ, какую сторону приметъ Гельветическій корпусъ, по полученіи извѣстія о убійствѣ Швейцарцевъ въ Парижѣ. Поговариваютъ о собраніи новаго всеобщаго сейма; однакоже послѣдствіе онаго, кажется мнѣ, кончится не въ общій интересъ Европы. Бернскій кантонъ, имѣющій предъ прочими наибольшую силу при совѣтованіяхъ Гельветическаго корпуса, по полученіи Эрнестскаго полка себѣ обратно, не охотно вмѣшивается во Французскія дѣла. Ужасное происшествіе, случившееся въ Парижѣ, разстроило многіе богатые дома въ Женевѣ, отъ чего заемъ на счетъ его Сардинскаго величества встрѣчаетъ новыя препятствія. Король разослалъ новыя повелѣнія къ генераламъ трехъ своихъ армейскихъ корпусовъ. чтобы они усугубили осторожность и осмотрительность въ разсужденіи Французскихъ границъ, чтобы никакъ не плошали, но также и чтобы отражали силу силою. Но хотя примѣчаются ежедневно движенія въ походахъ Сардинскихъ войскъ и во всѣхъ военныхъ приготовленіяхъ, со всѣмъ тѣмъ я все остаюсь на прежней моей мысли,

которую я уже прежде имѣлъ честь подвергнуть изслѣдованію в. с—ва, т. е. что этимъ лѣтомъ миръ, сколько онъ ни удобопревратенъ, разорванъ не будетъ, если только сами Французы не задерутъ своими набѣгами на земли короля Сардинскаго, что̀ кажется невѣроятнымъ. Австрійскій корпусъ, находящійся въ расположеніи здѣшняго двора, еще не получилъ повелѣнія выступить, да и квартиры ему въ Пьемонтѣ еще не назначены.

9.

Turin, ce 14 (25) d'Août 1792.

Les cassetes du roi et de la reine de France ont été ouvertes à l'Assemblée Nationale. On va imprimer toutes les lettres qui s'y trouvent et les transformer en crime de lèse-nation. Les députés de l'Assemblée Nationale arrivés à l'armée de m-r Montesquieu ont destituées plusieurs officiers à la volonté des soldats, et ceux-ci ont été autorisés à nommer d'autres à leurs places. M-r de Montesquieu vient de former deux camps, l'un aux environs du Pont Beauvoisin et l'autre au fort de Barrau, chacun de 9 à 10 mille hommes; mais il y règne déjà, à ce qu'on dit, beaucoup de maladies *).

10.

Туринъ, 21 Августа (1 Сентября) 1792.

Французская эскадра, состоявшая изъ одного корабля въ 84, изъ двухъ фрегатовъ 40 пушекъ, изъ бригантины и катера, всякій почти день показывается въ виду Ницы. Французскій консулъ, на вопросъ по сему, все одно отвѣчаетъ, что онъ не знаетъ причины. Я думаю, что это можно отнести къ пронесшемуся въ Марсели слуху, будто Неаполитанская эскадра уже вышла въ море для поисковъ надъ Французами и будто она получила позволеніе приставать къ Ницскому или Виллафранкскому портамъ. Парижскіе Якобинцы отложили организацію полуденной республики до времени, пока узнаютъ, чѣмъ рѣшится участь столицы и короля. Вслѣдствіе сего Марсель и приставшіе къ оному города еще продолжаютъ составлять членъ Французской монархіи, пока Петіонъ, который теперь кажется быть регентомъ оной, даетъ вещамъ новый видъ. В. с—во навѣрно изволили получить достаточное извѣстіе чрезъ Франкфуртскія и Брюссельскія письма о происшествіяхъ въ Парижѣ и на сѣверной границѣ; по моему обыкновенію и по положенію моего отдаленнаго мѣста, могу я, можетъ

*) Переводъ. Туринъ, 14 (25) Августа 1792. Шкатулки короля и королевы Французскихъ были вскрыты въ Народномъ Собраніи. Напечатаютъ всѣ находящіяся въ нихъ письма и придадутъ имъ такое значеніе, что они оскорбительны для величества народнаго. Выборные отъ Народнаго Собранія, прибывъ въ армію Монтескье, по волѣ солдатъ отрѣшили многихъ офицеровъ и предоставили солдатамъ опредѣлить другихъ на мѣсто прежнихъ. Монтескье учредилъ два лагеря, одинъ въ окрестностяхъ Понъ-Бовуазеня, а другой у крѣпости Барро, въ каждомъ отъ 9 до 10 тысячъ человѣкъ; но говорятъ, въ нихъ уже распространено много болѣзней.

быть, только прибавить къ нимъ нѣкоторое разсужденіе. Въ Парижѣ взято подъ караулъ множество людей обоего пола королевской партіи; теперь надъ ними производится судъ въ военной палатѣ. Мадамъ де Лямбаль, напрасно причтенная къ числу убитыхъ 10-го Августа, допрашиваема была уже два раза; всѣ жены и дѣти эмигрантовъ забраны въ залогъ; а между тѣмъ Парижская чернь, въ ожиданіи опредѣленія сего страшнаго суда, ставитъ висѣлицы на площадяхъ. Не смотря на то, что многія важныя письма найдены въ шкатулкѣ ихъ величествъ и представлены предъ судомъ Національнаго Собранія, я думаю, что низверженіе короля ухищреніемъ политики не сбудется. А вотъ для чего: ниспадшій король, очутившись простымъ гражданиномъ во Франціи, не будетъ натурально за стражею, однакоже станетъ въ Европѣ носить свой священный и неизгладимый характеръ и черезъ это у возмутителей все отнимать будетъ одно изъ самыхъ большихъ пособій къ случайной негоціаціи съ княземъ Брауншвейгскимъ. А теперь, въ положеніи аманатства почти, будучи не только самъ онъ, но королева и дофинъ поминутною жертвою закланія, король дѣлается средоточіемъ всеобщаго вниманія. Ежели герцогъ, наконецъ, осадитъ Парижъ, то извергамъ все еще останется средство отозваться, чтобы онъ любое избиралъ: или жизнь, или смерть трехъ королевскихъ особъ. Изъ сего, мнѣ кажется, выходитъ нѣсколько важныхъ политическихъ вопросовъ: будетъ ли продолжать герцогъ Брауншвейгскій предпринятый подвигъ, зная заподлинно неминуемую бѣду сей порфирородной троицы, подъ однимъ своимъ предлогомъ, что все еще останутся члены государевой фамиліи? Пожертвуетъ ли онъ вѣнценосными главами за ихъ наслѣдниковъ, или не осмѣлится ли онъ взять на себя такой необъятный отчетъ, или откроетъ онъ путь къ переговорамъ? Ежели-же посредники не сыщутся, то съ кѣмъ онъ будетъ говорить? Ежели вступитъ онъ въ переговоры съ Національнымъ Якобинскимъ Собраніемъ, то не признаетъ ли онъ на самомъ дѣлѣ законность онаго? А въ такомъ случаѣ какой образъ правленія останется во Франціи? Каждый день имѣю я удовольствіе слышать вокругъ меня, какъ люди сравниваютъ манифестъ герцога Брауншвейгскаго съ вышедшимъ для Польши манифестомъ же *). Правду сказать, что тотъ произвелъ совсѣмъ противное дѣйствіе въ сердцахъ Французовъ: вмѣсто страха, остервененіе. Они же его протолковали и довели до того, что будто имъ только и осталась одна альтернатива: или быть совсѣмъ истребленными отъ иностранцевъ, или уничтожить королевскую династію и преобразить Францію въ республику федеративную. Лафаетъ объявленъ измѣнникомъ отечества, почему и дано повелѣніе выдать его живаго или мертваго. Онъ, сказываютъ, ускользнулъ и ушелъ изъ своей арміи, со всѣмъ маіорскимъ штатомъ, въ Голландію. Видно, что ему придется кончить свою щекотливую славу въ Американскихъ степяхъ.

*) Екатерина выдала передъ тѣмъ манифестъ, разосланный ко всѣмъ державамъ, о причинахъ вступленія Русскихъ войскъ въ Польшу (на помощь Тарговицкой конфедераціи). *П. Б.*

Непонятная на себя надѣятельность согнала Французовъ къ Парижу въ такомъ состояніи, что они не имѣютъ самыхъ нужныхъ къ своей защитѣ вещей. Арсеналъ, говорятъ, почти весь опорожненъ, и всѣ военныя потребности въ такой же бѣдности. Но съ другой стороны и то правда, что весь народъ стоитъ какъ на караулѣ съ пѣною у рта. Мудрено будетъ его побѣдить теперь совершенно и привесть предпріятый покой. Особенныя извѣстія отъ корпуса герцога Брауншвейгскаго предаютъ, что онъ взялъ Сиркъ, маленькую крѣпость, послѣ довольно сильнаго сопротивленія и что онъ разорилъ жителей. Въ нихъ же находятся анекдоты, которые, ежели справедливы, то достойны вашего вниманія. Сказываютъ, будто герцогъ выговаривалъ принцу де-Конде за то, что онъ присовѣтывалъ ему издать толь жестокій манифестъ, и что онъ обнадежилъ его, будто найдетъ вездѣ доброжелателей, имѣющихъ способствовать ему въ завоеваніи, а какъ сей послѣдній отвѣчалъ колко и съ пренебреженіемъ, то онъ приказалъ ему быть подъ арестомъ на 24 часа; будто графъ д'Артуа, пришедшій для отмѣны этого приказа, ничего не могъ сдѣлать и вышелъ очень золъ и до такой крайности, что, встрѣтивъ офицера, котораго онъ всегда удостоивалъ своей довѣренности, но который на этотъ случай не одного былъ съ нимъ мнѣнія, вдругъ изъуздился и далъ ему пощечину.

11.

Туринъ, ce 21 d'Août (1 Septembre) 1792.

M-r de la Fayette s'est enfui en Hollande. On l'appelle à Paris le singe de Cromwel. Il a mis un moment la ville de Sédan dans une insurrection complète contre les décrets du 10 et la Convention Nationale. Cette commotion n'a pas été de durée, et la municipalité de cette ville vient de s'humilier de nouveau aux pieds de l'Assemblée qui soutient, comme tout le monde croit, avec une herculéenne dignité le fardeau de l'état. Elle a fait le serment actuel de mourir pour la liberté et l'égalité. Il n'y a que Strasbourg qui s'oppose au nouvel état des choses, qui tient encore à l'ancien serment de la constitution, et personne ne se souvient de plus ancien de tous. Tous les départements ont envoyé leurs adhésions aux nouveaux décrets des Jacobins, absolument attentatoires à la constitution dont m-r de la Fayette était le Coriphée. Aussi son intrigante défection a-t-elle excité la plus extrême indignation à l'Assemblée. On y a arrêté que sa maison sera rasée, et que sur le sol de la demeure de ce traître (hier le meilleur des citoyens), il sera élevé une colonne où seront inscrits ses crimes (avant hier les vertus).

Le général Arthur Dillon et le maréchal Luckner, si vantés pour leur patriotisme, ont été soupçonnés d'en être devenus las et viennent d'être rappellés du commandement en chef des armées. Le premier se plaint hautement de cette injustice; le second en est heureux tout bas et a pris le chemin de Hambourg, sa patrie. Kellerman lui

succède dans le commandement, ainsi que le duc de Biron à m-r Dillon. L'Assemblée a décrété un projet d'adresse aux puissances de l'Europe qui sont neutres à l'égard de la France. Pour entretenir leurs liaisons on y disculpe auprès d'elles la nation française que des relations calomnieuses pourraient représenter comme livrée à l'anarchie, tandis qu'elle déploye, avec un ordre parfait et un accord sans exemple, toute la force d'un peuple magnanime et généreux. Cette adresse honorera l'Espagne, le Portugal, l'Angleterre, la Suisse, la Hollande dont l'ambassadeur reste encore à Paris, Venise, Gênes, le Danemark, la Suède, la Saxe, les Villes Anséatiques et quelques princes de l'empire de l'Allemagne, et ne fera pas cet honneur là aux souverains qui sans être déclarés contre, ont l'air d'y penser. Cependant la cour de Londres a fait dire à Paris qu'elle ne croit pas enfreindre les sentiments de la plus entière neutralité, en réclamant toute sûreté pour Louis XVI et sa famille, en témoignant qu'elle s'attend à voir ces augustes personnes à l'abri de toute violence qui ne manquerait pas d'exciter une indignation universelle. Je viens d'apprendre qu'on a arrêté 700 mille livres qui émigraient à la suite de m-r de Lafayette. Si cet argent, comme on le pense, était de la caisse militaire, il n'y a pas plus de civisme que de délicatesse, et les vers de m-r Voltaire reviennent aujourd'hui trop souvent à la mémoire.

„Je vois, de tous côtés, la fourbe et la fureur".

L'Assemblée est résolue de porter différents décrets extraordinaires avant de faire place à la Convention Nationale fixée au 20 de Septembre, tels que sur la vente des biens de l'ordre de Malte, de ceux des émigrés, de la déportation des prêtres non assermentés etc., etc., et probablement elle en aura tout le temps. La malheureuse ville de Paris est dénuée comme un désert depuis les événements du 10. Le nombre des tués au siège des Tuilléries est porté à cette heure à six mille. Tous les étrangers sont partis. Il n'y reste guerre que l'ambassadeur d'Hollande, le chargé d'affaires de Turin et notre prêtre avec sa famille. L'ambassadeur d'Angleterre est de retour chez lui, celui de Venise allait le suivre, mais ayant été soupçonné, avec raison, amener des émigrants français, couverts de sa livrée, il a été arrêté et ramené à Paris. L'obstacle a été bientôt levé, mais il a été obligé de diminuer beaucoup de la suite qui était d'abord au nombre de quarante valets vrais ou supposés. Après le paroxysme du 10, la tranquillité est rétablie en apparence; le calme et le silence règnent à Paris; mais c'est le silence des cimetières où les cadavres sont couchés côte à côte, et ou les vivants ne se promènent qu'en réflechissant avec amertume que le même sort les attend. Le roi et sa famille sont dans une vieille tour au château du Temple; ils n'ont plus ni chevaliers, ni dames, ni valets de chambre pour les servir. La municipalité a

donné deux laquais au roi et quelques servantes à la reine et à ses enfants. Tout ce qui les entourait, hommes et femmes, sont dans la prison de l'Hôtel de Laforce. La garde nationale veille à la porte de leurs obscurs appartements. Les murs ont des oreilles autour d'eux. La fermeté de la reine succombe à tant d'indignités: elle souffre des violents maux de nerfs. L'heureuse apathie du roi le soutient. Ce qui le peine davantage c'est de n'avoir pas son confesseur ordinaire à son côté, mais ils oublie tous ces chagrins à ses repas. Madame Elisabeth, ayant toujours montré une grande fermeté et toute la dignité du malheur, ayant l'âme pure comme un diamant et une conscience sans la moindre reproche dans ces temps si difficiles, attend sa délivrance ou sa destruction avec une quiétude presque consolante pour sa famille. Elle a trouvé le secret, par sa noble conduite, de se faire respecter même par les démagogues. Elle ordonne et se fait obéir dans sa captivité. En dernier lieu, le roi s'étant plaint de l'obscurité de ses appartements, elle a fait sur-le-champ aggrandir toutes les fenêtres, et quand elle s'y montre, les gens du peuple ôtent leurs chapeaux en passant.—Tel est le résultat d'une conversation que j'ai eu hier avec un noble Gênois, qui revient, ou qui se sauve de Paris.

P. S. M-r de Zinowiew, ministre de l'Impératrice à Madrid, est ici depuis quelques jours. Je l'ai présenté au roi, à sa famille, à madame et à madame la comtesse d'Artois; il compte aller d'ici à Pise pour prendre les eaux *).

---

*) *Переводъ*. Туринъ, 21-го Августа (1-го Сентября) 1792 г. Господинъ де-Лафайетъ бѣжалъ въ Голландію. Въ Парижѣ его зовутъ обезьяною Кромвеля. Въ городѣ Седанѣ онъ произвелъ было полное возмущеніе противъ постановленій 10-го числа и Народнаго Конвента. Но возбужденіе продолжалось не долго, и муниципалитетъ этого города снова раболѣпствуетъ Народному Собранію, которое, по общему мнѣнію, несетъ на себѣ съ Геркулесовскимъ достоинствомъ всю тяжесть государства. Седанъ принесъ нынѣшнюю присягу умирать за свободу и за равенство. Только одинъ еще Страсбургъ противится новому порядку дѣлъ и держится прежней конституціонной присяги. А о присягѣ самой прежней никто и не думаетъ. Изъ всѣхъ департаментовъ прислано согласіе на новыя Якобинскія постановленія, открыто посягающія на конституцію, коей Лафайетъ былъ корифеемъ. Поэтому коварное бѣгство сего послѣдняго возбудило въ Народномъ Собраніи крайнее негодованіе. Постановили снести съ лица земли его домъ; на мѣстѣ, гдѣ жилъ этотъ измѣнникъ (вчера лучшій изъ гражданъ), воздвигнется колонна, на которой будутъ прописаны его преступленія (вчерашнія добродѣтели). Генералъ Артуръ Диллонъ и маршалъ Люкнеръ, столь прославленные за свою любовь къ отечеству, подозрѣваются въ томъ, что любовь эта имъ надоѣла, и потому у нихъ отнимаютъ главное начальство надъ арміями. Первый изъ нихъ громко жалуется на такую несправедливость, а второй втихомолку радуется и направился къ Гамбургу, своему родному городу. Его мѣсто заступаетъ Келлерманъ, а мѣсто Диллона—герцогъ Биронъ. Народное Собраніе опредѣлило составить проектъ

12.

Turin, ce 25 d'Août (5 Sept). 1792.

On écrit que trois guillotines sont établies d'une manière permanente sur la place du Caroussel. On appelle guillotine une machine avec un fer suspendu extrêmement tranchant, qui coupe de lui-même une tête sans que le bourreau se donne la moindre peine. Elle a été inventée par un médecin, nommé Guillotin. Le chevalier d'Aigremont vient de subir cet ingénieux supplice pous avoir enrôlé du monde à l'armée des émigrés. On dit que m-r de Montmorin, cousin de l'ex-ministre, doit l'éprouver aussi sous peu de jours et que plusieurs autres victimes dévouées au parti de leurs majestés seront sacrifiées de même. Un poëte, nommé du Rosoi et qui a été autrefois gouverneur d'enfants en Russie, a été condamné à perdre la tête, pour

---

адреса къ Европейскимъ державамъ, которыя сохраняютъ нейтралитетъ относительно Франціи. Въ этомъ адресѣ, для поддержанія сношеній, Французскій народъ оправдывается противъ клеветниковъ, которые могли разгласить про него, будто онъ преданъ безначалію, тогда какъ онъ обнаруживаетъ, съ сохраненіемъ полнаго порядка и съ безпримѣрнымъ единодушіемъ, всѣ силы націи благородной и великодушной. Такого адреса удостоены будутъ Испанія, Португалія, Англія, Швейцарія, Голландія (посланникъ которой до сихъ поръ еще остается въ Парижѣ), Венеція, Генуя, Данія, Швеція, Саксонія, Ганзеатическіе города и нѣкоторые князья Нѣмецкой имперіи. Честь сія не будетъ оказана тѣмъ государямъ, которые хотя себя и не объявили противъ, но подозрѣваются въ томъ. Однако Лондонскій дворъ далъ знать въ Парижъ, что онъ не нарушитъ полнѣйшаго нейтралитета, но потребуетъ полной обезпеченности для Людовика XVI и его семейства, и выражаетъ надежду, что сіи августѣйшія лица будутъ находиться въ безопасности отъ всякаго насилія, каковое будетъ встрѣчено всеобщимъ негодованіемъ. Я узналъ, что захвачено 700 тысячъ ливровъ, которые увозились вслѣдъ за Лафайетомъ. Говорятъ, будто это деньги изъ полковаго казначейства; если это такъ, то тутъ нѣтъ ни гражданскаго, ни благороднаго чувства, и въ эти дни мнѣ слишкомъ часто приходитъ на память стихъ Вольтера: «Вижу со всѣхъ сторонъ плутню и бѣшенство». Народное Собраніе рѣшилось выдать нѣсколько чрезвычайныхъ постановленій, прежде 20-го Сентября, когда оно должно будетъ уступить мѣсто Народному Конвенту: таковы продажа имущества Мальтійскаго ордена, имущества эмигрантовъ, ссылка неприсягнувшихъ священниковъ и проч.; по всему вѣроятію оно будетъ имѣть для того время. Несчастный Парижъ послѣ событій 10-го числа сталъ походить на пустыню: число убитыхъ при осадѣ Тюльери насчитываютъ теперь до 6.000. Всѣ иностранцы выѣхали; остаются только посланникъ Голландскій, повѣренный въ дѣлахъ Туринскій и нашъ священникъ съ своей семьею. Англійскій посланникъ возвратился домой; тоже хотѣлъ сдѣлать и Венеціанскій, но какъ его заподозрили, что съ нимъ ѣдутъ Французскіе эмигранты, переодѣтые въ его ливрею (что́ и дѣйствительно было), то онъ задержанъ и привезенъ назадъ въ Парижъ. Препятствія были скоро устранены, но онъ принужденъ былъ значительно сократить

avoir intrigué en faveur des princes; mais il s'est avisé d'un très-singulier moyen pour suspendre au moins le jour de son exécution. Il a écrit à l'Assemblée qu'elle devrait abolir la peine de mort à l'égard des vieillards comme lui, pour éprouver sur eux l'ingénieuse invention de la transfusion du sang d'un jeune animal dans les veines d'un viel homme; qu'il s'offrait le premier à cette expérience délicate afin d'être utile à l'humanité de toutes les manières possibles. Ensuite il a traité l'Assembleé de fontaine de jouvence, et dit que comme le chirurgien national doit naturellement être plus dextre que tous les anciens chirurgiens du roi, il devra aux augustes représentants non seulement la vie, mais aussi le retour de toutes les grâces de l'adolescence *).

число своихъ сопутниковъ, между которыми сначала было 40 человѣкъ лакеевъ, настоящихъ или подставныхъ. Послѣ припадка 10-го числа, порядокъ, повидимому, возстановился; тишина и молчаніе господствуютъ въ Парижѣ, но это молчаніе кладбища, на которомъ трупы лежатъ одинъ возлѣ другаго, а живые люди ходятъ удручаемые мыслію, что ихъ ждетъ таже участь. Король и его семейство находятся въ старой башнѣ замка Тампль; при нихъ нѣтъ ни кавалеровъ, ни дамъ, ни камердинеровъ для услуженія. Городское управленіе дало двухъ лакеевъ королю и нѣсколько человѣкъ служанокъ королевѣ и ихъ дѣтямъ. Все, что́ ихъ окружало прежде, мущины и женщины, заключено въ темницу въ отели Лафорсъ. Народная стража поставлена у дверей ихъ мрачныхъ покоевъ. Самыя стѣны подслушиваютъ ихъ. Твердость духа королевы не выноситъ такихъ уничиженій: она страдаетъ отъ сильныхъ нервныхъ болей. Короля поддерживаетъ его счастливое равнодушіе. Наиболѣе огорчаетъ его то, что съ нимъ нѣтъ его обыкновеннаго исповѣдника; но когда онъ кушаетъ, то забываетъ всѣ эти горести. Мадамъ Елизаветъ, всегда отличавшаяся великою твердостію духа и сохраненіемъ достоинства въ несчастіи, имѣя душу чистую какъ брилліантъ и совѣсть безъ малѣйшаго упрека, въ эти тяжкія времена ждетъ своего освобожденія или своей гибели съ спокойствіемъ, которое служитъ нѣкоторымъ утѣшеніемъ для остальнаго семейства. Благороднымъ образомъ дѣйствій своихъ она очаровываетъ даже и демагоговъ. Въ заточеніи своемъ владѣетъ она тайною заставлять себя слушаться. Недавно король жаловался, что комнаты его темны; она тотчасъ приказала передѣлать и увеличить окна, и когда она передъ ними показывается, проходящій народъ снимаетъ шляпы. Все это я узналъ изъ разговора съ однимъ благороднымъ Генуэзцомъ, который возвращается или, вѣрнѣе, спасается изъ Парижа. Здѣсь нѣсколько дней г-нъ Зиновьевъ, министръ Императрицы при Мадридскомъ дворѣ. Я его представлялъ королю, его семейству, королевѣ и графинѣ д'Артуа; онъ думаетъ ѣхать отсюда въ Пизу на воды.

*) Переводъ. Туринъ, 25-го Августа (5-го Сентября) 1792 г. Пишутъ, что на Карусельской площади устроены три постоянныя гильотины. Гильотиною называютъ машину съ висячимъ остріемъ, которое падая однимъ разомъ отрѣзываетъ голову, такъ что палачу при томъ нѣтъ никакого труда. Она изобрѣтена врачемъ по имени Гильотенъ. Шевалье Дегремонъ потерпѣлъ эту замысловатую казнь за то, что набиралъ людей въ армію эмигрантовъ.

13

Туринъ, 25 Августа (5 Сентября) 1792 г.

26 Августа Національное Собраніе подтвердило неслыханный военный проэктъ противъ королей и непріятельскихъ предводителей. 1200 волонтеровъ, подъ именемъ т и р а н и с и д ъ, хотятъ подъ клятвою идти для умерщвленія ихъ всѣми возможными средствами. Кинжалы и пистолеты будутъ ихъ оружіемъ *). Дѣло уже было шло о назначеніи жалованья этимъ 1200 извергамъ; но, по представленію трехъ депутатовъ, что этотъ способъ навлечетъ адскую войну, собраніе отослало опредѣленіе оное на разсмотрѣніе комитета. Жители департамента Жюра, думая, что примѣчаемыя въ Швейцаріи движенія могутъ быть непріятельскими, выслали большую часть своей черни на границу; они не просятъ войскъ, надѣясь сами собою сдѣлать отпоръ нападеніямъ Швейцарцевъ. Изъ Берна пишутъ, что Эрнестскій полкъ съ двумя стами, не помню, другаго какого-то полка, получилъ повелѣніе идти въ Порантрю, выжить наконецъ Французскія войска, которыя тамъ давно находятся. Якобинцы совокупились съ новыми силами, и вотъ смыслъ адресовъ, чтò они распустили въ народѣ: «Ежели не поспѣшите погубить вашихъ непріятелей, то они васъ погубятъ. Ежели убоитесь вы смерти, то пропадете всѣ. Напротивъ того, ежели вы ее презрите, ежели пойдете ей навстрѣчу, то большинство все при насъ останется: потому что пусть непріятель искуснѣе, но мы многочисленнѣе и храбрѣе. Мы будемъ сражаться за нашихъ женъ, дѣтей, и въ ряду съ ними. Ежели хотя положить, что каждый Нѣмецкій солдатъ убьетъ пятерыхъ Французовъ, то самъ не уцѣлѣетъ отъ шестаго. Эта побѣда, можетъ, стоитъ намъ будетъ милліона людей; но за то непріятельская армія вся разсыпется. Теперь надобно

Говорятъ, что черезъ нѣсколько дней такой же казни подвергнется Монморенъ, двоюродный братъ бывшаго министра, и что таже участь ожидаетъ многихъ другихъ людей, приверженныхъ къ ихъ величествамъ. Одинъ поэтъ, по имени Розуа, бывшій нѣкогда въ Россіи гувернеромъ, осужденъ на лишеніе головы за происки въ пользу принцовъ; но онъ придумалъ весьма странное средство, чтобы по крайней мѣрѣ отсрочить день своей гибели. Въ письмѣ къ Народному Собранію онъ заявилъ, что слѣдуетъ отмѣнить смертную казнь для такихъ, какъ онъ, стариковъ, дабы испробовать надъ ними замысловатую выдумку переливанія крови изъ молодаго животнаго въ жилы стараго человѣка и что онъ первый предлагаетъ себя для произведенія такого тонкаго опыта, имѣя въ виду всѣми способами оказать пользу человѣчеству. Потомъ онъ приписывалъ Народному Собранію свойства такъ называемаго ключа молодости (fontaine de jouvence), говоря, что хирургъ народный долженъ быть безъ сомнѣнія искуснѣе всѣхъ прежнихъ королевскихъ хирурговъ, и что такимъ образомъ онъ будетъ обязанъ августѣйшимъ представителямъ народа не только жизнію, но и тѣмъ, что снова попользуется всѣми утѣхами молодости.

*) Тогда и въ Россію поѣхалъ съ умысломъ на жизнь Екатерины нѣкто Басевиль. (См. Храповицкаго, подъ 8-мъ Апрѣля 1792). *П. Б.*

знать, чего вы неотмѣнно хотите? Того ли, чтобы Франція была населенною 24 или только 23 милліонами жителей? Въ первомъ случаѣ народъ истребленъ будетъ весь, во второмъ — 23 милліона спасутся и останутся вольными. Теперь уже вы сами примѣтить можете, что собраніе для конституціи васъ обольстило и что законодательное спасти васъ не можетъ; и такъ осталось вамъ только объявить, что народъ силу самодержавія, объявленіемъ правъ утвержденную, возвращаетъ къ себѣ опять, какъ дѣло такое, которымъ собранію совладѣть нельзя. Когда же самодержавіе единожды присвоено народомъ будетъ себѣ, то не останется никакой другой власти, кромѣ сопряженной съ первобытными сеймами; самое Національное Собраніе не иначе будетъ продолжать какую нибудь власть, какъ по мѣрѣ вашей довѣренности. Но какъ отечество находится въ опасности, то не отмѣненъ срокъ созвать общенародное сословіе, которое имѣетъ преобразить всю машину правленія. Почему и нужно сыскать всевозможныя средства, удаляющія развратъ отъ онаго, превратить исполнительную силу и обуздать Національное Собраніе. Это вѣнценосное сословіе имѣетъ судить короля, который намъ измѣнилъ, вслѣдствіе чего всѣ публичные чиновники, поставленные королемъ, удалены быть должны отъ первобытныхъ сеймовъ, такъ какъ и всѣ вообще избирательные корпуса. Добровольные же выборы производимы будутъ народомъ, всѣмъ народомъ, никѣмъ другимъ кромѣ народа. Легко можно подкупить въ какомъ нибудь департаментѣ триста или четыреста изборщиковъ; но подкупить 80 тысячъ —это дѣло несбыточное».

Вотъ тактика, за которую принялись Якобинцы для произведенія новаго народовозстанія, для уничтоженія конституціи 1789 года и для основанія новаго безпорядка, въ чемъ уже они по большей части успѣли. Ежели позволено прорекать въ такихъ замѣшанныхъ дѣлахъ, то по присловицѣ милорда Чатама: настоящее чревато будущимъ, скажу я, что герцогъ Брауншвейгскій, правда успѣхами своими хотя можетъ отвести въ сторону принятыя Французскимъ народомъ мѣры, но будетъ ли онъ въ состояніи ихъ уничтожить? Возстановить силою монархическое урядство, предполагаемое въ его манифестѣ, теперь уже поздно; а дожидаться того, чтобы этотъ народъ, образумившись отъ опустошающаго его состоянія, самъ началъ стараться о возстановленіи своего порядка, то еще рано. Да хотя бы предположить, что герцогъ Брауншвейгскій навѣрно сломитъ сумашедшую борзость Французскаго народа и что возвратитъ хотя тѣнь сего толь желаннаго покоя для всѣхъ: то на долго ли это продолжится? Надѣется ли онъ справедливо, такъ какъ говорятъ эмигранты, пробыть одну только зиму во Франціи для успокоенія ея? И двухъ и трехъ лѣтъ на то мало.

14.

Туринъ, 1 (12) Сентября 1792 г.

2-го Сентября произошла въ Парижѣ новая, а не послѣдняя катастрофа. Гонецъ отъ Люкнера прискакалъ съ извѣстіемъ, что обложенный непріятелями городъ Вердюнъ не выдержитъ и 8 дней осады.

Повсюду разошлись слухи. Народъ возсталъ. Забили въ набатъ. Ужасная толпа заклокотала: насъ грозятъ рѣзать, такъ предупредимъ мщеніемъ! Изверги пустились по всѣмъ темницамъ, разломали у всѣхъ двери и, составя между собою уродственное судилище, казнили и жаловали, какъ въ буйную голову попадалось. Демократовъ освободили, а прочихъ всѣхъ безъ изъятія перекололи штыками. Сколь ни старались нѣкоторые депутаты спасти нѣсколькихъ заключенныхъ, какъ-то: двухъ Монморенъ, мадамъ Турсель съ дочерью, гофмейстерину дофина и мадамъ Лямбаль, принцессу крови его Сардинскаго величества, но было тщетно. Всѣ они перерѣзаны. Число можетъ простираться до 2000. Голова мадамъ Лямбаль принесена была на пикѣ предъ окна королевы съ ужаснымъ воемъ, но мѣстопребываніе королевской семьи осталось неприкосновеннымъ. Вскорѣ потомъ все утихло, и театры загобзились по прежнему. Опредѣлено собрать новую армію изъ 150 тыс. человѣкъ, изъ коихъ 60 тыс. идутъ уже въ Шалонъ.

15.

Туринъ, 4 (15) Сентября 1792 года.

Его Сардинское величество препроводилъ два дня въ лагерѣ при Салюсѣ. Въ Ницѣ все продолжаютъ принимать предосторожности противъ нечаяннаго нападенія Марсельской вольницы. Тамошнія войска почти всѣ разставлены вдоль долинъ, горъ и береговъ Вара, простирающихся по границѣ. Въ городѣ осталось только два баталіона. Лагерь при Салюсѣ, бывшій только что учебнымъ, теперь, сказываютъ, переведенъ будетъ на берега Вара, какъ скоро Дофинейскія горжи отъ снѣга сдѣлаются непроходимыми. Марки де-ля Планарджіа, напередъ сего командовавшій Ницскими войсками, отозванъ, и впредъ начальствовать будетъ въ Конѣ. Послѣ неслыханнаго свирѣпства, происшедшаго 2-го числа Сентября въ Парижѣ, вселился раздоръ между Петіономъ, атаманомъ Якобинцевъ и Робеспіеромъ, домогающимся его мѣста. Это несогласіе, разстроивая ужасное Якобинское скопище, можетъ наилучшимъ образомъ послужить политическимъ видамъ противъ сумазбѣжной Франціи. Женевскій 60-й совѣтъ недавно собрался и далъ повелѣніе удвоить городскую стражу, по причинѣ опасности отъ столпленія Французскихъ гвардейцевъ въ Ферне и во всемъ Женевскомъ уѣздѣ. Округъ Пеи-де-Во получилъ отъ Бернскаго правленія повелѣніе вооружиться по этой же причинѣ. Гельветическій сеймъ далъ позволеніе Австрійскому генералу Эстергази, командующему 20 тыс. войскъ, проходить черезъ Бернскій кантонъ. Онъ, сверхъ того, объявилъ, что держать союза съ демократическою Франціею не можетъ. Сказываютъ, что въ Валанженѣ, въ княжествѣ Невшательскомъ, произошелъ бунтъ, при которомъ сожженъ портретъ короля Прусскаго. Бернскій кантонъ послалъ туда нѣсколько войска. Разныя Французскія арміи сбираются между Парижемъ и Шалономъ; но фронтовыхъ войскъ, сказываютъ, считается не болѣе 50 тысячъ, а прочее все неучъ и сволочь. Герцогъ Брауншвейгскій къ Парижу приближается исполинскими шага-

ми. Въ его руки пали уже многія важныя мѣста. Отъ Французскихъ генераловъ (такъ въ похвалу теперь называемыхъ безштанниками) то и дѣло что прискакиваютъ курьеры въ Парижъ. Чернь догадывается о содержаніи извѣстій изъ улыбающихся или пасмурныхъ лицъ у народоводцевъ. Среди сей безпрестанной неизвѣстности, колесо неустройства все попрежнему вертится. Хитрыя средства Якобинцевъ для обмороченія черни, разные мечтательные проекты ихъ, недостатокъ крѣпкихъ и мужественныхъ головъ во всѣхъ партіяхъ, все это такой туманъ наводитъ для наблюдателя, что ничего довольно проникнуть не можно. Изъ четырехъ образовъ правленія, проистекающихъ отъ Французской конституціи, три существовали съ самаго начала революціи во всемъ королевствѣ, которые, послѣ происшествія 10-го Августа, слились въ четвертый. Монархическое правленіе было только въ начертаніи ума; аристократическое въ Національномъ Собраніи, а голое демократическое въ народѣ. Какъ это послѣднее навѣрно болѣе всего подвержено политическимъ коловратностямъ, то необходимо и слѣдовало произойти грубѣйшему деспотизму, тѣмъ больше насильственному, тѣмъ больше слѣпому, что этотъ деспотизмъ находится въ рукахъ всѣхъ. Начиная отъ послѣдняго изъ безштанниковъ и доходя до Бриссота, Петіона и Кондорсета, каждый, ошалѣвъ, безъ страха, приступаетъ къ злодѣянію. Подлодушная чернь почитаетъ за прибытокъ пользоваться слѣдствіемъ всѣхъ такого рода законопреступленій; а честнымъ, но, къ сожалѣнію, робкимъ и трусоватымъ душамъ достается только молчать и терпѣть все съ наружнымъ удовольствіемъ. Слухъ идетъ здѣсь, что графъ Прованскій намѣренъ объявить себя регентомъ. Это можетъ перемѣнить состояніе арміи эмигрантовъ и ускорить походомъ. Національное Собраніе, между тѣмъ, опредѣлило не быть впредь королямъ во Франціи. Пишутъ изъ Ліона, что и тамъ произошелъ примѣръ не хуже Парижскаго, надъ всѣми арестантами, содержавшимися въ Пьеръ-Ансизѣ и въ прочихъ темницахъ. Всѣ они перерѣзаны 9-го сего мѣсяца. Между бредомъ горячки, которая совсѣмъ высушаетъ мозгъ у Французской націи, поставить въ число можно тѣ радостныя плесканія, которыхъ удостоенъ былъ Анахарсисъ Клоцъ, витія человѣческаго рода. По прочтеніи въ Собраніи похвальнаго слова опредѣленію о 1200 тиранисидахъ, кажется, что и фуріи едва ли породить могутъ такого безобразнаго чудовища развратности, нахальства и кощунства. Никогда еще не слыхано, чтобы съ такою наглостію шло смѣхотворство вмѣстѣ съ ужасъ наводящимъ ожесточеніемъ сердца.

16.

Туринъ, 8 (19) Сентября 1792 г.

По кончинѣ ея свѣтлости, княгини де-Лямбаль, урожденной Кариньянской, замученной 9-го Сентября въ Парижѣ, Сардинскій дворъ наложилъ трауръ на три недѣли. Кажется, что она была предназначена жертвою такому кровопійству, по найденнымъ въ королевской шкатулкѣ двумъ ея руки письмамъ о смутныхъ нынѣшнихъ дѣлахъ.

Но слухъ о насильственной смерти мадамъ Турсель, ея дочери, двухъ королевиныхъ горничныхъ открылся ложнымъ: онѣ спаслись. На третій день послѣ того началось было волненіе близь Тампля; но протянутая трехцвѣтная лента, знакъ того предѣла, который народу не должно было переходить, была уважена и удержала отъ дальнѣйшаго буйства. Это ясно доказываетъ, что какъ Парижская чернь ни нагла и ни своевольна въ своей горячкѣ, однако все она наводится какою-то спрятанною рукою, которая назначаетъ жертвы и соображаетъ происшествія. 11-го сего мѣсяца Марсельскій муниципалитетъ отобралъ силою у подозрѣваемыхъ обывателей все оружіе и все серебро, какъ въ монетѣ, такъ и въ посудѣ; а на обмѣнъ имъ далъ ассигнаты. Многіе купцы притомъ схвачены и посажены въ тюрьму. На этихъ дняхъ услышимъ мы, что они всѣ перерѣзаны, такъ какъ это случилось въ Ліонѣ, въ Парижѣ и въ Версали, гдѣ недавно замучены 52 арестанта, везенные изъ Орлеана въ Парижъ для представленія на новый верхній національный судъ. Герцогъ Бриссакъ есть изъ числа оныхъ, такъ какъ и отставной министръ Делессаръ, который навѣрно былъ искуснѣйшій между поборниками революціи; но въ это непостижимое время прежде бывшіе зѣльными оказываются будто агнцами и подъемлютъ участь слабости и мягкодушія. Родъ купцевъ во Франціи, такъ какъ и въ сосѣднихъ съ нею земляхъ (въ каковой, напримѣръ, я нахожусь) въ тайнѣ потворствовалъ усилію демократичества, замечтавъ, что богатство доставитъ имъ скоро преимущества и почести; но съ нѣсколькихъ дней большая часть негоціантовъ поговариваетъ другимъ образомъ. Безпорядокъ въ политикѣ спустился до торговли. Многіе банкиры въ Парижѣ, въ Ліонѣ, въ Бордо оставили или остановили всѣ свои дѣла съ чужими краями, а многіе и совсѣмъ разорились. Чернь зачинаетъ уже почитать ихъ заодно съ аристократами, и громоносная буря часъ отъ часу ближе къ нимъ приближается. Торговля въ Пьемонтѣ великій уже чувствуетъ ущербъ отъ новаго злопорядка 10-го Августа. Напередъ сего ежегодно здѣсь получали за вывозы шелковъ около пяти милліоновъ Французскихъ ливровъ, а нынѣшнимъ лѣтомъ почти ничего. Ліонскія фабрики теперь издерживаютъ остатокъ изъ заготовленныхъ шелковъ, а отсюда, по причинѣ ужасной перспективы, ничего не выписываютъ, такъ что здѣшніе купцы не знаютъ, что̀ дѣлать съ пріумножающимися въ ихъ кладовыхъ шелками. Вооруженная и необузданная сволочь опять умножается на границахъ Савойи и Ницы и причиняетъ новые страхи Сардинскому правительству. Къ несчастію, день ото дня становится вѣроятнѣе, что народъ въ Савойѣ находится въ скрытномъ волненіи, т. е. въ состояніи такого раздраженія, которое отъ малѣйшей искры можетъ родить пожаръ. Французскія шайки то знаютъ совершенно и каждый день требуютъ позволенія ворваться въ Савойю. Генералъ Монтескье до сихъ поръ успѣлъ ихъ удерживать; но слухъ носится, что скоро совладѣть не можетъ, и что уже грозятъ поступить съ нимъ какъ съ аристократомъ; онъ и самъ ожидаетъ сей общей участи. Опасно, чтобы, отъ приближенія герцога Брауншвейгскаго, разсыпанныя толпы Фран-

цузовъ, подвинувшись къ Савойскимъ границамъ, ихъ не перешли и не выместили своего стыда грабительствомъ надъ землями тестя графа д'Артуа. Навѣрно Сардинскій король не въ силахъ оборонять все пространство своихъ границъ. Ежели 50 тыс. безштанниковъ въ бѣшенствѣ ворвутся въ Савойю, то она потеряна; однако на это принимаютъ здѣсь всякія предосторожности. Но такъ какъ я имѣлъ честь сказать самому королю, умѣреннѣйшая и безопаснѣйшая ухватка для него есть не та, чтобы онъ готовился къ оборонѣ (потому что это невозможно), но самъ бы предупредилъ Французовъ, потому что это одно и остается средство годнымъ и благовременнымъ къ защитѣ его земли, занимая Французовъ въ ихъ собственной. До сихъ поръ еще не видно, чтобы это мнѣніе брало верхъ, хотя и самъ онъ чувствуетъ всю важность онаго. Искренняя досада его на неучастіе въ совѣтываніяхъ, а можетъ быть и на неуваженіе своей особы при Вѣнскомъ дворѣ, въ походѣ такомъ, въ которомъ бы и самъ онъ желалъ показать себя; непрочность помощи, данной ему за этимъ; надежность, что этимъ лѣтомъ не будетъ атакованъ Французами; часто повторяемый совѣтъ нѣкоторыхъ министровъ не пускаться на отважный случай (безъ крайней нужды обороны) потерять Савойю, чрезъ бунтъ, укрощаемый доселѣ только присутствіемъ войскъ: всѣ сіи обстоятельства измѣняютъ, кажется, характеръ его величества, каковой онъ сперва обнаружилъ, и дѣлаютъ его нерѣшительнымъ, безпокойнымъ и даже слабымъ въ здоровьѣ.

17.

Туринъ, 11 (22) Сентября 1792 г.

Его Сардинское величество рѣшился выпустить еще ассигнаціи на восемь милліоновъ ливровъ. Изъ Турина недавно послано въ Савойю и Ницу еще нѣсколько военныхъ снарядовъ. Лагерь при Салюсѣ начинаетъ распускаться, двѣ тысячи человѣкъ отправляются въ Савойю, да двѣ же въ Ницу. Здѣсь вообще опасаются нападенія отъ Французскихъ шаекъ, и уже дано повелѣніе посланникамъ при Мадридскомъ и Лондонскомъ дворахъ сноситься на случай о помощи. На сихъ дняхъ, въ разныя мѣста Савойи перебѣжало болѣе 600 неприсяжныхъ Французскихъ поповъ. Ихъ теперь тамъ считается близъ двухъ тысячъ, да почти столько же въ полуденныхъ провинціяхъ короля. 4-го (15-го) сего мѣсяца спустившіяся по Ронѣ два судна съ національными гвардейцами выгрузились было для грабительства на Савойскій край, противъ Пьерръ-Шатель. Нѣсколько Пьемонтскихъ гренадеровъ съ офицеромъ побѣжали къ нимъ на встрѣчу, и зачалась сильная драка, которая кончилась въ честь Пьемонтцевъ. Нѣсколько ранено съ обѣихъ сторонъ. Французы, отступивши въ Пьерръ-Шатель, выстрѣлили нѣсколько разъ изъ пушекъ и повредили дома той Савойской слободы, гдѣ они хотѣли выступить на берегъ. Французскій комендантъ Пьерръ-Шательскій выслалъ тотчасъ съ извиненіями, охуждая безштанниковъ, поступившихъ такъ безъ повелѣнія. Извѣстно, что Французскія при Форъ-Барро войска оказываютъ сумашедшую нетерпѣливость впасть въ Савойю, что гене-

ралъ Монтескье самолично уговаривалъ ихъ недавно и имъ сказалъ, что онъ для истребованія на то повелѣнія отнесся къ Національному Собранію. Въ самой вещи, пишутъ изъ Парижа, что это требованіе предложено и отослано на разсмотрѣніе дипломатическаго комитета. Здѣшній дворъ очень безпокоенъ; вчера по этому же дѣлу отправленъ курьеръ въ Миланъ, чтобы Австрійскій корпусъ привесть въ состояніе выступить въ походъ по первому знаку. Гельветическій сеймъ рѣшился вторично, такъ какъ я имѣлъ честь предсказать вашему сіятельству, держаться вооруженнаго нейтралитета, какъ ни представлялъ напротивъ Вѣнскій посланникъ. Маленькіе кантоны, правда, очень добивались нарушить оный и идти противъ Французовъ силою; но мнѣніе Цюриха, Фрибура, а особливо Берна превозмогло. Всенародное сословіе сходится уже въ Парижѣ. Дѣло начнется судомъ надъ королемъ, и для этого переведенъ онъ во второй этажъ Тампльской башни, гдѣ близъ его комнаты отдѣлана зала для коммиссаровъ, имѣющихъ каждый день собираться для предложенія его величеству разныхъ вопросовъ. Онъ навѣрно приговоренъ будетъ на смерть, если герцогъ Брауншвейгскій не подоспѣетъ благовременно. Королева и остатокъ разсѣянной въ Парижѣ королевской партіи ожидать должны такой же участи. Но сказываютъ, что королева твердо рѣшилась не поддать себя такому посрамленію, и для того имѣетъ завсегда при себѣ кинжалъ и самый зѣльный ядъ. Между тѣмъ, данныхъ муниципалитетомъ ей, ея дочери и мадамъ Елизабетѣ служительницъ она отослала. И такъ, сія порфирородная семья принуждена теперь сама на себя работать.

18.

Туринъ, 14-го (25) Сентября 1792 г.

Со вчерашняго дня всѣ погрузились здѣсь въ глубокое уныніе. Писемъ изъ Шамбери совсѣмъ нѣтъ. Одинъ только дворъ получилъ извѣстія изъ С. Жано, и слухъ ужасный вмигъ разнесся, что стоявшіе въ Форъ-Барро Французы ворвались близъ Монъ-Мельяна и Апремона въ Савойю, что они производятъ уже насильства въ Шамбери, что національные гвардейцы также кинулись въ Понъ-Бовуазень, что мостъ Монмельянскій на Изерѣ, по приказанію генерала Лазари, разобранъ, что потому всякое сообщеніе пресѣклось, что стоящія въ Савойѣ войска, находя себя не въ состояніи сражаться съ Французами, безъ боя отступаютъ назадъ и выдутъ, если Богъ поможетъ, черезъ Конфлинъ, черезъ Тарантезу въ Моріенну и герцогство Аостское, гдѣ гора Сенъ-Бернаръ Малый служить имъ будетъ мѣстомъ сообщенія съ Туриномъ, и поэтому останется вся Савойя отъ береговъ Изера до Понъ-Бовуазеня на своеволіи непріятелей, которые суть двоякіе: Французскіе демагоги и самый Савойскій народъ. Курьеръ стремглавъ поскакалъ въ Миланъ, и его Сардинское величество надѣется, что Австрійскіе гренадеры, тамъ стоящіе, такъ какъ и тѣ войска, кои находятся въ Павіи, выступятъ сюда въ походъ 17-го (28-го) числа.

19.

Туринъ, 15 (26) Сентября 1792 г.

8-го (19-го) и 9-го (20-го) сего мѣсяца Савойскій губернаторъ и командующій Сардинскими войсками генералъ Лазари прислали ко двору эстафетовъ съ увѣдомленіемъ опасности отъ непріятельскихъ намѣреній Французовъ. Они, между прочимъ, писали, что какъ король въ манифестѣ Французскихъ принцевъ упоминается въ числѣ непріятелей Франціи, то и прошелъ слухъ, что генералъ Монтескье получилъ отъ Національнаго Собранія повелѣніе предупредить и учинить нападеніе самъ въ благовременный случай. 10-го (21-го) числа Шамберійскій губернаторъ, видя, что молва о близкомъ нашествіи Французовъ вездѣ разошлась, приказалъ остановить всѣхъ городскихъ лошадей и употребилъ ихъ для перевоза архива, казны и другихъ государственныхъ вещей въ Лебожъ, такъ называемый довольно великій по своему положенію между скалами замокъ, весьма крѣпкій. Премножество благородныхъ, оставивъ городъ, убѣжали, иные въ Швейцарію, а другіе въ Сенъ-Жанъ де-Моріеннъ. Въ самомъ дѣлѣ, 22-го числа двадцать тысячъ Французовъ со множествомъ пушекъ, вышедши изъ Форъ-Барро и окрестностей, вступили двумя колоннами въ Савойю съ обѣихъ сторонъ Монъ-Мельяна. Шесть баталіоновъ Сардинскихъ войскъ, разставленныхъ по берегу Изера, ужаснувшись такой многочисленности, заблагоразсудили, въ приближеніи ихъ, отступить; они разорили Монмельянскій, что на Изерѣ, мостъ, перешедши сперва по оному въ Моріенну, чрезъ что сообщеніе съ Туриномъ, весьма важное и нужное, пресѣклось, и мы до сихъ поръ ничего еще положительно и подробно не знаемъ. Одинъ мужикъ, переплывшій черезъ рѣку Изеръ и пришедшій въ Сенъ-Жанъ де-Моріеннъ, донесъ, что гвардейскій королевскій баталіонъ и одинъ напольный полкъ хотѣли было попротивиться Французамъ близъ Монмельяна, но по короткомъ сраженіи, на которомъ они потеряли много людей, отступили въ Шамбери, гдѣ тамъ стоявшія войска, соединившись съ ними, не разсудили безполезно защищаться и вмѣстѣ удалились въ Лебожъ. Французы тогда, какъ стремительный потокъ, наводнили всю Савойю; въ Шамбери разставили множество деревъ вольности съ красною на верху шапкою и заставили кричать гражданъ и мужиковъ, совершенно мыслившихъ заодно съ ними: vive l'égalité! Потомъ они плясали вокругъ этихъ шестовъ и пѣли: ça ira, ça ira! Сказываютъ, что до сихъ поръ они еще не дѣлали никакого разоренія и жестокости въ Савойѣ. Здѣсь ожидаютъ съ величайшею нетерпѣливостью обстоятельствъ сего страшнаго происшествія. Удивительнѣе всего то, что и самый дворъ не болѣе объ этомъ знаетъ. Король вчера послалъ двухъ офицеровъ для освѣдомленія, одного черезъ Монъ-Сени, могущаго дойти только до береговъ Изера, а другаго черезъ Сенъ-Бернаръ Малый (проходъ ужасно трудный, но который одинъ только теперь остается для полученія извѣстія изъ арміи). Куда дѣвалась эта армія? Зачѣмъ съ пяти дней не приходитъ оттуда никакого извѣстія? Такъ здѣсь другъ друга

спрашиваютъ, и удивленіе, ужасъ, уныніе въ Туринѣ неописанны. Меня увѣряли очень достовѣрные люди, что генералъ Лазари нарочно расположилъ еще заранѣе отступать назадъ, т. е подаваться съ своею арміею сперва въ Лебожъ, дабы всѣ маленькіе отряды, разставленные тамъ и сямъ, съ нимъ, сколько возможно, соединялись и потомъ вмѣстѣ отступали къ Сенъ-Віалю, къ Конфлансу, а наконецъ черезъ Тарантезскій округъ пришли въ Моріенну. Черезъ это прикрывать онъ будетъ Пьемонтъ, который, кажется, и безъ того очень хорошо защищается своими Альпами и крѣпостями; но всю собственно называемую Савойю, отъ Изера до моста при Бонвуазенѣ, безъ спора оставитъ на своеволіе сумашедшихъ Французовъ. Отъ отрядовъ, заставленныхъ подлѣ Понбовуазеня, такъ какъ и подъ Каружемъ и въ окрестностяхъ Женевы, не приходило также никакого извѣстія. По всему надобно думать, что они схвачены.

Презрѣніе генерала Лазари къ Французамъ, пустая надежда, что они не будутъ умѣть напасть урядственными колоннами и что набѣги ихъ будутъ производиться мелкими гурьбами, заставили его принять защитительныя распоряженія, совсѣмъ военному искусству противныя. Онъ разбилъ почти всю армію на премножество отрядовъ, какъ будто для кордона; теперь долженъ онъ изъ силы выбиться отъ сзыва своихъ войскъ въ одно мѣсто и сгорѣть со стыда, не могши нигдѣ сдѣлать отпора. Здѣсь даже говорятъ, что онъ и самъ того не хотѣлъ. Такъ на что было и посылать 12-ти тысячную армію въ Савойю? Развѣ для того, чтобы очевидно посмотрѣть торжество мерзкой шерстяной шапки? Признаюсь вашему сіятельству, что Русскому стыдно даже и писать такія извѣстія.

20.

Туринъ, 18 (29) Сентября 1792 года.

Наконецъ пришло сюда нѣсколько вѣрныхъ извѣстій изъ загорной здѣшней арміи. Сокращеніе оныхъ есть мечтаніе, ужасъ, смятеніе, побѣгъ; а выложеніе [1])—стыдъ безпримѣрный въ исторіи. Едва только Французы, въ числѣ не болѣе десяти тысячъ, но въ хорошемъ порядкѣ, показались двумя колоннами, одною при Апремонѣ, а другою при Камарильянѣ, какъ передовые Сардинскіе отряды, растянувшись кордономъ, опрокинулись на другіе; эти на слѣдующіе и такъ далѣе даже до Монмельяна, даже до Шамбери, гдѣ цѣлый полкъ стоялъ въ ружьѣ. Часа три довольно было на такую непонятную и стремительную тактику. Одно и есть тому подобно или примѣрно, но не въ Ксенофонтѣ, а именно тѣ карты, что ребята ставятъ дыбомъ въ долгую шеренгу: лишь только ударитъ кто щелчкомъ по первому городку, то прочіе другъ отъ друга, разъ за разъ, и валятся затылкомъ до послѣдняго. Графъ Лазари, главнокомандующій, далъ тотчасъ повелѣніе частнымъ командирамъ разныхъ отрядовъ спѣшить къ нему; но вдругъ ужасное смятеніе объяло, какъ пламя, всѣхъ офицеровъ; вдругъ услышанъ былъ крикъ: спасайся, кому

[1]) Т. е. слѣдствіе.

дастъ Богъ ноги въ Лабожъ и въ Тарантезу. Богъ одарилъ ихъ всѣхъ ногами, такъ что напрасно непріятельскіе егеря и гусары пустились въ погоню. Ужасомъ пораженные Пьемонтцы мчались цѣлыхъ двадцать лье почти безъ отдыха и цѣлые семнадцать часовъ безъ пищи и безъ души, такъ какъ бы стремились они всѣ отъ огненнаго меча Ангела-Карателя, а это просто были безштанники. Наконецъ, пѣхота остановилась въ Мутье, столицѣ Тарантезіи; а конница проскакала черезъ скалы и горы и очутилась въ Аостской землѣ. Экипажи у нихъ потеряны всѣ. Пушекъ перехвачено множество; а ни одного человѣка, сказываютъ, не убито. Но голь и горе приступили ко всѣмъ. Его Сардинское величество наслалъ повелѣніе генераламъ, чтобъ они по очереди отпускали офицеровъ къ ихъ родственникамъ для поправки военныхъ потребностей. Прилагательное имя *«военныхъ»* доказываетъ, что намѣреніе есть еще продолжать войну, но проникнуть планъ оной никому не дано. Государевъ совѣтъ съѣзжается всякій день, но изъ онаго мало выходитъ. Только что и знаемъ, что войска останутся на теперешнемъ мѣстѣ въ Тарантезіи, въ которой они стѣснились и которая для нихъ есть Іосафатова юдоль. Сверхъ того, почти всѣ мужики Сузской провинціи охотно вооружились для отпора Французовъ, ежели они покусятся перейти Альпы. Хотя въ публикѣ и говорятъ, что всѣ составляющіе армію баталіоны, исключая одного, который въ полону, нашлись въ Тарантезіи; но въ самомъ дѣлѣ выходитъ, что они всѣ больше или меньше разстроены какъ отъ дезерціи, такъ и отъ переема Французами малыхъ отрядовъ. Австрійскаго корпуса ожидаютъ сюда первую колонну къ 4-му, а послѣднюю къ 12-му Октября. Вѣроятно, что съ командующимъ надъ онымъ генераломъ Страсольдо сдѣлано будетъ сношеніе о новомъ планѣ; но этимъ срокомъ Французы очень легко могутъ пробраться въ Моріенну до подошвы Монъ-Сени и, можетъ быть, въ самый Пьемонтъ черезъ Ниццу, а еще ближе черезъ Шато-Дофинъ, что̀ близъ Салюса. Отъ этого же вся торговля во владѣніяхъ короля Сардинскаго по суху и по водѣ останется заперта, до тѣхъ поръ, пока возстановится или порядокъ во Франціи, или выгнаны будутъ Французы изъ Савойи, что̀ мудрено будетъ сдѣлать, какъ за возмущеніемъ тутошняго народа, ими подученаго, такъ и за занятіемъ имиже наилучшихъ постовъ въ такой землѣ, которая наполнена скалами и природными редутами. Одно только обстоятельство можетъ исторгнуть Савойю изъ непріятельскихъ рукъ: сказываютъ, что какъ Женева того и ожидаетъ, что Французы подступятъ подъ нее, то Гельветическій корпусъ по неволѣ долженъ взять ее подъ защиту и такъ объявить войну Франціи. Тогда и сами Швейцарцы найдутъ выгоды соединиться съ Пьемонтцами, которые, хотя по примѣру Австрійцевъ, станутъ мужаться и стоять. По выступленіи изъ Ломбардіи даннаго Сардинцамъ корпуса, останется тамъ только тысячъ 5 человѣкъ. По нынѣшнимъ сумашедшимъ обстоятельствамъ, это очень мало важитъ, особливо ежели Французы выгрузятся въ Генуѣ, дабы нахлынуть въ Миланскую землю, такъ какъ есть ихъ намѣреніе. Народъ въ Миланѣ, и

безъ того, сказываютъ, обуялъ отъ Французскихъ задачъ. Здѣсь тоже, и часто полиція находитъ прибитыя къ стѣнамъ возмутительныя слова. Наканунѣ Французскаго набѣга въ Савойю найдена у одной церкви слѣдующая пасквинада: «Помолимся Богу, да избавитъ насъ отъ ига мерзкихъ поповъ, проклятаго дворянства и негоднаго нашего правительства». Надобно знать, что Пьемонтцы изъ всѣхъ Итальянскихъ народовъ ярѣе, и можно примѣтить, что недостаетъ имъ только случая и близкаго примѣра для отличенія себя въ самомъ лютомъ звѣрствѣ, котораго каждый почти день видимъ мы частыя доказательства въ убійствахъ кинжаломъ и въ разныхъ измѣнахъ.

21.

Туринъ, 19 (30) Сентября 1792.

На дѣлѣ только узнаютъ дѣлателя. И подлинно, на дѣлѣ выходитъ, что Сардинскія войска, по стремглавномъ побѣгѣ своемъ въ Савойѣ, потеряли всю довѣренность у степенныхъ людей, обманувшихся рыцарскою ихъ наружностію. Страхъ наводящіе слухи начинаютъ даже въ Туринѣ дымиться. Одни говорятъ, что Французы, замечтавъ отъ такой неожиданной побѣды, простираютъ уже борзо мысли свои на самый Пьемонтъ; другіе, что уже они бомбардируютъ Ницу и Вилла-Франку и въ тоже время опрокидываютъ войска и редуты по сію сторону рѣки Вара, а въ Генуѣ или въ Миланѣ высадятъ отважную сволочь для впаденія въ Миланезъ и для взбунтованія черни по всей Ломбардіи. Уже льстивый поступокъ ихъ, по завоеваніи Савойи, съ искреннимъ удовольствіемъ разсказывается здѣсь между простымъ народомъ и купцами. Увѣряютъ, что Французы, подъ предводительствомъ Монтескье, нашедши въ монастыряхъ около пятидесяти тысячъ ливровъ, раздѣлили ихъ по бѣднымъ людямъ и что никому никакого притѣсненія не дѣлаютъ. Прискакавшій вчера эстафетъ ко двору распустилъ слухъ, что Французы пытаются войти въ Пьемонтъ черезъ Монъ-Сени, чрезъ долину С. Мартенъ, что̀ въ Пиньеролѣ и чрезъ дефилеи Кастель Дельфина, что̀ въ провинціи Салюсской. Лагерь этого же имени по большей части растасованъ въ Конѣ, въ Фенестреллѣ и по другимъ мѣстамъ. Славныя Пьемонтскія крѣпости до сихъ поръ были очень плохо снабжены людьми, муниціею и съѣстными припасами, и ежели бы не снѣгъ въ горахъ сталъ недавно за Пьемонтъ, то бы ихъ справедливо можно было ожидать сюда. Король Сардинскій, въ самой вещи, соединяетъ прекрасную душу съ просвѣщеннымъ разумомъ, но имѣетъ качество, хотя также доброе, однако опасное и, можетъ быть, пагубное для государя: онъ не знаетъ наказывать виновниковъ. Король, говорю я, былъ до сихъ поръ, по всѣмъ докладамъ, обманываемъ и въ рыцарствѣ своихъ офицеровъ, и въ искусствѣ и мужествѣ своихъ генераловъ, и въ обнадеживаніяхъ большей части совѣтниковъ своихъ. Марки Краванцанъ, военный его министръ, съ ужасною неспособностію связываетъ крайнюю нерѣшимость духа, а слѣдовательно часто доходитъ до трусости и до лжи. Туринскій губернаторъ, пре-

старѣлый генералъ графъ Сальмуръ, можетъ быть, въ свое время и былъ хорошимъ, но теперь часто завирается. Внутреннихъ дѣлъ министръ, графъ Гранери, имѣетъ болѣе мечтательности, нежели основанія, болѣе бѣглыхъ идей, нежели связанныхъ мыслей, болѣе царедворства, нежели твердоразумія; а если же онъ не безъ ума, то, по крайней мѣрѣ, умъ его походитъ на глухой фонарь, который освѣщаетъ только хозяина своего. Наконецъ графъ Готвилль, занимающій мѣсто министра иностранныхъ дѣлъ, есть человѣкъ просвѣщенный, чрезвычайно трудолюбивый, но не смѣлый, хлопотливый, нерѣшительный въ важныхъ дѣлахъ. Природный этотъ недостатокъ его, возрастающій при теперешнихъ обстоятельствахъ почти до порока, по большей части происходитъ отъ непривычки въ большомъ свѣтѣ, отъ малоимущества и отъ боязни лишиться своего мѣста. Вотъ особы, которыя обыкновенно составляютъ совѣтъ короля Сардинскаго. Кардиналъ, архіепископъ Туринскій, мужикъ добрый, иногда также туда пріѣзжаетъ, но развѣ только для того, чтобы съ важнымъ лицемъ сказать нелѣпицу. Братъ и дѣти его величества также иногда бываютъ въ совѣтѣ; но только одинъ принцъ Пьемонтскій, наполненный остротою, можетъ дать высокое или сообразное мнѣніе, что̀ однакоже при королѣ онъ чрезвычайно рѣдко дѣлаетъ. Герцогъ Аостскій гораздо чаще мѣшается, когда дѣло идетъ о урядствѣ и военныхъ докладахъ. Онъ недавно и самъ было вызвался командовать арміею, но послѣ непонятнаго происшествія въ Савойѣ поменьше, сказываютъ, сталъ горячиться. Пьемонтская армія по наружности состоитъ изъ довольно ученыхъ солдатъ; но по большей части, офицеры или слишкомъ молоды, или нерачительны, или несвѣдущи; а генералы почти всѣ, или лучше сказать, всѣ безъ изъятія дурны.

22.

Туринъ, 20 Сентября (1 Октября) 1792 года.

Вчера пріѣхалъ сюда Шевалье Перонъ, ех-главнокомандующій въ Савойѣ, какъ надобно думать, съ рапортомъ о побѣгѣ, въ которомъ онъ первую роль игралъ, уѣхавъ изъ Шамбери 36 часовъ прежде нежели пришли Французы. Мы любопытствовали было видѣть въ Туринѣ и польнаго генерала Лазари; но онъ трудится теперь надъ переводомъ черезъ Альпы въ Пьемонтѣ разставленныхъ своихъ войскъ, Они оба слыли до сихъ поръ достойными людьми, а теперь только слывутъ въ публикѣ счастливыми, для того что въ Савойѣ не пали въ руки Французовъ, а здѣсь въ руки палача. Есть еще здѣсь главнокомандующій генералъ въ Ницѣ, именемъ Куртенъ, Швейцарецъ, который сопрягаетъ съ ними совершенный тріумвиратъ. Сегодня прискакалъ отъ него курьеръ съ самымъ жалкимъ извѣстіемъ. Я нѣсколько разъ писалъ в—му с—ву, что къ оборонѣ береговъ Вара и города Ниццы употреблены были заблаговременно всякія возможныя предосторожности: ни силъ человѣческихъ, ни денегъ не пощажено. Окопы были подѣланы, лѣсъ частью валенъ, редуты разставлены, батареи взгроможены, пушки взведены, 6000 солдатъ стояли въ ружьѣ, 2000

вооруженныхъ поселянъ, подъ именемъ милиціи, ожидали только непріятеля; сверхъ того, данъ былъ приказъ всѣмъ мужикамъ, по первому знаку тревоги, спѣшиться съ оружіемъ, что̀ они, услышавши набатъ, въ который били нарочно для испытанія ихъ доброхотства, вѣрно исполнили. Вмигъ они слетѣлись, ополченные ружьями, рогатинами, а наипаче своимъ мужествомъ. За такую ихъ любовь, за такое ихъ усердіе къ Сардинскому правительству, за ненависть, возбужденную въ простыхъ, но благородныхъ ихъ сердцахъ къ Французамъ, они теперь оставлены на ихъ своеволіе. Ница и Вилла-Франка отъ побѣга Сардинскихъ солдатъ опустѣли, а эти опять срамили себя постыднымъ образомъ. Вотъ какъ по разсказамъ это произошло. Г. де-ла-Тушъ, шефъ Французской эскадры изъ пяти линейныхъ кораблей, 6-ти фрегатовъ и нѣсколькихъ катеровъ, приставъ 28 поутру близь Ницскаго порта, потребовалъ у генерала Куртена, командующаго городомъ и Сардинскими войсками, прислать къ нему какого нибудь полномочнаго. Тутошній плацъ-маіоръ тотчасъ сѣлъ въ шлюпку и явился передъ нимъ. Французскій адмиралъ напередъ всего требовалъ выдачи своего консула, которому правительство не позволило выѣхать. Пьемонтскій офицеръ отвѣчалъ, что выдать его одинъ только король воленъ. «Такъ я», перехватилъ рѣчь генералъ, «велю тотчасъ бомбардировать городъ».—«Когда такъ», отвѣтствовалъ полномочный, «то я теперь же вамъ пришлю его».—«Вовторыхъ», продолжалъ де-ла-Тушъ, «я требую, чтобы Сардинскія войска выступили и опорожнили Французамъ все Ницское графство, да и исполнить это тотчасъ».—«А я», отвѣтствовалъ офицеръ, «прошу васъ сдѣлать милость дать по крайней мѣрѣ 16 часовъ сроку, для выноса королевскихъ вещей».—«Я даю вамъ только шесть, болѣе не ожидайте», сказалъ непріятель. Пьемонтскій офицеръ возвратился; весь городъ затрясся; генералъ Куртенъ приказалъ своимъ войскамъ оставить занятые ими посты и убираться какъ можно скорѣй въ Соспело и Саоржъ. Двѣ колонны, сказываютъ, Марсельцевъ, довольно въ хорошемъ порядкѣ, предшествуемые ужасомъ, тогда же переправились черезъ Варъ и заняли всю полуденную сторону около Ницы. Послѣ происшествія въ Савойѣ, королевскій совѣтъ уже колебался надъ планомъ сдачи и Ницы; наконецъ рѣшился, не знаю, на какихъ-то условіяхъ; но знаю только, что этотъ планъ не прежде былъ посланъ какъ 29-го Сентября; а уже 1-го Октября пришло извѣстіе, что генералъ Куртенъ предупредилъ повелѣніе его Сардинскаго в—а, что онъ находится въ Соспелло и что его подкомандующіе всѣ въ добромъ здоровьѣ обрѣтаются.

Упомянувъ, сколько можно было, объ этомъ постыдномъ отступленіи, котораго страшное и ужасное послѣдствіе для Пьемонта и, можетъ быть, для всей Италіи оживопишу я при другомъ случаѣ, теперь опять приступлю къ историческому извѣстію еще срамнѣйшаго подвига въ Савойѣ. Шесть баталіоновъ, перешедшихъ Изеръ и разоривщихъ за собою Монмельянскій мостъ, дабы не нагнали ихъ Французы, въ тотъ же день убѣжали въ С.-Жанъ-де-Моріеннъ; но, не находя и тамъ себя внѣ опасности, отступили далѣе еще въ Лансбургъ

при подошвѣ Монъ-Сени, умирая съ голоду и холоду. Имъ недавно послано повелѣніе убираться черезъ горы, потому что Французы хотятъ завладѣть и всею Моріенною. Наконецъ, собравшіяся въ Тарантезѣ войска, послѣ стремглавнаго побѣга черезъ 17 смертельныхъ часовъ, въ преужасную непогодицу, по дорогамъ кремнистымъ, представляютъ себя въ самомъ жалкомъ видѣ. У иныхъ испорѣзаны ноги, у другихъ лица исцарапаны и сковерканы не отъ непріятельскихъ сабель, а отъ сучьевъ лѣсныхъ и отъ разныхъ ущелій, между которыми они мчались какъ вихрь. По счастію въ Мутьѣ попался имъ магазинъ съ мукою, но болѣе ничего нѣтъ. Половины палатокъ какъ не бывало. Шляпъ, ружей множество потеряно. Теперь отсюда посылаютъ офицерамъ бѣлье, а солдатамъ обувь. Но какъ Французы могутъ еще захватить ихъ невзначай, ворвавшись въ Тарантезу, то послано повелѣніе выпроводить ихъ обратно въ Пьемонтъ, гдѣ всѣ войска собираются около Турина. Конница, изъ около 2000 рейтаровъ, бѣжавшихъ черезъ Малый С. Бернаръ даже до Аоста, нашлась также въ невѣроятномъ разстройствѣ. Она потеряла близь четверти лошадей и людей, отъ перелома ногъ, и отъ разброда по лѣсамъ, и отъ усталости смѣшанной со стыдомъ. Я надѣюсь, что генералъ Лазари, приведши въ Туринъ эту уродливую армію, не скажетъ какъ Франдискъ Первый въ Павіи: «все пропало, кромѣ чести». Сардинія теперь навѣрно отъ Французовъ выдерживаетъ нападеніе, которыхъ успѣхи надымаютъ голову до несносной крайности. Какъ Сардинія есть островъ, то я не могу проникнуть, какъ тамъ находящіяся 4 или 5 Пьемонтскихъ батальоновъ могутъ убѣжать по данному примѣру.

23.

Туринъ, 25 Сентября (6 Октября) 1792 года.

17 (28) Сентября Сардинскія войска принуждены были оставить все Ницское графство. Трепетъ и стыдъ въ запуски предводительствовали ими въ этомъ выступѣ. Злосчастные эмигранты, будучи увѣрены Піемонтцами, что они мужественно будутъ оборонять городъ, никакъ не изготовились въ дорогу и, вдругъ побѣжавъ, растеряли остатки своихъ пожитокъ. Тоже случилось и съ большею частью зажиточныхъ гражданъ и духовенства. Такую ужасную сумятицу можно только уподобить изображенію страшнаго суда Микель-Анжелло. Стоявшіе при Варѣ Сардинскія войска, услышавъ, что надобно безъ боя отступить, съ горестію сперва зароптали, но вмигъ потомъ пошли двойнымъ шагомъ назадъ, оставляя на мѣстѣ всѣ свои припасы и палатки. Поселяне, видя себя ободиноченными, разрывались отъ досады и бѣжали, не зная сами куда. Ворота Ницы и Вилла-Франки подавлялись отъ несчастнаго множества Французскихъ эмигрантовъ, отъ поповъ, судей, дворянъ, женщинъ всякаго состоянія, и много съ грудными младенцами. Толпа эта, простиравшаяся до 20 тысячъ душъ, безъ памяти бѣжавъ по дорогѣ въ Пьемонтъ, представляла самое жалостное зрѣлище. Бѣдные эмигранты и жены ихъ полунагія, простирая къ небу блѣдныя и дрожащія руки, похожи были на жертвъ за-

кланія, бѣгущихъ отъ послѣдняго удара жрецовъ. Вотъ плодъ нерѣшимости въ большихъ случаяхъ, слабаго правительства, не имѣющаго ни къ кому полной довѣренности и всѣхъ одинаково жалующаго государя; министерства сволочнаго и рыхлаго; воинства не видавшаго огня съ полъ вѣка; офицеровъ вскормленныхъ только на самохвальствѣ; генераловъ выжившихъ изъ лѣтъ, а не имѣющихъ понятія ни о воеводительствѣ, ни о кастраметаціи, ни объ оборонѣ, ни объ атакѣ укрѣпленій. Генералъ Куртенъ сперва привелъ свои войска къ Соспеллѣ, посту очень важному, составляющему почти непреодолимый, между двумя крутизнами, перешеекъ; но теперь оставилъ его и пришелъ въ Саоржъ, мѣсто также очень крѣпкое, на скалахъ въ видѣ амфитеатра; при подошвѣ котораго пролегаетъ дорога изъ Ницы въ Кони, такъ что армія изъ ребятъ защититъ этотъ проходъ. Онъ оставилъ тутъ три баталіона, а съ прочими пошелъ въ славную крѣпость Кони. Французы не преминули занять оставленный постъ Соспелло. Ежели бы эти Французы не были безштатники, да вздумали бы преслѣдовать Пьемонтцевъ въ безпорядкѣ, то могли бы они вбѣжать въ Піемонтъ и въ самый Туринъ; потому что въ Кони и въ городкахъ не доставало людей и припасовъ, а въ Туринѣ половина жителей желаетъ, чтобы Французы принесли къ нимъ искру мятежа. Король пріѣхалъ вчера изъ загороднаго дома въ Туринъ; чужестранные министры имѣли честь засвидѣтельствовать его величеству свое почитаніе. Между прочимъ онъ изволилъ мнѣ сказать, что правда, что войска не въ состояніи были выдержать нападенія, но могли бы отступить другимъ порядкомъ; что деньги становятся очень рѣдки, но что еще онъ, по счастію, не видитъ необходимости умножать подати и что надѣется пребыть такъ еще нѣсколько времени; что онъ ожидаетъ отъ союзныхъ державъ помощи въ силѣ трактатовъ; что въ Туринѣ есть, кажется, много злонамѣренныхъ людей, но есть также много и добрыхъ; и что Пьемонтская земля населена ратными крестьянами, которыхъ вѣрность къ законному государю и ненависть къ Французамъ, въ теперешнихъ обстоятельствахъ, весьма спасительны. Его величество показался мнѣ не совсѣмъ здоровымъ, но довольно твердымъ. Я думаю, что набожность есть первая подпора въ этой твердости. Принцъ Пьемонтскій продолжаетъ жить съ супругою въ Монмельярскомъ селѣ.

24.

Туринъ, 29 Сентября (10 Октября) 1792 г.

Третьяго дня сбиры поймали двухъ Французскихъ лазутчиковъ: одинъ обольщалъ чернь деньгами, а другой снималъ планы съ междугорныхъ проходовъ и съ крѣпостей. Возмутительныя плакарды день ото дня появляются чаще въ Туринѣ; а какъ полиція здѣсь очень плоха, то до сихъ поръ еще виноватыхъ не отыскано. 8-го числа, поутру, часть первой Австрійской колонны вступила въ Туринъ; двѣ другія за непогодою опоздали. Нѣмцы здѣсь приняты какъ спасители. Въ Женевѣ рѣшено дѣло тѣмъ, чтобы требовать Швейцарскаго гарнизона, вслѣдствіе чего 1.600 Бернцевъ туда уже и всту-

пили. Ежели теперь Французы понахалятся атаковать Женеву, то Гельветическій корпусъ принужденъ будетъ вступиться открытою силою противъ Франціи. Г. Монтескье содержалъ свои войска въ Савойѣ въ строгой дисциплинѣ; но теперь посаженъ подъ арестъ, и для произведенія надъ нимъ суда прибыли уже въ Шамбери два повѣренныхъ отъ Народнаго Собранія. Онъ подозрѣваемъ и почти обличенъ въ измѣнѣ, затѣмъ, что не взялъ въ полонъ или не истребилъ Пьемонтскую армію. Въ самомъ дѣлѣ, онъ имѣлъ къ тому всевозможныя средства, какъ то в. с—во изъ моихъ депешъ, конечно, усмотрѣть изволили; но онъ за остаткомъ стыдливости посовѣстился такъ поступить и слѣдственно учинится жертвою. Французы, подъ предводительствомъ генерала Ансельма, проживавшаго за нѣсколько тому времени цѣлые 4 мѣсяца въ Ницѣ подъ видомъ выселившагося попа, поступаютъ также съ хитрою умѣренностію и въ этомъ городѣ. Здѣсь сперва распустили было слухъ объ ихъ мучительствахъ, но вчера письма даже къ вышедшему Ницкому епископу сказываютъ, что полиція тамъ строго наблюдается и что доселѣ никому отъ нихъ истязанія не было. Всѣ проницательные люди почитають эти поступки коварными и даже очень опасными, потому что побѣжденные мало по малу такъ свыкаются съ побѣдителями, что̀ уже и случилось въ Савойѣ. Тамъ, между другихъ доказательствъ, тысячи двѣ молодыхъ людей вызвались добровольно служить въ ряду съ національными гвардейцами. Французская эскадра пошла къ Востоку. Здѣсь думаютъ, что она покусится отнять у Генуезцевъ Савонну. Но для злыхъ ея намѣреній лежитъ тутъ дорога претрудная и предальняя. Мнѣ кажется, что съ навѣтами ея сходнѣе и на дѣлѣ навѣрно легче будетъ выгрузиться въ Сестри, также принадлежащемъ Генуѣ портѣ, дабы взбунтовать чернь въ Пьяченцѣ, въ Миланезѣ и во всей Ломбардіи. Противной же встрѣчи Французамъ почти нигдѣ тутъ не случится. Страхъ и ужасъ отъ ихъ прихода, такъ какъ и возмутительныя ихъ начала, поборствовать имъ будутъ во всей Италіи даже до Неаполитанскихъ границъ. Ежели Вѣнскій дворъ не ускоритъ выслать сильнаго корпуса въ Италію, то опасно, чтобы варвары Французы не сдѣлали того же, что̀ варвары Готы и Визиготы. Сколь велико число и состояніе жалостно тѣхъ несчастныхъ, которые, отъ страха оставивъ Савойю и Ницу, перебираются сюда въ Пьемонтъ, того оживописать я не могу никакимъ образомъ. Дороги изъ Кони, Сузы и Аосты гобзятся ими; многіе съ голода и холода померли, а особливо женщины и малолѣтнія. Римскій министръ получилъ отъ двора своего повелѣніе снабжать чѣмъ нибудь Авиньонскихъ выходцевъ и отсылать ихъ въ папскія владѣнія. Мадамъ и графиня д'Артуа помогаютъ нѣсколько Французскимъ эмигрантамъ, попамъ и офицерамъ; но правительство ихъ болѣе не терпитъ, выгоняетъ ихъ съ чрезвычайною строгостію, тѣмъ паче жестокою и несносною, что вдругъ она послѣдовала за самымъ тихимъ покровительствомъ. Они все свое имѣніе оставили въ Ницѣ и теперь не знаютъ, куда дѣваться. Вѣроятно, что, вышедши изъ Пьемонта, многіе помрутъ съ голода и холода. Генералъ Лазари, видя себя одного

обвиняемаго въ ужасномъ разстройствѣ войскъ Пьемонтскихъ, самъ проситъ, чтобы король назначилъ военный судъ. Со всѣмъ тѣмъ я не думаю, чтобы по прошенію его было сдѣлано. Причина тому та, что само правительство одобрило худыя его расположенія кордономъ, что оно и само оказало смятеніе и страхъ въ письмахъ своихъ къ нему, что не одинъ только онъ въ Савойѣ располагалъ войсками, что шевалье де-Перронъ, Шамберійскій губернаторъ, почти столько же виноватъ, но которому король недавно простилъ все, такъ какъ и марки де-Кордону, второму генералу, который первый запретилъ канонерамъ стрѣлять по Французамъ, но котораго изстари король особенно жалуетъ. Многіе люди, и даже принцъ Пьемонтскій, подозрѣваютъ, что отъ нихъ вмѣшана была измѣна; но того навѣрно нѣтъ: эти начальники, будучи сами Савойяры, теряютъ черезъ то почти всѣ свои доходы. А впрочемъ они всѣ трое непріятели между собою, такъ что ни о чемъ никогда не слаживались, кромѣ, можетъ быть, побѣга войскъ. Кромѣ доходовъ съ Ницы и Савойи, король Сардинскій теряетъ вещами одними непонятно какъ много. Всѣ увѣряютъ, что потеря въ одной только Савойѣ можетъ простираться до одинадцати милліоновъ Пьемонтскихъ ливровъ. Къ тому же приложить надобно ужасное иждивеніе, каковое перевозъ всѣхъ провизій стоилъ черезъ Альпы; а послѣ еще выложить потерю пороховыхъ и фуражныхъ магазиновъ, ружей, лошадей и проч. Что̀ касается до графства Ницкаго, гдѣ, опричь другихъ припасовъ и военныхъ снарядовъ, оставлено въ добычу непріятелю сто двадцать пушекъ, то потеря онаго вычтена до четырехъ милліоновъ. И такъ, не считая Сардиніи, о которой извѣстій и до сихъ поръ нѣтъ, король, сказываютъ, лишается пятнадцати милліоновъ. Потери офицеровъ, частно растерявшихъ свои экипажи, простираются слишкомъ до милліона. Число ново-выпущенныхъ ассигнацій будетъ, говорятъ по секрету, вдвое болѣе противъ объявленнаго въ указѣ; слѣдовательно, на восемь милліоновъ ливровъ. Здѣшніе Жиды и мѣнялы, узнавъ это, начинаютъ уже неохотно принимать новыя ассигнаціи и не иначе какъ со сбавкою четырехъ процентовъ.

25.

Туринъ, 6 (17) Октября 1792 года.

Изъ приложенныхъ здѣсь писемъ вы изволите увидѣть, что Женева находится въ прекрайней опасности быть бомбардированною. Тысячъ восемь Французовъ стоитъ теперь въ Каружѣ съ большою осадною артиллеріею, подъ начальствомъ г-на Монтескье, который недавно освобожденъ. Полученное здѣшнимъ государемъ извѣстіе объ объявленіи войны отъ Французовъ Швейцаріи, нашлось, по крайней мѣрѣ, скороспѣлымъ. Письма даже отъ 12 о томъ еще не упоминаютъ. А между тѣмъ можно примѣтить, что Швейцарцы не вызовутся сами разорвать свой нейтралитетъ, но что они только рѣшились защищаться до послѣдней капли крови, хотя и есть у нихъ округи, которые заразились язвою Французскаго духа, какъ напримѣръ Базель, Шафгаузъ, Пеи-де-Во, почти половина Солюра и граф-

ство Невшатель. Савойскіе поселяне зачинаютъ уже нѣсколько стонать отъ своихъ ужасныхъ гостей и сожалѣть о Пьемонтскомъ правительствѣ. Причины тому: 1) обмѣнъ Французскихъ ассигнатовъ на наличныя ихъ деньги; 2) страхъ, чтобы вдругъ не вздорожалъ хлѣбъ; 3) опредѣленіе, чтобы къ 1-му Января готовились 7 тысячъ охотныхъ рекрутовъ. Но въ Шамбери Якобинскій клубъ напрягаетъ всѣ свои обаятельныя силы къ ожесточенію ихъ противъ здѣшняго властелинства. И вотъ между прочимъ плакардъ, что̀ по всѣмъ улицамъ прибитъ: Война деспотамъ, миръ и вольность народу. Скоро, сказываютъ, выдетъ тамъ же новое опредѣленіе, которымъ повелѣно будетъ выѣзжимъ Савоярскимъ владѣльцамъ возвратиться жить въ отечество; въ противномъ же случаѣ, имѣніе преслушника будетъ конфисковано въ народную казну, что̀ чрезвычайно тревожитъ Савоярскихъ помѣщиковъ, а особливо тѣхъ, которые находятся въ дѣйствительной службѣ его Сардинскаго в—ва. Водяне (les Vaudois), всегда вѣрные и храбрые люди, вызвались стеречь многіе узкіе проходы по Альпамъ, что̀ вдоль Пьемонта. Крѣпости же тутъ запасены теперь очень хорошо; и такъ съ этой стороны нечего, кажется, бояться отъ Французскихъ набѣговъ. Со стороны Ниццы, главная дефилея при Саоржѣ оберегается тремя батальонами. Прочія войска, убѣжавши съ береговъ Вара, перешли въ Коль-ди-Тандъ и въ Кони. Сверхъ того, всѣ окольные мужики вооружены и чрезвычайно ненавидятъ Французовъ. Даже недавно между ними были и небольшія сшибки, которыя кончились въ честь земледѣльцевъ. Я примѣчаю, что публика и даже самъ король очень полагаются на вооруженныхъ Пьемонтскихъ мужиковъ, и болѣе нежели на самыя войска. Въ самомъ дѣлѣ, какъ здѣшніе ратники не могли снести и вида огня въ самомъ началѣ войны, то опасно, чтобы сердца ихъ совсѣмъ не заплѣснѣвѣли отъ робости. Уже у нѣкоторыхъ, сказывали мнѣ, одно имя Французскаго безштанника кожу подираетъ, также какъ я примѣтилъ, тому три года, надъ нѣкоторыми Прусаками, когда упоминалъ о приближеніи нашихъ Башкирцевъ. Туринское мѣщанство получило на сихъ дняхъ позволеніе носить синюю кокарду, такую, какая у военныхъ людей, въ знакъ вѣрности и приверженности къ государю. Эта мелкая уловка, отличающая будто добрыхъ, не можетъ одобрена быть степенными людьми. Злонамѣренные тоже въ состояніи нарядиться въ эту вывѣску. Она же пахнетъ какъ-то Парижскою теперешнею гнилью; а сверхъ того можетъ открыться и явно въ двѣ противныя партіи: кокардники и безкокардники, которые со временемъ отрыгнутъ междоусобную злобу, что̀, по причинѣ ехидной природы здѣшней націи, очень статься можетъ. Надлежало было или предоставить военный бантъ однимъ только вооруженнымъ и записнымъ охотникамъ, или приказать его носить всякому здоровому человѣку, безъ разбора состоянія, чина и рода. Теперь только одни черные мастеровые и лавочные сидѣльцы въ кокардахъ щеголяютъ; а мужики, домовые люди, купцы, художники, дворяне или о томъ не думаютъ или насмѣхаются. Извѣстнаго плана войны здѣсь еще нѣтъ. Гово-

рятъ теперь, что скоро откроется, по мнѣнію принца Пьемонтскаго, военный совѣтъ, гдѣ судимы будутъ подвиги армейскихъ начальниковъ въ Савойѣ и Ницѣ. Ежели не подоспѣетъ Испанскій флотъ въ Средиземное море, то я не думаю, чтобы его Сардинское в—во осмѣлился до весны предпринять что нибудь противъ Французовъ въ Ницѣ; а изъ Мадрида еще не получено о томъ удовлетворительнаго извѣстія, и будетъ ли оное скоро, того никто не знаетъ. Кажется, что еще Испанскій дворъ съ ужасомъ оглядывается на молчаливыхъ Англичанъ.

26.

Туринъ, 9 (20) Октября 1792 года.

Здѣшній дворъ сообщилъ Римскому и Неаполитанскому жалобныя извѣстія о нашествіи Французовъ. Имъ внушено было, что ежели король Сардинскій за лучшее почелъ остаться въ оборонительномъ состояніи, отъ котораго онъ нашелся среди бездны всяческихъ бѣдъ, то это было наипаче по совѣтамъ Бурбонскихъ дворовъ, вслѣдствіе чего Неаполитанскій изъявилъ чувствительность свою къ потерямъ короля, но что, по несчастію, онъ находится не въ состояніи сдѣлать съ Французами явнаго разрыва, что онъ и самъ имѣетъ нужду во всѣхъ своихъ силахъ для обороны собственныхъ владѣній противъ нечаяннаго ихъ нападенія, но что какъ вѣрный доброжелатель Сардинскому королю, приноситъ онъ ему въ подмогу сто тысячъ Неаполитанскихъ дукатовъ или четыреста тысячъ франковъ на каждые три мѣсяца. Папа отвѣтствовалъ плачевопльствіями, горячими молитвами къ Богу и обѣщаніями денежной подмоги; но не означилъ точно ни срока, ни числа на оную. Два судна, шедшія изъ Сардиніи съ хлѣбомъ и съ цѣлой ротой Пьемонтскихъ егерей, не зная о участи Ницы, прямо вошли въ портъ оной и были взяты Французами. Удивительно, какъ здѣшній дворъ до сихъ поръ еще не получилъ обстоятельныхъ извѣстій объ этомъ островѣ, хотя бы черезъ Ливорну. Пишутъ изъ Франціи, что 10/т. человѣкъ, подъ предводительствомъ генерала Паули, пошли уже для завоеванія Сардиніи. Со всѣмъ тѣмъ я не думаю, чтобы имъ удалось такъ легко, какъ въ Ницѣ и въ Савойѣ. Причина тому не та, чтобы тутъ командующій 2000 Пьемонтцевъ упорнѣе былъ передъ прочими въ оборонѣ (ему же и нельзя ожидать отсюда никакой помощи), но та, что живущіе во внутренности острова Сардинцы суть люди сильные, напористые, простые, любящіе свою отчизну и свои обряды и которые конечно ничего не будутъ разумѣть изъ загадокъ естественнаго права и метафизическихъ Французскихъ логогрифовъ. Французы могутъ завладѣть набережными городами, которые по большей части населены Пьемонтцами и Испанцами; но когда они захотятъ вступить во внутрь острова, то вѣроятно, что найдутъ непримиримаго врага въ каждомъ жителѣ. Извѣстія изъ Женевы стали спокойнѣе. Твердая рѣшительность Швейцарцевъ произвела наилучшее дѣйствіе. Монтескье заблагоразсудилъ прекратить свои сборы къ осадѣ Женевы, а Націанальное Собраніе объявить, что оно никогда и не думало на-

рушать нейтралитетъ Гельветическаго корпуса и доброе согласіе, существующее между Франціею и Женевою съ 1784 года. Сардинскій король прекратилъ ту привилегію духовенства, по которой они платили только двѣ трети обыкновенной подати съ своихъ земель; и такъ всѣ попы обязаны впредъ платиться наравнѣ съ прочими владѣльцами. Его величество объявилъ, что большой оперы на сей карнавалъ, такъ какъ и королевской охоты, имѣть не хочетъ. Сіи два предмета празднуемы здѣсь были съ чрезвычайною пышностью. Оберъ-егермейстеръ получилъ повелѣніе убить двѣ трети гончихъ собакъ, выправить лошадей для продажи и распустить большую часть ловчихъ. Австрійская артиллерія уже пришла, стоитъ теперь на одну почту отсюда. Городъ Кариньянъ служить будетъ ей охраннымъ мѣстомъ до будущаго повелѣнія.

27.

Туринъ, 9 (20) Октября 1792 года.

Король запретилъ открывать на эту зиму Туринскій университетъ. Ученики, которые теперь на вакаціяхъ, оказали, тому годъ назадъ, духъ своевольства очень для настоящаго времени опасный. Кажется, что духъ возмущенія, укрощаемый только вооруженною рукою, часъ отъ часу болѣе здѣсь распространяется въ тайномъ образѣ. Какъ торговля въ Пьемонтскихъ городахъ, по отнятіи Савойи и Ницы, совсѣмъ пресѣклась, то сучильщики шелка и многіе мануфактурщики остались безъ работы и безъ хлѣба; и это также умножаетъ ужасную толпу нищихъ и недовольныхъ правленіемъ. Сегодня вышло повелѣніе обвести Туринъ и нѣкоторые другіе города крѣпкими палисадами.

28.

Туринъ, 27 Октября (7 Ноября) 1792 года.

Посланный отъ его Сардинскаго величества въ Англію курьеръ, послѣ наводненія Французовъ въ его владѣнія, третьяго дня сюда обратно пріѣхалъ. Чтобы не встрѣтиться въ Германіи съ войсками подъ предводительствомъ Кюстина, принужденъ онъ былъ объѣхать кругъ почти на сто миль, поворотилъ даже черезъ Кассель, гдѣ, сказываютъ, страхъ отъ приближенія Французовъ и желаніе большей части недовольнаго своимъ государемъ народа составляли совершенный контрастъ. Дороги, по которымъ онъ ѣхалъ, гобзились людьми, спасавшимися изъ города въ городъ. Наконецъ пріѣхалъ онъ сюда черезъ Тироль съ отвѣтомъ отъ Лондонскаго двора немогозначущимъ: кромѣ учтивостей, соболѣзнованій, состраданія и обѣщанія употребить при времени и при мѣстѣ свои доброжелательства, ничего болѣе нѣтъ. Это время подлинно очень критическое, и это мѣсто еще очень неизвѣстно. Ежели разные министры съѣзжаются для конгресса въ Люксамбургъ, то Французы не послали еще туда своего полномочнаго, да вѣроятно, что и не пошлютъ. Надменные и величаясь своими успѣхами до крайности, они не иначе захотятъ трактовать, какъ стоя въ ружьѣ. Эксъ-министръ Серванъ заступилъ

мѣсто г-на Монтескье въ Савойѣ; а послѣдній посланъ съ его строевыми войсками усилить и командовать собирающеюся при Пиринейскихъ городахъ арміею. Ему также приказано предускорить вооруженіе Испанцевъ и вступить въ Каталонію. Въ тамошнихъ портахъ вооруженія производятся всѣми силами. Но по полученіи извѣстія о разстройствѣ Нѣмецкихъ войскъ, совершенно обученныхъ и приведенныхъ первостепеннымъ по военному искусству во всей Германіи генераломъ, наступилъ въ Испаніи всеобщій страхъ. Усиленный сухопутными войсками Французскій вице-адміралъ Трюге заклялся не возвращаться во Францію иначе, какъ когда зачумитъ многіе Италіанскіе города и порты. Онъ надѣется пройти или добровольно или силою черезъ Генуезскія земли и потомъ внести войну въ Миланезъ и Пьемонтъ. Здѣсь все еще отзывается тѣмъ страхомъ, которымъ правительство огромлено. Генералъ Сентъ-Андре, командующій пятью тысячами Пьемонтцевъ въ Саоржѣ, писалъ ко двору, что онъ передовые свои посты подвинулъ далѣе впередъ, что Французовъ не видалъ, и что надѣется отнять обратно важный постъ Коль-де-Крайсъ и Соспелло. Кажется, что Французы не надѣются удержать за собою графство Ницское; я начинаю думать, что они такого же мнѣнія и о Савойѣ. Земля не родитъ довольно хлѣба и на свои издержки, и такъ наконецъ станетъ и имъ самимъ въ тягость. Это самое, кажется, принудило Національное Собраніе отказать Шамберійскимъ депутатамъ на требованіе, чтобы Савойя составляла 84-й департаментъ, но притомъ и объявить, что на ихъ волю отдается сдѣлать особенную республику подъ покровительствомъ Франціи, вслѣдствіе чего въ Шамбери находящійся предусмотрительный совѣтъ объявилъ себя собраніемъ для конституціи. Первое его опредѣленіе касается до имѣнія Савойскихъ эмигрантовъ, а именно, что ежели они до 25 Декабря не возвратятся въ Савойю, то имѣніе ихъ конфисковано будетъ на республику.

29.

Туринъ, 30 Октября (10 Ноября) 1792 года.

Французы вступили и въ Геную, какъ нейтральный городъ. Это посѣщеніе даетъ поводъ къ новымъ безпокойствамъ. Здѣсь всѣ думаютъ, что они наровятъ ворваться въ Миланезъ и Пьемонтъ, почему въ Тортонѣ и въ Александріи съ поспѣшностью принимаются новыя мѣры къ оборонѣ. Здѣсь становится довольно холодно, но новый снѣгъ по горамъ еще не выпалъ, слѣдовательно и не заперъ еще тамъ проходовъ. Еслибъ Монтескье кончилъ свой споръ съ Женевою и Бернскимъ кантономъ, то могъ бы воспользоваться этимъ временемъ. Къ счастію нашему и то, что заключенныя между нимъ и Женевою статьи еще не подписаны его препоручителями; да и когда подпишутся, то много отмѣнено будетъ. Шамберійское собраніе для конституціи во всемъ обезьянствуетъ глядя на Французское. Каждый день выходитъ тамъ какое нибудь новое опредѣленіе, и каждое опредѣленіе отлучаетъ Савойяровъ отъ законнаго и древняго повиновенія его Сардинскому в—ву. Богъ знаетъ, удастся ли ему

опять присвоить эту землю. Ежели предположить, что Французы послѣ мирозаключенія принуждены будутъ очистить Савойю, то утѣха не великая. Тамъ все еще останется плевелъ ихъ начало, которое, въ собственно называемой Савойѣ, пустило уже глубокіе корни. Что касается до графства Ницскаго, то дѣло другое: Французы не умѣютъ ни головъ восхитить, ни сердецъ обласкать тамошнихъ жителей. Я еще думаю, что имъ и страшно тамъ гостить. Генералъ Ансельмъ недавно открылъ заговоръ, который въ Ницѣ тайно производился на жизнь Французовъ. Нѣсколько Ниссаровъ за то повѣшены. Послѣдствіемъ изъ всего этого будетъ подозрѣніе и недовѣрчивость, а кончится жестокостью побѣдителя и отчаяніемъ побѣжденныхъ. Сардинія еще не взята; но этого здѣсь ожидаютъ съ часу на часъ, такъ какъ бы Французы должны были исполнять все, что̀ имъ ни придетъ въ голову. Вся Италія стала теперь полупобѣждена съ одной стороны страхомъ, а съ другой тайнымъ ропотомъ. Секретарь посольства въ Россію назначенъ отсюда г. Босси, комми при иностранныхъ дѣлахъ; онъ отправленъ за нѣсколько дней, но объѣдетъ полуденную сторону Нѣмецкой земли и къ своему мѣсту поспѣетъ развѣ черезъ два или три мѣсяца. Человѣкъ этотъ очень не глупый, и графъ Готвилль просилъ меня повергнуть его къ милости вашего сіятельства.

30.

Туринъ, 27 Ноября (8 Декабря) 1792 года.

Его Сардинское величество приказалъ произвести военный судъ надъ арестованнымъ уже въ Кони Салюсскаго полка маіоромъ Вилла-Марина, который, будучи командованъ графомъ Сентъ-Андре подъ Соспелло съ тремя стами человѣкъ противъ Французовъ, но услыша на дорогѣ отъ идущаго оттуда крестьянина, что число Французовъ простирается до двухъ тысячъ, возвратился и не дошелъ до непріятелей. По послѣднимъ изъ Женевы извѣстіямъ, сей городъ вновь угрожается посѣщеніемъ Французовъ по причинѣ возставшей между чернью сильной партіи въ пользу безштанниковъ.

Слухъ здѣсь также носится, что Французы намѣрены ворваться въ Пьемонтъ вдругъ съ четырехъ сторонъ, то есть съ Савойской, Пиньерольской, Генуезской и Миланской, вслѣдствіе чего народъ и городъ находятся въ уныніи, видя наипаче тѣ мѣры, которыя и здѣшній городъ беретъ къ оборонѣ. 25 Ноября (6 Декабря) ея королевское величество герцогиня Аостская разрѣшилась отъ бремени рожденіемъ принцессы, которой въ святомъ крещеніи наречены имена Marie-Josephie-Victoire-Béatrice. Третьяго дня приведены сюда двадцать два Француза, взятые въ полонъ здѣшними войсками подъ Соспелло.

31.

Туринъ, 11 (22) Декабря 1792 года.

Вчера прискакалъ сюда вѣстникъ, но все не съ радостною вѣстью. Онъ пріѣхалъ изъ крѣпости Кони или Кунео. Содержаніе его пи-

семъ есть слѣдующее: четверо молодыхъ офицеровъ, стоя въ церкви, хохотали столь-же громко, какъ въ театрѣ. Можетъ быть, кромѣ кощунства, издѣвались они надъ стоящимъ близь нихъ съ благоговѣніемъ степеннымъ человѣкомъ. Онъ имъ выговорилъ. По окончаніи службы, офицеры, напавши на этого человѣка, требовали, чтобы онъ, павъ передъ ними на колѣни, просилъ прощенія. Невинный не хотѣлъ просить прощенія; свара умножилась. Подоспѣлъ объѣздъ, и невиннаго повели подъ караулъ. Граждане, узнавъ о томъ, отбили его силою; потомъ вооружившись, въ числѣ 800 человѣкъ, приступили еще съ бо́льшимъ остервененіемъ къ дому коменданта и требовали единогласно заарестовать и наказать кощунствующихъ офицеровъ. Комендантъ заарестовалъ ихъ и успокоилъ нѣсколько гражданъ. Но какъ дѣло это очень колкое, то онъ заблагоразсудилъ отнестись къ королю въ дальнѣйшемъ судопроизводствѣ. Въ Кьери, городѣ, составлявшемъ въ древнія времена республику, открылось сильное роптаніе. Туда посылается баталіонъ полка де-ла-Маринъ.

32.

Туринъ, 29 Декабря 1792 (9 Января 1793 года).

Гдѣ политика худа, тамъ худо и домоводство. Война отъ того становится всегда тягостна. Слѣдствію всего этого должно приписать истощеніе казны и государственныхъ доходовъ въ здѣшнемъ королевствѣ. Извѣстно, что съ Ницы и Савойи теперь доходовъ нѣтъ; королевскіе сервизы, превратившись въ ходячую монету, не великую оказали услугу, и недостатокъ въ деньгахъ сталъ весьма ощутителенъ. Для дополненія нѣкоторымъ образомъ онаго, здѣшняя Камеръ-Коллегія именемъ короля обнародовала на сихъ дняхъ указъ, въ такой силѣ, что разныя помѣстья и недвижимыя имѣнія съ ихъ доходами, доставшіяся обратно коронѣ, продаваться будутъ. Но какъ всякій старается, чтобы Французы не перебили торга этого оружіемъ, то думать можно, что едвали сыщется слишкомъ много купцовъ. Видно, что здѣшніе волонтеры невеликую оказываютъ услугу внутри самаго отечества. Здѣшній военный департаментъ доложилъ его Сардинскому в—у, чтобы и между ими завести совершенную подчиненность и родъ дисциплины, нужной для обезпеченія соотечественниковъ отъ обзабоченія непріятелей. Только · все опасно, чтобы они не надѣлали отечеству больше вреда, нежели самимъ врагамъ отечества, Французамъ. Здѣсь спознали, что Англія вооружается. Извѣстіе это принято съ восхищеніемъ. Неизвѣстно по этой или по другой причинѣ, Французы, подъ предлогомъ недоимки, взяли съ города Ницы двѣсти тысячъ ливровъ.

1793 годъ.

1.

Туринъ, 1793 года 8-го (19-го) Января.

На сихъ дняхъ вышли здѣсь два указа, которые оба доказываютъ упоминаемый въ прошлыхъ моихъ депешахъ ужасный недостатокъ животворной крови государства, т. е. ходячей монеты. Первымъ приглашаются подданные воздвигнуть новую гору св. Іоанна (потому что старая въ самой вещи разсыпалась), только поменьше прежней, а именно въ два милліона ливровъ. Строители этой горы, т. е. вкладчики денегъ, пользоваться будутъ 70 тысячами годоваго дохода, которые они дѣлить будутъ по себѣ. Вторымъ требуется отъ подданныхъ, владѣющихъ, съ позволенія короля, поземельными, капитальными, мануфактурными прерогативами, льготами и угодьями, четвертая часть доходовъ въ государственную казну, за исключеніемъ нѣкотораго только класса людей и нѣкоторыхъ провинцій. Подъ этотъ указъ идутъ: 1) помѣщики, 2) откупщики, 3) всякаго рода мытари, 4) всякаго рода компанейщики, 5) всѣ промысловые люди. Ваше с—во сами судить можете, сколь указъ этотъ важенъ относительно къ королю, къ подданнымъ и къ нынѣшнимъ обстоятельствамъ. Это сильное, но также и отважное средство. Опасно, чтобы здѣшнее правительство, подобясь утопающему человѣку, который безъ памяти и за бритву хватается, не принялось за такія мѣры, которыя ему самому противны. Но нужда чего не дѣлаетъ? Можетъ быть, весною и такой указъ выдетъ, который потребуетъ и жизни и имѣнія отъ всѣхъ подданныхъ. Сардинская военная вольница получила нѣкоторый выигрышъ надъ Французами; только, какъ здѣшними войсками управляетъ не Марсъ, а деньги и оружіе куетъ не Вулканъ, то этотъ выигрышъ не слишкомъ важенъ.

2.

Туринъ, 1-го (12-го) Марта 1793.

По отъѣздѣ своемъ за нужное почитаю описать вамъ состояніе войскъ короля Сардинскаго.

Долговременный миръ, обаятельная надежда на прочную тишину въ Италіи и оттого послѣдовавшая безпечность, такъ усыпили Пьемонтъ, что воинственная часть правительства осталась въ невѣроятномъ пренебреженіи, или совсѣмъ въ забытьи о настоящемъ своемъ предметѣ и цѣли. Войска, оставаясь въ всегдашнемъ недѣйствіи, мало по малу такъ изнѣжились, что наконецъ стали годными лишь только для народа, не имѣющими ни силы, ни урядства, ни смѣтливости. Отъ этого-то произошли и шарлатанскіе списки и табели, гдѣ видно множество штабъ-маіоровъ, офицеровъ, тьма полковъ и баталіоновъ, а весьма мало сущныхъ солдатъ. Отъ этого-то расплодилось множество ложныхъ чиновъ, безъ памяти надѣланныхъ ранговъ и офицеровъ болѣе царедворныхъ, нежели ратниковъ. Среди такой непорядицы сыскался нѣкто ревнитель, а именно Марни Сильва, который показалъ несовмѣстность и опасность и который, по пове-

лѣнію короля, сочинилъ было уже весь воинскій уставъ; но оный остался безъ исполненія, безъ дѣйствія и пользы, и все опустилось опять въ объятія нѣги и дремоты. Наконецъ Французская революція, какъ ужасный пожаръ, пробудила сонливое правительство. Король очнулся и увидѣлъ, что войска ему надобны не на бумагѣ только и въ скоромъ времени дозналъ собственнымъ несчастнымъ опытомъ гибельныя слѣдствія самохвальства, неурядства и неопытности. Онъ прибѣгъ къ Римскому императору съ просьбою о доставленіи ему полководца, могущаго одушевить его войска и ими командовать. Прибылъ г. де-Винсъ, и кажется, все одушевляется, все принимаетъ новый видъ; однако же за симъ первымъ движеніемъ поминутно встрѣчаются трудности и неудобства. Они суть слѣдствіе обычайной онемѣлости и злоупотребленій, укоренившихся во всѣхъ частяхъ военной расправы. Твердодушіе генерала многое уже превозмогло, и можно надѣяться, что онъ и прочее побѣдитъ. Теперь пружины арміи воспринимаютъ хотя и съ медленностію свой ходъ, различныя тѣла смыкаются, ученіе водворяется, ревнованіе возрождается, и если все способствовать будетъ дѣятельности сего полководца, то въ наступающій походъ Пьемонтское оружіе въ состояніи будетъ возстановить честь свою. Солдатскіе наборы производятся всѣми способами для укомплектованія войскъ, отъ котораго они еще далеки. Сверхъ того положено составить два или три баталіона вольницы, которые состоять будутъ изъ дезертеровъ Французскихъ и Пьемонтскихъ, возвращающихся изъ Франціи сюда по данному имъ всеобщему прощенію. По письменному теперешнему штату выходитъ, что вся пѣхота короля Сардинскаго со включеніемъ и новаго полка де-Сентъ-Галль, простираться будетъ до 36,300 человѣкъ; а вся конница до 3,800 человѣкъ, не помѣщая тутъ ни польныхъ штатъ-маіоровъ, ни ротныхъ офицеровъ. Штатъ маіорскій въ пѣхотномъ полку состоитъ изъ полковника, подполковника, двухъ маіоровъ и двухъ адъютантовъ; въ конномъ же полку вмѣсто двухъ маіоровъ находится только одинъ. Въ каждомъ баталіонѣ и въ каждомъ эскадронѣ по четыре роты, а въ каждой ротѣ по три офицера.

Здѣсь не упоминаю я о милиціанахъ, которые въ каждой провинціи защищаютъ свои горы и жилища: они тамъ только и годны и, можно сказать, чрезвычайно хороши. Каждая провинція ставитъ ихъ по мѣрѣ своего людства.

Нѣсколько изъ нихъ даже поверстались въ роты, и имъ даны старыя армейскія ружья. Они крайне безпокоятъ непріятеля и убиваютъ у него множество людей, нацѣливая очень мѣтко изъ-за скалъ, деревъ и бугровъ. Какъ они совершенно знаютъ мѣстоположеніе, то могутъ быть полезны и для передовыхъ постовъ, для подглядѣнія непріятеля и для всякихъ уловокъ мелкой войны.

Вычисленныя мною теперь силы, соединившись съ 25,000 Австрійцевъ (такому числу быть впредъ надѣются), кажется, не только Пьемонтъ защищать довольны, но даже и дѣйствовать наступательно. Невѣроятно, чтобы Французы, принуждены будучи содержать Савойю и графство Ницское, могли еще поставить

армію въ шестьдесятъ тысячъ человѣкъ (а къ тому потребно не менѣе) противъ Пьемонта. Я не знаю, какой планъ кампаніи начертилъ г. де-Винсъ и послалъ въ Вѣну. Я воображаю, что онъ болѣе наступательный; однако же какъ совершенно наступательный строй зависитъ отъ многихъ случайныхъ обстоятельствъ, то не оставленъ, я думаю, безъ разсмотрѣнія и оборонительный, по всѣмъ тѣмъ отношеніямъ, каковыя встрѣтиться могутъ. Какъ бы то ни было, только защищеніе Пьемонта покажется вашему с—ву нетруднымъ, ежели успѣю передать вамъ ясное понятіе его мѣстоположенія. Земля эта представляетъ плоскодонную впадину, вокругъ половины которой, т. е. вдоль всей раздѣляющей ее отъ Франціи границы, простираются цѣпью горы преогромныя. Тотъ, кто находится среди сего полукружія, имѣетъ большую выгоду передъ тѣмъ, кто стоитъ на выпукломъ мѣстѣ. Ежели онъ хорошо расположитъ и соразмѣритъ свои движенія, то можетъ обращаться въ силѣ къ тому устью, сквозь какого непріятелю захочется пробиться; да еще удобно и предупреждать его на всѣхъ точкахъ этой дуги, которой лучи, разсыпаясь по мѣрѣ отступленія своего отъ центра, кончаются на выходахъ или устьяхъ весьма удаленныхъ со стороны Франціи. Сверхъ этихъ преградъ, природою положенныхъ, есть много въ Пьемонтѣ крѣпостей, которыя не иначе можно взять, какъ порядочною осадою нарочитымъ числомъ войска и соразмѣрнымъ подвозомъ артиллеріи. Нѣтъ такой крѣпости въ Пьемонтѣ, сколько бы она средственна ни была, которая бы не имѣла въ поперечникѣ съ наружными укрѣпленіями четыреста саженъ, не считая пространства линій, не считая излучины или кривизны оныхъ, съ чѣмъ выдетъ, что малѣйшая цирконволюція самой малой Пьемонтской крѣпостцы потребуетъ 12,000 саженъ, т. е. пять лье, изъ 2,500 саженъ каждое лье.

Можно вообразить, что линіи такого пространства занимаемы быть должны не менѣе какъ изъ 40,000 арміею. Ежели же присоединить къ тому работу при осадѣ, посылки прикрытія, отряды, сообщенія, прибавить еще обозрѣвательный корпусъ, который непремѣнно нужно содержатъ для противоположенія идущей къ осажденнымъ арміи: то для внесенія оружія въ самый Пьемонтъ потребна армія не менѣе какъ изъ 60 или 70,000 человѣкъ, такъ какъ я выше вамъ доложилъ. Такой арміи Французы со стороны Италіи поставить не могутъ, между тѣмъ какъ они заняты войною на всѣхъ прочихъ точкахъ своихъ обширныхъ границъ и даже далѣе оныхъ, да еще принуждены бывъ содержать войска въ Савойѣ и въ графствѣ Ницскомъ.

Что касается до наступательной войны, то, я думаю, что можно на Французовъ напасть съ трехъ сторонъ:

1) Со стороны Савойи выгнать ихъ изъ Моріены и Тортонцы, потомъ идти на Лизеръ и завладѣть Барро.

2) Со стороны Дофинэ занять сперва станъ Турту и потомъ простираться по Дюрансу.

3) Со стороны Ницы, только чтобы въ тоже время подоспѣлъ на подмогу флотъ, владычествующій на морѣ. Черезъ взятіе Барро,

можно завладѣть теченіемъ Изера, Греноблемъ и большею частію Дофинэ, а черезъ занятіе стана при Турту и Монъ-Дофинэ завладѣть другою стороною даже до рѣки Дюранса, и черезъ сіи двѣ соединенныя операціи захватить Бріансонскій округъ, такъ что Бріансонъ, нашедшись отвсюду окруженнымъ и безъ всякой посторонней подмоги, хотя очень крѣпкій и осада коего стоила бы много крови и издержекъ, вѣроятно за недостаткомъ провіанта и подмоги, принужденъ будетъ сдаться. Ежели арміи соединенныхъ державъ одержатъ нарочитые успѣхи на Рейнѣ, то тогда можно будетъ завести связь и сношеніе между ихними и упомянутыми теперь движеніями.

*

Всеподданнѣйшее донесеніе князя Бѣлосельскаго.

Ея Императорскому Величеству. Рескриптъ Вашего Императорскаго Величества отъ 14 Іюля получить удостоился и на другой день вручилъ высочайшую грамоту вашу королю на особливой аудіенціи. Король засвидѣтельствовалъ чувствительнѣйшее удовольствіе о благополучномъ разрѣшеніи отъ бремени Ея Императорскаго Высочества [1]) и о умноженіи вашей фамиліи. Онъ просилъ меня повергнуть предъ стопы Вашего Величества жертву его почитанія и привѣтствія. Потомъ, разговаривая о многоразличныхъ успѣхахъ, увѣнчавающихъ, какъ въ запуски, предпріятія Вашего Величества, присовокупилъ онъ: «Что касается до меня, то я въ особливости признаю себя обязаннымъ Государынѣ вашей. Писано мнѣ, что она одобрила мой откровенный и скорый поступокъ въ разсужденіи Французскихъ дѣлъ, и никто столь высоко не почитаетъ ея одобренія, какъ я. О ежели бы она царствовала ближе къ намъ, то я бы первый, съ моими войсками пошелъ въ ея слѣдъ и, можетъ быть, порядокъ во Франціи возстановленъ бы уже былъ, или по крайней мѣрѣ всѣ бы уже знали, какъ себя вести въ семъ подвигѣ. Вы видите, что я теперь остаюсь одинокъ... Я не довольно силенъ.... Длина моихъ границъ отъ Женевы до Ницы ужасна.... Савойя и графство Нисское суть земли открытыя... Къ тому же есть и у насъ много головъ, напорошенныхъ Французскимъ дурманомъ.... Войска мои находятся въ изрядномъ состояніи. Я сдѣлалъ имъ, по возможности, наилучшую разстановку въ пользу Нѣмецкихъ армій. Данный мнѣ Австрійскій корпусъ весьма малъ.... Ежели теперь прикажу я ему выступить въ походъ, то Монтескье по первомъ извѣстіи впадетъ съ ордою разбойниковъ въ Савойю. Я не боюсь завоеванія отъ него; но мнѣ болѣзненно видѣть ужасъ опустошенія, каковой онъ можетъ нанести сей части любимыхъ моихъ подданныхъ. Меня еще не очень допускаютъ въ совѣтыванія двухъ Нѣмецкихъ дворовъ. Я остаюсь одинокъ. Между тѣмъ содержаніе моихъ войскъ за горами въ Ницѣ стоитъ мнѣ ужасно дорого,—всякую всячину надобно имъ

---

[1]) Великою княжною Ольгою Павловною.

посылать отсюда. Въ Савойѣ не родится даже и столько хлѣба, сколько нужно для прокормленія тамъ жителей. Напредъ сего вывозили туда его изъ Франціи, а теперь мятежъ доведетъ до того, что сами Французы помирать будутъ съ голода. Я все ожидаю извѣстія о какомъ нибудь сильномъ подвигѣ герцога Брауншвейгскаго. Между же тѣмъ я все еще висну такъ какъ паукъ на паутинѣ».

Вотъ вся сила бывшей у меня съ королемъ бесѣды. Проникнуть послѣдствіе оной есть дѣло прозорливости и провидѣнія Вашего Императорскаго Величества.

Людовикъ XVIII-й въ Россіи.

Извѣстное въ общемъ своемъ значеніи двукратное пребываніе въ Россіи короля Французскаго Людовика XVIII, въ царствованіе императоровъ Павла I и Александра I, не было еще предметомъ особой исторической монографіи. Обстоятельнѣе другихъ коснулась этого пребыванія книга Д. А. Милютина о войнѣ 1799 года, но и то лишь въ предѣлахъ своей спеціальной задачи. Съ цѣлью восполнить остающіеся пробѣлы въ свѣдѣніяхъ по данному предмету, воспользуемся сочиненіемъ одного изъ людей ближайшихъ къ королю Людовику XVIII, герцога Дудовилля (duc de Doudeauville), изданнымъ въ видѣ автобіографіи самого короля, подъ заглавіемъ: „Mémoires de Louis XVIII",12 vol. Paris, 1828. Это многотомное сочиненіе не появлялось еще на Русскомъ языкѣ, даже и отрывками. Предлагаемъ изъ него нѣкоторыя выдержки, частію въ дословной передачѣ, частію въ нашемъ сокращенномъ изложеніи. **Д. Р.**

I.

Среди продолжительныхъ скитаній по Европѣ съ самаго начала революціи и послѣ неудачныхъ попытокъ вызвать дружное содѣйствіе государей къ возстановленію во Франціи опрокинутаго трона Бурбоновъ, второй братъ казненнаго короля Людовика XVI, Станиславъ Ксаверій, графъ Прованскій [1]), по смерти его, провозгласилъ себя регентомъ, а въ 1795 году, когда умеръ въ неволѣ и другой страдалецъ, малолѣтній Людовикъ XVII, королемъ Франціи, подъ именемъ Людовика XVIII-го.

Новый титулъ этотъ подбавилъ только новой горечи въ чашу скорбей, которую поднесла судьба странствующему королю безъ королевства. Отвсюду вытѣсняемый, то вслѣдствіе дипломатическихъ интригъ, то по вліянію настойчивыхъ требованій Французско-республиканскаго правительства, Людовикъ XVIII нигдѣ не могъ долго оставаться на одномъ мѣстѣ. Въ Апрѣлѣ 1796 г., по распоряженію Венеціанскаго Сената, запуганнаго Франціей, онъ былъ весьма безцеремонно и даже оскорбительно-грубо выпровоженъ изъ Вероны, послѣ чего поселился временно въ Бланкенбургѣ, небольшомъ городкѣ въ Брауншвейгскихъ владѣніяхъ.

---

[1]) Stanislas-Xavier, comte de Provence. Р. 5 (16) Ноября 1755 г. † 2 (14) Сентября 1824 г. Былъ женатъ, съ 14 Мая 1771 г., на дочери короля Сардинскаго, Маріи-Жозефинѣ-Луизѣ, умершей 1 (13) Ноября 1810 г. Эмигрировалъ изъ Франціи 9 (20) Іюня 1791 г.

Тамъ проживалъ онъ и въ исходѣ 1796 г., когда настала въ Россіи перемѣна царствованія, съ кончиною Екатерины Второй. Король-изгнанникъ съ неподдѣльнымъ чувствомъ огорченія принялъ вѣсть о смерти знаменитой Государыни, и заподозрить искренность этого чувства въ эгоистическомъ Людовикѣ XVIII-мъ нѣтъ причины, такъ какъ сожалѣніе объ умершей Императрицѣ внушено было ему заботливостью о своей собственной судьбѣ. Передадимъ здѣсь подлинныя слова мемуаровъ, гдѣ ведется рѣчь постоянно отъ лица самого короля:

«Кончина Русской императрицы не была для меня событіемъ обыкновеннымъ, безразличнымъ. Я терялъ въ ней преданнаго друга, оказывавшаго мнѣ во всѣхъ обстоятельствахъ истинное доброе расположеніе. При ея дворѣ могъ я спустить послѣдній мой якорь, въ случаѣ окончательнаго крушенія, и уберечь всѣ свои надежды, съ полною увѣренностью, что, на призывъ мой къ ея великодушію, всегда протянется рука помощи. Это была женщина высшей натуры, соединявшая вмѣстѣ съ слабостями своего пола качества величайшихъ государей. Она обладала умомъ глубокимъ и обширнымъ, при самыхъ многостороннихъ познаніяхъ; наконецъ, это была Француженка въ душѣ [2]). Извѣстіе о ея смерти разразилось надо мною какъ громовый ударъ».

Далѣе приводится довольно распространенное легендарное повѣствованіе о предсмертномъ сверхъестественномъ видѣніи Екатерины II, подобное которому приписывается у насъ также и императрицѣ Аннѣ:

«Позднею ночью, фрейлины, дежурившія у дверей спальни ея величества, вдругъ увидѣли, что Государыня, въ ночномъ костюмѣ, съ свѣчою въ рукѣ, идетъ оттуда по направленію къ тронной залѣ и входитъ туда. Сперва онѣ были очень удивлены этимъ страннымъ и необычнымъ выходомъ, а потомъ стали тревожиться продолжительностью ея отсутствія; но ихъ безпокойство перешло въ изумленіе невыразимое, когда изъ государыниной спальни послышался звонокъ, которымъ, обыкновенно, призывалась дежурная прислуга. Бросившись на этотъ зовъ въ спальню, онѣ увидѣли тамъ.... опять-таки Екатерину, лежащую въ постелѣ. Она съ досадой спрашивала, что за причина шума, который не даетъ ей спать. Нельзя было скрыть отъ нея вполнѣ того, что́ произошло; но выслушанные отвѣты только подстрекнули ея любопытство, и она потребовала, чтобы ей разсказали все, безъ утайки; тогда пришлось уже признаться, что видѣли, какъ она выходила изъ спальни въ тронную палату. Императрица, пораженная такимъ чудомъ, встала и, въ сопровожденіи дежурныхъ женщинъ, отправилась въ эту залу, которую и отворили передъ нею.... Новое диво! Зеленоватое освѣщеніе озаряло все пространство огромной залы, а на тронѣ сидѣла другая Екатерина.... Императрица вскрикнула и упала въ обморокъ, а видѣніе вдругъ исчезло. Съ той самой минуты здоровье Государыни разстроилось, и черезъ два дня спустя апоплексическій ударъ прекратилъ ея жизнь. Это сверхъестественное событіе имѣло столькихъ свидѣтелей, что невозможно было покрыть его тайной, и я изъ первыхъ узналъ о немъ. Смерть Царицы совершенно измѣнила видъ дѣлъ въ Русской

---

[2]) „Elle était française de coeur“. Такой отзывъ, кажется, совершенно естественнымъ въ устахъ Француза, не знающаго болѣе лестной похвалы, но обличаетъ наивное непониманіе характера великой женщины, которая во всю свою жизнь неизмѣнно дѣйствовала въ духѣ только Русскихъ интересовъ.

имперіи. Сынъ и преемникъ Екатерины долженствовалъ подать поводъ еще къ бо́льшему о ней сожалѣнію»....

Одинъ изъ усерднѣйшихъ приверженцевъ Бурбонскаго дома, де-Сенъ-При, эмигрировавшій въ Россію еще въ царствованіе Екатерины, въ 1793 г. [3]), а потомъ состоявшій при Людовикѣ XVIII, въ качествѣ перваго его министра, присовѣтовалъ королю, совершенно разочаровавшемуся въ надеждахъ на поддержку Австріи, (которую Бонапартъ задобрилъ уступкою ей Венеціи), искать сближенія съ новымъ Петербургскимъ дворомъ, откуда только и возможно было ожидать сочувствія и помощи. Въ этомъ именно направленіи Сенъ-При завязалъ дѣятельную переписку, благодаря которой императоръ Павелъ пожелалъ имѣть съ нимъ личное сношеніе. Пріѣхавъ тогда въ давно знакомый Петербургъ, опытный дипломатъ, заручившійся своими прежними связями, умѣлъ скоро понравиться впечатлительному Государю, который обласкалъ его чрезвычайно, осыпалъ щедрыми подарками и обнаружилъ живое сочувствіе къ дѣлу Бурбоновъ. Впрочемъ, сочувствіе это было уже достаточно подготовлено предшествовавшими событіями и вполнѣ соотвѣтствовало строго-монархическому образу мыслей Павла, также какъ и его рыцарскимъ воззрѣніямъ въ вопросахъ внѣшней политики. Еще до пріѣзда Сенъ-При, онъ оказывалъ особенное покровительство эмигрантамъ, которые во множествѣ были принимаемы въ Русскую службу [4]) и, при самомъ почти воцареніи своемъ, выразилъ пріязненное вниманіе къ королю-претенденту, написавъ къ нему собственноручное письмо о своемъ вступленіи на престолъ, оффиціально пере-

---

[3]) François-Emmanuel de Guignard, comte de Saint-Priest, р. 1735 † 26 Февр. 1812 г. Началъ службу при Людовикѣ XV, сперва въ войскахъ, а потомъ по дипломатической части; былъ посланникомъ въ Лиссабонѣ и Константинополѣ (1768—1783 г.), при чемъ получилъ отъ Екатерины Андреевскую ленту. Въ царств. Людовика XVI, имѣя чинъ генералъ-лейтенанта, былъ государственнымъ совѣтникомъ, посломъ въ Голландіи, министромъ внутр. дѣлъ и королевскаго двора. Ему принадлежала мысль объ экспедиціи въ Египетъ, которою потомъ воспользовался Бонапартъ. Во время эмиграціи отправлялъ обязанности главнаго министра при Людовикѣ XVIII, а по возстановленіи его на престолѣ, возведенъ въ 1815 г. въ достоинство пера Франціи. Трое сыновей его были въ Русской службѣ: графы Эммануилъ, Карлъ и Людвигъ Францовичи. Изъ нихъ старшій и младшій участвовали въ войнѣ Россіи съ Наполеономъ, съ 1812 по 1814 г.; особенно извѣстенъ первый, который скончался отъ смертельной раны, полученной подъ Реймсомъ, 17-го Марта 1814 г., имѣя тогда чинъ генералъ-лейтенанта съ званіемъ генералъ-адъютанта и Георгіевскій орденъ 2-й степени.

[4]) Русскіе полки при Павлѣ наводнились этими господами, которые получили весьма видныя назначенія и дѣлались у насъ нерѣдко крупными помѣщиками-душевладѣльцами, тогда какъ въ другихъ Европейскихъ государствахъ они заработывали себѣ скудный кусокъ хлѣба или преподаваніемъ Французскаго языка и танцмейстерствомъ, или разными „пріятными" ремеслами, въ родѣ плетенія корзинокъ, точенія табакерокъ, клейки коробочекъ, вырѣзки силуэтовъ и т. подобн. Изъ многихъ представителей Французской аристократіи, которые вступили въ Русскую службу и вдоволь ублаготворялись милостями, назовемъ, наприм., герцога Брольо (duc de Broglio), принятаго съ фельдмаршальскимъ чиномъ, генераловъ маркиза д'Отишана (d'Autichamp), де-Віомениля, Ланжерона, начальствовавшихъ инспекціями и корпусами, герцоговъ Полиньяка и Ришельё, графовъ Шуазёль-Гуффье и Эстергази, герцога Лаваль-де-Монморанси (генер.-лейт.), Прево-де-Люміана (ген.-маіора) и мн. друг. Знатныя Француженки, равнымъ образомъ, не были обойдены милостями. Изъ нихъ княгиня Луиза де Тарантъ, герцогиня де-ла-Тремуйль, дочь послѣдняго въ родѣ своемъ герцога де-Шатильонъ, бывшая статсъ-дама королевы Маріи Антуанетты, получила это же высокое званіе при Русскомъ дворѣ, 20 Іюля 1797 г., и состояла въ немъ до самой смерти своей, послѣдовавшей 22 Іюня 1814 года.

данное Людовику, какъ бы дѣйствительно царствующему монарху, чрезъ посредство Русско императорскаго повѣреннаго, Симолина, бывшаго посланникомъ въ Парижѣ до революціи [5]). Подобное вниманіе имѣло тѣмъ бо́льшую цѣну въ глазахъ Людовика XVIII, что онъ не былъ избалованъ на этотъ счетъ со стороны другихъ Европейскихъ государей, изъ которыхъ многіе относились къ нему довольно небрежно и свысока, не щадя въ немъ ни личнаго самолюбія, ни представительства царственныхъ правъ.

Между тѣмъ, политическія событія шли своимъ чередомъ. Раштадтскій конгрессъ направилъ къ миру отношенія между Австро - Германскою имперіей и правительствомъ Французской республики, и войска, дѣйствовавшія противъ сей послѣдней, разоружались. Въ составѣ ихъ былъ извѣстный дворянско-Французскій корпусъ принца Конде [6]), сформированный весь изъ роялистовъ - эмигрантовъ и содержавшійся сперва на счетъ Германско - имперской казны, а затѣмъ на счетъ Англіи [7]). По заключеніи мира, онъ дѣлался ненужнымъ и, слѣдовательно, долженствовалъ быть упраздненнымъ, оставаясь безъ всякихъ средствъ содержанія. Людовикъ XVIII крайне встревожился за будущую участь этихъ вѣрныхъ сторонниковъ своей династіи.

«Обдумывая и соображая со всѣхъ сторонъ это прискорбное обстоятельство, говоритъ онъ, я вспомнилъ о Русскомъ царѣ. Мнѣ пришло на мысль, что онъ, не смотря на странности своего характера, могъ быть склоненъ къ великодушнымъ побужденіямъ и не откажется принять на свое содержаніе несчастныхъ эмигрантовъ. Мыслью этой я поспѣшилъ подѣлиться съ принцемъ Конде, который не менѣе меня былъ огорченъ и озабоченъ ихъ положеніемъ. Онъ горячо ухватился за нее и тѣмъ больше надѣялся на успѣхъ, что сохранилъ, нѣкоторымъ образомъ, личныя отношенія къ особѣ Русскаго императора, имѣвшія начало съ 1782 года, съ той поры, какъ Павелъ, бывъ еще наслѣдникомъ престола, путешествовалъ во Франціи подъ именемъ Сѣвернаго графа. Принцъ Конде тогда принималъ его въ своемъ замкѣ Шантильи, и не только съ блестящею пышностью, но и съ особеннымъ радушіемъ, о чемъ высокій гость сохранялъ добрую память. Итакъ, по совѣщанію съ принцемъ Конде, мы положили обратиться прямо къ Павлу I-му. Я, съ

---

5) Симолинъ, Иванъ Матвѣевичъ, кавалеръ св. Александра Невскаго и св. Владиміра 2-го кл., служилъ болѣе полувѣка по дипломатической части (съ 1743 по 1799 г.), хотя не отличался ни выдающимися дарованіями, ни знатностью происхожденія, бывъ сыномъ Шведскаго пастора въ Финляндіи. Онъ состоялъ посланникомъ при разныхъ дворахъ: въ Стокгольмѣ—съ 1774 г., въ Лондонѣ—съ 1779 г. и въ Парижѣ семь лѣтъ: съ 1785 по 1792 г. Кромѣ того, числясь по вѣдомству Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, Симолинъ былъ президентомъ Юстицъ-Коллегіи Лифляндскихъ, Эстляндскихъ и Курляндскихъ дѣлъ. Умеръ онъ въ 1799 году.

6) Принцъ Конде (Louis-Joseph de Bourbon, prince de Condé), р. 1736 † 13 Мая 1818 г. Съ мо́лоду служилъ въ военной службѣ и, участвуя въ Семилѣтней войнѣ, отличилъ себя въ 1762 г. побѣдою надъ принцемъ Брауншвейгскимъ, при Іоганнисбергѣ. Въ самомъ началѣ революціи, въ 1789 г., эмигрировалъ сперва въ Брюссель, потомъ въ Туринъ; на Рейнѣ онъ составилъ десяти-тысячный корпусъ изъ эмигрантовъ, принимавшій дѣятельное участіе въ кампаніяхъ 1793 и 1796 г. противъ Французск. республики. Впослѣдствіи, когда корпусъ этотъ переставалъ существовать, принцъ жилъ въ Англіи, а по возвращеніи Бурбоновъ, въѣхалъ въ Парижъ съ Людовикомъ XVIII, 24 Апр. (4 Мая) 1814 г. Есть его сочиненіе: „Essai sur la vie du grand Condé“, Paris 1756.

7) Императрица Екатерина II съ своей стороны оказывала корпусу принца Конде денежныя пособія, какъ видно изъ книги Масона: „Mémoires secrets sur la Russie“ (III, 69).

своей стороны, написалъ къ нему письмо. «Государь, братъ мой! Вы—одинъ изъ могущественнѣйшихъ монарховъ Европы, властитель народовъ, которыхъ счастливите и которые окружаютъ васъ любовію; я же—король въ изгнаніи; у меня изъ всего царства осталось лишь желаніе умиротворить его, да горсть вѣрныхъ подданныхъ, коихъ бѣдственное положеніе повергаетъ меня въ отчаяніе. Наступающій нынѣ въ Европѣ миръ долженъ будетъ лишить ихъ послѣднихъ средствъ къ жизни. У нихъ не станетъ ни крова, ни куска хлѣба насущнаго... И за этихъ-то доблестныхъ мучениковъ своей приверженности дѣлу моему (дѣлу общему для всѣхъ государей) рѣшаюсь я ходатайствовать предъ вашимъ величествомъ, съ просьбою дать имъ убѣжище, призвавъ ихъ фалангу сражаться или служить въ рядахъ вашего храбраго войска. Эти герои, образецъ преданности и вѣрности, все покинули ради защиты моего дѣла, ради борьбы за права мои. То и другое нераздѣльно съ интересами вашими, какъ равно и всѣхъ царей. Посему я льщусь надеждой, что эти основанія будутъ всесильны передъ вами и что вы ощутите въ себѣ потребность вознаградить столько благороднаго безкорыстія и мужества. Высокія души призваны цѣнить достоинство; для нихъ блаженство и слава въ томъ, чтобы помогать несчастію. Исполненный этой увѣренностію, коей выраженіе я повторяю, буду ожидать отвѣта отъ вашего величества».

«Принцъ Конде (пишетъ Людовикъ XVIII-й) прибѣгнулъ къ тому же, какъ и я, средству, которое удалось въ полной мѣрѣ [8]). У Павла всегда первыя побужденія были превосходны, что̀ оказалось и въ настоящемъ случаѣ. Онъ повелѣлъ своему чрезвычайному посланнику при Саксонскомъ дворѣ, Алопеусу, немедленно увидѣться съ принцемъ Конде и объявить ему, что, тронутый критическимъ положеніемъ Французско-королевской арміи, онъ принимаетъ ее подъ непосредственное свое покровительство и не оставитъ на произволъ несчастной судьбы» [9]). Пожалуй, приличнѣе было бы отнестить съ подобнымъ извѣщеніемъ ко мнѣ, а не къ принцу; но я не роптал на это и, въ виду благой цѣли поступка, не обращалъ вниманія на его форму; къ тому же, среди изгнаннической жизни, моя щекотливость такъ часто задѣвалась жесткими прикосновеніями, что я привыкъ подавлять ее въ себѣ и, въ нужныхъ случаяхъ, отодвигать назадъ королевскій титулъ для пользы королевской службы. Поэтому, въ избѣжаніе всѣхъ затрудненій, я заранѣе уполномочилъ Конде на заключеніе всякаго условія или обязательства, могущаго быть пригоднымъ нашему дѣлу. Я никогда не простилъ бы себѣ ни малѣйшаго шага въ угоду моему самолюбію, но во вредъ храбрымъ эмигрантамъ. За этимъ первымъ дѣйствіемъ самодержца Всероссійскаго послѣдовало и другое, болѣе положительнаго свойства: 23 Августа (4 Сентября) 1797 г., императорскій адъютантъ князь Горчаковъ привезъ въ корпусную штабъ-квартиру предложенія своего Государя, который предоставлялъ моему доблестному дворянству и королевско-Французскому воинству убѣжище въ государствѣ своемъ, свободное отправленіе вѣроисповѣданія, сохраненіе чиновъ и званій, цѣлость отряднаго состава

8) Письмо принца Конде къ имп. Павлу отвезено было въ Петербургъ барономъ Ла-Рошфуко̀. („Исторія войны 1799 г." Д. А. Милютина, изд. 1857 г., т. I, гл. IV, стр. 51).

9) Отъ 3 Августа 1797 г., изъ Павловска, Императоръ писалъ своему послу въ Вѣнѣ: „По сродному намъ великодушію, не могли мы не внять прошенію принца о принятіи войскъ, подъ командою его состоящихъ, въ нашу службу, и вслѣдствіе того, рѣшилися мы дать убѣжище симъ людямъ, жертвовавшимъ собою вѣрности къ законному государю" (См. тамъ же).

во всѣхъ его частяхъ, оклады жалованья и право состоять въ Русской службѣ, или выходить изъ оной въ отставку по доброй волѣ. Болѣе льготныхъ условій не оставалось и желать. Корпусъ эмигрантовъ, подъ прежнимъ его названіемъ **корпуса принца Конде** и подъ главнымъ начальствомъ сего послѣдняго, предполагалось расположить по квартирамъ на Волыни, въ хлѣбородной мѣстности, въ климатѣ умѣренномъ сравнительно съ другими областями Россіи. Во всемъ этомъ заключалась хорошая сторона предложенныхъ условій; но изъ нихъ было одно, менѣе пріятное, которое обязывало присягать на вѣрность службы Императору, соблюдать во всѣхъ отношеніяхъ правила Русской дисциплины, носить мундиръ и кокарду Русской арміи. Тотъ изъ эмигрантовъ, кто послѣ захотѣлъ бы выдти въ отставку, могъ безпрепятственно выѣхать за границу имперіи, или же поселиться на земляхъ, которыми Государь намѣревался надѣлять въ Новороссійскомъ краѣ. Необходимость заставляла принять всѣ эти условія; однакожъ, нашлось изъ числа эмигрантовъ немало и такихъ, которые не сознавали себя въ силахъ искать столь далеко отъ ихъ родины ненадежнаго пристанища»...

«Корпусъ Конде поступилъ на иждивеніе Россіи только съ 1-го Октября 1797 г., переставъ получать содержаніе отъ Англіи еще съ 15-го Сентября, такъ что ему пришлось перебиваться кое-какъ ровно полмѣсяца. Въ эти трудныя двѣ недѣли принцъ Конде изъ собственнаго кармана помогалъ строевымъ нижнимъ чинамъ; я тоже давалъ имъ послѣднія деньги, какія у меня были».

*

Тутъ слѣдуетъ въ Запискахъ Людовика XVIII-го очеркъ личности царскаго посланца, доставившаго бумаги о принятіи корпуса въ Русскую службу, подполковника князя Горчакова [10]), тогда еще молодаго человѣка, набросанный довольно темными чертами, съ біографическими о немъ свѣдѣніями весьма сомнительной цѣнности. Всѣ отзывы эти носятъ на себѣ слишкомъ очевидные слѣды личныхъ предубѣжденій, чтобы можно было считать ихъ безпристрастными и достовѣрными; самыя же предубѣжденія объясняются непріятностями между принцемъ Конде и этимъ Горчаковымъ, на которыя намекаютъ Записки короля и о которыхъ мы скажемъ кое-что далѣе. Изобразивъ князя человѣкомъ пустымъ, заносчивымъ и неспособнымъ ни къ чему доброму, Записки разсказываютъ, будто бы, въ царствованіе Екатерины II, онъ, находясь въ Римѣ, былъ арестованъ, вслѣдствіе какой-то неблаговидной исторіи, и посаженъ въ крѣпость Св. Ангела, а потомъ выключенъ Екатериною изъ службы, съ лишеніемъ капитанскаго чина; что, по воцареніи Павла, онъ попалъ въ милость къ нему путемъ лести и съ-разу пожалованъ въ подполковника; наконецъ, уже впослѣдствіи, подвергся новой опалѣ за то, что оказался «недостойнымъ представителемъ» своего Государя, который, узнавъ о его **казнокрадствѣ** и многихъ другихъ злоупотребленіяхъ, сослалъ его въ

---

10) У Милютина („Ист. войны 1799 г.“, т. I. стр. 51), сказано, что это былъ подполковникъ **князь Василій Ивановичъ Горчаковъ**, которому было поручено провожать корпусъ принца Конде до Русской границы. Далѣе въ той же книгѣ онъ значится состоявшимъ постоянно при особѣ принца, въ чинѣ полковника и званіи императорскаго флигель-адъютанта, и по документамъ вездѣ пишется: „кн. Горчаковъ 3-й“. Надобно полагать, что это тотъ самый внучатный племянникъ родственниковъ Суворова, князей Алексѣя и Андрея Ивановичей Горчаковыхъ, который показанъ въ 1-й части „Россійской родословной книги“ кн. П. В. Долгорукова, въ поколѣнной росписи Горчаковыхъ, подъ № 46, на стр. 64.

Сибирь, гдѣ, будто бы, тотъ оставался еще и въ 1814 г., во время возстановленія Бурбоновъ. «Принцъ Конде (говорится далѣе) терпѣлъ многое отъ наглыхъ выходокъ этого господина, но никогда не жаловался на него Царю». Повидимому, неладныя отношенія сложились потому, что, во время войны 1799 г., князь В. И. Горчаковъ, по уполномочію отъ Государя, находился при самомъ Конде, и сей послѣдній видѣлъ въ немъ какого-то пристава или надзирателя за дѣйствіями своими и состояніемъ предводимаго имъ корпуса, отъ чего, естественно, могли происходить взаимно-непріятныя столкновенія.

Возвратимся теперь къ послѣдствіямъ первоначальной миссіи князя Горчакова. Оффиціально опубликованное въ Россіи распоряженіе «о принятіи корпуса принца Конде на службу Его Императорскаго Величества» изложено было въ формѣ слѣдующаго Высочайшаго приказа, отъ 27-го Ноября 1797 года [11]): «Корпусъ принца Конде принимается въ службу Его Императорскаго Величества; оный состоитъ изъ трехъ полковъ пѣхотныхъ и двухъ кавалерійскихъ, которые суть: «Пѣхотные: дворянскій пѣшій, состоящій изъ двухъ баталіоновъ, которому квартиры назначены во Владимірѣ [12]); онаго полка быть шефу принцу Конде. Герцога Бурбона [13]) гренадерскій, состоящій изъ двухъ баталіоновъ, котораго квартиры назначены въ Луцкѣ. Нѣмецкій, Гогенло, состоящій изъ двухъ баталіоновъ и двухъ гренадерскихъ ротъ, котораго квартиры назначены въ Ковелѣ [14]). Кавалерійскіе: дворянскій конный, состоящій изъ пяти эскадроновъ, которому квартиры назначены во Владимірѣ [15]); онаго полку быть шефомъ дюку де Бери [16]); Дюка д'Ейгена [17]), состоящій изъ пяти эскадроновъ, которому квартиры назначены въ Луцкѣ. Весь сей корпусъ составитъ особую инспекцію, которой инспекторомъ быть принцу Конде. Артиллерія сего корпуса состоитъ изъ двухъ ротъ, которыя будутъ подъ вѣдомствомъ помянутой инспекціи».

Весь численный составъ корпуса Конде заключался изъ 7,000 человѣкъ. Хотя шефомъ перваго кавалерійскаго полка и назначенъ былъ герцогъ Беррійскій, состоявшій еще до того времени при корпусѣ Конде, но король не согласился отпустить его вмѣстѣ съ этимъ отрядомъ въ Россію, и герцогъ Беррійскій, распростившись съ своими бывшими сослуживцами, пріѣхалъ къ дядѣ въ Бланкенбургъ, куда черезъ три дня спустя прибылъ и самъ Конде для прощальнаго свиданія съ Людовикомъ XVIII, передъ выѣздомъ въ Россію вмѣстѣ съ своими сыномъ и внукомъ,—т. е. герцогами Бурбонскимъ и Энгіенскимъ. Онъ отправился затѣмъ прямо въ Петербургъ, гдѣ встрѣтилъ отъ

---

11) Полн. Собр. Закон., № 18,255 (т. XXV).

12) То-есть, во Владимірѣ-Волынскомъ.

13) Сынъ принца Конде, Louis-Henri-Joseph, duc de Bourbon, р. 1756 г. Въ 1830 г., послѣ Іюльской революціи, онъ впалъ въ слабоуміе и найденъ повѣсившимся въ своей спальнѣ. Съ его смертію пресѣкся родъ Конде въ мужскомъ колѣнѣ.

14) Полкъ Гогенлоэ—впослѣдствіи полкъ Дюрана.

15) Во Владимірѣ-же Волынскомъ.

16) Герцогъ Беррійскій—Charles-Ferdinand-d'Artois, duc de Berry, родной племянникъ короля, младшій сынъ брата его, графа д'Артуа, р. въ Версали 24 Янв. 1778 г., жен. б., съ 1816 г., на принцессѣ Сицилійской Маріи-Каролинѣ-Луизѣ. Погибъ отъ кинжала убійцы Лувеля, въ Парижѣ, 13 Февраля 1820 г.

17) Герцогъ Энгіенскій—Louis-Antoine-Henri de Bourbon, duc d'Enghien, сынъ герцога Бурбона и внукъ принца Конде. Р. 1772 г., разстрѣлянъ, по повелѣнію Наполеона, 21 Марта 1804 г.

Императора пріемъ чрезвычайно милостивый, судя по тому, что былъ тогда-же взысканъ щедрыми наградами [18]) и дарами, о чемъ еще будетъ рѣчь впереди.

Почти одновременно съ выступленіемъ въ Русскіе предѣлы маленькой арміи Французскихъ эмигрантовъ, король получилъ отъ императора Павла приглашеніе пользоваться гостепріимствомъ въ его владѣніяхъ, гдѣ мѣстомъ пребыванія предлагался ему дворецъ бывшихъ герцоговъ Курляндскихъ въ Митавѣ [19]). Царь предоставлялъ Людовику взять съ собою сто человѣкъ тѣлохранителей (gardes-du-corps) изъ состава корпуса Конде, для службы при особѣ короля, и принцъ-инспекторъ этого корпуса имѣлъ уже разрѣшеніе Императора направить людей, выбранныхъ для почетной стражи, прямо въ Митаву. Людовикъ XVIII принялъ дружелюбное приглашеніе [20]), давно имъ желанное, если не по влеченію внутреннему, то во имя крайней необходимости. Нравилась-ли ему перспектива переселенія въ Россію,—это вопросъ иной; но обстоятельства не дозволяли быть разборчивымъ [21]), а тѣмъ болѣе при немолодыхъ уже лѣтахъ (приближавшихся тогда къ 50-ти), когда чувствуется потребность возможно-опредѣленнаго положенія.

«Я начиналъ уже тяготиться кочевою жизнью авантюриста (говорится далѣе въ Запискахъ короля) и не-прочь былъ обзавестись убѣжищемъ повѣрнѣе, нежели въ Бланкенбургѣ, гдѣ, во всякомъ случаѣ, мнѣ не приходилось уже оставаться, такъ какъ Директорія потребовала отъ Прусскаго правительства, чтобы герцогъ Брауншвейгскій отказалъ мнѣ въ дальнѣйшемъ у него пребываніи. Я просилъ себѣ пріюта у курфирста Саксонскаго, моего кузена, но онъ не смѣлъ или просто не хотѣлъ дать мнѣ его. Перебраться-же въ Англію было для меня весьма не желательно, по многимъ уважительнымъ причинамъ, и я долженъ былъ считать себя счастливымъ, что въ лицѣ Павла I-го встрѣ-

---

[18]) Онъ б. пожалованъ Андреевскимъ орденомъ 20 Ноября 1797 г. (См. Списки Карабанова Андреевскимъ кавалерамъ, въ I-й кн. „Чтен. въ Имп. Общ. Ист. и древн. рос. при Моск. ун.“, 1860 г., стр. 58).

[19]) Сперва Павелъ предназначалъ Людовику другое мѣстопребываніе. „Зная стѣсненное положеніе короля-изгнанника (излагаетъ авторъ „Исторіи войны 1799 г.“), онъ послалъ ему 200,000 руб. и предлагалъ переселиться въ Іеверъ, маленькій Германскій округъ, принадлежавшій Россійско-императорскому дому. Людовикъ XVIII на это не рѣшился, опасаясь близости къ Голландіи, занятой Французскими войсками. Императоръ Павелъ предлагалъ (въ Августѣ 1797 г.) императору Германскому, королямъ Англійскому, Прусскому, Испанскому, Неаполитанскому и королевѣ Португальской общими средствами доставлять приличное содержаніе изгнанному изъ Франціи дому Бурбоновъ; но вызовъ этотъ не нашелъ нигдѣ живаго отголоска“ (т. I., гл. IV., 51—52.) Д. Д.—Іеверъ есть наслѣдственное владѣніе Екатерины II-й, отданное ей, когда она шла замужъ; графъ Бобринскій полагалъ, что она завѣщала его ему. П. Б.

[20]) Впрочемъ, приглашенію этому предшествовала собственная просьба Людовика XVIII къ Павлу I. Одновременно съ тѣмъ, король просилъ и Русскаго посланника въ Берлинѣ, графа Н. П. Панина, „исходатайствовать ему у Прусскаго правительства дозволеніе остановиться гдѣ-нибудь въ Прусскихъ владѣніяхъ до полученія отвѣта отъ императора Павла. Прусское министерство обратилось тогда къ курфирсту Саксонскому, прося его дать временное пристанище графу Прованскому въ Лузаціи. Но прежде еще, чѣмъ послѣдній собрался выѣхать изъ Бланкенбурга, онъ получилъ дружелюбное пригласительное письмо Павла I-го. „Приглашая васъ въ свои владѣнія, писалъ Императоръ (въ Декабрѣ 1797 г.), я желаю, чтобы это послужило вамъ очевиднымъ доказательствомъ моей къ вамъ дружбы и участія“ (Тамъ же, т. I, гл. IV., стр. 52—53; т. III (прилож. № 38), стр. 62—63).

[21]) Послѣ Кампо-формійскаго мира Французское правительство настаивало, чтобы Людовикъ XVIII былъ удаленъ изъ Бланкенбурга.

тилъ государя не столь малодушнаго, какъ прочіе. По этому, я выразилъ ему свою благодарность за приглашеніе и сталъ собираться въ путь, расположившись выѣхать поскорѣе изъ Брауншвейгскихъ владѣній. Принцъ Конде прислалъ мнѣ изъ Петербурга длинное письмо по поводу любезнаго пріема, сдѣланнаго ему Царемъ, отъ имени котораго онъ также звалъ меня въ Россію Я поспѣшилъ отвѣчать утвердительно».

Русскій государь принялъ всѣ зависѣвшія отъ него мѣры къ тому, чтобъ облегчить своему гостю трудности путешествія и доставить ему возможныя удобства. Приславъ ему 60,000 рублей на дорожные расходы, онъ поручилъ генералъ-лейтенанту Ферзену встрѣтить его и провожать до самой Митавы, а полковнику Лаврову — вести туда-же отрядъ королевской дворцовой стражи. Мало того: Императоръ просилъ и Прусскаго короля, въ личное себѣ одолженіе, распорядиться о удобнѣйшемъ и безпрепятственномъ слѣдованіи Людовика XVIII до границы Россіи [22]).

Переписка о переѣздѣ въ Митаву происходила въ Январѣ и Февралѣ 1798 г.; но, не смотря на всѣ любезности Павла Петровича съ королемъ Французскимъ и на милости къ принцу Конде, ново-принятый въ Русскую армію Французско-дворянскій корпусъ, какъ видно, не отличавшійся дисциплинарною выдержкою, навлекъ на себя гласное за то порицаніе Государя и требованіе о подчиненіи общимъ правиламъ Русскихъ воинскихъ уставовъ. Всегда строгій ихъ блюститель, императоръ Павелъ отнюдь не былъ расположенъ давать ни малѣйшей на этотъ счетъ поблажки служащимъ въ его войскѣ иностранцамъ, и вскорѣ замѣтивъ между Французами своеобычливыя выходки (по всей вѣроятности, фамильярность младшихъ чиновъ съ старшими и частыя дуэли), отдалъ, 21-го Февраля 1798 г., слѣдующій гнѣвный приказъ «о производженіи суда во Французскихъ войскахъ, состоящихъ въ Россійской службѣ:

«По разнымъ безпорядкамъ, случающимся во Французскихъ войскахъ, состоящихъ въ службѣ Его Величества, отъ которыхъ неоднократно и смертоубійства происходили, и въ коихъ по сіе время производились суды по прежнимъ ихъ обрядамъ, но съ сего времени, для прекращенія оныхъ безпорядковъ, повелѣваемъ производить суды сообразуясь съ уставомъ, изданнымъ Его Императорскимъ Величествомъ; для сего генералу отъ инфантеріи Беклешову и нарядить аудиторіатъ» [23]).

Между тѣмъ, король пустился въ новое свое путешествіе съ небольшою свитою, тогда какъ всѣ остальныя лица, составлявшія его подвижной дворъ, временно направлены были въ Берлинъ, откуда впослѣдствіи переѣхали также въ Митаву. «Со мною въ экипажѣ (говоритъ Людовикъ XVIII) сидѣли д'Аваре [24]), который съ тѣхъ поръ былъ при мнѣ неотлучно, и графъ Шуваловъ, адъютантъ Императора [25]), нарочно присланный сопутствовать мнѣ въ Митаву.

---

[22]) Милютинъ: „Исторія войны 1799 г.", т. I, гл. IV, стр. 53; т. III, стр. 62—63.

[23]) Полн. Собр. Закон., № 18,392.

[24]) Графъ д'Аваре (Antoine-Louis-François, comte d'Avaray), одинъ изъ преданнѣйшихъ приближенныхъ Людовика XVIII, сопутствовавшій ему въ эмигрированіи изъ Франціи, род. 1748 † 1810.

[25]) Вѣроятно, графъ Петръ Андреевичъ Шуваловъ, бывшій потомъ генералъ-адъютантомъ при Павлѣ I. род. 1771 † 1808.

Это былъ господинъ привлекательной наружности, съ изящными манерами и во всѣхъ отношеніяхъ достойный сынъ своего отца,—одного изъ самыхъ представительныхъ и любезныхъ вельможъ Екатерининскаго двора. Молодой Шуваловъ умѣлъ сдѣлать для меня весьма пріятною нашу поѣздку, которую я совершилъ на долгихъ (à petites journées), употребивъ на нее болѣе мѣсяца. Я въѣхалъ въ Митаву $^9/_{20}$ Марта, — день, который навсегда сталъ для меня невеселою годовщиною. Мнѣ устроили нѣчто въ родѣ царской встрѣчи. Ремесленныя корпораціи, въ церемоніальныхъ нарядахъ, предшествуемыя мѣстными военными и гражданскими властями, встрѣтили меня при въѣздѣ въ городъ; вдоль дороги, къ зàмку, по обѣимъ ея сторонамъ, разставлены были войска развернутымъ фронтомъ; изъ артиллерійскихъ орудій гремѣли салюты.... однимъ словомъ, мнѣ сдѣлали такой торжественный пріемъ, какъ бы самому Императору. Этотъ почетъ, эти привѣтствія, съ которыми я давно уже раззнакомился, повѣяли на меня чѣмъ-то отраднымъ въ моемъ грустномъ положеніи.... Митава, столица бывшихъ владѣтелей древнихъ герцогствъ Курляндіи и Семигаліи, городъ средней величины; съ населеніемъ отъ 12-ти до 13-ти тысячъ жителей. Онъ орошается небольшою рѣчкою, называемою Гросбахъ, т. е. большой ручей. Домà, бòльшею частію, деревянные, довольно красивы снаружи и удобны внутри. Кирпичныя постройки указываются пріѣзжимъ людямъ въ видѣ предметовъ достопримѣчательныхъ. Населеніе города—смѣсь Лютеранъ, Евреевъ и Католиковъ. Члены городоваго управленія избираются только въ средѣ исповѣдующихъ первую изъ этихъ трехъ религій. Нравы жителей Митавы представляютъ своеобразное совмѣщеніе Нѣмецкаго добродушія (bonhomie) съ Польскою живостью. Климатъ страны умѣренный и мѣстность пріятная на видъ. Вѣротерпимость господствуетъ здѣсь полнѣйшая. У Католиковъ есть отдѣльная церковь, гдѣ они пользуются свободнымъ отправленіемъ своего богослуженія. По особому приказанію Императора, предоставленъ былъ въ мое распоряженіе каѳедральный костелъ въ Митавѣ, на все время моей тамъ бытности. Дворецъ, отведенный мнѣ для помѣщенія, расположенъ на одной изъ окраинъ города, при въѣздѣ въ поле, и состоитъ изъ обширнаго зданія, въ формѣ продолговатаго четыреугольника, съ большимъ внутреннимъ дворомъ. Зданіе это довольно хорошо сохранилось въ той части, которая уцѣлѣла отъ послѣдняго пожара. Оно незадолго передъ тѣмъ предназначалось подъ казармы, чтò значительно повредило угрюмой его величавости. Тутъ жилъ нѣкогда герцогъ Биренъ, — это игралище стольких прихотей судьбы! Превознесенный на верхъ почестей любовію Русской императрицы, онъ былъ низвергнутъ съ Курляндскаго трона въ глубь Сибирскихъ пустынь; затѣмъ, вторично поднятый на высокую степень владѣтельной особы, онъ отрекся отъ власти, чтобы спуститься до скромнаго удѣла частной жизни. Сынъ его, отрѣшенный отъ герцогскихъ правъ собственными подданными, кажется, находился еще въ живыхъ; но я никогда его не встрѣчалъ» [26]).

---

[26]) Бывшій регентъ Россійской имперіи Эрнстъ Іоганнъ Биренъ (р. 1690 † 18 Дек. 1772 г.), управлявшій Курляндіею шесть лѣтъ, съ 1763 г. по 1769 г., отрекся отъ своихъ владѣтельныхъ правъ въ пользу старшаго сына своего Петра (р. 1724 † 13 Января 1800 г.), который имѣлъ частыя пререканія съ Курляндскимъ сеймомъ и отказался отъ престола $^{17}/_{28}$ Марта 1795 г., послѣ чего и совершилось окончательное присоединеніе Курляндіи и Семигаліи къ Россійской имперіи (См. Полн. Собр. Закон., т. XXIII, № 17,319).

II.

Водворившись въ Митавѣ, Людовикъ XVIII въ первое же время не почувствовалъ себя довольнымъ на новосельѣ. Гостепріимство и щедрость Русскаго правительства далеко не удовлетворили всѣхъ претензій взыскательнаго гостя, которому угодить оказалось не легко. Не упоминая ни словомъ о весьма крупныхъ кушахъ Русскихъ денегъ, подаренныхъ ему прежде (то на прожитокъ въ чужихъ краяхъ, то на подъемъ при переѣздѣ въ Россію), онъ распространяется въ горькихъ жалобахъ на замедленіе въ выдачѣ ему новыхъ суммъ, на недостатокъ комфорта и скудость удобствъ въ своемъ помѣщеніи, на необходимость дѣлать кое-какіе собственные расходы въ добавокъ къ даровому содержанію:

«Павелъ I обстановилъ меня здѣсь съ грѣхомъ пополамъ (n'avait fait des choses qu'à demi). Покои для меня, королевы и герцога Ангулемскаго были меблированы очень пышно; а между-тѣмъ, комнатъ для лицъ моей свиты и моего дома не догадались приготовить вовсе. Въ этомъ громадномъ зàмкѣ мы нашли только голыя стѣны,—и это въ буквальномъ смыслѣ слòва. Пришлось покупать на свой счетъ все необходимое для перваго обзаведенія. Истекло нѣсколько мѣсяцевъ, покуда не назначили содержанія моимъ дворцовымъ гвардейцамъ (gardes-du-corps), и если-бъ намъ не пособляло обязательное участіе гостепріимныхъ Митавскихъ горожанъ, то тѣлохранители мои не имѣли-бъ чѣмъ жить. Имъ отвели отдѣльный домъ въ родѣ отеля, но жилище это было недостаточно просторно, чтобы помѣстить ихъ всѣхъ, и также не было снабжено ни мебелью, ни топливомъ, ни запасомъ фуража. Я самъ вынужденъ былъ заботиться добывать все нужное, не безъ затраты послѣднихъ моихъ средствъ».

Изъ этихъ жалобъ видимое для насъ основаніе имѣетъ та, которая относится до запоздавшей ассигновки суммъ на содержаніе королевскаго дома. Дѣйствительно, распоряженіе о ней состоялось не прежде, какъ спустя четыре почти мѣсяца по прибытіи Людовика XVIII въ Митаву, о чемъ свидѣтельствуетъ документъ несомнѣнный: именной указъ императора Павла государственному казначею, барону Васильеву, отъ 6-го Іюля 1798 г., «о ежегодномъ отпускѣ денегъ на содержаніе Французскаго короля съ его фамиліею» [27]): «Повелѣваемъ: съ 1-го сего Іюля до будущаго впредъ нашего соизволенія, отпускать Его Величеству королю Французскому, изъ казначейства нашего, на содержаніе его съ фамиліею и принадлежащими ему людьми, по 200,000 ежегодно, выдавая сіи деньги при началѣ каждаго полугодоваго срока по равной части» [28]).

---

[27]) Полн. Собр. Закон., № 18,573.

[28]) Незадолго до этого указа послѣдовало именное-же повелѣніе Васильеву, отъ 28 Іюня 1798 г., объ уплатѣ 20,000 р. сер. за прежде купленный для принца Конде домъ, бывшій графа Чернышева, у Синяго моста. На домѣ этомъ тотчасъ-же сдѣлали надпись: Hôtel Condé и кромѣ того, принцу подарили дачу на Петергофской дорогѣ, съ назначеніемъ ему и семейству 70,000 р. ежегоднаго содержанія. Всѣ эти дары принцъ получилъ еще въ Январѣ 1798 г., какъ видно изъ письма Ростопчина къ гр. С. Р. Воронцову, отъ 14-го Янв. („Русскій Архивъ" 1876, II, 80); но, судя по этому-же письму, принцу казалось, что для него сдѣлано еще очень мало. „Новаго ничего нѣтъ (пишетъ Ростопчинъ), кромѣ истинно-Французскаго примѣра неблагодарности со стороны принца Конде. Этотъ человѣкъ имѣлъ

Такимъ образомъ, въ отпускѣ денегъ дорогому гостю произошла, отчего-то, нѣкоторая задержка, возможная какъ случайность или недоразумѣніе, и съ этой стороны авторъ мемуаровъ не грѣшитъ противъ истины. Но сѣтованія по поводу такого упущенія Русскаго правительства кажутся странными, если вспомнить, что въ другихъ государствахъ, гдѣ проживалъ претендентъ на Французскую корону, онъ бывалъ доволенъ и тѣмъ, что ему только дозволяли временно находиться тамъ, внѣ всякаго пользованія даровыми услугами или щедротами отъ мѣстныхъ правительствъ. Это наводитъ на мысль, что послѣдующее охлажденіе императора Павла къ Митавскому гостю своему могло возникнуть не въ силу политическихъ вліяній, а чисто по личнымъ побужденіямъ, за дошедшими слухами о недовольствѣ Людовика XVIII-го всѣмъ, что̀ для него было сдѣлано. Недовольство это, отчасти, выразилось въ Запискахъ короля строгою характеристикой Павла I-го, по крайней-мѣрѣ строгою въ устахъ человѣка имъ одолженнаго:

«Самъ я (продолжаетъ король) не хотѣлъ доводить до Императора подробностей, касающихся устройства моего домашняго быта въ Митавѣ; а изъ подданныхъ Царя и подавно никто не посмѣлъ-бы доложить ему о томъ: такъ силенъ былъ страхъ, который внушалъ онъ собою. Павелъ I не заботился о любви подвластныхъ; ему довольно было, чтобъ они его боялись и, въ этомъ отношеніи, его удовлетворяли въ волю свыше его желаній [29]). Тѣмъ не мѣнѣе, этотъ Царь заслуживалъ не столько порицанія, сколько сожалѣнія. Онъ не вполнѣ владѣлъ нормальнымъ состояніемъ духа, потому что былъ одержимъ болѣзнью особаго свойства. Ему, какъ Гамлету Шекспира, безпрестанно мерещился блѣдный и сумрачный призракъ отца.... Съ нимъ онъ бесѣдовалъ, дѣлалъ ему вопросы, мечталъ слышать отвѣты на нихъ. Такія видѣнія, разумѣется, помутили въ немъ способности, что̀ старательно скрывалось отъ лицъ, непосредственно входившихъ съ нимъ въ общеніе. Вотъ этимъ-то галлюцинаціямъ должно приписать всѣ вспышки несчастнаго Государя, въ которомъ соединялись противоположныя черты щедрости и скупости, суровости и мягкосердечія. Напримѣръ: сперва онъ какъ-нельзя предупредительнѣе принималъ всѣ мои просьбы, а потомъ оставилъ меня просто въ забросѣ, будто совсѣмъ

наглость спросить Императора, не будетъ-ли ему еще чего и не забываютъ-ли, что онъ Бурбонъ. Съ нимъ обращаются невнимательно; но какъ это своего рода проходимецъ, герой и Французъ, то какъ-нибудь справится....“ Вообще говоря, всѣ эти господа были очень жадны до всякой благостыни и забирали ее какъ нѣчто должное, хотя и несоразмѣрное высокому ихъ достоинству, дѣлая видъ, что принятіемъ тароватыхъ даяній они одолжаютъ дарителя. Намекъ Ростопчина на внутреннее нерасположеніе императора Павла къ принцу Конде, не смотря на обильныя ему награды и подарки, находитъ нѣкоторое подтвержденіе и въ извѣстной книгѣ Массона: см. „Mém. secr.“ t. III, 183.

[29]) Нельзя не сопоставить съ этимъ отзывомъ чужестранца интимныхъ признаній Русскаго государственнаго человѣка, который не можетъ быть заподозрѣнъ въ личной его преданности Павлу,—т. е. Ѳ. В. Ростопчина. Вотъ его слова изъ письма въ Лондонъ къ гр. С. Р. Воронцову, отъ 28 Марта 1800 г.: „Я только убиваюсь, глядя на то, что̀ дѣлается и чему воспрепятствовать не могу.... Государь ни съ кѣмъ не говоритъ ни о себѣ, ни о дѣлахъ. Онъ не терпитъ, чтобъ ему заикались о нихъ; онъ отдаетъ приказанія и требуетъ безусловнаго исполненія. Онъ хорошо знаетъ, что его не любятъ. Ближайшіе люди боятся его. Онъ обманутъ въ своихъ сердечныхъ привязанностяхъ.... боится самого себя и не хочетъ самъ обсудить свои дѣйствія.... На меня косо смотрятъ въ публикѣ, полагая, что я пользуюсь довѣренностью Государя, котораго не любятъ....“ („Русскій Архивъ“ 1876, III, 416—417).

забывъ во мнѣ своего гостя и гонимаго судьбою государя. Лишь только прибылъ я въ Митаву, какъ всѣ его ласки и вниманіе совершенно прекратились. Мало того: я даже не слыхалъ о немъ ни слова. Графъ Сенъ-При, отправленный мною къ его двору для изъявленія моей признательности, не могъ добиться аудіенціи, и это сдѣлалось послѣ того, какъ въ первый его пріѣздъ туда онъ былъ принятъ самымъ лестнымъ и даже дружескимъ образомъ![30]) Такое перемѣнчивое, странное поведеніе казалось всѣмъ поразительнымъ и конечно для сердца моего оно не могло быть сглажено пенсіей въ шестьсотъ тысячъ ливровъ, назначенною мнѣ императоромъ въ это самое время. Итакъ, я изнывалъ въ Митавѣ, покинутый безъ всякаго вниманія Царемъ, который самъ-же вызвалъ меня туда, со всевозможными увѣреніями дружбы и радушія. Я видѣлъ, что онъ продолжаетъ идти стезею непослѣдовательности, которая должна была довести его до недоброй развязки, — и это глубоко меня огорчало. Благородное поведеніе Екатерины II со мною и всею нашей фамиліей привязывало меня къ ея сыну узами признательности; да сверхъ того, я все-таки надѣялся, что онъ перемѣнитъ свои отношенія ко мнѣ, какъ только въ немъ пройдетъ припадокъ своенравія, и что тогда онъ окажетъ помощь моему дѣлу, которой я не получилъ-бы ни отъ кого изъ прочихъ государей. Я соображалъ также, что политика Россіи не можетъ имѣть видовъ враждебныхъ моему возстановленію, или обусловливать свое мнѣ содѣйствіе цѣною отторженія отъ Франціи какой-либо провинціи. Короче сказать, я полагалъ, что одна Россія будетъ всегда безкорыстна въ великомъ вопросѣ возвращенія мнѣ державныхъ правъ моихъ. Поэтому, вооружась терпѣніемъ, я пользовался всякимъ случаемъ, который могъ-бы напомнить обо мнѣ Русскому царю; но въ Петербургѣ все какъ-будто заглохло для меня, и оттуда не доносилось ни малѣйшаго отголоска жизни... Однакожъ, въ ожиданіи перемѣны къ лучшему, нужно было какъ-нибудь устроить себѣ порядокъ ежедневнаго быта, а вмѣстѣ съ тѣмъ учредить и личный составъ своего придворнаго штата....»[31]).

Составъ этотъ былъ довольно многочисленный: болѣе нежели изъ семидесяти человѣкъ, не считая дамъ. Все это придворное человѣчество, какъ водится искони повсюду, усерднѣйше интриговало, нижайше кланялось и элегантно грызлось между собою, ревнуя другъ друга къ малѣйшему знаку предпочтительнаго благоволенія или довѣрія со стороны короля, что́ иногда отра-

---

[30]) Вѣроятно, къ этому времени относится обстоятельство, указанное въ книгѣ г. Милютина, что „король просилъ позволенія пріѣхать въ Петербургъ для принесенія Императору признательности, или, по крайней мѣрѣ, прислать туда одного изъ своихъ племянниковъ; но Государь отклонилъ это намѣреніе“ (Истор. войны 1799 г., I, 53).

[31]) Вотъ придворный персоналъ: графы д'Аваре и де Гишъ (de Guiche) были при особѣ короля; капитаномъ дворцовой стражи графъ де Коссе́ (de Cossé); маркизъ Жокуръ (de Jaucourt)—государственнымъ министромъ безъ портфеля; графъ Ла-Шапель (de la Chapelle)—министромъ военнымъ; герцогъ Виллекье (de Vellequier) первымъ камеръ-юнкеромъ; маркизъ де Сурди (de Sourdis), виконтъ д'Агу (d'Agoult), кавалеры Монтаньякъ (de Montagnac) и де Буасёль (de Boisheul) шталмейстерами; аббатъ Фирмонъ (Edgeworth de Firmont)—исправляющимъ обязанности придворнаго духовниха (aumônier), подъ вѣдѣніемъ кардинала Монморанси (de Montmorency), состоявшаго въ званіи главнаго духовника (grand-aumônier de France); Гилерми (de Guilhermy), бывшій въ 1789 г. членомъ генеральныхъ штатовъ, и Курвуазье (de Courvoisier)—оба рекетмейстерами; герцоги д'Омонъ (d'Aumont), Флёри (de Fleury), Дюрасъ (de Duras), князь Піенъ (prince de Pienne) — камеръ-юнкерами; кромѣ того, три аббата-капеллана при кабинетъ-секретаріатѣ и еще около 50-ти лицъ въ разныхъ придворныхъ званіяхъ и должностяхъ.

вляло ему и безъ того нерадостную жизнь, а подчасъ и развлекало его. Препровожденіе времени Людовика XVIII, описанное имъ самимъ, не отличалось разнообразіемъ. Повседневный образъ жизни, тотъ-же въ Митавѣ, какъ и въ Бланкенбургѣ, былъ регулированъ и придворнымъ этикетомъ, строго соблюдавшимся, и личными привычками короля. Утро начиналось въ 7-мъ часу и посвящалось до 10-ти часовъ дѣловымъ занятіямъ, которыя онъ себѣ изобрѣталъ весьма находчиво, толкуя съ своими домашними дипломатами о политикѣ, слушая либо читая газеты и, въ особенности, ведя обширную заграничную переписку съ своими агентами или съ братомъ, графомъ д'Артуа. Людовикъ XVIII страстно любилъ писать письма, а еще болѣе сочинять дипломатическія меморіи, ноты и деклараціи, считая себя великимъ мастеромъ по этой части, не безъ претензій на политическое ясновидѣніе, на литературный талантъ и ученость, обнаруживавшуюся безпрестанными Латинскими цитатами изъ древнихъ классиковъ, въ особенности Сенеки и Горація.—Послѣ кабинетныхъ занятій подавался завтракъ; въ 11 часовъ слушалась обѣдня (месса), за которою слѣдовалъ пріемъ разныхъ докладчиковъ или случайныхъ посѣтителей, продолжавшійся соразмѣрно ихъ числу. Съ 2-хъ ч. дня до 4-хъ, когда позволяла погода, король гулялъ пѣшкомъ, или, въ ненастье, удѣлялъ это время чтенію и пріятной бесѣдѣ съ приближенными, вплоть до обѣда, къ которому сходились всѣ члены королевскаго семейства, избранники придворнаго кружка и почетные гости, при чемъ король не праздно сидѣлъ за столомъ, любя покушать много и хорошо. Послѣ обѣда устраивались между собесѣдниками партіи въ триктракъ или въ шахматы, а онъ оставался зрителемъ игры и велъ общій разговоръ съ окружающими. Съ 8-ми часовъ собесѣдники временно расходились и король опять садился за письменный столъ, а въ 10 вновь допускалъ къ себѣ тоже общество и заканчивалъ вечеръ партіею виста, играя преимущественно съ избранными придворными дамами; въ 12-же час. хозяинъ отпускалъ гостей и самъ уходилъ на покой.

Такъ тянулись дни за днями. Внутреннее содержаніе такой жизни не было многостороннѣе наружной обстановки ея, но имѣло свою органическую цѣльность. Внѣ области династическихъ интересовъ да замкнутаго въ себѣ общества, представлявшаго особый мірокъ (миніатюрное подобіе Версали, забравшейся въ Митаву), ни самъ бездомный король, ни его наперсники не были причастны никакимъ другимъ вопросамъ, никакимъ инымъ цѣлямъ. Что за дѣло было имъ до жизни тѣхъ странъ и народовъ, среди которыхъ бросала ихъ прихоть случая? Они не замѣчали и не желали узнать ничего. Для нихъ, какъ древле для сыновъ Израиля въ пустынѣ, чаялась впереди одна обѣтованная земля, куда неизмѣнно притягивались всѣ ихъ завѣтные помыслы и чувства. Пусть безцвѣтно и нескончаемо-долго шли дни изгнанія, но ни одинъ изъ нихъ не былъ прожитъ безъ пытливыхъ справокъ съ политическимъ барометромъ, безъ трепетныхъ колебаній между сомнѣніями и надеждами; и послѣднія чаще брали верхъ, потому что Бурбоны фанатично и безусловно умѣли вѣровать въ свое право, не взирая ни на какія превратности и суровые уроки судьбы.

На этотъ разъ томительнымъ ожиданіямъ Людовика XVIII судьба дала ласковое поощреніе новымъ оборотомъ событій. Захватъ Французами Мальты и принятіе на себя Павломъ I-мъ званія великаго магистра Іоаннитскаго ордена повели къ заключенію союза противъ Французской республики между Россіею,

Англіею, Швеціею, Сардиніею и Неаполемъ, чѣмъ подготовлялась знаменитая кампанія 1799 года. Это обстоятельство внезапно обновило симпатіи Русскаго императора къ главѣ Бурбонской фамиліи. Происшедшую перемѣну «Записки» изображаютъ такимъ образомъ: «1799-й годъ, повидимому, начинался для меня подъ предзнаменованіями, не обѣщавшими ничего добраго. Вдругъ, въ одно прекрасное утро, когда я сидѣлъ въ самомъ грустномъ расположеніи духа, доложили мнѣ о пріѣздѣ одного изъ императорскихъ адъютантовъ, князя Голицына [32]). Онъ явился по порученію Павла I-го поднести мнѣ первостепенные орденскіе знаки св. Анны и св. Іоанна Іерусалимскаго, вмѣстѣ съ бланковыми патентами и Мальтійскими-же командорскими крестами, для пожалованія состоящимъ при мнѣ лицамъ, по моему усмотрѣнію. Самъ-же императоръ Павелъ возвелъ въ командорское достоинство одного только моего дорогаго д'Аваре, препроводивъ этотъ знакъ отличія при своемъ собственноручномъ письмѣ, гдѣ, между-прочимъ, содержались слѣдующія слова: «Жалую вамъ это отличіе, дабы почтить вѣрную преданность вашу своему государю» (Je ne vous accorde cette faveur que pour honorer en vous votre fidèle attachement à votre maître). Царь прислалъ также и мнѣ очень любезное письмо, въ которомъ сообщалъ, что въ знакъ желанія своего установить между нами тѣсныя отношенія (liaison intime), онъ проситъ меня дать ему орденъ не Святаго Духа, составлявшій принадлежность королей Франціи, а св. Лазаря, который онъ считаетъ какъ-бы личною моею собственностію. Онъ прибавлялъ къ этому, что будущее докажетъ мнѣ искренность его словъ, что отнынѣ онъ принимаетъ на себя обязательство усладить мой жребій и убѣждаетъ меня просить у него всего, что̀ можетъ быть мнѣ пріятно и что̀ онъ поспѣшитъ мнѣ предоставить. Я не замедлилъ исполнить желаніе Императора, поручивъ графу де Коссé (de Cossé-Brissac), капитану дворцовой стражи, отвезти къ нему крестъ св. Лазаря. Посланца моего всячески чествовали въ дорогѣ, а въ Петербургѣ приняли очень привѣтливо. Царь пригласилъ его къ своему столу, звалъ на семейные свои праздники и однажды произнесъ при немъ, указывая на орденъ св. Лазаря: «Онъ всегда будетъ напоминать мнѣ страждущаго друга, которому я имъ обязанъ». Такой образъ дѣйствій могъ вызвать во мнѣ новыя надежды и, въ самомъ-дѣлѣ, сперва онѣ не были обмануты. Я въ тоже время узналъ, что Россія готовилась объявить войну Французской республикѣ, что Павелъ I намѣревался возстановить меня во Франціи, возвратить престолы королямъ Неаполитанскому и Сардинскому, водворить вновь въ Римѣ святѣйшаго отца-папу, и непобѣдимый Суворовъ будетъ поставленъ во главѣ дѣйствующей арміи. Принцу Конде дано было знать, что его корпусъ, стоящій на Волыни, приметъ участіе въ предположенномъ походѣ и что отряды Русскихъ войскъ соберутся на границахъ Галиціи.»

Въ это время одно обстоятельство, касающееся фамильныхъ отношеній Французско-королевскаго дома, сильно озабочивало старшаго представителя рода. Племянница его, дочь Людовика XVI, принцесса *Марія-Терезія Шарлотта*,

---

[32]) Вѣроятно, или князь Григорій Сергѣевичъ, который былъ впослѣдствіи генералъ-адъютантомъ при Павлѣ и, наконецъ, губернаторомъ въ Пензѣ и сенаторомъ (р. 1779 † 1848 г.), или-же кн. Борисъ Владиміровичъ, впослѣдствіи генералъ-лейтенантъ (р. 1769 † 1813).

впослѣдствіи герцогиня Ангулемская [33]), вырученная Австріею изъ рукъ Парижскихъ революціонеровъ въ 1795 г., посредствомъ размѣна на плѣнныхъ, удерживалась въ Вѣнѣ подъ разными предлогами, не смотря ни на собственное желаніе присоединиться къ родной семьѣ своего дяди, ни на просьбы послѣдняго отпустить къ нему племянницу. Вѣнскій дворъ, въ виду ея родства по матери, Маріи-Антуанеттѣ, съ императорско-Австрійскимъ домомъ, замышлялъ породнить съ нимъ еще ближе эту принцессу, выдачею ея въ замужество за одного изъ своихъ эрцгерцоговъ, разумѣется, изъ политическихъ разсчетовъ, о чемъ успѣлъ узнать Людовикъ XVIII, но никакъ не могъ добиться ея возвращенія къ нему. Пользуясь теперь готовностію императора Павла быть ему полезнымъ, онъ прибѣгнулъ къ его вліятельному посредству въ этомъ дѣлѣ.

«Такъ какъ Царь обѣщалъ мнѣ исполнить первую просьбу, съ которой я обращусь къ нему, то я прежде всего вспомнилъ о бѣдной моей дорогой племянницѣ, которая томилась въ Вѣнѣ, какъ въ плѣну, и рѣшился просить Павла I исторгнуть ее изъ неволи; но для успѣшнаго исхода дѣла, нужно было поручить эту миссію человѣку надежному, и мой выборъ остановился на графѣ д'Аваре. Я полагалъ, вдобавокъ, что Царю будетъ пріятно увидѣть того, кому онъ недавно еще заявилъ свое особенное благоволеніе; поэтому д'Аваре отправленъ былъ въ Петербургъ съ собственноручнымъ отъ меня письмомъ. Съ волненіемъ я ждалъ, что̀ изъ этого выйдетъ, пока не получилъ слѣдующаго отвѣта: «Государь, братъ мой! Ея высочество принцесса королевская будетъ вамъ возвращена, не будь я Павелъ Первый. Остаюсь вашего величества» и проч.

«Этотъ лаконизмъ Самодержца привелъ меня въ такой восторгъ, какого не вызвали бы самыя округленныя фразы. Тутъ я успокоился совершенно, не сомнѣваясь въ успѣхѣ; а въ то же время и д'Аваре донесъ мнѣ изъ Петербурга, что Императоръ казался тронутымъ моими доводами и на другой-же день, не спросивъ мнѣнія членовъ своего совѣта, снарядилъ въ Вѣну нарочно-посланнаго съ порученіемъ настоятельно требовать отпуска моей племянницы. Это требованіе было облечено въ выраженія столь энергическія, что отказъ на него равнялся-бы объявленію войны, что̀ ни малѣйше не входило въ виды Вѣнскаго кабинета: вопросъ былъ поднятъ именно тогда, какъ Австрія устроивала союзъ съ Россіей для вторичной борьбы съ Французскою республикой и когда ссориться съ Павломъ было совсѣмъ неудобно; поэтому Вѣнскій дворъ поспѣшилъ отозваться удовлетворительно на царское требованіе, не-смотря на всю свою жесточайшую отъ того досаду. Однакожъ приступить къ самой отправкѣ принцессы онъ не поторопился, измышляя, какъ-бы отдѣлаться и извернуться, чрезъ проволочку. Я зналъ, что̀ именно дѣлалось въ Австріи и увѣдомилъ о томъ Павла 1-го. Личное его самолюбіе было выдвинуто на ставку въ этой игрѣ, а потому онъ и не могъ разомъ остыть къ затѣянному дѣлу, какъ у него водилось обыкновенно. Онъ былъ задѣтъ за живое промедленіемъ и отсрочками въ исполненіи его требованій и возобновилъ ихъ въ такомъ категорическомъ смыслѣ, который прямо указывалъ, что воля его, въ

---

33) Родилась $^{13}/_{24}$ Сентября 1778 года; умерла, бездѣтною, $^{7}/_{19}$ Октября 1851 года въ Фрошдорфѣ (въ Илиріи); отличалась меланхолическимъ характеромъ, твердостію воли и строгостію нравственныхъ правилъ, доходившею до суровости. Наполеонъ говорилъ о ней, что *это единственный мужчина женскаго пола въ семьѣ женщинъ мужескаго пола* (Бурбоновъ). Она овдовѣла 3-го Іюня 1844 г.

данномъ случаѣ, непреложна. Тутъ уже не рѣшались выискивать и подставлять ей дальнѣйшія препятствія, и я получилъ оффиціальное сообщеніе о согласіи Австрійскаго двора разлучиться съ моей племянницей. Мнѣ оставалось сдѣлать видъ, что я считаю себя обязаннымъ этою отрадною для меня новостью доброй волѣ Франца II, которому я и выразилъ за то мою благодарность, при чемъ въ нашей обоюдной перепискѣ не упоминалось даже имени Русскаго царя. Предстоящее прибытіе принцессы выводило меня изъ великаго затрудненія въ будущемъ и полагало конецъ проискамъ, какіе могли бы послужить во вредъ нераздѣльности королевства Французскаго».

Наконецъ Людовикъ XVIII дождался желанной гостьи. $^4/_{15}$ Іюня 1799 года прибыла его племянница, избавленная отъ двусмысленной роли заложницы въ рукахъ Австріи; а наканунѣ, пріѣхала и остававшаяся дотолѣ въ Германіи супруга короля, въ сопровожденіи нѣсколькихъ придворныхъ дамъ [34]). Вслѣдъ затѣмъ, бездѣтный Людовикъ XVIII, побуждаясь династическими соображеніями, поспѣшилъ выполнить давній свой планъ тѣснѣйшаго сліянія членовъ королевской фамиліи брачнымъ союзомъ пріѣхавшей къ нему племянницы съ старшимъ двоюроднымъ ея братомъ, герцогомъ Ангулемскимъ [35]), съ согласія отсутствовавшихъ родителей послѣдняго, предупрежденныхъ о томъ заранѣе [36]). Молодая чета была обвѣнчана въ домовой церкви Митавскаго дворца, черезъ шесть дней по пріѣздѣ принцессы, $^{10}/_{21}$ Іюня,—о чемъ король не преминулъ дать извѣстіе всѣмъ Европейскимъ дворамъ, въ томъ числѣ и Вѣнскому. Но вниманіе Европы поглощено было дѣлами поважнѣе: вновь образовавшеюся Австро-Русскою коалиціей противъ Французской республики и войной, которая должна была разразиться въ предѣлахъ Италіи, Швейцаріи, Голландіи. Въ началѣ этихъ событій расцвѣли всѣ мечты короля-эмигранта, поблекшія было въ прежнихъ безконечныхъ разочарованіяхъ и неудачахъ.

....«Возникновеніе новаго наступательнаго союза, при могущественномъ участіи Русскаго царя, давало поводъ надѣяться, что всѣ препоны, заграждавшія мнѣ доступъ въ мое государство, скоро падутъ передо мною. Эти надежды ободрялись во мнѣ и зрѣлищемъ дѣятельнаго движенія Русскихъ войскъ, слѣдовавшихъ черезъ Митаву, въ теченіи почти семи мѣсяцевъ, и свѣдѣніями объ усиленныхъ боевыхъ приготовленіяхъ Австріи. Убійство же Французскихъ повѣренныхъ въ Раштадтѣ (въ чемъ несправедливо обвиняли то Директорію, то Вѣнскій кабинетъ), заставляло еще болѣе думать, что скораго примиренія воюющихъ сторонъ не послѣдуетъ Мнѣ извѣстно было отсутствіе Бонапарта, находившагося въ Египтѣ съ лучшими войсками республики; извѣстно было также и внутреннее разъединеніе въ средѣ ея правительства. По-

---

[34]) Королевѣ сопутствовали герцогиня Де-Латуръ-д'Овернь (de-La-Tour-d'Auvergne) съ дочерью и герцогиня-же Нарбоннъ (de Narbonne). Мать сей послѣдней, г-жа Серранъ (de Serrent) провожала принцессу отъ Вѣны до Митавы. Въ письмѣ Ростопчина къ гр. С. Р. Воронцову, отъ 10 Іюля 1799 г., замѣчено, что съ „пріѣздомъ королевы, при этомъ дворѣ не оберутся сплетней; о герцогинѣ же Ангулемской говорятъ съ чрезвычайною похвалою“ (Русск. Архивъ 1876 г., III, 82.)

[35]) Герцогъ Ангулемскій, Louis-Antoine de Bourbon, duc d'Angoulême, старшій сынъ королевскаго брата, графа д'Артуа (впослѣдствіи короля Карла X), род. въ Версали 1775 г., отрекся вмѣстѣ съ отцомъ отъ правъ на Французскій престолъ въ пользу племянника своего герцога Бордосскаго, 2-го Авг. 1830 г. Умеръ въ Грёцѣ, изгнанникомъ, 3-го Іюня 1844 г.

[36]) Графъ д'Артуа былъ тогда въ Англіи.

этому казалось сбыточнымъ то, что народъ, удрученный отчаяніемъ и невзгодами своими, захочетъ отдохнуть отъ нихъ подъ болѣе мирнымъ и спокойнымъ правленіемъ дома Бурбоновъ. Одинъ случай еще сильнѣе подогрѣлъ эти мечтанія, а именно, посѣщеніе Суворова, побывавшаго у меня въ проѣздъ черезъ Митаву, на пути въ дѣйствующую армію. Этотъ полудикій герой соединялъ въ себѣ съ весьма невзрачной наружностью такія причуды, которыя можно было бы счесть за выходки помѣшательства, еслибъ онѣ не исходили изъ разсчетовъ ума тонкаго и дальновиднаго. То былъ человѣкъ маленькаго роста, тощій, тщедушный, дурно-сложенный, съ обезьяньею физіономіей, съ живыми, лукавыми глазками и ухватками до того странными и уморительно-забавными, что нельзя было видѣть его безъ смѣха или сожалѣнія; но подъ этою оригинальною оболочкой таились дарованія великаго военнаго генія. Суворовъ умѣлъ заставить солдатъ боготворить себя и бояться. Онъ былъ мечъ Россіи, бичъ Турокъ и гроза Поляковъ. Жестокій порывами, безстрашный по натурѣ, онъ могъ невозмутимо-спокойно видѣть потоки крови, пожарища разгромленныхъ городовъ, запустѣніе истребленныхъ нивъ. Это была копія Аттилы, съ его суевѣріемъ, вѣрою въ колдовство, въ предвѣщанія, въ таинственное вліяніе свѣтилъ. Словомъ, Суворовъ имѣлъ въ себѣ всѣ слабости народа и высокія качества героевъ. Представившись почтить меня своимъ привѣтствіемъ, онъ явился въ довольно простой одеждѣ, хотя весь въ орденахъ, съ разстегнутой грудью и безъ парика; а между тѣмъ, этотъ нарядъ слылъ у него самымъ параднымъ, въ который онъ облекся въ знакъ особенной передо мною вѣжливости. Но я мало обращалъ вниманія на подобныя мелочи и только наблюдалъ характеръ этого необыкновеннаго человѣка, который, отправляясь на борьбу съ искуснѣйшими генералами Французской республики, дерзалъ говорить: «Богъ, въ наказаніе за грѣхи мои, послалъ Бонапарта въ Египетъ, чтобы не дать мнѣ славы побѣдить его».

«Какъ только я узналъ о прибытіи Суворова, то задался мыслью пріобрѣсти его пріязнь и показать ему въ пріемѣ моемъ высокое уваженіе. Когда мнѣ о немъ доложили, я вышелъ изъ кабинета къ нему на встрѣчу. Суворовъ, съ своей стороны, преклонился передо мною почти до земли, потомъ поцѣловалъ мнѣ руку и полу платья, по Русскому обычаю (?); туже самую церемонію онъ продѣлалъ съ пришедшимъ послѣ меня герцогомъ Ангулемскимъ. Высказавъ ему нѣсколько привѣтственныхъ словъ относительно военныхъ его подвиговъ, я примолвилъ, что глубоко сожалѣю о невозможности моей раздѣлять съ нимъ боевыя опасности побѣды, въ которой я совершенно увѣренъ.—«Уповаю на то, отвѣчалъ онъ, съ помощію Божіей и св. Николая Угодника».—«Господинъ фельдмаршалъ, сказалъ я, ваша шпага есть орудіе кары, которое направляетъ само Провидѣніе на погибель врагамъ государей вашихъ (de vos souverains).—«Надѣюсь, в. в., сжечь немного пороху, чтобъ выгнать непріятеля изъ Италіи и прошу васъ, государь, дозволить мнѣ назначить свиданіе съ вами во Франціи, въ будущемъ году [37]). Признаться ли мнѣ здѣсь, что такая увѣренность въ себѣ Суворова была для меня нѣсколько прискорбна? Въ сердцѣ моемъ болѣзненно отдавалась эта высокомѣрная

[37]) По всей вѣроятности, описываемое посѣщеніе Суворова было въ самомъ началѣ Марта 1799 г.

самонадѣянность, не допускавшая никакого сомнѣнія въ торжествѣ надъ Французами!

«Вотъ такъ-то всякое обстоятельство въ моей изгнаннической жизни усугубляло ея горечь.... Однако, я поостерегся обнаружить это чувство передъ фельдмаршаломъ и снова воздавалъ хвалы заслуженной имъ славѣ. Онъ поддержалъ разговоръ съ ловкостью бывалаго придворнаго и наконецъ откланялся, пробывъ со мною около часа, который прошелъ для меня незамѣтно быстро. Проходя черезъ залу моихъ тѣлохранителей, онъ опять заговорилъ о близкомъ вступленіи своемъ во Францію, закончивъ возгласомъ: «Честь и защита вѣрнымъ слугамъ королевскимъ и смерть Якобинцамъ!» [38]) «Когда онъ спустился съ крыльца къ подъѣзду, аббатъ Трессанъ (de Tressan), одинъ изъ состоявшихъ при мнѣ чиновъ духовенства, поднесъ ему книгу своего сочиненія. Суворовъ принялъ это приношеніе съ изящною вѣжливостью Версальскаго царедворца, поблагодарилъ добраго аббата, поцѣловалъ книгу, которую спряталъ въ боковой карманъ, за пазуху, и потомъ возвратился къ себѣ на квартиру. Тамъ онъ раздѣлся до нага и велѣлъ окатить себя нѣсколькими ведрами холодной воды, послѣ чего надѣлъ мѣховую шубу и сталъ за обѣденный столъ, круглый и безъ скатерти. Подали ему пшенную кашу (millet) да блюдо рыбы; то и другое онъ принялся плотно кушать, въ сообществѣ своихъ четырехъ адъютантовъ, которые ѣли стоя, какъ и онъ самъ. За этою скудною трапезой появилась чаша пунша, порядочныхъ размѣровъ, которой фельдмаршалъ оказалъ столько же вниманія, какъ и яствамъ. Служители моего дома, присутствовавшіе при этой трапезѣ, разсказали мнѣ о ней всѣ подробности, упомянувъ между прочимъ объ отсутствіи за столомъ салфетокъ, которыхъ и не спросилъ никто изъ обѣдавшихъ. Разсказъ этотъ немало меня позабавилъ».

Почти вслѣдъ за Суворовымъ, навѣстилъ короля въ Митавѣ и великій князь Константинъ Павловичъ, въ проѣздъ свой въ дѣйствующую же армію, хотя въ «Запискахъ Людовика XVIII», почему-то не сказано ничего объ этомъ посѣщеніи [39]). Вообще недостатка въ посѣщеніяхъ лицъ, извѣстныхъ или

---

[38]) „Aux fidèles serviteurs du roi, honneur et protection. Aux Jacobins point de quartier!“

[39]) Состоявшій при великомъ князѣ графъ Е. Ѳ. Комаровскій, пишетъ: „Великій князь изволилъ выѣхать изъ Петербурга въ началѣ Марта 1799 года. Свиту его составляли: генералъ Дерфельденъ, ген.-маіоръ Сафоновъ,—великаго князя адъютанты-полковники: я и Лангъ, Измайловскаго полка поручикъ Озеровъ, адъютантъ гр. Дерфельдена, кадетскаго корпуса поручикъ Перскій, двора его высочества докторъ Вельценъ, лейбъ-хирургъ Линстремъ, два пажа: Храповицкій и кн. Гагаринъ и берейторъ Штраубе. Въ проѣздъ черезъ Митаву великій князь послалъ меня навѣдаться о здоровьѣ Людовика XVIII и просить позволенія его навѣстить. Король мнѣ сказалъ, что онъ счастливъ будетъ увидѣть сына своего благодѣтеля. Его высочество приказалъ и намъ всѣмъ идти къ королю. Его величество встрѣтилъ великаго князя въ первой комнатѣ, въ коей стояли въ два ряда его gardes de corps: ихъ оставалось еще нѣсколько (?) человѣкъ. Дворъ короля былъ тогда довольно многочисленъ. Людовикъ XVIII взялъ великаго князя за руку, привелъ его въ гостиную, куда и мы вошли и, показавъ его высочеству портретъ императора Павла, висѣвшій надъ канапе, сказалъ: Voici mon bienfaiteur (вотъ мой благодѣтель). Потомъ великій князь представилъ насъ королю, который пригласилъ его высочество, и со всѣми нами, къ обѣденному столу: насъ сидѣло особъ пятьдесятъ. Первый камеръ-юнкеръ короля былъ герцогъ Дюрасъ. Я видѣлъ тутъ многихъ другихъ, принадлежавшихъ къ знатнѣйшимъ фамиліямъ Франціи“. (Р. Архивъ 1867 г., стр. 522—523). Вел. кн. Константинъ Павловичъ прибылъ обратно

высокопоставленныхъ при Митавскомъ дворѣ не было. Туда пріѣзжали, одинъ за другимъ, и кардиналъ Мори, и герцогъ Орлеанскій, будущій король Французовъ, и генералъ Дюмурье.

О свиданіяхъ Людовика XVIII съ этими двумя послѣдними лицами, какъ имѣющихъ нѣкоторое соотношеніе къ императору Павлу и состоявшихся не безъ его участія, будетъ сказано далѣе. Что-же касается до появленія въ Митавѣ кардинала Мори, то о немъ приводимъ выдержку изъ «Записокъ» короля только ради курьезной бесѣды о Россіи между нимъ и Людовикомъ XVIII-мъ.

Прежде всего слѣдуетъ пояснить, что Мори [40]), по личнымъ своимъ качествамъ, отнюдь не пользовался уваженіемъ Людовика XVIII, который хотя и признавалъ за нимъ ораторскія способности, усердно служившія консервативному направленію, но считалъ его человѣкомъ, въ сущности, мелочнымъ, тщеславнымъ, самодовольнымъ и нравственно-хилымъ. Находясь одно время при королевскомъ семействѣ, Мори не имѣлъ такта поставить себя вдали отъ сплетней и дрязгъ придворной челяди, почему былъ милостиво выпровоженъ оттуда, подъ благовиднымъ предлогомъ, въ Римъ, гдѣ и успѣлъ получить вожделѣнный санъ кардинала. Когда папа, въ лестныхъ выраженіяхъ, благодарилъ его за все, имъ сдѣланное на пользу церкви, новенькій кардиналъ скромно примолвилъ: «И за все то, что я еще намѣренъ сдѣлать. Будьте увѣрены, святѣйшій отецъ, что если я не возвращу въ лоно истинной церкви схизматическую Россію съ еретической Германіей, то сочту себя недостойнымъ отпущенія грѣховъ». По изгнаніи папы изъ Рима, онъ послѣдовалъ за нимъ въ Сіенну, а потомъ, спасаясь отъ ареста, грозившаго ему со стороны Французскихъ революціонеровъ, бѣжалъ въ Венецію и, наконецъ, заблагоразсудилъ отправиться въ Россію, чтобы поработать тамъ надъ апостольскимъ подвигомъ, обѣщаннымъ папѣ, то-есть, ни болѣе, ни менѣе, какъ обратить въ католичество Русскаго царя и всѣхъ его подданныхъ, надѣясь въ этомъ случаѣ (по выраженію автора «Записокъ») столько-же на себя самого, какъ и на Господа Бога; а мимоѣздомъ, завернулъ и въ Митаву. «Однажды (повѣствуютъ «Записки») слышу я въ дворцовыхъ покояхъ необычный шумъ и суету. Это что такое? спрашиваю герцога Виллекье, бывшаго тогда при мнѣ дежурнымъ. Тотъ вышелъ освѣдомиться и возвратился вмѣстѣ съ д'Аваре. Оба восклицали: Государь, онъ пріѣхалъ!—Кто *онъ*?—Да кардиналъ Мори. Ну,—въ такомъ случаѣ я не дивлюсь суматохѣ, которая поднялась во дворцѣ герцоговъ Курляндскихъ. А гдѣ-же эта достойная особа?—Сперва онъ навѣстилъ вашихъ слугъ, государь, а теперь ожидаетъ чести представиться вашему величеству.—Помилосер-

---

въ Петербургъ изъ арміи Суворова 27 Декабря 1799 года. Съ нимъ возвратились и поименованныя лица его свиты, кромѣ полковника Ланга, умершаго отъ полученной въ сраженіи раны.

[40]) Кардиналъ Мори (Jean Siffrein Maury), р. 1746 † 1817 г. Былъ сынъ башмачника, вступилъ въ духовное званіе въ 1789 г.; состоя членомъ Національнаго Собранія, защищалъ въ своихъ рѣчахъ интересы церкви и престола, но былъ вынужденъ эмигрировать въ Римъ. Тамъ папа возвелъ его сперва въ санъ епископа, а затѣмъ и кардинала (1794). Впослѣдствіи-же, когда Наполеонъ сдѣлался императоромъ, то Мори изъ ревностнаго роялиста превратился въ вѣрноподданнаго приверженца имперіи и въ 1810 г. получилъ мѣсто архіепископа Парижскаго, котораго былъ лишенъ тотчасъ по возстановленіи Бурбоновъ. Возвратясь въ Римъ, онъ выдержалъ тамъ полугодовое заточеніе въ крѣпости св. Ангела и въ монастырѣ Лазаристовъ. Изъ его сочиненій, изданныхъ въ 1827 г., главнымъ считается „Essai sur l'éloquence de la chaire“ (2 vol.).

дуйте! вскричалъ я: развѣ можно заставить ждать князя святой Римской церкви! Чего добраго,— за это, можетъ быть, онъ предалъ уже всѣхъ васъ отлученію. Впустить, впустить его сюда поскорѣе. Виллекье взялъ на себя этотъ трудъ, и я узрѣлъ его высокопреосвященство, румяное, веселенькое, улыбающееся, съ развязными манерами, съ осанкой браваго гвардейскаго сержанта,—однимъ словомъ, на всѣхъ правахъ человѣка, къ которому можно было примѣнить извѣстный стихъ Клемана Маро (Clement Marot): «Au demeurant, le meilleur fils du monde» (въ концѣ-концовъ, сынъ міра наилучшій). Куда-же держите вы путь? спросилъ я его, между прочимъ.—«Въ Россію, чтобы въ пухъ разбить (mettre à sac) архіепископа Новгородскаго, архимандритовъ, поповъ и весь этотъ Греко-Татарскій синклитъ. Я ихъ вразумлю и обращу всѣхъ до послѣдняго, лишь-бы только мнѣ посчастливилось застать Императора въ благодушномъ расположеніи, что̀, говорятъ, случается не всегда.»—«Господинъ кардиналъ, возразилъ я, императоръ Всероссійскій имѣетъ такую власть надъ своими подданными, что они почитаютъ священнымъ для себя долгомъ доводить до его свѣдѣнія малѣйшее слово, сказанное о немъ, и если слово это можетъ прозвучать не совсѣмъ пріятно для его слуха, то виновникъ не замедлитъ попасть на дорогу въ Сибирь.»—«О, Господи Іисусе и Матерь Божія! Но вѣдь я полагаю, что онъ пораздумаетъ не разъ и не два, прежде чѣмъ обойтись такъ запросто съ членомъ Святѣйшей Коллегіи?»—«А не помните-ли вы, отвѣчалъ я, кто это былъ изъ его предковъ, Василій или Іоаннъ, который распорядился приколотить гвоздями шляпу къ головѣ нѣкоего Англійскаго посланника?»—«Во всякомъ случаѣ, эта черта не дѣлаетъ чести Русской исторіи, замѣтилъ Мори, съ легкимъ содроганіемъ.—«Тѣмъ не менѣе сбыточно, что она можетъ повториться, и потому я совѣтовалъ бы вамъ хорошенько записать ее для памяти, чтобъ не позабыть какъ-нибудь.»—«Но я не могу допустить, чтобы въ цивилизованной странѣ нельзя было говорить свободно»... «Подумайте, однакожъ, сперва о шляпѣ Англійскаго посланника, если хотите не уронить почтенія къ шляпѣ кардинала святой церкви Римской...»

Надо думать, что совѣтъ короля пошелъ въ прокъ рьяному пропагандисту католичества и значительно умѣрилъ въ немъ пылъ миссіонерскаго усердія, такъ какъ нѣтъ въ виду свѣдѣній, чтобы онъ дѣлалъ какія-нибудь попытки добывать въ Россіи новыхъ овецъ папскому стаду; а впрочемъ могло быть и то, что онъ великодушно предоставилъ славу этого дѣла досужему патеру *Груберу*, который съ такимъ успѣхомъ свилъ-было уютное гнѣздышко Іезуитамъ въ Россіи, и не далѣе какъ подъ конецъ Павловскаго царствованія, въ 1800 году.

Перейдемъ теперь къ свиданію короля въ Митавѣ съ родственникомъ его Людовикомъ-Филиппомъ, сыномъ герцога Орлеанскаго Филиппа (*Эгалите*), этого санкюлота-принца, опозорившаго себя гнусными интригами противъ Людовика XVI-го и участіемъ въ осужденіи его на казнь, но впослѣдствіи сложившаго и свою голову подъ гильотиной [41]). Людовикъ-Филиппъ, воспитанный въ духѣ революціонныхъ идей, скоро отрезвился отъ своихъ увлеченій и бѣжалъ за границу одновременно съ генераломъ Дюмурье. Тогда онъ пожелалъ сблизиться съ отчудившимися отъ него представителями старшей линіи своего

---

[41]) Louis-Philippe-Joseph duc d'Orléans (Egalité) род. въ Сен-Клу 13 Апр. 1747 г., казненъ въ Парижѣ, въ Ноябрѣ 1793 г.

рода, но всѣ его заискиванія сперва не имѣли послѣдствій, а покаянное письмо къ Людовику XVIII оставлено было безъ отвѣта. Наконецъ, мать его, вдовствующая герцогиня Орлеанская, одна изъ достойнѣйшихъ женщинъ, обратилась сама къ королю съ ходатайствомъ за сына, и ея просьбы подѣйствовали. Король отвѣчалъ ей согласіемъ возвратить свое благоволеніе повинившемуся родичу и допустить его до свиданія съ собою, но не иначе какъ чрезъ посредство Русскаго императора, что̀ было дипломатическою уловкой. «Я хотѣлъ (говоритъ король) воспользоваться этимъ случаемъ, чтобъ заявить особенное мое вниманіе и уваженіе къ Павлу I-му, показавъ, что уступаю только его предстательству, а потому далъ знать, стороною, герцогинѣ Орлеанской, что она должна просить его о содѣйствіи. Императору это пріятно польстило; онъ немедленно выслалъ молодому принцу Орлеанскому письменный видъ для въѣзда въ Россію, на вымышленное имя негоціанта Коффманна, приказавъ притомъ тогдашнему Курляндскому губернатору Дризену принять всѣ мѣры къ безпрепятственному и скорому слѣдованію принца отъ Польши до Митавы [42]). Царю хотѣлось, чтобы прибытіе этого гостя было для меня сюрпризомъ, но я втихомолку былъ предупрежденъ о томъ герцогинею Орлеанскою. Ожидаемый путешественникъ пріѣхалъ въ Митаву въ 9 часовъ вечера. У городской заставы его остановила стража, но онъ потребовалъ, чтобъ его доставили къ губернатору. Караульный офицеръ, осмотрѣвъ паспортъ, собственноручно подписанный Государемъ, поспѣшилъ направить пріѣзжаго къ г. Дризену, который заранѣе получилъ изъ Петербурга повелѣніе въ такихъ словахъ: «По прибытіи въ Митаву негоціанта Коффманна, имѣете вы препроводить его во дворецъ, къ графу д'Аваре, а затѣмъ поступить по дальнѣйшимъ указаніямъ, какія получите отъ сего послѣдняго».

Все это исполнилось въ точности. Король принялъ принца наединѣ, и послѣ келейной бесѣды съ нимъ, продолжавшейся не болѣе двухъ часовъ, принцъ въ туже ночь выѣхалъ обратно изъ Митавы. Затѣмъ Людовикъ XVIII написалъ къ императору Павлу слѣдующее письмо (отъ $^6/_{17}$ Іюня 1799 г.): «Государь, мой братъ! Желаніемъ высокой души вашей было, чтобы я возвратилъ герцогу Орлеанскому мое благорасположеніе, предавъ забвенію прошедшее и противъ ему проступки. Признаюсь: это стоило мнѣ большихъ усилій надъ собою, не потому, что самъ онъ много виновенъ противъ меня, а по воспоминанію о его преступномъ отцѣ, которое никогда не перестанетъ быть для моего семейства.... ужасающимъ. Но отказать вамъ я не могъ. Передо мной всесильно ваше предстательство, а еще болѣе то, что̀ вы дѣлаете для меня и моихъ близкихъ. Я видѣлся съ принцемъ, принялъ отъ него по-

---

[42]) Баронъ Дризенъ (Drisen) былъ сперва поручикомъ Прусской службы въ царствованіе Фридриха Великаго, потомъ находился въ числѣ придворныхъ герцога Курляндскаго, а въ 1796 г. состоялъ командиромъ мѣстной Курляндской гвардіи; по восшествіи-же на престолъ Павла, изъ маіоровъ произведенъ прямо въ чинъ генералъ-маіора, получилъ Анненскую ленту и черезъ нѣсколько времени назначенъ губернаторомъ въ Митаву. Массонъ, въ своихъ „Mémoires secrets" (III, 93), говоритъ, что пожалованіе генеральскаго чина и, сверхъ того, доходнаго имѣнія Экгофъ, достались Дризену единственно за его большой ростъ и фронтовую выправку. Это показаніе находитъ полное подтвержденіе какъ въ замѣткѣ барона Ѳ. А. Бюлера, приведенной къ его статьѣ о герцогѣ Биронѣ („Русск. Старина" 1871, т. VII, № 1., стран. 53—54), такъ и въ другой, неизвѣстно-чьей, помѣщенной въ „Русскомъ Архивѣ" 1875 г., подъ заглавіемъ: „Паульсъ-Гнаде" и „Зоргенъ-Фрей" (кн. II-я, стр. 228—229).

винную и отпустилъ его довольнымъ. Племянница моя не пожелала, чтобы онъ былъ принятъ въ ея присутствіи, по причинамъ, понятнымъ вашему величеству и не нуждающимся въ объясненіи Что́ до меня касается, то никогда я не превозмогалъ своихъ чувствъ съ такою готовностью, какъ въ настоящемъ случаѣ, когда черезъ это могъ доказать вамъ мою признательность. Прошедшее забыто нынѣ, и герцогъ Орлеанскій вновь займетъ при особѣ моей подобающую ему степень во всѣхъ обстоятельствахъ. Надѣюсь, что ни въ одномъ изъ нихъ онъ не подастъ мнѣ повода пожалѣть о томъ, что́ сдѣлалъ я единственно въ угоду вамъ». Этотъ случай, считая съ обстоятельствомъ вызова изъ Вѣны королевской племянницы, былъ уже вторымъ, гдѣ Павелъ I показалъ личное свое участіе къ фамильнымъ отношеніямъ семейства Бурбоновъ. Въ глазахъ же и Людовика XVIII, и герцога Орлеанскаго, примиреніе ихъ представлялось столь важнымъ фактомъ въ политической сферѣ, что, по взаимному ихъ уговору, король оповѣстилъ о происшедшемъ многіе Европейскіе дворы.

Остается упомянуть о посѣщеніи генерала Дюмурье. Сперва одинъ изъ замѣтныхъ дѣятелей революціи, потомъ внезапный перебѣжчикъ изъ ея лагеря и неудавшійся роялистъ, одинаково отверженный обѣими враждующими сторонами [13]), онъ силился снова выступить на сцену событій, занимавшихъ Европейскій міръ, и сталъ искать сближенія съ Людовикомъ XVIII. Тотъ, понимая вполнѣ, на сколько этотъ даровитый человѣкъ можетъ быть полезенъ его дѣлу, охотно согласился войти съ нимъ въ сношенія, тѣмъ болѣе, что императоръ Павелъ, цѣнившій въ Дюмурье неоспоримые военные таланты, очень желалъ его видѣть. Людовикъ XVIII поручилъ своему дипломатическому агенту, герцогу д'Аркуру (d'Harcourt), пригласить генерала пріѣхать въ Митаву, а оттуда въ Петербургъ. Такимъ образомъ Дюмурье пришлось двукратно побывать у короля: сначала весьма недолгое время, а на обратномъ пути изъ Петербурга, нѣсколько дней, при чемъ онъ много бесѣдовалъ съ королемъ о современныхъ политическихъ обстоятельствахъ и произвелъ на него сильное впечатлѣніе, какъ глубокимъ пониманіемъ ихъ, такъ и стратегическою сообразительностью. Въ Петербургѣ же вышло не то. Императоръ Павелъ хотя и принялъ его очень ласково и даже щедро одарилъ, но, выслушивая съ большимъ вниманіемъ его сужденія, не сходился съ нимъ во взглядахъ ни по одному предмету, такъ что существенныхъ послѣдствій для дѣлъ поѣздка Дюмурье не имѣла. Это было уже въ концѣ 1799 г., когда послѣдовалъ разладъ союза Россіи съ Австріей, и Государь рѣшился отстать отъ военныхъ дѣйствій противъ Франціи; а генералу Дюмурье, какъ равно и Англичанамъ,

---

13) Дюмурье (Charles-François Dumouriez) р. 1739†1823 г. Онъ служилъ уже въ Семилѣтнюю войну, а во время революціи, въ 1790 и 91 г., дѣйствовалъ за одно то съ Якобинцами, то съ Жирондистами, и 1792 г. занялъ мѣсто министра иностр. дѣлъ; но въ томъ же году, когда началась война съ Австріею, объявленная Людовикомъ XVI по его внушенію, онъ получилъ командованіе корпусомъ, который былъ сформированъ Лафайетомъ, и отличился въ этой войнѣ нѣсколькими побѣдами надъ Австрійцами, особенно при Жемаппѣ; въ слѣдующемъ же 1793 г., разбитый въ свою очередь при Тирлемонѣ, онъ, въ ожиданіи за то преслѣдованій со стороны Конвента, вознамѣрился склонить свои войска къ возстановленію во Франціи монархическаго правительства, однакожъ не успѣлъ въ этой попыткѣ и рѣшился бѣжать къ Австрійцамъ. Послѣ того онъ былъ признанъ навсегда изгнанникомъ изъ отечества. Умерь въ Англіи, близъ Лондона. Его „Записки" изданы въ Гамбургѣ, въ 1794 г.

всячески хотѣлось склонить его къ участію въ новой кампаніи и осуществленію плана высадки во Францію той части Русскихъ войскъ, которая находилась въ Англіи на зимнихъ квартирахъ, на что Павелъ I не согласился [44]).

Говоря о поѣздкѣ Дюмурье, мы не обойдемъ характерической особенности одного изъ самыхъ вліятельныхъ членовъ королевской семьи въ Митавѣ, герцогини Ангулемской. Всякій разъ, когда шло дѣло о необходимомъ, въ политическихъ видахъ, пріемѣ какого-нибудь лица, отмѣтившаго себя прежде участіемъ въ революціонныхъ треволненіяхъ, Людовикъ XVIII сталкивался съ пассивнымъ, но непреклоннымъ противодѣйствіемъ своей племянницы. Нервная злопамятность этой женщины не знала границъ, подъ давленіемъ страшнаго и вѣчно-свѣжаго для нея воспоминанія о трагической судьбѣ ея родителей. Оно на всю жизнь глубоко запало въ ея душу и проявлялось съ такою силой, что при одномъ видѣ кого-либо изъ подобныхъ людей она ощущала дурноту и не могла скрыть чувствъ смертельной ненависти или отвращенія. Никакія увѣщанія не въ состояніи были смягчить ихъ, что̀ нерѣдко приводило дядю ея въ самое затруднительное положеніе. «Записки» передаютъ по этому поводу слѣдующее. Нѣкто аббатъ *Жоржель* [45]), проѣзжая черезъ Митаву въ Петербургъ, вмѣстѣ съ депутатами отъ Германскаго пріорства Мальтійскаго ордена, отправленными изъ Бризгау, сдѣлалъ визитъ Людовику XVIII; но едва герцогиня увидѣла нежданаго посѣтителя, какъ бросила на него грозно-презрительный взглядъ, отвернулась и ушла, потребовавъ отъ дяди, который позвалъ уже аббата обѣдать, чтобы непріятный ей гость не былъ удостоенъ этой чести. А вся вина бѣднаго аббата заключалась въ томъ, что онъ нѣкогда исправлялъ обязанность викарія при кардиналѣ Роганѣ (de Rohan), столь извѣстномъ по скандалёзному процессу объ ожерельѣ, гдѣ несчастнымъ образомъ было замѣшано имя Маріи-Антуанетты.

Точно также и по поводу пріѣзда Дюмурье, Людовикъ XVIII вынужденъ былъ бороться съ предубѣжденіями своей племянницы противъ эксъ-республиканскаго генерала; но на этотъ разъ дѣло кое-какъ обошлось, благодаря настойчивымъ убѣжденіямъ короля. За время бытности въ Митавѣ, Дюмурье каждый день

---

[44]) Милютинъ, „Ист. войны 1799 г.“, II, 487; III, 636—637. Кажется, Дюмурье не отчаявался до конца въ своихъ усиліяхъ увлечь Павла. Онъ не спѣшилъ выѣхать изъ Россіи и даже оставилъ ее не по доброй волѣ, что̀ случилось одновременно съ удаленіемъ изъ Митавы Людовика XVIII. По крайней мѣрѣ, о томъ и другомъ можно судить по двумъ письмамъ Ростопчина. Въ первомъ изъ нихъ къ гр. С. Р. Воронцову, въ Лондонъ, отъ 22 Февр. 1800 г., сказано: „Дюмурье на слѣдующей недѣлѣ возвращается въ Голстинію. Это человѣкъ на всѣ руки. Ему смертельно хочется, чтобы не прекращалась его извѣстность, и такъ какъ онъ думаетъ загладить прежнія свои дѣйствія, когда онъ служилъ противъ своего законнаго государя, то, конечно, онъ можетъ оказать большую пользу Французской монархіи“ (Р. Архивъ 1876, III, 416). Второе письмо было писано оффиціально къ самому Дюмурье, отъ 19 Марта 1800 г., съ приглашеніемъ удалиться изъ Россіи. Черновой отпускъ этого письма, составленнаго, конечно, по порученію императора Павла, принадлежитъ бывшей Чертковской библіотекѣ, что̀ нынѣ Московской городской. (Р. Архивъ 1867, 320).

[45]) Этотъ аббатъ, бывшій секретаремъ при упомянутой Мальтійской депутаціи, уѣхалъ изъ Россіи въ послѣднихъ числахъ Мая 1800 г. Онъ извѣстенъ весьма интереснымъ описаніемъ своей поѣздки въ Петербургъ и пребыванія тамъ въ зиму съ 1799 на 1800 г., подъ заглавіемъ: „Mémoires pour servir à l'histoire des événements de la fin de XVIII siècle, par un contemporain impartial, feu m. l'abbé Georgel, Jésuite, ancien secrétaire d'ambassade et chargé d'affaires de France à Vienne“.... etc. 6 vol., Paris, 1818, in 8-o.

приглашался къ обѣду, хотя при первой съ нимъ встрѣчѣ герцогиня вся измѣнилась въ лицѣ, которое покрылось мертвенною блѣдностью и холоднымъ потомъ. Она была уже близка къ обмороку; однакожъ, пересиливъ себя, обратилась къ генералу, понявшему всѣ причины этого волненія и избѣгавшему встрѣчаться съ нею взглядами:—«Милостивый государь, сказала она ему прерывисто, возвратите моего дядю подданнымъ его. Вы этимъ пріобрѣтете мою признательность.... Въ *остальномъ* поможетъ Богъ».... [46]).—«О, ваше высочество, вскричалъ Дюмурье, положивъ руку на сердце, я не могъ спасти короля, вашего родителя, и Провидѣніе не допустило меня стать мстителемъ за него!» Отвѣтъ этотъ подѣйствовалъ на герцогиню успокоительно, и съ тѣхъ поръ король могъ безъ стѣсненія пользоваться сообществомъ генерала, даже въ ея присутствіи.

III.

Съ послѣдней половины 1798 г. до Марта 1800 г., отношенія между императоромъ Павломъ и Людовикомъ XVIII имѣли наилучшій видъ, выражаясь частымъ обмѣномъ взаимныхъ любезностей и орденскихъ знаковъ. Государь позаботился даже о возможныхъ удобствахъ лѣтняго мѣстопребыванія для королевскаго семейства, предоставивъ ему свой загородный дворецъ въ 3-хъ миляхъ отъ Митавы, гдѣ король и провелъ цѣлое лѣто 1799 г., вмѣстѣ съ королевой, принцессой Ангулемской и нѣсколькими лицами изъ придворнаго кружка. Въ это мирное и уютное убѣжище только отъ времени до времени доносились, какъ глухіе раскаты грома, заграничныя вѣсти о боевыхъ тревогахъ войны, въ которой обильно лилась Русская кровь на далекой чужбинѣ.... А на смѣну блестящаго періода Суворовскихъ побѣдъ уже близилась подготовленная Австрійскими кознями роковая развязка, грозившая снова надломить всѣ преждевременныя надежды претендента; но, по крайней мѣрѣ, въ личномъ его положеніи ничто еще не предвѣщало переворота къ худшему. Императоръ Павелъ, не ослѣпляясь, впрочемъ, на счетъ характеровъ самого короля и его приверженцевъ, чему имѣются доказательства несомнительныя [47]), оставался еще вѣренъ защищаемому принципу, не обнаруживалъ къ нему охлажденія и даже послѣ Цюрихской катастрофы старался всячески ободрить и утѣшить Людовика XVIII своимъ участіемъ. Чтобы показать ему новый знакъ вниманія и уваженія, онъ изъявилъ желаніе получить орденъ Св. Духа, предложивъ ему, въ

---

[46]) То-есть (вѣроятно) въ возможности (забыть) старое.

[47]) Достаточно будетъ привести здѣсь нѣсколько строкъ изъ рескрипта Павла I къ Суворову, отъ 18 Сентября 1799 г.: ...... „Въ таковомъ положеніи вещей со всею силою можно будетъ вамъ войти во Францію.... для возстановленія короля. Если вы найдете, что присутствіе его в-ва можетъ соучаствовать къ пользѣ его собственнаго дѣла, то дайте мнѣ о семъ немедленно и заранѣе знать, дабы я его тотчасъ съ малою свитою къ вамъ отправилъ, предавъ его жребій въ руки ваши. Но должно заранѣе васъ увѣдомить, что король Французскій есть человѣкъ весьма ученый, скрытный, и хотя приготовленный на все, но великій охотникъ царствовать не бывъ еще на престолѣ; а притомъ его сбиваетъ другъ его и наперсникъ графъ д'Аваре, имѣющій самую сумасбродную Французскую голову..... Вы можете употреблять персону принца Конде по дѣламъ, до возстановленія королевства касающимся; но остерегайтесь впускать скоро во Францію эмигрантовъ, корпусъ его составляющихъ. Они войдутъ съ огнемъ и мечемъ, и опровергнутъ всѣ мысли благорасположенныхъ людей" (Милютинъ, Истор. войны 1799 г., т. III, прилож. № 228, стр. 461).

свою очередь, Андреевскую ленту. Тотъ, разумѣется, поспѣшилъ исполнить это желаніе, но далъ ему оцѣнку по-своему, какъ видно изъ слѣдующаго мѣста въ «Запискахъ»: «Я всѣми мѣрами заботился поддержать благопріятное отношеніе Царя къ моему дѣлу и не пропускалъ случая сдѣлать ему удовольствіе, въ чемъ только могъ. Напримѣръ, узнавъ, что у него, какъ у пресловутаго князя Меншикова, любимца Петра Великаго, была страсть обвѣшивать себя множествомъ орденскихъ знаковъ, я послалъ ему ленту Св. Духа [48]), чрезъ посредство аббата Фирмона [49]). Все мнѣ ручалось, что этотъ достойный пастырь будетъ отлично принятъ въ Петербургѣ, и я не ошибся: Павелъ I, чрезвычайно довольный моимъ гостинцемъ, обошелся съ аббатомъ какъ нельзя лучше, насказалъ ему много лестнаго о его героическомъ поведеніи относительно Людовика XVI и нѣсколько разъ заставлялъ его разсказывать о послѣднихъ минутахъ злополучнаго короля Франціи. Однажды, когда аббатъ повторялъ въ четвертый уже разъ свое повѣствованіе, Императоръ вдругъ прервалъ его вопросомъ: «Не просили ли вы, отецъ мой, Бога повѣдать вамъ, какую смерть Онъ мнѣ пошлетъ?» И когда озадаченный аббатъ Фирмонъ выразилъ вопіющее изумленіе свое по поводу такого необыкновеннаго вопроса, Императоръ заговорилъ опять: «А хотите,—я вамъ это скажу? Есть одинъ добрый монахъ, который открылъ мнѣ эту тайну» [50]). Тутъ онъ пріостановился на минуту, оглядѣлся кругомъ блуждающими взорами, потомъ, нагнувшись къ уху своего собесѣдника, шепнулъ ему: *«Я умру смертію моего отца»!* [51]) Можно себѣ представить, каково было смущеніе растерявшагося, пораженнаго аббата. Онъ поблѣднѣлъ и отвѣчалъ только междометіями. Императоръ-же, пришедъ въ себя, продолжалъ разговоръ, но уже о совершенно-иномъ предметѣ. Въ другой разъ онъ сказалъ Фирмону: «Выберите себѣ, батющка, изъ моихъ орденовъ любой, какой вамъ понравится».—«Государь, отвѣчалъ аббатъ, мой духовный санъ не дозволяетъ мнѣ носить никакихъ знаковъ отличія, кромѣ присвоенныхъ священнослужителю, и потому умоляю ваше величество не отнести этого отказа въ дурную сторону». Тогда Павелъ I, вынувъ изъ кармана золотую табакерку съ своимъ портретомъ, обрамленнымъ каймою изъ крупныхъ бриллянтовъ, просилъ аббата принять эту вещь; потомъ, положивъ руку на эфесъ своей шпаги, воскликнулъ, съ выраженіемъ горести и негодованія: «Эта шпага предназначалась послужить возстановленію короля Французскаго на престолѣ,

---

[48]) Орденъ св. Лазаря данъ былъ и Ростопчину, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими лицами, въ томъ числѣ и Суворову, когда онъ лежалъ уже на смертномъ одрѣ, въ началѣ Мая 1800 г. (Милют., II, 499). Андреевскую-же звѣзду Людовикъ XVIII получилъ 5 Марта 1800 г. (Списки кавалерамъ, Карабанова, стр. 60).

[49]) Аббатъ Эджвортъ де Фирмонъ (Henri-Essex-Edgeworth de Firmont), р. 1745 г., † 10/22 Мая 1807 г. Извѣстенъ, въ особенности, тѣмъ, что напутствовалъ Людовика XVI передъ его казнію и сопровождалъ его на эшафотъ, при чемъ, въ виду толпы народа, громко произнесъ знаменитое изреченіе: „Сынъ Людовика Святаго! Восходи на небеса!“ Аббатъ Фирмонъ пріобрѣлъ всеобщее уваженіе своими христіанскими добродѣтелями. Онъ былъ Ирландскій уроженецъ. Умеръ въ Митавѣ, подъ-конецъ вторичнаго пребыванія тамъ Людовика XVIII.

[50]) Тутъ нельзя не припомнить аналогичнаго сказанія Л. Н. Энгельгардта о монахѣ Авелѣ. См. „Записки Энгельгардта“, изд. 1868 г., М., стр. 217—218.—Объ этомъ же самомъ монахѣ-предсказателѣ помѣщены двѣ любопытныя статьи въ „Русской Старинѣ“ 1875 г., кн. 2, стр. 414—435, и кн. 4, стр. 815—819.

[51]) Въ манифестѣ о кончинѣ Петра III-го сказано, что предсмертною его болѣзнію были геморoидальные колики (см. XVIII вѣкъ, кн. 4-я). П. Б.

съ котораго онъ низведенъ мятежемъ; но мнѣ измѣнили мои союзники, и я долженъ думать только объ отмщеніи за себя». Слова эти были произнесены во время невзгодъ, постигшихъ уже союзную армію вслѣдъ за блистательною Италійскою кампаніей. Тогда я не могъ предъугадывать, какъ поступитъ онъ со мною впослѣдствіи, въ особенности послѣ всѣхъ заявленныхъ имъ доказательствъ добраго ко мнѣ расположенія»....

Затѣмъ цѣлая глава «Записокъ» посвящена очерку событій войны 1799 г., слишкомъ хорошо извѣстныхъ, а потому и опускаемыхъ здѣсь. Воспроизводимъ лишь немногія мѣста, гдѣ опять идетъ рѣчь о Суворовѣ, о которомъ авторъ, вообще, отзывается довольно безпристрастно и безъ дикихъ предубѣжденій, встрѣчаемыхъ сплошь и рядомъ въ сужденіяхъ иностранцевъ о нашемъ славномъ полководцѣ. «Не смотря на побѣды Массены, союзныя силы имѣли еще громадные шансы восторжествовать въ окончательномъ исходѣ войны; но возникшій между ними раздоръ подоспѣлъ какъ-бы на подмогу Французской республикѣ. Суворовъ, въ гордомъ сознаніи своихъ подвиговъ, считалъ себя въ правѣ дѣйствовать самостоятельно и, по преимуществу, въ духѣ моихъ интересовъ; Австрійцы же не хотѣли ему способствовать въ этомъ, сколько изъ зависти къ славѣ Русскаго вождя, столько и по своекорыстнымъ видамъ, домогаясь обратить исключительно въ свою пользу плоды сдѣланныхъ сообща завоеваній. Сообразно этой цѣли, они направляли и движенія собственныхъ войскъ, чтобы вопервыхъ, водворять свое владычество всюду, гдѣ представлялось удобнымъ забирать что-либо въ руки, а вовторыхъ, чтобы ослабить Русскихъ до невозможности дѣйствовать независимо и безъ ихъ участія. Суворовъ, совершенно постигшій причины подобныхъ происковъ, горько жаловался на это и донесъ обо всемъ своему Государю. Съ тѣхъ поръ всякое подобіе единомыслія исчезло между Австрійцами и Русскими; первые отдѣлились отъ послѣднихъ, по распоряженію Вѣнскаго кабинета, и обѣ арміи разрознились, при чемъ каждая, бывъ уже обезсилена многими прежними сраженіями, не могла сама по себѣ достигнуть никакого рѣшительнаго результата. Коварное поведеніе Австріи возмутило гордость Павла I и побудило его послать Суворову приказаніе о возвращеніи съ войсками въ Россію. Это значило положить запретъ на дальнѣйшую дѣятельность великаго полководца, который до конца поддерживалъ съ такою твердостію достоинство своего Государя. Когда Массена вытѣснилъ Русскихъ изъ Швейцаріи, эрцгерцогъ Карлъ прислалъ къ Суворову въ Линдау одного изъ своихъ адъютантовъ звать его на совѣщаніе о принятіи совмѣстныхъ *оборонительныхъ* мѣръ; Суворовъ отвѣчалъ: «Доложите его высочеству эрцгерцогу, что я умѣю только *наступать;* что въ Вѣнѣ я готовъ быть у его ногъ, но здѣсь считаю себя, по крайней мѣрѣ, равнымъ ему, и поэтому, самъ двинусь впередъ, когда найду нужнымъ. Онъ молодъ, а я старъ; я нажилъ себѣ опытность своими побѣдами и не нуждаюсь ни въ чьихъ совѣтахъ, кромѣ какъ отъ Бога да своего меча». Сильнѣе невозможно было высказать негодованіе. Суворовъ не скрылъ его отъ принца Конде, когда тотъ привелъ свой корпусъ изъ Швейцаріи на соединеніе съ главнымъ Русскимъ отрядомъ. Оба героя встрѣтились въ Линдау 25 Октября. Принцъ, въ нетерпѣливомъ порывѣ видѣть фельдмаршала, пришелъ къ нему за-просто, безъ всякихъ парадовъ. Свиданіе ихъ было самое дружеское. Суворовъ обошелся съ моимъ родственникомъ не только почтительно, но и радушно, и показалъ ему всѣ вновь полученныя царскія предписанія, говоря,

что для принца у него нѣтъ тайнъ. На другой день было между ними болѣе обстоятельное совѣщаніе. Тутъ Конде узналъ отъ Суворова причины, поселившія рознь между союзными арміями. Австрійцы не доставляли Русскимъ никакихъ средствъ для дѣйствія и даже попускали ихъ терпѣть недостатокъ въ жизненныхъ припасахъ, вслѣдствіе чего Суворовъ долженъ былъ принять бездѣйственное положеніе и стать на зимнія квартиры, расположивъ тамъ большую часть своей конницы. Вѣнскій дворъ, вѣрный своей всегдашней системѣ захватовъ и присвоеній, не дозволялъ возстановлять господства законныхъ монарховъ надъ ихъ владѣніями, исторгнутыми Суворовымъ изъ-подъ ига республиканцевъ. Словомъ, Австрія явно уже стала показывать намѣреніе воспользоваться единственно для себя завоеваніями, добытыми храбростью Русскихъ войскъ. Племянникъ мой, герцогъ Беррійскій, сопровождавшій принца Конде, обѣдалъ у фельдмаршала 26 Октября. Онъ засталъ его въ обыкновенномъ будничномъ нарядѣ, т. е. въ курткѣ и бѣломъ нижнемъ платьѣ, одна нога въ сапогѣ, а другая въ туфлѣ. Ни орденовъ, ни другихъ знаковъ отличія или украшеній на немъ не было. Однакожъ всѣ причуды стараго военачальника не помѣшали ему принять герцога съ приличными церемоніями и утонченною любезностью. Какъ я уже сказалъ выше, около этого времени пришло царское повелѣніе объ отозваніи Русскихъ войскъ въ ихъ Отечество. Принцъ Конде былъ глубоко огорченъ этою новостью и посылалъ маркиза д'Эквильи (d'Ecquevilly) къ Суворову за справками о полученныхъ предписаніяхъ. Онѣ не оставляли болѣе ни малѣйшей надежды на что-нибудь въ иномъ смыслѣ, о чемъ д'Эквильи писалъ къ графу д'Аваре (въ Митаву). У меня сохранился отрывокъ его письма, который отчасти можетъ дополнить набросанный мною очеркъ Русскаго полководца. Вотъ что писалъ д'Эквильи: «Я отправился (говоритъ онъ) 18 Ноября въ Аугсбургъ, гдѣ ждали отвѣта изъ Вѣны по поводу тѣхъ обидныхъ распоряженій, отмѣны коихъ требовалъ Суворовъ. Фельдмаршалъ казался склоннымъ отсрочить свое выступленіе, въ случаѣ если бы ожидаемый отвѣтъ былъ удовлетворителенъ для видовъ императора Павла; но, тѣмъ не менѣе, онъ не останавливалъ своихъ походныхъ сборовъ. Обратное слѣдованіе Русской арміи было разсчитано по двумъ направленіямъ: первая колонна долженствовала двинуться 26-го числа и продолжать путь на Бугъ, черезъ Прагу и Краковъ, а вторая на Владиміръ-Волынскій, черезъ Брюннъ, Ольмюцъ и Замойскъ, при чемъ рѣшено было, чтобы корпусъ принца Конде, въ видѣ отдѣльной колонны, шелъ на Дубно, черезъ Мюнхенъ, Линцъ, Ольмюцъ и Лембергъ (Львовъ). 19-го Ноября день былъ праздничный, и я присутствовалъ при Русской обѣднѣ, гдѣ Суворовъ находился въ полномъ парадномъ мундирѣ Австрійскаго фельдмаршала, во всѣхъ своихъ орденахъ, богато осыпанныхъ брильянтовыми украшеніями, и съ портретомъ Императора на шеѣ. Но и тутъ, не выходя изъ своей обычной роли оригинала, онъ пѣлъ во все время богослуженія, иногда въ одиночку, а иногда въ хорѣ съ пѣвчими, которыми самъ руководилъ; потомъ перелистывалъ то одну, то другую изъ нѣсколькихъ толстыхъ молитвенныхъ книгъ, дѣлалъ поминутно крестныя знаменія и отвѣшивалъ безчисленные земные поклоны. Затѣмъ я съ нимъ обѣдалъ у князя Горчакова [52]), родственника тому, который такъ дурно себя

---

[52]) Князь Андрей Ивановичъ, родной племянникъ генералиссимуса по его сестрѣ Аннѣ Васильевнѣ, впослѣдствіи еще болѣе породнившійся съ фамиліею своего дяди, женить-

держалъ въ арміи принца Конде. Сидя за столомъ какъ разъ напротивъ самого фельдмаршала, я былъ не мало удивленъ, когда онъ вдругъ началъ пристально на меня смотрѣть, послѣ чего поднялъ надъ своей головой полный стаканъ вина, держа его обѣими руками, и велѣлъ слугѣ сказать мнѣ, что это онъ пьетъ за здоровье моего короля».

IV.

Въ первое время послѣ разрыва съ Австріей, императоръ Павелъ не отрѣшился еще отъ своихъ симпатій къ дѣлу Бурбоновъ и не переставалъ оказывать пріязненное вниманіе особѣ Людовика XVIII. Оно не прекращалось и тогда, какъ, въ движеніи негодованія на принца Конде за пріостановку выхода корпуса его изъ-за границы, вслѣдъ за возвращающимися во свояси Русскими войсками, Государь сдѣлалъ распоряженіе не впускать его въ Россію, о чемъ, однакожъ, въ «Запискахъ» Людовика XVIII умалчивается, хотя обстоятельство это, по характеру Павла Петровича, отнюдь не могло казаться безразличнымъ какъ для самого короля Французскаго, такъ и для всей партіи роялистовъ.

23-го Февраля 1800 г., въ Петербургѣ отданъ былъ при паролѣ высочайшій приказъ въ слѣдующей отрывисто-лаконической формѣ:

«Корпусъ принца Конде распускается» [53]).

Въ тотъ же самый день послано было тогдашнему Литовскому военному губернатору, М. И. Голѣнищеву-Кутузову, такое имянное повелѣніе [54]): «Господинъ генералъ-отъ-инфантеріи Голенищевъ-Кутузовъ! Такъ какъ корпусъ принца Конде не находится уже на нашей сольдѣ [55]), то и повелѣваю вамъ взять всѣ ваши мѣры, чтобы не впускать его въ предѣлы имперіи нашей. Пребываю вамъ благосклонный *Павелъ*. Февраля 23-го дня 1800 года. С.-Петербургъ».

Это̀ крутое распоряженіе имѣло свои причины. Уже вслѣдъ за окончательнымъ распаденіемъ Русско-Австрійскаго союза, въ корпусѣ принца Конде весьма замѣтно обнаружилась неохота служащихъ въ немъ эмигрантовъ возвратиться въ Россію, такъ что многіе изъ нихъ самовольно перешли въ составъ Швейцарскихъ баталіоновъ, которые формировала Англія; когда же Русскія войска стали выступать эшелонами въ свое Отечество, корпусъ этотъ не тронулся съ зимнихъ квартиръ, бывшихъ около Линца. Задержка произошла, впрочемъ, потому, что ее допустилъ самъ Конде, по недоразумѣнію: еще не зная о безуспѣшности затѣянныхъ было сношеній между Англіею и Россіею къ открытію новой кампаніи, онъ получилъ пріятное для себя приглашеніе отъ Англійскаго уполномоченнаго Викгама оставаться на мѣстѣ въ ожиданіи отвѣта императора Павла, которому Англійское правительство предложило перевезти корпусъ Конде моремъ въ свои владѣнія, съ тѣмъ, чтобы оттуда онъ могъ сдѣлать высадку во Францію. Принцъ согласился выжидать разрѣшенія изъ Петербурга, но, не получивъ отзыва на свое донесеніе, 8-го Марта собрался уже вести свой корпусъ въ Россію, какъ въ это время освѣдомился

бою на его внучкѣ, Варварѣ Аркадіевнѣ (по первому мужу Башмаковой). Онъ род. 1776 †1855 г., имѣя чинъ генерала отъ инфантеріи. Его характеристику см. у Массона, „Mém. secr.“ t. III, 367.

[53]) Полн. Собр. Зак., № 19.292.

[54]) „Русская Старина“ 1870 г., т. I, изд. (3-е) 1875 г., стр. 494.

[55]) Т. е. на Русскомъ содержаніи.

объ изложенномъ выше распоряженіи Павла I. Тогда принцъ, пораженный такимъ извѣстіемъ, отправилъ къ Государю письмо съ своими извиненіями, сопровождавшимися увѣреніями въ неизмѣнной къ нему признательности; но дѣло было уже сдѣлано, и корпусъ Конде перешелъ на иждивеніе Великобританіи [56]).

Неудачный исходъ войны, обѣщавшей по своему началу торжество надъ врагами изгнанной династіи, тяжело отозвался въ душѣ Людовика XVIII и всѣхъ его близкихъ (особенно герцогини Ангулемской), хотя собственно за себя они еще не видѣли причинъ безпокоиться. Удаленію Русскихъ войскъ съ театра войны почти сопутствовало появленіе на немъ Бонапарта, возвратившагося изъ Египта, а его побѣды надъ Австрійцами, которые понесли достойное возмездіе за свою предательскую политику, и внутреннія преобразованія во Франціи, послѣ переворота 18-го Брюмера (9-го Ноября 1799), создали такое положеніе дѣлъ въ Европѣ и внесли столько перемѣнъ въ междугосударственныхъ отношеніяхъ, что для Бурбоновъ опять надолго померкнулъ проглянувшій было лучъ надежды. Особенно невыгоднымъ для нихъ обстоятельствомъ явилось искусно устроенное первымъ консуломъ Французской республики сближеніе съ императоромъ Павломъ, послѣдствій чего Людовикъ XVIII лично для себя не предвидѣлъ. Они настали наконецъ, и тутъ мы снова дадимъ мѣсто его разсказу: «Между тѣмъ какъ поразительныя событія въ Европѣ неслись въ перегонку одно за другимъ, я уединенно горевалъ себѣ въ Митавѣ о несчастіи, такъ неотступно преслѣдующемъ наше дѣло, но не ожидалъ, что для меня вновь наступаетъ пора тягостныхъ скитаній. Графъ Караманъ (de Caraman), находившійся въ Петербургѣ въ качествѣ моего чрезвычайнаго посланника, писалъ мнѣ въ своихъ донесеніяхъ о благожелательныхъ относительно меня намѣреніяхъ Павла I; но, донося объ этомъ, онъ и не зналъ, что тайные Бонапартовскіе агенты уже появились въ Россіи и, пользуясь раздраженіемъ Царя противъ Австріи, успѣли придать перемѣнчивымъ его мыслямъ иное направленіе. 7-го (19-го) Января 1801 года, графъ д'Аваре быстро вошелъ ко мнѣ въ кабинетъ, съ разстроенною физіономіей: «Государь, проговорилъ онъ, сію минуту пріѣхалъ графъ Караманъ. Ему объявлено было приказаніе Императора выѣхать изъ Петербурга въ двадцать четыре часа».—«Что же онъ сдѣлалъ такого, спросилъ я, чтобъ вызвать столь суровую мѣру и навлечь мнѣ такое оскорбленіе?»—«Онъ и самъ не знаетъ. Если вашему величеству угодно, онъ готовъ войти сюда».—Явившись ко мнѣ, графъ Караманъ меня удостовѣрилъ, что постигшая его опала нагрянула непредвидѣнно и безпричинно, при чемъ онъ высказалъ опасенія и за мое спокойствіе въ будущемъ. Пока мы толковали съ нимъ, стараясь уяснить

---

[56]) Милютинъ, „Ист. войны 1799 г., изд. 1857 г., т. II, стр. 493—95; т. III, прилож. № 40, стр. 644—647. Не можемъ при этомъ не сказать нѣсколькихъ словъ о дальнѣйшей судьбѣ этого дворянскаго ополченія. Первый консулъ Французской республики, обративъ на свою сторону всѣхъ почти представителей духовенства оффиціальнымъ возстановленіемъ богослужебныхъ обрядовъ во Франціи, умѣлъ также своевременною амнистіей отвлечь отъ королевской партіи огромное большинство аристократической эмиграціи, открывъ ей доступъ въ отечество, съ возвратомъ всѣхъ гражданскихъ правъ. Почти весь корпусъ принца Конде, за изъятіемъ ничтожной части, оставшейся на содержаніи Англіи, воспользовался этою амнистіей новаго Французскаго правительства и примкнулъ къ рядамъ усердныхъ слугъ будущей имперіи.

себѣ причины этого страннаго поступка со стороны царя, вдругъ вошелъ ко мнѣ герцогъ Виллекье съ докладомъ, что генералъ графъ Ферзенъ, военный комендантъ Курляндскій, прибылъ во дворецъ и желаетъ поговорить съ д'Аваре. Это еще болѣе усилило во мнѣ душевное томленіе. Д'Аваре и Ферзенъ имѣли между собой очень долгій разговоръ, послѣ чего оба вошли въ мою комнату, и тутъ генералъ Ферзенъ [57]), съ глубокимъ смущеніемъ, возвѣстилъ, что Павелъ I, полагая предѣлъ оказанному имъ мнѣ гостепріимству, требуетъ, чтобы я оставилъ Митаву въ первый же слѣдующій день за передачею мнѣ этого сообщенія».—Я сдержалъ себя, желая сохранить въ личномъ моемъ достоинствѣ величіе короля Франціи, и между тѣмъ какъ графъ Ферзенъ, весь растерянный, пытался выразить передо мной свои извиненія, я отдавалъ приказанія готовиться къ немедленному выѣзду. Когда же генералъ продолжалъ высказываться въ этомъ же тонѣ, приправляя рѣчь свою королевскимъ титуломъ, я ему замѣтилъ: «Теперь здѣсь не король передъ вами, ваше превосходительство, а только Французскій эмигрантъ, графъ де-Лилль [58]). Благоволите предупредить объ этомъ вашего Государя». Ферзенъ удалился. Я взялся было за перо, чтобы писать къ Павлу, но оно выпало у меня изъ рукъ. Тогда я поручилъ исполнить это графу Караману, сказавъ ему при томъ, что опасаюсь слишкомъ сильно обнаружить мое справедливое негодованіе, еслибъ мнѣ пришлось писать самому. Я хотѣлъ выѣхать завтра же, но д'Аваре напомнилъ мнѣ, что въ этотъ день будетъ 21-е число Января [59]). Тутъ уже я не могъ дать волю своему первому движенію и назначилъ отъѣздъ на 22-е. Потомъ, призвавъ къ себѣ аббата Фирмона, я ему сказалъ, что, не имѣя духа объявить роковую новость моей племянницѣ, поручаю сдѣлать это ему. Отъ него я пошелъ къ королевѣ, которая лежала больная и не была въ состояніи ѣхать. Губернаторъ Дризенъ получилъ уполномочіе на выдачу мнѣ двадцати только паспортовъ; для герцогини же Ангулемской паспорта назначено не было, но она объявила, что безъ меня ничто въ мірѣ не удержитъ ее въ Митавѣ и что она рѣшилась слѣдовать за мною. Однакожъ, я находился въ жестокомъ затрудненіи. У меня не было денегъ, и нужно было достать ихъ посредствомъ займа у негоціантовъ, которые согласились сдѣлать мнѣ ссуду на *честное слово короля* [60]). Передъ разлукой съ моими вѣрными тѣлохрани-

---

[57]) Это былъ тотъ же самый Ферзенъ, который за два года назадъ былъ командированъ встрѣчать и сопровождать Людовика XVIII до Митавы.

[58]) Le comte de Lille, имя, которое всегда употреблялъ Людовикъ XVIII въ своихъ заграничныхъ странствованіяхъ, когда жилъ incognito. Псевдонимъ же маркизы де-Ла-Мельере (de La-Meilleray) приняла герцогиня Ангулемская.

[59]) Годовщина казни Людовика XVI, обезглавленнаго въ 1793 г.

[60]) Послѣднее обстоятельство передано здѣсь не точно и не ясно. Деньги были добыты инымъ способомъ и за счетъ Русской государственной казны. Императоръ Павелъ, распорядившись удаленіемъ своего гостя изъ Митавы, дѣйствительно упустилъ изъ виду дать куда слѣдуетъ особое приказаніе о снабженіи его надлежащею суммой на дорогу; но одинъ изъ придворныхъ короля, герцогъ Виллекье, нашелся лично обратиться отъ его имени къ Курляндскому вице-губернатору Арсеньеву, какъ къ предсѣдательствовавшему въ мѣстной Казенной Палатѣ, и объяснилъ ему затруднительное положеніе Людовика XVIII, поставляющее его въ невозможность исполнить царское требованіе о выѣздѣ. Арсеньевъ отвѣчалъ, что Казенная Палата не встрѣчала бы законныхъ препятствій отпустить королю изъ годовой суммы, ассигнованной на его содержаніе, сто тысячъ рублей, причитающихся ему за истекшее уже полугодіе, но что въ настоящее время денегъ въ казначействѣ нѣтъ, почему онъ, вице-губернаторъ, и предлагаетъ выдать, вмѣсто того, особое

телями (gardes-du-corps), я счелъ себя обязаннымъ написать имъ прощальное письмо, отмѣченное днемъ моего отбытія изъ Митавы. Вотъ содержаніе этого посланія: «Одно изъ самыхъ чувствительныхъ огорченій, испытываемыхъ мною при отъѣздѣ, возбуждено во мнѣ горестною необходимостью разстаться съ моими дорогими и почтенными тѣлохранителями. Не считаю за нужное просить, чтобы они сохранили свою вѣрность ко мнѣ: она и безъ того запечатлѣна въ сердцахъ у нихъ и слишкомъ хорошо доказана всегдашнимъ ихъ поведеніемъ. Но пусть та ненапрасная скорбь, которую мы чувствуемъ, не изгладитъ изъ ихъ памяти всего, чѣмъ обязаны они Монарху, давшему мнѣ у себя убѣжище въ трудное время, устроившему союзъ моихъ дѣтей и обезпечившему своими благодѣяніями существованіе мое и вѣрныхъ слугъ моихъ». Эта заповѣдь была необходима, чтобы сдержать ропотъ моихъ гвардейцевъ. Я не хотѣлъ раздражить Павла I и поссориться съ нимъ навсегда, надѣясь еще дождаться, что онъ опять обратится ко мнѣ, когда пройдетъ у него этотъ новый капризъ».

«Итакъ, 10-го (22-го) Января 1801 г., мы пустились въ наше тягостное странствованіе съ герцогинею Ангулемской, которая ни за что не захотѣла меня покинуть; королева же, какъ я сказалъ выше, не могла намъ сопутствовать, за болѣзнію [60]). Я сѣлъ въ карету въ половинѣ 4-го часа пополудни. Погода стояла ужаснѣйшая, холодъ лютый и глубокіе снѣга. Мы разсудили ночевать у барона фонъ-Гаге, который принялъ насъ со всевозможною готовностью и весьма приличнымъ образомъ, хотя мы застали его почти врасплохъ. Тамъ догналъ насъ нарочный отъ генерала Ферзена, привезшій необходимые паспорты для меня и моей свиты. Въ полученіи ихъ я велѣлъ д'Аваре выдать гонцу росписку. На слѣдующіе сутки мѣстомъ нашего ночлега былъ уже не помѣщичій замокъ, а дрянной постоялый дворъ, какіе водятся обыкновенно въ полу-цивилизованной странѣ. Это былъ станціонный домъ въ мѣстечкѣ Фрауэнбургѣ [61]). Тутъ мы нашли человѣкъ около шестидесяти крестьянъ, скученныхъ въ одной горницѣ. Эта комната, почти единственная въ цѣломъ домѣ, служившая вмѣстѣ и кухнею, и общею залой, осталась мнѣ памятною своимъ отвратительнымъ запахомъ табачнаго дыма и водки, которую распивали угощавшіеся тамъ посѣтители. Меня уложили спать гдѣ попало, а герцогинѣ Ангулемской пришлось имѣть опочивальню въ какомъ-то подобіи курятника. Богъ вѣсть, каково ей было провести тамъ ночь. На завтра она вышла оттуда блѣдная какъ смерть: ей вообразилось, что мы избрали своимъ ночлегомъ разбойничій притонъ. 24-го числа я совершилъ часть пути пѣшкомъ, увязая по колѣно въ снѣгу и опираясь на руку д'Аваре, тогда какъ аббатъ Фирмонъ велъ мою племянницу, не захотѣвшую оставаться въ

временное облигаціонное свидѣтельство, которое можетъ быть передано кому угодно для обмѣна въ казнѣ на подлежащую наличную сумму, по предъявленіи этого документа. Тогда Людовикъ XVIII далъ отъ себя довѣренность на сей предметъ герцогу Виллекье, а тотъ немедленно отправилъ нарочнопосланнаго въ Ригу, гдѣ тамошніе банкиры приняли кредитный документъ и выплатили королю задаткомъ 3.604 червонца, въ счетъ слѣдовавшей изъ казны суммы, то есть въ счетъ ста тысячъ рублей. Такъ по крайней мѣрѣ разсказываетъ объ этомъ обстоятельствѣ въ своемъ дневникѣ одинъ изъ приближенныхъ короля, д'А р д у и н ò (d'H a r d o u i n e a u), сопутствовавшій ему при выѣздѣ изъ Митавы.

60) Она присоединилась къ своимъ уже впослѣдствіи, когда они поселились въ Варшавѣ.

61) Въ 80 верстахъ отъ Митавы.

возкѣ, а д'Ардуино поддерживалъ мадамъ де-Серранъ. Остальная же моя свита съ нашимъ багажемъ ѣхала большою дорогой, по которой ей было гораздо лучше и удобнѣе, чѣмъ намъ. Я собирался было ночевать въ Дрогенѣ (Drogen), но какой-то капитанъ Trusewick [62]), служившій въ гренадерскомъ Эссена полку, бывшій воспитанникъ кадетскаго корпуса, предупрежденный о прибытіи моемъ и принцессы, не согласился уступить мнѣ комнатъ, которыя я долженъ былъ занять. Не было никакой возможности убѣдить его, что мы заслуживаемъ нѣкотораго вниманія къ нашему званію: честный капитанъ устоялъ таки на своемъ и даже намѣревался вести насъ къ судьѣ для подтвержденія своихъ правъ на прежде-занятую имъ квартиру. Дѣлать было нечего; пришлось миновать эту станцію и тащиться до Имагена (Imagen)».

Съ подобными же мелочными подробностями Людовикъ XVIII описываетъ свое дальнѣйшее путешествіе, почти шагъ за шагомъ. Онъ, между прочимъ, вспоминаетъ съ признательностью о гостепріимствѣ, встрѣченномъ имъ въ домѣ Курляндскаго помѣщика барона Засса, сынъ котораго вызвался даже проводить высокихъ путниковъ до самой границы. По прибытіи же туда, королю довелось испытать нѣсколько тревожныхъ ощущеній, хотя совершенно понапрасну.

«Достигнувъ границы, у Полангена, въ 5-мъ часу вечера, мы почувствовали себя весьма неспокойными духомъ. Характеръ Павла I-го мнѣ слишкомъ хорошо былъ извѣстенъ; а такъ какъ по его приказанію не дали въ Митавѣ паспорта для моей племянницы, то можно было опасаться, что ея не пропустятъ черезъ границу. Желая заблаговременно знать, какъ мнѣ нужно будетъ поступить въ подобномъ случаѣ, я велѣлъ герцогу Флери (de Fleury) поѣхать впередъ съ паспортами и предъявить ихъ на заставѣ караульному офицеру, при чемъ далъ ему такой наказъ: если дѣло обойдется благополучно и по нашему желанію, то, встрѣчая насъ, подойти къ дверцѣ экипажа съ той стороны, гдѣ я сидѣлъ, а въ противномъ случаѣ — съ той, гдѣ была принцесса. Провидѣніе на сей разъ избавило и меня и ее отъ новаго огорченія: мой передовой вѣстникъ далъ знать, условленнымъ способомъ, что къ нашему свободному выѣзду не поставляется никакихъ препятствій. Тогда у насъ отлегло отъ сердца. Таможенная стража и военные чины вели себя относительно насъ какъ нельзя лучше; нашихъ вещей не стали осматривать и даже отдали намъ воинскую почесть. Тутъ разстался съ нами молодой баронъ Зассъ, котораго я отъ души поблагодарилъ за его обязательность, и мы переѣхали черезъ заставу, отдѣлявшую насъ отъ Прусской Польши.»

V.

Очутившись за рубежемъ Россіи, «униженный и оскорбленный» король долженъ былъ прежде всего поразмыслить, куда дѣваться и гдѣ успокоить свою усталую голову. Много печальныхъ думъ передумалось въ ней надъ этимъ вопросомъ, но иного выхода не представлялось, кромѣ необходимости искать

---

[62]) Очевидно, исковерканная фамилія, какъ большею частію Русскія или Нѣмецкія имена, упоминаемыя во Французскихъ книгахъ, даже и тогда, если рѣчь идетъ о людяхъ извѣстныхъ. Такъ, напримѣръ, фельдмаршалъ Кутузовъ въ этихъ мемуарахъ названъ Stratusow!

снова временнаго пріюта въ Прусскихъ владѣніяхъ, откуда однажды уже выжили неудобнаго гостя, и онъ рѣшился направиться въ Варшаву, принадлежавшую тогда Пруссіи. «Меня выгнали вонъ такъ внезапно (говоритъ король), что я не успѣлъ обезпечить себя заранѣе другимъ убѣжищемъ. Оставалось толкнуться въ ближайшее государство, на авось, не вѣдая, захотятъ ли туда впустить меня. Тѣмъ не менѣе я поспѣшилъ извѣстить о себѣ письмомъ, но на имя не Берлинскаго кабинета, а самого короля Прусскаго, въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Государь, братъ мой! Графъ Лилль подвергся настоятельной необходимости оставить Митаву въ двадцать четыре часа, вмѣстѣ съ его семействомъ и служителями. Надѣюсь, что вы не откажете имъ во временномъ пристанищѣ. Они изъ тѣхъ, которые не знаютъ, куда приклонить голову. Ваше величество снизойдете къ ихъ положенію и не вынудите ихъ продолжать тягостное странствованіе въ столь суровую зиму. Добродѣтели ваши, государь, ручаются мнѣ за это. Бываютъ несчастія, достойныя уваженія, если даже онѣ постигаютъ государя враждебнаго другому; я же льщусь надеждой, что бѣдствія, преслѣдующія графа Лилля, не послужатъ ему единственнымъ только правомъ на ваше обязательное вниманіе». Письмо это осталось безъ отвѣта, но не вовсе безъ послѣдствій. Король Прусскій Фридрихъ Вильгельмъ III, нерѣшительный и уклончивый, какъ по своей натурѣ, такъ и по современнымъ обстоятельствамъ, сдѣлалъ видъ, что будто ему неизвѣстно присутствіе Людовика XVIII въ его владѣніяхъ, а до поры до времени, заблагоразсудилъ смотрѣть на это сквозь пальцы, не разрѣшая ему открыто и не запрещая гласно пребыванія у себя въ государствѣ. Людовикъ, въ свою очередь, тщательно соблюдалъ строгое инкогнито, хотя мѣстныя власти Прусской администраціи вездѣ ему оказывали всевозможное почтительное вниманіе. До прибытія въ Варшаву, онъ довольно долго пробылъ въ Мемелѣ. Въ началѣ Февраля онъ тамъ узналъ, что изъ Митавы выслали также и бывшихъ дворцовыхъ его гвардейцевъ

«Капризъ Павла I-го обрушился не на мнѣ одномъ. Тотчасъ послѣ моего отъѣзда послѣдовалъ приказъ удалить изъ Митавы всѣхъ Французовъ, не исключая и моихъ тѣлохранителей. Строгость этого мѣропріятія относительно послѣднихъ простиралась до такой степени, что, при переходѣ ихъ въ Пруссію, воспрещено было каждому Русскому подданному держать ихъ у себя долѣе одного дня. Я приказалъ, чтобы мнѣ представили, 9-го Февраля, пятерыхъ гвардейцевъ, прибывшихъ наканунѣ, и когда они явились, сказалъ имъ: «Господа! Видѣть васъ—большое для меня удовольствіе, но оно отравлено ядовитою горечью. Провидѣніе давно уже ниспосылаетъ мнѣ испытанія, и теперешнее далеко не изъ самыхъ легкихъ». Тутъ я остановился, чтобы отереть невольную слезу, которую сдержать былъ не въ состояніи. Дѣйствительно, сердце надрывалось при сознаніи глубокаго оскорбленія, нанесеннаго въ Россіи мнѣ и всѣмъ моимъ, а также при видѣ безучастія Берлинскаго двора. Собравшись съ силами, я продолжалъ: «Надѣюсь, что Провидѣніе перестанетъ меня преслѣдовать и наконецъ явитъ мнѣ Свою помощь. Если у меня недостало бы твердости, то пусть она съ вашей стороны, господа, поддержитъ меня. Лишенный своего царства, не имѣя никакой силы, я могу только дать вамъ совѣтъ. Поэтому, предлагаю вамъ отправиться пока въ Кенигсбергъ, чтобъ не наводить отсюда смущенія Берлинскому двору. Я, по возможности, взялъ мѣры пособить вамъ далѣе добраться до Гамбурга, гдѣ каждому удоб-

нѣе будетъ устроить какъ-нибудь свое положеніе». Такимъ же образомъ принималъ я и прочихъ моихъ тѣлохранителей, которые всѣ выразили мнѣ столько же привязанности, какъ и сожалѣнія разстаться со мной. Я всячески старался облегчить ихъ положеніе, не слишкомъ тревожась за собственное, и подписалъ назначеніе пенсіи въ 600 ливровъ каждому старику изъ гвардейцевъ, распорядившись на мой счетъ нанять имъ всѣмъ судно для перевозки ихъ въ Гамбургъ. Этотъ расходъ, при другихъ еще необходимыхъ издержкахъ, довелъ насъ до крайней нужды. На ожидаемое полученіе денежныхъ средствъ [63]) нельзя было разсчитывать навѣрно. Въ столь затруднительныхъ обстоятельствахъ, племянница моя предложила мнѣ къ услугамъ свои брильянты, и столь настойчиво, что я согласился на это: мы порѣшили ихъ продать, получивъ авансомъ, до полной уплаты, сумму въ двѣ тысячи червонцевъ, безъ которой невозможно было обойтись [64]). До 23-го Февраля мы пробыли въ Мемелѣ, а оттуда, черезъ Кенигсбергъ, пріѣхали въ Варшаву $^{6}/_{18}$ Марта.... Тамъ остановились въ домѣ Васильевича (Wassiliewitsch), что̀ въ Краковскомъ предмѣстьѣ.... Мнѣ сдѣлали въ Варшавѣ пріемъ, которымъ я имѣлъ всѣ причины быть довольнымъ вполнѣ. Генералъ Келлеръ (Прусскій градоначальникъ) встрѣтилъ меня въ моей квартирѣ, гдѣ вся Польская знать дѣлала мнѣ визиты, не смотря на мое инкогнито. Почти никто изъ людей принадлежащихъ къ лучшимъ фамиліямъ этой страны не обошелъ меня заявленіями сочувствія и доброжелательности; всѣ какъ будто наперерывъ хлопотали заставить меня забыть мои бѣды, или старались усладить ихъ горечь. Воспоминаніе о Полякахъ и Польшѣ всегда будетъ отрадно и дорого моему сердцу.... Вскорѣ достигла до меня вѣсть, которая ужаснула меня до глубины души: вѣсть о кончинѣ императора Павла, внезапно происшедшей $^{11}/_{23}$ Марта 1801 года. Не умѣю выразить, что̀ было со мной, когда я узналъ объ этомъ событіи.... Я забылъ всѣ его несправедливости въ отношеніи ко мнѣ и думалъ только о смерти, его постигшей».

Къ этимъ заключительнымъ словамъ автобіографическаго разсказа о первоначальномъ пребываніи въ Россіи Людовика XVIII остается прибавить, что ими вполнѣ обрисовывается собственный его нравственный обликъ. Если человѣкъ этотъ былъ способенъ къ забвенію непріятностей, то помнить добро онъ не умѣлъ. Примиряясь съ памятью Государя, который хотя и былъ неправъ передъ нимъ въ послѣдніе дни своей жизни, но за то во все почти время своего царствованія дѣлалъ ему благодѣянія, какихъ и въ малой мѣрѣ изгнанный король не испыталъ ни отъ кого изъ современныхъ ему царственныхъ особъ, Людовикъ XVIII заканчиваетъ свои счеты съ усопшимъ только

---

63) Вѣроятно, причитавшихся въ окончательную уплату по кредитному документу (или талону), выданному изъ Курляндской Казенной Палаты, какъ сказано выше.

64) Вотъ что говоритъ знаменитый Гервинусъ объ этомъ эпизодѣ изгнаннической жизни Людовика XVIII: „Въ 5 дней зимняго пути онъ проѣхалъ среди метелей и снѣговъ въ Мемель.... Воспоминаніе о высоко-трагическомъ твореніи древности сдѣлало то, что странствующій Эдипъ съ этихъ поръ назвалъ свою спутницу, герцогиню Ангулемскую, которая должна была заложить свои брильянты въ Мемелѣ, своею Антигоною. Въ Парижѣ скоро послѣ этого продава́ли трогательное изображеніе этого путешествія. Но и эти несчастія.... не произвели на претендента никакого исправительнаго вліянія.... не сообщили его душѣ возвышеннаго характера; ограниченность ума и мелочность чувства остались тѣже" („Истор я XIX вѣка", въ Русскомъ переводѣ Антоновича, Спб. 1863, т. I, стр. 58—59).

тѣмъ, что не поминаетъ его лихомъ! И эта черта проглядываетъ сквозь все содержаніе «Записокъ», составленныхъ, какъ извѣстно, подъ редакціей самого короля, по его устнымъ указаніямъ и письменнымъ замѣткамъ. Тамъ не удѣлено мѣста ни одному теплому слову, гдѣ высказалась бы признательная оцѣнка великодушнымъ поступкамъ императора Павла: о нихъ говорится не то какъ о вещи весьма обыкновенной, не то какъ о чемъ-то должномъ съ его стороны, въ тонѣ безстрастнаго хроникёра, заносящаго въ свою лѣтопись происшедшіе факты, безъ разбора внутренняго ихъ значенія. За то, при всякомъ обстоятельствѣ, непріятномъ претенденту, тонъ этотъ мгновенно переходитъ въ патетическій и выражается многословными изліяніями неудовольствія и жалобъ.

Перейдемъ теперь къ разсказу о вторичномъ пребываніи въ Россіи Людовика XVIII, въ царствованіе императора Александра Павловича.

VI.

Людовикъ XVIII въ самомъ дѣлѣ имѣлъ основаніе быть доволенъ Варшавою, и не однимъ радушіемъ гостепріимныхъ Поляковъ, но и снисходительностью мѣстной Прусской администраціи, которая нимало не стѣсняла присутствія «графа Лилля» въ этомъ городѣ, а напротивъ того, была даже такъ внимательна, что распорядилась, на лѣтнее время, отвести ему Лазенковскій дворецъ, куда онъ и переѣхалъ, въ Маѣ мѣсяцѣ, съ герцогомъ Ангулемскимъ и его женою. Правда, среди пріятнаго затишья дачной жизни, въ роскошномъ помѣщеніи, бѣдному королю не прибавилось душевнаго спокойствія. Оно омрачалось тѣмъ болѣе, чѣмъ ярче блистала на политическомъ горизонтѣ счастливая звѣзда Бонапарта, да притомъ возмущено было еще случайнымъ обстоятельствомъ: опасною болѣзнью вѣрнаго наперсника королевскаго, графа д'Аваре, котораго пришлось надолго отправить въ Италію, для поправленія здоровья. Это былъ едва ли не единственный человѣкъ въ мірѣ, кого искренно любилъ эгоистичный по натурѣ Людовикъ XVIII и съ кѣмъ разлука была ему очень тяжела. Однакожъ, рядомъ съ этими огорченіями, ему далось нѣкоторое утѣшеніе въ образѣ дѣйствій новаго Русскаго государя, выказавшаго личное участіе къ судьбѣ бѣдствующей фамиліи. «Горе мое (говоритъ король) было по крайней мѣрѣ облегчено благороднымъ образомъ дѣйствій императора Александра. По воцареніи своемъ, онъ не забылъ извѣстить меня о томъ оффиціально и писалъ въ выраженіяхъ самыхъ дружественныхъ, чѣмъ нѣсколько заглаживалась суровая несправедливость ко мнѣ покойнаго Павла I. Молодой Императоръ поспѣшилъ мнѣ предоставить часть прежней пенсіи, которая была отмѣнена и, сверхъ того, распорядился передать изустно лестныя увѣренія, давшія мнѣ надежду на лучшую будущность. Въ отвѣтѣ своемъ я изложилъ всю мою благодарность».

Наибольшая часть «Записокъ Людовика XVIII», обнимающая время жизни его въ Варшавѣ, изобилуетъ подробностями о ходѣ политическихъ событій, описанныхъ по отношенію къ его притязаніямъ на Французскій престолъ. Описаніе этого періода Европейской исторіи носитъ, въ названной книгѣ, характеръ безконечнаго *скорбнаго листа* Бурбонскихъ треволненій и передрягъ, среди напрасныхъ попытокъ, безсильныхъ протестовъ и горькихъ разочарованій, — разочарованій, понесенныхъ даже въ нѣдрахъ собственной

партіи роялистовъ, отъ которой многіе отпали для болѣе выгодной службы новому властителю Франціи.

За всѣми внѣшними непріятностями, личное положеніе Людовика XVIII, со времени его выѣзда изъ Россіи, довольно долго не колебалось, и житье его въ Варшавѣ почти два года обошлось безъ всякихъ придирокъ или угрожающихъ предостереженій. Первое изъ нихъ послѣдовало *условно* и не ранѣе $^{14}/_{26}$ Октября 1803 года. Въ этотъ день явился къ королю президентъ Прусско-Варшавскаго провинціальнаго управленія, Мейеръ, съ предложеніями отъ Французскаго правительства, переданными (словесно) чрезъ посредство Берлинскаго: отречься навсегда отъ правъ и притязаній на престолъ Франціи, за уступку въ Италіи или владѣній Лукской республики, округленныхъ нѣсколькими добавочными участками Тосканы, Массы и Каррары, или другаго клочка Италіи на выборъ, или же Іоническихъ острововъ, съ придачею къ подобному вознагражденію, въ личную собственность Людовика XVIII, шестимилліонной годовой ренты на счетъ фондовъ, переведенныхъ на Лондонскій банкъ. Эти предложенія Людовикъ XVIII отринулъ съ твердостью, послѣ чего ему дали почувствовать, что правительство Прусское можетъ лишить его убѣжища, если того потребуетъ первый консулъ Французской республики. Однако, на первый разъ, такая угроза не имѣла еще послѣдствій. Когда же въ 1804 г. беззаконная казнь герцога Энгіенскаго и принятіе Наполеономъ императорскаго достоинства вызвали вопіющіе протесты со стороны Людовика XVIII и его фамиліи, то насмѣхавшійся наружно надъ этими заявленіями, но въ сущности раздраженный ими, Наполеонъ [65]), настойчиво потребовалъ удаленія *графа Лилля* изъ Прусскихъ владѣній, на что̀ и соглашался-было Берлинскій кабинетъ; но самъ Фридрихъ-Вильгельмъ III благодушно воспротивился такому рѣшенію своихъ министровъ и отстоялъ въ этомъ случаѣ права̀ и обязанности гостепріимства; а для того, чтобы не вовсе оставить безъ удовлетворенія домогательства Бонапарта, Прусское правительство распорядилось самовластно арестовать и заключить въ крѣпость находившихся въ Байрейтѣ агентовъ Людовика XVIII: де-Преси (de Précy) и Коломеса (Imbert-Colomès), выдавъ всѣ отобранныя у нихъ бумаги посланнику Бонапарта. Захваченная переписка была въ Парижѣ напечатана и скомпрометтировала множество замѣшанныхъ въ ней лицъ, безъ всякаго, впрочемъ, существеннаго результата. На жалобы же бѣднаго *графа Лилля*, по поводу этого правонарушенія, Берлинскій дворъ изворотливо отозвался, что тутъ дѣло касалось вовсе *не его слугъ, а подданныхъ Наполеона*. Тѣмъ все и покончилось, къ глубокому прискорбію короля.

«Я сознавъ (говоритъ онъ) неотступную необходимость принять новыя мѣры къ выходу изъ тягостнаго положенія, въ какомъ находилъ себя, и силился изыскать ихъ, какъ вдругъ откликнулись давно умолкнувшія для меня надежды изъ полученныхъ въ это время писемъ брата моего, графа д'Артуа, по поводу вновь зарождающагося союзнаго договора между Англіею и Австріей, о чемъ желалъ онъ сдѣлать мнѣ личныя сообщенія словесно. Для этого простымъ способомъ представлялось мнѣ вызвать брата въ Варшаву; но Берлин-

---

[65]) Вотъ его слова: „Un prétendant doit toujours protester, c'est la seule manière de régner qui lui reste“ (Претендентъ долженъ протестовать всегда, это у него единственное остающееся средство царствовать).

скій дворъ, предупрежденный мною о томъ, отвѣчалъ отказомъ, подъ предлогомъ, что Бонапартъ требовалъ не допускать никакъ присутствія графа д'Артуа на Прусской территоріи. Между тѣмъ братъ былъ уже на пути ко мнѣ, и потому я рѣшился принять его въ Гроднѣ, Литовскомъ городѣ, состоящемъ въ чертѣ Русскихъ границъ. Я былъ крѣпко увѣренъ, что императоръ Александръ не поставитъ никакихъ препятствій моему желанію, и дѣйствительно, какъ только оно сдѣлалось извѣстнымъ Петербургскому кабинету, Царь не замедлилъ отвѣчать мнѣ самымъ предупредительнымъ образомъ. Его участіе ко мнѣ было вновь подтверждено и выказало себя неизмѣнившимся. Уже неоднократно прежде онъ приглашалъ меня возвратиться въ Митаву или избрать себѣ для жительства какой-либо другой городъ въ имперіи, по моему усмотрѣнію, и я давно былъ не прочь согласиться на это, еслибъ меня не отговаривали королева и принцесса Ангулемская, предпочитавшія мѣстопребываніе въ Варшавѣ. Нельзя не повторить здѣсь, что къ нему въ особенности привязывало насъ всегдашнее, исполненное почтительнаго вниманія и обязательныхъ попеченій, сочувствіе къ намъ Польскаго дворянства, незабвенное для меня и моихъ близкихъ».

Король совсѣмъ готовился уже къ поѣздкѣ въ Гродну, но его дорожные сборы были прерваны на нѣкоторое время открывшимся, будто бы, покушеніемъ подосланныхъ изъ Франціи эмиссаровъ извести ядомъ его самого, королеву и герцога Ангулемскаго съ женою. Точно ли существовалъ такой умыселъ, или онъ былъ сочиненъ досужествомъ домашнихъ агитаторовъ, пугавшихъ нарочно мнительнаго короля (если не изъ желанія казаться ему необходимыми оберегателями, то съ цѣлію бросить тѣнь новаго нареканія на ненавистную роялистамъ личность Наполеона) достовѣрно неизвѣстно. Заподозрѣнные отравители не были ни задержаны, ни уличены, да и вообще обстоятельство это не возбудило почему-то никакого разслѣдованія со стороны мѣстныхъ Прусско-Варшавскихъ властей, которыя Людовикъ XVIII винитъ въ желаніи замять дѣло, въ угоду «Корсиканцу». Во всякомъ случаѣ, оно не имѣло послѣдствій [66]), хотя послѣ того король часто упоминаетъ о дальнѣйшихъ, будто бы, подобныхъ же покушеніяхъ на его жизнь, постоянно остававшихся неразоблаченными вполнѣ.

Отправившись, наконецъ, въ Гродну и пробывъ тамъ болѣе 20-ти дней, онъ не дождался графа д'Артуа и поѣхалъ къ нему на встрѣчу, морскимъ путемъ изъ Риги, въ Шведскій городъ Кольмаръ, гдѣ Густавъ IV сдѣлалъ ему торжественно-пышный пріемъ. Тамъ, въ Октябрѣ 1804 года, состоялось и условленное свиданіе обоихъ братьевъ, обильное политическими совѣщаніями; но пока оно происходило, Наполеонъ кстати воспользовался этимъ случаемъ для повторенія усиленныхъ настояній предъ Берлинскимъ дворомъ объ отказѣ Людовику XVIII въ предоставленномъ ему дотолѣ убѣжищѣ.

---

[66]) Кажется, что именно по поводу подозрѣвавшагося умысла отравленія составленъ былъ королемъ, послѣ свиданія его съ графомъ д'Артуа, особый актъ, на который прозрачно намекаетъ письмо Людовика XVIII къ гр. Н. П. Румянцову, отъ 1/13 Февраля 1805 г., писанное изъ Митавы черезъ посредство графа Блака (de Blacas), бывшаго королевскимъ повѣреннымъ при дворѣ Александра I. Письмо это, ходатайствовавшее о наградахъ графу д'Аваре, герцогу де-Грамону и архіепископу Реймскому, напечатано въ „Р. Архивѣ“ 1872 г., стр. 186—197.

«Фридрихъ-Вильгельмъ III, мягкій и слабый, какъ большею частію всѣ добрые люди (разсказываетъ король), сдался на эти настоянія, вслѣдствіе чего я получилъ отъ Прусскаго правительства, чрезъ посредство его посланника въ Швеціи, оффиціальную ноту съ воспрещеніемъ мнѣ возврата въ Варшаву. Я нисколько не сѣтовалъ собственно на короля Прусскаго за эту жестокую мѣру, такъ какъ узнавалъ въ ней дѣло не его рукъ, а его совѣтниковъ; имѣя же въ запасѣ полное согласіе императора Александра на возобновленіе моего пребыванія въ Митавѣ, въ случаѣ еслибы обстоятельства вынудили меня удалиться изъ Польши, я на этотъ разъ не оставался безъ пристанища, и потому довольно равнодушно принялъ нескладную ноту Прусскаго кабинета. Братъ мой долженъ былъ вернуться въ Англію... Мы разстались со слезами, не зная, когда вновь увидимъ другъ друга... Корабли наши разъѣхались въ противоположныя стороны. Мой направился въ Ригу, откуда я поѣхалъ въ Митаву. Королева и герцогиня Ангулемская встрѣтили затрудненія соединиться тамъ одновременно со мною, по случаю суровой зимы и дурныхъ дорогъ, такъ что не ранѣе весны 1805 года обѣ онѣ могли предпринять свое путешествіе».

Такъ печально завершился для Людовика XVIII достопамятный въ его жизни 1804 годъ. Въ теченіи этого года пережилось много страданій и утратъ: гибель или бѣдствія иныхъ друзей, измѣны другихъ, отчужденіе похищеннаго трона, новая потеря убѣжища,—всѣ эти невзгоды безостановочно валились на голову короля-изгнанника, навязывая ему насильно роль истинно-трагическую, которая была вовсе не подъ-стать его флегматичной и черствой натурѣ. Къ многоразличнымъ бѣдамъ присоединились еще разстройство здоровья и упадокъ бодрости духа. Первое сказалось учащенными и усилившимися припадками давняго недуга — мучительной подагры, которая по-долгу лишала больнаго употребленія ногъ; а немощь духа проявлялась въ безпрестанной боязни за личную безопасность. Со времени темной Варшавской исторіи объ отравителяхъ, Людовику XVIII чудились всюду посягатели на его жизнь, напущенные Парижскими его лиходѣями, и основательно или нѣтъ, но онъ былъ убѣжденъ, что они преслѣдовали его и въ Готенбургѣ (въ Швеціи), и въ Митавѣ. «Въ домашнемъ своемъ быту (говоритъ онъ) я долженъ былъ бдительно остерегаться убійцъ, снаряженныхъ моими врагами, которые, не успѣвъ умертвить меня кинжаломъ или ядомъ, пробовали истребить огнемъ. Въ 1805 году они два раза поджигали Митавскій дворецъ; но Провидѣніе не попустило удачи злодѣйскому замыслу и спасло вновь мнѣ жизнь. Строгіе розыски по этому поводу дали очевидныя доказательства, что двукратно начинавшійся пожаръ былъ произведенъ предумышленно».

О подробностяхъ вторичнаго пребыванія Людовика XVIII въ Митавѣ «Записки» его весьма скудны воспоминаніями. Кромѣ напугавшихъ его пожаровъ, не приведено ни одного обстоятельства, которое ознаменовало бы два года жизни его тамъ, начиная съ 1805 по 1807 г., и только однимъ внѣшнимъ политическимъ дѣламъ посвящено изложеніе этого двухлѣтняго періода.

Наконецъ, наступилъ 1807-й годъ, когда послѣ непрерывныхъ войнъ возникла новая между Франціей и вооруженною коалиціей изъ трехъ державъ: Пруссіи, Саксоніи и Россіи. Предупредивъ совокупное дѣйствіе союзныхъ силъ, Наполеонъ быстро разгромилъ Пруссію, пока Русскія войска были еще на походѣ къ театру войны. Нѣкоторыя части ихъ проходили черезъ Митаву,

въ томъ числѣ л. гв. егерскій полкъ, командиръ котораго, графъ Эммануилъ Францовичъ де-Сенъ-При, вмѣстѣ съ своими офицерами, представлялся Людовику XVIII. Интересный разсказъ объ этомъ посѣщеніи, живо обрисовывающій домашнюю обстановку короля и его семейства, сохранился въ дневникѣ одного изъ офицеровъ, участниковъ визита, Николая Гавриловича Левшина, недавно напечатанномъ [67]).

Дѣйствія Русскихъ войскъ за границей начались, и въ Митаву было прислано изъ арміи много плѣнныхъ и раненыхъ Французовъ. По этому поводу находимъ въ «Запискахъ Людовика XVIII» слѣдующія воспоминанія: «Хотя Митава отстояла далеко отъ мѣста военныхъ дѣйствій, но въ ней появились вскорѣ Французскіе плѣнники, больные и раненые. Я охотно отдалъ бы все, что̀ имѣлъ, за возможность имѣть съ ними сношенія и доказать имъ своими попеченіями, что я не перестаю быть отцомъ моего народа; но всѣ они отказались меня видѣть: до такой степени обаяніе славы, окружавшее Наполеона,

---

[67]) Въ „Русской Старинѣ“ 1876 г., кн. 5, стран. 61—62, подъ заглавіемъ: „Домашній памятникъ Н. Г. Левшина“. Позволяемъ себѣ выписать здѣсь отрывокъ этого дневника: „....Въ Ригу гвардія вступила съ большимъ парадомъ, 15-го ч. Марта. Здѣсь узнали о побѣдахъ Наполеона и о раззореніяхъ, претерпѣваемыхъ Прусскимъ королевствомъ. Въ Ригѣ только дневали и пришли въ Митаву также на дневку.—Полковникъ нашъ, гр. Сентъ-При, приказалъ явиться къ нему, въ полной формѣ, нѣсколькимъ офицерамъ, а именно: графу Растиньяку, шевалье де-ла-Гарду, князю Хилкову и мнѣ; тутъ поѣхалъ онъ съ нами въ близъ города находившійся за̀мокъ и объявилъ намъ, что мы ѣдемъ на свиданіе съ Французскимъ королемъ. Старинный, совершенно обветшалый замокъ представился глазамъ нашимъ. По нечистой лѣстницѣ вошли мы въ комнаты, которыя отъ древности и непризору удивили насъ. Мебели самыя старыя, обтертыя и оборванныя показывали, сколь въ бѣдномъ положеніи находятся обитатели его. Стѣны хотя и обтянуты были штофными обоями, но изодранными, и лоскутки ихъ висѣли со стѣнъ, а золоченыя рамки полинялыя, и золоченіе кое-гдѣ блестѣло. Въ пріемной залѣ встрѣтили насъ человѣкъ пять придворнаго штату королевскаго, въ числѣ которыхъ былъ и герцогъ Ангулемскій. Они всѣ одѣты были въ партикулярныхъ платьяхъ, весьма много уже изношенныхъ фракахъ. Послѣ обычныхъ привѣтствій ввели насъ въ кабинетъ къ королю. Кабинетъ не былъ украшенъ и меблированъ лучше всѣхъ прочихъ апартаментовъ, которые мы проходили. Король Людовикъ XVIII, хотя и не въ самыхъ преклонныхъ лѣтахъ, толстякъ, съ большимъ брюхомъ, но въ подагрѣ, сидѣлъ въ вольтеровскихъ креслахъ недвижимо, съ пріятной улыбкою поклонился намъ. Графа Сенъ-При посадилъ близъ себя и съ большимъ удовольствіемъ разговаривалъ съ нимъ. Всѣ мы были ему поочереди представлены и стояли поодаль. Въ это время могъ я увѣриться, что вижу точно потомка изъ рода Бурбоновъ; носы особенной формы, принадлежащіе сей династіи, не измѣняютъ имъ. Съ нами занимались разговорами свита королевская и герцогъ. Герцогиня Ангулемская (дочь несчастнаго короля Людовика XVI) сидѣла рядомъ съ королемъ, съ самымъ жалостнымъ лицомъ. Женщина росту довольно изряднаго и худая какъ скелетъ. Костюмъ короля былъ ватошный синій сюртукъ и звѣзда ордена Св. Духа. Свиданіе продолжалось не болѣе часу и, при прощаніи, король намъ сказалъ слѣдующее:—„Messieurs, battez bien les Français, mais épargnez-les après, car ce sont mes enfants“ (Господа, побейте хорошенько Французовъ; но послѣ того имѣйте къ нимъ снисхожденіе, потому что они мои дѣти).—На другой день свита королевская отплатила намъ визитъ въ Митавѣ, и полковникъ съ своего полка офицерами дали славный обѣдъ гг. маркизамъ въ трактирѣ, чѣмъ они всѣ было чрезвычайно довольны. Гг. эмигранты очень насъ полюбили, даже открыли свои тайны, показывая намъ залогъ своей вѣрности—это орденъ Св. Людовика, зашитый между сукна и подкладки, который они никогда не снимали съ той минуты, когда были принуждены бѣжать изъ своего отечества. Чувствовалъ-ли король, что, чрезъ самое короткое время, онъ лишится и сего пристанища? Послѣ несчастнаго Фридландскаго сраженія, бѣдствующій король уѣхалъ въ Англію со всей своей свитой. Чувствовалъ-ли онъ и то, что чрезъ шесть лѣтъ будетъ на престолѣ прародителей своихъ? Все въ руцѣ Божіей! Дивенъ Господь въ чудесахъ Своихъ, и судьбы Божіи неисповѣдимы!“

дѣйствовало на нихъ; да и *Русская политика также воспротивилась тому, чтобы я старался пробудить въ этихъ Французскихъ сердцахъ болѣе естественныя чувства* (?!), почему я и вынужденъ былъ держать себя въ сторонѣ. Впрочемъ, почтенный священникъ нашего же дома замѣнялъ мое присутствіе близъ храбрыхъ воиновъ: аббатъ Фирмонъ появился среди страждущихъ. утѣшалъ ихъ, увѣщевалъ и стремился внушить имъ желаніе сблизиться со мной; но, увы! онъ самъ сдѣлался жертвой эпидеміи, распространившейся въ лазаретѣ. Принцесса Ангулемская, узнавъ объ опасномъ положеніи самоотверженнаго пастыря, пожелала сама заняться уходомъ за нимъ, до послѣднихъ его минутъ. Тщетны были ея попеченія и наши общія мольбы: Богъ взялъ къ себѣ святаго человѣка, чтобы въ лучшемъ мірѣ даровать ему единственную награду, достойную его добродѣтелей. Кончина его послѣдовала $^{10}/_{22}$ Мая 1807 года. Я велѣлъ надъ могилой покойника вырѣзать сочиненную мною эпитафію.... Жители Митавы, всѣхъ сословій и вѣроисповѣданій, раздѣляли нашу горесть и со слезами провожали его до послѣдняго жилища.... Потеря эта была тѣмъ чувствительнѣе для меня, что никогда я столько не нуждался въ его утѣшеніяхъ, какъ именно въ то время. Пруссія находилась, такъ сказать, наканунѣ совершеннаго уничтоженія, а императоръ Александръ I шелъ на помощь своему несчастному союзнику. Отправляясь въ дѣйствующую армію, онъ распорядился предварить меня о своемъ посѣщеніи, которое застало меня среди жесточайшаго припадка подагры. Мои ноги страшно распухли, и я насилу могъ передвигать ихъ. Его величество прибылъ къ намъ $^{18}/_{30}$ Мая 1807 г., въ 7 часовъ вечера. Прежде всего онъ направился въ помѣщеніе герцога Ангулемскаго, который, освѣдомившись о его прибытіи, вышелъ его встрѣтить у самаго дворцоваго входа (à l'entrée du château). Императоръ имѣлъ при себѣ малочисленную свиту. Обмѣнявшись съ моимъ племянникомъ взаимными первыми привѣтствіями, онъ спросилъ, *будетъ ли имѣть честь видѣть короля Французскаго*. Герцогъ Ангулемскій отвѣчалъ, смѣючись, что его христіаннѣйшее величество [68]), вѣроятно, не откажетъ въ пріемѣ такому пріятному гостю, и тотчасъ провелъ его ко мнѣ. Превозмогая свои страданія и опираясь на руку графа де Блака́ (de Blacas), я приблизился къ первой двери въ ту минуту, когда Императоръ проходилъ черезъ нее. Мы обнялись какъ братья и,—могу прибавить, какъ государи. Чтобы устранить всякій этикетъ, Александръ самъ взялъ меня подъ руку, и мы вмѣстѣ прошли черезъ залу. Онъ показалъ себя весьма ласковымъ и привѣтливымъ съ тѣми особами, которыхъ я ему представилъ; потомъ мы уединились вдвоемъ въ мой рабочій кабинетъ, гдѣ усѣлись рядомъ на одинаковыхъ креслахъ. Императоръ началъ съ изъявленій мнѣ своего живѣйшаго участія и сожалѣнія о томъ, что обстоятельства не дозволили ему ранѣе доказать это участіе; потомъ прибавилъ: «Если Богъ благословитъ мое оружіе, то лучшимъ для меня удовольствіемъ будетъ возвратить Франціи ваше величество». «А для меня, отвѣчалъ я, вступить туда при вашемъ содѣйствіи. Я всего надѣюсь отъ храбрости вашихъ войскъ. Я также ласкаю себя надеждой, что они выполнятъ свой долгъ». Но слова эти сказались безъ всякой горячности и, могу

---

68) Sa Majesté Très-Chrétienne—титулъ, издревле данный папами королямъ Франціи, подобно тому какъ королямъ Испанскимъ присвоенъ титулъ Католическаго величества, а Австро-Германскимъ императорамъ—Апостолическаго.

примолвить, безъ убѣжденія. Роковое предчувствіе леденило Царя. «Много славы было-бы, продолжалъ онъ, одержать побѣду надъ человѣкомъ непобѣдимымъ, ибо до сихъ поръ она всегда была на сторонѣ Бонапарта. Однакожъ, она не совсѣмъ далась ему въ дѣлѣ подъ Эйлау. Солдаты мои не хуже чѣмъ у него; но тактика Французскихъ офицеровъ выше нежели у нашихъ, что̀ и доставляетъ столько перевѣса Наполеону. Впрочемъ, я не отчаяваюсь, потому что дѣло мое правое и Богъ мнѣ пособитъ въ немъ». Потомъ бесѣдовали о королѣ Прусскомъ, о государяхъ зависѣвшихъ тогда отъ Бонапарта и, наконецъ, о необходимости унять столь безграничное честолюбіе. Но я не замѣтилъ въ Императорѣ никакого энтузіазма по отношенію къ судьбѣ несчастныхъ государей. Мнѣ показалось въ немъ менѣе нерасположенія къ Бонапарту, чѣмъ боязни передъ Англіей, и я не могу здѣсь воспроизвести того, что̀ онъ довѣрилъ мнѣ по этому поводу. Въ добавокъ, я усмотрѣлъ въ немъ болѣе всего желаніе оправдать себя отъ всякаго соучастія въ предосудительномъ дѣлѣ.... Вскорѣ онъ опять свелъ рѣчь на Бонапарта, о которомъ говорилъ съ какимъ-то удовольствіемъ. Я легко понялъ, что этотъ человѣкъ увлекалъ собою воображеніе Царя и что, въ концѣ концовъ, Александръ болѣе готовъ сойтись съ нимъ, нежели вести борьбу. Но, помимо этого замѣчанія, я имѣлъ полнѣйшія причины быть довольнымъ всѣми изъясненіями, какими онъ старался меня успокоить за мое будущее, повторивъ нѣсколько разъ, что случись чтобы ни было, а онъ никогда меня не покинетъ и что для меня всегда будетъ мѣсто въ его державѣ, какъ и въ личной его дружбѣ. Я сдѣлалъ еще одно наблюденіе, что въ немъ присутствуетъ наклонность къ иллюминизму, которая впослѣдствіи развилась явственнѣе и шире. Въ общемъ итогѣ оказывалось, что онъ полонъ благородныхъ стремленій и желанія дѣлать добро; но я не нашелъ въ немъ признаковъ этого выспренняго генія, этой творческой способности, какими отличались Петръ Великій и Екатерина Вторая. Наша съ нимъ бесѣда продолжалась часа полтора; затѣмъ Императоръ просилъ, чтобы я представилъ его королевѣ и принцессѣ, моей племянницѣ. Мы отправились было на ихъ половину, но въ тоже время обѣ онѣ, въ сообществѣ герцога Ангулемскаго, шли сами къ намъ, точно какъ-будто мы всѣ сговорились объ этомъ заранѣе. Императоръ привѣтствовалъ дамъ съ истинно-рыцарскою любезностью, выразивъ имъ въ самыхъ симпатичныхъ словахъ свое уваженіе и участіе; принялъ всѣхъ служащихъ при нихъ лицъ весьма лестнымъ образомъ, представилъ имъ, въ свою очередь, сопутствовавшаго ему *графа Толстаго* [69]) и, наконецъ, покинулъ насъ совершенно очарованными его благодушіемъ, добрыми намѣреніями и изящными пріемами обращенія».

Если относительно исхода войны таились въ самомъ дѣлѣ тѣ предчувствія въ сердцѣ Русскаго царя, которыя казались видимыми его собесѣднику въ Митавѣ, то онѣ сбылись: война окончилась новымъ торжествомъ Наполеона,

---

[69]) Оберъ-гофмаршалъ графъ Николай Александровичъ (р. 1761†1816). Кромѣ того, находились тогда въ свитѣ Государя: министръ иностранныхъ дѣлъ баронъ Андрей Яковлевичъ Будбергъ (р. 1750†1812) и генералъ-адъютанты: князь Петръ Михайловичъ Волконскій (р. 1776†1852) и графъ Христофоръ Андреевичъ Ливенъ († 1838). См. Михайловск.-Данилевскаго. „Опис. войны 1806—1807 г.", стр. 250.

нанеся опять ударъ завѣтнымъ помысламъ Людовика XVIII. Еще далеко не приспѣлъ тотъ часъ, когда, послѣ вновь грянувшей борьбы на жизнь и смерть съ ненасытнымъ завоевателемъ, императору Александру выпалъ жребій увѣнчать стараго, отверженнаго короля вожделѣнною для него короною Франціи. Но между послѣдствіями Фридландской битвы и счастливымъ переворотомъ въ его судьбѣ долженъ былъ лечь широкій промежутокъ еще семилѣтняго искуса. Возникшія послѣ Тизильтскаго мира пріязненныя отношенія между двумя недавними противниками побудили опечаленнаго Людовика XVIII снова удалиться изъ Россіи, на этотъ разъ, впрочемъ, не насильственно, а совершенно добровольно.

Обратимся опять къ тексту его «Записокъ».

«Обѣщанія императора Александра, при нашемъ съ нимъ свиданіи, были положительны: убѣжище въ его владѣніяхъ мнѣ было обезпечено во всякомъ случаѣ, не смотря ни на какія послѣдствія войны. Однакожъ, неудачный ея исходъ и установившаяся затѣмъ связь между Русскимъ императоромъ и Бонапартомъ привели меня къ рѣшимости на крайнюю мѣру — удалиться изъ Россіи, подчинившейся теперь вліянію Тюльерійскаго кабинета. Королева и принцесса Ангулемская усердно поддержали меня въ этомъ рѣшеніи, при чемъ моя племянница объявила, что коль скоро настаетъ пора, когда вся Европа подпадаетъ, такъ сказать, игу Бонапарта, то намъ слѣдуетъ оставить континентальныя ея страны. Уже Лондонскій кабинетъ, ежедневно терявшій своихъ союзниковъ, замѣтно сближался со мной. Но остававшіеся еще признаки его сдержанности могли внушать мнѣ нѣкоторое безпокойство. Выказывалось оттуда желаніе обязать меня, но не предлагалось мнѣ убѣжища, котораго я опасался не найти ни въ какомъ другомъ государствѣ. По видимому, въ Англіи даже какъ будто побаивались, чтобы я съ собою не занесъ и несчастій моихъ на Британскую почву; когда-же тамъ могли увѣриться, что я дѣйствительно намѣревался переселиться туда, мнѣ полуоффиціально намекнули, что, оставляя Россію, я всего лучше поступилъ бы, если-бъ уѣхалъ въ Мартинику,—какъ мнѣ уже и предлагали это прежде, — при чемъ присовокуплялось, что ни въ какомъ случаѣ король Франціи принятъ въ Англію не будетъ. Этотъ отзывъ разрывалъ мнѣ сердце. Тутъ я тверже чѣмъ когда-либо рѣшился не ѣхать въ Америку. Однако, въ которой же странѣ оставалось мнѣ жить? Не было въ виду ни одной, исключая Швеціи; но какой-то внутренній вѣщій голосъ отвращалъ меня отъ всякой мысли перебраться туда: самъ не знаю отчего, только я носилъ въ себѣ предчувствіе, что Густаву IV царствовать недолго. И такъ я находился въ мучительномъ недоумѣніи, какъ вдругъ получилъ, негласнымъ путемъ, отъ королевы Англійской и принца Валлійскаго (будущаго короля Георга IV) положительныя увѣренія, что королевская фамилія Великобританіи приметъ меня съ удовольствіемъ, если я добровольно переѣду въ Англію. Добрый король Георгъ III, въ одну изъ минутъ умственнаго просвѣтлѣнія отъ своего помѣшательства, поручилъ передать мнѣ тоже самое, съ добавленіемъ, что я не долженъ обращать никакого вниманія на внѣшній образъ дѣйствій Англійскаго кабинета, который будетъ парализованъ твердою волей верховныхъ вождей націи. Подобныя увѣренія были для меня необходимы. Поэтому, открывъ эту тайну только семьѣ моей да самымъ близкимъ людямъ, я придалъ рѣшенію своему, приготовленному такимъ образомъ, видъ случайнаго, внезапнаго, и передъ отбытіемъ моимъ изъ владѣній Русскаго царя, извѣстилъ его о томъ слѣдующимъ письмомъ:

«Государь, братъ мой! Богу неугодно, чтобы я долѣе обременялъ васъ собою. Не умѣю достаточно выразить мою признательность за великодушное гостепріимство и доказательства благорасположенія, которое вы оказывали мнѣ, какъ равно и моему семейству. Примите мои благодаренія и будьте увѣрены, что сердце мое полно всѣмъ тѣмъ, что̀ вы для меня дѣлали. Надѣюсь, придетъ время, когда съ помощію Провидѣнія, я буду въ состояніи доказать вашему величеству, что одолженія свои вы дѣлали не для неблагодарнаго, въ ожиданіи чего не отказываюсь отъ возможности испрашивать вашихъ дружескихъ услугъ, не взирая на то, что удаляюсь изъ мѣста, откуда я пользовался ими ближе. Королева, герцогъ и герцогиня Ангулемскіе присоединяются ко мнѣ для выраженія тѣхъ-же самыхъ чувствъ. Имѣю честь» и проч.

«Отвѣтъ Императора вполнѣ согласовался съ благороднымъ и возвышеннымъ его характеромъ, такъ что мнѣ оставалось быть только имъ довольнымъ во всѣхъ отношеніяхъ. Затѣмъ, въ Октябрѣ 1807 года, я снова отправился въ путь, выѣхавъ изъ Риги моремъ, въ сопровожденіи герцога Ангулемскаго и тѣхъ изъ служившихъ при мнѣ лицъ, которыя пожелали участвовать въ моей дальнѣйшей судьбѣ. Королева и племянница моя задержались въ Митавѣ на время, покуда я не устроился какъ слѣдуетъ въ Англіи».

Намъ остается, сказать, что изъ Швеціи, куда заѣзжалъ Людовикъ XVIII и гдѣ опять нашелъ пріемъ, вполнѣ подобающій царственной особѣ, онъ отправился въ Англію, но не безъ нѣкоторыхъ остановокъ на пути, вслѣдствіе непріятно-щекотливой переписки съ Великобританскимъ министерствомъ, которое обусловливало допущеніе въ свою страну претендента строгимъ съ его стороны сохраненіемъ инкогнито. Условіе это сильно не нравилось Людовику, который, проживая въ Россіи, привыкъ открыто заявлять свои права титуломъ «короля Франціи и Наварры»; но дѣлать было нечего: надлежало согласиться, скрѣпя сердце, такъ какъ ѣхать назадъ въ Митаву казалось уже неловкимъ.

Въ Англіи Людовикъ XVIII прожилъ до самой поры счастливыхъ для него событій 1814 года.

Д. Рябининъ.

Изъ записокъ Петра Ивановича Фаленберга.

I.

Эпизодъ изъ жизни Петра Ивановича Фаленберга, описанный имъ самимъ по выпускѣ его изъ государственной тюрьмы въ 1833 году.

Въ 1822 году, въ одинъ лѣтній день, Фаленбергъ и князь Барятинскій, послѣ дружескаго завтрака у сего послѣдняго, отправились изъ Тульчина въ Клебань. Обоимъ нужно было посѣтить полковника Аврамова. Дорогою, между прочимъ разговоромъ, князь Барятинскій открылъ Фаленбергу о существованіи тайнаго общества. Какая же цѣль этого общества? спросилъ Фаленбергъ. «Введеніе конституціоннаго правленія».—«Но Россія далеко еще не готова къ принятію такого правленія», замѣтилъ Фаленбергъ. «Такъ», сказалъ Барятинскій, «и потому-то общество постановило первымъ правиломъ распространять просвѣщеніе, и между тѣмъ, открывая людей честныхъ и благомыслящихъ, безпрестанно ими усиливаться; когда же оно будетъ такъ сильно, что голосъ его не можетъ быть не уваженъ, тогда общество попроситъ у Государя конституціи подобной Англійской».—«Это прекрасно! Хорошо, еслибы сбылось!» воскликнулъ Фаленбергъ.—«Итакъ знай, что я членъ этого общества и могу принять тебя. Желаешь ли быть нашимъ собратомъ?» Фаленбергъ призадумался нѣсколько, но вскорѣ спросилъ въ свою очередь: «Изъ кого-же состоитъ это общество? По крайней мѣрѣ я желалъ бы знать хотя нѣкоторыхъ членовъ». Барятинскій, помолчавъ немного, отвѣчалъ: «Я не долженъ говорить, это запрещается нашими правилами; но тебѣ, какъ человѣку благородному, въ которомъ я увѣренъ, могу наименовать двухъ общихъ нашихъ знакомыхъ, Пестеля и Юшневскаго». Фаленбергъ, уважая обоихъ какъ по уму, такъ и по душевнымъ качествамъ, не замедлилъ отвѣчать: «О! коль скоро такъ, охотно радъ». Барятинскій крѣпко пожалъ ему руку, поцѣловалъ его, назвалъ собратомъ, и такимъ образомъ совершился пріемъ Фаленберга въ тайное общество.

Барятинскій послѣ сего объявилъ неофиту, что, по правиламъ общества, онъ не долженъ никого знать, кромѣ того, кто его принялъ, и ни съ кѣмъ другимъ не долженъ говорить о дѣлахъ общества, хотя бы то былъ извѣстный ему членъ онаго; наконецъ, что онъ не иначе можетъ самъ принять въ члены, какъ давъ ему напередъ знать и получивъ его согласіе.

Окончивъ дѣла свои съ Аврамовымъ, Фаленбергъ возвратился домой и, размышляя о нечаянномъ вступленіи своемъ въ общество, облеченное тайною, полагалъ, что это родъ масонскаго братства, и какъ объявленная ему цѣль, составляющая благо Отечества, была

согласна съ образомъ его мыслей, то онъ не только не полагалъ, чтобы сдѣлалъ преступленіе, но даже не подозрѣвалъ, чтобы тутъ могло быть что либо предосудительное или опасное для его спокойствія и чести.

Однажды, при свиданіи съ Пестелемъ, Фаленбергъ сдѣлалъ вопросъ объ обществѣ. Пестель смѣшался, отвѣчалъ невнятно и съ примѣтною уклончивостью. Этого было достаточно, чтобы Фаленбергу вспомнить о нарушеніи правила и прекратить разговоръ. При первой встрѣчѣ Фаленберга съ Барятинскимъ, сей послѣдній попенялъ ему за нескромность и, увѣряя, что получилъ замѣчаніе отъ Пестеля, просилъ быть осторожнѣе.

Послѣ смотра 2-й арміи, бывшаго въ окрестности Тульчина въ 1823 году, Фаленбергъ взялъ отпускъ и уѣхалъ въ Воронежскую губернію. Здѣсь, проведя почти весь 1824-й годъ, онъ познакомился съ семействомъ Раевскаго (отставнаго маіора) и, отличивъ въономъ дѣвушку по сердцу, вознамѣрился жениться. Чтобы исходатайствовать дозволеніе, въ Іюлѣ онъ пріѣхалъ въ Тульчинъ и, пробывъ тутъ весь Августъ, опять уѣхалъ въ Воронежъ. Женившись въ началѣ 1825 года, онъ остался въ домѣ тестя своего до Мая мѣсяца. Когда онъ собрался съ своею женою въ обратный путь, родители, по Русскому обычаю, затеплили передъ образами свѣчи, велѣли всѣмъ сѣсть и потомъ, вставъ, помолились Богу и благословили дочь свою. При семъ случаѣ мать, вручая ее мужу, сказала со слезами: «Не оставьте ее!» Растроганный Фаленбергъ, поднявъ руку къ небу, отвѣчалъ отъ полноты сердца: «Да оставитъ меня Богъ, если я ее оставлю!»

Едва Фаленбергъ успѣлъ возвратиться въ Тульчинъ, какъ молодая жена его, нѣжно имъ любимая, впала въ жестокую болѣзнь. Находясь безотлучно при ней, онъ выходилъ изъ дома только по необходимымъ обязанностямъ службы (онъ былъ старшимъ адъютантомъ по квартирмейстерской части). Его не посѣщалъ никто, кромѣ врачей, пользовавшихъ больную; это были: Шлегель и Вольфъ. Такимъ образомъ, во все время, протекшее съ его пріѣзда до полученія извѣстія о кончинѣ Государя, Фаленбергъ только три раза имѣлъ случай видѣться съ Барятинскимъ, и то урывками. Въ первое свиданіе Барятинскій успѣлъ ему сказать, что къ тайному обществу присоединилось другое такое же, но не объяснилъ, какое именно; во второмъ, онъ его увѣдомилъ, что вся гвардія на сторонѣ общества; въ третье и послѣднее, Барятинскій сказалъ ему, что графъ Виттъ желаетъ вступить въ общество и угрожаетъ открыть его, если не будетъ принятъ. Всѣ сіи извѣщенія сдѣланы были такъ слегка, что Фаленбергъ, занятый единственно болѣзнію любимой имъ жены, не имѣлъ ни времени, ни желанія ни распрашивать объ оныхъ въ подробности, ни заниматься ими серьёзно.

Наступило время розысковъ и арестовъ. Пестель былъ арестованъ генераломъ Чернышевымъ 14 Декабря. Барятинскій въ это время нарочно былъ отправленъ съ бумагами къ генералу Сабанееву въ Тирасполь, гдѣ и былъ арестованъ.

Вскорѣ послѣ сего, докторъ Шлегель принесъ къ Фаленбергу полученное при газетахъ объявленіе правительства объ открытіи тайнаго общества; въ немъ было сказано, что это толпа злонамѣренныхъ злодѣевъ, имѣвшихъ адскій замыселъ посягать на цареубійство и на истребленіе всей Императорской фамиліи.

Прочитавъ это, Фаленбергъ содрогнулся: ему не приходило даже на мысль, чтобы въ обществѣ, къ которому онъ принадлежалъ по одному только сорвавшемуся съ языка слову, могло быть замышляемо что либо подобное. Онъ, Фаленбергъ, чувствовалъ въ совѣсти, что не могъ участвовать въ такомъ намѣреніи и не согласился бы принадлежать къ обществу, еслибы ему дѣйствительно открыто было что нибудь похожее. Посему, онъ оставался покоенъ, полагая, что Барятинскій одинъ знаетъ о немъ и конечно умолчитъ, какъ о человѣкѣ, не принимавшемъ ни въ чемъ никакого участія и даже ничего существеннаго по обществу не знающемъ.

Вышло однакожъ иначе.

11-го Января 1826 г. докторъ Шлегель вошелъ къ нему въ примѣтномъ смущеніи. Послѣ первыхъ привѣтствій, устремивъ на него значительный взоръ, онъ сказалъ: «Меня везутъ въ Петербургъ». —«Васъ?» прервалъ Фаленбергъ съ видомъ шутки. «Быть не можетъ! Мы васъ не отпустимъ ни за что; всѣми силами ухватимся за васъ и отстоимъ». — «А когда такъ», примолвилъ Шлегель, «то одного изъ насъ двухъ». Тутъ, какъ громомъ пораженный, Фаленбергъ почувствовалъ всю жестокость нанесеннаго ему удара.

Извѣстный добротою сердца, графъ Витгенштейнъ, съ огорченіемъ взиравшій на арестованіе многихъ достойныхъ людей изъ самаго штаба своего, сдѣлалъ для Фаленберга все, что̀ могъ. Онъ далъ Фаленбергу четыре дня для приготовленія на одрѣ болѣзни лежащей жены къ сей ужасной разлукѣ и не велѣлъ вводить часовыхъ въ домъ, а поставить у воротъ, чтобы не возбудить въ больной подозрѣнія.

Положеніе Фаленберга было самое затруднительное.

Объявить женѣ истину значило свести ее преждевременно въ гробъ, быть ея убійцею. Оставалось одно — обмануть ее. И такъ, онъ рѣшился объявить ей, что получилъ повелѣніе немедленно ѣхать въ Бессарабію по дѣламъ особенной важности, которыя, впрочемъ, никакъ долѣе трехъ недѣль тамъ его не задержатъ. Онъ присовокупилъ обѣщаніе писать къ ней какъ можно чаще. Сколь ни огорчило это больную, но повидимому она великодушно рѣшилась покориться необходимости и умоляла только не замедлить. Чтобы поддержать ее въ этомъ обманѣ, Фаленбергъ приготовилъ нѣсколько писемъ изъ разныхъ мѣстъ Бессарабіи и отъ разныхъ чиселъ и просилъ доктора Шлегеля доставлять оныя ей, какъ бы полученныя съ почты.

Для препровожденія Фаленберга въ Петербургъ, назначенъ былъ адъютантъ главнокомандующаго Горленко, который отправился съ нимъ 15-го Января 1826 года. Легко можно себѣ представить, какія мысли терзали доро̀гою Фаленберга. Ужасное положеніе жены не выходило изъ его воображенія. Невозможность надолго поддерживать обманъ казалась ему убійственною для нея. Самая клятва, данная имъ матери своей жены, не оставлять ее, тяготѣла надъ его душею. Вдали представлялся одинъ мракъ и неизвѣстность. Не зная ничего объ арестѣ Барятинскаго, онъ не могъ постичь, кто, кромѣ его, могъ показать на него и въ чемъ состояло это показаніе. Приближаясь къ столицѣ, путники слышали на станціяхъ разсказы одни другихъ ужаснѣе, одни другихъ нелѣпѣе, которымъ, при настроеніи его души, онъ легко повѣрилъ. Разсказывали имъ, между прочимъ, что съ арестованными посаженными въ крѣпость поступаютъ съ жестокостью, что многихъ уже разстрѣляли. Слыша сіе, Фаленбергъ твердо рѣшился быть скромнымъ и осторожнымъ.

По пріѣздѣ въ Петербургъ, его посадили на дворцовую гауптвахту, гдѣ и провелъ онъ одну ночь. На другой день, т. е. 24-го Января, его повели въ Эрмитажъ къ г. а. Левашеву, который принялъ его вѣжливо и, по предварительномъ увѣщеваніи къ откровенности, предложилъ ему нѣсколько вопросовъ о принадлежаніи къ тайному обществу, и знакомъ ли онъ съ Барятинскимъ? Фаленбергъ съ твердостію отвѣчалъ, что онъ ни объ какомъ тайномъ обществѣ не знаетъ, что Барятинскаго знаетъ, какъ адъютанта главнокомандующаго, а особеннаго знакомства съ нимъ не имѣетъ. Генералъ, удовлетворясь его отвѣтами, изложилъ оные на бумагу, которую далъ подписать Фаленбергу и потомъ понесъ къ Государю Императору. Возвратясь изъ кабинета, онъ отправилъ Фаленберга съ фельдъегеремъ въ Главный Штабъ, гдѣ его помѣстили въ одну комнату съ полковникомъ Кончеаловымъ, также арестованнымъ. Въ общемъ несчастіи люди скоро знакомятся, еще скорѣе дѣлаются искренними. Кончеаловъ разсказалъ Фаленбергу все, что̀ узналъ о настоящемъ ходѣ дѣла и, между прочимъ, въ примѣръ вниманія правительства къ искренности признаній, представилъ двухъ братьевъ Раевскихъ, которые также содержались прежде въ Штабѣ, даже въ этой самой комнатѣ, а потомъ были четыре дня въ крѣпости очень строго содержаны, но по чистосердечному признанію выпущены. Несчастному Фаленбергу, котораго душа подавлена была горестію и мысли заняты единственно оставленною въ тяжкой болѣзни женою, разсказъ сей подалъ въ первый разъ идею откровенности, и онъ ухватился за нее, какъ за единственное средство избавленія отъ ареста и возвращенія къ нѣжной супругѣ. Идея сія подстрекалась догадкою: что̀ бы могъ значить вопросъ ген. Левашева о знакомствѣ съ Барятинскимъ? Не открылъ ли онъ о принятіи его въ общество? Въ такомъ случаѣ увидятъ ясно, что онъ неискрененъ и что въ немъ нѣтъ чистосердечнаго признанія, слѣдовательно не отпустятъ, продержатъ Богъ знаетъ до которыхъ поръ, и что̀ между тѣмъ станется съ бѣдною женою! Въ такихъ и тому подобныхъ мысляхъ терялся Фаленбергъ, когда находившійся при дежурномъ генералѣ капитанъ Жуковъ (имѣвшій надзоръ за арестованными) объявилъ ему за весьма хорошій признакъ, что ему велѣно возвратить его вещи и человѣка. Здѣсь опять мелькнула надежда скораго освобожденія, мысль объ откровенности замолкла, и такъ протекло семь мучительныхъ дней. Можетъ быть, дѣйствительно, день-два еще, и онъ былъ бы свободенъ, былъ бы счастливъ, летѣлъ бы къ предмету всѣхъ мыслей и желаній; но злая судьба, конечно, расположила иначе. Къ нимъ неожиданно явился Николай Раевскій, одинъ изъ упомянутыхъ братьевъ; онъ пришелъ повидаться съ Кончеаловымъ, у котораго служилъ въ полку. Поговоривъ съ нимъ полчаса или болѣе, онъ узналъ отъ Кончеалова, что соузникъ его — Фаленбергъ и, обратившись къ сему послѣднему, отрекомендовался, какъ свойственникъ (ибо приходился двоюроднымъ братомъ его женѣ) и предложилъ ему свои услуги. Фаленбергу пріятно было такое нечаянное знакомство съ родственникомъ, котораго до сихъ поръ онъ зналъ только по слуху; впрочемъ, онъ отказался отъ услугъ (ожидая возвращенія своего человѣка и вещей, гдѣ были и деньги) и сказалъ, что ему одно только нужно: возвратиться какъ можно скорѣе домой. Раевскій, въ порывѣ самодовольствія, свойственнаго человѣку, который только что выпущенъ былъ самъ изъ-подъ ареста (можетъ

быть изъ уваженія къ отцу, герою Бородинскаго сраженія 12 года) далъ совѣтъ показать откровенно все, что̀ знаетъ, и прибавилъ сіи, гибельныя для Фаленберга слова: un pòltron qui ne dira pas tout ce qu'il sait! *) Вскорѣ послѣ сего онъ распрощался и ушелъ.

Случалось ли вамъ видѣть, когда птичка, нечаянно вылетѣвшая изъ клѣтки, сдѣлавъ нѣсколько круговъ по комнатѣ и увѣрившись въ своей свободѣ, начинаетъ порхать съ одной клѣтки на другую и какъ бы дразнить другихъ затворницъ? Видѣли ли, какъ сіи бѣдныя начинаютъ тогда биться въ своихъ клѣткахъ, какъ просовываютъ головку въ каждую щелку, какъ клюютъ носикомъ въ стекло; однимъ словомъ, какъ сильно выражаютъ онѣ оживленное желаніе свободы? Точно въ такомъ раздраженіи остался Фаленбергъ по выходѣ Раевскаго. Желаніе ускорить свое освобожденіе овладѣло имъ совершенно. Образъ милой супруги, лежащей на смертномъ одрѣ, представился его воображенію; ему казалось, что онъ слышитъ укоризны въ нарушеніи обѣщанія, даннаго при отъѣздѣ и клятвы, имъ произнесенной. Всѣ чувства его взволновались, мысли затмились, и несчастный рѣшился самъ быть себѣ злодѣемъ — быть своимъ обвинителемъ.

Въ тотъ же вечеръ онъ написалъ письмо къ г. Левашеву и просилъ свиданія съ нимъ. По отправленіи сего роковаго письма, онъ сдѣлалъ себѣ вопросъ: но что̀ я скажу? При разстроенномъ состояніи души, слѣдующее разсужденіе представилось само собою: чтобы быть тотчасъ свободнымъ, требуютъ чистосердечнаго признанія; но какъ сдѣлать, чтобы они убѣдились въ этомъ чистосердечіи? Безъ сомнѣнія, чѣмъ важнѣе будетъ мое признаніе, тѣмъ болѣе они увидятъ, что я совершенно откровененъ! На этомъ гибельномъ выводѣ остановились его мысли, и онъ рѣшился показать на себя, будто бы по обществу извѣстно ему то, о чемъ въ первый разъ узналъ изъ печатнаго объявленія, доставленнаго ему докторомъ Шлегелемъ. Посягнувъ такимъ образомъ на собственную свою честь и безопасность, онъ успокоился и ожидалъ только, когда его позовутъ на сіе новаго рода самоубійство.

На другой же день, 2 Февраля, его потребовали во дворецъ. Явясь къ ген. Левашеву, Фаленбергъ объявилъ, что желаетъ чистосердечно признаться. Генералъ сѣлъ, указавъ Фаленбергу стулъ за столомъ предъ нимъ стоящій, чтобы сѣсть, и началъ записывать его показанія. Фаленбергъ открылъ ему, что принадлежалъ къ тайному обществу и принятъ въ оное Барятинскимъ, который ему объявилъ, что цѣль общества была распространять просвѣщеніе, усиливаться членами и, когда будетъ уже довольно сильно, просить у Государя конституціи.—«Ну, а еслибы Государь не согласился дать ее?» прервалъ генералъ.—«Предполагали просить тогда, когда трудно было бы не уважить требованія общества».—«Но еслибы Государь и тогда не уважилъ?»—«Въ такомъ случаѣ, полагали нужнымъ жертвовать всѣмъ, имѣніемъ, жизнію и даже жизнію Государя». Когда Фаленбергъ произнесъ сіи несчастныя слова, генералъ измѣнился въ лицѣ, посмотрѣлъ на него, пожалъ плечами и записалъ слова его. Спросивъ потомъ: все ли? онъ далъ ему подписать, сказалъ, что ему надобно показать это Государю, позвалъ фельдъегеря, приказалъ ему остаться съ нимъ и вышелъ.

---

*) Трусъ, кто не скажетъ всего что̀ знаетъ.

Сильная внутренняя борьба истины съ ложью, волновавшая несчастнаго Фаленберга во все время сего допроса, смущеніе, несвязность показаній, происходившія отъ невѣдѣнія того, чтò силился онъ доказать ложно, всѣ эти ощущенія, выражавшіяся и въ лицѣ, и въ глазахъ допрашиваемаго, не могли не быть замѣчены генераломъ и послужили, можетъ быть, еще къ большей уликѣ Фаленберга, тогда когда совѣсть уже его терзала, упрекая въ ложномъ показаніи.

Еслибы генералъ на это время вспомнилъ законъ Царя-Преобразователя Россіи, который, упредивъ вѣкомъ своихъ современниковъ, сказалъ: мало собственнаго признанія; надобно, чтобы оно еще подтвердилось всѣми обстоятельствами (см. въ Воинскомъ Регламентѣ о собственномъ признаніи); еслибы онъ только потрудился сдѣлать нѣсколько вопросовъ въ поясненіе подробностей, то увидѣлъ бы ясно, что невинный несчастливецъ, убитый горестью, безъ пощады лжетъ на себя, и спасъ бы жертву минутнаго ослѣпленія.

Генералъ скоро возвратился и объявилъ несчастному, вмѣсто ожидаемаго прощенія и свободы, повелѣніе отправить его въ крѣпость и тутъ же поручилъ его фельдъегерю съ запискою къ коменданту.

Не дерзнемъ изображать состояніе души Фаленберга въ ту минуту, когда его перевезли чрезъ Неву и ввезли въ крѣпость; скажемъ одно, что комендантъ, принимая его, посмотрѣлъ на него съ холодностью, какъ человѣкъ, привыкшій ежедневно видѣть новыя жертвы, и сказалъ отрывисто: «Я получилъ повелѣніе содержать васъ въ крѣпости и содержать хорошо», откланялся, предоставя арестанта плацъ-маіору, который отвелъ его въ назначенный № въ казематахъ.

Здѣсь арестанта заставили раздѣться, обыскали платье, общупали подъ мышками, нарядили въ затрапезный халатъ и, послѣ сей уничижительной и несносной операціи, оставили горести и отчаянію. По выходѣ плацъ-маіора съ ассистентомъ своимъ, унтеръ-офицеромъ, слухъ невиннаго несчастливца въ первый разъ ознакомился съ ужаснымъ, потрясающимъ душу звукомъ тяжелыхъ тюремныхъ запоровъ и замковъ, послѣ коего все замолкло, какъ бы нарочно, чтобы впечатлѣніе, произведенное симъ звукомъ, сдѣлать разительнѣе.

Представьте себѣ человѣка благороднаго, благовоспитаннаго, служившаго въ одной изъ уважительнѣйшей части войскъ и служившаго съ честью, человѣка, который во всю службу свою не давалъ начальству повода даже и къ малѣйшему замѣчанію и который въ свое время не снесъ бы взгляда оскорбительнаго, теперь по неизвѣстному навѣту судьбы лишеннаго свободы, дошедшаго до ложнаго самообвиненія и ввергнутаго въ мрачные своды смрадной тюрьмы: будете ли спрашивать, чтò онъ долженъ былъ чувствовать? И чье перо можетъ удовлетворить вашему любопытству, не исказя истины?

Мрачна, какъ отягченная горестью душа узника, была тюрьма, въ которой онъ оставленъ былъ самому себѣ. Комната, четыре шага въ квадратѣ, помѣщая лазаретную кровать, столикъ и стулъ, немного оставляла мѣста для движенія. Небольшое окно, замазанное снаружи меломъ, пропускало въ амбразуру толстой каменной стѣны

какой-то сумрачный полусвѣтъ. Желѣзная труба отъ желѣзной же печки изъ корридора, проведенная чрезъ всю комнату и висѣвшая надъ самою головой, раскаливаясь во время топки, сообщала съ какимъ-то трескомъ несносную теплоту верхней половинѣ комнаты, тогда какъ въ нижней ноги зябли отъ холода. Сидѣть неподвижно, снѣдаемому грустью, было нестерпимо; а ходить можно было только описывая небольшой кругъ. Измученный этимъ кругообразнымъ движеніемъ, съ стѣсненнымъ сердцемъ приблизился онъ къ одру страданій и со слезами бросился на него. Бремя золъ придавило его. Удрученному душевными потрясеніями наконецъ предсталъ небесный благодѣтель несчастныхъ—сонъ. Послѣ нѣкотораго успокоенія, необыкновенный шорохъ разбудилъ его. Встревоженный, онъ слышитъ скрипъ сапоговъ; нѣкто, казалось, подходилъ къ его дверямъ; ему представилось потомъ, что онъ явственно слышалъ слова, произнесенныя протяжнымъ голосомъ: «первая ночь жизни». На другой день, въ тоже время (около 12 часовъ ночи) послышался тотъ же скрипъ сапоговъ, и тотъ же голосъ повторилъ: «вторая ночь жизни». На третью ночь онъ услышалъ: «третья ночь жизни». Въ четвертый день, въ вечеру, когда, мучимый неизвѣстностью, онъ терялся въ своихъ догадкахъ и соображеніяхъ, дверь темницы растворилась, и къ нему вошелъ видный, рослый, лѣпообразный священникъ съ наперснымъ золотымъ крестомъ и съ орденомъ на груди. Двери затворились за нимъ, и онъ, подходя къ узнику, обратилъ къ нему слова: «Сынъ мой, сказалъ онъ, Спаситель нашъ Іисусъ Христосъ посѣщалъ темницы, и я, служитель вѣры, пришелъ утѣшить скорбящаго въ заточеніи, подать спасительный совѣтъ погибающему. Юный Монархъ нашъ съ прискорбіемъ взираетъ на столь многія жертвы и не ищетъ обвиненія. Онъ только хочетъ, чтобы чистосердечнымъ раскаяніемъ вы дали ему случай къ милосердію и облегченію вашей участи». Изумленный Фаленбергъ нѣсколько разъ порывался прервать рѣчь священника, но онъ продолжалъ тѣмъ же ровнымъ, сострадательнымъ тономъ, подкрѣпляя слова свои покорною слезою. Всякому другому нетрудно было бы отгадать, что онъ говорилъ очень хорошо затверженное и что это языкъ не сердца чувствительнаго къ несчастіямъ ближняго, но должностнаго увѣщателя; Фаленбергъ однакожъ былъ тронутъ до глубины души и отвѣчалъ коротко, что слишкомъ уже былъ искрененъ и можетъ быть болѣе, нежели сколько было должно. Тогда священникъ, увѣряя, что можетъ въ такомъ случаѣ надѣяться на милосердіе Монарха и быть спокоенъ, вышелъ. Въ туже ночь, знакомый уже голосъ повторилъ: «четвертая и послѣдняя ночь жизни». Услышавъ слова сіи и сообразивъ съ посѣщеніемъ священника, несчастный узникъ заключилъ, что завтра будетъ разстрѣлянъ. Душа его возвысилась, и онъ готовился безтрепетно встрѣтить смерть, которую встрѣчалъ онъ неустрашимо въ 35 сраженіяхъ Французской кампаніи и которая въ эту минуту была бы для него пріятнѣе, нежели мучительное состояніе неизвѣстности. На другой день онъ былъ еще въ сихъ мысляхъ, какъ пришли ему сказать, что его требуютъ въ Комитетъ; принесли его платье и велѣли одѣться. «А! Наконецъ смерть!» сказалъ онъ самъ себѣ и предался вполнѣ судьбѣ своей. Вскорѣ плацъ-маіоръ пришелъ за нимъ, завѣсилъ ему лицо платкомъ и, ведя за руку, вывелъ на дворъ, посадилъ въ сани и повезъ. Переѣздъ былъ не далекъ. Сани остановились, и плацъ-маіоръ взвелъ его по крыльцу и въ комнаты.

Когда позволили ему снять платокъ, онъ увидѣлъ себя въ углу за ширмами, въ довольно пространной залѣ; тутъ велѣли ему дожидаться. Мучительно было сіе ожиданіе; наконецъ ему сказали: пожалуйте! Ему накинули опять на глаза платокъ, провели чрезъ нѣсколько комнатъ и когда остановили, онъ услышалъ повелительный голосъ: «снимите платокъ». Онъ снялъ и увидѣлъ среди комнаты присутственный столъ, покрытый краснымъ сукномъ съ разложенными на немъ бумагами, обстановленный креслами, а далѣе небольшой столикъ, за которымъ сидѣлъ одинъ только генералъ-адъютантъ Чернышевъ.

Избоченясь въ креслахъ, закинувъ голову назадъ, имѣя передъ собою кипу бумагъ, съ грознымъ видомъ г. Чернышевъ сказалъ: «Милостивый государь! Вы, въ первомъ своемъ показаніи г. Левашеву, отреклись отъ принадлежанія къ тайному обществу, а потомъ ему же показали, что знали о злоумышленіи на цареубійство. Этого недостаточно; по вашимъ лѣтамъ и въ вашемъ званіи, общество, конечно, имѣло къ вамъ довѣріе. Вы должны показать всю истину, открыть всѣхъ членовъ общества и объявить во всей подробности все, что̀ вы знаете. Комитету извѣстно уже все; онъ желаетъ дать вамъ способъ заслужить облегченіе участи вашей искреннимъ и чистосердечнымъ признаніемъ». Фаленбергъ отвѣчалъ, что онъ не знаетъ ничего болѣе того, что̀ уже показалъ.—«Какъ, милостивый государь!» сказалъ г. Чернышевъ, возвыся голосъ, «вы упорствуете и хотите увѣрить, что ничего не знаете; я вамъ представлю двадцать свидѣтелей, которые убѣдятъ васъ, и тогда уже не надѣйтесь на милость: вамъ не будетъ пощады». Фаленбергъ горько улыбнулся, и одинъ взоръ былъ его отвѣтомъ; но этотъ взоръ укорялъ г. Чернышева въ несправедливости его словъ. «Какъ, милостивый государь! Вы еще смѣетесь; здѣсь не мѣсто смѣяться!» вскричалъ онъ съ жаромъ. «Я не смѣюсь», сказалъ Фаленбергъ, «но не могъ не улыбнуться тому, что ваше превосходительство стращаете меня двадцатью свидѣтелями тогда когда, кромѣ Барятинскаго, съ которымъ однимъ только я глазъ на глазъ объ обществѣ говорилъ, никто противъ меня свидѣтельствовать не можетъ». «Хорошо, сударь», прервалъ Чернышевъ смягченнымъ голосомъ, «мы увидимъ! Завтра доставятся вамъ вопросные пункты, извольте отвѣчать на нихъ. Теперь идите», и позвонилъ. Вошелъ аудиторъ, накинули опять платокъ, вывели въ залъ, сдали плацъ-маіору, а сей тѣмъ же порядкомъ отвезъ въ казематъ.

Увидѣвъ, что ложное обвиненіе самого себя послужило не къ освобожденію, а къ промедленію только дѣла и что самая ожидаемая смерть, которая окончила бы всѣ мученія, не такъ еще близка, Фаленбергъ въ тотъ же вечеръ потребовалъ бумаги и написалъ письмо къ г. Левашеву, въ которомъ увѣрялъ его, что о намѣреніи покушенія на жизнь Государя никогда отъ Барятинскаго не слыхалъ и до открытія общества о томъ не зналъ, но показалъ на себя л о ж н о, думая тѣмъ скорѣе освободиться, заслужа доказательствомъ искренности прощеніе. Фаленбергъ чувствовалъ необходимость объяснить, откуда онъ знаетъ, что общество имѣло это намѣреніе; но простое соображеніе, что докторъ Шлегель (принесшій къ нему объявленіе объ открытіи общества) можетъ въ такомъ случаѣ показаться подозрительнымъ, что его арестуютъ, увезутъ въ Петербургъ, и больная жена останется безъ врача, его удержало. При письмѣ къ г. Левашеву, онъ написалъ другое къ своей женѣ, въ которомъ открывалъ уже ей все съ нимъ случившееся и прощался съ нею. Письмо къ

г. Левашеву не произвело никакого дѣйствія; а писанное къ женѣ было ему возвращено гораздо позже съ замѣчаніемъ, что не позволяется ничего писать, кромѣ что живъ и здоровъ; а гдѣ онъ, что̀ съ нимъ дѣлается, это государственная тайна,—тайна столь ужасная для невинныхъ.

На другой день, дѣйствительно, принесли Фаленбергу запросные пункты; ихъ было двѣнадцать, и на тѣ, по чистой совѣсти, не могъ онъ дать другаго отвѣта, исключая двухъ или трехъ, какъ нѣтъ и не знаю. Онъ ожидалъ, что его потребуютъ еще къ личному допросу или что скоро чѣмъ нибудь да рѣшатъ его судьбу; но дни, недѣли, мѣсяцы проходили, никто его не спрашивалъ; казалось, его забыли вовсе.

Душевныя и умственныя силы Фаленберга пришли въ разстройство; имъ овладѣли подозрительность и опасеніе; въ каждомъ человѣческомъ образѣ онъ видѣлъ себѣ врага, предателя или злодѣя. Въ томъ отдѣленіи казематовъ, гдѣ онъ былъ заключенъ, царствовала совершенная тишина; двое только изъ сосѣдей его часто пѣли, свистали дуэтъ, и одинъ изъ нихъ иногда въ слухъ читалъ Священное Писаніе. Убитый горестью, Фаленбергъ думалъ: Поютъ! Свищутъ! Не можетъ быть, чтобы это были такіе же несчастные, какъ я; вѣрно, это шпіоны! Но отъ меня нечего имъ узнавать и немного узнаютъ; буду нѣмъ какъ рыба. И дѣйствительно, я осудилъ себя на молчаніе, отказался отъ всякой пищи, три дня не полоскалъ даже рта, чтобы не пропустить капли въ горящій отъ жажды желудокъ; на четвертый, присланный лѣкарь, ощупавъ пульсъ, осмотря языкъ, который, какъ и весь ротъ, свидѣтельствовалъ о сильномъ внутреннемъ жарѣ, объявилъ, что я нездоровъ и долженъ принять лѣкарство. «Имѣете ли вы лѣкарства противъ душевной болѣзни?» спросилъ его Фаленбергъ, «а тѣлесно, по несчастію, я здоровъ».. Лѣкарь убѣждалъ принять микстуру для подкрѣпленія желудка (которая однако на другой день нераспечатанная возвращена имъ была фельдшеру, не имѣя въ ней надобности) и пищу, которую просилъ плацъ-маіора велѣть приготовить получше. Наконецъ лѣкарь, замѣтя изъ разговора и по письму Фаленберга, лежавшему на столѣ передъ его мнимо-больнымъ, о причинѣ его скорби, воспользовался симъ случаемъ, чтобы убѣдить его къ принятію пищи и сохраненію жизни для той, для которой онъ клялся существовать, и хитрый перекрестъ (имя его Гельканъ) не могъ избрать сильнѣйшаго средства къ убѣжденію его.

Услышавъ нечаянно, что плацъ-адъютантъ, приходившій ежедневно спрашивать о здоровьѣ, прозывается Трусовъ, Фаленбергъ вспомнилъ роковыя слова Раевскаго: poltron qui ne dira pas, и вывелъ заключеніе, что это не даромъ; вѣроятно, хотятъ шиканировать, напоминая о трусости. На полученномъ изъ Комитета пакетѣ онъ замѣтилъ отмѣтку карандашомъ: «Нев. 16» и тотчасъ замѣтилъ, что сдѣланы разряды, и онъ въ числѣ невинныхъ, хотя видѣлъ Неву въ окошко, и немудрено было догадаться, что отмѣтка значила: въ Невской куртинѣ № 16.

Такъ протекло время до Мая. Терпѣніе Фаленберга истощилось; горесть, отчаяніе, и особливо письма, получаемыя имъ отъ страдающей жены, которыми упрекаетъ она его въ равнодушіи къ ея горестному положенію, умоляя всѣмъ, что̀ для него священно, ускорить пріѣздъ, если не желаетъ свести ее въ могилу, внушили ему мысль опять подтвердить, что онъ зналъ объ умыслѣ на цареубійство и тре-

бовать очной ставки съ Барятинскимъ. Онъ думалъ ускорить этимъ рѣшеніе своей участи и написалъ въ Комитетъ, но его не требовали. Онъ рѣшился докучать чрезъ плацъ-маіора и плацъ-адъютантовъ, прося ихъ доложить, чтобы дали ему очную ставку. Прошло еще долгое время и, наконецъ, удовлетворили его желаніе, потребовали въ Комитетъ. Здѣсь г. Чернышевъ прочиталъ Фаленбергу его послѣднее показаніе, въ коемъ онъ подтверждаетъ о цареубійствѣ, и спросилъ, можетъ ли онъ подтвердить свое показаніе въ глазахъ Барятинскаго? Фаленбергъ поблѣднѣлъ и смутился, ибо онъ долженъ былъ поддерживать ложное показаніе и, что̀ болѣе еще, убѣждать другаго и вынудить на то его согласіе. Положеніе Фаленберга было затруднительно и, не зная на что рѣшиться, онъ произнесъ робкимъ голосомъ: «что именно не помнитъ, говорилъ ли ему Барятинскій объ умыслѣ на цареубійство».... Но тутъ г. Чернышевъ вывелъ его изъ сей нерѣшимости, сказавъ громкимъ и суровымъ голосомъ: «Какъ, милостивый государь, вы не помните; а вотъ ваше показаніе, вами подписанное» (указывая на бумагу, которую держалъ въ рукѣ); «еще васъ спрашиваю, можете ли вы уличить Барятинскаго?»—«Могу», произнесенное съ сокрушеннымъ сердцемъ, былъ весь его отвѣтъ. Его вывели въ другую комнату, призвали Барятинскаго, который сильно защищалъ справедливость, говоря, что никогда онъ не сообщалъ Фаленбергу о намѣреніяхъ общества, а тѣмъ паче о цареубійствѣ. Г. Чернышевъ, полагая, что Барятинскій упорствуетъ въ признаніи истины, сказалъ: «Неужели вы думаете, что Фаленбергъ показалъ ложно самъ на себя? Этого быть не можетъ; вы упрямствуете, и онъ васъ уличитъ въ томъ». (Эти подробности узналъ Фаленбергъ отъ самого Барятинскаго послѣ сентенціи).

Позвонили; аудиторъ, бывшій съ Фаленбергомъ въ другой комнатѣ, ввелъ его въ присутствіе Комитета, и тутъ заставили его уличать Барятинскаго. Можно легко представить удивленіе сего послѣднѣго, когда онъ услышалъ, что Фаленбергъ самъ, на свою пагубу, началъ убѣждать его, чтобы подтвердилъ сдѣланное имъ показаніе, увѣряя и съ жаромъ, что дѣйствительно слышалъ отъ него о цареубійствѣ. Барятинскій долго упорствовалъ, утверждалъ, что не говорилъ ему ничего подобнаго и когда Фаленбергъ настаивалъ все таки на своемъ, Барятинскій, чтобы сбить Фаленберга, спросилъ: «Ну, когда такъ, то гдѣ, когда и какими словами я вамъ говорилъ?» Фаленбергъ, заикаясь, называлъ мѣсто и время, какія ему первыя попались на умъ, а слова повторилъ тѣже самыя, которыя въ письменномъ показаніи его значились. «Неправда!» вскрикнулъ Барятинскій, «все выдумано!!!» Но когда Фаленбергъ, съ примѣтнымъ огорченіемъ, подойдя къ нему, сказалъ: «Полно, Барятинскій, нечего дѣлать, надо признаться», Барятинскій взглянулъ на него съ сожалѣніемъ и досадой, пожалъ плечами и, обратясь къ Комитету, сказалъ: «можетъ быть, вѣроятно я забылъ». Для Комитета было этого достаточно; г. Чернышевъ, велѣвъ подать Фаленбергу бумагу, сказалъ: «подпишите», и его отвели обратно въ казематъ.

Послѣ сего ратованія на собственную свою погибель, Фаленбергъ писалъ къ Великому Князю Михаилу Павловичу и просилъ о ходатайствѣ у Государя во уваженіе своего чистосердечія; писалъ потомъ къ самому Государю, описывалъ положеніе своей жены, упоминалъ о клятвѣ имъ данной и испрашивалъ помилованія, обѣщаннаго за искреннее признаніе.

Въ Іюнѣ мѣсяцѣ (1826) позвали его еще разъ въ Комитетъ и повели въ домъ коменданта, не наблюдая уже прежнихъ обрядовъ. Когда отворили ему дверь въ присутствіе, онъ увидѣлъ за столомъ уже совсѣмъ новыя лица. Ему показали его отвѣты и спросили только: «Вы ли это писали?» По утвердительномъ отвѣтѣ дали подписать заготовленную подписку и отпустили. Фаленбергъ не понималъ, что̀ это все значитъ, и такъ прошелъ еще почти мѣсяцъ мучительной неизвѣстности.

Наконецъ, 12 числа Іюля, поутру, онъ еще разъ услышалъ: «пожалуйте въ Комитетъ». Когда привели его въ комендантскій домъ, съ изумленіемъ увидѣлъ онъ, что туда собирали всѣхъ его товарищей, которые, послѣ шестимѣсячнаго одиночнаго заключенія, увидясь такъ нечаянно, радовались, обнимались, цѣловались, какъ бы избавясь отъ гибели. Тутъ въ первый разъ Фаленбергъ узналъ, что не въ Комитетъ уже ведутъ ихъ, но въ Верховный Уголовный Судъ для выслушанія сентенціи.

Въ числѣ такъ уже называемыхъ государственныхъ преступниковъ четвертаго разряда, Фаленбергъ введенъ былъ въ присутствіе. Онъ увидѣлъ множество первыхъ государственныхъ сановниковъ, въ полномъ парадѣ, членовъ Государственнаго Совѣта, сенаторовъ, военныхъ генераловъ, между коими были тѣ, съ которыми онъ служилъ на полѣ чести 1812—1813—1814 годовъ, а теперь видѣлъ ихъ своими судьями, министровъ и архіереевъ, и министра юстиціи за особымъ пульпетомъ, со свиткомъ въ рукахъ. По данному симъ послѣднимъ знаку, оберъ-секретарь громогласно началъ читать сентенцію и въ концѣ особенно внятнымъ голосомъ произнесъ: лишить чиновъ и дворянства и сослать въ каторжную работу на 15 лѣтъ, а потомъ на вѣчное поселеніе въ Сибири. За симъ тотчасъ прочтена конфирмація, въ концѣ коей сказано было, что Государь Императоръ, по милосердію своему, время каторжной работы сбавилъ на 12 лѣтъ. При выходѣ изъ присутствія увидѣли въ передней комнатѣ священника, доктора и фельдшера, но пособіе ихъ оказалось ненужнымъ.

На другой день, 13 Іюля, едва разсвѣло, всѣхъ вывели на экзекуцію, которую и исполнили въ разныхъ кареяхъ, предъ фронтомъ нѣсколькихъ гвардейскихъ полковъ. Послѣ сентенціи всѣхъ перемѣстили въ другія отдѣленія и номера. Фаленберга отвели въ Алексѣевскій такъ называемый равелинъ.

Спустя нѣсколько дней, Фаленбергъ потребовалъ пастора, желая пріобщиться Св. Таинъ. Къ нему явился ученѣйшій пасторъ Рейнботъ, сочинитель прекраснаго катехизиса Лютеранскаго исповѣданія. Принявъ изъ рукъ его св. дары, Фаленбергъ, со всею откровенностію разсказалъ ему всю свою исторію и объяснилъ причины, почему вынужденъ былъ ложно обвинить себя. Рейнботъ слушалъ съ примѣтнымъ участіемъ и удивленіемъ и наконецъ не могъ не воскликнуть: «Неужели это правда?»—«Помилуйте, сказалъ Фаленбергъ, я христіанинъ и, какъ бы мала вѣра моя ни была, но я сейчасъ только принялъ тѣло моего Спасителя; могу ли я въ эту минуту прибѣгать ко лжи?» — «Das ist schreklich [1]», вскричалъ пасторъ, «не повредили ли вы вашимъ показаніемъ Барятинскому?» «Не знаю; но не думаю», отвѣчалъ Фаленбергъ. Пасторъ, пожавъ плечами, вскорѣ потомъ ушелъ. Служитель вѣры Того, Кто пострадалъ за грѣшный

[1]) Это ужасно.

родъ человѣческій, не осмѣлился и помыслить возвысить голосъ свой въ защиту невинности!!

Потерявъ жену (она вышла за другаго), онъ потерялъ все, что̀ имѣлъ. Лишенный честнаго имени, онъ влачитъ горестную свою жизнь уже 15 лѣтъ въ душевныхъ страданіяхъ и не въ силахъ заглушить гласъ совѣсти, взывающій къ нему ежеминутно: самоубійца!

II *).

Послѣ объявленія приговора, въ числѣ уже всѣхъ осужденныхъ, томили и его еще полгода заключеннаго въ Петропавловской крѣпости на арестантскомъ содержаніи. По высочайшему соизволенію разрѣшено было арестантамъ свиданіе съ родственниками, каждому два раза въ недѣлю по одному часу въ присутствіи плацъ-адъютанта. Къ Фаленбергу приходилъ братъ его жены Раевскій (прапорщикъ Преображенскаго полка). Горестно было для обоихъ первое свиданіе, въ которомъ Фаленбергъ разсказалъ своему шурину со всею откровенностію свое пагубное самообвиненіе, прося довести до свѣдѣнія жены всю истину его процесса. Отъ шурина же Фаленбергъ узналъ, что, послѣ обнародованія приговора осужденнымъ, дядя жены Фаленберга пріѣзжалъ въ Тульчинъ, откуда и привезъ больную къ ея матери въ Воронежскую губернію. Спустя мѣсяцъ или болѣе, Раевскій пришелъ опять къ Фаленбергу на свиданіе и сказалъ, что получилъ отъ матери письмо, въ которомъ она просила сказать Фаленбергу, что по случаю тяжкой болѣзни его жены, она, какъ мать, не рѣшается открыть ей истину о положеніи мужа, и что она спрашиваетъ его, не лучше объявить больной, что мужъ ея послѣ краткой болѣзни умеръ и что, по ея мнѣнію, это извѣстіе подѣйствуетъ менѣе на больную, нежели вѣсть о постигшемъ его несчастіи, которая неминуемо сведетъ ее въ могилу. Сначала это неожиданное предложеніе изумило несчастнаго Фаленберга; но, обдумавъ, что онъ, осужденный на политическую смерть, въ эту минуту готовъ бы былъ пожертвовать своею жизнію, чтобы спасти жизнь той, для которой принесъ въ жертву всю будущность своего земнаго поприща, онъ согласился, чтобы объявили женѣ о смерти его. Наконецъ 27-го Января 1827 года—замѣчательный для него день годовщины, въ который, 15 лѣтъ тому назадъ, 27-го Января 1812 года, онъ въ Петербургѣ же произведенъ былъ въ офицеры, присягалъ на первый чинъ въ дворцовой церкви и послѣ присяги былъ представленъ Государю Императору Александру Павловичу: тогда полный надеждъ блестящей будущности, а спустя 15 лѣтъ, того же числа, ровно въ полночь, обремененный нравственно, при чистотѣ своей совѣсти, тяжкимъ преступленіемъ и физически-тяжкими оковами, его повезли съ тремя товарищами, изъ Петербурга, фельдъ-егерь съ тремя жандармами въ Сибирь. Въ Читинскомъ острогѣ, куда свезены были постепенно всѣ государственные преступники, его товарищи (въ числѣ, кажется, 75 человѣкъ), несчастный Фаленбергъ долженъ былъ, кромѣ упрековъ собственной совѣсти, перенести всѣ упреки кн. Барятинскаго за взваленное на него ложное показаніе, которое, конечно, должно было усугубить его преступленіе и увеличить наказаніе. Барятинскій не могъ простить Фаленбергу до конца, и когда Фаленбергъ, по истеченіи срока работъ, отправлялся на поселеніе, онъ не

*) Писано позднѣе.

хотѣлъ съ нимъ даже видѣться и проститься. Ко всѣмъ упрекамъ Барятинскаго присоединилось еще горестное извѣстіе, что жена его, послѣ своего выздоровленія, вышла замужъ за другаго. Это извѣстіе, какъ ни слаба была надежда видѣться съ нею когда либо, увеличило его горесть. Онъ впалъ въ уныніе; но добрые товарищи, бравшіе живое участіе въ его положеніи, поддержали его нравственныя силы. Чтобы разсѣять его задумчивость, комендантъ генералъ-маіоръ Лепарскій позволилъ ему выходить (за конвоемъ) изъ острога для снятія на планъ Читы съ окрестностями, что онъ и исполнилъ инструментально, планшетомъ, имъ самимъ сдѣланнымъ. Въ 1830 году всѣ были переведены изъ Читы въ Петровскій заводъ. Срокъ каторжной работы, сокращенный въ разныя времена высочайшими манифестами, истекалъ для четвертой категоріи въ 1833 году, и Фаленбергъ былъ отправленъ на поселеніе, сначала въ Троицкій солеваренный заводъ, а потомъ переведенъ въ село Шушу, одно изъ самыхъ грустныхъ по безнравственности селеній Минусинскаго округа, гдѣ брошенъ одинъ, безъ всякихъ матеріальныхъ средствъ (въ послѣдствіи ему было назначено казенное вспоможеніе 200 рубл., а по приращеніи семейства 400 рубл. ассигн.) и подъ надзоръ пьянаго волостнаго головы, съ приказаніемъ не удаляться отъ мѣста жительства далѣе 30 верстъ и не болѣе, какъ на три дня съ билетомъ отъ головы или сельскаго старшины.

Положеніе Фаленберга сдѣлалось невыносимымъ. Тоска и уныніе, чтобы не сказать отчаяніе, овладѣли имъ совершенно. Совѣсть не давала ему покоя, упрекая его въ самоубійствѣ. Въ такомъ безотрадномъ положеніи была душа несчастливца, когда, услыша его горячія молитвы, Господь послалъ ему пастора-утѣшителя. Послѣ принятія св. таинъ, онъ сталъ спокойнѣе. Пасторъ, узнавъ о его положеніи, совѣтовалъ съ терпѣніемъ переносить свое несчастіе и возлагать всю надежду на Того, Который, пострадавъ за грѣхи всего рода человѣческаго, обѣщалъ спасеніе уповающимъ на Него. Полагая судьбу своего земнаго поприща окончательно рѣшенною, изгнанный изъ среды всего образованнаго міра, жить въ сосѣдствѣ полудикихъ Татаръ, посреди невѣжественныхъ, но хитрыхъ и пьяныхъ мужиковъ, перемѣшанныхъ съ преступниками-поселенцами, онъ принужденъ былъ сосредоточиться въ самомъ себѣ, жить отшельникомъ. Единственнымъ его утѣшеніемъ были немногія книги, привезенныя имъ съ собою изъ Петровскаго; новыхъ онъ не имѣлъ средствъ пріобрѣсти. Такъ протекало время въ однообразномъ безнадежномъ одиночествѣ.

Мысль умереть на чужбинѣ, между чужими, въ глуши Сибири, была, конечно, не отрадна. Онъ рѣшился сыскать себѣ подругу, которая не гнушалась бы имени государственнаго преступника, коимъ онъ оглашенъ былъ предъ свѣтомъ, согласилась бы раздѣлить его бѣдность и по смерти закрыть глаза несчастнаго изгнанника. Богъ помогъ ему найти такую подругу въ скромной и благородной, по благородству своихъ чувствъ, дѣвицѣ, дочери отставнаго казачьяго урядника. Въ 1840 году онъ женился и съ тѣхъ поръ не имѣлъ ни одного случая раскаяваться въ своемъ выборѣ. Спокойствіе души возвратилось незамѣтно, и мало по малу онъ забылъ все тщеславіе, всѣ суеты мірскія. Господь благословилъ этотъ второй бракъ дѣтьми; но съ приращеніемъ семейства увеличились потребности, а съ ними хлопоты жизни. Казеннаго пособія, хотя увеличеннаго до 400 рубл.

ассигн., было недостаточно для пропитанія себя съ семействомъ. Нужно было изыскать къ сему и другія средства. Но какъ раіонъ его дѣйствій ограничивался только 30-верстнымъ разстояніемъ, не имѣя достаточныхъ познаній въ агрономіи, а положиться на честность наемныхъ работниковъ-поселенцевъ было сомнительно, то и принужденъ былъ завести при домѣ, собственными трудами, небольшую табачную плантацію. Работая съ женою, а впослѣдствіи и съ дѣтьми, какъ Негръ, безъ устали, онъ могъ удовлетворять ограниченныя свои нужды.

Подраставшія дѣти присоединили къ хлопотамъ о ихъ пропитаніи, новыя заботы о ихъ воспитаніи. Пока они были въ маломъ еще возрастѣ, онъ могъ самъ имъ дать первоначальное образованіе; но мысль, что при ограниченныхъ своихъ средствахъ, онъ не въ состояніи помѣстить ихъ въ какое либо учебное заведеніе, а главное будущность ихъ, что послѣ его смерти они должны остаться несчастными сиротами въ такой безнравственной странѣ, чрезвычайно его безпокоили. Насталъ 1856 годъ, и все измѣнилось.

Это горестное событіе изложено мною, по чистой совѣсти, собственно для моихъ дѣтей, какъ единственное наслѣдство, которое злополучный ихъ отецъ могъ оставить имъ, чтобы разительнымъ своимъ примѣромъ предостеречь ихъ отъ гнуснаго порока лжи и показать имъ, какъ грѣшно предъ Богомъ, какъ опасно отступать отъ правды, какъ пагубна можетъ быть первая ложь, влекущая за собою неминуемо другую, третью и, наконецъ, можетъ вовлечь и маловиновнаго подъ тяжкое наказаніе.

*

Записки Фаленберга напечатаны съ подлинной его рукописи, сохранившейся у сына его Ѳедора Петровича Фаленберга, который сообщилъ намъ слѣдующія дополнительныя свѣдѣнія о родителѣ своемъ.

Петръ Ивановичъ Фаленбергъ, сынъ ученаго Саксонскаго уроженца, вызваннаго княземъ Потемкинымъ для заведенія суконныхъ фабрикъ, родился въ Ригѣ въ 1790 году и окончилъ образованіе въ Лѣсномъ Институтѣ въ 1811 году. Вторая его супруга была Анна Ѳедоровна Соколова, казачка Саянской станицы, Минусинскаго округа. Въ 1858 году П. И. Фаленбергъ поселился въ Подольской губерніи, гдѣ управлялъ имѣніями Куликовскаго. Скончался въ Бѣлгородѣ 13-го Февраля 1873 года и похороненъ въ Харьковѣ. П. Б.

Къ исторіи покоренія Кавказа.

Письмо изъ отряда, дѣйствующаго за Кубанью [1]).

Октября 24-го дня, 1834 года.
Берегъ Чернаго моря.

Ура, мы въ Гиленджикѣ! Мы штыками проторили дорогу отъ Кубани до Чернаго моря, сквозь неприступныя доселѣ ущелія, чрезъ подоблачные хребты, подъ градомъ пуль и стрѣлъ, и камней, и картечей!

Могущее слово Николая набросило намъ мостъ на пропасти, сгладило горы въ уровень. Великая мысль увѣнчалась великимъ исполненіемъ: безстрашный вождь нашъ наступилъ твердой стопою на гнѣздо самыхъ дерзкихъ и воинственныхъ грабителей Черноморья.

Вы не сыщите Гиленджика на картѣ; можетъ быть, вы не подозрѣваете его и на бѣломъ свѣтѣ. Эта крѣпость не болѣе 3-хъ лѣтъ вышла на Черкесскій берегъ, въ бухтѣ весьма удобной для рейда. Зоркое око Русскаго правительства вдали провидѣло пользу, которую можно будетъ пролить на линію и всѣ наши Закавказскія провинціи, обезпечивъ ихъ торговлею и мирными поселеніями, на мѣстѣ занятомъ теперь приморскими разбойниками, притонами Турецкихъ контрабандистовъ и горскими хищниками. Объ этихъ мѣрахъ взывало не только Отечество, но и человѣчество, и вотъ Гиленджикъ возникъ и разросся на страхъ и досаду окружнымъ горцамъ. Послѣ Анапы, то была первая ступень къ покоренію восточнаго берега Чернаго моря. И такъ цѣль настоящаго похода за Кубань была: избраніе удобнѣйшей дороги къ Гиленджику и постройка на ней крѣпостей, которыя бы служили звѣньями цѣпи должной оковать народы сосѣднія Черноморью и разъединить ихъ отъ воинственныхъ сосѣдовъ; точками опоры нашего военнаго и торговаго сообщенія между берегомъ Чернаго моря и Кавказскою линіею. Для этого, построивъ регулярную крѣпость [2]) на рѣкѣ Абинѣ, въ 40 верстахъ отъ

---

[1]) Письмо это было писано для обнародованія въ «Сѣверной Пчелѣ», какъ значится на своеручномъ подлинникѣ извѣстнаго А. А. Бестужева-Марлинскаго; но тогдашняя военная цензура почему-то не дозволила его къ печати. Мы получили его отъ наслѣдниковъ покойнаго Михаила Макс. Попова. *П. Б.*

[2]) Двойная рекогносцировка дороги сперва отъ Ольгинскаго укрѣпленія до Абина, потомъ отъ Абина до Великолагернаго (на Кубани) и обратно, вмѣстѣ съ безпрестанными перевозками провіанта и всѣхъ матеріаловъ, необходимыхъ для постройки крѣпости, земляныя работы и фуражировки для снабженія отряда и гарнизона сѣномъ, поглотили время отъ 26 Іюля до 10 Октября. Ежедневная война, съ тѣмъ сопряженная, будетъ предметомъ особой статьи.

Кубани, генералъ Вельяминовъ двинулся изъ лагеря по Абинскому ущелію съ 6000 войска, съ 28 орудіями [3]) и со всѣмъ боевымъ обозомъ, въ 5 часовъ утра, 10 Октября.

Казалось, сама природа пошла на брань за горцевъ и хотѣла отстранить насъ непогодою отъ желанія идти далѣе. Бурный ливень съ градомъ и вихремъ билъ прямо въ глаза до того, что кони подъ бичемъ упирались и обращались назадъ. Но такая буря, замедляя нашъ ходъ, помѣшала и сборищамъ и стрѣльбѣ Черкесовъ. Мы прошли $9\frac{1}{2}$ верстъ съ неважными схватками. Авангардъ посланъ былъ впередъ для того, чтобъ найдти и взять завалъ (какъ извѣстно стало черезъ лазутчиковъ) устроенный на дорогѣ. Мы нашли этотъ огромный завалъ пустымъ и покинули въ пеплѣ. Дождь лилъ волною всю ночь; солдаты всю ночь на пролетъ толпились вокругъ бивачныхъ костровъ.

На утро блеснуло солнце, и съ первымъ лучемъ его завязалось жаркое авангардное дѣло. Горцы какъ змѣи ползли со всѣхъ крутинъ и съ шашками кидались на нашихъ стрѣлковъ, но въ полчаса были выбиты изъ лѣсу штыками, развѣяны пушками съ полянъ, и мы по ихъ трупамъ, по тропамъ залитымъ кровью двинулись впередъ, вездѣ встрѣчаемые убійственнымъ свинцомъ, вездѣ сметая непріятеля долой съ утесовъ. Тяжко стонали горы отъ пальбы, отъ кликовъ битвы; всѣ ущелія дышали на насъ дымомъ и пламенемъ зажженыхъ врагами ауловъ, сѣна и проса: точно самъ адъ вырвался на землю. Павшій мракъ разлучилъ сражающихся. Мы ночевали на оружіи у воротъ въ тѣснину, при сліяніи рѣкъ Абина и Атаквафа.

Трудны были два предшедшіе дня, но разсвѣтъ оказалъ, что это были цвѣтки въ сравненіи съ тѣмъ, что̀ насъ ожидало. Конная тропинка, часто пересѣкающая ложе Атак[illegible] исчезала въ дремучемъ лѣсу. Грозныя скалы, заросші[illegible] колючкой, изрытыя потоками, недоступныя взору, не только стопѣ воина, вздымались справа и слѣва, и всѣ гребни были усѣяны, всѣ засады полны врагами, горящими жаждою мести и отличія, поклявшимися умереть, не пуская Русскихъ впередъ. Но что̀ невозможно для Русскихъ, предводимыхъ Вельяминовымъ? Звонъ топоровъ слился съ громомъ выстрѣловъ. Медленно подвигались мы впередъ, просѣкая и разрывая дорогу по дну ущелія, покупая боемъ каждую пядь земли и боемъ равнаго оружія, ибо артиллерія не могла досягать на гребни; со всѣмъ тѣмъ мы подвигались. Кровь лилась съ обѣихъ сторонъ, остервѣненіе Черкесовъ и мужество Русскихъ росли. Стрѣлковыя цѣпи наши карабкались по обрыву за корни деревъ, встрѣчая на каждомъ шагу засѣки и засады; стрѣлялись въ упоръ, дрались въ рукопашную. Раненые катились внизъ колесомъ, убитые стремглавъ падали въ пропасть. Наконецъ условный бой барабановъ съ обѣихъ высотъ возвѣстилъ авангарду, что на дорогѣ видѣнъ завалъ, а залпъ, встрѣчу намъ посланный, доказалъ это. Въ одинъ мигъ онъ былъ обойденъ и взятъ на ура; въ одну минуту разломанъ и срытъ съ корня. И вотъ передъ нами по крутой, голой скалѣ открылась конная тропинка; но раздалось «саперы впередъ» и черезъ 2 часа, вырубленная въ крѣпкомъ камнѣ дорога разостлалась подъ обозъ широкимъ и пологимъ

[3]) Въ томъ числѣ слишкомъ 2000 пѣшихъ Черноморскихъ казаковъ съ ружьями безъ штыковъ, около 600 артиллеристовъ и 300 саперъ, да 4 горныхъ единорога.

спускомъ, хоть сейчасъ перенести на Московское шоссе. А между тѣмъ непріятель не переставалъ дерзко напирать на авангардъ и аріергардъ. Съ неприступныхъ вершинъ порой летѣли картечи [4]) изъ ихъ орудій. Многіе стрѣлки были ранены каменьями и стрѣлами. Ужъ давно была ночь, когда мы стали, совершивъ пять верстъ пути. Переправа обоза черезъ Атаквафъ, по скользкому каменному дну, стоила невѣроятныхъ трудовъ и длилась за полночь.

Разсвѣлъ 4-й день. Перестрѣлка будто эхо отвѣтила на звонъ заревыхъ роговъ. Мы поднялись, и чѣмъ далѣе, тѣмъ непроходимѣе становилось ущелье. Горы сходились, будто грозя удушить насъ: лѣсъ заплеталъ дорогу терномъ. Мы должны были прорубаться сквозь чащу, срывать и заваливать спуски въ плитнякѣ, а между тѣмъ жаркій бой кипѣлъ кругомъ. Ура заглушало гиканье враговъ, ревъ артиллеріи покрывалъ перестрѣлку; но чуть минутный отдыхъ прерывалъ битву, удалыя Русскія пѣсни застрѣльщиковъ гремѣли по утесамъ Кавказа: смертный пиръ былъ у насъ не безъ гимновъ. Скажите, не весело ли драться и умирать впереди такихъ солдатъ! [5])

Такъ достигли мы до глубокаго котла, образованнаго перекресткомъ многихъ ущелій, въ ложѣ полуизсякшей рѣчки Шадо-гопсъ. Устроивъ на гребняхъ высотъ засѣки, мы стѣснились бивуаками у подножія хребта Маркочъ, раздѣляющаго насъ отъ приморья. Тяжелъ былъ горцамъ этотъ день пораженіями, не даромъ обошлась и намъ побѣда. Миръ павшимъ! Здравіе пролившимъ кровь свою!..

На утро, 14 Октября, разогнавъ гранатами съ окрестныхъ высотъ скопляющихся непріятелей, генералъ Вельяминовъ съ 4 батальонами пѣхоты и со всѣми вьючными лошадьми, на которыхъ посадили 70 раненыхъ, выступилъ на гору для развѣдки остальной дороги въ Гиленджикъ. Вообразите себѣ огромную сахарную голову, изрытую вдоль и поперегъ глубокими, лѣсистыми стремнинами: вотъ гора, на которую должно было намъ взобраться. Изо всѣхъ овраговъ на перекрестъ свистѣли пули, со всѣхъ вершинъ катили на насъ каменья; но, не смотря на это, не смотря на ужасную крутизну, мы въ 2 часа пути были уже на темѣ высочайшей изъ горъ поморья, и вотъ безграничное море со своими заливами, со своими зелеными, голубыми водами развилось панорамою подъ нашимъ взоромъ. Ярко блистало солнце, гордо плавалъ надъ нами орелъ и, казалось, любовался на новыхъ братьевъ своихъ... Какой-то безотчетный восторгъ овладѣлъ всѣми; войска кричали ура вождю своему, знамена шумѣли славу Русскому Государю. Каждый чувствовалъ, что Термопилы уже назади, что цѣль близка, что онъ свершилъ исполинскій подвигъ. О, это было великолѣпно, это было величественно, это было отрадно Русскому сердцу! Въ такія минуты забывались всѣ минувшіе труды, всѣ будущія опасности. Командующій войсками возвратился съ

[4]) Шапсуги и Натухайцы, нанятые Анапскимъ пашею дѣйствовать противъ Русскихъ, при послѣдней осадѣ оной, увезли въ горы 8 легкихъ орудій за недоплату имъ жалованья. Изъ этихъ-то орудій они стрѣляли по Абинскому лагерю и теперь. Впрочемъ недостатокъ снарядовъ и дальность разстоянія (изъ боязни потерять пушки) были причиною, что ихъ выстрѣлы мало намъ вредили. Впрочемъ есть убитые и раненые ихъ ядрами, нерѣдко мѣдными, и мелкою картечью.

[5]) Черезъ три года писавшій это самъ погибъ въ одинъ изъ такихъ походовъ. *П. Б.*

2-мя батальонами къ лагерю, чтобы съ утра начать разработку дороги черезъ хребетъ Маркочъ, предпріятіе, которое не ужаснуло лишь его, которое не одни горцы считали баснею. Мы же съ другими 2-мя батальонами и 2-мя горными орудіями, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Малиновскаго, спустились по крутому склону горы къ поморью противу Суджукской бухты, и къ 8 часамъ вечера, съ легкою перестрѣлкою, достигли желанной цѣли, т. е. крѣпости Гиленджика, гдѣ были встрѣчены гарнизономъ какъ братья, гдѣ мы нашли пріютъ и ласку, а наши раненые пособіе и покой.

Октября 16, поднявъ на вьюкахъ 5-ти дневный провіантъ для всего отряда и взявъ изъ Гиленджика 2 батальона, слѣдующіе по переформиркѣ къ Тенгинскому и Навагинскому полкамъ, да одинъ линейный Черноморскій, мы поднялись на гору и въ тотъ же день присоединились къ отряду. Гранаты горныхъ единороговъ держали непріятелей въ почтительномъ разстояніи.

Дорога, избранная начальникомъ войскъ, уже змѣей вилась въ гору по дну ручья. Работа кипѣла, камень горѣлъ подъ кирками; громады, взорванныя порохомъ, разлетались въ иверни, саперы творили чудеса [6]. Довольно сказать, что 20 числа разработка достигла до перевала горы, прозванной солдатами Вельяминовскою. На верху ея водрузили крестъ, найденный въ одномъ изъ ауловъ. Остатокъ забытой Черкесами христіанской вѣры, онъ возникъ предтечею побѣды креста надъ луною, вѣстникомъ обновленія этого края Русскими.

Тяжкая разработка въ живой скалѣ порохомъ и желѣзомъ производилась уже по спуску къ морю, когда артиллерія, паркъ и обозы поднялись на хребетъ не безъ усилій, но безъ ломки. Всѣ тяжести ночевали на горѣ.

22-го, сквозь тучи, летящія подъ ногами, колонна стала спускаться. Непріятели съ дальнихъ вершинъ съ отчаяніемъ глядѣли на нашъ торжественный ходъ: на славу Европы, вторгающейся въ Азію. Они убѣдились, что всѣ думы и предреканія ихъ о невозможности совершить этотъ страшный переходъ обратились въ ложь; что всѣ усилія ихъ отваги, возвышенной привычкою и познаніемъ мѣстности, остались напрасны передъ беззавѣтною храбростію Русскихъ... Безсильныя пули ихъ падали къ нашимъ ногамъ.

Генералъ Вельяминовъ, спустивъ при себѣ обозъ до полу-горы, поручилъ окончаніе г.-л. Малиновскому, а самъ, опередивъ отрядъ, къ ночи прибылъ въ Гиленджикъ. Войска со всею артиллеріею и тяжестями пришли на другой день въ 2 часа по полудни и стали бивуакомъ на эспланадѣ. Тихая доселѣ крѣпостца превратилась въ шумный станъ... Вездѣ веселыя толпы солдатъ и казаковъ, вереницы коней. Земля дымится огнями; по заливу снуютъ взадъ и впередъ ялики съ любопытными гостями военныхъ судовъ, гордо зыблющихся на якорѣ [7]. Все дышетъ военною беззаботностію, все радуется краткому отдыху послѣ Суворовскихъ трудовъ, а между тѣмъ все готовится къ новымъ подвигамъ, къ новымъ битвамъ. Черезъ два дня опять въ горы, опять подъ пули—Но о томъ потомъ. Вашъ и пр.

Александръ Марлинскій.

---

[6]) Въ помощь имъ придана была тысяча Черноморцевъ.

[7]) Теперь въ Гиленджикской бухтѣ стоитъ бригъ Фениксъ, катеръ Соловей и лугръ Глубокій. Послѣдній изъ нихъ повезетъ наши письма къ благословеннымъ берегамъ Россіи.

Письмо Ивана Владимiровича Лопухина.

(Род. 24 Февраля 1756 † 22 Iюня 1816).

Это письмо Ивана Владимiровича Лопухина, безъ обозначенiя года, должно быть отнесено ко времени Вѣнскаго конгресса. Проживая въ своемъ имѣнiи Ретежахъ, Орловской губернiи, Кромскаго уѣзда, И. В. Лопухинъ, какъ человѣкъ для своего времени весьма развитый, живо интересовался теченiемъ современной политики и не упускалъ съ тѣмъ вмѣстѣ изъ виду добровольно на себя принятой роли наставника и друга человѣчества. Неоднократно проявляя свои человѣколюбивые взгляды на поприщѣ служебной дѣятельности въ должности сенатора, онъ въ 1815 г. (то есть, за годъ до своей кончины) находитъ еще силы и время словесно и письменно бесѣдовать съ своими деревенскими сосѣдями и открывать и указывать имъ пути къ достиженiю истины, въ смыслѣ христiанскаго смиренiя, любви къ ближнему и преуспѣянiя въ «самосознанiи». Письмо найдено нами случайно, въ числѣ старыхъ писемъ, адресованныхъ къ Орловскому помѣщику Дмитрiю Лукьяновичу Бобарыкину, который, какъ и Лопухинъ, держался тогдашняго масонства. **Н. Барышниковъ.**

27 Iюля.

Ей Господи Царю, даруй ми зрѣти моя прегрѣшенiя и не осуждати брата моего!

Замедлилъ я отвѣчать или, правильнѣе сказать, умедлилъ въ удовольствiи писать къ вамъ, любезный и почтенный другъ Дмитрiй Лукьяновичъ, на послѣднее еще письмо ваше о старой матерiи. Занятъ былъ также письменными и дѣльно письменными недосугами и особливо сообщенiемъ объ утечкѣ вновь злодѣя, Эльбскаго бѣглеца. 22 числа прiѣзжалъ къ намъ обѣдать Петръ Ивановичъ—губернаторъ[1]) и привезъ объ этомъ слухи, а на другой день я получилъ о томъ же письмо отъ преосвященнаго [2]); къ нему писали. Ко мнѣ же изъ Москвы не пишутъ, а изъ Петербурга нѣтъ письма̀, да оттуда еще и нельзя было (получить). Однако несчастная эта правда и газетами подтверждается. Сверхъ того съ огорченiемъ занимался болѣзнiю давняго моего слуги и лучшаго писаря, Николая, котораго, бѣдняжку, и схоронилъ вчера.

Но что жъ и писать? О крестьянахъ истинно неправда. Я увѣренъ, что, и при обыскѣ бы, каждый изъ моихъ, отъ добраго сердца, назоветъ меня «отцомъ». Я въ чужiя, домашнiя дѣла вплетаться

---

1) Орловскiй губернаторъ Яковлевъ.

2) Досифей Ильинъ, изъ викарiевъ Старорусскихъ, 26-го Октября 1798 года назначенъ Орловскимъ епископомъ, 4-го Iюня 1817-го года уволенъ на покой съ пенсiей въ тысячу рублей и управляющимъ Трубчевскимъ Чолнскимъ монастыремъ.

неохочъ, только желаю, чтобы и въ твоемъ, мой любезный, домочадствѣ также отозвались. А ежели бы и побѣднѣе стали пока прежняго, то не боюсь зависти, послѣ того, какъ съ 18-ти душъ обошелся рекрутъ, да въ Вязьму сухари отвезли, кромѣ прочихъ податей. Въ обозныхъ я однако «дѣйствительно» имъ помогалъ не болтаньемъ, а «наличными», съ которыми критики мои не такъ-то охотно разстаются.

Еще что-жъ? Прочія статьи также мало заслуживаютъ вниманія отъ благомыслящихъ людей, какъ самый вашъ попъ Филиппъ, котораго и подѣломъ умница нашъ преосвященный не производитъ въ протопопы.

Развѣ сказать что нибудь о книгахъ? Исаковъ и Лосевъ сюжеты интересные, я и впередъ готовъ имъ давать книги. Первый, вашъ племянникъ, рекомендованъ вами, но еще вѣрнѣе для меня рекомендуется своими отзывами. Онъ же переводитъ такую книгу, при которой всякую ему давать можно. Лосева рекомендовалъ П. А. Болотовъ [3]; но я, по его же Лосева собственнымъ отзывамъ, также вѣрнѣе знаю о искренности его побужденія, которое, можетъ быть, при молодости буйной и не разъ гаснуть будетъ, однако истинное было и такое, котораго, можетъ быть, у инаго мнимо-работающаго до старости не было. Онъ же переводитъ уже Бема; онъ же всѣ тѣ книги, которыя я ему дарилъ, уже давно прежде читалъ у Болотова. А къ тому, какъ давно говорено, и того-то мы еще обработать не можемъ, что книги-то вѣдь печатаются тысячами и, по меньшей мѣрѣ, сотнями и въ лавкахъ продаются, ежели не на нашемъ, такъ на иностранныхъ языкахъ. Что-жъ тутъ, когда мы хотя маленько умненько поразмыслимъ? Впрочемъ, мой любезнѣйшій, это такая матерія, когда вы говорите поордenски, въ которой, какъ и въ прочихъ и учители ваши въ Орденѣ (которымъ бы подтвердить еще надобно) меня слушивались и слушаются. Вотъ вамъ искренно вся ложа наружу. Однако повѣрьте, что я предъ вами съ болѣзнію оправдываюсь. Лучше слыть виновнымъ; хотя для тѣхъ, кого винятъ, оно нехорошо. И истинно, ничто столько не оказываетъ гнилаго гнѣзда въ сердцѣ нашемъ, какъ охота корить другихъ и шарить въ глазахъ ближнихъ. Крайнее при томъ означаетъ невѣжество въ «самопознаніи». Наконецъ скажу, что какъ слишкомъ далеко, не по достоинствамъ, меня люди хвалятъ, такъ часто или иногда и корятъ напрасно; но я давно уже не безпокоюсь объ ихъ мнѣніяхъ, а желаю только угодить Богу и, вамъ сего же желая, есмь до конца жизни тотъ же Лопухинъ.

Вы уговариваете, чтобы я на васъ не досадовалъ. Помилуй меня Богъ! А дружески признаться, мнѣ смѣшно, что вы уже ни о здоровьѣ, ни о чемъ не пишете ко мнѣ постороннемъ. Какъ будто вамъ поручено только меня допрашивать? Виноватъ — смѣшно!

P. S. Тульскій архіерей [4]) прислалъ ко мнѣ всѣ свои проповѣди печатныя.

---

[3]) Сынъ автора Записокъ, извѣстный мистикъ, Павелъ Андреевичъ.

[4]) Амвросій Протасовъ, 10-го Января 1804 года, изъ архимандритовъ Юрьева монастыря, назначенъ Тульскимъ епископомъ. Умеръ въ 1831 году 1 Іюля, архіепископомъ Тверскимъ.

P. S. При семъ надобно вамъ сказать: и въ нашихъ лѣтахъ не поздно знать еще истину, что паденіями ни соблазняться, ни корить не должно. Безъ нихъ, по несчастію, нельзя. И часто иной упрекаетъ другаго паденіями, думая, что самъ идетъ; а онъ не только еще не начиналъ ходить, да и не знаетъ, какъ ходятъ.

Милости просимъ къ намъ на бесѣды, да на реваншъ.

Выдержка изъ частнаго письма въ Москву къ графинѣ Бальменъ *).

1.

О МЕДИКАХЪ ВЪ РОССІИ (ОТЪ ГРАФА С. Р. ВОРОНЦОВА).

Мобёжъ, 5 (17) Октября, 1817 г.

Нечего удивляться, что старшій братъ вашъ былъ тяжко боленъ, коль скоро глупецъ Нѣмецкій докторъ давалъ ему одни горячительныя средства. Такимъ леченьемъ можно уморить человѣка или довести его до изступленья. Мы просто наводнены всѣмъ, что только есть худшаго между Нѣмцами. Всѣ професора, послѣдователи Канта, выгнанные изъ Германскихъ университетовъ, по причинѣ ихъ безбожія и непонятной метафизики, приглашены иллюминатомъ графомъ Алексѣемъ Разумовскимъ на профессорскія каѳедры въ наши университеты, и эти господа извращаютъ умы нашихъ студентовъ. Также точно и Нѣмцы-доктора, захватившіе въ свои руки медицину въ Россіи, убиваютъ нашихъ добрыхъ соотечественниковъ, слѣдуя системѣ Брауна, который былъ докторъ безъ практики и съ головою не совсѣмъ въ порядкѣ. Лѣтъ 30 тому назадъ онъ издалъ въ Лондонѣ книгу о болѣзняхъ и выступилъ съ новой, совершенно безсмысленной системой; книга и система были опровергнуты. Умирая съ голода, по неимѣнію практики, онъ уѣхалъ въ Германію, гдѣ перевели его книгу, и тамъ свелъ съ ума всѣхъ молодыхъ докторовъ. Съ тѣхъ поръ эти Гиппократы морятъ своихъ соотечественниковъ и больныхъ изъ сосѣдняго народа, у котораго особенно развитъ вкусъ къ Нѣмцамъ. Я убѣжденъ, что деревенскій воздухъ, здоровая пища, прогулка, жизнь въ семьѣ и въ небольшомъ обществѣ скорѣе вылечатъ вашего брата и скорѣе прогонятъ его меланхолію, чѣмъ какое ни на есть зелье.

---

*) Графиня Марья Васильевна Бальменъ, урожденная Нарышкина, была во второмъ бракѣ за А. Д. Олсуфьевымъ.

ПОДПИСКА

НА

РУССКІЙ АРХИВЪ

ВЪ 1877 ГОДУ.

(ГОДЪ ПЯТНАДЦАТЫЙ).

Русскій Архивъ посвященъ историческому изученію нашего Отечества, преимущественно въ XVIII и XIX столѣтіяхъ.

Цѣна годовому изданію Русскаго Архива 1877 года, выходящаго, *по мѣрѣ отпечатанія,* двѣнадцатью тетрадями (изъ коихъ каждыя четыре тетради составляютъ особую книгу) или тремя книгами, какъ въ Москвѣ и Петербургѣ, съ доставкою на домъ, такъ и съ пересылкою гг. иногороднымъ подписчикамъ

ВОСЕМЬ РУБЛЕЙ.

Желающіе получать Русскій Архивъ въ 1877 году доставляютъ или высылаютъ **восемь** рублей, съ приложеніемъ четко-написаннаго мѣста своего жительства, *въ Москву, на Никитскій бульваръ, въ домъ Дюгамеля, въ Контору Русскаго Архива.*

Въ С.-Петербургѣ подписка на Русскій Архивъ принимается на Большой Морской, № 11, въ Главной Конторѣ газеты Русскій Міръ, гдѣ можно получать вышедшія тетради.

Отвѣтственность за исправную доставку принимается лишь въ томъ случаѣ, если подписка была сдѣлана въ вышеуказанныхъ мѣстахъ.

Заграничные подписчики платятъ въ Германію **10** рублей, въ Бельгію, Францію, Швейцарію и Италію **11** рублей.

За перемѣну адреса городскаго на иногородній платится 64 копѣйки, иногороднаго на городской—50 копѣекъ; городскаго на городской или иногороднаго на иногородній —10 копѣекъ.

Составитель и Издатель Русскаго Архива

Петръ Бартеневъ.

Русскій Архивъ будетъ выходить въ 1878 году на прежнихъ основаніяхъ.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1877. ИЗДАВАЕМЫЙ 10.

Петромъ Бартеневымъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

МОСКВА.
Типографія Лебедева, на Донской улицѣ, домъ Зоркиной.
1877.

Въ Конторѣ Русскаго Архива, въ Москвѣ, на Никитскомъ бульварѣ, въ домѣ Дюгамеля, можно получать оставшіеся экземпляры 1873—1876 годовъ Русскаго Архива

1873 ГОДЪ. КНИГА ПЕРВАЯ.

Біографія князя Г. Г. Орлова. — Письма о Франціи, **князя Куракина**, 1810 г.—Письма **Жуковскаго** о воспитаніи Государя Императора Александра Николаевича. — Письмо **жениха-Пушкина** къ его тещѣ.—Политическія записки **Ѳ. И. Тютчева**.—Записки **графа П. Х. Граббе**.—Записки **Н. И. Греча**.—Записки **графа І. И. Ростовцева**.—Записки **И. П. Сахарова**.—Записки **И. А. Шестакова**. Цѣна 4 рубля.

1873 ГОДЪ. КНИГА ВТОРАЯ.

Записки **Фокерода** о Петрѣ Великомъ. — Бумаги **П. А. Демидова**.—Е. И. Нелидова. — Донесенія изъ Франціи **графа А. И. Маркова**.—Записки о 1812 годѣ, **П. А. Тучкова**.—Записки **Фотія**.—Записки **А. Я. Стороженки**.—Воспоминанія **графини А. Д. Блудовой**.—Россія и Германія, статья **Ѳ. И. Тютчева**. — Выдержки изъ Старой Записной Книжки. Цѣна 4 рубля.

*

1874 ГОДЪ. КНИГА ПЕРВАЯ.

Письма **В. А. Жуковскаго** къ Императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ о первой молодости Государя Императора Александра Николаевича.—Пятьдесятъ писемъ **А. С. Пушкина** къ князю П. А. Вяземскому съ новыми стихами А. С. Пушкина.—Записки **Мессельера** о пребываніи его въ Россіи съ Мая 1757 по Мартъ 1759.—Письма **лорда Мальмсбюри** о Россіи въ царствованіе Екатерины II-й.—Записки **князя Ѳеодора Николаевича Голицына**.—Записки **Хршонщевскаго**.—Записки **Ильи Ѳедоровича Тимковскаго**. — Воспоминанія **графини А. Д. Блудовой**.—Уроки исторіи, статьи **Д. И. Иловайскаго** (Мнимые охранители). Съ гравированнымъ портретомъ князя В. Ѳ. Одоевскаго. Цѣна 4 рубля.

1874 ГОДЪ. КНИГА ВТОРАЯ.

Письма **Д. В. Волкова** къ Г. Г. Орлову о Петрѣ Третьемъ. — Письмо **Императора Павла** къ С. А. Колычову и тайный наказъ о переговорахъ съ Бонапартомъ.—Два письма **графа Н. И. Панина** къ его супругѣ въ Москву о первыхъ недѣляхъ царствованія Александра Павловича.—Два письма изъ Лондона отъ **графа С. Р. Воронцова** къ графу Н. П. Панину и къ императору Александру.—Записки **Н. И. Лорера**.—Семь стихотвореній **С. А. Соболевскаго**.—Ѳедоръ Ивановичъ Тютчевъ, статья **И. С. Аксакова**. Съ гравированнымъ портретомъ Тютчева. Цѣна 4 рубля.

*

1875 ГОДЪ. КНИГА ПЕРВАЯ.

Записки сенатора **Е. Ѳ. Фонъ-Брадке**.—Воспоминанія **графини Блудовой**.—Старая Записная Книжка.—Письма **императора Александра Павловича** къ князю Васильчикову. — Записки и бумаги **И. Б. Пестеля**. Цѣна 3 рубля.

1875 ГОДЪ. КНИГА ВТОРАЯ.

Сказаніе о Коліевщинѣ **М. А. Максимовича**.—Бумаги **князя Васильчикова**.—Старая Записная Книжка.—Москва въ 1812 году, сочиненіе **А. Н. Попова**. Цѣна 2 рубля.

1875 ГОДЪ. КНИГА ТРЕТЬЯ.

Москва въ 1812 году. Сочиненіе **А. Н. Попова**.—Записка **графа Ростопчина** о Мартинистахъ. — Первоначальное образованіе Петра Великаго.—Бумаги **Жуковскаго и князя Васильчикова**. Цѣна 3 рубля.

*

1876 ГОДЪ. КНИГА ПЕРВАЯ.

Автобіографія **графа С. Р. Воронцова**. Опала **графа Н. П. Панина** при Павлѣ. Вѣсти изъ Россіи въ Англію (Письма **графа Ростопчина**. 1791—1796). Политическая автобіографія **князя Ада-**

Письма княгини Екатерины Николаевны Орловой.

(1776).

О кратковременномъ супружествѣ знаменитаго князя Григорія Григорьевича Орлова извѣстно весьма немного, и личность княгини Орловой (1758—1781) представляется въ какомъ-то туманѣ. Ея бракъ съ своимъ двоюроднымъ братомъ, который былъ гораздо старше ея лѣтами, представляется чѣмъ-то загадочнымъ. Задумалъ ли князь Орловъ жениться на дѣвицѣ Зиновьевой вслѣдствіе любви и дѣйствительнаго увлеченія ею, или въ силу оскорбленнаго самолюбія и пошатнувшагося положенія при дворѣ Екатерины: кто знаетъ! Но бракъ этотъ былъ цѣлымъ событіемъ въ придворной жизни Екатерининскаго царствованія, и героиня романа возбуждаетъ къ себѣ невольное любопытство. Имѣя въ рукахъ нѣсколько писемъ княгини Орловой, извлеченныхъ нами изъ Витебетскаго архива (съ дозволенія покойнаго владѣльца этого архива, Степана Васильевича Зиновьева), мы полагаемъ, что они будутъ прочтены не безъ интереса и, быть можетъ, уяснятъ нѣкоторыя стороны въ характерѣ княгини, до сего времени оставшіяся мало или вовсе неизвѣстными. Письма эти писаны княгинею къ брату ея, Василью Николаевичу Зиновьеву. Намъ удалось разобрать крайне-небрежный почеркъ Французскихъ подлинниковъ, и мы представляемъ ихъ въ переводѣ. Надо замѣтить, что бракъ князя Орлова, смутившій совѣсти современниковъ, какъ одинъ изъ первыхъ въ Россіи между двоюродными, и при томъ бракъ такого человѣка, который нѣкогда долженъ былъ жениться на самой императрицѣ, состоялся въ Іюнѣ 1776 года. О князѣ Орловѣ читатели «Русскаго Архива» (1873) имѣютъ большую статью г-на Барсукова; о семействѣ же Зиновьевыхъ и о Витебетскомъ архивѣ см. сообщенныя нами свѣдѣнія въ Р. Архивѣ 1870 и 1872 годовъ.

Н. Барышниковъ.

1.

Петербургъ, 23 Марта 1777 года.

Я имѣла удовольствіе получить ваше письмо отъ 23 Марта. Вы очень несправедливы, думая, что ваши совѣты могутъ меня разсердить. Нѣтъ, мой дорогой; напротивъ, я прошу не оставлять меня вашими совѣтами или уроками, какъ вы ихъ называете, потому что они очень разумны. Не смотря на то, что вы болѣе разочарованы жизнію, нежели я, но вы гораздо благоразумнѣе и осторожнѣе меня и умѣете лучше меня судить о вещахъ; слѣдовательно дружба, которую вы ко мнѣ чувствуете, безъ сомнѣнія, позволитъ вамъ говорить лишь о такихъ предметахъ, которые клонятся къ моему счастію и улучшенію моего положенія. Я затрудняюсь передать вамъ съ

точностію, насколько отъ всего сердца я была тронута и исполнена благодарности за всѣ доказательства вашей дружбы. Я васъ всегда любила, но теперь, признаюсь, что я полюбила васъ вдвойнѣ, и моя привязанность, душенька мой фрерушка [1]), безконечна. Вы черезчуръ добры, желая сообразовать вашъ пріѣздъ сюда съ моимъ рѣшеніемъ. Я полагаю, что ваше прибытіе крайне необходимо, потому что, на основаніи предположеннаго плана, я должна 10-го Мая ѣхать въ Гатчину [2]), и коль скоро васъ здѣсь не будетъ, я полагаю, что эта моя поѣздка подастъ поводъ смотрѣть на нее неблаговидно, какъ на дѣйствіе недостаточно приличное, въ случаѣ, еслибы я поѣхала одна, то есть безъ родныхъ. Съ вашей ловкостью вы должны необходимо привесть съ собою «несноснаго», но къ несчастію необходимаго (?). Пожалуйста напишите мнѣ, какъ только получите это письмо и увѣдомьте, можете ли, не затрудняя себя, пріѣхать; а также и Александръ [3]), на котораго я сердита за то, что не отвѣчаетъ мнѣ.

Князь [4]) болѣе недѣли не выѣзжаетъ. Онъ, слава Богу, не опасенъ, но только хвораетъ; что же касается меня, то я уже два дня какъ нездорова и чрезъ силу могу писать, находясь въ постелѣ. Я не видала князя, хотя каждый день бываю у него; я полагаю, что если ему позволятъ выѣзжать, онъ будетъ у меня [5]). Я его люблю болѣе, нежели когда нибудь его любила и, по милости Всемогущаго, я очень счастлива. Для насъ обоихъ недостаетъ только васъ. Вы, пожалуй, скажите, что я глубоко заблуждаюсь и подумаете, что я его не люблю. Я неизмѣнчиваго характера, но обо всемъ судятъ по себѣ; почему онъ и думаетъ, что я его болѣе не люблю, а я просто не хочу его безпокоить своими письмами. Прощайте, мой фрерушка; скажите другому фрерушкѣ, что я прощу его, если онъ скоро мнѣ напишетъ. Цѣлую васъ обоихъ; еще прощайте. Пишите ко мнѣ и не говорите, что я лѣнивая.

Записочка князя Орлова.

(порусски).

(Безъ числа и года).

Государи мои А. и В. Николаевичи! Благодарствую за ласку вашу ко мнѣ и за любовь, которую вы къ сестрѣ вашей являете, вамъ благодаренъ и, найдя случай все сіе сказать, скажу, что я всегда остаюсь вашъ покорный слуга

Вашъ Г. Орловъ.

---

[1]) Такъ писано въ подлинникѣ Французскими буквами.

[2]) Принадлежавшую тогда князю Орлову.

[3]) Александръ Николаевичъ Зиновьевъ, старшій изъ братьевъ княгини Екатерины Николаевны Орловой.

[4]) То есть князь Орловъ.

[5]) Бракъ князя Орлова считался незаконнымъ, такъ какъ супруги были между собою двоюродные и преслѣдовался церковною властью. Карабановъ свидѣтельствуетъ, что дѣти ихъ рождались мертвыми. (См. Списки П. Ѳ. Карабанова, Спб. 1872, стр. 32).

Государынѣ моей Авдотьѣ Наумовнѣ [6]) мое нижайшее почтеніе и благодарность за родственное писаніе ея. Слава Богу здоровъ.

2.

Приписка княгини Орловой.

Дорогіе братья, душеньки мои, какъ предъ вами виновата! Умоляю, простите меня! Тысячу разъ благодарю тебя, мой дорогой Вася, за носовые платки; всѣ твои письма я получила, мой милый, и благодарю тебя за память. Я вполнѣ чувствую, мои дорогіе, всю мѣру вашего ко мнѣ горячаго участія. Не грустите: Всемогущій, моя единственная надежда и утѣшеніе, сохраняетъ меня отъ всѣхъ прекрасныхъ вещей или, лучше сказать, отъ всѣхъ гадостей, которыя распространялись на мой счетъ. Онъ моя единственная подпора и караетъ тѣхъ, кто противъ. Мы, слава Богу, въ наилучшихъ отношеніяхъ съ моимъ дорогимъ княземъ. Ради Бога пріѣзжайте, мои дорогіе друзья, къ Святой; умоляю тебя объ этомъ, мой милый Вася. Ты это можешь сдѣлать и привези Александра; постарайся такъ устроить свои дѣла, чтобы къ Святой быть здѣсь; не откажи мнѣ въ этомъ и привези также свою жену.

3.

Рига. Пятница, 8-го Марта (безъ года).

Дорогой братъ! Я въ Ригѣ, откуда пишу тебѣ, что люблю тебя всѣмъ сердцемъ. Весьма благодарна за твои ласки, хотя, въ твоихъ глазахъ, я ихъ и недостойна; но вѣрь, что на днѣ моего сердца не такъ, потому что я тебя очень нѣжно люблю. Что же мнѣ дѣлать съ моей вѣтренностію и капризами? Клянусь, я Богъ знаетъ, что готова была бы сдѣлать, чтобы имѣть всегда ровное расположеніе духа. Этотъ недостатокъ пройдетъ, мой другъ, и я увѣрена, что настанетъ время, когда вы отдадите мнѣ справедливость и увидите, насколько мое сердце способно къ искренней дружбѣ. Прошу тебя, прочитавъ мой журналъ, передать его Марьѣ В. (?) Прощай, мой другъ, будь здоровъ, люби меня и молись за насъ Богу.

Сейчасъ получила отъ тебя письмо, за которое я у ногъ твоихъ. Благодарю тебя. Продолжай, мой милый, писать ко мнѣ и будь увѣренъ, что совѣты лица, столь дорогаго для меня, какъ ты, меня не огорчатъ. Какіе вы безсовѣстные, братецъ, хотя бы вы резону и не сказывали зачѣмъ вы не поѣхали, потому что тотъ (т. е. резонъ), который вы приводите, непростителенъ. Вы злой другъ; однакоже будьте увѣрены, что я васъ очень люблю. Еще разъ цѣлую васъ. Анну Осиповну [7]), голубушку мою, обнимаю, цѣлую и благодарю за память.

---

[6]) Теща князя Орлова.

[7]) Анна Осиповна Бобрищева-Пушкина была дружески знакома съ семействомъ Зиновьевыхъ.

Дневникъ графа Бобринскаго веденный въ кадетскомъ корпусѣ и во время путешествія по Россіи и за границею[1]).

1779.

9 Ноября, Вторникъ. Князь Орловъ спрашивалъ меня о моемъ здоровьѣ. Г-жа Рибасъ съ своею дѣвочкою и новою кормилицею приходила навѣстить мужа. Въ корпусѣ была опера.

10 Ноября. Рибасъ [2]) сказалъ мнѣ, что онъ подалъ просьбу объ отставкѣ, такъ какъ видитъ, что кадеты недовольны имъ. Между прочимъ онъ замѣтилъ, что Свѣчинъ, взойдя, тотчасъ ушелъ, увидавши его.

11 Ноября. Онъ мнѣ сказалъ, что мы поѣдемъ на волчью охоту.

12 Ноября. Свадьба Надежды Васильевны съ г. Измайловымъ [3]).

13 Ноября. Г. Ахвердовъ принялъ свою роту. Г. Рибасъ не ночевалъ ни въ Понедѣльникъ, ни во Вторникъ.

14 Ноября. Мы перебрались изъ прежняго помѣщенія въ новую квартиру. Я обѣдалъ дома; былъ въ Итальянской оперѣ съ Рибасомъ.

15 Ноября. Ничего не было кромѣ того, что, по словамъ Рибаса, князь Орловъ сказывалъ Ея Величеству о томъ, что я ничего не учусь и что г. Бецкій очень на то сердился.

---

[1]) Нижеслѣдующія извлеченія имѣютъ всю цѣну исторической подлинности. Это безъискусственныя повѣренія кадета, потомъ молодаго человѣка съ необыкновенною обстановкою, поставленнаго судьбою въ особенныя отношенія къ нѣкоторымъ главнымъ дѣятелямъ современной ему эпохи. Тутъ много мелочей, но посреди нихъ живыя и драгоцѣнныя черты того вѣка. Большая часть дневника переведена нами съ Французскаго подлинника; но иногда графъ Бобринскій дѣлалъ свои памятныя отмѣтки и порусски. Читатели припомнятъ въ прошедшемъ году Р. Архива (тетрадь 9-я) очеркъ жизни графа Бобринскаго, необходимый для оцѣнки этого дневника. П. Б.

[2]) Настасья Ивановна Рибасъ, воспитанница Бецкаго, отлично образованная и энергическая, но крайне сварливая женщина, принимавшая участіе въ возведеніи Екатерины на престолъ, жила у старика Бецкаго, въ его домѣ на Царицыномъ лугу (дворецъ принца Ольденбургскаго); а мужъ ея, красавецъ Осипъ Михайловичъ Рибасъ проживалъ въ Сухопутномъ Кадетскомъ Корпусѣ (на Невской набережной Васильевскаго острова), гдѣ онъ занималъ должность «цензора», а позднѣе «полицмейстера». Только старостью Бецкаго можно объяснить, какимъ образомъ такой человѣкъ какъ Рибасъ могъ очутиться воспитателемъ юношества; это въ родѣ Менщикова при царевичѣ Алексѣѣ Петровичѣ.

[3]) Павломъ Алексѣевичемъ. Это былъ первый бракъ племянницы князя Потемкина, урожд. Энгельгардтъ, впослѣдствіи Шепелевой, Надежды-«Безнадежной», какъ называлъ ее дядя за ея безобразіе.

16 Ноября. Мы были въ Итальянской оперѣ, гдѣ многіе кадеты играли новую оперу. Я обѣдалъ одинъ дома.

17 Ноября. Я обѣдалъ у Бецкаго. Я имѣлъ честь видѣть Ея Величество въ Эрмитажѣ. Г-жа Рибасъ очень хвалила Дурова за то, что онъ такъ хорошо играетъ въ трагедіи. Ея Величество повидимому въ довольно хорошемъ расположеніи духа. Г-жа Рибасъ разсказывала великому князю исторію г. Ж.

18 Ноября. Ничего не было, кромѣ того, что я опять началъ мои классы. Хорошо было кататься въ саняхъ. Ждали г-жу Рибасъ, но она не пріѣхала.

19 Ноября. Катался въ саняхъ. Нынѣшній день сняли мостъ. По рѣкѣ шло много льдинъ. У насъ обѣдалъ также г-нъ Росси. Онъ игралъ съ Рибасомъ и Ребиндеромъ, и Рибасъ проигралъ 150 рублей.

20 Ноября. Росси опять обѣдалъ и опять игралъ, и Рибасъ проигралъ 60 рублей.

3 Декабря. Рибасъ возвратился въ 6½ часовъ утра. Бецкій въ первый разъ посѣтилъ насъ въ нашемъ новомъ помѣщеніи. Между прочимъ онъ мнѣ сказалъ, что Ея Величество пожаловала 2000 руб. на мебели и что мы должны отправиться въ Эрмитажъ, чтобы имѣть честь видѣть Ея Величество.

4 Декабря. Ничего не было замѣчательнаго кромѣ того, что мы съ Рибасомъ ѣздили въ саняхъ къ Бецкому; мы были также у г-жи [4]). Бецкій назначилъ по Воскресеньямъ быть собранію родителей.

5 Декабря. Была Итальянская опера для кадетъ, гдѣ былъ его превосходительство г. Пурпура съ своей дочерью [5]).

6 Декабря. Была репетиція трагедіи, которую будутъ играть въ Воскресенье. Рибасъ мнѣ сказалъ, что я похожъ на сатира [6]). Онъ мнѣ сообщилъ, что князь Орловъ посылалъ къ Бецкому просить, чтобы ему пріѣхать посмотрѣть квартиру.

13 Декабря. Послѣ обѣда я былъ въ Эрмитажѣ, гдѣ имѣлъ честь видѣть Ея Величество и благодарить ее за подарокъ, который она изволила мнѣ пожаловать, послѣ чего мы были у дѣвицъ Энгельгардъ [7]), гдѣ и оставались, пока пришло время идти смотрѣть оперу «Лючину».

15 Декабря. Я обѣдалъ у Бецкаго съ Рибасомъ, и Рибасъ просилъ, чтобъ я написалъ слѣдующій примѣрный счетъ:

200 аршинъ шерстяной матеріи	100 р.
Билліардъ [8])	100 р.

---

[4]) Т. е. у Настасьи Ивановны Рибасъ.

[5]) Впослѣдствіи мать извѣстнаго литератора П. А. Катенина.

[6]) Какъ смѣлъ негодяй обижать любезнаго молодаго человѣка, котораго онъ самъ старался развращать. *Примѣчаніе Лехнера* (корпуснаго наставника преданнаго Бобринскому и впослѣдствіи жившаго у него въ домѣ).

[7]) Племянницъ Потемкина, жившихъ въ Зимнемъ дворцѣ.

[8]) Бѣсовскій менторъ (le mentor-infernal) добывалъ себѣ денегъ отъ своего воспитанника и отъ корпусныхъ офицеровъ. Проигрывая онъ не платилъ. *Примѣчаніе Лехнера.*

Два зеркала . . . . 60 р.
Бронзовыя ручки . . . . 66 р.
Разныя другія вещи . . . . 50 р.

словомъ, всего на 626 руб. Я позабылъ многое изъ этого счета. Бецкій далъ мнѣ 200 рублей.

20 Декабря. Рибасъ сказалъ мнѣ, что Ея Величество изволила мнѣ подарить 1000 рубл. и что мнѣ придется получить изъ этихъ денегъ только 800 рубл. Кадеты ходили въ Нѣмецкій театръ смотрѣть Русскую оперу «Несчастія Кареты». Ихъ было 10 человѣкъ съ г. Ахвердовымъ.

22 Декабря. Я обѣдалъ у г. Бецкаго; мы оставались до 6 часовъ, послѣ чего поѣхали въ Нѣмецкій театръ смотрѣть, какъ воспитанницы Воспитательнаго Дома играли порусски піесу «Игрокъ». Со мною былъ г. Болотниковъ.

1780.

29 Августа. Здѣсь былъ принцъ Прусскій. Передъ нимъ маневрировали, стрѣляли изъ лука, прыгали, волтижировали и проч. Была устроена карусель. Онъ ходилъ смотрѣть нашъ обѣдъ. Я также тамъ обѣдалъ [9]. Повидимому онъ былъ доволенъ. Тутъ былъ также принцъ Де-Линь съ своимъ сыномъ. Я видѣлъ господина Завадовскаго и въ первый разъ услыхалъ, что онъ собирается жениться [10].

30 Августа. 1780. Поутру я былъ у Бецкаго и поздравлялъ его съ праздникомъ Александра Невскаго. Кажется, что онъ очень недоволенъ вчерашнимъ днемъ [11]. Мадамъ Рибасъ обѣдала у насъ.

1 Сентября. 1780. Я гулялъ съ господиномъ Дельпоцо, и мы были на сахарномъ заводѣ господина Кавенаха (Cavenagh), послѣ чего мы ходили осматривать гошпиталь, который находится рядомъ съ сухопутнымъ гошпиталемъ морскимъ и умалишенныхъ.

1781.

23 Декабря 1781. Въ Корпусѣ былъ совѣтъ. Я находился въ числѣ тѣхъ, которые держали караулъ во время этого совѣта. Въ совѣщаніяхъ не происходило ничего особеннаго, только что господину Теклю велѣно сдать бумаги г-ну Фрейтагу, который на мѣсто его будетъ экономомъ. Нынче день рожденія нашего генералъ-директора [12], который сдѣлалъ мнѣ честь, пригласилъ меня къ себѣ на ве-

---

[9]) Изъ этого и изъ предъидущихъ счетовъ видно, что Бобринскій, хотя былъ кадетомъ, жилъ въ Корпусѣ особо.

[10]) Судьба графа Завадовскаго, который былъ однимъ изъ преемниковъ князя Г. Г. Орлова, должна была по этому самому занимать 18-лѣтняго Бобринскаго. Графъ Завадовскій женился лишь въ 1787 году (см. XII-ю книгу Архива Князя Воронцова).

[11]) Потому что принцъ Прусскій не обратилъ на него особеннаго вниманія; а онъ только и живетъ, что лестью и воображаетъ про себя, что онъ человѣкъ единственный, феноменъ. *Примѣчаніе Лехнера.*

[12]) Т. е. генерала Пурпуры.

черъ. Сверхъ обыкновенія, я не обѣдалъ у Бецкаго. Послѣ полудня я былъ на рынкѣ, гдѣ продаютъ свиней, потомъ у г-на Пурпуры, гдѣ ужиналъ и оставался до 2-хъ часовъ по полуночи. Меня благодарили за то, что я просилъ объ устроеніи брака между г. Ф. и дѣвицею З. Странно мнѣ было слышать эти благодарности, тогда какъ я тутъ рѣшительно не при чемъ. Я имъ сказалъ: «Мнѣ, право, кажется, что вы шутите и смѣетесь надо мною». На это они мнѣ возразили, что я говорю такъ изъ скромности; тѣмъ не менѣе имъ не удалось убѣдить меня, будто ихъ бракъ есть мое дѣло. На мое горе, въ ту минуту какъ я надѣвалъ перчатки и готовъ былъ начать танцы, дѣвица Лафонъ завела меня въ уголъ и не отпускала цѣлыхъ два съ половиною часа. Со слезами и вздохами разсказывала она мнѣ о своихъ несчастіяхъ, такъ что всѣ бывшіе въ залѣ не спускали съ насъ глазъ и могли думать, что я ей говорю какія-нибудь непріятности. Она не переставала твердить мнѣ, что она самое несчастное созданіе въ цѣломъ свѣтѣ и что другія (она разумѣла дѣвицу Звѣреву), не оказавшія никакихъ услугъ монастырю, тѣмъ не менѣе достигаютъ исполненія своихъ желаній. На это я замѣчалъ ей, что въ такомъ случаѣ и ея желанія должны будутъ исполниться. Она отвѣчала, что это правда и что графъ Р. уже третій, приводящій ее въ разочарованіе. Первый былъ графъ Мелинъ, а второй нѣкто Ливонецъ Белингсгаузенъ. Она разсказала мнѣ всѣ свои горести, которыя причиняла ей ея мать и надѣланные ею долги, что̀ и было причиною почему графъ отъ нея отказался. Я очень обрадовался, когда къ намъ подошелъ г. Пурпура и прервалъ нашу бесѣду вопросомъ, о чемъ она плачетъ. Я воспользовался этою минутою и ушелъ отъ нея, потому что эта бесѣда мнѣ крайне наскучила. На вечерѣ были три дѣвицы изъ монастыря съ Лафоншею, г-жа Толстая съ матерью, дѣвица Крузе и Беклемишева. Изъ мущинъ были многіе кадеты, Деболи, Поликарповъ, маіоръ Бороздинъ, Окуловъ, любовникъ г-жи Глинской и потомъ обыкновенные гости его превосходительства: Бутурлинъ, Рибасъ, Третьяковскій, Беклемишева и прочіе.

25 Декабря 1781 г. За обѣдомъ у Бецкаго были только: Рибасъ съ женою, я и дежурный Трубниковъ. Поутру у Рибасши былъ Бригонци [13]) и между прочимъ сообщилъ ей, что Государыня пожаловала ему 1400 рублей. По этому поводу Рибасша толковала о несправедливости Государыни, которая раздаетъ деньги всякимъ проходимцамъ, сколько они попросятъ, а если Бецкій станетъ ходатайствовать о какомъ нибудь достойномъ человѣкѣ, то на его просьбы не обращаютъ вниманія; что Государыня не платитъ собственныхъ долговъ и отсылаетъ заимодавцевъ къ князю Вяземскому, а тотъ говоритъ имъ: «господа, казна вамъ должна столько-то; удовольствуйтесь вотъ такою-то суммою», т. е. вдвое или втрое меньше того, что̀ они должны получить; или предлагаетъ имъ вмѣсто уплаты товары, желѣзо, ленъ и проч. По словамъ Рибасши, Государыня довѣряется лицамъ, кото-

[13]) У Храповицкаго подъ 11 числомъ Мая 1789: «Спрашивали о Бригонци, который вчера утонулъ».

рыя вовсе того не заслуживаютъ. Говорили объ архитекторѣ, строившемъ своды и потолки въ Царскосельскомъ дворцѣ, которые чуть было не задавили Государыню. Бецкій такъ недоволенъ, что хочетъ просить, чтобы его уволили отъ должностей въ Кадетскомъ Корпусѣ, въ Смольномъ, въ Академіи, въ Канцеляріи строеній и садовъ, и останется только попечителемъ въ Воспитательномъ Домѣ. Я, право, никогда не видалъ Рибасшу въ такомъ бѣшенствѣ, какъ въ этотъ день: она высѣкла дочь свою Софью [14]), и Аннушкѣ тоже досталось, потому что она ее била собственноручно. За обѣдомъ Бецкій былъ очень печаленъ; потомъ онъ поѣхалъ во дворецъ, а меня завезъ въ своей каретѣ въ Корпусъ. Въ этотъ день былъ большой балъ у дѣвицы Давіа; я узналъ нѣкоторыя подробности и привожу ихъ здѣсь. Роль хозяина игралъ Рибасъ. Оберъ-шталмейстеръ [15]) явился во всѣхъ своихъ бриліантахъ, съ орденскою лентою, въ шитомъ мундирѣ, съ придворною прислугою, не забылъ своего бриліантоваго эполета, словомъ, во всемъ свойственномъ ему блескѣ. Боже, когда же люди, имѣющіе возможность оказывать важныя услуги, перестанутъ дѣлать глупости и дурачества! Онъ со всѣми обнимался; онъ былъ пьянъ какъ свинья и кидался безпрестанно на шею къ пьяному же Бригонци. Тутъ были: Бибиковъ въ орденской лентѣ, Брандорфъ, Комачино, Брошаръ и прочіе. Они ужинали и пьянствовали какъ свиньи. О люди, люди, какъ вы развращенны!

28-го Декабря 1781 г. Нынче, въ первый разъ послѣ двухъ недѣль, Рибасъ обѣдалъ дома. Тутъ обѣдалъ также г-нъ Бутрингъ, который находится у графа Чернышева. Еще обѣдали графъ Робриссони, Манкарелли и Талани. За обѣдомъ много было спору о произношеніи нѣкоторыхъ Италіанскихъ словъ и употребляемыхъ терминовъ. Два раза правда была на сторонѣ г-на Скванчи; но тѣмъ не менѣе на него нападали. Я вмѣшался и сказалъ г-ну Вукасовичу: «но можетъ быть Скванчи правъ». Я сказалъ это безъ всякаго раздраженія, но тотъ отвѣчалъ мнѣ съ великимъ сердцемъ, чтобы я не вмѣшивался, что я ничего не знаю и, слѣдовательно, долженъ молчать. Замѣтьте, что это было сказано во всеуслышаніе. Я ему возразилъ, что такъ не отвѣчаютъ и что, если въ другой разъ онъ вздумаетъ такъ относиться ко мнѣ, я наплюю ему въ лицо. Онъ замолчалъ. Въ этотъ же день, поутру, въ дортуарѣ четвертой роты происходилъ другой споръ, но безъ меня. Дѣло шло о продажѣ земель. Г-нъ Ес. говорилъ, будто Государыня поторопилась продавать Бобриковскую землю г-ну Ладыженскому, будто за нее дали четверть настоящей стоимости, и тому подобныя глупости. Г-нъ Синс. также поддерживалъ этотъ слухъ. Такія глупости показываютъ, какъ легкомысленны эти господа и въ тоже время, какъ глупы.

[14]) Вышедшую впослѣдствіи за князя Михаила Михайловича Долгорукова (умершаго въ Верхотурьѣ въ 1841 году). Анна Осиповна Рибасъ была, если не ошибаемся, супругою Ивана Савича Горголи. Мужескаго законнаго потомства Рибасъ не оставилъ.

[15]) Знаменитый Левъ Александровичъ Нарышкинъ.

Въ тотъ же день былъ и еще довольно горячій споръ у Борисова съ Болотниковымъ. Мы послали за Палицинымъ, чтобы онъ вторилъ мнѣ, когда я буду играть на скрипкѣ, но онъ не захотѣлъ исполнить нашу просьбу. На вечеръ я былъ званъ къ К. Я поѣхалъ, но тамъ были заняты, стало быть я проѣздилъ понапрасну. Дѣвица Давіа провела вечеръ и ночь у Рибаса.

29-го Декабря 1781 г. Рибасъ не показывался до 2-хъ часовъ по полудни; онъ сказался больнымъ. Мы же ѣздили въ Смольный монастырь, на репетицію «Трехъ Женщинъ» и еще другой маленькой піесы. Слишкомъ полтора часа мы дожидались Бецкаго, который, наконецъ, появился, и начали съ маленькой піесы. Тамъ мы узнали, что дѣвица Звѣрева получила отъ Государыни въ подарокъ много платьевъ съ богатымъ шитьемъ. Дѣвица Лафонъ опять съ мною говорила и также плакала, какъ и у генерала Пурпуры. Всѣ Смольнянки, замѣтивъ это, стали между собою перешептываться. У насъ въ Кадетскомъ Корпусѣ была опера и произошло очень странное событіе. Давали піэсу г-на Астариты. Первая актриса, г-жа Урсини спѣла арію, которая понравилась публикѣ. Стали кричать «фора, фора». Олсуфьевъ-отецъ нашелъ весьма неприличнымъ, что осмѣливаются такъ кричать въ публичномъ театрѣ и въ его присутствіи, и началъ изо всѣхъ силъ кричать: tacete, asini [16]). Онъ нѣсколько разъ обращался съ такимъ восклицаніемъ къ партеру; ни одинъ человѣкъ не осмѣлился его остановить. Какъ я ни упрашивалъ въ Смольномъ, чтобы дали балъ, но все понапрасну.

30-го Декабря 1781 г. Рибасъ боленъ, что̀ воспрепятствовало мнѣ обѣдать у Бецкаго. Въ клубѣ у Апухтина былъ маскарадъ, на которомъ мы оставались до 2½ часовъ. Г-жа Толстая очень странно бесѣдовала со мною о братѣ своего мужа, который въ Москвѣ; она принималась толковать мнѣ объ этомъ отъ 5 до 6 разъ; по счастію я убѣжалъ отъ нея, но она меня поймала въ ту минуту, какъ я кончалъ кадриль, и мнѣ пришлось ¾ часа выслушивать отъ нея всякаго рода сѣтованія о томъ, что человѣкъ познается не тогда, когда онъ счастливъ, но во время невзгоды, что достоинство тѣмъ выше, чѣмъ терпѣливѣе умѣешь сносить несчастія и проч. Она такъ много говорила, что ей сдѣлалось дурно, чѣмъ я воспользовался, чтобы сыскать ей воды и убраться прочь. Въ маскарадѣ было много народа; гораздо больше, чѣмъ обыкновенно.

31-го Декабря 1781 г. Бѣлыя Смольнянки [17]), какъ и во всѣ годы, провели канунъ новаго года у Бецкаго. Мы тамъ не были.

1782.

1-го Января, 1782 г. Я, Свѣчинъ, Болотниковъ, Цызыревъ и Ушаковъ и многіе наши офицеры ѣздили съ визитами ко многимъ господамъ. Мы были у Апухтина, который сдѣлалъ мнѣ честь, пригласилъ меня обѣдать. Тамъ не было ничего особеннаго; только его

---

[16]) Т. е. молчите, ослы.

[17]) Т. е. носившія бѣлыя платья, старшихъ классовъ; нынѣ зеленыя.

переднія комнаты отдѣланы совершенно за ново. Отъ него мы поѣхали къ нашему генералъ-директору; потомъ были у генералъ-прокурора, князя Вяземскаго, который поздоровался со всѣми и слѣдовательно и со мною. Послѣ этого мы были у фельдмаршала, князя Голицына, который также выходилъ къ намъ. Затѣмъ отправились мы къ Бецкому и слишкомъ $^3/_4$ часа дожидались его появленія. Мы были въ пріемной князя Потемкина и съ полчаса дожидались, пока онъ къ намъ вышелъ. Были мы и у господина Ланскаго, совершавшаго свой туалетъ. Я видѣлъ сего знаменитаго кавалера Сиреса (Cires); онъ съ виду весьма небольшой господинъ. Отъ него отправились мы ко двору въ кавалергардскую залу дожидаться выхода Ея Величества; но она вышла съ другой стороны, слѣдовательно я ея не видалъ. Однако я видѣлъ Катерину Васильевну Скавронскую, которая была очень хороша. Отъ двора поѣхалъ я къ Бецкому, гдѣ и обѣдалъ. Послѣ обѣда пріѣзжали его поздравлять Смольнянки, вышедшія изъ монастыря. За столомъ говорили о томъ, какъ жестоко обращаются въ Россіи съ людьми, а Рибасша признавалась, что она ненавидитъ Русскихъ и что не хочетъ скрывать этого. Это словоизверженіе было вызвано однимъ канцелярскимъ служителемъ, котораго выпороли за плутни. Мы были на парадномъ придворномъ балѣ и видѣли маленькихъ великихъ князей, танцовавшихъ польской. Въ этотъ день было большое производство въ Преображенскомъ полку и у кавалергардовъ. Апраксинъ спрашивалъ меня, справедливъ ли слухъ, что изъ кадетъ многіе поступятъ въ гвардію. Я отвѣчалъ, что ничего не знаю. «Стало быть это секретъ», сказалъ онъ. Нѣтъ, сказалъ я. Повидимому онъ былъ очень недоволенъ моими отвѣтами. Мы оставались на куртагѣ до конца. С. и Т. повышены чиномъ.

2-го Января 1782 г. Никогда я такъ не веселился, какъ въ нынѣшнемъ придворномъ маскарадѣ. Сначала я былъ безъ маски, а потомъ маскировался, такъ что меня узнать было нельзя. Я надѣлъ домино сверхъ моего голубаго платья. Мамзель Талызина пригласила меня къ себѣ на 12-е число. Я танцовалъ съ Т. Э. [10]). П. У. и А. А. злились на меня.

3-го Января 1782 г. Послѣ обѣда я имѣлъ счастье видѣть Государыню и поздравлять ее съ новымъ годомъ. Говорили о томъ о семъ, и между прочимъ рѣчь зашла о господахъ Б. и З. Государыня видѣла, какъ онъ гулялъ съ капельмейстеромъ Паисильономъ и, говорятъ, что она смотрѣла піесу, которую сочинилъ Б., очень плохую шутку. Рибасъ подтверждалъ, что это такъ. Я тоже съ этимъ согласенъ; но въ такомъ случаѣ зачѣмъ же Рибасъ одобрялъ его? А онъ именно заказалъ ему написать музыку на эту пьесу, наперекоръ поляку Вильке, который сочинилъ ее для г. Браницкаго и его супруги. Рибасъ разсказывалъ, что у него есть большой и подробный журналъ, въ которомъ всѣ корпусные описаны и въ которомъ содержится много правды, такъ какъ недостатковъ въ Корпусѣ много. Государыня

[18]) Татьяна Васильевна Энгельгардтъ.

отозвалась, что ей извѣстно объ его дружбѣ съ З. и пр. Рибасъ сказалъ, что есть кадеты, которые дрались съ Б.; между прочими онъ назвалъ г. Скоропадскаго, который былъ одаренъ рѣдкимъ умомъ и проницательностью. И З. и Б. присутствовали при всѣхъ этихъ разговорахъ. Мы поѣхали въ монастырь, на балъ къ Смольнянкамъ, но тамъ ничего не было. Дѣвицы 3-го возраста играли маленькую пьесу, потомъ шла опера «Три Фермера», а потомъ ассамблея для собравшихся родныхъ. Дѣвица Каменская [19]) много говорила мнѣ о своемъ путешествіи, о томъ, какъ князь любитъ меня и о смерти княгини [20]). Она пригласила меня къ себѣ обѣдать въ Пятницу. Я видѣлъ дѣвицу П. Г. Т.

4-го Января, 82. Меня приглашали на концертъ къ Хераскову, но я не поѣхалъ, потому что утромъ Рибасъ сказалъ мнѣ, что Государыня сердилась на Бецкаго, зачѣмъ онъ пускалъ меня въ новый годъ съ поздравленіями къ большимъ господамъ, и что, слѣдовательно, и нынѣшній день мнѣ нельзя быть у Хераскова. Я былъ на конскомъ бѣгу. Рибасъ говорилъ мнѣ о потерѣ, понесенной мною въ графѣ Роб. и что я долженъ стараться вознаградить ее и отваживаться еще чтобы получить назадъ.

5 Января, 1782. Ничего не было. Рибасъ обѣдалъ дома. Былъ гр. Р. вечеромъ; я игралъ и выигралъ восемь партій въ гаммонъ (au gammon).

6 Января, 1782. Большой праздникъ. Я обѣдалъ у Бецкаго, гдѣ обѣдали также камергеръ Мятлевъ, княгиня Репнина съ дочерью, Ржевскій съ женою, дѣвица Рубановская. Шуваловъ пріѣхалъ, когда мы были за столомъ. За обѣдомъ много говорили о разныхъ предметахъ. Тутъ же обѣдалъ Талызинъ. Я былъ приглашенъ на нынѣшній день къ Апухтину, но пришлось отказаться: Рибасъ еще въ каретѣ говорилъ мнѣ, что Государыня рѣшительно не желаетъ, чтобы я принималъ эти приглашенія. Послѣ обѣда много говорили о театрѣ. Есть слухъ, что управленіе театрами отдадутъ господину Бауеру. Г-нъ Мятлевъ сдѣлалъ мнѣ честь говорить со мной о предстоящемъ намъ выпускѣ и о путешествіи, которое мы затѣмъ предпримемъ. Цызыревъ старшій былъ на ординарцахъ. Бецкій все время, что̀ мы тамъ были, сказалъ мнѣ только свою обыкновенную фразу: что̀ подѣлываете хорошаго? За столомъ было очень весело. Много говорили о разныхъ способахъ дергать зубы, и какъ дергаютъ ихъ внутри Россіи и по деревнямъ. Талызинъ разсказывалъ объ этихъ забавныхъ способахъ. Болотниковъ, Дуровъ, двое Раевскихъ были приглашены къ Апухтину. Борисовъ уѣхалъ къ своему отцу, Свѣчинъ къ брату, Арсеньевъ къ Державину, Сибилевъ къ Третьяковскому, Неклюдовъ и Корсаковъ къ Неклюдову, Чернушка-Дашаковъ къ отцу и многіе другіе. Долго бы было ихъ перечислять; но во всякомъ случаѣ, изъ Корпуса въ этотъ день выѣзжало не менѣе 25 че-

[19]) Пріятельница княгини Дашковой, которая съ нею вмѣстѣ путешествовала за границею.

[20]) Т. е княгини Е. Н. Орловой, скончавшейся въ Лозаннѣ, 16 Іюня 1781.

ловѣкъ. Я возвратился въ 4 часа домой. Ржевскій и жена его были еще на верху въ комнатѣ Бецкаго съ дѣвицею Рубановскою. Драхенфельсъ приходилъ къ Рибасу въ то время, какъ я возвращался отъ Бецкаго. Онъ хотѣлъ поговорить съ Рибасомъ, что при послѣднемъ производствѣ шесть человѣкъ обошли его въ полковничьемъ чинѣ и посовѣтоваться съ нимъ, какъ ему поступить. Поутру Рибасъ говорилъ о дѣлахъ Реада, которыя въ большомъ безпорядкѣ. По его словамъ, еслибы занимались какъ слѣдуетъ дѣлами, покуда онъ былъ въ Корпусѣ, то Реадъ былъ бы однимъ изъ самыхъ богатыхъ кадетовъ, тогда какъ теперь дѣла его чрезвычайно разстроены, и виноватъ въ томъ опекунъ его Каховскій, распоряжавшійся, Богъ знаетъ какъ, его землями и движимою собственностію, и просто ограбившій его. Государыня приказала выдать дѣвицѣ Звѣревой 3000 рублей. Цызырева посылали къ Олсуфьеву взять эти деньги. Соловой съ маленькимъ Закревскимъ былъ у Неклюдова.— Рибасша ѣздила въ театръ смотрѣть балетъ подъ названіемъ Донъ Жуанъ.

7-го Января 1782. Всѣ выѣзжавшіе вчера вернулись очень поздно, и каждый разсказывалъ свои похожденія и что̀ съ нимъ случилось. Рибасъ обѣдалъ дома. Мы сѣли за столъ ровно въ 3 часа. Вечеромъ заѣзжала Рибасша и вмѣстѣ съ мужемъ отправилась на придворный балетъ. Свадьба г. Фромандье назначена въ будущее Воскресенье. Я видѣлъ комнаты, которыя для того поспѣшно отдѣлываются. Слышно, что бракосочетаніе будетъ при дворѣ и даже въ Эрмитажѣ. Вчера я спрашивалъ у Рибаса, отчего въ Смольномъ не было бала. Онъ отвѣчалъ, что не знаетъ, а думаетъ, что помѣшала этому Лафонша.

8-го Января 1782 г. Рибасъ недоволенъ кадетами, которые, находясь эти дни у родныхъ, жаловались на него и называли виновникомъ всего, что̀ произошло въ Корпусѣ, такъ напр. они говорили, что онъ не допускаетъ въ Корпусъ офицеровъ Русскаго происхожденія, а самъ ежедневно играетъ въ карты и водится съ дѣвками, вовсе не заботясь о томъ, что̀ дѣлается въ Корпусѣ. Оно и правда. Лафонша, дочь ея, мадамъ Вотрень ходили смотрѣть комнаты невѣсты, убирали всѣмъ нужнымъ и оставались тамъ очень долго.

9-го Января 1782 г. Я обѣдалъ у Бецкаго, гдѣ были княгиня Вяземская, г-жа Таверо, дѣвица Рязанова. За столомъ только и рѣчи было что о Парижскихъ модахъ, привезенныхъ графинею Шуваловою. Дежурнымъ былъ Арсеньевъ. Свадьба Звѣревой съ Фромандье будетъ при дворѣ. Я спросилъ у Бецкаго 200 рублей изъ находящихся у него моихъ денегъ. Вчера и въ Пятницу дано было знать родителямъ кадетъ, что къ нимъ отпустятъ ихъ; поэтому всѣ были на готовѣ, какъ отъ Бецкаго послѣдовало распоряженіе никого не отпускать по причинѣ наступившей дурной погоды. 45 человѣкъ кадетъ, по приказу Рибаса, написали роднымъ записки съ извиненіемъ, что не могутъ быть за непогодою. Мнѣ очень любопытно знать, какъ примутъ въ публикѣ эту непослѣдовательность. Экипажи пріѣзжали и отправлялись назадъ съ извѣстіемъ, что кадетовъ

не отпускаютъ. Такъ было спроважено до 30 экипажей. Родители не хотѣли вѣрить, и экипажи съ людьми должны были опять ѣхать въ Корпусъ съ предъявленіемъ, что Рибасъ обѣщалъ отпустить кадетъ; но посланныхъ отсылали во второй разъ. Когда Звѣрева поѣхала въ Эрмитажъ къ бракосочетанію, со всѣми монастырками дѣлалось дурно.

10-го Января 1782 г. Въ Смольномъ былъ балъ по случаю свадьбы Звѣревой. Было очень скучно. На этомъ балу не чувствовалось оживленія, какъ на прежнихъ; былъ Пальменбахъ съ женою. Поутру я ѣздилъ къ новобрачной съ поздравленіемъ и встрѣтилъ у нея Катенину и ея мужа. Въ Смольномъ оставались до $11^1/_2$. Я возвратился на запяткахъ кареты. За ужиномъ я сидѣлъ возлѣ дѣвицы Цитиной. Много шутили на счетъ того, что я не такъ веселъ, какъ прошлые разы. Я видѣлъ г-на и г-жу Буксгевденъ и дѣвицу Алексѣеву. Онъ мнѣ сказалъ, что я долженъ написать поздравительное письмо съ новымъ годомъ, и что онъ берется доставить оное по назначенію. Бецкій былъ на балу; но Рибаса и жены его не было: онъ сказался больнымъ. Вчера отъ г-жи Талызиной присланы пригласительные билеты кадетамъ и мнѣ.

11-го Января 1782 г. Рибасъ обѣдалъ дома. Онъ принесъ мнѣ отъ Бецкаго 200 рублей, половину золотомъ, другую половину ассигнаціями. Онъ приглашенъ къ маркизу Вераку на ужинъ. Кадетамъ 1, 2 и 3 возрастовъ приказано, чтобъ они приготовились играть комедію въ присутствіи маленькихъ великихъ князей. По словамъ служанокъ Звѣревой, въ Смольномъ много смѣялись надъ дѣвицею Ратевой, называя ее Бобринскою. Я написалъ и послалъ письмо.

12-го Января 1782 г. Мы не были у г-жи Талызиной. Поутру, возвратившись отъ Бецкаго, Рибасъ сообщилъ, что никого изъ кадетъ до выхода изъ Корпуса не будутъ отпускать къ роднымъ. Въ Апухтинскій клубъ отосланы назадъ билеты съ извиненіемъ отъ кадетъ, которые не могутъ ими воспользоваться, такъ какъ Бецкій получилъ отъ Государыни повелѣніе, воспрещающее кадетамъ принимать приглашенія. Рибасъ обѣдалъ дома. Много говорили о духахъ и о подобныхъ исторіяхъ. У Рибаса обѣдалъ подполковникъ Тамара.

13-го Января 1782 г. Я обѣдалъ у Бецкаго. Входя къ г-жѣ Рибасъ, я чувствовалъ себя не очень хорошо. Она жаловалась на то, что Государыня очень обижаетъ Бецкаго, что по словамъ Государыни домъ г-жи Талызиной есть распутное мѣсто и пр. За обѣдомъ были новобрачные Фромандье и докторъ. У Апухтина въ клубѣ былъ маскарадъ; было много, но мы не были. Кадеты повторяли порусски Севильскаго Цпрюльника. Играно довольно хорошо. Я тамъ былъ.

14-го Января 1782 г. Рибасъ притворился, что у него болитъ горло и обѣдалъ дома въ халатѣ. Вечеромъ я былъ на придворномъ спектаклѣ; шла Итальянская опера La finta amante. Поутру приходилъ Гермейеръ, предлагалъ мнѣ купить ружей и пистолетовъ. Я осматривалъ одно ружье и пару пистолетовъ; не очень важные.

15-го Января 1782 г. Въ Корпусѣ былъ спектакль; играли Севильскаго Цирюльника кадеты четвертаго возраста: Макуловъ, Бехтеевъ, Бергъ, Рокасовскій, Симанскій, Алединскій и Прыгуновъ. Прежде чѣмъ отправиться въ спектакль, Рибасша пошла къ больному мужу. Я вошелъ случайно и хотѣлъ уйти; но уже было поздно: мнѣ пришлось не оставлять ея одну, вести ее къ г-жѣ Фромандье, пробыть тамъ съ нею полчаса и потомъ ѣхать назадъ за ея каретою. Олсуфьевъ-отецъ просилъ у Бецкаго позволенія брать къ себѣ сына по Воскресеньямъ. Бецкій соглашается, и черезъ нѣсколько времени спрашиваетъ у Скванчи: кто дежурный? Тотъ отвѣчаетъ, что Апраксинъ. Бецкій говоритъ, чтобы на мѣсто Апраксина дежурнымъ былъ Олсуфьевъ, который на завтра будетъ свободенъ и можетъ отправиться къ отцу. Привожу это обстоятельство по причинѣ его странности. Если бы, дѣйствительно, сама Государыня приказала не выпускать насъ изъ дому въ теченіи двухъ мѣсяцевъ, которые намъ остается еще прожить въ Корпусѣ, то Бецкій ни на минуту бы не задумался рѣшительно отказать Олсуфьеву и объявилъ бы на отрѣзъ, что велѣно никого не отпускать. Ну, а если случайно откроется, что Государыня тутъ ни при чемъ, и что распоряженіе это выдумано только для того, чтобы скрыть свои виды и отклонить неудовольствіе публики? Берегитесь!

16-го Января 1782 г. Противъ обыкновенія я не обѣдалъ у Бецкаго, такъ какъ Рибасъ боленъ, а безъ него мнѣ нельзя тамъ быть: я слишкомъ еще молодъ, слишкомъ ребячливъ и могу надѣлать глупостей. Вечеромъ пріѣзжала Рибасша и оставалась нѣсколько времени. Этотъ день мы охотились въ саду на зайца. Сольцъ жаловался, что заяцъ перепортилъ ему много плодовыхъ деревьевъ, обгладывая со всѣхъ сторонъ кору. Собаки наши поймали его.

17-го Января 1782 г. Въ Смольномъ былъ спектакль «Молодая Канадка», и потомъ опера «Служанка-госпожа», музыка Перголезе. Мы играли безъ приготовленія, стало быть акомпанировали почти на угадъ (à livre ouvert). За тѣмъ было многолюдное собраніе. Рибасша была во время нашего обѣда. Мальтицъ обѣдалъ тутъ. Рибасъ долго игралъ въ биліардъ съ Робаронтомъ. Вставая изъ-за стола, я увидѣлъ, какъ вошли Фаберъ, Свѣшниковъ и другой гувернеръ третьяго возраста. По возвращеніи изъ Смольнаго, я хотѣлъ пойти къ Рибасу, но дверь у него заперта. Кажется, что была ложа [21]).

18-го Января 1782 г. Поутру ходилъ къ Рибасу освѣдомиться объ его здоровьи. Онъ недомогалъ и лежалъ въ постели. Въ три часа пополудни пріѣхала его провѣдать Рибасша съ дѣвицею Лафонъ. Онѣ пробыли съ четверть часа. Въ 5 часовъ я пришелъ къ Рибасу. Его трясла лихорадка, но я склоненъ думать, что онъ притворялся. Онъ говорилъ обо всемъ, говорилъ очень хорошо и основательно. Между прочимъ, говорилъ онъ, что весь медицинскій факультетъ состоитъ изъ глупцевъ и перебиралъ ихъ одного за другимъ, а потомъ дѣлалъ заключеніе обо всѣхъ, и выходило, что всѣ они невѣжи.

---

[21]) Т. е. собраніе масонской ложи.

Исключеніемъ назвалъ онъ Фреза. Онъ говорилъ о Рожерсонѣ и что Государыня очень хорошо дѣлаетъ, что такъ рѣдко къ нему обращается. Онъ очень бранилъ г-на Саніо, отзываясь о немъ, что онъ былъ простъ, хотя и очень добрый малый, но простота была въ немъ разительная. Онъ разсказывалъ также о лѣкарствахъ, приготовляемыхъ въ чужихъ краяхъ и неизвѣстныхъ здѣсь. Нынче Азоръ за альковомъ Рибаса много болталъ, чтò съ нимъ бываетъ очень рѣдко. Рибасъ говорилъ, что онъ доволенъ всѣми, что ему не въ чѣмъ упрекнуть себя, что есть у него на душѣ одно дѣло и что когда оно исполнится, онъ умретъ спокойно и пр. Мы ему сказали, чтобъ онъ не говорилъ такъ много, потому что это ему вредно.— «Да вы сами все молчите, и мнѣ хотѣлось занять васъ». Къ вечеру пришелъ докторъ. Надо признаться, что этотъ докторъ—отмѣнное животное. Рибасъ много говорилъ о разныхъ лѣкарствахъ, которыя приготовляются для больныхъ и называлъ, какого ему хочется принять. Наконецъ, онъ далъ намъ понять, что мы его безпокоимъ, и насъ осталось съ нимъ только трое: Шмитъ, я и Скванчи.

19-го Января 1782 г. Рибасъ все боленъ и въ постели. Рибасша пріѣхала и оставалась очень долго. Она обѣдала у графа Чернышева.

20-го Января 1782 г. Утромъ была Рибасша провѣдать мужа и сказать мнѣ, что Бецкій назвалъ къ обѣду много гостей, и что если я хочу, то могу туда пріѣхать. Я поѣхалъ. Многіе изъ приглашенныхъ не явились, отозвавшись нездоровьемъ. Были Завадовскій, Безбородко и графъ Николай Румянцовъ, а не пріѣхали, хотя и были приглашены: Воронцовъ, гофмаршалъ Орловъ и еще нѣсколько человѣкъ. По словамъ графа Румянцова, онъ назначенъ министромъ къ тремъ или четыремъ Нѣмецкимъ курфирстамъ. Жить онъ намѣренъ во Франкфуртѣ на Майнѣ. За столомъ много говорили. Завадовскій нездоровъ и послѣ обѣда уѣхалъ. Передъ обѣдомъ Бецкій распространялся о докторахъ, какъ они поступаютъ съ выздоравливающими, о томъ, что доктору никогда не бываетъ довольно времени для занятій, а между тѣмъ онъ знаетъ докторовъ, которые безпрестанно играютъ въ карты. Этотъ день я занемогъ. Дежурнымъ былъ Миклашевскій.

21-го Января 1782 г. Утромъ Рибасша пріѣхала къ мужу и отъ него приходила провѣдать меня. Я лежалъ въ постели, безъ жилета, потому что я не привыкъ къ нему и никогда съ роду не носилъ его. Войдя, она спросила, отчего я безъ жилета. Чтобъ сдѣлать ей угодное и поскорѣе отъ нея избавиться, я живо надѣлъ жилетъ, и скинулъ его, какъ скоро она ушла. Вѣроятно кто-нибудь пересказалъ ей объ этомъ. Надо было послушать, чтò она наговорила Бецкому, возвратившись отсюда! По ея словамъ, я—негодяй, щенокъ, соплякъ, упрямый мужланъ, неучъ, неряха, что напрасны всѣ труды, употребленные на мое воспитаніе, что я самый небрежный и самый презрительный человѣкъ изо всѣхъ, кого она знаетъ. Дежурный, возвратившись отъ Бецкаго, передалъ мнѣ это похвальное слово, которое она обо мнѣ произносила. Рожерсонъ назначилъ мнѣ лѣкарство.

22-го Января 1782 г. Принесли мнѣ лѣкарство, наканунѣ прописанное Рожерсономъ. Мнѣ было лучше, и я не хотѣлъ было принимать лѣкарство, но принялъ. Что же сдѣлалъ Рибасъ? Онъ написалъ женѣ письмо, въ которомъ увѣдомлялъ ее, что я не хотѣлъ принимать никакого лѣкарства и, не смотря на болѣзнь, ходилъ въ садъ подышать воздухомъ. Все это ложь. Правда, я всталъ съ постели, потому что чувствовалъ себя легче, но въ садъ не ходилъ, даже не думалъ о томъ. А между тѣмъ Рибасша разглагольствовала обо мнѣ за обѣдомъ, въ присутствіи Бецкаго, графа Миниха и дежурнаго. Письмо отъ мужа подано ей въ то время, когда они еще сидѣли за столомъ. Она до такой степени много толковала, что почувствовала себя дурно, опиралась локтями о столъ, поддерживая себѣ голову и наконецъ попросила позволенія выдти изъ-за стола, ушла къ себѣ, легла на диванъ и велѣла накрыть себя. Вотъ добрая-то женщина, но неспособная умѣрять себя! Бецкій прислалъ мнѣ сказать, что жалѣетъ о моей болѣзни, но что я самъ виноватъ и не берегусь. Въ эти дни онъ одинъ разъ былъ у меня.

23-го Января 1782 г. Конечно, обѣдать у Бецкаго я не могъ. Рибасъ далъ мнѣ лѣкарство, которое я принялъ съ большимъ отвращеніемъ. У меня задержаніе пищеваренія. Многіе кадеты заболѣли тѣмъ же, т. е. отъ того же повѣтрія.

24-го Января 1782 г. Сегодня мнѣ гораздо хуже вчерашняго. Господинъ генералъ-директоръ часто присылалъ освѣдомляться о моемъ здоровьи. Я приказывалъ благодарить его.

25-го Января 1782 г. Мнѣ гораздо хуже, чѣмъ всѣ эти дни. Дежурный разсказывалъ мнѣ, чтò происходило у Бецкаго изъ-за меня. Сцена, бывшая въ Пятницу, ничто въ сравненіи съ нынѣшнею. Она превосходила всякое вѣроятіе. Кромѣ тѣхъ свойствъ, которыя мнѣ тогда приписывались, я былъ еще величаемъ дьяволенкомъ (diablotin). Но Бецкій отнюдь не вторилъ Рибасшѣ въ ея неумѣренныхъ отзывахъ. Такъ какъ Рибасъ совсѣмъ выздоровѣлъ, то отзывы его супруги отличались величайшимъ презрѣніемъ по отношенію ко мнѣ.

26-го Января 1782 г. Принявъ лѣкарство, вчера прописанное Рожерсономъ, я почувствовалъ себя несравненно лучше; мнѣ принесли его выпить полный большой стаканъ. Рожерсонъ весьма обо мнѣ заботился во время моей болѣзни и навѣщалъ меня по два раза на день.

27-го Января 1782 г. Я совсѣмъ выздоровѣлъ и одѣлся. У Апухтина въ клубѣ былъ маскарадъ. Я проигралъ бездѣлицу въ биліардъ.

28-го Января 1782 г. Я совсѣмъ здоровъ, но Рибасъ боленъ.

29-го Января 1782 г. Дежурнымъ у Бецкаго былъ князь Путятинъ. Онъ явился туда послѣ $10^1/_2$ часовъ и сходилъ навѣстить давнишняго пріятеля своего Крезалина, который живетъ у Неплюева, чтò рядомъ съ Бецкимъ. Между тѣмъ, по приказанію Бецкаго, его вездѣ спрашивали и не находили. Наконецъ ему доложили, что князь Путятинъ пошелъ пѣшкомъ, а сани стоятъ у крыльца. По возвращеніи спрашиваютъ, гдѣ онъ былъ. Тотъ отвѣчаетъ, что ему сдѣлалось дурно, что онъ завернулъ на Неплюевскій дворъ, гдѣ его

рвало, и подобный вздоръ. Бецкій разсердился и прогналъ его въ Корпусъ до обѣда. Вчèра Сиверша вышла замужъ за брата князя Путятина [22]). Прежде чѣмъ явиться къ Бецкому, нашъ князь заѣхалъ къ брату, гдѣ пробылъ полчаса и оттого запоздалъ на дежурство

30 Января 1782 г. Противъ обыкновенія, я не обѣдалъ у Бецкаго, потому что Рибасъ боленъ, а безъ него мнѣ нельзя тамъ быть, потому что я еще такъ молодъ и малъ, и могу надѣлать глупостей. Дежурнымъ у Бецкаго былъ Дуровъ; онъ отправился изъ Корпуса послѣ 10 часовъ, хотя всталъ очень рано. Это все отъ привычки часа три или четыре проводить въ сборахъ.

31 Января 1782. Нынче мой чередъ дежурить у Бецкаго. Такъ какъ былъ выговоръ, зачѣмъ дежурные очень опаздываютъ и велѣно являться раньше, то я отправился въ 8-мъ часу, и ровно въ 8-мь былъ у Бецкаго. Погода дурная, рѣзкій вѣтеръ и 20 градусовъ холода. Меня послали къ Лафоншѣ узнать объ ея здоровьѣ и сказать ей, что такъ какъ въ Смольномъ хотѣли дать спектакль, то нельзя ли устроить его на этой недѣлѣ. Дорогою я обморозилъ себѣ уши и лѣвую щеку; я теръ ихъ, но безуспѣшно. Щека отошла, но уши обморожены. Я видѣлъ дѣвицъ Зыкову, Архарову, Мещерскую, Барыкову, Шереметеву. Въ 3 часа по полудни Бецкій отправилъ меня домой. Я поѣхалъ въ саняхъ. Потомъ былъ я у Ея Величества и оставался тамъ довольно долго; мы говорили о многихъ предметахъ, между прочимъ обо мнѣ и о многихъ другихъ лицахъ.

1 Февраля 1782 г. Поутру было 26½ градусовъ холоду. Я позабылъ записать что̀ у меня произошло дня 3 или 4 тому назадъ съ швейцаромъ или вѣрнѣе съ помощникомъ швейцара. Мнѣ принесли письмо отъ г. Белля, надписанное на мое имя. Лакей принесшій его сказалъ швейцару, что письмо ко мнѣ; но швейцаръ не захотѣлъ мнѣ его отдать и возвратилъ лакею, сказавъ, чтобъ тотъ отнесъ къ Рибасу. Послѣ обѣда Рибасъ передалъ мнѣ письмо. Я узналъ какъ было дѣло и сказалъ помощнику швейцара, что онъ будетъ меня помнить, коль скоро въ другой разъ такъ поступитъ. — Рибасша была здѣсь передъ обѣдомъ и много говорила о Закревскомъ, объ его безчестныхъ поступкахъ, о томъ что Государыня дала указъ Бецкому разсмотрѣть бумаги Моллера, который служитъ въ Воспитательномъ Домѣ и, по словамъ Рибасши, воруетъ у Бецкаго даже мебель.

3 Февраля 1782 г. Рибасъ призвалъ меня къ себѣ и сказалъ, что я долженъ обѣдать у Бецкаго. Я тамъ обѣдалъ. За столомъ были Арцисъ Лазаревичъ, Гютри, Раевскій, бывшій дежурнымъ и Рибасша. Графъ Минихъ не пріѣхалъ по нездоровью. Распрашивали о здоровьи Рибаса, что̀ онъ дѣлаетъ, чѣмъ болѣнъ. Въ 10 ч. утра Бецкій посылалъ дежурнаго сказать Рибасу, что Государыня ожидала его эту недѣлю въ Эрмитажъ. За столомъ Рибасша хотѣла послать мужу книгу для прочтенія: «Чувствительное путешествіе Стерна».

[22]) Супруга знаменитаго графа Якова Ефимовича; въ книгѣ Блума изложена семейная драма, кончившаяся разводомъ и этимъ бракомъ.

Во Вторникъ Рибасша была здѣсь въ Корпусѣ и между прочими росказнями передавала Рибасу, что она, Сиверша и Франческони говорили о немъ, и что всѣ они единогласно называли его сумашедшимъ и негодяемъ. Слыша это, я нарочно ушелъ прочь. Черезъ нѣсколько дней Франческони пріѣхалъ навѣстить Рибаса, который началъ кричать на него, говоря, что онъ можетъ отомстить людямъ, которые о немъ дурно отзываются, что никто не смѣетъ мѣшаться въ его дѣла и что Франческони не можетъ чернить его въ глазахъ г-жи Рибасъ, какъ онъ это сдѣлалъ съ г-жею Лафонъ и ея дочерью. Сцена эта происходила въ присутствіи Поццо и Вукасовича, которые посмѣивались при этомъ.

4 Февраля 1782 г. При дворѣ былъ маскерадъ. Я на немъ чрезвычайно скучалъ и возвратился оттуда пѣшкомъ. Рибасша была въ исходѣ 5 часа. Одна дама, маленькая ростомъ, идя рядомъ съ другою, великорослою, крѣпко ударила меня вѣеромъ; я не полюбопытствовалъ и не пошелъ за нею.

5 Февраля 1782 г. Ничего не было, кромѣ того, что Рибасъ всталъ и что къ нему пріѣзжалъ Паизіелло. Я позабылъ нѣсколько дней назадъ записать, что Рибасъ-младшій сказывалъ мнѣ, что онъ разошелся съ г-жею Давіею, что она злючка и распутница. Я ему сказалъ на это, какъ онъ можетъ такъ отзываться о женщинѣ, которая всевозможно о немъ заботилась и, такъ сказать, содержала его. Онъ возразилъ, что при всемъ томъ онъ имѣетъ доказательства ея злости и распутства.

6 Февраля 1782 г. Я обѣдалъ у Бецкаго съ Рибасомъ, который въ первый разъ туда пріѣхалъ послѣ очень долгаго времени. Рибасъ мнѣ говорилъ, что я долженъ отправиться въ Эрмитажъ; но это не состоялось. У Бецкаго обѣдали Ржевская и ея мужъ. Потомъ я былъ въ Смольномъ, гдѣ мнѣ было очень весело. Я видѣлъ все чтò хотѣлъ видѣть и говорилъ чтò хотѣлъ говорить; слѣдовательно я былъ доволенъ и удовлетворенъ. Я ужиналъ съ нею. Дѣвица Лафонъ глядѣла такъ глупо, что всякій разъ, когда я на нее смотрѣлъ, насилу удерживался, чтобъ не захохотать.

7 Февраля 1782 г. Первый день великаго поста. Рибасъ обѣдалъ дома. Я намѣренъ во весь постъ не ѣсть скоромнаго. Посмотрю, въ состояніи ли буду выдержать.

8 Февраля 1782 г. Послѣдній день Нѣмецкой масляницы. Въ городѣ былъ маскерадъ; у Комашино былъ балъ, куда приглашены были Рибасъ и Адоръ. Онъ не обѣдалъ дома.

9 Февраля 1782 г. Рибасъ обѣдалъ дома и послѣ обѣда взялъ книґу съ отмѣтками, чтобы везти ее къ Бецкому. Послѣ обѣда былъ графъ Робриссони. Утромъ я ѣздилъ къ г-ну Фромандье. Тамъ была дѣвица Алексѣева, но я ея не видѣлъ, потому что уѣхалъ немного раньше. У Фромандье былъ тотъ Французъ, который пріѣхалъ съ Апухтинымъ изъ чужихъ краевъ. Дежурнымъ былъ Реадъ. Онъ привезъ извѣстіе, что выпускъ будетъ до Пасхи и что нѣкоторыхъ выпустятъ капитанами.

10 Февраля 1782 г. Я обѣдалъ у Бецкаго. Прежде чѣмъ сѣсть мнѣ въ экипажъ, Рибасъ сказалъ мнѣ, что наканунѣ у Бецкаго говоре-

но обо мнѣ, что мнѣ остается мало времени жить въ Корпусѣ, что я долженъ готовиться къ выпуску, что уже сдѣланы соотвѣтствующія распоряженія. Хотѣли, чтобы со мною ѣхали три кадета, кромѣ того профессоръ и еще кто-то, кого онъ не хотѣлъ мнѣ назвать; но напослѣдокъ онъ мнѣ сказалъ, что имя профессора Биберъ, а другой нѣкто князь Менщиковъ. Я чрезвычайно удивился, услыхавъ, что въ концѣ концовъ ко мнѣ приставятъ двухъ гувернеровъ. Рибасъ отвѣчалъ, что то будутъ вовсе не гувернеры, а только сопутники. Тѣмъ временемъ мы пріѣхали къ Бецкому. Рибасъ пошелъ наверхъ, а я покамѣстъ остался внизу у жены его, и черезъ нѣсколько времени мы съ нею отправились на верхъ. Увидавъ меня, Бецкій позвалъ меня къ себѣ въ кабинетъ и сообщилъ мнѣ тоже самое, что передъ тѣмъ я слышалъ отъ Рибаса; но князя Менщикова онъ мнѣ не называлъ. Онъ мнѣ сказалъ, что профессоръ Биберъ изъ Петропавловской школы. Рибасъ дорогою спрашивалъ меня, кого именно я выбралъ въ сопутники. Я отвѣчалъ, что до сихъ поръ выборъ мой остановился только на двухъ — Свѣчинѣ и Болотниковѣ. На это онъ мнѣ сказалъ, что Бецкій про то знаетъ, зоветъ Свѣчина гордецомъ, отнюдь не совѣтуетъ мнѣ брать его, а у Болотникова, по его мнѣнію, слишкомъ мѣщанскія повадки. Я возразилъ, что это не относится къ дѣлу, такъ какъ въ сущности онъ хорошій человѣкъ, а остальное придетъ само собою. Онъ сказалъ, что коль скоро я настаиваю, то пусть Болотниковъ ѣдетъ со мною. «Но кто же третій?» спросилъ онъ. Я отвѣчалъ, что я еще не знаю, такъ какъ мнѣ напередъ ничего не сказали, а подобные выборы нельзя дѣлать на обумъ; иначе, пожалуй, придется раскаяться. Онъ одобрилъ слова мои и очень расхваливалъ князя Менщикова, его качества и пр. За обѣдомъ были Лазаричъ, Фричъ и обыкновенная компанія. Въ пять часовъ мы возвратились отъ Бецкаго, и Рибасъ предложилъ мнѣ поиграть на биліардѣ. Я воспользовался этимъ случаемъ и по поводу гувернеровъ спросилъ, могу ли я надѣяться, что послѣ четырехлѣтняго путешествія выпустятъ меня совсѣмъ на мою волю. «Да, конечно», отвѣчалъ онъ. Затѣмъ я представлялъ ему, какъ было бы неудобно путешествовать съ людьми, которыхъ вовсе не знаешь и что въ короткое время, которое остается пробыть въ Корпусѣ, слѣдовало бы ближе познакомиться съ характерами моихъ будущихъ сопутниковъ. Онъ спросилъ: «А если бы я поѣхалъ со всѣми вами, были ли бы вы довольны?» Я отмолчался, а онъ не продолжалъ рѣчи и сталъ считать количество биліардныхъ ударовъ. Вошли кадеты, и разговоръ нашъ прервался.

11 Февраля 1782 г. Я узналъ, что въ прошедшую Середу умеръ В. Г. Ш. [23]). Это меня очень огорчило. Онъ былъ очень добръ ко мнѣ, и я обязанъ всей его семьѣ. По возвращеніи отъ Бецкаго Ри-

[23]) Василій Григорьевичъ Шкуринъ, гардеробмейстеръ и способникъ Екатерины въ тяжкія времена ея великокняжества, зажегшій собственный домъ въ минуты появленія на свѣтъ Бобринскаго, который лѣта своего первоначальнаго дѣтства провелъ въ его семьѣ и подъ именемъ его сына.

басъ совѣтовалъ мнѣ открыться во всемъ Бецкому и чистосердечно поговорить съ нимъ о положеніи моемъ по выходѣ изъ Корпуса, о нашемъ путешествіи и всей его обстановкѣ, словомъ, о моей будущности. Рибасъ совѣтовалъ, чтобы я сначала поговорилъ обо всемъ этомъ съ нимъ, дабы и онъ въ свою очередь могъ сообщить мнѣ что̀ ему придетъ въ голову. Я отвѣчалъ, что вполнѣ соглашусь со всѣмъ, что̀ онъ мнѣ скажетъ.

12 Февраля 1782 г. Вечеромъ Рибасу прислали отъ Шкурина билетъ съ приглашеніемъ на похороны В. Г. Ш. Ночью я не могъ заснуть: мнѣ все представлялся покойный В. Г. Ш. Я цѣлый часъ плакалъ; но такова воля Провидѣнія! Рибасъ проговорилъ мнѣ тоже что̀ и вчера, т. е. что я во всемъ долженъ открыться Бецкому относительно вообще моихъ дѣлъ, и что для этого онъ нарочно повезетъ меня туда завтра вечеромъ. Я и безъ того долженъ завтра обѣдать у Бецкаго, но какъ поутру ему недосужно говорить со мною, то я долженъ воспользоваться вечеромъ. Сегодня у Рибаса обѣдалъ здѣсь г-нъ Биберъ; передъ тѣмъ онъ былъ у Бецкаго, который говорилъ съ нимъ обо мнѣ, о томъ, какъ со мною обращаться и пр. Сколько мнѣ кажется, это неуклюжій чудакъ.

13 Февраля 1782 г. Я обѣдалъ у его превосходительства. Оттуда я возвратился домой въ четыре безъ четверти часа и потомъ развлекся поѣздкою на бѣга, гдѣ было удивительно много народа. Я пріѣхалъ оттуда въ 5 часовъ, успѣлъ одѣться и отправиться къ Рибасшѣ, у которой была бывшая графиня Сиверсъ, нынѣ княгиня Путятина, съ маленькою дочерью; тамъ же былъ Франческони, и на короткое время пріѣзжалъ Нолькенъ [24]) съ женою; по его словамъ, онъ долженъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ отбыть въ Швецію. Пріѣзжали къ Рибасшѣ также графъ Кобенцель съ нѣкіимъ графомъ Ламбергомъ или Лембергомъ. Рибасъ сказалъ мнѣ, что я могу идти на верхъ поговорить съ Бецкимъ. Я пошелъ и засталъ его одного съ графомъ Минихомъ. Я поклонился имъ при входѣ. Графъ Минихъ спросилъ, слыхалъ ли я про путешествія профессоровъ нашей Академіи внутри Россіи и читалъ ли я описанія этихъ путешествій. Я отвѣчалъ, что не только слышалъ я про нихъ, но имѣю у себя эти описанія. Онъ пересказалъ о томъ его превосходительству. Бецкій отозвался одобрительно и спросилъ, не нужно ли мнѣ что нибудь сказать ему. Я отвѣчалъ, что нужно. Тогда онъ повелъ меня въ свой кабинетъ, сѣлъ и началъ говорить о дѣлахъ, лично до меня касающихся, о моемъ путешествіи, съ кѣмъ и какъ, распространялся о многихъ путешественникахъ, которые понапрасну ѣздили и вмѣсто пользы возвратились домой хуже, чѣмъ поѣхали. Онъ открылъ мнѣ въ общихъ чер-

---

[24]) Шведскій посланникъ.—Бецкій, родившійся и проведшій первую молодость въ Швеціи, гдѣ отецъ его, князь Иванъ Юрьевичъ Трубецкой, оставался въ плѣну, сохранялъ черты материнскаго происхожденія. Читатели Русскаго Архива (1873) уже знаютъ, что ближайшимъ секретаремъ его былъ Шведъ Марко Ивановичъ Хозиковъ.

тахъ денежныя мои средства, и я обязанъ ему вѣчною признательностью за попеченіе о моихъ дѣлахъ, объ устройствѣ которыхъ онъ всячески заботился. Насъ перервали въ самую интересную минуту: пришелъ Рибасъ и доложилъ о пріѣздѣ графа Кобенцеля. Бецкій всталъ и ушелъ. Графъ передалъ ему письмо отъ какого-то эрцгерцога, чѣмъ Бецкій былъ чрезвычайно доволенъ. Графъ уѣхалъ, а мы возвратились въ кабинетъ. Онъ долго говорилъ со мною, пока наконецъ позвали насъ къ ужину. Рибасша этотъ день много смѣялась. За столомъ хорошо отзывались о Франческони. Всѣ были согласны въ этихъ отзывахъ, что̀ бываетъ чрезвычайно рѣдко въ этомъ домѣ, гдѣ обыкновенно спорамъ не видишь конца. За обѣдомъ Рибасша хохотала до того, что боялись, что съ ней сдѣлается дурно и что она задохнется отъ хохоту. Дежурнымъ былъ Ушаковъ бѣлокурый. По возвращеніи отъ Бецкаго я оставался у Рибаса часа съ полтора. Мы говорили о моемъ положеніи, о моихъ дѣлахъ, о любви моей къ Р. В., о томъ, что графъ Алексѣй Орловъ [25]) ненавидитъ его и о многихъ другихъ предметахъ, которые было бы очень трудно здѣсь излагать. Между прочимъ онъ много толковалъ о векселѣ въ тысячу рублей, которые графъ Алексѣй Орловъ далъ ему взаймы, а потомъ подарилъ ихъ ему, а черезъ нѣсколько времени вышло такъ, что онъ долженъ былъ заплатить ихъ Кристину [26]), одному изъ служителей графа Орлова.

14 Февраля 1782 г. Рибасъ мнѣ сказалъ, что онъ написалъ Бецкому о томъ, съ какою признательностью принялъ я то, что онъ милостиво изволилъ говорить мнѣ наканунѣ вечеромъ о моемъ состояніи и о путешествіи.—Сегодня утромъ въ половинѣ десятаго начались у кадетовъ экзамены. Бецкій не пріѣзжалъ.

15 Февраля 1782 г. Поутру Бецкій былъ на экзаменахъ, а оттуда пришелъ къ Рибасу. Послали за мною. Бецкій говорилъ много о путешествіи и рѣшительно настаивалъ, чтобы для моихъ поѣздокъ по Россіи мнѣ назначить еще одного человѣка. Рибасъ назвалъ нѣкоего Озерецковскаго. Бецкій спросилъ, кто онъ такой. Я сказалъ, что это честный и образованный человѣкъ, безо всякихъ притязяній. «Такой человѣкъ и нуженъ», замѣтилъ Бецкій. Онъ ушелъ отъ насъ въ полдень. У Рибаса была ложа или вѣрнѣе репетиція ложи, имѣвшей засѣданіе послѣ обѣда. Надзирателями Поццо и Мальтицъ. Въ ложѣ участвовали также Свѣшниковъ, Мортье и Фаберъ.

16 Февраля 1782 г. Были въ Корпусѣ экзамены. Я почти не помню, что̀ происходило.

---

[25]) Рибасъ помогалъ графу Орлову захватить въ Ливорнѣ извѣстную проходимку, которую Поляки заставили выдавать себя за дочь императрицы Елисаветы и во время Пугачевщины печатать за границею манифесты противъ Екатерины. Цѣльная природа графа Орлова не могла долго терпѣть подлѣ себя изворотливаго Рибаса.

[26]) Кажется этотъ самый Кристинъ впослѣдствіи состоялъ при графѣ Марковѣ и въ бытность послѣдняго посломъ въ Парижѣ надѣлалъ много шуму въ дипломатическомъ мірѣ.

17 Февраля 1782 г. Сказывали, что Рибасъ отказалъ отъ дому своему брату и госпожѣ Давіѣ.

18 Февраля 1782 г. Я катался въ саняхъ съ Болотниковымъ и возвратился довольно поздно. Я ѣздилъ до Смольнаго монастыря и оттуда къ Б., гдѣ пилъ чай. Поутру я говорилъ съ Озерецковскимъ о путешествіи мнѣ предстоящемъ и о мѣстахъ, которыя надо посѣтить.

19 Февраля 1782 г. Кадеты два дня какъ окончили экзамены. Теперь экзаменуютъ гимназистовъ.

20 Февраля 1782 г. Я обѣдалъ у Бецкаго. Были Ржевскій съ женою, Рожерсонъ, Фрезе, Бутурлинъ-дежурный, Рибасъ, Рибасша, я и графъ А. Сегодня составлялъ я записку мѣстамъ, гдѣ мнѣ побывать во время путешествія по Россіи. Поутру проѣзжали мимо, съ великимъ торжествомъ, въ двухъ придворныхъ каретахъ, посланцы Крымскаго хана, въ сопровожденіи гусаръ и четырехъ Татарскихъ всадниковъ. Бецкій спрашивалъ у меня, готова ли бумага или записка, о которой онъ мнѣ говорилъ нѣсколько времени тому назадъ. Я ему подалъ ее, сегодня оконченную Тогда Бецкій сказалъ мнѣ, что онъ очень заботится обо мнѣ и нѣсколько разъ говорилъ Государынѣ о моемъ путешествіи и о распоряженіяхъ по оному, что онъ боится, какъ бы князь Орловъ не помѣшалъ своими спорами его предположеніямъ, и что вслѣдствіе этого онъ повезетъ меня къ Государынѣ, дабы она отъ самого меня услышала, чего я желаю и какъ лучше распорядиться! Тутъ Рибасъ сказалъ, что Бецкому надо ѣхать со мною туда поскорѣе: иначе князь успѣетъ испортить дѣло, такъ какъ онъ скоро пріѣдетъ, и его ждутъ въ Середу или въ Четвергъ.

21 Февраля 1782 г. Рибасъ посылалъ своего лакея узнать, когда будетъ князь. Ему сказали, что онъ пріѣдетъ еще не такъ скоро, потому что послалъ за своими музыкантами, которыхъ отправляетъ въ Москву.

22 Февраля 1782 г. Рибасъ въ постели. Жена пріѣзжала навѣстить его. Онъ не приходилъ обѣдать. У меня эти дни болитъ голова. По словамъ Шмидта, мнѣ слѣдуетъ отворить кровь, такъ какъ головная боль у меня отъ полнокровія.

23 Февраля 1782 г. Бецкій присылалъ своего дежурнаго Кухарскаго узнать о здоровьи Рибаса и сказать мнѣ, что завтра я поѣду съ нимъ, Бецкимъ, въ Эрмитажъ. Рибасша пріѣзжала вечеромъ. Кухарскаго посылали къ Апухтину спросить, когда выступитъ Кіевскій полкъ. У Рибасши живетъ женщина, сынъ которой служитъ въ этомъ полку; мать желаетъ, чтобы онъ оставался при ней.

23 Февраля 1782 г. Я обѣдалъ у Бецкаго. Были князь Голицынъ и жена его, урожд. Головина, изъ Смольнянокъ, недавно вышедшая замужъ; графъ Минихъ, Рибасша, я, Бецкій и дежурный Бухвостовъ Было скучно. Новобрачная что-то дулась. Мужъ — рослый мущина. Послѣ обѣда Бецкій сказалъ мнѣ, чтобы я ѣхалъ за нимъ въ моей каретѣ, такъ какъ его карета одиночная. Такъ мы и пріѣхали въ Эрмитажъ. Государыня была уже тамъ. Я имѣлъ счастіе поцѣловать у нея руку и привѣтствовать ее. Она играла въ билліардъ съ Лан-

скимъ. Она выиграла партію, начала другую и опять стала выигрывать. Она мнѣ сказала, чтобы я кончилъ за нее партію, и я ее выигралъ. Ея Вел. сѣла въ кресла и стала говорить со мною о предстоящемъ мнѣ путешествіи по Россіи и о томъ, что слѣдуетъ сначала узнать свой край, а уже потомъ смотрѣть чужіе. Она милостиво сказала мнѣ, что надѣется, что я доволенъ распоряженіями, сдѣланными относительно меня. У меня выступили слезы, и я едва удержался, чтобы не расплакаться. Черезъ нѣсколько времени она встала и ушла. Я имѣлъ счастіе въ другой разъ поцѣловать ея руку. Бецкій позвалъ меня и началъ говорить о приготовленіяхъ къ путешествію. Онъ показалъ мнѣ бумагу, въ которой означена сумма, доходомъ съ которой я буду пользоваться; этотъ доходъ слишкомъ въ 15 т. рубл. Бецкій говорилъ о своей искренней дружбѣ ко мнѣ, на которую я никогда не считалъ его способнымъ. Я ему безконечно обязанъ за то. Разговоръ мой съ Бецкимъ продолжался болѣе часу, послѣ чего Государыня ушла къ себѣ. Ея Величество раза два-три спрашивала меня, какъ я себя чувствую и сообщила, что по словамъ Рожерсона я полнокровенъ, и надо мнѣ отворить кровь.

24 Февраля 1782 г. Шмидтъ отворилъ мнѣ кровь изъ правой руки и выпустилъ двѣ чашки. Я почувствовалъ себя дурно и едва не упалъ въ обморокъ. Рука мѣшала мнѣ цѣлый день что нибудь дѣлать.

25 Февраля 1782 г. Передъ полуднемъ я гулялъ; была хорошая погода. Я ходилъ пѣшкомъ, а потомъ взялъ сани. Былъ у книгопродавца и купилъ нѣсколько книгъ. Дома засталъ Маврина съ Кайсаровымъ; потомъ пришелъ и Бригонци.

26 Февраля 1782 г. Ѣздилъ обѣдать къ Бецкому. Рибасъ опять заболѣлъ горломъ и не могъ быть у Бецкаго. Тамъ обѣдали два брата Завадовскіе, графъ Воронцовъ, князь и княгиня Путятины. Наканунѣ они пріѣзжали въ Корпусъ провѣдать своего брата, но онъ куда-то затесался, и его проискали понапрасну. По отъѣздѣ ихъ онъ приходилъ къ Рибасу извиняться и сказалъ, что его не могли найти, потому что онъ былъ у гувернера. Завадовскій много шутилъ надъ Рибасшею по поводу того, что мужъ ставитъ ей рога съ дѣвицею Давіею. Раза два или три говорилъ онъ ей объ этомъ; Рибасша очень была смущена и не знала, что̀ ей возражать. Она обращалась ко мнѣ, спрашивала, правду ли говоритъ Завадовскій. Словомъ, я рѣдко видалъ ее въ такомъ смущеніи. Она путалась и заминала разговоръ, но Завадовскій продолжалъ жестоко надъ нею подтрунивать, зная, что тутъ ея слабая сторона. Она между прочимъ говорила, что вовсе не ревнива и что за Давіею ухаживаетъ не мужъ ея, а его братъ. Но Завадовскій возразилъ, что имущество у братьевъ нераздѣльное и проч. Словомъ, Рибасша была порядкомъ осмѣяна, а какъ она сама довольно часто осмѣиваетъ другихъ, то сидѣвшіе за столомъ поддакивали Завадовскому и, повидимому, были довольны тѣмъ, что ей досталось, а это приводило ее еще болѣе въ замѣшательство. Послѣ обѣда она ѣздила къ мужу и передала ему все происходившее за обѣдомъ, жалуясь на Завадовскаго, что онъ очень надоѣлъ ей. Я полагаю, что такъ. А когда сама она начнетъ надъ кѣмъ издѣваться, то этому конца не бываетъ.

27 Февраля 1782 г. Сегодня началась балотировка въ присутствіи Бецкаго, который нарочно для того пріѣзжалъ.

28 Февраля 1782 г. На балотировку, происходившую въ покояхъ у Рибаса, пріѣзжалъ въ Корпусъ князь Голицынъ.

1 Марта 1782 г. Въ Корпусъ пріѣзжалъ на балотировку генералъ Меллеръ.

2 Марта 1782 г. Гвардіи маіоръ Михельсонъ пріѣзжалъ присутствовать при балотировкѣ и закрыть ее. Тутъ же находились г-нъ генералъ-директоръ и г-нъ маіоръ Рибасъ. Я ѣздилъ къ Бецкому обѣдать и засталъ его отмѣнно веселымъ и довольнымъ. Онъ мнѣ сказалъ, что Государыня взяла къ себѣ докладъ о корпусныхъ дѣлахъ и, какъ онъ надѣется, утвердитъ и подпишетъ немедленно все, о чемъ онъ просилъ. Къ обѣду пріѣхалъ князь Голицынъ. Очень достойный человѣкъ этотъ князь Голицынъ [27]). Онъ весь честность и мягкосердечіе. Говорили о разныхъ предметахъ. Дежурнаго за столомъ не было. Мнѣ давали разныя порученія, и я исполнилъ ихъ къ удовольствію поручавшихъ, какъ напр. выхлопотать позволеніе Бутурлину и Хованскому повидаться въ эти дни съ родными. Бецкій приказалъ мнѣ передать въ Корпусъ о милостивомъ расположеніи Государыни къ Корпусу. Я никогда не видалъ Бецкаго такимъ веселымъ, какъ въ этотъ день.

Изъ путеваго дневника [28]).

14 Іюня 1782 г. (Москва). По утру мы осматривали ткацкую фабрику, принадлежащую купцу М. Механизмъ почти тотъ же, какъ и на галунной. Послѣ того мы были въ Екатерининской больницѣ, гдѣ все отличается удивительною чистотою. Туда посылаютъ кого угодно. По выздоровленіи больнаго требуется заплатить только то, чего стоили лѣкарства. Къ этой больницѣ присоединенъ домъ инвалидовъ для старыхъ раненыхъ солдатъ, которые не имѣютъ никакихъ средствъ къ жизни. Они получаютъ по 4 копѣйки на день. Помѣщеніе содержится очень чисто. Между этими инвалидами мы встрѣтили одного ослѣпшаго Француза. Его имя Мортье, онъ служилъ въ нашихъ полкахъ. Я забылъ упомянуть, что въ больницѣ показывали намъ одного больнаго, совершенно обезображеннаго и распухшаго, и намъ сказали, что его довелъ до такого состоянія родной сынъ. Онъ еле дышалъ. Полагали, что онъ не останется живъ. Сынъ перебилъ ему нѣсколько реберъ. Мы видѣли этого сына, который находился по близости, и спрашивали у него, зачѣмъ онъ такъ поступилъ съ отцомъ. Онъ отвѣчалъ, что если бы знали, до чего онъ былъ доведенъ отцомъ, то оправдали бы его. «Короче сказать, да будетъ вамъ извѣстно, что онъ водится съ четырьмя или пятью колдунами. Впро-

---

27) Фельдмаршалъ, бывшій членомъ корпуснаго совѣта.

28) По выходѣ изъ Корпуса Бобринскій зачисленъ поручикомъ въ конную гвардію и отправленъ въ путешествіе по Россіи съ товарищами своими по корпусу Болотниковымъ, Свѣчинымъ и Борисовымъ; съ ними поѣхали профессоръ Озерецковскій и полковникъ Бушуевъ.

чемъ, если вы считаете, что я поступилъ дурно, то пусть мнѣ отрубятъ голову». Онъ говорилъ, что онъ изъ дворянъ и учился ѣздить верхомъ въ Петербургѣ. Я думаю, что у него не порядочна голова. Я былъ очень доволенъ порядкомъ и чистотою, которые царствуютъ въ инвалидномъ домѣ. Я заплатилъ 46 рублей портному Шмидту за фракъ и жилетъ. Въ театрѣ давали Русскую оперу, подъ названіемъ: «Въ походъ съ непремѣнныхъ квартиръ».

15 Іюня 1782 г. (Москва). Поутру былъ у меня банкиръ Цирольдъ, которому Нарышкинъ вчера вечеромъ имѣлъ любезность сообщить, что у меня есть на него вексель. Я не могъ принять его и, отправившись къ нему самъ, получилъ отъ него 3 т. рублей, подъ двойную росписку: 2,500 рубл. ассигнаціями или банковыми билетами и 500 рубл. золотомъ. Вотъ форма этой росписки: «Получено отъ г—дъ Цирольда и компаніи, по приказанію и за счетъ г—дъ братьевъ Ливіо, 3 т. рублей, изъ коихъ 2,500 рубл. банковыми билетами и 500 рубл. золотомъ. Двойную росписку эту, вмѣсто одной, писалъ Бобринскій. Москва. 15 Іюня 1782 г.».

16 Іюня 1782 г. Мы ѣздили смотрѣть модель дворца, который будетъ строиться на площади въ Кремлѣ. Модель эта—одно изъ прекраснѣйшихъ произведеній зодческаго воображенія. Самъ архитекторъ [29]) любезно намъ объяснялъ разные фасады этого обширнаго зданія, которое, по общему мнѣнію, будетъ такимъ сооруженіемъ, что Москву нельзя будетъ проѣхать, не посмотрѣвъ на него. Я обѣдалъ у графа Захара Чернышева. Графиня пріѣхала изъ своей деревни. За обѣдомъ были Салтыковъ и его жена

17 Іюня 1782 г. Я обѣдалъ у Ханыкова, гдѣ проигралъ 100 рублей. Утромъ мы осматривали домъ инвалидовъ. Этотъ домъ принадлежалъ прежде Салтыкову.

*

10 Іюля мы были приглашены на обѣдъ къ намѣстнику, г-ну Мельгунову. Утромъ г-да Аксаковъ и Затрапезновъ пріѣзжали отдать намъ визитъ [30]). Послѣ обѣда (гдѣ я сидѣлъ по правой его сторонѣ) поѣхалъ самъ онъ смотрѣть господина Яковлева-Собакина фабрику полотняную. Посадилъ насъ въ его карету. Пріѣхали туда и видѣли точно такую фабрику, какъ у господина Затрапезнова вчерашній день видѣли. Были въ гостяхъ у жены сына его, который въ самое то время въ Петербургѣ находился. Смотрѣли еще бумажную фабрику и сверхъ того махину, способомъ которой масло конопляное и льняное выдавливаютъ. Ужинали самый тотъ день у Алексѣя Петровича [31]), гдѣ онъ намъ далъ карту, по которой дорогу въ Сибирь ѣхать можно видѣть. Еще у него же—карту Ярославскаго намѣстничества, которую онъ намѣренъ отослать въ Сенатъ и на которой самыя мелкія деревни, озера и разстоянія намѣчены, чтобъ ее позволили отослать въ Академію Наукъ гравировать. На фабрикѣ намъ подарили

---

[29]) Бажановъ. [30]) Далѣе самый подлинникъ порусски. [31]) Мельгунова, о которомъ обширную статью Л. Н. Трефолева см. въ Р. Архивѣ 1865.

всякому по платку тамошней работы. На самой той же фабрикѣ находится церковь пребогатая, двойная теплая и холодная, построенная въ 1740 г. господ. прежнимъ хозяиномъ Затрапезновымъ. Садъ превеликій къ дому принадлежитъ. Строенія преогромныя, пруды выкопанные превеликіе же, но все сіе нѣсколько запущено по причинѣ несмотрѣнія. На полотняной фабрикѣ дѣлались въ то время скатерти въ 4 аршина съ $1/2$ ширины. Г. Собакинъ имѣетъ подрядъ со дворомъ, по которому онъ всякій годъ ставитъ 2000 дюжинъ салфетокъ и которыя всѣ съ вензелемъ и гербомъ Ея И. В. и съ надписью: «придворная салфетка»; но при всемъ томъ онѣ пропадаютъ тамъ. Видѣли у г. намѣстника Ярославскихъ дамъ, которыя пріѣзжали къ г-жѣ намѣстницѣ. Сынъ г-на Мельгунова прапорщикомъ въ Преображенской гвардіи. Имѣетъ притомъ и дочь. Сказывали намъ, что тамошній народъ сталъ смиренъ и добръ, что рѣдко слышно или почти никогда что нибудь воровства или убійства, и по большой части всѣ тѣ, которые находятся въ этакихъ случаяхъ, все изъ церковныхъ, по причинѣ что очень много церквей, а мало дохода, такъ что почти доходы церквей не въ состояніи пропитать сихъ людей и что нужда нѣкоторымъ образомъ приводитъ ихъ къ худому. Г. Мельгуновъ казался человѣкомъ, который много добраго въ своемъ правѣ имѣетъ. Посулилъ намъ дать нѣкоторыя извѣстія и описанія съ Ярославскаго намѣстничества.

14 Іюля 1782 [32]). Уѣхали изъ Ярославля въ исходѣ втораго часа по пополудни и 15-го въ два часа ночи прибыли въ Кострому. Графъ Воронцовъ [33]) прислалъ городничаго, спросить, не имѣемъ ли мы въ немъ надобности. Мы поблагодарили его за честь и отвѣчали, что у насъ уже наняты лошади подъ карету, чтобы послѣ обѣда сдѣлать ему посѣщеніе. Тогда онъ прислалъ въ другой разъ освѣдомиться, довольны ли мы нашимъ помѣщеніемъ и не хотимъ ли переѣхать въ другое. Мы отвѣчали, что не стоитъ перебираться на такое короткое время, такъ какъ мы уѣзжаемъ черезъ день. Послѣ обѣда мы ѣздили къ графу, который насъ принялъ очень вѣжливо. Онъ очень похожъ на дочь свою Полянскую [34]). Онъ насъ посадилъ и очень долго разговаривалъ съ Бушуевымъ о разныхъ предметахъ, спрашивалъ о здоровьѣ обоихъ маленькихъ великихъ князей, пригласилъ насъ на завтра къ обѣду и сказалъ, что онъ пришлетъ за нами карету и чтобъ мы не нанимали лошадей подъ нашу.

16 Іюля (1782). Въ $10^1/_2$ часовъ пріѣхалъ къ намъ съ визитомъ графъ, въ голубой лентѣ. Онъ сказалъ, что отдастъ намъ визитъ, потому что мы путешествуемъ съ цѣлью принести пользу Отечеству и что подобные люди заслуживаютъ всяческаго уваженія. Мы обѣдали у него. Тамъ я видѣлъ человѣка, который мнѣ сказалъ, что видѣлъ меня у конногвардейскаго офицера Скрипицына и спрашивалъ о здоровьѣ дѣвицы Пассекъ; онъ про нее слышалъ, что она больна

---

[32]) Отсюда подлинникъ опять пофранцузски. [33]) Графъ Романъ Ларіоновичъ, въ этомъ году принявшій Костромское намѣстничество. [34]) Знаменитую Елисавету Романовну, нѣкогда соперницу Екатерины II-й.

и беременна. Я отвѣчалъ, что не имѣю никакихъ извѣстій изъ Петербурга и слѣдовательно не могу ничего ему сказать. Послѣ обѣда мы ѣздили осматривать монастырь, расположенный при самомъ впаденіи Костромы въ Волгу. Монастырь этотъ замѣчателенъ тѣмъ, что служилъ убѣжищемъ царю отъ простонародныхъ шаекъ; тутъ народъ просилъ царя принять бразды правленія и всячески умолялъ его ѣхать въ Москву и принять царство. Онъ склонился на ихъ прошеніе, отправился въ Москву, вѣнчался на царство и началъ собою династію Романовыхъ. Въ тотъ же день мы распрощались съ графомъ Воронцовымъ, который всѣхъ насъ перецаловалъ. Архіепископъ показывалъ намъ монастырскую церковь, построенную Борисомъ Годуновымъ.

21 Іюля. Пріѣхали на Макарьевскую ярмарку. Поутру ѣздили съ визитомъ къ г. Ступишину, Нижегородскому намѣстнику. Тамъ было много гостей, и между прочими три дѣвицы Бакунины и два брата Анненковы, изъ которыхъ одинъ подпоручикъ въ Конной Гвардіи, а другой—гвардейскій капитанъ въ отставкѣ. Мы были у архіепископа Іосифа, принявшаго насъ какъ нельзя вѣжливѣе. Повидимому, онъ рожденъ жить скорѣе въ большомъ свѣтѣ, нежели въ монастырѣ. Смотрѣли ярмарку, гдѣ безчисленное множество всякаго народа: Французовъ, Англичанъ, Итальянцевъ, Бухарцевъ, Нѣмцевъ, Жидовъ, Татаръ, Чувашей, Мордвы, Черемисовъ, Казанскихъ Татаръ, Армянъ, Сибиряковъ и т. д. Я потерялъ ключъ.

22 Іюля 1782, день имянинъ великой княгини. У обѣдни были почти всѣ дамы, пріѣхавшія на ярмарку. Въ первый разъ послѣ долгаго времени увидѣлъ Бѣлавина, служащаго здѣсь губернаторомъ. Онъ женился на дочери Нижегородскаго вице-губернатора, отмѣнно малорослой женщинѣ. Мы опоздали и пріѣхали въ церковь уже къ молебну. Обѣдали у намѣстника, гдѣ были Зановскій, Жуковъ, Елагинъ, который управлялъ дворцовымъ недвижимымъ имуществомъ и, какъ говорятъ, поживился. Послѣ обѣда отправились на ярмарку, еще болѣе многолюдную, чѣмъ вчерашній день. Смотрѣли фокусника-Жида и необыкновенно гибкаго и проворнаго ребенка: онъ загибалъ голову назадъ, подымалъ съ земли серебряную монету и показывалъ одну за другою отъ 30 до 40 разныхъ штукъ. Видѣли также Рай и Адъ въ фигурахъ и разныя адскія мученія, которымъ подвергались грѣшники. Встрѣтили Мигалуса, который игралъ у насъ въ Кадетскомъ Корпусѣ; онъ далъ намъ большой листъ съ перечисленіемъ его фокусовъ. Мнѣ сказывали, что экипажи князя Орлова прослѣдовали въ Царицинъ, что самъ онъ въ Москвѣ и только въ Августѣ мѣсяцѣ отправится на Царицынскія воды. Съ ярмарки почти всѣ разъѣхались по домамъ. Послѣ обѣда былъ я у Ступишина и засталъ у него за картами Салтыкова.

Августа 1-го 1782. (*Казань*). Вчера мы обѣдали у Вальца, жившаго въ Петербургѣ. Сегодня были въ Казанскомъ соборѣ, гдѣ видѣли весь городъ. Губернаторъ и большая часть жителей ходили за крестами къ рѣкѣ. Когда все кончилось, мы ѣздили къ архіепископу, а обѣдали у вице-губернатора Желтухина, куда приглашенъ былъ губернаторъ и почти всѣ бывшіе въ церкви. Послѣ обѣда я

пошелъ въ гостиную, гдѣ морской генералъ (général de la marine) Бѣшенцовъ взялъ меня за руку и сталъ сильно жать ее. Я спросилъ, къ чему онъ это дѣлаетъ.—«Чтобы вы мнѣ принесли счастіе въ картахъ», отвѣчалъ онъ. Затѣмъ онъ сѣлъ играть, и я помѣстился возлѣ него. Онъ взялъ меня за руку, поднесъ ее къ губамъ и поцаловалъ. Меня это очень озадачило, и я полагаю, что онъ не въ своемъ умѣ. Играли въ лото, и я проигралъ слишкомъ 30 р., а сначала было выигралъ 20 р. у вице-губернатора. Мы остались на ужинъ. Свѣчинъ и Болотниковъ не ужинали. Бушуевъ уѣзжаетъ дня на два или на три въ деревню къ старинной своей знакомой, г-жѣ Есиповой. У вице-губернатора было много гостей. Передъ ужиномъ бѣгали по саду въ запуски. Послѣ ужина опять играли, и я проигралъ еще. Послышался выстрѣлъ. Губернаторъ велѣлъ узнать, что̀ это значитъ. Оказалось, что стрѣлялъ мой лакей Ѳедоръ.

2-го Августа. Поутру былъ у насъ съ визитомъ Бибиковъ, но я былъ не одѣтъ и не могъ принять его. Онъ насъ звалъ обѣдать. Послѣ обѣда мы ѣздили смотрѣть мечеть. Татары молятся такъ прилично, что слѣдовало бы и во всѣхъ другихъ храмахъ брать съ нихъ примѣръ. Оттуда мы ѣздили на огромный мыльный заводъ; но тамъ не случилось человѣка, который бы могъ отвѣчать на наши распросы. Затѣмъ мы посѣтили одного стараго Татарина. Передъ поѣздкою въ мечеть, была у насъ рѣчь о развалинахъ древняго ихъ города, въ 120 верстахъ отъ Казани; тамъ находятъ много мелкихъ серебряныхъ монетъ и другихъ древностей. По словамъ губернатора, у него много такихъ выкопанныхъ вещей; онъ ихъ подарилъ каждому изъ насъ по двѣ и сказывалъ, что въ Иностранную Коллегію посылали разбирать находящіяся на нихъ надписи, но безуспѣшно. Онъ намъ показывалъ найденныя тамъ же рудокопныя орудія, сдѣланныя изъ мѣди и при этомъ сказалъ, что былъ одинъ генералъ, знатокъ исторіи, утверждавшій, что этимъ орудіямъ слишкомъ тысяча лѣтъ и они относятся къ тому времени, когда еще не знали употребленія желѣза, которое для руднаго дѣла гораздо удобнѣе. Передъ ужиномъ мы сѣли въ лото, и я опять проигралъ около 12 р. Казань очень хорошо и правильно обстроена; въ ней много дворянъ. Исключеніе составляетъ часть города, населенная Татарами; она не горѣла и осталась въ прежнемъ видѣ. Нѣсколько дней тому назадъ намъ прислали описаніе городовъ Нижегородскаго намѣстничества и рѣкъ, впадающихъ въ Волгу. У стараго Татарина мы видѣли жену его, которая цѣловала насъ и подносила пива. Бушуевъ позднею ночью возвратился изъ деревни. Архіерей звалъ насъ обѣдать завтра, но мы отказались.

3-го Августа. Поутру были у насъ Полянскій, Захарьинъ, Лентуковъ и городской архитекторъ. Обѣдали мы у г-жи Ларіоновой, лишившейся мужа во время взятія Казани Пугачовымъ. Тамъ были губернаторъ, много артиллерійскихъ офицеровъ и между ними одинъ, котораго я видѣлъ въ Петербургѣ у Михельсона. Были также Бѣшенцовъ, Ганнибалъ и князь Баратаевъ съ женою.

4-го Августа. Ѣздили на обѣдъ къ архіерею въ его монастырь, верстъ за 7 отъ Казани; но оказалось, что человѣкъ не предупре-

дилъ его вчера о нашемъ посѣщеніи, слѣдовательно онъ насъ не ждалъ, и мы могли только закусить у него. Кажется, онъ очень порядочный человѣкъ. Имя его Антоній. Это тотъ самый, что̀ говорилъ извѣстную рѣчь при открытіи Нижегородскаго намѣстничества. На обратномъ пути видѣли мы артиллерійскій лагерь и батарею, возведенную для дѣйствія бомбами противъ нарочно для того выстроеннаго городка. Тутъ все, что̀ нужно для артиллерійскаго полка. Обѣдали мы и ужинали у хозяина дома.

1-го числа этого мѣсяца, отъ архіерея ѣздили мы въ Правленіе, гдѣ находятся разные указы и учрежденія.

5-го Августа. Обѣдали у одного князя, нѣкогда бывшаго здѣсь губернаторомъ, очень древняго и почтеннаго старца. У него была вся Казань. Играли въ лото, и я проигралъ около 100 р. Послѣ обѣда отправились на базаръ. Я ушелъ оттуда.

6-го Августа. Полковой Преображенскій праздникъ. Изъ церкви были у архимандрита и тамъ обѣдали. У него въ монастырѣ храмовой праздникъ. Я сидѣлъ возлѣ Бѣшенцова. Мы встрѣтили Кастигова, бывшаго прежде учителемъ въ Кадетскомъ Корпусѣ. Послѣ обѣда много было смѣху. Губернаторъ пригласилъ меня, Свѣчина и Болотникова посмотрѣть, какъ охотники верхами травятъ зайцевъ. Мы возвратились очень поздно. У губернатора было много гостей. Какъ мы были въ сертукахъ, то и не хотѣли войти; но онъ сказалъ, что все равно.

8-го Августа. Мы были приглашены къ Казанскому митрополиту, живущему на покоѣ въ 18 верстахъ отъ города. Этотъ человѣкъ заслужилъ благоволеніе Государыни. Во время Пугачова его обвиняли въ соучастіи мятежу, но послѣ разъяснилось, что онъ былъ невиненъ; ему дали бѣлый клобукъ и одарили его: доходу онъ получаетъ гораздо больше, нежели другіе архіереи. Пока производилось его дѣло, при немъ жилъ гвардейскій офицеръ. Всѣ выѣхали изъ города къ нему на обѣдъ. Эти два дня проиграно мною слишкомъ 70 р. Завтракали мы у нашего хозяина г-на Свѣчина. Тутъ былъ маіоръ Провіантской Канцеляріи Геркенъ.

9-го Августа. Обѣдали у хозяина, зазвавшаго къ себѣ весь городъ, и между прочими путешественника Англичанина. Утромъ приходилъ ко мнѣ нѣкто подпоручикъ Измайловскаго полка Мельгуновъ, но я не могъ его принять, и утромъ же отдалъ ему визитъ. Былъ я у Людемана, но не засталъ дома. Игралъ и проигралъ въ рокамболь. Игралъ и въ лото и тоже проигралъ.

10-го Августа. Обѣдали у Булыгиной. Было много гостей. Гуляли по саду, играли въ лото, много танцовали и дурачились. Губернаторъ пріѣхалъ послѣ обѣда. Онъ остался на ужинъ, за которымъ играла полковая артиллерійская музыка. Г-нъ полковникъ Ганнибалъ—Негръ [35]), братъ того, кто управляетъ въ Херсонѣ, человѣкъ очень веселый; онъ былъ съ женою.

---

[35]) Осипъ Абрамовичъ, дѣдъ А. С. Пушкина.

11-го Августа. Обѣдали у Казанскаго губернатора. Гостей было мало, но компанія собралась веселая. Только и дѣлали что смѣялись.

12-го Августа. Послѣ обѣда у губернатора, отправились на охоту и проохотились до 10 часовъ. Тутъ были два князя Волконскихъ, подполковникъ Казанскаго полка, губернаторъ, вице-губернаторъ, маіоръ Селенгинскаго полка Татищевъ, Болотниковъ и я. Мы ужинали въ палаткѣ и играли въ лото, а спать пошли въ коляску, въ половинѣ пятаго.

13-го Августа. Охотились верхами до полудня, потомъ пошли отдыхать, а я тѣмъ временемъ отправился съ ружьемъ. Затѣмъ опять сѣли на лошадей и уже въ колясках вернулись въ городъ. Охота продолжалась часовъ 5 или 7 сряду. Вчера я крестилъ у Свѣчинскаго лакея дѣвочку; мнѣ не хотѣлось, но нельзя было огорчить его, тѣмъ болѣе, что Свѣчинъ оказывалъ намъ всевозможныя любезности. Кумою была Булыгина.

15-го Августа. Обѣдали и ужинали у Вехрена. Было много гостей. Ганнибалъ пригласилъ насъ въ лагерь на артиллерійскія маневры. Наканунѣ я рѣшился сказать Борисову, что онъ очень дурно дѣлаетъ, позволяя себѣ неприличныя выраженія. Онъ отвѣчалъ съ грубостью, что я въ этомъ отношеніи еще больше неразборчивъ и что не мое дѣло останавливать его. Бушуевъ сегодня сдѣлалъ ему тѣже замѣчанія.

16-го Августа. За обѣдомъ у губернатора видѣли мы бывшаго Воронежскаго намѣстника Щербинина. Онъ живетъ у нашего хозяина Свѣчина. Послѣ обѣда мы ѣздили къ Ганнибалу смотрѣть его полкъ и видѣли, какъ бомбардировали и брали нарочно имъ выстроенный городокъ. Тутъ присутствовала вся Казань, былъ и путешественникъ-Англичанинъ. Много танцовали. Ужинъ былъ по военному, въ палаткѣ. Тутъ были всѣ артиллерійскіе офицеры, также офицеры пѣхотнаго Казанскаго полка, Бѣшенцовы, Булыгины, Родивоновы, Волки, Баратаевы, Ганнибалы, словомъ ужинало слишкомъ 80 человѣкъ. Шелъ дождь и испортилъ этотъ праздникъ. Въ полку не очень искусно обращаются съ ружьемъ [36]).

Переѣзжалъ Велику рѣку 20-го числа Августа 1782 г. Были сей день у г. Свѣчина на его дачѣ близъ города Арска, отъ Казани въ 70 верстахъ.

1-го Сентября. Пріѣхали ночевать въ Билимбаевскій желѣзный заводъ, принадлежащій графу А. С. Строгонову, при рѣкѣ Билимбаевкѣ, которая впадаетъ въ Чусовую. Руды окололежащихъ мѣстъ очень богаты, ибо они изъ ста пудовъ руды 44 пуда чугуна плавятъ. Намъ тамъ же сказали, что сія руда въ себѣ очень много разнородныхъ частицъ содержитъ, и по сей причинѣ принуждены ее, прежде нежели въ печь кидать, обжигать, чтобъ всѣ сіи частицы отдѣлились отъ настоящей руды и способнѣе стали къ плавкѣ. Работникамъ плата идетъ по работѣ; однако менѣе семи копѣекъ въ

---

[36]) Слѣдующее затѣмъ писано порусски.

день никто не получаетъ; въ заводѣ же работаютъ день и ночь. Хлѣбопашества заводчики не имѣютъ и по сей причинѣ принуждены хлѣбъ покупать и живутъ только отъ одного ихъ ремесла; въ огородахъ же только растетъ рѣпа, брюква, морковь, капуста, и то не каждый годъ. Тамъ видѣлъ очень хорошую и подробную ландкарту всѣхъ казенныхъ и помѣщичьихъ заводовъ, съ описью сколько съ котораго года построено и сколько въ годъ вырабатывали. Топится шесть часовъ обыкновенная всякая выплавка. Надо очень осторожно поступать во время какъ плавку изъ печи выпускаютъ, ибо ежели капля воды попадетъ на ту доску, черезъ которую эта плавка пройдетъ, то всю сію плавку разорветъ. Надо очень осторожно смотрѣть, чтобъ очень сухо было все то мѣсто, по которому чугунъ польется. Семь верстъ отъ этого завода лежитъ другой желѣзный заводъ по рѣчкѣ Шайтанкѣ, отъ Екатеринбурга въ 43 верстахъ. Мы тамъ остановились, чтобъ осмотрѣть и сей заводъ. Онъ точно на такой образъ построенъ, какъ и Билимбаевскій. Спросили, сколько даетъ руда изъ ста пудовъ чугуну? Сказали, что даетъ иногда до 55 пудовъ чугуна и что гораздо легче и лучше добротой противъ Билимбаевскаго, и что для этого и продаютъ 10 коп. дороже, нежели на Билимбаевскомъ заводѣ. Построенъ въ 1733 году Никитою Демидовымъ, а теперь принадлежитъ г. Ширяеву. Обѣдали мы въ деревнѣ. Прежде нежели мы пріѣхали недѣли съ три, совсѣмъ сгорѣла; только двора четыре осталось, въ которыхъ по 10 и по 12 человѣкъ живутъ.

Пріѣхали въ Екатериненбургъ втораго Сентября 1782 г. въ Пятницу и пристали въ домѣ г. Алексѣя Ѳедоровича Турченинова. Городъ Екатериненбургъ лежитъ при рѣкѣ Исети, впадающей въ Тоболъ. Государемъ Петромъ I, указомъ, построенъ въ 1723 году, совершенно оконченъ и по имени ея императорскаго величества блаженной памяти Екатерины Алексѣевны Первой названъ. Плотина, которая рѣку Исеть запираетъ, имѣетъ 98 саж. длины, 3 саж. вышины и 30 саж. поперечнику, способомъ, которымъ всѣ махины въ дѣйствіе приводятся.

15 Октября 1782 года (*Симбирскъ*). Обѣдали у господина Шагарова, гдѣ столъ очень хорошъ былъ и гораздо лучше, нежели у господина губернатора вчерашній день. Прежде обѣда былъ у насъ господинъ губернаторъ съ визитомъ, съ братомъ своимъ, съ вице-губернаторомъ, господиномъ Колтовскимъ, который въ Сухопутномъ Шляхетномъ Корпусѣ былъ и съ господиномъ прокуроромъ, который также кадетомъ былъ. Господинъ Кристіани былъ по утру. Послѣ и прежде обѣда играли въ лото, гдѣ я проигралъ. Я позабылъ сказать, что вчерашній день пріѣзжалъ новобрачный звать насъ къ себѣ ужинать и на балъ на сегодняшній день. Поѣхали домой отъ г. Шагарова, а оттуда къ г. Плещееву. Отецъ его, капитанъ гвардіи въ отставкѣ, а сынъ его прапорщикомъ въ гвардіи въ отставкѣ же. Балъ былъ и ужинъ очень хорошъ. Во время ужина случилось мнѣ сидѣть возлѣ господина губернатора, который меня спрашивалъ въ разсужденіи перемѣнъ въ Конной Гвардіи и вступленія господина Михельсона; правда, будто по ночамъ возили смотрѣть въ новомъ колетѣ

къ князю Потемкину и, что какъ князь Орловъ пріѣхалъ, что всѣ сіи новости уничтожились и что очень бьютъ въ пѣхотныхъ полкахъ и что въ комплектъ на всю артиллерію требуется только сегодняшняго года 300 человѣкъ для комплектированія всего артиллерійскаго корпуса въ Имперіи; что онъ былъ въ бомбардирскомъ полку полковникомъ годъ и что имѣлъ тотъ артиллерійскій полкъ, въ которомъ г. Ганнибалъ теперь полковникомъ. Звалъ къ завтрашнему дню насъ обѣдать, и прогуливались по городу. Я этотъ вечеръ проигралъ болѣе 30 рублей. Свѣчинъ и Озерецковскій не выѣзжали, потому что у одного нога болѣла, а у другаго голова, такъ что оба остались дома. Отдалъ я два письма одному артиллерійскому офицеру, который въ Казань ѣдетъ завтрашняго дня для Александра Ивановича Свѣчина, отъ Свѣчина и Озерецковскаго. Званы были отобѣдать завтрашній день у губернатора.

17 Октября 1782. Ѣздили смотрѣть городъ. Прежде читали въ Санктпетербургскихъ газетахъ объ учрежденіи новаго ордена Святаго Владиміра для служащихъ въ статской или гражданской службѣ. Сей орденъ надѣла Государыня 23 числа Сентября. Городъ Симбирскъ очень хорошъ въ разсужденіи мѣстоположенія. Ѣздили смотрѣть за городомъ старинный, который сдѣланъ былъ для обороны отъ Татарскихъ набѣговъ при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ. При самомъ основаніи города, за рѣкой Свіязью, рѣчка Симбирка, по которой городъ Симбирскъ свое названіе получилъ, тамъ и течетъ въ срединѣ большаго оврага. Были въ богадѣльнѣ, въ рабочемъ домѣ, гдѣ всѣ тѣ содержатся, которые менѣе 20 рублей украли въ первый разъ. Они должны выработывать только ту сумму; ежели же въ другой разъ украдутъ такую же сумму, то есть менѣе 20 рублей, то они должны выработать также, но съ тою разностью, что они при входѣ и выходѣ изъ этого дома биты бываютъ. Сегодняшній день мнѣ сказали, что г. Кикинъ, здѣшній помѣщикъ, говорилъ о князѣ Г. Г. Орловѣ, что будто, ѣхавши въ Царицынъ цѣлительную воду пить, проѣхалъ онъ чрезъ деревню двухъ братьевъ Анненковыхъ (одинъ изъ нихъ офицеръ Конной Гвардіи, а другой въ Преображенскомъ полку былъ капитаномъ и вышелъ въ отставку въ бригадиры); что у нихъ сестра умная женщина, что будто князь въ нее влюбился и что ей пропозировалъ за себя взять; но что она на это не согласилась и ему сказала, что она благодаритъ его за честь ей сдѣланную и что она на это согласна; но зная, что онъ самъ собою не можетъ зависѣть и что на это соизволеніе Ея Императорскаго Величества надо на ихъ женитьбу, что она до тѣхъ поръ даже кольцо не перемѣнитъ; будто на это князь еще болѣе къ ней приступилъ и хотѣлъ кольцо уже перемѣнить, уговаривалъ ее; но она никакъ на это не согласилась и что призывала графа Ивана Григорьевича [37]), чтобъ князя уговаривалъ; но что князь, вмѣсто его слушать, его разругалъ и выслалъ его вонъ; но что со всѣмъ тѣмъ князь уѣхалъ въ Москву безъ промѣна коль-

---

[37]) Старшаго изъ братьевъ Орловыхъ.—Князь Григорій Григорьевичъ въ это время уже овдовѣлъ, и умственное разстройство въ немъ усиливалось.

ца, чтобъ просить дозволенія жениться на ней. Еще тотъ же г. Кикинъ принесъ извѣстіе, что графъ Алексѣй Григорьевичъ Орловъ писалъ къ князю, что Херсонъ взятъ Турками, и что тамъ командующій генералъ Ганнибалъ взятъ въ полонъ Турками. Званы сегодняшній день на завтрашній обѣдать у г. Волкова, предводителя дворянства здѣшнняго.

18 Октября 1782 г. Были въ палатѣ, гдѣ смотрѣли наборъ рекрутскій. Оттуда поѣхали къ г. Волкову обѣдать. Надо знать, что послѣ обѣда званы на маскерадъ. Былъ тамъ офицеръ драгунскаго полка Смоленскаго, который пріѣхалъ для принятія денегъ отъ Симбирскаго намѣстничества. Слышалъ я одно происшествіе, случившееся въ Пензѣ. Былъ принесенъ пакетъ изъ почты г. князю Мещерскому, который на почту внесенъ и съ адресомъ: рапортъ отъ правленія намѣстничества въ Сенатъ. Распечатали сей пакетъ; нашли другой кувертъ съ адресомъ Е. И. В-ву: жалоба на г. намѣстника Пензенскаго отъ дворянства. Онъ собралъ дворянство и спрашивалъ у нихъ, ежели сія жалоба отъ нихъ? На сіе дворянство отвѣчало, что не они.—Г. Бибиковъ, губернаторъ Казанскій, долженъ будетъ ѣхать въ Петербургъ отвѣтъ дать на одно грубое письмо, которое онъ писалъ въ отвѣтъ на письмо князю Мещерскому, своему намѣстнику. Онъ на него жаловался Государынѣ, какъ здѣсь сказываютъ и что будто на это его требовали въ Петербургъ. Званы обѣдать завтрашній день у господина губернатора. Сегодня ввечеру былъ маскерадъ у Ѳедора Шагарова, который приглашалъ по билетамъ, и ужинъ былъ. Было тамъ очень много народа. Я говорилъ съ г. Кристьяни, который тамъ комендантомъ, о чужихъ краяхъ. Между прочими онъ мнѣ разсказалъ цѣлую исторію о той персонѣ, которая въ Италіи была и которая привезена была на корабляхъ въ Петербургъ, гдѣ и скончалась [38]). Мнѣ сказалъ, что онъ изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ былъ и что Французскій, Испанскій, Свейскій и Голстинскій дворы писали къ ней и что деньгами ее снабжали, что онъ успѣлъ всѣ ея бумаги схватить; что она прежде была въ Голстиніи, послѣ въ Польшѣ, а оттуда поѣхала въ Италію и именно въ Неаполь; а оттуда пріѣхала въ Римъ, откуда ее и выманилъ онъ въ Пизу, гдѣ ее и повезли на корабляхъ; что съ нею было два Поляка, которыхъ также повезли въ Россію.

19 Окт. Сегодня сказали Болотникову, что отецъ у него умеръ.

22 Октября 1782 г. Званы были обѣдать вчерашняго дня у губернатора и на маскерадъ, къ которому даны были билеты для пропуска. За обѣдомъ сидѣлъ я возлѣ г. Колтовскаго, который назначенъ губернаторомъ на мѣсто г. Ламба въ Перми; а г. Ламбъ на мѣсто князя Фабулова въ Уфу, который отставленъ. Говорили за обѣдомъ про заводы въ Перми лежащіе и о графахъ Строгоновыхъ;

---

[38]) Сличи выше, стр. 133, примѣч. 24-е. Судьба проходимки, извѣстной у насъ подъ именемъ Таракановой, должна была особенно занимать графа Бобринскаго между прочимъ и по участію графа Орлова и Рибаса въ этой судьбѣ.

большая часть земли ихъ. Былъ послѣ маскерадъ, гдѣ я выигралъ около 30 рублей. Я говорилъ, прежде нежели маскерадъ начался, съ г. Назимовымъ о мореплаваніи и о разныхъ чужестранцахъ, которые въ эту нашу службу поступили и что Элфинстонъ столь дерзокъ былъ дать прожектъ во время войны, что онъ имѣетъ такой составъ, которымъ онъ можетъ такъ задымить, что безъ всякой опасности можетъ пройти чрезъ самыя опасныя мѣста; что г. адмиралъ Грейгъ на той фрегатѣ, которая везла сестру посла Англійскаго, нагрузилъ на свой коштъ панашами, чтобъ ихъ продать въ Англіи; но ему сіе не удалось, ибо сія фрегата претерпѣла кораблекрушеніе. Говорилъ мнѣ г. Колтовскій, что ежели нравъ Русскихъ хочешь увидать, то не надо ихъ смотрѣть въ столичномъ городѣ, но смотрѣть надо ихъ въ провинціяхъ, и это правда. Говорилъ въ примѣръ, что еще до сего времени мужикъ отдаетъ въ заемъ деньги другому безъ всякихъ письменныхъ обязательствъ или свидѣтелей, но отдаетъ онъ одинъ на одинъ и что не было еще раза, чтобъ случилось чтобы отказался, что онъ ему не долженъ. Правда, что жалобы часто бываютъ, что вотъ столько то долженъ, а не платитъ; а чтобъ другой отказался, этого не слыхать.

23 Октября 1782 г. Были званы вчерашній день на сегодняшній къ обѣду на пирогъ въ монастырѣ, гдѣ одна изъ дворянокъ живетъ на спасеніи. Обѣдали тамъ; обѣдъ очень хорошъ былъ. Напились трое пьяны. Приглашены были на этотъ обѣдъ г. Шагаровымъ. Былъ также господинъ прокуроръ Дантенъ. Послѣ къ другой въ монастырѣ живущей пошли дамѣ, у которой недолго сидѣли и поѣхали къ г. Шагарову, гдѣ играли въ лото. Между прочимъ намъ разсказывала жена его, что О. былъ у нея сегодня поутру, чтобъ у нея спросить обстоятельства ея болѣзни; что въ самое то время у нея было очень много дамъ и что какъ взошелъ къ ней въ компату, то просилъ всѣхъ сихъ дамъ вонъ идти и прогналъ. Послѣ показалъ мнѣ г. Шагаровъ лошадей и подарилъ мнѣ шубу.

6 Декабря 1782 г. Пріѣхали въ городъ Астрахань. Какъ только пріѣхали и вышли на берегъ, то встрѣтили карету незнакомую, осьмеркой запряженную, и спросили, чья? Сказали, что Павла Сергѣевича Потемкина; послѣ чего взошли въ домъ и увидѣли его самого [39]). Переправился черезъ рѣку съ нами, говоря о непостоянствѣ горскихъ народовъ, и что онъ поспѣлъ отъ Кизляра въ Астрахань въ трое сутокъ. Перешедши рѣку, прошли въ домъ имянинника, въ которомъ его имянины праздновали. Взошли туда, и весь городъ званъ былъ туда же на балъ. Видѣлъ губернатора [40]) мать Швалеву, бывшую Воейкову, въ замужествѣ за Селиверстовымъ. Такъ какъ мы взошли туда въ дорожныхъ платьяхъ и нечесаны, мы уѣхали оттуда и поѣхали прямо къ г. Телепневу, президенту здѣшняго Магистрата, гдѣ и ужинали. Тамъ былъ сынъ г. Бушуева, мальчикъ

---

[39]) П. С. Потемкинъ командовалъ войсками на Кавказѣ.

[40]) Астраханскимъ генералъ-губернаторомъ былъ тогда князь Потемкинъ, а въ должности губернатора генералъ-поручикъ Михаилъ Михайловичъ Жуковъ.

прекрасный; очень чувствительно было видѣть сію встрѣчу. Былъ еще г. Сушковъ, веселый человѣкъ. Ужинали съ нами братъ родной самой А. М. Б., у котораго содержится сынъ А. М. послѣ смерти матери, жены его, гдѣ онъ прежде содержался. Говорили о многихъ разныхъ матеріяхъ. Между прочимъ говорили и о торгѣ съ Персіянами, для чего онъ не въ такой силѣ, какъ прежде былъ. Мнѣ сказывали, что причина сему замѣшательству въ Персіи, и притомъ шелкъ гораздо дешевле достаютъ изъ Царяграда, нежели изъ Персіи, и сія самая причина есть неспособность сего торга; что кромѣ шелка вывозятъ изъ Персіи всякіе фрукты, разныя тамошнія матеріи. Отужинавши уѣхали мы домой, который возлѣ точно стоитъ дома г. Телепнева. Проводилъ насъ хозяинъ до дома нашего. Губернаторъ звалъ насъ ужинать къ себѣ и г. Баранова [41]), гдѣ мы послѣ переправились черезъ рѣку. Взошли; но мы просили увольненія по причинѣ, что нечесаны были и очень устали; однакоже губернаторъ звалъ обѣдать на завтрашній день. Я видѣлъ г. Піетри, полковника Астраханскаго полка.

7 Декабря 1782 г. Хотѣли ѣхать къ г. Потемкину, однакоже не успѣли, по причинѣ, что долго очень убирались и одѣвались. Кареты за нами присланы были, и мы поѣхали къ губернатору, гдѣ очень много было народа. Всѣ уже съѣхались. Послѣ обыкновенныхъ церемоній губернаторша встала изъ-за стола, гдѣ она играла въ карты, давши свои карты мужу, сказала мнѣ, что она весьма за счастливую себя почтетъ, ежели она будетъ пользоваться такою дружбою, какъ ея сестра Катерина Васильевна: ибо она знала, что я къ ней великую дружбу имѣлъ. Послѣ, нѣсколько погодя, сказала Павлу Сергѣевичу: «Алексѣй Григорьевичъ уже давно нашъ короткій знакомый». Послѣ сѣли за столъ, гдѣ ея не было. Я сидѣлъ по лѣвой рукѣ губернатора. Было за столомъ еще два генералъ-маіора: Ржевскій и Левашовъ. Послѣ обѣда игралъ я въ карты и выигралъ 16 рублей у маіора Кривскаго. Спрашивала у меня губернаторша, не нахожу ли я сходства ея дочери съ Катериною Васильевною.

8 Декабря 1782 г. Званы были обѣдать у губернатора. По утру былъ у Павла Сергѣевича. Онъ смотрѣлъ обозъ Астраханскаго полка. Послѣ поѣхали къ губернатору съ нимъ, гдѣ и обѣдали. Я тамъ проигралъ около 36 рублей. Я взялъ у П. С. Послѣ обѣда, поѣхалъ смотрѣть артиллерію, послѣ чего поѣхали всѣ смотрѣть службу церковную Индѣйскую. Были прежде въ гостяхъ у старшины ихъ. Ихъ служба отправляется съ двумя колокольчиками, которыми во все время ихъ служенія не перестаютъ звонить. Въ Казани освящаютъ воду. Ихъ архіерей во все время ихъ служенія стоялъ предъ трономъ, одной рукой держа лампаду съ пятью свѣчами, а въ другой—чѣмъ курятъ. Послѣ освященія воды, подаютъ сію воду каждому и брызгаютъ на каждаго, между прочими и мнѣ досталось на мой каф-

---

[41]) Михаилъ Григорьевичъ Барановъ, губернаторскій товарищъ въ Астрахани.

танъ. Послѣ каждой молитвы подаютъ имъ ѣсть всякихъ фруктовъ; послѣ конца церемоніи поцѣловали они ноги у ихъ архіерея [42]).

1783.

25 Января 1783. Губернаторъ позванъ крестить ребенка у президента Магистрата, г. Телепнева; я былъ тамъ и проигралъ въ пикетъ 40 р. Ѣздилъ съ визитомъ къ Селиверстову и къ Левашову. Бывшій тамъ Кривскій сказывалъ, что ѣдетъ на линію, что таково приказаніе Потемкина, который тоже туда отправится. Губернаторша дала мнѣ разныхъ сѣмянъ, персиковыхъ, дынныхъ, арбузныхъ и пр. Послѣ обѣда пришелъ прокуроръ Карандѣевъ и г. Капишовскій говорить о дѣлахъ. Я послѣ узналъ, что они говорили объ очень странномъ дѣлѣ. Купецъ-Армянинъ, по имени Маковъ, обанкрутился въ Москвѣ, и недочету на 370 тысячъ р. Съ нимъ въ половинѣ торговалъ братъ его, бывшій его коммиссіонеромъ и не дававшій ему никакого отчета въ торговыхъ оборотахъ. Купцы, потерпѣвшіе отъ этого банкротства, потребовали, чтобы счеты были разсмотрѣны, такъ какъ они надѣятся получить что нибудь изъ имущества его брата, уѣхавшаго изъ Москвы въ Астрахань и полагавшаго, что за дальностью разстоянія, тамъ его не сыщутъ. Но изъ Москвы пришло распоряженіе задержать его и подъ надежною стражею препроводить въ Москву. Но власти никакъ не могутъ согласиться между собою по этому дѣлу и не даютъ ему хода, потому что купецъ успѣлъ ихъ задобрить. Я ужиналъ у Баранова. Тамъ сегодня обѣдали Гориковскій, Свѣчинъ и Бушуевъ. Гориковскій обнимался съ Воейковой и краснѣлъ. Онъ хотѣлъ подарить ей палку, взятую у меня. Ежедневно онъ дѣлаетъ множество глупостей. Сегодня писалъ я къ Лехнеру и просилъ прислать мнѣ Бланкенберговой воды для глазъ съ наставленіемъ какъ ее употреблять. Я ему послалъ дынныхъ и арбузныхъ сѣмянъ для **.

27 Генваря. Утромъ были у насъ Левашовъ и нѣсколько человѣкъ офицеровъ. Они вчера охотились и затравили зайца. Они сказывали, что вчера умеръ отъ удара подполковникъ Астраханскаго полка, Цейглеръ, служившій въ теченіи 36 лѣтъ. Говорили также о томъ, что не позволяется выходить въ отставку, между тѣмъ какъ мы не рабы, чтобы давать на себя кабалу. Я съ Борисовымъ обѣдалъ у губернатора, а Бушуевъ у архіерея, который праздновалъ имянины своего брата.

28 Генваря. Утромъ былъ на похоронахъ Цейглера въ лютеранской церкви. Тамъ присутствовалъ генералъ Левашовъ съ цѣлымъ батальономъ. Я обѣдалъ у Баранова, но послѣ обѣда тотчасъ ушелъ, потому что хозяйка дома вчерашній день тяжко заболѣла, и въ домѣ безпокоились о ней. Вечеромъ чуть было не случился пожаръ. Г-нъ Бугровъ, по глупости своей, ушелъ изъ комнаты, не погасивъ свѣчки. Она оплыла, и отъ нея загорѣлись книги, между прочими тѣ которыя ему оставилъ, передъ моимъ отъѣздомъ, г. Пори (Paury). По счастью

---

[42]) Здѣсь кончается Русскій подлинникъ, и дальнѣйшее есть опять переводъ съ Французскаго.

вошелъ мальчикъ-истопникъ и успѣлъ затушить огонь. Я уже спалъ въ это время.

29 Декабря. Поутру смотрѣлъ, какъ учились солдаты, занимающіе городскіе караулы. Ученье шло очень плохо. Обѣдалъ у губернатора, гдѣ было много народу. Въ карты выигралъ 300 рубл. у Сушкова и другихъ. Ужиналъ тамъ же.

30 Января. Нынче мы должны были смотрѣть рыбныя ловли, о чемъ уговорились наканунѣ, но губернаторъ прислалъ звать къ себѣ Бушуева и сообщилъ ему полученное имъ извѣстіе, что Киргизы, отправившіеся на зимовку въ окрестности Краснаго Яра, перекочевали къ морскому берегу, т. е. на ту дорогу, по которой намъ нужно по направленію ѣхать, и что поэтому онъ совѣтуетъ намъ отказаться отъ поѣздки и избавить его отъ безпокойства на нашъ счетъ. Киргизы захватили у Калмыковъ множество скота.—Вчера возвратился князь Мещерскій. Онъ ѣздилъ въ Камышинъ по дѣлу о тамошнихъ магазинахъ, которыхъ некѣмъ переправить въ другое мѣсто. Онъ сказывалъ между прочимъ, что атаманъ Донскихъ казаковъ Иловайскій распорядился заготовленіемъ подставныхъ лошадей для князя Потемкина, который долженъ прослѣдовать, черезъ Царицынъ и Астрахань, на линію.—Я выигралъ еще 25 рублей.

31 Января. Обѣдалъ дома. Послѣ обѣда приходилъ ко мнѣ Барановъ-сынъ и оставался довольно долго. Ходитъ слухъ, будто въ Петербургѣ одинъ вельможа разсердился на другаго и хотѣлъ убить его; но ему помѣшали, помѣхою была сама Государыня, и много подобнаго вздору.

1 Февраля. Бушуевъ и Бибиковъ отзывались обо мнѣ въ нѣкоторыхъ домахъ очень лестно. Ѣздилъ съ визитомъ къ завѣдующему Астраханскимъ портомъ и адмиралтействомъ.

2 Февраля. Обѣдалъ у губернатора. За столомъ говорили много о любви, и губернаторша повторяла все одно и тоже. Она позвала меня съ собою къ Левашову, и тамъ я выигралъ около 200 р. Мнѣ сказывали, что Свѣчинъ плакалъ, но о чемъ, я не знаю и даже не могу себѣ представить, что̀ тому за причина. Мнѣ извѣстно только, что Бушуевъ спрашивалъ у моего человѣка, почему не было обѣда для Свѣчина; тотъ сказалъ, что онъ освѣдомлялся, будетъ ли Свѣчинъ обѣдать дома, но не получилъ никакого отвѣта.

4 Февраля. Утромъ къ Бушуеву приходило много Татаръ и Русскихъ купцовъ. Мы ѣздили верхами охотиться съ гг. Карицкимъ и Насѣцкимъ, но рѣшительно ничего не встрѣтили. Много было взято предосторожностей съ лошадью, на которой я ѣздилъ. Ее предварительно объѣзжали. Сѣдло мнѣ дали Нѣмецкое.

8 Февраля. Мы ѣздили верстъ за 30 в. отъ Астрахани и, проѣхавши часа два съ половиною, начинили желудки и отправились на мѣсто, гдѣ производится рыбная ловля. Г-нъ № 1-й, будучи подъ хмелькомъ, какъ и всѣ, говорилъ г-ну № 2-му, что, по его замѣчанію, я начинаю пріобрѣтать страсть къ игрѣ и что онъ боится большаго проигрыша; что въ то время, когда у меня не бы-

ло денегъ, я проигрывалъ графу Р. [43]), чтò же будетъ, когда мнѣ дадутъ ихъ много; что хорошо было бы, если бы оправдался слухъ о прiѣздѣ князя [44]), что онъ ему выскажется откровенно и попроситъ себѣ увольненiя изъ Кiева, сославшись на свое плохое здоровье и непрiятности. Сколько я могъ понять, ему много возражали. Я узналъ, о чемъ недавно плакалъ Свѣчинъ: у него нѣтъ денегъ, и онъ воображалъ, что я стану просить, чтобы онъ сдѣлалъ мнѣ честь, взялъ у меня. Какова гордость! Жалко и удивительно.—На учугахъ было много возни. Это настоящая компанiя, гдѣ многому можно научиться. Ложились другъ на друга, напр. надъ № 1-мъ лежалъ князь Мещерскiй, пѣли пѣсни во все горло, толкались, барахтались и проч. Правду сказать, такой родъ жизни долженъ быть крайне наставителенъ. За столомъ всякiй старался какъ можно хуже отзываться о своихъ непрiятеляхъ. Просто ужасъ, до какой степени эти люди могутъ забываться. Въ «двадцать и одинъ» [45]) я проигралъ Батурину слишкомъ 200 р. Выходя изъ за стола, Бушуевъ говорилъглупости и грубости. Номеръ 1-й ему ненавистенъ, а между тѣмъ онъ обнималъ его. Но возвращусь съ чего началъ. Рыбу ловили въ нашемъ присутствiи. Поймалось невѣроятное множество всякаго рода рыбы. Закидывали тоню два раза.

3 Марта 1783 г. Поутру занимался чтенiемъ. Пришелъ Сушковъ, оставшiйся у насъ обѣдать. Онъ всѣхъ насъ пригласилъ къ себѣ на завтра ѣсть скоромное. Вчера Болотниковъ былъ у архiерея и отстоялъ обѣдню; губернаторъ и губернаторша были у обѣдни въ соборѣ.

4 Марта. Утромъ читалъ нѣкоторыя бумаги. За обѣдомъ у Сушкова были, кромѣ всѣхъ насъ, Телепневъ. пригласившiй насъ къ себѣ на Понедѣльникъ, Капишовскiй и Гартенингъ, подполковникъ Кизлярскаго полка. У Барановыхъ разсказывали между прочимъ про одну госпожу, которая, побывавъ въ Петербургѣ и замѣтивъ, что тамошнiя барыни бываютъ больны мигренемъ, по возвращенiи въ деревню созвала къ себѣ сосѣдокъ и объявила имъ, что у нея мигрень. Когда ее стали спрашивать, чтò это такое, она отвѣчала: Французская болѣзнь. У Барановыхъ я слушалъ всенощную.

5 Марта. Въ соборѣ была церемонiя проклятiя всѣхъ злодѣевъ и смѣющихся надъ иконами. Тутъ былъ весь городъ; но я не отправился, потому что немножко запоздалъ. За обѣдомъ у Барановыхъ, одинъ морякъ-лейтенантъ разсказывалъ про шалости, которыя позволяютъ себѣ дѣлать солдаты Селенгинскаго полка. Они отрѣзали ухо одному матросу, а другому размозжили голову. По словамъ его, самъ полковникъ тоже хорошъ: у него болитъ грудь оттого, что кто-то его высѣкъ, кого онъ хотѣлъ обидѣть. Губернаторъ говорилъ мнѣ, что въ Смоленскѣ есть два человѣка, которыхъ посылали въ чужiе края учиться, какъ дѣлать пчелиную матку изъ простой пчелы. Сна-

[43]) Графу Робриссони. См. выше подъ 28 Дек. 1781 и 4 Янв. 1782.

[44]) Потемкина.

[45]) Родъ карточной игры.

чала я возражалъ; но онъ и его супруга увѣряли, что, когда онъ былъ вице-губернаторомъ въ Смоленскѣ, одинъ изъ этихъ дѣлателей пчелиной матки находился подъ его начальствомъ. Увидавъ, что онъ вполнѣ убѣжденъ въ справедливости своего разсказа, я больше не противорѣчилъ.

6 Марта. Мы всѣ обѣдали у Телепнева, за исключеніемъ Озерецковскаго, который три ночи не ложился спать и четыре дня сряду объѣдается и опивается. Послѣ обѣда играли въ карты, и я проигралъ 93 руб. Большая часть собесѣдниковъ нагрузились, какъ обыкновенно бываетъ въ этой милой компаніи. Я ушелъ отъ ужина.

8 Марта. Поутру приходили ко мнѣ крестьяне съ жалобой на одного купца. Когда мы ѣздили на учуги, я далъ 75 р. крестьянамъ, которые вытаскивали тоню; бывшій тутъ купецъ принялъ эти деньги, чтобы раздать ихъ крестьянамъ, но вмѣсто того присвоилъ ихъ себѣ. Когда они пришли къ нему, онъ ихъ прогналъ, сказавъ, что имъ купцамъ эта забава стоила 300 рубл., стало быть они еще въ накладѣ. Мнѣ говорили, что откупщикъ на каждомъ ведрѣ получаетъ слишкомъ 22 коп. барыша. Былъ у Левашова. Онъ сказалъ, что не можетъ заплатить мнѣ проигранныхъ 1240 руб., и что я его одолжу, удовольствовавшись векселемъ; наличныхъ ему нельзя достать иначе какъ подъ 12 процентовъ; онъ же увѣренъ, что я не нуждаюсь въ этихъ деньгахъ. Я согласился.

16 Марта. Былъ съ Бушуевымъ и Озерецковскимъ въ соборной церкви и смотрѣлъ разныя архіерейскія одежды и шапки, украшенныя жемчугомъ и каменьями. Былъ у Барановыхъ, гдѣ мнѣ разсказывали, что Свѣчинъ жаловался на меня г-жѣ Функъ и говорилъ, что онъ никогда не пользуется каретою, что однажды онъ поѣхалъ въ ней, но я ужасно раскричался, потому что она не возвратилась во время; что поэтому онъ вынужденъ ходить пѣшкомъ, что лишь бы ему перебраться за границу, я узнаю что̀ онъ за человѣкъ, и что онъ не возвратится больше въ Россію [46]). У него спросили, когда мы ѣдемъ. Онъ отвѣчалъ, что поѣдетъ, когда ему вздумается и что это вполнѣ зависитъ отъ него. Левашовъ сказывалъ мнѣ сегодня, что къ нему пишутъ о походѣ нашихъ войскъ въ горы противъ Чеченцевъ и что съ нашей стороны убито слишкомъ полтораста человѣкъ. Вчера я подарилъ архіерею свой телескопъ [47]).

30 Марта. Кизляръ. Сегодня Бушуевъ поѣхалъ къ Павлу Сергѣевичу, живущему верстъ за 60 отсюда, на теплыхъ водахъ, поговорить о своихъ дѣлахъ и просить отмѣны его распоряженій; дабы

---

[46]) Николаю Сергѣевичу Свѣчину (занимавшему впослѣдствіи недолгое время должность генералъ-провіантмейстера) пришлось потомъ дѣйствительно жить постоянно и, кажется, умереть въ Парижѣ: это мужъ извѣстной католички Софьи Петровны Свѣчиной.

[47]) Графъ Бобринскій любилъ заниматься астрономіею, и въ Петербургскомъ домѣ его на Галерной была обсерваторія.

не причинять слишкомъ много хлопотъ. Павелъ Сергѣевичъ писалъ Бушуеву, что онъ распорядился, чтобы намъ ѣхать въ полной безопасности съ провожатыми и съ пушками. Письмо это привезено сыномъ Красноярскаго коменданта, находившимся въ Астраханскомъ полку. На водахъ находится одинъ Нѣмецкій принцъ. 28-го, во Вторникъ, мы пріѣхали въ Кизляръ. Бушуевъ, Озерецковскій, Борисовъ и я обѣдали у коменданта, бригадира Куроѣдова [48]). Онъ имѣетъ Георгія 4-й степени за 25 лѣтнюю безпорочную службу. Мы были въ крѣпостной церкви, которая обошлась въ 14 тысячъ рублей; при ней школа. Та и другая каменныя. Когда я взошелъ, одинъ ученикъ держалъ рѣчь на Французскомъ языкѣ.

31 Марта. Мы ѣздили верхами на охоту съ собаками и ястребомъ. Насъ сопровождало много Армянъ, торгующихъ въ этомъ городѣ. Видѣли нѣсколько зайцевъ и дикую козу, но ни одного не поймали, проѣздивши цѣлый день. Ѣли мы близъ одного форпоста по Персидской дорогѣ. Комендантъ тамошняго гарнизона, маіоръ Михельсонъ, выѣхалъ къ намъ на встрѣчу въ шарфѣ. Въ камышѣ добыли мы двухъ фазановъ: одного убили изъ ружья, а другаго захватила гончая собака. Стоитъ ошеломить ихъ раза два-три, они устаютъ, и тогда ихъ легко брать. Пока мы ѣли, Армяне плясали, прыгали и скакали другъ черезъ друга. Мы взяли съ собою рыбы.

1 Апрѣля. Бушуевъ возвратился въ 5 часовъ утра. По его словамъ, Павелъ Сергѣевичъ хорошо его принялъ. Онъ привезъ новости: Каменскій вышелъ въ отставку, князь Орловъ отпустилъ бороду, и она была у него уже очень большая; онъ видѣлся съ Нѣмецкимъ принцемъ. Павелъ Сергѣевичъ выразилъ сожалѣніе о томъ, что мы не хотимъ имѣть провожатаго офицера. Онъ полагалъ, что мы встрѣтимся съ княземъ Потемкинымъ.

5 Апрѣля. Мы возвратились изъ деревни отъ г-на Тарумова; я проѣхалъ 50 верстъ верхомъ.

6 Апрѣля. Утромъ пріѣхалъ курьеръ отъ Павла Сергѣевича и привезъ пакетъ съ надписью: «Ордеръ господину оберъ-штеръ-кригсъ-комисару Алексѣю Михайловичу Бушуеву». Въ пакетѣ находился календарь или вѣрнѣе списокъ лицъ военнаго вѣдомства, и письмо отъ Попова, управляющаго канцеляріею князя Потемкина. Обѣдали мы у коменданта; жена у него два мѣсяца тому назадъ померла. Когда мы были въ деревнѣ у Тарумова, хозяинъ обращался ко мнѣ съ вопросами, которые мнѣ показались немного подозрительными; напр. онъ старался провѣдать, извѣстно ли мнѣ, сколько барыша получаютъ отъ рыбы Астраханскіе купцы, какова показалась мнѣ жизнь въ Астрахани и веселился ли я тамъ. Тарумовъ родомъ Персіянинъ. Онъ не позабылъ своего обѣщанія относительно лошади, которую я хотѣлъ прі-

[48]) Кажется, это тотъ самый Куроѣдовъ, который описанъ въ Семейной Хроникѣ С. Т. Аксакова, подъ именемъ Куролесова. Изъ статьи М. Ѳ. Де-Пуле о Второвѣ-отцѣ (въ Русскомъ Вѣстникѣ 1875) оказывается, что кровожадность не мѣшала Куроѣдову быть человѣкомъ по тому времени начитаннымъ и что̀ называется просвѣщеннымъ.

обрѣсти, и поручилъ это дѣло одному Армянину, который на дняхъ привелъ плохую лошадь, а лучшая куплена какимъ-то Кавказскимъ княземъ. Бушуевъ разсказывалъ, какъ поступаютъ князь Голицынъ и многіе другіе, напр. генералъ-маіоръ Леонтьевъ (о которомъ онъ отзывался очень хорошо), какъ полковники выдавали купцамъ атестаты, будто они служили сержантами въ полевыхъ полкахъ и какъ съ этими атестатами купцу доставался офицерскій чинъ; а князь Сергѣй Голицынъ [49]), маіоръ гвардіи, атестовалъ двухъ Московскихъ купцовъ вахтмистрами Смоленскаго драгунскаго полка и далъ имъ нужныя бумаги для производства въ офицеры у князя Потемкина, который конечно и подписалъ бы эти бумаги, если бы не вмѣшался Архаровъ, сказавшій о томъ Бушуеву, который успѣлъ остановить дѣло [50]). Я написалъ письмо къ Бецкому съ извѣщеніемъ, что Болотниковъ доставилъ мнѣ письмо отъ него и съ выраженіемъ моей чувствительной признательности Государынѣ за то, что она изволитъ обо мнѣ помнить.

12 Апрѣля. Сегодня поутру я узналъ, что Сарептскіе колонисты [51]) были въ Кавказскихъ горахъ для того, чтобы сыскать своихъ соотечественниковъ, сообщить имъ объ ихъ происхожденіи и обратить ихъ въ свою вѣру; но что эта безплодная попытка, стоившая отъ 300 до 400 рублей, не привела ни къ чему. Они выписывали къ себѣ человѣка и учились у него потатарски, все по напрасну. Любопытно, что горцы, которыхъ они думали обратить, вовсе не занимаются земледѣліемъ, но живутъ ручною работою, изготовляя сукно, ружья, пистолеты, ножи и кинжалы, управляются же на подобіе того, какъ жители Сарепты. Ихъ не свыше тысячи семействъ; они жили, какъ всѣ Венгры, возлѣ Маджаръ и переселились [52]). По ихъ словамъ, имъ очень извѣстно отъ стариковъ, что часть ихъ имѣла когда-то соотечественниковъ въ Германіи, но изъ-за этого они не желаютъ покидать своихъ поселеній и мѣнять теперешнюю свою вѣру. Мнѣ сказывали, что въ Кизлярѣ было нѣчто въ родѣ чуда. Одинъ Армянинъ, чтобы избавиться отъ бѣдствій, причиняемыхъ саранчею, вызвался сходить верстъ 150 за Араратъ и достать оттуда воду, которую онъ принесетъ сюда, не ставя на землю, и что за тѣмъ весною прилетятъ небывалыя въ Кизлярѣ птицы, которыя

---

[49]) Славный князь Сергѣй Ѳедоровичъ, женатый на племянницѣ князя Потемкина. Все Потемкинское конечно было нелюбезно графу Бобринскому по князю Орлову.

[50]) Изъ этого мѣста не слѣдуетъ ли заключить, что полковникъ Бушуевъ, приставленный къ Бобринскому въ видѣ надзирателя, былъ изъ людей Потемкинскихъ?

[51]) Графа Бобринскаго занимали Сарептскіе поселенцы, состоявшіе въ вѣдѣніи князя Орлова; кромѣ того, самъ онъ провелъ дѣтство въ окрестностяхъ Лейпцига, стало быть близъ родины колонистовъ.

[52]) Вотъ слова подлинника: Qu'ils ont demeuré, comme tous les Hongrois, auprès de Маджаре et qu'ils se sont transmis là.

пожрутъ саранчу. Сдѣлали складчину, дали ему около 250 р., и онъ отправился. Принесенную имъ воду поставили въ Армянской церкви. Черезъ нѣсколько времени прилетаютъ птицы и располагаются по землѣ. Къ довершенію бѣды, въ Армянской церкви дѣлались какія-то починки, при чемъ сосудъ съ водой опрокинули и воду пролили, и послѣ этого черезъ недѣлю птицы исчезли. Старики не помнятъ, чтобъ имъ когда-нибудь случалось видѣть прежде подобныхъ птицъ. Явилась саранча, но птицъ уже не было.—Здѣсь есть искусный человѣкъ, умѣющій лѣчить дурно справленную разбитую кость. Онъ говоритъ, что подъ Дербентомъ ловится рыба, и стоитъ человѣку съ раздробленною ногою съѣсть половину этой рыбы, а другую положить на расшибленное мѣсто, кость разойдется снова, хотя и была бы срощена. За этою рыбою послали для полковника Лунина, который страдаетъ отъ расшибленной ноги.

13 Апрѣля. Свѣчинъ и Борисовъ получили по сту рублей. Я предлагалъ и Болотникову, но онъ не принялъ, сказавъ, что ему еще не нужно, при чемъ скорчилъ такую глупую рожу, что я не могъ надивиться: точно онъ сдѣлалъ что-нибудь особенное.

28 Апрѣля. Утромъ мы прибыли въ Черкаскъ. Дорогою повстрѣчался намъ Бѣлорусскій стрѣлковый батальонъ Ребиндера. Обѣдали у гетмана генералъ-маіора Иловайскаго.

29 Апрѣля. Написалъ письмо къ Павлу Сергѣевичу и благодарилъ его за всѣ оказанныя намъ любезности. Изъ Ставрополя насъ провожалъ маіоръ Астраханскаго драгунскаго полка князь Голицынъ. Онъ былъ адъютантомъ у фельдмаршала Голицына.

30 Апрѣля. Были на балѣ у гетмана Иловайскаго, гдѣ было много народа и танцовали. Были также въ церкви, очень богатой. Священникъ сказалъ намъ рѣчь, въ которой весьма искусно сравнилъ насъ съ пчелами, трудящимися для того, чтобы запасти себѣ пищи на зиму. Поутру намъ показывали много знаменъ, пожалованныхъ казакамъ послѣ войнъ, въ которыхъ они участвовали. Нѣсколько дней какъ Бушуевъ спрашиваетъ у моего человѣка, сколько на какой станціи я велю давать ямщику. Это мнѣ кажется немного странно.

1 Мая. Обѣдали у непремѣннаго судьи Мартынова. Затѣмъ были въ 4 или 5 мѣстахъ, и вездѣ пили съ избыткомъ, и потомъ отправились водою. Мы проѣзжали мимо Аксайскихъ горъ, въ 15 верстахъ ниже Черкаска. Въ Черкаскѣ намъ сказали, что будетъ конгрессъ, на который пріѣдутъ фельдмаршалы Румянцовъ и Чернышевъ, и что экипажи перваго изъ нихъ привезены въ Херсонъ. Мы пріѣхали въ крѣпость Св. Димитрія, въ 30 верстахъ, и ужинали у коменданта генералъ-маіора Гурьева. Сегодня мнѣ говорили много о Болотниковѣ, который жалуется на меня и говоритъ, что ему легче умереть съ голоду, чѣмъ одолжаться мною [53].

---

[53]) Объ Алексѣѣ Ульяновичѣ Болотниковѣ (впослѣдствіи сенаторѣ, управлявшемъ министерствомъ юстиціи въ 1813 г.), читатели могутъ найти любопытныя подробности въ 3 и 4 частяхъ Записокъ Вигеля.

2 Мая. Ѣздили версты за полторы отъ этой крѣпости смотрѣть Армянскій городъ Нахичевань, что̀ на ихъ языкѣ значитъ «передовое селеніе». Эти Армяне выселились изъ Крыма. Мы видѣли ихъ церковь и фабрики, на которыхъ приготовляются разныя ткани.

5 Мая 1783 г. Ѣздили за 40 верстъ на конскій заводъ Иловайскаго. У него до 1000 лошадей, т. е. заводъ очень значительный. Поутру былъ полковникъ Булгаковъ, служившій въ гвардіи, въ Семеновскомъ полку (онъ поѣхалъ съ комендантомъ къ Иловайскому) и генералъ-маіоръ Елагинъ. Мы пріѣхали въ два часа къ обѣду, за которымъ и послѣ котораго пили до невѣроятности. Елагинъ, комендантъ, Булгаковъ и Бушуевъ нагрузились совсѣмъ. Есть на заводѣ отличныя лошади, но большая часть ничѣмъ незамѣчательны. Въ Черкаскѣ Бушуевъ дурно отзывался объ Иловайскомъ въ присутствіи его родственниковъ. Я сказалъ о томъ Свѣчину, а Свѣчинъ передалъ Бушуеву,—вотъ и вышла сплетня. Вечеромъ онъ далъ повару два рубля нарочно для того, чтобы показать, будто я его дурно кормлю. Не знаю, чему приписать столь странные поступки этихъ господъ. Въ крѣпости Св. Димитрія до 400 орудій. Мы возвратились изъ деревни въ исходѣ 12-го часа. Бушуева насилу разбудили.

6 Мая. Поутру комендантъ прислалъ звать насъ на обѣдъ. Бушуевъ и Свѣчинъ не были, извинившись первый головною болью, а второй сослался на какую-то помѣху; вѣроятно, что по обычаю своему онъ просто привередничалъ. Третьяго дня мы ѣздили за двѣ версты внизъ смотрѣть на спускъ новопостроеннаго фрегата. Это уже 16-й фрегатъ. Строятъ еще другіе. Морякъ-бригадиръ, г-нъ Воронинъ. Съ нами былъ и генералъ-маіоръ Елагинъ. Мы ѣздили туда и назадъ въ шлюпкѣ. Фрегатъ спущенный въ рѣку имѣетъ 40 пушекъ. Лишь только его спустили, на немъ показался военный флагъ, бѣлаго цвѣта съ голубымъ крестомъ. Съ нами былъ Армянскій архіерей; онъ началъ разсказывать порусски какую-то исторію и говорилъ безъ конца. Знаю только, что онъ говорилъ невразумительно и что я ничего не понялъ. Пока мы были съ Иловайскимъ въ деревнѣ, приходилъ артиллерійскій офицеръ жаловаться на атамана, что онъ «его разругалъ и что заставилъ его команду ночевать на чистомъ воздухѣ, и что не хочетъ квитанцію ему дать и прочіе вздоры, и казалось, что его требованіе очень справедливо было; но г. Иловайскій защищалъ своего атамана» [54]).

7 Мая. Всѣ мои товарищи обѣдали у коменданта Гурьева, а я сидѣлъ дома: у меня нога болѣла. Утромъ Иловайскій далъ намъ знать, что предположенная третьяго дня прогулка не состоится по причинѣ его болѣзни. Онъ прислалъ мнѣ Черкесскую шапку.

8 Мая. Мы пріѣхали въ 3 ч. по полуночи, въ Таганрогъ, 80 верстъ отъ крѣпости Св. Димитрія. Все время нашего пути шелъ дождь и слышенъ былъ громъ. Насъ встрѣтилъ морской офицеръ. Постели были приготовлены. Бушуевъ разсказывалъ со словъ полковника

---

[54]) Означенное кавычками писано въ подлинникѣ порусски.

Булгакова (получившаго письмо изъ Москвы), что князь Орловъ, бывши въ Петербургѣ, видѣлся одинъ разъ съ Государынею, при чемъ находился г-нъ Брюсъ, что-то сказавшій ему наперекоръ, и что князь сказалъ порусски: «Когда я умнѣе казался, тогда Брюсъ дуракомъ былъ, а теперь и онъ умнѣе сталъ». Въ самое то время подошелъ Иванъ Ивановичъ Бецкій къ Государынѣ, то онъ будто сказалъ, что теперь его лечитъ мужикъ Русскій. Сіе должно было случиться прежде, нежели онъ поѣхалъ въ Москву [55]. Послѣ обѣда пришелъ къ Бушуеву генералъ-маіоръ во фракѣ. Я купался въ морѣ.

9 Мая. Я не былъ въ церкви. Всѣ остальные обѣдали у генералъ-маіора, который подарилъ карту Азовскаго и Чернаго морей. Я обѣдалъ дома съ Озерецковскимъ. Мнѣ сегодня говорили про Бушуева, что онъ жалуется на большія издержки, которыя онъ принужденъ дѣлать ради этого путешествія и что онъ уже истратилъ съ отъѣзда слишкомъ 4000 р. Болотниковъ показывалъ также списокъ надѣланныхъ имъ долговъ во время путешествія, всего до 3000 р. Отсюда доплываютъ въ Константинополь въ 5 дней при попутномъ вѣтрѣ. Когда Бушуевъ показывалъ свои счеты, у него спросили, зачѣмъ онъ далъ слугамъ князя Мещерскаго по 25 р. каждому, и столько разъ давалъ архіерейскимъ пѣвчимъ въ Астрахани и молочникамъ. На это онъ ничего не сказалъ.

15 Мая. Переправляясь черезъ Днѣпръ рѣку близъ Карнауха, узналъ, что князь скончался [56]. Отъ сего мѣстечка до Херсона около 300 верстъ. Въ Херсонъ мы прибыли вечеромъ, въ 7 ч. и остановились въ гостинницѣ, гдѣ ожидали, чтобы намъ показали, гдѣ приготовлено для насъ помѣщеніе. Слишкомъ черезъ полтора часа привели насъ наконецъ въ домъ, на другомъ концѣ предмѣстья. Въ тотъ же вечеръ приходилъ г-нъ Рит. и разсказывалъ намъ, что Свѣчинъ надѣлалъ банковыхъ ассигнацій слишкомъ на два милліона рублей, что братъ его возвратился въ Италію, куда его посылали по дѣлу о покупкѣ желѣза у Неаполитанскаго короля, что на этомъ онъ пріобрѣлъ слишкомъ 100 тысячъ р.; что Бецкій въ безпрестанномъ огорченіи, хочетъ оставить Корпусъ и проситъ увольненія отъ всѣхъ своихъ должностей. Повстрѣчавшійся намъ на дорогѣ Пушкинъ сказывалъ, что Шуваловъ [57] уже занялъ мѣсто Бецкаго по управленію Кадетскимъ Корпусомъ.

26 Мая. Праздникъ. Утромъ мы всѣ, кромѣ Болотникова, ходили къ князю Потемкину. Бушуевъ отправился впередъ. Я видѣлъ солдатъ безъ хвостовъ, въ длинныхъ штанахъ и зеленыхъ курткахъ съ красными отворотами. У князя было много народа: генералъ Ка-

---

[55]) Эти слова, начиная съ отзыва князя Орлова о Брюсѣ и далѣе дневникъ 15 Мая писаны въ подлинникѣ порусски.

[56]) Князь Орловъ скончался въ Москвѣ 11 Апрѣля 1783, въ умономѣшательствѣ.

[57]) Иванъ Ивановичъ.

ховскій, генералъ Долгоруковъ, полковникъ Ганъ, бывшій въ Петербургѣ на пороховомъ заводѣ. На пути въ Херсонъ я узналъ, что князь Орловъ умеръ, но не зналъ никакихъ подробностей. Мы недолго ждали князя Потемкина; онъ скоро вышелъ и спросилъ насъ, много ли неудобствъ терпѣлъ я во время путешествія. Я отвѣчалъ, что не особенно, хотя большая часть дороги пролегаетъ въ пустынѣ. «Да и здѣсь, сказалъ онъ, только пустыня и вода, и видѣть больше нечего» [58]). Я позабылъ замѣтить, что въ тотъ же вечеръ какъ мы пріѣхали, Бушуевъ былъ у князя и, возвратившись отъ него, говорилъ въ другой комнатѣ Болотникову (я не спалъ и слышалъ), что мы послѣ завтра же уѣдемъ, а по какой причинѣ, онъ не смѣетъ сказать; послѣ того они стали разговаривать такъ тихо, что я не могъ ничего разслышать. Сегодня утромъ я спросилъ его о времени нашего отъѣзда; онъ отвѣчалъ, что придется ѣхать завтра, такъ какъ ходятъ слухи о чумѣ.

Дорогою въ Екатеринославъ имѣлъ я горячее объясненіе съ Б. Съ версту ѣхалъ я на казачьей лошади и, слѣзая съ нея, спросилъ его, какъ ему нравится моя лошадь. Онъ сталъ говорить, что невиноватъ ни передъ Богомъ, ни передъ Государыней, ни предъ Отечествомъ, и что я составляю его несчастіе. Я спросилъ, къ чему онъ это говоритъ. Онъ отвѣчалъ, что я врежу себя верховою ѣздою и что если кто увидитъ меня на этой лошади, ему будетъ отъ этого несчастіе. Уже не разъ говоритъ онъ, что путешествіе съ нами ему въ родѣ наказанія. Я замѣтилъ ему, что въ такомъ случаѣ пусть онъ не касается до меня, что я вовсе не имѣлъ чести его знать, даже и не видалъ его. Слово за словомъ, и я имѣлъ нескромность выразиться, что онъ выходитъ изъ границъ и не долженъ былъ обращаться ко мнѣ съ чѣмъ нибудь подобнымъ. На пути отъ князя мы были въ церкви, гдѣ служили обѣдню погречески. Было много молящихся, и въ церкви была чрезвычайная духота. Мы не достояли до конца. Графъ Скавронскій и графиня Браницкая пріѣхали въ Херсонъ. Дорогою Свѣчинъ сказалъ, что поваръ не получаетъ жалованья и что это чрезвычайно странно.

*

«Изъ Кіева выѣхали 3-го числа (Іюня). Пріѣхали въ Васильковъ, гдѣ ночевали, а 4 поутру выѣхали, были остановлены у границы и осмотрѣли насъ. Граница наша за Васильковымъ продолжается еще за 6 верстъ. Обѣдали въ Хвостовѣ при рѣкѣ Унова, впадающей въ Ирпинъ, а Ирпинъ въ Днѣпръ. 5-го числа отъ Хвостова до Паволочи 5 миль, на рѣчкѣ того же имени и рѣчкѣ Ростовской, а сіи рѣчки впадаютъ въ Рось, а сія въ Днѣпръ. Черногродки, гдѣ ночевали.

6-го. Отъ Черногродки до Бердичева, гдѣ ночевали. Отъ Бердичева до Чудова, гдѣ ночевали. Отъ Чудова 4 мили до Мирополья

---

[58]) Князь Потемкинъ могъ видѣть въ умномъ и наблюдательномъ путешественникѣ (по близости его къ Орловымъ) соглядатая.

при рѣчкѣ Шаусъ. Отъ Мирополья до Полонна 2 мили, при рѣкѣ Хомиръ» [59]).

4 Ноября. Выѣхавъ изъ Варшавы въ 5 часовъ пополудни, ночевали въ 2 миляхъ оттуда, въ деревнѣ г-на Теннера, купленной у графа Ржевускаго. Тамъ уже были г-да Толь и Струве, и мы помѣстились въ прекраснѣйшей гостинницѣ.

11 Ноября. Подъ Краковымъ, гдѣ мы ночевали, случилось намъ похвалить одну дѣвочку за ея красоту. Утромъ явился къ намъ отецъ ея просить денегъ на воспитаніе ея въ монастырѣ, и каждый изъ насъ, кромѣ Болотникова, далъ ему по червонцу.

12 Ноября. Я проснулся очень рано, въ 5 часовъ и пошелъ осматривать Краковъ; онъ довольно красивъ. На обѣдъ пригласилъ насъ староста Клаповскій, жившій въ Варшавѣ рядомъ съ нами. Жена его очень красива и молода. Я сидѣлъ возлѣ нея за обѣдомъ. Надо писать къ Бецкому; уже слишкомъ три мѣсяца, какъ я не писалъ къ нему.

14 Ноября. Въ церкви Краковскаго замка мы видѣли много нашихъ церковныхъ одѣяній. Церковь построена 300 лѣтъ назадъ.

1 Декабря 1783. (*Вѣна*). Утромъ былъ у меня докторъ, и я совѣтовался съ нимъ о моей болѣзни. Онъ мнѣ предписалъ не ѣсть и не пить ничего горячительнаго, вина, пирожнаго и назначилъ мнѣ лекарство. Потомъ я ходилъ играть на биліардъ и проигралъ 120, чтò составляетъ значительную сумму, и передъ тѣмъ я проигралъ 69. Я игралъ около 4 часовъ. Садясь за обѣдъ, я спросилъ у моихъ спутниковъ, чтò видѣли они хорошаго. Тогда Бушуевъ сталъ говорить, что провожавшій ихъ офицеръ былъ очень недоволенъ моимъ отсутствіемъ и что съ моей стороны нехорошо не осматривать достопримѣчательные предметы, что ему приходится платить людямъ, которые показываютъ ихъ; что, находясь въ Россіи, я не былъ такъ невнимателенъ. Все это было сказано чрезвычайно непріятнымъ тономъ. Князь Голицынъ далъ намъ знать, что слѣдуетъ быть у князя Кауница. Мы отправились. Было много народу. Оттуда онъ насъ повезъ къ графу Арцбергу.

3 Декабря. За обѣдомъ у Аллегретти, одинъ изъ членовъ дипломатическаго корпуса сказывалъ мнѣ про Бецкаго, что, будучи здѣсь, онъ хвалился мною и что Рибасша поручила нѣкоему Коху свою переписку съ Дюваломъ, нѣкогда состоявшимъ при Вѣнскомъ дворѣ, и что по его мнѣнію публика не встрѣтитъ благосклонно этой книги, потому что въ ней много мелочей, не для всѣхъ понятныхъ [60]). Онъ говорилъ, что зналъ г. Дашкову и многихъ Русскихъ

---

[59]) Означенное кавычками писано въ подлинникѣ порусски. Дневникъ прерывается, и въ немъ нѣтъ пребыванія въ Варшавѣ, гдѣ особенно угощали путешественниковъ; изъ дневника заграничнаго, мы выбираемъ лишь немногія мѣста. По большей части, особливо во время Парижской жизни, это дневникъ увлеченій молодаго человѣка.

[60]) Переписка Рибасши съ Дюваломъ, на Французскомъ языкѣ, дѣйствительно вышла въ свѣтъ.

дамъ, что Рибасша воспитывалась у князя Голицына, т. е. у его жены что и здѣсь ее звали мамзель Анастасія, что ему извѣстно, въ какой милости она у Бецкаго. Я слышалъ, что Государыня была очень опасно больна.

22 Іюля. Кирила былъ мертвецки пьянъ. Онъ грязенъ какъ свинья, и не хотѣлъ сознаться въ томъ. Я ударилъ его раза два или три. Никогда прежде я никого не билъ.

Флоренція, 1 Августа 1784. Князь Волконскій, сынъ покойнаго Московскаго генералъ-губернатора, разсказывалъ о томъ, чтò дѣлалъ князь Вяземскій въ Миланѣ, Туринѣ и Бордо. Въ одинъ почтовый день онъ явился къ первому министру, въ круглой шляпѣ и въ Англійскомъ нарядѣ, и просилъ, чтобы его представили ко двору. Министръ ему отвѣчаетъ, что онъ не можетъ этого сдѣлать, что онъ представляетъ только одному императору и спрашиваетъ, есть ли у него рекомендательныя письма. Вяземскій говоритъ, что писемъ у него нѣтъ, и что если бы онъ зналъ, то привезъ бы ему свое Русское метрическое свидѣтельство. Затѣмъ министръ препроводилъ его къ графу Альбани для представленія ко двору. Графъ назначилъ ему день и часъ. Эрцгерцогъ дожидается его. Посылаютъ въ гостинницу освѣдомиться о немъ и узнаютъ, что онъ уѣхалъ въ Бордо. Онъ похитилъ женщину, которую возитъ съ собою. Полиція гналась за нимъ, чтобы взять бриліанты, которые эта женщина увезла съ собою, бросивъ своего мужа, и въ Моденѣ онъ былъ принужденъ выдать все увезенное ею. Эта женщина обѣдала при дворѣ, и когда спросили, кто она, оказалось, что она у него на содержаніи. Въ Англіи князь Вяземскій давалъ балы, человѣкъ на 200 приглашенныхъ.

4-го Сентября. За обѣдомъ у насъ были состоящіе при министрѣ Дункель (братъ г-жи Ассебургъ) и одинъ Малороссіянинъ. Они вмѣстѣ воспитывались въ Академіи Наукъ. Они намъ сказывали, что Ланской умеръ, проболѣвъ воспаленіемъ горла отъ шести до семи дней. Олсуфьевъ также умеръ. Принцъ Ангальтъ часто бываетъ въ Кадетскомъ корпусѣ. Его очень уважаютъ [61]).

8 Октября 1784. Миланъ. Полковникъ (Бушуевъ) сказывалъ мнѣ, что по письму, которое Тиманъ [62]) получилъ отъ Рибаса, Бецкій въ большой немилости у двора и что Рибасша неутѣшна. Мантейфель пишетъ Рибасу, что графъ Строгоновъ, однажды утромъ, замѣтивъ, что онъ дружески разговаривалъ съ Рибасомъ, пригласилъ его къ себѣ обѣдать и послѣ обѣда, отведя его въ сторону, предупреждалъ его не водиться съ Рибасомъ, или по крайней мѣрѣ скрывать свои сношенія съ нимъ, потому что иначе онъ можетъ повредить себѣ, такъ какъ Рибаса считаютъ человѣкомъ чернымъ, безъ

---

[61]) Въ подлинникѣ это писано такъ, чтобы можно было прочесть лишь въ зеркалѣ. На оберткѣ помѣта рукою Лехнера: Ecriture à rebours; il faut le lire devant un miroir. J'ignore si c'est la main du défunt, mais j'admire la patience de celui qui s'est donné cette peine.

[62]) Это, кажется, былъ докторъ, приставленный къ графу Бобринскому.

всякихъ убѣжденій, о чемъ Мантейфель и пишетъ Тиману, зная его связь съ Рибасомъ [63]).

15 Ноября 1784. Зиновьевъ сказывалъ, что, по слухамъ, Государыня очень опасно больна. Въ тотъ же вечеръ полковникъ получилъ письмо отъ нашихъ господъ, сообщающихъ тоже самое. Я хочу написать прошеніе, чтобы мнѣ позволили не продолжать путешествія. Въ письмѣ говорится о ракѣ въ груди и будто врачи объявили, что нѣтъ никакой надежды вылѣчиться [64]). Вечеромъ мы уговаривались съ полковникомъ, какъ написать прошеніе.

15 Декабря 1784. Ѣздили послѣ обѣда къ Каліостро и просидѣли у него слишкомъ два часа. Узнавъ, что я Русскій, онъ велѣлъ кланяться князю Потемкину и Елагину. Кажется, князь Потемкинъ не очень съ нимъ хорошъ. Каліостро говоритъ, что, когда кто пріѣдетъ Русскій, онъ проситъ немедленно его къ себѣ, потому что онъ любитъ Русскихъ. Онъ говоритъ, что живетъ съ давнихъ поръ [65]).

(Парижъ). Г. Зейфертъ говорилъ со мною о довольно многихъ матеріяхъ. Сказывалъ, что онъ званъ былъ отъ Великаго Князя быть докторомъ, но что онъ отказался, потому что, будучи уже разъ при дворѣ, онъ знаетъ, что̀ есть дворъ и что въ разсужденіи сего всѣ дворы одинакіе: ибо придворные, или окружающіе всѣ похожи въ маломъ или немного поболѣе видѣ. Сказалъ, что Императрица освободитъ изъ крѣпости всѣхъ своихъ подданныхъ во всемъ пространствѣ Имперіи и что ему весьма чудно показывается, что у насъ столь много перемѣнъ въ столь малое время случилось и что нѣтъ владѣнія, въ коемъ сіе случилось въ столь короткомъ времени, и прочія разсужденія философскія.

15. Во время около 10 лѣтъ только человѣка съ три изъ Русскихъ померло здѣсь. Мѣсто есть такое, гдѣ Русскихъ погребаютъ однихъ и за которое правительству платитъ министръ. Не позабыть каждый день нѣсколько стиховъ хорошенькихъ выучить наизустъ и сего держаться съ терпѣніемъ и не ложиться спать безъ сего. Былъ въ Jardin Royal уже раза два на послѣднихъ дняхъ. Разъ—одинъ, а другой—съ Булибинымъ. Позабылъ я, что у него Полякъ графъ Жабе какой-то взялъ тутъ часы и не отдаетъ ему, говоря, что онъ у него не бралъ. Были у меня г. Дубровскій и Булибинъ, которые довольно долго были. Сказывалъ Булибинъ, что графъ Artois у нея былъ. Хоть я ей и сказалъ, чтобъ ѣхала въ S-te Cloud, однакоже оставилъ до другаго раза. Былъ еще человѣкъ г. Gillet, бывшій въ Академіи Художествъ директоромъ въ Россіи. Спрашивалъ, гдѣ князь Голицынъ живетъ? Я ему написалъ домъ его. Онъ пробылъ, поговорилъ съ Дубровскимъ и обѣщалъ показать кабинетъ de la Reinie, славнаго fermier-général и богача и ушелъ. Весьма примѣчанія достойный у него носъ, кото-

---

[63]) Слѣдующее писано въ подлинникѣ понѣмецки.

[64]) Слухи эти происходили отъ того, что Государыня, по кончинѣ Ланскаго (25 Іюня 1784) цѣлые мѣсяцы никому не показывалась.

[65]) Послѣ этого подлинникъ писанъ снова порусски.

рый весьма великъ. Наименовалъ многихъ изъ Академіи вышедшихъ учениковъ, а именно Ступина.

3 Августа 1785. Послѣ обѣда былъ я смотрѣть exécution [66]) молодаго человѣка, котораго зажгли живаго за то, что покрыть хотѣлъ воровство свое пожаромъ, который онъ къ сему концу и зажегъ. При семъ положилъ 15 фунтовъ пороху, чтобъ взорвало.

Великій дождь былъ въ самое то время, какъ приготовили сжигать человѣка. Градъ и громъ продолжался около $^3/_4$ часа. Всего народа перемочило такъ, что по мѣсту рѣки текли, и принуждены солому, которую приготовили, перемѣнить. Мы на верху были у одной женщины въ 4-мъ этажѣ въ покояхъ, откуда всю эту жестокую церемонію въ семъ столь славномъ, человѣколюбіемъ прославленномъ, народѣ смотрѣли.

21 Августа 1785. Г. Дубровскій обѣдалъ у насъ. За столомъ говорилъ я, что вчерашній день ко мнѣ приходили два человѣка спрашивать, что игралъ ли я съ Фалкіеромъ или нѣтъ. Я уже въ постели былъ, но какъ они меня отмѣнно хотѣли видѣть, то я ихъ впустилъ и что я имъ отвѣтствовалъ, что я никакой нужды не имѣю сказать, игралъ ли я или нѣтъ, и что не хочу вмѣшенъ быть въ дѣло, которое до меня такимъ мудренымъ образомъ касается; на это А. М. [67]) диссертацію читалъ цѣлую, наполненную глупости и окончилъ рѣчь свою, что весьма опасно обходиться со мною и съ нами всѣми; а въ разсужденіи меня и прочими глупостями и Дубровскаго тронулъ нѣкоторыми побочными словами.

22 Августа 1785. Пришелъ по утру г. Аскаръ, который ушелъ, какъ скоро Симолинъ взошелъ. Сказалъ онъ мнѣ въ разсужденіе, что былъ у барона [68]), и онъ спрашивалъ: правда ли, что я проигралъ Фалкіеру 5000 луидоровъ и что онъ пришелъ спросить у меня: правда-ли.

Августа 30 дня 1785. Бутурлинъ въ Лондонъ къ посольству опредѣленъ. Г. Каліостро съ женою своею сидитъ въ Бастиліи. Обѣдали у насъ г. Милорадовичъ и Данилевскій, кои простились съ нами. Они намѣрены пробыть малое время въ Лейпцигѣ, прежде нежели въ Россію возвратятся. Въ 12-мъ часу приходилъ ко мнѣ маркизъ Карачіоли съ письмомъ отъ Фалкіера на мое имя, въ коемъ проситъ, чтобъ деньгами его снабдилъ; но я не заблагоразсудилъ унизить сего, хотя маркизъ раза четыре принимался говорить о семъ: Eh bien, monsieur, Vous ne donnez donc rien?—Rien, отвѣтствовалъ я ему. Видя, что немного взялъ, сказалъ, что въ другое время ко мнѣ будетъ стихи показать: сравненіе Государыни съ Петромъ I. Я ему сказалъ, что весьма радъ буду его видѣть; такъ и разстались.

31 Августа 1785. Шумлянскій и другой докторъ [69]) ѣздятъ на коштѣ государевомъ съ письмами рекомендательными отъ Госуда-

---

[66]) Наказаніе.

[67]) Т. е. Алексѣй Михайловичъ Бушуевъ.

[68]) Грима, повѣреннаго Екатерины въ Парижѣ.

[69]) Тереховскій. См. Архивъ Князя Воронцова, книгу XI.

рыни къ посламъ и съ коммиссіею осмотрѣть всѣ госпитали, аптеки, школы лѣкарственныя и прочее до сей части касающееся, съ тѣмъ, чтобъ, осмотря всѣ лучшія заведенія, основать ихъ у насъ по намѣстничествамъ и въ провинціяхъ по лучшимъ планамъ.

12 Сентября 1785. Пришелъ къ А. М. Фалкіеръ и послѣ ко мнѣ, прося, чтобъ я въ Россію написалъ, что слухъ, что онъ меня объигралъ, фальшивъ. Говорилъ, что весьма сердитъ на Симолина за то, что онъ весьма дурно о немъ отзывался г. Монтеку и что Симолинъ писалъ въ Россію о немъ съ дурной стороны и что онъ о семъ извѣстился изъ Петербуга и что пришелъ спросить у меня, игралъ ли я съ кѣмъ нибудь и что ежели бы я ему сказалъ, что я съ кѣмъ нибудь игралъ, онъ о семъ полиціи скажетъ, чтобъ она знала, что онъ не игралъ, и прочія глупости. Онъ, выходя отъ меня, получилъ четверть листочка замасленной и отодранной, гдѣ стояло: à monsieur de Falkière chez monsieur Bobrinsky, à l'hôtel Vauban. Меня сіе весьма удивило. Ему оное вручилъ человѣкъ мой. Обѣдалъ у насъ Levêque, который послѣ обѣда довольное время остался разговаривать о кадетскихъ дѣлахъ.

Сентябрь 1785. Тому третій день, какъ А. М. получилъ письмо отъ И. И. Бецкаго, гдѣ повторяетъ ему повелѣніе ѣхать; а меня, снабдя довольнымъ числомъ денегъ, оставить по желанію моему. Говорили за столомъ о господинѣ Гримѣ и такимъ образомъ, будто подозрѣваютъ его въ чемъ нибудь. Свѣчинъ получилъ также отъ брата своего письма, въ коихъ ему пишутъ, что мы всѣ, кромѣ его, пожалованы въ капитанъ-поручики, а я въ секундъ-ротмистры.

17 Октября. Былъ поутру съ А. М. у господина Rilliers, который мнѣ читалъ повѣрительное письмо, въ коемъ сказано, что, имѣя повелѣніе оставить кредитивное письмо, проситъ господъ банкировъ мнѣ вѣрить, точно какъ ему. Оттуда поѣхалъ смотрѣть церемонію выкупленныхъ изъ Алгира, попадшихъ въ рабство. Они выкуплены двумя монастырями; а число выкупленныхъ 313 человѣкъ, всѣ мужескаго пола. Они еще два дня будутъ ходить по городу съ великою церемоніею. Господинъ Verac былъ у меня [70]), но нашелъ дверь запертою. Послѣ обѣда былъ у князя Голицына у молодаго, съ которымъ встрѣтился на лѣстницѣ, и поѣхали съ нимъ вмѣстѣ въ Французскую комедію, гдѣ только до перваго acte просидѣлъ des Ecoles de Méry и вышелъ и поѣхалъ домой. Поѣхавши домой отъ церемоніи, видѣлъ въ окнѣ у г. Розе Симолина молодаго. Симолинъ старый хотѣлъ тому мѣсяца съ полтора наслѣдства лишить молодаго, но помощію Машкова и любовницы его все сіе уничтожилось. Онъ уже приказалъ писать родъ relation къ Государынѣ Машкову; но Машковъ увѣдомилъ Симолина. Г. Розе Тиману рекомендательныя письма далъ къ Попову и къ Григор. А., чтобы быть помѣщеннымъ у него при экспедиціи иностранной корреспонденціи и говоритъ такимъ образомъ, будто онъ только одинъ у князя значитъ.

18 Октября 1785. Гримъ весьма любопытствуетъ обо мнѣ каж-

---

[70]) Бывшій передъ тѣмъ Французскимъ посланникомъ у насъ.

дый разъ, что того человѣка, котораго L. называютъ (видитъ). Ив. Иван. Бецкій ничего при дворѣ не значитъ и уже кромѣ воскресныхъ дней во дворецъ не ѣздитъ. Сіе извѣстіе отъ Симолина-старика идетъ. Я въ мысляхъ имѣю, что отсюда мнѣ не выѣхать и что врядъ ли цѣлымъ останусь. Ивану вчера ввечеру приказалъ сходить абонироваться для журнала.

19 Октября 1785 г. Былъ поутру трубку мою въ кофейномъ домѣ искать, гдѣ я тому дня съ 4 назадъ позабылъ и нашелъ ее. Былъ у доктора, который весьма на шарлатана похожъ и говорилъ, чтобы продолжать пилюли принимать и что симъ я выздоровѣю однимъ. Былъ Дубровскій у меня, и пошли къ ресторатору, куда и Колычевъ пришелъ съ однимъ другимъ, котораго я въ Вѣнѣ видѣлъ и обѣдали вмѣстѣ. Оттуда поѣхалъ къ книгопродавцу, гдѣ до самаго вечера былъ. Въ кофейный домъ вошелъ, гдѣ читалъ въ газетахъ de Deux Ponts анекдотъ про Русскихъ изъ Вѣны. Пишутъ, что три Русскіе въ биліардъ играли до полуночи и хотѣли выдти не заплатя за биліардъ, говоря, что, какъ alliés [71]) императора, они не принуждены платить, на кое маркеръ не соглашался; но они его прибили и ушли вонъ. Купилъ я книгъ на 46 франковъ и 8 копѣекъ. Мнѣ непремѣнно квартиру перемѣнить потребно, и хочу взять à l'hôtel du Parlement d'Angleterre, rue Coqueron. Дешевле и спокойнѣе. Говорилъ я съ хозяиномъ сегодня, прежде нежели идти обѣдать, о цѣнѣ моихъ покоевъ, и мы согласились по 18 луидоровъ на мѣсяцъ, считая поденно. Говорилъ онъ, что есть нѣкоторое несогласіе въ платежѣ съ полковникомъ [72]); но считаетъ, что сіе аранжируется. Говорилъ, что сына своего отправилъ въ Америку искать своего счастія; что на домы выигрываютъ болѣе нежели 60% и что хозяинъ выигрываетъ, не входя въ мелочи. Выигрываетъ болѣе 16 и 17%, что весьма хорошій доходъ дѣлаетъ; что съ кофея выигрываютъ со всѣмъ транспортомъ, считая болѣе 100 на 100. Разговорились мы весьма о разныхъ матеріяхъ: о соли, о табакѣ. Соль приноситъ королю болѣе нежели 16%, а табакъ также приноситъ весьма много. Аббатъ Межетъ былъ у меня по утру и хотѣлъ начать со мною опять. Я ему означилъ 3 дня въ недѣлю, а именно Понедѣльникъ, Середу и Пятницу по утрамъ.

26 Октября 1785 г. Былъ аббатъ Межетъ, который письмо писалъ вчерашній день мнѣ о деньгахъ и которыя я ему и вручилъ сего дня. Они состояли въ 600 франкахъ. Былъ князь Голицынъ молодой, который отъѣзжаетъ въ Италію. Онъ намѣренъ въ посольскую карьеру вступить и быть chevalier d'ambassade въ Вѣнѣ, у дядюшки Голицына, который ихъ трехъ братьевъ объявилъ тому годъ назадъ своими наслѣдниками и, по его сказанію, каждый изъ трехъ братьевъ будетъ имѣть 11.000 душъ за собою. Говорилъ мнѣ о лакеѣ, который камердинеромъ былъ у дядюшки его князя Юсупова въ Туринѣ.

---

[71]) Т. е. союзники.

[72] Бушуевымъ.

1 Ноября 1785 г. Былъ у колдуньи, которая мнѣ удивительныя вещи сказывала. Много лгала, но говорила много правды. Получилъ извѣстіе Пескорскій, что наши господа уѣхали изъ Страсбурга.

3 Ноября 1785 г. Г. Levêque былъ у меня и говорили о сходствѣ Латинскаго и Россійскаго языковъ и между прочими попали на глаголъ вертѣть, который такъ какъ на Латинскомъ, такъ и на Россійскомъ почти одинаково склоняется.

19 Ноября 1785 г. Былъ поутру у Машкова и съ нимъ пошелъ къ посланнику нашему. У Симолина обѣдали: я, Колычевъ, Шаховской, Машковъ, Симолинъ, Брюль, Саксонскій министръ въ Лондонѣ, купецъ одинъ Французскій Andros и его племянникъ. Этотъ Брюль имѣетъ сына уже лѣтъ 19. Потоцкій нѣкоторый пріѣхалъ въ Парижъ, который обо мнѣ спрашивалъ и что меня зналъ, говоритъ, въ Варшавѣ. Симолинъ былъ одѣтъ въ мундиръ принца de Galles, кафтанъ съ золотыми брандебурами, желтые штаны и камзолъ и съ Аннинскою лентою. Обѣдъ хорошъ былъ и весьма чистъ, и угощали хорошо. Симолинъ весьма ласковъ былъ со мною; но все въ глазахъ что-то, чтò мнѣ мудренымъ кажется, ежели я не обманываюсь.

Кенигсбергъ, 6-го (17-го) Сентября 1786 г. Какъ скоро здоровье моего спутника Степана Степановича [73]) поисправилось, мы пустились въ путь на 8 лошадяхъ, дабы намъ упредить короля и видѣть шествіе его величества въ свою столицу старинную. По дорогѣ встрѣчались намъ тріумфальные ворота и другія торжественныя зданія и украшенія, которыми дворяне и обыватели сихъ мѣстъ украшали путь своего государя. Мы проѣхали маленькіе города безъ всякаго осматриванья, и какъ мы ни поспѣшали, однакожъ король насъ перегналъ за полмили отъ Браунсберга. Его величество сидѣлъ съ однимъ изъ своихъ министровъ въ дорожномъ открытомъ калешѣ, запряженномъ 16 лошаками. Какъ скоро калешъ его съ нашею каретою поравнялся, мы опустили стекла. Его величество соотвѣтствовалъ нашей учтивости, привставъ съ своего мѣста и приподнявъ шляпу. Мы, смотря на короля, пустились было также бѣжать въ прыть, но немного головы не сломали и принуждены были держаться своего обыкновеннаго шага, которымъ и пріѣхали въ Кенигсбергъ вечеромъ. Дорога отъ самаго Кенигсберга, если не совсѣмъ покойная, по крайней мѣрѣ веселая по своимъ видамъ. За полмили отъ Браунсберга открывается море, покрытое купеческими кораблями; а, выѣхавъ изъ Браунсберга (небольшаго городка), сей пріятный видъ путешественника не покидаетъ до самаго Кенигсберга. За милю отъ сего города, попалось намъ тріумфальное зданіе, гдѣ король былъ встрѣченъ тремя главными цехами, также своими генералами и министрами. Его величество, оставя здѣсь свой дорожный калешъ и надѣвъ на себя парадный мундиръ, сѣлъ на лошадь и вступилъ въ семъ видѣ въ древнюю свою столицу при пушечной пальбѣ, колокольномъ звонѣ и восклицаніи народномъ. По пріѣздѣ нашемъ въ сей городъ, нашли мы еще всѣхъ жителей на

[73]) Апраксина?

крыльцахъ и въ окошкахъ. Стали мы въ постояломъ самомъ лучшемъ домѣ, называемомъ Englisches Haus. На другой день явились мы къ министру, прося его представить насъ къ Прусскому величеству, въ чемъ онъ намъ и не отказалъ (равномѣрно и билетовъ для смотру церемоніи далъ). Мы однакоже не прежде удостоились быть представлены какъ на другой день, то есть въ восшествіе на престолъ. Церемонія сія была страннаго роду. На дворцовой внутренней площади, на которой она происходила, поставленъ былъ тронъ изъ чернаго сукна; всѣ дамы и статскіе министры были въ глубокомъ траурѣ; а король и прочіе генералы имѣли верхнее платье военное, а среднее и нижнее глубокаго трауру. Его величество показался на томъ тронѣ съ своими первыми министрами и секретарями въ 10 ч. утра. Въ то время одинъ изъ секретарей прочиталъ народу манифестъ, по прочтеніи коего одинъ изъ депутатовъ держалъ его величеству поздравительную рѣчь, которая тѣмъ болѣе обратила слушателей, что произносившій ее былъ ораторъ краснорѣчивый и громогласный. Послѣ сей рѣчи другой изъ депутатовъ пригласилъ своихъ товарищей принесть новому королю присягу, которая тогда же началась, прежде на Нѣмецкомъ, а потомъ на Латинскомъ языкѣ. Сія послѣдняя была для однихъ Поляковъ. По окончаніи сего читаны были королевскіе артикулы и листъ новопожалованныхъ; наконецъ тремя разами народъ прокричалъ: «да здравствуетъ король Прусскій Вильгельмъ!» при пушечной пальбѣ и играніи музыки. По окончаніи сего король возвратился въ свои апартаменты, гдѣ мы были ему представлены. Его величество удостоилъ насъ обоихъ, каждаго особенно, своимъ разговоромъ и послѣ того удалился въ свои внутренніе чертоги, а мы познакомились со многими вельможами, которые, узнавъ, что мы—Русскіе, съ особливымъ удовольствіемъ съ нами разговорились. Послѣ обѣда здѣшніе студенты поднесли его величеству поздравительную оду, и ввечеру Жиды сожгли преизрядный фейерверкъ. Улицы въ городѣ всѣ были иллюминованы. Я весьма былъ радъ, нашедъ здѣсь гг. Хераскова и Страхова, съ которыми однакожъ недолго пробылъ, ибо на завтрѣе поутру мы городъ сей оставили и повели путь свой далѣе.

*

Сколько намъ извѣстно, графъ Бобринскій въ слѣдующемъ году опять былъ за границею, въ Парижѣ и Лондонѣ; но отъ этого года не сохранилось его памятныхъ записокъ. Читатели Русскаго Архива (1876) знаютъ дальнѣйшую судьбу этого человѣка, который можетъ быть предметомъ любопытнаго психологическаго изученія и у котораго не только во внѣшнемъ обликѣ, но и въ характерѣ замѣтно было сходство съ императоромъ Павломъ Петровичемъ: таже высота и стремительность благородныхъ побужденій, тоже противодѣйствіе окружающей средѣ, и оттого неудача въ жизни. *П. Б.*

Анекдоты прошлаго столѣтія.

Въ 1792 году въ Лондонѣ была издана книга подъ названіемъ: „Anecdotes et recueil de coutumes et de traits d'histoire naturelle particuliers aux différens peuples de la Russie, par un voyageur qui a séjourné treize ans dans cet empire (т. е. Анекдоты и сборникъ обычаевъ и особенностей по части естественной исторіи, свойственныхъ разнымъ народамъ Россіи, сочиненіе путешественника, прожившаго въ этомъ государствѣ 13 лѣтъ), 6 книжекъ въ малую восьмушку. Авторъ ея сблизился съ видными придворными лицами, а также съ тѣми изъ опальныхъ знаменитостей, которыя обыкновенно проживали въ Москвѣ. Говоря о лицахъ, сообщившихъ ему свѣдѣнія о Россіи, онъ ссылается на фельдмаршала Миниха, графа Лестока, князей Трубецкаго и Щербатова и на камергера Ржевскаго. Этимъ путемъ ему стали доступны, какъ онъ говоритъ, памятныя записки, письма и такія рукописи, которыя не предназначались для обнародованія. Отсюда онъ почерпнулъ матеріалы для своего сборника анекдотовъ, называя себя очевидцемъ нѣкоторыхъ изъ нихъ. Изложеніе его отличается добросовѣстностью; напр. онъ сообщаетъ въ переводѣ тогдашніе Русскіе законы, старается познакомить читателей съ дѣйствительнымъ Русскимъ бытомъ и, посреди множества замѣчаній естественно-историческихъ, приводитъ разсказы общей важности. Онъ самъ недоволенъ превратными сужденіями о Россіи, которыя распространены за границею разными анекдотическими разсказчиками; къ числу таковыхъ онъ причисляетъ и Штелина. Все это даетъ нѣкоторую долю подлинности его анекдотамъ, изъ которыхъ приводятся нижеслѣдующія извлеченія, въ переводѣ И. В. Шпажинскаго. Говорятъ, что имя автора—Шереръ. П. Б.

*

Когда Петръ I-й былъ въ Персіи, князь Кантемиръ, служившій ему переводчикомъ и писавшій для него бумаги на Персидскомъ языкѣ, поздравляя царя съ новыми побѣдами, между прочимъ сказалъ, что онъ вскорѣ прибавитъ къ своему и безъ того долгому титулу еще титулъ шаха Персидскаго. На это Петръ отвѣчалъ, что Кантемиръ не проникаетъ въ его намѣренія и плохо уясняетъ себѣ его цѣли. «Я не ищу пріобрѣтенія новыхъ земель, прибавилъ Петръ; ихъ у меня и безъ того, можетъ быть, слишкомъ много; я ищу только воды».

*

Въ началѣ Шведской войны одинъ изъ капитановъ корабля, Синявинъ, написалъ Петру I-му, что взялъ два Шведскихъ фрегата. Царь нѣсколько разъ восторженно поцѣловалъ подпись Синявина на этомъ письмѣ, потомъ отправился къ женѣ его, сталъ передъ нею на колѣни, поцѣловалъ ее и сказалъ: «Я въ восхищеніи отъ вашего мужа; онъ выдержалъ жестокую битву, въ которой овладѣлъ двумя Шведскими фрегатами». По возвращеніи Синявина съ его призомъ, Петръ вышелъ къ нему на встрѣчу, тогда же произвелъ его въ контръ-адмиралы и подарилъ 10.000 рублей.

*

Одинъ иностранецъ, долго служившій въ войскахъ Петра I-го въ чинѣ полковника, тщетно испыталъ всевозможные пути, чтобы добиться чина бригадира. Кто-то посовѣтывалъ ему принять православіе и попросить въ крест-

ные отцы самого Петра. Онъ воспользовался этимъ совѣтомъ. Петръ на это охотно согласился. Полковникъ разсчитывалъ получить по крайней мѣрѣ патентъ на бригадира. Послѣ церемоніи отреченія и крещенія, онъ съ увѣренностію представился своему крестному отцу и просилъ его милости и покровительства. Вотъ отвѣтъ Петра: «Ты мнѣ вѣрно служилъ протестантомъ-полковникомъ; боюсь, чтобы не сталъ служить иначе, сдѣлавшись Русскимъ полковникомъ, ибо совершилъ отступничество. Чтобы избавить себя отъ непріятности быть когда-нибудь въ необходимости наказать за невѣрность Русскаго полковника, я увольняю тебя въ отставку».

*

Въ послѣднія минуты жизни Лефорта, генералы, его соперники и высшіе придворные чины наполнили съ плачемъ и рыданіями комнату умирающаго. Утомленный этими скорбными изліяніями, Лефортъ приказалъ своему камердинеру привести побольше музыкантовъ, въ особенности трубачей и литаврщиковъ. Оркестръ привели. Лефортъ приказалъ капельмейстеру играть, не переставая, на всѣхъ инструментахъ, пока онъ не испуститъ духъ. Онъ скончался въ полнѣйшемъ спокойствіи въ то время, какъ исполняли одну симфонію.

*

Великій князь, будущій императоръ Петръ III, вслѣдствіе-ли излишней брезгливости или потому, что чуждался фамиліарности, не любилъ, чтобы кто бы то ни было бралъ табакъ изъ его табакерки. Если кто нибудь позволялъ себѣ это, Петръ съ досадою бросалъ табакерку прочь. Такимъ образомъ много золотыхъ табакерокъ поглощено морскими волнами, омывающими сады Ораніенбаума.

*

Въ Россіи существуетъ обычай крестить вновь построенныя суда, давая имъ имена святыхъ. Въ царствованіе Петра III съ верфи было спущено два корабля, изъ коихъ одинъ, по приказанію Императора, названъ принцемъ Георгіемъ, а другой Фридрихомъ, по имени короля Прусскаго. Когда Петръ III былъ лишенъ престола, это припомнили и обратили противъ него въ довольно важное обвиненіе: говорили, что, назвавъ суда именами простыхъ смертныхъ, онъ оскорбилъ святыхъ и учинилъ святотатство. Суда эти тогда же приказано было прозвать другими именами.

*

Когда Миниха привели для допроса передъ судей, предсѣдатель суда князь Трубецкой спросилъ: можетъ-ли онъ оправдаться въ томъ, что пожертвовалъ столькими людьми подъ Данцигомъ?—«Продолжайте, сказалъ Минихъ, читать другіе обвинительные пункты; я дамъ отвѣтъ разомъ на все». По прочтеніи обвиненій, онъ произнесъ оправдательную рѣчь, въ которой проявилъ самое пылкое и убѣдительное краснорѣчіе, и заключилъ ее такъ: «Милостивый государь, во всемъ этомъ я дамъ отчетъ Богу въ день послѣдняго суда. Безъ сомнѣнія мое оправданіе тамъ будетъ принято лучше, нежели здѣсь; ибо мнѣ не въ чемъ себя упрекнуть, развѣ въ томъ, что не велѣлъ васъ повѣсить, когда вы были обвинены и изобличены въ похищеніи казенныхъ денегъ въ Турецкую войну. Этого я себѣ не прощаю; но это единственная моя вина». Гово-

рятъ, Елисавета, присутствовавшая на судѣ за ширмами, услыхавъ послѣднія слова, приказала прекратить допросъ и отвести фельдмаршала въ мѣсто его заточенія.

*

Въ день, назначенный для казни Миниха, Остермана, Головкина, Левенвольда, Менгдена и др., въ Петербургъ привели 6000 солдатъ, опасаясь послѣдствій того участія, которое народъ могъ обнаружить къ участи этихъ знаменитыхъ людей. Минихъ шелъ между двумя рядами солдатъ, смѣло, съ твердымъ и скромнымъ видомъ, съ яснымъ челомъ, выражавшимъ его душевное спокойствіе и равнодушіе къ предстоящей смерти. Онъ оглядывалъ стоявшихъ по сторонамъ, привѣтливо кланялся знакомымъ офицерамъ и прощался съ ними. Взойдя на эшафотъ, онъ подошелъ къ офицеру, командовавшему солдатами. «Будьте въ командѣ такимъ-же твердымъ, сказалъ онъ ему, какимъ видѣли меня въ бою; строго исполните вашъ долгъ и поскорѣе отдайте ваши приказанія, чтобы освободить меня отъ этой жизни, отъ которой отрекаюсь я съ величайшимъ удовольствіемъ. Не сохраните-ли, прибавилъ онъ цѣлуя его, на память о фельдмаршалѣ Минихѣ эти ничтожные знаки моей дружбы?» Съ этими словами онъ далъ ему очень дорогое кольцо, табакерку и всѣ цѣнныя вещи, которыя имѣлъ при себѣ. Когда-же, по прочтеніи смертнаго приговора, ему объявили помилованіе, Минихъ былъ пораженъ и огорченъ. Уныніе и скорбь его были искренни. Возвращаясь въ крѣпость, онъ горько плакалъ.

*

За веселымъ пиромъ, на который были приглашены всѣ высшія придворныя лица, императрица Елисавета вспомнила про Миниха. — «Мнѣ-бы очень хотѣлось узнать, сказала она, что̀ дѣлаетъ теперь графъ Минихъ». Немедленно одному офицеру было вручено, для доставленія Миниху, 6000 рублей и бумага, въ которой было сказано, что Государыня, вспомнивъ о немъ въ день своихъ имянинъ, которыя онъ, безъ сомнѣнія, празднуетъ, посылаетъ ему 6000 рублей, чтобы и онъ вспомнилъ о ней въ свою очередь, деньгами же распорядился бы по своему усмотрѣнію. Офицеръ привезъ Императрицѣ отвѣтъ Миниха, наполненный выраженіями почтенія и преданности, и доложилъ, что, читая письмо ея величества, Минихъ имѣлъ видъ глубокой покорности и пригласилъ офицера сѣсть въ ожиданіи пока будетъ готовъ отвѣтъ; что изъ присланныхъ денегъ 2000 р. онъ отдалъ ему, курьеру, на его личныя нужды, другія 2000 роздалъ своимъ людямъ, при чемъ объявилъ, что обязанъ этими деньгами щедрости ея величества и обязалъ сдѣлать изъ нихъ доброе употребленіе и повеселиться въ честь дня ея имянинъ; остальныя затѣмъ 2000 графъ сказалъ, что сохранитъ какъ драгоцѣнный залогъ милости своей Государыни.— «Я ожидала, сказала Елисавета окружавшимъ ея льстецамъ, что онъ сдѣлаетъ подобное употребленіе изъ моего подарка. Надо признаться, господа, прибавила она, возвысивъ голосъ, что Минихъ также великъ въ немилости, какъ и на высотѣ почестей».

*

До прорытія канала между Волховымъ и Невою, жизненные припасы доставлялись въ Петербургъ по санному пути довольно исправно черезъ Ладожское озеро и Неву. Не такъ бывало лѣтомъ: западный вѣтеръ, дующій почти непрерывно въ этихъ мѣстахъ, въ соединеніи съ жестокими шквалами на озерѣ, до такой степени затруднялъ плаваніе барокъ, что Петербургу случалось голо-

дать отъ недостатка припасовъ. Минихъ съ необыкновенною энергіей двинулъ работы по прорытію соединительнаго канала между Волховымъ и Невою. Каналъ этотъ, длиною въ 104 версты, проектированный и даже начатый Петромъ, Минихъ докончилъ въ 1732 году, въ царствованіе Анны. Съ этихъ поръ доставка жизненныхъ припасовъ и разныхъ предметовъ промышленности въ Петербургъ производилась съ одинаковымъ удобствомъ и правильностью какъ зимою, такъ и лѣтомъ. Минихъ, желая утвердиться въ расположеніи Анны, приписалъ ей всю честь этого великаго предпріятія. Близъ устья канала, въ Шлиссельбургѣ, онъ приказалъ воздвигнуть очень высокую пирамиду, стороны которой покрыты надписями полатини и порусски, восхвалявшими Императрицу. Въ нихъ не упоминалось ни о Минихѣ, ни даже о Петрѣ. На южной сторонѣ пирамиды виднѣлись двѣ буквы: А. I., на сѣверной— высѣченный въ камнѣ ея портретъ.

*

Императрица Екатерина назначила Миниха комендантомъ Эстляндскихъ портовъ и поручила ему надзоръ за постройкою порта Рогервика въ Балтійскомъ морѣ, въ шести миляхъ отъ Ревеля, —работа, предположенная еще Петромъ I-мъ. Вслѣдствіе этого Минихъ вообразилъ, что въ магистратахъ Ревеля и Нарвы должны освѣдомиться о днѣ его рожденія и имянинъ. Эти господа ничего подобнаго не подозрѣвали. Насталъ день рожденія Миниха и, къ удивленію своему, онъ не получаетъ никакихъ поздравленій. Второй курьеръ является также ни съ чѣмъ. Минихъ разгнѣвался до крайней степени. Вскорѣ послѣдовалъ приказъ перевести всѣхъ каторжниковъ изъ Рогервика въ Ревель и размѣстить ихъ у гражданъ. Рижскій магистратъ, крайне удивленный этимъ приказомъ и оскорбленный присылкою новыхъ обывателей, тотчасъ же снесся съ нѣкіимъ Швенке, своимъ корреспондентомъ въ С.-Петербургѣ, чтобы получить отмѣну приказа, причину котораго не могъ себѣ объяснить. Швенке отправился къ Миниху, который его зналъ и любилъ за долгое и усердное исполненіе должности гувернера въ домѣ его брата. Предвидя по началу разговора причину его посѣщенія, Минихъ внезапно принялъ свойственный ему суровый и надменный видъ, притворился, что не узнаётъ его и далъ понять, что не намѣренъ его слушать. Швенке, нисколько не смущаясь, припомнилъ ему дружбу, съ которою онъ всегда къ нему относился, и умолялъ открыть дѣйствительную причину его охлажденія и суровой мѣры противъ Ревельскихъ обывателей. Съ полчаса Минихъ горячился, разражаясь неопредѣленными жалобами и шумными восклицаніями, и наконецъ объяснилъ ему, за что именно Ревельцы были наказаны каторжниками.

*

Минихъ былъ старъ, когда Екатерина II посѣтила Эстонію и Ливонію. Получивъ отъ Императрицы обѣщаніе посѣтить Рогервикъ, онъ затѣялъ чрезвычайныя и дорогія приготовленія. Между другими глупостями онъ придумалъ одѣть своихъ каторжниковъ Арабами и Индійцами, которые и возили Государыню и ея свиту въ тріумфальныхъ колесницахъ. Не любя пышности, Екатерина желала поскорѣе выбраться вонъ, но принуждена была вынести скуку всѣхъ этихъ пустыхъ церемоній. Осматривая работы порта, она была окружена спеціалистами, къ которымъ обращала свои вопросы. Всѣ ее увѣряли, что построить портъ въ этомъ мѣстѣ не было никакой возможности и дока-

зывали почему; но Минихъ опровергалъ ихъ съ жаромъ и утверждалъ, что во всемъ мірѣ не было мѣста болѣе удобнаго во всѣхъ отношеніяхъ для постройки порта. Екатерина, уважая его лѣта, дала ему говорить въ волю, ограничившись слѣдующими словами, сказанными нѣкоторымъ изъ свиты: «Жаль, что этотъ великій человѣкъ переживаетъ свою славу».

*

Когда Миниху принесли первые оттиски его портрета, который онъ приказалъ награвировать на мѣди, онъ имѣлъ смѣлость написать подъ каждымъ изъ нихъ собственноручно понѣмецки слѣдующее: «Тотъ поистинѣ великъ, кто походитъ на Миниха; тотъ будетъ герой, другъ человѣчества, величайшій политикъ и безупречный христіанинъ».

*

Фельдмаршалъ Минихъ, умирая, оставилъ по себѣ память, какъ о человѣкѣ не щадившемъ крови. Его больше боялись, нежели любили военные всѣхъ чиновъ. Въ Турецкую войну 1737 года жестокость его простиралась до того, что онъ привязывалъ къ пушкамъ генераловъ. «Слава Богу!» воскликнулъ онъ, когда ему донесли, что Французы высадились въ Данцигѣ: «у насъ въ рудникахъ недоставало рабочихъ рукъ». Онъ произнесъ эти слова такъ рѣшительно и съ такимъ радостнымъ одушевленіемъ, что солдаты исполнились довѣріемъ къ нему.

*

Минихъ, умирая въ полномъ сознаніи, спокойно и благочестиво и сдѣлавъ послѣднія распоряженія, позвалъ своего секретаря Фрича.—«Принесите пожалуйста и прочтите, сказалъ онъ ему, мой допросъ передъ ссылкою въ Сибирь.» Когда окончилось чтеніе, «хорошо, воскликнулъ Минихъ, мнѣ легче; я не страшусь божественнаго правосудія и умираю спокойно».

*

Братъ фельдмаршала графа Миниха, узнавъ о высокомъ положеніи сего послѣдняго въ Россіи, поѣхалъ туда попытать счастья. Долго оно не улыбалось ему, но одна случайность наконецъ помогла ему. Въ царствованіе Анны близъ дворца вспыхнулъ пожаръ. Императрица отправилась его смотрѣть, въ сопровожденіи принцессы Анны (матери императора Ивана III) и Елисаветы. Стужа была жестокая, а онѣ такъ поспѣшно вышли изъ дворца, что забыли надѣть шубы. Первыя двѣ вскорѣ согрѣлись, благодаря усердію придворныхъ, прибѣжавшихъ вслѣдъ за ними и оспаривавшихъ другъ у друга честь служить имъ своими шубами. Одна Елисавета дрожала отъ холода: никто не смѣлъ предложить ей шубу изъ боязни быть заподозрѣннымъ въ тайныхъ сношеніяхъ съ нею, окруженною подозрительнымъ и бдительнымъ надзоромъ. Частію изъ сожалѣнія, частію изъ желанія попытать счастья, Минихъ предложилъ ей свою шубу. Эта любезность, опасная для всѣхъ другихъ, была едва замѣчена врагами и преслѣдователями Елисаветы, на которую посредственность Миниха не бросала никакой тѣни. Но Елисавета была тронута его поступкомъ. По своемъ воцареніи, она дала ему помѣщеніе во дворцѣ, съ должностью гофмаршала. Несчастіе и ссылка его брата не подѣйствовали на расположеніе къ нему Императрицы. Онъ удалился въ глубокой старости въ свое Лифляндское помѣстье, гдѣ и умеръ. Онъ былъ человѣкъ мелочной, воображалъ себя красавцемъ, одѣвался щепетильно и не проходилъ мимо зеркала, чтобы не оста-

новиться передъ нимъ и не полюбоваться на себя. Большая часть его досуга уходила на охорашиваніе себя. Онъ прикидывался очень благочестивымъ и по наружности держался строгаго правовѣрія. По его милости, Моравскіе братья были преслѣдуемы, и нѣкоторые изъ нихъ погибли въ заточеньи. Придворные терпѣть его не могли и подымали на смѣхъ. Знаменитый Боергавъ намѣревался выпустить въ свѣтъ книжку, въ которой Минихъ былъ осмѣянъ. Но человѣкъ Миниха находился въ типографіи въ ту минуту, какъ тискали первые оттиски этой книжки; онъ взялъ съ собою листокъ и передалъ своему господину. Минихъ пожаловался Государынѣ и требовалъ строгаго взысканія. Книжка была остановлена, но дальнѣйшаго удовлетворенія не послѣдовало, потому что Елисавета Петровна весьма цѣнила и любила Боергава. Она постаралась смягчить раздраженіе Миниха и къ словеснымъ изъявленіямъ милости присоединила денежный подарокъ. Но Минихъ оставался неутѣшенъ и даже заболѣлъ отъ желчи. Государынѣ донесли, что здоровье его въ опасности. Тогда Елисавета Петровна послала за Боергавомъ и уговорила его ѣхать къ Миниху и вылечить его, что́ ему и удалось.

*

Боергавъ былъ тугъ на ухо. Съ нимъ ѣздилъ по больнымъ хирургъ Маутъ, который показывалъ ему знаками, что̀ говорили больные.

*

Послѣ пораженія Русскихъ войскъ подъ Нарвою, въ началѣ Шведской войны, Петръ надѣялся собрать еще одну армію въ окрестностяхъ Новгорода и Москвы, но понималъ, что вторичное пораженіе предало бы въ его руки противника. Онъ объяснилъ приближеннымъ всю опасность своего положенія и долго совѣтывался съ ними по этому поводу. Тогда генералъ Григорій Чернышевъ (отецъ фельдмаршала и адмирала того-же имени) предложилъ подушный окладъ. Мѣра эта открывала Царю возможность узнать число всего народонаселенія и въ тоже время установить всеобщій кадастръ. Исполненіе того и другаго Петръ возложилъ на того же Чернышева. Все населеніе было тогдаже обложено по 70 копѣекъ съ человѣка. Чтобы не слишкомъ возстановить помѣщиковъ, имъ позволили продавать или закладывать свои населенныя земли, если крестьяне не будутъ платить упомянутаго налога. До тѣхъ поръ дворяне не имѣли права отчуждать свою собственность.

Многіе плательщики освобождались отъ занесенія въ подушный окладъ, благодаря взяточничеству ревизоровъ, сдѣлавшихъ изъ этого доходную статью. Одинъ драгунскій капитанъ, производившій въ 1745 году перепись въ Енисейскѣ, пріобрѣлъ такимъ путемъ 90.000 рублей.

*

Петръ не окончилъ-бы такъ успѣшно и съ такою славою Шведской войны, если бы не щедрость Григорія Дмитріевича Строганова. Строгановъ пригласилъ Царя къ себѣ обѣдать. Бочка, наполненная золотомъ и серебромъ, служила столомъ. Послѣ обѣда Григорій Дмитріевичъ сказалъ царю, что не подчуетъ вполовину своего господина и благодѣтеля, а проситъ смотрѣть на бочку какъ на часть предложеннаго ему угощенья.

*

Какъ-то, въ царствованіе Елисаветы, придворные, возвращаясь изъ дворца, стали не доискиваться на себѣ то часовъ, то колецъ и т. п. Сначала на это не обращали особеннаго вниманія, но пропажи случались такъ часто, что призвали во дворецъ полицейскихъ приставовъ, чтобы выслѣдить и переловить воровъ. Однако воровство не уменьшалось. Тогда удвоили надзоръ, и наконецъ-то удалось захватить на дѣлѣ нѣсколькихъ веселыхъ молодчиковъ, на которыхъ и не падало подозрѣнія. Ихъ предаютъ заточенію, допрашиваютъ, и обнаруживается, что у нихъ много сообщниковъ, организовавшихъ цѣлую шайку. Хватаютъ и этихъ. Когда Елисаветѣ доложили объ этомъ, она приказала привести ихъ во дворецъ, чтобы видѣть ихъ искусство. Воровъ перевязали всѣхъ одною веревкою и въ такомъ положеніи привели во дворецъ, гдѣ было празднество. Получивъ дозволеніе приступить къ дѣлу, они просили только поосвободить ихъ немного, чтобы имѣть возможность подходить къ присутствовавшимъ и вступать съ ними въ разговоры. Всякій, конечно, былъ насторожѣ. Спустя минутъ десять, воры обратились къ Императрицѣ съ просьбою, чтобы присутствовавшимъ приказано было осмотрѣться: все ли на нихъ цѣло. Въ тоже время они сложили къ ея ногамъ множество бездѣлушекъ и драгоцѣнностей. Елисавета, хотя и дивилась ловкости воровъ, но все-таки отправила ихъ на каторгу.

*

Жена Демидова, много терпѣвшая отъ его самодурства и жестокости, умерла съ горя. Дѣти его, которыхъ онъ не любилъ, служили въ гвардіи. Открыто Демидовъ не лишалъ ихъ наслѣдства, но дѣлалъ все возможное, чтобы лишить того богатаго дохода, который давали его рудники. Для этого онъ переводилъ сіи послѣдніе на чужое имя, при посредствѣ извѣстнаго Елагина, тайнаго совѣтника, служившаго въ кабинетѣ и дорого продававшаго свои услуги, какъ видно изъ слѣдующаго анекдота. Однажды Демидовъ съ особеннымъ вниманіемъ сталъ разсматривать перстень Елагина; снявши онъ взялъ его въ руки, для того будто чтобы лучше разсмотрѣть, но вдругъ притворился въ естественной надобности, убѣжалъ куда слѣдуетъ и бросилъ его тамъ. Возвратившись Демидовъ сказалъ: «Со мной случился маленькій казусъ, ваше кольцо... Но не безпокойтесь: скажите только, что́ оно стоитъ». Тонкій придворный воспользовался этимъ случаемъ, чтобы назначить за перстень двойную цѣну. Демидовъ понималъ, что его обманываютъ и убѣдился въ этомъ, подкупивъ одного изъ лакеевъ Елагина, отыскавшаго перстень. По оцѣнкѣ перстня оказалось, что стоимость его едва равняется половинѣ назначенной Елагинымъ суммы. Тѣмъ не менѣе Демидовъ покупаетъ перстень вдвое цѣннѣе нежели назначилъ Елагинъ и возвращаетъ ему. Елагинъ принялъ это какъ естественную замѣну своего перстня. Такимъ образомъ Демидовъ нѣкоторое время пользовался покровительствомъ Елагина; но, вопреки ходатайствамъ сего послѣдняго, Императрица стала отказывать на его просьбы. Тогда Демидовъ, оскорбленный этимъ, во всеуслышаніе кричалъ, что Елагинъ беретъ взятки. Отсюда открытая вражда между ними. Но Елагинъ побаивался крикуна, и только благодаря вмѣшательству нѣкоторыхъ придворныхъ Демидовъ угомонился.

*

Однажды Демидовъ пригласилъ на обѣдъ всю дворцовую знать. Наканунѣ онъ призвалъ каменьщиковъ, приказалъ выбѣлить у себя всѣ комнаты, исклю-

чая столовой и устроить лѣса передъ каждою дверью. Когда приглашеные съѣхались, Демидовъ, пояснивъ, что рабочихъ навели въ домъ въ его отсутствіе, просилъ извинить каменщиковъ, заставившихъ гостей столько разъ сгибаться, прежде нежели они дошли до столовой.

*

Нѣкто по имени Медеръ, дѣла котораго были очень разстроены, вообразилъ, что Прокофій Демидовъ долженъ ихъ поправить. Съ этою цѣлію онъ пріѣзжаетъ къ нему въ Москву. Демидовъ вышелъ къ нему въ сорочкѣ изъ грубаго полотна и безъ нижняго бѣлья.— «Кто ты такой?—Медеръ.—Чѣмъ занимаешься?—Я купецъ и маклеръ.—Что̀ тебѣ надо?—Посмотрѣть и подивиться на Демидова: слава повсюду разгласила о его добрыхъ дѣлахъ. — Какъ ты пріѣхалъ въ Москву?—Въ саняхъ, на почтовыхъ.—А ты хорошій кавалеристъ? (Медеръ былъ высокаго роста и смотрѣлъ силачемъ).—Да.—Оно и видно. Но я хотѣлъ бы тебя испытать.—Зависитъ отъ васъ.—Хорошо. Становись-же на четвереньки, а я на тебѣ поѣду». Когда Демидовъ вдоволь наѣздился на Медерѣ на дворѣ по снѣгу, «хорошо, сказалъ онъ, ты изъ моихъ; пойдемъ со мною. Не хочешь-ли ѣсть или пить?—Сказать по правдѣ, больше пить, нежели ѣсть.—А ты хорошій питухъ? Что̀ ты пьешь?—Что̀ любятъ всѣ.—Начнемъ съ пуншу. Демидовъ приказалъ принести лучшую чашу Саксонскаго фарфора, наполненную этимъ напиткомъ и подалъ Медеру большой стаканъ.—«О! сказалъ Медеръ, я не пью такъ.—А какъ-же?... Ну такъ пей по своему». Медеръ съ важностію беретъ чашу, духомъ выпиваетъ ее и бросая на полъ что мочи оретъ: «да здравствуетъ Демидовъ!» Это такъ понравилось нашему крезу, что онъ бросается къ Медеру на шею и, нѣжно цѣлуя его, восклицаетъ: «Я не ожидалъ встрѣтить такого молодца. Будь мнѣ братомъ. Если я могу сдѣлать что нибудь для тебя, проси смѣло». Медеръ разсказалъ свое плачевное положеніе и присовокупилъ, что сорока тысячами можно поправить бѣду.—«Только-то!» и Демидовъ сейчасъ-же отсчиталъ нужныя деньги.

*

Тотъ-же Демидовъ развольничался до такой степени, что пустилъ ядовитѣйшія сатиры на высшихъ особъ двора. Пожаловались Императрицѣ. Послѣдовалъ приказъ собрать эти сатиры, отослать въ Москву, гдѣ въ присутствіи автора и сжечь подъ висѣлицей рукою палача. Демидовъ узналъ о днѣ и часѣ, когда будетъ исполняться этотъ приказъ. Къ этому времени онъ нанялъ всѣ комнаты близъ висѣлицы, пригласилъ въ нихъ всю Московскую знать присутствовать на церемоніи и привелъ на нее оркестръ съ трубами и литаврами, которымъ увеселялъ себя и присутствовавшихъ, пока палачъ жегъ его писанія.

*

Графъ Панинъ, облеченный высшими государственными должностями, представилъ Императрицѣ Собакина сенаторомъ въ Московскій департаментъ Сената. Демидовъ, смертельно ненавидѣвшій Собакина, желалъ, чтобы это мѣсто досталось другому. Къ досадѣ своей, онъ узналъ, что Императрица утвердила представленіе Панина и отметилъ слѣдующимъ пасквилемъ. Надъ дверями Панинскаго дома вдругъ появилась картина, изображавшая двѣ фигуры: одну въ старомодномъ парикѣ и такомъ костюмѣ, который обыкновенно но-

силъ Панинъ, другую, съ кривымъ глазомъ, до такой степени похожую на Собакина, что всякій его узнавалъ. Надпись внизу гласила: «Собакинъ, архипарикмахеръ, прибывъ недавно изъ Парижа, предлагаетъ публикѣ свои услуги. Обращаться къ г. Па*но*нину». Слогъ *но* въ послѣдней фамиліи былъ такъ запачканъ грязью, что съ перваго взгляда всѣ читали «Панину». Этотъ вельможа, пользовавшійся по заслугамъ своимъ всеобщею любовью, не обратилъ на пасквиль Демидова никакого вниманія, тѣмъ болѣе что въ Москвѣ всѣ негодовали за это на Демидова. Императрица, раздраженная дерзостью Демидова, рѣшилась строго его наказать. Панинъ, хорошо понимая, что Демидовъ неисправимъ и что продѣлки его въ сущности безвредны, отвратилъ отъ него грозу: ограничились выговоромъ Демидову и приказаніемъ уничтожить его картину.

*

Съ графинею Румянцовою, первою статсъ-дамою ея величества, проказникъ Демидовъ съигралъ жестокую и непростительную штуку. Эта дама, напрасно искавшая занять 5000 рубл., въ которыхъ имѣла неотложную надобность, обратилась наконецъ къ Демидову, хотя ей сильно не хотѣлось пользоваться его услугою. Она высказала ему всю затруднительность своего положенія и снизошла до униженныхъ просьбъ. Демидовъ притворился, что вовсе ея не знаетъ. «Я не имѣю, сказалъ онъ, денегъ для женщинъ вашего званія и полета, потому что кому жаловаться, если вы не заплатите? Вы внѣ всякаго суда и закона, и самъ дьяволъ съ вами ничего не подѣлаетъ». Румянцова снесла это, стала просить снова и клялась заплатить въ срокъ. Новыя грубости и отказы были ей отвѣтомъ; наконецъ Демидовъ сказалъ: «Послушайте, я дамъ вамъ денегъ, но съ однимъ условіемъ: вы напишете росписку такъ, какъ я вамъ продиктую». Каковъ-же былъ ужасъ Румянцовой, когда приходилось подписывать росписку слѣдующаго содержанія: «Обѣщаю и обязуюсь честью заплатить Демидову въ такой-то срокъ 5000 рубл., полученные отъ него наличными деньгами; въ случаѣ-же если сего обязательства не исполню, то объявляю всему свѣту, что я самая отъявленная потаскушка» [1]). Пришелъ срокъ, и графиня не имѣла чѣмъ заплатить. Демидовъ является къ ней съ угрозами. Ни мольбы, ни слезы—ничего не подѣйствовало. Въ ближайшее Воскресенье Демидовъ является къ двору, вмѣшивается въ толпу знати и всѣмъ показываетъ росписку. Всѣ смѣются. Это замѣчаетъ Императрица; но, видя Демидова посреди смѣющихся и подозрѣвая недоброе, нарочно не торопится освѣдомиться о причинѣ. Первый, къ кому она обратилась за разъясненіемъ въ чемъ дѣло, извинился, что не можетъ отвѣчать. Когда-же о гадости, сдѣланной Демидовымъ, стало извѣстно Императрицѣ, ему немедленно послали 5000 рубл. и отобрали росписку. Нѣчто подобное Демидовъ сдѣлалъ и съ княгинею Голицыной, которую Императрица такимъ-же образомъ избавила отъ послѣдствій его злой проказы.

*

Въ царствованіе императрицы Елисаветы одинъ дворянинъ, озабоченный образованіемъ своихъ сыновей, искалъ учителя, знающаго Французскій языкъ. Какой-то Чухонецъ является къ нему, заявляя, что обладаетъ всѣми нужными свѣдѣніями. Негодяй этотъ не былъ дуракомъ; но научить. кромѣ род-

---

[1] Текстъ: Je confesse devant toute la terre que j'en suis la plus grande p.....

наго языка, не могъ ничему. Его взяли. Молодые люди сдѣлали въ мнимо-Французскомъ языкѣ такіе быстрые успѣхи, что отецъ былъ удивленъ и восхищенъ. Въ одно прекрасное утро гувернеръ объявляетъ ему, что образованіе его сыновей окончено и что онъ куда угодно можетъ являться съ ними. Щедро вознагражденный, учитель былъ отпущенъ.

Отецъ, мечтая опредѣлить сыновей въ гвардейскіе полки, ѣдетъ съ ними въ Петербургъ и на представленіи у Императрицы восхваляетъ ихъ способности, особенно-же знаніе Французскаго языка. Императрица пожелала видѣть молодыхъ людей и сама проэкзаменовать ихъ въ этомъ языкѣ. На предложенные ею вопросы сынки упорно молчали. Отецъ, объясняя это застѣнчивостью, старается ободрить. Императрица чрезвычайно ласково ободряетъ ихъ въ свою очередь. Тогда они отвѣчаютъ на чистомъ Финскомъ языкѣ, что ровно ничего не поняли изъ всего, что̀ угодно было сказать ея величеству. Елисавета расхохоталась. У нея были деревни въ Финляндіи, и она немного понимала почухонски. Отецъ, выведенный изъ заблужденія, заплакалъ; отъ стыда и горя онъ онѣмѣлъ. Но своимъ легковѣрнымъ благодушіемъ онъ выигралъ гораздо больше, нежели достигъ-бы познаніями своихъ сыновей: потому что Императрица участливо озаботилась ихъ опредѣленіемъ на службу и доставила имъ вѣрную возможность выучиться языкамъ.

*

Казнь, которой въ 1701 году Петръ I-й подвергъ типографщика Григорія Талицкаго, бросаетъ тѣнь на исторію этого великаго преобразователя.

Талицкій, подкупленный духовенствомъ, напечаталъ нѣсколько возмутительныхъ книжекъ, въ которыхъ между прочимъ говорилось, что Царь, какъ по обстоятельствамъ своего рожденія, такъ по общественному и частному своему поведенію, былъ антихристомъ. Страхъ возмездія обуялъ Талицкаго. Зная кромѣ того, что въ одномъ изъ фонарей на большомъ Московскомъ рынкѣ хранилось 1000 червонныхъ, назначенныхъ въ награду тому, кто его выдастъ, Талицкій бѣжалъ въ Сибирь. Но алчность была слишкомъ заинтересована въ его погибели; его вскорѣ нашли и представили Царю. Предварительно Талицкаго съ соучастниками многократно подвергали допросамъ, потомъ всѣхъ ихъ уморили медленною смертью, держа надъ огнемъ въ дыму отъ ѣдкихъ веществъ. Въ огонь бросили ихъ тогда уже, когда спалило ихъ волосы и бороды, и обгорѣлыя тѣла стали покрываться пепломъ.

*

Въ своихъ путешествіяхъ Петръ 1-й не пренебрегалъ ничѣмъ, чтобы составить себѣ коллекцію рѣдкостей изъ всѣхъ царствъ природы. Посѣтивъ кабинетъ натуральной исторіи въ Копенгагенѣ, онъ замѣтилъ тамъ между прочимъ мумію необыкновенной величины. Осмотрѣвъ ее, Петръ сталъ просить ее себѣ. Хранитель кабинета отвѣчалъ, что онъ ничѣмъ не можетъ располагать безъ дозволенія своего государя, которому о выраженномъ желаніи будетъ доложено. Король, зная цѣну муміи и то, что подобной по величинѣ не было во всей Германіи, велѣлъ отказать Петру, но съ подобающею вѣжливостью. Царь разгнѣвался и рѣшился отомстить. За нѣсколько дней до своего отъѣзда изъ Копенгагена, онъ ходилъ на башню вблизи упомянутаго кабинета и послалъ сказать хранителю, что не осмотрѣлъ еще нѣкоторыхъ рѣд-

костей. Притворившись, что дѣйствительно занятъ осмотромъ разныхъ вещей, Петръ дошелъ до муміи и спросилъ: «Я все-таки не могу получить ее?»—Хранитель разсыпался въ извиненіяхъ и выразилъ сожалѣніе о невозможности располагать муміею. Тогда взбѣшенный Царь оторвалъ у муміи носъ, уничтожилъ его и, уходя, сказалъ: «Храните ее теперь безносою; въ моихъ глазахъ она уже не имѣетъ прежней цѣны».

*

Нѣкто по фамиліи Эдлакъ (Edlac), бывшій на службѣ Петра 1-го, успѣлъ получить патентъ на генеральскій чинъ, увѣривъ Царя, что обладаетъ секретомъ добыть для него много денегъ. Царь приказалъ изложить это письменно. Въ проектъ обогащенія входило переселеніе въ Россію 1000 Евреевъ. Изъ этого источника Эдлакъ обѣщалъ значительный доходъ, исчисляя его множествомъ цифръ. Царь, прочтя проектъ, изорвалъ его, автора-же уволилъ съ слѣдующими словами: «Народъ мой и безъ того довольно плутоватъ, а дозволь я переселиться Евреямъ, они окончательно его развратятъ». Эдлакъ немедленно покинулъ Петербургъ, но въ Ригѣ губернаторъ отобралъ у него генеральскій патентъ.

*

Петръ 1-й гнушался Евреями. Если ему говорили про нихъ, онъ обыкновенно выражалъ такое мнѣніе, что тамъ гдѣ Евреи водворены слѣдуетъ, не изгоняя ихъ, стараться извлечь изъ нихъ возможную пользу для общества; иначе-же надо остерегаться ихъ привлекать или терпѣть у себя, потому что эта подлая орда, прибавлялъ онъ, всюду вноситъ съ собою безпорядокъ и разрушеніе.

Когда Петръ былъ въ Голландіи, Евреи просили Николая Витсена, бургомистра Амстердамскаго, походатайствовать за нихъ. Петръ, выслушавъ убѣдительную просьбу этого знаменитаго человѣка, котораго очень любилъ, отвѣчалъ: «Милый мой Витсенъ, вы знаете Евреевъ, ихъ характеръ и нравы; вы знаете также Русскихъ. Я знаю тѣхъ и другихъ, и—вѣрьте мнѣ—не настало еще время соединить эти народности. Передайте Евреямъ, что я признателенъ за ихъ предложенія и понимаю, какъ выгодно было-бы ими воспользоваться, но что мнѣ пришлось-бы чувствовать къ нимъ состраданіе, если-бъ они были посреди Русскихъ: ибо какъ ни искусны Евреи въ торговлѣ и мошенничествѣ, но имѣя дѣла съ Русскими, боюсь, что останутся они въ накладѣ.

*

Трудно представить себѣ, какимъ злоупотребленіямъ предавались нѣкоторые полицейскіе офицеры во время чумы въ Москвѣ въ 1770 году. На обязанности ихъ лежало отправлять зачумленныхъ въ карантины и надзирать за перевозкою и погребеніемъ умершихъ. И вотъ какъ вѣроломно и возмутительно пользовались они этимъ: людямъ завѣдомо богатымъ они ловко пятнали руки ляписомъ; когда спустя нѣсколько дней ляписныя пятна принимали синеватый цвѣтъ, они, какъ зачумленныхъ, отправляли этихъ господъ въ карантины, дома-же ихъ грабили. Одинъ богатый торговецъ, запятнанный ляписомъ, отдѣлался отъ страшнаго карантина взяткою въ 300 рублей. Тѣхъ, которые имѣли при себѣ деньги, хватали и какъ ни попало бросали въ телѣги съ мертвецами.

*

Въ то время когда въ Москвѣ бушевало народное возстаніе и половина ея жителей погибла отъ чумы, Петербургскій оберъ-полицеймейстеръ Чичеринъ явился въ военный совѣтъ, происходившій въ то время во дворцѣ и въ такихъ яркихъ краскахъ описалъ бѣдствія Москвы, что первые чины государства признали необходимость немедленной помощи. Но это живое участіе скоро охладѣло. Явилось подозрѣніе, будто зло преувеличено и что Чичеринъ изъявленіемъ необычайнаго патріотизма хотѣлъ возвыситься надъ другими. Были уже близко къ рѣшенію смѣстить его, чтобы проучить за безпокойство высокихъ особъ; но дворъ получилъ свѣдѣнія, подтвердившія эти дурныя вѣсти, и къ прекращенію мятежа и заразы приняты нужныя мѣры.

*

Императрица издала указъ о томъ, что, хотя доктора за свое невѣжество и небрежное исполненіе обязанностей въ такое опасное время (т. е. во время чумы) подлежали-бы смертной казни, но, склонная больше къ милосердію, нежели къ справедливому возмездію, ея величество даруетъ имъ жизнь, подъ условіемъ, чтобы они по два раза въ день навѣщали больныхъ и карантины.

*

Однажды императрицѣ (Екатеринѣ II-й) донесли, что пристава подолгу задерживаютъ въ Москвѣ барки съ жизненными припасами и товарами изъ внутреннихъ мѣстностей Россіи, шедшія въ Петербургъ.—Попытки получить точныя свѣдѣнія объ этомъ приводили лишь къ обвиненію доносившихъ. Подозрѣвая обманъ и желая уяснить дѣло, императрица поручила гвардейскому офицеру Молчанову на мѣстѣ разобрать противорѣчивыя донесенія и представить правдивый отчетъ обо всемъ видѣнномъ. Молчановъ обѣщаетъ въ точности выполнить порученіе и является нѣсколько разъ въ Сенатъ за полученіемъ паспорта, но получаетъ его лишь спустя нѣсколько дней, въ продолженіе которыхъ приставовъ успѣли предувѣдомить о предстоящей ревизіи. Молчановъ нашелъ въ Москвѣ только три барки, и императрица осталась въ прежнемъ недоумѣніи.

*

Домъ, хозяинъ котораго былъ арестованъ или сосланъ, остается необитаемъ, и Русскіе не покупаютъ такого дома, держась повѣрья, что участь прежняго владѣльца постигнетъ и покупщика. Отъ этого стоятъ въ запустѣніи и развалинахъ многія великолѣпныя палаты, служившія нѣкогда украшеніемъ Петербургу, напр. домъ Шафирова. Нѣкоторые изъ такихъ домовъ, ближе къ центру города, обращены казною подъ общественныя учрежденія. Такимъ образомъ Кадетскій Корпусъ помѣщенъ въ зданіи, гдѣ были арестованы князь Меньщиковъ и потомъ графъ Остерманъ; Правительствующій Сенатъ помѣщается въ домѣ, принадлежавшемъ канцлеру Бестужеву, а послѣ него Голштинскому принцу Георгію. Сей послѣдній (28 Іюля 1762) спрятался въ погребъ, гдѣ его отыскали гвардейцы, не захотѣвшіе уважить въ немъ князя Германской Имперіи.

*

Въ былыя времена, когда вельможа ссылался въ Сибирь или былъ арестованъ, той же участи подвергались его секретари, слуги и всѣ состоявшіе при немъ. Поэтому случалось, что отъ такого опальнаго человѣка всѣ разбѣга-

лись, и въ минуту ареста онъ оставался въ домѣ одинъ. Емме, секретарь графа Остермана, еще до ссылки своей, послалъ слугу Ѳедора въ деревню съ какимъ-то порученіемъ. По возвращеніи въ Петербургъ, Ѳедоръ находитъ домъ графа Остермана запертымъ, ворчитъ на барина за чѣмъ онъ не предувѣдомилъ его о своемъ отъѣздѣ и отправляется въ Сенатъ разузнать, гдѣ его господинъ. Ему называютъ мѣсто въ Сибири, куда онъ сосланъ. «Такъ я поѣду туда и скажу ему въ лицо, какъ не стыдно бросать меня». Сенаторъ смѣется и утѣшаетъ его; но Ѳедоръ не перестаетъ ворчать. «Онъ отъ меня не отдѣлается», твердитъ онъ про своего барина. Онъ продалъ свои вещи, съ небольшими деньгами отправился въ мѣсто ссылки, нашелъ своего Емме и осыпалъ его упреками. «Ну ты теперь въ Сибири, говоритъ ему Емме. Что же ты намѣренъ дѣлать?»—«Какъ что, отвѣчаетъ Ѳедоръ, останусь при васъ и по прежнему буду служить вамъ».—«Я тебѣ очень благодаренъ за твое намѣреніе и стараніе; но видишь самъ, другъ мой, сколько мнѣ даютъ на дневной прожитокъ».—«Объ этомъ не безпокойтесь: у меня есть деньги, я даже вамъ помогу, и будьте увѣрены, что несчастіе ваше продлится недолго; вы и не ожидаете, какъ скоро вернетесь». Черезъ нѣсколько времени Эмме понадобилось платье. Ѳедоръ сыскалъ портнаго и заплатилъ ему. «Не будете ни въ чемъ нуждаться, ни въ пищѣ, ни въ одеждѣ, ни въ прочемъ, сдѣлаемте только уговоръ».—«Охотно, но какой уговоръ?»—«Такъ какъ я рѣшился не оставлять васъ до смерти, а вы скоро вернетесь отсюда, то обѣщайте, по возвращеніи въ Петербургъ, прибавлять мнѣ по 50 рублей жалованья съ каждой должности, какую вы будете занимать». Уговоръ заключенъ, написанъ и подписанъ. Пришло время, что у барина и у слуги деньги всѣ вышли. Ѳедоръ смѣется, Эмме не знаетъ какъ быть. «Смѣйтесь и вы», говоритъ Ѳедоръ: «мы скоро будемъ свободны». И дѣйствительно, Елисавета Петровна приказала принести списокъ сосланныхъ и ужаснулась, увидавъ великое множество секретарей и слугъ, отправленыхъ вслѣдъ за ссыльными вельможами. Тотчасъ велѣно возвратить невинныхъ, и Эмме со слугою своимъ прибылъ обратно въ Петербургъ. Онъ опредѣленъ ассесоромъ Камеръ-Коллегіи, потомъ сдѣлался совѣтникомъ, вице-президентомъ Юстицъ-Коллегіи, въ которой вѣдались дѣла Лифляндіи, Эстляндіи и Финляндіи, затѣмъ статскимъ совѣтникомъ, аудиторомъ и пр. У Ѳедора уже 500 рублей прибавки къ жалованью. Когда Эмме получилъ Аннинскую ленту, Ѳедоръ потребовалъ тоже 50-ти рублей. Эмме возразилъ, что лента не должность и прибавку дѣлать не слѣдуетъ; но Ѳедоръ грозилъ обратиться къ суду и настоялъ на своемъ. Наконецъ Емме сдѣлался тайнымъ совѣтникомъ и президентомъ Коллегіи. Вѣрный Ѳедоръ умеръ за долго до него. Передъ смертью онъ завѣщалъ господину всѣ свои сбереженія, и такимъ образомъ Эмме получилъ назадъ выплаченныя имъ деньги, и даже съ излишкомъ.

Емме не имѣлъ нужды отдавать приказанія Ѳедору: тотъ самъ предупреждалъ ихъ и съ необыкновенною заботливостью угождалъ своему господину. Онъ вставалъ обыкновенно очень рано, и первымъ его дѣломъ было узнать, какова погода. Если было холодно или сыро, онъ шелъ въ спальню къ барину и говорилъ: «Иванъ Ѳедоровичъ, оставайтесь въ постелѣ; нынче вы не поѣдете въ Коллегію, на дворѣ нехорошо». Эмме слушался; но когда дѣла требовали его выѣзда, ему приходилось бороться съ настойчивостью преданнаго слуги. «Вы довольно потрудились, говорилъ онъ ему, пусть нынче другіе за мѣсто васъ поработаютъ. Вы становитесь стары и дряхлы, поберегите свое здоровье».

Однажды я былъ приглашенъ на обѣдъ къ Емме и поѣхалъ раньше, чтобы воспользоваться бесѣдою этого образованнаго человѣка. На обѣдъ съѣхалось много значительныхъ особъ. Передъ тѣмъ какъ садиться за столъ, по Русскому обычаю, Эмме приказалъ Ѳедору подать гостямъ водки. При входѣ въ залу, Ѳедоръ оступился и разбилъ рюмки. Емме сталъ ему выговаривать. Ѳедоръ сложилъ руки крестъ на крестъ, спокойно выслушалъ упреки и сказалъ: «Такъ-то вы не щадите стараго слуги! Видно девять рюмокъ вамъ дороже его, да еще бранитесь при этихъ господахъ! Еще если бы вы были бѣдны! Охота вамъ прослыть скрягою! Вѣдь со всякимъ это можетъ случиться». Гости и самъ Емме отъ всей души смѣялись, слушая его рѣчь.

*

Священникъ одной изъ Петербургскихъ церквей служилъ обѣдню, какъ сосѣдній съ церковью домъ загорѣлся. Пламя перекинулось на колокольню. Священнику говорятъ о томъ, но онъ не слушаетъ. Ему приходятъ сказать, что вотъ-вотъ колокола попадаютъ. Онъ продолжаетъ службу. Народъ кричитъ ему, что надо спасаться, что онъ сгоритъ. Наконецъ одинъ изъ его родственниковъ бросился въ алтарь и потащилъ его изъ церкви: только-что они вышли, какъ своды церкви обрушились.

(*Продолженіе будетъ*).

Московская старина.

I.

Письмо къ издателю Русскаго Архива.

При послѣднемъ свиданіи нашемъ говорили мы о тѣхъ большихъ перемѣнахъ, какія послѣдовали въ Москвѣ. На сіе сказалъ я вамъ, что мнѣ, какъ старожилу Московскому, это еще болѣе замѣтно, нежели вамъ, что я началъ знать Москву за пять лѣтъ до нынѣшняго столѣтія, то есть съ 1795 года, и что многое изъ того времени осталось у меня въ памяти. Тогда убѣдительно просили вы меня составить записку о тогдашнемъ положеніи Москвы и о томъ, когда и какія послѣдовали въ ней измѣненія. Желая сдѣлать вамъ угодное, побуждаюсь удовлетворить любопытству вашему, если не вполнѣ, то тѣмъ, что̀ осталось въ моей памяти.

Начинаю съ Кремля. При входѣ въ Спасскіе ворота, рядомъ съ ними, находится церковь св. Михаила Малеина, принадлежащая Вознесенскому монастырю, которая и въ настоящее время остается въ томъ же видѣ какъ была; рядомъ же съ нею находилась принадлежащая тому же монастырю церковь св. великомученицы Екатерины. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія была она сломана, и строеніе ея въ бо̀льшемъ размѣрѣ поручено было главноначальствующему надъ Кремлевскою экспедиціею Петру Степановичу Валуеву. Она теперь выдалась болѣе на площадь, по тѣснотѣ монастыря. Не умѣю, сказать къ какому стилю принадлежитъ ея архитектура. Желая придать ей болѣе красы, на крышѣ ея поставили какіе-то столбики, безъ которыхъ, по моему мнѣнію, она была бы лучше. Не знаю, кто былъ архитекторомъ; только онъ умѣлъ внутренность ея стѣснить, наставивъ множество столбовъ. Иконостасъ поставленъ очень небольшой въ сравненіи съ величиною храма. За престоломъ помѣщена картина Рождества Христова, написанная г-номъ Тончи. Внутри монастыря была еще небольшая церковь Казанскія Божіей Матери, которая по тѣснотѣ монастыря сломана; надъ монастырскими кельями надстроенъ 3-й этажъ.—По сосѣдству съ монастырскою стѣною находился двухъэтажный домъ, принадлежавшій Московскому митрополиту Платону, съ имѣвшимся на фронтонѣ его вензелемъ. Въ 1817 году прибыла въ Москву императорская фамилія и не на краткое время. За тѣснотою бывшаго тогда Кремлевскаго дворца, великій князь Николай Павловичъ съ своею супругою занялъ сей митрополичій домъ, въ которомъ 17 Апрѣля и родился нынѣ благополучно царствующій Императоръ Александръ Николаевичъ. По сему случаю домъ сей причисленъ къ придворному вѣдомству и началъ именоваться Николаевскимъ дворцомъ; въ послѣдствіи, уже въ царствованіе Николая, надстроенъ надъ домомъ симъ третій этажъ и пристроена къ нему галлерея, ведущая изъ дворца прямо въ Чудовскую цер-

ковь съ четвероугольною надъ нею башнею въ древнемъ вкусѣ. Въ нижнемъ этажѣ находилась церковь во имя св. апостоловъ Петра и Павла. Противъ сего дворца на Кремлевской площади стояла небольшая церковь Святителя Николая, именуемая Гостунскимъ соборомъ; въ 1818 или въ 1819 г. она была сломана для расширенія площади, предназначавшейся для разводовъ.

Близъ синодальнаго дома, находящагося недалеко отъ Троицкихъ воротъ и нынѣшнихъ Кремлевскихъ казармъ (въ коихъ прежде помѣщалась Оружейная Палата) былъ домъ занимаемый Московскимъ комендантомъ; противъ же сего дома находилась церковь Богоявленія съ придѣломъ преподобнаго Сергія и называлась Троицкимъ подворьемъ. Всѣ сіи строенія были сломаны въ 1806 году, и г-нъ Валуевъ имѣлъ намѣреніе помѣстить тогда бывшаго коменданта, Ивана Крестьяновича Гессе, въ домѣ митрополита Платона, который проживалъ въ Виѳаніи. Когда митрополитъ узналъ о семъ, то писалъ къ своему викарію преосвященному Августину, чтобы отвести г. Валуева отъ сего предпріятія, представляя, что сіе, кромѣ другихъ причинъ, возмутитъ публику, которая найдетъ несообразнымъ жить въ архіерейскомъ домѣ Нѣмцу и близъ мощей Лютеранину [1]). Валуевъ склонился на эти доводы.

Противъ бывшаго стараго дворца былъ Срѣтенскій соборъ, у самыхъ же Боровицкихъ воротъ была церковь Іоанна Предтечи и слыла подворьемъ святителя митрополита Петра; она была сломана, и церковный престолъ перенесенъ на башню Боровицкихъ воротъ. Находившійся въ сей церкви чудотворный образъ св. мученика Уара, къ которому приносили больныхъ младенцевъ и клали ихъ на находившійся подъ нимъ камень, перенесенъ въ предѣлъ Архангельскаго собора. (День святаго Уара былъ днемъ рожденія святаго царевича Димитрія). Сказывали мнѣ, что и въ двухъ Кремлевскихъ башняхъ были церкви, но я сего не помню.

Часть Арсенала, взорванная по приказанію Наполеона, приведена въ прежній видъ, который еще украсился помѣщенными вокругъ его пушками, взятыми у непріятелей въ 1812 году. Никольскіе ворота, коихъ половина была разрушена, также возобновлены, къ сожалѣнію не въ томъ же видѣ, какъ было прежде, о чемъ упомянуто было въ особо изданной мною книжкѣ подъ заглавіемъ Память о 1812 годѣ.

Въ томъ же 1812-мъ году непріятелями взорвана была пристроенная къ Ивану Великому колокольня, называемая Филаретовскою съ церковью Николая Чудотворца, вмѣсто которой построена новая въ томъ же видѣ какъ была и прежняя, только нѣсколько выше бывшей, отъ чего для глазъ вышина Ивана Великаго уменьшилась. Въ ней по прежнему устроена церковь во имя Святителя Николая; подъ нею же находилась церковь Іоанна Списателя Лѣствицы, въ которой во время перестройки Успенскаго собора покоились мощи Святителя Петра. Въ недавнее время она возобновлена и вновь освящена.

Въ 1819 году вылитъ новый колоколъ для Ивановской колокольни въ 4000 пудъ; прежній же 12,000 пудовой, вылитый въ царствованіе Анны Іоанновны, висѣвшій на деревянныхъ столбахъ и давно упавшій во время бывшаго пожара, паденіемъ своимъ сдѣлалъ огром-

---

[1]) Изъ писемъ митрополита Платона къ преосвященному Августину.

ную яму, при чемъ отбился край вѣсомъ въ 700 пудъ, и съ того времени этотъ колоколъ находился въ той ямѣ. Повелѣніемъ императора Николая извлеченъ былъ онъ изъ земли, кажется, въ 1837 году и поставленъ возлѣ Ивановской колокольни на устроенномъ фундаментѣ изъ дикаго камня. Царская же площадь, на которой находятся соборы, его же повелѣніемъ окружена высокою желѣзною рѣшеткой съ тремя такими же воротами, съ позолотою по мѣстамъ.

Въ дни крестныхъ ходовъ на Москву рѣку, какъ то въ день Крещенія, въ день Преполовенія и 1-го Августа для схода на воду, спускались къ Тайницкимъ воротамъ по устроенной по горѣ деревянной лѣстницѣ; но впослѣдствіи гору ту сравняли, обложили дерномъ и спускъ устроили отлогимъ, который съ обѣихъ сторонъ обвели желѣзными перилами. Подъ горой же насаженъ садъ, съ одной стороны простирающійся до церкви Константина и Елены и Спасскихъ воротъ, а съ другой мимо Благовѣщенской церкви, что̀ на Житномъ дворѣ, до Боровицкихъ воротъ.

Въ сороковыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія, угодно было Императору повелѣть прежній дворецъ сломать и на томъ же мѣстѣ воздвигнуть новый въ бо̀льшемъ размѣрѣ, соединивъ его какъ и прежній съ Грановитою Палатой; но какъ размѣръ новаго дворца требовалъ большаго пространства, то придумали соединить его съ прежними дворцовыми строеніями, какъ то съ Рождественскимъ соборомъ и съ церковью Спаса за золотою рѣшеткой; церковь Спаса на Бору, прежде всѣхъ прочихъ построенная въ Москвѣ, оставлена посреди дворцовой внутренней площади, между тѣмъ какъ прежде мимо нея былъ проѣздъ.

Въ церковь Спаса, что̀ за золотой рѣшеткой, входъ былъ съ Краснаго крыльца чрезъ большія сѣни со сводами, съ росписанными масляными красками изображеніями изъ Священной Исторіи. Изъ этихъ сѣней направо входъ былъ въ Грановитую Палату, а на лѣво на дворцовую площадку, и на сей послѣдней были устроены двѣ полукруглыя лѣстницы, окруженныя рѣшетками, ведущими къ золотой рѣшеткѣ съ воротами, чрезъ которые входили въ сію церковь [2]); въ настоящее же время сія церковь находится уже внутри дворца. Въ терема же царскіе былъ особый ходъ, а въ настоящее время входъ въ нихъ сдѣланъ изъ дворца.

Въ 1849 году новый дворецъ былъ отстроенъ, Императоръ съ августѣйшею фамиліею прибылъ въ Москву; въ день Свѣтлаго Христова Воскресенья дворецъ былъ освященъ, и праздновалось новоселье.

Въ Успенскомъ соборѣ около внутреннихъ столбовъ сняты окружавшіе ихъ иконостасы, что̀ доставило много простору и красы.

На Иванѣ Великомъ вызолочена была вновь глава, также и девять главъ на Благовѣщенскомъ Соборѣ.

Подъ Рождественскимъ соборомъ въ землѣ открыта церковь во имя св. праведнаго Лазаря, которая и была возобновлена.

Теперь выйдемъ изъ Кремля Спасскими воротами въ Китай-городъ. Направо церковь св. Василія Блаженнаго или Покровскій соборъ; онъ представляется во всей его древней красотѣ, на возвышенной площадкѣ, со всѣхъ сторонъ обложенной дикимъ камнемъ въ видѣ

---

[2]) У меня имѣлся рисунокъ этого входа и золотой рѣшетки, отданный мною въ Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.

контрафорсовъ, и окруженной желѣзными перилами. Въ 1815 году находившіяся вокругъ нея лавки съ восковыми свѣчами, до половины ее занимавшія, были сломаны. По стѣнѣ, окружавшей Кремль, также находились каменныя лавки, и въ нихъ производился торгъ сапогами и башмаками. Чрезъ нѣсколько времени и онѣ были снесены, и вокругъ стѣны проведенъ бульваръ.

Площадь сія продолжается до Воскресенскихъ или Иверскихъ воротъ, не доходя которыхъ находился старинный домъ, нѣкогда Московскій университетъ, а потомъ занимаемый присутственными мѣстами; въ прошедшемъ году онъ сломанъ, для очищенія мѣста предполагаемой постройки Музея Его Императорскаго Высочества Наслѣдника Цесаревича.

Возвратившись въ Кремль и выйдя изъ него Боровицкими воротами, придемъ къ строющемуся нынѣ храму Христа Спасителя. На мѣстѣ его былъ прежде Алексѣевскій женскій монастырь, переведенный въ Красное Село къ бывшей тамъ церкви Тихвинской Божіей Матери. Тутъ же находилась и церковь Всѣхъ Святыхъ, также сломанная; память ея сохранилась въ названіи Всѣхсвятскаго переулка, который шелъ параллельно нынѣшнимъ банямъ, что̀ у Каменнаго моста.

За храмомъ Спасителя, по правой сторонѣ улицы Волхонки, уцѣлѣлъ домъ покойнаго князя Сергія Михайловича Голицына, который въ 1775 году занимаемъ былъ прибывшею Екатериною II-ю. Благодаря княгиню Анну Александровну Голицыну, рожденную баронессу Строгонову, мать князя Сергія Михайловича, Государыня сказала ей: «Мнѣ всегда пріятно будетъ васъ видѣть у себя, когда вамъ угодно будетъ меня посѣщать», причемъ спросила ее, гдѣ находится главное ея имѣніе, и когда княгиня отвѣчала, что въ Пермской губерніи, то Государыня отозвалась, что хорошо бы было, если бы она и всѣ дамы, имѣющія пріѣздъ ко двору, сдѣлали себѣ мундиры тѣхъ губерній, въ которыхъ ихъ имѣнія находятся съ различіемъ по цвѣту воротниковъ. Мысль Государыни заключалась, надобно полагать, въ томъ, чтобы тѣмъ избавить дамъ отъ роскоши. Однажды собралось довольно дамъ, и Государыня, глядя на кн. Голицыну, сказала: «Я знаю, что въ Москвѣ мнѣ всѣ рады; вотъ одна только, думаю, гнѣвается на меня за то, что я лишила ея спокойствія, занявъ ея домъ». Посредствомъ устроенной галлереи соединили сей домъ съ домомъ нынѣшней 1-й гимназіи, въ которомъ помѣщался князь Потемкинъ съ своею матерью. По отбытіи Императрицы изъ Москвы, она приказала оставить множество кусковъ штофа для возобновленія обоевъ, много игорныхъ столовъ и свой барометръ. Домъ сей началъ съ того времени именоваться Пречистенскимъ дворцомъ, что̀ продолжалось до 1812 года; когда кто нанималъ въ ту сторону извощиковъ, всегда спрашивали: что̀ возьмешь до Пречистенскаго дворца? При домѣ семъ есть и домовая церковь во имя Рождества Богородицы съ правомъ имѣть собственнаго священника.

Пройдемъ далѣе по правой сторонѣ Пречистенской улицы. Тутъ былъ домъ, принадлежавшій Александру Петровичу Ермолову, подлѣ него Михаила Ѳедоровича Орлова, нынѣ Лихачева; далѣе домъ Александра Петровича Хрущева, нынѣ купца Рудакова, послѣ принадлежавшій Ивану Петровичу Архарову. У сего гостепріимнаго хозяина до 1812 года всегда собиралось множество гостей, а по Воскресеньямъ бывали балы; послѣ же 1812 года домъ этотъ переходилъ въ разныя руки, какъ то къ Александру Ивановичу Бахметеву, по-

томъ къ Екатеринѣ Александровнѣ Нарышкиной, нынѣ принадлежитъ купеческой женѣ Коншиной. Далѣе находится домъ княгини Елены Васильевны Хованской, который былъ купленъ знаменитымъ Алексѣемъ Петровичемъ Ермоловымъ (нынѣ Кошкарова). За симъ домомъ былъ большой домъ Елисаветы Михайловны Ермоловой, нынѣ Пожарное Депо; неподалеку деревянный домъ графини Елизаветы Өедоровны Орловой, супруги старшаго изъ Орловыхъ, графа Ивана Григорьевича, далѣе огромный домъ гг. Охотниковыхъ, до сихъ поръ имъ принадлежащій, а за нимъ черезъ нѣсколько домовъ домъ Настасьи Николаевны Хитровой, нынѣ принадлежащій внуку ея князю Сергію Николаевичу Урусову, въ которомъ есть и домовая церковь. Вскорѣ за симъ домомъ начинается и Зубовскій бульваръ.

Если же идти по лѣвой сторонѣ Пречистенки, то тутъ были дома княгини Салтыковой, Суровщикова, Лопухина, и огромный домъ бывшій Всеволода Андреевича Всеволожскаго, нынѣ принадлежащій купцу Степанову, въ которомъ временно помѣщался Политехническій Музей. За нимъ домъ г-жи Чертовой, принадлежавшій прежде кн. Михаилу Александровичу Шаховскому; рядомъ съ нимъ нынѣшній домъ княгини Елисаветы Александровны Голицыной, прежде сего принадлежавшій Екатеринѣ Александровнѣ Бибиковой, потомъ барону Розену, затѣмъ его зятю Аладьину. Слѣдуетъ огромный домъ бывшій князя Андрея Николаевича Долгорукова, рядомъ съ нимъ Д. С. Мартынова, принадлежавшій нѣкогда графу Сергію Павловичу Потемкину; далѣе домъ Альфонскаго, прежде принадлежавшій Петру Александровичу Самсонову, и за нимъ недалеко Зубовскій бульваръ, и далѣе къ Дѣвичьему полю, на которомъ находится домъ Ивана Акимовича Мальцова, въ настоящее время принадлежащій Комитету Человѣколюбиваго Общества, помѣстившему въ немъ училище дѣвицъ, именуемое Чернявскимъ.

На нынѣшней Калужской улицѣ, за Крымскимъ бродомъ, кромѣ извѣстныхъ больницъ и Мѣщанскаго училища, находились два большихъ деревянныхъ дома, съ выходившими и служившими вмѣсто балконовъ фонарями; первый принадлежалъ Александру Алексѣевичу Чесменскому, а второй графу Алексѣю Григорьевичу Орлову-Чесменскому. Противъ его дома устроенъ былъ большой бѣгъ, по которому графъ часто прокатывался и дозволялъ прочимъ охотникамъ пользоваться имъ. Внутренность его дома мнѣ весьма нравилась. Онъ былъ въ старинномъ вкусѣ. Печки изъ изразцовъ съ разными изображеніями, на небольшихъ вызолоченныхъ ножкахъ, съ такими же заслонками; вокругъ стѣнъ дубовыя панели, а по стѣнамъ дорогія картины. Все отзывалось стариннымъ барствомъ. Спустя нѣкоторое время по смерти графа, дома сіи были сломаны, и дочь его графиня въ углубленіи двора выстроила новый каменный большой домъ, совсѣмъ уже инаго стиля. Въ одной большой залѣ находились два огромные портрета: одинъ князя Григорія Григорьевича Орлова въ Римской одеждѣ, другой графа Алексѣя Григорьевича. Во время бала, даннаго графинею для Персидскаго посла, за ужиномъ, поданнымъ на кругломъ столѣ, въ срединѣ онаго стояло столь огромное померанцевое дерево, что вѣтвями своими, цвѣтомъ и плодами всѣхъ насъ осѣняло, не смотря на то, что за симъ столомъ находилось до 40 человѣкъ. Въ семъ же домѣ давала она балъ для императора Александра. Послѣ оный уступленъ былъ для лѣтняго пребыванія императрицы Александры Өеодоровны, и съ тѣхъ поръ началъ на-

зываться Александринскимъ дворцомъ. Прекрасный садъ этого дома соединенъ съ садомъ Нескучнаго. По близости отсюда находится бывшій Андреевскій монастырь, въ которомъ нынѣ находится многочисленная богадѣльня для обоего пола, содержимая купеческимъ обществомъ.

Не смотря на то, что мы находились уже у Зубовскаго бульвара, возвратимся опять къ нему, чтобы отъ него пройдти по бывшему Земляному валу, вступя на Смоленскій бульваръ, на которомъ находится домъ Земледѣльческой Школы, принадлежавшій прежде фельдмаршалу графу Каменскому. На томъ же бульварѣ домъ, прежде принадлежавшій княгинѣ Настасьѣ Ивановнѣ Несвицкой, супругѣ князя Ивана Васильевича, потомъ перешедшій во владѣніе Прасковьи Александровны Новосильцевой, рожденной княгини Лобановой-Ростовской. Тутъ же домъ съ домовою церковію, принадлежавшій Аграфенѣ Петровнѣ Глазовой, въ которомъ имѣлась домовая церковь, нынѣ принадлежитъ княгинѣ Львовой. Въ Кудринѣ былъ домъ генералъ-кригсъ-коммиссара Александра Ивановича Глѣбова, пріобрѣтенный казною для нынѣшняго Вдовьяго Дома. Подъ Новинскимъ домъ князя Николая Сергѣевича Гагарина; далѣе по тому же направленію былъ домъ Пелагеи Ѳедотовны Каменской, купленный оберъ-камергеромъ княземъ Александромъ Михайловичемъ Урусовымъ. На сей же Садовой улицѣ были дома Николая Евгеньевича Кашкина и графа Ираклія Ивановича Маркова. Бывшій домъ канцлера графа И. А. Остермана принадлежитъ нынѣ Московской Духовной Семинаріи; далѣе къ Самотекѣ были дома Петра Степановича Валуева, послѣ принадлежавшій Еленѣ Васильевнѣ Шереметевой, домъ князя Н. А. Лобанова-Ростовскаго, а противъ него домъ князя Дмитрія Михайловича Волконскаго, далѣе Анны Михайловны Грессеръ, сестры князя Петра Михайловича Волконскаго. Недавно только построены тутъ, не доходя Сухаревой башни, огромные дома, принадлежащіе Сергіевской Лаврѣ.

Назвавъ Сухареву башню, вспоминаю, что въ началѣ нынѣшняго столѣтія возлѣ нея былъ особенный дворъ, на которомъ находилось много деревянныхъ домовъ, и въ одномъ изъ нихъ жилъ начальникъ адмиралтейской команды, адмиралъ Мартемьянъ Яковлевичъ Сипягинъ съ своимъ семействомъ, а въ прочихъ чиновники сего вѣдомства. По другую же сторону башни былъ огромный сарай, въ которомъ хранился большой и древній корабль, прозываемый Орелъ, сгорѣвшій въ 1812 году, во время бывшаго на томъ мѣстѣ простонароднаго гулянья 26 Августа, называемаго Адріановскимъ. Сарай сей отворяли для осмотрѣнія гуляющимъ. Съ другой стороны башни, вмѣсто нынѣшней Садовой улицы, находился среди улицы высокій земляной валъ; рядомъ съ башнею по лѣвую сторону находились низенькія бани, называемыя Мѣщанскими и возлѣ нихъ таковыя же харчевни и лавочки. Противъ нихъ былъ предлинный деревянный заборъ и позади его Черкасскій огородъ. На семъ огородѣ находилась деревянная церковь съ такою же колокольнею. Церковь была во имя Ксеніи, съ придѣлами Троицы и Михаила Архангела. Въ началѣ сего столѣтія она была сломана, мѣсто Черкасскаго огорода сравнено, и начата на немъ строиться нынѣшняя великолѣпная Шереметевская больница съ церковью и двумя придѣлами. Неподалеку отъ сей больницы находился домъ графа Ивана Симоновича Гендрикова, обращенный послѣ въ Спасскія казармы, и построено

по переулку множество корпусовъ, въ которыхъ помѣщаются пребывающія въ Москвѣ войска. Казармы сіи находятся близъ Красныхъ воротъ, построенныхъ по случаю въѣзда въ Москву императрицы Елисаветы Петровны; прежде по сторонамъ ихъ были по три пирамиды.

Мѣсто за Красными воротами, гдѣ нынѣ станціи желѣзныхъ дорогъ, именовалось Полевымъ дворомъ; на немъ производились ученія артиллеристовъ. Тутъ же находился домъ дяди моего сенатора Алексѣя Ивановича Дурново, у котораго во время моего малолѣтства я бывалъ и любовался, смотря на ученіе артиллеристовъ. Пересѣкая сіе поле, проѣзжаешь мимо близъ находящейся тутъ Набилковской богадѣльни, и черезъ Мѣщанскую улицу, достигаешь до церкви Іоанна Воина, называемой на убогомъ дому. За сею церковью въ переулкѣ находился садъ графа Салтыкова, а противъ него загородный домъ графа Александра Петровича Толстаго, родителя графа Петра Александровича; въ немъ жили сестры его графини Анна и Наталія Александровны. Противъ церкви было неровное мѣсто, на нѣкоторыхъ бугоркахъ были небольшіе домики, а рядомъ съ церковью въ послѣднихъ годахъ минувшаго столѣтія былъ двухъэтажный каменный домъ, для небольшаго количества инвалидовъ, позади котораго въ саду былъ домъ для умалишенныхъ. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія императрица Марія Ѳеодоровна пріобрѣла сіе мѣсто и украсила его построеніемъ трехъ великолѣпныхъ зданій, какъ-то: Екатерининскаго Института, Марьинской Больницы и Александровскаго Института. Противъ Екатерининскаго мѣсто сравнено, насаженъ паркъ и проведена дорога, мимо Самотецкаго пруда, до мѣста нынѣшняго Цвѣтнаго бульвара, по которому на срединѣ была широкая открытая канава, по бокамъ обложенная дикимъ камнемъ; по сторонамъ сей канавы строенія никакого не было, кромѣ деревянныхъ заборовъ, и на мѣсто сіе валили всякія нечистоты. Канава сія продолжалась до самаго Кузнецкаго моста. Мостъ этотъ былъ каменный, довольно высокій, потому что подъ нимъ находились кузницы. Чтобы всходить на него, устроена была каменная лѣстница.

Отъ Красныхъ воротъ къ Нѣмецкой слободѣ ведетъ Новая Басманная; по правую ея сторону находится такъ называемый Запасный Дворецъ, съ церковью въ немъ святаго Іаннуарія; рядомъ съ нимъ богадѣльня князей Каракиныхъ съ церковію Николая Чудотворца. Богадѣльня сія была первая построенная въ Москвѣ, въ 1742 году, для небольшаго числа инвалидовъ и соединяется съ домомъ князей Куракиныхъ, въ которомъ проживалъ сенаторъ князь Степанъ Борисовичъ Куракинъ, по немъ жила супруга его княг. Екатерина Дмитріевна, рожденная Измайлова, по смерти которой домъ сей отдается въ наймы и доходъ съ онаго поступаетъ въ пользу богадѣльни. Рядомъ съ нимъ былъ домъ Балкъ-Полева, подлѣ него прежде принадлежавшій Сергѣю Ивановичу Плещееву, а послѣ княжнѣ Ѳедосьѣ Васильевнѣ Долгорукой-Крымской; за нимъ графини Екатерины Петровны Ростопчиной и большой домъ Демидова (послѣ князя Михаила Петровича Голицына) и наконецъ въ немъ помѣщалось Сиротское заведеніе; за симъ графини Шуваловой и послѣдній домъ Медицинской Конторы. По лѣвую же сторону Басманной, начиная отъ Красныхъ воротъ, первый домъ принадлежалъ Екатеринѣ Петровнѣ Лопухиной, возлѣ него князя Ѳедора Андреевича Голицына, потомъ церковь Петра и Павла; рядомъ съ нею домъ Николая

Петровича Высоцкаго, обращенный въ послѣдствіи въ военную богадѣльню; далѣе дома Маркелла Демидовича Мѣщанинова, г-жи Денисьевой, княгини Касаткиной и Мареы Яковлевны Кротковой. Тутъ же былъ домъ Михаила Васильевича Гудовича съ цѣльными стеклами, что въ то время считалось рѣдкостію. Съ окончаніемъ сей улицы начинается мѣсто, называемое Разгуляемъ, на которомъ находится великолѣпный домъ 2-й гимназіи, принадлежавшій до 1812 года графу Алексѣю Ивановичу Мусину-Пушкину, съ домовою церковью, а близъ сего дома церковь Богоявленія что въ Елоховѣ; она была сломана, и на ея мѣстѣ выстроена новая въ большемъ размѣрѣ; подлѣ нея былъ домъ гр. Алексѣя Гавриловича Головкина, въ которомъ послѣ находился Сарептскій магазинъ.

Чтобы дойдти до Нѣмецкой слободы, надобно возлѣ гимназіи повернуть на право въ переулокъ, въ которомъ были дома г. Осоргина и Василія Сергѣевича Шереметева, проданный имъ (передъ самымъ 1812 г.) Николаю Николаевичу Бантышъ-Каменскому. Пройдя далѣе мимо дома Екатерины Александровны Муромцевой, приходимъ къ церкви Вознесенія, что на Гороховомъ полѣ, на которомъ великолѣпный домъ графа Алексѣя Кириловича Разумовскаго съ большимъ садомъ и прудомъ; домъ сей принадлежитъ нынѣ Фельдшерской Школѣ. Далѣе, по большой улицѣ, славный домъ Николая Никитича Демидова съ великолѣпною чугунною рѣшеткою, къ сожалѣнію уничтоженною. Домъ сей находится на полугорѣ, такъ что передній видъ его въ одинъ этажъ, а выходящій въ садъ въ три этажа съ прекраснымъ садомъ во Французскомъ вкусѣ, съ статуями; въ послѣдствіи пріобрѣтенъ онъ для Елисаветинскаго Института. На сей же улицѣ находился домъ Якова Ивановича Булгакова, пройдя который, поворотивъ налѣво, начинается Нѣмецкая слобода, на которой дома графини Екат. Александр. Головкиной и гр. Димитрія Петровича Бутурлина, сгорѣвшій въ 1812 году съ богатой библіотекою. На сейже улицѣ былъ большой и красивой архитектуры домъ князя Гр. Гр. Орлова, графа Зубова и еще дворецъ, принадлежавшій великому князю Константину Павловичу. Позади же сей большой улицы былъ построенъ княземъ Безбородко великолѣпный домъ, уступленный имъ императору Павлу 1-му и переименованный Слободскимъ дворцомъ съ церковью въономъ во имя Архистратига Михаила. Въ семъ дворцѣ находились великолѣпныя, огромныя залы съ драгоцѣнными каминами. Дворецъ сей соединялся посредствомъ бывшаго при немъ сада съ большимъ дворцовымъ садомъ, гдѣ перекинутъ чрезъ рѣку Яузу мостъ. Дворцовый садъ продолжается до большаго госпиталя. Слободской дворецъ въ 1812 году былъ сожженъ, и по отдѣлкѣ его въ немъ нынѣ помѣщается Техническое Ремесленное Училище. Далѣе сей школы находится бывшій Лефортовской дворецъ, а за нимъ Головинскій, въ которомъ помѣщаются военныя гимназіи.

Когда императоръ Александръ 1-й въ 1801 году прибылъ въ Москву для коронованія, то за тѣснотою Кремлевскаго дворца остановился въ Слободскомъ дворцѣ. Вспоминаю при семъ о великолѣпномъ его въѣздѣ въ Москву, великолѣпнѣе послѣдующихъ въѣздовъ государей, потому что въ то время у всѣхъ придворныхъ высокихъ чиновъ имѣлись собственныя богатыя золотыя кареты съ прекрасными цугами въ шорахъ и съ богатыми у прислуги ливреями; предъ нѣкоторыми шествовали скороходы и Арабы; рядомъ съ каретою канц-

лера гр. Остермана шли гайдуки въ длинныхъ плащахъ и въ высокихъ шапкахъ въ видѣ сахарныхъ головъ, что̀ увеличивало ихъ ростъ. Трудно было сосчитать множество парадныхъ золотыхъ каретъ семистекольныхъ, обитыхъ внутри бархатомъ; сидѣвшіе въ нихъ большею частію были во Французскихъ кафтанахъ, шитыхъ золотомъ. Особенно богата была осмистекольная карета императрицы Маріи Ѳеодоровны съ короною на верху ея.

Въ теченіи 25 лѣтняго царствованія Александра I-го вся сія пышность измѣнилась, по той простотѣ, которую онъ любилъ и старался вводить, подавая тѣмъ примѣръ другимъ. День коронаціи былъ 15-го Сентября. Погода была отличная, настоящій лѣтній теплый день. Вечеромъ былъ съѣздъ въ Кремлевскомъ дворцѣ, по Москвѣ рѣкѣ плавало много иллюминованныхъ лодокъ, съ пѣсельниками. Чрезъ нѣсколько дней былъ придворный маскарадъ въ Слободскомъ дворцѣ. По обширности своей дворецъ могъ вмѣстить множество людей, а потому и роздано было много билетовъ для входа; помню, что у меня былъ съ чѣмъ-то 12 тысячный. Всѣ большія залы наполнились народомъ, но особой тѣсноты не было. До появленія еще Императора съ Императрицею по всѣмъ заламъ проведены были великая княжна Анна Павловна, имѣя на себѣ Екатерининскую ленту, а по сторонамъ ея малолѣтные два великихъ князя Николай и Михаилъ Павловичи въ Андреевскихъ лентахъ. По удаленіи ихъ изъ залъ появились Императоръ съ Императрицею во всей красотѣ; корсетъ Императрицы былъ весь изъ бриліантовъ. Черезъ нѣсколько дней были балы у главнокомандующаго, графа Салтыкова, въ Благородномъ Собраніи и у вице-канцлера князя Александра Борисовича Куракина, а потомъ данъ былъ великолѣпный праздникъ графомъ Николаемъ Петровичемъ Шереметевымъ въ Останкинѣ. Отъ самой заставы до Останкина по обѣимъ сторонамъ дороги разставлены были горящія смоляныя бочки, отъ которыхъ было свѣтлѣе дня, и всѣхъ находящихся въ экипажахъ гостей въ богатыхъ одеждахъ ясно можно было видѣть; потомъ устроенъ народный праздникъ въ Сокольникахъ, гдѣ на поставленныхъ столахъ народъ угощали; къ деревьямъ привязаны были яблоки и разныя лакомства.

1875. **Михаилъ Евреиновъ.**

II.

Съ построеніемъ Петербурга, все, что̀ окружало царскій дворъ, потянулось къ берегамъ Невы; Московскіе барскіе дома опустѣли, и при вельможескихъ палатахъ значились на лицо одни слуги, да жильцы. Москва постепенно становилась на второй планъ. Но цари и царицы не оставались равнодушными къ первопрестольной столицѣ, она не была для нихъ беззавѣтнымъ городомъ; въ Московскія церкви пересылались отъ нихъ даянія; здѣсь на ихъ попеченіи оставались безручки и безножки, старицы и кормилицы. За всякими, такъ сказать, курьозами царицы обращались въ Москву. Такъ въ 1734 году императрица Анна Іоанновна писала къ графу Семену Андреевичу Салтыкову письмо съ приложеніемъ ш е л к о в и н к и, которую указывала послать въ Персію къ генералу Левашову и отписать, чтобы онъ по этой шелковинкѣ, изъ тамошняго народа изъ Персіянъ, или изъ Грузинокъ и Милитинокъ сыскалъ двухъ дѣвочекъ такихъ ростомъ, и чтобъ онѣ были: бѣлы, чисты, хороши и

неглупы. Вслѣдствіе такого повелѣнія графъ Салтыковъ писалъ къ Левашову, и тотъ отвѣчалъ ему слѣдующее: «По повелительнымъ вашего высокографскаго сіятельства письмамъ, такой природы, какую князь Гессенъ-Гомбургскій прислалъ, дѣвочекъ по се число никоимъ образомъ достать не могъ; понеже, милосердый государь, той природы люди своихъ природныхъ мужеска и женска пола ни за какія деньги и ни для чего отдать не могутъ, къ чему великое я стараніе имѣлъ и еще стараться буду, а всячески отъ того не отступлю и ищу способу, чтобъ къ двору ея императорскаго величества дѣвочекъ послать изъ Кабардинскихъ или изъ Кумыцкихъ природъ, а по нуждѣ изъ Персіянокъ; изъ Грузинской и изъ Армянской природы дѣвочки не такъ способныя и отчасти просты. Князя Гессенъ-Гомбурскаго присланная дѣвочка Кабардинской природы только досталася по случаю, когда въ Кабарду партія послана была и противники разбиты были; тогда та дѣвочка взята въ полонъ. Я нынѣ, милосердый государь, при семъ съ капитаномъ Августовымъ ко отправленію ко двору ея императорскаго величества къ вашему высокографскому сіятельству здѣшнихъ Горскихъ или Кумыцкой природы одну дѣвочку отправилъ, въ которомъ народѣ женскъ и дѣвическъ полъ безмѣрно неглупы и къ наукамъ переимчивы, и къ мастерству склонны. Опасно, чтобъ оная въ дорогѣ не похудѣла. Платье на отправленной дѣвочкѣ сдѣлано, въ какомъ онѣ ходятъ. Помянутая дѣвочка побольше приказанной мѣры, а и по мѣрѣ со всякимъ усердіемъ искать буду. При семъ рекомендуяся вашего высокографскаго сіятельства, милосердаго государя, въ всемилостивѣйшую протекцію, всегда пребываю покорнѣйшій слуга Василій Левашовъ. Апрѣля 3 дня 1735 года, крѣпость Св. Креста».

Дѣвочку эту, прибывшую въ Москву въ Августѣ мѣсяцѣ, графъ Салтыковъ отправилъ въ Петербургъ къ Императрицѣ [3]).

Императрица Анна Іоанновна пеклась объ убогихъ и старицахъ; вотъ что писала она Салтыкову отъ 19 Февраля 1734 года: «Семенъ Андреевичъ, опредѣли Дарьѣ безножкѣ, которая жила при комнатѣ сестрицы царевны Екатерины Іоанновны, для ея пропитанія хлѣба, ржи по десяти, да овса по пяти четвертей на годъ, и вели ей потому выдавать по смерть ея повсягодно» [4]).

Другое письмо отъ 31 Марта 1735 г. «Семенъ Андреевичъ, слышно здѣсь, что Вознесенскаго монастыря игуменья запретила въ монастырѣ старицамъ хлѣбъ давать, и о томъ онѣ всѣ плачутъ и жалуются, что помираютъ съ голоду. Того ради ты освѣдомься: подлинно ли отъ нея такое запрещеніе есть; и буде подлинно, то немедленно о томъ ко мнѣ отпиши: почему я ее игуменью буду здѣсь спрашивать, а имъ старицамъ помянутой хлѣбъ вели выдать сполна, справясь, почему имъ прежде сего давано. Да тутъ же въ Вознесенскомъ монастырѣ въ комнатахъ сестрицы царевны Прасковьи Іоанновны жила безножка, а нынѣ она умерла, и на ея мѣсто проситъ объ опредѣленіи ея сестрицына кормилица Заварская, и ты ее опредѣли, и вели пустить въ тоё келью жить, гдѣ жила помянутая безножка, и чтобъ ей такая жъ удѣла была противъ другихъ сестръ. И пребываю вамъ неотмѣнно въ нашей милости Анна. Поздравляю вамъ съ наступающимъ праздникомъ Пасхи» [5]).

---

[3]) См. Архивъ Москов. Двор. Конторы, опись 6, № дѣла 633.—[4]) Тамъ же.
[5]) Тамъ же опись 6, № дѣла 737.

Отъ 28 Декабря 1736 г. Анна Іоанновна въ цидулѣ писала Салтыкову: «Купите на Москвѣ въ лавкѣ деревянныхъ игрушекъ, и именно три кареты съ цугами, и чтобъ они и двери отворялись, и саней и возковъ, также большихъ лошадей деревянныхъ, и хорошенько все укласть, чтобъ не обломалося» [6])

Узнала Императрица, что въ Москвѣ есть говорящій скворецъ, и вотъ отправляется 1 Марта 1739 г. письмо къ Салтыкову слѣдующаго содержанія: «Семенъ Андреевичъ, увѣдомились мы, что въ Москвѣ, на Петровскомъ кружалѣ стоитъ на окнѣ скворецъ, который такъ хорошо говоритъ, что всѣ люди, которые мимо ѣдутъ, останавливаются и его слушаютъ. Того ради имѣете вы онаго скворца купить и немедленно сюда прислать, и пребываю въ милости Анна». По справкѣ оказалось, что этого скворца поставилъ на Петровскомъ кружалѣ для продажи служитель генерала и оберъ-егермейстера Артемія Петровича Волынскаго, Петръ Барабановъ; за скворца заплачено было ему 30 рублей, и Салтыковъ отыскалъ еще двухъ скворцовъ говорящихъ и послалъ всѣхъ трехъ Императрицѣ съ гренадеромъ Стрѣлковымъ [7]).

Воевода Тверской сообщилъ Императрицѣ, что видятъ въ Твери бѣлую галку, которая такъ бѣла, какъ голубь, и по этому поводу Императрица прилежно проситъ приказать Сергѣю Бутурлину и Герасиму Ларіонову, чтобъ отправили помытчиковъ съ тайниками и съ сѣтями, давъ имъ ямскія подводы, а объ вспоможеніи послать къ воеводѣ указъ. Помытчики были присланы изъ Москвы, и съ ними немалое число солдатъ, сотскихъ, пятидесятскихъ и десятскихъ, но галки той ни въ Твери, ни въ уѣздѣ не нашлось, не смотря на то, что на случай, кто ее увидитъ или подлинно о ней свѣдомъ будетъ, въ пристойныхъ мѣстахъ было неоднократно публиковано и посыланы въ города указы [8]).

Въ Августѣ мѣсяцѣ 1736 г. императрица Анна Іоанновна обратилась къ Семену Андреевичу Салтыкову съ слѣдующимъ письмомъ: «Отдали мы въ Москвѣ Калмычку въ домъ Строгоновыхъ для обученія, и надѣемся, что нынѣ уже обучена, которую вамъ взявъ оттуда прислать къ намъ, когда способная оказія къ отсылкѣ случится». Баронъ Александръ Григорьевичъ Строгановъ отвѣчалъ Салтыкову, что отъ ея императорскаго величества для обученія въ ихъ домъ дано двѣ дѣвочки Калмычки, и онѣ только выучились шить золотомъ, а нынѣ еще учатся шить шелкомъ [9]).

Въ 1738 году по имянному изустному указу посланъ былъ изъ Петербурга въ Москву лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка каптенармусъ Петръ Отрошковичъ ко взятью и провозу ко двору нѣкоторой карлицы. Требуемая карлица найдена была въ домѣ кн. Алексѣя Михайловича Черкасскаго и отвезена въ Петербургъ.

Страсть къ Калмычкамъ, Арапамъ и карлицамъ перешла и къ вельможамъ; мы видимъ, что въ 1732 году дѣвочка Калмычка была пожалована княжнѣ Варварѣ Черкасской [10]). Нынѣ всѣ эти затѣи оставлены; одни Арапы еще составляютъ часть прислуги при высочайшемъ дворѣ.

Алексѣй Мартыновъ.

---

[6]) Тамъ же опись 1, № дѣла 208, связка 9. [7]) Тамъ же опись 6, № дѣла 881, томъ 2. [8]) Тамъ же опись 6, томъ 2, № дѣла 861. [9]) Тамъ же опись 6, томъ 2, № дѣла 877 [10]) Тамъ же реэстръ 6, томъ 2, № дѣла 405.

Гоголь и Кукольникъ въ Нѣжинской гимназіи.

Въ Кишиневской семинаріи учителемъ Греческаго языка служилъ Николай Юрьевичъ Артыновъ, достопочтенный старикъ, воспитывавшійся въ Нѣжинской гимназіи высшихъ наукъ графа Безбородко въ одно время съ Гоголемъ, Гребенкою и Кукольникомъ. Гоголь былъ его ниже однимъ курсомъ. Николай Юрьевичъ родомъ изъ Грековъ г. Нѣжина. Въ Кишиневскую семинарію онъ перешелъ изъ Кишиневской-же гимназіи, гдѣ сначала былъ учителемъ Греческаго языка, и потомъ инспекторомъ. Узнавши, что Николай Юрьевичъ учился вмѣстѣ съ Гоголемъ, я очень обрадовался случаю услышать что-нибудь изъ малоизвѣстной доселѣ школьной жизни нашего великаго и несравненнаго писателя отъ одного изъ его товарищей. Я записалъ воспоминанія Николая Юрьевича въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ онѣ были мнѣ сообщены, и въ этомъ видѣ сдаю ихъ въ Русскій Архивъ.

«.... Въ гимназіи Гоголь былъ тѣмъ только и замѣчателенъ, что имѣлъ слишкомъ остроконечную бороду, да еще пожалуй тѣмъ, что постоянно, бывало, ходитъ на Магерки. Магерки—это предмѣстье Нѣжина. Гоголь имѣлъ тамъ много знакомыхъ между крестьянами. Когда у кого изъ нихъ бывала свадьба, или другое что̀, или когда просто выгадывался погодливый праздничный день, то Гоголь ужъ непремѣнно былъ тамъ [1]). Учился же Гоголь совсѣмъ не замѣчательно. Отъ профессора Русской словесности Никольскаго получалъ постоянно тройку. Въ сочиненіяхъ его по словесности бывала пропасть грамматическихъ ошибокъ. Особенно плохъ былъ Гоголь по языкамъ. Классы языковъ составляли тогда у насъ три особыя, независимыя отъ другихъ классовъ, отдѣленія, которыя студенты всѣхъ курсовъ проходили по мѣрѣ успѣховъ. Гоголь окончилъ курсъ гимназіи, но по языкамъ не дошелъ до 3-го отдѣленія. Вообще Гоголь былъ самая обыкновенная посредственность, и никому изъ насъ и въ голову не приходило, чтобы онъ могъ впослѣдствіи прославиться на поприщѣ Русской литературы. Впрочемъ, нужно сказать правду, Гоголь любилъ чтеніе книгъ и особенно любилъ самыя книги. Не могу я безъ смѣху вспомнить одной странности Гоголева библіотекарства....»

---

[1]) Какъ же неправъ г. Кулишъ и другіе, утверждающіе, что Гоголь изучалъ народную жизнь въ лакейской, что лакейская среда, эта безобразная помѣсь простонародности и цивилизованности, заслоняла предъ Гоголемъ настоящую, неподдѣльную, неподкрашенную, щирую Украинскую жизнь!... (См Сочиненія и письма Гоголя. Изд. Кулиша, т. II, примѣчаніе г. Кулиша къ Тарасу Бульбѣ).

— Такъ Гоголь былъ библіотекаремъ? перебилъ я Николая Юрьевича.—Какъ же это?

— «Да такъ. У насъ была своя, студенческая библіотека. Мы выписывали сочиненія Пушкина, Московскій Телеграфъ и проч. Вотъ мы и избрали Гоголя библіотекаремъ».

— Значитъ, Гоголь все-таки выдавался чѣмъ-нибудь между вами, если вы избрали его библіотекаремъ.... Какъ же вы говорите, что Гоголь былъ самая обыкновенная посредственность?...

— «Да ничѣмъ особеннымъ не выдавался.... А такъ —онъ былъ пансіонеръ, жилъ въ корпусѣ, ему было удобнѣе, никто другой не соглашался, а онъ изъявилъ полную готовность; вотъ и согласились, чтобы онъ смотрѣлъ за книгами. Да какъ смотрѣлъ—вотъ штука-то, просто не могу вспомнить безъ смѣха. Очень ужъ онъ любилъ чистоту книгъ и для сохраненія ея выдумалъ такое замысловатое средство. Надѣлаетъ, бывало, изъ бумаги пропасть сверточковъ, въ видѣ наперстковъ, и предлагаетъ студентамъ надѣвать на пальцы эти наконечники, для того, чтобы при чтеніи и перелистываніи книгъ не засаливать ихъ пальцами»....

— И это онъ дѣлалъ серіозно? перебилъ я.

— «Въ томъ-то и штука, что серіозно»....

— Что жъ, студенты слѣдовали совѣту Гоголя?

— «Какъ же можно было слѣдовать такому совѣту?... Смѣются, бывало, да и только.... Таковъ-то былъ этотъ Гоголь. Вотъ Кукольникъ—совсѣмъ иная статья. Предъ Кукольникомъ всѣ мы благоговѣли. Онъ когда еще пріѣхалъ изъ Петербурга съ отцемъ своимъ, который былъ назначенъ директоромъ въ нашу гимназію, то уже зналъ отлично языки Французкій, Нѣмецкій, Итальянскій. Отецъ его скоро послѣ заболѣлъ меланхоліею, бросился съ окошка третьяго этажа и умеръ. Да, Кукольникъ былъ, можно сказать, ученый студентъ. Онъ бралъ изъ основной библіотеки книги для чтенія на языкахъ: Французскомъ, Нѣмецкомъ, Итальянскомъ, что̀ было для насъ въ настоящую диковинку. Словомъ, онъ стоялъ выше всѣхъ насъ цѣлою головою. И представьте себѣ, одинъ Гоголь, эта, можно сказать, пѣшка, не хотѣлъ признавать достоинства Кукольника и называлъ его просто шарлатаномъ. Удивительно да и только! Изъ-за этого я какъ-то чуть не поссорился съ нимъ Гоголемъ. Началъ онъ это мнѣ, знаете, говорить противъ Кукольника разную чепуху, такъ я ему въ отвѣтъ: ахъ ты, говорю, ничтожность этакая! Что̀ ты значишь противъ Кукольника! Ну и таки-порядочно его сконфузилъ, хоть, конечно, это сказано было мною потоварищески.... Оно, правду сказать, и Кукольникъ былъ порядочный гуляка. Особенно любилъ онъ игру на биліардѣ. Бывало, цѣлыя ночи просиживалъ для этого въ трактирахъ и только къ 6-ти часамъ утра возвращался въ корпусъ. При этомъ онъ отлично умѣлъ надувать надзирателей.... Бывало, такъ ловко проберется въ корпусъ и покажетъ видъ, будто-бы и онъ всталъ вмѣстѣ съ прочими пансіонерами, что надзирателямъ и въ голову не приходило, что Кукольникъ не ночуетъ въ корпусѣ. Конечно, подобныя отлучки бывали не часто, а больше Кукольникъ занимался науками. И представьте себѣ судьбу этого даровитаго и ученаго студента: не смотря на всѣ его достоинства и познанія, его изъ гимназіи выпустили ни съ чѣмъ, безъ всякой, то есть, степени....»

— Какъ-же это такъ случилось?

— «Да тутъ произошла цѣлая исторія—печальная и тягостная; до того тягостная, что не хотѣлось бы и вспоминать ее....»

— Нѣтъ ужъ, пожалуста, добрѣйшій Николай Юрьевичъ, разскажите....

— «Да, собственно говоря, нечего тутъ и разсказывать: исторія короткая и въ тѣ времена очень обыкновенная. Студенты иногда устраивали домашній театръ и разыгрывали на немъ различныя Французскія и Нѣмецкія піесы. Изъ послѣднихъ особенно часто игрались произведенія Коцебу. Нечего и говорить вамъ, что Кукольникъ бывалъ въ этихъ случаяхъ главнѣйшимъ заправителемъ дѣла. При этомъ нужно упомянуть объ одномъ важномъ по своимъ послѣдствіямъ обстоятельствѣ, именно: когда шла какая-нибудь Французская піеса, то Кукольникъ имѣлъ обыкновеніе вставлять туда и декламировать собственные свои Французскіе стишки, которые онъ сочинялъ подъ руководствомъ учителя Французскаго языка Лангражина. Стишки были самаго невиннѣйшаго свойства, словомъ—совершеннѣйшіе пустяки въ томъ смыслѣ, какой послѣ имъ придали. Начальство сочувственно относилось къ этимъ благороднымъ развлеченіямъ студентовъ и даже поощряло ихъ. Исправляющимъ должность директора былъ въ то время, послѣ отца Кукольникова, профессоръ математики Шипулинскій, прекраснѣйшій и добродушнѣйшій человѣкъ. Профессора тоже всѣ почти сочувствовали студентамъ. Между ними съ особеннымъ удовольствіемъ могу вспомнить профессора Естественнаго права Бѣлоусова и Латинскаго языка Андрущенко. Но была между профессорами и одна продажная душа—это профессоръ Русскаго права Б. Онъ жилъ въ разладѣ почти со всѣми своими сослуживцами. Особенно недоволенъ онъ былъ на Бѣлоусова, недоволенъ за то, что Бѣлоусовъ срѣзалъ его однажды на экзаменѣ слѣдующимъ образомъ. До пріѣзда въ Нѣжинъ Бѣлоусова, Б. занималъ каѳедру и Естественнаго права. Но вотъ пріѣзжаетъ изъ Кіева новый профессоръ Бѣлоусовъ и попадаетъ какъ разъ на экзамены. На экзаменѣ по Естественному праву, при плохомъ отвѣтѣ одного студента, Бѣлоусовъ замѣтилъ ему: «Что вы чушь-то городите?»—Тогда Б. поднимается со стула и говоритъ: «Господа! Протестую-съ; это—мои собственныя записки....—«Извините, я сужу по отвѣту студента», объяснился Бѣлоусовъ. Вотъ съ этихъ-то поръ Б. и сдѣлался врагомъ Бѣлоусова. Студенты также терпѣть не могли Б. и не ходили къ нему въ гости, какъ къ другимъ, хотя онъ неоднократно запрашивалъ ихъ къ себѣ, имѣя въ виду замужество своихъ дочерей.... Такъ вотъ этотъ-то Б. подалъ доносъ въ Петербургъ, гдѣ изъяснилъ, что начальство и профессора распространяютъ вольнодумныя мысли въ гимназіи, что студенты читаютъ на домашнихъ спектакляхъ запрещенные стихи и проч. Нежданно-внезапно нагрянула буря на нашу бѣдную, ни въ чемъ неповинную гимназію. Изъ Петербурга назначено было строжайшее слѣдствіе по поводу означеннаго доноса, и слѣдователемъ пріѣхалъ къ намъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Ад—съ, сухощавый и презлющій Нѣмецъ. Бралъ онъ на допросъ всѣхъ поодиночкѣ, и профессоровъ, и студентовъ, и изъ мухи, какъ говорится, сдѣлалъ слона. Въ концѣ концовъ вышелъ слѣдующій результатъ: Шипулинскій сосланъ былъ въ Тотьму, Лангражинъ въ Вятку, Бѣлоусовъ и Андрущенко за вольный образъ мыслей уволены отъ

службы и препровождены на мѣсто жительства подъ надзоръ полиціи. Учитель Нѣмецкаго языка Зингеръ высланъ за границу....»

— А Зингеръ-то чѣмъ же провинился?

— «Да все тѣмъ-же вольнымъ образомъ мыслей. У насъ законоучителемъ былъ магистръ богословія протоіерей Мерцаловъ. Какъ-то еще прежде, давно до слѣдствія, Зингеръ имѣлъ неосторожность предложить этому законоучителю для прочтенія одну недавно вышедшую въ то время Нѣмецкую книжку, въ которой, дѣйствительно, нѣсколько свободно трактовалось о нѣкоторыхъ обрядовыхъ сторонахъ христіанской вѣры. «Полюбопытствуйте, молъ, батюшка, и скажите свое мнѣніе.» Законоучитель взялъ книжку, удержалъ ее у себя и послѣ какъ нельзя болѣе кстати воспользовался ею: именно, онъ представилъ ее въ слѣдственную коммиссію при отношеніи за №...., право не помню какимъ. Ну бѣдняжка Зингеръ и поплатился за свою неумѣстную услужливость.... Такъ-то пострадали наши лучшіе профессора. Сколько потомъ они бѣдные ни подавали прошеній, даже самому Государю, ничего не помогло. Особенно долго бился несчастный семейный Шипулинскій.

— Ну а съ Кукольникомъ что же сдѣлалось?

— «А Кукольникъ? Я вамъ сказалъ уже, онъ былъ выпущенъ изъ гимназіи безъ всякой степени, и я достовѣрно не знаю, куда онъ послѣ дѣлся. Кажется, впрочемъ, что онъ уѣхалъ въ Виленскій университетъ, гдѣ служилъ профессоромъ братъ его Павелъ, и тамъ уже, вѣроятно, добился какой-нибудь ученой степени....»

Кишиневъ. **Левъ Мацѣевичъ.**

Ордера и записки князя Потемкина къ князю Суворову.

Напечатанныя ниже копіи съ подлинныхъ, въ свое время весьма секретныхъ, документовъ 1790 года, писанныхъ большею частію собственноручно княземъ Потемкинымъ, хотя касаются общеизвѣстнаго взятія Измаила, но тѣмъ не менѣе имѣютъ значеніе, изображая намъ личныя отношенія сихъ знаменитыхъ лицъ.

Въ 1790 году Измаилъ съ его крѣпостью, считавшеюся у Турокъ важнымъ стратегическимъ пунктомъ для защиты Дуная, были обложены нашими войсками и флотомъ. Долго осада длилась безъ успѣха. Турки, крѣпко защищаясь, держались въ своихъ твердыняхъ. Между тѣмъ стояла осень съ непогодами и приближалась зима. Войска наши терпѣли много отъ сырости, стужи и другихъ неудобствъ. Возникли неудовольствія и безнадежность на успѣхъ взятія Измаила. При такомъ положеніи нашихъ войскъ, нѣкоторые изъ генераловъ уже рѣшились, снявъ блокаду, отступить отъ Измаила. Потемкину это было крайне непріятно. Находясь въ затрудненіи, онъ собственноручнымъ ордеромъ, даннымъ Суворову 25 Ноября, поручалъ сему полководцу, уже прославившему себя многими побѣдами, «принять въ свою команду всѣ части войскъ, подъ Измаиломъ бывшія и приступить съ помощію Божіею къ овладѣнію городомъ». Сопровождая сей ордеръ собственноручною же запискою, Потемкинъ называетъ Суворова *милостивымъ*, а себя *вѣрнѣйшимъ* другомъ и проситъ поспѣшить принять команду надъ войсками и дѣйствовать противъ Измаила. Въ другомъ ордерѣ, отъ 29 Ноября, говоря о генералахъ, которые рѣшались отступить отъ Измаила, онъ предоставляетъ Суворову «поступить, по лучшему своему усмотрѣнію, продолженіемъ ли предпріятій на Измаилъ или оставленіемъ онаго». Суворову такое полномочіе только и нужно было. Онъ не замедлилъ имъ воспользоваться по своему.

На сколько было искренности въ изъявленіяхъ Потемкина, угадывать конечно трудно. Но во всякомъ случаѣ мы безошибочно можемъ вѣрить тому, что Потемкинъ изъ боевыхъ генераловъ, дѣйствовавшихъ во вторую Турецкую войну подъ его командою, по военнымъ дарованіямъ, ставилъ выше всѣхъ Суворова и питалъ къ нему полное уваженіе.

Еще до рѣшительнаго штурма Суворовъ, 7 Декабря, послалъ въ Измаилъ, къ сераскиру-пашѣ, султанамъ и прочимъ пашамъ и всѣмъ жителямъ, прокламацію, предлагая добровольную сдачу крѣпости и угрожая въ противномъ случаѣ Туркамъ, съ ихъ женами и дѣтьми, безпощаднымъ кровопролитіемъ и гибелью. Но Турки, всегда подъ защитою стѣнъ храбро сражающіеся, рѣшились во что бы ни стало, упорно защищаться. Суворовъ созвалъ военный совѣтъ, на которомъ никто изъ первенствующихъ въ арміи генераловъ не присутствовалъ; по крайней мѣрѣ на журналѣ сего совѣта нѣтъ подписи ни

одного изъ нихъ. Подписали журналъ 13-ть лицъ, занимавшихъ второстепенныя мѣста. Изъ нихъ, какъ вышедшія изъ школы Суворова, нѣкоторыя впослѣдствіи сдѣлались знаменитыми на военномъ поприщѣ: бригадиры Матвѣй Платовъ, Василій Орловъ, генералъ-маіоръ Іосифъ де-Рибасъ и особенно Михаилъ Голенищевъ-Кутузовъ. Подписали также журналъ генералъ-поручики Александръ Самойловъ и Павелъ Потемкинъ—оба родственники главнокомандующаго князя Потемкина, вѣроятно, какъ довѣренныя лица сего послѣдняго. Журналъ этотъ вполнѣ характеризуетъ Суворова. Въ немъ, между прочимъ, сказано: «Приступить къ штурму неотлагательно. Уже нѣтъ надобности относиться къ его свѣтлости главнокомандующему. Обращеніе осады въ блокаду исполнять не должно. Отступленіе предосудительно.»

Кстати будетъ здѣсь замѣтить, что по поводу славныхъ побѣдъ Суворова, въ особенности Измаильскаго кровопролитія, многіе писатели обвиняютъ полководца сего въ томъ, что онъ не щадилъ людей. Но припомнимъ, что послѣ Суворова много было военныхъ дѣлъ, когда несравненно болѣе, нежели при немъ, гибло и людей, и капиталовъ, но безъ всякой пользы и славы.

Григорій Александровъ.

15 Февраля 1876 года.

Секретно.

Ордеръ господину генералъ-аншефу и кавалеру графу Александру Васильевичу Суворову-Рымникскому.

Флотилія подъ Измаиломъ истребила уже почти всѣ ихъ суда, и сторона города къ водѣ очищена; остается предпринять, съ помощію Божіею, на овладѣніе города. Для сего ваше сіятельство извольте поспѣшить туда для принятія всѣхъ частей въ вашу команду, взявъ на судахъ своихъ, сколько можете помѣстить, пѣхоты, оставя при генералъ-поручикѣ князѣ Голицынѣ, для удержанія непріятеля, достаточное число и всю конницу, которой подъ Измаиломъ и безъ того много. Прибывъ на мѣсто, осмотрите, чрезъ инженеровъ, положеніе и слабыя мѣста. Сторону города къ Дунаю я почитаю слабѣйшею. Еслибъ начать тѣмъ, чтобы, взойдя тутъ, гдѣ ни есть, ложироваться и уже оттоль вести штурмованіе, дабы и въ случаѣ (чего Боже сохрани) отраженія было куда обратиться.

Свѣтлѣйшаго принца де-Линя подъ конецъ употребите по его способности. Боже, подай вамъ Свою помощь! Увѣдомляйте меня почасту.

Генералъ-маіору и кавалеру де-Рибасу я приказалъ къ вамъ относиться.

Князь Потемкинъ-Таврическій.

№ 1336. Ноября 25 дня, 1790 года.
Бендеры.

Особая записка князя Потемкина.

Измаилъ остается только сдать непріятелю. И хотя сообщеніе прервано чрезъ флотилію, но все онъ вяжетъ руки для предпріятій дальнихъ. Моя надежда на Бога и на вашу храбрость. Поспѣши,

мой милостивый другъ! По моему ордеру къ тебѣ, присутствіе тамъ личное твое соединитъ всѣ части. Много тамъ равночинныхъ генераловъ, а изъ того выходитъ всегда нѣкоторой родъ сейма нерѣшительнаго. Рибасъ будетъ вамъ во всемъ на помогу и по предпріимчивости и усердію; будешь доволенъ и Кутузовымъ. Огляди все и распоряди, и, помоляся Богу, предпринимайте. Есть слабыя мѣста, лишь бы дружно шли.

Князю Голицыну дай наставленіе. Когда Богъ поможетъ, пойдемъ выше.

Вѣрнѣйшій другъ и покорнѣйшій слуга князь Потемкинъ-Таврическій.

25 Ноября, 1790 года.
Бендеры.

Примѣчаніе. Предъидущіе ордеръ и письмо писаны собственноручно княземъ Потемкинымъ.

Ордера ему-же графу Суворову-Рымникскому.

Секретно.

1.

Какъ при отбытіи вашемъ къ Измаилу остается при корпусѣ вашемъ г. генералъ-поручикъ и кавалеръ фонъ Дерфельденъ, то ваше сіятельство и ему и командующему резервнымъ корпусомъ г. генералъ-поручику и кавалеру князю Голицыну имѣете дать надлежащія наставленія въ разсужденіи военной осторожности, предписавъ при томъ г. фонъ Дерфельдену озабочивать непріятеля чрезъ посылаемые разъѣзды и доносить почасту обо всемъ, что̀ примѣчено будетъ отъ Браилова.

Подписалъ: «Князь Потемкинъ-Таврическій».

№ 1746. Ноября 25 дня, 1790 года.
Бендеры.

2.

Прежде нежели достигли мои ордера къ господамъ генералу-аншефу Гудовичу, генералъ-поручику Потемкину и генералъ-маіору де-Рибасу о препорученіи вамъ команды надъ всѣми войсками, у Дуная находящимися и о произведеніи штурма на Измаилъ, *они рѣшились отступить.* Я, получа сейчасъ о томъ рапортъ, предоставляю вашему сіятельству поступить тутъ по лучшему вашему усмотрѣнію, продолженіемъ ли предпріятій на Измаилъ, или оставленіемъ онаго. Ваше сіятельство, будучи на мѣстѣ и имѣя руки развязанныя, не упустите, конечно, ничего того, что̀ только къ пользѣ службы и славѣ оружія можетъ способствовать. Поспѣшите только дать мнѣ знать о мѣрахъ, вами пріемлемыхъ и снабдить помянутыхъ генераловъ вашими предписаніями.

Подписалъ: «Князь Потемкинъ-Таврическій».

№ 1757. Ноября 29 дня, 1790 года.
Бендеры.

Собственноручная записка князя Потемкина къ графу А. В. Суворову-Рымникскому, полученная 4 Декабря 1790 года.

Даруй Боже тебѣ, мой любезнѣйшій другъ, счастья и здоровья: желаю отъ искренняго сердца.

Снарядовъ нѣтъ ли по близости? А я отсюда послалъ. Кажется, въ Киліи у Ивана Ивановича [1]) былъ запасъ. Прости! Твой вѣрнѣйшій другъ князь Потемкинъ-Таврическій.

*

Прокламація генералъ-аншефа графа А. В. Суворова-Рымникскаго (въ г. Измаилъ) отъ 7-го Декабря 1790 года.

Превосходительному господину сераскиру Магометъ-пашѣ Акдозлѣ, командующему въ Измаилѣ; почтеннымъ султанамъ и прочимъ пашамъ и всѣмъ чиновникамъ.

Приступая къ осадѣ и штурму Измаила Россійскими войсками, въ знатномъ числѣ состоящими, но соблюдая долгъ человѣчества, дабы отвратить кровопролитіе и жестокость, при томъ бывающія, даю знать чрезъ сіе вашему превосходительству и почтеннымъ султанамъ и требую отдачи города безъ сопротивленія. Тутъ будутъ показаны всевозможные способы къ выгодамъ вашимъ и всѣхъ жителей, о чемъ и ожидаю, отъ сего чрезъ 24 часа, рѣшительнаго отъ васъ увѣдомленія къ воспринятію мнѣ дѣйствій. Въ противномъ-же случаѣ поздно будетъ пособить человѣчеству, когда не могутъ быть пощажены не только никто, но и самыя женщины и невинные младенцы отъ раздраженнаго воинства, и за то никто, какъ вы и всѣ чиновники предъ Богомъ отвѣтъ дать должны.

*

Опредѣленіе военнаго совѣта при Измаилѣ, состоявшееся 9-го Декабря 1790 года, предъ штурмомъ этой крѣпости.

Приближаясь къ Измаилу по диспозиціи, приступить къ штурму неотлагательно, дабы не дать непріятелю время еще болѣе укрѣпиться. И посему уже нѣтъ надобности относиться къ его свѣтлости главнокомандующему. Сераскиру въ его требованіи отказать. Обращеніе осады въ блокаду исполнять не должно. Отступленіе предосудительно побѣдоносным ея императорскаго величества войскамъ.

По силѣ четвертойнадесять главы Воинскаго Устава.

Подписали: Бригадиръ Матвей Платовъ.
Бригадиръ Василій Орловъ.
Бригадиръ Өедоръ Вестфаленъ.
Генералъ-маіоръ Николай Арсеньевъ.
Генералъ-маіоръ Сергѣй Львовъ.
Генералъ-маіоръ Іосифъ де-Рибасъ.
Генералъ-маіоръ Ласій.

---

[1]) Меллера-Закомельскаго.

Дежурный генералъ-маіоръ графъ Илья Безбородко.
Генералъ-маіоръ Ѳедоръ Мекнобъ.
Артиллеріи генералъ-маіоръ Борисъ Тищевъ.
Генералъ-маіоръ Михаилъ Голенищевъ-Кутузовъ.
Генералъ-поручикъ Александръ Самойловъ.
Генералъ-поручикъ Павелъ Потемкинъ.

(Изъ дѣлъ князя Потемкина, хранящихся въ Москоск. Архивѣ Главнаго Штаба, оп. 194, св. 191, № 1 б.).

Изъ записокъ Петра Ивановича Фаленберга [1].

Въ Сентябрѣ 1811-го года, бывши 20 лѣтъ отъ роду, я поступилъ по экзамену изъ Лѣсного Института въ военную службу колонновожатымъ, а въ Январѣ слѣдующаго 1812 года, по экзамену же, произведенъ въ прапорщики свиты Его Императорскаго Величества по квартирмейстерской части (что нынѣ Генеральный Штабъ). Предъ вступленіемъ Наполеона въ предѣлы Россіи, офицеры квартирмейстерской части, вновь произведенные, были командированы по всѣмъ арміямъ, корпусамъ и дивизіямъ, и я назначенъ въ 3-ю западную армію, расположенную около г. Луцка (Волынской губ.) подъ начальствомъ генерала Тормасова и прикомандированъ къ 15-й пѣхотной дивизіи, стоявшей въ г. Дубно, куда и прибылъ въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ. Здѣсь, предъ начатіемъ войны, простояли мы нѣсколько недѣль въ совершенной праздности, и какъ праздность есть мать всѣхъ пороковъ, то и мнѣ суждено было испытать на себѣ справедливость этой пословицы. Для приготовленія къ походу, всѣмъ офицерамъ выдано было не въ зачетъ полугодовое жалованье серебромъ на покупку лошадей и проч.; но вмѣсто того, чтобы заняться дѣломъ приготовленія, несчастный случай завелъ меня въ трактиръ, обыкновенное сборище молодыхъ офицеровъ, къ столу, бильярду и карточной игрѣ. Меня, не имѣвшаго тогда и понятія о такъ называемой трактирной жизни, поразили этотъ разгулъ и веселость молодежи: въ одной комнатѣ обѣдъ, въ другой бильярдъ, а въ третьей зеленый столъ и карты. Сейчасъ нашлись друзья съ приглашеніемъ поставить карточку. Сколько я ни отговаривался, что не умѣю играть, а дьяволъ шепталъ: попробуй счастія. Мнѣ показали, которая сторона выигрываетъ и что трудно только отгадать карту, а то банкъ такъ и лопнетъ... Я попробовалъ; мнѣ дали первую, вторую и третью, и я уже воображалъ, что постигъ всю тайну игры; особенно горячился я ставить большіе куши на четвертую карту, когда три таковыя уже проиграли. Эту мою уловку или, лучше сказать, нелов-

---

[1]) Кромѣ напечатанныхъ выше (стр. 92), разсказовъ о злосчастной судьбѣ своей, П. И. Фаленбергъ описалъ службу свою въ 1812 и послѣдующихъ годахъ, и нѣкоторыя черты въ этомъ описаніи драгоцѣнны для исторіи той эпохи. *П. Б.*

кость сейчасъ замѣтилъ банкиръ, егерскаго полка поручикъ С. и, взявъ свои мѣры противъ этого (онъ былъ шулеръ, т. е. игралъ навѣрное), менѣе чѣмъ въ два часа онъ безжалостно очистилъ мой бумажникъ до послѣдняго пятачка.

Съ стѣсненнымъ сердцемъ и слезами на глазахъ очнулся я на квартирѣ. Товарищъ мой по службѣ, квартирмейстерской же части подпоручикъ Геннеманъ (съ которымъ мы вмѣстѣ квартировали), любившій меня и бравшій всегда живое во мнѣ участіе, былъ сильно встревоженъ моимъ вѣтреннымъ поступкомъ. Онъ не могъ матеріально помочь моей бѣдѣ, потому что самъ долженъ былъ дѣлать тѣже приготовленія къ походу, но онъ далъ мнѣ благой совѣтъ обратиться съ повинною главою къ нашему дежурному генералу Ольдекопу, очень доброму и сострадательному человѣку. Я рѣшился на это единственное средство. Крайность придала мнѣ смѣлости, и я отправился къ нему. Съ терпѣніемъ выслушалъ онъ мою іереміаду, которую я со всею откровенностію ему передалъ. Нахмуривъ брови, покачавъ головою, началъ онъ съ видомъ и тономъ начальника читать мнѣ рацею, т. е. далъ строгій выговоръ за мое поведеніе; но потомъ, тронувшись моимъ раскаяніемъ, все мягче и мягче давалъ мнѣ отеческія наставленія; наконецъ, уже съ участіемъ спросилъ: «что же я могу для васъ сдѣлать?»—«Отпустить меня, ваше превосходительство, въ домовый отпускъ, чтобы поправить свою ошибку». «Какъ въ отпускъ?» быстро возразилъ онъ. «Знаете ли вы, и вы это знаете, что получено уже высочайшее повелѣніе, чтобы армія была готова по первому приказу выступить въ походъ противъ непріятеля, а вы говорите объ отпускѣ!» Противъ этого я не могъ ничего сказать. Тутъ было нѣсколько минутъ молчанія, въ которыя генералъ скорыми шагами ходилъ по комнатѣ, а я стоялъ, повѣся голову какъ преступникъ предъ приговоромъ. Вдругъ, остановившись передо мною, онъ спросилъ: «Далеко ли вамъ ѣхать?»—«1200 верстъ», отвѣчалъ я, уже немножко ободрившись. «Стало быть дней въ 10 вы можете воротиться»?—«Наврядъ-ли, ваше п—во».—«А если я вамъ дамъ курьерскую подорожную?»—«Тогда можетъ быть; но я обѣщаю в—у п—ву не промедлить для своего удовольствія ни полдня, лишь бы поправить мою глупость», и тутъ же я далъ генералу торжественный обѣтъ никогда не играть въ азартныя игры и, благодаря Бога, сдержалъ свое обѣщаніе въ продолженіе всей моей жизни.

Въ тотъ же день я летѣлъ уже на курьерскихъ по дорогѣ въ Малороссію, гдѣ жила моя сестра замужемъ; ибо къ батюшкѣ, строгаго и вспыльчиваго характера, я не смѣлъ явиться. Обрадованная сестра и мужъ ея моимъ неожиданнымъ пріѣздомъ передъ самою кампаніею, въ офицерскомъ чинѣ и щегольскомъ мундирѣ, не такъ строго осудили мой проступокъ, только жалѣли о краткомъ посѣщеніи, на которое я былъ осужденъ обстоятельствами того времени. Пробывъ съ ними три дня, необходимые къ достачѣ наличныхъ денегъ для поправленія моихъ финансовъ и распростившись слезно съ доброю сестрою и шуриномъ, я отправился въ обратный путь, но уже не засталъ войска въ тѣхъ же квартирахъ: наканунѣ моего пріѣзда оно

выступило въ походъ. Мнѣ было досадно, но въ туже ночь нагналъ я свою дивизію на второмъ переходѣ. Теперь, хотя и съ деньгами, мнѣ все-таки трудно было на походѣ исправлять свои нужды: купить лошадей, изготовить вьючные чемоданы и прочія принадлежности; но во всемъ помогли мнѣ добрые мои товарищи.

....Было у насъ нѣсколько сраженій. Первое, въ которомъ я находился, случилось подъ Кобриномъ (Гродненской губ.). По диспозиціи главнокомандующаго назначено было атаковать городъ, въ которомъ находился непріятель, съ двухъ сторонъ: г. Чаплицу съ южной, а съ сѣверной графу Ламберту, который и былъ отправленъ съ отрядомъ заранѣе въ обходъ. Приближаясь къ городу, авангардъ г. Чаплица (при которомъ я находился) былъ остановленъ прибывшимъ къ намъ генералъ-квартирмейстеромъ полковникомъ Ренне, который взялъ съ собою нѣсколько офицеровъ квартирмейстерской части, въ томъ числѣ и меня, для рекогносцировки (обозрѣнія) мѣстности и расположенія непріятельскихъ войскъ; а между тѣмъ велѣлъ авангарду медленно подвигаться впередъ. Весело каракалировали [1]) мы, молодые офицеры, около нашего уже опытнаго, обстрѣленнаго въ бояхъ начальника, горя нетерпѣніемъ видѣть скорѣе непріятеля и посмотрѣть, какъ начинается сраженіе. Дорога наша шла лѣсомъ; впереди насъ ѣхало нѣсколько казаковъ передовою стражею. Приближаясь къ городу, полковникъ взялъ предосторожность не ѣхать по дорогѣ, а стороною, лѣсомъ, что̀ было приказано и передовымъ казакамъ; эта мѣра предосторожности оказалась весьма благоразумною: въ противномъ случаѣ, непріятельскіе часовые могли бы насъ замѣтить. Не проѣхавши и двухъ верстъ, одинъ изъ передовыхъ прискакалъ съ извѣстіемъ, что у опушки, уже на выходѣ лѣса, замѣтили они непріятельскій ведетъ изъ двухъ человѣкъ, изъ коихъ одинъ верхомъ. Полковникъ Ренне отрядилъ тотчасъ еще нѣсколько человѣкъ изъ своего конвоя, приказавъ пробираться осторожно лѣсомъ и непремѣнно стараться схватить ведетъ; и вся наша кавалькада поѣхала лѣсомъ же и медленнымъ шагомъ впередъ. Не прошло и четверти часа, какъ видимъ нашихъ передовыхъ, ведущихъ одного изъ непріятельскихъ часовыхъ, а другой успѣлъ ускакать. Отъ плѣннаго улана узнали мы, что въ Кобринѣ находится Саксонскій генералъ Клингель съ отрядомъ уланъ въ 4 тысячи человѣкъ и нѣсколькими легкими орудіями. Генералъ-квартирмейстеръ послалъ тотчасъ донесеніе объ этомъ къ главнокомандующему и авангардному командиру генералу Чаплицу; послѣдній немедленно прибылъ съ войскомъ, двинулся скорымъ маршемъ къ городу; меня послалъ полковникъ къ своему мѣсту, т. е. при г. Чаплицѣ. Приближаясь къ городу, мы услышали пушечные выстрѣлы по ту сторону города,—знакъ, что гр. Ламбертъ вступилъ въ дѣло съ непріятелемъ. Чаплицъ послалъ тотчасъ егерей атаковать городъ (откуда непріятель не успѣлъ еще выйдти), а мнѣ приказалъ вести Павлоградскій гусарскій полкъ и 4 орудія влѣво. въ обходъ на Брестъ-Литовскую дорогу, чтобы, занявъ эту дорогу,

[1]) Caracoler, кавалерійское выраженіе: кружить на лошади.

преградить непріятелю отступленіе на Брестъ, гдѣ находился корпусъ Шварценберга; а самъ г. Чаплицъ, избравъ возвышенное мѣсто, поставилъ батарею изъ 12 батарейныхъ орудій и приказалъ дѣйствовать по выходящему изъ города непріятелю. Городъ запылалъ отъ брошенныхъ туда гранатъ. Клингель, видя себя окруженнымъ, хотѣлъ было держаться еще въ городѣ, ожидая вѣрно подкрѣпленія, и занялъ позицію за каменною оградою кладбища. Но недолго онъ держался въ этомъ жилищѣ мертвыхъ; потерявъ уже около тысячи человѣкъ, сильно атакованный со всѣхъ сторонъ и не желая погребсти остальныхъ своихъ улановъ на этомъ же кладбищѣ, онъ предпочелъ сдаться въ плѣнъ. Первые плѣнные, которыхъ къ намъ привели, были ихъ музыканты, которыхъ наша молодежь заставила играть подъ ладъ пушечныхъ выстрѣловъ, чтò насъ очень забавляло, и дѣйствительно довольно оригинально слушать подъ громъ пушекъ симфоніи Моцарта. Генералъ Клингель и его отрядъ были отправлены военно-плѣнными во внутреннія губерніи.

Послѣ Кобрина находился я въ сраженіяхъ подъ с. Городечной, потомъ при славной кавалерійской атакѣ Павлоградцевъ и разбитіи Венгерскихъ гусаръ подъ дер. Выжвою; потомъ въ экспедиціи къ гор. Слониму, гдѣ взятъ въ плѣнъ Польскій генералъ Конеюко съ 500 человѣкъ уланъ, сформированныхъ имъ для Наполеона изъ Польской молодежи нашихъ южныхъ губерній. По присоединеніи же къ намъ Молдавской арміи, генералъ Тормасовъ получилъ другое назначеніе, а войска поступили подъ начальство адмирала Чичагова, начали дѣйствовать уже наступательно и взяли направленіе черезъ Несвижъ и Минскъ къ гор. Борисову, гдѣ должны были встрѣтить бѣгущаго уже изъ Москвы непріятеля и преградить ему переправу чрезъ рѣку Березину. Армія точно прибыла вòвремя, разбила у самаго Борисова отрядъ генерала Домбровскаго, упорно охранявшаго съ этой стороны длинный мостъ, назначенный для переправы великой арміи и предъ которымъ предварительно имъ былъ сдѣланъ редутъ съ 6-ю орудіями. Вытѣсненный изъ редута, взятаго приступомъ, Домбровскій съ остатками своего отряда былъ прогнанъ за мостъ и за городъ. Но при этомъ дѣлѣ былъ раненъ въ ногу храбрый нашъ авангардный генералъ графъ Ламбертъ. Пушки, взятыя въ редутѣ, поручено мнѣ было зарыть въ туже ночь въ землю, и они закопаны противъ перваго верстоваго столба по Минской дорогѣ. Авангардъ былъ порученъ генералу графу Палену, который преслѣдовалъ Домбровскаго еще 8 верстъ за Борисовъ, гдѣ встрѣтилъ всю армію Наполеона. Графъ Паленъ тотчасъ послалъ адъютанта къ главнокомандующему съ донесеніемъ; но адмиралъ Чичаговъ, оставя всю армію за мостомъ, самъ съ своимъ штабомъ, равно и штабы всѣхъ корпусовъ, расположился въ городѣ. Онъ не хотѣлъ вѣрить, что тутъ вся армія Наполеона. Не прошло и полчаса, какъ другой посланный отъ Палена прискакалъ съ извѣстіемъ, что авангардъ, не могши удержать сильнаго напора непріятеля, въ разстройствѣ ретируется. Тогда адмиралъ приказалъ послать бригаду на подкрѣпленіе Палену и, все не довѣряя, что самъ Наполеонъ такъ близокъ, самъ сѣлъ за столъ

обѣдать. Но уже было поздно: бригада, назначенная на подкрѣпленіе къ гр. Палену, насилу могла пробраться чрезъ длинный мостъ, заваленный обозомъ, вьюками, маркитантскими повозками и артиллеріею въ безпорядкѣ отступающаго нашего авангарда. Пушечные и ружейные выстрѣлы слышны были близъ самаго города. Адмиралъ, оставивъ свой обѣдъ (который, еще горячій, попался на тощій желудокъ Французамъ), успѣлъ только сѣсть на лошадь, какъ и всѣ прочіе генералы съ своими штабами (я находился тутъ же, при корпусѣ графа Ланжерона); всѣ помчались къ мосту, на которомъ сдѣлалась ужасная суматоха и давка, чтобы очистить главнокомандующему дорогу. Маркитантскія повозки были первою жертвою: ихъ столкнули съ лошадьми и товаромъ подъ мостъ. Меня чуть-чуть не постигла таже участь: уже заднія ноги моей лошади повисли внизъ; но, ухватясь за перила, я удержалъ и себя, и лошадь, пока подбѣжавшіе солдаты не подали мнѣ помощи, выдернувъ ее за хвостъ и гриву. Тутъ я видѣлъ трогательную сцену, какъ графиня Ламбертъ сопровождала пѣшкомъ своего наканунѣ раненаго супруга, ѣхавшаго верхомъ, поддерживая раненую ногу, чтобы при такой суматохѣ не развередили. Когда войска нашего авангарда и артиллерія переправились и мостъ очистился, главнокомандующій спросилъ, все ли войско перешло и, по утвердительномъ отвѣтѣ, онъ велѣлъ сжечь мостъ, хотя, какъ послѣ оказалось, много казаковъ и егерей было на той сторонѣ, принужденныхъ, за неимѣніемъ уже моста, разбрестись по лѣсу для отысканія себѣ переправы или брода и явившихся уже на другой день въ свои команды. Сожженіе моста было лишнею предосторожностію, какъ говорили и тогда: Наполеонъ не рѣшился бы переправляться чрезъ мостъ, имѣвшій по крайней мѣрѣ 150 саженъ длины.

Такимъ образомъ, уступивъ непріятелю городъ Борисовъ, всѣхъ нашихъ раненыхъ предшествовавшаго дѣла, канцелярію главнокомандующаго и, сверхъ того, вкусный обѣдъ со всѣмъ приборомъ, адмиралъ Чичаговъ расположился лагеремъ на правой сторонѣ рѣки Березины, противъ Борисова. Это было въ концѣ Октября или началѣ Ноября. Холодъ былъ уже очень чувствителенъ. Адмиралу и прочимъ штабамъ вырыты были землянки. Въ такомъ бездѣйственномъ положеніи простояли мы три дня. Разосланы были вверхъ и внизъ по рѣкѣ небольшіе отряды для наблюденія за дѣйствіями непріятеля. Въ ночь на четвертые сутки получено было главнокомандующимъ отъ графа Витгенштейна, преслѣдовавшаго по пятамъ непріятеля, увѣдомленіе, что Наполеонъ намѣревается, повидимому, устроить переправу внизъ по рѣкѣ, въ 25-ти верстахъ отъ Борисова. И дѣйствительно, тамъ дѣлались приготовленія къ устройству моста; но это была военная хитрость, чтобъ отвлечь вниманіе, которая и совершенно удалась Наполеону. Адмиралъ двинулся со всею арміею къ означенному пункту, оставя графа Ланжерона съ 8 тыс. человѣкъ противъ сожженнаго моста для наблюденія; а генералъ Чаплицъ, съ легкимъ кавалерійскимъ отрядомъ 2 тыс. человѣкъ и двумя конными орудіями, имѣлъ наблюдательный постъ въ 8—10 верстахъ

выше Борисова, около дер. Стахова и Брилева, противъ которыхъ непріятель началъ устраивать дѣйствительно свою переправу и гдѣ рѣка, протекая по топкому мѣстоположенію въ версту шириною, нѣсколькими рукавами образуетъ два небольшихъ островка. Никакъ нельзя было этого предполагать; но какъ вся эта мѣстность, покрытая лѣсомъ и кустарникомъ, представляла удобство для скрытаго дѣйствія, то она и была избрана предпочтительно. Когда генералъ Чаплицъ удостовѣрился въ дѣйствительности переправы непріятеля, онъ немедленно послалъ къ адмиралу съ донесеніемъ нарочнаго, который проѣздомъ чрезъ нашъ лагерь сообщилъ объ этомъ и графу Ланжерону. Графъ не могъ оставить назначенный ему постъ, чтобы подать помощь г. Чаплицу безъ разрѣшенія главнокомандующаго. Но пока посланный отъ Чаплица нарочный доѣхалъ до адмирала, сдѣлавшаго съ арміею уже 25 верстъ, и пока графъ Ланжеронъ получилъ повелѣніе двинуться, чтобы содѣйствовать генералу Чаплицу, прошло уже почти сутки. Это время употребилъ непріятель безпрепятственно или почти безпрепятственно: потому что лишь только изъ двухъ орудій, находившихся у Чаплица, сдѣлано было нѣсколько выстрѣловъ, и залпъ тяжелыхъ 48 орудій непріятельскихъ разбилъ въ мгновеніе наши два орудія. Когда гр. Ланжеронъ прибылъ съ отрядомъ къ Чаплицу, уже не было возможности нанести большаго вреда непріятелю, а еще менѣе препятствовать его переправѣ: уже большая часть Наполеоновской арміи была на этой сторонѣ и, выстроивши свои колонны и батареи противъ насъ, громила безъ умолку, отодвинувъ небольшой нашъ отрядъ на столько, чтобы мы не могли вредить переправляющимся остальнымъ ихъ войскамъ. На другое уже утро прибылъ главнокомандующій съ арміею, шедшею всю ночь форсированнымъ маршемъ. Но уже было поздно: почти вся армія Наполеона переправилась. Сраженіе въ лѣсу и канонада продолжались до поздней ночи. Неимовѣрная торопливость, съ которою непріятель старался перебраться на эту сторону рѣки, вскорѣ объяснилась, когда услышали мы сильную канонаду, быстро приближающуюся: корпуса графа Витгенштейна и графа Платова неутомимо преслѣдовали уже разстроенную армію Наполеона и, въ надеждѣ, что адмиралъ преградитъ ей путь, напирали сильно. Французы не ретировались, а бѣжали, слѣдовательно не могли соблюсти порядка и при самой переправѣ; къ тому же, сдѣланные въ торопяхъ мосты не устояли противъ напора стремившихся по нимъ массъ обоза, кавалеріи, артиллеріи и людей: они рушились подъ этой тяжестью, и тогда образовался уже, такъ сказать, живой мостъ изъ людей и лошадей, и по нимъ переправлялся кто могъ, какъ могъ и насколько могъ, пока самъ не дѣлался точкою опоры слѣдующему за нимъ товарищу.

Болѣе 20-ти тысячъ человѣкъ погребены въ волнахъ Березины; а тѣ, которые не отважились переправляться по живому мосту, остались въ плѣну у графа Витгенштейна. Болѣе 5 тысячъ экипажей, фургоновъ, каретъ, колясокъ, дрожекъ и проч., вывезенные изъ Москвы, остались на томъ берегу. Ночь покрыла эту мрачную картину; но въ эту ночь сильный морозъ прозрачнымъ саваномъ одѣлъ

влажную могилу несчастныхъ утопленниковъ. На другое утро казаки вышли на добычу: пробивали проруби и крючьями начали вытаскивать утонувшихъ, въ ранцахъ и карманахъ которыхъ находили золотыя и серебряныя вещи, святотатственною рукою награбленныя изъ храмовъ Божіихъ. Тутъ были оклады съ иконъ, церковные сосуды, подсвѣчники, ризы и пр. Я полюбопытствовалъ посмотрѣть, что̀ тамъ дѣлается, и при мнѣ казакъ вытащилъ женщину съ груднымъ ребенкомъ въ рукахъ. Грустно было смотрѣть, и я ушелъ. Еслибы адмиралъ Чичаговъ не сдѣлалъ важной ошибки, не удалился бы съ арміею въ противоположную сторону, а преградилъ непріятелю дорогу на Вильну, то можетъ быть у Березины уже разстроенная армія Наполеона принуждена бы была сдаться, и самъ онъ не ушелъ бы отъ плѣна. Но видно такъ угодно было Богу, чтобы человѣкъ, принесшій кровь милліона людей въ жертву своему неограниченному славолюбію, самъ испилъ до дна горькую чашу, судьбою ему предназначенную. Наполеонъ, бросивъ свою несчастную армію на жертву голоду, холоду и болѣзнямъ, самъ въ Жидовскихъ саночкахъ ускакалъ въ Парижъ формировать новую армію. Отъ Березины можно было считать Французскую великую армію какъ не существующею; хотя числительность ея доходила, можетъ быть, до 60—70 тысячъ, но нравственный духъ ея былъ совершенно убитъ. Начальники перестали повелѣвать, потому что солдаты не хотѣли повиноваться; слышны были одни ропоты и проклятія тому, кто привелъ ихъ въ такое состояніе.

Я былъ командированъ въ авангардъ къ генералу Чаплицу, слѣдовавшему непосредственно за бѣгущимъ непріятелемъ, и тутъ я былъ очевидцемъ всѣхъ бѣдствій, постигшихъ Французскую армію въ продолженіе ея отступленія до самой границы. Пасть или быть ранену въ пылу сраженія, одушевленному надеждою побѣды,—къ сему готовится всякій военный. Но какая надежда могла одушевлять и что имѣли въ виду эти несчастные? Тотъ, который одушевлялъ ихъ своимъ присутствіемъ, который однимъ словомъ воспалялъ ихъ мужество и водилъ къ побѣдамъ, ихъ кумиръ, постыдно бѣжалъ, хуже Карла XII изъ-подъ Полтавы или Франциска I-го изъ Павіи. Тѣ, потерявъ свои арміи послѣ отчаянной битвы, бѣжали, когда уже некѣмъ было командовать; тогда какъ у Наполеона оставалось еще довольно войска, чтобы не бѣгствомъ, а правильною ретирадою отступать въ порядкѣ. Но онъ не имѣлъ даже отрады сказать, какъ тогда Французскій король: j'ai tout perdu hors l'honneur [1]): потому что запятналъ свое имя и честь, насмѣхаясь святынею, дозволивъ осквернять св. храмы, превративъ ихъ въ конюшни и магазины. Вотъ за что Богъ наказалъ еще въ семъ мірѣ и его, и сподвижниковъ его. Видя надъ собою явную кару Господню, обезсиленные голодомъ, усталые форсированнымъ походомъ, оборванные и въ худой обуви, не защищавшей ихъ отъ сильныхъ, тогда наступившихъ, морозовъ, они старались прикрыть свою наготу всѣмъ, чѣмъ только могли:

[1]) Я все потерялъ кромѣ чести.

юбки, капоты, салопы, скатерти, ноги въ телячьихъ ранцахъ и т. п. Въ такомъ жалкомъ маскарадѣ тянулись остатки нѣкогда побѣдителей полъ-Европы (la grande armée de Napoléon), какъ толпа нищихъ съ отмороженными носами и ушами, съ мрачными, полоумно-дикими и отчаяніе выражавшими лицами и съ проклятіями на полумертвыхъ устахъ! Ихъ мародеры, какъ муравьи, расползались по близъ-лежащимъ деревнямъ, чтобы найдти пищи и тепла; но тутъ встрѣчали ихъ озлобленные жители и безъ пощады убивали ихъ; даже бабы съ ухватами и кочергами мстили за Москву. Всѣ деревни и мѣстечки по дорогѣ и по сторонамъ, чрезъ которыя проходилъ непріятель, были имъ сожжены, и намъ оставались одни пепелища для ночлеговъ. Не успѣвая подбирать своихъ отсталыхъ, они оставляли этихъ несчастныхъ на волю Божію и великодушіе наше; но въ томъ положеніи, въ какомъ мы сами находились, какую помощь могли мы дать этимъ несчастнымъ? Разъ я видѣлъ, что нѣсколько изъ этихъ несчастныхъ, полузамерзлыхъ, подползли къ догорающему строенію (кабаку) и, чтобы отогрѣться, ложились на тлѣющія бревна и, не будучи въ силахъ отползти, сжарились сами, а другіе подползли, чтобы утолить голодъ сжарившимся товарищемъ. Сначала, до совершеннаго разложенія арміи, Французы еще кое-какъ отстрѣливались; но когда начали усиливаться морозы (а зима 1812 года была очень сурова), то перестрѣлка становилась все рѣже и рѣже, наконецъ и совсѣмъ перестала, и намъ оставалось только, такъ сказать, конвоировать ихъ, чтобы они не сбились съ дороги. За то ужъ и намъ никакъ нельзя было сбиться: ихъ трупы и умирающіе образовали такую мрачную аллею, освѣщенную по ночамъ пожаромъ окрестныхъ деревень, что жалость было смотрѣть и слышать проклятія, которыя отчаяніе заставляло извергать этихъ несчастныхъ. Лежащіе съ отмороженными членами, они умоляли солдатъ нашихъ приколоть ихъ, чтобы прекратить мученія. У подошвы малѣйшаго пригорка оставались ихъ экипажи, фургоны и пушки, потому что отощалыя лошади не могли взвести. Помню, какъ у подобнаго пригорка, между прочими фургонами, Французы трудились около одного, у котораго также лошади стали; разбивъ крышку фургона, они вытаскивали съ торопливостью что-то тяжелое. Лейбъ-эскадронъ Павлоградскаго гусарскаго полка, шедшій впереди, мигомъ понесся въ атаку и забралъ конвой непріятельскаго обоза въ плѣнъ, изрубивъ нѣсколькихъ несдавшихся. Въ фургонѣ оказалась казна: мѣшки и боченки съ наполеондорами. Такимъ образомъ проводили мы непріятеля; брали тысячами ежедневно въ плѣнъ. Бросая ружья, сдавались они, зная, что въ плѣну не будутъ голодными. Въ Вильнѣ они показали сопротивленіе, желая, конечно, отдохнуть нѣсколько дней. Здѣсь была довольно серьозная стычка; раненыхъ и убитыхъ было много; но, устрашась посланныхъ въ обходъ нашихъ войскъ, непріятель заблаговременно вышелъ изъ города. Въ Вильнѣ оставили мы всѣхъ раненыхъ и плѣнныхъ, и продолжали гнать непріятеля до самой границы Пруссіи, чрезъ которую едвали прошло 20 тысячъ Французовъ, и то большею частью больныхъ гни-

лою горячкою, сообщившихъ эту эпидемію жителямъ пройденныхъ ими мѣстъ, и запрудивши собою всѣ по дорогѣ лежащіе госпитали.

Такъ кончилась участь шестисотъ-тысячной великой арміи, и къ новому, 1813-му, году не осталось въ предѣлахъ Россіи ни одного вооруженнаго непріятеля. Но и мы въ это тяжелое время перенесли много нуждъ и лишеній. Продовольствіе войскъ было весьма затруднительно. Хотя по распоряженію начальства съѣстные припасы и фуражъ для лошадей и подвозились къ арміи; но какъ не могло быть сдѣлано заготовленіе впередъ по этапамъ (ибо, какъ я уже сказалъ, непріятель жегъ все за собою и по сторонамъ), то подвозы не всегда могли поспѣть во̀-время, особливо для авангарда, и отъ этого случалось, что мы оставались при очень скудномъ продовольствіи, особливо лошади; для послѣднихъ часто служила кормомъ уцѣлѣвшая отъ огня соломенная крыша крестьянской избы. Въ такихъ случаяхъ военныя команды высылали своихъ фуражировъ въ сторону для добычи припасовъ, но и тѣ возвращались не всегда во время. Я помню, что разъ мы оставались два дня совершенно безъ пищи; на третьи сутки нашли мы въ уцѣлѣвшей избѣ, подъ лавкою въ корзинѣ, ячмень въ зернѣ, служившій, вѣроятно, кормомъ для курей. Хозяевъ не было: они спрятались въ лѣсу отъ непріятеля. Мы велѣли вымыть ячмень, положить какъ былъ цѣликомъ въ большой горшокъ и, посоливъ (соль и масло у насъ были въ запасѣ, но хлѣба не было), варить; когда ячмень упрѣлъ, положили туда масла. Усѣвшись за столъ (насъ было 5 человѣкъ и 5 деньщиковъ), съ нетерпѣніемъ ожидали лакомаго блюда. Одинъ изъ нашихъ товарищей, видно больше всѣхъ нетерпѣливый, все ворчалъ, что горшокъ малъ, что напрасно не велѣли поставить котелъ. Наконецъ подали неоцѣненный горшокъ; тишина гробовая воцарилась; пошла работа ложками, что̀ ваши Страсбургскіе пироги, и только вырывались монотонныя восклицанія: хорошо! превосходно! Самъ Verry (Парижскій ресторанъ) или Carême (поваръ Ротшильда) не могъ бы придумать такого гастрономическаго блюда. Когда мы убрали полгоршка, и первый голодъ былъ утоленъ, то и нетерпѣливый нашъ товарищъ, хотѣвшій котла, началъ соглашаться, что можетъ быть станетъ и горшка; а погодя немного замѣтилъ, что каша не упрѣла, потомъ, что она совсѣмъ исколола ему языкъ и дёсна. Но, не взирая на то, мы были сыты, и деньщики наши тоже. Голодъ, какъ говорится, не свой братъ, и тогда менѣе удивлялись, что Французъ грызъ своего жаренаго товарища. Впослѣдствіи долго еще мы смѣялись, вспоминая о кашѣ и котлѣ.

На пятомъ или шестомъ переходѣ отъ Березины, мой деньщикъ отсталъ отъ авангарда. Онъ почувствовалъ себя нездоровымъ, своротилъ съ большой дороги, заѣхалъ въ какую-то деревню, чтобы отогрѣться, остался ночевать, но по утру впалъ въ сильную горячку. Въ безпамятствѣ, въ которомъ находился, онъ не знаетъ, куда дѣвались три лошади, бывшія у него и весь мой багажъ. Сколько онъ могъ впослѣдствіи припомнить (явившись ко мнѣ въ Силезію во

время перемирія, чрезъ 6 мѣсяцевъ, уже въ 1813 г.), у него отобрали лошадей и всѣ мои вещи свои Русскіе фурлейты, фуражировавшіе въ окрестныхъ деревняхъ. Изъ всѣхъ моихъ вещей онъ привезъ ко мнѣ вышитый воротникъ отъ одного мундира и нѣкоторыя служебныя бумаги, мнѣ принадлежащія, служившія ему вмѣсто паспорта, чтобы добраться до меня. Такимъ образомъ у меня осталась одна только верховая лошадь, и я лишился всего офицерскаго своего имущества. За то къ концу 1813 года за всѣ дѣла, въ которыхъ находился, былъ я произведенъ въ подпоручики.

Со вступленіемъ въ Пруссію, мы вздохнули свободнѣе. Всѣ неудобства и лишенія были забыты. Прусскій король, по вступленіи нашихъ войскъ въ его границы, радъ былъ оставить принужденный союзъ съ Наполеономъ и вступить въ тѣсный союзъ съ нашимъ Государемъ; и даже до этого, Прусскій генералъ Іоркъ вступилъ въ дружескія сношенія съ Русскими генералами и только дожидался приближенія Русскихъ войскъ къ границѣ, чтобы оставить ненавистный союзъ съ Наполеономъ, надѣлавшій Пруссіи столько зла. Отъ самой нашей границы мы пошли уже правильными переходами по этапамъ, гдѣ устроены были магазины припасовъ и фуража. Остатки непріятельской арміи разошлись по разнымъ крѣпостямъ: Модлинъ, Торнъ, Данцигъ и проч., которые и были обложены нашими войсками. Корпусу Барклая-де-Толли, въ которомъ я находился, велѣно было блокировать крѣпость Торнъ на рѣкѣ Вислѣ, въ Пруссіи. (Не помню уже, при осадѣ Торна или раньше адмиралъ Чичаговъ получилъ другое назначеніе, а знаю навѣрное, что Барклай-де-Толли пріѣхалъ къ намъ спустя нѣкоторое время, и тогда началась уже регулярная осада траншеями и бомбардированіемъ). Послѣ четырехъмѣсячной осады, бомбардированія и нѣсколькихъ неудачныхъ вылазокъ, она сдалась на капитуляцію, будучи принуждена къ тому голодомъ и значительною потерею войскъ. Изъ восьми-тысячнаго гарнизона едва осталась половина, большею частью Итальянцевъ, которые, сложивъ оружіе, получили позволеніе возвратиться на родину съ условіемъ не драться противъ Русскихъ во всю кампанію. По взятіи Торна, корпусу Барклая повелѣно слѣдовать въ Саксонію и поступить въ составъ такъ называемой Силезской арміи, подъ начальствомъ Прусскаго фельдмаршала Блюхера, который стоялъ съ своими войсками около города Бауцена въ боевой позиціи, куда прибылъ корпусъ Барклая, занялъ правый флангъ, упираясь почти перпендикулярно въ небольшую рѣчку Шпре (Spree), за которой расположились 8 казачьихъ полковъ (подъ командою генерала Грекова 3-го), составлявшихъ крайнюю точку всей позиціи. Главная же наша армія и гвардія, гдѣ находился и самъ Императоръ, и нѣсколько корпусовъ Прусской арміи, были уже впереди за Дрезденомъ по дорогѣ къ Люцену; здѣсь встрѣтились съ Наполеономъ, который успѣлъ, по прибытіи въ Парижъ, опять обольстить Французовъ, сформировать новую армію въ 200 тысячъ изъ конскриптовъ за нѣсколько лѣтъ впередъ и, вызвавъ старыя войска изъ разныхъ крѣпостей, пустился опять завоевывать Европу. Подъ Люценомъ была первая встрѣ-

ча и сильное столкновеніе двухъ армій. Потеря была ровная съ двухъ сторонъ; но какъ армія Наполеона превосходила нашу числительностію и не зная еще въ то время, на чью сторону склонится Австрійскій императоръ (тесть Наполеона), остававшійся до того нейтральнымъ, Государь приказалъ своимъ войскамъ отступать медленно, пользуясь всякою выгодною позиціею. Наполеонъ сильно наступалъ, пославъ въ тоже время тридцати-тысячный корпусъ съ генераломъ Вандомомъ въ обходъ. Узнавъ объ этомъ, Государь послалъ противъ него часть гвардіи, которая, заставъ Вандома въ Кульмской дефилеѣ, заградила ему оба выхода; послѣ тщетной попытки пробиться, онъ принужденъ былъ сдаться со всѣмъ корпусомъ военноплѣннымъ. За это дѣло войска наши, участвовавшія въ немъ, получили желѣзный крестъ. Неожиданное пораженіе Вандома, кажется, нисколько не остановило пылъ Наполеона и, видно надѣясь на поддержку Австріи, продолжалъ онъ дѣйствовать наступательно. Жаркое дѣло подъ Дрезденомъ значительно уменьшило ряды его конскриптовъ; но наши арміи, по принятому уже плану, отступали до города Бауцена, гдѣ Барклай и Блюхеръ, какъ упомянуто выше, стояли въ крѣпкой позиціи, чтобы дать генеральное сраженіе, котораго, какъ кажется, Наполеонъ жаждалъ. По присоединеніи къ намъ главной арміи, боевая позиція растянулась съ промежутками на пять верстъ; непріятель расположился почти паралельно къ намъ на такое же протяженіе, въ разстояніи болѣе пушечнаго выстрѣла. Бауценъ, никѣмъ не занятый, остался на нейтральномъ пространствѣ между двухъ армій. Сначала Наполеонъ атаковалъ нашъ лѣвый флангъ; всѣ его атаки были мужественно отражены. Русскіе и Пруссаки, въ присутствіи самого Императора, особливо гвардія, дрались какъ львы. Наполеонь хотѣлъ непремѣнно сломить нашъ флангъ. Прусскій генералъ Клейстъ, стоявшій ближе къ центру и водившій свои войска нѣсколько разъ въ огонь, сильно пострадалъ. Два дня продолжалась упорная битва лѣваго фланга и центра; канонада продолжалась до поздней ночи безъ умолку; только правый флангъ нашъ стоялъ не трогаясь съ мѣста.

Въ это время я былъ командированъ къ генералу Грекову для рекогносцировки, снятія на планъ позиціи лѣваго фланга непріятеля и наблюденія за его движеніями. Мѣстность холмистая, покрытая кустарникомъ, очень способствовала къ точному исполненію моего порученія. Снявъ ситуацію и обозначивъ, сколько возможно было видѣть, позицію непріятеля, я возвращался уже на бивуакъ генерала Грекова, какъ вдругъ увидѣлъ ужасную пыль по дорогѣ, проходившей верстахъ въ 5—6 отъ возвышеннаго мѣста, на которомъ я стоялъ. Казачій офицеръ и конвой, при мнѣ находившійся, замѣтили тоже. — «Это должно быть конница или пушки идутъ», сказалъ офицеръ. Чтобъ удостовѣриться, мы поскакали кустарникомъ, а потомъ лѣсомъ въ ту сторону. И точно, большая масса непріятельскихъ войскъ и артиллеріи (это были, какъ узнали послѣ, два корпуса, Лористона и Мармона) тянулась по направленію въ обходъ нашей главной позиціи; но ей нужно было пройти еще верстъ 15,

чтобы достичь своей цѣли, т. е. взять насъ въ тылъ. Медлить было нечего. Оставивъ здѣсь конвойнаго офицера съ 4 казаками для дальнѣйшаго наблюденія за движеніемъ непріятеля, поскакалъ я съ двумя остальными къ генералу Грекову, поспѣшилъ написать рапортъ о движеніи непріятеля и, съ приложеніемъ снятаго плана, отправилъ двухъ доброконныхъ казаковъ къ генералъ-квартирмейстеру, приказавъ не щадить лошадей. Грековъ также отправилъ донесеніе объ этомъ къ начальнику штаба арміи, а самъ сѣлъ на коня съ своими 8-ю полками. Оставя здѣсь при офицерѣ небольшой отрядъ для разъѣздовъ, мы отправились въ ту сторону, откуда грозила опасность. Между тѣмъ сраженіе все продолжалось. Наполеонъ, по любимому своему маневру, дѣлалъ сильный напоръ на одинъ флангъ, готовя между тѣмъ рѣшительный ударъ на другой и отправивъ для этого два корпуса въ обходъ. Но и на этотъ разъ не удался этотъ маневръ, также какъ и подъ Кульмомъ; Барклай отгадалъ его намѣреніе. Когда Императоръ прислалъ къ Барклаю генералъ-адъютанта, чтобы отдѣлить часть войска, ему ввѣреннаго, для подкрѣпленія лѣваго фланга, онъ никакъ не могъ рѣшиться исполнить повелѣніе Государя и, не взирая на опасность навлечь на себя гнѣвъ его, просилъ чрезъ посланнаго генералъ-адъютанта его величество отмѣнить повелѣніе, увѣряя, что прежде двухъ часовъ правый флангъ будетъ сильно атакованъ. И чтожъ? Это предвидѣніе Барклая сбылось, какъ сонъ въ руку.

Возвращаюсь къ разсказу моей рекогносцировки. Когда я съ генераломъ Грековымъ и его казачьимъ отрядомъ отправились для открытія непріятельскихъ обходныхъ войскъ, пробираясь все лѣсомъ разными тропинками, мы дошли наконецъ до дороги, пересѣкающей ту, по которой шли Французы и на которую они своротили, чтобы идти на деревню Кликсъ, лежащую позади главной позиціи нашей арміи. Тутъ замѣтилъ насъ непріятель и тотчасъ подкрѣпилъ свою передовую цѣнь стрѣлками, а Грековъ выслалъ противъ нихъ своихъ фланкеровъ. Въ это время прискакали къ намъ 2 казака съ повелѣніемъ отъ генерала Чаплица: если непріятель будетъ наступать, то казакамъ отступать на деревню Кликсъ. Кликсъ находился отъ этого пункта еще въ 4-хъ верстахъ; дорога туда шла ровнымъ, открытымъ мѣстомъ, только на половинѣ дороги было небольшое возвышеніе, за которомъ пологая покатость спускалась къ топкому болоту, по которому проходила единственная узкая дорога по плотинѣ, по крайней мѣрѣ, въ 150 саженъ длины; по сторонамъ же не было никакой возможности пробраться не только конному, но и пѣшему; за плотиной дорога поднималась по довольно крутому скату до дер. Кликсъ, лежащей на возвышеніи, командовавшемъ всею мѣстностію. Позиція отмѣнно хорошая, чтобы удержать непріятеля. Я поскакалъ въ Кликсъ, гдѣ уже засталъ генерала Чаплица съ отрядомъ, пришедшаго туда только что передо мною, по распоряженію Барклая, получившаго наши рапорты о наступленіи съ этой стороны непріятеля. По моему увѣдомленію о близости Французовъ, генералъ Чаплицъ приказалъ поставить 8 орудій батарейной роты на возвышеніи про-

тивъ плотины, 4 въ сторонѣ для перекрестнаго дѣйствія съ должнымъ прикрытіемъ, расположившимся въ ближайшихъ строеніяхъ деревни, а резервы за деревней внѣ выстрѣла. Къ генералу Грекову послано приказаніе отступать сколько можно медленнѣе, а дошедши до плотины, пройти ее быстро въ галопъ. Къ Барклаю былъ посланъ адъютантъ съ увѣдомленіемъ о сдѣланной диспозиціи и за полученіемъ дальнѣйшихъ приказаній; а меня послалъ генералъ Чаплицъ опять къ Грекову съ приказаніемъ постараться достать живаго языка (военный терминъ, означающій взятіе въ плѣнъ кого нибудь изъ непріятелей).

Грекова я засталъ на сей уже сторонѣ возвышенія, о которой говорилъ выше, а непріятельскія передовыя войска на возвышеніи. Передавъ Грекову приказаніе, я былъ свидѣтелемъ молодецкой атаки казаковъ. Грековъ выстроилъ своихъ казаковъ въ двѣ линіи, предваривъ ихъ, что будетъ атака и что нужно непремѣнно взять языка, прибавивъ: «ляжемъ всѣ или исполнимъ приказаніе начальства» и съ сими словами, взявъ у казака дротикъ (пику), понесся во всѣ лопатки, и за нимъ восемь полковъ его храбрыхъ Донцовъ. Эта внезапная перемѣна послѣ тихаго и регулярнаго отступленія казаковъ такъ поразила непріятеля, что, сдѣлавъ одинъ выстрѣлъ, онъ не успѣлъ зарядить другой разъ. Рукопашный бой сдѣлался кровавымъ; вся возвышенность была покрыта трупами людей и лошадей; до 20 человѣкъ были взяты въ плѣнъ, и пока непріятельская артиллерія успѣла подойти, наши казаки отступили уже съ своею добычею на благородную дистанцію. Съ этими плѣнными, при конвоѣ, возвратился я къ Чаплицу, передъ которымъ могъ свидѣтельствовать объ отличномъ исполненіи генераломъ Грековымъ его приказанія. Отъ плѣнныхъ узнали мы, что здѣсь находятся генералы Лористонъ и Мармонъ съ своими корпусами. Увѣдомленіе объ этомъ было тотчасъ отправлено къ генер. Барклаю, съ препровожденіемъ къ нему и плѣнныхъ. Чаплицъ и штабъ его стояли около батареи, постановленной противъ плотины, наблюдая за отступленіемъ казаковъ. Непріятели, занявши опять высоту, на которой ихъ такъ молодецки употчивали казаки, выстроили свои батареи, и начали громогласно метить имъ въ догонку. Лишь только Наполеонъ услышалъ пушечные выстрѣлы своихъ обходныхъ войскъ и, полагая, что его назначеніе въ точности исполнилось, бросился со всею массою своихъ силъ на правый нашъ флангъ, загремѣлъ громъ его пушекъ; колонны за колоннами вступали въ бой. Бауценъ запылалъ отъ павшихъ туда гранатъ. Съ неустрашимымъ мужествомъ и хладнокровіемъ стоялъ Барклай, отражая всѣ атаки Наполеона. Пруссаки не отставали отъ Русскихъ; сраженіе сдѣлалось общимъ по всей линіи; ружейныхъ выстрѣловъ уже не слышно было за выстрѣлами пушекъ, дѣйствовавшихъ сначала залпами, потомъ ускоренными чрезъ орудіе, и наконецъ пушечнымъ батальнымъ огнемъ, слившимся въ одинъ страшный гулъ. Земля застонала! Лористонъ и Мармонъ, слыша громовый гласъ своего повелителя, начали ему вторить; наступленіе ихъ сдѣлалось быстрѣе. Казаки наши, дошедши до пло-

тины, перелетѣли ее птицами, а непріятель, не поспѣвшій преслѣдовать ихъ по узкой дорожкѣ, остался за болотомъ. Наша артиллерія, поставленная противъ плотины, начала дѣйствовать сначала рѣдко, да мѣтко. Устроивъ свои батареи въ двухъ мѣстахъ, Французы отвѣчали учащеннымъ огнемъ. Генералъ Чаплицъ, прислонясь къ дереву, смотрѣлъ въ подзорную трубу за дѣйствіемъ и движеніемъ непріятеля, и мы собрались всѣ около него. Замѣтя кучку, стоявшую вмѣстѣ, непріятель открылъ, со вновь поставленной третьей баттареи, свои выстрѣлы прямо въ насъ. Первый выстрѣлъ пролетѣлъ чрезъ наши головы; второй былъ слишкомъ пониженъ: ядро пало рикошетомъ далеко отъ насъ, такъ что по направленію пыли отъ его скачковъ видна была мѣткость выстрѣла. Я успѣлъ только сдѣлать шагъ въ сторону, крича стоявшему за мною въ двухъ шагахъ адъютанту генерала Чаплица: «Хоцкевичъ, берегись!» какъ онъ уже лежалъ на землѣ съ раздробленнымъ колѣномъ. Конвойные унесли его тотчасъ на плащѣ въ деревню, гдѣ ему отнята была нога. Непріятель, не могши пройдти чрезъ болота, довольствовался громить своими орудіями. Посланный адъютантъ къ Барклаю возвратился съ приказаніемъ генералу Чаплицу держаться какъ можно, не уступая своей позиціи, вслѣдствіе чего генералъ Чаплицъ отправилъ меня къ Барклаю-де-Толли съ изустнымъ донесеніемъ, что флангъ нашъ не можетъ быть въ этомъ пунктѣ обойденъ; что Лористонъ и Мармонъ стоятъ за болотомъ, слѣдовательно съ этой стороны не угрожаетъ опасность. Я передалъ всѣ подробности. Но что̀ видѣлъ я тутъ, трудно себѣ представить. Справа кипѣлъ настоящій адъ! Пули, ядра, картечи и гранаты сыпались градомъ; деревни пылали въ огнѣ; жители, оставя свои жилища, толпами бѣжали, ища безопаснаго мѣста; дѣти плакали и кричали на рукахъ матерей; лошади, рогатый скотъ, овцы—все это мчалось, не зная куда. Линія первой позиціи была измѣнена; сильный натискъ Французовъ, стремившихся взять Барклая во флангъ, заставилъ его, отступя нѣсколько назадъ, стать почти подъ прямымъ угломъ къ прежней позиціи. Но тутъ онъ стоялъ твердой ногой, потому что долженъ былъ прикрывать отступленіе нашей и Прусской гвардіи. Слѣва представлялась другая картина. Тихо и стройно отступала наша и Прусская гвардіи рядомъ, въ густыхъ колоннахъ, пѣхота, артиллерія и кавалерія. Закатъ солнца освѣщалъ эти тихо движущіяся массы, и лучи его, ярко отражавшіеся въ оружіи и блестящихъ гвардейскихъ мундирахъ, придавали прелестный видъ этой единственной картинѣ. Казалось, не изъ битвы шла эта масса храбрецовъ, а съ парада церемоніальнымъ маршемъ мимо своего Монарха. И дѣйствительно, картина ужасная и прелестная въ одно и тоже время. На одномъ и томъ же планѣ, съ одной стороны кровопролитнѣйшій бой со всѣми его ужасами, а съ другой—прелестнѣйшій парадъ на обширномъ плацпарадѣ и въ обширномъ объемѣ. Тутъ, сказывали мнѣ, Государь подъѣзжалъ къ Барклаю-де-Толли, обнялъ его и съ признательностію благодарилъ, такъ сказать, за ослушаніе, когда ему велѣно было вспомоществовать лѣвому флангу, и тутъ же пору-

чилъ ему прикрывать общее отступленіе, что̀ Барклай и выполнилъ съ знаніемъ дѣла и съ твердостію. Битва продолжалась до поздней ночи.

Уронъ былъ, конечно, великъ. Храбрый генералъ Корниловъ вывелъ изъ своей бригады 37 рядовыхъ и 3—4 офицера (прочіе всѣ ранены или убиты). У него самого ватная шинель была пробита въ нѣсколькихъ мѣстахъ, и двѣ пули были найдены въ ватѣ, но самъ онъ вышелъ невредимъ. Когда уже ночью затихла перестрѣлка, ясно слышенъ былъ громкій крикъ всей Французской арміи: vive l'empereur!

Послѣ этого трехдневнаго жаркаго сраженія при Бауценѣ, вся союзная армія отступала разными дорогами. Главная армія и гвардія, при которой находился самъ Государь, шла въ Богемію, а Блюхеру велѣно было отступать на города: Герлицъ, Гайнау, Гольдбергъ, Яуеръ и крѣпость Швейдницъ. Арьергарду Силезской арміи, подъ командою генерала Чаплица, при которомъ я находился, велѣно было отступать по возможности медленно и удерживать непріятеля на всякой удобной позиціи. Наполеонъ также свою армію раздѣлилъ на нѣсколько частей для преслѣдованія нашихъ войскъ, а самъ съ гвардіею поворотился на Берлинъ, съ намѣреніемъ отомстить Прусскому королю за разрывъ съ нимъ союза, разграбить и сжечь его столицу; но это ему не удалось: онъ былъ встрѣченъ и разбитъ подъ Ютербокомъ Шведскимъ наслѣднымъ принцемъ Бернадотомъ, вступившимъ съ нами также въ союзъ. Генералъ Чаплицъ, исполняя данное повелѣніе, отступалъ медленно по назначенному направленію. Всякая переправа черезъ рѣку была нами защищаема мужественно; усилія, дѣлаемыя Французами, были сопряжены всегда съ значительными потерями съ ихъ стороны. Эти остановки непріятеля давали возможность нашей арміи отступать регулярно, безъ торопливости и замѣшательства. Такъ я помню блистательную кавалерійскую атаку подъ Гайнау, приготовленную засадою Блюхера; и вотъ какъ она совершилась. Не доходя Гайнау, пріѣхалъ къ намъ въ аріергардъ Прусскій офицеръ генеральнаго штаба, посланный Блюхеромъ съ слѣдующимъ изустнымъ приказаніемъ:

«Пройдя Гайнау по данному направленію, примѣрно на 4 версты, занять на высотѣ позицію одною кавалеріею и артиллеріею, отправя обозъ и пѣхоту за фронтъ позиціи; фельдмаршалъ самъ находится на лѣвомъ флангѣ этой позиціи съ 25-ю эскадронами и 24-мя орудіями въ засадѣ, чтобы по данному сигналу (зажженію вѣтряной мельницы) сдѣланъ былъ залпъ изъ всѣхъ орудій, и въ туже минуту броситься всей кавалеріей на непріятеля». Какъ сказано, такъ и сдѣлано.

Пройдя Гайнау, мы, по обыкновенію, отступали въ боевомъ порядкѣ, артиллерія по дорогѣ, пѣхота также въ густыхъ колоннахъ, а кавалерія по сторонамъ оной эшелонами, имѣя по бокамъ и позади казачью цѣпь и отстрѣливающихся фланкеровъ. Конница наша состояла изъ 7 эскадроновъ драгунъ и 8 казачьихъ полковъ. Взошедъ на назначенную позицію, артиллерія выстроила свои 12 пушекъ въ линію, пѣхота и обозъ отошли за линію внѣ выстрѣла. Непріятель

занялъ противоположное возвышеніе, въ разстояніи отъ насъ менѣе пушечнаго выстрѣла; мѣсто между нами и непріятелемъ было ровное, гладкое, съ незамѣтнымъ углубленіемъ, очень удобное для кавалерійской атаки. Французы открыли огонь изъ пушекъ, по принятому ими обыкновенію, навѣсными выстрѣлами, чтобы наносить разстройство нашимъ обозамъ и тѣмъ произвести замѣшательство при отступленіи. Наша артиллерія молчала въ ожиданіи сигнала; но лишь только мельница вспыхнула, Прусская и наша батареи дали залпъ, и вслѣдъ за тѣмъ, вся наша и Прусская кавалерія понеслась, какъ вихрь, на непріятеля; пыль, какъ густой туманъ, покрыла всю площадь, и менѣе чѣмъ въ полчаса весь непріятельскій отрядъ истребленъ: болѣе 3 тысячъ взято въ плѣнъ и 6 орудій со всею упряжью. Маршалъ Ней, командовавшій авангардомъ, самъ чуть-чуть не попалъ въ плѣнъ: уже одинъ казакъ настигалъ его и уже готовился поразить его пикою, какъ вдругъ лошадь подъ нимъ споткнулась, и Ней успѣлъ ускакать на бѣломъ своемъ конѣ. Это нечаянное нападеніе такъ озадачило непріятеля, что три дня онъ не смѣлъ наступать, пока не собрался съ новыми силами, и три дня мы простояли спокойно; на четвертый день, по приказанію Блюхера, мы продолжали отступать по прежнему маршруту на Гольдбергъ, Яуеръ и Швейдницъ. Непріятель преслѣдовалъ уже съ большею осмотрительностію, особливо въ мѣстахъ, гдѣ могъ предполагать подобныя засады.

Не помню, послѣ Бауценскаго-ли сраженія или прежде, было Кульмское пораженіе Вандама. Какъ бы то ни было, но потеря тридцати-тысячнаго корпуса, потомъ большой уронъ при Бауценѣ и наконецъ неудача похода на Берлинъ, гдѣ подъ Ютербокомъ понесъ также значительную потерю, заставили Наполеона просить о перемиріи. Союзные монархи согласились на это тѣмъ охотнѣе, что и нашимъ войскамъ нужно было отдохнуть, а главное укомплектовать свои ряды новыми, шедшими къ намъ изъ Россіи, резервами. Перемиріе заключено было на шесть недѣль. Императоръ съ гвардіей расположился въ Петерсвальдѣ на Богемской границѣ; Блюхеръ съ арміею въ Силезіи неподалеку отъ городка Стригау; демаркаціонная линія была протянута по рѣку Стригауэръ-Вассеръ; а Французы расположились параллельно нашей линіи, оставя четырехъ-верстную полосу нейтральной земли между двухъ армій. Авангардъ нашъ былъ расположенъ въ Вернерсдорфѣ, ближайшей деревнѣ къ демаркаціонной линіи, по которой во всю длину были разставлены караулы, пикеты и ведеты, а сверхъ того разъѣзжали частые патрули для наблюденія за исправностію часовыхъ. Въ это время генералъ Чаплицъ по болѣзни долженъ былъ оставить авангардъ, который порученъ былъ генералу Рудзевичу. Время перемирія было употреблено на укомплектованіе полковъ, обученіе молодыхъ солдатъ изъ рекрутовъ, исправленіе всѣхъ поврежденій и недостачи всякаго рода и во всѣхъ частяхъ войска. Мнѣ было поручено снять глазомѣрно все пространство, занимаемое форпостами авангарда съ означеніемъ карауловъ и часовыхъ, и устроеніе сигнальныхъ знаковъ по всей линіи и къ деревнѣ Вер-

нерсдорфъ. Эти сигнальные знаки или маяки состояли въ высокихъ каланчахъ, на мѣстахъ возвышенныхъ; на этихъ каланчахъ утверждали шесты, обвитые соломою съ дегтемъ и зажигаемые въ случаѣ тревоги.

Въ свободное время офицеры ѣздили на охоту стрѣлять дичь, которою окрестности Вернерсдорфа изобиловали. Генералъ Рудзевичъ иногда самъ участвовалъ въ этой охотѣ; онъ былъ отличный стрѣлокъ и допускалъ одинъ промахъ изъ цѣлаго патронташа (24 заряда), а два промаха считалъ худымъ полемъ. Въ одинъ прекрасный день, пользуясь свободнымъ временемъ, я и нѣсколько офицеровъ поѣхали на Цобтенбергъ, въ 12 верстахъ отъ Вернерсдорфа. Цобтенбергъ—это высокая, хвойнымъ лѣсомъ обросшая, гора, стоящая совершенно отдѣльно, конусообразная, какъ сахарная голова; только съ южной стороны примыкаетъ къ ней незначительная отрасль, спускаясь уступами до самаго уровня плоскости, надъ которою она возвышается; у подошвы этой горы лежитъ деревня Цобтенъ, изъ которой, взявши проводника, мы начали подниматься на гору. Высоту опредѣлить не могу, только мы взбирались верхомъ по довольно крутой и очень запущенной каменистой дорожкѣ, около двухъ часовъ. Недалеко отъ вершины горы находится небольшое озеро; вода холодная и прозрачная. На берегу озера стоялъ, изъ дикаго камня, грубо-обтесанный памятникъ, представляющій женскую фигуру. Проводникъ разсказалъ намъ, что давно, въ рыцарскія времена, на горѣ былъ зȁмокъ, построенный какимъ-то графомъ, и что женщина, изъ этого зȁмка пришедшая брать воду изъ озера, была разорвана медвѣдемъ на этомъ мѣстѣ, и что въ память событія графъ велѣлъ поставить этотъ памятникъ. Взобравшись на вершину, мы нашли точно, на довольно обширной площади, развалины древняго зȁмка, какъ полагать должно, временъ феодальныхъ. Въ одной части этого зȁмка была выстроена уже впослѣдствіи капелла (родъ часовни). Въ ней увидѣли мы, на черной доскѣ бѣлыми буквами, надпись на старинно-Нѣмецкомъ языкѣ, что зáмокъ былъ выстроенъ въ 12.. году графомъ и графинею N (имени не помню), но что впослѣдствіи времени этотъ зȁмокъ сдѣлался притономъ разбойниковъ, а потому городами Швейдницемъ и Бреславлемъ уничтоженъ. Видъ съ этой высоты прелестенъ: весь горизонтъ кругомъ открытъ, и мы простыми глазами могли видѣть четыре города: Швейдницъ, Яуеръ, Бреславль (Breslau) и Стригау, и множество деревень, а въ подзорную трубу, говорилъ нашъ проводникъ, видно 13 городовъ. Насладившись этою обширною и прелестною панорамою (это было въ Маѣ мѣсяцѣ), мы возвратились домой. Здѣсь я нашелъ своего деньщика Лаврентія, отставшаго еще въ 1812 году, послѣ Березинскаго дѣла на походѣ въ Вильну. Изъ всѣхъ моихъ вещей и лошадей онъ принесъ одинъ воротникъ отъ мундира и нѣсколько бумагъ, и печальный разсказъ своей болѣзни и какъ его ограбили.

Между тѣмъ какъ войска отдыхали и комплектовались, въ Вѣнѣ готовились новые планы для будущихъ подвиговъ. Все это время дипломатическіе переговоры рѣшали, на чью сторону склонится

Австрія. Подробности этихъ переговоровъ мнѣ неизвѣстны, но результатъ былъ тотъ, что Австрійскій императоръ Францъ присоединился къ союзу императора Александра и короля Прусскаго Фридриха Вильгельма III противъ Наполеона, что̀ и дало совершенно другой оборотъ послѣдующей кампаніи. Австрійскій фельдмаршалъ князь Шварценбергъ былъ назначенъ главнокомандующимъ всѣхъ союзныхъ армій: Австрійской, Русской и Прусской. Бернадотъ дѣйствовалъ отдѣльно и, кажется, только въ 1813 году до Рейна. Прусскій король и нашъ Государь не оставляли армій. Императоръ Александръ былъ душею всѣхъ военныхъ дѣйствій. Наполеонъ, обманутый надеждою склонить тестя на свою сторону, не могъ уже вести наступательную войну. По окончаніи перемирія, мы уже начали дѣйствовать наступательно. Всѣ союзныя арміи двинулись на другой же день разными дорогами въ походъ. Силезская армія Блюхера, состоявшая изъ двухъ Прусскихъ и двухъ Русскихъ, 8 и 10, корпусовъ (послѣдніе подъ командою графа Ланжерона, коихъ авангардъ порученъ былъ генералу Рудзевичу) двинулась къ городу Яуеру и того же дня имѣла авангардное дѣло подъ этимъ городомъ, въ которомъ палъ храбрый полковникъ Парадовскій. Отъ Яуера продолжали мы преслѣдовать Французовъ въ ежедневной перестрѣлкѣ съ ихъ арьергардомъ. Сильные дожди препятствовали быстрому ихъ отступленію, потому что разлитіе рѣкъ замедляло переправу войскъ, и мы ихъ настигали. Такимъ образомъ были значительныя авангардныя дѣла: подъ город. Левенбергомъ, на рѣкѣ Кацбахѣ, подъ город. Гольдбергомъ и на рѣкѣ Бобрѣ, гдѣ, съ содѣйствіемъ корпуса князя Щербатова, взятъ былъ въ плѣнъ генералъ Пюто со всею своею дивизіею.

Но тутъ прекращается на нѣкоторое время мой разсказъ о военныхъ дѣйствіяхъ, потому что я принужденъ былъ оставить авангардъ по болѣзни. Чувствуя себя нездоровымъ, я перемогался нѣсколько дней, не желая отстать отъ войска; но наконецъ признаки простудной лихорадки заставили генерала Рудзевича отправить меня назадъ въ Гольдбергъ, гдѣ былъ устроенъ временный госпиталь для раненыхъ и больныхъ. Между первыми находился полковникъ Толмачевъ и нѣсколько офицеровъ, и при нихъ находился военный лекарь. Мнѣ отвели особую квартиру, и тутъ я слегъ въ сильную нервную горячку, отъ которой едва въ два мѣсяца могъ оправиться. Въ это время было знаменитое трехдневное Лейпцигское сраженіе, заставившее Наполеона, почти также, какъ изъ Москвы, бѣжать безъ оглядки, и тѣмъ болѣе, что почти ежедневно онъ терялъ когонибудь изъ своихъ остальныхъ союзниковъ. По мѣрѣ того, какъ наши арміи подвигались впередъ, всѣ Нѣмецкіе короли и владѣтельные князья присоединялись къ общему Европейскому союзу; такъ что, пришедши къ границѣ Франціи, у Наполеона не оставалось ни одного иностраннаго солдата, кромѣ Итальянцевъ. Извѣстія, доходившія до насъ, о подвигахъ союзныхъ войскъ, особливо о Лейпцигской битвѣ и ея результатѣ, радовали насъ, лазаретныхъ жителей; но въ тоже время намъ было грустно, что мы не могли участвовать

въ нихъ. По выздоровленіи, насъ нѣсколько офицеровъ отправилось на подводахъ догонять свои войска. По дорогѣ къ намъ присоединялось все больше и больше разныхъ командъ, выписанныхъ, какъ и мы, изъ лазаретовъ, такъ что наше путешествіе шло очень медленно. Соскучившись такимъ черепашьимъ ходомъ, я рѣшился, въ ближайшемъ городѣ (не помню имени), просить коменданта (Прусскій маіоръ), чтобы меня отправилъ на любой подводѣ, а команду нижнихъ чиновъ отправить при одномъ офицерѣ. Онъ согласился, но просилъ взять съ собою еще одного Прусскаго офицера, ѣхавшаго также въ армію; я былъ радъ товарищу, и вдвоемъ, по открытому предписанію, пустились мы въ дорогу. Мой товарищъ былъ образованный человѣкъ и веселаго характера, что̀ весьма сократило время скучной Германской ѣзды на форшпанкахъ, которыхъ ничѣмъ не заставишь прибавить рыси противъ назначенныхъ имъ часовъ, не взирая на то, что это было въ военное время, и мы, военные офицеры, платили щедрое «на пиво» (Biergeld). Проѣзжая чрезъ Эйслебенъ, мы съ товарищемъ посѣтили домъ, въ которомъ родился Мартинъ Лютеръ *). Смотритель этого дома, почтенный старичекъ, разсказалъ намъ, что родители Лютера жили въ деревнѣ, недалеко отъ города; что мать Лютера, пріѣхавъ разъ въ городъ, проходила по этой улицѣ; будучи беременна и почувствовавъ приближеніе родинъ, принуждена была зайдти въ первый ближайшій домъ и тутъ же разрѣшилась знаменитымъ реформаторомъ. Этотъ домъ былъ впослѣдствіи пріобрѣтенъ самимъ Лютеромъ и сдѣлался кабинетомъ его ученыхъ занятій и религіозныхъ сочиненій. Все сохранилось въ томъ порядкѣ, въ какомъ было при его жизни. Его библіотека, его рабочій столъ, покрытый краснымъ, уже очень ветхимъ сукномъ, на столѣ разныя книги и бумаги, чернилица и перья, и тутъ же, противъ его креселъ, на столѣ, его историческій гербъ: изъ алебастра сдѣланный въ натуральную величину лебедь, про котораго предсказывалъ извѣстный Иванъ Гусъ (Johann Hus), когда его вели для сожженія на костеръ: «Гуся сожгутъ, но чрезъ сто лѣтъ явится лебедь, того не сожгутъ». На стѣнѣ виситъ грудной портретъ Лютера въ натуральную величину. Обозрѣвши весь домъ, при выходѣ смотритель предложилъ брошюру: «Жизнеописаніе М. Лютера»; мы съ благодарностію взяли по экземпляру; заплативъ за труды доброму старичку, отправились домой и опять въ путь. Въ Эйзенахѣ ходили мы на Вартбургъ; это древній, феодальный замокъ, лежащій на возвышеніи, недалеко отъ города, въ которомъ Лютеръ долгое время скрывался отъ преслѣдованій папы и гдѣ онъ переводилъ Библію съ Еврейскаго языка; видѣли и то чернильное пятно, оставшееся на стѣнѣ отъ брошенной Лютеромъ чернилицы въ смущавшаго его дьявола. Продолжая нашъ путь въ пріятной бесѣдѣ съ товарищемъ, мы доѣхали благополучно до города Франкфурта на Майнѣ, мѣста нашей разлуки. Онъ отправился къ своей командѣ, а мнѣ надо было ѣхать въ Эпштейнъ, небольшой городокъ съ древнимъ рыцарскимъ

*) Авторъ былъ Лютеранскаго вѣроисповѣданія.

замкомъ, недалеко отъ Рейна. Здѣсь я засталъ авангардъ генерала Рудзевича, стоявшаго уже нѣкоторое время на кантонирь-квартирахъ, потому что некого было уже преслѣдовать. Наполеонъ былъ уже по ту сторону Рейна, въ своихъ владѣніяхъ, а союзные монархи еще не рѣшили, внести ли войну въ предѣлы Франціи.

За всѣ военныя дѣла 1813 г. я былъ произведенъ въ поручики и награжденъ орденомъ св. Анны 3 ст. на шпагѣ (что нынѣ 4-й) и Прусскимъ Pour le mérite. Пока три союзные монарха, съѣхавшіеся въ Франкфуртѣ, заняты были рѣшеніями и планами дальнѣйшихъ военныхъ дѣйствій, они сначала согласились, во избѣжаніе дальнѣйшаго пролитія крови, предложить Наполеону миръ съ условіемъ, чтобы Франція ограничилась въ тѣхъ предѣлахъ, въ которыхъ она находилась до завоеваній Наполеона. Наполеонъ не принялъ великодушнаго предложенія монарховъ и этимъ отказомъ самъ приготовилъ свою бѣдственную участь. Тогда монархи рѣшились вступить въ предѣлы Франціи. Были изданы прокламаціи къ Французскому народу, въ которыхъ было сказано, что союзные государи, по отверженіи Наполеономъ предложеннаго ему мира, вынужденными себя находятъ внести бѣдствія войны и въ предѣлы Франціи, но что они не воюютъ съ Французскимъ народомъ, а лично съ Наполеономъ, нарушителемъ спокойствія всей Европы въ продолженіи 20 лѣтъ. Въ тоже время были разосланы приказы арміямъ переправляться чрезъ Рейнъ въ разныхъ мѣстахъ. Нашей арміи было назначено обложеніе крѣпости Майнца; но какъ Майнцъ, раздѣленный Рейномъ на двѣ части, составляетъ двѣ отдѣльныя крѣпости, собственно Майнцъ по лѣвую и Кастель по правую сторону рѣки, то и велѣно было корпусу графа Сенъ-Пріеста (S-t Priest) обложить Майнцъ, а авангарднымъ войскамъ Рудзевича — Кастель. Здѣсь мы простояли недѣли 2—3, пока не были смѣнены Виртембергскими войсками, которымъ велѣно было смѣнить наши войска и содержать Майнцъ и Кастель въ тѣсной блокадѣ, а намъ, переправясь, въ новый 1814 годъ, чрезъ Рейнъ, примкнуть къ Блюхерской арміи, бывшей уже нѣсколькими переходами впереди. Отсюда, находясь постоянно въ Силезской арміи въ авангардѣ, былъ я во всѣхъ дѣлахъ этой арміи, изъ коихъ замѣчательнѣйшія были при Баръ-ле-Дюкѣ, Баръ-Сюръ-Обѣ, Бріенѣ, при защитѣ крѣпости Суассонъ, которую Наполеонъ покушался штурмовать три раза и всякій разъ былъ съ урономъ отраженъ; потомъ участвовалъ въ сраженіи при Краонѣ, гдѣ графъ Воронцовъ одержалъ побѣду; наконецъ, въ послѣднемъ дѣлѣ при штурмѣ Парижскаго предмѣстья, горы Монмартра, 18-го Марта 1814 года. За это дѣло получилъ я орденъ Св. Владиміра 4 степени съ бантомъ.

Тутъ доставленная намъ рукопись оканчивается. П. Б.

Второе Февраля 1836 года въ Петербургѣ.

РАЗСКАЗЪ ОЧЕВИДЦА.

Михаилъ Петровичъ Погодинъ, въ извѣстной книгѣ своей: «Простая рѣчь о мудреныхъ вещахъ», разсказывая о случаяхъ, которые производили въ немъ особенное впечатлѣніе, между прочимъ, говоритъ слѣдующее: «Сгорѣлъ огромный балаганъ на масляницѣ, передъ Зимнимъ дворцомъ. Нѣсколько сотъ человѣкъ погибло, и могущественнѣйшій въ Европѣ Государь, съ средствами столичной полиціи, съ силами всей гвардіи, на берегу рѣки, среди широкой площади, не могъ подать помощи ни одному несчастному, не могъ спасти ни одной жизни, и долженъ былъ слышать стоны людей, погибавшихъ въ страшныхъ мученіяхъ».

Эти слова воскресили въ моей памяти всѣ обстоятельства ужаснаго пожара и навели меня, какъ очевидца, на мысль передать о немъ подробности.

Въ самый разгаръ шумнаго народнаго веселья, на масляницѣ, 2 Февраля 1836 года, сгорѣлъ на Адмиралтейской площади огромный балаганъ Лемана, и сотни людей погибли въ немъ.

Я былъ застигнутъ въ балаганѣ. Долго боролся я съ смертію, но непостижимое Провидѣніе не допустило меня сдѣлаться жертвою пламени, между тѣмъ какъ я уже лежалъ подъ грудою людей, задохшихся отъ дыму. Мнѣ было тогда 16 лѣтъ; но и теперь, когда тому прошло такъ много времени, подробности роковаго дня еще живо начертаны въ моей памяти.

Я учился тогда въ 1-мъ Кадетскомъ Корпусѣ. Многіе воспитанники, имѣвшіе родныхъ и знакомыхъ въ Петербургѣ, были уволены въ отпускъ съ вечера въ Субботу на всю недѣлю масляницы. Я также совершенно неожиданно въ этотъ вечеръ ушелъ изъ Корпуса. Помню, кто-то изъ товарищей, прибѣжавъ въ залу, объявилъ, что ко мнѣ пришелъ какой-то господинъ и желаетъ меня видѣть. Я тотчасъ пошелъ въ пріемную комнату и тамъ, къ удивленію и удовольствію своему, увидѣлъ князя Путятина, помѣщика Ржевскаго уѣзда, близкаго сосѣда по имѣнію моего отца. Князь Путятинъ сказалъ мнѣ, что онъ пріѣхалъ въ Петербургъ по дѣламъ вмѣстѣ съ Я. А. Ельчаниновымъ, помѣщикомъ Осташковскаго уѣзда и нарочно поспѣшилъ въ Корпусъ, чтобы взять меня къ себѣ на время масляницы.

Такое неожиданное посѣщеніе, а еще болѣе представившійся неожиданный случай уйти изъ Корпуса привели меня въ восторгъ. Сейчасъ же побѣжалъ я къ ротному командиру проситься въ отпускъ и, получивъ разрѣшеніе, поспѣшилъ переодѣться въ отпускную форму и явиться въ залу. Ротный командиръ, осмотрѣвъ меня вмѣстѣ съ другими и, по обыкновенію, сдѣлавъ нѣсколько наставленій при выдачѣ отпускнаго билета, спросилъ: «Кто за тобою пришелъ?» Сообразивъ сейчасъ, что близкое родство усилитъ въ ротномъ командирѣ основаніе къ моему увольненію, я отвѣчалъ: «Родной дядя, князь Путятинъ»; въ это самое время князь Путятинъ, стоя сзади меня, отвѣсилъ ротному командиру пренизкій поклонъ, и насъ отпустили.

Живыми своими разсказами о деревнѣ, о моихъ родителяхъ, земляки мои воскресили во мнѣ самыя лучшія дѣтскія воспоминанія. Я былъ совершенно счастливъ. Помню, мы просидѣли этотъ вечеръ очень долго.

На другой день, Я. А. Ельчаниновъ, собираясь куда-то уѣхать на цѣлый день и желая доставить мнѣ какое-нибудь развлеченіе, просилъ князя Путятина сводить меня подъ качели, въ одинъ изъ балагановъ. Князь Путятинъ принялъ это предложеніе съ удовольствіемъ, а я съ благодарностію.

Вскорѣ послѣ обѣда, князь велѣлъ мнѣ одѣться и ѣхать съ нимъ. Не заставляя себя долго ждать, я тотчасъ надѣлъ тесакъ, киверъ, шинель и былъ готовъ. Князь надѣлъ на себя пальто на ватѣ, въ видѣ длиннаго сюртука, съ какимъ-то мѣховымъ воротникомъ и теплый картузъ, и такимъ образомъ мы отправились съ нимъ. Это было въ Воскресенье. Выйдя изъ воротъ дома (по Фонтанкѣ, гдѣ нынѣ зданіе Министерства Путей Сообщенія), мы повернули направо и шли пѣшкомъ до самой Вознесенской улицы, гдѣ на углу взяли извощика, который по Вознесенской довезъ насъ до самой Адмиралтейской площади. Мы заботились только о томъ, какъ бы въ этой почти сплошной массѣ народа не потерять другъ друга.

Когда обошли мы всю площадь и достаточно насмотрѣлись на кривлянья балаганныхъ паясовъ, выходившихъ съ музыкою для потѣхи публики на балконы, князь Путятинъ спросилъ меня: «въ который изъ балагановъ желаешь войти посмотрѣть?» Вопросъ его поставилъ меня въ затрудненіе, и я рѣшился предоставить выборъ на его усмотрѣніе. Какъ разъ въ это время мы приближались къ балагану Лемана, внутри котораго гремѣла музыка и раздавались частые и оглушительные выстрѣлы. Мы остановились, чтобы посмотрѣть, что̀ творится тутъ. Почти сплошная масса народа уже толпилась около входныхъ дверей балагана. Не безъ труда протискались мы впередъ и очутились около кассы, гдѣ продавались билеты. Князь спросилъ: «Можно войти теперь въ балаганъ?» Продающій билеты отвѣчалъ: «Сейчасъ кончается представленіе, и когда выдетъ оттуда публика, тогда будутъ впускать въ балаганъ новую, и начнется новое представленіе. Ежели угодно, вы можете взять теперь билеты». Князь взялъ два билета во вторыхъ мѣстахъ и, показывая ихъ мнѣ, сказалъ:

«посмотримъ прежде, что у Лемана дѣлается, а потомъ если успѣемъ, побываемъ и въ другомъ балаганѣ».

Балаганъ Лемана въ то время былъ одинъ изъ самыхъ большихъ на Адмиралтейской площади и славился забавными представленіями, самыми затѣйливыми и комическими превращеніями. Построенъ онъ былъ такимъ образомъ: главный фасадъ балагана былъ обращенъ на Адмиралтейскую площадь, сцена находилась въ концѣ зданія къ сторонѣ дворца, затѣмъ шли мѣста, устроенныя амфитеатромъ, такъ что третьи мѣста приходились почти подъ самою крышею. Кассы и входныя двери въ балаганъ находились со стороны Адмиралтейства; а выходы, въ противоположной сторонѣ къ Гороховой улицѣ и къ зданію бывшихъ губернскихъ присутственныхъ мѣстъ. Для входа и выхода, какъ во вторыя, такъ и въ третьи мѣста, были устроены лѣстницы. Лѣстницы эти, въ особенности для мѣстъ третьяго класса, были очень высоки и круты. Всѣ двери, какъ входныя, такъ и выходныя, отворялись во внутрь балагана, который былъ огромнаго размѣра и построенъ изъ тонкаго сухаго дерева; наружныя стѣны были обшиты тесомъ и окрашены клеевою краскою.

Намъ пришлось недолго ожидать впуска въ балаганъ. Лишь только отворились входныя двери, публика, заранѣе запасшаяся билетами, всею массою бросилась въ него занимать мѣста. А такъ какъ я и князь стояли впереди, то намъ легко было проникнуть одnимъ изъ первыхъ и размѣститься на болѣе удобныхъ впереди и противъ самой сцены мѣстахъ. Вторыя мѣста не отличались особеннымъ удобствомъ; они, также какъ и третьи, устроены были изъ сплошныхъ деревянныхъ ничѣмъ непокрытыхъ скамеекъ съ тѣмъ небольшимъ различіемъ, что скамейки втораго класса имѣли спинки. Мы усѣлись рядомъ, такъ что я сидѣлъ съ правой руки отъ князя къ сторонѣ выхода. Публика быстро наполнила балаганъ, и я помню, какъ князь при его живомъ, веселомъ характерѣ, наблюдая за входящими, острилъ и дѣлалъ о нихъ пресмѣшныя замѣчанія. Балаганъ совершенно переполнился зрителями. Наконецъ музыка заиграла. Въ это самое время князь Путятинъ, обратясь ко мнѣ, сказалъ: «А что, братъ Дмитрій, думаетъ ли въ это самое время нашъ старикъ Андрей Ильичъ (мой отецъ), что я и сынъ его сидимъ въ балаганѣ?» Лишь только произнесъ онъ эти слова, какъ на сцену съ правой стороны изъ подъ занавѣса выскочилъ какой-то человѣкъ и громко закричалъ: «Господа, пожаръ, горимъ!» и сейчасъ же исчезъ. Въ балаганѣ сдѣлалась суматоха: многіе вскочили съ мѣстъ, а большая часть зрителей, думая, что Леманъ потѣшается надъ публикой, начали громко смѣяться и кричать: браво! Но въ этотъ самый мигъ, откуда-то повторился новый, неистовый крикъ: «Пожаръ, горимъ, спасайтесь!» Тогда всѣ бросились съ своихъ мѣстъ, и вотъ тутъ-то сдѣлался страшный переполохъ. Никто никого не щадилъ; другъ друга сбивали съ ногъ, одинъ другаго давилъ, толкалъ, пробиваясь къ дверямъ и думая найти тамъ для себя спасеніе. А между тѣмъ со сцены показалось уже пламя, и весь балаганъ въ нѣсколько мгновеній наполнился дымомъ.

При первомъ крикѣ со сцены, ни я, ни князь не трогались съ мѣстъ, полагая точно также, какъ и другіе, что заявленіе это есть шуточное; но послѣ втораго отчаяннаго крика, я бросился въ правую сторону къ выходнымъ дверямъ. Движеніе мое было до того быстро, что я не замѣтилъ, послѣдовалъ ли князь Путятинъ туда, или бросился въ противоположную сторону. Но почему-то показалось, что онъ находится возлѣ меня.

Трудно представить себѣ что нибудь ужаснѣе того страшнаго хаоса, который происходилъ въ балаганѣ; каждый искалъ возможности спастись, и каждый всею своею силою напиралъ на двери, забывая, что тѣмъ самымъ еще болѣе заграждалъ путь къ спасенію: на погибель несчастныхъ, всѣ двери отворялись во внутрь.

Меня придавили и стиснули такъ, что не только пошевельнуться, но и закричать было нельзя, чтобы облегчить боль въ груди. Въ это время я уже не стоялъ на ногахъ, а весь мой корпусъ какъ будто прилипъ къ какой-то живой массѣ, по волѣ которой я безсознательно двигался то въ одну, то въ другую сторону, то подымался, то опускался, не имѣя возможности сдѣлать какое либо движеніе. Густой дымъ разъѣдалъ мнѣ глаза, и кромѣ нестерпимой горечи во рту я чувствовалъ какъ сжималось горло. Силы меня совсѣмъ оставляли, и я начиналъ приходить въ совершенное изнеможеніе.

Сколько времени несчастная толпа боролась около запертыхъ дверей, опредѣлить не могу; но въ тотъ самый моментъ когда я созналъ неизбѣжную погибель, и когда понялъ, что спасенія ни откуда ожидать нельзя, съ шумомъ и съ трескомъ что-то обрушилось, и я вмѣстѣ съ толпою полетѣлъ внизъ. Тутъ я почувствовалъ, что лежу на чемъ-то мягкомъ, и страшная тяжесть давитъ меня сверху. Сдѣлалось мнѣ въ этомъ положеніи еще хуже прежняго. Нестерпимая боль во всѣхъ членахъ мучила меня страшно; я употреблялъ всѣ усилія, чтобы повернуться и тѣмъ измѣнить свое невыносимое положеніе, но пошевельнуться не могъ. Пробовалъ молиться и также не могъ: отъ сильной боли въ груди я только стоналъ. Вскорѣ почувствовалъ я круженіе въ головѣ, тошноту, а въ слѣдъ за этимъ потерялъ всякое сознаніе.

Вдругъ окружила меня свѣжесть воздуха; я сталъ приходить въ себя и увидѣлъ, что лежу на тротуарѣ окруженный какими-то незнакомыми людьми, ухаживающими за мною, и между ними офицера, болѣе другихъ заботливо хлопотавшаго около меня.

Вотъ какъ впослѣдствіи объяснили мнѣ мое спасеніе. Когда внутреннія двери въ балаганѣ удалось какимъ-то чудомъ выломать, а съ ними выбрать и нѣсколько досокъ изъ стѣны (что̀ сдѣлалось только тогда, когда балаганъ уже горѣлъ), то отъ сильнаго напора людей, инстинктивно искавшихъ спасенія, впереди стоящіе у стѣны и дверей упали внизъ, а съ ними и я также; но тамъ была еще другая наружная стѣна съ дверями, составлявшая нѣчто въ родѣ галлереи. Несчастный и внезапный случай пожара до такой степени навелъ паническій страхъ на народъ, что, не взирая на тысячи людей, находившихся въ это время на площади, ни одинъ не рѣшился броситься

ломать стѣны балагана. Одни говорили, что въ этомъ была виновата полиція, не допускавшая никого къ балагану до прибытія пожарной команды; другіе объясняли это просто тѣмъ, что народъ въ то время совсѣмъ растерялся отъ испуга. Ежели бы при самомъ началѣ нашлось нѣсколько отважныхъ людей, которые рѣшились бы броситься къ балагану и разобрать въ стѣнѣ нѣсколько досокъ, чтобы тѣмъ самымъ освободить тѣхъ, до которыхъ не достигало еще пламя, но которые прижались къ стѣнамъ и задыхались отъ дыму, то вѣроятно не было бы столько несчастныхъ жертвъ, сколько оказалось ихъ впослѣдствіи. Въ то время всѣ единогласно обвиняли полицію въ излишнемъ ея усердіи и вмѣшательствѣ, говоря, что она, упорно отстаивая свои права, оцѣпила балаганъ и не допускала къ нему никого до прибытія пожарныхъ и воинскихъ командъ. Но къ сожалѣнію пожарныя команды явились на мѣсто, когда половина балагана уже сгорѣла; поэтому на долю ихъ досталось не тушить огонь, а вытаскивать изъ огня несчастныя жертвы пламени. Изъ подъ груды мертвыхъ тѣлъ вытащили меня на тротуаръ, такъ какъ во мнѣ кто-то замѣтилъ нѣкоторые признаки жизни. Но кто именно былъ моимъ спасителемъ, никогда я впослѣдствіи не могъ узнать.

Я очнулся въ самомъ растерзанномъ видѣ: тесакъ и киверъ какимъ-то чудомъ находились при мнѣ, но сломанные. Это привело меня въ ужасъ. Я вспомнилъ, что со мною въ балаганѣ былъ князь Путятинъ и сталъ оглядываться во всѣ стороны, отыскивать его глазами, сталъ спрашивать окружающихъ: не видѣлъ ли кто моего дяди? Не только никто не далъ мнѣ никакого отвѣта, но стали смотрѣть на меня недовѣрчиво и съ какимъ-то удивленіемъ. Каждый смотрѣлъ на меня съ особеннымъ сожалѣніемъ какъ на помѣшаннаго. Всѣ съ участіемъ стали уговаривать меня, чтобъ я ѣхалъ поскорѣе домой; а добрый офицеръ, убѣждая меня къ этому тѣмъ, что дядя давно уже дома и ожидаетъ меня, вызвался даже быть моимъ провожатымъ. На такое предложеніе я не могъ не согласиться, и мы поѣхали вмѣстѣ. Но каковъ былъ мой ужасъ, когда въ квартирѣ заявили, что князь Путятинъ съ тѣхъ поръ, какъ уѣхалъ со мною, домой болѣе не возвращался. Тутъ только сопровождавшій меня офицеръ понялъ, что вопросъ мой о дядѣ не былъ сдѣланъ въ припадкѣ помѣшательства, а что дѣйствительно князь Путятинъ присутствовалъ со мною въ сгорѣвшемъ балаганѣ и неизвѣстно куда дѣвался. Тогда онъ предложилъ мнѣ ѣхать съ нимъ снова на площадь, обѣщая свое содѣйствіе къ розысканію князя.

Лишь только вступили мы на площадь, гдѣ происходилъ страшный хаосъ, и приблизились къ мѣсту пожарища, глазамъ моимъ представился весь адъ этого чудовищнаго зрѣлища.

Балаганъ весь обрушился, и вся масса обвалившихся бревенъ, досокъ, растасканныхъ въ разныя стороны пожарною командою, съ трескомъ догорала; кое-гдѣ еще торчали на мѣстахъ столбы, поддерживавшіе основаніе и крышу балагана; нѣкоторые изъ нихъ уже догорали, тихо пылая какъ свѣчки; другіе, залитые водою, совершенно обуглившіеся, стояли какъ черныя тѣни.

Государь и великій князь Михаилъ Павловичъ находились уже на мѣстѣ пожара и лично распоряжались, отдавая приказанія окружавшей ихъ свитѣ. Множество солдатъ различныхъ полковъ присутствовали здѣсь: одни помогали пожарнымъ командамъ въ ихъ работѣ; другіе, въ аммуниціи и съ ружьями, оцѣпляли все пространство трагическаго мѣста, не допуская никого изъ посторонних проходить сквозь цѣпь.

Насколько было возможно, я приблизился вмѣстѣ съ офицеромъ къ цѣпи солдатъ, отдѣляющей живой народъ отъ чудовищнаго кладбища, и къ ужасу своему увидѣлъ, какъ солдаты пожарной команды баграми и крючьями вытаскивали изъ подъ горѣвшихъ бревенъ людей, погибшихъ въ огнѣ. Такіе трупы складывались на легковыя извощичьи сани, которыя и перевозили ихъ въ зданіе Адмиралтейства, гдѣ въ торопяхъ и кое-какъ валили ихъ въ кучу. Кто обнаруживалъ признаки жизни (такихъ было немного), тотчасъ отправляемъ былъ въ ближайшую больницу.

Стоя такъ близко отъ этой раздирающей душу картины и видя предъ собою страшный способъ вытаскиванія и перетаскиванія этихъ обезображенныхъ труповъ, въ каждой изъ такихъ обуглившихся черныхъ фигуръ я старался распознать князя Путятина и порывался броситься впередъ, но меня удерживали. Всѣ мои поиски были безполезны. Между тѣмъ организмъ мой до того былъ потрясенъ, а нервы до того ослабѣли, что я разрыдался и пришелъ въ совершенное изнеможеніе. Тогда офицеръ отвелъ меня на тротуаръ, посадилъ и далъ выпить воды.

Во мнѣ все-таки было желаніе разыскать князя. Но гдѣ его искать? Идти въ Адмиралтейство и искать въ трупахъ сложенныхъ туда я не смѣлъ, остерегаясь попасться въ такомъ разстерзанномъ видѣ на глаза Государю или великому князю. Тогда пришла мнѣ мысль еще разъ съѣздить на квартиру и узнать, не былъ ли князь тамъ. Я разсуждалъ такъ: князь Путятинъ былъ слишкомъ силенъ, чтобы не пробиться въ толпѣ и не выскочить изъ балагана. Если мнѣ удалось спастись, то онъ и подавно не долженъ сгорѣть. Съ другой стороны, меня смущало то, что его нигдѣ не было видно. Если бы онъ былъ живъ, вѣроятно онъ разыскивалъ бы меня повсюду.

Добрый офицеръ, слушая такіе мои доводы и видя меня въ большомъ горѣ, вѣроятно сообразилъ, что князя нѣтъ въ живыхъ, и сталъ уговаривать не ѣздить на квартиру, а явиться прямо въ Корпусъ, и успокоивалъ тѣмъ, что князь живъ и вѣроятно, если не сегодня, то завтра явится къ намъ въ Корпусъ. Мнѣ ничего не оставалось дѣлать, какъ послушаться добраго совѣта, и вотъ, съ поломаннымъ тесакомъ и съ пробитымъ киверомъ, долженъ былъ я явиться къ своему ротному командиру, ожидая со страхомъ неминуемаго взысканія за свое появленіе въ такомъ безобразномъ видѣ. Однако, онъ довольно спокойно выслушалъ весь разсказъ о постигшемъ меня несчастьи, и судя потому, что онъ часто пожималъ плечами, вѣроятно на лицѣ моемъ былъ явный отпечатокъ душевныхъ страда-

ній. почему онъ и ограничился только тѣмъ, что приказалъ идти въ роту и лечь въ постель.

Между тѣмъ великій князь Михаилъ Павловичъ, съ мѣста самаго пожара, разослалъ своихъ адъютантовъ по всѣмъ кадетскимъ корпусамъ узнать, не было ли кого изъ кадетъ въ балаганѣ Лемана. А такъ какъ моему начальству было уже извѣстно, что я былъ тамъ и только что явился съ пожара, то чрезъ посланнаго адъютанта было доложено объ этомъ его высочеству. Оказалось, что изъ всѣхъ военно-учебныхъ заведеній одинъ я попалъ въ балаганъ Лемана.

На другой день утромъ, великій князь пріѣхалъ въ Корпусъ и какъ только вошелъ въ нашу роту, потребовалъ меня. Со страхомъ подошелъ я къ нему. Онъ началъ такъ: «Разскажи, какъ и съ чего начался пожаръ; а главное объясни, какимъ чудомъ выскочилъ ты оттуда». Стоя передъ его высочествомъ, какъ говорится въ струнку, все что могъ сообразить и припомнить, я разсказалъ. Но все таки я чувствовалъ, что мысли и слова мои путались. Великій князь все время слушалъ со вниманіемъ и нѣсколько разъ ободрялъ меня. Когда разсказъ мой кончился, онъ потрепалъ меня по плечу и произнесъ слѣдующее: «Не унывай преждевременно; можетъ быть, дядя твой найдется». А за тѣмъ, обратясь къ окружающимъ, сказалъ: «Вчерашній пожаръ надѣлалъ много бѣдъ. Нужно только удивляться, какъ онъ выскочилъ оттуда».

Вскорѣ по отъѣздѣ великаго князя, пріѣхалъ къ намъ Государь и лишь только вступилъ въ спальныя комнаты нашей роты, гдѣ каждый изъ кадетъ стоялъ у своей кровати, потребовалъ меня къ себѣ. Трудно объяснить, какое чувство испытывалъ я въ эти минуты. Какъ будто всего меня проникло лихорадочное состояніе, грудь сжималась, и по всему тѣлу пробѣгала непонятная дрожь; но я старался не поддаваться ни страху, ни внутреннему изнеможенію и бодро подошелъ къ Государю. Однако, какъ видно, Государь замѣтилъ ненормальное мое состояніе и, милостиво положивъ свою руку на мое плечо, изволилъ сдѣлать слѣдующій вопросъ: «Ты былъ вчера въ балаганѣ Лемана? Какъ ты туда попалъ?»—Точно такъ, Ваше Императорское Величество, былъ, вмѣстѣ съ дядей; но не помню, какъ я оттуда выскочилъ и куда дѣвался дядя, также не знаю».

Послѣ этого, Государь изволилъ сказать: «припомни и разскажи мнѣ все, какъ было». Я старался не пропустить ни малѣйшей подробности въ своемъ разсказѣ; но какъ видно, онъ не былъ послѣдователенъ и достаточно связенъ, потому что Государь не разъ прерывалъ своими вопросами, наводя тѣмъ на послѣдовательность. Когда же разсказъ приходилъ къ концу и когда пришлось говорить о томъ, какъ я упалъ и какъ потомъ очутился подъ тяжестію груды несчастныхъ, задохшихся отъ дыму, Государь изволилъ сказать слѣдующее: «Большое чудо, что ты не погибъ. Ты долженъ усердно молиться Богу». Потомъ изволилъ спросить: «Гдѣ сидѣлъ твой дядя?»—«Рядомъ со мною, Ваше Императорское Величество». «Развѣ ты не видѣлъ, куда онъ бросился въ то время, когда ты бросился къ дверямъ?»—«Никакъ нѣтъ. Но мнѣ все казалось, что онъ былъ около

меня». «У князя Путятина есть дѣти?» спросилъ Государь.—Есть В. И. Величество; но не могу доложить, сколько. Государь, потрепавъ меня по щекѣ, изволилъ произнести слѣдующее: «Молись усердно Богу и помни, что Онъ далъ тебѣ новую жизнь. Не сокрушайся о дядѣ; можетъ быть, онъ еще живъ. Я прикажу разыскать его». Съ этими словами Государь еще разъ потрепалъ меня по щекѣ; но на этотъ разъ я успѣлъ уловить минуту, чтобы поцаловать руку его.

Забывъ горе, я чувствовалъ счастіе и восторгъ этой минуты. Она на вѣки запечатлѣлась въ моей памяти.

Однако несчастнаго князя Путятина нигдѣ не могли разыскать. Онъ сгорѣлъ безслѣдно. Впослѣдствіи мнѣ говорили, что въ грудѣ труповъ будтобы нашли руку, на пальцахъ которой оказалось два кольца, принадлежавшія ему. Хотя дѣйствительно князь Путятинъ носилъ на правой рукѣ, кажется на второмъ пальцѣ отъ мизинца, обручальное кольцо и на большомъ указательномъ какой-то перстень; но трудно предположить, чтобы эти кольца были именно его, и нельзя допустить, чтобы могла быть отыскана одна только уцѣлѣвшая и отдѣлившаяся отъ туловища рука.

Спустя нѣкоторое время, не припомню кто именно изъ нашихъ корпусныхъ офицеровъ вручилъ мнѣ записку, въ которой говорилось, что Государь Императоръ соизволилъ пожаловать вдовѣ князя Путятина, сгорѣвшаго въ балаганѣ Лемана, единовременное денежное пособіе и сверхъ того принять двухъ малолѣтнихъ сиротъ дочерей его въ Смольный монастырь на казенный счетъ съ назначеніемъ каждой капитала съ вкладомъ въ кредитное установленіе впредъ до выхода ихъ изъ института. Записку эту я тогда же препроводилъ къ отцу моему, описавъ ему и всѣ подробности катастрофы, пережитой мною. Отецъ, отвѣчая на мое письмо, между прочимъ писалъ слѣдующее: «Радуюсь, что Государь Императоръ изволилъ узнать чрезъ тебя объ этомъ бѣдномъ и несчастномъ семействѣ. Судьба неисповѣдима: видно, было суждено князю Путятину погибнуть такою ужасною смертію. Жаль покойнаго,—онъ былъ добрый человѣкъ. Но нѣтъ худа безъ добра: ежели бы онъ оставался живъ, семейство его по прежнему терпѣло бы крайнюю нужду, и дѣти не имѣли бы никакого образованія; а теперь, по милости Государя, они во всемъ обезпечены».

Прошло съ тѣхъ поръ около 30 лѣтъ; кажется, въ 1861 году я былъ по дѣламъ службы въ Ржевѣ. По утру доложили мнѣ, что пріѣхала княжна Путятина и желаетъ меня видѣть. Зная, что въ Ржевскомъ уѣздѣ фамиліи Путятиныхъ проживаетъ много, я былъ далекъ отъ мысли встрѣтиться лицемъ къ лицу съ дочерью того князя, который въ глазахъ моихъ такъ трагически погибъ. Я приказалъ просить. Дверь отворилась, и вошла молодая, стройная женщина съ прекрасными черными глазами, одѣтая просто, но со вкусомъ и съ манерами самыми изящными; предлагая ей стулъ, я спросилъ: «какому случаю обязанъ я видѣть васъ у себя?» Княжна не сѣла, а прямо и непринужденно подойдя ко мнѣ, взяла меня за руку и, крѣпко пожавъ ее, самымъ взволнованнымъ голосомъ произнесла слѣдующее: «Я дочь того самаго князя Лаврентія Алексѣевича Путятина, который вмѣстѣ съ вами былъ въ балаганѣ Лемана и ко-

торый погибъ тамъ. Давно я искала случая, чтобы видѣть васъ и благодарить за свое существованіе. По милости Государя, я воспитывалась въ Смольномъ монастырѣ и по выходѣ оттуда получила денежныя средства; но, не имѣя собственнаго угла, рѣшилась дѣлиться своими познаніями съ другими и идти въ гувернантки. Благодаря Бога, я устроилась въ добромъ семействѣ, въ которомъ меня полюбили и гдѣ я обезпечена и довольна своимъ положеніемъ. Я хорошо понимаю, что ежели бы не случайное ваше спасеніе, о которомъ тогда же изволилъ узнать Государь, о погибели моего отца никто никогда бы не узналъ, и мы оставались бы безъ него въ полной нищетѣ. Вотъ что заставило меня искать случая видѣть васъ. Конечно, всѣ мои изліянія въ благодарности къ вамъ будутъ слишкомъ слабы въ сравненіи съ тѣмъ, чѣмъ переполнены мои чувства; но могу завѣрить въ одномъ, что я никогда не перестаю молиться за васъ».

Какъ ни старался я подавить въ себѣ внутреннюю тревогу, но не могъ. Въ одинъ мигъ воскресло во мнѣ давно прошедшее, и адская картина страшнаго пожара со всѣми ея ужасами предстала предо мною. Когда тяжелыя воспоминанія немного улеглись, и когда увидѣлъ я, что княжна собиралась оставлять меня, я взялъ ее за руку и, крѣпко сжавъ ее, сказалъ: «Прошу васъ, княжна, не думать, чтобы я когда нибудь могъ быть участникомъ въ устройствѣ судьбы вашей. Положеніе и счастье ваше устроены покойнымъ Государемъ Императоромъ. А я, напротивъ, считаю себя виновникомъ въ погибели вашего отца: безъ меня, можетъ быть, онъ вовсе не былъ бы въ балаганѣ и не подвергся тяжелой участи. Но ежели Всевышнему угодно было послать ему такую трагическую смерть, то за всѣ щедрости и милости оказанныя вашей семьѣ, вы обязаны молиться только за того, кто призрѣлъ васъ, кто никогда не останавливался протягивать руку помощи несчастнымъ». Мы расстались съ княжной, и съ тѣхъ поръ я никогда не встрѣчался съ ней. **Дмитрій Чаплинъ.**

Гомбургъ, $^{6}/_{18}$ Сентября 1874.

*

Приводимъ описаніе этого бѣдствія, появившееся въ тогдашнихъ газетахъ

Вчерашняго числа, 2-го Февраля, въ Воскресенье, начались здѣсь народныя увеселенія на Адмиралтейской площади, по случаю наступленія Сырной недѣли. Но этотъ первый день праздниковъ ознаменованъ былъ большимъ несчастіемъ: сгорѣлъ большой балаганъ Лемана, и при семъ случаѣ погибло значительное число людей. Для прекращенія ложныхъ толковъ и предупрежденія преувеличенныхъ, опишемъ дѣло, какъ оно происходило, во всей точности, по сообщеннымъ намъ оффиціальнымъ свѣдѣніямъ. Это было въ началѣ пятаго часа пополудни. Въ балаганѣ Лемана началось представленіе. Вдругъ дѣйствующіе въ пантоминѣ актеры, одѣваясь въ отдѣльной каморкѣ, увидѣли, что отъ одной лампы, слишкомъ высоко повѣшенной, загорѣлись стропила. Желая заблаговременно предостеречь публику, подняли занавѣсъ, чтобъ показать ей приближающуюся опасность. Въ тоже время открыты были настежъ восемь широкихъ дверей, и всѣ зрители, находившіеся въ креслахъ, въ первыхъ и во вторыхъ мѣстахъ, выбрались заблаговременно. И остальные могли бы выйти

безъ вреда, еслибъ при томъ не случилось неизбѣжной въ такомъ случаѣ суматохи. Пламя появилось съ правой стороны балагана (если смотрѣть отъ зданія присутственныхъ мѣстъ), и на этой же сторонѣ были широкіе выходы; но зрители, наполнявшіе амфитеатръ, всѣ бросились влѣво, по узкимъ лѣстницамъ, къ тѣснымъ дверямъ. Шедшіе впереди были сбиты съ ногъ задними; эти были опрокидываемы въ свою очередь. Такимъ образомъ дверь вскорѣ загромоздилась, и нельзя было найти выходу. Упадшіе задыхались отъ напора другихъ. Между тѣмъ пламя обхватило весь балаганъ; крышка обрушилась и покрыла толпу горящими головнями. Изъ четырехъ сотъ человѣкъ слишкомъ, наполнявшихъ балаганъ, лишились жизни 121 человѣкъ мужескаго пола и 5 женщинъ, всего 126 человѣкъ; десятеро тяжело ушибены, но подаютъ надежду къ выздоровленію.

Въ семъ ужасномъ случаѣ утѣшительна мысль, что не было упущено ни малѣйшаго средства къ спасенію погибавшихъ, къ облегченію страданія раненыхъ, къ успокоенію жителей столицы. При первомъ появленіи дыма, пожарныя команды прискакали одна за другою и употребляли всѣ способы къ спасенію застигнутыхъ пламенемъ. Имъ на помощь подоспѣли команды гвардейскихъ полковъ, по близости расположенныхъ, Конной Гвардіи, Преображенскаго, Павловскаго. Въ одно время съ первою пожарною командою Государь Императоръ изволилъ прибыть на мѣсто бѣдствія, принялъ въ судьбѣ страждущихъ истинно родительское участіе, распоряжалъ всѣми мѣрами спасенія и оставилъ пожарище не прежде того какъ было отыскано и вытащено послѣднее тѣло. Трупы лишившихся жизни отвезены въ лѣтнія палаты Градской Обуховской больницы [1], гдѣ родственники и знакомые могутъ отыскать ихъ. Людей, подававшихъ признаки жизни, немедленно перенесли въ зданіе Адмиралтейства, гдѣ отведены были для нихъ особыя комнаты. Въ туже минуту, по первому призыву, явились отовсюду врачи для поданія помощи. Народная толпа, покрывавшая Адмиралтейскую площадь, возрасла до многихъ десятковъ тысячъ; въ этой толпѣ, не удерживаемой никакими иными средствами кромѣ присутствія Государя и чувства великаго бѣдствія, не произошло ни малѣйшаго безпорядка. Народъ безмолвно разступался широкою улицею для пропуска трубъ, саней для перевозки раненыхъ, убитыхъ и т. д., такимъ образомъ, что до наступленія ночи приняты и исполнены были всѣ нужныя мѣры, съ успѣхомъ, какого только можно было ожидать въ сихъ плачевныхъ обстоятельствахъ.

*

Немногимъ извѣстно, что В. А. Жуковскій (жившій тогда въ Зимнемъ дворцѣ) подалъ голосъ о необходимости отслужить панихиду по сгорѣвшимъ людямъ. Государь Николай Павловичъ благодарилъ Жуковскаго за эту мысль, и панихида была отслужена на самомъ пожарищѣ. *П. Б.*

---

[1] Въ теченіе 5-го Февраля всѣ сіи тѣла разобраны явившимися туда ихъ родственниками и домашними.

1876 ГОДЪ. КНИГА ПЕРВАЯ.

Автобіографія графа **С. Р. Воронцова**. Опала графа **Н. П. Панина** при Павлѣ. Вѣсти изъ Россіи въ Англію (Письма графа **Ростопчина**. 1791—1796). Политическая автобіографія князя **Адама Чарторыжскаго**. Французы въ Москвѣ въ 1812 году. Сочиненіе **А. Н. Попова**. Выдержки изъ Старой Записной Книжки. Объ отмѣнѣ крѣпостнаго права, статья **А. С. Хомякова**. Письмо князя **П. А. Вяземскаго** объ Н. И. Тургеневѣ. Цѣна 2 рубля.

1876 ГОДЪ. КНИГА ВТОРАЯ.

Французы въ Москвѣ въ 1812 году, сочиненіе **А. Н. Попова**. Вѣсти изъ Россіи въ Англію въ царствованіе Павла Петровича (Письма графа **Ростопчина**. 1799 годъ). Выдержки изъ Старой Записной Книжки. — Записки Польскаго епископа **Буткевича** (Разговоры съ императоромъ Николаемъ и папою Піемъ IX). Жуковскій въ Парижѣ, статья князя **П. А. Вяземскаго**. Цѣна 3 рубля.

1876 ГОДЪ. КНИГА ТРЕТЬЯ.

Графъ Алексѣй Григорьевичъ Бобринскій, его переписка съ Екатериною II-ю. Вѣсти изъ Россіи въ Англію въ царствованіе Павла Петровича (Письма графа **Ростопчина** 1800 и 1801 года). Французское нашествіе: письма **И. М. Муравьева-Апостола**. Сборникъ стихотвореній **Пушкина**. Разсказы объ Ярославской старинѣ **Л. Н. Трефолева**. Записка графа **С. Р. Воронцова** о Русскомъ войскѣ. Цѣна 3 рубля.

Тамъ же можно получать четыре тома Осмнадцатаго Вѣка и два тома Девятнадцатаго Вѣка, по три рубля каждый.

Лица, желающія выписать 1873, 1874, 1875 и 1876 годы Русскаго Архива и томы Осмнадцатаго и Девятнадцатаго Вѣковъ за пересылку ничего не прилагаютъ.

ТАМЪ ЖЕ

(ПО ОДНОМУ РУБЛЮ, ПЕРЕСЫЛКА ЗА ОДИНЪ ФУНТЪ)

ИСТОРІЯ СЕРБІИ

ПО СЕРБСКИМЪ ИСТОЧНИКАМЪ,

сочиненіе профессора Ранке. Переводъ П. И. Бартенева.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

РУССКІЙ АРХИВЪ

ВЪ 1878 ГОДУ.

(ГОДЪ ШЕСТНАДЦАТЫЙ).

Цѣна годовому изданію Русскаго Архива 1878 года имѣющаго выходить, *по мѣрѣ отпечатанія,* двѣнадцатью тетрадями (изъ коихъ каждыя четыре тетради составятъ особую книгу, съ отдѣльнымъ счетомъ страницъ и азбучнымъ указателемъ) какъ въ Москвѣ и Петербургѣ, съ доставкою на домъ, такъ и съ пересылкою иногороднымъ подписчикамъ

ВОСЕМЬ РУБЛЕЙ.

Желающіе получать Русскій Архивъ въ 1878 году доставляютъ **восемь** рублей, съ приложеніемъ четко-написаннаго мѣста своего жительства, *въ Москву, на Никитскій бульваръ, въ домъ Дюгамеля, въ Контору Русскаго Архива.*

Кромѣ того, въ С.-Петербургѣ подписка на Русскій Архивъ принимается на Большой Морской, № 11, въ Главной Конторѣ газеты Русскій Міръ.

Отвѣтственность за исправную доставку принимается лишь въ томъ случаѣ, если подписка была сдѣлана въ вышеуказанныхъ мѣстахъ.

Заграничные подписчики платятъ въ Германію 10 рублей, въ Бельгію, Францію, Швейцарію и Италію 11 рублей.

За перемѣну адреса Московскаго на иногородній платится 64 копѣйки, иногородняго на Московскій—50 копѣекъ; Московскаго на Московскій или иногородняго на иногородній—10 копѣекъ.

Составитель и Издатель Русскаго Архива

Петръ Бартеневъ.

Русскій Архивъ будетъ выходить въ 1878 году на прежнихъ основаніяхъ.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1877. ИЗДАВАЕМЫЙ 11.

Петромъ Бартеневымъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

МОСКВА.
Типографія Лебедева, на Донской улицѣ, домъ Зоркиной.
1877.

Въ Конторѣ Русскаго Архива, въ Москвѣ, на Никитскомъ бульварѣ, въ домѣ Дюгамеля, можно получать оставшіеся экземпляры 1873—1876 годовъ Русскаго Архива

(Въ 1873 и 1874 годахъ Русскій Архивъ составлялъ по двѣ большія книги, а въ 1875 и 1876 годахъ по три).

1873 ГОДЪ. КНИГА ПЕРВАЯ.

Біографія князя Г. Г. Орлова. — Письма о Франціи, **князя Куракина**, 1810 г.—Письма **Жуковскаго** о воспитаніи Государя Императора Александра Николаевича. — Письмо **жениха-Пушкина** къ его тещѣ.—Политическія записки **Ѳ. И. Тютчева**.—Записки **графа П. Х. Граббе**.—Записки **Н. И. Греча**.—Записки **графа І. И. Ростовцева**.—Записки **И. П. Сахарова**.—Записки **И. А. Шестакова**. Цѣна 4 рубля.

1873 ГОДЪ. КНИГА ВТОРАЯ.

Записки **Фокерода** о Петрѣ Великомъ. — Бумаги **П. А. Демидова**.—Е. И. Нелидова. — Донесенія изъ Франціи **графа А. И. Маркова**.—Записки о 1812 годѣ, **П. А. Тучкова**.—Записки **Фотія**.—Записки **А. Я. Стороженки**.—Воспоминанія **графини А. Д. Блудовой**.—Россія и Германія, статья **Ѳ. И. Тютчева**. — Выдержки изъ Старой Записной Книжки. Цѣна 4 рубля.

*

1874 ГОДЪ. КНИГА ПЕРВАЯ.

Письма **В. А. Жуковскаго** къ Императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ о первой молодости Государя Императора Александра Николаевича.—Пятьдесятъ писемъ **А. С. Пушкина** къ князю П. А. Вяземскому съ новыми стихами А. С. Пушкина.—Записки **Мессельера** о пребываніи его въ Россіи съ Мая 1757 по Мартъ 1759.—Письма **лорда Мальмсбюри** о Россіи въ царствованіе Екатерины II-й.—Записки **князя Ѳеодора Николаевича Голицына**.—Записки **Хршонщевскаго**.—Записки **Ильи Ѳедоровича Тимковскаго**. — Воспоминанія **графини А. Д. Блудовой**.—Уроки исторіи, статьи **Д. И. Иловайскаго** (Мнимые охранители). Съ гравированнымъ портретомъ князя В. Ѳ. Одоевскаго. Цѣна 4 рубля.

1874 ГОДЪ. КНИГА ВТОРАЯ.

Письма **Д. В. Волкова** къ Г. Г. Орлову о Петрѣ Третьемъ. — Письмо **Императора Павла** къ С. А. Колычову и тайный наказъ о переговорахъ съ Бонапартомъ.—Два письма **графа Н. И. Панина** къ его супругѣ въ Москву о первыхъ недѣляхъ царствованія Александра Павловича.—Два письма изъ Лондона отъ **графа С. Р. Воронцова** къ графу Н. П. Панину и къ императору Александру.—Записки **Н. И. Лорера**.—Семь стихотвореній **С. А. Соболевскаго** — Ѳедоръ Ивановичъ Тютчевъ, статья **И. С. Аксакова**. Съ гравированнымъ портретомъ Тютчева. Цѣна 4 рубля.

*

1875 ГОДЪ. КНИГА ПЕРВАЯ.

Записки сенатора **Е. Ѳ. Фонъ-Брадке**.—Воспоминанія **графини Блудовой**.—Старая Записная Книжка.—Письма **императора Александра Павловича** къ князю Васильчикову. — Записки и бумаги **И. Б. Пестеля**. Цѣна 3 рубля.

1875 ГОДЪ. КНИГА ВТОРАЯ.

Сказаніе о Коліевщинѣ **М. А. Максимовича**.—Бумаги **князя Васильчикова**.—Старая Записная Книжка.—Москва въ 1812 году, сочиненіе **А. Н. Попова**. Цѣна 2 рубля.

1875 ГОДЪ. КНИГА ТРЕТЬЯ.

Москва въ 1812 году. Сочиненіе **А. Н. Попова**.—Записка **графа Ростопчина** о Мартинистахъ. — Первоначальное образованіе Петра Великаго.—Бумаги **Жуковскаго и князя Васильчикова**. Цѣна 3 рубля.

*

(См. на внутренней сторонѣ задней обертки).

Посольство князя Алексѣя Борисовича Куракина къ Наполеону Первому.

1810 годъ.

Это посольство почти вовсе неизвѣстно въ нашей исторической печати; о немъ лишь слегка упоминаетъ Вигель въ своихъ Запискахъ (III, 90), а съ его словъ Богдановичъ въ Исторіи Александра I-го (II, 491). Его не коснулся и А. Н. Поповъ въ книгѣ своей: «Сношенія Россіи съ Европейскими державами» (Спб. 1876), такъ какъ драгоцѣнныя выписки изъ бумагъ государственнаго архива, содержащіяся въ этой книгѣ, начинаются только съ 1811 года. Между тѣмъ посольство это имѣло историческую важность, ибо поводомъ къ нему послужили дѣла Польскія, а бывшая Польша, почти во все царствованіе Александра Павловича, была живымъ нервомъ нашей политической жизни. Успѣхами своими Наполеонъ почти всегда обязанъ былъ необыкновенному искусству пользоваться слабыми сторонами противника; онъ отлично умѣлъ раздражать и ублажать Русскаго императора въ его личныхъ и государственныхъ отношеніяхъ къ Полякамъ. Но и самъ Александръ Павловичъ былъ великій мастеръ въ этой политической игрѣ, и наступило время, именно въ исходѣ 1809 и началѣ 1810 года, когда перевѣсъ игры клонился на нашу сторону: государь пользовался слабою стороною Наполеона, именно его династическимъ самолюбіемъ. Чтобы читателю легче припомнить тогдашнія политическія сопряженія, приводимъ нижеслѣдующую выдержку изъ сочиненія Тьера: «Исторія Консульства и Имперіи» (томъ XI, по Парижскому изданію 1851 г., стр. 338 и слѣд.).

*

«Со времени Тильзитскаго мира, союзъ съ Россіей служилъ основаніемъ Наполеоновой политики. Хотя въ 1809 году и было много поводовъ къ охлажденію, именно въ войну съ Австріей Александръ очень слабо помогалъ своему союзнику, но тѣмъ не менѣе Наполеонъ придавалъ великое значеніе этому союзу, такъ какъ, благодаря ему, онъ могъ господствовать на материкѣ Европы и держать Англію въ отчужденіи; онъ дорожилъ этимъ союзомъ даже и въ томъ случаѣ, еслибы Россія, по своей остудѣ къ нему, оставалась безучастною въ дѣлахъ. Онъ желалъ сохранить этотъ союзъ, что̀ не мѣшало ему прямо высказывать Александру въ своихъ сообщеніяхъ, почему онъ былъ имъ доволенъ или недоволенъ».

«Родственный союзъ съ Русскимъ дворомъ казался прямымъ слѣдствіемъ всего предыдущаго. Въ Эрфуртѣ императоры Александръ и Наполеонъ говорили о возможности брака съ Русской великой княжной Анной, которая еще была не за мужемъ. Царь, съ своей стороны, готовъ былъ согласиться, но предвидѣлъ затрудненія со стороны своей матери, государыни почтенной, но гордой и съ

аристократическими предразсудками. Она поторопилась выдать за мужъ за незначительнаго герцога Ольденбургскаго великую княжну Екатерину (женщину замѣчательную по красотѣ, уму и характеру) чтобъ избѣгнуть предложенія, которое предвидѣла и котораго опасалась. Послѣ того какъ она поспѣшила замужствомъ старшей дочери, чтобъ избавиться отъ непріятнаго ей родственнаго союза, слѣдовало ожидать, что она не согласится выдать за Наполеона и послѣднюю свою дочь. Не смотря на это, императоръ Александръ обѣщалъ похлопотать и почти обнадежилъ въ успѣхѣ, но не далъ слова, такъ какъ онъ не желалъ стѣснять волю своей матери. Они разстались, вполнѣ довольные другъ другомъ. Послѣ такихъ переговоровъ невозможно было думать породниться съ другой державой, не разорвавъ союза съ Россіей, а Наполеонъ этого вовсе не желалъ. Притомъ онъ надѣялся этимъ бракомъ придать оживленіе охладѣвавшему союзу и извлечь изъ него свои выгоды по отношенію къ Европѣ».

«Вслѣдствіе этого, онъ приказалъ Шампаньи отправить въ Петербургъ собственноручно имъ шифрованную депешу, которую Коленкуръ долженъ былъ самъ разобрать. Депеша эта должна была оставаться тайной для всѣхъ, даже для графа Румянцова, и назначалась только для одного императора Александра. Она помѣчена 22-мъ Ноября, и въ ней Шампаньи писалъ: «Въ Эрфуртѣ до императора Александра дошли слухи о разводѣ. Онъ заговорилъ объ этомъ съ императоромъ и предложилъ свою сестру, великую княжну Анну. Его величеству угодно, чтобъ вы просто и откровенно объяснились съ императоромъ Александромъ. Вы можете сказать ему: «Ваше величество, я имѣю причины думать, что императоръ, внимая настоятельному желанію цѣлой Франціи, готовится развестись съ своей супругой. Могу ли я извѣстить его, чтобы онъ разсчитывалъ на вашу сестру? Ваше величество, прошу васъ подумать и отвѣчать мнѣ черезъ два дня, не какъ Французскому посланнику, но какъ человѣку, который страстно привёрженъ къ тому и другому царствующему дому. Это еще не формальное предложеніе; но я только прошу васъ высказать, какія ваши намѣренія. Я осмѣливаюсь поступить такимъ образомъ, потому что слишкомъ привыкъ говорить вашему величеству все, что̀ думаю, и не боюсь въ этомъ отношеніи неловкости». Вы ни подъ какимъ видомъ не будете говорить объ этомъ графу Румянцову, и послѣ этого разговора и того, который у васъ будетъ съ Императоромъ черезъ два дня, вы должны забыть мои слова. Вы мнѣ напишите, какими качествами обладаетъ великая княжна и, главное, когда именно она въ состояніи будетъ быть матерью, такъ какъ для моихъ соображеній это очень важно. Полгода составляетъ большую разницу [1]). Считаю лишнимъ напоминать вамъ о необходимости тайны; вы сами знаете свои обязанности относительно императора въ этомъ отношеніи».

«17 Декабря [2]), въ тотъ самый день, когда въ Монитёрѣ появилось

---

[1]) Анна Павловна родилась въ 1795 году, 7 Января.

[2]) Новаго стиля. Александръ Павловичъ находился тогда въ Твери у сестры своей Екатерины Павловны. Можетъ быть, желаніемъ выиграть время въ столь важныхъ переговорахъ объясняется тогдашняя поѣздка Государя въ Москву и цѣлая недѣля, въ ней проведенная, именно съ 5 по 12 Дек. ст. стиля.

сенатское рѣшеніе о разводѣ Наполеона съ Жозефиною, были вновь отправлены депеши въ Петербургъ съ тѣмъ, чтобы поторопить Россію отвѣтомъ. Въ нихъ говорилось, что всѣ условія будутъ приняты, не исключая и относящихся до вѣроисповѣданія, и что единственнымъ препятствіемъ могутъ служить возрастъ и здоровье великой княжны, потому что главное желаніе императора имѣть наслѣдника; но если ея возрастъ и здоровье даютъ возможность надѣяться, что будутъ дѣти, и если родные ея согласны на предложеніе, въ такомъ случаѣ тотчасъ же долженъ послѣдовать отвѣтъ, чтобы можно было немедленно заключить желаемый союзъ и тѣмъ прекратить состояніе неизвѣстности, въ которомъ находится Франція».

«Коленкуръ пользовался расположеніемъ императора Александра, что̀ значительно облегчало дѣло; но порученіе, данное ему, было щекотливо и затруднительно, да и обстоятельства тогдашнія давали мало надежды на успѣхъ. Послѣдняя война сильно повредила союзу между обоими дворами. Въ Финляндіи въ этотъ годъ дѣла шли лучше, чѣмъ прежде; Шведскій король лишился престола вслѣдствіе переворота и, благодаря этому событію, былъ заключенъ миръ, по которому Финляндія отошла къ Россіи; но событія на Востокѣ были менѣе благопріятны для Русскаго честолюбія. Во 1-хъ, съ тѣхъ поръ, какъ императору Александру была предоставлена полная свобода относительно Турціи, на Дунаѣ еще ничего не было сдѣлано, такъ что Молдавія и Валахія, уступаемыя Наполеономъ, еще не были завоеваны у Турокъ, и въ Петербургѣ не особенно были довольны союзомъ съ Франціей, хотя собственно жаловаться можно было только на себя, а никакъ не на союзъ, допускавшій полную свободу дѣйствій. Во 2-хъ, Наполеонъ, недовольный своимъ союзникомъ за недостаточную помощь имъ оказанную, былъ нѣсколько невнимателенъ къ нему въ продолженіи войны; онъ написалъ къ нему письмо только по окончаніи ея и притомъ съ особеннымъ высокомѣріемъ выставлялъ на видъ бездѣйствіе Русскаго союзничества, но однако не жаловался на это. Александръ принужденъ былъ признаться въ одномъ изъ двухъ: или въ неспособности начальства, или въ отсутствіи доброй воли съ своей стороны. Онъ предпочелъ первое, но его самолюбіе сильно пострадало при этомъ признаніи. «Чего же хотятъ отъ меня?» повторялъ онъ безпрестанно. «Въ Финляндіи, въ Турціи, дѣла мои шли не лучше, чѣмъ дѣла императора Наполеона въ Польшѣ. Я и для себя не могъ ничего сдѣлать; что же могъ я сдѣлать для него?» И, чтобъ оправдать себя въ томъ, что мало помогалъ Наполеону, онъ указывалъ на дальнее разстояніе, на время года, на плохое состояніе Русской администраціи, которая, ни по своему личному составу, ни по матеріальнымъ средствамъ, не могла идти въ сравненіе съ Французской. Но въ особенности Александръ былъ оскорбленъ условіями мира съ Австріей и присоединеніемъ почти двухъ-милліоннаго населенія къ Варшавскому герцогству. И онъ самъ, и всѣ въ Петербургѣ видѣли въ этомъ обстоятельствѣ несомнѣнный признакъ будущаго возстановленія Польши. Въ продолженіи двухъ недѣль при Русскомъ дворѣ всѣ были такъ сильно возбуждены противъ Франціи, что Коленкуръ почти боялся показываться. Россія пріобрѣтала 400 тысячъ подданныхъ, но эту уступку считали уловкою, чтобъ тѣмъ удобнѣе возстановить Польшу, и противники Франціи увѣряли, что возстановленіе уже состоялось чрезъ присоединеніе Галиціи къ Варшавскому герцогству. Александръ, увлекаемый болѣе чувствомъ

недовѣрія, овладѣвшимъ окружающими его, чѣмъ своею собственною волею, не переставалъ изъявлять жалобы съ минуты заключенія Вѣнскаго мира и требовалъ обезпеченія отъ тревогъ, которыми ему грозили въ будущемъ. Наполеонъ прислалъ письмо, долженствовавшее успокоить его; письмо это было сообщено главнымъ лицамъ при дворѣ; но тогда ему стали говорить, что всѣ эти увѣренія суть пустыя слова, и онъ вынужденъ былъ потребовать *офиціальнаго заявленія*. На это было изъявлено согласіе и, послѣ усиленныхъ настояній со стороны Коленкура, онъ получилъ въ общихъ выраженіяхъ дозволеніе подписать конвенцію относительно Польши. Но его уговорили подписать ее въ такомъ изложеніи, что она сдѣлалась потомъ чрезвычайно стѣснительною для Наполеона. Въ конвенціи было сказано: «Польское королевство никогда не будетъ возстановлено; самыя слова «Польша» и «Поляки» исчезнутъ и никогда болѣе не будутъ употребляться ни въ какихъ актахъ; великое герцогство не можетъ расширяться чрезъ присоединеніе какой бы то ни было части старинныхъ Польскихъ областей; Польскіе ордена будутъ уничтожены; наконецъ, всѣ эти условія считаются обязательными какъ для Наполеона, такъ и для Саксонскаго короля, великаго герцога Варшавскаго» [3]).

«Эта необыкновенная конвенція, которая навязывала Наполеону такую странную роль относительно Поляковъ, была принята вслѣдствіе усиленнаго настоянія со стороны императора Александра, который въ противномъ случаѣ, повидимому, готовъ былъ разорвать союзъ».

«Въ то самое время, когда шли переговоры объ окончательномъ заключеніи конвенціи, Коленкуръ получилъ приказаніе сдѣлать предложеніе императору Александру относительно его брака съ великою княжною Анною Павловною. Депеша была получена съ 8-го на 9-е Декабря; но Коленкуръ не могъ тотчасъ же увидать Императора, такъ какъ его тогда не было въ Петербургѣ. Какъ только онъ возвратился, Коленкуру была дана аудіенція, и онъ прямо передалъ Императору предложеніе Наполеона. Императоръ Александръ нѣсколько удивился, но не отказался отъ обязательства, въ нѣкоторомъ родѣ принятаго имъ на себя, въ силу котораго онъ долженъ былъ просить у вдовствующей Императрицы руку великой княжны Анны Павловны для Наполеона, не ручаясь за успѣхъ своего ходатайства. Онъ сказалъ, что очень желалъ бы этого и даже сильно надѣется на удачу, но ему необходимо время и полная свобода дѣйствовать такъ,

---

[3]) Богдановичъ (II, 454) такъ излагаетъ эту конвенцію, не говоря, откуда онъ ее выписалъ и указывая лишь, что Коленкуръ подписалъ ее 24 Декабря 1809 г. стараго стиля: «1) Королевство Польское никогда не будетъ возстановлено; 2) обѣ стороны употребятъ всѣ средства, чтобы имя Польши не присвоивалось никакой изъ бывшихъ ея областей и было навсегда изглажено изъ государственныхъ бумагъ; 3) ордена, существовавшіе въ Польшѣ, будутъ навсегда уничтожены; 4) Русскіе подданные изъ возвращенныхъ отъ Польши губерній не будутъ принимаемы въ службу Варшавскаго герцогства; 5) не увеличивать герцогства областями, принадлежавшими Польшѣ; 6) Россіи и герцогству не имѣть общихъ подданныхъ и 7) ратификовать конвенцію не позже 50-ти дней послѣ заключенія». Напомнимъ читателю, что князя Чарторижскаго въ это время въ нашемъ министерствѣ уже не было.

какъ онъ найдетъ нужнымъ для достиженія своей цѣли. Можетъ быть, онъ дѣйствительно говорилъ искренно, когда настаивалъ на необходимости вести дѣло очень осторожно, чтобы не оскорбить матери; а можетъ быть, онъ только хотѣлъ имѣть при случаѣ предлогъ къ отказу. Но онъ объявилъ, что будетъ говорить отъ своего собственнаго имени, а не отъ имени Наполеона, и притомъ представитъ предложеніе, какъ дѣло возможное, даже вѣроятное, и какъ выгодное въ политическомъ отношеніи, умолчавъ о томъ, что оно уже сдѣлано, и что онъ имѣетъ намѣреніе исполнить желаніе, высказанное Французскимъ императоромъ. Онъ поручилъ Коленкуру передать Наполеону увѣренія въ дружбѣ и отсрочилъ рѣшительный отвѣтъ, обѣщая дать его въ самомъ скоромъ времени».

«Неправдоподобно, чтобъ Александръ, любившій свою мать и любимый ею (не смотря на нѣкоторое соперничество во власти), скрывалъ отъ нея такое важное для всей царской семьи событіе. Вѣроятно, онъ имѣлъ въ виду, что въ томъ случаѣ, если родственный союзъ съ Наполеономъ окажется неудобнымъ, самолюбіе обоихъ дворовъ не будетъ затронуто, такъ какъ будетъ предполагаться, что вдовствующая Императрица отказала въ просьбѣ императору Александру, а не императору Наполеону, имя котораго не упоминалось въ переговорахъ. Вѣрнѣе же всего, онъ хотѣлъ сохранить полную свободу дѣйствій, чтобъ заставить подороже заплатить за свое согласіе, именно онъ потребовалъ принятія конвенціи относительно Польши».

«Коленкуръ писалъ въ Парижъ 28 Декабря, что предложеніе принято и все заставляетъ надѣяться на успѣхъ, но требуются умѣнье, осторожность и немного терпѣнія. Между тѣмъ Шампаньи отправлялъ курьера за курьеромъ. Тогда, пользуясь своимъ полномочіемъ, Коленкуръ заявилъ при Русскомъ дворѣ, что всѣ условія будутъ приняты, не исключая и тѣхъ, которыя вытекаютъ изъ различія въ вѣроисповѣданіи. Онъ вторично видѣлся съ Императоромъ, который, казалось, былъ очень доволенъ началомъ дѣла и заявилъ надежду, что Императрица навѣрное дастъ свое согласіе, что въ великой княжнѣ можно быть увѣреннымъ и что въ скоромъ времени всѣ члены императорской семьи не замедлятъ офиціально выразить свое согласіе. Тѣмъ не менѣе Императоръ опять потребовалъ нѣсколькихъ дней, прежде чѣмъ высказать окончательное рѣшеніе. Ясно было, что онъ кончитъ тѣмъ, что согласится, такъ какъ онъ уже ручался за согласіе матери и сестры, и такимъ образомъ затрудненій не предвидѣлось. Было очевидно, что императоръ Александръ не рѣшится выразить отказъ отъ своего имени и тѣмъ жестоко уязвить гордость Наполеона, въ слѣдствіе чего пришлось бы расторгнуть дружественный союзъ, совершенно измѣнить всю политику, отказаться отъ исполненія завѣтныхъ надеждъ на Востокѣ и видѣть заключеніе опаснаго союза между Франціей и Австріей. Если для аристократическаго чувства и было непріятно породниться съ новой династіей, то несравненная слава Наполеона могла значительно ослабить это непріятное чувство, въ угоду которому не слѣдовало, конечно, жертвовать высшими государственными цѣлями. Сомнѣваться въ окончательномъ согласіи было невозможно. Повидимому, императора Александра останавливалъ только вопросъ о Польской конвенціи, хотя и тутъ, послѣ многочисленныхъ затрудненій, сопровождавшихъ изложеніе документа, пришли наконецъ къ соглашенію. Однако

Императоръ все еще медлилъ положительнымъ изъявленіемъ согласія на предполагаемый бракъ, такъ какъ ему хотѣлось сначала получить за него возмездіе, т. е. онъ желалъ, чтобъ прежде была подписана конвенція, которая избавила бы его отъ опасности видѣть на своей границѣ образованіе Польскаго королевства. Сначала онъ попросилъ десять дней отсрочки, потомъ еще десять и, наконецъ, обѣщалъ дать отвѣтъ во второй половинѣ Января, между тѣмъ какъ переговоры начались еще въ половинѣ Декабря».

«Наполеонъ, пославъ письмо 22 Ноября и разсчитывая получить отвѣтъ къ концу Декабря или къ началу Января (въ то время курьеры изъ Парижа въ Петербургъ ѣхали 12 или 14 дней), нетерпѣливо ждалъ рѣшительнаго отвѣта и нѣсколько обижался медленностью переговоровъ. Онъ считалъ себя выше всѣхъ современныхъ государей и не по одной геніальности только (въ ней никто не сомнѣвался), но и по тому положенію, котораго онъ добился, благодаря этой геніальности. Онъ думалъ, что если онъ согласился предложить свою руку, то, конечно, предложеніе слѣдовало тотчасъ же принять, и очень былъ недоволенъ предъявляемою внимательностію и уваженіемъ къ желаніямъ старой Государыни, которая, въ сущности, во всемъ зависѣла отъ Александра. Въ особенности же видя въ другихъ государяхъ готовность породниться съ нимъ, онъ оскорблялся дѣйствительною или только притворною нерѣшительностію Русскаго двора, за которою скрывался разсчетъ».

«Саксонскій король, искренно преданный Наполеону, съ радостію готовъ былъ отдать за него свою дочь. Австрійскій императоръ тоже желалъ породниться съ императоромъ изъ политическихъ видовъ: ему не хотѣлось допускать болѣе тѣснаго сближенія между Россіею и Франціею, такъ какъ слѣдствіемъ его было бы полнѣйшее политическое ничтожество Австріи. Въ самомъ Парижѣ всѣ ожидали брака Наполеона съ Русской великой княжной, но не всѣ этому сочувствовали, и многіе предпочитали Австрійскую принцессу».

«Курьеръ изъ Россіи ожидался съ нетерпѣніемъ. 6 Февраля пришли депеши отъ Коленкура, но содержаніе ихъ не прекращало неизвѣстности, продолжавшейся слишкомъ полтора мѣсяца: 16 Января кончалась десятидневная отсрочка, а 21 все еще не было отвѣта отъ императора Александра. Повидимому, онъ хотѣлъ выиграть время и добиться утвержденія конвенціи касательно Польши, прежде чѣмъ выразить согласіе на бракъ сестры съ Наполеономъ. Онъ еще разъ сказалъ Коленкуру, что вдовствующая Императрица не противится больше, великая княжна также согласна, и что наконецъ все совершится по желанію Наполеона, но рѣшительнаго отвѣта онъ и теперь еще дать не можетъ и что важными препятствіями тутъ были: во 1-хъ, здоровье великой княжны, не вполнѣ соотвѣтствовавшее нетерпѣнію императора имѣть наслѣдника престола, и во 2-хъ, требованіе вдовствующей Государыни, чтобъ въ Тюльери была православная часовня и свой причетъ. Коленкуръ прибавлялъ, что въ скоромъ времени онъ ждетъ формальнаго объясненія и не сомнѣвается въ благопріятномъ отвѣтѣ».

«Но императоръ Наполеонъ, по своему пылкому характеру, не могъ долѣе выносить нерѣшительнаго положенія. Кромѣ того ему было въ высшей степени непріятно стать предметомъ всеобщихъ толковъ. Не будучи въ состояніи владѣть собою, онъ отдался внутреннему чувству и рѣшился разорвать съ Россіей, принявъ ея

медленность за отказъ, возвращавшій ему свободу дѣйствій. Были еще побудительныя къ тому причины: непріятно было жениться и не имѣть наслѣдниковъ въ продолженіи двухъ или трехъ лѣтъ. Притомъ жена его не присутствовала бы при церемоніяхъ народнаго богослуженія; у нея были бы свои священники, что̀ конечно неважно, но все таки непріятно для такого народа какъ Французы, которые, не будучи набожными, чрезвычайно щепетильны въ дѣлѣ благочестія. Притомъ же, послѣ недавней войны, онъ снова возымѣлъ уваженіе къ Австрійской арміи и находилъ, что имѣть дѣло съ нею было бы также опасно, какъ и съ Русскимъ войскомъ. Всѣ эти соображенія, и въ особенности оскорбленная гордость, заставили его принять немедленное рѣшеніе: быстрота составляла отличительную черту его характера. Прочитавъ депеши Коленкура, онъ велѣлъ позвать Шампаньи и въ тотъ же день объявить князю Куракину [4]), что, въ виду медленности переговоровъ, онъ считаетъ себя свободнымъ, что въ Эрфуртѣ никакого обязательства заключено не было, но что онъ считалъ долгомъ оказать предпочтеніе сестрѣ своего союзника и друга; теперь же дальнѣйшее ожиданіе невозможно при тревожномъ состояніи умовъ во Франціи. Кромѣ того извѣстія о здоровьѣ великой княжны не соотвѣтствуютъ соображеніямъ, ради которыхъ онъ расторгаетъ прежній бракъ, чтобы заключить новый; что поэтому онъ рѣшается выбрать Австрійскую принцессу, такъ какъ семья ея безъ малѣйшаго колебанія, съ величайшею и трогательною для него готовностью, сама предлагаетъ ему родственный союзъ».

«Касательно Польской конвенціи онъ выразился еще рѣзче, что̀ доказываетъ, какое сильное вліяніе на этотъ выборъ имѣло желаніе уклониться отъ требованій Россіи. Онъ сказалъ: «Было бы и безразсудно, и унизительно для меня, если бы я принялъ на себя безусловное поручительство въ томъ, что Польское королевство никогда не будетъ возстановлено. Еслибы Поляки когда-нибудь произвели возстаніе собственными силами и тѣмъ поставили Россію въ затруднительное положеніе, то мнѣ въ такомъ случаѣ пришлось бы повести свои войска для ихъ усмиренія? Это дѣло невозможное, безчестное и кромѣ того независящее отъ моей воли. Я могу сказать, что не буду ни прямо, ни косвенно помогать попыткамъ къ возстановленію Польши, но больше этого обѣщать я не могу. Что же касается до уничтоженія названій «Польша» и «Поляки», я на это неспособенъ. Въ дипломатическихъ актахъ я могу не употреблять этихъ словъ, но не отъ меня зависитъ уничтожить ихъ въ народныхъ сношеніяхъ [5]). Наконецъ, относительно будущаго расширенія Варшавскаго герцогства, можно помѣшать оному только посредствомъ обоюднаго условія, въ силу котораго Россія обяжется никогда не распространять своихъ владѣній присоединеніемъ какой бы то ни было части старинныхъ Польскихъ областей. Только на такихъ основаніяхъ, прибавилъ Наполеонъ, могу я согласиться на конвенцію, но другихъ допустить не могу». Вслѣдствіе этого онъ велѣлъ вновь передѣлать текстъ конвенціи сообразно съ вышеприведенными замѣчаніями и приказалъ Шампаньи тотчасъ же его отправить. Все это рано или поздно должно было привести къ разрушенію союза и къ началу пагубной распри».

---

[4]) Александру Борисовичу, находившемуся посломъ во Франціи.

[5]) Effacer de la langue des nations.

Брачный договоръ съ Маріею Луизою былъ подписанъ въ Парижѣ 7 Февраля 1810 года княземъ Шварценбергомъ, и 11-го Марта того же года состоялся самый бракъ, при чемъ Бертье заступалъ мѣсто Наполеона (такіе браки по-заочности допускаются католическою церковью). Такимъ образомъ отношенія между Александромъ и Наполеономъ вдругъ получили новый оттѣнокъ. Чтобы поздравить грознаго союзника съ бракосочетаніемъ, Государь послалъ въ Парижъ своего министра внутреннихъ дѣлъ, князя Алексѣя Борисовича Куракина, который и отправился въ Мартѣ 1810 года. Ниже слѣдуютъ его депеши государственному канцлеру. Онѣ печатаются, въ переводѣ съ Французскаго, съ черновыхъ подлинниковъ, хранящихся у его правнука князя Ѳедора Алексѣевича Куракина, въ Саратовскомъ селѣ его Надежинѣ (сличи Р. Архивъ 1875, III, 257). *П. Б.*

Депеши князя Алексѣя Борисовича Куракина во время его поѣздки въ Парижъ въ 1810 году

къ государственному канцлеру графу Н. П. Румянцеву.

1.

Парижъ, 4 (16) Мая 1810.

Я пріѣхалъ въ Парижъ 1 (13) Мая. Лишніе восемь дней, проведенные мною въ дорогѣ по причинѣ нездоровья, не произвели никакого замедленія въ исполненіи даннаго мнѣ порученія, потому что его величество императоръ еще не вернулся изъ своей поѣздки въ Антверпенъ и въ Голландскія провинціи, недавно присоединенныя къ его имперіи. Говорятъ, онъ вернется только въ первыхъ числахъ Іюня. Розенкранцъ, присланный отъ Датскаго короля съ поздравленіями къ императору, живетъ здѣсь уже цѣлый мѣсяцъ и до сихъ поръ не имѣлъ аудіенціи, хотя пріѣхалъ сюда за недѣлю до отъѣзда императора.

На другой день послѣ моего пріѣзда, посолъ [1]) сдѣлалъ о томъ офиціальное сообщеніе и потомъ я въ сопровожденіи его отправился къ герцогу Кадорскому [2]) и къ принцу Беневентскому [3]). Первый принялъ насъ въ мундирѣ и въ Андреевской лентѣ, второй во фракѣ, безъ орденовъ. Мы обмѣнялись обычными привѣтствіями, и я не преминулъ вновь повторить увѣренія въ дружественныхъ чувствахъ Его Императорскаго Величества, Государя нашего, къ императору Наполеону. Съ своей стороны герцогъ и принцъ объяснили, что его величество императоръ Наполеонъ вполнѣ доволенъ выборомъ уполномоченнаго посланника для исполненія порученія, которое на меня возложено. Оба они были внимательны до чрезвычайности, и я былъ вполнѣ доволенъ сдѣланнымъ мнѣ пріемомъ.

Въ Майнцѣ (гдѣ, вѣроятно, не было сдѣлано никакого распоряженія на случай моего пріѣзда) задержали паспорты моихъ слугъ, а вы-

[1]) Князь Александръ Борисовичъ Куракинъ, старшій братъ писавшаго это.
[2]) Министръ иностранныхъ дѣлъ; другое имя его было Шампаньи.
[3]) Талейрану, бывшему передъ тѣмъ министромъ иностранныхъ дѣлъ и въ это время находившемуся не у дѣлъ.

дали одинъ паспортъ мнѣ и сопровождавшимъ меня лицамъ для предъявленія префекту каждаго города, гдѣ есть комендантъ. Но въ Метцѣ и Вердюнѣ я уклонился отъ этого, пославъ для предъявленія паспорта фельдъегеря, ѣхавшаго впереди меня; пріѣхавъ же сюда, я обратился къ послу, чтобы узнать, какъ слѣдуетъ поступить въ этомъ случаѣ въ Парижѣ. Онъ взялъ мой паспортъ и сказалъ объ этомъ герцогу Кадорскому, который принялъ на себя предъявить его въ полицію и вытребовать Русскіе паспорты, взятые у меня въ Майнцѣ. Я живу на бульварѣ, въ домѣ, принадлежащемъ частному лицу; посолъ не могъ меня помѣстить у себя и распорядился наймомъ этой квартиры, находя, что жить въ ней будетъ лучше, чѣмъ помѣститься въ гостинницѣ.

2.

Парижъ, 30-го Мая (11-го Іюня) 1810.

Согласно церемоніалу, установленному для частныхъ аудіенцій, первый церемоніймейстеръ, наканунѣ назначеннаго дня, объявилъ иностранцамъ, привезшимъ поздравительныя письма, что императоръ приметъ насъ на другой день 7-го Іюня, и что мы имѣемъ собраться въ залѣ, назначенной для дипломатическаго корпуса. Оттуда насъ провели (черезъ большую галлерею, гдѣ собралась публика по чинамъ) въ другую залу, гдѣ находились высшіе сановники, министры и другія лица, имѣющія право присутствовать при одѣваньи, и намъ сказано было подождать тутъ. Когда одѣванье кончилось, меня ввели перваго, послѣ меня герцога де-Санта-Фе, Шведскаго генерала Вреде, затѣмъ Розенкранца и другихъ, имена которыхъ извѣстны уже вашему сіятельству изъ Монитёра. Эта частная аудіенція должна была имѣть характеръ аудіенціи церемоніальной, и слѣдовательно нужно было сдѣлать три поклона. Когда я кончилъ приготовленную рѣчь и подалъ письмо отъ Его Величества, императоръ отвѣчалъ въ слѣдующихъ словахъ: «Я чрезвычайно тронутъ участіемъ, изъявленнымъ императоромъ Александромъ по случаю моего бракосочетанія и тою торжественностію, которою онъ постарался облечь ввѣренное вамъ порученіе. Тутъ вижу я доказательство его дружескихъ чувствъ ко мнѣ и вѣрное выраженіе тѣхъ началъ, которыя всегда лежали въ основаніи его поступковъ. Надо думать, что теперь утратитъ всякую цѣну мнѣніе уличныхъ политиковъ, полагающихъ, что союзъ съ Австріей несомнѣнно долженъ произвести охлажденіе между Россіей и Франціей. Но я смотрю на этотъ союзъ иначе. Этотъ родственный союзъ не можетъ имѣть вліянія на политическіе союзы, въ основѣ которыхъ лежатъ выгоды обѣихъ имперій. Я женился, потому что долженъ былъ когда нибудь это сдѣлать; но отъ этого не измѣнятся ни мои правила, ни мои обязанности. Находясь во главѣ націи, ввѣрившей мнѣ свои выгоды, я буду заботиться о нихъ, безъ всякой зависти къ преимуществамъ и благосостоянію Россіи; отдаленность разстоянія между обоими государствами не можетъ и не должна давать повода къ несогласіямъ, которыхъ всѣ непремѣнно ожидаютъ. Событія доказали, какъ сильно я желалъ союза съ Россіей: въ войну 1807 ничто не препятствовало мнѣ овладѣть Вильною и сосѣдними губерніями; въ заявленіи, сдѣланномъ мною законодательному собранію, я высказалъ ясно, что мнѣ было пріятно слышать о завоеваніи Финляндіи и о занятіи Молдавіи и Валахіи, потому что это было выгодно для моего лучша-

го союзника. Заключивъ миръ съ Австріей, я отдалъ Россіи часть Галиціи и тѣмъ доказалъ, что считаю невозможнымъ возстановленіе Польши. Все это ясно выражено въ моемъ письмѣ къ Императору и въ сообщеніи, которое сдѣлалъ министръ по моему приказанію. Въ настоящее время я повелѣлъ моему министру въ Константинополѣ объявить Портѣ, что она не должна думать о полученіи обратно Молдавіи и Валахіи, которыхъ Россія не должна и не можетъ ей возвратить, и что это послужитъ только къ новому избіенію людей. Въ отношеніи къ Англіи я не дѣлаю ничего, чтò бы не было извѣстно императору Александру: я сообщилъ вашему министерству о пріѣздѣ г-на Мекензи и обо всемъ, чтò было говорено между нами. Все это должно служить доказательствомъ моего расположенія къ Россіи и лично къ императору Александру, котораго я люблю, безпредѣльно уважаю и всегда буду любить. Я васъ убѣдительно прошу передать все это Императору, потому что мнѣ рѣдко представляется подобная возможность выразить ему свои чувства. Франція не должна быть врагомъ Россіи: это неоспоримая истина. Географическое положеніе устраняетъ всѣ поводы къ разрыву. Мои естественные враги—море и Англія. Но если даже случится такъ, что по различнымъ политическимъ обстоятельствамъ произойдетъ разрывъ между Россіей и Франціей, то я все таки буду любить императора Александра, и мои личныя чувства къ нему не измѣнятся никогда. До сихъ поръ меня заставляли вести войны, и онѣ имѣли не тотъ исходъ, котораго ожидали другіе. Послѣдняя война, которую вела со мной Австрія, была просто головокруженіемъ (vertige); я сдѣлалъ все отъ меня зависѣвшее, чтобъ ея избѣжать». Тутъ я осмѣлился повторить, что императоръ Александръ всячески старался отдалить эту войну, и Наполеонъ отвѣчалъ мнѣ: «Я очень хорошо знаю, какъ императоръ Александръ старался воспрепятствовать Австріи въ ея враждебныхъ начинаніяхъ».

Въ продолженіи этого разговора, случались перерывы при переходѣ отъ одного предмета къ другому, чѣмъ я и пользовался, чтобъ кстати заявлять о чувствахъ личной дружбы, питаемыхъ императоромъ Александромъ къ императору Наполеону, о твердости его характера и намѣреніи не нарушать обязательствъ относительно Франціи, объ его убѣжденіи въ томъ, что только слѣдуя континентальной системѣ можно избѣгнуть кровопролитія, которое неминуемо должно произойти вслѣдствіе этихъ войнъ. Я прибавилъ также, что интриги Лондонскаго кабинета никогда не будутъ имѣть вліянія на образъ дѣйствія, принятый Россіей, и что во всемъ этомъ насъ можетъ заботить только одно обстоятельство, а именно: политическая вражда и безпокойный духъ, проявляющіеся въ Польскихъ областяхъ. Мнѣ, какъ министру внутреннихъ дѣлъ и, слѣдовательно, стоящему во главѣ полиціи, достовѣрно извѣстно, что во время Австрійской войны движеніе это пошло слишкомъ далеко, что посылались не только большія суммы въ видѣ патріотическихъ приношеній, но имѣло мѣсто и выселеніе въ значительныхъ размѣрахъ.

Отвѣтъ на эти слова послѣдовалъ въ такомъ смыслѣ, какъ будто на послѣднее обстоятельство не обращается никакого вниманія, и затѣмъ императоръ прибавилъ: «Конечно, тамъ фантазировали и о *Краковскомъ деревѣ*, но это все пустая болтовня; иначе на это смотрѣть нельзя». (Certainement on se forgeait aussi des idées d'un arbre de Cracovie qui n'est qu'un pur bavardage, et il n'y a pas à l'envisager autrement).

Въ отвѣтъ на это, я снова повторилъ, что̀ уже было сказано на счетъ Польши. Я ни словомъ не коснулся о конвенціи, такъ какъ на заявленія, представленныя нашимъ посломъ, еще не послѣдовало отвѣта. Я счелъ нужнымъ показать, что мнѣ ничего неизвѣстно объ этомъ обстоятельствѣ; потому что такимъ образомъ я могъ лучше выставить внутреннее состояніе этихъ губерній, которое мнѣ вполнѣ извѣстно по донесеніямъ полиціи, и тѣмъ самымъ показать, что для поддержанія въ нихъ порядка и спокойствія нашему правительству необходимо обращать на нихъ постоянное вниманіе. Точно также не упомянулъ я о причинахъ, заставившихъ наши войска слабо дѣйствовать противъ Австрійцевъ, и о положеніи нашей торговли, заставлявшемъ насъ желать, чтобъ былъ заключенъ всеобщій миръ; самъ императоръ не касался въ разговорѣ этихъ предметовъ.

Эта продолжительная бесѣда произвела впечатлѣніе на умы наблюдательныхъ политиковъ. Всѣ остальныя аудіенціи были чрезвычайно коротки, исключая аудіенціи Вреде, которая, хотя и продолжалась не такъ долго, какъ моя, но все таки довольно, чтобъ остаться въ памяти дипломатическаго корпуса и публики, тѣмъ болѣе, что здѣсь еще не знаютъ о смерти наслѣднаго принца Шведскаго, что̀, естественно, могло бы быть предметомъ бесѣды. Чтобъ помѣшать догадкамъ на счетъ дѣйствительнаго содержанія разговора, Вреде поспѣшилъ заявить, что ему пришлось выслушать упреки по поводу ввоза колоніальныхъ предметовъ и слишкомъ малой готовности, выказанной Швеціей къ уничтоженію Англійской торговли. Что̀ касается до меня, я долженъ сознаться, что я этому не вѣрю. Я очень хорошо замѣтилъ перемѣну въ г-нѣ Вреде и его довольный видъ послѣ аудіенціи, и это мѣшаетъ вѣрить тому, что̀ онъ сообщаетъ какъ бы по секрету.

Розенкранцъ, получившій аудіенцію послѣ Вреде, не могъ не выразить своего неудовольствія герцогу Кадорскому, отозвавшись, что онъ надѣялся получить преимущество передъ Вреде, такъ какъ, хотя они пріѣхали съ одинаковыми порученіями, но онъ присланъ отъ союзной державы, уже доказавшей свою приверженность къ континентальной системѣ величайшими жертвами и совершеннымъ упадкомъ своего флота и торговли. Вѣроятно Шампаньи [4]) отвѣчалъ ему коротко и опредѣлительно, или, можетъ быть, совсѣмъ не отвѣчалъ, потому что Розенкранцъ даже и не упомянулъ объ этомъ (на аудіенціи).

Въ привѣтствіи, съ которымъ императоръ обратился лично ко мнѣ, онъ выразилъ удовольствіе по поводу того, что именно меня, благодаря моему имени и служебному положенію, выбрали для принесенія поздравленія по случаю его бракосочетанія. При этомъ онъ изволилъ прибавить, что ему это особенно пріятно, потому что я настоящій Русскій и онъ постарается сдѣлать для меня пріятнымъ пребываніе въ Парижѣ.

Что касается моего представленія императрицѣ, то я могу завѣрить ваше сіятельство, что она ожидала поздравительныхъ писемъ; это видно изъ объявленія церемоніймейстера, въ которомъ именно сказано, что императрица будетъ принимать всѣхъ иностранныхъ пословъ, привезшихъ поздравительныя письма. Однако только одинъ герцогъ де-Санта-Фе привезъ письмо отъ короля Іосифа.

---

[4]) Т. е. герцогъ Кадорскій.

На другой день послѣ аудіенціи, всѣ иностранные послы, пріѣхавшіе съ поздравленіями, были приглашены вмѣстѣ съ дипломатическимъ корпусомъ на спектакль, который давался въ Сенъ-Клу. Въ этотъ день собранія при дворѣ не было. На вопросъ, который мнѣ многіе дѣлаютъ и который даже изволила сдѣлать императрица на счетъ того, сколько времени я думаю пробыть въ Парижѣ, я постоянно отвѣчаю, что это зависитъ отъ воли его императорскаго величества. Въ публикѣ говорятъ, что императоръ черезъ нѣсколько недѣль поѣдетъ въ Италію. Если слухи эти не прекратятся, я думаю обратиться къ герцогу Кадорскому съ просьбою выхлопотать мнѣ отвѣтъ на привезенное мною письмо. Какъ только получу его, уѣду отсюда. Я съѣзжу въ Руанъ, чтобъ посмотрѣть на тамошнія фабрики и потомъ отправлюсь въ путь черезъ Реймсъ, а оттуда черезъ Страсбургъ и Франкфуртъ.

3.

Парижъ, 4 (12) Іюня 1810.

Изъ иностранцевъ, находящихся здѣсь для принесенія поздравленія императору по случаю его бракосочетанія, получили право большаго входа во время одѣванья маршалъ Калькрейтъ, князь Вальдекъ, принцъ Дармштадскій, г-нъ Меттернихъ и я; намъ объявили о томъ черезъ оберъ-камергера. Чтобъ выразить мою чувствительность къ подобному отличію, я тотчасъ написалъ письмо къ графу Монтескью, прося его повергнуть къ стопамъ его величества выраженіе моей живѣйшей благодарности. Потомъ вмѣстѣ съ посломъ мы сдѣлали визитъ оберъ-камергеру, чтобъ передать изустно все, объ чемъ я писалъ. При первомъ одѣваньи замѣчательнаго было только то, что пріѣхалъ г-нъ Калькрейтъ, и вмѣсто права присутствовать при одѣваньи, въ ту минуту, какъ онъ готовился войти, было объявлено, что ему назначена прощальная аудіенція. Я не получилъ приглашенія войти въ кабинетъ послѣ одѣванья; въ разговорѣ же, происходившемъ при всѣхъ, императоръ только спросилъ о моемъ здоровьи, о здоровьи моего брата, и о томъ, не получено ли какихъ нибудь извѣстій отъ нашего двора. Я бы желалъ употребить всѣ старанія, чтобъ выказать готовность ѣхать въ Сенъ-Клу, но не могу этого сдѣлать, такъ какъ я еще не представлялся императорской фамиліи; до сихъ поръ все мое утро занято, и я не могу его употребить на другое. Я не премину съ величайшимъ стараніемъ сообщать вашему сіятельству все, что найду достойнымъ вашего вниманія, всѣ разговоры императора со мной при одѣваньи или въ его кабинетѣ, въ случаѣ если я буду туда приглашенъ.

4.

Парижъ, 21 Іюня 1810 года.

18-го вечеромъ, я получилъ записку отъ князя Нешательскаго, который, въ качествѣ гросъ-егермейстера, приглашалъ меня пріѣхать на другой день на большую травлю, назначенную императоромъ въ Сенъ-Жерменскомъ лѣсу. Когда мы прибыли на сборное мѣсто, тѣмъ, кто не ѣздитъ верхомъ, поданы были коляски, и они должны были слѣдовать за императрицей, ѣхавшей въ первой коляскѣ вмѣстѣ съ королевой Вестфальской. Во второй коляскѣ находились: королева Неаполитанская, великая герцогиня Тосканская, великій герцогъ Вюрцбургскій и принцъ Дармштадскій. Я сидѣлъ въ третьей коляскѣ

съ двумя придворными дамами и съ графиней Меттернихъ, а графъ Меттернихъ съ княземъ и княгинею Шварценбергъ, съ братомъ и невѣсткою посла, сидѣли въ коляскѣ, которая ѣхала позади нашей. Во время травли императоръ подъѣхалъ къ коляскамъ. Остановившись возлѣ той, гдѣ я сидѣлъ, онъ заговорилъ только со мной однимъ. По окончаніи травли былъ обѣдъ въ павильонѣ Ла-Мюетъ, который находится посреди Сенъ-Жерменскаго лѣса. За столомъ меня посадили по правую руку отъ императора, рядомъ съ королевой Вестфальской, такъ что она одна отдѣляла меня отъ императора, что̀ составляло преимущество для меня передъ всѣми остальными иностранцами, приглашенными на эту травлю. Меттернихъ сидѣлъ по лѣвую руку императора возлѣ великой герцогини Тосканской, сидѣвшей рядомъ съ его величествомъ. Братъ его, Австрійскій посолъ, принцъ Дармштадскій и князь Эстергази, сидѣли на концѣ стола, накрытомъ на 26 кувертовъ. Въ продолженіи обѣда императоръ вступалъ нѣсколько разъ въ разговоръ со мной, такъ что было видно, что онъ мною занимался больше, чѣмъ другими. Между прочимъ, кромѣ разговора объ охотѣ вообще и объ охотѣ у насъ въ Россіи, онъ говорилъ о графахъ Воронцовѣ и Марковѣ. Когда я ему сказалъ о смерти канцлера, онъ замѣтилъ: «А братъ его все еще въ Англіи? Онъ, стало быть, не Русскій». Я старался объяснить пребываніе графа Семена Романовича въ Лондонѣ состояніемъ его здоровья, и потомъ сталъ говорить объ его сынѣ, который живетъ въ Россіи съ той минуты, какъ лѣта ему позволили поступить на службу; что онъ вышелъ изъ камергеровъ, опредѣлился въ военную службу и отличился во многихъ дѣлахъ на Кавказѣ, гдѣ прямо поступилъ въ тамошнее войско. «Этотъ, стало быть, Русскій», сказалъ императоръ. На счетъ Маркова онъ освѣдомился, гдѣ онъ былъ прежде и гдѣ находится теперь, и видѣлъ ли его нашъ Государь въ Москвѣ; потомъ сказалъ: «Онъ очень умный человѣкъ, нужно ему отдать эту справедливость». Говоря объ извѣстіи, сообщенномъ герцогомъ Виченцскимъ [5], относительно предстоящаго отъѣзда нашего Императора въ Тверь, онъ, по видимому, желалъ узнать о цѣли этой поѣздки, и когда я сказалъ, что, вѣроятно, Государю угодно осмотрѣть каналы, независимо отъ посѣщенія великой княгини Екатерины Павловны, онъ заговорилъ о необходимости имѣть хорошо устроенные соединительные каналы, безъ которыхъ Петербургу нечѣмъ продовольствоваться. Когда разговоръ снова возобновился, императоръ сталъ разспрашивать о предметахъ, входящихъ въ область моего управленія. Онъ пожелалъ узнать, находятся ли общественное воспитаніе, торговля и фабрики въ вѣдѣніи Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. Я ему объяснилъ устройство нашего министерства, и тогда онъ сталъ разспрашивать о Государственномъ Совѣтѣ, хорошо ли идутъ въ немъ дѣла и не бываетъ ли столкновеній съ министерствами. На это я сказалъ все что слѣдовало, чтобъ доказать, что этого никогда не можетъ случиться. Онъ на минуту задумался и потомъ заговорилъ о добрыхъ намѣреніяхъ и о желаніи блага, которыя видны во всемъ, что̀ нашъ Государь предпринимаетъ и учреждаетъ. Между прочимъ онъ выразился: «Пріостановка выпуска ассигнацій — отличная мѣра, которая должна принести ве

[5] Т. е. Коленкуромъ.

ликую пользу вашему денежному курсу, потому вы не думайте, чтобъ застой въ торговлѣ былъ причиной пониженія; на этотъ счетъ вамъ лучше не заблуждаться». Я согласился, что это было не единственной причиной зла, но въ тоже время счелъ долгомъ добавить, что застой торговли есть главная причина. Продолжая разговоръ, онъ спросилъ, процвѣтаютъ ли у насъ мануфактуры, на что я отвѣчалъ, что въ продолженіи послѣднихъ лѣтъ въ нихъ замѣчается успѣхъ: ибо, какъ извѣстно, когда обстоятельства препятствуютъ обычному ввозу мануфактурныхъ произведеній изъ-за границы, промышленность обращается на эти предметы и стремится восполнить ихъ недостатокъ. Это заявленіе, по видимому, понравилось ему и, кажется, было вполнѣ согласно съ его образомъ мыслей. Выразивъ свое согласіе по этому предмету, онъ привелъ въ доказательство цвѣтущее состояніе фабрикъ въ тѣхъ областяхъ, которыя онъ недавно осматривалъ и гдѣ количество ихъ по меньшей мѣрѣ удвоилось. Онъ обратился также къ королевѣ Вестфальской, прося ее подтвердить, что фабрики въ Германіи процвѣтаютъ, и число ихъ, сказалъ онъ, значительно умножилось со времени закрытія портовъ. Въ концѣ обѣда онъ опять вернулся къ торговлѣ, говоря, что наша торговля съ Англіей была для насъ очень невыгодна, и что Англія поступала съ нами, какъ съ Португаліей. Едва окончивъ эту фразу, онъ быстро всталъ изъ-за стола и не далъ мнѣ времени отвѣчать.

Изъ Русскихъ я одинъ былъ только приглашенъ на травлю. Императоръ соблаговолилъ мнѣ сказать, что, во вниманіи къ состоянію здоровья нашего посла, онъ не пригласилъ его на травлю, къ тому же онъ совсѣмъ не-охотникъ. Австрійскій посолъ и князь Эстергази сопровождали императора верхами. Жена посла не была приглашена по ошибкѣ, которую исправили при первой же остановкѣ экипажей: въ коляску императрицы посадили княгиню Шварценбергъ, невѣстку посла.

Я вернулся въ Парижъ около двухъ часовъ утра; тѣмъ не менѣе на другой день я все-таки поѣхалъ въ Сенъ-Клу къ одѣванью императора. Я нарочно выбралъ этотъ день, чтобы заявить мое усердіе и уваженіе и воспользоваться дарованнымъ мнѣ отличіемъ, такъ какъ мнѣ было извѣстно, что князь Нешательскій назначилъ охоту въ Гробуа, куда были приглашены имъ графъ Меттернихъ и другіе иностранцы, имѣвшіе право втораго входа къ императору; слѣдовательно я могъ надѣяться, что будетъ не такъ многолюдно, и мнѣ, можетъ быть, удастся устроить такъ, чтобъ меня попросили остаться для частнаго разговора. Мои ожиданія не были обмануты. Въ концѣ одѣванья императоръ меня пригласилъ остаться. Заговоривъ сначала о поѣздкѣ нашего Государя въ Тверь, онъ спросилъ, извѣстно ли мнѣ что нибудь о конвенціи касательно Польши. Я отвѣчалъ, что Его Императорское Величество, сильно интересуясь этимъ дѣломъ, соблаговолилъ сообщить мнѣ о немъ при моемъ отъѣздѣ изъ Петербурга.

«Переговоры эти, сказалъ императоръ, на которыхъ настаиваетъ ваше министерство и которые поселяютъ холодность между обоими дворами, замедляются первой статьей; но какъ могу я поручиться, что Польша никогда не будетъ возстановлена, и зачѣмъ требовать отъ меня такого обязательства, которое заключить возможно только одному Божеству? Обязательство это касается такого событія, которое хотя и невѣроятно само по себѣ, но между тѣмъ предупредить

его, можетъ быть, никакая человѣческая сила не будетъ въ состояніи. Во время моего свиданія съ Императоромъ въ Эрфуртѣ, не предвидѣлось ни малѣйшей возможности новой войны и, не смотря на это, мнѣ пришлось выдержать довольно трудную войну: Австрія обрушилась на меня со всѣми своими силами. Если жители Литвы вздумаютъ взбунтоваться, у васъ, конечно, въ рукахъ больше средствъ, чѣмъ даже сколько нужно, чтобы ихъ усмирить; а между тѣмъ, коль скоро я приму на себя обязательство, мнѣ придется идти къ вамъ на помощь, а я не хочу проливать кровь Французовъ, воюя за Поляковъ, или противъ нихъ».

—«Но, ваше величество, отвѣчалъ я, конвенція возникла на основаніяхъ, заключающихся въ письмѣ вашего величества къ нашему Государю Императору, а также въ письмѣ герцога Кадорскаго къ графу Румянцову; тутъ было положительно заявлено, что Польское королевство возстановлено не будетъ». На это онъ возразилъ, что, вѣроятно, я не помню точныхъ выраженій, заключавшихся въ этихъ письмахъ. Я долженъ былъ сознаться, что дѣйствительно не настолько помню эти выраженія, чтобы быть въ состояніи опровергнуть его слова; но я замѣтилъ, что вопросъ этотъ въ его настоящемъ положеніи и при томъ оборотѣ, который онъ принялъ, дѣлаетъ такъ много вреда, что лучше бы было его совсѣмъ не затрогивать, что главною цѣлью конвенціи было успокоить буйный духъ Поляковъ, упрочить ихъ будущность и заставить отказаться отъ несбыточныхъ надеждъ; теперь же, когда до нихъ начинаютъ доходить слухи о переговорахъ и они знаютъ о затрудненіяхъ и замедленіяхъ, которыя явились при ратификаціи, въ нихъ снова пробуждаются прежнія идеи, умы ихъ въ броженіи, и они снова предаются своимъ мечтамъ и думаютъ, что сдѣланъ еще шагъ къ возстановленію Польши.

—«Въ этомъ вы совершенно правы, отвѣчалъ императоръ; подобныя мысли соотвѣтствуютъ ихъ характеру. Я все это самъ знаю, и другаго желанія у меня нѣтъ, какъ только сдѣлать удовольствіе императору Александру; но въ такомъ невозможномъ дѣлѣ неумѣстна относительно меня настойчивость. Какъ же вы хотите, чтобъ я поручился въ такомъ дѣлѣ, за которое не могу отвѣчать? Противно правиламъ дипломатіи вносить въ договоръ или конвенцію такія догматическія статьи. Это только придастъ ей такой характеръ, какъ будто сильная держава требуетъ исполненія своей воли отъ другой, слабой державы. Франція никогда не признавала раздѣла Польши; только слабость тогдашняго правительства могла допустить его осуществленіе, и это такое дѣло, въ которомъ исторія всегда будетъ упрекать Францію. Я всегда сдѣлаю для императора Александра все, чего онъ пожелаетъ, если это будетъ зависѣть отъ меня; но въ этомъ случаѣ это не въ моей власти. Я бы могъ обѣщать не содѣйствовать ни прямо, ни косвенно ничему такому, что̀ могло бы способствовать возстановленію Польши, или если хотите, мы могли бы взаимно обезпечить настоящія границы обѣихъ имперій, назвавши всѣ владѣнія, изъ которыхъ онѣ состоятъ. На это я могу согласиться. У меня не было въ мысляхъ возстановленія Польши. Императоръ Александръ очень хорошо знаетъ, что, при заключеніи Вѣнскаго мира, Австрія готова была уступить мнѣ всю Галицію, лишь бы сохранить нѣкоторыя изъ своихъ Нѣмецкихъ провинцій, но я этого не захотѣлъ».

Потомъ я спросилъ его, знаетъ-ли нашъ дворъ объ этомъ измѣненіи, о которомъ я имѣлъ честь услышать отъ него? Онъ сказалъ, что нѣтъ: потому что свадьба и путешествіе, изъ котораго онъ только что вернулся, помѣшали ему заняться этимъ предметомъ. Я сказалъ, что не премину отдать Государю Императору точный отчетъ объ этомъ разговорѣ, но что я осмѣливаюсь ему представить, такъ какъ здѣсь есть посолъ Его Императорскаго Величества, которому именно и поручено вести эти переговоры, то я беру смѣлость просить его отдать свои приказанія герцогу Кадорскому на счетъ офиціальнаго сообщенія.

—«Но, прервалъ онъ, развѣ вашъ братъ уполномоченъ къ окончательному рѣшенію этого вопроса?»

—«Нѣтъ, ваше величество, отвѣчалъ я: ему поручено совершить обмѣнъ ратификацій, довести до свѣдѣнія вашего величества, на какія именно измѣненія согласенъ нашъ Императоръ, и подписать документъ, если онъ будетъ принятъ вашимъ величествомъ безъ всякихъ измѣненій.

Онъ отвѣчалъ мнѣ обѣщаніемъ поручить это дѣло г-ну Шампаньи, и такимъ образомъ мы покончили съ вопросомъ о бывшей Польшѣ.

Такъ какъ онъ не начиналъ другаго разговора, то я воспользовался удобной минутой, чтобъ отвѣчать на замѣчаніе, сдѣланное имъ наканунѣ, когда онъ сравнилъ наши торговыя отношенія къ Англіи съ положеніемъ Португаліи. Я ему сказалъ, что долженъ согласиться съ тѣмъ, что наша торговля съ этимъ государствомъ гораздо выгоднѣе для него, чѣмъ для насъ, но что, по свойству нашихъ товаровъ, настоящее положеніе нашей торговли вообще разорительно для Россіи, что у насъ вездѣ избытокъ въ предметахъ вывоза, но за то чувствуется недостатокъ въ предметахъ, получаемыхъ моремъ, и что даже тѣ предметы, которые могли быть ввезены сухимъ путемъ, чрезмѣрно возвысились въ цѣнѣ.

«Однако, сказалъ императоръ, прошлый годъ у васъ вывозъ былъ очень значителенъ». Я отвѣчалъ, что вывозъ былъ далеко не такъ значителенъ, какъ говорили, и ограничивался исключительно Архангельскимъ портомъ, гдѣ, дѣйствительно, онъ никогда прежде не доходилъ до такихъ размѣровъ; но это произошло отъ случайныхъ обстоятельствъ: именно Норвегія, страдавшая отъ голода вслѣдствіе войны съ Швеціей, вывезла, съ дозволенія нашего правительства, значительное количество зерноваго хлѣба, между тѣмъ какъ изъ другихъ Русскихъ портовъ вывозъ былъ малый. Къ этому я прибавилъ, что въ разговорахъ по этому поводу, которыхъ меня удостоивалъ нашъ Августѣйшій Монархъ, я всегда отъ него слышалъ, что онъ намѣренъ неизмѣнно держаться системы, принятой имъ въ Тильзитѣ и утвержденной въ Эрфуртѣ, и что ничто никогда не заставитъ его уклониться отъ нея, и онъ будетъ упорствовать въ ней, не смотря на жертвы, которыхъ это стоитъ его государству; но что эти жертвы и сопряженныя съ ними потери для его подданныхъ и въ особенности для торговли такъ велики, что онъ не можетъ не желать, чтобъ поскорѣе былъ заключенъ всеобщій миръ. На это я получилъ въ отвѣтъ, что всѣ подробности переговоровъ съ Англіей уже сообщены нашему двору, и что онъ надѣется, какъ скоро условіе о размѣнѣ плѣнныхъ подпишется, возможно будетъ заключить и миръ.

Кажется, этотъ предметъ былъ ему непріятенъ. Онъ выражался очень неопредѣленно и прекратилъ аудіенцію, не входя въ дальнѣйшія подробности. Я очень жалѣю, что не удалось болѣе подробно поговорить объ этомъ предметѣ, такъ какъ мнѣ хорошо извѣстно, что въ недавно учрежденномъ совѣтѣ по дѣламъ торговли, гдѣ главнымъ образомъ занимаются вопросомъ о выдачѣ свидѣтельствъ, идетъ усиленная работа. Я хо влъ сказать, что такъ какъ еще неизвѣстно, когда и скоро ли будетъ заключенъ миръ, а между тѣмъ состояніе нашихъ финансовъ таково, что требуется быстрая помощь: то хорошо бы было теперь же подумать о мѣрахъ, которыми можно бы было принести нѣкоторое облегченіе нашей торговлѣ, и что это зависитъ только отъ условнаго соглашенія между Франціей и Россіей на счетъ способа выдачи свидѣтельствъ, по которымъ странѣ предоставлялось бы право вывоза сырыхъ произведеній и ввоза такихъ, въ которыхъ чувствуется потребность и безъ которыхъ невозможно обойтись. Если еще представится случай, то, конечно, я имъ воспользуюсь.

Сообщивъ вашему сіятельству точный отчетъ о моемъ частномъ разговорѣ съ императоромъ, я долженъ еще довести до вашего свѣдѣнія еще два предмета, которые, по моему мнѣнію, заслуживаютъ вашего вниманія. Во 1) статью изъ «Journal de l'Empire» отъ 22-го Іюня. Она появилась на другой день послѣ нашего разговора и разсуждаетъ о препятствіяхъ, которыя предвидятся для установленія съ Англіей формальнаго договора о размѣнѣ плѣнныхъ. Я останавливаюсь на этомъ обстоятельствѣ, потому что здѣсь, какъ вамъ извѣстно, по существующей системѣ, всегда заранѣе сообщаютъ извѣстія о тѣхъ событіяхъ, которыя должны случиться; а въ отвѣтѣ, который былъ мнѣ данъ по поводу нашей торговли, условіе объ обмѣнѣ плѣнныхъ должно внушать надежду на миръ. Во 2) я долженъ сообщить, что графъ Замойскій все еще здѣсь. Недѣлю тому назадъ была ему дана прощальная аудіенція; онъ долженъ былъ уѣхать на другой день и очень безпокоился, чтобы г. Калькрейтъ и г. Розенкранцъ не забрали почтовыхъ лошадей и такимъ образомъ не задержали его въ дорогѣ. Въ продолженіе этого времени у меня былъ частный разговоръ съ императоромъ, и графъ Замойскій не только остался въ Парижѣ, но даже на праздникахъ появляется въ тѣхъ залахъ, гдѣ находится императоръ и именно на мѣстахъ, назначаемыхъ для отличія тѣмъ иностранцамъ, которые должны быть замѣчены императоромъ и тѣмъ доставить ему случай говорить съ ними. Впрочемъ, я долженъ прибавить, что не видалъ ни разу, чтобъ императоръ съ нимъ разговаривалъ. Мнѣніе мое объ этомъ обстоятельствѣ основывается на вытекающемъ изъ него предположеніи, которое состоитъ въ томъ, что графъ Замойскій опасается тѣхъ предметовъ, о которыхъ шла рѣчь въ моемъ разговорѣ съ императоромъ и домогается узнать объ его содержаніи; если же оно ему извѣстно, то онъ, можетъ быть, старается подѣйствовать на г. Шампаньи и на другихъ, чтобъ возбудить препятствія, напоминая объ обѣщаніяхъ, которыя ему, можетъ быть, были сдѣланы.

5.

Парижъ, 12 (24) Іюля 1810 года.

Такъ какъ послѣ Воскреснаго дипломатическаго собранія императоръ не возвратился въ Сенъ-Клу, то я поѣхалъ вчера, чтобъ при-

сутствовать при одѣваньи. Во время своего обычнаго обхода, послѣ незначительныхъ вопросовъ о нашихъ военныхъ дѣйствіяхъ и о здоровьи моего брата, онъ пригласилъ меня остаться и далъ понять, что ему нужно со мной поговорить. Когда кончилось одѣванье, онъ вступилъ со мной въ длинный разговоръ, сначала имѣвшій предметомъ Турецкія дѣла. Онъ спросилъ, не имѣю ли я извѣстій изъ арміи; я ему отвѣчалъ, что посолъ не получалъ никакихъ, кромѣ тѣхъ, которыя уже извѣстны, и что, судя по послѣднимъ извѣстіямъ, графъ Каменскій настигъ и разбилъ авангардъ великаго визиря и послѣ этого сраженія овладѣлъ Разградомъ. «Авангардъ или всю армію, сказалъ онъ, это все равно; у этихъ людей нѣтъ ничего, это невѣжды, безъ средствъ, безъ силъ; они должны заключить миръ». Затѣмъ послѣдовало множество распросовъ о графѣ Каменскомъ и объ его братѣ. Онъ желалъ знать, гдѣ онъ служилъ въ первую Прусскую кампанію.

Не будучи знакомъ съ подробностями этой войны, я не могъ удовлетворить его на этотъ счетъ, а только сказалъ, что по всей вѣроятности графу Каменскому будетъ принадлежать слава доставить своему Отечеству возможность два раза заключить миръ на выгодныхъ условіяхъ; что миромъ съ Швеціей мы главнымъ образомъ обязаны побѣдѣ, одержанной имъ, и я равно надѣюсь, что миръ съ Турціей будетъ слѣдствіемъ его доблестныхъ подвиговъ, такъ какъ я знаю, что его правило—продолжать настойчиво разъ начатое съ успѣхомъ, и стало быть я увѣренъ, что онъ не остановится, прежде чѣмъ не принудитъ великаго визиря подписать условія мира, котораго мы желаемъ.

Когда разговоръ о военныхъ дѣйствіяхъ прекратился за неимѣніемъ матеріала, императоръ продолжалъ идти рядомъ со мной въ продолженіи пяти минутъ, не говоря ни слова. Онъ, казалось, обдумывалъ что-то. Наконецъ онъ прервалъ молчаніе, сказавъ: «И такъ посолъ не имѣетъ полномочія для переговоровъ о конвенціи?»—Я ему отвѣчалъ: «Нѣтъ, ваше величество, какъ я уже имѣлъ честь прежде доложить».— «Не можете ли вы мнѣ сказать, чего отъ меня хочетъ графъ Румянцовъ? продолжалъ онъ. Вотъ уже полгода, какъ я пересталъ его понимать, и онъ какъ будто не понимаетъ меня; или, можетъ быть, онъ и дѣйствительно меня не знаетъ? Развѣ для этого онъ пріѣзжалъ въ Парижъ? Можетъ быть, онъ меня принимаетъ за Прусскаго короля, или за Людовика XV, который только и думалъ о своихъ любовницахъ? Развѣ онъ считаетъ, что Французское правительство въ такомъ положеніи, какъ было во время тогдашняго жалкаго царствованія? Вотъ уже полгода какъ мы споримъ о словахъ, и еслибы даже онъ пришелъ въ Парижъ съ 500,000 войска: все таки онъ не заставилъ бы меня подписать условія, которыя противорѣчатъ всѣмъ правиламъ дипломатіи и притомъ выражены въ такихъ словахъ, которыя невозможны ни на какомъ языкѣ. Прежде, когда я получалъ депеши изъ Петербурга, въ нихъ заключались только пріятныя для меня вещи, при дворѣ все ликовало въ продолженіи шести часовъ сряду; теперь же я получаю только жалобы. Иногда я цѣлые два часа не могу рѣшиться прочесть депеши моего посла. И какого же рода эти жалобы? Жалобы на книжонку какого-то Колонтая! Я не знаю ни его самого, ни его книги; я потребовалъ ее, чтобъ узнать, что̀ это такое. Жалобы на статьи въ Сѣверной Пчелѣ (Abeille du Nord), которыхъ я никогда не читаю; на отзывы

нѣсколькихъ женщинъ, нѣсколькихъ сумасбродныхъ Поляковъ! Всѣ знаютъ, что они сумасшедшіе. Да и кромѣ того, зачѣмъ обращаться ко мнѣ съ такими дѣлами, которыя касаются законовъ страны. Когда случится что нибудь важное, конечно, придется обратиться ко мнѣ, я этого не скрываю и не скромничаю на этотъ счетъ; но когда дѣло идетъ о подобныхъ вещахъ, то не въ моей власти дать удовлетвореніе: въ Варшавскомъ герцогствѣ у меня нѣтъ полицейскихъ коммисаровъ, и я нисколько не вмѣшиваюсь въ внутреннее управленіе страны. Теперь я раскаеваюсь, что далъ гвардейскому полковнику Красицкому, состоящему у меня на службѣ, позволеніе ѣхать туда, потому что я не отвѣчаю за то, что̀ онъ будетъ тамъ говорить, а вы къ этому придеретесь, чтобъ снова обвинить меня, между тѣмъ какъ я никогда не переставалъ и теперь не перестаю совѣтовать имъ, чтобы они оставались спокойны. Я это говорю всѣмъ Полякамъ, которые обращаются ко мнѣ и много разъ повторялъ графу Замойскому; я началъ это говорить съ той минуты, какъ пріѣхалъ въ Варшаву, и теперь не измѣнилъ своихъ словъ, хотя послѣ Фридландскаго боя отъ меня зависѣло возмутить всю Литву, предлагавшую мнѣ подняться противъ васъ. Уже полгода графъ Румянцовъ преслѣдуетъ меня булавочными уколами. Это противно достоинству великой державы; такъ дѣйствуютъ слабые. Неужели онъ думаетъ, что со мной можно такъ поступать, потому что я занятъ Испаніей? Развѣ онъ не знаетъ, что это разбойничья война и что ей будетъ конецъ? Развѣ онъ забылъ, что она не помѣшала мнѣ съ успѣхомъ бороться противъ Австріи? Въ послѣдней депешѣ, полученной мною изъ Петербурга, Коленкуръ пишетъ, что графъ Румянцовъ обвиняетъ меня въ томъ, зачѣмъ до сихъ поръ не заключенъ миръ съ Турціей. Я не унижаюсь до подобныхъ уловокъ. При моемъ могуществѣ и силѣ, нѣтъ необходимости къ нимъ прибѣгать. Еслибъ я хотѣлъ остановить ваши военныя дѣйствія и помѣшать заключенію мира, я бы выдвинулъ на Одеръ двѣсти тысячъ войска, вмѣсто того чтобъ возбуждать противъ васъ Турцію, какъ предполагаетъ графъ Румянцовъ. Подобное обвиненіе оскорбляетъ мою честь, это обида для меня. Я очень недоволенъ Коленкуромъ: онъ бы не долженъ позволять, чтобъ ему выражали подобныя оскорбительныя претензіи; послѣ этого ему не слѣдуетъ больше бывать у графа Румянцова».

Здѣсь я его прервалъ, чтобъ сказать, что Виченцскимъ герцогомъ, конечно, руководило желаніе избѣжать явнаго разрыва: онъ хотѣлъ сначала узнать намѣренія своего государя и потомъ уже принять рѣшеніе. Онъ согласился со мной и нашелъ мое замѣчаніе справедливымъ.—«Но, продолжалъ онъ, Коленкуръ не долженъ бы выслушивать подобныя обвиненія. Я приказалъ герцогу Кадорскому написать ему объ этомъ. Онъ сталъ настоящимъ придворнымъ; онъ только и говоритъ о безпрерывныхъ завѣреніяхъ и обѣщаніяхъ императора Александра, а между тѣмъ министръ его постоянно жалуется. Я никогда не жалуюсь, я считаю это унизительнымъ для достоинства великой державы. Жаловался ли я когда нибудь на графа Толстаго, хотя я хорошо зналъ, что его мнѣнія не тождественны съ мнѣніями его двора? Я могъ бы пожаловаться на посланника, который не хотѣлъ ѣхать въ Испанію, но оставался цѣлый годъ здѣсь и разсказывалъ разныя нелѣпости объ Испанскихъ дѣлахъ. А потомъ, какой смыслъ имѣетъ поведеніе этого Алопеуса,

котораго вы посылаете въ Неаполь? Онъ скорѣе Англійскій агентъ, чѣмъ Русскій посланникъ. Вмѣсто того, чтобы отправиться къ своему посту, онъ ѣдетъ въ Вѣну, чтобы интриговать вмѣстѣ съ Разумовскимъ и возбуждать оппозицію противъ Франціи. Для меня это и непріятно, и стѣснительно; а графъ Шуваловъ, исполняющій свой долгъ, принужденъ не видаться съ нимъ: они въ дурныхъ отношеніяхъ. Можетъ ли быть мнѣ пріятно, что такого человѣка какъ Алопеусъ назначили посланникомъ при Неаполитанскомъ дворѣ? Не слѣдуетъ жаловаться ни на слова, ни на поступки разныхъ лицъ, какъ скоро они не имѣютъ вліянія на дѣла. Вотъ почему я не понимаю, чтобы можно было придавать важность отзывамъ Поляковъ. Кромѣ того у васъ столько людей, не раздѣляющихъ мнѣній двора; можетъ быть, графъ Румянцовъ желаетъ также измѣнить образъ дѣйствій и заключить союзъ съ Англіей? Тогда война неизбѣжна, и ея жертвами будутъ 500,000 или 600,000 человѣкъ. Но развѣ онъ не знаетъ, что до Тильзитскаго мира я былъ воленъ идти, куда мнѣ угодно. Меня ждали 80,000 Литовцевъ, и если я согласился на миръ, то только съ условіемъ, что вы присоединитесь ко мнѣ, чтобы помочь мнѣ заключить миръ съ Англіей. Я не желаю съ вами ссориться и всегда буду этого избѣгать; но если меня принудятъ къ этому, то, конечно, я буду вынужденъ это сдѣлать. Однакоже политическія выгоды Европы требуютъ, чтобы двѣ великія державы продолжали быть въ мирѣ, какъ это было въ продолженіи трехъ лѣтъ, и чтобы одна повелѣвала на Сѣверѣ, а другая на Югѣ».

На это заявленіе я отвѣчалъ, что если рѣшительныя заявленія съ моей стороны могутъ имѣть для него значеніе въ этомъ дѣлѣ, то я готовъ кровью своею подписать увѣреніе въ томъ, что и Императоръ, и Русскій кабинетъ желаютъ избѣгнуть всякаго недоразумѣнія съ Франціей и предупредить таковое, такъ какъ въ этомъ заключается единственный способъ сохранить миръ на материкѣ Европы.

«Я всегда буду строго выполнять обязательства, продолжалъ онъ, принятыя мною въ Тильзитѣ и Эрфуртѣ. Когда я согласился гарантировать Портѣ цѣлость ея владѣній, то всегда старался дать понять, что граница ея Дунай; но съ той минуты, какъ она бросилась въ объятія Англіи, я перервалъ съ ней всякія сношенія. Посланникъ, находящійся здѣсь въ Парижѣ, не представилъ мнѣ никакихъ вѣрительныхъ грамотъ; онъ присутствуетъ при дворѣ, не знаю, какимъ образомъ; я же держу въ Константинополѣ только молодаго, 20-лѣтняго человѣка, который мнѣ сообщаетъ различныя извѣстія, и на меня-то взводятъ оскорбительное обвиненіе, будто я втайнѣ возбуждаю Порту противъ васъ, между тѣмъ какъ я черезъ посредство этого молодаго человѣка наблюдаю за вашими интересами, и еще недавно я велѣлъ объявить, что она должна заключить миръ, отказавшись отъ обоихъ княжествъ. Я сказалъ, что вы будете непреклонны въ этомъ пунктѣ и что продолжать войну значитъ даромъ проливать кровь. Я вѣрно храню свои обязательства и никогда имъ не измѣню; я считаю лѣвый берегъ Дуная границей *вашей* имперіи. *Всякое дальнѣйшее завоеваніе будетъ считаться мною за объявленіе мнѣ войны.* Мой способъ дѣйствія во всѣхъ обстоятельствахъ далекъ отъ того поведенія, какое мнѣ приписываютъ у васъ. Во мнѣ безпрестанно возбуждаютъ опасенія, и я буду принужденъ вооружиться. Я молодъ, храбръ, и подъ моей командой храбрая армія; въ моемъ распоряженіи 40,000,000 людей, и я никого не боюсь. Пусть откро-

венно объяснятся со мной, пусть скажутъ, чего хотятъ; а я, чтобы доказать искренность своихъ словъ и честность поступковъ, не скрою отъ васъ, что я велѣлъ сказать Пруссіи, чтобы, въ случаѣ войны съ Россіей, она выбирала между мной и вами, а не виляла. Для меня было бы весьма пріятно получить лишнихъ 40,000 человѣкъ, но я предпочитаю, чтобы она соединилась съ вами, чѣмъ еслибы оставалась нейтральной. Вы не можете отрицать, что союзъ принесъ выгоды Россіи: слѣдствіемъ его было пріобрѣтеніе трехъ большихъ областей, усиливающихъ могущество вашей имперіи и обезпечивающихъ безопасность вашихъ границъ. Между тѣмъ меня обвиняютъ въ дурныхъ умыслахъ противъ Россіи, и притомъ въ такую минуту, когда я надѣялся, что вы будете благодарны за выгоды. Правда, мнѣ могутъ поставить на видъ расширеніе Варшавскаго герцогства; но развѣ это моя вина, что вы, при первомъ пушечномъ выстрѣлѣ, не послали значительнаго войска въ Галицію: тогда бы не было Польскаго возстанія, и моею обязанностью было бы оставить ее въ вашемъ владѣніи, какъ область завоеванную силою оружія, что̀ мнѣ было бы даже гораздо пріятнѣе, чѣмъ присоединеніе ея къ Варшавскому герцогству. Еслибы жаловаться было въ моемъ характерѣ, то я могъ бы это сдѣлать во время войны съ Австріей. Вы перешли границу, когда я уже былъ въ Вѣнѣ и успѣлъ положить прочное основаніе выгодамъ, которыя миръ долженъ былъ утвердить; если бъ я когда нибудь принялъ обязательство вамъ помогать, то я бы пришелъ на помощь не съ тридцатью тысячами, но съ двумя стами, съ тремя стами тысячами человѣкъ».

Тутъ я счелъ нужнымъ ему замѣтить, что мы въ то время сами вели четыре войны. Онъ возразилъ на это: «Если бы вы отдали приказаніе, чтобъ 30,000 или 40,000 изъ вашей арміи въ Турціи сдѣлали полуоборотъ на право, то этимъ бы дѣйствительнѣе выполнили свое обязательство. Впрочемъ я упоминаю о томъ только для того, что разговоръ коснулся этого предмета; я не думаю васъ упрекать. Но я не допущу, чтобъ графъ Румянцовъ обвинялъ меня въ коварствѣ и темныхъ проискахъ, что̀ оскорбляетъ мою честь. Еслибъ, при заключеніи Вѣнскаго мира, я бы вздумалъ воспрепятствовать вамъ присоединить Молдавію и Валахію, я бы легко могъ это сдѣлать съ помощію Австріи. Тогда все зависѣло отъ одного меня; но я, оставаясь вѣрнымъ принятому обязательству, даже и не подумалъ объ этомъ. Меня даже не обидило уничтоженіе тѣхъ преимуществъ, которыми пользовались въ княжествахъ мои консулы; но другое дѣло Австрія: она чрезвычайно оскорбилась такимъ поступкомъ. Развѣ моя вина, что вы не могли сдѣлать въ четыре года того, что̀ вашъ генералъ Каменскій исполнилъ въ двѣ недѣли? Я былъ такъ увѣренъ въ близости подобной развязки, что въ Эрфуртѣ просилъ отсрочить до Декабря возобновленіе военныхъ дѣйствій, чтобъ обезопасить моихъ агентовъ въ Оттоманской имперіи отъ преслѣдованія Турокъ. Вы видите, что я не вмѣшиваюсь въ Шведскія дѣла; я не посылаю туда своего посланника до окончанія сейма, чтобъ не сказали, что я старался тамъ подѣйствовать на него. До тѣхъ поръ, покуда вы не покончили съ Турціей (теперь я считаю, все покончено съ этой стороны), я ничего не говорилъ, чтобъ не обвинили меня въ томъ, что я имѣлъ слабость воспользоваться минутой, когда вы были заняты въ другомъ мѣстѣ».

Онъ продолжалъ говорить такимъ образомъ въ продолженіи цѣлаго часа, въ началѣ съ большою горячностью; но потомъ, видя мое хладнокровіе, онъ сдѣлался спокойнѣе. Чтобъ достигнуть какого нибудь результата, я нѣсколько разъ возвращался къ вопросу о конвенціи, такъ какъ я желалъ, чтобъ онъ наконецъ высказался рѣшительно по этому предмету. «Но къ чему же послужитъ эта конвенція, сказалъ онъ, если между нами вспыхнетъ война? На запросъ, который вы мнѣ дѣлаете, я не могу дать никакого объясненія, такъ какъ вашъ братъ не имѣетъ полномочія; даже Шампаньи приставалъ ко мнѣ три дня, прежде чѣмъ я рѣшился вручить вамъ ноту, которую получилъ вашъ посолъ; я не могу дать никакого отвѣта на контръ-ноту».

Я ему замѣтилъ, что такъ какъ измѣненія уже почти всѣ намъ извѣстны, то достаточно бы было теперь сообщить о нихъ офиціально послу для того, чтобъ онъ могъ испросить приказаній у Императора на счетъ отвѣта, который слѣдуетъ дать, и способа покончить это дѣло. «Но нѣтъ, отвѣчалъ онъ: тамъ и слышать не хотятъ объ измѣненіяхъ; графъ Румянцовъ непремѣнно хочетъ предписывать мнѣ законы и заставить подписать составленный имъ протоколъ. Но меня можно убить, отрѣзать руки и ноги, но все-таки меня не принудятъ согласиться. Пусть онъ пришлетъ полномочіе послу, такъ чтобъ онъ имѣлъ власть устроить это дѣло согласно съ желаніями обѣихъ державъ, и тогда мы постараемся покончить съ нимъ. Я не хочу больше, чтобъ Коленкуръ въ него вмѣшивался».

Не смотря на это формальное заявленіе, я еще разъ пытался возвратиться къ тому же предмету, чтобъ заставить его дать отвѣтъ, о которомъ онъ формально объявилъ во время перваго нашего разговора и о которомъ я старался ему часто напоминать. Онъ окончилъ разговоръ, говоря, что сначала хотѣлъ самъ писать къ Императору, но, поразмысливъ, предпочелъ объясниться со мной; что онъ проситъ не дѣлать объ этомъ объясненіи прямаго донесенія Государю, но только сообщить о немъ вашему сіятельству, и что онъ въ этомъ дѣлѣ назначаетъ меня своимъ довѣреннымъ лицомъ.

Я старался изложить этотъ разговоръ со всевозможною точностью. Продолжался онъ болѣе двухъ часовъ; императоръ часто повторялъ тоже самое, возвращался нѣсколько разъ къ тѣмъ же предметамъ, дѣлалъ много отступленій, такъ что мнѣ, въ этомъ краткомъ извлеченіи, которое я имѣю честь вамъ посылать, невозможно было изложить его мысли въ большей послѣдовательности.

6.

Парижъ, 12 (24) Іюля 1810 года.

Ваше сіятельство, вѣроятно, замѣтили въ моей депешѣ, заключающей въ себѣ отчетъ о разговорѣ, который я имѣлъ съ императоромъ, его слова на счетъ графа Красицкаго и его старанія заставить меня взглянуть на это путешествіе, какъ имѣющее цѣлью только личныя дѣла. Основываясь на довольно вѣрныхъ данныхъ, а также и на увѣренности, внушаемой обстоятельствами, я считаю себя въ правѣ предположить, что графъ Красицкій отправился съ секретнымъ политическимъ порученіемъ отъ императора Наполеона, и потому считаю долгомъ обратить вниманіе в. сіятельства на этого Поляка. Онъ уже извѣстенъ своими поступками, доказавшими его преданность извѣстной системѣ и, не опасаясь упрека въ легкомысліи, ему мож-

но приписать намѣренія, противъ которыхъ никакія предосторожности не окажутся излишними. Я думаю, по крайней мѣрѣ, что было бы нелишнимъ строгое наблюденіе за его поступками, тѣмъ болѣе, что онъ получилъ дозволеніе отправиться въ помѣстья, которыми онъ владѣетъ въ Россіи. Постоянный надзоръ за всѣми его дѣйствіями во всякомъ случаѣ не представитъ никакихъ неудобствъ, а въ тоже время можетъ предотвратить опасности, которыя произойдутъ отъ присутствія графа Красицкаго посреди его соотечественниковъ, если дѣйствительно онъ поѣхалъ къ нимъ (какъ все заставляетъ предполагать) съ злокозненными намѣреніями.

7

Парижъ, 4 (16) Августа 1810 г.

Послѣ частнаго разговора съ императоромъ, сообщеннаго мною вашему сі—ву депешею отъ 12 (24) Іюля (которую повезъ курьеръ Артемовъ), я старался бывать на одѣваньи императора, во все время его пребыванія въ Сенъ-Клу, такъ часто, какъ только позволяло приличіе. Я ѣздилъ каждые два дня. Я дѣлалъ это въ надеждѣ имѣть еще разговоры, которые мнѣ дали бы возможность замѣтить, не произошло ли какихъ нибудь перемѣнъ въ расположеніи и намѣреніяхъ, а также не зайдетъ ли опять рѣчь о границахъ Порты. Но я ошибся въ своихъ ожиданіяхъ: за этимъ замѣчательнымъ разговоромъ не послѣдовало другихъ, и впослѣдствіи даже все имѣло видъ, какъ будто бы его и не происходило.

Всякій разъ я бывалъ принятъ съ особеннымъ предпочтеніемъ и даже замѣчалъ нѣкоторую льстивость въ томъ совѣтѣ, который я получилъ отъ дежурнаго камергера, сказавшаго мнѣ, чтобъ я стоялъ вмѣстѣ съ министрами, т. е. на одномъ изъ первыхъ мѣстъ въ кругу. Во время одѣванья разговоръ ограничивался здоровьемъ моего брата и военными дѣйствіями нашихъ войскъ въ Турціи. По этому поводу императоръ повторялъ, что онъ считаетъ эту войну совершенно оконченною, что нужно посмотрѣть, какое впечатлѣніе это произведетъ въ Константинополѣ, и что можетъ быть дѣло окончится невыгоднымъ для султана образомъ.

Въ предпослѣдній разъ, какъ я тамъ присутствовалъ, императоръ освѣдомился, нѣтъ-ли извѣстій о военныхъ дѣйствіяхъ, и когда я ему передалъ то, что ваше сіятельство сообщили въ посольство о сраженіи при Шумлѣ, онъ сказалъ, что по полученнымъ изъ Корфу извѣстіямъ видно, что паши посылаютъ значительное подкрѣпленіе въ армію визиря, и что султанъ отправляется самъ туда-же съ знаменемъ Магомета, и *по всей вѣроятности*, добавилъ онъ, *не для того чтобы заключить миръ*. Потомъ, послѣ довольно замѣтнаго перерыва, онъ спросилъ у меня, правда ли, что генералъ Каменскій долженъ былъ прекратить осаду Варны, чтобъ идти на подкрѣпленіе главной арміи? Я отвѣчалъ, что считаю это невозможнымъ, судя по свѣдѣніямъ, которыя имѣю о количествѣ войска. «Я тоже думаю, сказалъ онъ, потому что у васъ тамъ должно быть болѣе ста тысячъ войска, если только вашъ главнокомандующій не слишкомъ растянулъ ихъ».

На дипломатическомъ собраніи, которое было вчера, 15-го числа, въ день имянинъ Наполеона, императоръ долго разговаривалъ со мной о Парижскихъ тюрьмахъ, которыя я осматривалъ нѣсколько дней тому назадъ и сообщалъ при этомъ всѣ подробности объ ихъ

внутреннемъ устройствѣ. Разговоръ продолжался такъ долго, что обратилъ на себя всеобщее вниманіе, тѣмъ болѣе, что его нельзя было разслышать другимъ. Въ тотъ же день вечеромъ, въ собраніи, проходя мимо, передъ тѣмъ какъ идти въ концертъ, онъ нарочно подошелъ ко мнѣ, чтобъ оказать мнѣ вниманіе, хотя я стоялъ не на той сторонѣ, по которой онъ пошелъ сначала. Это тоже было замѣчено г. Меттернихомъ, стоявшимъ недалеко отъ меня; но къ нему не было обращено ни единаго слова.

8.

Парижъ, 8 (20) Августа 1810 года.

Императоръ назначилъ мнѣ прощальную аудіенцію въ Воскресенье, 19-го этого мѣсяца. Пріѣхавши въ полдень въ Сенъ-Клу, я засталъ въ первой залѣ Голландскую депутацію, высшихъ сановниковъ, министровъ и вообще много народа. По окончаніи обѣдни меня ввели къ его величеству, но не оставили въ залѣ, гдѣ императоръ принимаетъ во время одѣванья, а прямо провели въ кабинетъ. Послѣ обычныхъ увѣреній въ личной дружбѣ къ нашему Государю Императору, въ постоянствѣ чувствъ, которыя онъ къ нему питаетъ, онъ сказалъ, что всегда доказывалъ эти чувства во всемъ, чт̀о касалось политическихъ сношеній обоихъ государствъ, и что помимо этого правила, служащаго всегда основаніемъ всѣхъ его поступковъ, онъ убѣжденъ въ той истинѣ, что, имѣя въ виду взаимныя выгоды обѣихъ державъ, они не могутъ и не должны ссориться. «Я, продолжалъ императоръ, принималъ самое живое участіе въ завоеваніи Молдавіи и Валахіи; я это объявилъ тогда, потому что былъ радъ содѣйствовать Императору въ пріобрѣтеніи того, чт̀о ему было пріятно и укрѣпляло границы его имперіи. Мои дѣла касаются Англіи, Голландіи, Испаніи, Италіи. Я занятъ исключительно интересами этихъ странъ; на нихъ устремлена вся моя заботливость, слѣдовательно ничто не можетъ подать поводъ къ какому бы то ни было недоразумѣнію между нами, развѣ только Польскія дѣла. Они могутъ внушить вамъ недовѣріе, но вы сами виноваты во всѣхъ событіяхъ, возбуждающихъ ваше подозрѣніе. Бездѣйствуя при началѣ послѣдней войны съ Австріей, вы не заняли тотчасъ же Галиціи, и тѣмъ самымъ дали бунтовщикамъ время завладѣть ею; себя же вы лишили возможности пріобрѣсти ее, потому что разъ занятая вашими войсками область должна бы была, конечно, принадлежать вамъ. При заключеніи Вѣнскаго мира, мнѣ невозможно было заставить уступить ее вамъ; я не могъ также возвратить ее прежнему государю: въ качествѣ побѣдителя, я не могъ отдать въ жертву страну, доказавшую мнѣ свою преданность на дѣлѣ. Я не желаю возстановленія Польши и это достаточно доказалъ, потому что я могъ бы это исполнить и въ Тильзитѣ, и послѣ Вѣнскаго мира. Это было даже причиной, замедлявшей переговоры, которые предшествовали заключенію этого мира. Австрія настойчиво предлагала уступить все, чѣмъ она владѣла въ Польшѣ, чтобъ сохранить свои Нѣмецкія провинціи. Еслибъ у меня была такая мысль, то я бы не отдалъ Варшавскаго герцогства Саксонскому королю, слабому, лѣнивому человѣку, который никогда не двинется съ мѣста. Только благодаря системѣ вашего Государственнаго Совѣта, произошло это расширеніе его владѣній. Прежде чѣмъ дѣйствовать, вы хотите видѣть исходъ событій; а въ нашъ вѣкъ они слѣдуютъ съ такою быстротою одно за дру-

гимъ, что разъ пропущенная удобная минута уже никогда не возвращается. Честность моихъ поступковъ должна служить для васъ доказательствомъ искренности моихъ намѣреній; есть еще факты, свидѣтельствующіе тоже самое. Государи, стоящіе во главѣ обширныхъ имперій, не должны поступать иначе; интриги приличны какому нибудь Прусскому королю и мелкимъ Нѣмецкимъ князьямъ, которые не умѣютъ, да и не могутъ поступать иначе. Всякій разъ какъ вы будете меня подозрѣвать въ интригахъ, вы меня этимъ тяжко оскорбите; *это докажетъ, что, не смотря на всѣ мои старанія сохранить союзъ съ вами, вы ищете случая поссориться со мной;* но будетъ вопреки моему желанію, если я найдусь вынужденнымъ заставить войска свои дѣйствовать противъ васъ, вести на Сѣверъ 400,000 человѣкъ, проливать кровь безъ всякой цѣли и не предвидя выгодъ, которыя могли бы меня на это подвинуть. Всякая война Россіи съ Франціей, или война, которую я принужденъ буду объявить Россіи, будетъ противорѣчить моимъ намѣреніямъ, потому что она не можетъ имѣть другаго исхода, кромѣ гибели двухъ сотъ тысячъ Французовъ. Еще разъ повторяю: я не желаю и не могу желать разрыва между Франціей и Россіей. Вообще говоря, какую же выгоду можно извлечь изъ войнъ, не имѣющихъ никакого отношенія къ прямымъ выгодамъ государства? Что̀ вамъ дала ваша Итальянская война? Она послужила къ избіенію большаго числа людей, единственно для прославленія Суворова; конечно, я не возмусь за Мальтійскій Орденъ, чтобъ сдѣлаться великимъ магистромъ, какъ императоръ Павелъ. Я желаю, чтобъ меня поняли и не тревожились пустыми рѣчами праздныхъ людей и газетчиковъ, которые находятъ выгоднымъ придумывать различные случаи, могущіе заинтересовать ихъ читателей. Хотя и стараются остановить эти ложныя извѣстія, но тѣмъ не менѣе они высказаны, обнародованы и обращаютъ вниманіе тѣхъ, кто придаетъ имъ больше значенія, чѣмъ они заслуживаютъ сами по себѣ. Вотъ доказательство моего расположенія сдѣлать все угодное Россіи: пусть Императоръ продиктуетъ мнѣ какую хочетъ статью, и я велю ее помѣстить въ «Монитёрѣ». Кромѣ того, я приказалъ сказать Портѣ, чтобъ она и не думала обратно получить княжества. Хотя послѣднія извѣстія изъ Константинополя сообщаютъ, что султанъ былъ въ мечети и хочетъ отправиться самъ къ арміи, но это останется безъ всякихъ послѣдствій. Султанъ человѣкъ молодой, слабый, безъ средствъ; въ арміи нѣтъ дисциплины, въ государствѣ господствуетъ анархія. Между нами будь сказано, я не люблю Турокъ; еслибъ во главѣ ихъ стоялъ настоящій человѣкъ, онъ, можетъ быть, пробудилъ бы въ нихъ прежній духъ, и ему удалось бы поднять значеніе этой державы; но въ томъ состояніи разложенія, въ какомъ она находится, ей необходимъ миръ, и я убѣжденъ, что если султанъ отправится въ армію, то единственно для мирныхъ переговоровъ. Несомнѣнно, что уже въ нынѣшнемъ году миръ будетъ заключенъ. Разъ заявивши, что я считаю княжества принадлежащими Россіи, я ничего не измѣню въ своихъ словахъ, хотя бы могъ снова пріобрѣсти вліяніе въ этой странѣ. Вы лишили Францію и Австрію преимуществъ, которыми они пользовались въ Молдавіи и Валахіи. Австрія спрашивала у меня, что̀ ей дѣлать; я отвѣчалъ, что я считаю княжества какъ бы принадлежащими Россіи, и потому мнѣ больше нечего говорить. Я даже долженъ желать, чтобъ они вамъ принадлежали, во первыхъ, потому что они округ-

ляютъ ваши предѣлы *лѣвымъ берегомъ Дуная*, что̀ составляетъ для васъ естественную и вполнѣ необходимую границу; потомъ, этимъ пріобрѣтеніемъ исполняется желаніе императора Александра, а все, что̀ согласно съ его выгодами, всегда будетъ удобно и для меня; и наконецъ третья причина, заставляющая меня этого желать (не скрою отъ васъ), есть то, что *такое расширеніе вашихъ владѣній дѣлаетъ Австрію вашимъ врагомъ навсегда*. Я вамъ скажу, что она васъ также боится, какъ и меня. *Съ своей стороны, я не заключаю и не заключу никакого союза съ Австріей*. Пребываніе Меттерниха имѣетъ только цѣлію выхлопотать кое-какія облегченія въ ихъ внутреннихъ дѣлахъ; оно, такъ сказать, имѣетъ только отношеніе къ дѣламъ администраціи, но политика не входитъ въ переговоры, которыми онъ здѣсь занятъ. Я заключилъ съ Австрійскимъ императоромъ родственный союзъ, такъ какъ этотъ бракъ былъ во всѣхъ отношеніяхъ выгоденъ для меня; но политикѣ тутъ никогда не будетъ мѣста. Относительно Шведскихъ дѣлъ, которыя должны васъ сильно интересовать, если вы обратите вниманіе на слухи, распространяемые въ публикѣ на счетъ Французскаго генерала, котораго хотятъ сдѣлать наслѣдникомъ престола, то конечно вы будете имѣть поводъ къ недовольству; но я сообщилъ Императору письмо короля и мой отвѣтъ, въ которомъ я заявляю, что найду прекраснымъ все, что̀ король сочтетъ выгоднымъ сдѣлать для своего государства, коль скоро у него въ виду назначить наслѣдникомъ престола принца Августенбургскаго. Что касается до моихъ сношеній съ Англіей, то все дѣло идетъ о размѣнѣ плѣнныхъ и всѣ переговоры, бывшіе по этому поводу, также сообщены императору Александру. Слѣдовательно, въ своихъ поступкахъ я старался быть всегда откровеннымъ, чтобъ избѣгнуть какихъ бы то ни было подозрѣній, и я бы желалъ, чтобъ мнѣ за это были благодарны. Вы должны сознаться, что послѣ Тильзитскаго мира Россія постоянно пріобрѣтала весьма значительныя выгоды; доказательствомъ служитъ пріобрѣтеніе Финляндіи, *которое совершенно противорѣчило моимъ политическимъ видамъ*; но я смотрѣлъ на это съ удовольствіемъ, такъ какъ оно было сдѣлано на счетъ союзника Англіи и вынуждено у короля, который ни за что не хотѣлъ заключить со мной миръ. Присоединеніе Молдавіи и Валахіи составляетъ умноженіе владѣній, пріобрѣтаемое Россіей сверхъ всего, что̀ было уговорено въ ея пользу въ Тильзитскомъ договорѣ, потому что очищеніе отъ войскъ этихъ областей было именно однимъ изъ условій, такъ что союзъ, существующій между Россіей и Франціей, долженъ считаться для васъ чрезвычайно выгоднымъ. Дунай съ одной стороны, Финляндія съ другой: развѣ это не было мечтой вашихъ предковъ съ самаго царствованія Петра Великаго? И теперь мечта эта осуществилась. Я удивляюсь, что у васъ нѣтъ на Черномъ морѣ флота, который бы вы могли противопоставить Турецкому; потому что, къ чему вамъ служитъ Балтійскій флотъ? Онъ никогда не въ состояніи уменьшить того перевѣса, который Англія имѣетъ надъ вами. Если вашъ кабинетъ можетъ себя въ чемъ упрекнуть, то именно въ томъ, что онъ такъ медлитъ принятіемъ рѣшенія и соображаетъ свои дѣйствія съ оборотомъ, который принимаютъ событія. Когда была объявлена война Австріи, слѣдовало тотчасъ же исполнить обязательство, принятое вами въ Эрфуртѣ, и опредѣлить, какую помощь вы мнѣ могли тогда оказать: тогда бы я зналъ, чего ожидать. Во всей исторіи Польской конвен-

ціи мнѣ не въ чемъ себя упрекнуть; это упорный споръ изъ-за словъ. Когда Коленкуръ сдѣлалъ ошибку, я постарался возстановить истину; я не могъ подтвердить его заявленій; я полагаю, что здѣсь хотѣли не словъ, но самаго дѣла. Я недоволенъ Коленкуромъ, потому что онъ не ясно выражается и прикрываетъ красивыми фразами такія обстоятельства, подъ которыми можетъ скрываться раздоръ. Когда двѣ великія державы бесѣдуютъ между собою, нужно выражаться откровенно и не хитрить ни въ поступкахъ, ни въ рѣчахъ. Разговоръ этотъ и до сихъ поръ еще не конченъ, потому что вашему брату еще не прислано полномочія для переговоровъ, и такъ какъ въ этомъ дѣлѣ уже выговорили sine-qua-non, то я считаю унизительнымъ для своего достоинства подписать обязательство, которое не отъ меня зависитъ выполнить. Было бы нежелательно переносить переговоры въ Петербургъ. Событія смѣняются съ такой быстротой, что можно успѣть объявить войну и проиграть сраженіе, прежде чѣмъ столкуются договаривающіеся. Парижъ находится болѣе въ центрѣ и ближе къ мѣсту событій, чѣмъ Петербургъ, и потому необходимо, чтобъ послу было поручено обсужденіе вопросовъ, и затѣмъ вмѣстѣ съ инструкціей для его руководства была бы дана полная свобода и власть, необходимая для окончательнаго рѣшенія. Я всегда говорилъ и теперь говорю, что никогда не буду вмѣшиваться въ Польскія дѣла и не стану за нихъ проливать кровь Французовъ. Я обязанъ защищать интересы Варшавскаго герцогства, но только въ отношеніи неприкосновенности его настоящихъ владѣній. Однимъ словомъ, все требуетъ продолженія союза между Франціей и Россіей, и я никогда не измѣню ему, если меня не принудятъ къ тому. Я долженъ отдать справедливость графу Румянцову: онъ усердно поддерживаетъ систему; но его обращеніе со мной показываетъ, что онъ не понимаетъ меня, когда онъ предполагаетъ, что я могу интриговать. Мои жалобы — это домашнія жалобы; часто въ этихъ объясненіяхъ выраженія вырываются сами собой, невольно».

Въ продолженіи этого разговора, отличавшагося несвязностью и частыми повтореніями, императоръ мнѣ не давалъ ни времени, ни возможности ему отвѣчать; онъ говорилъ чрезвычайно быстро, часто перескакивая отъ одного предмета къ другому. Когда случалось нѣсколько минутъ перерыва, я ими пользовался, чтобы выразить увѣренность въ извѣстномъ желаніи Государя Императора и въ его положительномъ и неизмѣнномъ намѣреніи поддерживать дружескія, союзныя отношенія, существующія между обѣими имперіями. Когда онъ назначалъ лѣвый берегъ Дуная границей Россіи и четыре раза обращался къ тому же предмету, я позволилъ себѣ замѣтить, что три крѣпости, стоящія на другомъ берегу, могутъ считаться только предмостнымъ прикрытіемъ, воротами имперіи. Онъ не счелъ нужнымъ возражать на это и тотчасъ же перешелъ къ другому предмету, что̀, мнѣ кажется, достойно примѣчанія. Есть еще одно обстоятельство, на которое я считаю долгомъ обратить вниманіе в. сіятельства. Посреди увѣреній и заявленій императора Наполеона, я ему замѣтилъ, что все, что̀ онъ говорилъ мнѣ сегодня, кажется мнѣ столь важнымъ и должно, по моему мнѣнію, доставить такое удовольствіе нашему Государю Императору, что я нахожу необходимымъ не заставлять Государя ждать моего возвращенія, а сообщить оное теперь же, и потому, такъ какъ самъ я поѣду очень медленно, то и думаю отправить курьера, чтобъ отдать отчетъ въ этомъ разговорѣ.

Онъ отвѣчалъ, что въ этомъ нѣтъ необходимости, и что теперь повторено только то, что̀ онъ говорилъ во время нашего послѣдняго разговора. Но такъ какъ разговоръ этотъ представляетъ большую разницу въ тонѣ, которымъ онъ бесѣдовалъ со мной въ Тюльери, когда выражалъ только нетерпѣніе и грозилъ, между тѣмъ какъ на этотъ разъ онъ былъ въ высшей степени уступчивъ и миролюбивъ: то я счелъ нужнымъ не согласиться съ его мыслію и, считая дѣло слишкомъ важнымъ, имѣю честь препроводить вашему с—ву донесеніе черезъ Дивова, котораго посолъ отправляетъ сегодня курьеромъ. Въ этой аудіенціи императоръ не вручилъ мнѣ собственноручнаго отвѣта на письмо нашего Государя Императора, которое я имѣлъ честь ему привезти; онъ сказалъ, что пришлетъ его мнѣ черезъ герцога Кадорскаго.

По окончаніи аудіенціи, оберъ-камергеръ, графъ Монтескью, по обычаю, вручилъ мнѣ табатерку съ портретомъ его величества, украшенную брильянтами.

Частное письмо князя Алексѣя Борисовича Куракина къ графу Н. П. Румянцову.

Парижъ, 2-го Іюля 1810 года.

Вчерашній день князь Шварценбергъ пригласилъ къ себѣ императора и императорское семейство; но, по несчастію, праздникъ этотъ былъ прерванъ пожаромъ, и гости должны были разъѣхаться. Братъ мой, посолъ, подвергся величайшей опасности, такъ что едва не лишился жизни. Страдая отъ послѣдствій этого случая, онъ не можетъ писать и проситъ меня сообщить вашему сіятельству въ подробностяхъ, что̀ съ нимъ произошло и что̀ до сихъ поръ извѣстно объ этомъ переполохѣ.

Въ саду до̀ма, занимаемаго княземъ Шварценбергомъ, устроена была, по случаю этого бала, обширная и великолѣпная танцовальная зала. Въ нее вела изъ комнатъ довольно длинная галлерея, которая тянулась садомъ и была роскошно освѣщена. Императоръ и императрица съ императорскимъ семействомъ сначала смотрѣли на чистомъ воздухѣ пантомиму и фейерверкъ, а потомъ направились въ эту залу, гдѣ вслѣдъ затѣмъ и начался балъ. Прошло около часа, какъ отъ свѣчки загорѣлась обивка галлереи. И галлерея, и зала построены были изъ досокъ, обтянутыхъ полотномъ, которое росписали масляными красками; они были разукрашены разнаго рода тканями и увѣшаны лампами въ несмѣтномъ количествѣ. Напрасно пытались обрывать загорѣвшееся полотно, напрасно куски его тушили ногами; пламя разгоралось все сильнѣе и направлялось въ танцовальную залу. Князь Шварценбергъ успѣлъ во̀ время предупредить императора, который благополучно уѣхалъ съ императорскимъ семействомъ. Въ одно мгновеніе заполыхала вся зала, между тѣмъ какъ въ ней находилось множество народа. Толпа ринулась къ единственному выходу изъ залы въ садъ, къ растворенной туда двери. По невозможности всѣмъ выбраться за одинъ разъ и при силѣ огня, со всѣхъ сторонъ угрожавшаго, произошло много несчастныхъ случаевъ. Братъ мой слабъ ногами, и его еще въ залѣ нѣсколько разъ опрокидывали въ то время, какъ уже загорѣлся потолокъ. Послѣд-

нее паденіе сопровождалось сильнымъ ушибомъ, но оно же и спасло ему жизнь, потому что его притиснули къ periламъ, откуда онъ скатился внизъ и очутился у нижнихъ ступеней лѣстницы, въ ногахъ у двухъ неизвѣстныхъ людей, которые ухватили его и вытащили за ноги изъ того мѣста, куда онъ попалъ и гдѣ конечно былъ бы раздавленъ досками строенія, рухнувшаго минуты черезъ двѣ потомъ. Онъ жестоко потерпѣлъ отъ огня. У него совсѣмъ не осталось волосъ, голова повреждена во многихъ мѣстахъ и особенно пострадали уши; рѣсницы сгорѣли, ноги и руки разбиты, а на лѣвой рукѣ обжогъ такъ силенъ, что кожу можно снять какъ перчатку. У него очень болитъ сѣдалищный нервъ, растревоженный вслѣдствіе того, что его волокли за ноги. Спасеніемъ своимъ онъ отчасти обязанъ своему наряду изъ золотаго сукна, которое сильно нагрѣлось, но не воспламенилось. Люди вытащившіе его изъ огня долго не рѣшались поднять его, обжигаясь отъ одного прикосновенія къ его одеждѣ; еслибы она была шелковая, то онъ бы погибъ. Его перенесли къ нему на домъ; раны очищены и не представляютъ большой опасности; но, по словамъ медиковъ, онъ можетъ заболѣть продолжительною лихорадкою, и я не скрою отъ вашего сіятельства, что я ужасно встревоженъ этимъ происшествіемъ. На многихъ дамахъ платья совершено сгорѣли. Въ какія нибудь двѣ минуты все зданіе съ трескомъ рухнуло. Сегодня вынули изъ-подъ развалинъ тѣло княгини Полины Шварценбергъ, невѣстки посла; она до такой степени обезображена, что ее признали по ожерелью и кольцамъ, которые на ней были. Г-жа Лабенская, супруга Русскаго консула, при послѣднемъ издыханіи, и еще называютъ нѣсколько человѣкъ, жизнь которыхъ въ опасности. Сколько я освѣдомлялся, то изо всѣхъ Русскихъ, бывшихъ на этомъ балѣ, сильно пострадалъ только одинъ мой братъ. Императоръ, проводивши императрицу въ безопасное мѣсто, возвратился на пожаръ и оставался, пока все было затушено. Когда ему доложили о состояніи моего брата, онъ съ большимъ участіемъ освѣдомлялся объ его здоровьѣ. Сегодня пріѣзжали за тѣмъ же пажи отъ императора и императрицы, а королева Вестфальская присылала своего камергера.

*

Преданіе разсказываетъ, что важный князь Александръ Борисовичъ подвергся опасности сгорѣть по своей привычкѣ двигаться не иначе какъ съ величавою медлительностью, а также и потому, что въ общей сумятицѣ онъ продолжалъ давать дорогу дамамъ, вѣжливо сторонясь въ ихъ приближеніи. *П. Б.*

Четырнадцатое Декабря 1825 года

НА ПЕТЕРБУРСКИХЪ ПЛОЩАДЯХЪ: ДВОРЦОВОЙ, АДМИРАЛТЕЙСКОЙ И ПЕТРОВСКОЙ.

(*Записано очевидцемъ на третій день послѣ происшествія*).

По двухъ-недѣльной неизвѣстности со дня роковой вѣсти о кончинѣ государя Александра Павловича и послѣ томительныхъ ожиданій, въ обществахъ Петербурга начали говорить о только что пришедшихъ извѣстіяхъ изъ Варшавы, состоявшихъ въ томъ, что великій князь Константинъ Павловичъ (которому уже присягнули какъ Императору), на основаніи сдѣланнаго имъ отреченія еще при жизни покойнаго Государя (отреченія, хранившагося доселѣ въ тайнѣ) теперь рѣшительно отказывается отъ престола въ пользу младшаго своего брата Николая Павловича. Такъ говорили; но никто въ городѣ, за исключеніемъ высоко поставленныхъ лицъ, не могъ знать о дѣйствительной сущности дѣла.

13-го Декабря, часу въ двѣнадцатомъ вечера, возвращаясь изъ гостей домой и идучи по Большой Морской, замѣтилъ я какую-то особенную, необычайную тишину по улицамъ, и частые конные патрули, разъѣзжавшіе мѣрнымъ шагомъ, внушали предчувствіе, что готовится что-то небывалое для обширной и многолюдной столицы.

На другой день, то есть 14-го числа, не видавъ еще никого изъ знакомыхъ, я, въ 12-мъ часу утра, проѣзжалъ по направленію къ Милліонной черезъ дворцовую площадь. Туда уже начали съѣзжаться, и у подъѣздовъ стояло нѣсколько экипажей; но я невольно обратилъ вниманіе на небольшую кучку народа, столпившуюся возлѣ главныхъ воротъ дворца; къ ней торопливо подбѣгали еще и другіе и приближаясь снимали шапки. Я тоже, остановясь и выскочивъ поспѣшно изъ саней, побѣжалъ туда, влекомый какимъ-то особеннымъ любопытствомъ. Я увидѣлъ, что въ серединѣ той кучки народа, стоялъ кто-то высокаго роста изъ военныхъ. Протолкавшись черезъ задніе ряды, я съ большимъ трудомъ могъ добраться въ середину. Каково же было мое удивленіе, когда изъ-за плечъ, стоявшихъ предо мною, я увидѣлъ молодаго Государя въ одномъ мундирѣ, въ Андреевской лентѣ, имѣвшаго при себѣ лишь одного адъютанта. Онъ говорилъ что-то народу, но я успѣлъ разслышать только послѣднія его слова: «Если Богу угодно, чтобы я царствовалъ, то не могу допустить сопротивленія». Не успѣлъ Государь сказать это, какъ вдругъ одинъ изъ ближе стоявшихъ противъ него, купецъ или мѣщанинъ, въ шубѣ

съ лисьимъ воротникомъ, видимо возбужденный послѣдними словами, бросился обнимать и цѣловать его, приговаривая: «Батюшка нашъ отецъ, мы всѣ за тебя станемъ». Государь, освободясь отъ столь неожиданныхъ объятій, милостиво и улыбаясь изволилъ сказать: «хорошо, спасибо; передай же и имъ мой тебѣ поцѣлуй», при чемъ указывалъ на другихъ тутъ стоявшихъ. «Однако», прибавилъ онъ, «пораздвинтесь немного: мнѣ нужно видѣть что̀ тамъ»? Тутъ только мнѣ пришло въ голову: ужъ не сопротивленіе ли какое противъ молодаго Государя со стороны войскъ, или какихъ злоумышленниковъ, или наконецъ части народа. Впрочемъ на площади не было замѣтно никакого особеннаго или враждебнаго движенія, а изъ войскъ стояла только часть отъ главнаго дворцоваго караула, спиною къ воротамъ, которые, противъ обыкновенія, были затворены. И это еще болѣе побуждало меня въ ту минуту теряться въ догадка̀хъ и разныхъ предположеніяхъ. Государь же, обратясь къ стоявшимъ ближе къ нему, спросилъ: «Читали ли вы мой новый манифестъ?» — «Никакъ нѣтъ, ваше величество», отвѣчали ему. Тогда Государь стоявшему тутъ адъютанту сказалъ: «принесите и прочтите имъ». Когда же тотъ ушелъ, Государь продолжалъ стоять на томъ же мѣстѣ, смотря къ сторонѣ арки, ведущей въ Большую Морскую. Но въ это время прискакалъ одинъ изъ генералъ-адъютантовъ, именно Нейгардъ и, сойдя поспѣшно съ лошади, началъ что-то тихо докладывать Государю. Государь, на лицѣ котораго не было замѣтно никакого смущенія, изволилъ только ему сказать: «скорѣе въ первый баталіонъ Преображенскаго полка [1]) и чтобы прибылъ сюда немедленно, а мнѣ лошадь!» Лошадь тотчасъ была подведена, и Государь, сѣвши на нее, обратился къ караулу, поставленному у воротъ дворца, со словами: «Вамъ, ребята, поручаю защиту сына и всего семейства моего, а самъ иду противъ бунтовщиковъ». Тутъ только я понялъ, въ чемъ дѣло, и причину, по которой молодой Государь вышелъ безъ свиты изъ дворца на площадь, охраняемый однимъ взводомъ своей гвардіи и окруженный лишь тремя или четырьмя десятками человѣкъ изъ народа, въ числѣ которыхъ, по тогдашнимъ обстоятельствамъ, могъ случиться кто либо изъ злоумышленниковъ.

Эти-то минуты, проведенныя Государемъ на площади у воротъ Зимняго дворца, въ первые часы его царствованія, да еще при тогдашней для него явной опасности, выказали въ немъ ту неустрашимость и твердость духа, которыя спасли въ тотъ день Россію. Да, это были первыя минуты тѣхъ долгихъ четырехъ часовъ, въ продолженіи которыхъ всѣ жители Петербурга находились въ страшной опасности и въ томительной неизвѣстности о томъ, чѣмъ все это кончится. Можно рѣшительно сказать, что если бы не самоотверженіе молодаго Императора, то день 14 Декабря 1825 года могъ бы дѣйствительно закончиться весьма пагубно не только для одного Петербурга, но и для всей Россіи.

---

[1]) Котораго казармы находятся въ Милліонной, возлѣ Эрмитажа.

Между тѣмъ люди перваго баталіона Преображенскаго полка, большею частью въ однихъ шинеляхъ, бѣгомъ, въ разсыпную, выходили изъ Миліонной на площадь и начинали строиться у манежа [2]). Государь, подъѣхавъ къ нимъ, послѣ обычнаго: «здорово, ребята!» и не смотря на то, что многіе изъ отставшихъ только что подбѣгали, началъ что-то имъ говорить, чего однако мнѣ, стоявшему уже въ нѣкоторомъ отдаленіи, нельзя было разслышать. Я слышалъ только громкій дружный откликъ: «ради стараться!» Другихъ же полковъ гвардіи, по отдаленности ихъ казармъ, и потому что нѣкоторые изъ нихъ (какъ впослѣдствіи оказалось) противились присягѣ, на площади еще не могло и быть.

Я поспѣшилъ на Невскій проспектъ къ однимъ своимъ знакомымъ, имѣвшимъ квартиру въ третьемъ домѣ отъ угла Адмиралтейской площади. Тамъ я нашелъ еще двухъ знакомыхъ, князя Мещерскаго и Александра Загряжскаго, бывшаго моего товарища по Преображенскому полку. Они разсказывали хозяйкѣ о только что слышанныхъ ими разныхъ новостяхъ того утра и между прочимъ о происшествіи въ казармахъ лейбъ-гвардіи Московскаго полка относительпо неповиновенія солдатъ офицерамъ. Все это вмѣстѣ съ разсказаннымъ и мною о томъ, что̀ я видѣлъ на площади у воротъ дворца, заставило насъ убѣдиться въ существованіи замысловъ. Но все таки мы терялись въ догадкахъ. Изъ оконъ квартиры моихъ знакомыхъ смотрѣть на площадь нельзя было иначе какъ черезъ отворенныя форточки двойныхъ рамъ, и намъ видна была только очень малая часть площади. Поэтому я поспѣшилъ уйти, чтобы ближе быть очевидцемъ всего, что̀ могло тамъ происходить.

Первый баталіонъ Преображенскаго полка, въ построенной колоннѣ, былъ уже подвинутъ ближе къ Адмиралтейской площади, почти противъ Невскаго проспекта, но все еще покуда стоялъ одиноко. Народъ, подходившій со всѣхъ улицъ, прилегающихъ къ площадямъ, останавливался; толпы все болѣе и болѣе сгущались, а ѣхавшіе въ экипажахъ изъ разныхъ частей города черезъ площади, тоже влекомые любопытствомъ, останавливались, выходили изъ экипажей и тѣмъ только умножали тѣсноту вокругъ баталіона. Подлѣ него стоялъ и полковой командиръ Исленьевъ, къ которому я, какъ къ прежнему товарищу, и подошелъ. Всѣ, кто только могъ узнать что либо о начинавшемся небываломъ движеніи, сообщали другъ другу слышанное или видѣнное въ то утро; но никто не могъ, разумѣется, сказать что либо утвердительно, и съ разныхъ сторонъ было слышно только: бунтъ, бунтъ!

Государь сидѣлъ на конѣ, шагахъ въ двадцати впереди баталіона, а въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ него три или четыре генерала. Онъ былъ блѣденъ, на лицѣ его замѣчалось какое-то грустное выраженіе; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ, казалось, былъ величаво спокоенъ.

Вскорѣ подъѣхалъ еще одинъ генералъ и началъ говорить съ однимъ изъ тѣхъ, которые стояли недалеко отъ Государя. Замѣтивъ

[2]) Т. е. подлѣ самаго дворца.

это и, обратясь къ тому, который слушалъ, Государь спросилъ: «что такое?» Выслушавъ же отвѣтъ, онъ довольно громко и съ нѣкоторою строгостью сказалъ только что подъѣхавшему: «Генералъ! Вы объ этомъ прежде всего должны были мнѣ самому прямо доложить, а не другимъ сообщать. Ступайте скорѣе и скажите Мартынову [3]), что если онъ увѣренъ въ своихъ Измайловцахъ, пусть спѣшитъ сюда; иначе можетъ оставаться дома: я и безъ него обойдусь».

На площади установилась на время какая-то особая тишина; мостовыя были покрыты снѣгомъ, вслѣдствіе чего отъ сновавшихъ въ разныя стороны экипажей не могло быть большаго шума. Вдругъ со стороны Сената послышались какіе-то неясные, но довольно сильные крики, на которые однако Государь не обратилъ вниманія, смотря болѣе въ сторону Гороховой улицы и какъ будто поджидая чего.

Потомъ опять все стихло. Народъ прибывалъ со всѣхъ сторонъ все болѣе и болѣе, и тѣснился все ближе и ближе къ тому мѣсту, гдѣ былъ Государь. Онъ сидѣлъ на лошади въ какой-то задумчивости; стоявшіе подлѣ него два генерала тоже хранили молчаніе. Вдругъ отъ стороны Сената послышались два выстрѣла, но не громкіе, какъ-будто пистолетные. Государь повернулъ голову въ ту сторону, но ничего не сказалъ; когда же вскорѣ затѣмъ какой-то генералъ подъѣхалъ къ нему и доложилъ о полученной графомъ Милорадовичемъ смертельной ранѣ, то на лицѣ Государя выразилось глубокое состраданіе. Однако къ славѣ его должно прибавить, что онъ не смутился. Замѣтимъ, что графъ Милорадовичъ, какъ С.-Петербургскій генералъ-губернаторъ и какъ безстрашный въ прежнихъ славныхъ битвахъ вождь, прямо поѣхалъ къ бунтующей толпѣ, собравшейся у Сената и сталъ уговаривать бросить ихъ пагубные замыслы; но въ то самое время когда онъ стоялъ у переднихъ рядовъ толпы, одинъ изъ среды ея сдѣлалъ по немъ выстрѣлъ, отъ котораго графъ черезъ нѣсколько часовъ скончался.

Минутъ черезъ нѣсколько, два эскадрона конной гвардіи вынеслись на рысяхъ изъ-за временныхъ заборовъ Исакіевскаго собора и начали строиться тыломъ къ присутственнымъ мѣстамъ; когда же полковой ихъ командиръ Орловъ подъѣхалъ къ Государю, то онъ какъ будто тревожно спросилъ: «А остальные?» — «Сей часъ, Государь!» отвѣчалъ Орловъ, и это, казалось, доставило удовольствіе Государю. За тѣмъ вскорѣ прибыли и остальные эскадроны и стали спинами къ дому князя Лобанова [4]).

Государь, разговаривая съ стоявшими подлѣ него, вѣроятно о причинахъ начавшагося волненія, или о его коноводахъ, обратился въ ту сторону, гдѣ стоялъ Якубовичъ и довольно громко сказалъ: «А вотъ г-нъ Якубовичъ можетъ намъ пояснить это». Тутъ надо замѣтить, что Якубовичъ, бывшій въ числѣ злоумышленниковъ, за нѣсколько времени передъ тѣмъ, какъ мнѣ говорили (но самъ я не ви-

---

[3]) Бригадному генералу второй гвардейской бригады.

[4]) У котораго на крыльцѣ два льва.

дѣлъ), подойдя къ Государю, принесъ будто бы чистосердечное раскаяніе, и Государь тутъ же простилъ его. Теперь же, подозвавъ его, онъ началъ распрашивать; но ни отвѣтовъ Якубовича, ни даннаго потомъ приказанія Государемъ отправиться къ бунтующей толпѣ съ требованіемъ разойтися, не могло разумѣется дойти до моего слуха; потому что я продолжалъ стоять подлѣ 1-го баталіона, шагахъ въ тридцати отъ Государя. Когда же Якубовичъ тронулся съ мѣста, то и мнѣ очень ясно было слышно, какъ Государь вслѣдъ ему довольно громко сказалъ: «Смотрите-же, вы мнѣ отвѣчаете своею головою». Якубовичъ остановился, снялъ фуражку и, показывая на черную повязку, которую онъ носилъ на головѣ вслѣдствіе полученной имъ раны на Кавказѣ, еще громче отвѣчалъ: «Государь! Мнѣ честь моя дороже израненной головы моей». Казалось бы и хорошо было сказано, но впослѣдствіи вышло, что это были лишь пустозвонныя слова.

Государь и самъ изволилъ подвинуться нѣсколько впередъ, какъ будто имѣя намѣреніе стать ближе къ тому мѣсту, которое занимала бунтующая толпа. Народъ двинулся за нимъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и меня влекло туда-же любопытство знать, чѣмъ все это закончится. Государь, тѣснимый со всѣхъ сторонъ, нѣсколько разъ говорилъ народу: «прошу васъ не толпиться здѣсь; ступайте всѣ по домамъ; я не хочу, чтобы кто нибудь изъ васъ пострадалъ за меня». Но все было тщетно: народъ отходилъ немного, но затѣмъ снова сдвигался. Любопытство у каждаго было такъ сильно, что никто и не думалъ уходить съ площади. Тутъ мнѣ случилось стоять такъ близко къ Государю, что очень явственно могъ я слышать произнесенныя имъ слова въ отвѣтъ одному генералу, который вѣроятно совѣтовалъ ему выдвинуть артиллерію, которая еще стояла въ Гороховой улицѣ: «Oui, mais je ne suis pas encore sûr de l'artillerie» (Да, но я еще несовсѣмъ увѣренъ въ артиллеріи).

Между тѣмъ генералы и разные адъютанты посылались во всѣ стороны съ приказаніями и возвращались съ донесеніями. Начали подходить и другіе полки, и въ томъ числѣ второй баталіонъ Преображенцовъ, прибѣжавшихъ изъ казармъ, что̀ у Таврическаго сада. Они поставлены были въ колоннахъ лѣвымъ флангомъ къ забору временныхъ построекъ около Исакіевскаго собора, которые простирались до выхода изъ Галерной улицы, такъ что между ними и монументомъ Петра 1-го оставалось не очень большое пространство, вслѣдствіе чего, за этими заборами, съ Исакіевской площади не могло быть видно бунтовавшей толпы, собравшейся у Сената.

Подошедши къ старымъ товарищамъ, офицерамъ баталіона, которымъ шесть лѣтъ назадъ я командовалъ, сталъ я разговаривать о происшествіи дня. Всѣ были имъ возмущены, хотя и не могло еще быть все выяснено въ ту минуту.

Вскорѣ изъ-за народа, толпившагося на площади, увидѣлъ я, что какіе-то солдаты шли торопливо, отдѣленіями, но въ безпорядкѣ по бульвару отъ дворца къ Сенатской площади. Это были лейбъ-гренадеры. Государь, подъѣхавъ къ нимъ, началъ что-то говорить; но я,

стоя тогда на довольно большомъ разстояніи отъ бульвара, не могъ слышать его словъ, а уже на другой день узналъ, что Государь, судя по отвѣтамъ нѣкоторыхъ изъ гренадеръ, изволилъ сказать: «А, я вижу, что и вы въ числѣ бунтовщиковъ; такъ ступайте туда-же (показывая имъ на Сенатскую площадь): тамъ ваше мѣсто». Гренадеры продолжали подвигаться, но нѣкоторые не совсѣмъ рѣшительно послѣдовали. Между ними произошло какое-то замѣшательство, а вскорѣ за тѣмъ послышалось нѣсколько ружейныхъ выстрѣловъ. Однимъ изъ нихъ былъ убитъ полковой командиръ, старавшійся удержать гренадеръ въ порядкѣ и не идти въ сторону бунтовщиковъ. Эти внезапные выстрѣлы заставили народъ отхлынуть отъ бульвара къ строенію Адмиралтейства, а въ толпѣ бунтующихъ раздались крики восторга.

Замѣтивъ возвращавшагося наконецъ Якубовича, какъ онъ приближался къ Государю, который находился тогда все верхомъ на площади между бульваромъ и домомъ Лобанова, я тоже бросился къ тому мѣсту, но успѣлъ подойдти къ лошади Государя лишь въ ту минуту, когда Якубовичъ оканчивалъ свое донесеніе словами: «Толпа буйная, Государь, ничего не хочетъ слышать». Когда-же Государь быстро спросилъ: «Такъ чего-же они желаютъ?» то Якубовичъ отвѣчалъ: «Позвольте, Государь, сказать на ухо». Государь, не подозрѣвая никакой адской мысли, довѣрчиво и спокойно наклонился къ нему съ лошади. Но какъ у Якубовича въ тотъ моментъ недостало духа привести въ исполненіе свое гнусное намѣреніе, и онъ опасался, вѣроятно, тутъ-же самому пострадать отъ народа, такъ близко стоявшаго около Государя, то онъ, сказавъ очень тихо лишь нѣсколько словъ, остановился.

На другой день въ городѣ говорили, что въ то самое время какъ Государь наклонился, Якубовичъ долженъ былъ поразить его кинжаломъ, который и былъ при немъ; но, какъ я сказалъ, у Якубовича недостало для этого духу.

Государь, выправясь снова на лошади, обратился къ близъ стоявшему генералу и спросилъ: «Какъ вы думаете?» (а требованіе, какъ говорили послѣ, состояло въ конституціи). Отвѣта генерала я не дослышалъ (вслѣдствіе довольно сильнаго движенія и шума на площади, а также и новаго приказанія даннаго Государемъ Якубовичу); когда-же Государь ужъ громко сказалъ: «Ступайте!» то Якубовичъ отвѣчалъ: «Слушаю, Государь, иду; но знаю, что болѣе не возвращусь. Они меня убьютъ [5]). Прощайте, Государь!» прибавилъ онъ театрально. «Такъ оставайтесь здѣсь!» быстро сказалъ Государь. Вслѣдъ за этими словами, флигель-адъютантъ Дурново, стоявшій не въ далекѣ, подбѣжалъ къ Государю и просилъ послать его вмѣсто Якубовича; Государь, повторивъ ему, вѣроятно тоже что̀ приказывалъ Якубовичу, отправилъ его.

---

[5]) За то, вѣроятно, (думалъ онъ), что онъ не рѣшился исполнить возложенное на него преступленіе.

Было уже около двухъ или $2^1/_2$ часовъ по полудни, когда нѣсколько орудій были выдвинуты и поставлены на углу бульвара съ направленными дулами къ Сенату; но они оставались покуда безъ дѣйствія. Между тѣмъ изъ ѣдущихъ и идущихъ съ Васильевскаго острова, а также и на островъ, никому не было уже возможности пробраться черезъ Адмиралтейскую и Петровскую площади: такъ они были, можно сказать, запружены войскомъ и народомъ. На крышахъ же Сенатскаго зданія, примыкавшихъ къ нему домовъ и временныхъ строеній около Исакіевскаго собора, а также и на дровахъ, сложенныхъ у забора внутри двора, видны были плотныя массы народа, бросившаго свои работы и занятія для того, чтобы поглазѣть на зрѣлище небывалое, невиданное и неожиданное въ самомъ центрѣ города, между дворцомъ и Сенатомъ.

Вдругъ въ народѣ, стоявшемъ между угломъ временнаго забора и бульваромъ, произошла страшная суматоха и бѣготня, вслѣдствіе того, что корпусный командиръ, генералъ Воиновъ, рѣшился было подъѣхать къ толпѣ бунтовщиковъ и увѣщевать нѣкоторыхъ изъ своихъ подчиненныхъ, увлеченныхъ въ заблужденіе. Но главные зачинщики, выбѣжавъ изъ толпы, бросились на него и, заставивъ уѣхать, стали преслѣдовать, бросая чѣмъ попало. Стоявшіе за заборомъ на дровахъ не выдержали и, сами не зная для чего и въ кого, стали тоже швырять полѣньями, отъ которыхъ, разумѣется, немало пострадало изъ народа. Тогда та часть конной гвардіи, которая стояла ближе, понеслась для защиты своего корпуснаго командира, или по чьему-либо приказанію; но такъ какъ, огибая уголъ забора, имъ должно бы сдѣлать правое плечо впередъ, то атака эта и не могла быть удачною; или быть можетъ, имъ и приказано было лишь показать видъ атаки. Какъ бы то ни было, но когда бунтовавшіе открыли по нимъ ружейную стрѣльбу, отъ которой многіе были ранены (въ томъ числѣ полковникъ Веліо), то конногвардейцы начали принимать вправо и стали между монументомъ Петра I-го и бульваромъ, правымъ флангомъ къ Невѣ.

По случаю этой стрѣльбы и многихъ раненыхъ суматоха въ любопытствующемъ народѣ усилилась; многіе пустились бѣжать къ зданію Адмиралтейства; но другіе, отбѣжавъ въ сторону, останавливались и снова сгущались: такъ сильно было у каждаго желаніе видѣть и знать, чѣмъ все это кончится.

Вскорѣ за тѣмъ увидѣлъ я посланнаго Государемъ къ бунтующимъ Дурново и другаго съ нимъ флигель-адъютанта Бибикова, скорыми шагами возвращающихся, а послѣдняго и съ кровавыми пятнами на бѣлыхъ панталонахъ. Они, подошедши къ Государю, начали докладывать, но словъ ихъ за шумомъ я не могъ разслушать.

Сильное движеніе на площади еще продолжалось, когда показалась карета съ сидящимъ въ ней митрополитомъ. Онъ ѣхалъ изъ дворца тоже съ совѣтомъ бунтующей толпѣ образумиться. Кучеръ его, полагая, видно, что бунтовщики стоятъ непосредственно за угломъ временнаго забора или, быть можетъ, слышавъ продолжавшіеся еще оттуда ружейные выстрѣлы, и изъ боязни двигаться далѣе, остановился у

самой колонны втораго баталіона Преображенскаго полка. Митрополитъ, при помощи генералъ-адъютанта Стрекалова, ѣхавшаго за нимъ, началъ выходить изъ кареты; но когда другой какой-то генералъ закричалъ: «Не здѣсь, не здѣсь, еще дальше»; то Стрекаловъ, довольно поспѣшно повернувъ и посадивъ вновь митрополита въ карету, приказалъ кучеру, пробираясь между народомъ, двинуться впередъ. Бунтовавшая толпа не захотѣла и митрополита слушать. Возвращенія его я не видѣлъ; но, говорятъ, будто, не отыскавъ въ суматохѣ своей кареты, онъ вынужденъ былъ возвратиться во дворецъ на извощикѣ уже по Большой Морской, куда попалъ со стороны конно-гвардейскихъ казармъ.

Между тѣмъ крики и шумъ въ сторонѣ бунтующей толпы у Сената усиливались; народъ же на Исакіевской площади, на бульварѣ и у монумента на Петровской площади волновался, перебѣгая съ одного мѣста на другое, а разсылаемые въ разныя стороны генералы и адъютанты усиливали предположеніе, что наконецъ готовятся къ чему нибудь рѣшительному.

Былъ уже четвертый часъ по полудни, а въ это время года, какъ извѣстно, въ Петербургѣ начинаетъ смеркаться. Молодой Государь, какъ ни желалъ щадить заблудшихъ и какъ ни старался отклонить страшное кровопролитіе въ первый день восшествія своего на престолъ, но видя, что всевозможныя усилія образумить бунтующую толпу остаются тщетными, ночное же время быстро приближается, рѣшился наконецъ приказать открыть огонь изъ орудій, поставленныхъ на углу бульвара и направленныхъ противъ необузданной, преступной толпы.

Вдругъ неслыханный дотолѣ, въ самомъ центрѣ столицы, громъ боевыхъ зарядовъ огласилъ площади и улицы ея. Этотъ страшный, потрясающій гулъ внутри города произвелъ въ присутствующихъ необъяснимо-странное ощущеніе; густыя же толпы народа, не зная и не понимая, съ какой стороны или въ какую посылались заряды, производившіе этотъ громъ, въ ужасѣ, давя другъ друга, бросились бѣжать въ разныя стороны, очищая вмѣстѣ съ тѣмъ площади отъ излишней тѣсноты. Войско стояло неподвижно въ ожиданіи приказанія; а бунтующая толпа, не видя по первымъ (какъ говорили послѣ, холостымъ) зарядамъ никакого для себя вреда, тоже не трогалась съ мѣста. Но когда изъ дѣйствительно-боевыхъ зарядовъ началъ ее осыпать страшный картечный градъ и производить опустошеніе въ ея рядахъ, то она уже не долго держалась. Все мгновенно дрогнуло и обратилось въ бѣгство, кто къ Невѣ для спасенія по Англійской набережной, кто по Галерной улицѣ; а тѣ, которые бросились въ сторону конногвардейскихъ казармъ, наткнувшись на Семеновскій полкъ, махали шапками и платками, прося не стрѣлять по нимъ, какъ это мнѣ послѣ говорилъ генералъ Шиповъ, командиръ Семеновскаго полка.

Заборъ временныхъ построекъ не позволялъ мнѣ видѣть, что̀ произошло въ это время у Сената и по Галерной; но прямо по направленію къ монументу Петра 1-го я могъ замѣтить, что орудія, послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ, тронулись впередъ къ Галерной, откуда по-

слышались еще выстрѣлы изъ орудій, конная же гвардія понеслась къ набережной для преслѣдованія побѣжавшихъ по ней и для того, чтобы забирать рѣшившихся еще сопротивляться. Толпа разсѣяна, возмущеніе подавлено.

Многіе бросились изъ любопытства къ Сенату смотрѣть на погибшихъ и раненыхъ; но я, не чувствуя къ тому склонности, пошелъ на Невскій проспектъ къ моимъ знакомымъ. Было уже темно, когда я возвратился къ нимъ, и тамъ за обѣдомъ, разумѣется, не было другаго разговора, какъ только объ этомъ необычайномъ происшествіи, которое могло закончиться съ немалою пагубою для государства, еслибъ молодой Императоръ не имѣлъ того ума, того мужества и той твердости духа, какіе онъ тогда выказалъ, къ справедливому удивленію свѣта.

Вечеромъ, около семи часовъ, я снова хотѣлъ было проѣхать черезъ дворцовую площадь со стороны Невскаго проспекта; но тамъ уже никого не пропускали. Въ концѣ улицы, какъ и съ другой стороны въ концѣ Морской, за аркою, стояли отряды войскъ съ нѣсколькими орудіями, обращенными дулами по направленію улицъ. По дворцовой набережной, а также со стороны Адмиралтейства и Эрмитажа, были тоже разставлены разные полки и артиллерія, бивуаками, съ большимъ количествомъ пылающихъ костровъ, около которыхъ грѣлось войско, которое только что успѣло оказать своимъ поведеніемъ столь важную и громадную услугу государству и Государю; тоже было и на другихъ площадяхъ ближайшихъ къ Зимнему дворцу. Огни эти живо напоминали военное время и столь памятные намъ зимніе биваки 1808, 9, 12 и 13 годовъ; но какъ-то странно, даже грустно было видѣть все это въ центрѣ столицы и вблизи дворца, гдѣ мы привыкли лишь къ мирнымъ разводамъ и блестящимъ парадамъ.

На другой день, въ одинадцатомъ часу утра, подстрекаемый любопытствомъ видѣть что опять будетъ происходить около дворца, я отправился на адмиралтейскій бульваръ. На площадяхъ виднѣлись еще въ большомъ количествѣ черные круги, образовавшіеся отъ ночныхъ бивачныхъ огней; но войска въ разныхъ мѣстахъ стояли уже въ колоннахъ, при начальникахъ своихъ, какъ будто въ ожиданіи чего. Я въ числѣ очень немногихъ остановился на бульварѣ противъ угла дворца, выходящаго на площадь, гдѣ такъ называемый собственн й подъѣздъ Императрицы. Тутъ, въ ожиданіи выхода Государя, стояло уже множество генераловъ, флигель-адъютантовъ и другихъ, военные всѣ верхами. И вскорѣ увидѣлъ я вышедшаго молодаго Императора въ родномъ мнѣ Преображенскомъ мундирѣ, котораго до того дня никогда на немъ не видалъ (потому что онъ до сего времени носилъ всегда Измайловскій мундиръ, какъ шефъ этого полка). Государь съ многочисленною свитою отправился объѣзжать стоявшія уже въ готовности войска, которыя встрѣтили его громкимъ ура. Подъѣзжая къ каждому батальону особенно, онъ останавливался, что-то говорилъ; но мнѣ издали, съ своего мѣста, видно было только, какъ полковые и батальонные командиры, опуская шпаги, кланялись: значитъ, Государь войско благодарилъ, а начальниковъ награждалъ.

Покуда Государь объѣзжалъ полки и останавливался, я, слѣдя за нимъ, подвигался по бульвару къ Петровской площади и сталъ сзади стоявшей тутъ со вчерашняго дня конной гвардіи, такъ что мнѣ не только очень удобно и близко можно было видѣть, какъ Государь подъѣхалъ къ фланговому эскадрону, но даже явственно слышать обращенные къ полковнику князю Голицыну слова: «Господинъ генералъ-маіоръ Голицынъ, поздравляю васъ съ чиномъ». Послѣ я узналъ, что Государь при объѣздѣ, останавливаясь у каждаго полка и баталіона, тоже поздравлялъ кого съ генералъ-адъютантскимъ званіемъ, кого съ чиномъ.

Когда же Государь отъѣхалъ и полкъ, тронувшись съ мѣста, очистилъ площадь, я, подошедши къ зданію Сената, увидѣлъ, какъ оно было испещрено слѣдами картечныхъ выстрѣловъ вчерашняго дня, а побитыя оконныя стекла указывали на то, что нѣкоторыя картечи попали и во внутренность зданія.

Я здѣсь изложилъ только то, чему случилось самому лично быть очевидцемъ и что̀ могъ слышать собственными ушами въ теченіи четырехъ часовъ столь знаменательнаго дня, какимъ было 14 число Декабря 1825 года, да еще на самомъ тревожномъ и опасномъ въ тотъ день пространствѣ, между Зимнимъ дворцомъ и зданіемъ Сената. Но, благодареніе Провидѣнію, пагубная попытка злоумышленниковъ не удалась.

Парменъ Деменковъ.

Наваринскій бой.

(Paul Lacroix: Histoire de la vie et du règne de Nicolas I-er, t. 3-ème, Paris, 1866).

8 Октября настоящаго года исполнится пятьдесятъ лѣтъ со дня знаменитаго Наваринскаго боя. Нѣтъ сомнѣнія, что Русская печать сдѣлаетъ свое дѣло и воскреситъ въ памяти современниковъ эпизоды славнаго прошлаго; въ свою очередь, считаемъ не безполезнымъ предложить вниманію читателей слѣдующій историческій разсказъ о дорогомъ для насъ событіи, хотя и написанный Французомъ, но очевидно основанный на точныхъ документахъ изъ Русскихъ архивовъ.

*

Турецкое правительство съ бо̀льшимъ чѣмъ когда-либо упрямствомъ продолжало отклонять офиціальное вмѣшательство союзныхъ государствъ въ Греческія дѣла. Оно не только медлило отвѣтомъ на сильную ноту, которая была ему передана Стратфордомъ-Каннингомъ, отъ имени Англіи, Россіи и Франціи, но еще давало разумѣть, что совсѣмъ оставитъ ее безъ отвѣта. Это побудило представителей названныхъ державъ къ цѣлому ряду настойчивыхъ представленій. Тогда рейсъ-ефенди, въ полномъ смыслѣ слова прижатый къ стѣнѣ и не видя болѣе возможности отдѣлываться ничего незначущими словами, не побоялся заявить, что его величество султанъ считаетъ себя, въ свою очередь, въ правѣ требовать удовлетворенія отъ державъ, поддерживающихъ возстаніе его подданныхъ. Въ заключеніе рейсъ-ефенди сказалъ съ раздраженіемъ, что если посланники не откажутся отъ требованія отвѣта, котораго они не получатъ, то будетъ гораздо лучше прекратить немедленно всякія дипломатическія сношенія.

Едва только слова эти были произнесены, какъ представитель Россіи, Рибопьеръ, всталъ и вышелъ изъ залы засѣданія, заявивъ, что сказанное не даетъ ему возможности выжидать другаго отвѣта, и что о происшедшемъ онъ немедленно донесетъ своему правительству.

Рѣшительный поступокъ Рибопьера смутилъ рейсъ-ефендія, тѣмъ болѣе, что посланникъ Франціи Гильемино обратился къ нему съ рѣзкимъ замѣчаніемъ, а посланникъ Англіи предложилъ Турецкому дипломату серіозно подумать о послѣдствіяхъ разрыва съ тремя державами. «Отклоняя мирное вмѣшательство союзныхъ государствъ, замѣтилъ онъ, вы тѣмъ самымъ накликаете на себя вмѣшательство военное. Берегитесь!» воскликнулъ въ заключеніе лордъ Стратфортъ-Каннингъ: «Россія болѣе не остановится, и мы волей-неволей принуждены будемъ за ней послѣдовать».

Въ тотъ же вечеръ Рибопьеръ, который еще не былъ принятъ султаномъ, вернулся въ свою резиденцію Буюкъ-дере, объявилъ о намѣреніи оставить Константинополь и отправилъ съ старшимъ драгоманомъ посольства къ рейсъ-

ефендію слѣдующее, полное достоинства, заявленіе: «Блистательная Порта симъ предупреждается, что вмѣшательство въ пользу Грековъ произойдетъ во всякомъ случаѣ, если даже не всѣми пятью великими державами Европы или тремя изъ нихъ, то двумя и наконецъ одной».

Императоръ Николай Павловичъ предвидѣлъ неизбѣжность прекращенія дипломатическихъ сношеній между своимъ полномочнымъ министромъ и Оттоманскою Портою. Поэтому, еще до полученія донесеній отъ Рибопьера о происшедшемъ въ Константинополѣ, онъ неустанно работалъ съ начальникомъ своего главнаго штаба барономъ Дибичемъ надъ мобилизаціею первой и второй армій, а также комплектованіемъ флота, который предполагалось отправить въ Средиземное море. Императоръ рѣшилъ, во что бы то ни стало, въ сообщничествѣ союзниковъ, а въ крайнемъ случаѣ силами одной Россіи, прекратить дальнѣйшее снабженіе Турецкой арміи на Греческой территоріи, какъ войсками, такъ военными запасами и продовольствіемъ.

Наконецъ ожиданныя депеши изъ Константинополя были получены. Рибопьеръ доносилъ Государю, что одновременно съ предъявленнымъ имъ требованіемъ о выдачѣ паспортовъ, онъ вмѣсто того получилъ увѣдомленіе о назначенномъ днѣ для торжественной аудіенціи, въ которой султанъ долженъ былъ принять Русскаго посланника.

Султанъ рѣшился уступить справедливому неудовольствію представителей Англіи, Франціи и Россіи и пожертвовать своимъ рейсъ-ефендіемъ. Можно было предполагать, что новый министръ иностранныхъ дѣлъ выкажетъ болѣе миролюбія, чѣмъ его предшественникъ Сеидъ-ефенди, коего неожиданная отставка, по обыкновенію, приписана была разстроенному здоровью.

Торжественная аудіенція была назначена на 14 Іюня (1827), при чемъ казалось вѣроятнымъ, что она окажетъ вліяніе на мирное разрѣшеніе вопроса, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ, въ близкомъ будущемъ, ожидалось паденіе Аѳинскаго акрополя, а сераскиръ Решидъ-паша надѣялся окончательно подавить Греческое возстаніе до соединенія Англо-русско-французскаго флота въ водахъ Архипелага.

Балтійскій флотъ еще не выходилъ изъ Кронштадта.

Вечеромъ, 9 Іюня, императоръ Николай, имѣвшій въ то время пребываніе съ царской фамиліей въ Петергофѣ, сѣлъ въ катеръ въ сопровожденіи однихъ дежурныхъ лицъ своей свиты и направился на Кронштадтскій рейдъ, прямо къ адмиральскому кораблю Азовъ, куда и прибылъ совершенно неожиданно въ 11 часовъ ночи. Тотчасъ по прибытіи Государя, двумя пушечными выстрѣлами вызваны были къ своимъ мѣстамъ, всѣ съѣхавшіе на берегъ офицеры и команды. Около трехъ часовъ утра, по сигналу, флотъ снялся съ якоря и вышелъ въ море. Эта чудная эскадра, совершенно изготовившаяся къ дальнему плаванію подъ командой генералъ-адъютанта, адмирала Сенявина, состояла изъ слѣдующихъ девяти линейныхъ кораблей: «Св. Андрей», «Великій Князь Владиміръ», «Азовъ», «Гангудъ», «Константинъ», «Езекіиль», «Сысой Великій», «Еммануилъ» и «Александръ Невскій»; четырнадцати фрегатовъ, въ томъ числѣ: «Крейсеръ», «Меркурій», «Орелъ», «Касторъ», «Россія», «Діана» и «Елена» и большаго количества различныхъ судовъ нисшихъ ранговъ. Изъ числа поименованныхъ судовъ, корабль «Константинъ» и фрегатъ «Елена» мѣсяцемъ раньше ушли въ Средиземное море подъ начальствомъ контръ-адмирала Белинсгаузена.

Императоръ посвятилъ все утро 10 Іюня инспектированію флота. Сѣвъ на катеръ адмиральскаго корабля и обойдя линію выстроившихся полукругомъ судовъ, онъ послѣдовательно посѣтилъ всѣ корабли въ сопровожденіи начальника эскадры адмирала Сенявина, а также всѣхъ вице и контръ-адмираловъ.

«Слава Богу», сказалъ Государь, обращаясь къ одному изъ флигель-адъютантовъ: «Россія показала въ прошлое царствованіе, чего стоятъ ея сухопутныя войска; теперь она можетъ съ гордостью показать Европѣ свои морскія силы».

Послѣ полудня, императрица Александра Ѳеодоровна, не смотря на свою беременность, прибыла въ Ораніенбаумъ, въ сопровожденіи Наслѣдника Цесаревича, великаго князя Михаила Павловича и великой княгини Елены Павловны и тотчасъ же направилась къ фрегату «Россія», куда не замедлилъ прибыть и Государь Императоръ.

Начались маневры, которые продолжались до поздняго вечера. Всѣ движенія эскадры были исполнены точно и согласно, при чемъ особенное вниманіе обратилъ на себя корабль «Сысой Великій». «Я бы желалъ», сказалъ Государь, милостиво обратившись къ командиру корабля, капитану 2-го ранга Дурасову, «чтобы ты имѣлъ случай также прекрасно маневрировать въ присутствіи Англійскаго флота. Ты бы нашелъ въ немъ достойныхъ цѣнителей».

Вернувшись на адмиральскій корабль, Государь отдалъ приказъ, въ которомъ благодарилъ всѣхъ отъ начальниковъ до послѣдняго матроса включительно. Взвился императорскій штандартъ, и Государь съ Императрицей были привѣтствованы двумя тысячами пушечныхъ выстрѣловъ, одновременно раздавшихся какъ съ эскадры, такъ и съ береговыхъ фортовъ.

«Я начинаю выздоравливать», весело замѣтила Императрица на встревоженный вопросъ фрейлины княжны Натальи Голицыной, которая опасалась, чтобы неумолкавшій громъ орудій дурно не подѣйствовалъ на нервы беременной женщины. «Ребенокъ, которымъ я беременна, если онъ будетъ мальчикъ, съ этой минуты уже долженъ привыкнуть къ пушечнымъ выстрѣламъ, и мы сдѣлаемъ его морякомъ».

Вечеромъ эскадра получила снова приказаніе сняться съ якоря, уже для слѣдованія по назначенію и прежде чѣмъ послѣдній парусъ скрылся за горизонтомъ, Государь на яхтѣ, буксируемой пароходомъ, вернулся на рейдъ, гдѣ пересѣлъ въ катеръ и направился къ Петергофу, куда за нѣсколько часовъ до него прибыла Императрица.

Этотъ памятный смотръ Русскому флоту совершенно неожиданно показалъ Европѣ, что отнынѣ Россія можетъ выставить, въ случаѣ надобности, не менѣе внушительную морскую силу, чѣмъ другія первоклассныя государства; и дѣйствительно, прошло немного времени, и Русская эскадра покрыла себя неувядаемою славою Наваринскаго погрома.

Попытки дипломатовъ достигнуть мирнаго разрѣшенія Греческаго вопроса оказывались безуспѣшными. Турція упорствовала, и честь заинтересованныхъ державъ требовала энергическаго вмѣшательства, сказавшагося въ посылкѣ трехъ эскадръ въ Средиземное море: Англійской—подъ начальствомъ вице-адмирала Кодрингтона, Французской—подъ начальствомъ контръ-адмирала Риньи и Русской—подъ начальствомъ контръ-адмирала графа Гейдена.

Еще прежде чѣмъ эскадры окончательно соединились, между командирами ихъ произошло соглашеніе относительно того образа дѣйствій, которому они

сообща рѣшились слѣдовать для понужденія Турокъ къ прекращенію военныхъ дѣйствій съ цѣлью установить временное перемиріе между воюющими. Цѣли этой невозможно было достигнуть, не поставивъ предварительно побѣдоносную Турецкую армію въ затруднительное положеніе, а для этого необходимо было прежде всего воспрепятствовать отплытію Египетскаго флота изъ Александрійскаго порта. Кромѣ того, необходимо было прекратить не только морское, но по возможности и сухопутное сообщеніе между Константинополемъ и Греческими гаванями, дабы лишить Турецкія войска, господствовавшія въ Мореѣ, необходимаго снабженія провіантомъ. Мѣры эти должны были служить непосредственною поддержкою ультиматума, который соединенныя державы рѣшились немедленно предъявить блистательной Портѣ. Но и предъявленный ультиматумъ остался безъ послѣдствій.

Въ виду безуспѣшности усилій, представители союзныхъ державъ обратились съ циркулярнымъ заявленіемъ къ своимъ соотечественникамъ, находившимся въ предѣлахъ Турецкой имперіи, приглашая ихъ держаться на сторожѣ, въ виду крайней серьезности положенія. Между тѣмъ Турецко-египетскому флоту удалось обмануть бдительность судовъ соединенной эскадры [1], крейсировавшихъ у входа въ Александрійскую гавань и выйти въ открытое море. Впрочемъ, можетъ быть, такую невнимательность слѣдуетъ приписать рѣшенію атаковать непріятеля въ открытомъ морѣ въ случаѣ, еслибы вмѣшательство трехъ союзныхъ державъ должно было бы сказаться открытою силою. Какъ бы то ни было, громадный флотъ, въ составѣ 92 парусныхъ судовъ, выйдя изъ Александріи, направился къ Мореѣ; на флотѣ этомъ, за исключеніемъ морскихъ командъ, помѣщалось отъ 5-и до 6-и тысячъ дессантныхъ войскъ, громадное количество продовольственныхъ запасовъ и военныхъ снарядовъ, лошадей, артиллеріи и около милліона Испанскихъ піастровъ, которые Египетскій вицекороль посылалъ своему сыну Ибрагиму-Пашѣ въ Морею, такъ какъ послѣдній, командуя войсками на полуостровѣ, терпѣлъ большой недостатокъ во всемъ необходимомъ для продолженія военныхъ дѣйствій.

Турецко-египетскій флотъ во время своего плаванія былъ скорѣе сопровождаемъ, чѣмъ преслѣдуемъ союзными эскадрами: онѣ не только не тревожили его во время перехода, но дали ему спокойно войти въ Наваринскую гавань (9-го Сентября по новому стилю) и безпрепятственно высадить перевезенный десантъ; но вслѣдъ затѣмъ Турко-египтяне были заперты въ Наваринской бухтѣ, и адмиралы союзныхъ эскадръ предложили главнокомандующему флотомъ капитанъ-бею Тахиръ-пашѣ воздерживаться отъ всякаго вмѣшательства въ Греко-турецкую распрю, такъ какъ Греки добровольно согласились на перемиріе, предложенное союзниками, перемиріе, которое тѣмъ или другимъ способомъ должно стать обязательнымъ и для Турціи. Тахиръ-паша отвѣчалъ, что подобное заявленіе ему кажется по малой мѣрѣ страннымъ и что о происшедшемъ онъ немедленно снесется съ своимъ правительствомъ. Результатомъ этихъ сношеній было предписаніе изъ Константинополя продолжать войну, не обращая никакого вниманія на заявленіе командировъ союзныхъ эскадръ. Вмѣстѣ съ тѣмъ и Ибрагимъ-паша, не прекращавшій своихъ злодѣйствъ въ опустошенной Мореѣ, предписалъ Тахиръ-пашѣ начать военныя дѣйствія въ Архипелагѣ высадкою на островъ Гидру. Та-

---

[1] Русскія суда, подъ командою графа Гейдена, еще не входили тогда въ составъ соединенной эскадры.

кимъ образомъ капитанъ-бей Тахиръ-паша увидѣлъ себя вынужденнымъ прибѣгнуть къ открытой силѣ, чтобы выйти изъ Наваринской гавани, гдѣ въ теченіи шести недѣль онъ находился въ блокадѣ. Но Тахиръ-паша не успѣлъ исполнить секретныя предписанія своего начальства. Едва только была закончена посадка на суда десанта, какъ на горизонтѣ показалась соединенная эскадра, шедшая не только заградить выходъ Турецко-египетскому флоту, но и нанесть ему жестокое пораженіе.

13 Октября новаго стиля, Русская эскадра [2]), которая до того находилась еще на островѣ Мальтѣ для исправленія поврежденій, соединилась съ Англійскою эскадрою на высотѣ острова Занте; въ тотъ же самый день и Французская эскадра, крейсировавшая въ водахъ Архипелага, присоединилась къ союзному флоту. На совѣтѣ адмираловъ было рѣшено, вмѣсто крайне трудной, къ тому же дорого стоющей и безполезной блокады, проникнуть въ Наваринскую бухту, дабы присутствіемъ своимъ повліять на соблюденіе нарушеннаго Ибрагимомъ-пашею перемирія, а въ случаѣ необходимости завладѣть Турецко-египетскимъ флотомъ и такимъ образомъ принудить его къ бездѣйствію. Категорическое заявленіе такого рѣшенія, за подписью трехъ адмираловъ, было отправлено Ибрагиму-пашѣ, но тотъ не далъ никакого отвѣта. Тахиръ-паша, увидя приближеніе грозной эскадры союзниковъ, понялъ, что ему не оставалось ничего болѣе какъ принять сраженіе и поискать счастія въ открытомъ бою, тѣмъ болѣе что его собственныя силы сулили ему успѣхъ. Выгода мѣстности была на его сторонѣ: онъ воспользовался ею и расположилъ свои суда на якоряхъ въ три линіи, въ видѣ лошадиной подковы; флотъ, находившійся подъ его командою, состоялъ изъ 84 судовъ различной величины, а именно: трехъ линейныхъ кораблей, шестнадцати фрегатовъ, двадцати семи большихъ корветовъ и двадцати бриговъ при большомъ количествѣ брандеровъ и вооруженной гребной флотиліи.

8 (20) Октября 1827 года, около полудня, союзная эскадра, въ продолженіи восьми дней крейсировавшая въ виду Наваринской гавани, соединенно направилась къ ней, съ цѣлью занять расположеніе противъ линіи Турецко-египетскаго флота, который, ожидая сраженія, изготовился къ нему наканунѣ.

Главное начальство надъ союзною эскадрою, по единодушному соглашенію, предоставлено было старѣйшему въ чинѣ, вице-адмиралу Кодрингтону. Впрочемъ извѣстная опытность Англійскаго адмирала, въ связи съ его безспорными талантами и достойнымъ уваженія характеромъ, во всякомъ случаѣ давала ему право на эту высокую честь. Команды судовъ, утомленныя долгимъ и безплоднымъ крейсерствомъ, къ тому же искренне сочувствовавшія мужественнымъ усиліямъ Грековъ, нетерпѣливо ожидали возможности сойтись лицомъ къ лицу съ непріятелемъ. На судахъ Русской эскадры нетерпѣніе достигало высшей степени. Предъ началомъ сраженія вице-адмиралъ графъ Гей-

---

[2]) Русская эскадра состояла изъ слѣдующихъ судовъ и кораблей: Азовъ (на которомъ находился адмиралъ) капитанъ 1 ранга Лазаревъ; Гангутъ — кап. 2 ранга Авиновъ; Езекіиль—кап. 2 ранга Свиньинъ; Александръ Невскій—кап. 2 ранга Богдановичъ. Фрегаты: Константинъ—кап. 2 ранга Хрущовъ; Проворный—кап.-лейт. Епанчинъ 2-й; Елена—кап.-лейт. Епанчинъ 1-ый; Касторъ—кап.-лейт. Сытинъ и корветъ Гремящій—кап.-лейт. Колюбакинъ. Остальныя суда эскадры адмирала Сенявина, вышедшей изъ Кронштадта 10-го Іюня 1827 года, дошли только до Портсмута и возвратились домой.

денъ обратился къ экипажу адмиральскаго корабля Азовъ съ слѣдующими словами: «Ребята! Помните послѣднія слова Государя, сказанныя намъ на прощанье: «*Если когда либо вамъ прійдется сражаться, я надѣюсь, что поведеніе ваше будетъ достойно Россіи*».

Когда былъ отданъ приказъ слѣдовать за Англійскими и Французскими кораблями, первыми вступавшими въ Наваринскую бухту, всеобщее громовое ура огласило воздухъ. Толпясь на палубѣ близь открытыхъ пушечныхъ портовъ, матросы пальцами указывали на густой лѣсъ мачтъ Турецко-египетскаго флота, весело замѣчая, что одни безъ союзниковъ они расправились бы съ непріятелемъ. Преисполненные мужества и твердой рѣшимости, офицеры сознавали важность выпавшей на ихъ долю задачи и почитали своимъ долгомъ предупредить подчиненныхъ о силахъ непріятеля, много разъ превосходившихъ всѣ три союзныя эскадры вмѣстѣ взятыя. «Богъ дастъ справимся», отвѣчали матросики.

Роковой моментъ приближался; союзный флотъ проникнулъ въ бухту; береговыя батареи непріятеля молчали. Впереди всѣхъ шелъ Англійскій адмиральскій корабль *Азія* подъ флагомъ сэра Кодрингтона въ сопровожденіи судовъ своей эскадры; непосредственно за Англичанами шли Французы, имѣя во главѣ фрегатъ *Сирену* подъ флагомъ контръ-адмирала Риньи; за Французами шли Русскіе. Египетскіе брандеры, стоявшіе на якорѣ, не воспротивились стройному движенію судовъ союзной эскадры, которая, благодаря превосходнымъ распоряженіямъ адмирала Кодрингтона, охватила полумѣсяцемъ непріятельскія линіи. Центръ позиціи образовали Русскія суда въ боевомъ порядкѣ, имѣя съ лѣва Французовъ и съ права Англичанъ; шесть фрегатовъ были расположены противъ шести брандеровъ, защищавшихъ доступъ въ Наваринскую бухту. Все описанное движеніе произошло среди полной тишины, не нарушенной ни однимъ выстрѣломъ, такъ какъ по обоимъ флотамъ отдано было приказаніе не начинать сраженія до нападенія противника.

Глубоко обдуманный планъ главнокомандующаго былъ приведенъ въ исполненіе съ замѣчательными быстротою и точностью: каждое изъ судовъ эскадры оказалось прямо противъ борта того непріятельскаго судна, съ которымъ ему было предназначено сражаться. Корабль *Азія* сталъ на якорь бокъ о бокъ съ Турецкимъ линейнымъ кораблемъ подъ флагомъ капитанъ-бея; *Азовъ* сталъ около другаго адмиральскаго корабля подъ флагомъ начальника Египетской флотиліи Мохаремъ-бея, а *Сирена* около перваго Турецкаго фрегата.

Обѣ враждующія стороны среди глубокой тишины внимательно наблюдали одна за другою, ожидая только перваго сигнала, чтобы начать неизбѣжную битву. Такое напряженное состояніе, естественно, не могло долго продолжаться. Вице-адмиралъ Кодрингтонъ послалъ одинъ изъ фрегатовъ, *Дармутъ*, объявить брандерамъ, чтобы они вышли изъ порта; но въ то самое время когда Англійскій офицеръ, исполнивъ приказаніе адмирала, возвращался къ борту своего судна, съ одного изъ брандеровъ раздался ружейный выстрѣлъ и ранилъ возвращавшагося. Одновременно съ этимъ произошло и другое событіе: Французскій адмиралъ, увидя на сосѣднемъ Египетскомъ фрегатѣ направленныя противъ него дула орудій, приказалъ окликнуть противника, но вмѣсто отвѣта раздались два пушечныхъ выстрѣла, и два ядра ударили въ *Сирену;* Сирена отвѣчала залпомъ и тѣмъ подала давно ожиданный сигналъ. Напряженная струна порвалась, и обѣ непріятельскія линіи мгновенно огласились канонадою.

Береговыя батареи, молчавшія до послѣдней минуты, также приняли участіе въ завязавшемся сраженіи, направляя свои выстрѣлы на суда Русскаго арьергарда.

Вице-адмиралъ Кодрингтонъ, еще не принимавшій участія въ боѣ, сдѣлалъ послѣднюю попытку, чтобы избѣжать кровопролитія: онъ отправилъ парламентера къ главнокомандующему непріятельскимъ флотомъ. Но во время переѣзда по назначенію Англійскій парламентеръ былъ убитъ, и тотчасъ вслѣдъ за тѣмъ сраженіе сдѣлалось всеобщимъ. Цѣлыхъ три часа безостановочно артиллерія союзниковъ громила непріятеля, и среди убійственнаго гула безпрерывной канонады время отъ времени раздавался страшный трескъ отъ взлетавшихъ на воздухъ Турецкихъ или Египетскихъ кораблей.

Во время боя, Русскій адмиральскій корабль былъ атакованъ пятью непріятельскими судами различныхъ ранговъ; отбиваясь отъ сильнѣйшаго противника, Азовъ успѣлъ потопить два изъ нападавшихъ судовъ, но условія борьбы были слишкомъ неравномѣрны. Къ счастію, въ критическую минуту явился на выручку Французскій корабль Бреславль подъ командою капитана Ла Бретоньера; помощь союзника явилась во время и дала возможность Азову не только снова перейти въ наступленіе, но и вывести изъ строя остальныя три нападавшія судна.

Покончивъ съ нападавшими и наскоро оправившись отъ неравной борьбы, Азовъ въ свою очередь подалъ помощь кораблю Азія подъ флагомъ Кодрингтона, сцѣпившемуся съ 84-хъ пушечнымъ Египетскимъ адмиральскимъ кораблемъ; послѣдній немедленно ринулся къ Азову, но на Азовѣ не дремали и встрѣтили противника цѣлымъ рядомъ пушечныхъ залповъ, направленныхъ почти въ упоръ; отъ этихъ залповъ Египетскій корабль загорѣлся. Тогда, пользуясь замѣшательствомъ врага, Азовъ буквально засыпалъ его картечью, уничтожая всѣ попытки экипажа къ прекращенію пожара, чѣмъ и достигнулъ своей цѣли: огонь проникнулъ до мѣста, глѣ хранился порохъ, и Египетскій корабль взлетѣлъ на воздухъ. Ни стона, ни жалобы не раздавалось на палубахъ Азова, уже покрытыхъ жертвами жестокаго боя. Тяжело раненые герои-моряки, идя на перевязку, кричали ура. Оному изъ унтеръ-офицеровъ, по фамиліи Туркину, пушечнымъ ядромъ раздробило руку, въ то время когда онъ находился на марсѣ [3]) гротъ-мачты; Туркинъ твердымъ шагомъ спустился на палубу, заклиная товарищей добросовѣстно исполнять свои обязанности и безъ стона перенесъ тяжелую операцію, выражая только сожалѣніе о потерѣ именно правой руки, которою бы онъ могъ перекреститься, благодаря Создателя за дарованную Имъ побѣду. Одинъ изъ офицеровъ, капитанъ-лейтенантъ Барановъ, желая отдать какое-то приказаніе, приложилъ рупоръ ко рту, какъ вдругъ осколками картечи рупоръ былъ вырванъ изъ его рукъ, при чемъ ему оторвало кисть правой руки и выбило нѣсколько зубовъ; Барановъ потребовалъ другой рупоръ, лѣвой рукою приложилъ его къ окровавленнымъ губамъ, отдалъ приказаніе и не хотѣлъ оставить своего мѣста до окончанія боя.

Фрегатъ Константинъ, подъ командою капитана Хрущова, спасъ сильно пострадавшій Англійскій бригъ, пронизанный непріятельскими снарядами. Въ виду показавшейся на бригѣ сильной течи, Константинъ принялъ его къ себѣ на буксиръ и не покидалъ до слѣдующаго утра.

---

3) Широкая площадка на средней мачтѣ.

Предъ концемъ сраженія одному Турецкому фрегату, превращенному въ брандеръ, удалось проникнуть въ узкое пространство между кораблями Азовъ и Гангудъ съ цѣлью взорвать оба корабля на воздухъ. Капитанъ Гангуда, Авиновъ, замѣтивъ опасное движеніе, тотчасъ же кинулся на абордажъ фрегата и собственноручно убилъ непріятельскаго матроса, сбиравшагося зажечь брандеръ. Къ пяти часамъ пополудни, первая линія непріятельскаго флота была окончательно уничтожена; Турецко-египетскіе корабли были частью затоплены, частью взорваны на воздухъ, остальные въ паническомъ страхѣ выкидывались на берегъ, гдѣ и зажигались покидавшими ихъ командами. Къ вечеру въ бухтѣ осталось не болѣе двадцати полуразрушенныхъ корветовъ и бриговъ.

Въ Наваринскомъ сраженіи, какъ наибольшее участіе въ бою, такъ и наибольшее количество поврежденій, выпали на долю всѣхъ трехъ флагманскихъ кораблей союзной эскадры. Англійскій и Французскій адмиральскіе корабли потеряли свои фокъ-мачты, а на кораблѣ Азовѣ оказалось сто пятьдесятъ три пробоины и кромѣ того столько поврежденій въ рангоутѣ, что онъ съ трудомъ могъ носить паруса. Въ достопамятный день Наваринскаго боя кораблемъ Азовъ командовалъ капитанъ 1-го ранга Михаилъ Петровичъ Лазаревъ, отличившійся блистательнымъ знаніемъ своего дѣла и замѣчательнымъ хладнокровіемъ. Изъ другихъ судовъ Русской эскадры наиболѣе пострадалъ корабль Езекіиль.

Потеря убитыми въ союзномъ флотѣ состояла изъ сорока трехъ человѣкъ на Французской эскадрѣ, пятидесяти на Русской и семидесяти пяти на Англійской. Число убитыхъ и утонувшихъ Турокъ и Египтянъ достигало цифры семи тысячъ человѣкъ.

Въ числѣ подвиговъ, ознаменовавшихъ блистательное поведеніе Русскихъ капитановъ, офицеровъ и матросовъ, достаточно привести два слѣдующихъ.

Капитанъ Свинкинъ, тяжело раненый картечью въ началѣ боя, не захотѣлъ оставить своего мѣста; не имѣя силъ держаться на ногахъ, онъ приказалъ привязать себя къ канату и въ такомъ положеніи, опустившись на колѣна, въ теченіи четырехъ часовъ исполнялъ свои обязанности.

Одинъ изъ офицеровъ корабля Азовъ, лейтенантъ Бутеневъ, тяжело раненый въ руку, услышавъ во время ампутаціи, что Азовъ атакуетъ Турецкій адмиральскій корабль, вырвался изъ рукъ докторовъ и выбѣжалъ на палубу, чтобы быть свидѣтелемъ побѣды.

Чрезъ три дня послѣ сраженія, вице-адмиралъ Кодрингтонъ обратился съ слѣдующимъ письмомъ къ контръ-адмиралу графу Гейдену, отправлявшемуся на островъ Мальту для починки судовъ ввѣренной ему эскадры.

„На кораблѣ его величества“ Азія. Наваринъ, 23 Октября 1827 г.

«Господинъ адмиралъ! Подчинившись добровольно, съ судами ввѣренной вашему превосходительству эскадры, моему начальству и возложивъ такимъ образомъ на меня главную долю отвѣтственности, вы вмѣстѣ съ тѣмъ предоставили мнѣ право быть судьею вашихъ дѣйствій. Пользуюсь этимъ правомъ, чтобы высказать вамъ, съ какимъ великимъ удовольствіемъ я наблюдалъ за ними во время сраженія 20-го числа, что ничто не можетъ превзойти блистательныхъ маневровъ судовъ, ввѣренныхъ вашему командованію и что однимъ изъ счастливѣйшихъ воспоминаній моей жизни будетъ воспоминаніе вы-

павшей на мою долю чести предводительствовать вами въ этомъ кровопролитномъ сраженіи. Примите и проч.»

Такимъ образомъ заключилось это сраженіе соединившее, пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, во имя великой идеи освобожденія народовъ, представителей сильнѣйшихъ государствъ Европы и покрывшее Русскихъ людей неувядаемою славою.

Владиміръ Истоминъ.

Приложенія къ статьѣ о Наваринскомъ боѣ.

(изъ современныхъ бумагъ).

I. Приказъ графа Гейдена.

Октября 19 дня 1827 года.

Съ душевнымъ удовольствіемъ объявляю приказъ отъ главнокомандующаго соединенныхъ эскадръ вице-адмирала Кодрингтона, отданный 12 (24) числа сего Октября. При томъ долгомъ почитаю вторично объявить мою чувствительную благодарность всѣмъ гг. капитанамъ кораблей и фрегатовъ ввѣренной мнѣ эскадры, равно всѣмъ офицерамъ и нижнимъ чинамъ за ихъ отличное дѣйствіе противъ непріятеля, которое и заслуживаетъ совершенную признательность отъ союзниковъ нашихъ, и такимъ Россійскій флотъ можетъ гордиться, въ равенствѣ съ флотами первыхъ морскихъ державъ, каковая слава, я увѣренъ, и впредъ сохраняться будетъ.

II. Приказъ вице-адмирала Кодрингтона.

1827 года, Октября 12 (24) дня, въ Наваринѣ.

Прежде нежели соединенныя эскадры оставятъ мѣсто, ознаменованное ими столь рѣшительною побѣдою, вице-адмиралъ главнокомандующій поставляетъ себѣ пріятною обязанностію изъявить всѣмъ гг. офицерамъ и нижнимъ чинамъ, на эскадрахъ сихъ находящимся, высокое свое понятіе о чрезвычайной храбрости и дѣятельности ихъ, очевидцемъ коихъ онъ былъ 20 числа сего мѣсяца.

Онъ совершенно увѣренъ, что ни въ какомъ флотѣ, принадлежавшемъ даже одной и той же націи, не могло быть оказано болѣе единодушія въ дѣйствіи, какъ то ознаменовано было на эскадрахъ трехъ нашихъ союзныхъ державъ въ семъ кровопролитномъ и гибельномъ для непріятеля сраженіи. Онъ въ особенности приписываетъ сіе славнымъ подвигамъ своихъ сподвижниковъ гг. контръ-адмираловъ, дѣйствія которыхъ послужили примѣромъ прочимъ кораблямъ ихъ къ столь скорому и искреннему вспоможенію, доставленному отъ одного другому, въ самомъ жару и смятеніи сраженія.

Таковое единодушіе къ общей цѣли, таковое хладнокровіе и храбрость среди сильнаго огня, и столь примѣрная точность въ дѣйствіи орудіями, имѣли слѣдствіемъ одержанную побѣду надъ благоразумно-пріуготовленнымъ въ превосходнѣйшей силѣ непріятелемъ и кончились тѣмъ, что Турецкій и Египетскій флоты получили должное наказаніе за неисполненіе даннаго ими обѣщанія.

Надменный Ибрагимъ-паша обѣщался не оставлять Наварина и не препятствовать дѣйствіямъ союзнаго флота, но безчестно измѣнилъ данному имъ слову, союзные жъ начальники дали обѣщаніе истребить Турецкій и Египетскій флотъ, ежели хоть одинъ выстрѣлъ будетъ сдѣланъ по которому-либо изъ флаговъ; и съ помощію храб-

рыхъ тѣхъ людей, коими счастіе имѣли командовать, они въ полной мѣрѣ исполнили обѣщаніе свое. Изъ шестидесяти военныхъ судовъ, флотъ ихъ составлявшихъ, остался одинъ только фрегатъ и до пятнадцати мелкихъ судовъ, и тѣ въ такомъ положеніи, что едва ли когда въ состояніи будутъ вступить подъ паруса.

Таковая побѣда не можетъ быть одержана безъ пожертвованія жизнію многихъ людей, и главнокомандующій въ полной мѣрѣ соболѣзнуетъ о потерѣ нѣкоторыхъ изъ лучшихъ и храбрѣйшихъ воиновъ, флотъ нашъ составлявшихъ. Одно лишь утѣшеніе находитъ онъ въ томъ, что они пали, исполняя долгъ свой, въ избавленіи страждущаго человѣчества.

Главнокомандующій изъявляетъ искреннюю свою благодарность высокимъ своимъ сподвижникамъ, гг. контръ-адмираламъ, за благоразумное и отличное управленіе своими эскадрами, а также капитанамъ, офицерамъ и нижнимъ чинамъ, за точное исполненіе возложенныхъ на нихъ обязанностей и мужество, съ которымъ истребляли они своихъ сопротивниковъ.

Эдвардъ Кодрингтонъ.

III. Переводъ съ отношенія губернатора Мальты графу Гейдену.

Валетта, 1 Апрѣля 1828 года.

Милостивый государь!

Такъ какъ Россійская эскадра подъ начальствомъ вашимъ въ скоромъ времени отправляется въ море, то не могу я не изъявить предъ вашимъ сіятельствомъ высокаго мнѣнія своего о той дисциплинѣ и хорошемъ поведеніи, которыми ознаменовали себя какъ офицеры, такъ и нижніе чины, эскадру сію составляющіе, съ самаго прибытія оной въ Мальту.

Я могу увѣрить ваше сіятельство съ совершенною истиною, что все народонаселеніе сего острова, какъ Мальтійское, такъ и Англинское, не входя въ тѣ выгоды, которыя присутствіе военныхъ судовъ обыкновенно доставляетъ жителямъ, единогласно со мною приносятъ благодарность за дружелюбное и чрезвычайно скромное обхожденіе, отличавшее каждаго изъ составляющихъ Россійскую эскадру, въ продолженіи пятимѣсячнаго ея здѣсь пребыванія. Льстя себя надеждою, что въ непродолжительномъ времени будемъ имѣть удовольствіе опять увидѣть флагъ вашего сіятельства въ Мальтѣ, имѣю честь пребывать вашего сіятельства покорный слуга

Кавендишъ Понсонби.

(Сообщено В. К. Истоминымъ).

Памятникъ „Смутнаго Времени“.

Въ «Смутное Время» Россійскаго государства не было такъ называемыхъ *героевъ дня*; не было въ то время ни газетъ, ни корреспондентовъ, прославляющихъ подвиги таковыхъ героевъ; не было также и орденовъ, раздаваемыхъ нынѣ за эти подвиги. Русскіе люди бились на войнѣ просто, безъ всякихъ расчетовъ на славу, на повышенія и награды и, отстаивая честь и цѣлость своей родины, всего менѣе, конечно, расчитывали на увѣковѣченіе ихъ доблестныхъ именъ въ потомствѣ. И дѣйствительно, имена многихъ лучшихъ людей той эпохи пропали безслѣдно и умерли вмѣстѣ съ современниками, живыми свидѣтелями ихъ славныхъ подвиговъ и дѣлъ. Но нѣкоторыя изъ этихъ именъ, не попавъ въ лѣтописи той тяжкой годины и затѣмъ въ исторію, остались, тѣмъ не менѣе, въ благодарной памяти народной, сохранились отъ забвенія и чтутся еще и понынѣ.

Каждый годъ, въ день 26-го Мая, духовенство и жители маленькаго уѣзднаго городка Костромской губерніи, Кинешмы совершаютъ, послѣ обѣдни, крестный ходъ, за двѣ версты отъ города, въ дремучій, многовѣковой сосновый боръ, къ скромной и одиноко стоящей въ бору каменной часовнѣ, надъ дверями которой имѣется слѣдующая надпись: «Памятникъ на мѣстѣ битвы жителей города Кинешмы, при воеводѣ Ѳедорѣ Бобарыкинѣ, съ войскомъ пана Лисовскаго, въ 1609 году, Мая 26-го дня». Здѣсь служится панихида по убіеннымъ, и богомольцы даютъ свои посильныя лепты на поддержаніе этой исторической часовни: на неугасимую лампаду, горящую въ ней, и на содержаніе сторожа, пріютившагося тутъ же, вблизи часовни, въ бору, въ маленькой, въ одно окно, избушкѣ. Самая часовня, какъ видно изъ особой надписи, имѣющейся на наружной же стѣнѣ, сооружена «усердіемъ Кинешемскаго градскаго купецкаго общества».

Часовня эта сооружена «на мѣстѣ битвы»; тѣла же убіенныхъ въ этомъ сраженіи Русскихъ воиновъ погребены особо, въ самомъ городѣ, на нынѣшней базарной площади, и тамъ поставлена надъ ними другая часовня, побогаче и попросторнѣе, съ слѣдующею надписью: «Въ 1609 году, при воеводѣ Ѳедорѣ Бобарыкинѣ, Кинешма раззорена была Поляками, подъ начальствомъ Лисовскаго. Часовня сія устроена надъ избіенными въ сраженіи гражданами и поселянами». Извѣстно, что самъ воевода Бобарыкинъ геройски палъ въ этой же битвѣ и что Польскія войска разбили Русскихъ «гражданъ и поселянъ», овладѣли Кинешмою, «раззорили» ее до-тла и затѣмъ ушли къ Москвѣ. Тогда-то, оставшіеся въ живыхъ и разбѣжавшіеся по сосѣднимъ лѣсамъ «граждане и поселяне» собрались на пепелище своего роднаго города и стали убирать тѣла. Поляки были похоронены особо, въ бору, на самомъ мѣстѣ битвы. Боръ этотъ живъ и

понынѣ, принадлежитъ городскому обществу и тщательно сохраняется. Восемь лѣтъ назадъ, одна его половина отъ дороги, правая (если ѣхать въ Кинешму отъ Москвы) была вырублена подъ проведенное здѣсь, изъ Иванова (недавній городъ Иваново-Вознесенскъ), полотно желѣзной дороги; лѣвая же сторона осталась неприкосновенною. На этой-то лѣвой сторонѣ, близъ дороги, и находится описанная нами часовня.

До нынѣшняго лѣта, престарѣлый сторожъ этой часовни раздѣлывалъ для себя нѣсколько грядъ въ бору, подъ овощи. Копая землю, онъ постоянно находилъ кости человѣческія и разное оружіе, цѣльное и поломанное; тогда онъ вырывалъ новую яму, клалъ въ нее кости и оружіе и вновь закапывалъ. Нынѣшней весною ему было воспрещено копать гряды и, такимъ образомъ, дальнѣйшія раскопки Польскихъ могилъ прекратились.

Оружіе было все старое, перержавѣлое и никуда негодящее; а кости все такія большія да бѣлыя: видно, рослый все былъ народъ! И такихъ большихъ костей у нонѣшнихъ людей ужъ нѣтъ, говорилъ намъ словоохотливый старикъ, сторожъ этой исторической часовни въ древнемъ бору.

Ив. Якунинъ.

13 Августа 1877 года.

Усадьба Кондратьевка, Кинешемскаго уѣзда.

Письмо Владислава Александровича Озерова къ книгопродавцу.

Декабря 10-го дня 1809 года.

Письмо ваше, государь мой Иванъ Ивановичъ, писанное отъ 25-го Октября, получилъ я на прошедшей недѣлѣ съ приложеніемъ росписи книгамъ, продающимся въ вашихъ лавкахъ. То и другое переслано ко мнѣ сюда изъ Тверской деревни, куда вы конвертъ свой надписали. Благодарю васъ за предложеніе о второмъ изданіи моей трагедіи Дмитрія Донскаго, которое вызываетесь принять на себя. Признаюсь вамъ, что и на первое изданіе нѣкоторыхъ моихъ трагедій я согласился по однимъ убѣжденіямъ моихъ пріятелей, никогда не бывъ любопытенъ видѣть въ печати то, что̀ я писалъ единственно по склонности моей къ театральнымъ зрѣлищамъ и безъ всякаго исканія званія автора и стихотворца. И такъ не желаю печатать во второй разъ Дмитрія Донскаго, ниже издать въ печать послѣднюю мою трагедію Поликсену. Я обязываюсь въ отвѣтъ на ваше письмо лишь извѣстить васъ о моемъ расположеніи, оставаясь, впрочемъ, съ усердіемъ

Готовый вамъ къ услугамъ Владиславъ Озеровъ.

Казанской губерніи, Чистопольскаго уѣзда, изъ села Краснаго Яра.

(Сообщено Ек. Степ. Некрасовой).

Анекдоты прошлаго столѣтія [1].

Въ Русскихъ присутственныхъ мѣстахъ существуетъ обычай обогащаться довольно страннымъ образомъ. Въ нихъ хранятся векселя, денежные документы, а также жалобы на медленность дѣлопроизводства. Все это валяется въ пыли до тѣхъ поръ, пока заимодавцы не дадутъ согласія поплатиться частью полученія. Если же они станутъ грозить жалобами, или болѣе догадливые должники успѣютъ расположить Магистратъ въ свою пользу, то архивъ попросту поджигается. Пожаръ 1773 года, разорившій въ Москвѣ множество семействъ, совершенно безнаказанно для судей, произошелъ, безъ сомнѣнія, отъ этой причины.

Къ тому же способу прибѣгли обремененные долгами чины Адмиралтейства въ Петербургѣ. Когда ударили набатъ, и народъ съ гвардейскимъ полкомъ бросился тушить пожаръ, то двери Адмиралтейства оказались запертыми, и всѣмъ пришлось быть только зрителями бушующаго пламени. Поджигатели, торопливо побросавъ въ Неву счета́ со всѣми бумагами, которыя могли ихъ изобличить, обратили всѣ усилія на спасеніе якорей, которымъ меньше всего было опасности сгорѣть. Императрица, когда ей доложили о томъ, принуждена была ограничиться смѣхомъ и сказала виновникамъ пожара: «Теперь, господа, ваши долги заплачены, и всякое сомнѣніе въ томъ вы смѣло можете называть выдумкою».

*

Главнокомандующій войсками въ Польшѣ, генералъ Веймарнъ (на котораго кромѣ того было возложено одно щекотливое порученіе) замѣтилъ, находясь въ Петербургѣ, что изъ его спальни пропала шкатулка съ дорогими вещами, подарками разныхъ государей, и денегъ 1500 рублей. Послѣ безуспѣшныхъ розысковъ, онъ заподозрилъ своего секретаря Гейдемана. Сначала Веймарнъ ласково обратился къ нему съ слѣдующими словами: «Милый Гейдеманъ, признайся, тебѣ извѣстно, кто укралъ мою шкатулку». Оскорбленный Гейдеманъ возражалъ и клялся, что не способенъ ни на вѣроломство, ни на мошенничество. Тогда Веймарнъ три раза наказывалъ его батогами, но желаемаго признанія не добился. Въ отчаяніи и ярости, Гейдеманъ, на глазахъ у Веймарна, распоролъ себѣ животъ перочиннымъ ножемъ. На другой день шкатулка нашлась въ каретномъ сараѣ, и воромъ оказался канцеляристъ. Тогда строгій надзоръ за Гейдеманомъ былъ отмѣненъ, и Веймарнъ думалъ, какъ бы замять дѣло. Но Гейдеманъ попросилъ свѣдущаго человѣка написать жалобу Императрицѣ, которую и подалъ чрезъ одного статсъ-секретаря. Возмущенная такимъ поступкомъ, Императрица послала эту жалобу Петербург-

---

[1]) См. выше стр. 166.

скому оберъ-полицеймейстеру Чичерину, при собственноручной запискѣ слѣдующаго содержанія: «Николай Ивановичъ! Посылаю вамъ прилагаемую жалобу, чтобы вы немедленно разслѣдовали дѣло и донесли мнѣ. Если подобныя жестокости совершаются въ столицѣ, на моихъ глазахъ, то что же могутъ позволять себѣ за 500 верстъ отъ меня?» Чичеринъ отъ души былъ бы радъ добросовѣстно исполнить свою обязанность, но это было трудно по отношенію къ генералу съ большимъ вѣсомъ и связями, извѣстному по своимъ заслугамъ, исполнявшему важнѣйшія порученія. Веймарну удалось заманить Гейдемана къ себѣ, и онъ заставилъ его отказаться отъ жалобы, обѣщая за это тысячу рублей. Въ сопровожденіи солдатъ, съ саблями на-голо, отправленъ онъ въ каретѣ формально совершить мировую. Но по возвращеніи домой Веймарнъ отдалъ ему только 600 рублей, Императрицѣ же донесли, что Веймарнъ вполнѣ удовлетворилъ своего секретаря за нанесенное ему оскорбленіе.

*

Петръ І-й, замѣтивъ вліяніе на солдатъ хоровой военной музыки, вознамѣрился ввести ее въ свои войска; но, не имѣя ни инструментовъ, ни капельмейстеровъ, онъ далъ своимъ гвардейцамъ маленькіе органчики, взятые изъ разныхъ церквей въ Ливоніи. Это была первая духовая музыка въ Русской арміи.

*

Въ послѣднюю болѣзнь свою, Петръ І-й съ сожалѣніемъ вспоминалъ о томъ времени, когда искалъ завоеваній и горько упрекалъ себя за пролитую въ бояхъ Русскую кровь. Онъ испытывалъ страшныя угрызенія совѣсти; ему мерещились казни, которымъ подвергалъ онъ членовъ своего семейства, и онъ плакалъ по сынѣ своемъ Алексѣѣ. Петръ воскликнулъ: «Надѣюсь, что Господь будетъ милосердъ ко мнѣ за то добро, которое я сдѣлалъ для своего государства». Петръ озаботился, чтобы всѣ долги его были уплачены, прежде нежели онъ испуститъ духъ, и велѣлъ въ тоже время выпустить на волю всѣхъ заключенныхъ.

*

Однажды, въ большую стужу, Петръ ожидалъ въ Сенатѣ Польскаго посланника, которому была назначена аудіенція. Съ прибытіемъ его, въ двери пахнуло холодомъ. Почувствовавъ это, царь оглядѣлся вокругъ себя и, замѣтивъ на вице-канцлерѣ Головкинѣ громадный парикъ, стащилъ его и накрылъ имъ себѣ голову. Петръ выслушалъ посланника въ этомъ странномъ уборѣ, которому, въ теченіи всей аудіенціи, служила забавнымъ контрастомъ лысая голова вице-канцлера.

*

Петръ любилъ слушать проповѣди Лютеранскаго пастора въ Ревелѣ. Однажды, будучи въ церкви, онъ помѣстился за скамьею бургомистра, который былъ въ прекрасной шубѣ и мѣховой шапкѣ. Петръ, будучи съ непокрытой головою и чувствуя холодъ, вышелъ наконецъ изъ терпѣнія, снялъ съ бургомистра шапку и въ ней дослушалъ пастора, послѣ чего, уходя, возвратилъ шапку, не сказавъ ни слова.

*

Ревельское дворянство наперерывъ старалось выразить Петру свою признательность, давая въ честь его разнаго рода празднества. Между прочими по-

желала угостить царя и госпожа Бистромъ. Узнавъ, что любимымъ его кушаньемъ были раки, приготовленные особеннымъ образомъ, она подала ему ихъ. Петръ принялся за это блюдо, когда Менщиковъ, бывшій съ нимъ въ Ревелѣ въ качествѣ денщика, подошелъ и сказалъ ему хотя на ухо, но такъ что Бистромъ слышала: «Можно-ли ѣсть по стольку въ странѣ, только-что завоеванной и у такихъ людей, которымъ, можетъ-быть, и небезопасно довѣряться вполнѣ». Петръ, не говоря ни слова, всталъ, схватилъ Менщикова за шиворотъ, вышвырнулъ изъ столовой и, усѣвшись, принялся опять ѣсть раки. Присутствовавшіе замерли отъ страха. Испуганная Бистромъ бросилась Петру въ ноги: «Государь, воскликнула она, я не боюсь конечно, чтобы раки могли повредить вашему величеству; но то сильное волненіе, въ которомъ мы только-что васъ видѣли, можетъ подѣйствовать на васъ. Умоляю, простите меня; но было-бы жестокою несправедливостью меня подозрѣвать....»—«Не бойся, перебилъ Царь, поднимая ее; я такъ искренно убѣжденъ въ расположеніи ко мнѣ Ревельцевъ, что останусь ночевать у любаго изъ нихъ. Этотъ, прибавилъ онъ, указывая на Менщикова, и другіе мои придворные не внушаютъ мнѣ такого довѣрія. Съ любымъ изъ вашихъ согражданъ я буду чувствовать себя безопаснѣе, нежели съ ними. Успокойтесь: я знаю съ кѣмъ имѣю дѣло».

*

Петръ I-й съ дѣтства былъ подверженъ припадкамъ безотчетнаго страха. Онъ не могъ владѣть собою въ такомъ состояніи, которое сопровождалось яростью, иногда-же разрѣшалось конвульсіями, искривлявшими ему ротъ и совершенно искажавшими лицо его. Послѣднее приписывали дѣйствію яда, даннаго ему въ дѣтствѣ. Когда конвульсіи дѣлались съ нимъ въ обществѣ, всѣ потуплялись; потому что Петръ не терпѣлъ, чтобы на него смотрѣли въ это время и чѣмъ-нибудь заявляли, что происходящее съ нимъ замѣчено. Если-же конвульсіи усиливались до чрезвычайной степени, то царскій поваръ спѣшилъ изжарить сороку вмѣстѣ съ перьями и внутренностями и стиралъ въ порошокъ, пріемъ котораго помогалъ Государю.

*

Однажды Петръ I-й отдалъ въ поправку жившему въ Петербургѣ ювелиру Рокентину императорскую корону и нѣкоторыя другія очень цѣнныя вещи. Хотя Рокентинъ былъ иностранецъ, но Петръ поручалъ ему эту работу, потому что всѣмъ была извѣстна чрезвычайная его набожность. Такъ какъ Рокентинъ жилъ на Васильевскомъ острову, окруженномъ лѣсами, то Петръ предложилъ ему стражу; но, поблагодаривъ царя, Рокентинъ пожелалъ удалиться безъ провожатыхъ. Прежде нежели онъ возвратился къ себѣ, у него уже созрѣлъ планъ, какъ завладѣть полученными драгоцѣнностями. Онъ зарылъ ихъ у себя подъ порогомъ, затѣмъ пошелъ въ лѣсъ и привязалъ себя къ дереву, предварительно наставивъ себѣ синяковъ. На другой день проходящіе отвязали его. Съ ними вмѣстѣ Рокентинъ отправился къ Царю и жаловался, что его ограбили. Петръ, не будучи легковѣренъ, предложилъ ему на выборъ: или сознаться въ кражѣ, за что обѣщалось прощеніе, или подвергнуться допросу. Ювелиръ отдался пыткамъ и твердо ихъ переносилъ. Тогда приказано было духовному лицу исповѣдью добить-

ся его признанія. Но и это не помогло.—«Я вижу, сказалъ Петръ пастору, что придется привезти изъ Риги моего Брюнинга, чтобы онъ поучилъ тебя, какъ обращаться съ лицемѣрами». Брюнингъ былъ суперъ-интендентомъ лютеранской церкви въ Ригѣ. Онъ соединялъ большія способности съ красивою наружностью и умѣніемъ прекрасно говорить. Петръ, отличавшій его между всѣми Ливонцами (а это значило немало), разсказалъ ему, чего требуется отъ Рокентина и велѣлъ посулить прощеніе, если онъ сознается. Брюнингъ всячески распрашивалъ ювелира и допытывался отъ него правды. Наконецъ, онъ вдругъ сказалъ: «Ты спряталъ украденное подъ порогомъ своего дома».—«Да, да!» воскликнулъ ювелиръ, считая себя уличеннымъ, «именно въ томъ самомъ мѣстѣ». Брюнинга отпустили, одаривъ и осыпавъ похвалами въ присутствіи собраннаго духовенства, которое Царь укорялъ въ невѣжествѣ, лѣни и неспособности; Рокентинъ-же былъ сосланъ на всю жизнь въ Сибирь.

*

У Русскихъ еще существуетъ устная исповѣдь. Петръ I-ый, отмѣнившій устарѣвшіе гражданскіе и церковные обычаи [1]), сохранилъ этотъ, считая его полезнымъ для государства и въ особенности для себя. Духовнымъ Регламентомъ онъ предписалъ, чтобы священникамъ приносилась исповѣдь даже въ самыхъ помыслахъ совершить что либо дурное. Если злоумышлялось противъ Государя и его семейства, или-же противъ выгодъ и славы государства и если священникъ имѣлъ основаніе предполагать, что, не взирая на покаяніе, исповѣдникъ можетъ впослѣдствіи привести свой помыслъ въ исполненіе: то онъ обязанъ былъ немедленно его задержать и, явившись вмѣстѣ съ нимъ, обвинить передъ судомъ. А коль скоро священникъ не былъ съ доносомъ, и злодѣй, изобличенный въ преступномъ замыслѣ, заявлялъ, что исповѣдывался ему, то обоихъ ихъ ожидала тяжкая кара. Въ 1720 году Петръ приказалъ обезглавить священника, который, узнавъ на исповѣди о намѣреніи одного несчастнаго посягнуть на жизнь Императора, донесъ объ этомъ спустя годъ, и то по злобѣ на своего духовнаго сына, съ которымъ разсорился. Въ 1722 году князь Менщиковъ послалъ одного Петербургскаго священника съ важнымъ и тайнымъ порученіемъ въ Москву. Этого погубилъ какой-то негодяй, признавшійся на допросѣ, между другими преступленіями, въ давнишнемъ намѣреніи умертвить Императора, о чемъ сказалъ на исповѣди этому самому священнику, а тотъ не донесъ. Хотя Петръ и цѣнилъ способности этого священника, но приказалъ отрубить ему голову и выставить на столбѣ на главномъ Московскомъ рынкѣ [2]).

*

Въ 1697 году, будучи въ Кенигсбергѣ, Петръ увидалъ изъ окна гостинницы старыхъ солдатъ, державшихъ караулъ въ этомъ городѣ. Онъ приказалъ своему гвардейцу затѣять ссору съ однимъ изъ этихъ почтенныхъ ветерановъ. Русскій безъ труда сбилъ съ ногъ того, къ которому привязался, за что и былъ щедро награжденъ царемъ. Но узнавъ, спустя нѣсколько дней, что мѣ-

---

1) Иностранецъ считаетъ святую исповѣдь обычаемъ! П. Б.

2) Это напоминаетъ увѣщанія Іезуитовъ Дмитрію Самозванцу принижать всячески бѣлое духовенство и постараться, чтобы при домовыхъ церквахъ были крѣпостные священники. П. Б.

стный Магистратъ возбудилъ уголовное преслѣдованіе за эту продѣлку, Петръ счелъ за лучшее сократить свое пребываніе въ Кенигсбергѣ.

*

Генералъ Гейне (Heyne), Полякъ, въ бытность свою въ Петербургѣ, выигралъ у Менщикова 4000 червонцевъ. Раздраженный этимъ, Менщиковъ наговорилъ ему дерзостей. Честный и прямодушный Гейне не могъ вынести обиды. «Замѣтьте, князь, сказалъ онъ ему, что я такой-же дворянинъ, какъ и вы, даже можетъ быть почище васъ; поэтому я въ правѣ требовать удовлетворенія». Съ тѣхъ поръ Менщиковъ не могъ выносить присутствія Гейне. Онъ имѣлъ низость наябедничать на него Царю, а Петръ, въ странномъ и безтактномъ потворствѣ Менщикову, сослалъ Гейне въ Сибирь, тогда какъ сей послѣдній не состоялъ на Русской службѣ.

*

Во время послѣдней болѣзни Петра I-го, чтобы развеселить и разсѣять его, придумывали разныя забавы, изъ которыхъ нѣкоторыя были недостойны порядочнаго общества. Связывали, напримѣръ, вмѣстѣ до тридцати салазокъ на разстояніи сажени другъ отъ друга. На нихъ сажали простыхъ людей, которымъ приходилось, держась за салазки обѣими руками, скорчиваться до такой степени, что они упирались колѣнями себѣ въ подбородокъ. Въ первыя санки впрягали гуськомъ шесть лошадей и пускали въ скачь. Пока неслись по прямой улицѣ, зрѣлище было забавно; но если уклонялись отъ прямаго направленія, или повертывали въ другую улицу, то многія салазки, особенно послѣднія, налетали на остальныя или на уголъ поворота и опрокидывались. Вывалившихся подвергали разнаго рода штрафамъ, не взирая на полученные ушибы и увѣчья.

*

Петръ I-й собирался съ Екатериною ѣхать моремъ изъ Петербурга въ Ревель. Онъ бралъ съ собою хирурга Лестока (впослѣдствіи графа и тайнаго совѣтника) и камергера Жонсона, сына одного архитектора въ Ливоніи, женатаго на г-жѣ Медемъ, которая три раза расходилась съ мужемъ и жила отдѣльно отъ него въ Ливоніи, въ Старомъ Салисѣ (Vieux-Salis). Наканунѣ отплытія, Лестокъ и Жонсонъ, замѣтивъ царскаго шута Тюринова, крѣпко спавшаго на палубѣ, перемигнулись и съиграли съ нимъ слѣдующую штуку. Тюриновъ носилъ длинную бороду, которую они накрѣпко присмолили ему къ груди. Проснувшись, шутъ завопилъ и разбудилъ Царя. Петръ вскочилъ взбѣшенный, схватилъ канатъ и бросился на крики. Шалуны, услыхавъ его шаги, попрятались. Первымъ попался Царю на глаза Арабъ Ганибалъ и былъ отхлестанъ не на шутку. За обѣдомъ Лестокъ и Жонсонъ, глядя на несчастнаго Ганибала, не могли удержаться отъ смѣха. Петръ узналъ, чему они ухмыляются, самъ расхохотался и сказалъ Арабу: «Я поколотилъ тебя напрасно; за то, если въ чемъ-нибудь провинишься, напомни мнѣ, чтобы тебя простить». Такихъ случаевъ представлялось немало, и Ганибалъ долго пользовался терпѣніемъ Государя.

*

Когда Карлу XII-му говорили, что соперникъ его строитъ города и крѣпости въ завоеванной у него странѣ, то онъ обыкновенно отвѣчалъ, какъ

человѣкъ, не сомнѣвающійся въ своемъ счастьи: «Пусть строитъ; я успѣю разрушить».

*

Еслибы Петръ I-й не такъ упрямо предался мысли основать столицу свою въ Ингріи, то указанія одного Финскаго крестьянина, который служилъ ему шпіономъ во время Шведской войны, отвратили-бы его отъ этой мысли. «Государь, говорилъ ему этотъ человѣкъ, вы не должны строить здѣсь города. Рано или поздно, если не сами вы, то наслѣдники ваши раскаятся въ этомъ. Черезъ каждыя десять или по большей мѣрѣ двадцать лѣтъ въ этомъ мѣстѣ бываютъ такія страшныя наводненія, что послѣ нихъ не остается въ цѣлости никакая постройка. Поговорите съ знающими теченіе и устье Невы и тѣ вѣтры, которые весною и осенью дуютъ противъ ея волнъ; спросите тѣхъ, которымъ извѣстенъ ея уровень, и вы мнѣ повѣрите. Вы также намѣрены построить портъ въ этихъ мѣстахъ; но корабли ваши погніютъ въ немъ въ скоромъ времени».

*

До Петра I-го, вступающимъ въ бракъ не дозволялось видѣться раньше свадьбы. Петръ издалъ указъ, которымъ, къ великой радости молодежи, повелѣвалось, чтобы вѣнчаніе не совершалось ранѣе шести недѣль послѣ перваго свиданія жениха съ невѣстою и притомъ не иначе, какъ послѣ гласно-заявленнаго ими согласія на бракъ.

*

Желая дать какой-нибудь знакъ отличія своимъ шутамъ, которыхъ у него было свыше шестидесяти, Петръ I-й учредилъ для нихъ ленту «золотой шпоры», которую они носили на третьей пуговицѣ. Каждая такая лента стоила имъ 60 рублей. Какъ-то прежде Петръ приказалъ написать портреты со всѣхъ своихъ девяноста девяти шутовъ и повѣсилъ ихъ въ большой дворцовой залѣ, оставивъ мѣсто для сотаго. Портреты были размѣщены сообразно прирожденнымъ и пріобрѣтеннымъ качествамъ своихъ оригиналовъ. Между ними былъ особый отдѣлъ и такихъ, которые принуждены были одѣться шутами за провинности по службѣ. Царь любилъ забавляться съ шутами; въ веселыя минуты онъ давалъ имъ разные титулы и званія. Такъ въ Москвѣ одинъ изъ нихъ былъ провозглашенъ царемъ Самоѣдовъ. Церемонію коронованія отпраздновали съ большимъ великолѣпіемъ. Двадцать четыре Самоѣда, съ цѣлымъ стадомъ оленей, явились на поклоненіе къ своему новому царю. Другому шуту Петръ подарилъ островъ Даго и велѣлъ изготовить гра́моту на владѣніе имъ. Когда, по смерти Петра, пожалованный сталъ требовать острова, то ему отказали, на томъ основаніи, что грамота была неудовлетворительная: ибо Петръ, вмѣсто государственной печати, приложилъ къ ней рубль.

*

По договору, заключенному между Русскими и Турками на Прутѣ, послѣдніе выговаривали себѣ право розыскать среди Русской арміи Молдавскаго князя Кантемира, предавшаго эту область въ руки Русскихъ. Узнавъ объ этомъ, Петръ I-й поспѣшилъ призвать Кантемира къ себѣ и сталъ убѣждать его добровольно отдаться въ руки враговъ, что́ могло-бы, полагалъ онъ, смягчить ихъ злобу. Но, хорошо зная ожидавшую его участь, Кантемиръ не со-

гласился. Обрившись и переодѣвшись въ Нѣмецкое платье, онъ спрятался въ кухонномъ фургонѣ царскаго повара Фельтена. Такимъ образомъ Кантемиръ избѣжалъ казни, которая неминуемо постигла бы его у Турокъ.

Кантемиръ началъ переводить разноцвѣтныя бумаги, найденныя въ большихъ сверткахъ близъ Каспійскаго моря, въ развалинахъ древняго города «Маджары» и въ окрестностяхъ Самарканда, отечествѣ знаменитаго Тамерлана; но смерть постигла его за этою работою, плоды которой были бы драгоцѣнны для ученыхъ.

*

По мнѣнію Петра I-го, вѣрнѣйшій способъ для достиженія превосходства въ политическомъ отношеніи состоитъ въ наилучшемъ управленіи своими финансами. Онъ съ неудовольствіемъ взиралъ на нѣкоторыхъ изъ приближенныхъ своихъ, жившихъ гораздо выше средствъ. Позвавъ одного такого къ себѣ въ кабинетъ, Петръ дружески спросилъ его, сколько онъ ежегодно проживаетъ. Князь, которому объ этомъ пришлось подумать впервыя, извинялся незнаніемъ и просилъ позволенія послать за своимъ управляющимъ, который одинъ зналъ его дѣла. «И такъ ты не знаешь, сказалъ Царь, сколько тебѣ требуется на прожитокъ. Посмотримъ однако, не сможемъ-ли разсчитать сами; нѣсколько сотъ рублей больше или меньше разницы не составятъ». Усѣлись считать. Петръ началъ подробно отмѣчать, чтò стоятъ князю лошади, люди, одежда и т. д. Сложивъ все это, князь испугался и не зналъ, чтò сказать. «Теперь, продолжалъ Царь, посчитаемъ доходы». Сумма послѣднихъ не достигала и половины суммы расходовъ. Тогда Петръ, гнѣвно взглянувъ на князя и не давъ ему вымолвить слова, схватилъ его за волосы и, по обыкновенію, такъ избилъ палкою, что несчастный потомъ нѣсколько дней не могъ пошевелиться ни однимъ членомъ. «Пошелъ теперь, крикнулъ Царь, и посчитай такимъ-же манеромъ твоего управляющаго. Этимъ урокомъ научитесь оба, что издержки никогда не должны превышать полученія и что всякій живущій на чужой счетъ есть плутъ, одинаково подлежащій наказанію, какъ и воръ, крадущій мои деньги, или какъ злостный банкротъ, котораго по нашимъ законамъ ссылаютъ въ каторгу». Исторія гласитъ, что разсказанный случай произвелъ большой переполохъ въ домахъ многихъ вельможъ, которые побаивались царской ариѳметики.

*

Дѣятельный геній Петра обнималъ все, отъ высшихъ политическихъ соображеній до простыхъ мелочей. Если онъ видѣлъ что-нибудь въ первый разъ, то съ чрезвычайнымъ любопытствомъ старался изучить видѣнное основательно, и если то было дѣломъ рукъ, то непремѣнно хотѣлъ сдѣлать тоже самъ. Во время своего путешествія, увидавъ въ одномъ публичномъ мѣстѣ фокусника, Петръ долго смотрѣлъ на его штуки. Особенно поразила его ловкость, съ которою фокусникъ вырывалъ зубы то ложкою, то при помощи шпаги. Удивленіе Петра перешло въ страстное желаніе продѣлывать тоже самому. Онъ сталъ учиться у шарлатана и, спустя нѣсколько минутъ, былъ настолько-же искусенъ, какъ его учитель. И горе было тѣмъ, которые потомъ жаловались на зубную боль!

*

Узнавъ, по своемъ возвращеніи въ Петербургъ, о дурномъ поступкѣ одного дворянина, Петръ очень разгнѣвался и немедленно потребовалъ его къ се-

бѣ, вѣроятно для обычной расправы. Одинъ изъ друзей провинившагося поспѣшилъ предувѣдомить его о грозившей бѣдѣ и совѣтывалъ постараться какъ-нибудь избѣжать перваго гнѣвнаго порыва, который былъ особенно страшенъ. Виновный, зная, что Петръ, при всей своей вспыльчивости, въ душѣ добръ и справедливъ, счелъ за лучшее немедленно явиться къ царю. Дорогою онъ придумалъ средство, какъ отвратить бурю. Онъ вошелъ къ Петру безъ всякаго смущенія, приложивъ къ щекѣ платокъ. Петръ ринулся на него съ поднятою палкою, но, замѣтивъ платокъ, спросилъ: «что съ тобой?»—«Государь, отвѣчалъ дворянинъ, со вчерашняго дня невыносимо мучаюсь зубами».—При этомъ рука, вооруженная палкою, опустилась, и выраженіе гнѣва исчезло съ лица государева.—«Гнилой зубъ у тебя?» спросилъ Царь —«Не совсѣмъ гнилой, но очень испорченный; болитъ часто и мучительно».—«Принести мои инструменты», приказалъ Царь. «Садись. Я вырву у тебя боль вмѣстѣ съ зубомъ. Зубъ былъ извлеченъ, правда нѣсколько грубо, но довольно благополучно. Выслушавъ затѣмъ покорную благодарность паціента за оказанную ему милость, Петръ сталъ его бранить за вину. Тотъ счелъ лучшимъ не оправдываться, бросился Царю въ ноги и сталъ просить прощенія. Петръ пожурилъ его и съ этимъ отпустилъ.

*

Петру донесли, что одинъ офицеръ, по имени Матвѣй Олсуфьевъ, ослушался его приказаній. Позванный во дворецъ, Олсуфьевъ, дѣйствительно страдавшій зубами, извинился, что явиться не можетъ. Петръ вторично велѣлъ его позвать, сказавъ, что вылечитъ его. Олсуфьевъ явился. Тогда, приказавъ ему сѣсть на полъ и указать гнилой зубъ, Петръ, вмѣсто больнаго, захватилъ здоровый и съ такою силой, что трижды поднималъ отъ пола бѣднаго Олсуфьева. Наконецъ, сломавъ этотъ зубъ, Петръ отпустилъ его, какъ наказаннаго достаточно.

*

Когда Императрица, супруга Петра I-го, разрѣшилась отъ бремени Петромъ Петровичемъ, Царь побѣжалъ въ Адмиралтейство, чтобы возвѣстить объ этомъ городу колокольнымъ звономъ. Такъ какъ это случилось въ полночь, то Петръ нашелъ Адмиралтейство запертымъ, и часовой окликнулъ его: «Кто идетъ?»—«Государь». —«Нашелъ что сказать! Развѣ его узнаешь теперь? Пошелъ прочь! Отданъ строгій приказъ не впускать никого». Петръ забылъ, что дѣйствительно отдалъ такой приказъ. Слушая грубый отвѣтъ солдата, онъ внутренно радовался точному исполненію своихъ повелѣній. «Братецъ, сказалъ онъ, я дѣйствительно отдалъ такой приказъ, но я же могу и отмѣнить его; или какъ по твоему?»—«Тебѣ, вижу я, хочется меня заговорить, да не удастся: проваливай-ка, не то я тебя спроважу по своему». Царя это забавляло.—«А отъ кого ты слышалъ такое приказаніе?»—«Отъ моего унтеръ-офицера».—«Позови!» Явился унтеръ-офицеръ. Петръ требуетъ, чтобы его впустили, объявляя, кто онъ.—«Нельзя, отвѣчаетъ унтеръ-офицеръ; пропустить никого не смѣю, и будь ты дѣйствительно Государь, все равно не войдешь»—«Кто отдалъ тебѣ такой приказъ?»—«Мой командиръ» Позови и скажи, что Государь желаетъ съ нимъ говорить». Является офицеръ. Петръ обращается къ нему съ тѣмъ-же. Офицеръ приказалъ принести факелъ и, убѣдившись, что передъ нимъ дѣйствительно былъ Царь, отперъ двери. Не входя въ объясненіе, Петръ прежде всего сталъ молиться и потомъ звонилъ съ чет-

верть часа, собственноручно дергая веревку отъ колокола. Послѣ этого, войдя въ казарму, онъ произвелъ унтеръ-офицеръ въ офицеры, офицера въ командиры, а послѣдняго повысилъ чиномъ.—«Продолжайте, братцы, сказалъ онъ уходя, также строго исполнять мои приказанія и знайте, что за это васъ ожидаетъ награда».

*

Въ царствованіе Петра раскольничій попъ, по имени Ѳома, вздумалъ открыто проповѣдывать въ Москвѣ противъ поклоненія святымъ и противъ многихъ другихъ догматовъ господствующей вѣры. Духовенство соборомъ увѣщевало его отречься отъ своихъ лжеученій. Ѳома не только не внялъ этимъ увѣщаніямъ, но, войдя въ день св. Алексѣя въ церковь съ топоромъ, изрубилъ въ куски образъ этого святаго и еще образъ Богородицы. Онъ повелъ было оправдательную рѣчь, но былъ схваченъ и заключенъ въ тюрьму. Нарядили судъ, который постановилъ, чтобы Ѳома держалъ надъ огнемъ правую руку, вооруженную топоромъ, до тѣхъ поръ, пока она не сотлѣетъ, а затѣмъ чтобы его сожгли живаго. Ѳома твердо выслушалъ приговоръ; спокойствіе не измѣняло ему и тогда, когда рука его жарилась на огнѣ. Брошенный на костеръ, онъ до послѣдняго издыханія продолжалъ стоять на своемъ.

*

Между Россіей и Швеціей долго велась ожесточенная борьба за Нарву. Въ 1708 г. Русскіе осаждали ее безуспѣшно, но четыре года спустя взяли штурмомъ, какъ городъ, такъ и выстроенный на горѣ зȧмокъ. Ожесточеніе Русскихъ войскъ было при этомъ таково, что Петръ, не въ силахъ будучи остановить рѣзню, собственноручно закололъ многихъ изъ своихъ солдатъ. Наконецъ, утомившись этимъ, онъ вошелъ въ одинъ домъ и бросилъ на столъ окровавленную шпагу (которая сохранилась), воскликнувъ: «шпага эта обагрена кровью не Шведовъ, а собственныхъ моихъ подданныхъ, и этимъ я спасъ жизнь вашимъ соотечественникамъ». Когда привели коменданта, Петръ далъ ему пощечину, сказавъ: «Видишь рѣзню? Въ этомъ виновато твое упрямство». Зная, что жители Нарвы тянутъ къ Шведамъ и не довѣряя имъ, Петръ ихъ выселилъ поголовно частью въ Казань, частью въ Астрахань; но, овладѣвъ вскорѣ остальною Ливоніей, позволилъ выселеннымъ возвратиться на родину.

*

Когда Екатерина I-я основала въ С.-Петербургѣ Академію Наукъ, между членами ея отличался профессоръ математики Гольдбахъ, впослѣдствіи далеко пошедшій по службѣ. Онъ принесъ-бы больше пользы наукѣ, если-бы, спустя нѣкоторое время по вступленіи своемъ въ Академію, не принялъ на себя обязанности прочитывать депеши иностранныхъ дворовъ. Работа эта, недостойная такого ученаго, окончательно отвлекла его отъ Академіи. Гольдбахъ отличался большими странностями. Подобно Месмеру, онъ вѣрилъ вліянію одного существа на другое и не выносилъ, чтобы къ нему подходили ближе извѣстнаго разстоянія, чтобы ѣли и пили послѣ него, или дотрогивались-бы до чего нибудь изъ того, къ чему онъ прикасался какою-либо частью своего тѣла. Остатки того, чтȯ онъ пилъ и ѣлъ, онъ самъ выбрасывалъ за окно. Въ концѣ года онъ пересматривалъ свой гардеробъ, и все ненужное сжигалось въ нарочно разведенномъ огнѣ. Можно представить себѣ, какъ онъ боялся за-

разиться, во время своей работы надъ депешами. Занимался онъ, съ разрѣшенія Императрицы, исключительно у себя въ кабинетѣ.

*

Насколько Петръ I-ый цѣнилъ храбрость въ бою, настолько же ненавидѣлъ поединки. Онъ не оправдывалъ ихъ ничѣмъ, какъ-бы тяжко ни было оскорбленіе. «Неужели ты настолько глупъ, сказалъ онъ одному изъ своихъ генераловъ, что желѣзный клинокъ можетъ, по мнѣнію твоему, возстановить твою оскорбленную честь?» Если кто либо изъ офицеровъ являлся къ Петру просить разрѣшенія на поединокъ, то уходилъ жестоко побитый; за то не оставался безнаказаннымъ и оскорбитель, котораго, смотря по степени вины, иногда съ позоромъ выгоняли изъ службы. Въ Москвѣ Петру донесли на полковника Бодона, прапорщика Крассау, капитана Сакса и слугу послѣдняго, что они нѣсколькихъ человѣкъ убили на дуэли. Разслѣдовавъ дѣло въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ, Петръ приказалъ отрубить голову полковнику и повѣсить прапорщика. Что касается Сакса, то, благодаря покровительству Меншикова, онъ избѣжалъ казни, но былъ осужденъ на пожизненное тюремное заключеніе. Слуга Сакса получилъ тридцать ударовъ кнутомъ, отъ которыхъ вскорѣ и умеръ. Послѣ такой суровой расправы поединки стали очень рѣдки въ Россіи.

*

Петръ I-й распредѣлялъ свои занятія на всѣ часы дня и строго слѣдовалъ этому распредѣленію. Вставалъ онъ очень рано, иногда въ три часа и въ теченіи нѣсколькихъ часовъ занимался чтеніемъ; потомъ часъ или два точилъ, за тѣмъ одѣвался и занимался государственными дѣлами, при чемъ вносилъ въ свою записную книжку разныя замѣтки и записывалъ нужныя распоряженія. За этою работою слѣдовала прогулка, состоявшая въ посѣщеніи флота, литейно-пушечнаго завода, фабрикъ или строящейся крѣпости, всегда съ записною книжкою въ рукахъ. Въ 11-ть часовъ, или нѣсколько раньше, Петръ садился за столъ, съ нѣкоторыми лицами изъ своей свиты или съ кѣмъ нибудь изъ придворныхъ. Получаса было достаточно для обѣда и такого-же времени для послѣобѣденнаго отдыха. Затѣмъ слѣдовало посѣщеніе всѣхъ тѣхъ, которые утромъ были намѣчены въ записной книжкѣ. Петра видѣли по нѣскольку минутъ то у генерала, то у плотника, у чиновника, или каменьщика. Петръ посѣщалъ школы, особенно-же любилъ морское училище, гдѣ иногда присутствовалъ на урокахъ. Вечеромъ Петръ развлекался дружескою бесѣдою, или посѣщалъ ассамблеи, гдѣ много пилъ вина, игралъ въ шахматы, или затѣвалъ другія любимыя игры, преимущественно дѣтскія, какъ напр. жмурки. Охота, музыка и тому подобное развлеченіе не имѣли для него никакой прелести. Шахматы онъ любилъ какъ потому, что игра вошла при немъ въ обыкновеніе, такъ и потому, что онъ былъ очень искусенъ въ ней. Если въ обществѣ, гдѣ онъ находился въ чрезмѣрно-веселомъ настроеніи отъ выпитаго вина, кто нибудь провинялся или раздражалъ его даже пустяками, то бывалъ битъ жестоко. Меншиковъ и другіе фавориты часто испытывали на себѣ тяжесть его руки. Спать ложился Петръ въ 9 часовъ, и съ тѣхъ поръ прекращалось всякое движеніе по улицѣ, на которую выходила его спальня. Малѣйшій шумъ пробуждалъ его, и этого особенно боялись.

*

Семейство Волковыхъ получило извѣстность въ Россіи. При Петрѣ I-мъ одинъ Волковъ былъ посланникомъ въ Константинополѣ, Парижѣ и Венеціи. Когда онъ возвратился въ Петербургъ, Петръ поручилъ ему перевести на Русскій языкъ книгу о садоводствѣ. Волковъ былъ человѣкъ способный; потому-то, можетъ быть, эта работа такъ и надоѣла ему. Часто онъ затруднялся переводомъ техническихъ мѣстъ, для которыхъ въ Русскомъ языкѣ не находилось соотвѣтствующихъ словъ. Утомленный такимъ неблагодарнымъ трудомъ, онъ впалъ въ меланхолію и зарѣзался. Другой Волковъ, достигшій званія сенатора, имѣлъ несчастную способность во всемъ видѣть смѣшную сторону и слабость разглашать свои язвительныя замѣчанія. Онъ не щадилъ никого. Вынужденный признаться, что нѣкто надворный совѣтникъ Клингштедтъ просвѣщеннѣе его и выше въ нравственномъ отношеніи, Волковъ далъ ему кличку «коккинаріумъ» и потѣшался, произнося ее на подобіе пѣтушинаго крика. Когда великій канцлеръ Бестужевъ-Рюминъ былъ сосланъ и конфискованныя драгоцѣнности его отданы были на храненіе въ Сенатъ, за императорскою печатью, то Волковъ, сломавъ печать, выбралъ изъ нихъ самые цѣнные камни и затѣмъ поддѣлалъ печать какъ могъ. Такъ какъ онъ подѣлился взятымъ со всѣми, кто-бы могъ на него донести, то не нашлось ему обличителя.

*

Одинъ капитанъ, по имени Ушаковъ, былъ однажды посланъ изъ Смоленска съ чрезвычайно важными бумагами къ Кіевскому коменданту. Пославшій его генералъ приказалъ доставить бумаги какъ можно скорѣе. Въ точности исполнивъ это, Ушаковъ подъѣхалъ къ Кіеву, когда городскіе ворота были заперты. Часовой просилъ подождать, пока губернаторъ пришлетъ ключи. Ушаковъ началъ рвать и метать, разразился ругательствами на коменданта и часоваго, грозя гнѣвомъ своего генерала, и полетѣлъ съ бумагами обратно въ Смоленскъ жаловаться на то, что ему не отперли воротъ. Генералъ арестовалъ Ушакова и предалъ военному суду, а сей послѣдній изрекъ ему смертный приговоръ. Петръ, по представленіи приговора на его усмотрѣніе, нашелъ поведеніе капитана слишкомъ забавнымъ, чтобы наказывать за то. Онъ помиловалъ осужденнаго, послалъ ему дурацкій колпакъ съ шутовскою одеждою и зачислилъ его въ штатъ своихъ шутовъ, въ числѣ которыхъ Ушаковъ и состоялъ до смерти своего покровителя.

*

Этотъ-же Ушаковъ долженъ былъ сопровождать Петра въ его поѣздку по Саксоніи. Петръ приказалъ ему приготовиться въ путь. Ушаковъ упросилъ состоявшаго въ свитѣ аудитора написать для него слѣдующее письмо къ Царю: «Благодарю ваше величество за всѣ оказанныя мнѣ милости, но боюсь, что моимъ разсказамъ о нихъ не повѣрятъ, безъ какого-либо доказательства. Полагаю, что нагляднымъ подтвержденіемъ для сомнѣвающихся была-бы лучшая лошадь изъ вашей конюшни» и пр. Петръ улыбнулся, прочитавъ это шутовское посланіе, и подарилъ Ушакову лучшую лошадь. Такими путями Ушаковъ мало-по-малу скопилъ себѣ капиталъ болѣе нежели въ 20,000 рублей.

*

Петръ былъ чрезвычайно вспыльчивъ и въ первую минуту гнѣва наказывалъ жестоко. Если въ минуту раздраженія ему не удавалось излить свой гнѣвъ,

то, успокоившись и придя въ себя, онъ подчинялся голосу справедливости. Извѣстно, что онъ былъ искусенъ въ токарномъ мастерствѣ. Станокъ его помѣщался въ особой мастерской, при которой состоялъ Андрей Нартовъ, токарный мастеръ и хорошій механикъ (при императрицѣ Аннѣ былъ совѣтникомъ) и одинъ ученикъ, котораго Петръ любилъ за веселый нравъ и прилежаніе. На обязанности послѣдняго лежало снимать съ Петра колпакъ при входѣ его въ мастерскую. Какъ-то разъ этотъ ученикъ вырвалъ нечаянно у Петра нѣсколько волосковъ. Почувствовавъ боль, Царь выхватилъ свой охотничій ножъ [1]), бросился за ученикомъ и вѣроятно убилъ-бы его, если-бъ послѣдній, зная вспыльчивость Петра, не успѣлъ во́ время убѣжать. На другой день, входя въ мастерскую, Петръ весело сказалъ Нартову: «Этотъ плутишка причинилъ мнѣ таки порядочную боль, но конечно невзначай. Я радъ, что онъ оказался осторожнѣе меня». Узнавъ отъ Нартова, что ученикъ не являлся, Петръ послалъ за нимъ къ его роднымъ, велѣвъ передать, что простилъ его; но и тамъ его не видали. Тогда Петръ приказалъ оповѣстить свое прощеніе по всѣмъ частямъ города. Бѣглецъ пропалъ, и съ тѣхъ поръ Петръ не видалъ его никогда. Онъ убѣжалъ въ одну деревушку близъ Ладожскаго озера, откуда пробрался въ Вологду, гдѣ подъ чужимъ именемъ выдавалъ себя за сироту, потерявшаго отца и мать и пришедшаго изъ Сибири. Тамъ одинъ стекольщикъ пріютилъ его изъ состраданія и обучилъ своему мастерству. У него бѣглецъ прожилъ десять лѣтъ. Уже долго спустя по смерти Петра, онъ возвратился въ Петербургъ и явился къ прежнему хозяину, который представилъ его въ Дворцовую Контору. Его приняли какъ стекольщика. Этимъ мастерствомъ онъ занимался при Аннѣ и Елисаветѣ.

*

Государственные преступники всегда очень строго наказывались въ Россіи. Иногда ихъ заключали въ особо устроенные склепы подъ монастырями. Царствованія Анны и Елисаветы даютъ нѣсколько такихъ примѣровъ. Въ Валдайскомъ Яковлевскомъ монастырѣ, по дорогѣ изъ Петербуга въ Москву, я видѣлъ одного оставшагося въ живыхъ изъ сорока заключенныхъ по приказанію любимца Елисаветы, Петра Ивановича Шувалова. Этотъ несчастный говорилъ мнѣ, что единственною причиною своего заключенія считаетъ свое богатство, которымъ захотѣли воспользоваться его родные. Въ Соловецкомъ монастырѣ на Бѣломъ морѣ было много такихъ людей. Тѣхъ изъ нихъ, на которыхъ тяготѣли особенно важныя подозрѣнія, бросали зимою въ самые холодные погреба, гдѣ они томились въ теченіи трехъ сутокъ; потомъ разводили большіе костры, и несчастные, мучимые жаждою, погибали отъ дыма и нестерпимаго жара. Такому ужасному мученію, по смерти Петра III-го, былъ преданъ Жуковъ.

*

Петръ I-й, находясь въ Кронштадтѣ и утомившись дневными занятіями, легъ отдохнуть и приказалъ часовому не впускать къ себѣ никого. Пришелъ князь Менщиковъ. Имѣя свободный доступъ къ Царю во всякое время и разсерженный задержкою часоваго, Менщиковъ хотѣлъ войти силою. Часовой его от-

[1]) Петръ всегда имѣлъ при себѣ охотничій ножъ, когда не бывалъ въ походѣ, или при исполненіи своихъ воинскихъ обязанностей.

толкнулъ и пригрозилъ, что пуститъ въ него зарядъ. Раздраженный Менщиковъ поставилъ возлѣ пажа и приказалъ доложить себѣ, когда Царь выдетъ. Петръ всталъ, и Менщиковъ принесъ ему горькія жалобы на грубость часоваго. Петръ приказалъ его позвать.—«Знаешь ты, кто это такой?» спросилъ Царь.—«Да, Государь: это князь Менщиковъ».—Правда-ли, что ты хотѣлъ ударить его прикладомъ?»—«И ударилъ-бы, какъ всякаго другаго».—«За что?»—«За то что онъ хотѣлъ войти вопреки приказанію вашего величества.»—«Хорошо. Принести три стакана водки. Ну, Менщиковъ, пей за здоровье этого молодца, который производится въ унтеръ-офицеры». Менщиковъ выпилъ и думалъ, что этимъ отдѣлался.—«Еще стаканъ, сказалъ Царь. Пей, Менщиковъ, за здоровье этого унтеръ-офицера, какъ за поручика». Менщиковъ повиновался съ печальнымъ лицемъ. — «Третій стаканъ, Менщиковъ: за здоровье этого капитана». Какъ ни горько показалось вино фавориту, онъ выпилъ и третій стаканъ; но этимъ дѣло не кончилось.—«Теперь, Менщиковъ, ступай и снабди новаго офицера всѣмъ нужнымъ прилично его чину, чтобы черезъ три дня онъ могъ явиться ко мнѣ въ надлежащемъ видѣ; а впредъ не смѣй обижать тѣхъ, кто исполняетъ свой долгъ, или это (при чемъ Петръ поднялъ трость) научитъ тебя твоему долгу». Обратясь къ солдату, Петръ прибавилъ: «а ты—молодецъ; исполняй всегда также строго мои приказанія, и я этого не забуду».

(Окончаніе будетъ)

О пребываніи великаго князя Николая Павловича въ Англіи.

(ИЗЪ ПИСЬМА ЛЕДИ ПЕМБРОКЪ ВЪ МОСКВУ КЪ ГРАФИНѢ М. В. ДЕ-БАЛЬМЕНЪ).

Вильтонъ-гаузъ, 26 Февраля 1817.

Нашъ дорогой Великій Князь Николай провелъ здѣсь два дня со своею свитою. Вчера утромъ онъ уѣхалъ и такъ насъ обворожилъ, что мы только о немъ и разговариваемъ. Повидимому онъ очень доволенъ здѣшнимъ пріемомъ. Можете себѣ вообразить, какъ весь домъ суетился и какъ всѣ хлопотали, готовясь къ его посѣщенію; но въ его присутствіи всѣмъ намъ было легко: до такой степени онъ былъ любезенъ и добродушенъ. Конечно, принцесса Прусская Шарлота будетъ счастлива. Мери и Сидней очень ему понравились въ своихъ хорошенькихъ Русскихъ нарядахъ, которые вы прислали. Онъ былъ такъ любезенъ, что написалъ въ моемъ альбомѣ: «Уѣзжая отъ васъ, я прощаюсь съ вами и прошу, чтобы вы не совершенно меня изгладили изъ своей памяти». (C'est ainsi qu'en partant je vous fais mes adieux en vous suppliant se ne pas m'effacer entièrement de votre souvenir).

(Сообщено В. А. Олсуфьевымъ).

Князь Михаилъ Семеновичъ Воронцовъ.

Въ «Русскомъ Архивѣ», 1876 года, въ 11-й тетради, помѣщены «Воспоминанія Михаила Павловича Щербинина». Честный служебный труженикъ, съ свойственнымъ ему высокимъ благородствомъ, высказываетъ свою преданность и признательность покойному князю М. С. Воронцову, вслѣдствіе чего эти «Воспоминанія» содержатъ въ себѣ описаніе почти исключительно однихъ частныхъ отношеній автора къ князю Михаилу Семеновичу. Но кн. Воронцовъ, подобно своему достославному родителю, всю жизнь посвятилъ на доблестное, плодотворное служеніе Отечеству. Поэтому не слѣдуетъ разсматривать эту личность въ однихъ частныхъ отношеніяхъ, и я постараюсь сказать о немъ нѣсколько словъ какъ объ историческомъ, государственномъ дѣятелѣ.

Предъ княземъ Воронцовымъ стоялъ величественный примѣръ отца его, графа Семена Романовича, который еще въ юношествѣ, будучи субалтернъ-офицеромъ Преображенскаго полка, пострадалъ за вѣрность императору Петру III-му. Такъ точно и князь Михаилъ Семеновичъ всецѣло подчинялъ свои личныя чувства непоколебимому принципу монархическому.

До назначенія его намѣстникомъ и главнокомандующимъ на Кавказъ, я зналъ его столько же, сколько и всѣ наслышанные съ наилучшей стороны объ этой популярной личности; но съ 1845-го года, служа при немъ, я могъ вполнѣ изучать его, какъ государственнаго дѣятеля и патріота.

Принимая назначеніе на Кавказъ, князь Воронцовъ сдѣлалъ самопожертвованіе, выше котораго человѣкъ не можетъ совершить. Оставляя въ сторонѣ его привязанность къ Южному берегу Крыма, имъ однимъ превращенному изъ дикой дѣвственности въ роскошно-развитый край, и даже помимо старческой привязанности ко всему Новороссійскому генералъ-губернаторству, которому онъ столь долгое время посвящалъ всѣ свои труды, административныя, экономическія и созидательныя способности, помимо всего этого, нужно принять въ соображеніе, что хотя князю Михаилу Семеновичу и было извѣстно тогдашнее бѣдственное положеніе военныхъ дѣлъ на Кавказѣ (гдѣ непріятель отбивалъ наши пушки и составлялъ изъ нихъ свою артиллерію, то и дѣло забирая въ Дагестанѣ наши крѣпости и укрѣпленія); но преданный Отечеству и давно вписавшій свое имя въ его лѣтописи, онъ не поколебался пожертвовать собою и покорился избранію Монарха. Онъ принялъ начальство надъ Кавказомъ, не зная

вполнѣ особенностей этого края и предъ самымъ выступленіемъ въ походъ, который не имъ былъ предначертанъ, да и войска были собраны еще до его прибытія.

По отъѣздѣ съ Кавказа военнаго министра князя Чернышова съ подручникомъ его Позеномъ, послѣ ихъ пресловутой ревизіи, я былъ посланъ корпуснымъ командиромъ изъ Тифлиса на Черноморскую береговую линію и, проѣздомъ черезъ Ставрополь, явился къ Павлу Христофоровичу Граббе. Отъ него я узналъ, что онъ рѣшительно оставляетъ свой постъ на Кавказской линіи. Я выразилъ сожалѣніе о такой утратѣ для края, гдѣ онъ предводительствовалъ незабвенными военными подвигами, подобными взятію Ахульго. На это Павелъ Христофоровичъ возразилъ мнѣ: «Мнѣ самому невыразимо грустно покидать край, къ которому я пристрастился; но нечего дѣлать. И прежде трудно было здѣсь начальствовать, когда например отказывали учредить почтовую гоньбу на Кабардинской плоскости по гористому мѣстоположенію». Тутъ Павелъ Христофоровичъ вынулъ изъ стола бумагу отъ министра внутреннихъ дѣлъ съ подчеркнутымъ вышеприведеннымъ отказомъ и продолжалъ: «А теперь, когда Чернышова провезли въ каретѣ на почтовыхъ лошадяхъ по большимъ дорогамъ, невозможно оставаться начальникомъ на Кавказѣ: онъ непремѣнно станетъ настаивать на всѣхъ своихъ фантазіяхъ, упираясь на то, что хорошо знаетъ край, самъ лично его обозрѣлъ, и это непосредственное вмѣшательство все перепутаетъ и приведетъ къ бѣдствіямъ».

Къ несчастію, это пророчество сбылось несравненно больше, чѣмъ даже можно было предполагать. Всюду въ войскахъ и въ самомъ Тифлисѣ расплодились личности, игравшія роль, подобную той, какую играли во время первой Французской революціи представители командировки—représentants en mission.

До какой степени князь Воронцовъ почерпнулъ въ Петербургѣ превратныя понятія о настроеніи Кавказскихъ горцевъ, доказывается тѣмъ, что онъ вызвалъ изъ Крыма образованнаго и почтеннаго кадія, съ цѣлью доказать Чеченцамъ всю несообразность истиннаго Магометанскаго исповѣданія сравнительно съ лжетолкованіемъ мюридизма Шамиля; но эта мѣра ни къ чему не повела, такъ какъ въ сущности мюридизмъ служилъ только средствомъ Шамилю создать себѣ царство въ горахъ.

Даргинскій походъ былъ во всѣхъ подробностяхъ начертанъ въ Петербургѣ; войска, назначенныя въ немъ участвовать, прибывшія большею частію изъ Россіи и не имѣвшія понятія о Кавказской войнѣ, тоже были опредѣлены изъ Петербурга; огромное число присланныхъ въ тотъ же отрядъ генераловъ составляло большею частію лишь бремя для войскъ. Одни только генералы Лабенцовъ и Козловскій выручили отрядъ, который, не смотря на подвиги этихъ двухъ старыхъ Кавказцевъ, неминуемо весь бы погибъ въ Ичкиринскихъ дебряхъ, если бы не главнокомандующій, Краонскій историческій герой, князь М. С. Воронцовъ, самъ неоднократно подвергавшійся опасности. Такъ напримѣръ, однажды, прислонясь къ вѣковому чина-

ру, онъ обнажилъ саблю и, отдѣленный отъ своей свиты бѣжавшимъ въ колоннѣ батальономъ (изъ числа войскъ, прибывшихъ изъ Россіи), готовъ былъ вступить въ рукопашную съ нѣсколькими горцами, прорвавшимися чрезъ боковыя стрѣлковыя цѣпи, гдѣ они разбивали вьюки отряда, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ князя. Другой разъ, князь Воронцовъ, сидя на буркѣ у дерева, вздремнулъ. Въ это время прибылъ изъ авангарда начальникъ главнаго штаба, генералъ Гурко и обратился къ главнокомандующему со словами: «La position est imprénable, la troupe n'avance pas, il faut payer de sa personne [1]). Князь тотчасъ сѣлъ на лошадь и поскакалъ къ авангарду, гдѣ, посреди вѣковаго чинароваго лѣса, по бездонной топи, текъ ручей, черезъ который перекинутъ былъ мостъ; за нимъ стоялъ огромный двухъярусный завалъ, защищаемый мюридами, которые пѣли свои предсмертныя молитвы. У мостика князь слѣзъ съ лошади, обнажилъ саблю и, обратясь къ нѣсколькимъ человѣкамъ геройскаго Кабардинскаго егерскаго полка, стоявшимъ близъ него, сказалъ: «Ребята, говорятъ завалъ крѣпокъ; пойдемте, возьмемъ его!» Восемнадцать егерей мгновенно вскочили на мостъ, прикрывая главнокомандующаго своими тѣлами и, не смотря на густой градъ пуль, тотчасъ взяли завалъ. Князь Воронцовъ заказалъ портреты этихъ героевъ и помѣстилъ ихъ въ свой богатый Кавказскій портфель.

Наконецъ Богъ помогъ опытному и неустрашимому главнокомандующему вывести отрядъ изъ Ичкиринскихъ трущобъ, въ наше укрѣпленіе «Герзель-аулъ». Князь Воронцовъ немедленно озаботился успокоить раненыхъ и каждому изъ нихъ роздалъ черезъ своихъ адъютантовъ по 15-ти рублей собственныхъ денегъ.

Во всѣхъ приказахъ по войскамъ, во время этого несчастнаго Даргинскаго похода, главнокомандующій постоянно восхваляетъ войска за исполненіе ими священной высочайшей воли и тѣмъ самымъ свидѣтельствуетъ, что этотъ походъ былъ исполненіемъ программы, составленной въ Петербургѣ, безъ участія его, князя Воронцова.

По возвращеніи въ Тифлисъ, князю Михаилу Семеновичу предстояло ознакомиться со всей пучиной распущенія и неурядицы, которыя царствовали въ краѣ, порученномъ его управленію; но подкрѣпленный энергіею и опытомъ долголѣтняго административнаго начальствованія и обладая природными необыкновенными дарованіями и всегдашней готовностію къ безграничному самоотверженію на пользу Отечества, маститый, доблестный старецъ твердо приступилъ къ борьбѣ съ мерзостію, вкравшеюся во всѣ отрасли мѣстнаго управленія порученной ему страны.

Военный перевѣсъ всюду оказывался въ пользу Горцевъ, не смотря на истинно Русскій духъ нашихъ Кавказскихъ войскъ; многіе, начальствовавшіе надъ ними, обращали свое положеніе и предоставленную имъ власть въ средства наглаго личнаго обогащенія, не обращая никакого вниманія ни на нравственность, ни на пищу, ни на лѣченіе солдатъ. Напримѣръ, при войскахъ сѣвернаго Дагестана

---

[1]) Позиція неприступна, войска не идутъ, приходится самимъ погибать.

былъ законтрактованъ маркитантъ, обязанный, не смотря на малочисленность отряжаемыхъ изъ штабъ-квартиры войскъ, имѣть при нихъ маркитантскіе предметы. Повидимому, это была мѣра заботливости; но тутъ добавлялось, чтобы всюду, гдѣ будетъ открыта маркитантская торговля, закрывались постороннія лавки. Поэтому, коль скоро въ какой-либо деревнѣ края развивалась выгодная торговля, начальство немедленно посылало туда нѣсколько солдатъ, подъ благовиднымъ предлогомъ военныхъ соображеній; съ солдатами отправлялся и прикащикъ маркитанта, который закрывалъ мѣстныя лавки, солдатамъ всѣ предметы доставлялъ по таксѣ, а жителямъ и постороннимъ продавалъ все, и преимущественно водку, въ тридорога. Этою безобразною монополіею обогащался какъ маркитантъ, такъ равно и его покровитель.

У князя Воронцова было правило: при всякомъ открывшемся злоупотребленіи доискиваться до пробѣла въ постановленіи, давшемъ средство его совершить. Такъ онъ усмотрѣлъ, что торговля водкою лежала въ основаніи сказаннаго маркитантскаго контракта; поэтому онъ и учредилъ въ Кавказскомъ корпусѣ винный откупъ для доставленія войскамъ хлѣбнаго вина, столь полезнаго Русскому солдату въ походѣ и не производимаго въ краѣ, гдѣ гонится только фруктовая водка, признанная нездоровою для нашихъ солдатъ.

Войска, прибывавшія изъ Россіи, оказались истиннымъ бѣдствіемъ для Кавказа; побѣги къ Горцамъ были постоянные, и Шамиль составилъ себѣ изъ этихъ дезертировъ цѣлую команду личныхъ тѣлохранителей и прислугу къ своей полевой артиллеріи; но самою отвратительною чертою въ прибывавшихъ войскахъ была тайная передача непріятелю нашего пороха и боевыхъ припасовъ. Въ Дарго князь самъ лично удостовѣрился, что найденные тамъ гранаты и патроны были Русскаго заготовленія.

Для вызова нашихъ дезертировъ князь Михаилъ Семеновичъ исходатайствовалъ разрѣшеніе освобождать отъ суда и наказанія возвращающихся и опредѣлять ихъ вновь на службу въ частяхъ, отдаленныхъ отъ границъ. Эта мѣра оказалась дѣйствительною, и какъ скоро дезертиры узнали о ней чрезъ лазутчиковъ, они во множествѣ стали являться на пограничные посты. Однихъ Поляковъ мало выходило изъ горъ.

Противъ торговли порохомъ возбуждены были многочисленныя строгія слѣдствія: начальники, на обязанности которыхъ лежало храненіе боевыхъ припасовъ, встрепенулись, и этотъ позорный, измѣнническій торгъ въ самое короткое время былъ совершенно прекращенъ.

Всюду, внутри края, самыя большія дороги были до того времени въ опасности отъ хищниковъ: не только людей брали въ плѣнъ и убивали, но не было пощады и денежной почтѣ. Злоупотребленія, лихоимства и грабежи по внутреннему управленію страны превосходили всякое вѣроятіе. Самоуправство и дерзкое обращеніе полиціи возбуждали сильнѣйшій ропотъ и негодованіе во всѣхъ слояхъ населенія, до того, что полковникъ Гродненскаго гусарскаго полка

Даніилъ-бекъ Мехтулинскій, бывшій однимъ изъ преданнѣйшихъ Русскому правительству туземцевъ, покинулъ свое хорошее имѣніе, получаемое имъ содержаніе и по мѣстности высокое положеніе и бѣжалъ къ Шамилю.

Эта неурядица гражданскаго управленія представляла наибольшія затрудненія. Безъ сомнѣнія легко было вызвать изъ Россіи лучшихъ дѣятелей, которые поспѣшили бы явиться на приглашеніе пользовавшагося славою князя Воронцова; но вся опытность, все знаніе такихъ пріѣзжихъ дѣятелей оказались бы безплодны, пока они годами не ознакомились бы съ особенностями страны. Трудность эта еще значительно умножалась бы незнаніемъ туземныхъ языковъ.

Начальникомъ гражданскаго управленія въ Закавказьѣ былъ генералъ-лейтенантъ Л., наперсникъ извѣстнаго П-а, подарившаго будто бы ему имѣніе въ Ставропольской губерніи. Это былъ хитрый интриганъ, всю службу проходившій въ военномъ вѣдомствѣ и въ военномъ министерствѣ, имѣвшій прежде близкія, интимныя связи въ Грузіи, гдѣ онъ началъ службу. Онъ былъ явный недоброжелатель князя Михаила Семеновича Воронцова. Какъ агентъ военнаго министра Чернышова и П-на, онъ составилъ себѣ значительный кружокъ, посреди котораго постоянно отзывался о самомъ намѣстникѣ безупречно, но за то безпощадно порицалъ какъ его окружающихъ, такъ и ихъ дѣятельность; въ сущности же безпощадно осуждалъ управленіе князя Воронцова.

Таково было положеніе управленія краемъ, гдѣ всѣ слои населенія были несносно угнетаемы мѣстными властями. Хлѣпопашество, промышленность и торговля все болѣе и болѣе падали; вездѣ преобладало наглое лихоимство, обогащавшее частныхъ лицъ самымъ противузаконнымъ образомъ. Множество солдатъ, вмѣсто своихъ полковъ, проживали въ Тифлисѣ подъ предлогомъ изученія разныхъ ремеслъ, въ дѣйствительности же шли въ услуженіе къ иностранцамъ, содержавшимъ магазины. Такъ напримѣръ, красавецъ фланговый гренадеръ находился въ уборной дамскаго парикмахера. Въ Кисловодскѣ князь Воронцовъ встрѣтилъ солдатъ изъ Закавказья и узналъ отъ нихъ, что они находятся при семействѣ своего дивизіоннаго начальника, вслѣдствіе чего князь Михаилъ Семеновичъ приказалъ мѣстному коменданту доставить ему свѣдѣніе, сколько нижнихъ чиновъ прибыло изъ Грузіи въ услуженіе къ этому дивизіонному начальнику. Оказалось болѣе 60-ти человѣкъ!

Ко всѣмъ этимъ наглымъ безпорядкамъ должно присовокупить затруднительное обстоятельство: примѣнять къ краю издаваемыя въ Петербургѣ узаконенія и постановленія, часто вовсе несоотвѣтствующія особенностямъ края, характеру и обычаямъ народовъ, его населяющихъ. Это затрудненіе еще болѣе умножалось тѣмъ, что прежнія правила управленія были всѣ отмѣнены преобразованіемъ, которому присвоялось имя барона Гана; а къ прибытію князя ото всего этого преобразованія оставались одни вывѣски, указывающія мѣ-

стонахожденіе разныхъ присутствій или управленій. Впрочемъ это обстоятельство нисколько не затрудняло князя Михаила Семеновича, который, какъ мнѣ по крайней мѣрѣ кажется, не рожденъ былъ мудрымъ и геніальнымъ организаторомъ, а сдѣлался таковымъ (какъ онъ это доказалъ многими опытами), благодаря силѣ своей воли, усидчивому изученію и настойчивости, съ которыми онъ обдумывалъ способы, какъ бы развить въ управляемыхъ имъ странахъ процвѣтаніе и благоденствіе. Слѣдствіемъ такого постоянно-напряженнаго умственнаго труда были быстрыя и мудрыя рѣшенія князя на всѣ многосложныя административныя задачи, безпрестанно ему встрѣчавшіяся. Всегда занятый соображеніями о средствахъ преуспѣнія и счастія страны имъ управляемой, онъ никогда и ни въ какомъ случаѣ не придавалъ значенія мелочамъ, и это-то сообщало его управленію очаровательную простоту, чуждую наималѣйшей натяжки и дѣлало его безпримѣрно-доступнымъ для всякаго.

Разъ случилось мнѣ обѣдать у князя вмѣстѣ съ полковникомъ Копьевымъ. Послѣ обѣда князь позвалъ меня въ кабинетъ и, передавъ мнѣ записку о безпорядкахъ въ полку, которымъ командовалъ Копьевъ, приказалъ ѣхать въ этотъ полкъ для производства слѣдствія. Я изъявилъ удивленіе тому вниманію, которое князь оказывалъ Копьеву за обѣдомъ. На это князь отвѣчалъ мнѣ: «Копьевъ еще не обличенъ; очень можетъ быть, что все это вздоръ. Поэтому я его и принимаю; а со своимъ гостемъ я обязанъ быть точно также внимателенъ, какъ взыскателенъ по службѣ съ провинившимся подчиненнымъ».

Всюду, гдѣ только представлялась возможность, князь Воронцовъ придавалъ самую широкую гласность всякому своему распоряженію. Вотъ примѣръ тому.

По возвращеніи въ Тифлисъ, осенью, послѣ Дарго, онъ призвалъ меня и передалъ о первомъ замѣчаніи въ письмѣ только что полученномъ отъ Государя, гдѣ между прочимъ было сказано, что очень обманываютъ его, Государя и князя; затѣмъ Государь намекалъ на грабежи, происходящіе въ управленіи госпиталями Черноморской береговой линіи. По этому поводу князь поручилъ мнѣ произвести строгое слѣдствіе по госпиталямъ Таманскому (для хроническихъ болѣзней, на 1200 коекъ), Анапскому и Новороссійскому, при чемъ приказалъ всмотрѣться и въ прочія злоупотребленія, которыя могли вкрасться по береговой линіи; а по госпиталямъ производить внезапные осмотры, обращая особенное вниманіе на то, достаточно ли пользуютъ, продовольствуютъ и успокоиваютъ больныхъ нижнихъ чиновъ. Кромѣ того, князь Михаилъ Семеновичъ приказалъ мнѣ въ Таманскомъ госпиталѣ сдѣлать опытъ введенія топлива вмѣсто дровъ каменнымъ углемъ, при чемъ объяснилъ мнѣ, какъ нужно это дѣлать не перекладывая печи. Способъ былъ такъ ясенъ, что я выразилъ удивленіе, на сколько князь опытенъ въ этомъ дѣлѣ; на это онъ мнѣ сказалъ, что когда въ Одессѣ дрова непомѣрно вздорожали, онъ задумалъ въ казенныхъ зданіяхъ замѣнить ихъ каменнымъ углемъ и

для этого у себя въ домѣ дѣлалъ опыты, за которыми самъ слѣдилъ *).

Всѣ госпитали на пути моемъ оказались въ отвратительномъ состояніи; въ нихъ все велось, какъ говорится: «черезъ пень колоду валили». Въ одномъ только Ставропольскомъ госпиталѣ я нашелъ порядокъ; но за то самое зданіе было такъ сыро, что стѣны мокли. На береговой линіи госпитали стоили баснословныхъ суммъ. Напримѣръ, по заключенному контракту, подрядчикъ обязанъ былъ ставить огромное количество дровъ, слишкомъ по девяносто рублей сер. за кубическую сажень, между тѣмъ въ Тамани вмѣсто дровъ жгли камышъ, такъ что количество его, замѣняющее сажень дровъ, обходилось въ пятнадцать рублей. Въ Анапѣ госпитальная контора покупала дрова въ базарные дни у сосѣднихъ Горцевъ, не допуская обывателей покупать у нихъ до тѣхъ поръ, пока не закупится нужное количество для госпиталя, и здѣсь сажень дровъ обходилась около десяти рублей. Въ Новороссійскѣ больница отапливалась собственными средствами.

Въ Тамань я выписалъ каменный уголь изъ Керчи, лежащей на противуположномъ берегу пролива, гдѣ уголь этотъ находился въ изобиліи; по наставленію князя, я сдѣлалъ опытъ отопленія одной палаты этимъ ископаемымъ веществомъ. Удача была полная; стоимость количества угля, замѣнившаго сажень дровъ, обошлась менѣе десяти рублей.

Тамошніе жители, промышлявшіе прежде перевозомъ между Таманью и Керчью, подали мнѣ прошеніе на имя намѣстника и въ этомъ прошеніи поясняли, что они совершенно разорены штабомъ береговой линіи, находящимся въ Керчи и имѣющимъ казенный баркасъ съ двѣнадцатью гребцами, при одномъ унтеръ-офицерѣ, взятыми изъ подчиненныхъ линейныхъ батальоновъ какъ бы для почтовыхъ сообщеній; на самомъ же дѣлѣ этотъ баркасъ овладѣлъ всею перевозочною торговлею. Вслѣдствіе этого оказалось, что туземцы, кормившіеся прежде отъ этого перевоза, теперь не могли совмѣстничать съ людьми, состоящими на всемъ казенномъ содержаніи.

По возвращеніи въ Тифлисъ, я явился къ князю Воронцову и вкратцѣ передалъ ему все найденное мною, при чемъ прибавилъ, что въ контрактѣ поставщика госпиталей береговой линіи сказано, что главный начальникъ имѣетъ право, по своему усмотрѣнію, отмѣнять нѣкоторыя статьи этого условія; а потому нужно не медля воспользоваться этимъ правомъ, отмѣнить поставку дровъ и ввести въ Тамани отопленіе каменнымъ углемъ. Изъ Анапы я привезъ прошеніе объ отдачѣ поставки дровъ на выгодныхъ условіяхъ. Новороссійску же можно было, по моему мнѣнію, предоставить отапливаться мѣстными средствами. Князь Воронцовъ приказалъ мнѣ поспѣшить докладомъ моего донесенія и назначилъ для этого часъ слѣдующаго утра.

---

*) Еще въ концѣ прошлаго вѣка графъ С. Р. Воронцовъ писалъ изъ Лондона заботливыя письма въ Россію о томъ, что у насъ истребляются нещадно лѣса, тогда какъ каменнаго угля имѣется великое изобиліе. *П. Б.*

Когда я явился на другой день, то узналъ, что въ кабинетѣ у князя сидитъ прибывшій по высочайшему повелѣнію въ Тифлисъ главноуправляющій путей сообщенія. Въ назначенный часъ я вошелъ въ кабинетъ; князь Воронцовъ спросилъ меня, принесъ ли я свое донесеніе и, узнавши, что оно готово, приказалъ докладывать, но извинился передъ гостемъ, говоря, что дѣло хотя и небольшое, но требующее спѣшнаго распоряженія. Я сталъ читать донесеніе, подкрѣпляя самыя невѣроятныя мѣста его указаніемъ на акты, находившіеся въ приложенномъ дѣлѣ.

Вслѣдствіе моего доклада, на Черноморскую береговую линію былъ посланъ, для подробнаго и спеціальнаго осмотра войскъ, тамъ находящихся, самый опытный въ службѣ и въ войсковомъ хозяйствѣ генералъ Карлъ Карловичъ фонъ-Врангель (прославившійся въ 1853 году взятіемъ Баязета).

Въ военномъ отношеніи дѣла очень скоро приняли видимо-лучшее направленіе, вопервыхъ потому, что походы предпринимались по соображенію самого главнокомандующаго, а не по проектамъ, составленнымъ въ Петербургскихъ канцеляріяхъ; вовторыхъ, вслѣдствіе выѣзда изъ края генерала Гурко, прекраснаго и безупречнаго человѣка, но отнюдь не въ должности начальника главнаго штаба дѣйствующихъ войскъ.

Когда изъ Петербурга доставили князю Воронцову списокъ кандидатовъ на должность начальника главнаго штаба, онъ отозвался, что никто изъ нихъ лично ему неизвѣстенъ, а просилъ себѣ генералъ-квартирмейстра дѣйствующей арміи П. Е. Коцебу, зная изъ дѣлъ своего штаба, какой порядокъ былъ введенъ имъ въ бытность его начальникомъ штаба Кавказскаго корпуса. И дѣйствительно, съ прибытіемъ въ Тифлисъ Павла Евстафіевича, всеобщая распущенность замѣнилась строгимъ порядкомъ. Въ военномъ вѣдомствѣ лишь до конца года продолжались неурядица и неправильные расходы по продовольствію войскъ, расположенныхъ въ Закавказьѣ. Общая, невѣроятная распущенность по гражданскому управленію развила между жителями хищничество и разбои; многіе покинули хлѣбопашество и хозяйственныя занятія для удалой жизни и легкой наживы. Армяне, въ полномъ смыслѣ слова народъ промышленный, разсѣянные по всему краю, захватили въ свои руки всѣ поставки въ казну. Когда при князѣ Воронцовѣ объявлены были первые торги на поставку провіанта для войскъ, Армяне, забравъ весь хлѣбъ края, объявили непомѣрныя цѣны. Тогда князь Воронцовъ выписалъ изъ Одессы нѣкоего негоціанта Грека Ризо, оказавшаго во время Турецкой войны 1828 года содѣйствіе при заготовленіи и доставкѣ провіанта нашимъ войскамъ, находившимся подъ Варною. На этого Грека возложено было заготовленіе годовой пропорціи провіанта для войскъ Закавказскаго края. Стачка ли Армянъ или какія другія причины противодѣйствовали этой операціи, но Ризо, представивъ пышное донесеніе, далеко не оправдавшееся въ послѣдствіи, уѣхалъ по своимъ дѣламъ въ Одессу.

Первое улучшеніе въ управленіи гражданской частью началось съ выѣзда изъ края генерала Ладинскаго. Въ назначеніи ему преемника князя В. О. Бебутова, князь Воронцовъ доказалъ, на сколько глубокомысленны были его распоряженія. При Грузинскихъ царяхъ должность Тифлисскаго полицеймейстера была наслѣдственною въ семействѣ князей Бебутовыхъ; поэтому назначеніе князя Василія Осиповича льстило съ одной стороны непомѣрному природному самолюбію Армянъ, съ другой стороны не возбуждало негодованія Грузинской аристократіи, видѣвшей въ этомъ возвращеніе къ правиламъ управленія ея царей. Обстоятельство это было тѣмъ своевременнѣе, что раздраженная и оскорбленная угнетеніемъ и грубостями предшествовавшаго управленія аристократія эта стала мечтать о самостоятельности подъ управленіемъ своего отдѣльнаго царя, о чемъ тѣ изъ Грузинъ, которые были поумнѣе, стали сильно поговаривать въ своихъ кружкахъ. Между тѣмъ Армяне, какъ народъ преимущественно промышленный, покрыли всю Грузію сѣтью своихъ духановъ, стоявшихъ не только въ каждой Грузинской и Татарской деревнѣ, но даже по пустырямъ дорогъ. Духанъ—это открытая лавка со всякими крѣпкими напитками, яствами и фуражемъ, въ которой останавливаются для закуски, корма лошадей и ночлега, всѣ отъ простолюдина до знатнѣйшаго туземнаго князя, и ведется общая круговая болтовня, безъ разбора сословій и общественнаго положенія. Одна изъ отличительныхъ чертъ Армянскаго характера есть неразрывная дружба и довѣренность между своими единоплеменниками, поэтому Армяне и передаютъ другъ другу все, что̀ дѣлается и замышляется между Грузинами и друзьями ихъ Татарами по всѣмъ захолустьямъ края. Такимъ образомъ чрезъ начальника гражданскаго управленія само собою учредился самый вѣрный надзоръ надъ всею страною. Самъ князь Бебутовъ былъ человѣкъ рѣдкаго ума, ловкій, мягкій и совершенно преданный правительству, какъ всѣ его единовѣрцы Армяне; кромѣ того, онъ былъ самый образованный изо всѣхъ туземцевъ и опытный правитель.

Чтобы еще болѣе ублажить Грузинскую аристократію, князь Воронцовъ исходатайствовалъ назначеніе начальникомъ Тифлисской губерніи (составлявшей собственно Грузію) сына любимой дочери послѣдняго Грузинскаго царя, генералъ-маіора князя Ивана Малхазовича Андроникова, человѣка хотя безъ образованія, но честнаго, прямаго, добродушнаго и неустрашимой храбрости. Какъ губернаторъ, князь Андрониковъ былъ въ полномъ смыслѣ благонамѣренный и добросовѣстный исполнитель. По письменной части обращено было особое вниманіе на составъ Губернскаго Правленія. Видно было, что князь Воронцовъ, замѣтя отчужденіе въ то время Грузинской аристократіи отъ Русскихъ, поставилъ себѣ задачей первоначально привязать ее лично къ себѣ, съ цѣлью отвлечь ее отъ нелѣпыхъ мечтаній о самостоятельной державѣ и мало по малу, чрезъ образованіе и развитіе общественной жизни, навести на разумный путь. Князь Воронцовъ стремился возбуждать соревнованіе между служащими; для этого онъ избралъ двоихъ, которыхъ осыпалъ наградами, оказывалъ

имъ вниманіе и ласки, казавшіяся даже пристрастіемъ. Одинъ былъ князь О., молодой человѣкъ высокаго роста, мужественный и предобрый малый; человѣкъ безъ всякихъ убѣжденій, онъ былъ отголоскомъ кружка, въ которомъ провелъ вчерашній день; въ дѣтствѣ онъ ходилъ въ Тифлисскую гимназію, гдѣ ничему не научился; ума былъ очень обыкновеннаго, откровенный, безъ малѣйшей хитрости. Онъ былъ удивительно храбръ; находясь въ плѣну у Шамиля, гдѣ онъ много натерпѣлся, онъ и теперь былъ подъ обаяніемъ этого плѣна. Другая личность принадлежала къ гражданскому вѣдомству. Это какой-то уѣздной начальникъ (то, что̀ въ Россіи исправникъ); по своимъ глупымъ претензіямъ онъ былъ настоящій шутъ, но человѣкъ самаго строгаго безкорыстія, бичъ взяточниковъ, пунктуальный и неутомимый исполнитель по службѣ.

Уже на третій годъ управленія князя Воронцова страна значительно успокоилась въ военномъ отношеніи: на дорогахъ и внутри края возстановилась безопасность, разбои и грабежи прекратились, хлѣбопашество усилилось до того, что поставки провіанта для войскъ производились мѣстными средствами по очень умѣреннымъ цѣнамъ; винодѣліе, садоводство, огородничество, шелководство, аклиматизація колоніальныхъ растеній, все значительно улучшилось. На горное производство также было обращено вниманіе: вновь былъ устроенъ Алагирскій серебро-свинцовый плавильный заводъ. Казенныя статьи, отдаваемыя въ оброчное содержаніе, значительно вызвысились; непроѣздные пути обратились въ хорошія дороги; рѣки, на которыя никто не обращалъ вниманія, сдѣлались судоходными; переходъ мѣстныхъ христіанъ въ магометанство прекратился; цѣлыя селенія раскольниковъ и племя Ингильгойцевъ обратились въ православіе.

На Кавказской линіи князь Воронцовъ предоставилъ управленіе всецѣло мѣстному начальнику, генералъ лейтенанту Черноморскаго казачьяго войска Завадовскому. Онъ происходилъ отъ Запорожцевъ; отецъ его арендовалъ войсковые рыбные заводы. Завадовскій былъ точный исполнитель предначертаній князя Воронцова, который только въ экстренныхъ, особенныхъ случаяхъ дѣлалъ свои непосредственныя распоряженія по Ставропольской губерніи, и то преимущественно въ сторонѣ Терека.

Гораздо позже, когда графъ Сологубъ писалъ біографію Котляревскаго, оказалось, что закаленная, энергическая душа князя Михаила Семеновича Воронцова на мгновеніе ослабѣла: въ числѣ писемъ Котляревскаго, переданныхъ княземъ Михаиломъ Семеновичемъ графу Сологубу, было одно, въ которомъ Котляревскій строго осуждалъ князя за намѣреніе отказаться отъ начальства на Кавказѣ по нестерпимому положенію, въ которое онъ поставленъ.

Хотя ходъ дѣлъ и всѣ отрасли правленія видимо улучшились, но порицательное направленіе, данное обществу Ладинскимъ, не только не прекращалось, но еще росло: всюду за табль-дотами въ клубѣ слышались осужденія мѣстному управленію. Одни толковали по неблагонамѣренности, другіе какъ попугаи; даже люди самые пре-

данные князю и тѣ, по Русскому нетерпѣнію, находили, что все недостаточно скоро и спѣшно исправляется и передѣлывается; въ числѣ этихъ послѣднихъ былъ и я. Всему этому зоильству надо было положить конецъ; но какъ? Насиліемъ — немыслимо при ненависти намѣстника къ такимъ мѣрамъ. Князь Воронцовъ и тутъ показалъ свою опытность: чтобы положить конецъ всему этому соблазну, князь Воронцовъ выписалъ въ Тифлисъ Итальянскую оперу. Заманка новизны привлекла въ театръ весь городъ, и послѣ перваго же представленія, за ужиномъ въ клубѣ и въ гостинницахъ, никто не промолвилъ ни слова объ управленіи: всѣ судили и рядили объ оперѣ и пѣвцахъ и повторяли слышанныя аріи; затѣмъ составились партіи за разныхъ артистокъ, и въ публикѣ уже рѣшительно никто не сталъ заниматься управленіемъ края.

Князь Михаилъ Семеновичъ обратилъ особенное вниманіе на доставленіе жителямъ средствъ для образованія дѣтей, и тутъ выказалась вся практичность и обдуманность этого государственнаго мужа. Не университетъ нуженъ былъ для края, въ которомъ не легко было учить дѣтей даже грамотѣ; поэтому завели начальныя школы во всѣхъ военныхъ частяхъ, и въ эти школы принимались дѣти всѣхъ сословій; въ самомъ Тифлисѣ открыты были частные пансіоны. Кромѣ того устроено было нѣсколько женскихъ заведеній.

При многотрудныхъ и сложныхъ заботахъ, сопряженныхъ съ званіемъ главнокомандующаго и намѣстника, князь Михаилъ Семеновичъ находилъ время заниматься и искусствомъ: при немъ разискивались и принимались мѣры къ сохраненію древнѣйшихъ памятниковъ зодчества; открывали и описывали фрески; воздвигнутъ изящный Тифлисскій театръ, рисунки котораго появились во всѣхъ Европейскихъ иллюстраціяхъ; перестроенъ Тифлисскій Софійскій соборъ, по своимъ фрескамъ, живописи и украшеніямъ причисляемый нынѣ къ лучшимъ произведеніямъ зодчества во всемъ свѣтѣ. Всѣ виды искусства постоянно занимали князя Воронцова; доказательствомъ тому служитъ то, что, когда онъ возложилъ на меня передачу въ казну недвижимыхъ имѣній Грузинской церкви, то приказалъ предварительно привести ихъ въ извѣстность, равно и получаемые съ нихъ доходы, а также принять отъ Синодальной Тифлисской Конторы документы на эти имѣнія, подъ названіемъ гуджары, и составить проектъ пріема сихъ имѣній. При этомъ онъ приказалъ мнѣ показывать ему все, что встрѣтится любопытнаго въ этихъ гуджарахъ. Попадались гуджары, въ заглавіи которыхъ находились рисунки Персидскаго пошиба. Князь Воронцовъ заплатилъ порядочныя деньги живописцу, который списалъ эти рисунки для его портфеля.

Въ финансовыхъ и промышленныхъ предпріятіяхъ Закавказья князь Воронцовъ оставилъ весьма важные памятники: 1) Приказъ Общественнаго Призрѣнія, учрежденный въ Тифлисѣ по правиламъ строго примѣненнымъ къ особенностямъ и нуждамъ мѣстнаго населенія. 2) Учрежденіе въ Тифлисѣ конторы для денежныхъ переводовъ съ Персіею и внутренними областями Россіи. Князь Михаилъ Семеновичъ былъ пораженъ обильнымъ вывозомъ изъ края звонкой монеты и озабо-

тился пригласить изъ Одессы одного негоціанта для устройства въ Тифлисѣ конторы денежныхъ переводовъ. Мѣра эта принесла быстрый плодъ, и торговля приняла цвѣтущее направленіе, небывалое въ краѣ. Само собою разумѣется, что всѣмъ этимъ улучшеніямъ способствовала неусыпная, горячая дѣятельность и постоянный надзоръ за всѣми отраслями управленія въ пространной странѣ, которую князь Воронцовъ лично обозрѣвалъ и безпрестанно разсылалъ по ней довѣренныхъ лицъ.

Завѣтной мыслью его было созданіе частныхъ капиталовъ въ своемъ намѣстничествѣ. Этимъ онъ надѣялся поощрить частную предпріимчивость къ разработкѣ мѣстныхъ природныхъ богатствъ, что̀ само собою породило бы множество разнородныхъ доходовъ, привлекло бы значительныя суммы денегъ въ страну и поощрило бы ея населеніе къ труду, отвлекая отъ разбоя, хищничества и всякихъ дикихъ наклонностей, присущихъ грубой натурѣ. Нѣсколько капиталистовъ, въ томъ числѣ Тамамашевъ, два брата Мирзоевы, Атакуни и нѣсколько другихъ, менѣе значительныхъ, поддержали благую мысль князя Воронцова. Въ результатѣ оказалось значительное сбереженіе казны въ продовольствіи войскъ: содержаніе ихъ было превосходно, особенно въ многочисленныхъ военныхъ госпиталяхъ, не смотря на то, что расходы по нимъ сократились на милліоны рублей. Князь Воронцовъ часто навѣщалъ больныхъ, особенно въ праздники; и, благодаря этому попеченію, число смертныхъ случаевъ во всемъ корпусѣ значительно уменьшилось. Князь Воронцовъ настоялъ на томъ, что въ Закавказьѣ открыто было депо произведеній Московскихъ фабрикъ, что̀ было весьма важно для края въ торговомъ его отношеніи. Московскіе фабриканты составили ассоціацію, наняли въ Тифлисѣ большой домъ, гдѣ каждая комната была занята однимъ какимъ-либо произведеніемъ. Въ продолженіе двухъ лѣтъ торговля въ этомъ складѣ шла блистательно; денегъ выручали столько, что два раза въ недѣлю высылались по экстра-почтѣ десятки тысячъ рублей. Но въ послѣдствіи прикащики стали проматывать хозяйскія деньги, да и сами Московскіе фабриканты, не имѣвшіе понятія о силѣ Армянъ, не съумѣли съ ними поладить и продавали свои произведенія, присылаемыя прямо съ фабрикъ, дороже Армянскихъ.

Торговлею этого склада не была достигнута цѣль князя Воронцова. Онъ желалъ имѣть въ Тифлисѣ сильную контору, гдѣ бы Московскіе фабриканты скупали мѣстное сырье и переправляли его въ Москву, черезъ что завязалась бы тѣсная торговая связь между сердцемъ Россіи и Грузіею.

Гибель Черноморскаго прибрежнаго форта св. Николая была на Кавказѣ началомъ Восточной войны. Съ этихъ поръ князь Михаилъ Семеновичъ день ото дня становился все задумчивѣе, видимо измѣнялся въ лицѣ и наконецъ слегъ.

Разъ утромъ онъ потребовалъ меня къ себѣ. Дежурный адъютантъ передалъ мнѣ приказаніе тотчасъ войти въ кабинетъ; тамъ я засталъ князя лежащимъ на диванѣ съ раскрытыми глазами и не въ

егерскомъ сюртукѣ, какъ всегда, а въ военной шинели. Полагая, что князь спитъ, я сталъ передъ нимъ; меня поразило его лице, на которомъ отражалось не болѣзненное состоянiе, а выраженiе какой-то глубокой грусти. Въ это время вошелъ кто-то изъ домашнихъ и передалъ маститому старцу о моемъ приходѣ. Князь открылъ глаза, понюхалъ крѣпкой соли и, освѣжась, передалъ мнѣ всю неурядицу, всѣ безпорядки и усилiя неимовѣрно возвысить цѣны на продовольствiе дѣйствующихъ войскъ, которыя черезъ это могли остаться или совсѣмъ безъ продовольствiя, или съ большими затрудненiями въ полученiи онаго. Князь прибавилъ, что самъ онъ чувствуетъ себя слишкомъ слабымъ для занятiя этимъ дѣломъ и потому распорядился такъ, чтобы всѣ его приказанiя передавались интенданту черезъ меня, также и доклады интенданта князю дѣлались бы мною. При этомъ я получилъ подробныя наставленiя, какъ дѣйствовать.

Интендантъ, присланный изъ Петербурга, былъ человѣкъ образцовой честности, безсребренникъ въ полномъ смыслѣ слова, и по видимому для мирнаго времени совершенно опытный и знающiй дѣло, но незнакомый ни съ краемъ, ни съ его средствами и особенностями, къ тому же нрава неимовѣрно строптиваго. Онъ сорилъ деньги на операцiи, которыя не удавались, а недостача хлѣба оказывалась всюду такая, что дѣйствующiя войска получали суточное продовольствiе, принимая его прямо съ подводъ, подвозившихъ провiантъ.

Бывая почти ежедневно съ докладомъ у главнокомандующаго, я постоянно заставалъ его въ военной шинели и очень слабымъ; меня поражало не смѣнявшееся выраженiе грусти на этомъ прекрасномъ лицѣ. Но не смотря на это, всѣ самые затруднительные вопросы онъ рѣшалъ всегда быстро, мудро и совершенно удовлетворительно.

Много лѣтъ спустя послѣ описываемаго времени, я имѣлъ случай убѣдиться, что у князя Воронцова было въ то время много непрiятностей. Узналъ я объ этомъ изъ книги моряка Жандра: «Къ бiографiи адмирала Корнилова», гдѣ говорится, что сдѣлано было распоряженiе о подчиненiи части Кавказа и его войскъ ненавистнику князя Воронцова, адмиралу князю Меншикову.

Начало Восточной войны тяжело отозвалось въ Тифлисѣ. Всюду стали прорываться разбойничьи набѣги дикихъ ордъ: Курдовъ со стороны Александрополя, Джарцовъ въ Ахалцихскомъ уѣздѣ, Кобулетовъ въ Гурiи. Непрiятель появлялся воровскими шайками даже въ самыхъ Тiулетскихъ горахъ, близко подходя къ самой столицѣ Грузiи; наконецъ, непрiятель сильнымъ отрядомъ занялъ покинутую древнюю крѣпость Ацкуръ, стоящую у выхода Боржомскаго ущелья къ Ахалциху, при чемъ всѣ Закавказскiе и часть Кавказскихъ войскъ были сосредоточены подъ Александрополемъ противъ Карса, гдѣ собранъ былъ въ значительномъ числѣ Турецкiй низамъ и башибузуки. Малые наши отряды находились въ Ахалцихѣ противъ поголовно собраннаго и вооруженнаго населенiя въ смежныхъ Аджарскихъ горахъ; другой небольшой отрядъ стоялъ въ Гурiи противъ значительнаго Турецкаго сборища у Батума; войска эти опустоши-

ли всю страну отъ Кавказскихъ горъ до Турецкой границы и отъ Каспійскаго моря до Чернаго. Населеніе этой страны, весьма многочисленное, мусульманскаго вѣроисповѣданія, выжидало только успѣха Турецкихъ ордъ, чтобы возстать поголовно и стряхнуть съ себя Русское владычество.

Пунктъ болѣе другихъ опасный въ то время былъ Ахалцихъ; поэтому туда посланъ былъ Тифлисскій губернаторъ князь Андрониковъ. Спустя нѣсколько дней по его отъѣздѣ, прискакалъ въ полдень его адъютантъ съ цѣлой связкою знаменъ, отбитыхъ у непріятеля. Князь Андрониковъ, вышелъ изъ Ахалциха съ горстью Кавказскихъ солдатъ, не знающихъ никакихъ препятствій, ринулся на многочисленныя непріятельскія орды, разбилъ ихъ на голову и окончательно разсѣялъ. Извѣстіе объ этомъ блистательномъ успѣхѣ, хотя въ сущности и не первой важности относительно хода войны, отчасти оживило и пробудило князя Воронцова отъ его страдальческаго усыпленія.

Продовольствіе войскъ сдѣлалось всюду правильно и вполнѣ удовлетворительно, кромѣ Гуріи, гдѣ всѣ усилія на этотъ счетъ оказывались тщетными; поэтому, однажды утромъ, при моемъ докладѣ, князь Воронцовъ приказалъ мнѣ самому ѣхать въ Гурію, далъ мнѣ самыя подробныя наставленія и широкія полномочія дѣйствовать его именемъ. Прося меня поспѣшить отъѣздомъ, онъ спросилъ, когда я полагаю выѣхать? Я доложилъ, что надѣюсь въ продолженіи дня успѣть собрать всѣ нужныя свѣдѣнія по дѣламъ интендантства и въ ночь выѣхать изъ Тифлиса.

Вечеромъ, часовъ въ 9, лошади были готовы, и я уже оканчивалъ свои занятія, какъ меня потребовалъ къ себѣ главнокомандующій. Я поѣхалъ къ нему на дорожныхъ лошадяхъ и засталъ князя въ кабинетѣ уже не лежащимъ, какъ утромъ, въ военной шинели, а сидящимъ въ своемъ егерскомъ сюртукѣ; его оживленное лицо напомнило мнѣ прежнія времена. Высказавъ удовольствіе, что я еще не уѣхалъ, князь Михаилъ Семеновичъ посмотрѣвъ въ полученное донесеніе и продиктовалъ мнѣ слѣдующее: «19-го сего Ноября Турки, подъ Башкадыкларомъ, въ числѣ 35 тысячъ регулярнаго войска и 15 тысячъ Куртинцовъ, были атакованы нашими неустрашимыми Кавказскими молодцами въ числѣ девяти тысячъ всѣхъ родовъ войскъ. Турки были опрокинуты и въ полномъ смыслѣ разсѣяны нашими молодцами; кромѣ множества оружія, знаменъ и проч. отбито 24 пушки». Окончивъ это, князь приказалъ мнѣ вездѣ по дорогѣ, гдѣ будутъ встрѣчаться войска, передавать это извѣстіе старшимъ лицамъ съ приказомъ отъ главнокомандующаго объявлять объ этой побѣдѣ войскамъ и служить благодарственные молебны; въ городѣ Гори я долженъ былъ заказать въ соборѣ благодарственное молебствіе при звонѣ всѣхъ колоколовъ, а въ Гуріи, начальнику отряда, князю Гагарину, передать продиктованное мнѣ свѣдѣніе для объявленія всему собранному отряду и отслужить съ наибольшимъ торжествомъ благодарственное молебствіе при пушечной пальбѣ. Турки, собранные подъ Батумомъ, должны были понять, что въ нашемъ отрядѣ празд-

нуется какая нибудь побѣда. Если я не ошибаюсь, въ торжественномъ выраженіи лица князя Воронцова можно было прочесть мысль: «не такова была часть этихъ Башкадыкларскихъ войскъ, съ которыми восемь лѣтъ тому назадъ я совершалъ Даргинскій походъ».

Успѣхи нашихъ войскъ подъ Ахалцихомъ, Башкадыкларомъ и позднѣе подъ Баязетомъ имѣли окончательное вліяніе на ходъ войны въ Азіатской Турціи; съ одной стороны они естественно ободрили Кавказскія войска, доказавъ на дѣлѣ, какіе великіе подвиги имъ подъ силу; съ другой—внушивъ паническій страхъ и уныніе Турецкимъ ордамъ, они доказали, съ какими непобѣдимыми героями предстояла борьба Туркамъ. Наконецъ, эти славные бои заставили все Татарское населеніе нашихъ предѣловъ отказаться отъ надеждъ пробужденныхъ въ нихъ въ то время, когда оно увидало, какія многочисленныя силы ихъ единовѣрцевъ собраны на нашихъ границахъ.

Вся слава Русской кампаніи въ Азіатской Турціи, по строгой справедливости, всецѣло принадлежитъ князю Воронцову. Онъ одушевилъ Кавказскія войска своимъ примѣромъ и заботою; онъ возвратилъ имъ прежнее безпримѣрное геройство. Это несравненное войско начало войну подъ начальствомъ лицъ, избранныхъ княземъ Михаиломъ Семеновичемъ и съ первыхъ боевъ привело Турокъ въ какое-то безнадежное уныніе. Это же самое Кавказское войско блистательно окончило войну.

Два раза въ недѣлю у князя Воронцова бывалъ пріемъ просителей; начальники всѣхъ частей должны были находиться при этихъ пріемахъ, такъ какъ тутъ же и рѣшались по возможности всѣ просьбы. Въ одинъ изъ такихъ дней князю Воронцову, послѣ пріема, нужно было ѣхать въ ближайшую полковую штабъ-квартиру. Прежде чѣмъ выйти въ пріемную, онъ позвалъ меня къ себѣ и вручилъ бумагу, сказавъ, что это прошеніе князя Ѳадѣя Гуримова, жалующагося на то, что недавно умершій его братъ Гива, похороненный въ одной древней церкви своего прихода, подвергся осмѣянію отъ людей Мирзоева. Два брата Мирзоевыхъ, богачи, были владѣльцами части села князей Гуримовыхъ и заклятые ихъ враги. Люди этихъ Мирзоевыхъ хвастались, что если имъ и не удалось разсчитаться со врагомъ ихъ помѣщика при жизни, то они насмѣялись надъ нимъ надъ мертвымъ. Князь Воронцовъ приказалъ мнѣ произвести наистрожайшее слѣдствіе; войдя потомъ въ пріемную, князь передалъ Тифлисскому губернатору, полицеймейстеру и коменданту данное мнѣ порученіе и приказалъ имъ оказывать нужное мнѣ содѣйствіе.

Сдѣлавъ всѣ нужныя приготовленія, я отправился къ высокопреосвященному экзарху Грузіи, не зная, какъ приступить къ раскрытію могилы, находящейся въ самой церкви. Отъ него я узналъ, что по дорогѣ изъ Россіи къ Тифлису, на послѣднемъ перегонѣ, подъѣзжая къ древней столицѣ Грузіи—Мцхету, на лѣвомъ берегу Арагвы, на послѣдней, самой высокой горѣ къ югу, виднѣется каменная ограда, окруженная вѣковымъ лѣсомъ; по срединѣ этой ограды замѣчается куполъ строенія. Это давно покинутый монастырь, основанный однимъ изъ Сарскихъ братьевъ, внесшихъ со святою иконою христіан-

ство въ тѣ страны и просвѣтившихъ Грузію. Подъ куполомъ находится церковь, въ которой, рядомъ съ алтаремъ, похороненъ основатель храма. Самая церковь построена, какъ всѣ древніе храмы Закавказья, подъ крестообразно-расположенными сводами, опирающимися на четыре столба; изъ ближайшаго къ могилѣ столба точится вода, наполняющая устроенный тутъ колодезь; къ извѣстному мѣстному празднику сюда стекается множество богомольцевъ. Покойный князь Гива Гуримовъ возобновилъ церковь, поэтому и разрѣшено было похоронить его въ самомъ храмѣ. Ключь отъ церкви находится у приходскаго священника, отъ котораго, по отзыву преосвященнаго, я могъ его потребовать и мнѣ не встрѣтится препятствія разрыть могилу, такъ какъ духовенство, исполнивши обрядъ погребенія, не имѣетъ болѣе никакого дѣла до трупа. Ко всѣмъ этимъ свѣдѣніямъ преосвященный прибавилъ мнѣ еще въ видѣ совѣта, для успокоенія родственниковъ покойнаго и ради общаго благочестія Грузинъ, пригласить съ собою приходскаго священника для подобающаго богослуженія.

На другой день, до восхода солнца, я поѣхалъ верстъ за 10 отъ Тифлиса, въ деревню князей Гуримовыхъ, взявъ предварительно съ собою земскую полицію и нужное число казаковъ съ поста. Въ этой деревнѣ мнѣ дали верховую лошадь, такъ какъ иначе проѣхать было невозможно. Грузинъ, сопровождавшій меня, перепуганный всею этою обстановкой, прижалъ неловко правое острое Грузинское стремя къ боку лошади; она взвилась на дыбы и, опрокинувшись, сильно зашибла мнѣ ногу. Некогда было обращать вниманіе на боль, и я поѣхалъ по горной тропинкѣ къ древнему монастырю. Замòкъ у церковныхъ дверей былъ сломанъ, и при входѣ въ храмъ оказались явные признаки недавняго нарушенія могилы. Когда ее вскрыли, Гива лежалъ лицемъ внизъ; платья, въ которомъ его похоронили, уже не было, а на бѣльѣ виднѣлось множество грязныхъ пятенъ отъ нагаекъ, которыми били трупъ; кромѣ того весь гробъ и преимущественно голова покойника были покрыты вонючими нечистотами. Исполнивъ всѣ формальности осмотра и вернувшись въ деревню, я приступилъ къ снятію показаній съ духанщика и свидѣтелей, на которыхъ были ссылки въ прошеніи и по одиночкѣ, чрезъ полицію, арестовывая обвиняемыхъ, отправлялъ ихъ подъ конвоемъ двухъ казаковъ въ Тифлисъ къ полицеймейстеру или къ коменданту для заключенія въ разныя мѣста; послѣдняго изъ обвиняемыхъ я велѣлъ отвести на мою квартиру, послѣ чего и самъ возвратился въ Тифлисъ.

Когда привели ко мнѣ послѣдняго арестанта, то казакъ, бывшій при немъ, передалъ мнѣ, что съ трудомъ могъ отогнать какого-то Армянина, силившагося заговорить съ арестованнымъ и издали слѣдившаго, куда поведутъ его.

Вообще, при началѣ всякаго слѣдствія дѣйствуешь очень робко, пока не доищешься до нити, до признаковъ, по которымъ можно составить убѣжденіе въ виновности замѣшанныхъ въ дѣлѣ лицъ; это естественно происходитъ отъ опасенія запутать невиннаго. Поэтому я рѣшился воспользоваться переданнымъ мнѣ для личнаго моего убѣж-

денія, что все найденное мною въ могилѣ Гивы Гуримова есть дѣйствительно дѣло людей Мирзоева. Съ этой цѣлью я посадилъ приведеннаго ко мнѣ арестанта на ближайшую гауптвахту, сказавъ унтеръ-офицеру, что если ночью къ окошку арестантской подойдетъ кто либо, то не препятствовать ему разговаривать съ арестантомъ и, призвавъ расторопнаго переводчика, приказалъ ему спрятаться близъ гауптвахты и когда кто подойдетъ и станетъ говорить съ арестованнымъ, примѣтить этого человѣка и вслушаться въ разговоръ. Ночью переводчикъ разбудилъ меня извѣстіемъ, что приходилъ Мирзоевъ, и со словъ переводчика я записалъ ихъ разговоръ.

На утро, призвавъ къ себѣ арестанта, я сталъ снимать съ него показаніе; онъ говорилъ тоже самое, что̀ ночью передалъ мнѣ переводчикъ. Въ то время какъ я занимался этимъ слѣдствіемъ, чиновникъ пригласилъ меня въ канцелярію намѣстника, къ директору М. П. Щербинину; въ кабинетѣ у него я засталъ вице-директора Крузенштерна и штабъ-лѣкаря. Этотъ послѣдній нагло и дерзко накинулся на меня за то, что я арестовалъ людей Мирзоева въ угожденіе глупымъ Грузинскимъ князьямъ. Я терпѣливо выслушалъ наглаго штабъ-лѣкаря и когда онъ замолчалъ, я обратился къ директору и заявилъ ему, что такъ какъ говорившій, по видимому, хорошо знаетъ порученное мнѣ дѣло и въ тоже время пользуется довѣріемъ намѣстника, то я сейчасъ же выпущу всѣхъ арестованныхъ мною людей. М. П. Щербининъ началъ настоятельно уговаривать меня не дѣлать этого до пріѣзда князя, который, хотя поздно, по непремѣнно въ этотъ вечеръ долженъ былъ возвратиться въ Тифлисъ.

На утро я отправился къ намѣстнику и засталъ кабинетъ еще запертымъ; въ дежурной комнатѣ были: директоръ канцеляріи, нѣсколько другихъ лицъ и штабъ-лѣкарь, видимо въ возбужденномъ состояніи.

Когда отворили кабинетъ, вошли М. П. Щербининъ и я, сильно хромая. Доложивъ намѣстнику что̀ я нашелъ въ могилѣ Гуримова и сдѣланныя мною распоряженія, я просилъ назначить кого либо, чтобы передать ему слѣдствіе, котораго не могъ я продолжать по причинѣ моего ушиба. Князь понялъ, что въ отказѣ моемъ кроется другая причина и настаивалъ, чтобы я ему сказалъ ее. Я долженъ былъ сознаться, что вовсе не сожалѣю объ ушибѣ, избавляющемъ меня отъ дѣла, которымъ вызываются неблаговидные происки. Едва я кончилъ, какъ вошелъ штабъ-лѣкарь и началъ (я живо помню его слова): «Позвольте, ваша свѣтлость, доложить вамъ по дѣлу господина Мирзоева, которое моя теща, княгиня Т...» На этихъ словахъ князь прервалъ его, строго запретивъ вмѣшиваться не въ свои дѣла и далъ ему понять, что всюду доктора съ радостью согласятся быть его домашними врачами. Потомъ князь приказалъ мнѣ послать за губернскимъ жандарскимъ штабъ-офицеромъ. Только что я вышелъ изъ кабинета, какъ штабъ-лѣкарь, видимо встревоженный, догналъ меня и спросилъ: зачѣмъ понадобился жандармъ? и услышавъ отъ меня, что вѣроятно для производства Мирзоевскаго слѣдствія, отъ котораго я отказался, просіялъ и съ восторгомъ сталъ доказывать, какъ я прекрасно сдѣлалъ, догадавшись отстранить себя отъ этого дѣла.

Никто, разумѣется, ничего не узналъ о происходившемъ въ кабинетѣ намѣстника; но Мирзоевъ всюду разглашалъ, что онъ обратился къ шт.-лѣкарю съ просьбою устранить меня отъ этого дѣла; самъ же штабъ-лѣкарь, какъ въ этомъ случаѣ, такъ и всегда, изъ личныхъ видовъ не только не опровергалъ, но еще подтверждалъ молву о своемъ всесильномъ вліяніи на намѣстника.

*

Насталъ день выѣзда князя Михаила Семеновича съ Кавказа подъ предлогомъ болѣзни.

Этотъ отъѣздъ былъ очень загадоченъ.

Князь Воронцовъ, еще въ первую Турецкую войну текущаго столѣтія, изумлялъ своихъ сослуживцевъ тѣмъ, что, не смотря на сильнѣйшую Молдавскую лихорадку, не покидалъ порученной его начальству аванпостной службы: до такой степени его закаленная душа преобладала надъ тѣломъ. При князѣ Циціановѣ, въ Грузіи, въ Закаталахъ, онъ, подъ начальствомъ генерала Гулякова, служилъ примѣромъ неустрашимости. Далѣе, въ Отечественную войну, его имя внесено въ описаніе важнѣйшихъ сраженій, и наконецъ онъ самостоятельно съ своимъ корпусомъ, подъ Краономъ, сражался съ самимъ Наполеономъ. Здѣсь на Кавказѣ еще недавно столь успѣшно вывелъ онъ край изъ опаснѣйшаго кризиса и своими мудрыми военными распоряженіями совершенно подготовилъ успѣхъ войны въ Азіатской Турціи. Теперь же, когда война была въ самомъ разгарѣ, князь удалялся съ ея театра и оставлялъ всякую служебную дѣятельность.

Передавать потомству описаніе подвиговъ великихъ государственныхъ мужей, посвятившихъ всю свою жизнь многоплодному служенію Отечеству—есть патріотическій долгъ. Несомнѣнно принесло бы великую пользу, если бы не скрывалось и зло, причиняемое иногда личностями съ богатыми дарованіями и высокимъ положеніемъ; но на это встрѣчаются препятствія. Такъ, напримѣръ, въ царствованіе Александра Павловича, Сила Андреевичъ Аракчеевъ, если бы могъ предвидѣть, что его дѣянія когда либо разберутся, какъ это совершилось печатно въ послѣднихъ годахъ, то вѣроятно воздержался бы отъ лютаго варварства и обдуманнаго злодѣйства.

Правдивость этой статьи доказывается отсутствіемъ во мнѣ всякаго повода особой привязанности къ кн. Михаилу Семеновичу Воронцову, не оказавшему мнѣ рѣшительно никакихъ особыхъ милостей, когда я состоялъ при немъ (точно также какъ и при одномъ изъ его предшественниковъ), и хотя отъ самого князя я положительно никогда не встрѣчалъ ничего кромѣ благосклоннаго обращенія при наилестнѣйшей довѣренности; но по слагавшимся обстоятельствамъ, весьма непріятнымъ, неоднократно я пытался оставить край и самую службу, что впослѣдствіи и сдѣлалъ.

Владиміръ Толстой.

Декабрь 1876 года.
Село Бараново.

Митрополитъ Филаретъ въ его письмахъ къ архимандриту Антонію.

Ни одинъ изъ іерарховъ Русской церкви (за исключеніемъ развѣ патріарха Никона) не приковывалъ къ себѣ такъ долго и такъ сильно вниманія Русскихъ людей, какъ покойный митрополитъ Московскій Филаретъ. Грандіозная личность его интересовала не одно высшее общество, но и всю Москву, а съ нею и всю Россію. Этотъ человѣкъ былъ нравственною, обязующею силою, которая далеко, даже за предѣлы нашего Отечества, простирала свое вліяніе. Но большинству Русскихъ людей Филаретъ былъ извѣстенъ преимущественно со стороны его духовнаго, проповѣдническаго краснорѣчія и строгаго подвижничества монашеской жизни. Его личныя качества, частныя, бытовыя черты его характера начали разъясняться передъ читающимъ обществомъ уже послѣ его кончины (19 Ноября 1867), благодаря нашимъ духовнымъ журналамъ, въ которыхъ печатаются выдержки изъ обширной и многосторонней его переписки, а также много статей и воспоминаній о немъ. Особенно посчастливилось въ этомъ отношеніи нынѣшнему году: въ началѣ его появилась первая часть писемъ Филарета къ намѣстнику Троицкой Лавры архимандриту Антонію.

Всѣхъ писемъ сохранилось около 2000. Отецъ-намѣстникъ самъ возымѣлъ мысль предать ихъ гласности, и первая книга, содержащая въ себѣ письма съ 1831 по 1841 годъ, вышла еще при его жизни (Антоній скончался въ Маѣ сего года). Письма эти несомнѣнно должны быть причислены къ драгоцѣннѣйшимъ историческимъ показаніямъ не только о лицѣ писавшаго, но и вообще о томъ времени, въ которое они были писаны. Тутъ наглядно изобразился покойный Московскій владыка, съ многосторонностью его дарованій, со всею (если можно такъ выразиться) многогранностью его удивительной личности. Это—строгій монахъ, проницательный душевѣдъ, опытный правитель, заботливый и сердобольный другъ, неутомимый писатель, тонкій дипломатъ, изящный собесѣдникъ, наконецъ политическій дѣятель и гражданинъ, отъ вниманія котораго не ускользаетъ ни одно значительное событіе въ Отечествѣ.

Для митрополита, который по природѣ своей былъ человѣкъ уединеннаго труда и отвлеченной мысли, было особенно важно имѣть въ своей правительственной дѣятельности такого сподручника, на котораго бы онъ могъ вполнѣ положиться относительно житейской, хозяйственной и бытовой опытности. Отецъ Антоній былъ по преимуществу хозяинъ; но въ тоже время онъ принадлежалъ къ ученикамъ Саровскаго пустынника Серафима, т. е. былъ ревностнымъ монахомъ. Митрополитъ, назначивъ его намѣстникомъ Троицкой Лавры, вскорѣ выбралъ его себѣ и духовнымъ отцемъ. «Тя рекохъ друга давно въ расположеніи сердца моего (пишетъ онъ ему); когда же Провидѣніе Божіе устроило, что тя рекохъ и отца въ таинствѣ (т. е. духовникомъ),

то уже твоей душѣ остается рещи, до какой степени хочетъ она не чуждаться уничиженной души моей» (2 Окт. 1836). И эта «уничиженная душа» болѣла всякій разъ, не только отъ физическихъ недуговъ «друга», но и тогда, когда архимандритъ Антоній, «подъ вліяніемъ пустыннолюбія и стремленія къ уединенію», выражалъ желаніе сложить съ себя заботы управленія и удалиться изъ Лавры. Такое желаніе сильно огорчало митрополита. Такъ онъ пишетъ ему: «Душа моя находитъ благо въ общеніи съ вашею. Вспомните, что вы просили моей дружбы, тогда какъ я уже имѣлъ ее къ вамъ, и просьбу вашу принялъ какъ залогъ и обѣщаніе съ вашей стороны искренняго со мною общенія. При внезапномъ теперь намѣреніи вашемъ оставить меня и лишить вашей помощи, не могу я роптать, намѣреніе ваше уважая и мое недостоинство признавая; но не могу не чувствовать *глубокой печали*». Въ другой разъ, въ 1862 году, покойный митрополитъ еще сильнѣе высказываетъ цѣну, какую придавалъ онъ служенію о. намѣстника въ обители Сергія. «Въ вашемъ письмѣ есть для меня болѣе сильная причина также просить увольненія отъ службы. Надобно будетъ оба прошенія вмѣстѣ послать въ Св. Синодъ. Но если и уволятъ меня, не желаю, чтобы уволили васъ. Говорите, что вамъ 70 лѣтъ; мнѣ болѣе». И такъ (сказано въ предисловіи къ разбираемой книгѣ) «общественное мнѣніе о митрополитѣ, сложившись исключительно по его необыкновенному уму и по богословскимъ и ораторскимъ его произведеніямъ, конечно, и не подозрѣвало, что въ груди его билось сердце, способное къ столь нѣжной дружбѣ! А между тѣмъ, сердце это билось любовію не только къ избранному имъ другу, но вообще къ человѣчеству, и болѣе всего къ Россіи».

Дѣйствительно, уже по одной первой части издаваемыхъ нынѣ писемъ мы достаточно знакомимся съ Филаретомъ, какъ *съ человѣкомъ* въ лучшемъ и высшемъ значеніи этого слова. Онъ спѣшитъ утѣшать въ несчастіи, является къ нуждающимся съ денежною помощью; во время постигшаго Россію голода (1839—1840) онъ, своими распоряженіями и благотворительностью, обезпечиваетъ не только ввѣренную ему обитель, но и вообще посадскихъ и окрестныхъ жителей, продавая имъ хлѣбъ по удешевленной цѣнѣ. Дѣло благотворенія онъ, вообще, ставилъ выше заботливости объ украшеніи и благолѣпіи церквей и священнослуженіи. Такъ, напр., въ тотъ же голодный годъ, возвращая образчикъ ткани, присланный ему на показъ отцомъ-намѣстникомъ, онъ писалъ: «Лоскутъ, при семъ возвращаемый, хорошъ для облаченія; *но теперь не хочется думать о семъ*. Если Богъ благословитъ грядущее лѣто и дастъ людемъ своимъ хлѣбъ ясти въ сытость, то мы соутѣшимся съ ними, и *тогда* можно будетъ подумать о новомъ облаченіи».

Страннолюбіе и гостепріимство были отличительными чертами Филарета. Многія мѣста его писемъ свидѣтельствуютъ о томъ. Иногда его гостепріимство останавливалось съ особеннымъ вниманіемъ на такихъ лицахъ, кои въ послѣдствіи выдвигались впередъ. Такъ, напр., въ 1840 году, посѣтилъ Лавру миссіонеръ Веніаминовъ, тогда еще только протоіерей Іоаннъ. По поводу посѣщенія его покойный митрополитъ пишетъ въ Лавру: «Примите его братски. *Онъ добрый служитель Божій*. Если захочетъ, пусть помѣстится въ Лаврѣ и посѣщаетъ братскую трапезу, ибо онъ хочетъ пробыть тамъ нѣсколько дней». Этотъ добрый служитель Божій занимаетъ нынѣ каѳедру Филарета.

Лавра, по волѣ митрополита, оказывала гостепріимство одинаково и такимъ лицамъ, какъ А. Н. Муравьевъ, гр. А. А. Орлова, гр. С. П. Потемкинъ, архимандритъ Фотій, и простымъ странникамъ: для всѣхъ были одинаковый привѣтъ и готовая трапеза. Посѣщенія высочайшихъ особъ, конечно, имѣли для Лавры значеніе событій. Иной разъ они доставляли немало заботъ какъ самому настоятелю-митрополиту, такъ и намѣстнику. Посѣщенія эти озабочивали владыку даже и тогда, когда, по высочайшей волѣ, не должно было быть «никакихъ встрѣчъ». Такъ, напр., въ письмѣ отъ 10 Мая 1841 г., подтверждая о. намѣстнику, чтобы «никакихъ встрѣчъ не было», митрополитъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, предлагаетъ ему исполнить слѣдующее: 1) «Если высочайшее путешествіе мимо Лавры послѣдуетъ не въ дневное время, то ни звону, ни выходу духовенства не быть. 2) Если оно будетъ днемъ, то не быть предварительному благовѣсту, а только звону во время самаго проѣзда, и духовенству обители быть въ готовности въ святыхъ воротахъ, но не внѣ оныхъ, на случай высочайшаго посѣщенія Лавры. 3) По звону Лавры долженъ быть звонъ при всѣхъ церквахъ посада, при чемъ духовенство Пятницкой и Вознесенской церквей должно быть въ облаченіи, но только въ дверяхъ церковныхъ или на паперти. 4) Впрочемъ, имѣть въ Лаврѣ вниманіе, — не послѣдуетъ ли для нея высочайшаго повелѣнія съ пути, дабы въ семъ случаѣ въ точности исполнить высочайшую волю».

Слѣдующее за тѣмъ письмо начинается «благодареніемъ Богу за то, что посѣщеніе Государемъ Императоромъ Лавры совершилось *въ мирѣ*». Далѣе, новыя заботы: «Теперь подумайте, о. намѣстникъ, о помѣщеніи ожидаемыхъ (вновь) высокихъ гостей». И митрополитъ внимательно указываетъ на комнаты, которыя «надобно почистить», на иконы и книги «для поднесенія», «касательно угощенія», и пр. Даже покой и удобства лицъ сопровождающихъ тщательно предусматриваются.

Вообще, къ посѣщеніямъ царскаго семейства покойный митрополитъ относился съ большимъ сочувствіемъ и радостью, стараясь лишь объ одномъ, чтобы лаврская братія была обрѣтаема «въ чинѣ мудрыхъ дѣвъ», ждущихъ жениха. Но нельзя сказать, чтобы посѣщенія эти всегда обходились благополучно и «въ мирѣ»; однажды даже, покойный владыка едва не лишился жизни, спѣша предупредить пріѣздъ одной высочайшей особы изъ Лавры въ Виѳанію: его разбили лошади и, лишь благодаря самоотверженной помощи одного изъ лаврскихъ служителей, жизнь его была спасена (См. письмо отъ 21 Августа 1837).

Преданность Филарета царскому семейству причиняла ему иногда и другія печали, всего менѣе, повидимому, ожидаемыя. Такъ, напр., съ митрополитомъ произошелъ слѣдующій, въ сущности незначительный, эпизодъ, но окончившійся, однако, тѣмъ, что глава Русской церкви, заслуженный іерархъ, долженъ былъ «просить прощенія»... «Въ прибытіе Государя Императора, пишетъ митрополитъ, когда я ожидалъ его въ Чудовѣ [1]), мнѣ сказали, что онъ выѣхалъ, а графъ Бенкендорфъ увѣрилъ меня, что онъ не возвратится иначе, какъ позже обѣда; я отлучился и, прежде нежели могъ возвратиться, Государь былъ въ Чудовѣ безъ меня. Хотя я, чрезъ посредство (?) *просилъ* въ семъ у Государя *прощенія*, и онъ изволилъ сказать, чтобы я не безпокоился;

---

[1]) Т. е. въ Чудовѣ монастырѣ въ Москвѣ.

но я не очень покойно вспоминаю, что я не умѣлъ удержаться въ чинѣ мудрыхъ дѣвъ, ждущихъ жениха» (письмо отъ 17 Августа 1836). Или, въ 1838 году, митрополитъ самъ приносилъ и словесно пригласилъ другихъ приносить въ церквахъ молитву о благополучномъ слѣдованіи одного изъ августѣйшихъ путешественниковъ. «По нѣкоторомъ времени, исправляющій должность генералъ-губернатора пишетъ (митрополиту), что въ Москвѣ печальные слухи о здравіи N N и что причиною ихъ вѣроятно молитва въ церквахъ».... Митрополитъ прибавляетъ: «Нужно было *не безъ заботы* защищать то, что́ дѣлалось въ церкви» (письмо отъ 28 Ноября 1839).

Митрополита тяготили многократные вызовы его въ Петербургъ, для присутствованія въ Св. Синодѣ. Всѣмъ извѣстна нѣкоторая нелюбовь покойнаго владыки къ нашей сѣверной Пальмирѣ; и не охотно онъ, больной старецъ, ѣздилъ туда, за 600 слишкомъ верстъ, на лошадяхъ и, не разъ, въ жестокіе зимніе холода, или же въ ненастное осеннее время. Вотъ какъ онъ описываетъ свое путешествіе 1835 года: «На второмъ переѣздѣ отъ Москвы переломилась у колеса чека, и часть желѣза увязла въ ушкѣ оси, а винтовая гайка съ оси слетѣла; колесо катилось еще такимъ образомъ около трехъ верстъ, наконецъ слетѣло съ оси, и карета оперлась на конецъ ея. Посланные назадъ не нашли гайки, а оставшіеся не могли освободить ушка оси отъ завязшаго въ немъ желѣза. Я ходилъ поперекъ дороги, сберегая отъ вѣтра больное ухо и думая, какъ бы Богъ избавилъ насъ отъ сего затрудненія. Наконецъ, посланный верхомъ нашелъ гайку, а вмѣсто чеки укрѣпили ее платкомъ изъ кармана, по наставленію одного проѣзжаго» (стр. 160). «Императоръ повелѣлъ мнѣ ѣхать въ Петербургъ», пишетъ онъ въ 1837 году. «*Тяжко и заботливо сіе для моей немощи*, ибо и теперь дома не могу избавиться отъ простуды; но надобно творить дѣло послушанія. Помолитесь, чтобы Господь укрѣпилъ и сохранилъ меня отъ неблагопріятнаго дѣйствія *разныхъ стихій*» (письмо отъ 7 Ноября 1837).

Самый путь до Петербурга, утомительный и долгій для каждаго, сопровождался для Филарета еще бо́льшими трудностями и неудобствами. «Пора извѣстить васъ, что я, черезъ сильный холодъ, достигъ до Петербурга», пишетъ онъ въ Декабрѣ 1837 года. «Большую помощь вы сдѣлали мнѣ, назначивъ мнѣ обувь, которой я бы не вздумалъ и которая много облегчала мнѣ перенесеніе холода. Болѣзненность началъ я собирать въ дорогѣ еще подъ Москвою, когда оказалось, что зимній ходъ не могъ идти и, въ ожиданіи прибавочныхъ коней, надлежало часъ или болѣе стоять въ полѣ. Голову мою продували, и простудная боль въ ней начиналась». «Боль сія отрыгнулась въ Петербургѣ. Потому, пріѣхавъ сюда 17-го дня вечеромъ, до сихъ поръ, кромѣ одного дня, сижу дома» (письмо отъ 24 Декабря 1837). Въ Петербургѣ, благодаря тяжелымъ климатическимъ условіямъ, здоровье митрополита разстроивалось еще болѣе; онъ вынужденъ былъ иногда, въ Августѣ мѣсяцѣ, «въ шубѣ ѣздить въ Синодъ», или же «чувствовалъ себя въ необходимости запираться въ келіи отъ усилившейся простуды».

Самый Петербургъ и его «разныя стихіи» производили на покойнаго нерадостное, повидимому, дѣйствіе. Очень многое поражало въ этомъ городѣ аскетическую душу архипастыря. «Петербургъ сходитъ съ ума въ идолопоклонствѣ предъ Французскою плясавицею» [1]), пишетъ онъ Антонію отъ 25-го

---

[1]) Извѣстною Тальони, въ балетѣ Сильфида.

Января 1838 года. «Говорятъ, въ то самое время, какъ она въ театрѣ бросалась въ огонь, отъ котораго долженъ былъ избавить ее безстудный языческій божокъ,—сдѣлался пожаръ, истребившій дворецъ». »Замѣтили ль вы, что три страшные и многоубыточные пожара, у трехъ народовъ, разрушили то, что̀ которому больше любезно: *въ Петербургѣ дворецъ*, въ Лондонѣ биржу, во Франціи театръ?»... «Учащаются бѣды», писалъ митрополитъ о томъ же Петербургѣ, за два года передъ тѣмъ, отъ 28-го Февраля 1836 года: «Читали ль вы въ вѣдомостяхъ, какъ въ воскресенье страшнаго суда, среди Петербурга, горѣло болѣе ста человѣкъ въ увеселительномъ деревянномъ зданіи? Наканунѣ того же дня, того же фигляра два строенія въ Москвѣ также сгорѣли, но, слава Богу, безъ людей [2]). Печальнымъ показалось мнѣ между прочимъ, что фигляръ, который сжегъ такъ много людей, чрезъ одинъ или два дня далъ въ другомъ мѣстѣ тоже зрѣлище,—и зрителей, говорятъ, было множество. Оправдываютъ сіе тѣмъ, что сборъ денегъ назначенъ былъ въ пользу семействъ, оставшихся послѣ сгорѣвшихъ». Общее впечатлѣніе, какое производилъ на покойнаго митрополита тогдашній чиновничій и военный Петербургъ, всего лучше выражается слѣдующими многознаменательными строками, написанными, очевидно, подъ давленіемъ всего того, что̀ ложилось на его душу: «Не все также кажется мнѣ въ Петербургѣ, какъ казалось прежде. Что-то меньше единства и болѣе движенія *посредствомъ пружинъ постороннихъ. Учите меня, какъ тутъ жить*, и молитесь о мнѣ!» восклицаетъ, въ концѣ письма, архипастырь, обращаясь къ своему духовному отцу. И какъ понятенъ этотъ изнемогающій, наконецъ, вопль скорби, вопль души, не выносящей «пружинъ постороннихъ!»... (См. письмо отъ 31 Мая 1835).

Съ гораздо меньшимъ огорченіемъ относился онъ тогда къ заблужденіямъ сектантовъ нашей церкви и, вообще, къ расколу. Отправляясь отъ великой истины, высказанной имъ въ одномъ изъ писемъ (отъ 2 Января 1832 г.), что «даръ прощать выше дара исправлять наказаніемъ», митрополитъ, по поводу основаннаго училища для старообрядческихъ дѣтей, преподаетъ слѣдующій, исполненный глубокой правды, совѣтъ: «Отъ двуперстнаго сложенія надобно приводить къ церковному крестному знаменію; но сіе надобно дѣлать съ разсужденіемъ и съ разсмотрѣніемъ обстоятельствъ. Вразумясь въ ученіе, отрокъ исправится легко и прочно; а если вдругъ потребуете перемѣны, то можетъ случиться, что родители-раскольники исторгнутъ изъ училища и лишатъ его случая узнать истину» (письмо отъ 20 Ноября 1838 г.). Въ томъ же письмѣ онъ возстаетъ противу тѣлесныхъ наказаній въ училищѣ. «Отъ тѣлеснаго наказанія удержаться хорошо», пишетъ онъ, «и обители прилично». Запрещаемыя правительствомъ старообрядческія книги вызвали, въ одномъ изъ писемъ (отъ 26 Ноября 1838 г.), слѣдующія строки: «О запрещенныхъ книгахъ можете сказать полиціи посада. Но что̀ будетъ: запретятъ продажу, или возмутъ деньги за молчаніе о ней? Запретятъ «Краткій способъ молиться», сочиненіе г. Гіонъ, но запретятъ ли книги развратныя и развращающія?»

Не смотря, однако, на тогдашнія кроткія отношенія къ расколу, сами раскольники относились къ владыкѣ не столь мирно и очень часто смущали его духовный покой. Вотъ, напр., случай, о которомъ повѣствуетъ митрополитъ: «Однажды въ Москвѣ, пришедъ наканунѣ праздника отъ всенощ-

---

[2]) См. въ Р. Арх. сего года въ тетради 10-й статью: „2 Февраля 1836 въ Петербургѣ“.

ной, въ кучѣ положенныхъ безъ меня на столъ пакетовъ, полученныхъ съ почты и не съ почты, раскрылъ я одинъ, наполненный ужасными хулами на святое и покланяемое. Кто принесъ, было неизвѣстно; но по сочиненію видѣнъ былъ человѣкъ умоповрежденный. Я видѣлъ, что допустить сіи хулы до чьихъ нибудь очей или ушей значило бы только веселить врага, а пользы не было бы, и поспѣшилъ очистить землю отъ существованія сего рукописанія, бросивъ оное въ огонь. Чтоже сдѣлалъ сочинитель? Онъ переписалъ тоже и послалъ въ Св. Синодъ, прописавъ, что онъ доставилъ сіе прежде ко мнѣ, и меня о семъ спрашивали». Эпизодъ этотъ сопровождается у митрополита слѣдующею фразою: «*Вѣкъ нынѣ таковъ*, что какъ бы ни были нелѣпы доносы, нельзя бросать ихъ съ однимъ презрѣніемъ, не помышляя о предосторожностяхъ».... (письмо отъ 10 Апрѣля 1838 г.).

Также «осторожно» отнесся онъ и къ извѣстному сочиненію Чаадаева. «Статью Телескопа, оскорбительную для церкви и для Россіи, мнѣ показали, ибо сего журнала я не имѣлъ и не читалъ», пишетъ митрополитъ отъ 6-го Ноября 1836 г. «Правительство обратило вниманіе на сіе безуміе. Странно, что пропустилъ къ напечатанію ректоръ университета. Мнѣ казалось возможнымъ сіе не иначе, какъ развѣ пропустилъ не читавъ; но нѣкоторые говорятъ, что даже поправлялъ. Найдите и прочитайте листъ «Сѣверной Пчелы», вышедшій третьяго дня. Тутъ есть хорошее противоядіе противъ статьи Телескопа».

Обширныя и утомительныя заботы выпадали покойному митрополиту по управленію Лаврою. Тутъ его тревожитъ, радуетъ или печалитъ рѣшительно все. И, не смотря на то, что онъ имѣлъ въ этой Лаврѣ своимъ «намѣстникомъ» такого усерднаго исполнителя его воли, какъ архимандритъ Антоній, на долю владыки доставались, иногда, заботы не только крупныя, но даже и мелочныя, въ родѣ, напр., истребленія клоповъ въ покояхъ, изготовляемыхъ для пріема великой княгини Елены Павловны, или заботы о поварнѣ (стр. 3-я). По поводу, вообще, лаврскихъ дѣлъ, онъ, однажды, долженъ былъ выразиться слѣдующимъ образомъ: «Вы хотите, чтобы я дополнялъ недостатки всѣхъ. Слишкомъ много вы на меня полагаете и полагаетесь. Мнѣ нужны люди совѣта и помощи, а за-глазами особенно». Такихъ людей было у покойнаго митрополита немного, какъ это можно, почти безошибочно, допустить на основаніи его писемъ, въ которыхъ ему приходилось такъ много заботиться о Лаврѣ и предусматривать рѣшительно все самому. Ему, напр., приходится «пенять казначею» за то, что представляютъ къ постриженію «неутвержденнаго» инока. То, вдругъ, какой-то отецъ Н. подноситъ сочиненіе принцу Оранскому, и сочиненіе это оказывается недостойнымъ. То начинается въ Лаврѣ лѣченіе отца Д., подверженнаго возвратамъ такой болѣзни, ради которой «надобно устранять потихоньку изъ обители совсѣмъ». То какой-то лаврскій монахъ, «неутвержденный въ поведеніи», изъявляетъ желаніе «бродить по чужимъ епархіямъ, на вредъ его душѣ и на стыдъ Лаврѣ». То происходитъ пожаръ, и пожаръ этотъ почему-то скрываютъ отъ митрополита. То, вдругъ, приходится митрополиту прописывать какому-то отцу І. слѣдующій рецептъ: «взять довольно жесткаго самообличенія, положить въ довольно глубокую ступку смиренія и довольно толочь пестомъ терпѣнія; сей порошокъ принимать каждый разъ, когда начнутъ бить въ голову высящіеся помыслы» (стр. 25-ая). Или, напр., распорядители Лавры придѣлываютъ «къ

серебряной лампадѣ мѣдную цѣпь», и это вызываетъ слѣдующее замѣчаніе владыки: «Не люблю я сего лицемѣрія, особенно въ церкви. Если на какую вещь не достанетъ серебра, сдѣлаемъ всю мѣдную *и скажемъ, что мѣдная»*. Или, напр., митрополитъ вдругъ узнаетъ, что въ Лаврѣ, «въ постные дни готовятъ мясную пищу. Замѣтили сіе свѣтскіе и соблазнились». Или, еще болѣе: митрополитъ узнаетъ, что предполагавшійся къ постриженію священникъ Минервинъ предпринимаетъ путешествіе въ Кіевъ «съ дѣвицами». Или, напр., до свѣдѣнія митрополита доходитъ, что иноки Лавры очень часто исповѣдуютъ въ своихъ келіяхъ «людей женскаго пола».

Воспрещеніе «людямъ женскаго пола» посѣщать келіи, а равно и исповѣдаться у иноковъ Лавры послужило, однажды, къ дѣлу непріятному, которое безпокоило митрополита такъ много и такъ долго, что онъ говоритъ о немъ въ нѣсколькихъ своихъ письмахъ подъ-рядъ. Нѣкая дѣвица Зайцева, указывая на то, «за чѣмъ одну принимаютъ» въ Лаврѣ на исповѣдь, а ея нѣтъ, обратилась, въ началѣ, къ самому владыкѣ «съ грамотою» по этому поводу. Получивъ отказъ, она «потрудилась брать приступомъ» келію о. намѣстника, а его келейники вынуждены были отбивать приступъ. Потерпѣвъ здѣсь неудачу, Зайцева обременяла митрополита цѣлымъ рядомъ писемъ, которыхъ онъ не имѣлъ терпѣнія даже дочитывать какъ надобно, «до конца». Тогда, Зайцева написала къ Государю Императору «жалобу» на самого митрополита «за воспрещеніе принимать ее на исповѣдь» въ лаврскихъ келіяхъ. Не получивъ, повидимому, никакого удовлетворенія отъ высочайшей власти, она рѣшилась сдѣлать новый «приступъ» на митрополита: начала опять писать къ нему «грамоты» и приходить къ его покоямъ. «*Нѣсколько* писемъ дѣвицы лежатъ у меня не читаны; она дважды приходила ко мнѣ, но я не принялъ ея: а слышу, что собирается въ Петербургъ»,—пишетъ митрополитъ отъ 28 Января 1835 г. «Дѣвица З. и меня посѣщаетъ нежелаемымъ образомъ чрезъ свои письма. Нѣсколько ихъ, частію читавъ, частію не читавъ, я сжегъ, въ томъ числѣ и къ вамъ чрезъ меня письмо, не знаю, какого содержанія. Думалъ я, что будетъ сему какой нибудь конецъ—отбытіемъ ея въ Петербургъ; но сія надежда не сбывается. Надѣюсь, повѣрите, что я не дошелъ до безумія, чтобы приказывать ей ходить къ вамъ. Князь Дмитрій Владиміровичъ (Голицынъ, Московскій генер.-губернаторъ) писалъ къ ней въ такихъ выраженіяхъ, которыя она могла толковать въ свою пользу и противъ себя, какъ пишутъ къ человѣку, отъ котораго хотятъ *устраниться какъ-нибудь безъ неудовольствія*. Въ сихъ послѣднихъ словахъ само собою высказалось правило, которое и намъ, по возможности, соблюдать должно, охраняя свою совѣсть, и которое свѣтскіе соблюдаютъ, охраняя свою личность, почему и большой помощи въ дѣлахъ сего рода ожидать ненадежно, какъ частію и испытано. Кто захочетъ безъ крайней нужды обратить на себя языкъ, котораго изощреніе видятъ? Думаю еще разъ писать къ князю Дмитрію Владиміровичу и сомнѣваюсь въ успѣхѣ. Думаю запретить пускать дѣвицу З. въ ворота Лавры; но, сколько знаю нынѣшнее время, изъ сей мелочи выйти можетъ огромное дѣло. Дайте мнѣ еще подумать, хотя знаю, что вамъ уже наскучило не видѣть конца сему дѣлу»... (письмо отъ 2 Марта 1835 г).

Столько же безпокойствъ причинило митрополиту и другое «дѣло»—сношенія инспектора Академіи архимандрита Платона съ нѣкіимъ полковникомъ Дубовицкимъ, сектантомъ, находившимся подъ надзоромъ полиціи. Отецъ Пла-

тонъ поручилъ Дубовицкому воспитаніе своихъ дѣтей, между тѣмъ какъ Дубовицкому было воспрещено отъ правительства принимать къ себѣ и воспитывать дѣтей. Митрополитъ потребовалъ черезъ ректора Академіи, чтобы Платонъ прервалъ свои сношенія съ этимъ «сомнительнымъ» лицомъ, и Платонъ далъ въ этомъ «честное слово». Но, немного времени спустя, онъ не только возобновилъ съ Дубовицкимъ свои прежнія сношенія, но еще и сталъ «вводить другихъ въ искушеніе», рекомендуя имъ его. «Прискорбно мнѣ дѣло Платона и Дубовицкаго», пишетъ митрополитъ: «Платонъ сперва обѣщалъ послушаніе, потомъ усомнился, подлинно ли Дубовицкому запрещено брать дѣтей на воспитаніе. Чтобы рѣшить сіе сомнѣніе, я сдѣлалъ офиціальное сношеніе и велѣлъ объявить Платону полученное свѣдѣніе офиціально же. Между тѣмъ его положено перевесть. Я думалъ, что такимъ образомъ все кончится тихо. Что жъ? Платонъ не далъ требуемой отъ него подписки, чтобы не быть въ сношеніи съ Дубовицкимъ. Промедливъ мѣсяцъ, прислалъ мнѣ подписку, что удержится отъ сношеній *частныхъ и слишкомъ открытыхъ*. Слѣдственно, предоставляетъ себѣ секретныя сношенія съ человѣкомъ, находящимся въ подозрѣніи у правительства. Есть ли тутъ послушаніе? Есть ли тутъ безопасность отъ вреда? Можетъ ли начальство оставить сіе безъ вниманія, не сдѣлавшись виновнымъ въ нерадѣніи и неосторожности? Между тѣмъ, вѣроятно, что Платонъ сообщаетъ Дубовицкому, что̀ дѣлаетъ начальство: ибо сей пишетъ о такъ-названномъ *радѣніи*, что не употребляетъ сего обряда, но въ тоже время оправдываетъ оный и въ доказательство своего мнѣнія приводитъ изъ Пуарета свидѣтельство, что *не знаютъ короткости и дѣтской простоты Божіей*; а изъ Іакова Бема, что и у святыхъ ангеловъ есть *дружеское лобзаніе* и *обниманіе*, *пріятнѣйшая круговая пляска*. Дубовицкій утверждаетъ также, что *занимающихся скопческими обрядами и самыхъ скопцевъ никакъ не можно почитать за секту*. Это не слухъ, или пересказъ, а выписано изъ письма Дубовицкаго къ Платону, съ котораго сей прислалъ мнѣ списокъ. Скажите для моего соображенія, что̀ вы о семъ думаете и что̀ бы мнѣ совѣтовали» (письмо отъ 22 Апрѣля 1833). «Дѣло» это, и послѣ, долго еще тревожило и огорчало покойнаго митрополита, жизнь котораго, вообще, судя по письмамъ, не проходила въ особенномъ мирѣ и спокойствіи, какъ отъ докуки различныхъ дѣлъ митрополіи и Лавры, такъ и отъ внѣшнихъ, свѣтскихъ вѣяній, а также отъ правительственныхъ. Напримѣръ, спустя слишкомъ два года послѣ начатія дѣла Дубовицкаго и Платона, именно въ Маѣ 1835 года, митрополиту довелось претерпѣть новыя непріятности и «брань» по этому дѣлу, вовлекшему его въ продолжительную и весьма обременительную для его лѣтъ офиціальную переписку (см. письмо отъ 24 Мая 1835 г.). Еще слѣдуетъ замѣтить, что главный виновникъ этого дѣла, архимандритъ Платонъ, былъ непосредственный подчиненный митрополита и его «братъ во Христѣ» и что онъ все-таки не относился къ этому «брату» сурово, но съ тою же обычною кротостью и терпѣніемъ, съ какими онъ, вообще, относился къ человѣчеству. «*Жаль мнѣ Платона*», пишетъ Филаретъ. «*Онъ, кажется, увязаетъ въ сѣтяхъ*. А я имѣю, по всѣмъ признакамъ, вѣрныя доказательства, что у Дубовицкаго тайно употребляются обряды скопческой и Татариновской секты, то-есть, при пѣсняхъ круженіе до упаду, изступленія и мнимыя пророчества» (стр. 67).

По поводу новой церковной утвари: «Треножникъ не очень мнѣ по мысли. Дорого станетъ, а толку не обѣщаетъ. И что такое треножникъ? Бывалъ ли онъ въ нашихъ священныхъ храмахъ? Троичное число у насъ есть верховное, а язычество испрокинуло оное подъ ноги и надѣлало треножниковъ въ своихъ храмахъ» (стр. 78).

Посреди мелочныхъ подробностей лаврскаго управленія безпрестанно встрѣчаются въ разбираемой книгѣ случаи и черты общей важности. Во время Бельгійской революціи Нидерландская королева Анна Павловна просила митрополита, чтобы въ Лаврѣ молились о ней и объ ея супругѣ. «Вы знаете нынѣшнія обстоятельства Голландіи, защищающей права свои справедливо и благородно противъ насилія Англіи и Франціи за мятежную Бельгію», пишетъ митрополитъ изъ Петербурга въ Лавру. Но Лавра поусердствовала черезъ мѣру, и 27-го Января 1833 года митрополитъ долженъ писать туда: «Молебное пѣніе, по желанію великой княгини Анны Павловны, писалъ я совершить однажды. Не надобно по лѣности дѣлать меньше, нежели требуютъ; но не надобно дѣлать и больше по произволу. Въ келіи можно молиться сколько угодно: для церкви есть порядокъ болѣе строгій. Какъ могутъ спросить: зачѣмъ не молятся, такъ могутъ спросить, зачѣмъ молятся? Можетъ быть, я вамъ сказывалъ, что въ 1821 году я просилъ у покойнаго Государя позволенія по всей Россіи совершить панихиду по убіенномъ патріархѣ Григоріи, но не позволено. Прекратите то, что̀ не предписано». «У меня неожиданное искушеніе. Монахъ Исаія одной благородной женщинѣ во время литургіи дѣлалъ выговоръ, зачѣмъ она стоитъ съ книгою и молится въ перчаткахъ. Она заплакала и послѣ жаловалась. Исаія оправдывается, что желалъ ей добра, и я не могъ увѣрить его, что онъ не поставленъ учить, и особенно смущать человѣка во время богослуженія».

«Вы называете злоязычіе бѣсоязычіемъ. Можетъ быть и такъ; но осмотримся, не бранимъ ли ближняго, насъ огорчившаго, когда думаемъ усиленно-жесткими словами бранить бѣса. Вы еще изобрѣли выраженіе: *обѣсовленный человѣкъ*. Это сильнѣе, нежели *бѣснуемый*; это значитъ почти превратившійся въ бѣса. Сдѣлайте милость осмотритесь, въ любви ли ходитъ сіе выраженіе». «Что вы у меня не лишній, я это очень знаю; но, простите, если скажу погрѣшительно: не было ли бы лучше, еслибы меньше сіе знали вы?» (стр. 111 и 114).

4-го Мая 1835 г.: «Государю Императору угодно было пригласить меня къ обѣду, и предъ тѣмъ призвать меня въ кабинетъ. Предъ обѣдомъ, за обѣдомъ и послѣ обѣда Государь и Государыня изволили обойтись со мною милостиво такъ, что и мою застѣнчивость обратили въ непринужденность».

Вотъ письмо отъ 29-го Іюля 1837 г. по поводу посѣщенія Государемъ Императоромъ Московской святыни:

«Возлюбленный гость нашъ исполняетъ утѣшеніемъ все, къ чему приближается. Ему угодно было, чтобы я показывалъ ему духовныя мѣста, и я былъ для сего въ два прошедшіе дни въ Донскомъ, Даниловѣ, Симоновѣ, на Крутицахъ, въ Новоспасскомъ, а сегодня Его Высочество посѣтилъ даже мое смиренное жилище. Не удостоивая себя, я ввелъ его прежде въ церковь, чтобы она была его памятникомъ, и чтобы мнѣ въ ней благодарить Бога за него, какъ бы съ нимъ. Въ Лаврѣ быть полагаетъ Его Высочество въ Понедѣльникъ, 2-го Августа, около 10 часовъ утра, и слушать литургію. Потомъ, какъ предполагаю, войдетъ онъ въ настоятельскія келіи, чтобы отдохнуть, и

выйдетъ осматривать все, даже до Виѳаніи. За симъ придетъ время трапезы, и мнѣ желательно, чтобы вы устроили мнѣ возможность просить Его Высочество вкусить монастырскаго хлѣба-соли. Надобно, чтобы все было непротяжно. Свита Государя Наслѣдника простираться будетъ человѣкъ до десяти. Приготовьте, чтобы каждому было гдѣ отдохнуть. Надобно всѣмъ по образу, думаю больше изъ финифтяныхъ. Не забудьте вы припоминать мнѣ, что̀ нужно, ибо я все забываю. Въ ризницѣ ли письмо государя императора Павла Петровича о рожденіи государя Николая Павловича? Я все хотѣлъ приказать, чтобы оно здѣсь было за стекломъ, и все забывалъ. Если оно, паче чаянія, въ Виѳанской библіотекѣ, истребуйте тотчасъ и положите во внутренней палатѣ ризницы въ приличномъ мѣстѣ. Если Его Высочество поѣдетъ въ Виѳанію, едва ли не понадобятся наши экипажи. Можно ли это устроить? Я велѣлъ послать къ вамъ четверомѣстную карету. Посмотрите ее и сообразитесь. Можетъ быть, воспоминая осаду, Государь Наслѣдникъ пойдетъ по оградѣ. Велите пройти по ней эконому».

Въ письмѣ отъ 6-го Мая 1839 года Филаретъ описываетъ кончину извѣстной Е. М. Хитровой, пріятельницы Пушкина и посредницы въ передачѣ митрополиту извѣстнаго стихотворенія: «Въ часы забавъ иль праздной скуки».

Въ письмѣ отъ 19-го Марта 1841: «Надежда корысти въ Невской Лаврѣ на сихъ дняхъ немало потрясена. За одну покойницу взяли въ Лаврѣ 13.000 рублей. Ропотъ на сіе дошелъ до Государя Императора; велѣно сдѣлать постановленіе для кладбища *обѣихъ* столицъ, чтобы похороны не стоили дорого. Законъ, преступленій ради́, прилагается и для Москвы за преступленія Петербурга. Впрочемъ, на долю Москвы достанется только непріятность, что дѣло свободы и усердія подвержено закону; а убытокъ будетъ Петербургу и особенно Невской Лаврѣ и ея монахамъ, для которыхъ главный и почти единственный источникъ дохода въ покойникахъ: богомольцевъ слишкомъ мало».

Судя по вышеприведеннымъ выдержкамъ, читатели конечно раздѣлятъ съ нами желаніе, чтобы не замедлили выходомъ въ свѣтъ остальныя части этихъ дружескихъ повѣреній митрополита Филарета.

Письмо П. А. Плетнева въ Москву къ К. А. Коссовичу.

Предлагаемое письмо подарено мнѣ Каэтаномъ Андреевичемъ Коссовичемъ и съ его благосклоннаго разрѣшенія здѣсь печатается. Мысль, выраженная въ послѣднихъ строкахъ сего письма, какъ бы предваряетъ заключительныя строфы прекраснаго стихотворенія князя П. А. Вяземскаго: Слово Примиренія... И не даромъ вспомянулись они Плетневу на литературномъ юбилеѣ нашего знаменитаго писателя: „Для насъ было елеемъ ваше Слово Примиренія, и пусть останутся на вѣкъ девизомъ нашимъ золотые въ немъ стихи:

Да плодъ воздастъ благое сѣмя,
Чья ни посѣй его рука!..“

Замѣчательно, что этими же стихами Плетневъ заключилъ свое послѣднее академическое слово, а съ нимъ вмѣстѣ и свое литературное поприще.

Н. Барсуковъ.

*

12 Февраля 1848. Спб.

Передо мною пять писемъ вашихъ, любезный другъ Каэтанъ Андреевичъ, на которыя не отвѣчалъ я. Вотъ наконецъ сошелъ съ рукъ у меня годичный университетскій актъ *), который останавливаетъ обыкновенный ходъ собственныхъ дѣлъ моихъ. Теперь хотѣлось бы мнѣ отвѣчать на каждую мысль вашихъ писемъ; но вы сами, кажется, не хотите этого: вы, не смотря на просьбу мою писать разборчиво, не только продолжаете гіероглифическій почеркъ, да и вдаетесь въ него глубже, такъ что теперь я нѣсколько иногда догадываюсь о содержаніи писемъ вашихъ, а скоро и того не будетъ, судя по возрастающей прогрессіи неразборчивости. Сами посудите: какая же будетъ цѣль корреспонденціи нашей? «Сказаніе о Видъядгарѣ Джимутаваганѣ» прочелъ я не одинъ разъ, и каждый съ новымъ удовольствіемъ. Особенно восхищаетъ меня первый его разсказъ. Это не значитъ, чтобы второй былъ малозначительнѣе; нѣтъ, въ высокомъ нравственномъ созерцаніи онъ является еще поразительнѣе. Но мы, Европейцы, обыкновенно все цѣнимъ, смотря по тому, на сколько пьеса Азіятская приближается къ нашимъ понятіямъ. Нѣкогда въ «Современникѣ» я самъ возставалъ противъ этой односторонности и близорукости (см. послѣднюю часть моей статьи о Налѣ и Дамаянти); тѣмъ не менѣе говорю теперь то, чтò со всѣми одинаково чувствую. Я сожалѣю, что въ цитатахъ Санскритскихъ словъ не могли вы употребить буквъ Санскритскихъ же, а взяли Русскія. Еще болѣе сожалѣю, что всѣ примѣчанія изъ Вильсона вы остави-

---

*) Въ Петербургскомъ университетѣ, коего П. А. Плетневъ былъ ректоромъ.

ли безъ перевода на Русскій языкъ. Не надобно безъ крайности затруднять читателя. Не только съ Англійскаго (у насъ еще не вошедшаго въ общее употребленіе), надобно переводить и съ Нѣмецкаго, даже съ Французскаго. Что̀ за презрѣніе къ своему языку, какъ будто на немъ стыдно повторять то, что̀ по своему сказалъ какой-нибудь ученый иностранецъ? Въ переводѣ вашемъ Санскритскаго текста (конечно съ намѣреніемъ ближе и точнѣе сохранить его обороты) есть фразы тяжеловатыя. Стоило бы только иныя слова переставить съ конца въ середину или напередъ, и смыслъ сдѣлался бы яснѣе, а чтеніе легче и пріятнѣе. Впрочемъ это мастерство послѣ Карамзина у насъ примѣтно выводится. Вамъ однакоже я совѣтую о немъ заботиться. Средство къ тому самое простое—читать себѣ вслухъ по нѣскольку разъ все приготовляемое для печати, какъ я обыкновенно дѣлаю. Изъ присланныхъ вами экземпляровъ этого перевода я всѣ роздалъ по назначенію, которые были помѣчены вами. Но остается, неизвѣстно чей (не Жуковскаго ли?), въ бархатѣ, и восемь просто брошюрованныхъ. Снабдите меня указаніемъ, какъ ихъ употребить. № 1 «Москвитянина» 1848 года полученъ уже мною. Я имъ очень доволенъ, особенно стихотвореніями и еще статьями Шевырева.

Пожалуйста явитесь отъ моего имени къ графинѣ Ростопчиной, если еще не сдѣлали этого прежде, и скажите ей, что я не могу быть покоенъ, пока она не полюбитъ васъ столько же, сколько мнѣ оказывала лестнаго для меня дружелюбія. Помните, что это не шутка, а порученіе къ непремѣнному исполненію. Теперь вы должны довершить дѣло о «Москвитянинѣ». Послѣ Пушкинскаго и собственнаго моего «Современника», это единственный журналъ Русскій, который я переплетаю и храню въ моей библіотекѣ. У меня изъ него нѣтъ ни одного нумера 1847 года. Купить здѣсь негдѣ. И такъ достаньте мнѣ весь этотъ годъ (и всего-то четыре, кажется, книжки!) и пришлите по тяжелой почтѣ. Я возвращу вамъ издержки покупки и пересылки. А Погодину растолкуйте, что онъ не правъ, разсердясь, зачѣмъ я не выписываю «Москвитянина» для университета. Ему конечно неизвѣстно, что Спб. университетъ, по особенному распоряженію министра, знающаго какъ часто не достаетъ у насъ суммъ на насущный хлѣбъ, не выписываетъ ни одного Русскаго журнала, а всѣ получаетъ изъ цензурнаго комитета, обыкновенно доставляющаго ихъ гуртомъ и потому очень поздно.—Письмо ваше къ Мусину-Пушкину написано очень умно и съ истиннымъ достоинствомъ литератора. Я не сомнѣвался, что онъ не замедлитъ вамъ отвѣчать за себя и за министра. Его натура требуетъ, какъ пищи, бумагъ. Только вы не обольщайтесь лишними до времени надеждами. Открытіе новой каѳедры едва-ли возможно у насъ. Между тѣмъ продолжайте при удобныхъ случаяхъ сношенія съ этимъ господиномъ. Онъ любитъ ѳиміамъ. Можетъ, при случаѣ, вы и подвинете его на какой-нибудь шагъ для себя. Эрмитажная библіотека тоже не должна зарождать напрасныхъ надеждъ въ головѣ вашей. То, что̀ называется Императорскою Публичною Библіотекою, есть

учрежденіе не придворное и состоитъ въ особомъ вѣдѣніи Бутурлина, подъ главнымъ начальствомъ министра народнаго просвѣщенія. И такъ, естественно, вашъ лексиконъ сюда не могъ быть отданъ, когда его поднесли Государю. Вотъ почему помѣстили его въ Эрмитажъ. Но сверхъ всего этого есть у каждой особы императорскаго семейства собственная библіотека въ ихъ комнатахъ. Да и сюда еслибы попалъ лексиконъ—это все не доказываетъ ничего. Кому въ нашъ вѣкъ заниматься древними языками? *) Все это разсказываю вамъ для того, чтобы вы не предавались мечтамъ.

Давно я говорю вамъ, что любовь къ наукѣ у насъ должна быть безкорыстною и неоткровенною. Это конечно неутѣшительно, за то справедливо до сожалѣнія. Повторяю теперь тоже. Касательно И. И. Давыдова нечего опасаться вамъ: министръ совѣтуется, или вѣрнѣе, выслушиваетъ его только по дѣламъ Главнаго Педагогическаго Института. Прочія дѣла идутъ своимъ чередомъ и своею дорогою. Министръ не такъ страстенъ къ нашимъ интересамъ, чтобы думать о нихъ внѣ доклада, послѣ котораго навѣрное онъ забываетъ и имена, и содержаніе бумагъ. Слѣдственно съ Давыдовымъ не заведетъ онъ о васъ рѣчи; а этотъ и не подозрѣваетъ, что здѣсь кто-нибудь съ вами въ сношеніи. Я давно стараюсь объяснить вамъ, что дѣла въ главной ихъ централизаціи совершенно теряютъ тотъ объемъ, въ какомъ представляются они у перваго истока. Привыкайте на все смотрѣть спокойнѣе. Вы привыкнете цѣнить все вѣрнѣе, а тогда и далекихъ ожиданій не будетъ въ головѣ.

Вотъ все, что̀ могъ я угадать въ іероглифическихъ письмахъ вашихъ, и на что отвѣчаю со всею искренностью вѣрнѣйшаго доброжелателя. Между тѣмъ все это не мѣшаетъ вамъ трудиться съ такою же любовію къ наукѣ, какъ вы трудитесь до сихъ поръ. Представляю вамъ себя въ примѣръ. Двадцать лѣтъ я занимаюсь всѣми интересами нашей литературы, а мнѣ и въ голову не приходило ожидать, чтобы мой голосъ или мнѣніе подѣйствовали на кого-нибудь. Все счастіе состоитъ въ процессѣ сѣянія, а какой и гдѣ дадутъ плодъ сѣмена—это рѣшитъ Тотъ, Кому вѣдомы всѣ помышленія наши.

Обнимаю васъ. Будьте здоровы и веселы. Это лучшія блага.

П. Плетневъ.

---

*) Не забудемъ, что это писано въ 1848 году, когда *классическое* образованіе, ознаменовавшее Уваровскую эпоху, смѣнялось *реальнымъ*; послѣдняя система продолжалась до нынѣшняго министра народнаго просвѣщенія графа Д. А. Толстаго и обнаружилась упадкомъ высшаго образованія. *Н. Б.*

Изъ Одесскихъ воспоминаній П. Т. Морозова.

Въ одинъ изъ Одесскихъ Четверговъ графини Эдлингъ, когда я вошелъ въ гостиную, общество сидѣло вокругъ большаго стола и слушало чтеніе А. С. Стурдзы, брата домохозяйки. Протяжнымъ и отчетливоопредѣлительнымъ голосомъ читалъ онъ изъ своихъ записокъ отрывокъ о характерѣ Русскаго народа. По словамъ Стурдзы, этотъ народъ представляетъ счастливое соединеніе генія Азіатскаго съ Европейскимъ. Отъ перваго заимствовалъ онъ покорность властямъ и какую-то величавую преданность судьбѣ, возвышенную христіанствомъ; отъ послѣдняго—дѣятельность въ торговлѣ и промышленности и способность къ нимъ, угадывающую требованія утонченной роскоши, которой самъ онъ непричастенъ. Что̀ касается до политическихъ связей, то А. С. Стурдза полагалъ, что только православные народы могутъ быть нашими вѣрными союзниками. На католиковъ и лютеранъ надѣяться невозможно: они утратили духъ Христовъ, духъ любви и единенія и проникнулись духомъ ненависти, раздора и политическаго ослѣпленія подъ вліяніемъ папской власти, лютеранства и происшедшаго отъ нихъ образа мыслей, называемаго философіею XVIII вѣка. Россіи, утверждалъ Стурдза, предназначено спасти и устроить Западную Европу, какъ она это сдѣлала въ 1812 году, который неминуемо долженъ повториться въ болѣе обширныхъ размѣрахъ. Либо гегемонія Россіи, либо гибель Западной Европы отъ превратныхъ ученій и бѣшеныхъ страстей. Титулъ больнаго человѣка принадлежитъ не одному султану, но и тайнымъ друзьямъ его, оплакивающимъ освобожденіе Греціи и Провидѣніемъ устроенное сраженіе при Наваринѣ, въ которомъ видимо явилась мышца высокая, проведшая Израиля сквозь Чермное море.

По окончаніи чтенія кто-то прочелъ все, что̀ могъ припомнить изъ стихотворенія на Наваринское сраженіе, напечатаннаго въ Journal des Débats. Стихотвореніе это, въ самомъ дѣлѣ, прекрасно. У меня остались въ памяти первые стихи:

Gloire à toi, Albion, reine des ondes,
Gloire à l'aigle des tzars, qui plane sur deux mondes,
Gloire à nos fleurs de lys dont l'éclat est si beau *).

По окончаніи чтеній, графиня Эдлингъ сказала̀ мнѣ: «Не знаете ли куда дѣвался Магницкій? Его давно нигдѣ не видно». Ни я и никто изъ бывшихъ на вечерѣ не могли отвѣчать на этотъ вопросъ удовлетворительно. Извѣстный собиратель новостей, баронъ Ф. объявилъ о слухахъ до него дошедшихъ. Одни говорили, что Магницкій бѣ-

*) Слава тебѣ, Англія, царица волнъ; слава царскому орлу, парящему надъ двумя мірами; слава нашимъ лиліямъ, блескъ которыхъ такъ прекрасенъ.

жалъ въ Константинополь и сдѣлался поставщикомъ невольниковъ и невольницъ; другіе утверждали, что видѣли его на дорогѣ въ Москву. Полковникъ Д. увѣрялъ даже, что Магницкаго схватили ночью и увезли въ Сибирь. На другой день я отправился на квартиру Магницкаго, гдѣ мнѣ сказали, что онъ уѣхалъ изъ Одессы, не объявивъ никому, куда отправляется. Прошла недѣля, и наступилъ новый четверговый вечеръ графини Эдлингъ, на который собрались обычные посѣтители, Стурдза, Тройницкій, Розбергъ, я и др. Полковникъ Д. сообщилъ слухъ, что подъ мостомъ, ведущимъ черезъ балку, близъ дома купца Новикова, найдена голова Магницкаго, которую извѣстный антикварій Бларамбергъ набальзимировалъ и помѣстилъ въ своемъ музеѣ древностей, гдѣ выдаетъ ее за голову Понтійскаго царя Скилюра. Этотъ слухъ разнесся по городу, и на другой день толпа любопытныхъ осаждала домикъ Бларамберга, требуя показать голову Магницкаго. Испуганный антикварій вынесъ бюстъ, найденный въ Керчи, который, по его разысканіямъ, не могъ быть ни чьимъ, кромѣ Понтійскаго царя Скилюра и объявилъ, что Магницкій никогда въ Понтѣ не царствовалъ; потомъ (какъ разсказывалъ Одесскій острословъ Д.) «каламбура два-три толпѣ влѣпилъ, да тѣмъ и заключилъ».

Антикварій Бларамбергъ извѣстенъ многими сочиненіями о древностяхъ Новороссійскаго края; онъ собралъ большое количество Этрурскихъ вазъ, обломковъ и медалей, между которыми съ особенною гордостію показывалъ одну медаль, выбитую, по его мнѣнію, въ память сраженія при Акціумѣ, вознесшаго императора Августа въ главу Римской республики. Бларамбергъ съ любовію къ древностямъ соединялъ страсть къ каламбурамъ и удивительную къ нимъ способность. Я обѣдалъ у него часто по Воскресеньямъ. У него собиралось Французское общество. Гости старались подражать хозяину; непрестанно сыпался огонь каламбуровъ на всѣхъ языкахъ.

Разъ, предъ самымъ обѣдомъ, пошелъ проливной дождь, и мы, т. е. я, поэтъ Туманскій и Безакъ, жившіе вмѣстѣ и постоянно посѣщавшіе воскресные обѣды Бларамберга, не могли къ нему отправиться по неимѣнію крытаго экипажа. Антикварій нашъ догадался, что мы не будемъ и придумалъ послать обѣдъ къ намъ на домъ. Въ три часа явился въ нашей квартирѣ посланецъ съ огромнымъ узломъ и запискою, наполненною прекурьезными каламбурами на языкѣ г-жи Курдюковой. Вотъ нѣкоторыя изъ мѣстъ этой записки: Ce pois vous montrera tout le poids qui est sur mon coeur à cause de votre absence; желе скажетъ вамъ, сколько я жалѣю о томъ, что вы не пріѣхали; le jambon vous dira le regret des gens bons, qui sont réunis autour des ravigotes; si le rostbeef n'est pas coupable, c'est moi qui suis coupable.

Кромѣ каламбуровъ и радушнаго гостепріимства, на обѣды къ Бларамбергу привлекали двѣ дочери его, которыя считались первыми красавицами въ Одессѣ. Однажды на балѣ у графа Воронцова Туманскій сказалъ Пушкину: «Ну придумай какой нибудь экспромтъ».

— «Изволь», отвѣчалъ Пушкинъ и импровизировалъ слѣдующіе стихи:

«Такъ, вы надъ всѣми взяли верхъ;
Предъ вами преклоню колѣна,
О величавая Елена,
О Зинаида Бларамбергъ».

На обѣдахъ Бларамберга много было шутливыхъ толковъ объ исчезновеніи Магницкаго.

*

Прошло около мѣсяца. У меня былъ небольшой вечеръ; гости мои сидѣли за чайнымъ столомъ. Михаилъ Петровичъ Розбергъ, объяснявшій съ Шеллинговой точки зрѣнія ношеніе духа надъ водами хаоса, дунулъ въ самомъ дѣлѣ на свѣчку и погасилъ ее, сказавъ: вотъ будетъ нечаянный гость. На этотъ разъ примѣта сбылась: зажженная свѣча освѣтила входящаго Магницкаго. «Вы ли это, Михаилъ Леонтьевичъ? Откуда въ часъ полночи?» спросила его жена моя. «А вотъ у васъ кстати самоваръ; сдѣлайте-ка моего чаю». При этихъ словахъ Магницкій вынулъ изъ кармана нѣсколько пакетовъ съ чайными пробами. «Я ѣздилъ въ Москву, чтобы избавить васъ отъ сквернаго Кантонскаго чая, которымъ наводнена Одесса; на будущей недѣлѣ у меня откроется магазинъ настоящихъ Кяхтинскихъ чаевъ. Мнѣ стало досадно смотрѣть на безсовѣстное надувательство Англичанъ продажею намъ по дорогимъ цѣнамъ никуда негоднаго чаю», говорилъ намъ потомъ Магницкій. «Признаюсь, я вообще не люблю Западную Европу, но Англію ненавижу. Она, по моему мнѣнію, скопище лицемѣровъ, лже-либераловъ и ненавистниковъ рода человѣческаго. Выгода Англіи совершенно противоположна выгодамъ материка Европы. Наполеонъ 1-й былъ глубоко убѣжденъ въ этомъ. Не будетъ мира въ Европѣ, говорилъ онъ, пока Англія не будетъ обезсилена, и ослабленіе Англіи сдѣлалъ задачею своей жизни».—«Но Россія», возразилъ Тройницкій, ведетъ обширную торговлю съ Англіей и получаетъ отъ нея большія выгоды».—«Это совершенная неправда», возразилъ Магницкій: «вся внѣшняя торговля ничего намъ не приноситъ кромѣ убытка. Вопервыхъ, наши деньги принимаются по произвольно-уменьшенной цѣнѣ, такъ что мы теряемъ около 20% на одномъ курсѣ, который составляетъ какую-то контрибуцію или плату за входъ на Европейскій базаръ. Отчего, напримѣръ, нашъ рубль, равный 4-мъ франкамъ, идетъ при платѣ за иностранный товаръ за $3\frac{1}{2}$ франка и ниже? Объясните мнѣ это. Обида и притѣсненіе явны; всякій Русскій человѣкъ ихъ почувствуетъ; а понять, что $4=3\frac{1}{2}$ мы не въ состояніи».

Австрійскій консулъ Томъ: Вы забываете, что здѣсь дѣло идетъ только о бумажномъ рублѣ.

Магницкій: Скажите же намъ, г. консулъ, что̀ такое Русскій бумажный рубль?

Томъ: Бумажный знакъ, который имѣетъ только номинальную цѣнность.

Магницкій: Извините: посмотрите хорошенько на эту ассигнацію, что̀ на ней находится? 1) объявленіе, что ассигнація обезпечивается имуществомъ и доходами всей имперіи; 2) орелъ Русскій, который, какъ мы недавно слышали въ стихахъ на Наваринское сраженіе, паритъ надъ двумя мірами и не можетъ падать ни на полѣ битвы, ни на аренѣ финансовой. Если вексель съ двумя надежными подписями считается вѣрною бумагою, то какъ можетъ подлежать упадку наша ассигнація, которая есть вексель за подписью всѣхъ Русскихъ людей? *).

А. Г. Троиницкій. Однако падаетъ, и въ 1812 году доходила до 25 копѣекъ за рубль!

---

*) Вспомнимъ, что до 1812 года Магницкій былъ правою рукою Сперанскаго.

Магницкій: Тутъ виноватъ министръ финансовъ графъ Гурьевъ, который сталъ принимать въ казну за 25 рублей 100 рублевую ассигнацію, выпущенную за 100 цѣлковыхъ. Монетная единица была потеряна изъ виду, и учредился нелѣпый лажъ».

— Вы, Михаилъ Леонтьевичъ, далеко ушли отъ нашихъ вопросовъ, сказалъ я ему; удовлетворите прежде нашему, исполненному участія, любопытству: скажите, что̀ дѣлали вы въ Москвѣ?

Магницкій: Странствовалъ по чайнымъ торговцамъ и много прошелъ мытарствъ. Прежде всего я обратился къ К. Меня подвезли къ большому дому, гдѣ я по задней лѣстницѣ, темной и грязной, долженъ былъ взобраться въ 4-ый этажъ. Здѣсь нашелъ я хозяина. Онъ сидѣлъ на деревянныхъ креслахъ въ видѣ буквы Х. безъ всякой подушки. Я сѣлъ противъ него на такія же кресла. Х. сталъ противъ икса и означилъ, что мы два другъ другу неизвѣстныя существа. Насъ раздѣлялъ простой сосновый столъ съ полкою по срединѣ и ящиками, для выдвиганія которыхъ были вбиты гвозди; стѣны были грязны и покрыты литографіями съ фигурами Китайцевъ. Я объяснилъ К. мое намѣреніе открыть въ Одессѣ торговлю Кяхтинскимъ чаемъ и уменьшить привозъ туда Кантонскаго чая. «Этимъ», прибавилъ я, «расширится ваша торговля и дастся маленькій щелчокъ Англичанамъ». «Такъ-съ», отвѣчалъ мнѣ К. «Дѣло недурное, а сколько у васъ капитала, батюшка? Самая малая доля, которую мы можемъ принять для того, чтобы допустить къ участію въ нашихъ дѣлахъ и тайнахъ, это 500 т. рублей». «Ну», отвѣчалъ я, «у меня далеко нѣтъ этого». «Стало быть, проваливайте, отецъ родной. Ваше предложеніе намъ неподходно; а если хотите торговать чаемъ въ Одессѣ, то купите у насъ на наличныя деньги 100 цыбиковъ и заплатите за открытіе вамъ нѣкоторыхъ тайнъ необходимыхъ въ нашей торговлѣ. Сдѣлавъ это, наживайтесь съ Богомъ». Я сказалъ, что это мнѣ неподходно. «Ну такъ проваливайте, батюшка; мнѣ теперь говорить болѣе некогда». И я долженъ былъ провалиться съ высоты 4-го этажа на грязный дворъ. Не буду описывать моихъ переговоровъ съ прочими чайниками. Все тѣже слова и таже обстановка. Одинъ изъ моихъ патроновъ спросилъ меня: «А долго ли вы были молодцомъ?» (т. е. прикащикомъ). Наконецъ мнѣ удалось найти добраго человѣка Б., который согласился отпустить мнѣ чай въ кредитъ и на свой счетъ его отправить.

— «А тайны чайной торговли онъ вамъ открылъ?» спросила графиня Эдлингъ.

— «Открылъ», отвѣчалъ Магницкій, «но взялъ честное слово никому ихъ не открывать».

Чрезъ нѣсколько времени на магазинѣ Сорона появилась вывѣска съ надписью: Thé des caravanes и изображеніемъ верблюдовъ, везущихъ цыбики; но покупщиковъ явилось мало: Одесскіе жители, привыкшіе къ дешевому Кантонскому чаю, продолжали употреблять его, не смотря на статьи Одесскаго Вѣстника о низкой добротѣ этого чая. Скоро замысловатая вывѣска была снята, а Магницкій и подобранная имъ компанія ликвидировали свои счеты съ большимъ убыткомъ.

— «Что дѣлать!» отвѣчалъ Магницкій спрашивавшимъ его о причинѣ неудачи въ торговлѣ: «съ Англичанами бороться трудно, но было бы возможно. Эта борьба необходима. Я не охотникъ до Наполеона 1-го; все имъ предпринятое было безумно, кромѣ континентальной системы и свекловичнаго сахара. За это можно помянуть

добромъ плѣнника св. Елены. Свекольный сахаръ утвердился, и фабрикація его доставляетъ огромныя пособія сельскому хозяйству. Что касается до континентальной системы, то это орудіе когда нибудь тоже будетъ употреблено въ пользу. Континентальная система и тѣсный союзъ Россіи съ Франціей: вотъ что можетъ освободить Европу отъ Британскаго насилія, которое подчиняется въ свою очередь Жидовской эксплуатаціи. Связь Англичанъ съ Жидовскими банкирами и грабежъ, ими производимый, прикрытъ непроницаемымъ лицемѣрствомъ».

Чрезъ нѣсколько дней послѣ этой выходки я встрѣтилъ Магницкаго у А. С. Стурдзы, гдѣ мы оба получили приглашеніе посѣтить его сестру графиню Эдлингъ въ ея Бессарабскомъ имѣніи Манзырѣ. Принявъ съ благодарностію приглашеніе, мы отправились вчетверомъ изъ Одессы по Тираспольской дорогѣ. Со мною ѣхали: Ѳ. М. Гамалей, предсѣдатель Одесскаго Коммерческаго Суда и Магницкій съ сыномъ. Оставивъ Одессу въ четыре часа по полудни, мы на разсвѣтѣ пріѣхали въ Тирасполь, находящійся на берегу Днѣстра; на другой сторонѣ рѣки возвышалась Бендерская крѣпость съ бѣлыми башнями и стѣнами. Грозная твердыня эта укрывала когда-то въ стѣнахъ своихъ свирѣпыхъ пашей съ сильнымъ гарнизономъ и Карломъ XII. Теперь тамъ, какъ и вездѣ у насъ, исправникъ, уѣздный судья, повытчики, квартальные и всѣ старыя знакомыя власти. Страннымъ показалось мнѣ встрѣтить на Днѣстрѣ таможню, въ которой осмотрѣли нашъ экипажъ, какъ будто бы мы ѣхали за границу и какъ будто не было въ Бендерахъ Земскаго Суда и прочихъ принадлежностей Руси. Въ настоящее время таможни на Днѣстрѣ сняты. Переправа черезъ быстрый Днѣстръ совершилась скоро, и мы очутились на землѣ, о которой сказалъ поэтъ:

Сія пустынная страна
Священна для души поэта,
Она Державинымъ воспѣта
И славой Русскою полна.

Чрезъ нѣсколько часовъ мы надѣялись пить чай въ Манзырѣ, но вышло иначе. На первой Бессарабской станціи писарь встрѣтилъ насъ страшнымъ въ былое время для путешествующихъ словомъ: «нѣтъ лошадей». Мы, по обыкновенію стали спорить, требовать; болѣе всѣхъ горячился молодой Магницкій, на имя котораго была взята подорожная. Смотритель показывалъ книгу и успокоивалъ скорымъ возвращеніемъ лошадей; но когда Михаилъ Леонтьевичъ сталъ поддерживать требованіе сына, то смотритель, вспомня о своемъ четырнадцатиклассномъ достоинствѣ, сталъ посреди комнаты фертомъ и, обратясь къ старику Магницкому, сказалъ, указывая на его сына: «Ну пусть его благородіе бранитъ меня, онъ офицеръ; а вы какое имѣете право обращаться ко мнѣ съ требованіями? По подорожной, написанной по указу Его Императорскаго Величества и проч. и проч. и проч., вы ничто иное какъ будущій».—«Нѣтъ», отвѣчалъ Магницкій, «я не будущій, а прошедшій».—«Извините», возразилъ смотритель, «вы ѣдете какъ будущій. Если бы вы были прошедшій, то въ подорожной было бы сказано съ двумя будущими и однимъ прошедшимъ, а этого тамъ нѣтъ. Вотъ и выходитъ, что вы настоящій будущій. Я десять лѣтъ смотрителемъ и подорожныя изучилъ. Разъ

проѣзжающій офицеръ хотѣлъ надуть меня, увѣряя, что я обязанъ будто бы давать ему безденежно лошадей и все съѣстное, находящееся на станціи; онъ ссылался на слова: «и проч. и проч. проч.»; но я отвѣчалъ, что это неправда и вытребовалъ за все деньги, потомъ донесъ объ этомъ происшествіи уѣздному почтмейстеру, прося разрѣшенія; но онъ предписалъ мнѣ исполнять законъ буквально, а все таки не объяснилъ, правъ ли былъ проѣзжій, увѣрявшій меня, что и проч. и проч. и проч. суть три кушанья, которыя сверхъ лошадей должны быть отпускаемы безденежно».—«Скажите спасибо за доброе предзнаменованіе», сказалъ смѣясь Ѳ. М. Гамалей Магницкому: «четырнадцатиклассный предсказываетъ вамъ счастливую будущность. Можетъ быть, васъ снова призовутъ на службу».—«Моя служба», возразилъ Магницкій: «немногіе остающіеся мнѣ дни жизни кончить въ мирѣ и покаяніи».

Отъ нечего дѣлать мы принялись пить чай, по окончаніи котораго смотритель, получившій за самоваръ хорошее вознагражденіе, явился съ отраднымъ вопросомъ: «Не прикажете ли закладывать?» Къ обѣду мы пріѣхали въ Манзыръ, гдѣ нашли самый радушный пріемъ и хозяйство устроенное образцовымъ образомъ.

По возвращеніи въ Одессу, я узналъ, что предзнаменованіе, сдѣланное Магницкому названіемъ его будущимъ, отчасти исполнилось, хотя въ самомъ ничтожномъ размѣрѣ. Михаила Леонтьевича избрали директоромъ Одесскаго клуба, которымъ онъ управлялъ три года и сдѣлалъ въ немъ значительное умноженіе суммъ. Но смотритель не вполнѣ угадалъ будущее Магницкаго, который впрочемъ не вѣрилъ ни примѣтамъ, ни предсказаніямъ. Онъ любилъ повторять стихи Виктора Гюго:

Tu ne prendras pas
Demain à l'éternel.
Demain c'est Waterloo,
Demain c'est St. Hélène,
Demain c'est le tombeau *).

Послѣ Магницкаго не осталось ровно никакого состоянія, кромѣ разныхъ рукописей. Изъ нихъ любопытными мнѣ показались слѣдующія: 1) Собраніе копій курьозныхъ бумагъ изъ дѣловой переписки; 2) Статья объ иллюминатахъ и тайныхъ обществахъ.

Тайныя общества, особенно иллюминаты, по мнѣнію Магницкаго, имѣютъ цѣлію: уничтожить на землѣ два великія учрежденія: царство и священство. Изъ копій курьозныхъ бумагъ я припоминаю слѣдующія: 1) Рапортъ Бакчисарайской полиціи князю Воронцову о томъ, что въ городѣ Бакчисараѣ происходило землетрясеніе и что причина этого землетрясенія полиціею не открыта. 2) Указъ Сената на имя Симбирскаго губернатора Магницкаго съ замѣчаніемъ за то, что онъ написалъ въ своемъ рапортѣ Правительствующій Сенатъ думаетъ. Въ указѣ сказано: «Дать знать Симбирскому губернатору, чтобы онъ впредъ отъ подобныхъ выраженій воздержался, потому что Правительствующій Сенатъ не

*) Твое *завтра* не вѣчно. Завтра,—это Ватерлоо; завтра,—это св. Елена; завтра,—это могила.

думаетъ, а опредѣляетъ. 3) Указъ Сената о сложеніи штрафа, наложеннаго на Мордвинова и Столыпина за фруктовую водку, выгнанную ими безъ платежа акциза изъ Крымскихъ арбузовъ, потому что арбузъ не есть фруктъ, а продуктъ. 4) Письмо предсѣдателя Бессарабскаго уголовнаго суда К., писанное въ отвѣтъ на конфиденціальный вопросъ князя Воронцова о томъ, почему въ представленномъ генералъ-губернатору приговорѣ крестьянинъ Архиповъ, обвиненный въ маловажной кражѣ, приговоренъ къ ста ударамъ плетьми. Въ этомъ письмѣ гуманный предсѣдатель пишетъ, что онъ также находитъ приговоръ чрезмѣрно-строгимъ, но измѣнить его не могъ, потому что писецъ оставилъ очень мало мѣста для означенія рукою предсѣдателя числа ударовъ. Ни одно изъ чиселъ кромѣ ста не подходило къ пробѣлу, онъ и поставилъ сто; переписка же приговора потребовала бы много времени и могла бы навлечь на судъ обвиненіе въ медленности, чего онъ никогда не заслуживалъ. Князь Воронцовъ не утвердилъ приговора объ Архиповѣ, а представилъ его въ Сенатъ вмѣстѣ съ письмомъ дѣятельнаго предсѣдателя, который былъ отставленъ съ награжденіемъ чиномъ и пенсіею, а приговоръ былъ смягченъ. 5) Рапортъ губернской типографіи губернатору, вымышленный Магницкимъ въ припадкѣ острословія. Въ этомъ рапортѣ типографія доноситъ, что отъ невниманія наборщиковъ перевелись л (люди), а въ изобиліи находится ч (червь); д (добро) также почти вовсе нѣтъ: оно избито прессомъ до того, что выходитъ въ видѣ нуля, а с (слово), перетертое по срединѣ Нѣмецкими наборщиками, выходитъ въ видѣ двухъ крючковъ. На это послѣдовалъ будто бы такой отвѣтъ: мѣста, гдѣ нужны л (люди), вовсе упразднить въ текстѣ. Русское с (слово) замѣнить чѣмъ нибудь другимъ, напримѣръ вмѣсто оселъ печатать орелъ. Въ видахъ же соблюденія казеннаго интереса долженъ быть пущенъ въ ходъ забытый ч (червь): такъ вмѣсто пасть можно писать часть, когда дѣло идетъ о нападеніяхъ волковъ. Но вмѣсто Порта отнюдь не ставить чорта, а также начальника порта не именовать начальникомъ чорта; а вмѣсто лестный можно писать честный и пр.

Замѣтки митрополита Платона на прокладныхъ листахъ мѣсяцеслова 1775 года [1].

21 дня (Генваря) Государыня изволила быть въ Твери, гдѣ и указъ о бытіи мнѣ Московскимъ [2]) данъ.

22 дня ихъ высочества были въ Твери.

27 дня пріѣхалъ я въ Москву и объявленъ Московскимъ.

За Сентябрьскую треть пришло 78 р. 63 к. Оставлено 60 р., прочее роздано.

2 Февраля. Первый разъ въѣзжалъ въ каѳедральный свой соборъ въ Чудовъ.

За Январьскую треть изъ кружки мною получено 70 р.

За Майскую треть пришло 695 р., изъ коихъ 50 р. на братію, и 45 р. на богадѣльню.

БЛАГОДѢЯНІЯ БОЖІИ ВЪ СЕМЪ ГОДУ НА МЯ ИЗЛІЯННЫЯ.

1. Пожалованъ въ Московскіе архіереи.
2. Оставлена Лавра при мнѣ.
3. Дана панагія въ Твери.
4. Дано 5000 рублей.
5. Дана мантія бархатная.
6. Дана панагія отъ Государыни.
7. Даны часы бриліантовые отъ Государыни.
8. Дано 1000 рублей въ Лаврѣ отъ Государыни.
9. Ихъ высочества пожаловали два куска парчи.
10. Пожалованъ сервизъ серебряный въ 5000 рублей.
11. Пожалованъ намѣстникомъ въ Чудовъ.
12. Даны иподіаконы.
13. Дано протодіакону жалованье.
14. Прибавлено жалованье служителямъ.
15. Семинарія Перервинская учреждена.
16. На двѣ семинаріи Сав. и Калужскую дано содержаніе.
17. Три монастыря приписаны къ епархіи.
18. Архимандрія Златоустовская возобновлена.
19. Отъ графа Потемкина въ Чудовъ монастырь сдѣланы: 1) шапка богатая; 2) другая шапка; 3) четыре панагіи; 4) два креста; 5) четыре сакоса; 6) омофоръ; 7) крестъ благословящій.
20. Академія въ дирекцію отдана.
21. Ружныхъ церквей жалованье на мое распоряженіе отдано.

Что есмь азъ, Господи, яко помниши мене?

---

[1]) Календарь этотъ принадлежитъ А. П. Соболеву и былъ доставляемъ въ Русскій Архивъ.

[2]) Т. е. архіепископомъ. Въ санъ митрополита Платонъ былъ возведенъ 12 лѣтъ спустя.

Древнее поученіе въ формѣ притчи.

Поученіе въ формѣ притчи сдѣлалось достояніемъ Русской письменности съ самыхъ раннихъ временъ, а именно со времени просвѣщенія Руси Христіанскою вѣрою, въ подражаніе притчамъ евангельскимъ. Первыя поученія въ этомъ родѣ соединены у насъ съ именемъ Славянскаго первоучителя «Кирилла философа», и любителямъ Русской древней письменности предлежитъ еще немаловажный трудъ собрать во едино эти «притчи» съ отдѣленіемъ подлинныхъ притчей св. Кирилла отъ приписываемыхъ ему по надписаніямъ [1]; затѣмъ собрать «притчи» послѣдующихъ временъ, отдѣливъ притомъ собственныя произведенія Русскихъ книжниковъ отъ переводныхъ. Въ ожиданіи подобнаго сборника, мы предлагаемъ вниманію любителей Русской старины одну изъ древнихъ притчей, составляющую передѣлку на Русскіе нравы басни Езопа. По времени передѣлка эта относится къ нашему великокняжескому періоду, а именно къ XV вѣку; она извлечена нами изъ одного рукописнаго сборника XVII вѣка.

Слово отъ притчи о вадящихъ князю на други [2].

Разболѣлся лютый звѣрь левъ, и пріидоша къ нему вси звѣріе земніи; токмо едина лисица не пришла посѣтити царя своего. И наводи на ю волкъ на лисицу къ лютому звѣрю ко льву; и посла по ю царь лютого слугу, да привлечетъ ю, бія безъ милости, хотя волкъ лисицѣ зло сотворити, а надъ собою не вѣдаетъ, что то самому будетъ. Тогда посла царь по лисицу лютого слугу и привлекоша ю къ царю, біюще лисицу безъ милости, и рече къ ней царь лютый звѣрь: «Ты лукавая лисица! Вси звѣріе пришли посѣтити мене;, кого ся иного боишь? А язъ нынѣ вижу на собѣ лютую казнь». И рече лисица царю: «Господине царю, того ради есми умедлила: рыскала есми по всей земли ищущи зѣлья, абы чѣмъ тебѣ царю помочи, отъ болѣзни тебя избавити, и не обрѣла есми нигдѣ же, токмо обрѣтохъ едину бабу; отъ той ся доворожила: у жива волка кожу одрати и обвити глава болящаго; въ той часъ будетъ здравъ больный». И начаша у живаго волка кожу драти распенши и. И волкъ вопія глаголетъ: «Горе, братья, не промолвляйтеся другъ на друга ко князю; видите на мнѣ злую казнь, а притомъ лютую смерть». Также и тѣмъ есть уготовано, кто промолвляетъ другъ на друга ко князю: злѣ погибнутъ безъ наслѣдка, а по смерти душа его во адѣ будетъ, во вѣки вѣковъ. Аминь.

(Сообщилъ архимандритъ Леонидъ.)

---

[1]) Въ 1654 г. пріѣхалъ въ Россію Сербскій Инекскій патріархъ Гавріилъ Раичь и въ поклонъ царю и патріарху Никону привезъ съ собой между прочимъ: тетради Кирилла философа и учителя Славянскаго (См. сношенія съ Востокомъ. А. Муравьева III, 740).

[2]) Вадящихъ—клевещущихъ; въ Польскомъ языкѣ wadić—клеветать, наговаривать.

Письмо императрицы Екатерины II-й къ П. П. Коновницыну.

1785.

Господинъ генералъ-маіоръ и Санктпетербургскій губернаторъ Коновницынъ. Посылаемый при семъ запечатанный пакетъ, въ которомъ вложены два пасквиля на многихъ здѣшнихъ иностранныхъ съ ругательствами и подлыми описаніями, картинами и толкованіями, прикажите отъ Управы Благочинія сжечь чрезъ палача, съ объявленіемъ притомъ тысячи рублей въ награжденіе тому, кто объявитъ сочинителя или сочинительницу тѣхъ пасквилей, дабы они за преступленіе ихъ могли быть посажены на два года въ смирительный домъ.

Екатерина.

Это высочайшее повелѣніе находится въ дѣлахъ Архива Старыхъ Дѣлъ по Управѣ Благочинія подъ № 202910; 2 Апрѣля 1785 года оно было получено въ Москвѣ главнокомандующимъ Брюсомъ и предложено имъ Управѣ Благочинія во всѣхъ частяхъ жителямъ повѣстить, а квартальнымъ надзирателямъ вездѣ въ домахъ, гдѣ есть господа, самимъ имъ этотъ указъ предъявить.

(Сообщено А. А. Мартыновымъ).

Отзывъ современника-иностранца о Суворовѣ [1].

Суворову приписываютъ жестокость и суровость. Я не служилъ подъ его начальствомъ; но по всему, что̀ я слышалъ о немъ отъ достовѣрныхъ лицъ, жестокость совсѣмъ не въ его характерѣ. Съ кротостью и необыкновеннымъ добродушiемъ соединенная сила, быть можетъ, сама приводитъ къ тому, что полуобразованный Русскiй солдатъ въ пылу, которымъ Суворовъ умѣетъ воспламенить его, забываетъ на нѣсколько минутъ человѣческiя чувства и совершаетъ поступки, которые вскорѣ потомъ ему самому противны. Чтобы объяснить возмущающее явленiе, надобно разсудить, съ какими врагами и при какихъ обстоятельствахъ сражался Суворовъ [2]). Характеръ Русскаго солдата все таки гораздо человѣчнѣе въ сравненiи съ дикимъ безумнымъ бѣшенствомъ Оттомановъ; при взятiи же Праги, къ сожалѣнiю, была такая страшная, безпорядочная свалка, что, во всеобщемъ замѣшательствѣ, солдатъ едва зналъ кого ему щадить: всѣ дрались съ отчаяннымъ безразсудствомъ. Да и не столько было случаевъ жестокости, какъ говорили въ первомъ ощущенiи горя. Конечно, надобно было держать болѣе строгую дисциплину; вина распущенности болѣе падаетъ на полковниковъ и дивизiонныхъ командировъ. Никто изъ офицеровъ Суворова и никто изъ его солдатъ не жалуется на своенравную строгость его: безпристрастный наблюдатель скорѣе можетъ обвинять его въ беззаботной снисходительности. Единственная жалоба на него со стороны Русскихъ состоитъ въ томъ, что онъ не покровительствуетъ своимъ офицерамъ; но такое обвиненiе скорѣе заключаетъ въ себѣ похвалу, доказывая, что онъ награждаетъ заслуги лишь по своему убѣжденiю, и что фаворитизмъ не имѣетъ у него значенiя, какъ это бываетъ у другихъ извѣстныхъ Русскихъ генераловъ. Говорятъ, что многiе полки, при удаленiи фельдмаршала и при введенiи новыхъ постановленiй, выразили неудовольствiе. Императоръ сознавалъ, что онъ слишкомъ къ сердцу принялъ откровенныя слова стараго, посѣдѣлаго въ бояхъ и высокозаслуженнаго мужа и въ самыхъ лестныхъ выраженiяхъ предложилъ ему вновь на-

---

[1]) Изъ сочиненiя Зейме: Ueber Veränderungen in Russland seit der Thronbesteigung Pauls des Ersten (о перемѣнахъ въ Россiи со времени вступленiя на престолъ Павла Перваго). Зейме былъ секретаремъ извѣстнаго генерала Игельстрома въ Варшавѣ и слѣдовательно могъ знать Суворова лично. *П. Б.*

[2]) Послѣ покоренiя Варшавы въ 1794 году Суворовъ обходился съ Поляками съ чрезвычайнымъ человѣколюбiемъ. Въ этомъ отношенiи онъ допустилъ даже нѣкоторыя вредныя послабленiя, которыми встревожилъ Русскихъ людей и высшее правительство въ Петербургѣ (см. Архивъ Князя Воронцова, томы VIII—XII, по азбучнымъ указателямъ). *П. Б.*

чальство надъ арміей. Но Суворовъ не могъ блистательнѣе сойти со сцены, и онъ достачно философъ, чтобы желать провести дни свои въ спокойствіи, которое стало его удѣломъ. Онъ, говорятъ, отвѣчалъ Императору, что ему нуженъ отдыхъ и что онъ проситъ только о немъ, и не поѣхалъ на торжество коронаціи въ Москву.

Общественное мнѣніе привыкло считать Суворова варваромъ, но онъ не варваръ ни головой, не сердцемъ. Я самъ былъ свидѣтелемъ, что онъ хорошо говоритъ понѣмецки и пофранцузски. На родномъ языкѣ едва ли кто изъ Русскихъ выражается лучше Суворова. Потатарски и потурецки онъ говоритъ бѣгло. Онъ много читалъ по разнымъ предметамъ; а его лаконическій и часто саркастическій умъ видѣнъ изъ его донесеній. Онъ хорошій солдатъ, потому что это его ремесло; быть можетъ, онъ былъ бы хорошій министръ, если бы былъ министромъ; но онъ вовсе этого не желаетъ. Какъ скоро какое нибудь дѣло выходитъ изъ круга военнаго, онъ тотчасъ возвращаетъ его обратно и говоритъ: я этого не понимаю и потому вы не должны объ этомъ у меня спрашивать. Его военная репутація для него все, и ею онъ превзошелъ всѣхъ своихъ современниковъ и соотечественниковъ. Онъ семидесятилѣтній старикъ съ бѣлоснѣжною головою; но каждый его нервъ исполненъ силы. Позвольте мнѣ разсказать объ немъ нѣсколько анекдотовъ небольшихъ, но довольно характеристическихъ, изъ которыхъ вы увидите, что онъ вовсе не такой безчувственный, какимъ его, къ сожалѣнію, выставляютъ.

Одинъ изъ знатныхъ казацкихъ офицеровъ въ Варшавѣ насильственно похитилъ къ себѣ на квартиру Польскую дѣвушку. Была ли она Весталка или нѣтъ, не въ томъ дѣло; по крайней мѣрѣ она не была публичной особой извѣстнаго класса, чѣмъ казакъ могъ бы извинить подобный поступокъ. Она нашла случай на публичномъ парадѣ передать фельдмаршалу бумагу и просить его объ удовлетвореніи за позорное насиліе. Польки одарены граціей и умѣютъ пустить ее въ ходъ въ разговорѣ и въ обращеніи. Дѣвушка была прекрасна, безъ чего казакъ и не сдѣлалъ бы ее своей добычей. Она говорила съ увлеченіемъ и плакала. Старый Суворовъ поднялъ ее, выслушалъ разсказъ о постыдномъ поступкѣ, пришелъ въ сильный гнѣвъ, и самъ заплакалъ. Это происходило на открытой площади передъ Литовскими казармами. Онъ позвалъ губернатора, генерала Буксгевдена, котораго управленіемъ жители Варшавы не очень были довольны, и горячо говорилъ съ нимъ: «Государь мой! Какія неслыханныя вещи происходятъ подъ глазами у васъ и почти подъ моими; можетъ быть, станутъ обвинять меня въ томъ. Развѣ вы не знаете, что ваша обязанность наблюдать за общественною безопасностью и спокойствіемъ? Чтò станется съ дисциплиной, когда солдатъ будетъ видѣть и слышать подобные примѣры?» Тутъ Суворовъ пригрозилъ ему, что, если случится по его винѣ хотя малѣйшій безпорядокъ, то онъ отправитъ его въ Петербургъ и донесетъ Государынѣ [3]). Гамбургскія вѣдомости часто воздаютъ большія похвалы генералу Буксгевдену, но Варшавяне читаютъ ихъ съ заплаканными глазами и не смѣютъ имъ противорѣчить. Гамбургцы съ вознагражденіемъ или безъ онаго помѣщаютъ слишкомъ многое въ своихъ листахъ: они бы долж-

---

[3]) Къ сожалѣнію, Зейме не говоритъ, чѣмъ кончилась эта исторія и какъ наказанъ казачій офицеръ.

ны сперва хорошо развѣдать, изъ какихъ источниковъ текутъ извѣстія. Кто былъ тогда въ Варшавѣ и имѣлъ здоровое зрѣніе и слухъ, отъ того не ушли жалобныя мольбы обитателей и ихъ справедливые отзывы, которые они выражали такъ громко, какъ это позволяли обстоятельства.

Другой анекдотъ о Суворовѣ нѣсколько старѣе, и я слышалъ его отъ покойнаго капитана Бланкенбурга, человѣка, который могъ сообщить много важнаго объ исторіи своего времени и, можетъ быть, сообщилъ бы, если бы его не похитила преждевременная смерть. Въ Семилѣтнюю войну Суворовъ, если не ошибаюсь, еще въ чинѣ маіора, находился съ Русскими войсками въ Германіи. Казаки, при нападеніи на Берлинъ, похитили изъ столицы молодого прекраснаго мальчика, вѣроятно считая его за сына какого нибудь знатнаго человѣка. Мальчикъ плакалъ и не могъ ни понять дикихъ людей, ни быть понятъ ими. Суворовъ нашелъ его у казаковъ, сталъ дружески говорить съ нимъ, взялъ его къ себѣ и содержалъ его такъ хорошо, какъ можно было содержать во время похода. Мальчикъ могъ сказать имя своей матери и улицу, на которой она жила. Въ продолженіи остальнаго похода Суворовъ уговаривалъ его быть терпѣливымъ; когда же стали на квартиры, тотчасъ написалъ изъ Кенигсберга къ вдовѣ въ Берлинъ письмо почти въ такихъ выраженіяхъ: «Любезнѣйшая маменька! Вашъ маленькій сынокъ у меня въ безопасности. Если вы захотите его оставить у меня, то ему ни въ чемъ не будетъ недостатка. Я буду заботиться объ немъ, и онъ будетъ какъ мой собственный сынъ. Если же вы захочете взять его обратно, то можете получить его здѣсь или написать ко мнѣ, куда его вамъ выслать. Я совершенно не виноватъ, что лихіе казаки взяли его съ собою». Капитанъ Бланкенбургъ увѣрялъ меня, что онъ самъ читалъ это письмо, и что оно было написано совершенно въ добродушномъ и нѣсколько-шутливомъ тонѣ будущаго Суворова. Это былъ теперешній фельдмаршалъ, такъ какъ, сколько мнѣ извѣстно, въ Русской арміи нѣтъ никакого другого Суворова. И такого человѣка клевета провозглашаетъ варваромъ? Тѣ, кто знаетъ его ближе, увѣряютъ, что онъ чрезвычайно мягкаго сердца, что̀ совершенно не противорѣчитъ остальнымъ чертамъ его характера. Единственная причина этой молвы можетъ заключаться въ томъ, что онъ слишкомъ разсчитываетъ на высочайшую энергію минуты. Русскій солдатъ болѣе чѣмъ кто либо изъ земныхъ существъ необразованный энтузіастъ. Богъ, Святой Николай, Императрица, или все это въ обратномъ порядкѣ, и побѣда—вотъ его единственныя мысли или скорѣе подобныя мыслямъ чувства. Его варварскіе сосѣди Турки, своимъ жестокимъ и безумнымъ образомъ веденія войны, погасили въ немъ остатокъ человѣческихъ чувствъ, которыя, можетъ быть, онъ имѣлъ прежде, и его не безъ основанія упрекаютъ въ жестокости. Между самими офицерами есть довольно необразованныхъ, дѣйствующихъ за одно съ солдатами или даже настраивающихъ ихъ, чтобы еще болѣе воспламенять ихъ ярость. Къ моему немалому удивленію замѣтилъ я, что эти офицеры были большею частію не Русскіе, а Нѣмцы. Нуженъ человѣкъ, обладающій гуманностью Траяна, чтобы держать въ уздѣ эту смѣсь полудикихъ людей. Суворовъ виноватъ въ томъ, что онъ не внушаетъ своимъ подчиненнымъ довольно человѣколюбія и дѣйствуетъ только на силу, не разсуждая, что, за отсутствіемъ филантропіи, погибаетъ то, что̀ могло бы быть спасено. Но собственно

ему нельзя по справедливости дѣлать упрековъ въ жестокосердіи. Странности, которыхъ у него множество, сюда не относятся. Выдержитъ ли Суворовъ, какъ полководецъ, испытаніе противъ всѣхъ маневровъ и всѣхъ средствъ тактики,—это вопросъ неразрѣшенный и который, можетъ быть, останется неразрѣшеннымъ. Но про какого же генерала можно сказать это утвердительно? Большею частію одинъ побѣждаетъ, благодаря ошибкамъ другаго. Свѣтъ знаетъ, что̀ сдѣлано Суворовымъ. Онъ всегда избиралъ средства сообразныя съ цѣлью, и можно ожидать, что онъ и впередъ будетъ избирать ихъ.

(Сообщилъ И. И. Ханенко).

Замѣтки.

1.

Въ Дневникѣ графа Бобринскаго, напечатанномъ въ Р. Архивѣ сего года, упоминается о новомъ экономѣ Сухопутнаго Шляхетнаго Корпуса, гдѣ воспитывался графъ Бобринскій,—Фрейтагѣ. Это былъ мой прадѣдъ, отецъ матери моего отца, котораго пригласили въ Корпусъ для приведенія дѣлъ въ порядокъ. Онъ вскорѣ открылъ, что родители тайкомъ брали кадетъ своихъ сыновей по ночамъ изъ Корпуса, при чемъ ихъ пропускали по переложеннымъ изъ окна въ окно доскамъ, и потомъ выпускали на улицу изъ окна какой-то кладовой. Усердіе Фрейтага впрочемъ оказалось выше того, чѣмъ требовалось, и онъ недолго оставался въ Корпусѣ. Не въ связи ли съ этими путешествіями по доскамъ пропажа кадетъ, какъ напримѣръ князя Путятина, о которой упоминаетъ графъ Бобринскій?

2

Въ описаніи Индѣйскаго (Калмыцкаго) богослуженія говорится у графа Бобринскаго, что архіерей ихъ бьетъ въ Казань; это очевидно казанъ, Татарское названіе котла.

3.

Въ воспоминаніяхъ М. М. Евреинова (Русскій Архивъ сего года, тетрадь 10-я) сказано, что Всѣхсвятскимъ переулкомъ назывался переулокъ, шедшій вдоль каменномостскихъ бань по стоявшей прежде тутъ церкви Всѣхъ Святыхъ *). Церковь эта и теперь тутъ стоитъ, даже и по высочайше утвержденному проекту площади около храма Спасителя она не ломается, а также и переулокъ до сихъ поръ существуетъ и называется Всѣхсвятскимъ; и я въ немъ живу.

Что̀ касается мундировъ для дамъ, упоминаемыхъ г. Евреиновымъ, то я могу объ этомъ кое-что сообщить. Моя прабабушка была въ молодости demoiselle de compagnie у какой-то важной придворной да-

---

*) Церковь эта извѣстна болѣе по своему придѣлу «Похвалы Богородицы». *П. Б.*

мы, жившей въ Царскосельскомъ дворцѣ надъ самою спальною императрицы Екатерины, и потому разсказъ моей бабушки долженъ быть вѣренъ. Когда шальныя моды, вводимыя Маріей Антуанетою, достигли своего апогея, то многіе начали на нихъ ворчать. Дамскія прически требовали долгихъ часовъ, такъ что большая часть пожилыхъ дамъ брили или стригли себѣ коротко волосы и носили не хуже мужчинъ парики; платья же, служившія прежде дамамъ на всю ихъ жизнь, стали съ модою мѣнять фасонъ чуть не каждый день. Сначала дѣло было еще сносно. Вышла напр. мода на оранжевое платье съ черными оборками, что̀ называлось à la madame Malboroug; барыни пришили къ своимъ парадным платьямъ, которыя они носили еще со времени свадьбы, черныя оборки и называли это à la Malboroug, какого бы цвѣту платье ни было. Но скоро пришлось многимъ и недостаточнымъ барынямъ шить новыя платья. Тогда Екатерина, не носившая сама ничего подобнаго, попробовала властью задержать распространеніе роскоши: прически запрещено было дѣлать выше одной четверти. Великая княгиня Марія Ѳеодоровна, огромныя волосы которой славились, должна была ихъ подстричь, что̀ было ей разумѣется горько, и она даже плакала; потомъ было предписано ко двору являться въ форменныхъ платьяхъ, которыя должны были имѣть цвѣтъ губерніи, въ которой находится имѣніе (чиновники каждой губерніи имѣли кафтанъ и прикладъ особаго цвѣта), или по вѣдомству, въ которомъ мужъ служитъ. Но барыни тотчасъ умудрились нашить себѣ платьевъ по всѣмъ губерніямъ, въ которыхъ у нихъ были имѣнія, и всѣмъ вѣдомствамъ, въ которыхъ служили и числились мужья. Такимъ образомъ онѣ имѣли возможность пріѣзжать на каждый балъ въ новомъ платьѣ. Екатерина, будучи очень огорчена такимъ примѣненіемъ ея распоряженія, сказала, что она совсѣмъ не этого желала и отмѣнила формы, такъ что пришлось опять шить новыя платья.

Л. Даль.

1876 ГОДЪ. КНИГА ПЕРВАЯ.

Автобіографія **графа С. Р. Воронцова**. Опала **графа Н. П. Панина** при Павлѣ. Вѣсти изъ Россіи въ Англію (Письма **графа Ростопчина**. 1791—1796). Политическая автобіографія **князя Адама Чарторыжскаго**. Французы въ Москвѣ въ 1812 году. **Сочиненіе А. Н. Попова**. Выдержки изъ Старой Записной Книжки. Объ отмѣнѣ крѣпостнаго права, статья **А. С. Хомякова**. Письмо **князя П. А. Вяземскаго** объ Н. И. Тургеневѣ. Цѣна 2 рубля.

1876 ГОДЪ. КНИГА ВТОРАЯ.

Французы въ Москвѣ въ 1812 году, сочиненіе **А. Н. Попова**. Вѣсти изъ Россіи въ Англію въ царствованіе Павла Петровича (Письма **графа Ростопчина**. 1799 годъ). Выдержки изъ Старой Записной Книжки. — Записки Польскаго **епископа Буткевича** (Разговоры съ императоромъ Николаемъ и папою Піемъ IX). Жуковскій въ Парижѣ, статья **князя П. А. Вяземскаго**. Цѣна 3 рубля.

1876 ГОДЪ. КНИГА ТРЕТЬЯ.

Графъ Алексѣй Григорьевичъ Бобринскій, его переписка съ Екатериною II-ю. Вѣсти изъ Россіи въ Англію въ царствованіе Павла Петровича (Письма **графа Ростопчина** 1800 и 1801 года). Французское нашествіе: письма **И. М. Муравьева-Апостола**. Сборникъ стихотвореній **Пушкина**. Разсказы объ Ярославской старинѣ **Л. Н. Трефолева**. Записка **графа С. Р. Воронцова** о Русскомъ войскѣ. Цѣна 3 рубля.

Тамъ же можно получать четыре тома Осмнадцатаго Вѣка и два тома Девятнадцатаго Вѣка, по три рубля каждый.

Лица, желающія выписать 1873, 1874, 1875 и 1876 годы Русскаго Архива и томы Осмнадцатаго и Девятнадцатаго Вѣковъ за пересылку ничего не прилагаютъ.

ТАМЪ ЖЕ

(ПО ОДНОМУ РУБЛЮ, ПЕРЕСЫЛКА ЗА ОДИНЪ ФУНТЪ)

ИСТОРІЯ СЕРБІИ

ПО СЕРБСКИМЪ ИСТОЧНИКАМЪ,

сочиненіе профессора Ранке. Переводъ П. И. Бартенева.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

РУССКІЙ АРХИВЪ

ВЪ 1878 ГОДУ.

(ГОДЪ ШЕСТНАДЦАТЫЙ).

Цѣна годовому изданію Русскаго Архива 1878 года имѣющаго выходить, *по мѣрѣ отпечатанія,* двѣнадцатью тетрадями (изъ коихъ каждыя четыре тетради составятъ особую книгу, съ отдѣльнымъ счетомъ страницъ и азбучнымъ указателемъ) какъ въ Москвѣ и Петербургѣ, съ доставкою на домъ, такъ и съ пересылкою иногороднымъ подписчикамъ

ВОСЕМЬ РУБЛЕЙ.

Желающіе получать Русскій Архивъ въ 1878 году доставляютъ **восемь** рублей, съ приложеніемъ четко-написаннаго мѣста своего жительства, *въ Москву, на Никитскій бульваръ, въ домъ Дюгамеля, въ Контору Русскаго Архива.*

Кромѣ того, въ С.-Петербургѣ подписка на Русскій Архивъ принимается на Большой Морской, № 11, въ Главной Конторѣ газеты Русскій Міръ.

Отвѣтственность за исправную доставку принимается лишь въ томъ случаѣ, если подписка была сдѣлана въ вышеуказанныхъ мѣстахъ.

Заграничные подписчики платятъ въ Германію 10 рублей, въ Бельгію, Францію, Швейцарію и Италію 11 рублей.

За перемѣну адреса Московскаго на иногородній платится 64 копѣйки, иногородняго на Московскій—50 копѣекъ; Московскаго на Московскій или иногородняго на иногородній—10 копѣекъ.

Составитель и Издатель Русскаго Архива

Петръ Бартеневъ.

Русскій Архивъ будетъ выходить въ 1878 году на прежнихъ основаніяхъ.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1877. ИЗДАВАЕМЫЙ 12.

Петромъ Бартеневымъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

ПРИЛАГАЕТСЯ:

Роспись содержанію Русскаго Архива за первыя пятнадцать лѣтъ его изданія.

МОСКВА.
Типографія Лебедева, на Донской улицѣ, домъ Зоркиной.
1877.

Въ Конторѣ Русскаго Архива, въ Москвѣ, на Никитскомъ бульварѣ, въ домѣ Дюгамеля, можно получать оставшіеся экземпляры 1873—1876 годовъ Русскаго Архива

(Въ 1873 и 1874 годахъ Русскій Архивъ составлялъ по двѣ большія книги, а въ 1875 и 1876 годахъ по три).

1873 ГОДЪ. КНИГА ПЕРВАЯ.

Біографія князя Г. Г. Орлова. — Письма о Франціи, **князя Куракина**, 1810 г.—Письма **Жуковскаго** о воспитаніи Государя Императора Александра Николаевича. — Письмо **жениха-Пушкина** къ его тещѣ.—Политическія записки **Ѳ. И. Тютчева**.—Записки **графа П. Х. Граббе**.—Записки **Н. И. Греча**.—Записки **графа І. И. Ростовцева**.—Записки **И. П. Сахарова**.—Записки **И. А. Шестакова**. Цѣна 4 рубля.

1873 ГОДЪ. КНИГА ВТОРАЯ.

Записки **Фокерода** о Петрѣ Великомъ. — Бумаги **П. А. Демидова**.—Е. И. Нелидова. — Донесенія изъ Франціи **графа А. И. Маркова**.—Записки о 1812 годѣ, **П. А. Тучкова**.—Записки **Фотія**.—Записки **А. Я. Стороженки**.—Воспоминанія **графини А. Д. Блудовой**.—Россія и Германія, статья **Ѳ. И. Тютчева**. — Выдержки изъ Старой Записной Книжки. Цѣна 4 рубля.

*

1874 ГОДЪ. КНИГА ПЕРВАЯ.

Письма **В. А. Жуковскаго** къ Императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ о первой молодости Государя Императора Александра Николаевича.—Пятьдесятъ писемъ **А. С. Пушкина** къ князю П. А. Вяземскому съ новыми стихами А. С. Пушкина.—Записки **Мессельера** о пребываніи его въ Россіи съ Мая 1757 по Мартъ 1759.—Письма **лорда Мальмсбюри** о Россіи въ царствованіе Екатерины II-й.—Записки **князя Ѳедора Николаевича Голицына**.—Записки **Хршонщевскаго**.—Записки **Ильи Ѳедоровича Тимковскаго**. — Воспоминанія **графини А. Д. Блудовой**.—Уроки исторія, статьи **Д. И. Иловайскаго** (Мнимые охранители). Съ гравированнымъ портретомъ князя В. Ѳ. Одоевскаго. Цѣна 4 рубля.

1874 ГОДЪ. КНИГА ВТОРАЯ.

Письма **Д. В. Волкова** къ Г. Г. Орлову о Петрѣ Третьемъ. — Письмо **Императора Павла** къ С. А. Колычову и тайный наказъ о переговорахъ съ Бонапартомъ.—Два письма **графа Н. И. Панина** къ его супругѣ въ Москву о первыхъ недѣляхъ царствованія Александра Павловича.—Два письма изъ Лондона отъ **графа С. Р. Воронцова** къ графу Н. П. Панину и къ императору Александру.—Записки **Н. И. Лорера**.—Семь стихотвореній **С. А. Соболевскаго** — Ѳедоръ Ивановичъ Тютчевъ, статья **И. С. Аксакова**. Съ гравированнымъ портретомъ Тютчева. Цѣна 4 рубля.

*

1875 ГОДЪ. КНИГА ПЕРВАЯ.

Записки сенатора **Е. Ѳ. Фонъ-Брадке**.—Воспоминанія **графини Блудовой**.—Старая Записная Книжка.—Письма **императора Александра Павловича** къ князю Васильчикову. — Записки и бумаги **И. Б. Пестеля**. Цѣна 3 рубля.

1875 ГОДЪ. КНИГА ВТОРАЯ.

Сказаніе о Коліевщинѣ **М. А. Максимовича**.—Бумаги **князя Васильчикова**.—Старая Записная Книжка.—Москва въ 1812 году, сочиненіе **А. Н. Попова**. Цѣна 2 рубля.

1875 ГОДЪ. КНИГА ТРЕТЬЯ.

Москва въ 1812 году. Сочиненіе **А. Н. Попова**.—Записка **графа Ростопчина** о Мартинистахъ. — Первоначальное образованіе Петра Великаго.—Бумаги **Жуковскаго и князя Васильчикова**. Цѣна 3 рубля.

*

(См. на внутренней сторонѣ задней обертки)

Подписка на «РУССКІЙ АРХИВЪ» 1877 года продолжается. Цѣна за 12 книжекъ или тетрадей 8 рублей съ пересылкою. Подписавшіеся получаютъ всѣ вышедшія книжки начиная съ первой.

Открыта подписка на историческое изданіе

РУССКІЙ АРХИВЪ

1878 года.

(ШЕСТНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

«РУССКІЙ АРХИВЪ» въ 1878 году останется вѣренъ тѣмъ основаніямъ, на которыхъ онъ издавался въ теченіи первыхъ пятнадцати лѣтъ своего существованія. Онъ посвященъ всестороннему изученію протекшихъ судебъ нашего Отечества, во всѣхъ отношеніяхъ и подробностяхъ, но преимущественно въ XVIII и XIX столѣтіяхъ.

Государственные документы, бумаги главныхъ дѣятелей Русской общественной и умственной жизни, доселѣ неизвѣстныя произведенія нашей словесности, памятныя записки, біографіи, путешествія, частныя письма, содержащія въ себѣ общелюбопытныя черты времени, біографическія и библіографическія замѣтки — вотъ главное содержаніе «РУССКАГО АРХИВА». Издатель ласкаетъ себя мыслію, что какъ ни скроменъ трудъ его, но подобнаго рода изученіе содѣйствуетъ разрѣшенію главной задачи нынѣшняго великаго царствованія,—народному самосознанію. «Познай самого себя», это основное правило вѣковѣчной мудрости, завѣщанное человѣчеству еще людьми классической древности—было и останется знаменемъ «РУССКАГО АРХИВА», и издатель не пощадитъ себя, чтобы оставаться вѣрнымъ этому знамени.

«РУССКІЙ АРХИВЪ» начался въ 1863 году, во время Польскаго мятежа, когда съ особенною силою пробудилось въ Россіи народное чувство. Какъ въ отдѣльномъ лицѣ, такъ и въ цѣломъ государствѣ, стремленіе познать самого себя (и не только въ настоящемъ, но и въ прошедшемъ быту своемъ) обыкновенно наступаетъ послѣ внѣшнихъ потрясеній: такъ Исторія Карамзина появилась вслѣдъ за громами великихъ войнъ 1805—1815 годовъ. Мы убѣждены, что подобно тому и великія событія настоящихъ дней

еще более обратятъ Русское общество къ всестороннему самоизученію и послужатъ къ новому преуспѣянію нашего Отечества.

*

Въ теченіи пятнадцати лѣтъ, въ «РУССКОМЪ АРХИВѢ» напечатано столько историческихъ бумагъ, что наступила пора разобраться въ нихъ, доставивъ читателю возможность обозрѣть все содержаніе нашего сборника за этотъ періодъ времени и безъ труда находить въ немъ что понадобится. Съ этою цѣлью печатается подробная предметная роспись «РУССКАГО АРХИВА» за первыя пятнадцать лѣтъ его изданія, которая и будетъ разослана вмѣстѣ съ 12-ю тетрадью нынѣшняго года.

*

Годовое изданіе «РУССКАГО АРХИВА» въ 1878 году будетъ состоять изъ двѣнадцати книжекъ или тетрадей, которыя появятся въ свѣтъ по мѣрѣ отпечатанія.

Цѣна «РУССКАГО АРХИВА» въ 1878 году останется прежняя, т. е.

ВОСЕМЬ РУБЛЕЙ,

включая въ то число доставку на домъ и пересылку въ города.

Подписка принимается:

въ Москвѣ: на Никитскомъ бульварѣ, въ домѣ Дюгамеля, въ Главной Конторѣ «РУССКАГО АРХИВА»

въ С.-Петербургѣ: на Большой Морской, въ домѣ № 11, при Главной Конторѣ «РУССКАГО МІРА».

Отвѣтственность за исправную доставку принимается лишь въ томъ случаѣ, если подписка была сдѣлана въ вышеуказанныхъ мѣстахъ.

Заграничные подписчики платятъ въ Германію 10 рублей, въ Бельгію, Францію, Швейцарію и Италію 12 рублей.

Письмо Александра Яковлевича Протасова къ великому князю Александру Павловичу, отъ 12 Декабря 1790 г. *).

Любезнѣйшій великій князь!

Богу благодареніе, вы достигли до 13-ти лѣтъ! Всесильной Его десницѣ угодно было наградить васъ многими дарованіями, которыя употребя въ пользу, сдѣлаетесь отличнымъ; оставя же въ недѣйствіи, будете только посредственнымъ. Вотъ истина, которую желая предложить вамъ въ нѣкоторомъ пространствѣ, за долгъ почитаю съ обыкновенною моею откровенностію въ слѣдующемъ объяснить.

Извольте быть однажды навсегда увѣрены, что люди и вашего состоянія въ свѣтѣ немного значатъ, когда они остаются съ посредственными только качествами. Чѣмъ больше вы отъ Творца получили, тѣмъ сугубѣе и отъ васъ требуется. Несправедливо будетъ отъ частнаго человѣка ожидать тѣхъ же посилій, какихъ отъ того, который родился выше. Но одно рожденіе, безъ отличныхъ достоинствъ, ни славы, ни похвалъ не приноситъ; тотъ же, который и способностями одаренъ, можетъ ли уже чѣмъ извиниться? Загляните въ исторію: тамъ о частныхъ людяхъ, не употребившихся въ важныя должности и не отличившихся знаменитыми дѣлами, ни слова нѣтъ; а говорится о знаменитыхъ. Въ вашемъ положеніи болѣе нужно заслужить доброе имя, нежели въ обыкновенномъ. Надобно начать быть честнымъ человѣкомъ, а потомъ добродѣтельнымъ; первымъ вы уже есть, а послѣднимъ всеконечно быть желаете. Но не думайте, чтобъ получить сіе имя въ самомъ существѣ не надобно было о томъ трудиться: ничто само собою не приходитъ, и Богъ не всегда дѣлаетъ чудеса. Подъ именемъ добродѣтельнаго я разумѣю истиннаго христіанина, вѣрнаго подданнаго, добраго сына, хорошаго брата, искренняго друга и прочее. Къ достиженію же сихъ качествъ во всей полности надлежитъ вамъ употребить все ваше вниманіе; не извольте думать, что рано о томъ помышлять. Бывали люди вашего состоянія, которые въ ваши лѣты нѣчто уже въ свѣтѣ значили. Не надлежитъ оскорбляться, когда подвигнутыми ревностію къ общему добру и къ вашему говорится вамъ истина съ нѣкоторою колкостію: разобравъ источникъ и намѣреніе, почувствуете, что сіе дѣлается не

*) Читателямъ извѣстно, что А. Я. Протасовъ былъ однимъ изъ наставниковъ Государя Александра Павловича. *П. Б.*

отъ дурнаго сердца и не для того, чтобъ васъ огорчать, а единственно въ пользу вашу. Возьмите себѣ въ примѣръ человѣка, утопающаго въ весельяхъ, въ праздности и въ исполненіи всѣхъ своихъ желаній; а напротивъ другаго, трудившагося безпрестанно, лишавшаго себя покоя и многихъ удовольствій единственно для того, чтобъ сдѣлаться полезнымъ Отечеству: которымъ изъ нихъ вы быть хотите, мнѣ спрашивать нечего. Я не распространяюсь, любезнѣйшій великій князь, о томъ душевномъ удовольствіи, которое одно паче всего награждаетъ, когда самъ чувствуешь, что дѣлаешь хорошо. Отъ васъ еще и не потребуется той жертвы, чтобъ вы лишали себя невинныхъ забавъ и утѣшеніевъ; но не нужно ли въ праздные часы употребить нѣсколько времени и на бесѣду о полезномъ, на похвальное любопытство узнавать о вещахъ, т. е. имѣть терпѣніе слушать разговоры, заслуживающіе вниманія, замѣчать все достойное любопытства, при каждомъ недоразумѣніи и сомнительствѣ спрашивать у окружающихъ васъ, доискиваться до истинной цѣли вещей и полагать себѣ правила—что̀ пріобрѣтать и чего остерегаться? Я разумѣю слушать не одни только обыкновенные разговоры, но и пересказываемое изъ книгъ и видимое въ общежительствѣ. Безъ сего любопытнаго изслѣдованія о вещахъ никогда не дойдете до истины, и часто будете неправильно толковать самыя наилучшія дѣла. Какъ вашему высочеству предстоятъ два великіе пути—справедливости и любви къ ближнему, то и надлежитъ паче всего стараться во всякомъ случаѣ извинять погрѣшности другихъ и строгу быть къ собственнымъ своимъ и совершенно увѣриться, что одно въ оныхъ признаніе есть уже большой шагъ къ исправленію: это одинъ есть способъ сближаться съ добродѣтелью. Праздность, лѣность и равнодушіе ко всему, съ самымъ добрымъ сердцемъ дѣлаютъ человѣка ненавистнымъ; похвальное жъ любочестіе даже изъ лѣниваго и малодушнаго преобращаетъ въ дѣятельнаго и твердаго. Довольно я вамъ внушалъ разницу между честолюбія и гордости, соревнованія и зависти; однѣ ведутъ къ славѣ, а другія — къ низкости. Учтивость есть, по моему соображенію, предшественница добродѣтели, и для того не должно полагать, чтобъ въ короткости и частомъ обращеніи оная была не нужна; поелику въ благовоспитанномъ человѣкѣ она должна быть такова, какъ-бы съ нимъ рожденная; всякая же привычка—вторая натура, слѣдовательно и не должно дурную питать; медленность же и прилѣпленіе къ мелочамъ не сдѣлаютъ никогда человѣка отличнымъ, а лишняя тонкость, шпынство и насмѣшка нечувствительно отводятъ отъ честности. Вы рождены къ общественнымъ должностямъ, а потому и обязаны стараться болѣе другихъ украсить себя добродѣтельми. Вопервыхъ начните исправлять ваши недостатки и привычки частыми надъ собою примѣчаніями, потомъ питайте благородную свою душу похвальнымъ любочестіемъ, безпредѣльною благодарностію къ вашимъ кровнымъ, любовію къ человѣческому роду, т. е. состраданіемъ, снисхожденіемъ, попеченіемъ о ближнемъ и тому подобнымъ. Предъ очами вашими предстоятъ ощутительные примѣры августѣйшей вашей прародительницы и высокихъ вашихъ родителей.

Утѣшьте ихъ и всѣхъ ожидающихъ плодовъ отъ вашего воспитанія.

Въ полной надеждѣ видѣть успѣхи таковыхъ моихъ желаній, съ чистосердечною приверженностію, нѣжною дружбою и достодолжнымъ почтеніемъ навсегда пребываю вашего высочества всеусерднѣйшій слуга

Александръ Протасовъ.

Императоръ Александръ Павловичъ въ Финляндіи.

Никто изъ Русскихъ государей не совершалъ такихъ дальнихъ и продолжительныхъ путешествій, какъ императоръ Александръ Павловичъ. Переѣзды Петра Великаго, вынуждаемые войнами (въ которыхъ каждый разъ онъ принималъ личное участіе), общимъ преобразованіемъ государства и ненасытнымъ желаніемъ все видѣть и все дѣлать самому, были чаще, но не обнимали собою столь обширнаго пространства, какъ путешествія Александра Павловича. Съ Декабря мѣсяца 1812 года по кончину свою Государь провелъ большую половину жизни въ коляскѣ. Исчислено, что онъ сдѣлалъ свыше двухсотъ тысячъ верстъ по тогдашнимъ непроѣзднымъ Русскимъ дорогамъ. (Петербургъ съ Москвою соединился каменнымъ полотномъ уже при Николаѣ Павловичѣ). Разумѣется, всегда находились поводы къ этимъ путешествіямъ; но главный поводъ лежалъ въ душѣ Государя, который съ молодыхъ лѣтъ чуждался пышности и любилъ жить въ самой простой обстановкѣ. Петербургъ и дворская представительная жизнь въ особенности опостылѣли ему по возвращеніи изъ трехлѣтняго заграничнаго пребыванія (1812—1815). Къ той эпохѣ его жизни примѣняются извѣстные стихи:

Имъ овладѣло безпокойство,
Охота къ перемѣнѣ мѣстъ,
Весьма мучительное свойство,
Немногихъ добровольный крестъ.

Даже въ недолгіе сроки своихъ возвращеній онъ уединялся въ Царское Село, къ прекраснымъ просѣкамъ тамошняго парка, въ зеленый кабинетъ свой, какъ называлъ онъ одну изъ любимыхъ Царскосельскихъ аллей, въ которыхъ бесѣдовалъ съ Карамзинымъ. Обманутый въ дружбѣ къ Чарторижскому, въ довѣренности къ Сперанскому, не удовлетворенный во множествѣ благихъ начинаній, бездѣтный Государь искалъ себѣ отрады въ далекихъ странствованіяхъ, въ смѣнѣ впечатлѣній; въ Петербургѣ же какая-то «змѣя воспоминаній» грызла его высокую, чувствительную душу. Въ 1819 году ко многимъ душевнымъ скорбямъ его присоединилась грусть по любимой сестрѣ королевѣ Екатеринѣ Павловнѣ († 29 Дек. 1818); извѣстія изъ Варшавы, гдѣ Поляки, получивъ конституцію, не замедлили злоупотребить ею и образомъ своихъ дѣйствій продолжали раздражать Россію и ея Государя, были въ этомъ году нерадостныя, и Александръ, чтобы разсѣяться, предпринялъ поѣздку въ Архангельскъ и къ Финскимъ своимъ подданнымъ. Путешествіе это началось 23-го Іюля и окончилось 3-го Сентября, а чрезъ два дня Государь уже отправился

въ Польшу. «Государя видѣлъ я въ саду», писалъ Карамзинъ И. И. Дмитріеву 12-го Сентября 1819 г. изъ Варшавы, «онъ доволенъ своимъ путешествіемъ».

Часть этого Финляндскаго путешествія описана въ отдѣльномъ изданіи, которое, ради рѣдкости своей, здѣсь перепечатывается по экземпляру, сообщенному въ «Русскій Архивъ» изъ Гельсингфорса достопочтеннымъ составителемъ Русско-Шведскаго словаря, Биргеромъ Ярловичемъ Лундалемъ. Изданіе это, изъ 25 страницъ, въ продольный листъ большаго размѣра и напечатано на Русскомъ, Шведскомъ, Нѣмецкомъ и Французскомъ языкахъ, подъ слѣдующимъ заглавіемъ: «Описаніе путешествія Государя Императора Александра I, изъ станціи Ниссиле въ городъ Каяну, во время послѣдняго вояжа Его Величества въ великое княжество Финляндское, лѣтомъ 1819 года. Изданное съ высочайшаго соизволенія Севастьяномъ Грипенбергомъ, капитаномъ Главнаго Штаба Финляндскихъ войскъ, состоящимъ при начальникѣ Главнаго Штаба Его Императорскаго Величества, Спб., въ тип. Главнаго Штаба, 1828 г.» При томъ находится шесть литографическихъ рисунковъ. (Сколько намъ извѣстно, г-нъ Грипенбергъ предсѣдательствовалъ на первомъ Финляндскомъ сеймѣ нынѣшняго царствованія). Государь ѣздилъ изъ Каяны до самыхъ дальнихъ предѣловъ Финляндіи, до Торнео, и возвращался берегомъ Ботническаго залива, испытывая на пути всевозможныя лишенія. *П. Б.*

Описаніе путешествія Государя Императора Александра Перваго изъ станціи Ниссиле въ городъ Каяну.

Лѣтомъ 1819 года.

НѢКОТОРЫЯ СТАТИСТИЧЕСКІЯ И ИСТОРИЧЕСКІЯ СВѢДѢНІЯ О ГОРОДѢ КАЯНѢ И ДРЕВНЕМЪ ЗАМКѢ КАЯНАБОРГѢ.

Незначительный городъ Каяна находится Улеоборгской губерніи, въ Каянскомъ уѣздѣ, разстояніемъ около 160 верстъ отъ губернскаго города Улеоборга. Въ ономъ считается 370 жителей.

Городъ сей основанъ въ 1651 году королевскимъ Шведскимъ канцлеромъ и тогдашнимъ Финляндскимъ генералъ-губернаторомъ графомъ Браге, которому королева Христина пожаловала область Каяну, подъ именемъ баронства [1]). Городъ простирается въ длину на 839, а въ ширину на 720 Шведскихъ локтей. Строенія въ немъ вообще дурны, и промышленность въ худомъ состояніи. Неоднократныя разоренія сего города, во время войны между Россіею съ Швеціею, препятствовали ему возвыситься и процвѣсть. Хлѣбопашество и скотоводство въ новѣйшія времена составляютъ главное средство къ продовольствію жителей.

На маленькомъ островкѣ, длиною во 100, а шириною въ 50 локтей, лежащемъ на рѣчкѣ Койвукоски, на берегу которой выстроенъ и городъ Каяна, находятся еще развалины древняго замка Каянаборга.

---

[1]) Область сія издревле называлась *Кайноа* или *Кайну-гунмаа*, т. е. земля невинныхъ

Первыя основанія онаго положены въ 1607 году, въ царствованіе Карла IX, по совѣту крестьянина Клементія Эриксона, прославившагося военными своими подвигами; но окончаніе сего строенія воспослѣдовало спустя 50 лѣтъ. Цѣль сего укрѣпленія, вѣроятно, была та, чтобы остановить частыя нашествія на сію отдаленную страну Россійскихъ войскъ, во время военныхъ дѣйствій, происходившихъ между Россіею и Швеціею; однакожъ цѣль сія не была достигнута, частію потому, что средства къ защищенію были недостаточны (хотя впрочемъ укрѣпленіе снабжено было сводами, чрезъ кои непріятельскія бомбы не могли причинить никакого вреда); частію же потому, что замокъ можно было окружить незначительнымъ числомъ непріятелей, и слабый гарнизонъ, находившійся въ ономъ, легко можно было въ короткое время принудить къ сдачѣ голодомъ. Подробная исторія сего замка конечно была достойна особенно вниманія; но какъ оная не касается цѣли сего изданія, то достаточно будетъ присовокуплять, что оный въ Февралѣ мѣсяцѣ 1716 года, во время несчастной войны Карла XII съ Россіею, взятъ былъ Россійскимъ генераломъ Щекинымъ, который, имѣя осадную артиллерію и довольно значительное число войска, принудилъ коменданта подполковника Мейермана, послѣ упорнаго сопротивленія, въ теченіи пяти недѣль, и когда сей послѣдній потерялъ уже всю надежду получить подкрѣпленіе и не имѣлъ притомъ никакихъ жизненныхъ припасовъ, сдаться на капитуляцію со всѣмъ гарнизономъ, состоявшимъ изъ 50-ти человѣкъ. Изъ оставленнаго Шведами пороха употреблено было Русскими 7 бочекъ на разрушеніе замка, отъ котораго нынѣ остаются однѣ только достопамятныя развалины [2]).

Незабвенный благодѣтель Финляндіи, Александръ Благословенный, зналъ, что городъ Каяна по военнымъ происшествіямъ, которыхъ онъ былъ позорищемъ, занимаетъ непослѣднее мѣсто въ исторіи бѣдствій Финляндіи; ибо, за нѣсколько еще лѣтъ до своего туда отправленія, сей человѣколюбивый Монархъ имѣлъ уже намѣреніе осмотрѣть сію страну, гдѣ война въ прежнія времена производила столь жестокія разоренія; и должно полагать, что сей августѣйшій другъ человѣчества, осчастлививъ присутствіемъ своимъ нынѣшнее поколѣніе сего края, хотѣлъ изгладить изъ памяти онаго и послѣдніе слѣды тѣхъ воспоминаній, которыя предки оставили ему о бѣдствіяхъ и страданіяхъ, ими претерпѣнныхъ. Тамъ, какъ и въ прочихъ мѣстахъ, онъ легко привлекъ къ себѣ сердца всѣхъ. Вездѣ, гдѣ покойный Императоръ проѣзжалъ, Его Величество пріобрѣталъ до такой степени любовь народа всѣхъ состояній, что еще и понынѣ, даже крестьяне, воспоминаютъ о семъ августѣйшемъ благодѣтелѣ своего отечества съ тѣми чувствами любви и восхищенія, коими они тогда были одушевлены.

---

[2]) Свѣдѣнія сіи взяты изъ историческихъ записокъ, хранящихся въ Каянѣ.

О ПРИГОТОВЛЕНІЯХЪ КЪ ОТЪѢЗДУ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА ИЗЪ СТАНЦІИ НИССИЛЕ ВЪ КАЯНУ.

Когда Императоръ, во время путешествія своего по Финляндіи въ 1819 году, вознамѣрился посѣтить городъ Каяну, нужно было принять надлежащія мѣры для облегченія Его Величеству, сколько возможно, сего пути, въ которомъ проѣзжающіе всегда встрѣчаютъ многія затрудненія, а иногда даже и опасности. На сей конецъ, его сіятельство г. начальникъ Главнаго Штаба Его Императорскаго Величества, генералъ-адъютантъ князь Петръ Михайловичъ Волконскій, согласно съ г. статсъ-секретаремъ Финляндскихъ дѣлъ барономъ Ребиндеромъ, рѣшился отправить въ Каяну нарочнаго, поручивъ ему сдѣлать на мѣстѣ нужныя распоряженія, для споспѣшествованія исполненію намѣреній Его Величества. Сія лестная обязанность возложена была на меня. Находясь въ 1813-мъ году при рекогносцировкѣ Каяны, я зналъ всѣ затрудненія, съ коими сопряженъ будетъ проѣздъ Его Величества, а въ особенности переправа водою слишкомъ 50 верстъ черезъ большое озеро Улео, для чего въ окрестностяхъ Каяны нельзя достать другихъ лодокъ, кромѣ тѣхъ, на коихъ тамошніе крестьяне возятъ въ Улеоборгъ смолу, и кои для переѣзда Его Величества были вовсе неспособны. Объяснивъ сіи неудобства, я долгомъ поставилъ представить, что можно было бы привести двѣ шлюбки изъ Улеоборга, отстоящаго во 111¼ верстахъ отъ означеннаго озера. Представленіе мое было одобрено, и я тотчасъ отправился въ Улеоборгъ, имѣя инструкцію его сіятельства князя Волконскаго и нужныя предписанія г. барона Ребиндера къ мѣстному начальству, къ коему я, въ случаѣ надобности, могъ относиться. По пріѣздѣ моемъ въ означенный городъ, отнесся я къ исправлявшему тогда должность гражданскаго губернатора, г-ну подполковнику фонъ Борну, который немедленно доставилъ въ мое распоряженіе двѣ шлюбки, съ 24-мя матросами. Тѣ и другіе отправлены были изъ Улеоборга въ Каяну сухимъ путемъ, подъ начальствомъ капитана купеческаго корабля г-на И. Юнеліуса. Шлюбки были привезены на роспускахъ, нарочно для сего сдѣланныхъ. Я же отправился впередъ въ Каяну, для построенія пристани, а потомъ въ Хапаланкангасъ, гдѣ Его Величеству должно было сѣсть на шлюбку [3]).

ОБЪ ОТЪѢЗДѢ ИМПЕРАТОРА ВЪ КАЯНУ.

Его Величество отправился 23-го Іюля изъ Царскаго Села въ Архангельскъ, а оттуда въ Финляндію, въ сопровожденіи его сіятельства князя Петра Михайловича Волконскаго, лейбъ-медика баронета Вилліе и нѣкоторыхъ особъ, составлявшихъ свиту Его Величества. Государь Императоръ изволилъ переѣхать черезъ границу Финляндіи

[3]) Хапаланкангасъ—маленькое незначительное крестьянское поселеніе, расположенное на берегу рѣчки Вуоліоки, впадающей въ озеро Улео, разстояніемъ въ 5-ти верстахъ отъ поселенія.

при Сальмисѣ, Выборгской губерніи; отправился въ Сердоболь, удостоилъ своимъ посѣщеніемъ Валаамскій монастырь и проѣхалъ 13 (25) Августа въ городъ Куопіо, гдѣ статсъ-секретарь баронъ Ребиндеръ, по Высочайшему повелѣнію, ожидалъ Его Величество. 15 (27) Августа въ 7 часовъ вечера, Государь Императоръ изволилъ пріѣхать на станцію Ниссиле [4]).

Дожидаясь съ г. Юнеліусомъ въ Хапаланкангасѣ пріѣзда Его Величества, который по предварительному маршруту долженъ былъ воспослѣдовать 14 (26) Августа, получилъ я 15 (27) вечеромъ повелѣніе тотчасъ отправиться въ Ниссиле. Пріѣхавши туда, явился я къ князю П. М. Волконскому, который спросилъ меня: Все ли готово къ переѣзду Его Величества въ Каяну?

На мой утвердительный отвѣтъ его сіятельство приказалъ мнѣ немедленно возвратиться въ Хапаланкангасъ, присовокупивъ къ тому, что Государь Императоръ намѣренъ на другой день обѣдать тамъ въ 7 часовъ утра. Я доложилъ князю, что тамъ нѣтъ ни одной комнаты къ тому удобной; но его сіятельство отвѣчалъ, что такъ угодно Государю Императору, и что Его Величество желаетъ того же самаго дня возвратиться въ Ниссиле. Впрочемъ его сіятельство предоставилъ мнѣ распорядиться въ семъ случаѣ, сообразно мѣсту и обстоятельствамъ. Уѣхавъ изъ Ниссиле въ 12-мъ часу ночи, я не могъ пріѣхать въ Хапаланкангасъ ранѣе 3-хъ часовъ утра на другой день. Метръ-дотель Его Величества г. Миллеръ пріѣхалъ съ дорожною кухнею въ 4-ре часа. Я находился въ большомъ затрудненіи: во всемъ жилищѣ была только одна курная изба, отъ дыму совсѣмъ закоптѣвшая, да и та была необходима метръ-дотелю для кухни. Сперва думалъ было я построить бесѣдку; но къ тому не имѣлъ времени и способовъ, а притомъ опасался дождя. Я совѣтовался о моемъ затрудненіи съ г. Миллеромъ, и онъ согласился со мной, что оставалось одно средство: очистить находившуюся при жилищѣ конюшню, которая была почти новая и изъ нея сдѣлать столовую, не смотря впрочемъ на неудобства во всѣхъ отношеніяхъ. Вышина конюшни отъ полу до потолка состояла изъ 4-хъ Шведскихъ локтей, ширина изъ 8-ми, а пространство между дверью и стойлами изъ 3-хъ локтей. Свѣтъ проходилъ въ нее сквозь одну дверь, вышиною въ $2^1/_2$, а шириной въ $1^1/_4$ локтя. ($1^1/_6$ Шведскаго локтя равны одному аршину Россійской мѣры).

Очистивъ хорошо конюшню, убралъ я внутренность оной и всѣ стойла свѣжими березками, кои распространили довольно пріятный запахъ. Изъ ближайшаго поселенія принесли столъ, а вмѣсто стульевъ, коихъ совсѣмъ не было, я велѣлъ на-скоро сдѣлать скамейку, которую покрылъ краснымъ сукномъ, взявъ оное изъ шлюбки, приго-

---

[4]) Станція Ниссиле лежитъ въ Иденсальмскомъ кирхшпилѣ Куопіоской губерніи, по большой дорогѣ изъ Куопіо въ Улеоборгъ. Отъ сей станціи идетъ дорога въ Каяну. Разстояніе между Ниссиле и Каяною составляетъ $82^1/_2$ версты, изъ коихъ 30 сухимъ путемъ до Хапаланкангаса, а оттуда $52^1/_2$ версты озеромъ до Каяны.

товленной для Его Величества. Между тѣмъ г. Миллеръ приказалъ развести огонь и началъ приготовлять обѣдъ, среди дыму, наполнявшаго всю избу.

Государь Императоръ, сопровождаемый княземъ Волконскимъ, лейбъ-медикомъ баронетомъ Вилліе и свиты Его Величества по квартирмейстерской части прапорщикомъ Мартинау, изволилъ пріѣхать въ Хапаланкангасъ ровно въ 7 часовъ утра. (Статсъ-секретарь баронъ Ребиндеръ поѣхалъ, по высочайшему повелѣнію, прямо изъ Ниссиле въ Улеоборгъ). Когда Государь Императоръ сошелъ съ дорожныхъ своихъ дрожекъ, князь Волконскій представилъ меня Его Величеству, и Государь, подошедши ко мнѣ, дозволилъ мнѣ тогда же представить себѣ и г. Юнеліуса. Поговоривъ съ нимъ поанглійски, Его Величество обратился къ матросамъ и поклонился весьма благосклонно какъ имъ, такъ и собравшемуся тамъ народу. У воротъ, чрезъ которые Его Величеству надлежало проходить на дворъ, стоялъ крестьянинъ Генрикъ Тервоненъ, находившійся въ 1809-мъ году депутатомъ на сеймѣ въ городѣ Борго и имѣвшій медаль, пожалованную ему по сему случаю. Государь Императоръ тотчасъ замѣтилъ сего крестьянина, остановился, поклонился ему и подозвалъ меня къ себѣ для объясненія на Финскомъ языкѣ. Государь Императоръ изволилъ сказать: «Знаете ли, Грипенбергъ, что этотъ человѣкъ мой старый знакомый? Мы видѣлись на сеймѣ въ Борго въ 1809-мъ году». Потомъ Его Величество, потрепавъ крестьянина по плечу, сказалъ мнѣ: «Скажите ему, что мнѣ очень пріятно возобновить съ нимъ знакомство». Крестьянинъ, удивленный и тронутый снисхожденіемъ Его Величества, выразилъ просто, но чистосердечно, радость, которою преисполнила его милость Государя, удостоившаго своимъ посѣщеніемъ жителей столь удаленнаго края. Его Величество также изволилъ приказать мнѣ спросить у крестьянина, женатъ ли онъ, сколько имѣетъ дѣтей и счастливъ ли въ своемъ земледѣльческомъ состояніи. На сіи вопросы крестьянинъ отвѣчалъ подробно и удовлетворительно, послѣ чего Государь Императоръ взялъ его за руку и простился съ нимъ. Оставивъ крестьянина, Его Величество изволилъ подойти къ избушкѣ и спросилъ, гдѣ находится его метръ-дотель Миллеръ? Послѣ отвѣта моего, что г. Миллеръ въ избушкѣ приготовляетъ обѣдъ, Государь изволилъ подойти къ самой избушкѣ, но не могъ въ нее войти по причинѣ выходившаго оттуда сильнаго дыма. Не имѣя возможности видѣть г. Миллера сквозь дымъ, Его Величество узналъ его по голосу, поздоровался съ нимъ и потомъ спросилъ шуточнымъ тономъ: «Гдѣ жъ моя столовая?» На что г. Миллеръ отвѣчалъ: «Ваше Величество, для перемѣны въ конюшнѣ!» Сія мысль показалась Государю очень забавною, и Его Величество сказалъ: «Все равно, лишь бы намъ было что покушать». Потомъ Государь изволилъ осматривать столовую, которую дѣйствительно нашелъ очень забавною.

Когда Государь Императоръ хотѣлъ садиться за столъ, князь Волконскій сказалъ мнѣ, что Его Величеству благоугодно и меня пригласить къ столу. Въ $^3/_4$ 8-го часа подали обѣдъ. Государь Импера-

торъ сѣлъ на правомъ концѣ стола; подлѣ Его Величества князь Волконскій, потомъ я, баронетъ Вилліе и прапорщикъ Мартинау. Во время обѣда, продолжавшагося около 20 минутъ, Его Величество былъ очень веселъ. Между прочимъ помню слѣдующее. На проѣздѣ Государя Императора чрезъ Карелію, Его Величество получилъ въ подарокъ небольшую стеклянную баночку брусничнаго желе. Его Величество, сперва покушавъ немного самъ сего варенья, попотчивалъ онымъ князя Волконскаго, а потомъ изволилъ поставить баночку предо мною и съ свойственнымъ ему благосклоннымъ и снисходительнымъ видомъ сказалъ мнѣ: «Грипенбергъ, вы должны сего отвѣдать, это очень вкусно; но не берите много, потому что я хочу сколько можно долѣе его поберечь; мнѣ подарила это пасторша въ Тохмаервѣ». Государь Императоръ изволилъ также отозваться, что онъ тотъ край до Иденсальма находилъ столь пріятнымъ, что можно назвать его Сѣверною Италіею; но что оттуда далѣе было довольно пусто. Его Величество равномѣрно распрашивалъ о ближайшихъ окрестностяхъ, о городѣ Каянѣ и его жителяхъ. Сіе подало мнѣ случай доложить Государю Императору, что для Его Величества приготовлена въ Каянѣ квартира у пастора г. Аппельгрена.

Въ это самое время г. Миллеръ подалъ къ десерту два ананаса; но Государь Императоръ съ пріятнѣйшею улыбкою замѣтилъ, что обѣдать въ 7 часовъ утра въ окрестностяхъ Каяны, въ конюшнѣ, и притомъ имѣть въ десертѣ ананасы, была бы слишкомъ большая противоположность; почему Его Величество изволилъ приказать князю Волконскому спрятать сіи рѣдкіе плоды, ибо Его Величеству угодно было взять ихъ съ собою въ Каяну и подарить хозяйкѣ своей госпожѣ Аппельгренъ.

Государь Императоръ сѣлъ на шлюбку въ половинѣ 9-го часа и изволилъ приказать сѣсть тутъ же: князю Волконскому, баронету Вилліе, прапорщику Мартинау, мнѣ, камердинеру своему Т. Өедорову и казачьему хорунжему Овчарову. Проѣхавши по рѣчкѣ Вуоліиоки 5 верстъ на веслахъ, мы достигли ея устья и вошли въ озеро Улео. Капитанъ Юнеліусъ доложилъ Государю Императору, что шлюбка была слишкомъ нагружена для плаванія противъ сильнаго вѣтра, котораго онъ опасался; Его Величество изволилъ приказать прапорщику Мартинау, камердинеру Өедорову и хорунжему Овчарову пересѣсть на маленькую шлюбку. Какъ мы имѣли попутный вѣтеръ, то въ устьѣ рѣки, откуда мы пустились полными парусами, нельзя было примѣтить дѣйствія сильной бури; но чѣмъ далѣе пускались мы въ озеро, тѣмъ сильнѣе становились волны, и опасность очевиднѣе. Не смотря на всевозможное искусство, которое оказалъ въ семъ важномъ случаѣ капитанъ Юнеліусъ, никакъ нельзя было воспрепятствовать водѣ наливаться въ шлюбку. Буря была сильнѣйшая, и волны подымались часто около шлюбки такъ высоко, что мы ничего не могли видѣть кромѣ неба и пѣны. Два матроса безпрерывно заняты были отливаніемъ воды, которою сильное волненіе ежеминутно наполняло шлюбку и отъ которой Государь Императоръ и всѣ мы совершенно промокли. Въ продолженіе сего опаснаго плаванія на лицѣ Госу-

даря Императора изображалось спокойствіе и важность. Его Величество спросилъ у капитана поанглійски: «не опасно ли»? На что сей отвѣчалъ, что нѣтъ никакой опасности. Однакожъ капитанъ вдругъ пришелъ было въ большое затрудненіе, когда сильнымъ шкваломъ сломало ручку у руля. Мы непремѣнно погибли бы отъ сего приключенія, если бы г. Юнеліусъ не приготовился къ тому заблаговременно, запасшись другою ручкою, которую онъ, съ обыкновеннымъ своимъ присутствіемъ духа, успѣлъ надѣть на мѣсто сломанной. Наконецъ, по двухъ-часовомъ плаваніи, вошли мы въ тихую воду, при пасторскомъ помѣстьѣ Пальдамскаго кирхшпиля, гдѣ начинается проливъ, ведущій въ Каяну.

Въ 12 часовъ пріѣхали мы къ пристани, нарочно для сего устроенной при водопадѣ Эмме, на сѣверной сторонѣ рѣчки Койвукоски. Вступленіе Государя Императора на берегъ представляло самое разительное зрѣлище. Вдали видны были развалины древняго замка Каянаборга, возвышавшіяся надъ величественнымъ водопадомъ, коего шумъ увеличивалъ впечатлѣніе, произведенное красотами мѣстоположенія и торжественностію случая. Высоты, окружающія пристань, покрыты были множествомъ народа, стекшагося изъ окрестныхъ деревень, чтобы насладиться лицезрѣніемъ возлюбленнаго своего Монарха. На самой пристани, съ одной стороны стояли граждане города съ своимъ бургомистромъ, г-номъ Фландеромъ, а съ другой мѣстное духовенство, предводимое пробстомъ Эймелеусомъ, пасторомъ Пальдамскимъ. Въ ту самую минуту, когда Государь Императоръ вступилъ на пристань, вѣрные подданные встрѣтили Его Величество громкими восклицаніями. Бургомистръ привѣтствовалъ Государя Императора краткою рѣчью на Шведскомъ языкѣ, которую я переводилъ на Французскій языкъ, и на которую Его Величество отвѣчалъ весьма благосклонно. Потомъ, обратясь ко всѣмъ окружающимъ, Государь произнесъ съ чувствомъ: «Я не могъ представить вамъ убѣдительнѣйшаго доказательства моей любви и благоволенія къ вамъ и вашимъ соотечественникамъ, какъ рѣшившись пренебречь опасности, противополагаемыя стихіями, чтобы провести между вами нѣсколько минутъ!» За симъ пробстъ Эймелеусъ произнесъ на Нѣмецкомъ языкѣ рѣчь, на которую Его Величество изволилъ отвѣчать на томъ же языкѣ, въ самыхъ благосклонныхъ выраженіяхъ. Потомъ представлено было Его Величеству духовенство, послѣ чего Государь Императоръ изволилъ отправиться въ городъ, милостиво поклонившись собравшемуся на высотахъ народу, который отвѣчалъ на привѣтствіе возлюбленнаго Монарха новыми продолжительными восклицаніями. До города, расположеннаго на лѣвомъ берегу рѣчки Койвукоски, Его Величеству надобно было проходить чрезъ вышепомянутый островъ, на которомъ находятся развалины Каянборскаго замка. На сей случай изъ разбросанныхъ камней сихъ развалинъ устроена была лѣстница, вдоль правой стѣны, надъ которою сдѣлано было возвышенное мѣсто въ видѣ параллелипипеда [5]). Лѣстница

[5]) На семъ параллелипипедѣ утвержденъ былъ перпендикулярно обтесанный камень. По отъѣздѣ Государя Императора изъ Каяны, къ наружной сторонѣ

и параллелипипедъ обнесены были желѣзными перилами. Все сіе устроено было для того, чтобы Государь Императоръ безъ затрудненія могъ подняться на высоту развалинъ, съ которыхъ видна была часть города и открывались живописные виды окрестностей. Достигнувъ развалинъ, Его Величество увидѣлъ лѣстницу и изволилъ по ней подняться съ княземъ Волконскимъ на самую вышину параллелипипеда. Полюбовавшись нѣсколько минутъ видами, Его Величество отправился въ городскую церковь, которую осматривалъ съ благочестивымъ вниманіемъ; потомъ, пройдя нѣкоторую часть улицъ города, зашелъ въ домъ городскаго магистрата, гдѣ изволилъ перебирать листы находившихся тамъ законныхъ книгъ; послѣ чего Его Величество отправился въ пасторскій домъ, гдѣ приготовлена была для него квартира. Государь Императоръ, отобѣдавъ уже въ Хапаланкангасѣ, изволилъ отказаться отъ обѣда, приготовленнаго для него въ пасторскомъ домѣ; а вмѣсто того позволилъ подать себѣ чай. Во время пребыванія Государя Императора въ означенномъ домѣ, Его Величество самъ изволилъ вручить хозяйкѣ своей, госпожѣ Аппельгренъ, два вышепомянутые ананаса и сверхъ того пожаловалъ ей бриліантовый фермуаръ.

Сильная буря, подвергшая насъ опасности, во время переправы чрезъ озеро, возбудила въ князѣ Волконскомъ сомнѣніе на счетъ безопасности возвратнаго пути, и его сіятельство изволилъ совѣтоваться со мною, нельзя ли изъ Каяны возвратиться сухимъ путемъ. Я доложилъ его сіятельству, что сіе возможно, но сопряжено со многими затрудненіями: поелику большую часть дороги надобно будетъ идти пѣшкомъ, чрезъ топкія болота, а другую ѣхать верхомъ по песчанымъ и каменистымъ буграмъ. Мѣстные обыватели, у коихъ спрашивали мнѣнія о семъ, всѣ единогласно полагали, что буря къ вечеру утихнетъ; но какъ Его Величество спѣшилъ отъѣздомъ и не хотѣлъ подвергаться долгой остановкѣ, то и рѣшился возвратиться изъ Каяны сухимъ путемъ, не смотря на то, что не было настоящей дороги и что надобно было проѣзжать чрезъ мѣста почти необитаемыя.

Въ слѣдствіе сей высочайшей воли, тотчасъ начали приготовляться къ отъѣзду. Главнѣйшая забота состояла въ томъ, чтобы какъ можно скорѣе достать надлежащее число лошадей; но затрудненіе наше было весьма велико, и мы немало удивились, когда узнали, что во всемъ городѣ нашли одно только сѣдло, да и то самой старой формы и столь ветхое, что набивка во многихъ мѣстахъ выказывалась сквозь разорванную кожу. Заржавѣвшія стремена висѣли на двухъ худыхъ веревочкахъ. За всѣмъ тѣмъ, принуждены были взять сіе худое сѣдло для Государя Императора; на лошадей же, назначенныхъ для князя Волконскаго и прочихъ особъ свиты Его Вели-

---

камня придѣланъ изъ вызолоченной бронзы вензель Его Величества съ Императорскою короною, а съ внутренней стороны слѣдующая надпись: Imperatori et Patriae d. XVI (XXVIII) Augusti MDCCCXIX.

чества, привязали, вмѣсто сѣделъ, обыкновенныя подушки, а вмѣсто стремянъ—простыя веревки.

Его Величество, простившись съ своими хозяевами, съ бургомистромъ, духовенствомъ, капитаномъ Юнеліусомъ [6]) и собравшимся народомъ, изволилъ сѣсть на лошадь и отправиться въ путь въ 2½ часа по полудни. Путешествіе началось и продолжалось въ слѣдующемъ порядкѣ: впереди шелъ Эрикъ Мэтэ, гражданинъ города, избранный проводникомъ; послѣ его ѣхалъ прапорщикъ Мартинау; за нимъ князь Волконскій; потомъ Государь Императоръ; за Его Величествомъ баронетъ Вилліе; потомъ камердинеръ Ѳедоровъ и хорунжій Овчаровъ; наконецъ багажъ на двухъ лошадяхъ, за которыми слѣдовали 8 человѣкъ крестьянъ.

Вся дорога, которую надобно было проѣзжать, состояла изъ небольшихъ тропинокъ, проложенныхъ чрезъ дикія и каменистыя мѣста, пересѣкаемыя большими пространствами тинистыхъ болотъ. Для переправы чрезъ означенныя болота, жители сего края кладутъ одно возлѣ другаго два бревна сверху немного стесанныя. Сіи узенькіе мостики часто простираются на нѣсколько верстъ, и какъ нерѣдко случается, что лошади, не привыкшія ходить по таковымъ мостамъ, оступаются и падаютъ въ болото, откуда съ большимъ затрудненіемъ должно ихъ вытаскивать, то всѣ принуждены были переходить сіи опасныя мѣста пѣшкомъ, держа лошадей за повода. Судя по собраннымъ мною свѣдѣніямъ о качествѣ и пространствѣ непроходимой дороги, которую Государь изволилъ проѣхать, можно навѣрное положить, что Его Величество, на возвратномъ пути изъ Каяны, прошелъ пѣшкомъ безъ малаго 50 верстъ и проѣхалъ верхомъ около 21¼ версты.

Въ 6½ часовъ вечера Его Величество прибылъ въ поселеніе Кивимеки-Гаммельгордъ, разстояніемъ отъ Каяны въ 12½ верстахъ. Государь Императоръ изволилъ весьма благосклонно кланяться поселянамъ, у всѣхъ встрѣчавшихся ему пожималъ руки и спросилъ чего нибудь напиться. Отдохнувъ нѣсколько минутъ, продолжалъ путь еще 5 верстъ, до поселенія Ронгала, гдѣ назначенъ былъ ночлегъ и куда Его Величество пріѣхалъ въ 8 часовъ. Какъ отправленный не за-долго предъ тѣмъ въ сіе поселеніе передовой предувѣдомилъ жителей онаго о пріѣздѣ Государя Императора, то они имѣли время приготовить для Его Величества небольшую комнату. Здѣсь, какъ почти и во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ Государь Императоръ останавливался, Его Величество самъ имѣлъ попеченіе, чтобы проводники и лошади были накормлены.

Мужчины, женщины и дѣти стеклись сюда изъ ближайшихъ поселеній, чтобы имѣть счастіе видѣть Государя Императора. Во время ужина, коего главное блюдо состояло изъ отварнаго картофеля, дѣти приблизились къ самымъ дверямъ комнаты, занимаемой Го-

---

[6]) Государь Императоръ изволилъ пожаловать капитану Юнеліусу перстень, богато украшенный бриліантами; матросы получили значительное денежное награжденіе.

сударемъ Императоромъ, и Его Величество изволилъ самъ раздать имъ хлѣбъ съ масломъ. Около 10 часовъ Его Величество легъ почивать въ сей же самой комнатѣ; князь Волконскій и прочія особы свиты Его Величества легли въ крестьянской избушкѣ на свѣжемъ сѣнѣ, которое жители, за нѣсколько дней предъ тѣмъ, сложили для сушенія.

Въ 3 часа по утру на другой день 17 (29), Его Величество и вся свита были уже въ движеніи. Всѣ, кромѣ Его Величества, немного позавтракали чернаго хлѣба, масла и молока и въ $3^1/_2$ часа отправились въ путь.

Около 6-ти часовъ Его Величество пріѣхалъ къ жилищу стараго депутата Генрика Тервонена [7]. Передовой, пріѣхавшій туда не задолго передъ Государемъ Императоромъ, не успѣлъ еще собрать жителей селенія, которое Его Величество удостоилъ своимъ посѣщеніемъ; однакожъ хозяйка скоро пришла, отворила комнату, расположенную на дворѣ и, оказавъ низкими поклонами всю радость своего сердца, просила августѣйшаго гостя удостоить ее своимъ посѣщеніемъ. Предложивъ тотчасъ чернаго хлѣба, масла и молока, пошла она съ камердинеромъ Государя Императора въ огородъ набрать картофелю. Пока занимались изготовленіемъ обѣда и приводили другихъ лошадей, Его Величество, для утоленія перваго голода, изволилъ скушать ломтикъ чернаго хлѣба съ масломъ, взявъ оные на деревянную тарелку. Потомъ разогрѣли телячье жаркое, которое госпожа Аппельгрень упросила камердинера взять съ собою изъ Каяны, сварили картофель и подали простокваши, масла и хлѣба. Вотъ блюда, составлявшія обѣдъ, коимъ Майнуайскій король угощалъ великаго Россійскаго императора! Хозяйка считала себя весьма счастливою, видя снисхожденіе Государя Императора, а особливо большое удовольствіе, съ которымъ ея августѣйшій гость принялъ сей умѣренный обѣдъ. Около 8 часовъ Государь Императоръ началъ опять свое трудное путешествіе и проѣхалъ $22^1/_2$ версты безъ отдохновенія, до помѣстья Суотарила, принадлежащаго къ деревнѣ Вуотолаксъ, куда Его Величество изволилъ прибыть въ 2 часа по полудни. По дорогѣ, ведущей къ означенному помѣстью, протекаетъ небольшая рѣчка, отъ 20 до 25 саженъ шириною, для переѣзда чрезъ которую не имѣли времени сдѣлать нужныхъ приготовленій. Случайно нашлась на берегу маленькая рыбачья лодка, которой чрезвычайно обрадовались. Государь Императоръ и князь Волконскій сѣли въ лодку съ проводникомъ Эрикомъ Мээтэ. Его Величество взялся править, князь дѣйствовать веслами, и нашъ добрый Мээтэ остался на

---

[7]) Тотъ самый крестьянинъ, о которомъ уже было говорено прежде, но который, по пріѣздѣ къ нему Государя Императора, не былъ дома, а оставался въ Хапаланкангасѣ, въ надеждѣ опять видѣть тамъ Его Величество на возвратномъ пути изъ Каяны. Всѣ крестьяне того края называютъ означеннаго Генрика Тервонена **Майнуайскимъ королемъ**, потому что онъ нѣсколько разъ былъ депутатомъ на сеймахъ въ Швеціи и симъ пріобрѣлъ большое къ себѣ уваженіе своихъ одноземцевъ.

серединѣ лодки, безмолвный отъ удивленья! Какъ берега рѣчки были низки и болотисты, то Его Величество и князь Волконскій, при выходѣ изъ лодки, замочили и загрязнили ноги. Чтобы не имѣли сего неудобства и прочіе, коимъ надобно было переѣзжать на той же лодкѣ, Государь Императоръ,примѣтивши не въ дальнемъ разстояніи сухія древесныя вѣтви, изволилъ самъ ихъ собирать и съ помощію князя Волконскаго носить къ тому мѣсту берега, гдѣ приставала лодка и изъ сихъ вѣтвей Его Величество сдѣлалъ родъ пристани. Лошади прошли вплавь, и нѣкоторыя изъ нихъ такъ глубоко увязли въ тинѣ, что съ большимъ трудомъ едва могли ихъ оттуда вытащить. При семъ случаѣ Государь Императоръ самъ поймалъ свою лошадь и вытеръ ее пучкомъ сѣна, которое изволилъ взять изъ близъ стоявшей копны. Отдохнувши съ часъ въ послѣднемъ поселеніи, проѣхали еще 17½ верстъ до станціи Пиппола въ деревнѣ Саресмеки, куда Его Величество прибылъ въ 7 часовъ вечера. Отъ сей станціи, чрезъ которую Государь Императоръ наканунѣ проѣхалъ въ Каяну, оставалось еще до станціи Ниссиле 15 верстъ. Его Величество, вѣроятно уставши ѣхать верхомъ, хотѣлъ было проѣхать сію станцію въ экипажѣ; но во всей деревнѣ нашли только нѣсколько худыхъ двухъколесныхъ телѣжекъ, изъ коихъ принуждены были взять одну, привязали поперекъ ея доску и сверхъ оной солому. Его Величество, щедро наградивъ проводника своего, простился съ нимъ, пожавъ ему руку, потомъ сѣлъ одинъ въ телѣжку, взялъ самъ вожжи и такимъ образомъ отправился въ 7½ часовъ. Проѣхавъ небольшое пространство, Его Величество приказалъ Овчарову сѣсть въ телѣжкѣ подлѣ себя и править оною.

Въ продолженіе всего столь труднаго путешествія, Его Величество былъ чрезвычайно веселъ и любезенъ. Когда проводникъ отлучался, Его Величество самъ изволилъ вести свою лошадь чрезъ болота, по бревнамъ. Во время проѣзда чрезъ лѣсъ, въ которомъ росла брусника, Эрикъ Мээтэ, шедшій почти всегда передъ лошадью Государя Императора, сбиралъ оную и подавалъ августѣйшему своему Государю, который принималъ ее съ удовольствіемъ и утолялъ оною свою жажду.

При отъѣздѣ Его Величества изъ Каяны, я получилъ приказаніе, какъ скоро утихнетъ погода, возвратиться въ Хапаланкангасъ, дабы проводить оставшіеся тамъ экипажи въ Ниссиле. Я ночевалъ въ Каянѣ, уѣхалъ оттуда на другой день 17 (29) въ 8 часовъ утра и прибылъ благополучно въ Хапаланкангасъ въ 4 часа послѣ обѣда. Когда я разсказалъ оставшемуся тамъ лейбъ-кучеру Его Величества, Ильѣ Ивановичу Байкову, что Государь Императоръ возвращается сухимъ путемъ чрезъ мѣста почти необитаемыя, сей вѣрный служитель изумился и до тѣхъ поръ не могъ успокоиться, пока не увидѣлъ обожаемаго своего Государя. Поспѣшили заложить лошадей и отправиться въ Ниссиле, куда мы пріѣхали въ 6½ часовъ. Вагенмейстеръ Его Величества, полковникъ Соломка и прочія особы свиты, которыя оставались въ Ниссиле, не менѣе изумились, узнавши, что Государь Императоръ рѣшился возвратиться по столь опасной доро-

гѣ. Какъ я въ 1813 году прошелъ по тѣмъ самымъ необитаемымъ мѣстамъ, чрезъ кои теперь Государь Императоръ изволилъ проѣхать и всѣ окрестности были мнѣ извѣстны, то я предвидѣлъ, что Его Величество едва могъ въ другомъ мѣстѣ выѣхать на большую дорогу, какъ при Саресмеки; но я не осмѣлился остановиться тамъ съ экипажами, поелику мнѣ именно приказано было проводить ихъ въ Ниссиле, куда Его Величество хотѣлъ проѣхать прямо чрезъ дикія и пустынныя мѣста. Однакожъ тотчасъ по пріѣздѣ моемъ въ Ниссиле я поручилъ исправнику Эльвингу ѣхать на встрѣчу Его Величества съ курьерской кабріолеткой. Государь Императоръ выѣхалъ на большую дорогу точно тамъ, гдѣ я полагалъ, т. е. при Саресмеки, и Эльвингъ встрѣтилъ Его Величество на 3-й верстѣ отъ означенной деревни. Государь Императоръ тотчасъ изволилъ пересѣсть въ кабріолетку и прибылъ благополучно въ Ниссиле въ 10-мъ часу вечера. Пріѣхавъ на станцію, Его Величество съ чрезвычайной легкостію выскочилъ изъ кабріолетки и спросилъ меня, когда я пріѣхалъ. Я отвѣчалъ, что уже около 3-хъ часовъ тому назадъ и что я, переночевавъ въ Каянѣ, уѣхалъ оттуда поутру, на другой день послѣ отъѣзда Его Величества и пріѣхалъ въ Ниссиле безъ всякой опасности. На что Его Величество веселымъ и шуточнымъ тономъ сказалъ: Я очень радъ; но я напротивъ сдѣлалъ большой кругъ, правда немного затруднительный, но не безъ пріятностей, и я конечно никогда не забуду забавнаго своего путешествія въ Каяну [8]).

Его Величество, переночевавъ въ Ниссиле, изволилъ на другой день 18 (30) Августа продолжать свое путешествіе въ Улеоборгъ и другія части Финляндіи.

Не могу отказать себѣ въ удовольствіи довести до свѣдѣнія читателей слѣдующее обстоятельство, которое непрекословнымъ образомъ свидѣтельствуетъ объ искреннемъ благоговѣніи и любви, съ коими жители Каянской страны вспоминаютъ о Его Величествѣ, блаженныя памяти Государѣ Императорѣ Александрѣ.

Въ поѣздку мою лѣтомъ 1826 года въ Каяну вмѣстѣ съ пейзажнымъ живописцемъ г. Больмсомъ, для снятія мѣстъ, коихъ виды приложены къ сему сочиненію, имѣлъ я случай пріобрѣсть покупкою у поселянина въ Хапаланкангасѣ упомянутую въ семъ повѣствованіи конюшню, въ коей Императоръ Александръ изволилъ обѣдать. Прежде нежели я могъ рѣшиться какое сдѣлать употребленіе изъ сего, повидимому маловажнаго, но для Отечества драгоцѣннаго строенія, получилъ я отъ герадсгевдинга (судьи) Каянскаго уѣзда, г. ассессора Фландера (бывшаго въ 1819 году Каянскимъ бургомистромъ) письмо, въ коемъ онъ, отъ имени жителей Пальдамскаго прихода [9])

---

[8]) Свѣдѣнія, касающіяся до возвращенія Государя Императора изъ Каяны въ Ниссиле, сообщены мнѣ г. Мартинау, камердинеромъ Ѳедоровымъ и проводникомъ Мээтэ.

[9]) Каяна находится въ Пальдамскомъ приходѣ.

просилъ, чтобы я предоставилъ имъ помянутую конюшню для передачи ея, попеченіемъ ихъ, позднѣйшему потомству. Сіе достохвальное, патріотическое намѣреніе тронуло меня живѣйшимъ образомъ, и я, съ неизреченною радостію, воспользовался симъ случаемъ для удовлетворенія ихъ желанію. Г. ассессоръ Фландеръ впослѣдствіи увѣдомилъ меня, что всѣ жители Пальдамскаго прихода, въ томъ числѣ и большая часть крестьянъ, собравшись 3 (15) Іюля 1827 года у главнаго пастора того прихода, г. доктора богословія Эймелеуса, сдѣлали распоряженіе о перенесеніи конюшни изъ Хапаланкангаса къ главной церкви Пальдамскаго прихода, у коей оная и поставлена, по единодушному желанію и положенію всѣхъ ихъ. Исправляющій должность гражданскаго губернатора, г. Шернскансъ, находившійся при таковой мірской сходкѣ и съ большою горячностію и чувствами участвовавшій въ семъ торжественномъ предпріятіи, вызвался пріобрѣсть и доставить имъ лодку, въ коей Императоръ Александръ переѣзжалъ черезъ рѣку Вуотоіоки, кровать, на коей почивалъ Его Величество на трудномъ возвратномъ пути своемъ изъ Каяны, во время начлега въ Ронгальскомъ поселеніи и телѣжку, на которой Императоръ проѣхалъ часть пути отъ Саресмеки до Ниссиле. Ассессоръ Фландеръ доставилъ столъ и скамью, употребленные во время обѣда въ конюшнѣ, а Каянскій почтмейстеръ, г. Монтгоммери,—сѣдло, на которомъ Его Величество ѣхалъ чрезъ пустыню. Всѣ сіи, драгоцѣнныя по достопамятности своей, вещи хранятся нынѣ въ конюшнѣ, толикой же памяти достойной. Всѣ возрасты настоящаго и будущаго поколѣній жителей сей страны, собираясь вокругъ сего скромнаго памятника, будутъ съ искреннѣйшимъ благоговѣніемъ вспоминать о томъ торжественномъ случаѣ, когда Императоръ Александръ осчастливилъ посѣщеніемъ своимъ сей отдаленный край; въ памяти ихъ будетъ живо возобновляться его плѣнительное обращеніе, его снисхожденіе къ нимъ. Съ благоговѣйною признательностію повѣдаютъ они потомкамъ о правосудіи, любви и кротости, съ коими онъ царствовалъ надъ народомъ Финляндскимъ. Всеразрушающее время не изгладитъ въ семъ благодарномъ народѣ воспоминаній о благодѣяніяхъ сего человѣколюбиваго Монарха. Протекутъ вѣки, и благословенный, незабвенный Александръ будетъ жить въ сердцѣ каждаго праводушнаго гражданина Финляндіи.

Письма П. А. Плетнева къ Д. И. Коптеву.

1844—1846.

Вмѣсто предисловія.

ОЧЕРКЪ ЖИЗНИ Д. И. КОПТЕВА.

Дмитрій Ивановичъ Коптевъ родился 16 Сентября 1820 г. въ городѣ Тулѣ, находящемся въ 40 верстахъ отъ с. Хотѣтова, родоваго имѣнія его отца, отставнаго маіора, дѣлавшаго кампанію въ Швеціи въ 1808 году и кампаніи 12, 13 и 14 годовъ, вышедшаго въ отставку въ 1819 году и женатаго на княжнѣ Наталіи Васильевнѣ Урусовой, дочери генералъ-маіора князя Василія Алексѣевича Урусова (мать сего послѣдняго, княгиня Екатерина Борисовна, была урожденная графиня Шереметева, родная сестра знаменитой страдалицы Аннинскихъ временъ, княгини Натальи Борисовны Долгоруковой).

Съ ранняго дѣтства Д. И. Коптеву было дано тщательное воспитаніе. Отъ няньки Нѣмки получилъ онъ основательное знаніе Нѣмецкаго языка, которымъ опредѣлилось послѣдующее литературное его направленіе: онъ зналъ наизустъ лучшія произведенія Шиллера и Гёте. Съ шести-лѣтняго возраста, подъ руководствомъ гувернера Француза, онъ совершенно освоился съ Французскимъ языкомъ, и оба эти языка сдѣлались для него какъ бы природными. Въ 1832 году онъ былъ помѣщенъ въ пансіонъ профессора Московскаго университета Михаила Григорьевича Павлова и тотчасъ же обратилъ на себя вниманіе преподавателей, отличаясь необыкновенною памятью и чрезвычайною быстротою соображенія: онъ рѣшалъ въ умѣ многосложныя ариѳметическія задачи.

М. П. Погодинъ, преподававшій въ пансіонѣ Всемірную и Русскую Исторію, особенно полюбилъ маленькаго Коптева. Преподаватель Русскаго языка, Н. И. Надеждинъ, жившій въ то время въ домѣ М. Г. Павлова, по окончаніи классовъ, зазывалъ къ себѣ даровитаго мальчика и забавлялся его способностію сочинять стихи на всевозможныя темы. Николай Ивановичъ часто любилъ занимать учениковъ своихъ, перекладывая самъ лучшія стихотворенія Пушкина и Жуковскаго въ прозу, и въ этихъ прозаическихъ статейкахъ, написанныхъ на отдѣльныхъ листкахъ, ученики должны были возстановлять чрезъ перестановку словъ прежніе стихи. Крошечный Коптевъ (онъ былъ необыкновенно малъ ростомъ) съ необыкновенною легкостію и быстротою угадывалъ стихи совершенно вѣрно или съ измѣненіями, но строго соблюдая правильность стиха.

Надеждинъ полагалъ, что это происходитъ отъ того, что стихи Пушкина и Жуковскаго были затвержены имъ наизустъ, и однажды нарочно принесъ только что напечатанную и не бывшую въ продажѣ книгу Ѳ. Н. Глинки: *Опыты Аллегорій;* но Коптевъ съ тою же легкостію возстановлялъ и эти стихи.

Д. И. Коптевъ отлично зналъ полатыни и былъ лучшимъ ученикомъ у В. И. Красова (учителя Греческаго языка).

Въ 1836 году поступилъ онъ студентомъ въ Московскій университетъ по юридическому факультету, исполняя настоятельное желаніе своихъ родителей, хотя самъ онъ желалъ поступить въ словесный. Съ большимъ успѣхомъ проходилъ онъ университетскій курсъ, былъ особенно отличаемъ профессорами Н. И. Крыловымъ, С. И. Баршевымъ и П. Г. Рѣдкинымъ, и вышелъ со степенью кандидата въ 1840 году.

Между тѣмъ, находясь еще въ университетѣ, онъ посвящалъ всѣ досуги изученію литературъ Французской, Нѣмецкой, Англійской, Итальянской, Испанской и Восточныхъ, что́ и продолжалъ и по выходѣ изъ университета до 1848 года. Велъ онъ жизнь совершенно отшельническую, т. е. за исключеніемъ аккуратнаго посѣщенія лекцій (изъ которыхъ въ продолженіе четырехъ лѣтъ не пропустилъ ни одной) занимался цѣлый день и большую часть ночи чтеніемъ, не выѣзжая въ свѣтъ и выходя изъ дому развѣ только въ книжныя лавки. У него составилась значительная библіотека (болѣе 5,000 томовъ). Онъ никогда не читалъ, не держа въ рукѣ карандаша, которымъ дѣлалъ на поляхъ отмѣтки.

Въ 1840 году онъ опредѣлился на службу въ Канцелярію Московскаго военнаго генералъ-губернатора, но, занимая сверхштатную должность, все время отдавалъ наукамъ и литературѣ.

Онъ до того освоился съ языками иностранными, что писалъ стихи понѣмецки, изъ которыхъ нѣкоторые были напечатаны въ *Звѣздочкѣ*, журналѣ А. О. Ишимовой, и перевелъ много стихотвореній Пушкина на Французскій и Нѣмецкій языки (стихами-же), между коими было особенно удачно переведены «Полководецъ» и «Клеветникамъ Россіи». Онъ писалъ также стихи полатыни, подражая Виргилію, и подъ вліяніемъ Греческихъ классиковъ написалъ въ древнемъ стилѣ трагедію Федру, которая и была напечатана частію въ «Современникѣ», изданіи П. А. Плетнева.

Въ 1848 году новый генералъ-губернаторъ, графъ А. А. Закревскій потребовалъ, чтобы чиновники, служащіе въ его канцеляріи, появлялись къ нему на дежурство. Онъ тотчасъ же замѣтилъ даровитаго Коптева и поручилъ ему докладъ всѣхъ входящихъ бумахъ и написаніе на оныхъ резолюціи по его указанію. Два года провелъ Коптевъ въ кабинетѣ графа Закревскаго.

Въ 1850 году онъ вышелъ въ отставку съ чиномъ коллежскаго асессора и сталъ жить въ деревнѣ, гдѣ снова всецѣло погрузился въ изученіе литературъ и писалъ множество стихотвореній, изъ которыхъ могли бы составиться цѣлые томы.

Въ 1858 году онъ былъ избранъ въ члены Тульскаго Губернскаго Комитета для составленія Положенія объ улучшении быта крѣпостныхъ крестьянъ и въ томъ же году въ должность Тульскаго уѣзднаго предводителя дворянства; эту должность онъ исправлялъ два трехлѣтія. Въ 1862 году онъ замѣнилъ вышедшаго въ отставку губернскаго предводителя графа Василія Алексѣевича Бобринскаго и исправлялъ эту должность цѣлое трехлѣтіе, послѣ чего оставилъ службу.

Онъ дѣятельно работалъ въ Комитетѣ и въ послѣдствіи, какъ членъ губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія. Множество весьма дѣльныхъ проектовъ и отдѣльныхъ мнѣній было имъ подано, изъ которыхъ иные имѣли успѣхъ.

Сверхъ занятій служебныхъ, онъ каждый годъ задавалъ себѣ задачу изучать какую либо науку; такъ, онъ изучалъ одинъ годъ ботанику, выписывая для сего всѣ существующія учебныя руководства; на слѣдующій годъ онъ изучалъ химію, потомъ медицину, которую особенно любилъ; наконецъ, во время Севастопольской войны, онъ задалъ себѣ задачею изученіе артиллеріи и фортификаціи и составилъ себѣ цѣлую библіотеку лучшихъ сочиненій по части военныхъ наукъ. Онъ занимался также астрономіею по разнымъ руководствамъ иностраннымъ и имѣлъ значительное собраніе звѣздныхъ картъ.

Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, когда драматическія піесы А. Н. Островскаго возъимѣли такой блестящій успѣхъ, Коптевъ испробовалъ себя и въ этомъ родѣ. Онъ написалъ до десяти драмъ, которыя всѣ остались въ его портфеляхъ.

Объ обширной его учености и начитанности можетъ свидѣтельствовать слѣдующій разсказъ. П. А. Плетневъ, нѣжно его любившій, любовался имъ какъ сыномъ и однажды у себя на вечерѣ (это было въ 1845 или 1846 г.), на которомъ было много людей ученыхъ и профессоровъ, онъ предложилъ имъ задать три темы по разнымъ отраслямъ наукъ, и Коптевъ долженъ былъ тутъже, безъ приготовленія, прочесть три лекціи на оныя, что онъ и исполнилъ къ удивленію и удовольствію присутствовавшихъ, обнаруживъ свою удивительную начитанность, соединенную съ необыкновенною текучестью и блескомъ изложенія. 1-я тема была изъ всеобщей Исторіи о герцогахъ Бургундскихъ; 2-ая изъ Ботаники о даліяхъ (георгинахъ) и 3-я о трагедіи Пушкина «Борисъ Годуновъ».

Скромный и сосредоточенный, при чрезвычайной застѣнчивости и при значительной неловкости въ свѣтскомъ обществѣ, Коптевъ чувствовалъ себя свободно лишь въ кругу такихъ людей, какимъ былъ Плетневъ.

30 Апрѣля 1867 года кончилась труженическая жизнь Коптева.

Извлекаемъ изъ оставшихся послѣ него бумагъ письма, которыя писалъ къ нему ректоръ Петербургскаго университета и издатель «Современника» Петръ Александровичъ Плетневъ. Многое въ нихъ еще неудобно къ оглашенію, и ниже помѣщаются сравнительно-немногія выдержки изъ нихъ.

Василій Коптевъ.

Село Острога.
22 Октября 1872 г.

Письма Плетнева.

1.

7 Ноября 1844. Спб.

Сегодня опять кольнуло меня въ сердце, когда я пробѣгалъ въ Инвалидѣ оглавленіе статей съ именами писателей, помѣщенныхъ въ послѣдней книжкѣ Маяка. Тамъ стоитъ и ваше имя! Это имя двухсотлѣтней дворянской фамиліи на ряду Богъ знаетъ съ кѣмъ, и гдѣ-же? Подъ кацавейкой Маяка! Не знаю, проститъ ли Господь Богъ Ѳедору Николаевичу [1]) эту шутку съ вами. По крайней мѣрѣ теперь

[1]) Глинкѣ, чрезъ посредство котораго Коптевъ вошелъ въ близкое знакомство и съ Плетневымъ.

все кончилось. Не поговорить ли намъ еще разъ о томъ, о чемъ мы толковали дорогою, разъ, ѣдучи изъ Парголова, когда вы мнѣ читали маленькую гармоническую пьеску, а я замѣчалъ вамъ неточность многихъ выраженій—жертву музыкѣ? Въ самомъ дѣлѣ, перечитывая безъ васъ въ нѣсколько пріемовъ разныя ваши у меня оставленныя стихотворенія, я замѣтилъ, что вы и очень жертвуете гармоніи отчетливостью выраженій. Это не должно такъ остаться. Я вамъ укажу на молодаго Тургенева [2]), даже на Майкова: посмотрите, какъ они строги къ выбору выраженій. Вы мнѣ сказали, что у васъ есть особенныя причины поскорѣе и побольше теперь напечатать. Хорошо, я и сдѣлаю по вашему. Но черезъ полгода, сдѣлавшись недовольны собою, вы прежде всего осерчаете на меня, что я не отвелъ васъ отъ искушенія. Утвердивши за своимъ именемъ идею поэта не-перваго разряда, вамъ ужъ будетъ трудно оттуда выкарабкаться даже съ геніальными пьесами. Великое дѣло репутація! Она, какъ вездѣсущій духъ, то лелѣетъ насъ, то караетъ. Ужъ тутъ нѣтъ надежды на заслугу. Она творится какъ-то мгновенно и окончательно. Это то, что̀ воспѣлъ Шиллеръ и перевелъ Жуковскій подъ именемъ С ч а с т і я. Прошу все это порядкомъ перемыслить. Еслибы я менѣе любилъ васъ, не сталъ бы такъ много и хлопотать объ этомъ. Теперь о вашемъ письмѣ. Къ чему вы начинаете его такою титуляціей? Это уже старая шутка: пора ее бросить. Иной еще подумаетъ, что вы унижаетесь передъ мной, замѣтивши, что это мнѣ по сердцу.

Вы собираетесь работать въ прозѣ для Современника по эстетикѣ Гегеля. Лучше работать по эстетикѣ собственнаго вашего ума и сердца: это выше и крѣпче всѣхъ Гегелей. Отъ души и отъ собственнаго убѣжденія сказанное слово всегда привьется къ душѣ читателя, а ученость заимствованная пріѣдчива. Она же, послѣ Бѣлинскаго, теперь и не въ рѣдкость. Онъ доказалъ, что, ничему не учившись, ничего не прочитавши и не зная ни одного языка (даже на которомъ пишешь), можно съ ума свести всѣ факультеты Московскаго университета и озадачить ихъ глубиною Нѣмецкой премудрости. Нѣтъ, будемъ тѣмъ, чѣмъ создалъ насъ Господь Богъ.

2.

4 Декабря 1844.

Вы угадали, что у меня много неотлагательныхъ работъ. Теперь же и пуще. Для Академіи Наукъ и для Университета обязанъ я приготовить по отчету и прочитать ихъ передъ публикою. Для Современника мнѣ надо работать болѣе, нежели это было прежде, потому что я не намѣренъ печатать цѣлыхъ романовъ, которые обезпечивали мою лѣнь и недосуги. Я пишу теперь статью о Крыловѣ. Что̀ еслибы вы столько же присылали мнѣ страницъ прозы о разныхъ литературныхъ предметахъ, сколько я получилъ отъ васъ стихотво-

[2]) И. С. Тургеневъ помѣщалъ въ «Современникѣ» Плетнева многія стихотворенія, подписанныя буквами *Т. Л.* (Тургеневъ-Лутовиновъ).

ренiй, увлекательныхъ, правда, но ничуть не замѣняющихъ мѣста прозаическихъ статей въ журналѣ, и слѣдовательно не избавляющихъ меня отъ лихорадочной работы, какъ я называю работу срочную, журнальную. Вотъ поглядите-ка, что̀ успѣваетъ заготовлять для меня Яковъ Карловичъ! [3]). Онъ и переводитъ, и выдержки составляетъ, и разборъ пишетъ Державина, и поддерживаетъ интереснѣйшiя мнѣнiя о Современной литературѣ, словомъ: онъ весь въ литературномъ движенiи. А вы? Зачѣмъ вы такъ хорошо выучились иностраннымъ языкамъ, если это не сообщаетъ душѣ вашей лихорадочной дѣятельности, не подъ однимъ влiянiемъ вдохновенiя, а подъ влiянiемъ страстной любви къ истинѣ, красотѣ и достоинству всего въ общемъ ремеслѣ нашемъ? Что̀ дѣлать! Можно всего желать тѣмъ, кого любишь; а дѣйствительно сдѣлать ничего для нихъ нельзя, кромѣ того, что̀ они сами соблаговолятъ принять. Гастибельза, какъ переводъ, прелестна, а, какъ оригиналъ, незначительна. Я бы выбралъ что нибудь позначительнѣе. Помните, что Уландъ и Гейне еще почти нетронуты для насъ.

3.

27 Февраля 1845.

На Современникъ по нынѣшнее число подписалось въ С.-Петербургѣ 57 особъ, а внѣ Петербурга по городамъ (куда отнесите и бѣлокаменную Москву) 176 человѣкъ: и того въ Россiи всѣхъ умныхъ людей пока только 233 человѣка. Вы спросите, изъ чего же хлопочу я? Да именно изъ одного: чтобы какъ нибудь увеличить въ отечествѣ драгомъ это число умницъ. Надѣюсь впрочемъ, что на расположенiе ваше къ Современнику это скудное число подписчиковъ не произведетъ никакого дѣйствiя. Ни вы, ни я на барыши не расчитываемъ при литературномъ трудѣ. Хлѣба у насъ, слава Богу, довольно. Между тѣмъ бытiе благороднаго Современника избавляетъ насъ отъ возмущающаго душу униженiя проситься въ Библ. для Чтенiя, въ Маякъ, въ Репертуаръ, въ Отеч. Зап. и подобныя имъ мѣста. Притомъ же мы нисколько не теряемъ собственно въ томъ, чего сердца наши просятъ. Мы желаемъ вниманiя и сочувствiя людей чистыхъ, возвышенныхъ, съ свѣтлымъ умомъ.

Я получилъ отъ А. Черткова 2-ое прибавленiе къ его каталогу сочиненiй, касающихся Россiи. Это трудъ преполезный. Сегодня же пишу къ нему благодарственное письмо, хоть и не имѣю чести лично знать его. Если вамъ представится случай сблизиться съ нимъ, да еще съ княземъ Оболенскимъ (начальникомъ Архива), то вы прiобрѣтете два преинтересныя знакомства и тѣмъ подвинете дѣло соединенiя благомыслящихъ людей въ одно общество. Тотъ и другой могутъ вашею помощью сблизиться со мною, а вамъ доставить неоцѣненные матерiалы для изученiя Русской древности, безъ чего и поэтомъ Русскимъ быть неудобно.

---

[3]) Я. К. Гротъ.

4.

18 Апрѣля 1845.

Если вы увидите кого нибудь изъ издателей Москвитянина, то во 1-хъ поблагодарите ихъ за лестный обо мнѣ отзывъ въ № 3 (стр. 26); вовторыхъ увѣрьте ихъ, что едва ли не первый я въ Россіи объявилъ гоненіе на пошлости Риторики и Піитики; а Кирѣевскій [4]) увѣряетъ, будто я иначе и разборовъ не пишу, какъ основывая ихъ на правилахъ этихъ наукъ; въ 3-хъ Кирѣевскій жалѣетъ, что сила нравственной чистоты Современника истощается въ заботахъ его литературной чистоплотности. Спросите, что̀ значитъ эта ермалафія? Правда, я не люблю языка невыработаннаго, пестраго, Нѣмецкаго, какой въ Б. д. Ч. и въ От. Зап., но я не Шаликовъ и не Иванч.-Писаревъ. Я люблю точность, краткость и звучность. Это не чистоплотность. Я самостоятельнѣе въ языкѣ, нежели тѣ, которые рады схватывать всякій соръ, лишь попадетъ онъ имъ изъ иностранной книги. Я знаю, что и между иностранными писателями истинно-геніальныхъ людей на рѣдкость, а глупцевъ и пошлыхъ людей столько же, сколько и въ Россіи; вотъ отъ чего я и рѣшился жить своимъ умомъ. Потомъ скажите имъ, что недостойно дѣльныхъ людей говорить о Маякѣ, какъ о чемъ-то читающемся. Это все равно, какъ увѣрять, что Морошкинъ и Савельевъ идутъ паралельно съ Карамзинымъ и Шлецеромъ.

5.

4 Мая 1845.

Вы ничѣмъ одолжить меня не можете больше, какъ передачею мнѣ суда вашего о каждой моей книжкѣ, суда нелицемѣрнаго и искренняго. Вамъ извѣстно, что, кромѣ друзей моихъ, никто не только не говоритъ о Современникѣ, да никто и не читаетъ его. Итакъ, если и вы откажетесь увѣдомлять меня, какъ дѣйствуютъ на новую душу помѣщаемыя мною статьи, то я рѣшительно буду печатать только для своего суда. Нѣтъ, отъ друзей я жду слова правды, а не снисхожденія. Вотъ когда у Г. бываютъ свободныя минуты разговаривать со мною о моемъ изданіи, такъ онъ ужъ не церемонится со мною, а просто бранитъ. Тогда и вижу я, что онъ вѣруетъ въ мою къ нему любовь, которая, по слову апостола Павла, терпѣливѣе всего на свѣтѣ. Притомъ же эта высказываемая мнѣ въ глаза горькая истина убѣждаетъ меня, что мой другъ созналъ въ душѣ моей лучшее изъ нравственныхъ качествъ—стремленіе къ самосовершенствованію. Для чего бы безъ того трудиться, сносить лишенія, жить въ затворничествѣ, приносить всѣ жертвы тихому мышленію, еслибы тѣмъ я не подвигался на пути къ распространенію около себя хоть луча истины, хоть слабаго ощущенія красоты и чуть слышимаго даже

---

[4]) И. В. Кирѣевскій въ этомъ году завѣдывалъ первыми книжками Москвитянина.

призыва къ добру—трехъ единственныхъ для человѣка благъ, которыя даютъ цѣну жизни и дѣйствіямъ нашимъ? Но до всего этого не добраться, не держась за руку добродѣтельнаго, испытаннаго и вѣрнаго друга, какимъ я и желаю видѣть васъ въ отношеніи ко мнѣ. И вотъ почему неумолчно прошу васъ продолжать быть ко мнѣ строгимъ, даже безпощаднымъ, если истина того потребуетъ. Напримѣръ, теперь уже вѣрно получили вы № 5 Современника, отправленный на почту 1 Мая. Тамъ вы найдете мою статью о «Тарантасѣ» [5]). Во время чтенія ея держите въ рукахъ карандашъ и отмѣчайте всякое недоразумѣніе ваше. Послѣ составьте изъ этого сводъ съ собственнымъ заключеніемъ вашимъ о статьѣ, да и пришлите мнѣ все въ письмѣ. Вы не можете вообразить, какъ поучительно сравнивать свои ощущенія и отчеты съ ощущеніями и отчетами другихъ, особенно тѣхъ, кого любишь и кому вѣришь, какъ я васъ и вамъ.

Я предпочитаю вѣрное колеблющемуся, понятное сбивчивому и дѣйствующее неподвижному. Гдѣ бы ни встрѣтились первыя качества, въ оригинальныхъ ли пьесахъ вашихъ, или въ переведенныхъ — то и по сердцу мнѣ. Наконецъ, я не только прочиталъ, но изучилъ всю вашу Федру, и вотъ плоды этого. Вы глубже, отчетливѣе и яснѣе всего постигли несчастно-страстную мачиху. Она, кажется, сама открывала вамъ и тайныя движенія порочнолюбящаго сердца своего и хитрыя чары, которыми надѣялась обольстить юношескую душу пасынка. За нею на первомъ планѣ стоитъ Ипполитъ. Онъ достоинъ и себя и вашего таланта. Сколько въ немъ благородства, довѣрчивости, гордости, добродѣтели и всѣхъ блестящихъ качествъ этого золотаго возраста! Не таковъ уже Тезей. Онъ не по лѣтамъ близорукъ, довѣрчивъ и упрямъ. Я бы желалъ, сколько для психологической точности, столько и для блеска трагедіи, найти въ немъ болѣе игры страстей, болѣе ревности, болѣе возврата къ нѣжности, болѣе размышленія, болѣе чадолюбія и снова нѣжности къ женѣ. Все это сообщило бы и ему законное достоинство, какъ неистощимому историческому лицу, и разнообразіе дѣйствію драмы. Теперь онъ приводитъ только въ досаду своимъ упорствомъ, а тогда онъ колебалъ бы насъ; онъ даже придалъ бы страстной Федрѣ новыя краски: она терзалась бы между страстію безумія и воплями разсудка. О прочихъ лицахъ не говорю. Они для себя всѣ хороши, а для споспѣшествованія успѣху трагедіи и очень хороши. Что касается до идеи драмы, до развитія общихъ поэтическихъ сторонъ,—все это прекрасно. У васъ неисчерпаемый источникъ образовъ, картинъ, положеній и взглядовъ поэтическихъ. Особенно мѣстность, краски, нравы, безчисленное множество подробностей Греческаго быта поражаютъ читателя и доказываютъ, что вы нешутя приготовились къ выполненію этого великаго подвига. Но торжествуя какъ поэтъ, вы уже несравненно себя ниже какъ писатель вообще и Русскій писатель въ частности: вы не сообщили драматическому языку этой безъискусственной естественности, этой не-

---

[5]) Извѣстной книгѣ графа Соллогуба.

избѣжной простоты, этой отрывчивости разговорной, безъ которыхъ нѣтъ въ драмѣ ни увлеченія, ни очарованія.

Очень желаю читать переводы ваши изъ Данта и Комоэнса. Увѣренъ, что въ нихъ есть жизнь. Но помните одно: переводъ ничѣмъ не долженъ напоминать, что онъ переводъ, а не оригинальное сочиненіе; тогда только онъ и совсѣмъ хорошій переводъ, какъ всѣ переводы Жуковскаго. Главное, бросьте современную изысканность языка; она простительна Никитенкѣ и Бѣлинскому, а не истиннымъ поэтамъ какъ вы. Никитенко выдалъ первую тетрадь своего Опыта Исторіи Русской Литературы. Вотъ ужъ вскочилъ на ходули, такъ умора! Хочу по-пріятельски попотчивать его въ Современникѣ. Не знаю, успѣю ли и не надоѣстъ ли подводить подъ начала здравой логики длинную тарабарщину. Мнѣ ужъ и Сологубъ надоѣлъ съ своими возгласами. A propos! Онъ теперь у васъ на лаврахъ. Напишите, не услышите ли, что̀ онъ тамъ проповѣдуетъ. Но правда, вы подобно мнѣ далеки отъ литературныхъ сходбищъ. Да это и лучше: надобно любить мысль, а не кимвалъ бряцающій.

6.

31 Мая 1845.

Вся поэзія есть жизнь, а драматическая поэзія есть исключительно жизнь въ дѣйствіи. Слѣдовательно первое ея условіе—движеніе разговорнаго языка. Безъ того она не только на театрѣ, но и въ кабинетномъ чтеніи неестественна, мертва, ложна. Шиллеръ не оправданіе, хотя въ его драмахъ много мѣстъ драматическихъ смѣняются лирическими. Совершенный образецъ драмъ есть Шекспиръ, у котораго ни въ одной сценѣ не узнаешь индивидуальности его, а все—движеніе дѣйствующихъ лицъ. Греки, равно какъ и новѣйшіе, въ драмѣ дѣйствовали, а не погружались въ лиризмъ или описаніе. Разница между ними и нами въ краскахъ жизни: вотъ и все.

Меня радуетъ извѣстіе, что вы такъ много работаете надъ литературою. Помните однако, что все требуетъ кромѣ работы—обработки. Совершенство есть первый законъ и главная цѣль изящныхъ искусствъ, а совершенство простирается не только на общія соображенія, но и на каждое слово. Вы не Кукольникъ и не Полевой. Ваши образцы—Жуковскій да Пушкинъ, которые не прощали себѣ ни одного отстраненія отъ послѣдняго совершенства.

7.

15 Іюля 1845, Спасская Мыза, близъ С.-Петербурга.

Я до сихъ поръ не могъ улучить свободнаго времени отвѣчать вамъ. Сначала три недѣли боленъ былъ лихорадкою. Послѣ того Жуковскій надавалъ мнѣ порученій касательно новаго изданія сочиненій его. Наконецъ праздники по случаю свадьбы великой княжны,—все это вмѣстѣ разстроило плавное теченіе дней и дѣлъ моихъ. Всякій разъ я долженъ благодарить васъ за умные и прямо-дружескіе разборы статей Современника. Почти во всемъ я согласенъ съ

вами, что̀ ни говорили вы о нихъ. Но не желаю остаться, не защитившись касательно Майкова, Лермонтова и Полеваго. О первомъ я мало говорилъ, потому что терпѣть не могу разглагольствовать о Сборникахъ. Это обыкновенно похоже на ветошный рядъ или на толкучій рынокъ. Вещи набросаны въ безпорядкѣ, безъ единства, съ одною цѣлію поддѣть хоть на чемъ нибудь одномъ простака-покупателя. Я уже высказалъ свое мнѣніе о Майковѣ, когда разбиралъ его собраніе стихотвореній и поэму его: «Двѣ судьбы». Своею «Машенькой» Майковъ ничего не прибавилъ ни къ сокровищамъ нашей литературы, ни къ своей славѣ... Я не могу уже не любить его, принявъ убѣжденіе, что онъ истинный поэтъ. Я стану поджидать возвращенія блуднаго сына на родину. О Лермонтовѣ я не хочу говорить потому, что и безъ меня говорятъ о немъ гораздо болѣе, нежели онъ того стоитъ. Это былъ послѣ Байрона и Пушкина фокусникъ, который гримасами своими умѣлъ толпѣ напомнить своихъ предшественниковъ. Въ толпѣ стоялъ К. Онъ раскричался въ Отечеств. Запискахъ, что вотъ что-то новѣе и слѣдовательно лучше Байрона и Пушкина. Толпа и пошла за нимъ взвизгивать тоже. Не буду же я пока противорѣчить этой ватагѣ, ни вторить ей. Придетъ время, и о Лермонтовѣ забудутъ, какъ забыли о Полежаевѣ. Но Полевой,—это другое дѣло. О немъ я говорю часто. Онъ былъ злостный фокусникъ, какъ бываютъ злостные банкроты. Его надобно вывести на чистоту. Пріятель мой Никитенко сочинилъ въ честь Полеваго похвальное слово, да и напечаталъ его въ Библ. д. Чтенія. Но я доказалъ ему, что онъ умно и справедливо поругалъ Полеваго. Ужели и вы что-то дѣльное подозрѣвали въ Полевомъ? Караулъ! И такъ Москва наповалъ сошла съ ума вся: вотъ какъ ошеломилъ ее Телеграфъ.

Ко мнѣ посылаетъ собраніе своихъ стихотвореній изъ Калуги И. С. Аксаковъ, хоть мы съ нимъ и незнакомы совсѣмъ. Онъ проситъ меня отдать ихъ въ цензуру и возвратить ему рукопись. Мнѣ понравилась его довѣренность. Стиховъ я еще не получилъ, а знаю объ этомъ только по письму его ко мнѣ.

8.

17 Іюля 1845. Спасская Мыза.

Откуда взяли вы, милый Дмитрій Ивановичъ, ложную мысль, что я васъ включаю въ подражателей Пушкина и Жуковскаго. У меня всѣ Русскіе писатели раздѣляются, правда, только на два разряда: въ одномъ я нахожу людей съ дарованіями, съ поэтическимъ чутьемъ, владѣющихъ языкомъ и чувствующихъ гармонію стиха; въ другомъ остаются люди обиженные природою; у нихъ все не изъ души идетъ, а какъ-то снаружи осыпается. Первые всѣмъ жертвуютъ совершенствованію искусства, вторые берутъ съ насъ гроши за всякое движеніе свое. Вы согласитесь, что и Жуковскій, и Пушкинъ должны быть въ первомъ ряду, а вмѣстѣ съ ними и тѣ, которые, подобно имъ, живутъ для искусства, а не взятками съ него. Тутъ не по-

дражатели, а одномыслители и тождечувствователи. Ужели вамъ непріятно быть въ этомъ разрядѣ? Да ежели бы сами вы и не захотѣли оставаться въ этомъ обществѣ, я уже не могу не представлять васъ въ немъ, потому что такъ вы умѣстились въ душѣ моей. На другую же половину я перебросилъ всѣхъ, начиная съ Полеваго и Кукольника до К. и Г., прославившагося христоматіями всѣхъ форматовъ.

9.

9 Августа 1845.

Вѣроятно, вамъ уже доставленъ № 8-й Современника. Ожидаю дружески-братскаго приговора вашего каждой статьѣ. Напрасно думали вы, что, увеличивъ сумму печатаемаго въ Соврем., я альманачныя статьи свои перемѣню на капитальныя. Это и въ планъ мой не входило. Я стремлюсь единственно къ разнообразію и занимательности статей. Для перваго нужно, чтобъ краткость ихъ давала возможность вносить ихъ побольше числомъ въ каждый номеръ; а занимательность еще менѣе зависитъ отъ дородности статьи: тонкій намекъ, умная острота, кстати вопросъ, краснорѣчивое молчаніе, вотъ орудія, до которыхъ я большой охотникъ, хотя, можетъ быть, ни разу еще ни одно изъ нихъ не пришлось по рукѣ моей. Тѣмъ не менѣе, дорожа ими, никакъ не могу я уйти на дорогу Б. или К., этихъ купчихъ въ литературѣ. Дѣйствительно, имъ по вкусу одно толстое. А. О. [6]) съ величайшею благодарностью приняла, препровожденные къ ней вами Нѣмецкіе стихи. Гротъ ими восхищается и не можетъ простить вамъ, что этихъ граціозныхъ картинъ, образовъ, оборотовъ и мыслей вы не хотѣли для Русскихъ дѣтей передать на родномъ ихъ языкѣ.

Разборы ваши статей въ № 7 Современника прелестны. Они чрезвычайно мѣтки и доказываютъ съ одной стороны, какъ участіе ваше къ журналу моему живо, а съ другой, какъ вашъ тактъ вѣренъ. Если бы вы жили здѣсь, въ Спб., я непремѣнно на васъ бы возложилъ писать, на подобіе нынѣшнихъ, коротенькіе отзывы о книгахъ ежемѣсячно выходящихъ, и увѣренъ, что эта часть моего журнала была бы самая читаемая, самая любимая публикою. Тогда и вы убѣдились бы, что разборцы, нынѣ мною составляемые, не оттого худы, что короче нежели въ От. Зап., а оттого, что рука, ихъ пишущая, изъ моего выходитъ плеча, а не изъ вашего.

Сообщаю вамъ новость: князь Вяземскій передалъ мнѣ присланныя Жуковскимъ въ Современникъ два новыя его стихотворенія: одно—Сказка (Русская) объ Иванѣ-царевичѣ и сѣромъ волкѣ, другое—Выборъ Креста. По безграничному пристрастію моему ко всему, что̀ только выходитъ изъ-подъ пера Жуковскаго, вы можете вообразить, какъ меня радуютъ подобныя пріобрѣтенія, падающія, такъ сказать, съ неба. Я уже и началъ № 9 сказкою. Она большая, слѣдственно ею не неприлично открыть шествіе книжки. Что̀ сдѣлалось съ Москвитяниномъ? Ужели и единственный въ первопрестольной сто-

---

[6]) Александра Осиповна Ишимова.

лицѣ журналъ долженъ исчезнуть? Какъ это грустно, и даже невыносимо-досадно! Грановскій, что жъ онъ заснулъ что ли? Вѣдь онъ сбирался двинуть Москвитянина. Или, обезславивъ себя тисненіемъ въ От. Зап., какъ сотрудникъ, онъ не смѣетъ выйти на поприще, требующее неукоризненнаго поведенія и имени неосрамленнаго? Въ 8 № Старшаго Возраста Звѣздочки обратите вниманіе на первыя пять статеекъ, составляющихъ разсказы изъ Исторіи Россіи. Это новый трудъ Грота. Онъ для Финляндцевъ [7]) сбирается разсказать всю нашу исторію коротко, ясно, занимательно и такъ легко, чтобъ всѣ они узнали ее. По моему мнѣнію, онъ мастеръ этого дѣла; съ любопытствомъ жду вашего объ этомъ отзыва.

10.

28 Августа 1845.

Присланное вами, любезный другъ Дмитрій Ивановичъ, стихотвореніе изъ Тульской деревни, подъ заглавіемъ: «21 Іюля 1845 года», вы найдете уже напечатаннымъ въ № 9 Современника. Сравнивъ его съ прежнею редакціею вашею, я нашелъ, что вы стали къ себѣ строже, нѣжнѣе возлюбивъ искусство, что картины ваши и идеи обдуманнѣе и что языкъ у васъ точнѣе. Не могу однакоже, любя васъ какъ брата и друга, умолчать, что и здѣсь встрѣчается своевольство ваше въ нѣкоторыхъ выраженіяхъ, такъ что я, въ увѣренности въ любви вашей ко мнѣ, рѣшился слова два-три замѣнить другими, тѣмъ болѣе, что журналъ не книга и что вамъ, какъ скоро пожелаете, легко будетъ возстановить собственную редакцію вашу при изданіи полнаго собранія стихотвореній вашихъ. Напр. вмѣсто стиха: «На по-игрѣ знакомыя тропинки», у меня вышло: «на узкія, знакомыя тропинки». Или, сказавши вверху: «О, милый край!» вы продолжаете: «и ты перемѣнилось», а я поставилъ «и все перемѣнилось». Наконецъ ваше слово «былка» (составленное сокращенно изъ былинка) я замѣнилъ проще словомъ «рожь». Что касается до заботы вашей объ Одиссеѣ, она пока остановилась на первыхъ 12-ти пѣсняхъ. Жуковскій съ новаго года до лѣта все хворалъ, лѣтомъ пилъ воды и купался. Теперь опять онъ примется за Одиссею. Не браните его за Ивана-царевича. Это вышло нѣчто въ родѣ простонародной Иліады. Тутъ онъ совокупилъ всѣ поэтическія сказки Русскихъ нянюшекъ и разсказалъ ихъ со всею простотою, точностью и поэзіей генія. Прочитавъ, сами согласитесь со мною. Одинъ Англичанинъ, Shaw, знающій порусски и чудною одаренный способностью переводить почти слово въ слово самые лучшіе Русскіе стихи на Англійскій языкъ (опыты его можете найти въ Эдинбургскомъ Magazine, мѣсяцъ Іюнь, издаваемомъ тамошнимъ книгопродавцемъ), тотчасъ же, лишь я прочелъ ему Ивана-царевича, началъ переводить его какъ драгоцѣннѣйшее произведеніе Русской литературы. Я впро-

---

[7]) Я. К. Гротъ въ то время былъ профессоромъ Гельсингфорскаго университета.

чемъ не пристрастенъ къ Жуковскому и чувствую, что если бы Языковъ такъ кончилъ свою драматическую сказку о томъ же предметѣ, какъ онъ ее началъ, то изъ этого бы вышло что-то божественно прекраснѣе, нежели что теперь у Жуковскаго. Жуковскій разсказалъ поэтическое созданіе какъ историкъ; а Языковъ умѣлъ дать ему все очарованіе игры народной, какъ будто бы онъ былъ самъ народный поэтъ.

11.

4 Ноября 1845.

Невѣдомскій [8]) недавно былъ здѣсь. Воскресенья и середы онъ проводилъ у меня. Всѣ наши знакомые въ восхищеніи отъ него. Въ самомъ дѣлѣ, не говоря о талантѣ, въ немъ рѣдкія качества ума, сердца и общежительности. Его прямодушіе, доброта, искренность и довѣрчивость такъ и горятъ въ прекрасныхъ глазахъ его. Магнетизерка дѣйствительно вылѣчила жену его; не вѣрьте послѣ этого въ чудеса! Литературная замѣтка ваша на статью Невѣдомскаго очень справедлива. Только одно не забудьте: у него особенный, самобытный талантъ, какъ и особенный предметъ; онъ пишетъ не статьи, которыя легко обработывать, а написалъ книгу въ 7-мь томовъ. Тутъ для таланта и живѣйшаго интереса можно простить всѣ промахи беллетристическіе. Біографія Францена [9]) есть повтореніе біографіи, написанной Гротомъ. Нынѣшній авторъ подновилъ ее, но не въ характерѣ картины, а въ характерѣ рамы, рѣшившись внести въ эту раму двѣ вещи, лежавшія у него на душѣ: 1) знакомство Русской публики съ новостію, какъ внѣ Россіи поэты съ своими стихами вступаютъ въ дѣла государственныя, и 2) какъ долженъ проводить жизнь и работать тотъ, кто осмѣлился провозгласить себя литераторомъ. Только съ этихъ точекъ и глядите на біографію Францена. А для истиннаго его біографа нужно сперва выучиться пошведски. Смертной казни Францена я не защищаю, а привожу ее какъ фактъ во всѣхъ отношеніяхъ достойный исторіи [10]).

Вы неправы, поставивъ Дельвиговы Греческія идилліи на одну линію съ Рыбаками Гнѣдича. И у послѣдняго есть въ краскахъ (не въ драмѣ) много истины, а первый проникнутъ весь ею. Вашъ взглядъ на жизнь простаго народа вполнѣ согласенъ съ моимъ, и я съ совершеннымъ удовольствіемъ прочелъ и перечитываю ваши идилліи. Думаю однако, что цензоръ своею лапою засалитъ въ нихъ нѣсколько словъ. Что̀ дѣлать! Къ этому всегда надо быть готову. Я очень обрадовался, увидѣвъ изъ вашего письма, что вы теперь въ періодѣ антологіи. Было время, когда и я упоевался жизнью, предаваясь

---

[8]) Тверской помѣщикъ, отставной кавалерійскій ротмистръ, скончавшійся въ Москвѣ въ 1853 году.

[9]) Извѣстнаго Шведскаго поэта.

[10]) Францень утверждалъ, что смертная казнь необходима для государственной нравственности.

этому роду поэзіи. Я уже написалъ довольно длинную о ней статью въ одномъ журналѣ, который издавался прежде рожденія вашего на свѣтъ. Онъ назывался: Соревнователь Просвѣщенія и Благотворенія. Тамъ я разбиралъ нѣкоторыя антологическія пьесы Пушкина, Батюшкова и князя Вяземскаго. Дай Богъ совладать вамъ съ Ляпуновымъ. Очень любопытно узнать мнѣ, какъ вы его представите: патріотомъ ли, или честолюбцемъ, или просто жертвою смутъ. И въ прозѣ антологія прекрасное дѣло.—Объявленія о Москвитянинѣ на 1846 годъ я не читалъ. Но, любуясь на выходящія (не въ срокъ) его книжки, я убѣжденъ, что одни сонные могутъ подписываться на такой журналъ. Дочего доходитъ цинизмъ***! Онъ не только разговариваетъ въ халатѣ съ публикою (№ 9 объ открытіи памятника Карамзину), но тутъ же пишетъ ей и доносъ на Уварова, зачѣмъ онъ предпочелъ ему Устрялова при выборѣ адъюнкта Академіи Наукъ. Другою отличительною чертою дѣятельности ***—безстыдное корыстолюбіе. Онъ даже съ Академіи Наукъ рѣшился сорвать взятку за какой-то свой историческій вздоръ, и прислалъ его на конкурсъ въ Демидовскую премію, оспаривая законъ, что сочиненія самихъ академиковъ, въ числѣ которыхъ состоитъ и онъ, не могутъ идти въ конкурсъ. На счетъ соприкосновенія идей и поэзіи Языкова, къ удивленію, мы не сошлись съ вами въ мысляхъ. Вѣроятно это случилось потому, что предметовъ слишкомъ многосторонихъ и слишкомъ неопредѣленныхъ нельзя разбирать въ короткихъ письмахъ, а нужно объ нихъ или долго вмѣстѣ разговаривать, или пересылать другъ другу цѣлыя диссертаціи.

Боже мой, какое униженіе, какая гадость быть журналистомъ! Безпрестанно принужденъ говорить о себѣ и даже друзей своихъ томить своими дѣлишками. Между тѣмъ, глядя на послѣдствія, нельзя не сознаться, что, послѣ изобрѣтенія книгопечатанія, еще не являлось у людей другаго двигателя умовъ и властителя надъ мнѣніями, а слѣдовательно и дѣяніями общества, столь вѣрнаго, столь могущественнаго и столь неотразимаго, какъ эти повременные листки, называемые журналами и газетами. Теперь пока они только волнуютъ умы, а придетъ время, когда они будутъ рѣшать все. И такое ихъ дѣйствіе происходитъ отъ того единственно, что они точно та капля воды, которая продалбливаетъ камень, безпрестанно падая на одно мѣсто.

12.

31 Декабря 1845.

Спѣшу въ послѣдній день стараго года побесѣдовать съ вами, безцѣнный другъ Дмитрій Ивановичъ, чтобы поблагодарить васъ за неизмѣнность вашихъ чувствъ съ того дня, какъ только я узналъ и полюбилъ васъ. Надѣюсь, что и съ новаго года ничто не измѣнится между нами. Особенно благодарю васъ за искренность, съ которою вы говорите о главномъ предметѣ, соединяющемъ насъ, о литературѣ и о представителѣ ея для насъ, Современникѣ. Давно я чувствовалъ сердечную потребность въ такомъ другѣ, который

бы, любя меня, говорилъ со мною о моей литературной дѣятельности безъ уклончивости и сомнѣнія.

На ваши замѣчанія касательно достоинства идиллій Дельвига, выписываю слова Пушкина, которыя недавно нашелъ въ моихъ бумагахъ и которыя Дельвигъ изъ скромности пропустилъ въ статьѣ Пушкина, печатая ее въ своемъ изданіи. «Идилліи Дельвига (говоритъ Пушкинъ) для меня удивительны. Какую силу воображенія должно имѣть, чтобы такъ совершенно перенестись изъ XIX столѣтія въ золотой вѣкъ, и какое необыкновенное чутье изящнаго, чтобы такъ угадать Греческую поэзію сквозь Латинскія подражанія и Нѣмецкіе переводы, эту роскошь, эту нѣгу, эту прелесть болѣе отрицательную, нежели положительную, которая не допускаетъ ничего напряженнаго въ чувствахъ, тонкаго, запутаннаго въ мысляхъ, лишняго, неестественнаго въ описаніяхъ!» (Отрывки изъ писемъ, мысли и замѣчанія. См. «Сѣверные Цвѣты»).

Наконецъ я ожидаю и скоро надѣюсь получить отвѣтъ Жуковскаго не только о переводѣ вашемъ изъ Шамиссо «Палача», но и вообще о вашей Музѣ. Отправивъ ему № 1 «Совр.» 1846 года (вы, конечно, уже получили его), я особымъ письмомъ просилъ Жуковскаго увѣдомить меня, что̀ онъ думаетъ о вашихъ стихотвореніяхъ, и при этомъ случаѣ разсказалъ ему всю исторію нашихъ дружественныхъ отношеній.

13.

5 Апрѣля 1846.

Объ Языковѣ, точно, я очень хорошаго мнѣнія, да и вамъ совѣтую его раздѣлять со мною. Онъ величайшій мастеръ воплощать поэтическія свои идеи, не запутываясь ни въ выраженіяхъ, ни въ риѳмахъ. Онъ, кажется, и мыслитъ всегда стихами. Вамъ надобно помнить, что судьба ошибкою послала васъ въ міръ послѣ Пушкина. Вы поэтъ его времени; оттого и привлеклись вы душою къ Ѳ. Н. Глинкѣ, ко мнѣ, къ Гроту, а не къ Краевскому, не къ Бѣлинскому, не къ Майкову даже. Слѣдовательно уже по элементамъ своей души вы не можете не любить Языкова. У васъ проскочило противъ него слово только ошибкою времени, которое подумало, что этотъ молодой поэтъ идолопоклонничаетъ передъ Лермонтовымъ и Достоевскимъ: анъ ошиблось оно, это слѣпое время; нашъ Дм. Ив. поклоняется дѣйствительнымъ божествамъ поэзіи. У Берга есть крѣпость стиха: вотъ что мнѣ нравится.

Два раза уже недавно писалъ ко мнѣ Гоголь. Онъ въ Римѣ и жалуется на плохое свое здоровье. Ему одинъ здѣшній художникъ предложилъ было 2-ое изданіе Мертвыхъ Душъ со ста большими картинками и съ несмѣтнымъ числомъ маленькихъ; но Гоголь отвѣчалъ, что картинки при книгѣ считаетъ онъ за конфектныя снадобья, которыми приправляютъ дрянь. Это совершенно мое убѣжденіе.

Пожалуйста познакомьтесь съ Коссовичемъ. Онъ учитъ погречески во 2-ой гимназіи. Отъ него много можно узнать о Санскритской литературѣ.

14.

3 Іюня 1846.

Вы жалуетесь, что въ Москвѣ не съ кѣмъ посовѣтоваться. На это я скажу вамъ два замѣчанія. Во 1-хъ, вспомните слова Пушкина: «Ты самъ свой высшій судъ»; слѣдовательно только надобно отбросить лѣнь, которая гонитъ отъ насъ всякое новое исправленіе, какъ нѣчто нарушающее спокойствіе ея. Во 2-хъ, въ Москвѣ много людей, судящихъ здраво о выраженіяхъ стихотворныхъ. Указываю на М. А. Дмитріева, на Ѳ. Н. Глинку, на К. А. Коссовича, на С. П. Шевырева, даже на Н. В. Берга. Въ вашей волѣ избрать изъ нихъ одного, сблизиться съ нимъ и условиться, чтобы въ чтеніи высказываемо было чистосердечно все, чтò покажется требующимъ исправленія. Пораспросите у Ѳ. Н. Глинки, какъ въ старину бывало это между нами, когда еще живы были Гнѣдичъ, Дельвигъ, Баратынскій и Пушкинъ. Мы не сердились на критику, даже самую придирчивую. Оттого и стихи прошлыхъ лѣтъ были исправнѣе и чище нынѣшнихъ. Замѣтьте въ № 6 разборецъ мой Бѣлинскаго брошюры о Полевомъ. Бѣлинскій глумится надъ стариннымъ обыкновеніемъ, что молодые писатели, прежде печатанія сочиненій своихъ, прочитывали ихъ съ людьми опытными. А я нахожу, что этою одною чертою онъ выразилъ все превосходство прежнихъ писателей нашихъ надъ нынѣшними, и нельзя было положить клейма болѣе постыднаго на лобъ Полеваго, какъ сказать, что онъ отъ этого отучилъ молодыхъ писателей. Самъ онъ рубилъ съ плеча дичь, да и другихъ ввелъ въ это же правило.

Но я заболтался съ вами, забывъ, что истину вы чувствуете и понимаете яснѣе меня. Желаю, чтобы въ деревнѣ воскресли вы душею для небесныхъ радостей поэзіи, и чтобы она сіяла надъ вами незаходимою звѣздою.

15.

2 Сентября 1846.

Гоголя не обвиняйте въ напыщенности: его статья видимо вылилась отъ полноты убѣжденія въ важности перевода Одиссеи. Не такъ пишутъ фразеры. Да онъ нынѣ и совсѣмъ сталъ человѣкъ новый по душѣ. Я печатаю теперь новую книгу его (выборъ изъ его писемъ къ друзьямъ), гдѣ онъ является не комическимъ писателемъ, а высокой назидательности христіаниномъ. И это, еще скажу, по сердечному увлеченію. Такъ не пишутъ фразеры. О новомъ изданіи Баратынскаго пока еще и помину здѣсь нѣтъ, а я въ частыхъ сношеніяхъ съ его семействомъ. Вяземскій никогда еще не былъ издаваемъ вполнѣ. Теперь онъ приготовилъ къ изданію только біографію Фонвизина. Согласенъ во всемъ на счетъ статьи объ Овербекѣ. Зелено! Отношенія между Музами вашею и Ѳ. Н. мнѣ совершенно понятны. Между тѣмъ непремѣнно поклонитесь ему отъ меня и скажите, что я не отвѣчалъ ему вò время единственно въ ожиданіи видѣть его здѣсь, а теперь поздно. Я не желалъ бы видѣть въ васъ настойчиваго антагониста Бергу, хоть и не знаю его лично. Онъ

по крайней мѣрѣ не бросился въ омутъ торгашества, а придерживается стороны честныхъ литераторовъ, что̀ въ нашу эпоху немаловажная заслуга передъ Аполлономъ. Сю и Дюма хороши въ оригиналѣ и для Французовъ, какъ у насъ Барковъ хорошъ для лакеевъ и для подъячихъ. Но выбрать ихъ образцами школы въ литературѣ можетъ только Ольхинъ да К., уступающій немного первому по уму и благородству чувствъ.

Благодарю за подробности о фамиліи Аксаковыхъ. Я отправляю тетрадь Калужскаго Аксакова, всю испещренную Очкинымъ. Ваше знакомство съ Языковымъ меня порадовало. Изъ поэтовъ, еще участвующихъ нынѣ въ Русской литературѣ, это, конечно, самый талантливый послѣ Жуковскаго. Я его помню розовымъ юношею, полнымъ силъ и жизни. Какъ грустно думать, да какого разслабленія физическаго могутъ довести насъ годы. Но еще слава Богу, что душа его и талантъ сохранили всю свою свѣжесть и даже юность. До сихъ поръ какъ стихъ его цвѣтетъ и благоухаетъ, какъ игривъ, остеръ и крѣпокъ!

Коссовича я и люблю и уважаю. Если онъ не будетъ подавленъ тяжелымъ игомъ службы, мы въ немъ впервыя увидимъ изъ Русскихъ истинно-ученаго человѣка въ полномъ Европейскомъ смыслѣ. Сколько у него проницательности ума, сколько начитанности и свѣдѣній. Онъ также ясно постигаетъ тайны Нѣмецкой философіи, какъ и восточной филологіи. Обнимите обоихъ отъ меня. Переводъ драмы Коссовича уже доставленъ мнѣ. Это подвигъ, превышающій разумѣніе Русскихъ критиковъ.

16.

4 Октября 1846.

О времени выхода писемъ Гоголя трудно сказать вѣрно, потому что цензоръ Никитенко задерживаетъ самыя тоненькія тетрадки оригинала недѣль по 5 ти и 6-ти. На счетъ передачи Современника Бѣлинскому и Некрасову я не могу истолковать молвы иначе, какъ усильнымъ желаніемъ Никитенки и Панаева избавить меня отъ журнальныхъ хлопотъ, на которыя жалуюсь я часто и серьезно. Эти два литератора охотно берутся, одинъ—быть редакторомъ, а другой издателемъ, съ тѣмъ однакоже, чтобы Современникъ оставался моею собственностью, и чтобы, по миновяніи десяти лѣтъ, буде найду необходимымъ, я снова самъ принялся за редакцію моего журнала. Признаюсь, когда я теперь подумаю только, что 10 лѣтъ могу пользоваться совершенною свободою, лѣтомъ ѣздить за-границу и всюду, куда захочу, зимой заниматься обработываньемъ литературныхъ своихъ матеріаловъ, навѣщать друзей въ Москвѣ, Одессѣ, въ Крыму, то разливается по сердцу какое-то неизъяснимо-сладкое ощущеніе. Но увы! Для осуществленія столь восхитительной мечты нужно разрѣшеніе министра, а можетъ быть и еще кого повыше. При этомъ помышленіи я опять падаю съ небесъ и вновь вижу себя до гроба за корректурой, рабомъ публики и на вѣкъ погибшимъ для друзей и высшей литературы.

13.

8 Ноября 1846.

Ничто меня не можетъ столько огорчить, какъ недовѣрчивость друзей: «Если вы перестанете писать ко мнѣ, или будете писать такъ коротко, какъ послѣдніе два раза» и т. д. Зачѣмъ подобными словами терзать меня? Развѣ не чувствуете вы, что для того-то и необходимо мнѣ было бросить Современникъ, чтобы получить возможность сохранить истинныхъ друзей и, вмѣстно растлѣнной публики, имъ отдать все свое сердце и даже перо, буде найдутся изъ нихъ охотники до него? Ужели еще не вѣрите вы, что я, буквально говоря, не могу писать столько и ко всѣмъ самымъ милымъ мнѣ людямъ, какъ желалъ бы? Вообразите: теперь, въ одно и тоже время, я пишу біографію Крылова къ полному изданію его сочиненій, составляю и поправляю статьи и библіографію для Современника, готовлю отчетъ по Академіи Наукъ, другой по Университету, читаю корректуру Современника, Крылова и третью Гоголя, ведя по послѣднему труду переписку съ нимъ, съ цензорами, даже съ лицами высочайшаго двора, отвѣчаю Жуковскому касательно изданія его и переговариваюсь съ антрепренёрами по этому дѣлу, переписываюсь съ Шевыревымъ о постановкѣ и цензированіи пьесъ для Щепкина, передаю изданіе біографій, написанныхъ Анною Зонтагъ и съ нею переписываюсь о томъ. Словомъ, я задавленъ этими посторонними дѣлами сверхъ профессорства и ректорства; а вы еще не довѣряете дружбѣ моей и упрекаете меня! Вспомните, что шесть уже лѣтъ я дважды каждую недѣлю пишу къ Гроту. Нѣтъ, благословимъ Провидѣніе, что оно умудрило Бѣлинскаго подцѣпить насъ (буде то правда) и тѣмъ доставить намъ способъ любить прямо искусство и ему посвящать силы свои, а не глупымъ журнальнымъ сплетнямъ. Мы будемъ издавать не книжонки, а прямо книги въ стихахъ и прозѣ. Пусть забудутъ насъ Современникъ и подобные имъ современные журналы: мы воскреснемъ въ потомствѣ. Да, это вѣрно такъ, какъ вѣрно то, что стихи ваши: «Я думаю о немъ» прелестны. Это роскошь поэзіи, напоминающая прошлыя времена, времена Батюшкова и Пушкина.

О собраніи вашихъ стихотвореній въ одну книгу успѣемъ переговорить. Она должна начаться печатаніемъ въ Августѣ, чтобы къ Ноябрю явиться: таковы законы для хорошихъ изданій.

14.

7 Февраля 1852.

Можетъ быть, любезный другъ Дмитрій Ивановичъ, вы и вспомнили роковыя для меня въ году числа: 29 Декабря и 8 Февраля? Я готовлю къ нимъ годовые отчеты по Академіи и Университету; оттого около этого времени моя, всегда исправная, корреспонденція какъ-то хромаетъ. Вотъ что даетъ мнѣ надежду, что вы или не сердитесь за мое, непростительное въ другомъ случаѣ, молчаніе, или уже готовы простить меня.

За ваши добрыя и искреннія желанія я и жена моя, участница во всемъ, сердечно благодаримъ васъ и взаимно тѣмъ же вамъ платимъ.

Вопросъ вашъ: «люблю ли я по прежднему поэзію?» совершенно лишній, если вы меня понять успѣли. «Она мнѣ жизнь, она мнѣ радость!» говоритъ Хозарскій ханъ про свою подругу; а я это твержу про поэзію. Перемѣниться мнѣ ужъ поздно.

Щербину и я знаю, какъ лично, такъ и по стихамъ. Дѣйствительно, это прекрасный талантъ и прекрасный юноша. Поклонитесь ему отъ меня. Посовѣтуйте ему не вдаваться въ бездѣйствіе. Скажите, что творчество требуетъ постоянной и упорной дѣятельности. Оно развиваетъ свои созданія въ напряженіи силъ, а не въ покоѣ и отдохновеніи. Укажите ему на Жуковскаго: почти 70-ти лѣтъ онъ, какъ юноша, ежедневно встаетъ въ 5 часовъ и ежедневно работаетъ.

Не спрашивайте, чтò я дѣлаю. Сами вы служили, такъ знаете, чтò тутъ дѣлаютъ. Мое свободное время все поглощено оффиціальными дѣлами; къ тому же въ домѣ у меня четвертый годъ страдаетъ недвижно-больная мать жены моей. Это покрываетъ всѣ дни наши тяжелымъ и неразсѣевающимся мракомъ.

Мнѣ нравится, что вы углубляетесь въ положительныя науки. Талантъ ненасытимъ, онъ вездѣ находитъ для себя пищу; но иногда животворите его и пищею, болѣе ему сродною.

Анекдоты прошлаго столѣтія [1].

Одинъ крестьянинъ въ Петербургѣ предсказалъ какъ-то весною, что въ слѣдующемъ Сентябрѣ будетъ страшное наводненіе, такъ что вода хлынетъ выше стараго дуба, росшаго между Невою и каѳедральнымъ соборомъ въ крѣпости. Предсказаніе это всѣхъ напугало и озаботило прісканіемъ убѣжища отъ потопа. Петръ I-й видѣлъ съ горемъ, что большинство жителей его новой столицы готово покинуть ее при первомъ удобномъ случаѣ. Объясняя это или интригою въ средѣ своихъ приближенныхъ, или тѣмъ, что въ народѣ нашлись такіе, которымъ надоѣло жить въ отдаленіи отъ родины, Петръ рѣшился пресѣчь зло въ началѣ. Первымъ дѣломъ онъ приказалъ срубить дерево, вызывавшее мысли о наводненіи. Допросы, которымъ были подвергнуты многія лица, привели къ открытію предсказателя. Это былъ одинъ изъ крестьянъ, вызванныхъ нарочно и разселенныхъ по Финскимъ деревнямъ. Его посадили въ крѣпость. Въ концѣ Сентября его привезли на то мѣсто, гдѣ лежалъ еще срубленный дубъ, взвели на устроенныя для того подмостки и въ присутствіи народа, собраннаго по приказанію Царя, дали ему пятьдесятъ ударовъ кнутомъ. Послѣ наказанія, народу было прочтено вразумленіе и предостереженіе противу пагубнаго суевѣрія и всякаго рода пройдошествъ. По прежнимъ примѣрамъ Петръ зналъ, что предсказанное событіе было возможно, но не допускалъ, чтобы кто бы то ни было могъ его предвидѣть.

*

По дорогѣ изъ Нарвы въ Ревель, почти верстъ за 100 отъ сего послѣдняго, находится прекрасная Гальяльская церковь (Haljal), названная такъ по мѣсту своей постройки. Между многими находящимися тамъ Шведскими гробницами обращаетъ на себя вниманіе одна, въ которую въ 1652 году положены были тѣла двухъ дѣвицъ Гротъ. Высохшія, желтыя, безъ запаха, тѣла эти вполнѣ сохранились. Кожа ихъ на первый взглядъ походитъ на пергаментъ; растянутая пальцами, она чрезвычайно эластично сжимается опять. Внутренности труповъ, должно быть, совершенно высохли, если не уничтожены вовсе. Петръ I-й, остановившись въ тѣхъ мѣстахъ съ своими войсками, не хотѣлъ этому вѣрить; но, удостовѣрившись и боясь, чтобы толки о чудѣ въ средѣ суевѣрныхъ солдатъ не надѣлали переполоха, нашелъ нужнымъ пояснить своимъ генераламъ и офицерамъ естественныя причины этого явленія. Кромѣ органическихъ свойствъ тѣлъ, Петръ объяснилъ ихъ нетлѣнность вліяніемъ воздуха и песчанаго грунта.

*

---

[1]) См. выше, стр. 166 и 280.

Графъ С. вышелъ изъ крѣпостныхъ барона Тизенгаузена, наслѣдники котораго до сего времени владѣютъ мѣстечкомъ Везенбергомъ, бывшимъ нѣкогда городкомъ. Проѣздомъ черезъ Ревель, я посѣтилъ вдову барона. Меня оставили обѣдать. Вотъ что я слышалъ за столомъ отъ баронессы: «Вы сидите на мѣстѣ моего покойнаго мужа», сказала она. «Въ теченіи долгаго времени я помню, какъ сзади него стоялъ лакеемъ графъ С., тогда еще нашъ крѣпостной. Повѣрите ли, что этотъ человѣкъ, который ничего не можетъ имѣть противъ меня кромѣ развѣ того, что былъ моимъ крѣпостнымъ, постоянно меня преслѣдуетъ. Онъ вводитъ меня въ большія издержки на стряпчихъ и судей, по милости которыхъ осталось немало вдовъ и сиротъ; старается взбунтовать противъ меня крестьянъ, внушая имъ, что они имѣютъ права и привиллегіи горожанъ, неподвластны мнѣ и люди свободные; благодаря, наконецъ, его каверзамъ и козиямъ, я у себя дома не могу быть спокойна даже за свою жизнь. Вотъ какъ онъ сдѣлалъ свою карьеру. Бѣжавъ изъ моего Везенберга, онъ пробрался въ Петербургъ и тамъ пристроился на службу при дворѣ императрицы Елисаветы. Сначала ему дали одну изъ низшихъ должностей на кухнѣ. Такъ какъ онъ отличался пріятною наружностью и притомъ глядѣлъ здоровякомъ, то постепенно повышался на должностяхъ придворнаго лакея, прислужника за императорскимъ столомъ, старшаго лакея, затѣмъ камеръ-юнкера, камергера и наконецъ гофмаршала. При восшествіи на престолъ Екатерины II его уволили въ отставку. И вотъ теперь онъ проживаетъ въ своихъ великолѣпныхъ помѣстьяхъ, однимъ изъ первыхъ Русскихъ вельможъ».

*

Петръ I-й исправно посѣщалъ общественное богослуженіе. Онъ не допускалъ, чтобы работали въ воскресные дни и, даже въ то время, когда особенно нуждался во флотѣ, позволялъ работать на верфи только по окончаніи божественной службы. Онъ часто говаривалъ: «кто забываетъ Бога и не исполняетъ заповѣдей Его, тотъ, сколько бы ни трудился, не сдѣлаетъ многаго, ибо не осѣненъ благословеніемъ свыше».

Извѣстно, что, желая ознакомиться съ догматами разныхъ исповѣданій, Петръ посѣщалъ ихъ храмы и нерѣдко вступалъ въ духовныя бесѣды съ католическими, реформатскими и другими духовными лицами. Въ тайнѣ онъ благоволилъ къ протестантству, съ особеннымъ вниманіемъ слушалъ проповѣди лютеранскихъ пасторовъ и сѣтовалъ на то, что не могъ внушить своему духовенству то простое и общедоступное понятіе о нравственности, которое составляетъ сущность лютеранскаго вѣроученія.

Узнавъ однажды въ Москвѣ у протестантскаго пастора о днѣ, назначенномъ для причастія, Петръ вошелъ въ церковь среди проповѣди, знакомъ пригласилъ присутствовавшихъ не трогаться съ мѣста и, сѣвъ близъ алтаря, внимательно дослушалъ проповѣдь. Когда запѣли причастный стихъ, Петръ спросилъ книгу, гдѣ было замѣчено это мѣсто. Два пастора стали преподавать причастіе. Петръ подошелъ поближе, чтобы вслушаться въ тѣ слова, которыя они произносили при этомъ. По окончаніи богослуженія, онъ долго бесѣдовалъ съ ними, выразилъ имъ свое удовольствіе и обѣщалъ покровительство.

Петръ требовалъ самаго строгаго благочинія въ церквахъ и не терпѣлъ чтобы разговаривали во время богослуженія. Въ тѣхъ церквахъ, которыя онъ

посѣщалъ, какъ-то: въ придворной, св. Троицы и др., онъ завелъ особыя кружки, куда съ разговаривавшихъ собирались штрафы въ пользу бѣдныхъ. Замѣчать и докладывать о таковыхъ поручалось довѣреннымъ лицамъ. Если попадались лица высокопоставленныя, то они должны были немедленно класть въ кружку рубль; если же кто либо изъ простонародья, то Петръ собственноручно билъ виновнаго палкою, по выходѣ изъ церкви. Въ Александро-Невской лаврѣ сохранился ящикъ, придѣланный къ стѣнѣ еще въ его царствованіе. Къ желѣзной скобѣ, которая его обхватываетъ, публично приковывали тѣхъ, которые вторично попадались въ разговорахъ во время богослуженія или причиняли болѣе важные безпорядки въ церкви.

*

По заключеніи мира въ 1721 году, Петръ I-й назначилъ посланникомъ въ Швецію Михаила Петровича Бестужева, въ послѣдствіи графа и гофмаршала при дворѣ императрицы Елисаветы. Петръ приказалъ ему явиться за послѣдними приказаніями на другой день въ четыре часа утра, предварительно же побывать у Андрея Ивановича Остермана, отъ котораго получитъ инструкціи и въ назначенный часъ привести Остермана съ собою. Чтеніе инструкцій заняло часть ночи, и Остерманъ сказалъ Бестужеву: «спать уже поздно, пойдемъ поужинаемъ и разсѣемся пока».

Въ три съ половиною часа они были въ передней царя и нашли тамъ только одного деньщика, котораго и просили доложить о себѣ. Деньщикъ отвѣчалъ, что Царь уже съ полчаса какъ прохаживается по комнатѣ, но что раньше назначеннаго времени доложить онъ не смѣетъ. Пробило четыре часа. Бестужевъ и Остерманъ вошли. Царь былъ въ короткомъ халатѣ, толстомъ почномъ колпакѣ [1]) и чулкахъ, спустившихся до туфель. Здравствуйте, сказалъ онъ вошедшимъ. Который часъ?»—Четыре часа.—«Просмотрѣлъ ли ты съ Бестужевымъ», обратился Петръ къ Остерману, «тѣ инструкціи, которыя ему слѣдуетъ дать?»—Да, Государь».—«А ты», спросилъ онъ Бестужева, «также прочиталъ и понялъ ихъ?»—«Да, Государь».—«Не нашелъ ли въ нихъ чего нибудь неяснаго, не имѣешь ли что спросить у меня?»—«Нѣтъ, Государь». Не довѣряя этимъ отвѣтамъ, Петръ задалъ Бестужеву нѣсколько вопросовъ, на которые тотъ отвѣчалъ вполнѣ удовлетворительно.—«Дѣйствительно, ты понялъ, что̀ долженъ сдѣлать для пользы моего государства. Возьми записную книжку; я продиктую тебѣ, что̀ ты сдѣлаешь лично для меня; будь внимателенъ. Такъ какъ климатъ въ Стокгольмѣ почти такой же какъ въ Петербургѣ, то я бы желалъ, чтобы ты прислалъ мнѣ оттуда людей, свѣдущихъ въ земледѣліи, хозяйствѣ и лѣсоводствѣ, а также плотниковъ, каменщиковъ, искусныхъ слесарей, оружейниковъ, главнымъ же образомъ умѣющихъ хорошо дѣлать ружейные замки, мѣдниковъ, стальныхъ дѣлъ-мастеровъ и т. п.» Продиктовавъ все, Петръ приказалъ Бестужеву перечитать записанное, чтобы повѣрить, не пропустилъ ли онъ чего нибудь. «Обо всемъ касающемся Иностранной Коллегіи», сказалъ Петръ, «ты можешь сноситься съ нею; что̀-же до моихъ порученій, то будешь писать прямо ко мнѣ. Пиши просто, безъ глупыхъ формальностей, но пиши только дѣло, адресуя Петру Алексѣевичу». (Бестужевъ всю жизнь, какъ драгоцѣн-

[1]) Внутри этотъ колпакъ былъ выложенъ полотномъ, потому что Петръ много потѣлъ.

ность, хранилъ связку писемъ, полученныхъ отъ Петра за время своего посланничества въ Швеціи). Отпуская его и пожелавъ счастливаго пути, Петръ на прощанье прибавилъ: «Будь исправенъ и вѣренъ на трудномъ мѣстѣ, которое тебѣ довѣряется; не сомнѣваюсь, что ты оправдаешь мои ожиданія, и тогда я позабочусь о твоемъ будущемъ; но если ты обманешь мои надежды, то будешь имѣть во мнѣ такогоже неумолимаго врага, какъ теперь имѣешь благожелателя и друга. Ступай съ Богомъ!» При этомъ Петръ, по обыкновенію, поцѣловалъ его въ голову.

*

Русскіе пишутъ еще по старинному, на колѣняхъ. По всей вѣроятности это заимствовано ими у Грековъ. По положенію многихъ античныхъ статуй можно заключить, что Греки имѣли эту привычку. Галіенъ говоритъ даже, что колѣни у человѣка предназначены Творцемъ именно для такого употребленія. Отсюда, можетъ быть, у нихъ была пословица: богъ въ колѣняхъ. У Персовъ еще болѣе странный способъ писать: на лѣвой рукѣ, поднятой вертикально. Нѣкоторые изъ нихъ подкладываютъ подъ бумагу, для удобства, кожаный портфель; но большинство пишетъ прямо на рукѣ.

*

Императрица Елисавета, выбравъ себѣ въ наслѣдники герцога Шлезвигъ-Гольштинскаго, сына сестры своей, приставила къ нему воспитателей и учителей. Часто она приходила на его уроки въ утреннемъ костюмѣ и оставалась на нихъ по нѣскольку часовъ. «Отцу моему доставляло большое удовольствіе», говорила она, «навѣщать насъ съ сестрою и вникать въ наши занятія. Онъ никогда не уходилъ отъ насъ, не давъ какого нибудь полезнаго совѣта. Онъ заставлялъ насъ разсказывать чтó мы выучивали въ теченіе дня и, выслушивая насъ, онъ приходилъ въ такое восхищеніе, что цѣловалъ и дѣлалъ намъ иногда хорошіе подарки!»

Однажды Елисавета вошла къ своему племяннику въ то время, когда онъ занимался черченіемъ крѣпости по методѣ Когорна. «Можешь убѣдиться на дѣлѣ, какъ полезно знаніе» сказала она. «Припоминаю, какъ батюшка часто говаривалъ, что охотно-бы далъ отрубить себѣ палецъ, чтобы перевоспитаться съизнова. На каждомъ шагу онъ убѣждался въ небреженіи, съ какимъ относились къ его образованію. Однажды онъ удивилъ насъ съ сестрою, переведя страницу съ Французскаго. Какъ вы счастливы, воскликнулъ онъ, что въ молодости пріобрѣли всѣ тѣ познанія, которыхъ мнѣ недостаетъ!»

На это можно-бы сказать Елисаветѣ: если Петръ до такой степени понималъ пользу ученія въ дѣтскіе годы, то отчего не попытался примѣнить тогоже къ несчастному сыну своему Алексѣю?

*

Одного Русскаго царедворца за какую-то вину посадили въ крѣпость. Петръ 1-й положилъ себѣ, что заключенникъ выйдетъ изъ нея не иначе, какъ подъ кнутъ на публичномъ мѣстѣ. Императрица и знатныя особы, принимавшія участіе въ его судьбѣ, стали за него просить. Царь, разгнѣванный этимъ, запретилъ подъ страхомъ немилости обращаться съ просьбами о прощеніи. Тогда ходатаи, не унывая, прибѣгли къ слѣдующей хитрости. У Царя была

левретка, которую онъ очень любилъ и которая была къ нему чрезвычайно привязана. Въ его отсутствіе, въ ошейникъ собачки вложили прошеніе, дѣльно написанное. Когда Петръ возвратился къ себѣ, собачка, по обыкновенію, бросилась ласкаться и прыгнула къ нему на шею. Замѣтивъ бумагу, Петръ выдернулъ ее, развернулъ, прочелъ и расхохотался. «И ты Лизка стала подавать челобитныя? Такъ какъ это первый разъ, то быть по твоему!» Тотчасъ же посланъ въ крѣпость нарочный объявить заключеннику прощеніе. Когда Лизка околѣла, изъ нея сдѣлали чучелу и поставили въ кабинетѣ натуральной исторіи при Академіи Наукъ.

*

Въ началѣ 1723 года Петръ 1-й почувствовалъ сильную боль въ пузырѣ, имѣвшую послѣдствіемъ задержаніе мочи. Объ этомъ Петръ сказалъ только одному изъ своихъ слугъ, который обратился къ знакомому шарлатану, Брабансону, бывшему тогда въ Петербургѣ. Послѣдній далъ нѣкоторыя палліативныя средства, которыми Петръ и удовольствовался.

Въ началѣ лѣта 1724 года болѣзнь Петра усилилась. Тогда позвали доктора *Блюментроста*, который, видя, что положеніе больнаго серьезно, просилъ пригласить себѣ въ помощь доктора *Бидло* изъ Москвы. Блюментростъ не покидалъ комнаты больнаго въ теченіи нѣсколькихъ недѣль. Аптекарь *Липгольдъ* съ хирургомъ *Паульсономъ* безпрестанно приготовляли промывательныя и мягчительныя припарки. Искусный операторъ, Англичанинъ *Горнъ* дважды вводилъ больному катетръ, но могъ извлечь влаги не болѣе стакана. Петръ не вставалъ съ постели сряду четыре мѣсяца.

Въ Сентябрѣ явилась нѣкоторая надежда на выздоровленіе. Доктора успокоились; изліяніе у больнаго стало совершаться естественно. Тогда Петръ, вообразивъ себя внѣ опасности и въ состояніи посѣщать разныя начатыя работы, приказалъ снарядить яхту и подвести ее по Невѣ къ дворцу. Блюментросту послали сказать, чтобы онъ явился на берегъ съ лѣкарствами и людьми, въ которыхъ можетъ встрѣтиться надобность, для сопровожденія Петра въ Шлиссельбургъ, гдѣ Царь хотѣлъ осмотрѣть работы по Ладожскому каналу (начатыя генераломъ Минихомъ). Блюментростъ сталъ убѣдительно упрашивать Петра обождать еще нѣкоторое время, но безуспѣшно. Тогда онъ запасся лѣкарствами и на всякій случай взялъ съ собою Паульсона.

Осмотрѣвъ Ладожскій каналъ и сдѣлавъ нужныя распоряженія, Петръ проѣхалъ въ древній городъ Ладогу, оттуда въ Новгородъ, затѣмъ въ Старую Русу (на озерѣ Ильменѣ) посмотрѣть, какъ исполняются послѣднія его распоряженія относительно соловаренъ и освидѣтельствовать каналъ, который приказалъ прорыть для удешевленія доставки необходимаго соловарнямъ лѣса. Въ этихъ разъѣздахъ Петръ провелъ большую половину Октября. Тутъ погода измѣнилась къ худшему, а съ этимъ возобновились и его страданія.

5-го Ноября Петръ возвратился въ Петербургъ, но вмѣсто того, чтобы засѣсть во дворцѣ, отправился на Лахту. Тамъ, увидавъ ставшее на мель гребное судно съ матросами и солдатами, плывшими изъ Кронштадта, онъ послалъ къ нимъ шлюпку; но, находя, что приказаніе его исполняется медленно, поѣхалъ на помощь въ другой шлюпкѣ самъ, сошелъ по поясъ въ воду и возвратился очень довольный, что спасъ жизнь десяткамъ двумъ людей. Петръ остался ночевать на Лахтѣ, намѣреваясь отправиться на другой

день въ Систербекъ; но, проведя ночь въ страданіяхъ отъ жгучей боли внизу живота, онъ вынужденъ былъ возвратиться въ Петербургъ.

Въ Декабрѣ болѣзнь приняла опасный видъ и грозила воспаленіемъ. Блюментростъ просилъ Императрицу созвать консиліумъ изъ всѣхъ Петербургскихъ докторовъ. О состояніи больнаго сообщили Русскимъ посланникамъ въ Берлинъ и Гагу, чтобы узнать мнѣнія Прусскаго доктора *Шталя* и знаменитаго *Германа Боергавена* (Boerhaaven), жившаго въ Лейденѣ.

На Крещенье Петръ, не чувствуя себя лучше, сдѣлалъ на Невѣ смотръ гвардіи. Была оттепель, и Петръ болѣе получаса простоялъ на льду, поверхъ котораго бѣжала вода. Послѣ этого ему стало хуже, и 28 Января 1725 года онъ скончался въ невыразимыхъ мученіяхъ. Изъ Лейдена и Берлина мнѣнія консультантовъ не были еще получены. По вскрытіи трупа, всѣ части, прилегающія къ мочевому пузырю, нашли пораженными гангреной, а сжимательную мышцу затвердѣлою до такой степени, что ее нельзя было перерѣзать никакими хирургическими инструментами.

Боергавенъ смѣялся надъ Петербургскими докторами, говоря, что Царя можно было спасти лѣкарствомъ на пять копѣекъ, и находилъ особенно страннымъ, что за совѣтомъ къ нему обратились уже тогда, когда никакая помощь была невозможна. Русскіе медики, понимая всю справедливость мнѣнія Боергавена, свалили причину смерти царя на шарлатана Брабансона, къ которому яко бы Петръ имѣлъ слѣпое довѣріе, и на собственную неосторожность больнаго. Брабансонъ, напуганный этимъ, исчезъ и неизвѣстно что̀ съ нимъ сталось.

*

Елисавета любила скорую ѣзду. Зимою на дорогу изъ Петербурга въ Москву она употребляла обыкновенно 48 часовъ. Ея сани, снабженныя печью и столикомъ для игры, запрягались двѣнадцатью лошадьми, каждая пара которыхъ имѣла ѣздоваго. Главный кучеръ, очень искусный въ своемъ дѣлѣ, сидѣлъ рядомъ съ другимъ, который правилъ. Сзади нихъ помѣщалось нѣсколько камергеровъ. Сани окружала кавалькада. Большую дорогу къ проѣзду Императрицы выравнивали такъ тщательно, чтобы на ней не попадалось и комка снѣгу. Лошади, выставленныя вездѣ за четыре недѣли до ея проѣзда, откармливались однимъ овсомъ. Лошадь, павшую въ дорогѣ, за которую Императрица платила, безъ потери времени замѣняли другою. На случай, еслибы пали и всѣ двѣнадцать, сзади имѣлась дюжина запасныхъ лошадей. Перепряжка происходила моментально, при помощи мастерски приспособленныхъ крючковъ. Ночью дорога освѣщалась смоляными бочками.

*

Елисавета была также поспѣшна въ постройкѣ своихъ дворцевъ, какъ и въ путешествіяхъ. Однажды, когда она собиралась въ Москву, ей захотѣлось имѣть тамъ дворецъ проще и удобнѣе Кремлевскаго и притомъ одноэтажный. Немедленно отправили туда нѣсколько тысячъ корабельныхъ мастеровъ. По данному плану работа закипѣла съ ранняго утра, продолжаясь ночью при свѣтѣ факеловъ, и въ 24 часа дворецъ былъ совершенно отстроенъ.

*

Въ царствованіе Елисаветы одинъ лютеранскій пасторъ, Финнъ, и православный священникъ, встрѣтясь на улицѣ, не хотѣли уступать другъ другу дорогу. Тогда пасторъ, выхвативъ изъ кармана пистолетъ, сталъ имъ грозить священнику. Послѣдній уступилъ дорогу, но, прибывъ въ Петербургъ, первымъ дѣломъ поспѣшилъ подать жалобу въ Сенатъ. Разсмотрѣвъ дѣло, Сенатъ, съ одобренія Императрицы, присудилъ: наказать пастора кнутомъ, въ облаченіи, на всѣхъ четырехъ углахъ Петербурга. Этотъ приговоръ возмутилъ все лютеранское духовенство столицы. Оно поспѣшило предостеречь дворъ, что сочтетъ себя оскорбленнымъ, если его сочлена подвергнутъ такому посрамленію. Дѣло взялись уладить Лестокъ съ женою. Пригласивъ священника къ себѣ, они стали склонять его помириться за денежное вознагражденіе. Видя, что онъ не прочь, собрали для этой цѣли между знатью 500 рублей. Канцлеръ Воронцовъ одинъ далъ 100 рублей. Священникъ, удовлетворенный, успокоился, и приговоръ остался безъ исполненія.

*

Однажды Елисавета прогуливалась амазонкою по Екатериненгофу съ великимъ герцогомъ Шлезвигъ-Гольштинскимъ. Имъ встрѣтилась карета, въ которой сидѣли дамы. Елисавета велѣла кучеру остановиться. Великій герцогъ, не отличавшійся вѣжливостью и любезностью, не трогался съ мѣста и ожидалъ, чтобы дамы подошли къ нимъ. Видя это, Елисавета поспѣшила къ каретѣ, сама отворила дверцы и, высадивъ дамъ, сдѣлала племяннику выговоръ за недостатокъ вниманія и предупредительности, съ которыми мужчина долженъ относиться къ дамамъ.

*

Елисавета, будучи еще цесаревною, громко порицала ссылку, которой, какъ нѣкогда въ Римѣ, люди подвергались иной разъ единственно за то, что прежде бывали любимцами.—«Ссылать въ Сибирь!» восклицала она, «да это все равно что выбрасывать изъ человѣчества». Но судьба Остермана, Миниха, Левенвольда, Головкина, Менгдена и многихъ другихъ людей доказала впослѣдствіи, какъ легко, забывъ добрыя понятія, слѣдовать примѣру осуждаемыхъ и древнихъ Римлянъ.

*

При дворѣ Елисаветы былъ нѣкто Полякъ Новицкій, прекрасно игравшій на мандолинѣ. Когда Польскій король былъ при смерти, Новицкій попросилъ увольненія. Спрошенный о причинѣ своего отъѣзда, онъ отвѣчалъ: «Я Польскій дворянинъ и, какъ каждый изъ насъ, надѣюсь быть избраннымъ въ короли»—«Чѣмъ-же вы будете», спросили «его, если, какъ вѣроятно, васъ не изберутъ въ короли»—«Въ такомъ случаѣ я преспокойно займу то мѣсто, которое теперь оставляю», отвѣчалъ Новицкій.

*

Принцъ Гессенъ-Гомбургскій заслужилъ всеобщую ненависть. Однажды вечеромъ, когда онъ проходилъ въ старомъ замкѣ по темному корридору, ему набросили на шею петлю. Принцъ благополучно высвободился изъ нея; но чтобы вторично не подвергнуться подобной случайности, уѣхалъ изъ Россіи въ Берлинъ, гдѣ и умеръ. Принцъ этотъ не отличался достоинствами [1]).

[1]) Это былъ братъ того, что оставался въ Россіи и женился на вдовѣ князя Кантемира.

Когда пробовали органъ въ новой лютеранской церкви св. Петра въ Петербургѣ, великія княжны Анна и Елисавета пріѣхали въ церковь. Анна сдѣлала на этотъ органъ значительное пожертвованіе, Елисавета-же ограничилась обѣщаніемъ. Маленькій доходъ съ ея удѣла не давалъ ей возможности заплатить въ то время сумму, которую она обѣщала внести. Пасторъ Націусъ, знаменитый проповѣдникъ и не менѣе извѣстный своею алчностію, сказалъ проповѣдь, въ заключеніе которой благодарилъ Анну и другихъ благотворителей церкви, назвавъ всѣхъ поименно. Это было сдѣлано съ очевиднымъ намѣреніемъ показать, что Елисавета не дала ничего. Крайне огорченная этимъ, Елисавета расплакалась тутъ-же, при всѣхъ. Націусъ вынужденъ былъ на колѣняхъ просить у нея прощенія, что не уменьшило его озлобленія, овладѣвшаго за нимъ и всѣми прихожанами. Ставъ Императрицею, Елисавета хотѣла закрыть лютеранскую церковь. Тогда прихожане сообща заявили, что церковь ихъ выстроена не на коронныя средства и существуетъ только ихъ помощью, почему они и считаютъ себя въ правѣ воспротивиться ея закрытію. Настаивая на своемъ, Елисавета предложила имъ 40.000 рублей. Деньги были отвергнуты; при этомъ лютеране заявили, что, какъ глава государства, она можетъ изгнать изъ Россіи ихъ религію, но не въ силахъ воспрепятствовать имъ совершать богослуженіе въ погребахъ. Въ дѣло вмѣшался Сѵнодъ и склонилъ Елисавету согласиться на существованіе лютеранской церкви.

*

Госпожа Шмидтъ (умерла въ царствованіе Екатерины II), воспитательница Русскихъ придворныхъ дѣвицъ, отличалась чрезмѣрною любезностію и вѣтряностію. Страстно любя удовольствія, она вовлекала въ нихъ другихъ, охотно брала на себя посредничество въ любовныхъ дѣлахъ и руководила похожденіями, не имѣвшими лично для нея никакого интереса. Елисавета поручила этой дамѣ слѣдить за привязанностями иностранныхъ пословъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ вывѣдывать ихъ дипломатическія сношенія. Шмитъ, мужъ ея, слылъ придворнымъ сплетникомъ. Супруги жили у Петербургскаго оберъ-полицеймейстера. Г-жа Шмидтъ была дружна съ одною дамою, также жившею въ домѣ оберъ-полицеймейстера и бывшею однихъ съ нею нравовъ. Мужъ сей послѣдней признавался публично, что дѣти его жены—не его дѣти, а Липмана, придворнаго Еврея, Бруга, врача при Кадетскомъ Корпусѣ и герцога Антона-Ульриха.

*

Судя по тому, что Елисавета чувствовала отвращеніе къ людямъ, подвизавшимся въ роли придворныхъ шутовъ, можно заключать, что она была человѣколюбивѣе своихъ предшественниковъ.

Извѣстно, какъ любилъ ихъ даже Петръ Великій. Онъ возвелъ шутовство въ особый родъ службы и многихъ завербовалъ въ нее; Елисавета же не выносила, чтобы въ ея присутствіи потѣшались надъ кѣмъ нибудь. Она любила мѣткое словцо, сама очень мило шутила, но не оскорбляла никогда никого.

Правительницѣ Аннѣ, которая была безъ сомнѣнія добрѣе Елисаветы, нравилось, чтобы окружающіе ее льстецы упражнялись въ язвительныхъ насмѣшкахъ. Царствованіе Ивана III-го было временемъ глумленія. Малѣйшая разсѣянность, какой нибудь жестъ, словомъ все служило поводомъ къ насмѣшкамъ неумолимыхъ льстецовъ.

*

Елисавета запретила всякую переписку принцессѣ Ангальтъ-Цербстской, матери Екатерины II-й. На ея страсть вмѣшиваться въ государственныя дѣла имѣли поводъ смотрѣть подозрительно. На одномъ придворномъ балѣ, великая княжна, дочь ея, замѣтивъ въ углу графа Лестока, по обыкновенію, разговаривавшаго съ дамами, подошла къ нему и сказала: «Я еще не танцовала съ вами» и съ этимъ бросила ему одну изъ своихъ перчатокъ, чтó служило знакомъ приглашенія. Взявъ перчатку, Лестокъ ощупалъ въ ней бумагу. Чтобы спрятать ее въ карманъ, не возбудивъ ничьего подозрѣнія, Лестокъ сказалъ: «Если ваше высочество пожалуете мнѣ другую перчатку, то я буду по крайней мѣрѣ имѣть хорошенькій подарокъ для жены». Ему бросили и другую перчатку. Положивъ обѣ въ карманъ и протанцовавъ, Лестокъ исчезъ съ бала. Выходя, изъ предосторожности, онъ запряталъ перчатки въ свои панталоны; ибо, при тогдашнихъ строгихъ порядкахъ, всякій ежеминутно могъ быть обысканъ. Дóма, доставъ чтó заключалось въ перчаткѣ, Лестокъ увидалъ, что это было письмо къ Шведскому королю. Вскорѣ онъ отправилъ его въ Стокгольмъ съ вѣрною оказіей.

*

Баронесса Бина Менгденъ была невѣстою Густава Бирона, когда герцогъ, братъ его, лишился регентства, а съ нимъ вмѣстѣ и всѣхъ своихъ званій. Баронессѣ предоставили свободу дѣйствій. Она рѣшила остаться при регентшѣ Аннѣ и съ тѣхъ поръ дѣлила ея участь. Въ своемъ заключеніи она приняла православіе, но тайно. Открыто-же ея присоединеніе совершилось въ 1766 году на Троицынъ день. Возвратясь изъ ссылки, она имѣла неосторожность огласить себя святою мученицей и этимъ произвела смуту въ Новгородѣ и одной сосѣдней деревнѣ. Въ нее увѣровали; народъ стекался къ ней массами, готовый слѣпо повиноваться ея велѣніямъ и особенно отмстить виновникамъ ея страданій. Къ счастью, унтеръ-офицеръ, которому порученъ былъ надзоръ за нею и который былъ при ней безотлучно, имѣлъ настолько отваги и присутствія духа, что, посадивъ ея въ карету, громогласно и твердо прочелъ народу указъ Екатерины II-й, относившійся къ этой дамѣ. Это подѣйствовало: выслушавъ указъ, толпа разошлась.

*

Званія и отличія для придворныхъ дамъ установлены Елисаветою. Первенствующія изъ нихъ приравнены къ фельдмаршальскому достоинству. Въ таковыя Елисавета возвела княгиню *Черкаскую*, графиню *Шереметеву* и княгиню *Кантемиръ*. При Екатеринѣ такое-же положеніе занимала *княгиня Долгорукова*, начальница монастыря благородныхъ дѣвицъ.

Мать сей послѣдней замѣчательна романическою жизнью. При Аннѣ и Елисаветѣ она ѣздила за границу для того, чтобы тамъ открыто исповѣдывать католичество. Всякій разъ, по возвращеніи въ Россію, ее подвергали церковному покаянію. Это еще было милостиво, въ виду того, что, по Русскимъ законамъ, за вѣроотступничество предавали сожженію. Возвратившись въ Россію при Елисаветѣ, она уже не получила позволенія снова выѣхать изъ отечества. У нея тайно проживалъ одинъ іезуитъ, для котораго эта милость стоила ссылки. Разстроивъ состояніе своими путешествіями, она дошла до крайней нищеты. Придворные присылали ей денегъ, и эта милостыня составляла единственный источникъ ея существованія. Графъ Лестокъ, будучи въ ми-

лости, прислалъ ей однажды 500 рублей. Во время суда надъ нимъ, этотъ поступокъ поставили ему въ вину и усмотрѣли въ немъ доказательство его измѣны, говоря, что онъ не могъ сдѣлать такого подарка, безъ отдаленныхъ цѣлей повредить двору и всей Россійской имперіи. Полезный урокъ иностранцамъ, которымъ вздумается повластвовать въ Россіи!

*

Елисавета вполнѣ обладала изящнымъ вкусомъ, свойственнымъ ея полу, умѣньемъ нравиться и плѣнять. Врожденная привѣтливость и пріятное обращеніе привлекали къ ней всѣхъ. Въ разговорахъ она сыпала любезностями и очень любила выслушивать ихъ. Самый простой костюмъ былъ ей къ лицу. Часто она занималась приготовленіемъ кушаній и, говорили, дѣлала это мастерски, хотя и въ этомъ, какъ кажется, была слишкомъ притязательна. Къ столу ея иногда приглашались иностранные послы. Если подавали блюдо ея изобрѣтенія, то Елисавета не забывала объ этомъ предупредить, для того, будто, чтобы узнать, вкусно-ли оно; а въ сущности чтобы ей наговорили любезностей, которыя этимъ господамъ не стоили ничего.

*

Въ Россіи довольно распространена увѣренность, что Елисавета была тайно обвѣнчана съ графомъ Алексѣемъ Григорьевичемъ Разумовскимъ, оберъ-егермейстеромъ, который пользовался чрезвычайною благосклонностію, всюду сопровождалъ Елисавету и къ которому она питала особенное уваженіе, свидѣтельствовавшее о большой привязанности. Я видѣлъ ихъ выходившими вмѣстѣ изъ придворнаго театра, когда было очень холодно. Она надѣла ему шапку и заботливо укутала отъ холода. Разумовскій жилъ въ Аничковомъ дворцѣ, который Елисавета подарила ему. По смерти Разумовскаго, дворецъ этотъ перешелъ въ собственность казны.—Замѣчательно, что нынѣ царствующая Государыня подарила тотъ-же дворецъ князю Потемкину.

*

Чтобы знать все, что̀ дѣлается у великаго князя (Петра Ѳедоровича), Бестужевъ сдружился съ гетманомъ Кирилою Григорьевичемъ Разумовскимъ и научилъ его во всемъ потворствовать великому князю и чрезъ то заручиться его довѣріемъ и расположеніемъ. Разумовскій, слѣдуя этому внушенію, самымъ низкимъ ласкательствомъ успѣлъ сблизиться съ Петромъ до такой степени, что сей послѣдній не могъ провести безъ него дня, не могъ безъ него даже выпить стаканъ водки. Иногда Петръ смѣялся надъ происхожденіемъ Разумовскаго (который вышелъ изъ простыхъ Украинцевъ), надъ тѣмъ, какъ онъ въ молодости хаживалъ по грибы, какъ пришелъ въ Россію съ балалайкою и пр.; но именно это неумѣстное глумленіе, заставляя гетмана забыть о благодѣяніяхъ Петра, предрасположило его къ мести и вѣроломству.

*

То обстоятельство, что генералъ-адъютантъ Гудовичъ открыто домогался мѣста гетмана Малороссіи (его родины), окончательно возстановило Разумовскаго противъ Петра, поддерживавшаго это притязаніе. Гудовичъ надѣялся рано или поздно добиться желаемаго. Съ тѣхъ поръ Разумовскій сталъ злѣйшимъ врагомъ своего «брата и друга». (Такъ они съ Петромъ величали прежде одинъ другаго).

*

Елисавета, подобно отцу своему, любила маскарадныя увеселенія, наряды и потѣшныя забавы. Однажды при дворѣ былъ объявленъ маскарадъ, на который мужчины должны были явиться въ женскихъ платьяхъ, а женщины— одѣтыя мужчинами. Наканунѣ въ Петербургъ пріѣхалъ фельдмаршалъ Ливенъ. Елисавета пригласила его на праздникъ. Ливенъ поручилъ графу Разумовскому выразить свою благодарность за оказанное ему вниманіе и при этомъ, извинившись за него, передать, что не можетъ въ такое короткое время достать надлежащій костюмъ. Елисавета, не принявъ отговорки, велѣла сказать Ливену, чтобы онъ явился въ чемъ есть и что все нужное для маскарада найдется въ гардеробѣ ея горничной, которой на этотъ случай уже даны приказанія.

*

Графъ Орловъ, прославившій Русскій флотъ въ войну 1769 года, заболѣлъ изнурительною болѣзнію, которая окончательно его обезсилила. Бецкій посовѣтовалъ ему полѣчиться у одного шарлатана, по имени Ерофеича, служившаго фельдшеромъ при Академіи Художествъ. Такъ какъ Орловъ былъ безнадеженъ, то и согласился на это. Ерофеичъ, ѣзжавшій по Сибири до Китайской границы, добылъ себѣ толстый лѣчебникъ, по которому врачевалъ самыми простыми средствами. Позванный къ графу, Ерофеичъ распросилъ его о болѣзни, сбѣгалъ заглянуть въ свой лѣчебникъ, принялся за лѣченіе и вылѣчилъ больнаго. Съ тѣхъ поръ Ерофеичъ вошелъ въ славу и нажилъ себѣ такое состояніе, которое не нажить, пожалуй, и ученому. Бецкій, не любившій докторовъ, былъ въ восторгѣ, что другъ его выздоровѣлъ въ посрамленіе медицинскому факультету. Императрица же, очень любившая Орлова, потребовала къ себѣ новаго доктора, благодарила его, выпила за его здоровье и подарила ему значительную сумму денегъ.

Здоровье Орлова разстроилось, вѣроятно, отъ чрезмѣрнаго изнуренія. Онъ обладалъ замѣчательною силою и любилъ похвастать ею. Такъ однажды онъ приподнялъ карету, въ которой сидѣла Императрица.

Ерофеичъ не умѣлъ читать. Когда къ нему приходили за совѣтомъ, онъ подолгу распрашивалъ о болѣзни и призывалъ бывшаго у него въ услуженіи грамотнаго мальчика. Если болѣзнь оказывалась неважною, то, при помощи указателя, нужное лѣкарство отыскивалось въ лѣчебникѣ скоро; въ противномъ случаѣ, мальчику приходилось иногда перелистывать книгу сначала до конца, и то невсегда успѣшно. Лѣкарство они составляли вмѣстѣ, часто на удачу и изъ нѣсколькихъ цѣлебныхъ травъ разомъ, предписывая употреблять его и внутрь, въ видѣ отвара, и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ наружное средство.

*

Пекинъ, совѣтникъ Медицинской Коллегіи въ Петербургѣ, указомъ царствующей Императрицы (Екатерины II-й), былъ назначенъ на должность врача при Кадетскомъ Корпусѣ, съ жалованьемъ. Онъ уже нѣсколько лѣтъ занималъ это мѣсто, когда нашли нужнымъ преобразовать Корпусъ. Воспользовавшись пребываніемъ двора въ Москвѣ, Пекинъ разболталъ объ этомъ нѣкоторымъ лицамъ, желавшимъ, чтобы Корпусъ оставался на прежнемъ положеніи. Генералъ-лейтенантъ Бецкій разсердился и безъ церемоніи уволилъ доктора. Тогда Пекинъ, почитавшій священнымъ высочайшій указъ о своемъ опредѣленіи, явился съ жалобою къ самому Бецкому; но сей послѣдній сурово

отвѣчалъ ему: «кто властенъ издавать указы, тотъ властенъ и отмѣнять ихъ». На мѣсто Пекина тогда же назначили Ениша. При обыкновенныхъ обстоятельствахъ, безъ Пекина легко бы обошлись; но въ то время свирѣпствовала чума, начавшая опустошеніе и въ войскахъ. Пекинъ былъ посланъ, чтобы предохранить ихъ отъ этого страшнаго бича.

*

Архитектора, состоявшаго при томъ же Шляхетномъ Кадетскомъ Корпусѣ, Гофмана, постигла одинаковая съ Пекинымъ участь. Это былъ одинъ изъ честнѣйшихъ людей въ Россіи. Гордый безупречною совѣстью и сознаніемъ собственнаго достоинства, онъ не сталъ низкопоклонничать ни передъ кѣмъ, особенно же передъ Бецкимъ, который не любилъ его за смѣлость и простоту обхожденія. Въ одинъ прекрасный день Гофманъ получилъ отставку и вынужденъ былъ немедленно же очистить съ семьею занимаемое имъ помѣщеніе, при чемъ его не удостоили объясненіемъ причинъ увольненія, да и не могли ихъ найти.

*

Для обученія этой благородной молодежи (т. е. кадетъ) пригласили изъ-за границы четверыхъ извѣстныхъ ученыхъ, которые должны были преподавать математику, физику, философію и словесность. Съ каждымъ изъ нихъ заключенъ былъ контрактъ, подписанный Бецкимъ. Увидавъ, по своемъ пріѣздѣ, что имъ приходится имѣть дѣло съ дѣтьми, которыя вовсе не умѣютъ читать, господа эти были въ отчаяніи и желали бы вовсе не имѣть дѣла съ Россіей, но было уже поздно. Нѣкто отправился къ Бецкому протестовать за нихъ противъ нарушенія контрактовъ, при чемъ высказалъ, какое недостойное занятіе навязано людямъ, которые могутъ съ честью занимать видное положеніе въ Академіи. «Но мнѣ и не требовалось такихъ ученыхъ», отвѣчалъ Бецкій, «мнѣ нужны были только честные люди».—«Въ такомъ случаѣ», возразилъ ходатай, «вамъ не зачѣмъ было искать за границей; вы могли въ числѣ портныхъ и сапожниковъ у себя дома найти что́ вамъ требовалось».

*

Бецкій проникся взглядами на воспитаніе Жанъ-Жака Руссо. Подъ его начальствомъ кадеты пользовались въ стѣнахъ своего заведенія почти безграничною свободою, проводя время въ бѣготнѣ, различныхъ упражненіяхъ и опасныхъ играхъ. Повидимому, Бецкій основывалъ воспитаніе на естественномъ развитіи дѣтей; но, кажется, во многомъ онъ ошибался, какъ и всѣ тѣ, восхищенные чтеніемъ «Эмиля», которые, заимствовавъ изъ него правила, по своему разумѣнію, кое-какъ примѣняли ихъ къ дѣтямъ и дѣлали изъ нихъ полудикарей. Кадеты давали театральныя представленія, на которыя приглашалась многочисленная публика. Особенно нравились тѣ піесы, въ которыхъ молодые люди исполняли женскія роли.

По окончаніи трехъ курсовъ своего ученія (на каждый употреблялось по три года), кадеты поступали или въ военную, или въ гражданскую службу. Я очень сомнѣваюсь, чтобы это учрежденіе, въ настоящемъ его видѣ, принесло большую пользу Россіи. Хотя прежніе порядки въ немъ и погрѣшали въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, но они были гораздо лучше нынѣшнихъ. За время существованія Корпуса, въ немъ замѣчалось немало учителей и надзи-

рателей, примѣрно исполнявшихъ свой долгъ и, при нѣкоторыхъ полезныхъ нововведеніяхъ, Корпусъ можно бы обратить въ одну изъ лучшихъ школъ въ Европѣ. Но генералъ-директоръ Бецкій директоромъ этого училища назначилъ суфлера изъ Французскаго театра и, какъ директора, уполномочилъ его давать инструкціи учителямъ. Для вящаго развращенія школы, тотъ же Бецкій инспекторомъ классовъ сдѣлалъ бывшаго камердинера матери царствующей Императрицы. Другой, по фамиліи Фаберъ, котораго я видѣлъ лакеемъ у профессоровъ Пиктета (Pictet) и Мальета (Mallet), былъ приглашенъ въ Корпусъ на каѳедру профессора и такимъ образомъ сдѣлался коллегою своихъ прежнихъ господъ. Но когда прошлое его стало извѣстно и прочіе профессора заявили неудовольствіе, что получили въ товарищи такого господина, то его удалили, доставивъ ему патентъ на чинъ поручика Русской службы, что́ не стоило большихъ хлопотъ, благодаря дальнему родству Фабера съ генеральшею Лафонъ, начальницею Смольнаго монастыря, а главнымъ образомъ благодаря покровительству Бецкаго.

Эта Лафонъ была должна значительную сумму денегъ Зейтцу, довѣренному лицу Петра III, игравшему въ его царствованіе довольно видную роль. Съ цѣлью замять дѣло, она обѣщала женѣ Зейтца мѣсто инспектриссы Кадетскаго Корпуса, для чего требовалось устроить увольненіе генеральши Шедрасъ (Schedrass) особы во всѣхъ отношеніяхъ достойной того, чтобы Лафонъ была посдержаннѣе, а госпожа Зейтцъ менѣе притязательна.

Покровительству того же Бецкаго нѣкто Ласкарисъ (Lascaris) обязанъ мѣстомъ полицеймейстера Кадетскаго Корпуса, затѣмъ должностью директора и чиномъ подполковника. Этотъ Ласкарисъ, сынъ колоніальнаго торговца въ Кефалоніи, прибылъ въ рубищѣ изъ Варшавы, вмѣстѣ съ Карбонетомъ, вознамѣрившимся открыть пансіонъ въ Петербургѣ. Въ то время опасались войны съ Турціей, и Грековъ хорошо принимали въ Россіи. Настоящее имя этого Ласкариса было Карбури (Carburi). Онъ вошелъ въ довольно близкія отношенія съ Елмачайновымъ, къ которому Бецкій былъ расположенъ, и просилъ, при помощи сего послѣдняго, достать себѣ мѣсто, обѣщая, въ благодарность за это, жениться на сестрѣ Елмачайнова. Вскорѣ Ласкарисъ получилъ мѣсто адъютанта въ Кадетскомъ Корпусѣ, женился на Елмачайновой и такъ поддѣлался къ Бецкому, что заручился его расположеніемъ и довѣріемъ. Жена его, съ которой онъ прожилъ нѣсколько лѣтъ, умерла почти внезапно. Енишъ, корпусный докторъ, видѣлъ ее всего разъ; во второй свой визитъ онъ нашелъ ее уже мертвою. Увидавъ его, Ласкарисъ воскликнулъ: «Великій Боже! Что за доктора у насъ! Вы дали умереть моей женѣ, вы виновникъ ея смерти»!— «Не извольте обвинять меня въ кончинѣ вашей супруги, сурово возразилъ докторъ; совѣтую бросить эту болтовню, иначе заговорю я и замѣченными мною признаками докажу, кто виновенъ въ этой смерти».

*

Всѣ честные люди, служившіе въ Корпусѣ вмѣстѣ съ Ласкарисомъ, чуждались его. Но для Бецкаго низость этого человѣка служила какъ бы поводомъ къ постоянному его повышенію. Однажды священникъ принесъ на него очень важную жалобу, обвинивъ въ развращеніи молодыхъ людей и въ томъ, что онъ вовлекаетъ ихъ въ противоестественные пороки. Ласкарисъ въ свою очередь не замедлилъ пожаловаться на священника. Его уволили изъ Корпуса,

опредѣливъ на вакантное мѣсто при полиціи, мѣсто зависимое, трудное и непріятное во всѣхъ отношеніяхъ.

Вліянію Ласкариса дивился весь Петербургъ, и всѣхъ возмущало то, какъ онъ имъ пользовался. Приходилось или унижаться предъ этимъ проходимцемъ, порочнѣйшимъ изъ людей, или рисковать своимъ мѣстомъ. Именно такъ пострадали Брандъ, генералъ Кадетскаго Корпуса, человѣкъ столь же честный и умный, какъ и храбрый, генеральша Щедрасъ, госпожа Зейтцъ и многіе другіе. Ласкарисъ хотѣлъ властвовать одинъ, имѣть дѣло только съ себѣ подобными и не желалъ быть понятымъ тѣми, съ которыми, по достоинствамъ и происхожденію ихъ, приходилось быть осторожну.

Какъ-то Ласкарисъ позволилъ себѣ разгласить, что содержанія по должности ему далеко недостаетъ на необходимыя жизненныя потребности и что на нихъ онъ вынужденъ тратить проценты съ своего капитала, тогда какъ въ дѣйствительности не имѣлъ ни копѣйки. Это и тому подобныя штуки разоблачилъ въ своей сатирѣ Эминъ, подсекретарь Кабинета Императрицы (занимавшійся также изданіемъ Русской исторіи, довольно посредственной). Ласкарисъ, глубоко ненавидимый, былъ узнанъ всѣми. Всѣ ожидали, что этотъ низкій человѣкъ, разоблаченный такимъ образомъ, будетъ прогнанъ со срамомъ, чего онъ заслуживалъ; но Ласкарисъ первый смѣялся этой сатирѣ и съ тѣхъ поръ забралъ силу еще больше прежняго.

Онъ имѣлъ наглость разсказывать вездѣ, что составляетъ послѣдній отпрыскъ знаменитой фамиліи Ласкарисовъ. На его бѣду, пребывавшій въ Петербургѣ консулъ изъ Рагузы, жена котораго дѣйствительно была послѣднею отраслью помянутой фамиліи, узналъ объ этой лжи въ то время, когда осматривалъ Академію Художествъ. Онъ вызвалъ туда Ласкариса и, въ присутствіи бывшихъ тамъ же посланниковъ, распекъ его за безстыдство и запретилъ впредь называться Ласкарисомъ.

(Переводилъ И. В. Шпажинскій).

По поводу книги Кастеры.

РАЗСКАЗЫ И ЗАМѢЧАНІЯ ГРАФА М. А. ДМИТРІЕВА-МАМОНОВА.

Книга Кастéры о жизни и царствованіи Екатерины Второй была у насъ долгое время въ большой чести. Можно сказать, что два предшествующія намъ поколѣнія почти исключительно изъ нея черпали свои свѣдѣнія и понятія о второй половинѣ осмнадцатаго вѣка. Это происходило отъ того, во первыхъ, что помянутая книга (имѣвшая два изданія, 1797 и 1800 годовъ, сначала въ двухъ, потомъ въ трехъ томахъ) написана очень занимательно и украшена прекрасными гравированными портретами; а во вторыхъ и главнѣйше, отъ невозможности Русскимъ людямъ узнавать свою ближайшую старину изъ источниковъ достовѣрныхъ. Мы уже имѣли случай указывать на причину сего послѣдняго явленія (Р. Архивъ 1873, стр. 1641). Сочиненіе Кастéры, наполненное выдумками, пріобрѣтало цѣну вслѣдствіе своей запретности. Экземпляры его конечно распространились гораздо болѣе въ Россіи, нежели во Франціи, гдѣ оно было издано въ свѣтъ. Оно не только читалось, но и переводилось втихомолку: мы имѣли въ рукахъ два полные перевода его, сдѣланные въ предшествующее царствованіе. Печатать эти переводы теперь нѣтъ надобности: до такой степени, при свѣтѣ современнаго историческаго изученія, обличилась несостоятельность этой книги. Но въ былое время лишь немногіе умные и образованные люди имѣли возможность оцѣнивать по достоинству книгу Кастéры. Къ числу такихъ людей принадлежалъ сынъ Екатеринина любимца, графъ Матвѣй Александровичъ Дмитріевъ-Мамоновъ, тотъ самый, чтó такъ долго проживалъ въ своемъ великолѣпномъ Васильевскомъ за Калужскою заставою въ Москвѣ и окончилъ жизнь въ умоповрежденіи. Читатели Русскаго Архива довольно знакомы съ этимъ любопытнымъ и во многихъ отношеніяхъ замѣчательнымъ человѣкомъ (см. въ Росписи Р. Архива). Онъ былъ отмѣнно начитанъ, много писалъ и оставилъ свои Записки, которыя еще не могутъ быть изданы въ свѣтъ. Тетрадь въ юфтяной кожѣ, изъ которой извлечены нижеслѣдующія замѣтки его, имѣетъ надпись: «Remarques sur le livre de Castéra. 1810»: это именно тотъ годъ, когда И. И. Дмитріевъ, сдѣлавшись министромъ юстиціи, опредѣлилъ молодаго графа Мамонова оберъ-секретаремъ въ Московскій Сенатъ. Онъ былъ тогда всего 22-хъ лѣтъ отъ рожденія, и такое опредѣленіе, сдѣланное такимъ лицомъ какъ И. И. Дмитріевъ, свидѣтельствуетъ о необыкновенныхъ способностяхъ графа Мамонова. Прибавимъ, что исключительное положеніе его отца († 1803) при дворѣ Екатерины должно было возбуждать любопытство его относительно той эпохи, а отъ дяди и воспитателя своего Матвѣя Васильевича Дмитріева-Мамонова, служившаго еще при дворѣ Елисаветы, человѣка очень умнаго и скончавшагося въ 1810 году, онъ многому могъ наслышаться.

Замѣчанія на книгу Кастѐры писаны пофранцузски собственноручно и доставлены въ Русскій Архивъ изъ Мурома отъ И. И. Гальяни. Извлекаемъ въ переводѣ нѣкоторыя изъ опроверженій и сообщеній графа Мамонова. *П. Б.*

*

Въ 1809 году купилъ я на вѣсъ золота небольшую книгу, очень рѣдкую въ Россіи и озаглавленную такъ: Vie de Catherine II, impératrice de Russie, 2 части, въ 12 долю листа, напечатано въ Парижѣ, въ 1797 году съ эпиграфомъ: Nihil compositum mirandi causa, verum audita scriptaque senioribus tradam [1]).

Сочиненіе это, принадлежащее нѣкоему г-ну Кастéрѣ, одному изъ миріады современныхъ намъ политическихъ памфлетистовъ, наполнено анахронизмами и выдумками. Для забавы (pour m'amuser) я написалъ на него нѣсколько замѣчаній.

Авторъ разсказываетъ о тайномъ бракѣ Елисаветы Петровны съ Разумовскимъ. Объ этомъ бракѣ сыновья наши вѣроятно будутъ знать больше, нежели мы. Елисавета имѣла дѣтей отъ Разумовскаго и всегда оказывала ему почтеніе, соблюдаемое всякою женщиною относительно человѣка, отъ котораго она стала матерью. Но дѣдушка мой и другіе знающіе старики увѣряли меня, что слухъ о бракѣ распространился, благодаря тщеславію нынѣшнихъ Разумовскихъ. Графъ Алексѣй даетъ чувствовать, будто онъ самъ есть плодъ этого брака, освященнаго церковью и слѣдовательно будто онъ происходитъ отъ царской крови. Говорятъ, что онъ любитъ показывать брачную кровать дяди своего, графа Алексѣя Григорьевича, сыномъ котораго ему хочется прослыть. На Покровкѣ есть церковь, дымчатаго цвѣта, съ короною на куполѣ, гдѣ будто бы онъ былъ вѣнчанъ. Но кровать и церковь еще не доказательства. Въ Россіи можно назвать человѣкъ до двѣнадцати, владѣющихъ нѣжными записочками царственныхъ лицъ прошлаго столѣтія; но изъ этого еще нельзя заключать, чтобы лица эти были вѣнчаны съ тѣми людьми. Ссылаются на отмѣнное уваженіе, которымъ оба фельдмаршала Разумовскіе пользовались при дворѣ Екатерины II-й. Но уваженіе это оказывали ихъ сану и несмѣтному ихъ богатству, а старшій Разумовскій заслужилъ оное мягкимъ своимъ нравомъ и честнымъ образомъ дѣйствій во время своего случая. Графъ же Кирила, отецъ нынѣшнихъ Разумовскихъ, всѣхъ больше содѣйствовалъ Екатеринѣ II-й вступить на престолъ: происки княгини Дашковой и отвага Орловыхъ, въ то время незначительныхъ офицеровъ, ничего не значили въ сравненіи съ сильнымъ вліяніемъ фельдмаршала, который командовалъ гвардейскими полками [2]).

*

[1]) Т. е. не стану передавать ничего, сочиняемаго съ цѣлью возбудить удивленіе, а лишь то, чтò слышано отъ старшихъ и написано.

[2]) Т. е. однимъ Измайловскимъ полкомъ, передъ казармами котораго и совершилась первая присяга Екатеринѣ II-й. *П. Б.*

То, что̀ Кастѐра говоритъ про императрицу Елисаве́ту, вовсе не преувеличено. Она предавалась мелочному благочестію. Такъ напр., вступая на престолъ, она дала обѣтъ, по исходѣ каждаго часа, днемъ и ночью, молиться образу Спасителя, находившемуся у нея въ изголовьи кровати. Были особыя старухи, которыхъ обязанность состояла въ томъ, чтобы послѣ каждаго боя часовъ будить ее. Она часто спрашивала Алексѣя Разумо́вскаго объ его семействѣ; но онъ отмалчивался и повторялъ только съ горестью, что былъ у него мальчикъ-братъ, но его похитили разбойники Поляки. Нѣкто полковникъ Загряжскій (сынъ котораго впослѣдствіи женился на Разумовской), проходя съ полкомъ по Малороссіи, въ городѣ Изюмѣ встрѣтилъ въ корчмѣ мальчика, который поразилъ его сходствомъ съ царицынымъ любимцемъ. Онъ сталъ его распрашивать, узналъ кто онъ такой, велѣлъ вымыть, одѣть и отправилъ въ Петербургъ. Императрица приняла его родственно, но, чтобы не подвергать его насмѣшкамъ придворныхъ, нѣкоторое время держала въ заперти.

Графъ Кирила имѣлъ скромность отказаться отъ командованія войскомъ, предложеннаго ему въ 1768 году.

*

Князь Яковъ Шаховской былъ неподкупенъ, твердъ и очень опытенъ въ дѣлахъ. Онъ тщетно боролся противъ любимцевъ. Онъ жилъ и умеръ въ бѣдности, но пользуясь всеобщимъ уваженіемъ. Петръ III-й лишилъ его генералъ-прокурорства въ угоду графамъ Шуваловымъ, которыхъ князь Шаховской гласно и при всѣхъ сенаторахъ обвинялъ въ томъ, что они злоупотребляли довѣріемъ Императрицы и, пользуясь ея слабостью, вели себя какъ паши-грабители, а не какъ министры народа Европейскаго и христіанскаго. Гудовичъ, генералъ-адъютантъ Петра III-го, старшій братъ фельдмаршала, которымъ мы такъ любуемся [3]), былъ тоже однимъ изъ гонителей князя Шаховскаго. Онъ мстилъ ему за своего отца, потерпѣвшаго нѣкогда позорное наказаніе отъ дяди князя Шаховскаго, сенатора, управлявшаго Малороссіею, гдѣ отецъ Гудовича, служа незначительнымъ чиновникомъ въ одномъ городѣ, грабилъ и своевольничалъ, какъ всѣ они. Екатерина въ 1762 году пожаловала князю Шаховскому, уже находившемуся не у дѣлъ, Андреевскую ленту въ знакъ уваженія къ его прошедшимъ заслугамъ и нравственному его характеру. Онъ имѣлъ благородство сказать императрицѣ Елисаветѣ, что приметъ генералъ-прокурорскую должность послѣ князя Никиты Трубецкаго лишь въ такомъ случаѣ, если тайная канцелярія останется въ вѣдѣніи его предшественника. Князь Никита Трубецкой, выходя въ отставку, получилъ фельдмаршальскій жезлъ, тогда какъ всю жизнь обращался съ жезломъ палача. Онъ умеръ въ одномъ изъ подмосковныхъ увеселительныхъ замковъ, ненавидимый и про-

---

[3]) Тогдашняго главнокомандующаго въ Москвѣ, гдѣ писаны эти строки графомъ Мамоновымъ. П. Б.

клинаемый. Ему постоянно слышались вопли и крики и мерещелись тѣни невинныхъ людей.

*

Графъ Захаръ Григорьевичъ Чернышовъ, про котораго сплетнямъ нѣтъ конца (sur lequel les vieilles perruques ne tarissent jamais).... Впрочемъ онъ во всю жизнь не совершилъ ничего чрезвычайнаго. Въ Семилѣтнюю войну, будучи генералъ-лейтенантомъ, онъ командовалъ воинскимъ отрядомъ, который въ 1760 году, вмѣстѣ съ отрядомъ Тотлебена, овладѣлъ Берлиномъ. Чернышовъ намѣревался сжечь Берлинъ. Фридрихъ Великій въ своей Исторіи Семилѣтней войны разсказываетъ, что отъ такого намѣренія отвратилъ Русскихъ генераловъ вѣскими своими доводами посланникъ Голландской республики Вереле (Verelest). «Онъ изобразилъ имъ жестокость ихъ въ такомъ страшномъ видѣ, что они устыдились». Саксонія должна сожалѣть, что этотъ краснорѣчивый Вереле не могъ подѣйствовать на самого Фридриха и не помѣшалъ ему впослѣдствіи разрушить Дрезденъ, въ который было имъ брошено 70 тысячъ бомбъ. Таково дѣйствіе самолюбія и славы: въ другихъ порицаетъ онъ даже и намѣреніе совершить то, что̀ совершилъ самъ на глазахъ у всѣхъ.—Чернышовъ не съумѣлъ даже взять двухъ-милліонной контрибуціи, которую онъ наложилъ на жителей Берлина: онъ ушелъ оттуда, повѣривъ ложнымъ слухамъ, которые были распущены Фридрихомъ, будто ему заградятъ дорогу. Онъ занялъ Берлинъ 9 Октября, а 12-го оставилъ его. Ласси велѣлъ разграбить Шарлотенбургъ и Шенгаузенъ, словно желая ознаменовать свое шествіе этими мѣстами; но поспѣшность отступленія не дала Чернышову возможности принять участіе въ этомъ разграбленіи.—Говорятъ, что Чернышовъ помѣшалъ Салтыкову и Лаудону воспользоваться плодами побѣды при Кунерсдорфѣ. Фридрихъ въ Запискахъ своихъ признается, что послѣ этой побѣды гибель Прусаковъ была неизбѣжна, если бы наши ихъ преслѣдовали. Въ тоже время Фридрихъ замѣчаетъ, что это кровавое сраженіе, въ которомъ Русскіе лишились 24,000, а Прусаки 10,000 человѣкъ и 84 пушекъ, не привело ни къ чему. Прусаки захватили Чернышова въ плѣнъ, не помню именно гдѣ, и обращались съ нимъ весьма немилостиво. Онъ содержался въ казематахъ, и ему давали только сухари да воду.

Впослѣдствіи Чернышовъ былъ вице-президентомъ и президентомъ Военной Коллегіи, Бѣлорусскимъ и наконецъ Московскимъ генералъ-губернаторомъ. Вотъ анекдоты, которые я собралъ о немъ. Будучи вице-президентомъ Военной Коллегіи, онъ почелъ себя въ чемъ-то обиженнымъ или обойденнымъ и написалъ къ Государынѣ письмо съ упреками и просьбою уволить его отъ службы. Государыня отвѣчала ему, что ей желательно удержать его и приглашала не покидать службы. Но Чернышовъ настаивалъ на невозможности оставаться въ службѣ и даже позволилъ себѣ горячиться. Тогда просьба объ отставкѣ была принята. Но очутившись безъ дѣла, Чернышовъ не замедлилъ почувствовать сожалѣніе о томъ, что оставилъ службу: избытокъ суетности часто сопровождается избыткомъ слабости.

Вскорѣ началъ онъ посылать къ Государынѣ письмо за письмомъ, распространяясь въ сѣтованіяхъ на то, что подпалъ ея немилости и умоляя ее забыть прошедшее и принять его опять на службу. Екатерина II-я, умѣвшая разглядѣть насквозь такихъ людей, какъ Вольтеръ и Бюффонъ, не затруднилась какъ ей поступить съ Чернышовымъ. Ему преподанъ жестокій урокъ, и вотъ какимъ образомъ. Давъ ему вдоволь наплакаться, она велѣла сказать, что онъ займетъ прежнюю должность и что для этого ему надо пріѣхать въ Сенатъ (въ то время всѣ части управленія, даже и военная, находились въ прикосновеніи съ Сенатомъ). Когда онъ явился туда, прочитаны были во всеуслышаніе собственныя его письма къ Императрицѣ, какъ тѣ, въ которыхъ онъ просился въ отставку, такъ и тѣ, которыми умолялъ снова принять его на службу; и вслѣдъ за тѣмъ онъ выслушалъ указъ, коимъ возвращалась ему прежняя должность.

*

Я говорилъ о взятіи Берлина и о Семилѣтней войнѣ. Скажу кстати, что вражда императрицы Елисаветы къ Фридриху Великому имѣла гораздо больше основаній, нежели обыкновенно думаютъ. Смѣлыя предпріятія Карла XII-го были тогда еще въ свѣжей памяти. Фридрихъ Великій наслѣдовалъ отъ отца богатую казну и наилучшее въ то время войско. Онъ былъ восторженный почитатель Карла XII (какимъ и остался до своей кончины), хотя самъ онъ лично вовсе не отличался храбростью. Но если Карлъ XII превосходилъ его въ семъ послѣднемъ отношеніи, за то всякій согласится, что Фридрихъ въ высшей степени обладалъ всѣми качествами завоевателя. Онъ былъ властолюбивъ, сдержанъ, умѣренъ въ удовольствіяхъ, не имѣлъ при себѣ ни фаворитовъ, ни случайныхъ людей. Чтобъ оправдать себя въ захватѣ Силезіи, онъ выдумалъ небывалый и яко бы найденный имъ трактатъ, въ которомъ Русская императрица, императрица-королева и король Польскій уговаривались отнять у него владѣнія его. Само собою разумѣется, что вся Европа была возмущена такимъ сочетаніемъ махіавелизма и воинской силы. Онъ самъ сознается въ своихъ Запискахъ, что война начата была потому, что онъ увлеченъ былъ честолюбіемъ, выгодою и желаніемъ прославиться. Завоеватели всегда начинаютъ придиркою къ сосѣдямъ и наконецъ не оставляютъ въ покоѣ самыхъ отдаленныхъ странъ [4]). Тотъ, кто вздумалъ отнять Силезію у императрицы-королевы, могъ вздумать, что ему надо овладѣть и Польшею, чтобы наказать короля Польскаго, бывшаго Саксонскимъ курфирстомъ, а за тѣмъ недалеко было и до Росссіи. И Карлъ XII первоначально захотѣлъ только заступиться за своего зятя [5]) противъ Датчанъ, потомъ уже овладѣлъ Польшею и грозилъ раздробить Россію. Императоръ и вся Германія трепетали предъ нимъ. Такіе люди, какъ Карлъ XII, Фридрихъ, На-

---

[4]) Писано въ 1810 году, когда намъ уже грозило Наполеоново нашествіе. Мнѣніе графа Мамонова о Семилѣтней войнѣ нынѣ вполнѣ подтверждено въ Исторіи Россіи С. М. Соловьева. *П. Б.*

[5]) Герцога Голштинскаго.

полеонъ, могутъ быть обузданы только союзомъ государей. Союзъ трехъ дамъ, Маріи Терезіи, Елисаветы и Помпадуръ, надъ которымъ издѣвался Фридрихъ, можетъ быть, послужилъ къ спасенію Европы. Умудренный жизнью, усталый отъ войны и насыщенный славою, онъ затворился въ Потсдамѣ; но кто знаетъ, куда бы простеръ онъ свои замыслы, еслибы его не остановили во время. И такъ Елисавета мудро поступила, оказавъ помощь Маріи Терезіи, и въ этомъ, можетъ быть, ея главная заслуга передъ судомъ исторіи.

*

Братъ графа Захара, графъ Иванъ Чернышовъ занималъ множество должностей. Онъ былъ послѣдовательно камергеромъ, повѣреннымъ въ дѣлахъ въ Регенсбургѣ, товарищемъ графа Кейзерлинга на Регенсбургскомъ конгрессѣ, сенатскимъ прокуроромъ, членомъ адмиралтейства, генералъ-лейтенантомъ, потомъ сенаторомъ, потомъ опять членомъ адмиралтейства, былъ назначенъ чрезвычайнымъ посланникомъ въ Китай, куда не ѣздилъ, потомъ начальникомъ галеръ, которыми не командовалъ, потомъ президентомъ Коллегій Коммерціи и Мануфактуръ, потомъ министромъ въ Голландіи, въ Лондонѣ и вице-президентомъ адмиралтейства, въ каковомъ званіи и скончался. Кастѐра увѣряетъ, что герцогъ Шателе, Французскій посланникъ въ Лондонѣ, нанесъ графу Чернышову ударъ шпагою, заспоривъ съ нимъ, кому идти впередъ. Мнѣ это неизвѣстно; но я знаю, что однажды, въ Виндзорѣ, когда садились ужинать, Чернышовъ выдернулъ стулъ изъ-подъ герцога Шателе, такъ что герцогъ очутился на полу,—шалость не совсѣмъ подобающая посланническому сану. Герцогъ вызвалъ нашего графа на поединокъ; но остальные министры успѣли уладить дѣло. Чернышовъ заявилъ, что онъ принялъ стулъ герцога за свой.

*

Орловы никогда не разоряли ни государства, ни частныхъ людей, хотя нельзя сказать, чтобы они были безсребренники. Они испрашивали у Екатерины имѣнія довольно беззастѣнчиво, но съ какимъ-то достоинствомъ и самоуваженіемъ. Въ находящихся у меня бумагахъ отца моего сохранилось прошеніе всѣхъ пяти братьевъ, за ихъ подписями, объ имѣніяхъ въ награду оказанныхъ услугъ. Просительнаго и льстиваго только слѣдующія слова: «Всемилостивѣйшая Государыня, мать Отечества и наша». За тѣмъ слѣдуетъ длинный перечень земель, угодій, лѣсовъ, луговъ, рыбныхъ ловлей, брилліантовъ, цвѣтныхъ камней, мѣховъ и пр..съ отмѣтками рукою Государыни: «Взять, взять, взять».

*

Графъ Бестужевъ началъ дипломатическое свое поприще повѣреннымъ въ дѣлахъ Георга I-го, короля Англійскаго и курфирста Саксонскаго, при дворѣ Петра Великаго, который былъ отмѣнно доволенъ тѣмъ, что иностранное правительство облекло такимъ званіемъ Русскаго человѣка и подарилъ Бестужеву свой портретъ на голубой лентѣ,—украшеніе, сдѣлавшееся впослѣдствіи самымъ почетнымъ въ Рос-

сіи. При Елисаветѣ, когда Бестужева арестовали и лишили всѣхъ орденовъ, онъ не отдавалъ этого портрета, ссылаясь на то, что получилъ его отъ Петра Великаго въ качествѣ иностраннаго министра; но на это, конечно, не обратили вниманія.

Канцлеръ Бестужевъ держался Англійскихъ обычаевъ, долго сиживалъ за обѣдомъ и напивался каждый вечеръ. Враги его разсказали о томъ Елисаветѣ, которая, подъ предлогомъ дѣлъ, нарочно призывала его въ поздніе часы вечера, такъ что Бестужевъ, чтобы явиться къ Государынѣ, принужденъ бывалъ пускать себѣ кровь,—мѣра удивительная, ибо кровопусканіе въ пьяномъ видѣ можетъ кончиться смертью.

*

Когда Екатерина вступила на престолъ, у насъ было всего одинадцать линейныхъ кораблей, на половину сгнившихъ, да четыре фрегата. Въ годъ ея кончины въ Балтійскомъ флотѣ считалось 53 линейныхъ корабля и 15 фрегатовъ; въ Архангельскѣ 6 линейныхъ и 3 фрегата; въ Черноморскихъ гаваняхъ и въ остальныхъ моряхъ десять 74-хъ пушечныхъ кораблей, 17 фрегатовъ, 230 шебекъ, 30 бомбардъ, 15 канонирскихъ шлюпокъ, 40 бригантинъ и 24 корвета.

*

Г-нъ Кастѐра увѣряетъ, что Фридрихъ и Екатерина льстили другъ другу. Но развѣ похвалы, которыми они мѣнялись другъ съ другомъ, были не заслужены? Екатерина, считая его великимъ государемъ, великимъ полководцемъ и великимъ политикомъ, развѣ ошибалась? И въ свою очередь Фридрихъ, хотя и не любилъ женщинъ, долженъ былъ признавать Екатерину геніемъ перваго разряда.

Европейскій монархъ, который назоветъ Наполеона великимъ человѣкомъ, скажетъ правду [6]). Но что̀ думаетъ императоръ Французовъ о современныхъ Европейскихъ монархахъ? Ахъ!

*

О Фокшанскомъ конгрессѣ г-нъ Кастѐра передаетъ только, что онъ не состоялся; потому что сущность дѣла ему вовсе неизвѣстна. Румянцовъ желалъ мира, хотя бы временнаго. Думаютъ, что въ Фокшанахъ онъ добился бы того, что̀ впослѣдствіи было пріобрѣтено въ Кайнарджи; но князь Орловъ, взявъ на себя полномочіе, испортилъ все дѣло, и вовсе не по незнанію и не по недостатку способностей, какъ потомъ утверждали, а потому, что онъ узналъ о намѣреніи враговъ своихъ низвергнуть его и еще потому, что думалъ сдѣлать пріятное своимъ братьямъ, которые разлакомились побѣдами и желали продолженія войны. Фокшанскій конгрессъ велся крайне неприлично. Негодуя на то, что благо государства приносится въ жертву разсчетамъ личнаго честолюбія, Румянцовъ возымѣлъ достойную подражанія рѣшимость сказать Орлову, что почитаетъ себя въ правѣ продолжать переговоры, открытые при благопріятныхъ условіяхъ и въ

[6]) Намекъ на извѣстную сцену въ Эрфуртскомъ театрѣ въ 1808 году. *П. Б.*

качествѣ фельдмаршала, командующаго войскомъ, запрещаетъ ему воздвигать препятствія, несогласныя съ выгодами и достоинствомъ имперіи. Въ отвѣтъ на это Орловъ грозилъ Румянцову, что онъ велитъ его повѣсить. Они заявляли другъ передъ другомъ свои права: Орловъ хотѣлъ отнять у Румянцова команду; сей послѣдній объявлялъ, что вышлетъ его изъ Фокшанъ и изъ арміи. Стоило необыкновенныхъ усилій, чтобы дѣло не дошло до крайности, и случай вышелъ неслыханный: Османъ-еффенди, непріятельскій уполномоченный, такъ называемая «нехристь», употребилъ свое посредничество, чтобы возстановить согласіе между фельдмаршаломъ и первымъ вельможею христіанской державы. Не столько происки Панина и Чернышова, какъ это поведеніе князя Орлова побудили Государыню, которая и безъ того остыла къ нему, позаботиться, чтобы орлы, такъ отлично служившіе ей и на морѣ и во внутреннихъ покояхъ, отлетѣли отъ нея подальше. Она ясно усмотрѣла, что князь Орловъ не имѣетъ ни свѣдѣній, ни способностей, и что гордыня его растетъ все далѣе и далѣе. Впрочемъ желаніе Орловыхъ продолжать войну было очень естественно. Они покрывались славою, а слава—такая снѣдь, которая никогда не пріѣстся. Князь Орловъ доставилъ начальство надъ флотомъ въ Архипелагѣ брату своему Алексѣю. Другимъ братомъ хотѣлось ему замѣстить Румянцова, и такимъ образомъ его самого уже трудно было бы лишить занятаго положенія. Къ тому же у Матапанскаго мыса не было судилища, которое бы завѣдывало распредѣленіемъ морской добычи, и всѣ призы въ тамошнихъ водахъ поступали въ собственность Орловыхъ. По возвращеніи изъ Архипелага, въ рукахъ у нихъ очутилось несмѣтное количество золота и драгоцѣнныхъ каменьевъ. Тѣмъ не менѣе должно сказать, что счастливо то государство, гдѣ вельможи и любимцы обогащаются на счетъ непріятельской страны.

*

Было бы долго перечислять все собранное мною о возмущеніи Пугачева. Скажу только:

1-е. Толпы разбойниковъ были руководимы Французскими и Венгерскими офицерами. Французы имѣли увольнительныя свидѣтельства и паспорты отъ Шуазеля; но подозрѣніе не есть доказательство, и можетъ быть, что эти Французскіе офицеры поступали на службу къ Пугачеву и безъ прямаго участія Версальскаго кабинета.

2-е. Разсказы о романическихъ странствованіяхъ Пугачева, о его познаніяхъ и способностяхъ, столь же несправедливы, какъ и увѣреніе, будто онъ былъ глупъ и подлъ. Онъ былъ только отважный плутъ. Появленіе его кажется страннымъ и неумѣстнымъ въ XVIII вѣкѣ; но въ былыя времена оно не представило бы собою ничего чрезвычайнаго. Въ 1601 году два Португальскіе проходимца выдавали себя за короля Португальскаго дона Себастіана, погибшаго въ Африкѣ, и Португальцы ему повиновались. Нѣкто булочникъ Ламбертъ въ 1487 былъ коронованъ въ Дублинѣ подъ именемъ Эдуарда VI-го; вся Ирландія и часть Англіи исполняли его повелѣнія. Было бы долго перечислять всѣхъ самозванцевъ. Что̀ касается нашего Димитрія,

скажу мимоходомъ, что я почти убѣжденъ, что онъ былъ настоящій сынъ царя Ивана Васильевича.

3-е. Совершенно вѣрно, что раскольники были первыми приверженцами Пугачова.

4-е. Обѣщаніе воли крѣпостнымъ крестьянамъ, водка и вино, раздаваемыя даромъ и другія мѣры, расположившія народъ въ его пользу, могли быть внушены ему его сообщниками, и нечего прибѣгать къ ужасному (odieuse) предположенію, будто возмущеніе это было руководимо иноземными державами.

5-е. Тѣмъ не менѣе утверждать, что иноземныя державы вовсе не принимали тутъ никакого участія, было бы легкомысленно.

Пугачевъ принялъ священника, который и сопровождалъ его на казнь, тогда какъ главный его сообщникъ Бѣлобородовъ не захотѣлъ слышать объ исповѣди. Изъ этого заключили, что Пугачевъ былъ трусъ, а Бѣлобородовъ—герой. Но сей послѣдній держался безпоповщины и потому естественно отказался принять православнаго священника. Пугачевъ же не чуждался церкви и могъ, безъ всякой подлости, исповѣдаться. Французскіе романисты описываютъ его какимъ-то героемъ, въ родѣ Алкивіада или Цезаря; между тѣмъ вотъ въ какихъ выраженіяхъ означены оффиціально его примѣты: «Ему 49 лѣтъ. Черноволосъ, глядитъ изъ подлобья, краснокожее лицо, густая кудрявая борода, ростъ средній. Былъ пьяница и грубіянъ. Не понималъ ни попольски, ниповенгерски, хотя бывалъ въ Польшѣ. Онъ не умѣлъ ни читать, ни писать, и говорилъ казацкою рѣчью».

Пугачевскіе рубли, о которыхъ говоритъ Кастéра, съ надписью: Redivivus et ultor [7]), существовали, кажется, въ области фантазіи. Я разыскивалъ ихъ всячески и напрасно. Мнѣ сказывали, что онъ никогда не чеканилъ монеты.

*

Кастéра говоритъ, что Потемкинъ, не имѣя рѣшительно никакихъ познаній по военной части, не задумался взять на себя управленіе Военною Коллегіею.

Трудно опредѣлить степень классическихъ познаній Потемкина: по высокомѣрію, по лѣности, или по гордости онъ не отличался словоохотливостью. Извѣстно, что онъ былъ исключенъ изъ университета за лѣность и нерадѣніе. Но у великаго человѣка дѣтство и юность нерѣдко проходятъ гораздо безпорядочнѣе, нежели у людей дюжинныхъ. Человѣкъ, уволенный изъ университета за негодность и шалости, человѣкъ, котораго въ Стокгольмѣ тогдашній министръ нашъ графъ Остерманъ (впослѣдствіи канцлеръ) обозвалъ негодникомъ и плутомъ, былъ потомъ, въ теченіи почти двадцати лѣтъ, первымъ министромъ обширнѣйшей въ свѣтѣ имперіи, которую онъ распространилъ на цѣлую треть, далъ море южнымъ предѣламъ ея и связалъ имя свое со всѣми славными дѣяніями, коими въ отдаленнѣйшемъ потомствѣ останется громко Екатеринино царствованіе. Hic vir, et ille puer [8]).

---

[7]) Вновь ожившій и мститель.

[8]) Се мужъ, а то мальчикъ.

Старые порядки по рекрутскимъ наборамъ.

Въ настоящее время мы видимъ, какъ одна, самая тяжелая изъ государственныхъ повинностей, въ силу новыхъ человѣколюбивыхъ правительственныхъ учрежденій, упрощена и отбывается народомъ не только безъ тягостныхъ принудительныхъ мѣръ, но даже многими съ полною ревностію, въ видѣ охотниковъ и добровольцевъ. Прошедшіе (съ 1874 года) воинскіе наборы и призывъ ополченцевъ ясно то доказываютъ. Но не такъ легко обходилась рекрутская повинность въ былое время, когда не только братые въ рекруты люди, но и начальствующія въ провинціяхъ власти подвергались, по случаю набора рекрутъ, тяжелой отвѣтственности. Въ помѣщенномъ ниже рапортѣ сержанта лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка Николая Хрущова къ фельдмаршалу графу А. Б. Бутурлину, отъ 6-го Октября 1758 года, между прочимъ, говорится, что этотъ сержантъ былъ командированъ въ Тамбовскую провинцію для скорѣйшаго сбора недоимочныхъ рекрутъ (нужныхъ для пополненія нашей арміи, дѣйствовавшей въ Пруссіи противъ Фридриха Великаго), и что съ этою цѣлію онъ, по силѣ указа Конторы Военной Коллегіи, *«Тамбовскаго воеводу держитъ въ канцеляріи безъ выпуску и держать будетъ, пока тѣ доимочные рекруты взысканы не будутъ»*.

На современной бумагѣ помѣчено: *«За извѣстіе»*, т. е. что принято это донесеніе къ свѣдѣнію. Стало быть дѣло было въ тогдашнемъ порядкѣ вещей.

Долго ли потомъ Тамбовскій воевода сидѣлъ за недоимочныхъ рекрутъ въ канцеляріи безъ выпуску, не знаемъ; а между тѣмъ изъ дѣлъ графа Бутурлина видно, что, для пополненія арміи, гвардейскіе офицеры и нижніе чины были разосланы, подобно Хрущову, во всѣ провинціи, съ цѣлію строжайшаго наблюденія за скорѣйшимъ сборомъ рекрутъ.

Григорій Александровъ.

Копія.

Получено Октября 26-го дня 1757 года.

За извѣстіе.

Его высокопревосходительству г. генералъ-фельдмаршалу, сенатору, лейбъ-гвардіи подполковнику, генералъ-лейтенанту, дѣйствительному камергеру и обоихъ *) Россійскихъ орденовъ кавалеру, Александру Борисовичу Бутурлину. Лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка отъ сержанта Николая Хрущова покорнѣйшій рапортъ.

Сего Октября 5-го числа, пріѣхавъ на почтѣ, указъ о скоромъ взысканіи доимочныхъ рекрутъ какъ изъ военной походной вашего высокопревосходительства канцеляріи, такъ и Государственной Воен-

---

*) Т. е. Андрея Первозваннаго и Александра Невскаго; другихъ орденовъ тогда еще не было.

ной Коллегіи изъ Конторы, Тамбовской провинціальной канцеляріи я вручилъ и по силѣ даннаго мнѣ Государственной Военной Коллегіи изъ конторы указа Тамбовскаго воеводу держу въ канцеляріи безъ выпуску и держать буду, пока тѣ доимочные рекруты взысканы не будутъ.

И о вышеписанномъ вашему высокопревосходительству симъ покорнѣйше репортую, а что̀ по онымъ указамъ отъ Тамбовской провинціальной канцеляріи исполнено будетъ, о томъ вашему высокопревосходительству впредь покорнѣйше репортовать имѣю.

Сержантъ Николай Хрущовъ.

(Изъ дѣлъ фельдмаршала графа Бутурлина, хранящихся въ Москвѣ, въ Лефортовскомъ дворцѣ, оп. 201, св. 218).

Городъ Тамбовъ.
6-го Октября 1758 года.

Разсказы объ Ярославской старинѣ [1]).

IX.

КРЫЛОВЪ И ПУШКИНЪ ПО РАЗСКАЗАМЪ ЯРОСЛАВЦЕВЪ.

Судьба сталкивала пишущаго эти строки съ людьми, которые близко знали двухъ Русскихъ писателей, названныхъ въ началѣ статьи. Сами по себѣ, какъ дѣдушка Крыловъ, такъ и А. С. Пушкинъ не имѣютъ ничего общаго съ Ярославскою стариной, они даже никогда не бывали въ Ярославлѣ; но лица, знавшія ихъ, долгое время принадлежали къ здѣшнему обществу. Вотъ почему я и включилъ разсказы этихъ лицъ въ число моихъ историческихъ очерковъ, думая при томъ, что тамъ, гдѣ рѣчь идетъ о Пушкинѣ и Крыловѣ, непростительно оставлять безъ вниманія и самыя малѣйшія подробности, съ которыми успѣлъ познакомиться Ярославскій старожилъ.

*

25 Іюля 1868 года умеръ въ Ярославлѣ, послѣ долгой и мучительной болѣзни, архитекторъ Александръ Каллистратовичъ Савельевъ. Всѣ, знавшіе покойнаго близко, а не поверхностно, не путемъ однихъ служебно-оффиціальныхъ сношеній (иногда глубоко оскорблявшихъ чуткую, впечатлительную душу Александра Каллистратовича),—всѣ, надѣюсь, помянутъ его добрымъ словомъ, какъ человѣка умнаго, правдиваго. Что̀ касается пишущаго эти строки, онъ до сихъ поръ не можетъ вспомнить о Савельевѣ безъ жгучей скорби. Александръ Каллистратовичъ принадлежалъ къ семейству тѣхъ гг. Савельевыхъ, которыхъ усыновилъ баснописецъ Крыловъ. Покойный другъ мой, по наружности, сильно походилъ на знаменитаго «дѣдушку»: прекрасныя, крупныя черты лица его живо напоминали черты лица Крылова. Быть можетъ, со временемъ, и душев-

---

[1]) См. Р. Архивъ сего года, II, 50.

ныя свойства Савельева приблизились бы къ свойствамъ «дѣдушки», т. е. къ его тонкому Русскому «себѣ-на умѣ»? Не знаю. Я знаю только то, что Савельевъ былъ—откровенная душа, сохранявшая свою нравственную чистоту даже и въ той, по правдѣ сказать, грязноватой обстановкѣ, которая выпала ему на служебную долю. Свѣтлое дѣтство обѣщало ему лучшую участь: дѣтство его прошло подъ глазами Крылова, «а въ глазахъ дѣдушки (говорилъ мнѣ не разъ А—ръ К—вичъ) мы, дѣти, имѣли гораздо больше значенія, чѣмъ политическія событія въ родѣ возстанія Египетскаго паши противъ Турецкаго султана»...

Вообще А. К. Савельевъ сохранялъ много дѣтскихъ, слѣдовательно, неподкупно-правдивыхъ, хотя, быть можетъ, отчасти и довольно туманныхъ, воспоминаній о Крыловѣ, который баловалъ его и другихъ маленькихъ Савельевыхъ, скрывая ребяческія проказы ихъ [2]).

— «Бывало (разсказывалъ мнѣ Савельевъ), послѣ дождя, когда на дворѣ образуются лужи, я да Надя [3]) бродимъ по водѣ, замочимся, выпачкаемся и, зная, что насъ могутъ наказать, стрѣлой бѣжимъ къ нашему всегдашнему заступнику Ивану Андреевичу; тотъ, по обыкновенію, изрядно покушавъ, благодушно нѣжитъ свое тучное тѣло въ креслахъ и сладко-сладко дремлетъ».

— «Дѣдушка! милый дѣдушка! спасите насъ, спрячьте поскорѣе куда-нибудь»...

«Сейчасъ распахнется гостепріимный широчайшій дѣдушкинъ халатъ, и мы, закрытые имъ, сидимъ, ни гу-гу, за спиной Крылова; а онъ на вопросы домашнихъ, куда дѣвались шалунъ и шалунья, отвѣчаетъ вполнѣ серьёзно, во-первыхъ, что дѣти не шалуны, напротивъ, очень тихія, милыя дѣти, а во-вторыхъ, что онъ знать не знаетъ, вѣдать не вѣдаетъ, гдѣ они. Затѣмъ проходила домашняя гроза. Мы благодарили дѣдушку за великодушную защиту. Дѣдушка тонко подмигивалъ и опять начиналъ дремать. Была-ли эта дрема поэтическою грёзою, или же слѣдствіемъ пріятнаго пищеваренія, судить не берусь, впрочемъ—послѣднее вѣрнѣе. Также вѣрно и то, что впослѣдствіи, когда, учась географіи, я узналъ о существованіи неприступной крѣпости Гибралтара, мнѣ думалось, что халатъ Крылова былъ для насъ надежнѣе Гибралтара»...

А. К. Савельевъ не былъ, однако, первымъ «любимчикомъ» баснописца: Крыловъ особенно-горячо, на сколько было возможно для его натуры, неподатливой на нѣжности, любилъ Надежду Каллистратовну, о чемъ упоминаетъ и Плетневъ [4]), говоря, что «въ отшельниче-

---

[2]) Савельевъ неоднократно обѣщалъ написать для меня свои воспоминанія о Крыловѣ, но по свойственной Русскому человѣку привычкѣ откладывать дѣло до завтра, не успѣлъ исполнить этого обѣщанія; а я, тоже Русскій человѣкъ, не потрудился своевременно записать все, что́ онъ разсказывалъ о Крыловѣ. Никогда не прощу себя за эту оплошность, за этотъ неискупимый литературный грѣхъ!

[3]) Надежда Каллистратовна, старшая сестра Савельева.

[4]) Крыловъ, т. I, стр. XCVII, изд. 1859.

ской жизни своей онъ (Крыловъ) нашелъ забаву, обучая дѣтей грамотѣ и прослушивая ихъ уроки музыки. Ему весело было, когда около него играли дѣти, съ которыми дома онъ обѣдалъ и чай пилъ. Дѣвочка, по имени Наденька, особенно утѣшала его. Ея понятливость и способность къ музыкѣ часто выхвалялъ онъ, какъ что-то необыкновенное». По словамъ А—ра К—вича и его почтенной матери, Александры Петровны Савельевой (съ ней я имѣлъ честь познакомиться въ Ярославлѣ, близъ гроба ея сына, а моего друга), «безъ Наденьки дѣдушкѣ становилось скучно». Отправляясь въ Англійскій клубъ, Крыловъ всегда отдавалъ приказаніе: дать знать, когда она проснется и захочетъ чаю, и въ такомъ случаѣ немедленно возвращался домой.

На четвертомъ или на пятомъ году Надежда Каллистратовна, а потомъ и ея братъ стали учиться азбукѣ, подъ указкой Крылова. Однажды онъ увидалъ, что дѣвочка плачетъ надъ его басней. Крыловъ былъ тронутъ до слезъ этой дѣтской чувствительностью и тихонько удалился въ сосѣднюю комнату, чтобы сказать домашнимъ: «А вѣдь Надя-то у меня талантъ! Все понимаетъ, даже мою Лисицу, съѣвшую малиновокъ, понимаетъ!...»

Когда сама Александра Петровна была еще ребенкомъ, Крыловъ часто дарилъ ей свои рукописи:

—«На, спрячь куда нибудь подальше; авось, со временемъ эти бумажонки тебѣ пригодятся!» [5])

Далѣе, я слышалъ, что причиной смерти Крылова были вовсе не роковые рябчики, а вообще старость, постепенно разрушавшая организмъ знаменитаго баснописца, который въ послѣдніе три года своей жизни почти никуда не выходилъ изъ дому, избѣгая даже малѣйшихъ волненій, а тѣмъ болѣе споровъ съ кѣмъ бы то ни было. Раньше, когда былъ живъ Гнѣдичъ, Крыловъ велъ съ нимъ оживленныя пренія, но при всѣхъ другихъ отмалчивался, сохраняя, подобно старцу Гете, олимпійское спокойствіе. Смерть «криваго друга» опечалила Крылова, но опечалила не особенно сильно, несравненно меньше, чѣмъ смерть А. С. Пушкина, о чемъ будетъ сказано далѣе.

Довольно равнодушный къ смерти другихъ, Крыловъ встрѣтилъ и свою смерть безбоязненно, равнодушно. Онъ умеръ на рукахъ Александры Петровны, разсказывавшей мнѣ, что Крыловъ до послѣдней минуты сохранилъ память и, умирая, не могъ удержаться отъ шутки.

—«Ты, милая, не плачь, говорилъ онъ:—я старъ, утомленъ, пора мнѣ на покой. А ты и безъ меня проживешь, если не богато, такъ и не бѣдно, разумѣется, съ условіемъ — не ѣздить.... не ѣздить.... не ѣздить.... въ Англійскій клубъ!»

Каждую Пасху Крыловъ встрѣчалъ въ Казанскомъ соборѣ. Большаго труда стоило ему пробраться чрезъ густую толпу. Однажды тучное тѣло баснописца особенно страдало отъ толчковъ; но когда

---

[5]) Я слышалъ, что всѣ автографы Крылова поступили въ руки г. Кеневича; но кое-что сохранилось еще и у гг. Савельевыхъ.

полиція это замѣтила и сказала: «Раздайтесь, вѣдь это Иванъ Андреичъ Крыловъ!» народъ съ уваженіемъ уступилъ дорогу.

Трагическая смерть Пушкина, какъ уже сказано, глубоко опечалила Крылова. По словамъ А. П. Савельевой, Пушкинъ посѣтилъ Крылова за день, или за два, до своей дуэли съ Дантесомъ. Онъ былъ особенно, какъ-то даже искусственно, веселъ, говорилъ г-жѣ Савельевой любезности, игралъ съ ея малюткой-дочерью, пяньчилъ ее, напѣвалъ пѣсенки, потомъ вдругъ торопливо простился съ Крыловымъ. Когда же тотъ узналъ, что великаго поэта не стало,—баснописецъ, всегда спокойный, невозмутимый, воскликнулъ:

—«О! еслибъ я могъ это предвидѣть, Пушкинъ! Я заперъ бы тебя въ моемъ кабинетѣ, я связалъ бы тебя веревками.... Еслибъ я это зналъ!»

*

Близко зналъ Пушкина одинъ изъ самыхъ скромныхъ поэтовъ 30-хъ годовъ Николай Михайловичъ Коншинъ, директоръ училищъ Ярославской губерніи (отъ 1850 до 1856 года). Какъ святыню, онъ сохранялъ портретъ его въ своемъ кабинетѣ.... И живо помнится мнѣ, что и я взиралъ на тотъ же портретъ, какъ на святыню, въ 1856 году, когда мы, гимназисты, держали выпускной экзаменъ въ кабинетѣ Н. М. Коншина....

Здѣсь не мѣсто разсказывать подробно объ услугахъ, оказанныхъ Коншинымъ отечественной литературѣ. Повторяю, услуги эти были самыя скромныя [6]). Литературные труды никогда не были исключительнымъ предметомъ его занятій, а совпадали постоянно со служебными трудами. Первые опыты стихотвореній Коншина относятся къ двадцатымъ годамъ, но бо̀льшая часть ихъ—къ тридцатымъ. Онъ былъ сотрудникомъ «Сѣверныхъ Цвѣтовъ», «Новоселья», «Литературной Газеты», членомъ общества любителей Россійской словесности, и принадлежалъ къ школѣ тогдашнихъ молодыхъ поэтовъ, короткихъ знакомыхъ Пушкина.

Вотъ что̀, между прочимъ, разсказывалъ Коншинъ Ильѣ Ильичу Рогозинникову (нашему почтенному учителю Русской словесности) о своемъ послѣднемъ свиданіи съ Пушкинымъ, которое происходило за три дня до смерти великаго поэта.

«Это было въ 1837 году. Я желалъ тогда поступить на вакансію директора училищъ Тверской губерніи. Конечно (думалъ я), литературные труды мои даютъ мнѣ нѣкоторое право на то, чтобы не быть совершеннымъ профаномъ въ ареопагѣ педагоговъ; но — ради бо̀льшаго успѣха—я счелъ неизлишнимъ, сверхъ другихъ лицъ, попросить и Пушкина, чтобы и онъ, съ своей стороны, объяснилъ бывшему тогда министру народнаго просвѣщенія С. С. Уварову что̀ я за личность?

«Вотъ пріѣзжаю къ нему 27 Января, утромъ, часовъ въ 10, и нахожу въ передней два ящика съ пистолетами; при нихъ вижу послан-

---

[6]) Онѣ довольно подробно указаны въ статьѣ г. Рогозинникова («Яросл. Губ. Вѣдом., 1864 г., №№ 17 и 18).

наго изъ магазина. Думаю: это — дѣло обыкновенное для Пушкина: онъ охотникъ стрѣлять въ цѣль.... Говорю камердинеру:

— «Дома баринъ?» Тотъ суетится и скороговоркой, смутно отвѣчаетъ:

— «Дома-съ. Пожалуйте въ кабинетъ».

«Иду туда. Нахожу Пушкина еще въ утреннемъ домашнемъ костюмѣ и какъ-то страшно разстроеннаго и взволнованнаго. Говорю ему о своемъ дѣлѣ, а онъ въ это время безпрерывно перебѣгаетъ отъ дивана къ двери комнаты, почти смежной съ переднею комнатой.

«Ну, вижу: у него какая-то особенная забота, и поднимаюсь уже уйдти; но онъ удерживаетъ меня и съ видимымъ волненіемъ говоритъ отрывисто:

— «Хорошо.... Хорошо, Николай Михайловичъ.... Радъ тебѣ пособить.... Сейчасъ, сейчасъ ѣду....»

«Но вдругъ, какъ бы вспомнивъ что-то, прибавляетъ:

— «Ахъ, братъ!... Теперь нельзя.... Да постой!... Онъ (С. С. Уваровъ), кажется, знаетъ тебя....»

Видя его тревожное состояніе, говорю ему:—«Ну, Александръ Сергѣичъ, не во̀ время я къ тебѣ заѣхалъ; лучше побываю на дняхъ».

— «Ничего.... ничего, любезный мой! (отвѣчаетъ онъ) Какъ тамъ знать, что̀ будетъ послѣ?... Сегодня я его не увижу.... Такъ лучше напишу....»

«И вотъ поспѣшно взялъ онъ изъ-подъ преспапье бумагу и началъ писать записку къ С. С. Уварову, по-французски [7]).

«Замѣчаю, что за начальнымъ словомъ: «Monsieur», выведеннымъ дрожащею рукой, слѣдуютъ еще двѣ фразы, которыя вскорѣ зачеркиваются. Вдругъ онъ встаетъ и говоритъ мнѣ:

— «Не дивись, что я киплю душой.... Знаешь мою горячность.... До сихъ поръ.... не умѣю владѣть.... собой. Экое дѣло! не пишется.... Да лучше увижусь.... Скажу, скажу ему»....

«Я поторопился взять шляпу, а онъ, при прощаньи, какъ будто со слезами на глазахъ, поцѣловалъ меня.

«Каково же было мое изумленіе, когда я черезъ день узналъ, что для Пушкина настали уже послѣднія минуты жизни!»

Не правда-ли, что и въ этомъ маленькомъ разсказѣ Коншина живо рисуется высокая личность Пушкина. Пушкинъ, собирающійся на смертный бой и въ тоже время желающій помочь своему маленькому коллегѣ по литературѣ,—Пушкинъ и здѣсь вѣренъ самъ себѣ, т. е. доброму, нѣжному Русскому сердцу, которое такъ рано перестало биться отъ проклятой Французской пули!

Л. Трефолевъ.

---

[7]) Пушкину, конечно, трудно было о чемъ нибудь просить С. С. Уварова послѣ извѣстной исторіи со стихами «На выздоровленіе Лукулла»; но отношенія между ними не прерывались, и за нѣсколько дней до кончины онъ получилъ отъ министра народнаго просвѣщенія пригласительную записку на балъ. *П. Б.*

Изъ воспоминаній о В. В. Скрипицынѣ.

Извѣстно, что въ царствованіе императора Николая I, Валерій Валерьевичъ Скрипицынъ былъ директоромъ департамента иностранныхъ исповѣданій Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. Его обширный и проницательный умъ, несомнѣнныя заслуги, оказанныя на поприщѣ служенія, и горячій патріотизмъ сдѣлали имя его извѣстнымъ не только въ Россіи, но и въ Европѣ, гдѣ его чисто-русскія и вѣрноподданническія тенденціи не могли найдти сочувствія. Иностранныя газеты того времени нерѣдко посвящали ему цѣлые столбцы, въ которыхъ выставляли его въ числѣ вожаковъ небывалой у насъ старорусской партіи и осыпали ругательствами и клевстами, которыя не пропадали безслѣдно, но сильно отзывались и у насъ, особенно въ Петербургскихъ салонахъ.

Не смотря на это, однакоже, Скрипицынъ пользовался всеобщимъ уваженіемъ не только въ кругу людей равнодушныхъ, но и въ средѣ своихъ недоброжелателей.

Въ 18.. г. на открывшуюся въ Римѣ вакансію нашего министра былъ назначенъ К...., человѣкъ съ дарованіями и умомъ, но (какъ это нерѣдко случается) нисколько не подготовленный къ предстоявшему ему спеціальному служенію. Благонамѣренность его и вѣрность Государю были внѣ всякаго сомнѣнія: но это не мѣшало ему въ тѣсномъ смыслѣ своей новой миссіи желать руководиться тѣмъ латитудинаризмомъ, который, особенно въ то время, многіе ошибочно принимали за безпристрастіе, заслуживая приложеніе къ себѣ апокалипсическаго изрѣченія: «ни теплъ еси, ни студенъ; изблевати тя имамъ изъ устъ моихъ».

Родной братъ новаго министра, занимавшій тогда высокій государственный постъ, человѣкъ рѣдкаго ума, зналъ Скрипицына, и хотя не раздѣлялъ вполнѣ его воззрѣній, но уважалъ его характеръ и отдавалъ справедливость необыкновеннымъ его способностямъ и свѣтлому взгляду. Онъ посовѣтывалъ брату познакомиться съ нимъ и разузнать поближе о тѣхъ отношеніяхъ къ папской куріи, какія были бы желательны для нашей политики.

Знакомство состоялось. Оно, по укоренившемуся у насъ обычаю, началось съ докторальной бесѣды дипломата о существѣ международныхъ сношеній, о прямотѣ дѣйствій и въ особенности о совершенномъ безпристрастіи въ поступкахъ. Дипломатъ особенно напиралъ на примѣры другихъ цивилизованныхъ государствъ. Роли, какъ видно, перемѣнились: пріѣхавшій «разузнавать», увлекся желаніемъ

поучать и завладѣлъ рѣчью; а Скрипицыну оставалось только слушать и поучаться. Наконецъ, рѣчь дошла и до способа дѣйствовать въ Римѣ.

«Мнѣ казалось бы, сказалъ Валерій Валерьевичъ, что и въ этомъ случаѣ намъ слѣдовало бы учиться у другихъ, наприм. у Австріи, положеніе которой въ настоящемъ случаѣ совершенно сходно съ нашимъ».

— Какъ это?

«Въ Австріи Римско-католическій монархъ владѣетъ извѣстною частью православнаго населенія; у насъ православный Государь царствуетъ надъ долею Римскихъ католиковъ. Во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ въ Австріи допускается вмѣшательство во внутреннюю политику Константинопольскаго патріарха, и мы должны бы сноситься съ папою; а гдѣ не спрашивается согласія патріарха, тамъ и намъ не слѣдуетъ заботиться о папѣ.

— Да развѣ вы равняете патріарха съ папою?

«Какъ православный, конечно нѣтъ; въ моихъ глазахъ старѣйшій іерархъ православной церкви, разумѣется, несравненно выше».

— Помилуйте, да вы забываете, что папа-государь, а патріархъ подданный султана. Нашъ Государь самъ не равняетъ ихъ. .

«Я думаю, что ваше превосходительство въ этомъ отношеніи ошибаетесь. Если бы дѣйствительно наше правительство признало папу выше патріарха, то оно тѣмъ самымъ обратилось бы изъ православнаго въ Римско-католическое, потому что вся сущность спора со стороны Рима заключается только въ требованіи признанія его главенства; все остальное онъ охотно игнорируетъ. Что же касается до царскаго достоинства папы, то я конечно не отрицаю его; но согласитесь и вы, что папа, какъ свѣтскій государь, стоитъ не выше какого нибудь принца Зигмаринскаго, и всякое международное сношеніе съ нимъ, какъ съ владѣтельнымъ лицомъ, ограничилось бы какимъ нибудь торговымъ трактатомъ. Если бы могло случиться, что оба іерарха, Римскій и Константинопольскій, встрѣтились одновременно въ Санктпетербургѣ, то первый конечно, какъ государь, имѣлъ бы право сопутствовать нашему Государю на парадѣ или на разводѣ, и получилъ бы помѣщеніе въ Таврическомъ напр. дворцѣ, а послѣднему было бы оно отведено въ Лаврѣ. Но я не думаю, чтобы это насколько нибудь умалило его церковное значеніе въ глазахъ Русскаго народа»...

Эта бесѣда достаточно характеризуетъ взгляды на Римскій вопросъ того времени.

Достаточно ли измѣнились они и нынѣ?

26 Октября 1877 года.

Гр. Д. Т.

Переписка графа Аракчеева съ митрополитомъ Платономъ.

1.

ПИСЬМО ГРАФА АРАКЧЕЕВА КЪ МИТРОПОЛИТУ ПЛАТОНУ, ОТЪ 12 СЕНТЯБРЯ 1803 ГОДА.

Высокопреосвященнѣйшій владыка, милостивѣйшій архипастырь! Имѣя высочайшее Государя Императора повелѣніе построить здѣшней губерніи въ городѣ Коломнѣ для приличной части квартирующаго тамъ Екатеринославскаго кирасирскаго полка конюшни на счетъ тамошнихъ обывателей и изыскивая средства исполнить сію монаршую волю со всевозможнымъ облегченіемъ ихъ въ издержкахъ на то потребныхъ, отправлялся я въ тотъ городъ для личнаго обозрѣнія, какъ состоянія его, такъ и мѣстъ для конюшенъ назначаемыхъ. Не могши съ одной стороны не внять просьбамъ жителей о облегченіи ихъ въ постоѣ (о чемъ и господинъ министръ внутреннихъ дѣлъ по таковымъ же отъ всего Коломенскаго общества дошедшимъ ко мнѣ на разсмотрѣніе сообщилъ), а съ другой не уважить бѣднаго состоянія немалой части оныхъ, нѣсколько лѣтъ безпрерывно постой содержащихъ, дошелъ я до обозрѣнія зданій бывшаго Коломенскаго архіерейскаго дома. Огромность онаго привлекла на себя особливое мое вниманіе, а необитаніе, кромѣ малаго числа монашествующихъ (для того только, чтобъ совсѣмъ пустъ не былъ, въ немъ помѣщенныхъ), подало мысль сдѣлать изъ него полезнѣйшее употребленіе. Приказавъ снять съ него планъ и назначить необходимо-нужныя пристройки, увидѣлъ я, что легко можно помѣстить въ немъ два эскадрона кирасиръ съ лошадьми и со всѣми принадлежностями. Между тѣмъ къ немалому моему сожалѣнію услышалъ, что ваше преосвященство таковаго предпріятія моего не изволите одобривать, потому что предполагаете устроить въ домѣ семъ монастырь и семинарію, или другія какія либо духовнаго вѣдомства заведенія.

Предполагая, что таковое ваше неодобреніе имѣетъ предварительное основаніе единственно по причинѣ недоставленія еще мною свѣдѣній, какая изъ обращенія дома сего въ казармы можетъ произойти польза (съ самымъ благоугожденіемъ Богу и церкви, которой зданія сіи принадлежатъ, сопряженная), я нужнымъ счелъ объ ономъ чрезъ сіе объяснить.

Ежелибъ писалъ сіе не къ архипастырю, преимущественнымъ разумомъ одаренному и свойственными сану его добродѣтелями украшающемуся: то много надлежало бы мнѣ трудиться, дабы внушить

пользу сію и, доказавъ преимущество ея противу ожидаемой отъ духовныхъ заведеній, испросить на свою его благословеніе. Но вашему высокопреосвященству, сколько по уваженію тѣхъ достоинствъ, кои сдѣлали васъ свѣту извѣстнымъ, а не меньше во увѣреніи, что вамъ въ полной мѣрѣ свѣдомъ безпристрастный образъ мыслей моихъ, уваженіе къ святой церкви, радѣніе о общей пользѣ и чужденіе всякой личности, представляю то въ тѣхъ только краткихъ словахъ, какія малыя способности мои позволятъ.

Тогда когда городъ Коломна считаетъ себѣ отягощеніемъ содержать на квартирахъ одинъ эскадронъ, само по себѣ выходитъ, что постройка для него конюшенъ (до 30,000 рубл. коштовать имѣющая), усугубитъ его чувствительность, тѣмъ паче, что люди и за тѣмъ останутся на квартирахъ, при чемъ и служба большой удобности имѣть не будетъ, сколько по отдаленію людей отъ лошадей, столько и по отдаленности эскадрона отъ полка. Сравнивая все сіе съ тѣмъ употребленіемъ, какое бы ваше высокопреосвященство изъ дома сего сдѣлать ни восхотѣли, я увѣренъ, что оно толикой пользы ни по чему не принесетъ. Естьли вамъ нужно устроеніе семинаріи, то зданія упраздненнаго Спасскаго въ Коломнѣ монастыря могутъ, мнѣ кажется, съ лучшею удобностію тотъ архіерейскій домъ замѣнить. На сей конецъ испрашивая архипастырскаго благословенія вашего высокопреосвященства приступить къ толь полезному дѣлу, осмѣливаюсь предстательствовать у васъ за цѣлый городъ, который, бывъ благоснисхожденіемъ вашимъ тронутъ, конечно, постарается возблагодарить, сверхъ сердечныхъ жертвъ Богу, возможными по усердію каждаго святой церкви приношеніями, ввѣривъ оныя своему архипастырю. Кромѣ того, что приношенія сіи могутъ обращены быть на приправки упраздненнаго того монастыря, я могу доставить безденежно нужное количество кирпича и буту съ Коломенской крѣпости.

Споспѣшествованіе вашего высокопреосвященства въ семъ дѣлѣ достойно уваженія и потому только, что оно будетъ угодно Монаршей волѣ, и полезно цѣлому городу, и даже всей губерніи Московской. Но естьли присовокупить къ тому, что всякой бѣдный и всякая вдова, избавясь навсегда постоя въ хижинахъ ихъ (при всей умѣренности и кротости своей ихъ стѣснявшаго), а равно и солдаты, всегда жизнь свою за Отечество положить готовые, вмѣсто ветхихъ и холодныхъ жилищъ, кои въ таковыхъ хижинахъ по неудобности занимаются, найдутъ себѣ въ томъ одномъ домѣ постоянныя и спокойныя: то, мнѣ кажется, не только не сдѣлается чрезъ сіе Богу и церкви неблагоугодности, но съ пособіемъ вашимъ нечувствительно окажется многимъ облегченіе и милость—добродѣтель, всѣмъ жертвамъ и молитвамъ предпочитаемая.

Простите мнѣ впрочемъ, что толь далеко распространилъ слова мои; пріимите ихъ въ истинной цѣнѣ, удостойте удовлетворенія и будьте удостовѣрены въ томъ истинномъ почтеніи и душевной преданности, коими предаетъ себя святымъ вашимъ молитвамъ вашего высокопреосвященства, милостивѣйшаго архипастыря и отца, покорнѣйшій слуга

Графъ Алексѣй Аракчеевъ.

2.

ПИСЬМО МИТРОПОЛИТА ПЛАТОНА КЪ ГРАФУ АРАКЧЕЕВУ, ОТЪ ОКТЯБРЯ 1803 Г.

Сіятельнѣйшій графъ, милостивѣйшій государь! На почтенное и благосклонное вашего сіятельства писаніе, чтобъ архіерейскій Коломенскій домъ обратить въ казармы и конюшни для полка, имѣю честь соотвѣтствовать. Близъ пяти сотъ лѣтъ, какъ устроена каѳедра епископская въ Коломнѣ, а вмѣстѣ съ ней и домъ архіерейскій, что̀ составляло пользу церкви, честь граду и утѣшеніе жителямъ. Нынѣ по теченію вещей, свойственному для нынѣшняго вѣка, оная епископская каѳедра перенесена въ другое мѣсто. Но чтобъ монументъ святой древности не совсѣмъ нарушить и подать граду нѣкоторое утѣшеніе, главное духовное правительство опредѣлило въ томъ устроить второклассный монастырь, что̀ утверждено высочайшею императорскою конфирмаціею. Симъ средствомъ честь древности и града нѣсколько сохранена, и граждане чувствительно утѣшены, чему я былъ очевиднымъ свидѣтелемъ. Но какъ тогоже монастыря священно-монашествующимъ велѣно и въ бывшемъ каѳедральномъ соборѣ служеніе отправлять, я, находя въ томъ неудобность и не видя никакого сходства со всѣми въ Россіи первоначальными въ городахъ соборами, представлялъ Святѣйшему Синоду, чтобъ при томъ соборѣ учредить соборянъ: протопопа, ключаря, священника, двухъ діаконовъ, на ихъ содержаніе удѣлить изъ монастырскаго штата, а штатное въ монастырѣ число уменьшить, что̀ Святѣйшимъ Правительствующимъ Синодомъ и апробовано. Симъ еще болѣе удовольствовано желаніе гражданъ съ отношеніемъ ихъ ко мнѣ благодарности. А чтобъ соборянамъ помочь въ ихъ недостаточномъ содержаніи, то я опредѣлилъ: 1) чтобъ въ архіерейскомъ домѣ жить архимандриту съ братіею, да пастырю для законнаго посѣщенія града въ томъ домѣ оставить небольшое число комнатъ, чѣмъ весь тотъ архіерейскій флигерь и занятъ; 2) во второмъ бывомъ семинарскомъ корпусѣ жить соборянамъ, кои его и заняли, употребивъ немалую собственную на поправку того сумму; 3) въ томъ же корпусѣ учредилъ семинарію, въ которой уже находится учениковъ до 100 человѣкъ, и вѣдомости объ нихъ въ Святѣйшій Синодъ отправляются, къ общему священноцерковнослужителей удовольствію; 4) небольшое зданіе, которое прежде занимаемо было Консисторіею, назначено для Духовнаго Правленія, которое для того города необходимо нужно, что̀ также Святѣйшимъ Синодомъ апробовано.

Изъ всего сего ваше сіятельство изволите усмотрѣть, что весь тотъ домъ, котораго впрочемъ огромнымъ назвать нельзя, занятъ полезнымъ, пристойнымъ и для города желательнымъ учрежденіемъ. Послѣ сего какъ все то устроено съ общею пользою, да и Главнымъ Духовнымъ Правленіемъ опредѣлено, а паче высочайшею императорскою конфирмаціею утверждено, то обще всѣ надѣялись и надѣемся, что къ какой либо того перемѣнѣ кто либо приступить или не восхощетъ, или соблюденіемъ учрежденія Главнаго Духовнаго

Правительства и императорской высочайшей конфирмаціи противъ того удержится. Ежели же всему тому предпринимать какую либо перемѣну, то кромѣ нарушенія монастыря и немалаго моего къ тому прибавленнаго устроенія: 1) семинарія уничтожится, не имѣя никакова къ содержанію пособія; 2) соборяне лишатся не только квартиръ и издержанной на нихъ суммы, но и содержанія, и главный соборъ останется безъ службы; 3) Духовное Правленіе помѣстить будетъ негдѣ; 4) опорочится священная архіерейскаго дома древность обращеніемъ онаго въ казармы и конюшни, да еще въ самой крѣпости близъ самаго собора, чтò, говорятъ, и съ гражданскимъ учрежденіемъ несходственно; 5) опечалится городъ, видя таковое преображеніе, особливо, что нынѣ я употребилъ всѣ силы ко украшенію и къ расписыванію собора, чему граждане мнѣ охотно споспѣшествуютъ, который по таковомъ преобращеніи долженъ остаться пустъ; 6) чтò же надлежитъ до того, что акибы сами граждане того желаютъ, сіе почитаю я неимовѣрнымъ: ибо самые лучшіе граждане ко мнѣ отзывались, что они такой перемѣны никакъ не желаютъ и примутъ съ великимъ прискорбіемъ и за униженіе города. Ежели же о томъ нѣкоторые и отзывались, то развѣ люди низкаго состоянія и къ благочестію нерасположенные, а паче изъ раскольниковъ, коихъ есть тамъ нѣкоторая часть, кои, конечно, не только архіерейскому дому, но, можетъ быть, и церквамъ во градѣ быть не пожелали бъ, по извѣстному ихъ расположенію; 7) а чтобъ граждане, особливо бѣдные, въ устроеніи конюшенъ не понесли тягостнаго для нихъ изнуренія, то смѣю сказать, что сія для нихъ участь есть общая и съ другими городами. А при томъ, ежели устроять въ архіерейскомъ домѣ казармы и конюшни, то какъ извѣстно мнѣ того дома положеніе, едва ли для устроенія того не столько же суммы потребуется. Подлинно, человѣколюбивое и христіанское дѣло изобрѣтать способы къ облегченію бѣдныхъ людей, но изобрѣтать способы таковые, кои бы не причиняли полезному учрежденію нарушенія, предосужденія для церкви и прискорбія для гражданъ, можетъ быть бòльшаго нежели временный для нихъ убытокъ.

Отяготилъ я ваше сіятельство симъ долгимъ писаніемъ, но для того, чтобъ объяснить вашему сіятельству всѣ дѣла сего обстоятельства, думая, что ваше сіятельство не иначе могли къ сему намѣренію приступить, какъ что всѣ сіи обстоятельства не дошли до вашего свѣдѣнія. Ибо сохрани Богъ, чтобъ я въ чемъ либо усумнился о добромъ намѣреніи, о вашемъ христіанскомъ расположеніи, о вашей всегдашней наклонности къ доставленію всѣмъ удовольствія, а не прискорбія и не прославленія вашего имени. Почему и прошу ваше сіятельство именемъ Божіимъ, именемъ церкви и именемъ благочестиваго города Коломны, оставить архіерейскій домъ въ томъ положеніи, въ какомъ онъ по опредѣленію Главнаго Духовнаго Правительства и по императорской высочайшей конфирмаціи нынѣ состоитъ, и какъ мною въ сходственность того устроенъ. При всемъ томъ откровенно вашему сіятельству скажу, что, можетъ быть, по неизвѣстному теченію вещей и паки когда либо въ семъ градѣ от-

кроется по прежнему епископская каѳедра, чего всеусердно граждане желаютъ, какъ мнѣ неоднократно объясняли, да и я не совсѣмъ безнадеженъ, уповая на Промыслъ Божій и взявъ увѣреніе отъ бывшихъ тому примѣровъ. Я собственной своей выгоды никакой въ томъ и не нахожу, а яко недостойный того града пастырь ревную о общемъ благѣ церкви и о чести града того. Къ сему, уповаю, поспѣшитъ мнѣ вашего сіятельства ко мнѣ благосклонность и давняя дружба, которая до конца моей жизни, который недалекъ, да сохранится, всесмиренно прошу и, препосылая вамъ благословеніе Божіе, съ истиннымъ почтеніемъ пребываю

смиренный митрополитъ Платонъ.

3.

ПИСЬМО ГРАФА АРАКЧЕЕВА КЪ МИТРОПОЛИТУ ПЛАТОНУ, ОТЪ 14 ОКТЯБРЯ 1803 Г.

Высокопреосвященнѣйшій владыка, милостивѣйшій архипастырь! Считая долгомъ и сладчайшею пищею души моей творить благоугодная святой церкви и сдѣлавъ себѣ правиломъ имѣть къ вашему высокопреосвященству, яко истинному блюстителю преимуществъ ея, непоколебимое почтеніе, я не могъ не уважить тѣхъ резоновъ, кои противопоставили вы мнѣ въ разсужденіи потребности вамъ Коломенскаго архіерейскаго дома. Сколь нужно мнѣ было благословеніе вашего высокопреосвященства, безъ коего, не смотря на основательность побудительныхъ причинъ моихъ, не хотѣлъ я приступить къ обращенію дома сего въ извѣстное употребленіе; столько теперь пріятно имѣть случай оправдать доброе ваше о мнѣ мнѣніе и вмѣстѣ съ тѣмъ удостовѣрить васъ о томъ уваженіи, какое готовъ я всегда дать просвѣщенному и безпристрастному образу мыслей вашихъ. Впрочемъ признаюсь, что ваше высокопреосвященство, поставляя мнѣ во вниманіе дѣлаемый вами размѣръ жизни вашей, сильно тронули мою чувствительность. Я душевно желаю продолженія дней вашихъ, дабы добрыя дѣла и достоинства ваши, съ умноженіемъ временъ множащіяся, тѣмъ сильнѣйшее произвели впечатлѣніе о васъ въ сердцахъ и памяти сыновъ церкви, славу и благочестіе которой вы толико утверждаете и сохраняете. Вѣрьте, что съ таковымъ желаніемъ и душевною къ вамъ преданностію на всегда останется, вашего высокопреосвященства покорнѣйшій слуга

Графъ Алексѣй Аракчеевъ.

Мои воспоминанія о Турецкой кампаніи 1828 года.

Чуть не полвѣка прошло, а мнѣ кажется, что это было вчера. Въ 1828 году 10 Сентября, во время осады крѣпости Варны, меня командировали, съ стрѣлковымъ взводомъ роты Его Величества лейбъ-гвардіи гренадерскаго полка, дѣлать туры для брешъ-батарей. Я выбралъ мѣсто въ виноградникахъ, которые изобилуютъ кругомъ крѣпости. Стрѣлки, оборвавъ весь великолѣпный виноградъ, утолили жажду (въ 8 часовъ утра было 41 градусъ и кромѣ виноградниковъ никакой тѣни; по принятому обыкновенію, лучшія кисти были поднесены мнѣ), и потомъ начали быстро плесть туры. Для меня сдѣлали они маленькій шалашикъ, въ которомъ я прилегъ, восхищаясь великолѣпнымъ видомъ раскинутой на большомъ пространствѣ крѣпости съ ея красивыми минаретами и садами. Вдали Черное море, покрытое нашими линейными могучими кораблями, которые обстрѣливали крѣпость; на кораблѣ «Парижъ» находился самъ Государь и руководилъ осадой. При громѣ пушекъ я вспомнилъ Петербургъ, Москву, родныхъ, милыхъ сердцу, мечталъ схватить крестъ. О смерти и ранахъ никто не думалъ, хотя сотни раненыхъ проносили мимо насъ. Я совершенно погрузился въ мечты, какъ вдругъ былъ пробужденъ знакомымъ голосомъ [1]) великаго князя Михаила Павловича; онъ командовалъ гвардіей, которая входила въ составъ осаждающихъ войскъ, подъ начальствомъ графа М. С. Воронцова. «Прапорщикъ Еропкинъ, сдайте туры саперному офицеру и передайте мое приказаніе генералу Фрейтагу, чтобы 1-й батальонъ, отобѣдавъ, немедленно отправился бы въ гавань, гдѣ его посадятъ на корабль и переправятъ къ генералу Бистрому». Адъютантъ великаго князя, полковникъ И. Г. Бибиковъ, обратился ко мнѣ съ просьбой подѣлиться съ нимъ виноградомъ. «Бибиковъ, берегись, а то умрешь поносною смертью», пошутилъ Его Высочество.

Я немедленно собралъ команду и отправился къ генералу Фрейтагу [2]) передать приказаніе великаго князя. Полковой командиръ тотчасъ отправилъ адъютанта къ его высочеству доложить, что, въ виду предстоящаго сраженія, онъ самъ поведетъ батальонъ. Къ ве-

---

[1]) Его Величество и Его Высочество лично меня знали, такъ какъ я былъ выпущенъ въ офицеры изъ школы гвардейскихъ подпрапорщиковъ.

[2]) Нашъ полковой командиръ, извѣстный своей храбростью, получившій Георгія, Владиміра съ бантомъ, золотую саблю, служа въ арміи въ чинѣ поручика, въ 1807 году.

черу насъ посадили на 44 пушечный фрегатъ (имени его не упомню). Моряки, какъ всегда, приняли насъ радушно, предупредивъ, что во избѣжаніе послѣдствій качки (осенью Черное море очень бурливо) слѣдуетъ выпить рому и закусить икрой, что мы сдѣлали исправно; но отъ качки не спаслись: исключая князя С. И. Мещерскаго, мы все время пролежали и утромъ едва могли сойдти на берегъ. Это было 14-го Сентября. На другой день мы отдохнули; а 16-го, къ 12 часамъ утра, стали на позицію. У генерала Бистрома было около 7000 пѣхоты и три батареи. Цѣлый Турецкій корпусъ въ 30,000, подъ командою Омеръ-Вріони-паши, бросился на наши редуты. Нашъ батальонъ былъ отряженъ отъ главныхъ силъ, чтобы помѣшать непріятелю обойдти нашъ лѣвый флангъ и ворваться въ Варну; намъ была извѣстна важность нашего порученія.

Черезъ часъ послѣ занятія позиціи, цѣлая туча Турецкой кавалеріи, приблизительно въ 4000, бросилась на насъ со всѣхъ сторонъ; въ одно мгновеніе построилось каре; мы подпустили Турокъ на 200 шаговъ и изъ кремневыхъ ружей приняли ихъ батальнымъ огнемъ. Они отъѣхали обратно, внѣ ружейнаго выстрѣла. Когда эта масса неслась на насъ съ крикомъ «аллахъ», батальонный командиръ, дѣлавшій походъ двѣнадцатаго года, полковникъ Зайцевъ сказалъ: «Ребята, не бойтесь Турецкаго аллаха, мы имъ покажемъ Русскаго штыка». Турки, видя, что съ каре ничего не подѣлаешь, спѣшили нѣсколько сотъ человѣкъ, которые, засѣвъ въ кусты, стрѣляли по насъ безнаказанно. Не имѣя при себѣ ни артиллеріи, ни кавалеріи, мы не могли выслать своихъ стрѣлковъ: непріятельская кавалерія тотчасъ уничтожила бы ихъ. Въ такомъ положеніи мы простояли часа два, соблюдая, чтобы люди, по мѣрѣ убыли, смыкались плотнѣе. Генералъ Фрейтагъ собралъ военный совѣтъ и обратился къ солдатамъ: «Ребята, вспомните Кагулъ, гдѣ противъ десятерыхъ былъ одинъ; потомки Кагульцевъ, умремъ, но не сдадимся», и съ барабаннымъ боемъ, съ криками ура, мы бросились въ штыки. Сначала Турки побѣжали; но, видя нашу малочисленность, вернулись и вновь бросились въ атаку. Первыми пали генералъ Фрейтагъ и батальонный командиръ Зайцевъ, много офицеровъ ранено и контужено. По командѣ флигель-адъютанта князя С. И. Мещерскаго, мы снова построили каре и подъ напоромъ непріятельской кавалеріи стали отступать шагъ за шагомъ, отстрѣливаясь, и заняли прежнюю позицію. Наше положеніе было опасно. Турки стали насъ окружать стрѣлковой цѣпью, и мы готовились умереть, подобно шести ротамъ лейбъ-гвардіи Егерскаго полка [3]). Вдругъ прискакали 4 орудія Донской конной артиллеріи, которыя быстро снялись съ передковъ и открыли батальный огонь картечью и гранатами. Въ это время была отбита атака на наши главныя позиціи, и батальонъ лейбъ-гвардіи Павловскаго полка показался развернутымъ фронтомъ. Турки бѣжали. Прискакавшіе съ генераломъ Акинѳіевымъ, пятьдесятъ лейбъ-

[3]) Которыя, при рекогносцировкѣ, попавши въ засаду, не сдались, а были почти всѣ изрублены; израненный знаменщикъ сохранилъ знамя.

казаковъ, бросились ихъ преслѣдовать. Сраженіе продолжалось отъ 12 часовъ дня до 7 часовъ вечера, при 40 градусахъ жары; отъ пороха и дыма языкъ пересохъ. Составивъ ружья, мы помолились Богу, поплакали надъ убитыми, особенно о Фрейтагѣ и Зайцевѣ, которые были истинные отцы-командиры. (Тѣла ихъ сохранили въ каре). Въ 8 часовъ вечера отправился я въ цѣпь.

На другой день Государь Николай Павловичъ, который видѣлъ все дѣло съ корабля «Парижъ», прислалъ генералъ адъютанта Дибича благодарить полкъ, всѣмъ оставшимся офицерамъ пожаловалъ награды [4]; на каждую роту осмнадцать Георгіевскихъ крестовъ.

Сраженіе 16-го Сентября было тѣмъ важно, что Омеръ-Вріоне не могъ ввести подкрѣпленій въ крѣпость, и черезъ нѣсколько дней Варна сдалась. Послѣ сдачи Варны, когда мы готовились въ нее вступить, Государь подъѣхалъ къ нашему батальону и, увидя горсть храбрыхъ (у насъ осталось по 12-ти рядовъ во взводѣ, а во второй ротѣ, которая составляла фасъ, подъ командою штабсъ-капитана В. И. Зальца, еще менѣе), изволилъ прослезиться, благодарилъ насъ и спросилъ меня: «Ты командуешь моей ротой; гдѣ же Комнено, Тутолминъ?»—«Раненъ, контуженъ, Ваше Величество, Титенко убитъ, Аржениковъ раненъ».

«Музыканты впередъ!» звучнымъ голосомъ скомандовалъ Государь, «къ церемоніальному маршу, по полувзводно, сомкнутой колонной, равненіе направо, скорымъ шагомъ!» И самъ Государь повелъ насъ въ покоренную Варну. Какъ теперь помню, играли маршъ изъ «Dame Blanche», который раздавался въ улицахъ крѣпости, заваленной трупами людей и животныхъ; христіане бросались на колѣни передъ Государемъ и кричали намъ: «братья, братья». До 2-го Октября мы отдыхали и отправились обратно въ Россію на зимнія квартиры близъ города Тульчина.

Очевидцемъ подвига лейбъ-гренадеровъ былъ ген.-адъют. графъ В. Ѳ. Адлербергъ, который состоялъ при особѣ Государя. Кромѣ него, въ настоящее время остались въ живыхъ участвовавшіе въ этомъ дѣлѣ: бывшій Петербургскій комендантъ, генералъ отъ инфантеріи В. И. Зальца, старѣйшій лейбъ-егерь Россійской Имперіи, Царскосельскій комендантъ Н. А. Степановъ, служившій въ Павловскомъ полку А. А. Тулубьевъ, два дворцовыхъ гренадера золотой роты, Садовскій и Поліенко, раненый въ голову и тогдашній прапорщикъ лейбъ-гренадерскаго полка, нынѣ генералъ-маіоръ

Василій Еропкинъ.

*

Сейчасъ читалъ въ газетахъ, что подъ Горнымъ Дубнякомъ (12 Октября 1877) первые ворвались въ редутъ лейбъ гренадеры. Счастливая доля этого полка—отличаться въ Турецкихъ кампаніяхъ и стяжать себѣ неувядаемую славу какъ подъ Кагуломъ и Варною, такъ и подъ Горнымъ Дубнякомъ.

---

[4]) Я первый получилъ Анненскую саблю съ надписью «за храбрость».

Изъ Записокъ Ивана Гавриловича Поливанова [1]).

Опредѣленъ я былъ въ Октябрѣ (1828) въ прежнюю 18 бригаду, но уже не въ 3-ю, а во 2-ю легкую роту... Отправился въ Болградъ. Городъ этотъ, нынѣ уступленный Молдавскому правительству, находился неподалеку отъ нашей границы. Онъ населенъ, какъ и Болгарскія колоніи, вышедшими въ разное время изъ Турціи Болгарами; въ немъ было главное управленіе этихъ колоній, коими завѣдывалъ полковникъ Мердеръ. Человѣкъ былъ онъ гостепріимный для всѣхъ офицеровъ, находившихся и проѣзжавшихъ Болградъ, почему нѣсколько артиллерійскихъ офицеровъ, съ коими я сошелся, бывали у него, отрекомендовали меня, и я былъ также приглашенъ на обѣдъ на все время пребыванія въ Болградѣ. У Мердера, человѣка женатаго, бывали иногда и танцы. Между кавалерами случались иногда танцоры въ личныхъ, очень некрасивыхъ на видъ сапогахъ, такъ какъ возвратившіяся на зимовку команды изъ Турціи были порядочно пообношены, а возобновить свои костюмы не имѣли еще времени и даже способовъ по недостатку мастеровыхъ. Прогостивъ въ Болградѣ около недѣли, отправился я въ Базарджикъ. По дорогѣ учреждены были станціи по примѣру Великороссійскихъ. Ямщики по большей части были бѣглые, а какъ у нихъ не спрашивали паспортовъ, то вѣроятно между ними были и преступники. На это не обращали вниманія. Охотниковъ къ такому промыслу было немного по причинѣ неудобныхъ помѣщеній за Дунаемъ и безпрестанной гоньбы. На нѣкоторыхъ станціяхъ лошади едва передвигали ноги. Приближаясь къ Дунаю, ѣхалъ я по той гати, которую въ Апрѣлѣ прошлаго 1828 года, по приказанію генерала Дибича, нагатили окрестные жители и на которой онъ грозился повѣсить исправника, если тотъ въ опредѣленное время не окончитъ этой работы. Во время моего проѣзда она была порядочно избита, однако хворостъ еще не сгнилъ, почему мы и добрались до Дуная. Увидѣвъ эту историческую рѣку, которая съ нашего берега уже прошла, а съ противоположнаго Турецкаго покрыта была льдомъ, я мысленно простился съ Россіей и помѣстился на лодку вмѣстѣ съ Александромъ Ермолаевымъ [2]), двумя небольшими чемоданами и вьючнымъ сѣдломъ. Время было тихое; мы скоро переѣхали открытое пространство, а потомъ пошли по льду; вещи наши частію понесли сами, частію помогли солдаты изъ команды, стоявшей на перевозѣ, и вотъ мы перешли въ Турцію. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ берега находилась Турецкая крѣпостца Исакча, взятая у Турокъ. Въ ней находилась почтовая стан-

---

[1]) Печатается съ рукописи, сообщенной въ Русскій Архивъ сыномъ автора Львомъ Ивановичемъ Поливановымъ. *П. Б.*

[2]) Крѣпостной слуга автора. *П. Б.*

ція. Вошедъ въ нее, первое, что я замѣтилъ, былъ гробъ, напутствуемый полковымъ священникомъ, который несли солдаты. Покойникъ принадлежалъ также къ ихъ классу и умеръ, по обыкновенію, въ гошпиталѣ. Отправившись далѣе, доѣхалъ я до слѣдующей станціи, которая находилась въ землянкѣ, окруженной лѣсомъ. Пока перепрягали лошадей, я вошелъ въ землянку; около нея были нары, на коихъ лежали и сидѣли ямщики. Лица ихъ блѣдныя, исхудалыя предполагали изнуреніе всего ихъ состава. Нестерпимое зловоніе заставило меня опять выйти на свѣжій воздухъ, гдѣ было свѣжо, но не холодно; тогда былъ Февраль въ исходѣ. Наконецъ потащились мы шагомъ, дѣлая не болѣе 5 верстъ въ часъ. Къ вечеру, когда смерклось уже, въѣхали въ городъ Бабадагъ и остановились у станціи; подорожную слѣдовало показать коменданту и самому явиться, почему въ сопровожденіи солдата пошелъ я къ нему и спѣша, не смотрѣлъ подъ ноги; темнота препятствовала различать даже близкіе предметы; провожатый внезапно схватилъ меня за руку и, остановивъ, указалъ впереди на что-то темное. На вопросъ мой: что это такое? Ваше благородіе, колодезь, отвѣчалъ онъ. Неужели онъ не обнесенъ ничѣмъ? возразилъ я. Точно такъ, отвѣчалъ онъ. Здѣсь ихъ много, да многіе изъ нашего брата туда попадаютъ и бьются тамъ, пока ихъ утромъ не вытащатъ. Исполнивъ это необходимое дѣло, возвратился я на станцію часовъ въ 9 вечера. Рано утромъ отправились далѣе и чрезъ станцію приблизились къ крѣпостцѣ Кюстенджи, находящейся на берегу Чернаго моря. Она построена на возвышеніи; около нея крутой обрывъ къ самому морю. Видъ окрестностей пустынный. Въ морѣ же съ крутаго берега очень далеко виднѣлось нѣсколько кораблей. Здѣсь прожилъ я болѣе двухъ сутокъ за неимѣніемъ лошадей; наконецъ отправился вдоль морскаго берега. Дорога пролегала у самаго моря, такъ что отъ прибоя волнъ иногда долетали брызги; къ вечеру пріѣхалъ въ мѣстечко Мангалію, также находящееся близъ самаго моря. Тутъ комендантъ былъ мнѣ человѣкъ знакомый по прежней службѣ, маіоръ Вендорфъ. При свиданіи онъ удивился, что я рѣшился поступить снова въ службу въ такое тяжелое время; пожелавъ мнѣ благополучнаго пути, отпустилъ, и я въ тоже время отправился въ мѣстечко Коварну. Прибывъ туда, дождался присланныхъ изъ Базарджика артиллерійскихъ лошадей за провіантомъ, который доставлялся изъ Одессы и складывался въ семъ приморскомъ мѣстѣ. Фейерверкеръ, присланный съ лошадьми и повозками, узнавъ меня, вызвался доставить въ бригаду. Мы отправились съ командой шагомъ; ночевать пріѣхали въ какую-то полуразрушенную Турецкую деревню; развели на очагѣ огонь и пролежали предъ нимъ до утра. Лошади были страшно худы; они питались прошлогодней соломой, полусгнившей на поляхъ, которыхъ хозяева бѣжали до жатвы и оставили такимъ образомъ подъ зиму. Наконецъ подъѣхали къ Базарджику, гдѣ устроенъ былъ карантинъ. Въ Молдавіи въ гошпиталяхъ открылась заразительная болѣзнь, похожая на чуму, почему и приходилось всѣмъ пріѣзжимъ выдерживать карантинный срокъ.

Чрезъ нѣсколько часовъ посѣтилъ меня бригадный адъютантъ Аристовъ, съ которымъ прежде я былъ коротко знакомъ и взялся выхлопотать приказъ отъ начальника выпустить меня изъ карантина, такъ какъ я не проѣзжалъ зараженными мѣстами. Вскорѣ получилъ я право оставить карантинъ и явился къ прежнимъ своимъ товари-

щамъ, которые меня узнали, то есть приняли подружески, предложили квартиру общую въ одной большой комнатѣ, довольно сухой и теплой. Много подробностей узналъ я отъ нихъ, какъ частныхъ, касающихся отдѣльныхъ личностей, такъ и общихъ о прошлогодней кампаніи. Бригада наша находилась въ 7 корпусѣ при 18-й пѣхотной дивизіи, которая перешла Турецкую границу въ началѣ Мая 1828 года и подступила къ Турецкой крѣпости Браилову. Во время правильной осады она дѣйствовала на батареяхъ около трехъ недѣль. Когда траншеи подошли къ самому гласису крѣпости и подведены были мины подъ крѣпостной валъ, пришло повелѣніе изъ главной квартиры, въ коей находился самъ императоръ Николай I-й, штурмовать Браиловъ.

По разсказамъ очевидцевъ, инженеры не дошли еще до того мѣста, гдѣ должно было остановиться и зарядить мину для правильнаго взрыва части крѣпостнаго вала, такъ чтобы земля засыпала ровъ и образовала проходъ въ крѣпость. Слѣдовало еще производить подземную работу дня два или три. Начальникъ Браиловскаго осаднаго корпуса, великій князь Михаилъ Павловичъ, по предложенію главнаго инженера, управлявшаго подземными работами, приказалъ усилить зарядъ мины, полагая, что сила взрыва замѣнитъ недоконченную работу. Между тѣмъ солдатамъ усилена была мясная порція за нѣсколько дней до штурма. Наконецъ наступилъ этотъ день. Всѣ полки 18-й дивизіи и легкія батареи 18-й бригады двинулись къ крѣпостному рву въ колоннахъ. Впереди находился Казанскій пѣхотный полкъ. Это было на разсвѣтѣ. Когда Турки замѣтили движеніе, открыли сильный пушечный и ружейный огонь. Казанскій полкъ, храбро выдержавъ его, дошелъ до крѣпостнаго рва. Предъ этимъ взорвана была мина, но неудачно: вмѣсто того, чтобы засыпать ровъ, на мѣстѣ взрыва образовался глубокій обрывъ, такъ что не только невозможно было расчистить эту дорогу для артиллеріи (какъ предполагалось), но и подступить не было возможности. Казанскій полкъ былъ подъ вѣрными непріятельскими выстрѣлами, но не отступилъ, а спустился въ крѣпостной ровъ, надѣясь взойти на валъ. Однакоже это оказалось невозможнымъ, потому что эскарпъ былъ одѣтъ камнями, скрѣпленными желѣзомъ. Напрасно, перебѣгая изъ мѣста въ мѣсто, офицеры и солдаты пытались преодолѣть затрудненіе. Невозможное осталось таковымъ, и несчастный этотъ полкъ принужденъ былъ выйти обратно изъ рва подъ сильнымъ огнемъ непріятельскимъ. Резервныя колонны другихъ полковъ, видя невозможность одолѣть препятствія и не желая терять напрасно людей, отступили на ружейный выстрѣлъ, въ ожиданіи, чѣмъ кончится попытка; артиллерія же, не снимаясь съ передковъ, оставалась подъ ружейнымъ и пушечнымъ непріятельскимъ огнемъ все время штурма, потому что не получала никакихъ приказаній. Наконецъ ударили отбой, когда Казанскій полкъ или его остатки вышли изъ рва, предводимые немногими офицерами, потому что полковой и батальонные командиры были переранены. Онъ прошелъ мимо великаго князя, который былъ въ сильномъ волненіи. Такъ кончился этотъ штурмъ, къ которому готовились торжественно, пренебрегши предложеніемъ стараго генералъ-лейтенанта Иванова, который на военномъ совѣтѣ высказалъ необходимость запастись штурмовыми лѣстницами и фашинами. Говорятъ, что были уже изготовлены кресты за взятіе Браилова, но остались безъ упо-

требленія. На другой день крѣпость эта сдалась на капитуляцію [3]). Тогда 7-й корпусъ направился къ Шумлѣ, неприступной крѣпости, лежащей въ ущеліи Балканскихъ горъ, на сѣверной сторонѣ оныхъ. Главная квартира, гвардія съ прочими частями войскъ, приближались къ крѣпости Варнѣ и обложили ее съ суши, а съ моря пришелъ Черноморскій флотъ и также блокировалъ.

Гусейнъ-паша, начальствовавшій въ Шумлѣ, усмотрѣвъ число войскъ нашихъ, подступавшихъ къ сей крѣпости (тогда какъ въ Шумлѣ не было и десяти тысячъ Турокъ), полагалъ, что на другой день начнется штурмъ и впослѣдствіи высказалъ, что не надѣялся отстоять Шумлу съ столь малочисленнымъ гарнизономъ. Однакоже, по приказанію высшаго начальства, крѣпость не штурмовали: трудно было на это рѣшиться, обозрѣвъ ея неприступное положеніе. Ущеліе, вдавшееся въ Балканскій хребетъ, было окопано глубокимъ рвомъ, за коимъ стоялъ огромный лагерь. Съ обѣихъ сторонъ ущелія почти отвѣсныя скалы покрыты батареями сверху до низу, такъ что подступающій долженъ подвергнуться перекрестнымъ выстрѣламъ нѣсколькихъ сотъ крѣпостныхъ орудій, прежде чѣмъ подойдетъ ко рву. За симъ слѣдовало бы чрезъ глубокій ровъ взойти на валъ и взять штурмомъ крѣпость, находящуюся въ самомъ ущеліи, но и тогда батареи обстрѣливали бы штурмующихъ, до тѣхъ поръ пока не взяли бы каждую изъ нихъ. Такой подвигъ былъ немыслимъ; но для защиты Шумлы потребно не менѣе 40 тыс. гарнизона, а было всего 10. Потому-то Гусейнъ-паша и не надѣялся отстоять ее. Чрезъ нѣсколько дней число Турецкихъ войскъ въ Шумлѣ увеличилось до 40 тысячъ. Тогда по ночамъ они стали дѣлать вылазки, угрожая нашимъ редутамъ, которыми Шумла была охвачена съ сѣверной и западной стороны. Мѣсто это открытое, но съ юго-восточной и южной стороны находятся горныя ущелія, поросшія густымъ лѣсомъ. Пролегающія по нимъ тропинки, вполнѣ знакомыя Туркамъ, служили для нихъ сообщеніемъ съ окрестными жителями Балканскихъ горъ. Чтобы по возможности пресѣчь это, посылались разъѣзды, иногда командировалась и пѣхота. Предпринята была наконецъ экспедиція, состоявшая изъ цѣлой дивизіи, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Иванова съ цѣлію, обойдя Шумлу, утвердиться на южной ея сторонѣ. Движеніе это исполнено было довольно удачно; Турецкій отрядъ, оберегавшій Шумлу съ южной стороны, числомъ около 7-ми тысячъ, былъ внезапно атакованъ и отброшенъ назадъ. Это ободрило командира; онъ придвинулся къ Шумлѣ, но увидѣлъ, что удержаться на этомъ мѣстѣ не было возможности. Турки, въ значительныхъ силахъ вышедшіе, направились на перерѣзъ къ дорогѣ, по которой прошелъ нашъ отрядъ. Медлить было нечего, потому что дорога эта пролегала чрезъ дремучій лѣсъ. Началось поспѣшное отступленіе. Въ лѣсу Турки, засѣвшіе по обѣимъ сторонамъ дороги, производили сильную ружейную стрѣльбу, чѣмъ нанесли большой уронъ. Въ числѣ убитыхъ находился и генералъ-лейтенантъ Ивановъ. Тѣмъ кончилась эта неудачная экспедиція.

Цѣлое лѣто, до самой осени, войска наши подъ Шумлою оставались въ редутахъ. Умершихъ отъ болѣзней было гораздо болѣе, чѣмъ убитыхъ. Главный госпиталь находился въ Базарджикѣ, куда от-

[3]) Гарнизонъ выговорилъ себѣ право свободнаго выхода съ своими пожитками.

правлялись трудно-больные изъ подъ Шумлы и изъ подъ Варны. Число погребенныхъ въ этомъ городѣ Русскихъ воиновъ въ продолженіи лѣта 1828 года считается до 10 тысячъ. Между тѣмъ главныя силы наши были сосредоточены подъ Варной, гдѣ находилась главная квартира и самъ императоръ Николай І-й. Осада этой крѣпости была кровопролитна. Турки защищались отчаянно. Подробныхъ извѣстій объ осадѣ этой я не имѣлъ, потому что бригада наша и всѣ офицеры, съ какими я былъ коротко знакомъ и сходился, находились въ 1828 году подъ Шумлой. Обстоятельства, которыя были имъ знакомы, состояли лишь въ томъ, что въ срединѣ этой осады со стороны Турокъ послано было къ Варнѣ подкрѣпленіе изъ-за рѣчки Камчика, находящейся къ югу отъ Варны, верстахъ въ 20-ти, подъ начальствомъ Турецкаго паши Омеръ-Вріоне. Корпусъ этотъ состоялъ слишкомъ изъ 20-ти тысячъ и имѣлъ намѣреніе проникнуть въ Варну. Наши передовыя войска дали знать объ его появленіи. Вслѣдъ за этимъ посланъ былъ лейбъ-гвардіи егерскій полкъ для обознанія числа непріятелей. Командиръ этого полка, родомъ Полякъ, повелъ его безъ надлежащей осторожности, не имѣя впереди цѣпи и, дошедъ до лѣса, расположился отдыхать. Солдаты составили ружья въ козлы, офицеры сошлись въ нѣсколько кружковъ. Между тѣмъ Турки, наблюдавшіе тайно изъ-за опушки лѣса, который былъ мѣстами рѣдокъ, дали знать своему начальнику объ оплошности нашихъ егерей. Тотъ, не медля, послалъ въ обходъ значительныя силы, которыя окружили неосторожныхъ и бросились на нихъ съ такою стремительностію, что нѣкоторые не успѣли даже взяться за ружья. Тогда произошла совершенная рѣзня; многіе офицеры пали. Солдаты, коимъ командиръ далъ первый примѣръ, бросились бѣжать въ разсыпную. Немногіе избавились отъ смерти, въ томъ числѣ и самъ начальникъ, который былъ на доброй лошади [1]). Вслѣдъ за этой экспедиціей посланъ былъ принцъ Евгеній Виртембергскій съ 5000 отрядомъ, состоявшимъ изъ полковъ 17-й дивизіи съ принадлежащею къ ней легкой артиллеріей, съ цѣлью отбросить корпусъ Омера-Вріоне за рѣку Камчикъ. Приближаясь къ занимаемому Турками укрѣпленному лагерю, храбрый этотъ генералъ, не смотря на многочисленность непріятеля, приказалъ атаковать Турокъ. Пѣхотные полки 17-й дивизіи, въ числѣ которыхъ были Азовскій, Украинскій и Днѣпровскій, исполнили это приказаніе съ точностію. Передовыя колонны Турокъ были совершенно разбиты, не смотря на отчаянную ихъ храбрость. Но Омеръ-Вріоне подошелъ съ свѣжими силами, вдвое превосходившими число нашихъ войскъ, угрожая обойти. Тогда данъ былъ приказъ отступить, что̀ исполнено въ порядкѣ. Многіе офицеры, и между ними генералъ Дурново, были убиты. Надъ ними въ послѣдствіи поставленъ памятникъ, гдѣ прописаны всѣ имена убитыхъ офицеровъ. Отряду пришлось отступить, по едва проходимой мѣстности, преслѣдуемому непріятелемъ; однакоже ни одной пушки не было потеряно. Вскорѣ Омеръ-Вріоне, видя невозможность подать помощь осажденной Варнѣ, отступилъ за рѣчку Камчикъ. Варна стѣснялась все болѣе нашими батареями. Въ гарнизонѣ ея открылись болѣзни и недостатокъ въ продовольствіи; однакоже она не сдавалась до начала Октября. Около 10-го числа наконецъ наши вступили въ полуразрушенную крѣпость. Гарнизонъ сдался военноплѣн-

---

[1]) См. ниже въ приложеніи. *П. Б.*

нымъ. Онъ отправленъ былъ подъ конвоемъ въ Россію. Наступившій вскорѣ сильный холодъ довершилъ злоключеніе гарнизона: множество померло отъ недостатка одежды и пищи.

Войска наши изъ подъ Варны выступили на зимовыя квартиры за Дунай, сначала гвардія, а потомъ и 2-й пѣхотный корпусъ со всею кавалеріей. Отъ наступившаго холода они также много потерпѣли. Многіе, даже и офицеры, ознобили себѣ члены по недостатку теплой одежды и квартиръ, потому что отъ Варны до самаго Дуная виднѣлись только кое-гдѣ развалины; обогрѣться было негдѣ, кромѣ какъ въ полѣ у разведенныхъ огней. Проходя мимо Базарджика, многіе офицеры давали большія деньги за то, чтобы подковали ихъ лошадей. Въ самый же Базарджикъ приказано было отъ коменданта не впускать никого, потому что излишняго продовольствія и помѣщенія тамъ не было.

По взятіи Варны войскамъ подъ Шумлой оставаться было безполезно, почему и приказано было отступить нашей 18-й дивизіи въ Базарджикъ, а прочимъ войскамъ въ Варну, что̀ и было исполнено довольно благополучно, потому что холодъ былъ сначала не слишкомъ жестокъ; только нѣкоторыя команды, остававшіяся назади, бывши у самаго почти Базарджика, захвачены сильной мятелью, такъ что едва не замерзли; однакоже имъ удалось развести огонь, что̀ и спасло ихъ. 3-й же корпусъ оставался еще подъ Шумлой для прикрытія отступившихъ войскъ. Наконецъ и ему приказано было отступить по дорогѣ къ Силистріи. Послѣ холода пошла изморозь и разгрязнила землю. Въ это-то время 3-й пѣхотный корпусъ, по наступленіи темноты, снялся съ мѣста и дошелъ до Ени-Базара, селенія, находящагося верстахъ въ 12-ти отъ Шумлы. Дошедъ до горы довольно крутой и длинной, артиллерія остановилась, чтобы дать отдохнуть лошадямъ, однакоже это мало помогло. Лошади, изнуренныя послѣдней безкормицей, не могли вывезти на гору артиллерію. Имъ подсобляли люди. Пока это происходило, Турки, на разсвѣтѣ, усмотрѣвъ совершенное отступленіе нашихъ войскъ, сдѣлали сильную вылазку по слѣдамъ отступившихъ и настигли арьергардъ у подъема на гору. Тутъ произошло невыгодное дѣло, въ которомъ потерпѣли уронъ наши войска. Нѣсколько пушекъ были заклепаны и оставлены, а другія зарыты въ землю. Дальнѣйшее отступленіе 3-го корпуса происходило медленно по грязной дорогѣ. Лошади почти всѣ погибли, такъ что много пушекъ зарыто въ землю, а подъ остальныя офицеры дали своихъ собственныхъ лошадей, лучше сохранившихся. Дошедъ до Дуная, 3-й корпусъ сталъ переправляться обратно. Наконецъ и осадный отрядъ, осаждавшій Силистрію, снялся и переправился за Дунай, съ трудомъ увезя съ собой тяжелыя осадныя орудія. Такъ кончилась Турецкая кампанія 1828 года по свѣжимъ свѣдѣніямъ, полученнымъ мною отъ самыхъ дѣйствователей.

Къ 1829-му году за Дунаемъ въ Болгаріи оставались 6-й и 7-й пѣхотные корпуса, занимавшіе крѣпости, взятыя въ прошломъ году. Кавалерія же, причисленная къ симъ корпусамъ, зимовала въ Валахіи по невозможности прокормить лошадей. Артиллерійскія лошади отосланы были туда же, только оставлены самыя необходимыя, которыя едва передвигали отъ безкормицы ноги. Всѣми войсками, зимовавшими за Дунаемъ, командовалъ генералъ отъ инфантеріи Ротъ. Квартира его, называвшаяся главною, находилась въ Варнѣ. Турки занимали по сю сторону Балканскихъ горъ крѣпости Шумлу, Си-

листрію, Рущукъ и Видинъ. Двѣ послѣднія не были осаждаемы въ прошломъ 1828 году, такъ какъ отстояли далѣе отъ Чернаго моря, которое находилось во власти нашего флота. Турецкій же флотъ въ 1827 году почти весь истребленъ былъ при Наваринѣ.

Турки ничего не предпринимали до Января; въ это время появился ихъ партизанъ съ 1000 человѣками, намѣреваясь тревожить наши войска, находившіяся въ Варнѣ и Базарджикѣ, особливо же перехватывать на сообщеніяхъ малыя команды или маркитантовъ. Небольшая крѣпость Праводы, занятая нашимъ отрядомъ въ 3000 человѣкъ, выдавалась болѣе другихъ къ Балканамъ; сообщенія съ Варной, отстоявшей отъ нея верстахъ въ 40, также и отъ Базарджика не ближе, были опасны. По этимъ обстоятельствамъ посланъ былъ изъ Варны отрядъ для уничтоженія Турецкаго партизана. Отрядъ волонтеровъ изъ Болгаръ, который присоединился къ нашимъ войскамъ, состоявшій человѣкъ изъ 50, вызвался участвовать въ этой экспедиціи. Эти Болгарскіе молодцы знали всѣ пути и тропинки какъ по сю сторону Балканъ, такъ и въ самыхъ горахъ. Проводники эти услѣдили наконецъ Турецкаго партизана, и нашъ отрядъ внезапно ночью окружилъ его съ нѣкоторымъ числомъ его товарищей. Онъ сталъ защищаться, но спастись не могъ и былъ убитъ со многими изъ Турокъ. Тѣмъ кончилась эта экспедиція. Въ Февралѣ 1829 года не было никакого слуха о Туркахъ. Когда я пріѣхалъ въ Базарджикъ, близъ него по противоположнымъ сторонамъ устроены были два редута; одинъ названъ Николаевскимъ, другой — Александровскимъ. Въ случаѣ нападенія Турокъ на Базарджикъ они могли содѣйствовать къ его оборонѣ. Въ началѣ Марта одна пѣхотная рота, стоявшая отъ Базарджика въ 10 верстахъ, въ редутѣ, устроенномъ по дорогѣ къ Шумлѣ, подверглась нападенію небольшаго Турецкаго отряда, однакоже отступила поспѣшно въ Базарджикъ. Тогда назначена была небольшая экспедиція, состоявшая изъ одной роты, къ коей присоединены были два орудія подъ моей командой. Мы прошли по дорогѣ къ Шумлѣ, верстъ 5 до лѣса; но, не видя непріятеля, возвратились обратно. Отступившая же прежде рота оставлена была въ Базарджикѣ, потому что стало опасно держать ее въ удаленіи. Въ замѣнъ этого посланы были на ближніе редуты по 4 орудія. На Николаевскій редутъ назначенъ былъ я, почему и переселился туда въ солдатскую палатку. Въ это время сдѣлался боленъ Александръ Ермолаевъ отъ простуды и отправленъ былъ въ госпиталь, а я взялъ еще деньщика для своей прислуги. Такъ какъ я числился въ ротѣ подполковника Раевскаго, и по заведенному въ артиллеріи порядку каждый день у него обѣдали офицеры, почему я, съ позволенія начальника редута, ходилъ около полудня въ городъ, отстоявшій отъ редута въ верстѣ не болѣе. Обыкновенный столъ состоялъ изъ сухаго бульона, развареннаго въ водѣ, чернаго хлѣба, хорошо испеченнаго, кваса и соленой провизіи. Свѣжаго мяса достать было невозможно, потому что оно не продавалось и не привозилось въ городъ; птицъ рѣдко видали, да и тѣ были очень дороги. Самъ хозяинъ былъ очень боленъ и лежалъ въ постели, однакоже любилъ, чтобы съ нимъ кто нибудь былъ. Этотъ старый служивый перешелъ изъ морской артиллеріи; нѣкогда съ Головнинымъ былъ въ Китаѣ и Японіи; добрый по природѣ, онъ никогда не пѣтушился, почему мы его любили и охотно съ нимъ оставались.

Въ половинѣ Марта изъ Базарджика отправилась экспедиція, состоявшая изъ двухъ пѣхотныхъ полковъ; къ ней присоединены были 6 орудій нашей роты, подъ командою штабсъ-капитана Лишина. Корпусный командиръ, генералъ-лейтенантъ Ридигеръ смотрѣлъ насъ въ 10 верстахъ отъ Базарджика; мы проходили до мѣстечка Козлуджи, находящагося отъ Базарджика верстахъ въ 30-ти по дорогѣ къ Шумлѣ. Время было прекрасное, какое въ Россіи бываетъ иногда въ Маѣ; свѣжесть воздуха вмѣстѣ съ пріятной теплотою производили на людей и даже лошадей магическое дѣйствіе. Мы ожили, особливо же тѣ, которые провели всю зиму въ Базарджикѣ, этомъ мѣстѣ смерти: потому что трупы умершихъ въ прошломъ году были неглубоко зарыты вообще, а нѣкоторые только прикрыты землею, что̀ производило при началѣ тепла тяжелый запахъ. Къ вечеру подошли мы къ мѣстечку Козлуджи, которое въ дѣйствительности не существовало: оно сожжено было въ прошломъ году по неосторожности прислуги какого-то Русскаго генерала, остановившагося проѣздомъ для изготовленія обѣда. Прошедъ развалины, мы расположились въ двѣ линіи. Мнѣ досталось съ орудіями мѣсто во 2-й. Разбивъ палатки и отдохнувъ, заснули мы крѣпкимъ сномъ. Ночь эта прошла спокойно; на вторую же случилась фальшивая тревога, и мы принуждены были до разсвѣта простоять съ оружіемъ. Ежедневно, при утренней и вечерней зорѣ, слышали мы зоревую пушку въ крѣпости Шумлѣ; нападенія же на насъ не было. Такъ простояли мы около трехъ недѣль. Люди повеселѣли, лошади значительно поправились. Трава отросла на четверть и выше. Табуны гуляли неподалеку отъ лагерей. Около половины Апрѣля возвратился отрядъ нашъ въ Базарджикъ, обрадовавъ начальника своею свѣжестію. Наступательныхъ дѣйствій съ нашей стороны не было, вѣроятно по недостатку кавалеріи, находившейся за Дунаемъ, которая не могла подойти ранѣе того, пока подножный кормъ могъ прокармливать лошадей. Въ концѣ Апрѣля умеръ нашъ ротный командиръ, подполковникъ Раевскій, отъ неваренія желудка, которое дошло до того, что онъ не могъ принимать никакой пищи, которая тотъ же часъ извергалась рвотой. Мы похоронили его на общемъ кладбищѣ съ сожалѣніемъ, какъ добраго командира.

Въ началѣ Мая главный начальникъ Турецкаго войска Решидъ-паша выступилъ изъ Варны, имѣя болѣе 40 тысячъ и значительную артиллерію до 50 орудій, къ городу Праводамъ, занятому 4000-мъ отрядомъ нашихъ войскъ. Онъ отстоитъ отъ Шумлы верстахъ въ 40 и былъ укрѣпленъ. Мѣстность его заключалась между двухъ обрывистыхъ и каменистыхъ горъ. Съ южной стороны, т. е. отъ Шумлы, на горѣ, построенъ былъ кронверкъ, снабженный артиллеріей, въ коемъ безотлучно находился гарнизонъ, состоявшій изъ цѣлаго батальона. Возлѣ него пролегала узкая дорога въ Праводы, сначала почти отвѣсно спускавшаяся, а потомъ при поворотѣ, болѣе отлогая; кромѣ этой дороги другой не было. Съ обѣихъ горъ были тропинки, по коимъ страшно было ходить даже по одиночкѣ. Решидъ-паша съ своей арміей расположился на южной сторонѣ, представляющей ровную мѣстность, артиллерію свою поставилъ у самаго обрыва, сколько можно было помѣстить, и дѣйствовалъ наклонно по городу, откуда ему отвѣчали съ флешей навѣсными выстрѣлами, а съ кронверка—продольными. Въ Варнѣ еще въ концѣ Апрѣля оказались признаки чумы. Неизвѣстна причина этой заразы, но вѣроятно за-

несена она возвратившимися командами изъ Валахіи, пришедшими съ лошадьми, тамъ зимовавшими. Я слышалъ это отъ медиковъ, которые полагали, что чумная зараза сначала появилась въ Бухарестѣ въ военномъ госпиталѣ въ концѣ прошлаго 1828 года, дѣйствовала сначала слабо, но время отъ времени становилась сильнѣе и къ веснѣ 1829 года усилилась и распространилась по обѣимъ сторонамъ Дуная; но сильнѣе свирѣпствовала въ нашихъ войскахъ, терпѣвшихъ болѣе лишеній, почему и перешла съ ними весною за Дунай, въ Болгарію. Замѣчено, что жители почти ею не заражались, а поражала она нашихъ военныхъ.

Командовавшій Задунайскими войсками, генералъ Ротъ, узнавъ о движеніи Турокъ къ Праводамъ, далъ приказъ находившимся въ Варнѣ войскамъ, состоявшимъ изъ части 6-го пѣхотнаго корпуса въ количествѣ до 6000 человѣкъ, выступить къ селенію Эски-Арнаутлару [5]), находившемуся въ 4 верстахъ отъ Праводъ съ сѣверо-восточной стороны, при самомъ входѣ въ ущеліе, въ коемъ находится этотъ городъ. 3-го Мая они пришли на эту позицію; генералъ Ротъ вскорѣ самъ пріѣхалъ и послалъ егерскую бригаду съ 4-мя орудіями въ самое ущеліе, чтобы она, если возможно, прошла въ Праводы для подкрѣпленія гарнизона, подъ начальствомъ генералъ-маіора Геркена. Генералъ этотъ представлялъ Роту невозможность исполнить его приказаніе, потому что Турки, спустившись съ горы, гдѣ былъ ихъ лагерь, въ значительныхъ силахъ занимали съ этой стороны ущеліе; но онъ настоялъ съ запальчивостію на этомъ. Посему отрядъ двинулся, но не успѣлъ отойти и на полверсты, какъ со всѣхъ сторонъ окруженъ былъ Турками. Они съ яростью его атаковали и послѣ кратковременнаго сопротивленія весь почти истребили, кромѣ небольшаго числа плѣнныхъ. 4 пушки, бывшія при отрядѣ, взяли въ плѣнъ, также полковаго священника, надъ коимъ ругались, выколачивая трубки свои на его голову. Генералъ Геркенъ, оставшійся въ живыхъ, подалъ доносъ на Рота чрезъ военнаго министра, выставивъ, что отрядъ его посланъ былъ на явную и безполезную смерть; но вліяніемъ высшаго начальства просьба его не была уважена, а онъ за доносъ посаженъ былъ на одинъ годъ въ крѣпость.

Не смотря на этотъ успѣхъ, Турки не отважились однакоже атаковать всего отряда, продолжая канонаду по Праводамъ. Каждый вечеръ Решидъ-паша выкликалъ охотниковъ идти на штурмъ кронверка, который мѣшалъ взять Праводы, потому что подлѣ него проходила единственная дорога въ ущеліе, для чего выдавалъ усиленную винную порцію; но эти ложные охотники, подпивши, отказывались отъ штурма подъ предлогомъ, что около кронверка подведены Русскими мины, хотя этого не было. Такое положеніе продолжалось болѣе недѣли и доказало неспособность Турецкаго войска.

Между тѣмъ въ Базарджикъ прибыли изъ Валахіи артиллерійскія и подъемныя лошади, первыя съ штабсъ-капитаномъ Жиленковымъ, которому онѣ были поручены. Въ это же время назначено было выступить намъ въ походъ съ войсками, зимовавшими въ Базарджикѣ, за исключеніемъ Казанскаго пѣхотнаго полка, который оставался въ немъ съ 6-ю орудіями нашей роты, начальникомъ которыхъ оста-

---

[5]) Селенія этого не существовало уже; вѣроятно, еще въ 1828 году оно было уничтожено.

вался я и получилъ уже предписаніе отъ бригаднаго командира, полковника Штейнбена, принять ихъ въ свою команду; но прибывшій, какъ выше сказано, штабсъ-капитанъ Жиленковъ, какъ старшій офицеръ въ ротѣ, долженъ былъ оставаться съ полуротой. Онъ былъ со мной очень хорошъ, потому что мы вмѣстѣ съ нимъ произведены были въ офицеры и поэтому ли, или по другимъ своимъ расчетамъ, предложилъ остаться въ Базарджикѣ вмѣсто меня.

И такъ я выступилъ въ походъ съ полуротой, бывшей подъ начальствомъ штабсъ-капитана Лишина, вмѣстѣ съ прочими полками 18-й пѣхотной дивизіи. Мы прошли мимо знакомаго уже мнѣ мѣстечка Козлуджи и на другой день пришли на позицію къ Эски-Арнаутлару, гдѣ стоялъ нашъ корпусный командиръ, генералъ Ротъ. Тогда было 25-е число Мая. Наши орудія помѣщены были на лѣвомъ флангѣ всего отряда, который состоялъ изъ 15 тысячъ. При насъ находилось уже нѣсколько кавалерійскихъ полковъ, пришедшихъ изъ-за Дуная. Предъ нами была обширная равнина. Турецкій же лагерь расположенъ былъ лѣвѣе на высотахъ предъ городомъ Праводами, по которому производилась частая канонада. Многочисленная непріятельская кавалерія спускалась на равнину, и тутъ ежедневно происходили небольшія схватки между нашими аванпостами, которыя иногда доходили до пушечныхъ выстрѣловъ съ обѣихъ сторонъ имѣвшейся при полкахъ конной артиллеріи. Праводы находились отъ насъ въ 4 верстахъ, и хотя прямаго сообщенія съ городомъ не было, однакоже по ночамъ пробирались казаки съ приказаніями. Противъ самаго лѣваго нашего фланга, гдѣ помѣщались орудія наши, стоявшія на флешахъ, былъ видѣнъ большой крестъ, поставленный на могилѣ убитыхъ 3-го числа Мая нашихъ егерей; около этого мѣста было множество цвѣтковъ ярко-краснаго цвѣта, какъ бы нарочно выросшихъ на мѣстѣ недавняго кровопролитія. Чрезъ нѣсколько дней послѣ нашего прихода случилась ночью большая тревога въ нашемъ лагерѣ. Причиной ея была оплошность конныхъ ведетовъ, которые, стоя впереди лагеря, шагахъ въ 200, сошли съ лошадей, а нѣкоторые уснули. Лошади, вырвавши у нихъ повода, побѣжали къ лагерю. Пѣхотная цѣпь, находившаяся шагахъ въ 50 впереди лагеря, услышавъ конскій топотъ, приняла это за ночное нападеніе со стороны Турокъ и, открывъ бѣглый огонь, отступила поспѣшно. Въ лагерѣ, спящемъ уже около двухъ часовъ, всѣ проснулись и кинулись къ своимъ мѣстамъ. Въ это время раздался выстрѣлъ батарейнаго орудія и крикъ у р а полусонныхъ солдатъ, который, начавшись на правомъ флангѣ, пронесся до лѣваго. Я также вскочилъ со сна и стоялъ у своего орудія; полусонный канониръ, взявъ фитиль, совалъ его въ затравку, на которой не было поставлено скорострѣльной трубки. Скоро однакоже ложная эта тревога объяснилась, и всѣ успокоились. На другой день разсказывали много смѣшныхъ сценъ, происходившихъ въ эту ночь.

Около 26-го числа Мая два гусарскихъ полка прошли правѣе нашего лагеря по направленію изъ Силистріи къ Шумлѣ, вѣроятно для развѣдыванія въ ея окрестностяхъ о движеніяхъ Турецкихъ войскъ. Затѣмъ, въ ночь съ 27-го на 28-е число, данъ былъ приказъ нашей полуротѣ съ гусарскимъ графа Витгенштейна полкомъ и Бугскимъ уланскимъ пройти въ городъ Праводы для присоединенія къ его гарнизону. По наступленіи совершенной темноты, мы тронулись съ большою осторожностью; впереди шли гусары, затѣмъ наши 6 орудій,

позади насъ уланы. Прошедши около двухъ верстъ по лощинѣ, съ южной стороны которой находились на горѣ Турки въ близкомъ отъ насъ разстояніи, отрядъ нашъ расположился на лужайкѣ, окруженной лѣсомъ, опасаясь встрѣчи съ Турецкими разъѣздами, потому что движеніе наше должно было оставаться скрытнымъ. Тутъ провели мы около трехъ часовъ не въ безопасномъ положеніи. Гусары и уланы въ передней шеренгѣ не слѣзали съ коней и перемѣнялись со второю, которая, для отдыха ихъ, занимала мѣсто первой. Лошади, сочувствуя людямъ, стояли удивительно смирно, такъ что нѣкоторыя изъ нихъ ржали особенно тихо, какъ бы понимая опасность. За часъ до разсвѣта двинулись мы къ Праводамъ и прошли еще оставшіяся двѣ версты благополучно. При самомъ почти входѣ въ укрѣпленіе, находившееся съ этой стороны, у моего орудія опрокинулся зарядный ящикъ, почему я и оставался при немъ, пока его подняли и впрягли лошадей. Заря уже занималась, однакоже мы благополучно въѣхали въ Праводы и увидали на горѣ жерла Турецкихъ орудій, направленныя въ городъ. Они изрѣдка изъ нихъ стрѣляли; около нихъ расхаживали Арабы въ бѣлыхъ чалмахъ и стоялъ какой-то, вѣроятно, паша съ длиннымъ чубукомъ во рту; цвѣтъ лица его былъ Европейскій. Полюбовавшись этимъ видомъ, отошли мы на юго-западную сторону, гдѣ и поставлены были наши орудія на барбетахъ у рва, окружавшаго съ этой стороны Праводы. Такъ простояли мы до 29-го числа Мая.

Между тѣмъ главнокомандующій всею арміей, генералъ отъ инфантеріи Дибичъ, у коего начальникомъ главнаго штаба былъ генералъ Толь, сдѣлалъ диспозицію, чтобы всѣ войска, пришедшія къ Дунаю изъ Молдавіи и Валахіи, двинулись къ Шумлѣ, въ предположеніи отрѣзать верховнаго визиря Решидъ-пашу (стоявшаго предъ Праводами) отъ Шумлы и смотря по обстоятельствамъ дѣйствовать. Войска главной арміи, состоявшія изъ 2-го пѣхотнаго корпуса и принадлежащей къ нимъ кавалеріи и артиллеріи, двинулись на Шумлу и когда поравнялись съ корпусами 6-мъ и 7-мъ пѣхотнымъ, стоявшимъ у Ески-Арнаутлара, послѣдніе съ 27-го на 28-е Мая въ ночь получили повелѣніе, снявшись съ этой позиціи, присоединиться къ главной арміи, что исполнено; оставлены были на мѣстѣ лагеря зажженные бивачные огни, чтобы ввести Турокъ въ обманъ на счетъ движенія всѣхъ войскъ къ Шумлѣ. Они съ своей стороны, или лучше ихъ начальникъ, были до того безпечны, что не знали о походѣ главнокомандующаго Дибича по дорогѣ, пролегающей изъ Силистріи къ Шумлѣ; и только 28-го Мая утромъ увидѣли, что войска, у Ески-Арнаутлара стоявшія, исчезли. Наконецъ посланные Турецкіе разъѣзды донесли Решидъ-пашѣ, но уже поздно, что Русская армія двинулась къ Шумлѣ и находится на привалѣ, цѣлымъ переходомъ ближе къ сей крѣпости, чѣмъ войско Решидъ-паши. Тогда Решидъ-паша съ кавалеріей и большею частію артиллеріи усиленнымъ маршемъ пошелъ къ Шумлѣ, оставивъ у Праводъ отрядъ подъ начальствомъ Галиль-паши; однакоже 29-го Мая очутился отрѣзаннымъ отъ Шумлы. 30-го Мая утромъ вся Турецкая кавалерія двинулась впереди прочаго ихъ войска, съ намѣреніемъ пробиться въ крѣпость Шумлу. Вышедъ изъ лѣса, она увидѣла два нашихъ батальона, выставленныхъ впереди нашихъ войскъ, одинъ — Муромскаго пѣхотнаго полка, а другой — егерскій; послѣдній занималъ изгороды за канавой бывшей Турецкой деревни; Муромскаго же полка батальонъ стоялъ въ лощинѣ,

построенный въ каре. Съ необыкновеннымъ бѣшенствомъ вся эта масса бросилась на батальонъ Муромскаго полка и послѣ отчаяннаго его сопротивленія успѣла, разстроивъ ряды, проникнуть въ средину каре. Тогда началась неравная рукопашная битва, кончившаяся совершеннымъ истребленіемъ батальона нашего Муромскаго полка. Егерскій баталіонъ, подвергнувшійся также нападенію кавалеріи, былъ счастливѣе, потому что половина его успѣла залечь за канавой и въ виноградныхъ кустахъ, откуда производила ружейный огонь; остальная его часть была также, какъ и Муромскій батальонъ, изрублена. Армія наша, въ которой считалось 3 пѣхотныхъ корпуса (однакоже некомплектные, потому что много команды было въ откомандировкахъ) заняла всѣ проѣзжія дороги къ Шумлѣ; поэтому Решидъ-пашѣ надлежало пробиваться силою. Ободрившись одержаннымъ успѣхомъ своей кавалеріи, въ густыхъ колоннахъ расположился онъ послѣ полудня на отдыхъ на небольшой полянѣ, окруженной лѣсомъ; въ срединѣ находилась вся его артиллерія. Предъ нимъ протекалъ по лощинѣ протокъ, на которомъ былъ мостъ, чрезъ который ему должно было слѣдовать; за этимъ мостомъ стояли наши войска. На пригоркѣ занимала позицію конно-батарейная рота полковника Глинки, прямо противъ отдыхающихъ Турокъ, разстояніемъ не далѣе пушечнаго выстрѣла, и производила огонь изъ единороговъ гранатами. Послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ одна граната пробила Турецкій зарядный ящикъ; произошелъ взрывъ, сообщившійся и другимъ. По причинѣ тѣсноты помѣщенія всѣ почти Турецкіе зарядные ящики были взорваны. Слѣдствіемъ этого было много убитыхъ и наведенъ такой паническій страхъ на Турокъ, что они бросили свою артиллерію, обозъ, стоявшій неподалеку и отступили. Въ это самое время наша кавалерія, имѣя впереди Иркутскій гусарскій полкъ, устремилась за ними и, не давъ опомниться, заставила спасаться бѣгствомъ. Вся масса Турокъ, около 40 тысячъ человѣкъ, бѣжала въ разсыпную, кидая оружіе и даже верхнюю одежду свою для легчайшаго побѣга. Вся артиллерія и обозъ достались побѣдителямъ. Въ числѣ плѣнныхъ были и жены верховнаго визиря Решидъ-паши, сидѣвшія въ закрытыхъ колымагахъ, которымъ не было сдѣлано ни малѣйшаго оскорбленія; а на другой день ихъ отправили въ Шумлу по приказанію главнокомандующаго. Битва эта названа генеральнымъ сраженіемъ подъ Кулевчею [6]), которое было самое кровопролитное и рѣшительное въ Турецкую кампанію 1829 года. Турокъ осталось на мѣстѣ убитыхъ до 5000; остальные разбѣжались по лѣсамъ и ущеліямъ; кавалерія же ускакала въ разсыпную; въ томъ числѣ и самъ Решидъ-паша съ сотнею своихъ тѣлохранителей успѣлъ по едва проходимымъ тропинкамъ пробраться въ Шумлу.

Въ ночь съ 29-го на 30-е Мая Праводскій отрядъ, въ которомъ я находился, состоявшій подъ командой генералъ-маіора Купріянова, замѣтивъ отступленіе Турокъ съ вечера 29-го Мая отъ Праводъ, получилъ приказаніе выступить изъ Праводъ для преслѣдованія Турокъ; отошедъ нѣсколько верстъ по направленію къ Шумлѣ, мы провели остальную часть ночи въ каре. Съ наступленіемъ утренней зори 30-го Мая двинулись далѣе. Впереди пѣхоты, которая была построена побатальонно въ каре, между коими было по одному орудію легкой артиллеріи, отдѣлившись впередъ версты на 3, шла кавале-

---

[6]) Имя Турецкой деревни, близъ коей произошло сраженіе.

рія, состоявшая изъ одного гусарскаго и одного уланскаго полка и 4 орудія конной артиллеріи, пришедшихъ съ нами въ Праводы. Начальникъ отряда нашего, генералъ-маіоръ Купріяновъ, послалъ приказаніе генералъ-маіору Левченкѣ, командовавшему кавалеріей, чтобы тотъ не уходилъ далеко впередъ отъ пѣхоты, которая уже не могла его поддержать въ случаѣ нападенія непріятеля; но Левченко не обратилъ на это вниманія и продолжалъ отдѣляться все болѣе отъ пѣхоты; наконецъ мы едва могли уже видѣть кавалерію нашу, которая въ это время подходила къ перелѣску, на возвышеніи находящемуся; въ немъ виднѣлась непріятельская кавалерія. Левченко вообразилъ, что это Турецкій обозъ подъ слабымъ прикрытіемъ и, вознамѣрясь его атаковать, прибавилъ шагу. Въ тоже время густыя массы Турецкой кавалеріи, вышедши со сторонъ обоихъ фланговъ нашей, стали съ ней сближаться, и 10 орудій Турецкой конной артиллеріи выскакали изъ-за лѣса прямо во фронтъ нашей кавалеріи. Левченко тогда остановилъ отрядъ, а 4 орудія конной артиллеріи нашей, снявшись съ передковъ, начали дѣйствовать по Турецкой артиллеріи, которая, подскакавъ на дистанцію, снялась съ передковъ и также открыла огонь. Перестрѣлка эта продолжалась не болѣе 5 минутъ. Тогда Турецкая кавалерія, подвигаясь съ обоихъ фланговъ, пустилась стремительно въ атаку на нашу, которая, состоя изъ значительной части рекрутъ, повернула коней и понеслась назадъ. Тщетно нѣкоторые офицеры пытались остановить ее, въ томъ числѣ ротмистръ Мураевъ съ частію своего эскадрона. Онъ попался въ плѣнъ съ нѣсколькими гусарами и однимъ корнетомъ; остальные кавалеристы неслись въ карьеръ, перемѣшавшись съ Турками, которые, догоняя нѣкоторыхъ, кололи и рубили. Въ это время мы сходили въ лощину [7]) и видѣли, какъ Турки, догнавъ наши орудія конной артиллеріи (которыя на одномъ овражкѣ соскочили съ передковъ и кои на себѣ надвигали наши артиллеристы, соскочившіе съ лошадей) изрубили ихъ, а орудія взяли; ускакали только два офицера, поручикъ Евтичъ и прапорщикъ Ивановъ, которые не сходили съ лошадей. Наконецъ, командиръ остановилъ насъ въ лощинѣ, когда наша остальная кавалерія появилась на возвышеніи не далѣе ружейнаго выстрѣла, перемѣшанная съ Турками. Тогда пѣхота, пропустивъ нашихъ гусаръ за каре, открыла батальный огонь, чѣмъ остановила натискъ Турокъ, изъ коихъ нѣкоторые были убиты или ранены возлѣ самыхъ каре. Они обратились назадъ, а сотня казаковъ, которая находилась при пѣхотѣ и не участвовала въ дѣлѣ, бросилась вслѣдъ за уходившими и нѣкоторыхъ смѣльчаковъ поколола пиками. Въ это самое время, когда гусары, уходя отъ Турокъ, бросились въ интервалы между каре, орудіе, при которомъ я находился, взято было на отвозы назадъ по приказанію штабсъ-капитана Лишина, полагавшаго, что придется отстрѣливаться, отступая; лошади, стоявшія по этому задомъ къ орудію, испугались и рванулись назадъ. Я стоялъ въ это время у колеса, ожидая, пока проскачутъ гусары, чтобы выстрѣлить картечью по Туркамъ, которые открыли по насъ огонь изъ пистолетовъ; но колесо внезапно меня сбило съ ногъ и переѣхало по ногамъ выше колѣнъ. Сгоряча я вскочилъ на ноги и съ прислугой, остановивъ лошадей, началъ надвигать орудіе на свое мѣсто, что

[7]) По ошибкѣ начальника, потому что намъ лучше было остановиться на возвышеніи.

мы и исполнили. Въ это время Турки уже убрались за пригорокъ. Начальникъ нашъ, усмотрѣвъ, что Турецкія колонны двинулись какъ бы въ обходъ къ Праводамъ, началъ поспѣшно отступать, дабы ихъ тамъ предупредить; но это былъ только маневръ, потому что вскорѣ онѣ поворотили назадъ; а мы, отойдя отъ мѣста сраженія версты 4, остановились и потомъ, по распоряженію генерала Купріянова, продолжали отступать къ Праводамъ; Турки же въ это время поспѣшили на соединеніе съ верховнымъ визиремъ Решидъ-пашею, съ коимъ и были разбиты, какъ выше описано подъ селеніемъ Кулевчею. Въ тотъ же день къ вечеру 30-го Мая и всю ночь они бѣжали въ лѣса и горы, чтобы укрыться, а взятыя наши 4 орудія бросили съ лафетами въ глубокое ущеліе.

Возвратившись въ Праводы, мы остановились у кронверка, не спускаясь въ городъ. Я провелъ неспокойную ночь, чувствуя боль въ ногахъ. На другой день рано утромъ двинулся нашъ отрядъ по направленію къ Шумлѣ, потому что генералъ Купріяновъ не имѣлъ никакихъ извѣстій о сраженіи подъ Кулевчею. Я едва сѣлъ на лошадь, а пѣшкомъ не могъ бы идти. Хотя по болѣзни можно было мнѣ остаться, но мы такъ были раздражены вчерашнимъ дѣломъ, что рѣшились порядочно отплатить за это Туркамъ. Если бы Купріяновъ вмѣсто того, чтобы вчера послѣ нападенія Турецкой кавалеріи идти назадъ въ Праводы, послѣдовалъ за нею, то мы успѣли бы, послѣ разбитія ихъ подъ Кулевчею, перерѣзать имъ дорогу и взять въ плѣнъ или истребить часть ихъ войскъ. Но дурной оборотъ дѣла подъ Марковщиной, гдѣ Левченко, какъ выше сказано, потерялъ половину своей кавалеріи и 4 орудія—причиной, что Купріяновъ не рѣшился на это. Притомъ оставшаяся наша кавалерія была еще въ паническомъ страхѣ, слѣдовательно почти безполезна. И такъ пословица: ищи вчерашняго дня, сбылась съ нашимъ отрядомъ. 31-го Мая мы шли скорымъ шагомъ по вчерашнимъ слѣдамъ, проходили мѣсто сраженія, видѣли тѣла убитыхъ, въ томъ числѣ конно-артиллеристовъ; тѣла ихъ были изуродованы, съ отрѣзанными ушами и носами и сброшены въ небольшой оврагъ. Далѣе, по направленію къ рощѣ и къ высотѣ, откуда бросились вчера Турки на нашу кавалерію, лежали тѣла убитыхъ гусаръ и уланъ также обезображенныя и обнаженныя. Варварство это еще болѣе озлобило нашихъ солдатъ, которые ускорили шагъ, надѣясь догнать Турокъ. Прошедши нѣсколько часовъ, вошли мы въ лѣсъ; кавалерія шла нѣсколько впереди. Вдругъ приказано было пѣхотѣ остановиться и построиться въ каре, не дѣлая большаго шума. Исполнивъ это, оглядѣвшись, увидѣли мы, что мѣстность была очень неудобна: это была поляна, косогоръ, поросшій рѣдкимъ лѣсомъ. Противъ моего фаса былъ крутой подъемъ, поросшій лѣсомъ, такъ что дѣйствовать изъ орудій было совершенно безполезно. Однако мы приготовились на случай. Вдругъ по отряду пробѣжала радостная вѣсть о разбитіи Турокъ подъ Кулевчею и что нашу кавалерію, состоящую изъ Изюмскаго гусарскаго полка, передовые нашего отряда приняли сначала за Турокъ, но подъѣхавши ближе, увидѣли свою ошибку. Тогда мы двинулись далѣе къ Шумлѣ и, взошедъ на большое возвышеніе, остановились. Во время нашего отдыха видѣли мы взятіе Турецкаго редута подъ Шумлой, въ разстояніи отъ насъ верстахъ въ шести спѣшенными гусарами Александрійскаго полка и батальономъ егерей. Бывшіе въ редутѣ Турки были всѣ перебиты, исключая одного начальника, ко-

торый, перескочивъ черезъ окопъ, ускакалъ въ Шумлу. Вскорѣ кавалерія и пѣхота нашего отряда получили приказаніе преслѣдовать Турокъ по направленію къ рѣчкѣ Камчику и по ущеліямъ, поросшимъ лѣсомъ; артиллеріи же, по невозможности проходить по такой мѣстности, приказано было возвратиться въ Праводы.

Съ начала Мая 1829 г. въ Варнѣ чумная зараза усиливалась постепенно, а по выходѣ нашей дивизіи изъ Базарджика, обнаружилась и въ немъ. Оставшійся тамъ начальникомъ командиръ Казанскаго пѣхотнаго полка, полковникъ Розлычъ велѣлъ раздать солдатамъ новыя шинели изъ склада, не подвергнувъ ихъ окуркѣ и провѣтриванію, отчего, по замѣчанію всѣхъ тамъ находившихся, чумная зараза необыкновенно усилилась, добралась и до оставшейся полуроты нашей, въ которой истребляла самыхъ цвѣтущихъ здоровьемъ людей и на нихъ обыкновенно сильнѣе дѣйствовала. Штабсъ-капитанъ Жиленковъ остался однакоже въ живыхъ и принужденъ былъ хоронить свою команду. Участь эта доставалась мнѣ, но Провидѣніе избавило меня отъ нея. Въ Праводахъ также появилась чума около 1-го Іюня; сначала дѣйствовала изрѣдка, но чрезъ недѣлю усилилась. Генералъ Купріяновъ, нашъ начальникъ, не доносилъ о ея появленіи главнокомандующему, генералъ отъ инфантеріи Дибичу, полагая, что она скоро прекратится. Въ это время отправленъ я былъ подъ Шумлу для принятія выздоровѣвшихъ солдатъ полковъ нашего отряда и препровожденія ихъ въ свои полки. Главная армія находилась послѣ сраженія подъ Кулевчею подъ Шумлой, гдѣ расположена была съ сѣверной ея стороны на высотахъ, отстоявшихъ верстъ на 7 отъ крѣпости. Впереди, верстахъ въ 4 отъ Шумлы, помѣстился лагерь казаковъ подъ начальствомъ наказнаго атамана Сысоева, а позади, въ недалекомъ разстояніи, помѣщенъ былъ гошпиталь въ палаткахъ. Со мной отправленъ былъ урядникъ съ четырьмя казаками для конвоя. Мы выѣхали изъ Праводъ подъ вечеръ, ѣхали всю ночь до разсвѣта по примѣтамъ казацкимъ и къ свѣту наѣхали на коннаго часоваго, который насъ окликнулъ. Урядникъ отвѣчалъ ему условленнымъ знакомъ. Проѣхавъ съ полверсты, другой часовой казакъ сдѣлалъ такой же окликъ и, получивъ условленный отвѣтъ, пропустилъ насъ къ пикету, расположенному въ лѣсу на половинѣ дороги отъ Праводъ къ Шумлѣ. Казачій офицеръ пригласилъ меня въ свою палатку, чтобы отдохнуть нѣсколько часовъ, однакожъ далъ совѣтъ не разсѣдлывать мою лошадь, а только отпустить подпруги, по возможности ночной тревоги или нападенія. Всѣ лошади казацкія были осѣдланы, стояли въ одномъ скрытомъ мѣстѣ; при нихъ было нѣсколько караульныхъ. По первой тревогѣ вся команда бросалась къ лошадямъ, садилась на нихъ и, смотря по числу непріятелей, или нападала, или быстро уходила. Палатки оставляли на мѣстѣ; все же прочее было во вьюкахъ, а люди не раздѣвались и даже не скидали сапогъ. Такимъ образомъ отдохнувъ нѣсколько часовъ и поблагодаривъ гостепріимнаго офицера, отправились мы далѣе. Проѣхавъ нѣсколько верстъ, мы поравнялись съ оврагомъ, въ которомъ лежали непогребенныя тѣла Русскихъ и Турокъ, убитыхъ при нападеніи кавалеріи Турецкой на батальонъ Муромскаго пѣхотнаго полка. Смрадъ былъ нестерпимый, такъ что мы версты двѣ скакали во весь карьеръ, заткнувши носъ. Часа черезъ два подъѣзжали уже къ нашему лагерю, расположенному подъ Шумлой. Отыскавъ офицеровъ нашей бригады, я напился у нихъ чаю и явился къ бригадному командиру нашему, пол-

ковнику Штейнбену, который и предложилъ мнѣ въ тотъ же день, взявъ команду выздоровѣвшихъ, вести ее въ Праводы. Полюбовавшись Шумлой, которая въ зрительную трубку была очень ясно видна, я выступилъ обратно уже другой дорогой, болѣе безопасной, которая нѣсколько длиннѣе прежней. На третій день подошли мы къ Праводамъ. Къ удивленію нашему меня съ командой не допустили въ городъ подъ предлогомъ, что въ ней могутъ быть зараженные чумой, тогда какъ подъ Шумлой въ главной арміи ея вовсе не было; лишь нѣсколько человѣкъ отъ этой болѣзни лежали особенно въ палаткахъ за гошпиталемъ, но ни одного зараженнаго въ командѣ моей не было; а въ Праводахъ чума сильно дѣйствовала. Однакоже приказанію должно было повиноваться. У меня была солдатская палатка, которую и разбили за городомъ и еще 3 палатки солдатскихъ, въ коихъ помѣстилась команда. Мы какъ разъ были противъ чумнаго отдѣленія, окопаннаго глубокой канавой и обложеннаго большимъ количествомъ терновнику. Разстояніе, насъ раздѣлявшее, было менѣе ста саженъ. Такъ расположившись, далъ я знать о своемъ приходѣ, вслѣдствіе чего пришелъ ко мнѣ Александръ Ермолаевъ съ бульономъ, чайной провизіей и баранками, купленными у нашихъ маркитантовъ. Этимъ питался я около недѣли; а команда, получивъ сухари, довольствовалась кашицей. Погода стояла чрезвычайно жаркая, а около насъ не продувалъ даже вѣтерокъ, потому что мы стояли въ глубокой лощинѣ, окруженной отвѣсными горами; однакоже, не смотря на это, изъ моей команды не заболѣлъ ни одинъ, почему и впущены были въ городъ, въ коемъ чума дѣлала уже большіе успѣхи. Было нѣсколько случаевъ внезапной заразы и смерти: такъ одинъ армейскій капитанъ, молодецъ наружностію, съ коимъ я познакомился, наканунѣ его смерти былъ совершенно здоровъ и веселъ. Вечеромъ легъ онъ спать въ своей палаткѣ; проснувшись рано утромъ съ ужасомъ увидѣлъ, что почти на немъ лежитъ чумный ему незнакомый. Послѣдній тутъ же умеръ, а капитанъ заразился, былъ отправленъ въ чумное отдѣленіе, гдѣ также вскорѣ умеръ. Въ нашей полуротѣ не было еще чумныхъ по особенному счастію. Командиръ нашего отряда, генералъ Купріяновъ, для ослабленія заразы, приказалъ всему отряду, состоявшему изъ 4000 человѣкъ пѣхоты, выступить изъ города на высоты къ сторонѣ Шумлы, возлѣ самой дороги, которая пролегала изъ этой крѣпости къ рѣкѣ Камчику и въ Балканскія горы. Мы всѣ съ радостію это приняли, и вскорѣ учредился лагерь. На этомъ мѣстѣ воздухъ былъ свѣжъ, и хотя жары были большіе, но гораздо сноснѣйшіе чѣмъ въ Праводахъ. Во время пребыванія моего въ этомъ лагерѣ, продолжавшагося около двухъ недѣль, чума усилилась до того, что въ день заболѣвало иногда по сту человѣкъ, кои были немедленно отправляемы въ Праводы, гдѣ находился чумный госпиталь. Медики всѣ померли отъ заразы, а имъ завѣдывалъ фельдшеръ, который отъ каждаго зараженнаго отбиралъ деньги—золото и серебро, очищалъ ихъ въ уксусѣ и пряталъ, чтобы, по выздоровленіи, отдать ихъ обратно; но такъ какъ выздоровленія не было, то и оставались они въ его рукахъ. Въ это непріятное время, благодаря Бога, я не чувствовалъ ни малѣйшей болѣзни; по ночамъ спокойно спалъ въ своей палаткѣ, ходилъ въ рубашкѣ, смоченной чистымъ дегтемъ какъ и прочіе; пили чай и обѣдали мы вмѣстѣ, всѣ четверо артиллерійскіе офицеры: штабсъ-капитанъ Липинъ, поручикъ Левицкій, прапорщикъ Саблинъ и я. Въ это время знакомый мой и товарищъ, произведенный со мною въ одинъ

день въ офицеры, штабсъ-капитанъ Маркевичъ, бывшій тогда дивизіоннымъ адъютантомъ, вздумалъ меня выручить изъ Праводъ. Такъ какъ при 6 орудіяхъ находилось 4 офицера, а слѣдовало по положенію быть только тремъ, то меня, какъ лишняго, прикомандировали по его ходатайству къ батарейной ротѣ нашей бригады, находившейся тогда подъ Шумлой. Приказъ объ этомъ пришелъ въ нашъ лагерь чрезъ нѣсколько дней. Въ это время 7-й пѣхотный корпусъ, оставивъ позицію при Шумлѣ, проходилъ возлѣ Праводъ по дорогѣ къ рѣкѣ Камчику, чтобы, переправившись чрезъ нее, идти чрезъ Балканскія горы въ Румелію. Мнѣ отдали приказъ въ руки, и я, не медля ни минуты, собрался съ Александромъ Ермолаевымъ, своимъ деньщикомъ и двумя лошадьми. Всѣ мнѣ завидовали, что я покидаю чумное мѣсто. Время было уже за полдень, насъ пропустили за цѣпь. Корпусъ прошелъ уже верстъ 10 отъ Праводъ; я за нимъ ѣхалъ по слѣдамъ и остановился на ночлегъ на лужайкѣ подъ деревомъ. Тутъ вздохнули мы свободнѣе, а на другой день по утру явился я къ бригадному командиру, полковнику Штейнбецу, который зналъ уже, что въ Праводахъ оказалась сильная чума, почему и не принялъ меня въ роту, а отослалъ въ подвижной карантинъ, который слѣдовалъ не вдалекѣ за корпусомъ. И такъ, по волѣ Провидѣнія и добраго товарища, вышелъ я изъ этого въ высшей степени непріятнаго положенія—видѣть почти ежечасно заболѣвающихъ смертельною болѣзнію и ожидать себѣ подобной же участи. Послѣ выхода моего изъ Праводскаго лагеря, на другой день и вѣрно еще при мнѣ, заболѣлъ чумою начальникъ нашей полуроты, штабсъ-капитанъ Лишинъ; на него дѣйствовала она постепенно, потому ли что онъ былъ сложенія сухаго или по другой причинѣ. За нѣсколько дней до смерти у него показались на рукахъ, около плечъ чумные нарывы, называемые карбункулами; онъ никому объ этомъ не сказалъ, только своему деньщику велѣлъ перевязывать ихъ, но тотъ, испугавшись, сказался больнымъ и тѣмъ избѣжалъ заразы; въ послѣдствіи онъ остался живъ. Въ одной палаткѣ съ Лишинымъ жилъ прапорщикъ Саблинъ, не знавшій о болѣзни Лишина и отъ него заразился. Черезъ два дня Саблинъ умеръ, а вскорѣ за нимъ и Лишинъ. Остался одинъ только офицеръ въ полуротѣ, поручикъ Левицкій. Случись это нѣсколькими днями прежде, меня оставили бы въ Праводскомъ лагерѣ.

Время обратиться къ послѣдствіямъ, происшедшимъ отъ побѣды подъ Кулевчей. Когда верховный визирь укрылся въ Шумлѣ съ остатками своей арміи, главнокомандующій, генералъ Дибичъ, съ тремя корпусами нашихъ войскъ, съ принадлежащей къ нимъ кавалеріей и Донскими казачьими полками, расположился подъ Шумлой съ сѣверной ея стороны для наблюденія за Турецкимъ войскомъ, не предпринимая рѣшительныхъ дѣйствій, заслонивъ осажденную нашимъ 3-мъ пѣхотнымъ корпусомъ крѣпость Силистрію, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Красовскаго, такъ что подать помощь этой крѣпости не было никакой возможности Туркамъ, вслѣдствіе чего и сдалась она въ концѣ Іюня. Тогда главнокомандующій рѣшился перейти Балканскія горы. Получивъ чрезъ лазутчиковъ извѣстіе, что войскъ Турецкихъ немного въ Румеліи, онъ сдѣлалъ диспозицію къ движенію. Вопервыхъ, въ ночь съ 2-го на 3-е Іюля, 6-й пѣхотный корпусъ снялся съ позиціи, оставивъ палатки свои на мѣстѣ, въ коихъ помѣстились нѣкоторые полки прочихъ корпусовъ, для того чтобъ Турки не могли догадаться о движеніи 6-го корпуса. Чрезъ нѣсколь-

ко дней, именно 4-го Іюля, снялся при наступленіи ночи съ позиціи нашъ 7-й корпусъ, оставивъ свои палатки и направился, какъ уже сказано, мимо Праводъ къ рѣкѣ Камчику; а потомъ въ ночь же чрезъ два дня снялся 2-й пѣхотный корпусъ, и весь лагерь былъ снятъ; онъ пошелъ въ слѣдъ за 6-мъ корпусомъ, которому должно было переходить Камчикъ при самомъ почти его устьѣ, при впаденіи въ Черное море. Чтобы удержать гарнизонъ Шумлы въ крѣпости, не допуская отдѣлять значительную его часть на защиту переправы Россійскихъ войскъ чрезъ Камчикъ, генералъ Красовскій перешелъ съ своимъ корпусомъ изъ-подъ Силистріи къ Шумлѣ. Турки, замѣтивъ утромъ уходъ съ позиціи нашихъ войскъ, полагали, что они, подобно прошлогоднему, отступаютъ къ Силистріи, почему и сдѣлали сильную вылазку по этому направленію; но въ Енибазарѣ встрѣтили весь 3-й корпусъ съ многочисленною кавалеріею, которая оставлена была и отъ прочихъ войскъ и прикомандирована къ 3-му корпусу. Завязалось дѣло, которое кончилось въ нашу пользу: Турки принуждены были убраться въ Шумлу. Войска подъ начальствомъ генерала Красовскаго остальную часть кампаніи простояли предъ этой крѣпостью, имѣя по временамъ сраженія съ Турками, дѣлавшими вылазки, по большей части кавалерійскія, которыя оканчивались всегда въ нашу пользу. Между тѣмъ 5-го Іюля, при наступленіи ночи, нашъ 7-й корпусъ приблизился къ рѣкѣ Камчику и остановился до утра. Генералъ Ридигеръ, принявшій надъ нами начальство, послалъ Вятскій пѣхотный полкъ для опознанія верстъ за 5 къ селенію Киприкіой, которое было по ту сторону Камчика. Въ эту ночь 6-й пѣхотный корпусъ началъ дѣло съ Турками, укрѣпившимися засѣками и имѣвшими укрѣпленіе, вооруженное пушками, по направленію отъ насъ къ западу, на 20 верстъ ниже по теченію рѣки Камчика. Ночь была лунная, и мы явственно слышали выстрѣлы, раздававшіеся по рѣкѣ и повторяемые эхомъ по лѣсу, находящемуся по обѣимъ сторонамъ ея. На разсвѣтѣ Вятскій пѣхотный полкъ подошелъ къ Камчику; но Турки не дозволяли ему переправу, встрѣтивъ частымъ ружейнымъ огнемъ изъ-за засѣкъ съ противоположной стороны рѣки; наши отвѣчали имъ не менѣе частыми выстрѣлами; но какъ непріятель укрывался за засѣками, то уронъ съ нашей стороны былъ значительнѣе, что̀ усмотрѣвъ, командиръ полка далъ приказъ отступить въ лѣсъ, который находился вблизи. Съ наступленіемъ утренней зори выдвинута была легкая артиллерія на берегъ Камчика у селенія Чалы-Малы, гдѣ предписана была нашему корпусу переправа черезъ рѣку, и открыла огонь по противолежащимъ засѣкамъ, устроеннымъ Турками за рѣкою. Не долго однакоже они могли держаться противъ артиллеріи и принуждены были бросить засѣки. Между тѣмъ наши піонеры начали наводить понтонный мостъ чрезъ Камчикъ. Избранное для этого мѣсто оказалось неудобнымъ, и хотя рѣка въ этомъ мѣстѣ была неширока, но переправленные за нее егеря, вышедъ на противулежащій берегъ, нашли, что это островъ, отдѣлявшійся узкимъ рукавомъ отъ настоящаго берега. Переправа была оставлена, и пріискано другое удобнѣйшее мѣсто начальникомъ корпуснаго штаба, княземъ Горчаковымъ. Подъ выстрѣлами нашихъ орудій наведенъ былъ мостъ, однакоже не безъ урона, потому что лѣсистая мѣстность противоположнаго берега закрывала Турецкихъ стрѣлковъ, а они, воспользовавшись этимъ, стрѣляли въ близкомъ разстояніи по нашимъ рабочимъ и многихъ ранили. Когда же мостъ

приблизился къ противоположному берегу, егеря бросились въ воду и, вышедъ на берегъ, прогнали Турецкихъ стрѣлковъ, которые оставили совершенно защиту переправы, бросивъ нѣсколькихъ раненыхъ своихъ, не могшихъ за ними слѣдовать. По наведенiи моста войска, не останавливаясь, того же числа Iюля 7-го, пошли чрезъ него вмѣстѣ съ артиллерiею и двумя уланскими полками, Харьковскимъ и С.-Петербургскимъ. Мы, находившiеся въ карантинѣ, перешли чрезъ понтонный мостъ вслѣдъ за корпусомъ. Дорога шла между частымъ лѣсомъ, вдоль рѣки Камчика, вверхъ по ея теченiю. На мѣстѣ, гдѣ были Турецкiе завалы, лежало нѣсколько умирающихъ Турокъ, которыхъ они не успѣли захватить; между ними былъ отходящiй старикъ, совершенно раздѣтый, исключая рубашки; сказывали, что это аянъ или судья ближайшихъ поселенiй, человѣкъ очень богатый и извѣстный. Выбравшись изъ лѣса, вступили мы въ холмистую страну, по коей, не останавливаясь, весь день шли и часть ночи. Замѣтили нѣсколько пылавшихъ деревень, зарево которыхъ разливалось по окрестнымъ горамъ, поросшимъ лѣсомъ. Слышенъ былъ иногда вой собакъ, голоса пѣтуховъ и клохтанье куръ, лишенныхъ прiюта, которыхъ ловили наши деньщики. На другой день нашего похода чрезъ Балканскiя горы, подъемы и спуски стали круче и длиннѣе; съ вершинъ виднѣлись глубокiя лощины, поросшiя лѣсомъ на большiя пространства. Впереди слышны были выстрѣлы нашего авангарда; это было кавалерiйское дѣло казаковъ съ Турками, коихъ было около 3-хъ тысячъ въ лагерѣ, расположенномъ на высотѣ. Лагерь былъ взятъ, много Турокъ побито, остальные бѣжали. Казаки надѣли на себя новыя Турецкiя куртки вмѣсто своихъ износившихся и щеголяли другъ передъ другомъ. Вообще всѣ были веселы, потому что шли впередъ безпрепятственно. Турки упали духомъ. На одномъ ночлегѣ вещи мои, лежавшiя вмѣстѣ съ вещами бригаднаго адъютанта Аристова на моей телѣгѣ, запряженной парой лошадей, едва не должны были мы оставить на волю судьбы, потому что деньщикъ мой, подъ наблюденiемъ коего лошади ночью паслись, крѣпко заснулъ, а онѣ, пользуясь свободой, зашли въ густой лѣсъ. Утромъ стали впрягать лошадей, а наша телѣга осталась, когда прочiя пошли. Въ это время прiѣхалъ Аристовъ; мы вмѣстѣ дожидались, не найдетъ ли ихъ деньщикъ мой; но онъ возвратился безъ успѣха. Между тѣмъ, оставшись почти одни, мы подвергались быть взяты въ плѣнъ, если бы партiя Турокъ наѣхала. Аристовъ однакоже употребилъ послѣднее средство: конвойному казаку далъ червонецъ и послалъ въ лѣсъ для отысканiя лошадей; тотъ, замѣтивъ ихъ слѣдъ зоркимъ глазомъ, не выпускалъ его изъ вида и такимъ образомъ чрезъ часъ привелъ ихъ къ намъ. Радость наша была велика. Мы догнали арьергардъ безъ всякихъ приключенiй.

На третiй день нашего похода достигли мы до самой вершины Балканскихъ горъ въ этомъ мѣстѣ. Ночлегъ нашъ на открытомъ воздухѣ былъ холоденъ. Утромъ на походѣ почувствовалъ я припадокъ лихорадки. Подвигаясь далѣе къ городу Айдосу, лежащему у подошвы Балканъ, не встрѣчалъ нашъ корпусъ сопротивленiя до самаго почти города; но верстахъ въ 7-ми надлежало исправить разломанный мостъ, для чего потребовали впередъ пiонеровъ. Пока исправляли его, весь корпусъ стянулся къ этому мѣсту. Громкое названiе! 7-й пѣхотный корпусъ состоялъ тогда не болѣе какъ изъ 7 тысячъ. Перешедъ мостъ, кавалерiя наша, при коей былъ самъ корпусный ко-

мандиръ, была атакована Турками. Сначала они показались внезапно и бросились стремительно на нашихъ; но нѣсколько выстрѣловъ картечью заставили ихъ, поворотивъ назадъ, укрыться за возвышеніемъ, при чемъ убито нѣкоторое ихъ число казаками и уланами. Близъ города находился валъ и ровъ, въ которомъ засѣли Турки съ насильно взятыми ими Болгарами изъ окрестностей, почти невооруженными. При приближеніи нашей пѣхоты, угрозами заставили они ихъ подняться и дѣлать крестное знаменіе. Офицеры наши, полагая, что христіане одни только находятся во рву, подошли съ переднимъ батальономъ на близкій ружейный выстрѣлъ; тогда Турки внезапно вышли изъ рва и открыли мгновенно сильный ружейный огонь по нашей почти сплошной цѣпи, коимъ многихъ убили или ранили; притомъ, такъ какъ ихъ было до 10 тысячъ, то наши стрѣлки принуждены были отступить. Тогда корпусный командиръ нашъ, собравъ всю пѣхоту, поставилъ артиллерію на пушечный выстрѣлъ отъ Турокъ, а нѣсколькимъ батальонамъ далъ приказъ идти въ обходъ со стороны Балканскихъ горъ, куда слѣдовало Туркамъ отступать, такъ какъ они вышли изъ Шумлы; прямо же противъ нихъ открылъ пушечный огонь и послалъ остальную пѣхоту, которая съ яростью бросилась на Турокъ. Вскорѣ она смѣшала ихъ толпы, обратила въ бѣгство и за ними ворвалась въ Айдосъ, взятый приступомъ и отданный на разграбленіе солдатамъ за оказанное вѣроломство; они поживились тамъ порядкомъ, особливо набрали много кофе, который распродали за безцѣнокъ. Турецкое же войско бѣжало чрезъ Балканскія горы обратно въ Шумлу. Вышедъ изъ карантина, поступилъ я въ лагерь батарейной роты нашей 18-й бригады; здѣсь мы стояли два дня, пока другой корпусъ войскъ приблизился. 6-й корпусъ имѣлъ при переправѣ чрезъ Камчикъ значительное дѣло съ Турками, которые устроили въ томъ мѣстѣ укрѣпленіе, снабженное пушками. Два дня они удерживали наши войска при переправѣ; наконецъ, когда орудія ихъ были сбиты,—отступили. Вслѣдъ за этимъ заняты были приморскіе города: Ахіоло, Меземврія, и часть войскъ направилась на Бургасъ, также приморскій городъ. Снявшись съ позиціи, нашъ корпусъ пошелъ къ городу Карнабату, гдѣ и расположился лагеремъ на 11 дней по 28-е число Іюля. Въ это время занятъ нашими войсками Бургасъ. Уланская бригада, состоявшая, какъ выше сказано, при нашемъ корпусѣ, послана была къ городу Ямполю для рекогносцировки. Прошедъ около 40 верстъ къ югу, уланы съ 4 орудіями конной артиллеріи, подъ командой генералъ-маіора Шереметева, приблизились къ городу, казавшемуся незанятымъ войскомъ; но когда они перешли чрезъ плотину, возлѣ города находящуюся, Турецкая кавалерія въ числѣ около 8 тысячъ бросилась имъ на встрѣчу; однако храбрые эти полки, не смѣшавшись, дали сильный отпоръ и, отступая, раздавались для дѣйствія нашихъ конныхъ орудій на плотинѣ, которыя производили значительный уронъ Туркамъ. Уланы съ своей стороны, не смотря на малочисленность свою, отчаянно рубились отступая, такъ что отбили охоту у Турокъ ихъ далеко преслѣдовать. Когда тѣ ихъ оставили, генералъ Шереметевъ пошелъ на большихъ рысяхъ и къ вечеру возвратился къ нашему лагерю, потерявъ нѣсколько человѣкъ уланъ и одного офицера, человѣка богатаго, котораго тѣло на другой день предали погребенію съ воинскими почестями. Въ продолженіе нашего бездѣйствія лѣчился я отъ лихорадки; по неимѣнію медикаментовъ лѣкарь давалъ мнѣ по нѣскольку пріемовъ мелу въ рюм-

кѣ уксуса, что̀ останавливало лихорадку на нѣсколько дней; но потомъ она возобновлялась. 28-го Іюля снялись мы съ позиціи и пошли къ г. Ямполю; тамъ не было уже Турокъ, потому вѣроятно, что они боялись быть отрѣзаны отъ Балканскихъ горъ, куда направились и въ значительномъ числѣ собрались въ городѣ Сливно, въ коемъ обитали по большей части Болгары. Городъ этотъ находится отъ Ямполя въ 20 верстахъ при самой подошвѣ Балканскихъ горъ, коими окруженъ съ сѣверо-западной стороны. 29-го и 30-го Іюля до полудня отдыхали мы близъ Ямполя и выступили къ городу Сливно. Пришедъ поздно на позицію, нѣсколько часовъ отдохнули и съ разсвѣтомъ двинулись къ городу. Кавалерія наша, казацкіе и уланскіе полки съ конноартиллеріею начали дѣло на лѣвомъ нашемъ флангѣ, который Турки дѣлали видъ, что намѣрены обойти. Нѣсколько часовъ продолжалось тамъ сраженіе. Между тѣмъ батарейныя роты подступали съ праваго фланга, при чемъ я съ 4-мя орудіями прикомандированъ былъ къ пѣхотному батальону, который быстрымъ шагомъ наступалъ. Когда приблизились мы на пушечный выстрѣлъ къ Турецкимъ колоннамъ и открыли огонь съ вершины бугровъ, примыкавшихъ къ самымъ почти Балканамъ, Турки бросились бѣжать изъ города на крутизны по горной дорожкѣ, которая находилась подъ нашими выстрѣлами, почему нѣсколько ядеръ, пущенныхъ по тому направленію, ложились на самой дорогѣ, и нѣсколько Турокъ было убито [8]). Скоро бѣгство ихъ сдѣлалось общимъ; а мы, быстро подвигаясь впередъ, вошли въ городъ, гдѣ прошли по многимъ улицамъ. Болгары, которые всѣ остались въ городѣ, вышли къ воротамъ своихъ домовъ и стоя крестились; нѣкоторые выносили въ стеклянныхъ кувшинахъ красное вино своего издѣлія, очень вкусное, и приглашали офицеровъ и солдатъ утолять жажду, которая насъ мучила, потому что было очень жарко. Показавъ свою артиллерію, которая была въ превосходномъ состояніи какъ людьми, такъ и лошадьми, амуниціей и упряжью, вышли мы изъ города на восточную сторону, гдѣ и заняли просторное мѣсто, осѣненное тополями и обильное ключевою водою. Сраженіе при городѣ Сливно было 31-го Іюля, послѣ коего мы отдохнули нѣсколько дней. 4-го Августа двинулись мы по старой дорогѣ къ городу Ямполю, въ который послали меня принимать Турецкіе сухари изъ магазина, находившагося въ этомъ городѣ. Изъ всего корпуса набралось насъ пріемщиковъ болѣе 20 человѣкъ офицеровъ. Поэтому, дожидаясь очереди, пробылъ я почти весь день въ Ямполѣ и уже догналъ бригаду поздно, стоящую на ночлегѣ. 5-го Августа двинулись мы далѣе по дорогѣ къ Адріанополю. Сухари, которые мы по приказанію приняли, розданы были солдатамъ; но они оказались негодными, потому что даже въ водѣ нельзя было ихъ размочить, притомъ почти всѣ гнилые отъ долговременнаго лежанія въ сыромъ мѣстѣ; солдаты съ досады выбросили ихъ изъ своихъ ранцевъ, а приняты были другіе, Русскіе, взятые на-скоро изъ Праводъ въ походныя фуры. 5-го же числа Августа на дневкѣ 2-й пѣхотный корпусъ, слѣдовавшій за нами, по распоряженію главнокомандующаго, прошелъ впередъ; нашъ же остался въ аріергардѣ. 6-го на дневкѣ стояли мы у рѣчки Тунжи, протекающей къ Адріанополю и близъ этого города впадающей въ рѣку Марицу. 7-го бы-

[8]) Турки ушли въ городъ Казанлыкъ, находящійся въ Балканскихъ горахъ въ 40 верстахъ отъ Сливно. Тамъ выдѣлывается въ большомъ количествѣ розовое масло. Онъ не былъ занятъ нашими войсками.

ли въ походѣ цѣлый день по гористой сначала мѣстности, поросшей мѣстами лѣсомъ; почва была камениста, и случалось орудіямъ переѣзжать по большимъ камнямъ похожимъ на мраморъ, имѣющимъ розовый цвѣтъ. Не отдыхая, шли мы ночью и сбились съ дороги. Простоявъ часа два, пока отыскался проводникъ, выступили назадъ и подошли къ рѣчкѣ Тунжѣ уже на разсвѣтѣ. Усталые бросились мы отдохнуть и заснули какъ убитые. При восхожденіи солнца выстроились мы въ линію; впереди насъ стояли уже два корпуса, 2-й и 6-й, со всею кавалеріею, пришедшіе къ Адріанополю наканунѣ. Мы видѣли вдали сей городъ съ множествомъ мечетей, коихъ минареты, возвышаясь, оказывали пространство этого многолюднаго города, вмѣщавшаго въ себѣ до 100 т. жителей. Не болѣе получаса дожидались мы начала сраженія, обѣщавшаго быть кровопролитнымъ, какъ увидѣли главнокомандующаго, который проѣхалъ по рядамъ и поздравлялъ войско съ капитуляцiей Адріанополя. Жители этого города, почти всѣ вооруженные, принудили Турецкія регулярныя войска, состоявшія изъ новобранцевъ-юношей, сдать городъ, не желая подвергнуться разоренію, ежели бы онъ былъ взятъ приступомъ. Кажется, войско Турецкое было очень этому радо, потому что почти въ одинъ часъ очистили Турки казармы, построенныя за городомъ, въ которыя мы того же дня вступили и размѣстились просторно. Только нашъ 7-й корпусъ въ нихъ помѣстился; 2-й же корпусъ отправленъ былъ по дорогѣ къ Константинополю и дошелъ до половины разстоянія его отъ Адріанополя въ Люле-Бургасъ и въ окрестностяхъ его остановился; 6-й слѣдовалъ за нимъ.

Въ это время начались переговоры о мирѣ при посредничествѣ Англіи и Франціи. Въ Константинополѣ, какъ было слышно, при приближеніи нашихъ войскъ началась большая тревога. Турецкая казна и султанскія сокровища частію отправлены были на Англійскіе военные корабли, пришедшіе чрезъ Дарданелы въ Константинопольскій портъ. Султанъ Махмудъ, принужденъ былъ вступить въ мирные переговоры, потому что войско его, котораго оставалось около Константинополя очень немного, было обезкуражено; а жители, подобно Адріанопольскимъ, не желали быть разоренными при взятіи приступомъ города, ежели бы это могло случиться. Съ нашей же стороны нельзя было съ увѣренностью идти къ Константинополю, потому что всѣхъ войскъ въ Адріанополѣ и около онаго въ трехъ корпусахъ, 2-мъ, 6-мъ и 7-мъ, оставалось не болѣе 30-ти т., остальные были на этапахъ сзади, охраняя путь сообщенія чрезъ Балканы. Въ это же время Албанцы, подъ начальствомъ недовольнаго султаномъ паши, въ числѣ около 20 т. подошли къ Адріанополю, остановившись отъ него верстахъ въ 20-ти. Паша этотъ объявилъ, что онъ не имѣетъ намѣренія сражаться съ Русскими, а желаетъ идти къ Константинополю для требованія отъ султана льготъ своей области. Однакоже высланъ былъ изъ Адріанополя нашъ отрядъ для охраненія города противъ Албанцевъ съ этой стороны; наша же рота осталась въ казармахъ. Нерѣдко бывалъ я въ Адріанополѣ, отстоявшемъ въ полуверстѣ отъ казармъ, съ товарищами. Мы осматривали тамъ замѣчательное, именно: мечеть султана Селима Втораго, которая построена при немъ почти въ срединѣ города; она обнесена каменной оградой, во внутренности коей находится обширный дворъ, устланный плитами; посреди его прямо предъ мечетью устроенъ огромный фонтанъ съ изобильною водою. Водоемъ, какъ вообще въ Турецкихъ фонтанахъ, на

ходится возвышеннымъ посрединѣ. По верхнимъ краямъ его сдѣланы отверстія; когда онъ переполнится, изливаетъ воду въ каменныя колоды, откуда и берутъ ее или поятъ лошадей и прочую домашнюю скотину, подводя къ фонтану. Этотъ же фонтанъ по обширности и обстановкѣ очень замѣчателенъ [9]). Мы почерпнули воды и съ удовольствіемъ ее пили: по чистотѣ и прозрачности не видали лучшей. Спросивъ у Турка, стоявшаго у входа въ мечеть, можно ли ее видѣть, мы получили утвердительный отвѣтъ. Взошедъ, мы видѣли только обширную, круглую комнату со сводомъ, освѣщенную сверху; по стѣнамъ около всего этого круга висѣли стеклянные язычки разнаго цвѣта, формою какъ бываетъ у люстръ. Противъ входа, на возвышеніи, нарисованъ былъ вензель султана Селима II (каждый султанъ имѣетъ свой вензель), замысловато очерченный золотымъ почеркомъ; подлѣ него была каѳедра, съ которой духовное Турецкое лицо читаетъ Коранъ; болѣе же никакихъ украшеній не было. Замѣчателенъ также Адріанопольскій гостинный дворъ, называемый базаръ; онъ находится подъ однимъ огромнымъ каменнымъ сводомъ, съ обѣихъ сторонъ запираемымъ на ночь желѣзными воротами, и еще съ боковыми воротами. Съ обѣихъ сторонъ этого базара расположены лавки; тутъ собраны всѣ издѣлія Востока и привозные товары Запада. Освѣщеніе этого строенія падаетъ изъ небольшихъ оконъ, очень рѣдкихъ, почему въ лавкахъ темно. Снаружи около стѣнъ работаютъ разнаго рода ремесленники, на открытомъ воздухѣ, съ утра до вечера, при нестерпимомъ жарѣ. На каждой улицѣ нѣсколько кафе, въ которыхъ во всякое время можно видѣть сидящихъ съ поджатыми ногами Турокъ, курящихъ безмолвно трубки; между ними нерѣдко встрѣтить было можно говорящихъ порядочно порусски, бывшихъ въ плѣну въ Россіи; есть даже чисто-русскіе по выговору, но отрицающіе свое происхожденіе. Нѣсколько дней насъ развлекала особенность Турецкихъ нравовъ. Каждому изъ насъ также необходимо было возобновить кое-что изъ одежды и обуви, много пострадавшихъ; другіе же, имѣя довольно золота, покупали Турецкія сѣдла, браныя уздечки, мундштуки къ трубкамъ, кальяны и прочія бездѣлушки. Что касается до меня, я чувствовалъ какое-то пученіе въ животѣ. Употребляя немного вина, пилъ я въ жаръ воду изъ фонтановъ, которые были на дворѣ казармъ, по угламъ четырехугольнаго строенія. Одинъ изъ нихъ оказался испорченнымъ при осмотрѣ; по прошествіи уже около двухъ недѣль по вступленіи нашемъ въ казармы, оттуда извлекли разныя ядовитыя вещества, много мыла, падали и тому подобнаго. Тогда никто уже не сталъ пить воды и употребляли вино; но вредное дѣйствіе на мой желудокъ осталось надолго, даже до возвращенія въ Россію. При наступленіи ясной осени, въ концѣ Августа, жары усилились, а ночи сдѣлались холодны. Внезапный этотъ переходъ отъ жара къ холоду и обратно оказался вреднымъ для здоровья; много стало больныхъ и умирающихъ. Одинъ фасъ казармъ очищенъ былъ для гошпиталя, наполненнаго трудно-больными, которые поступали изъ командъ и присылались изъ другихъ корпусовъ, не имѣвшихъ столь удобнаго помѣщенія. Каждый день по нѣскольку разъ слышалась похоронная музыка при погребеніи офице-

[9]) Онъ весь мраморный, какъ помостъ, такъ и самый фонтанъ, изъ коего въ отверстія вода течетъ въ мраморные же водоемы, устроенные вокругъ; всѣ изъ бѣлаго мрамора.

ровъ. Наконецъ, чтобы не навести унынія и на прочихъ, приказано было перестать хоронить съ музыкой. Служба наша была въ это время довольно легка; изрѣдка доставалось стоять ночью въ караулѣ съ двумя орудіями при пѣхотной ротѣ, у моста чрезъ рѣку Тунжу, оберегаемаго отъ нечаяннаго нападенія на Ески-Сераль, въ которомъ помѣщался главнокомандующій нашъ, фельдмаршалъ баронъ Дибичъ-Забалканскій. Огромное это строеніе обтекаетъ рѣка Тунжа; только чрезъ одинъ мостъ можно въ него проникнуть. Оно окружено садами и служило нѣкогда убѣжищемъ и пріятнымъ провожденіемъ времени вышедшимъ изъ фавѣра султанскимъ одалискамъ. При султанѣ Махмудѣ стояло оно пусто, потому что онъ такихъ женщинъ увольнялъ къ родственникамъ, не оставляя подъ присмотромъ.

Въ началѣ Сентября командированъ я былъ для занятія зимнихъ квартиръ, сначала въ Сливно, а потомъ въ Ямполь. Съ половины Августа въ Адріанополѣ собрались уполномоченные отъ Россіи и Турціи для заключенія мира при посредничествѣ Англійскаго и Французскаго пословъ при Оттоманской Портѣ. Переговоры эти происходили почти ежедневно до Сентября. Въ началѣ этого мѣсяца подписаны были условія мира и посланы на конфирмацію въ Петербургъ и Константинополь. Квартиргеры, въ числѣ которыхъ и я находился, отъ полковъ нашего корпуса, оставленнаго для зимовки за Балканами, собрались вмѣстѣ и, составивъ небольшія команды, отправились изъ Адріанополя. Турки смотрѣли на насъ уже не такъ какъ на враговъ, почему мы безопасно располагались на дневкахъ и ночлегахъ. Пришедъ въ Сливно, остановился я на отведенной мнѣ квартирѣ и вмѣстѣ съ фейерверкерами и солдатами своей команды сталъ осматривать квартиры для командира, офицеровъ и прочаго штаба. Городъ былъ построенъ порядочно; квартиры скоро отыскались. Болгары смотрѣли на насъ уже не такъ ласково, потому что между ними ходили слухи, что городъ ихъ остается въ Турецкомъ владѣніи; а они всѣ были увѣрены, что останутся за Россіей. На рынкахъ, въ торговые дни, многолюдство было большое, такъ что мнѣ не случалось такого видать въ Россіи. Женщины Болгарскія ходили съ открытыми лицами; Турчанки-же, оставшіяся въ Сливно, впрочемъ въ маломъ числѣ, завѣшивались покрывалами, какъ обыкновенно по своему обычаю, только оставляя открытыми глаза. Не болѣе недѣли прожили мы въ Сливно. Внезапно получилъ я предписаніе отправиться въ городъ Ямполь, гдѣ окончательно назначено было зимовать нашей бригадѣ. Въ самый этотъ день случился со мной сильный лихорадочный пароксизмъ, который начался, какъ обыкновенно въ мѣстныхъ лихорадкахъ того края, ознобомъ довольно умѣреннымъ, потомъ сильнымъ жаромъ, продолжающимся очень долго съ обильнымъ пòтомъ, чрезвычайно изнуряющимъ силы. На другой день пароксизма не было, и я съ квартиргерами перешелъ въ Ямполь, отстоящій отъ Сливно въ 20 верстахъ. Мы ѣхали сначала огромными виноградниками, на коихъ кисти спѣли уже и представляли особенно пріятный видъ. Всѣ эти сады принадлежали Болгарамъ и доставляли своимъ хозяевамъ хорошій доходъ. Пріѣхавъ на новоселье въ г. Ямполь, почувствовалъ я сильный голодъ и желаніе пить молоко, почему и велѣлъ Александру Ермолаеву достать его. Онъ скоро возвратился съ большой стклянкой, которую я всю за одинъ разъ выпилъ. Чрезъ нѣсколько часовъ со мною случился пароксизмъ лихорадки, продолжался почти сутки и такъ меня ослабилъ, что я едва могъ стоять на но-

гахъ. На другой день пароксизма не было, но чувствовалъ я сильный голодъ и желаніе ѣсть говядину, почему и велѣлъ Александру сварить лѣнивыя щи. Едва могъ я ихъ дождаться и съ такимъ аппетитомъ ѣлъ, что почитаю теперь это болѣзнію, называемою собачьимъ голодомъ. Съѣвши много мяса, почувствовалъ я отягощеніе въ желудкѣ, и вскорѣ начался опять сильный пароксизмъ. Съ недѣлю лихорадка чрезъ день меня посѣщала; я исхудалъ невѣроятно и сильно ослабѣлъ. Наконецъ посѣтилъ меня поручикъ Войничъ, который также присланъ былъ занимать квартиры въ Ямполь для 3-й легкой роты нашей бригады. Онъ посовѣтовалъ мнѣ обратиться къ медицинѣ и перемѣнить квартиру, что̀ я и исполнилъ. Квартиръ было много въ Ямполѣ, оставленныхъ хозяевами Турками, которые составляли бо̀льшее число жителей и съ семействами ушли при наступленіи нашихъ войскъ. Я выбралъ очень хорошую комнату съ большими сѣнями; домъ былъ построенъ на дворѣ, какъ обыкновенно въ Турціи; передъ нимъ былъ палисадникъ, въ коемъ посажены были мирты. Вскорѣ посовѣтовался я съ однимъ медикомъ, который, за немѣніемъ хинной соли, прописалъ мнѣ какую-то микстуру. Долго я ее принималъ, но она не прекращала лихорадки, а я становился день ото дня слабѣе и очень похудѣлъ. На моей отвѣтственности была фуражировка сѣна для заготовленія его на зиму; но какъ я по болѣзни не могъ лично ѣздить на фуражировку, то и посылалъ старшаго фейерверкера съ командой, который и привозилъ сѣно. Вскорѣ однакоже онъ сталъ жаловаться, что у него отбиваютъ пріисканное имъ сѣно и часто по пріѣздѣ не находилъ уже его. Офицеры всѣхъ полковъ лично ѣздили фуражировать и, узнавъ, что для батарейной роты нашей фуражируетъ фейерверкеръ, не обращали вниманія на право, а брали себѣ для своихъ лошадей. Скоро не стало уже сѣна около Ямполя верстахъ въ 20-ти или 25-ти. Отправились верстъ за 35 или 40. Къ прискорбію моему я сталъ еще слабѣе прежняго, слѣдовательно не могъ пособить горю. Поручикъ Войничъ, отмѣнно умѣвшій какъ бы по чутью отыскивать Турецкое сѣно, иногда помогалъ моей командѣ; но такъ какъ ему самому нужно было сѣно для своей роты, для коей онъ фуражировалъ, то эта помощь подавалась имъ изрѣдка.—Между тѣмъ въ Адріанополѣ переговоры приходили къ окончанію; ожидаемая ратификація получена. Приготовленъ былъ огромный фейерверкъ, который и сожженъ при многочисленномъ стеченіи Турокъ всѣхъ состояній. Войска наши пошли на зимовыя квартиры: 2-й корпусъ въ Россію, а 6-й въ Бургасъ и въ окрестности его, гдѣ помѣстилась главная квартира. Главнокомандующій фельдмаршалъ Дибичъ получилъ графское достоинство и милліонъ рублей ассигнаціями. Нашъ 7-й корпусъ расположился на зиму въ Ямполѣ и Сливно съ окрестностями. Батарейная рота нашей бригады выступила изъ Адріанополя въ концѣ Октября. По глубокой грязи двигалась она по 8 и по 12 верстъ въ сутки и пришла въ Ямполь въ Ноябрѣ. Турки, оставшіеся въ Ямполѣ, говорили, что зима необыкновенно холодна. Нѣсколько разъ выпадалъ снѣгъ; но чрезъ два дня, а иногда и ранѣе растаявалъ. Въ началѣ Генваря рѣка Тунжа, таже что̀ и въ Адріанополѣ, покрылась льдомъ дней на 5, чего не случалось уже нѣсколько десятковъ лѣтъ, почему жители вѣрили, что мы принесли съ собою холодъ. Послѣ выступленія войскъ изъ Адріанополя, тамъ остались два егерскіе полка съ нѣсколькими орудіями и главный госпиталь. По счастію во время пребыванія войскъ не обнаруживалась

еще чумная зараза; но по выступленіи ихъ въ скоромъ времени оказалась въ госпиталѣ, гдѣ начала дѣйствовать съ большою силой. Она продолжалась во всю зиму и похитила много людей. Главный докторъ Аммонъ, который былъ прежде дивизіоннымъ докторомъ нашей 18-й дивизіи, заразился чумой и умеръ.

Начало 1830 года проводили мы на зимовыхъ квартирахъ. Въ городѣ Ямполѣ остались только такіе жители изъ Турокъ, которые не имѣли средствъ выѣхать, по большой части старики; часто видали мы ихъ изнеможенныхъ, просившихъ милостыню по крайней необходимости, и помогали; даже собрали по червонцу съ офицеровъ, находившихся въ Ямполѣ и отдали въ комитетъ, который устроили Турки для своихъ бѣдныхъ. Изъ знакомыхъ намъ Турокъ только двое бывали у насъ: одинъ назывался Гусеинъ, человѣкъ лѣтъ 35-ти, очень добросердечный, который хлопоталъ, чтобы ему возвратили кожи, ему принадлежащія и по праву войны поступившія въ казенную собственность; другой же былъ Курдъ, человѣкъ лѣтъ 50-ти, хитрый и насмѣшливый, проживавшій по своимъ дѣламъ въ Ямполѣ и, повидимому, не имѣвшій ни въ чемъ нужды. По вечерамъ мы часто собирались вмѣстѣ, гдѣ проводили время часовъ до 12; кому приходилось идти домой, тотъ зажигалъ свой фонарь и такъ пробирался. Одному опасно было ходить не только ночью, но даже днемъ по множеству собакъ, которыя бѣгали стаями и нападали на людей.

Въ первыхъ числахъ Мая выступили мы къ крѣпости Силистріи, которая занята была нашимъ гарнизономъ съ прошлаго лѣта. Обратный походъ нашъ къ границѣ происходилъ благополучно. Передъ нами въ Апрѣлѣ отправилось изъ-за Балканъ по тому же направленію нѣсколько десятковъ тысячъ Болгарскихъ семействъ, которыя представляли необыкновенное зрѣлище. У всякаго семейства была своя арба или каруца, запряженная двумя буйволами или быками, на коей помѣщались всѣ отъ дряхлаго старика до грудныхъ младенцевъ. Здоровые члены семейства шли пѣшіе около воза, а дряхлые и малолѣтные сидѣли на семейномъ скарбѣ, довольно большомъ и укрытомъ кожами. На днёвкахъ они обыкновенно останавливались возлѣ рѣчки или ключа, гдѣ женщины мыли бѣлье и его сушили.

Такимъ образомъ перешли мы Балканы и вступили въ опустошенную Болгарію. Черезъ Камчикъ перешли ближе къ морю чѣмъ прежде, на томъ мѣстѣ, гдѣ 6-й корпусъ прошлаго 1829 года имѣлъ дѣло съ Турками; потомъ прошли то поле, гдѣ въ 1828 году была битва нашего отряда, высланнаго изъ Варны, съ визиремъ Омеръ-Вріоне. Видѣли памятникъ, поставленный въ память убитаго генерала Дурнова и прочихъ убитыхъ офицеровъ; онъ имѣлъ видъ пирамиды, исписанной именами и фамиліями убитыхъ офицеровъ. Оттуда направились мы на Силистрію, куда и прибыли 15-го Мая. Расположились въ лагерѣ на берегу Дуная выше Силистріи, въ верстѣ съ небольшимъ отъ города. Тутъ я поступилъ опять во 2-ю легкую роту 18-й бригады, въ коей числился, потому что обѣ полуроты опять сошлись. Командиромъ роты назначенъ былъ капитанъ Березинъ; но уже нельзя было почти узнать этой роты: всѣ почти солдаты въ ней оказались мнѣ незнакомы; прежнихъ не было на свѣтѣ, исключая малаго только числа. Ровно годъ какъ выступили мы изъ Базарджика; на другой день открылась тамъ въ 1829 году чума, которая сразила лучшихъ людей и между ними фельдфебеля, отличнаго человѣка. Цѣлый годъ наша полурота, подъ начальствомъ штабсъ-капи-

тана Жиленкова, находилась при Казанскомъ пѣхотномъ полку, въ которомъ чума сильно свирѣпствовала. Нѣсколько разъ пополняли его рекрутами. Наконецъ зимою, въ началѣ 1830 года, она ослабѣла и скоро совсѣмъ прекратилась. Другая же полурота, оставшаяся въ Праводскомъ лагерѣ въ Іюлѣ 1829 года, потерпѣла отъ чумы столько же, если не болѣе. Командовавшій ею поручикъ Левицкій остался живъ; но люди почти всѣ померли отъ чумы, такъ что наконецъ некому было водить лошадей на водопой, и ихъ гоняли гономъ. Въ такомъ положеніи они пробыли до осени, а зимою стояли въ Балканахъ, гдѣ чума прекратилась; съ наступленіемъ же весны 1830 года пришли къ Силистріи, гдѣ и поджидали насъ въ лагерѣ. Свиданіе наше было радостное. Насъ осталось прежнихъ только трое: Жиленковъ, Левицкій и я; а столько же: подполковникъ Раевскій, штабсъ-капитанъ Лишинъ и прапорщикъ Саблинъ, померли. Въ лагерѣ подъ Силистріей мы отдыхали, проводили время довольно весело; продовольствіе получали изъ города, гдѣ были торги и привозъ съѣстныхъ припасовъ изъ-за Дуная, изъ Валахіи и изъ Болгарскихъ селеній. Въ половинѣ Іюня пріѣзжалъ генералъ Ротъ смотрѣть нашу дивизію, такъ какъ онъ остался главнымъ начальникомъ Задунайскихъ войскъ. Фельдмаршалъ же Дибичъ уѣхалъ въ Россію; прощаясь со своими сослуживцами, генералами и полковыми командирами, онъ былъ очень веселъ, благодарилъ ихъ за службу, при чемъ сказалъ, что онъ всей дѣйствующей въ Европейской Турціи арміи обязанъ своимъ счастіемъ и тоже подтвердилъ приказомъ по арміи. Счастіе однакоже оставило его по пріѣздѣ въ Россію. Онъ спѣшилъ встрѣтить свою жену, которая выѣхала къ нему на встрѣчу; но она чрезъ нѣсколько дней умерла.

Генералъ Ротъ, осмотрѣвъ нашу дивизію, поздравилъ насъ, что мы остаемся на два года подъ Силистріей, для чего и велѣлъ строить бараки. Мы очень пріуныли отъ этого распоряженія: всѣмъ хотѣлось возвратиться въ свои предѣлы. Притомъ мѣстность, нами занимаемая, для здоровья была вредна; частые и сильные вѣтры не дозволяли выходить изъ палатокъ; вслѣдствіе этого я получилъ острый ревматизмъ въ ногѣ, ниже колѣна, который сильно меня безпокоилъ. Вскорѣ однакоже пришелъ приказъ оставить построеніе баракъ и перейти подъ городъ Бабадагъ, который находился верстахъ въ 40 отъ Дуная. Перешедши на новое лагерное мѣсто, отличающееся чистымъ воздухомъ, при сухой погодѣ, болѣзни уменьшились. Бригадный нашъ штабсъ-лѣкарь, Шрейберъ, посовѣтовалъ мнѣ отъ ревматизма съѣздить къ открытой въ 1828 году нашими медиками сѣрной минеральной водѣ близъ городка Мангаліи, которая находилась въ провалѣ, въ верстѣ отъ Чернаго моря. Поручикъ Войничъ получилъ ревматизмъ въ головѣ и даже оглохъ, почему и ему также нужно было лѣчиться. Онъ присоединился ко мнѣ, и мы, взявъ съ собою Александра Ермолаева, отправились. Переѣздъ этотъ совершили благополучно; но пріѣхавъ въ Мангалію, мы не могли отыскать хлѣба, исключая какихъ-то сухихъ опрѣсноковъ, которые можно было ѣсть только въ сильный голодъ. Къ счастію нашему, около Мангаліи и не болѣе какъ въ верстѣ стояла лагеремъ егерская рота. Войничъ отправился къ капитану и, узнавъ въ немъ своего знакомаго, выговорилъ, чтобы намъ давали чернаго хлѣба (который пекли для солдатъ) пока мы будемъ пользоваться водами. Каждый день ходилъ я изъ палатки, въ которой мы расположились на пригоркѣ близъ зем-

лянокъ егерской роты, купаться въ минеральной водѣ. Для этого должно было спускаться въ глубокій провалъ по лѣстницѣ. На днѣ провала былъ довольно большой резервуаръ очень холодной сѣрной воды, чрезвычайно прозрачной. Глубина резервуара по срединѣ была неизслѣдована. Длинные шесты, коими хотѣли достать до дна, оказались коротки. Посидѣвъ около берега минутъ 15, я возвращался въ палатку, гдѣ отдыхалъ съ часъ; въ это время на больной ногѣ, гдѣ былъ ревматизмъ, проявлялся сильный потъ, и съ каждымъ разомъ болѣзнь облегчалась. Не такъ было съ моимъ товарищемъ, имѣвшимъ ревматизмъ въ головѣ. Онъ оглохъ и не чувствовалъ облегченія. По прошествіи двухъ недѣль, ревматизмъ, бывшій въ колѣнкѣ ноги моей, прошелъ совершенно, и мы возвратились въ лагерь при Бабадагѣ въ началѣ Августа. Къ этому времени внесена была Турецкимъ правительствомъ часть контрибуціи, слѣдовавшая къ полученію на основаніи мирнаго Адріанопольскаго трактата, въ числѣ тайныхъ статей онаго. Поэтому нашу бригаду и 4 пѣхотные полка нашей дивизіи назначили на зимовку въ Бессарабскую область, а оставлена была только егерская бригада въ Силистріи до заплаты остальной части контрибуціи. Въ Сентябрѣ 1830 года посланъ былъ я для занятія квартиръ для 2-й легкой роты. Пѣхотные полки, отъ значительной убыли, были не сильнѣе какъ по 400 человѣкъ или около въ каждомъ. Артиллерія же была укомплектована, частію изъ пѣхоты и изъ рекрутъ. Въ карантинѣ смертность значительно усилилась отъ истощенія людей и разныхъ болѣзней. Начальникъ корпуса, генералъ Ротъ, разсердившись на медиковъ за то, что смертность не уменьшается и полагая оказать помощь истощеннымъ, приказалъ скупить около карантина гусей, утокъ и другую живность для того, чтобы выдавать ее истощеннымъ людямъ въ пищу; но это нисколько не помогло; напротивъ, отъ отягощенія желудковъ, и безъ того слабыхъ, смертность значительно усилилась.

Приложеніе къ стр. 418-й.

Воспоминаніе 1849 года.

Русскія войска, предводимыя своимъ маститымъ полководцемъ фельдмаршаломъ княземъ Варшавскимъ, двигались на помощь нашей старой союзницѣ-сосѣдкѣ для укрощенія разъѣдавшаго ее мятежа доблестныхъ Венгерскихъ магнатовъ. Путь лежалъ черезъ Галицію. И вотъ, только что мы переступили границу, на одной изъ первыхъ дневокъ, главная квартира остановилась въ одномъ мѣстечкѣ (не запомню его прозванія), надъ которымъ высился роскошный зàмокъ владѣльца, графа Залускаго.

Не успѣли мы стать на привалъ, какъ внезапно разнесся слухъ, что, по приказанію фельдмаршала, графъ Залускій арестованъ и отправленъ подъ конвоемъ въ Варшаву. Чтò? какъ? зачѣмъ? встрепенулись всѣ. Пошли догадки, разспросы. И отъ очевидцевъ приключившагося событія, и отъ современниковъ Турецкой кампаніи 1828—29 годовъ и Польской кампаніи 1831 года (а ихъ тогда еще было немало въ штабѣ главнокомандующаго), наконецъ, удалось узнать обстоятель-

ства, немедленно разъяснившія сдѣланное фельдмаршаломъ распоряженіе.

Обстоятельства были слѣдующія:

Въ 1828 году, во время осады Варны, въ свитѣ Государя состоялъ между прочими флигель-адъютантъ полковникъ графъ Залускій. Въ одинъ изъ дней осады потребовалось послать отрядъ на рекогносцировку или въ подкрѣпленіе, и отрядъ этотъ, сформированный немедленно изъ лейбъ-гвардіи егерскаго полка, одного баталіона Финляндцевъ и уланскаго дивизіона при 4 орудіяхъ, было поручено вести въ дѣло флигель-адъютанту графу Залускому.

Графъ Залускій, оставшись самъ съ уланами и артиллеріей на мѣстѣ, двинулъ лейбъ-егерей къ мѣстечку Гаджи-Гасанъ-Лару, гдѣ, какъ извѣстно, они наткнулись на сильную засаду вчетверо сильнѣйшаго непріятеля, и большая часть изъ нихъ была перебита и перерѣзана, въ томъ числѣ и самъ командиръ полка. По взятіи Варны, современники еще помнили эту злополучную мѣстность, гдѣ нашли груды обезглавленныхъ труповъ.

Не упомню, что̀ сталось съ Залускимъ послѣ дѣла подъ Гаджи-Гасанъ-Ларомъ, но два года спустя *бывшій флигель-адъютантъ и полковникъ Русской службы* очутился однимъ изъ рьяныхъ предводителей Польскихъ легіоновъ и однажды, въ припадкѣ патріотическаго воодушевленія, публично заявилъ о своихъ правахъ на довѣренность своихъ согражданъ: *права эти*, какъ онъ объяснялъ, *стяжалъ онъ среди самой службы своей презрѣнному Москалю*, *загнавъ*, *подъ Варной*, *въ завѣдомо имъ устроенную засаду цѣлый гвардейскій полкъ*, *отъ котораго не уцѣлѣло ни одного человѣка!* Надъ героемъ-патріотомъ наряженъ былъ у насъ судъ, и онъ заочно былъ присужденъ къ смертной казни.

Но кампанія кончилась; войска Польскія, оттѣсненныя къ Прусской границѣ, были обезоружены и разбрелись по Западу, а графъ Залускій вскорѣ вернулся въ свое Галиційское помѣстье, и тутъ-то (чрезъ много лѣтъ) его застало нежданное посѣщеніе...

Слухи объ арестѣ и препровожденіи измѣнника въ Варшаву внезапно разнеслись въ одно прекрасное утро по городу; но вмѣстѣ извѣстіе это долетѣло и до Вѣны. Нарушеніе международнаго права, злоупотребленіе грубой силы, чего-чего не прогремѣло тогда въ Вѣнѣ! Выпрямился посолъ графъ Буоль, прискакалъ изъ Вѣны самъ князь Шварценбергъ; словомъ, дѣло, казалось, было ближе къ стычкѣ съ самими друзьями Австрійцами, чѣмъ съ мятежниками Мадьярами.

Все однакоже уладилось. Графу Залускому въ крѣпости Иванъ-городѣ была прочтена сентенція военнаго суда, произведенъ надъ нимъ обрядъ разжалованья, а затѣмъ онъ былъ отвезенъ подъ конвоемъ на границу, гдѣ ему возвратили свободу вернуться въ свое помѣстье.

Тѣмъ и кончился припоминаемый нами эпизодъ, которому эпиграфомъ можно бы поставить: «чего на свѣтѣ не бываетъ!»

B. N.

(Московскія Вѣдомости 1877, № 252).

Замѣтки и поправки.

1.

(Къ стр. 337).

Къ существующей въ настоящее время церкви Похвáлы Пресвятыя Богородицы, близъ Каменнаго моста и Волхонки, была приписана въ 1815 году церковь Всѣхъ Святыхъ, которая, по распоряженію Святѣйшаго Синода, сломана въ 1838 году.

Церковь Всѣхъ Святыхъ находилась отдѣльно отъ церкви Похвалы Богородицы, противу Всесвятскаго переулка, идя отъ Каменнаго моста, въ началѣ бывшаго Лѣснаго ряда, на углу находившагося въ то время Алексѣевскаго дѣвичьяго монастыря; а по теперешнему въ началѣ мѣстности, составляющей обширный дворъ храма Христа Спасителя.

2.

	Напечатано.	Надо.
Стр. 297. строка 15 св.	Ставропольской	Симферопольской.
— 302.	Про начальника Черноморскихъ казаковъ ошибочно сказано, что онъ происходилъ отъ Запорожцевъ. Отецъ его прозванъ былъ Завадовскимъ отъ того, что арендовалъ войсковые рыбные заводы.	
— 304. строка 16 св.	Атакуни	Ашакуни.
— — « 1 сн.	раскрытыми	закрытыми
— 307. «	вмѣсто Гуримова и Гуримовыхъ	Гурамова и Гурамовыхъ.
— — «	Мирзоевыхъ, люди коихъ оскорбили прахъ *Гиви* Гурамова, не слѣдуетъ смѣшивать съ братьями Мирзоевыми, упомянутыми выше на 304 стр.	
— — « 1 сн.	Сарскихъ	Сирскихъ
— — « — «	святою иконою	святою Ниною.

„РУССКІЙ МІРЪ"

ВЪ 1878 ГОДУ.

(Восьмой годъ).

Выходитъ безъ предварительной цензуры, ежедневно, въ форматѣ большаго газетнаго листа.

Газета «Русскій Міръ», какъ по составу сотрудниковъ, по полнотѣ программы, такъ и по значительному кругу подписчиковъ и читателей, занимаетъ, мы можемъ сказать, одно изъ первыхъ мѣстъ въ ряду ежедневныхъ Русскихъ изданій.

Будучи истинно-русскою по направленію, газета наша вмѣстѣ съ тѣмъ всегда оставалась полною и многостороннею по содержанію.

«Русскій Міръ» первый изъ всей Русской печати оцѣнилъ какъ слѣдуетъ важность событій, готовившихся на Востокѣ; онъ первый поднялъ твердый, самостоятельный голосъ въ защиту того великаго христіанскаго дѣла, за которое бьется теперь наша доблестная Русская армія. Начиная съ первыхъ вспышекъ Герцеговинскаго движенія до настоящихъ грозныхъ событій, «Русскій Міръ» неуклонно отстаивалъ завѣтные интересы и преданія Русскаго народа, попранныя Турками и ихъ Европейскими друзьями въ потокахъ мученической Славянской крови.

Своимъ твердымъ политическимъ направленіемъ, своими статьями и корреспонденціями, «Русскій Міръ» пріобрѣлъ несомнѣнный авторитетъ въ Россіи и за границею, гдѣ наша газета признается органомъ истинно-русскаго общественнаго мнѣнія. Извѣстно, между прочимъ, что въ Англійскомъ Парламентѣ два раза шла рѣчь объ «Русскомъ Мірѣ»: разъ, во время Сербской войны, по поводу помѣщеннаго у насъ объяснительнаго письма М. Г. Черняева, и затѣмъ еще недавно, по поводу одной изъ нашихъ передовыхъ статей, основанной на важныхъ сообщеніяхъ, доставленныхъ намъ изъ Парижа.

Главною заботою нашею до сихъ поръ было устройство обширнаго и по возможности аккуратнаго отдѣла корреспонденцій съ театра войны. Наши корреспонденты—не только люди, близко стоящіе къ дѣлу, но даже непосредственно участвующіе въ событіяхъ. Располагая самыми вѣрными свѣдѣніями, они не только сообщаютъ любопытные, недоступные постороннимъ факты, но въ талантливыхъ очеркахъ говорятъ и о внутреннемъ бытѣ арміи, отдѣльныхъ эпизодахъ и типахъ, особенностяхъ боевой жизни, ея трудностяхъ, печаляхъ и радостяхъ,—однимъ словомъ обо всемъ томъ, что̀ такъ сильно

занимаетъ и волнуетъ насъ всѣхъ въ настоящее время. Многіе изъ этихъ очерковъ остались конечно въ памяти нашихъ читателей: таковы очерки Всевол. Вл. Крестовскаго, П. Петрова (Монтеверде), Веселитскаго-Божидаровича, капитана Кириллыча (псевдонимъ), И. Я. В—ка, М. А. Терентьева и другихъ.

Военныя статьи «Русскаго Міра» давно уже оцѣнены конечно по достоинству; статьи эти пишутся знатокомъ своего дѣла, бывшимъ на мѣстѣ борьбы за Дунаемъ и принимавшимъ также личное участіе въ Сербско-Турецкой войнѣ.

Въ числѣ нашихъ сотрудниковъ, сверхъ поименованныхъ выше, мы можемъ назвать проф. Д. И. Иловайскаго, политическія письма котораго обращаютъ на себя заслуженное вниманіе печати Русской и иностранной; Н. Я. Данилевскаго, извѣстнаго автора книги «Россія и Европа»; г-жу Кохановскую, извѣстную писательницу, помѣстившую у насъ, между прочимъ, «Севастопольскіе очерки» и др.

Отдѣлъ внутренній, финансовый и экономическій, ведется у насъ по прежнему съ знаніемъ дѣла и практическою трезвостью взгляда. Экономическія статьи нашей газеты, принадлежащія перу опытнаго финансиста, не проходили незамѣченными въ свѣдущихъ сферахъ общества. Торговыя извѣстія и телеграммы будутъ помѣщаться у насъ съ прежнею аккуратностью два раза въ недѣлю, а курсы — ежедневно.

Въ отдѣлѣ беллетристики—повѣстей, разсказовъ и очерковъ, кромѣ вышеупомянутыхъ, помѣщены были еще въ «Русскомъ Мірѣ» въ теченіе прошедшаго года, между прочимъ, слѣдующія произведенія:

1) Разсказы Русскаго эмигранта объ Америкѣ. 2) Жертва, разск. М. С. Илера. 3) Просѣкъ въ Шипкѣ, разск. Каравелова. 4) Расправа, разсказъ его же. 5) За Дунаемъ, очерки М. А. Терентьева. 6) Мексиканскіе разсказы Л. Біара. 7) Разсказы о Черногоріи: князь Николай, Лука Пиперъ, И. Вацлика. 8) Милица, повѣсть въ трехъ частяхъ изъ Сербской жизни, К. Кирилыча. 9) Болгарская королева, разсказъ. 10) Два очерка, Н. С. Лѣскова. 11) Памятная ночь, разсказъ Троллопа. 12) Кларнетистъ, разсказъ А. М—и. 13) Раненый, разсказъ А. Молчанова. 14) Сотникъ Голдинъ. 15) Нашъ сосѣдъ, разсказъ Кирилыча. 16) Въ плѣну, разсказъ, и многіе другіе.

Напомнимъ также объ обширной повѣсти Вс. Крестовскаго, подъ заглавіемъ «Дѣды», помѣщенной въ 1875 году.

Для большаго развитія и расширенія этого важнаго для публики литературнаго отдѣла, мы предполагаемъ съ будущаго года выпускать, въ случаѣ накопленія матеріала, «Отдѣльныя литературныя приложенія». Сюда войдутъ повѣсти, разсказы, очерки Русскихъ и иностранныхъ писателей, статьи о театрѣ и музыкѣ, библіографическія статьи, историческія, литературныя и общественныя замѣтки, и наконецъ подробное критическое обозрѣніе текущей литературы.

Въ виду улучшенія и расширенія, такимъ образомъ, программы газеты и въ виду значительности расходовъ (при низкомъ курсѣ) на корреспондентовъ съ театра войны, находимъ необходимымъ прибавить плату за пересылку, при чемъ газета все же остается самою недорогою изъ всѣхъ большихъ столичныхъ газетъ.

Полугодовые подписчики получаютъ одну оперу изъ этой рубрики. Слѣдующія за симъ преміи они могутъ получить только съ соотвѣтственной приплатой, или одну оперу, аранжированную въ 4 руки.

Желающіе могутъ замѣнить эту премію безсмертною оперою М. И. Глинки

«ЖИЗНЬ ЗА ЦАРЯ».

Но въ этомъ случаѣ контора журнала покорнѣйше проситъ прислать въ оную письменныя заявленія не позже 1 Марта 1878 года.

Пропустившіе этотъ срокъ приплачиваютъ за полученіе этой послѣдней преміи одинъ рубль серебромъ къ подписной цѣнѣ.

II. Газету театра, музыки и изящныхъ искусствъ, выходящую еженедѣльно по воскресеньямъ (50 нумеровъ въ годъ), при чемъ каждый нумеръ заключаетъ въ себѣ полтора листа убористой печати, съ красиво и роскошно отдѣланной виньеткой и весьма интересенъ по содержанію, состоящему изъ біографій, монографій, библіографій, критики, беллетристики, поэзіи, корреспонденцій изъ всѣхъ частей свѣта, новостей, анекдотовъ и т. д.

Такъ какъ газета высылается всѣмъ подписчикамъ на ноты (годовымъ и полугодовымъ) въ видѣ безплатной преміи, то подписка на однѣ ноты безъ газеты не принимается.

Условія подписки:

На годъ безъ доставки 10 руб.; съ доставкою и пересылкою 11 руб. 50 коп.; на полгода, съ 1-го Января или съ 1-го Іюля,—безъ доставки 6 руб., съ доставкою и пересылкою 7 рублей.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ: въ конторѣ журнала, на Невскомъ проспектѣ, у Казанскаго моста, д. Лѣсникова, № 27, надъ Милютинымъ Рядомъ и во всѣхъ музыкальныхъ и книжныхъ магазинахъ.

Въ Москвѣ, въ провинціи и за границей: во всѣхъ извѣстныхъ музыкальныхъ и книжныхъ магазинахъ.

Подписавшимся въ конторѣ журнала онъ будетъ высланъ съ первою отходящею почтою; контора не можетъ принять на себя отвѣтственность за могущую произойдти задержку или медленность въ высылкѣ журнала при подпискѣ въ другихъ мѣстахъ.

Подписка съ разсрочкою платежа подписныхъ денегъ по третямъ, или по рублю въ мѣсяцъ принимается исключительно въ конторѣ журнала.

Желающіе ближе ознакомиться съ содержаніемъ журнала и получить пробный нумеръ, благоволятъ прислать въ контору заявленіе и полтора рубля почтовыми марками.

Отдѣльные нумера журнала продаются въ конторѣ по 1 р. 50 к.

Въ Январской тетради «Музыкальнаго Свѣта» 1878 года будутъ помѣщены между прочимъ:

А. Н. Сѣрова—Полька-фантазія, нигдѣ еще не напечатанная, аранжированная для фортепіано въ четыре руки Н. П. Карцовымъ.

Аделины Патти—романсъ Il baccio d'addio (Прощальный поцѣлуй), пѣтый г. Николини.

Кромѣ того въ составъ журнала 1878 года войдетъ первая часть школы для пѣнія П. Віардо-Гарсіа, принятой какъ руководство въ нашей Консерваторіи, въ Русскомъ переводѣ.

Редакція ставитъ себѣ задачею—знакомить подписчиковъ со всѣми выдающимися произведеніями отечественной и иностранной музыкальной литературы, классической и новѣйшей.

На газету театра, музыки и изящныхъ искусствъ принимается отдѣльная подписка на слѣдующихъ условіяхъ:

На годъ безъ доставки 4 руб. 50 коп., съ доставкою и пересылкою 5 руб. 50 к.; на полгода безъ доставки 2 руб. 50 коп., съ доставкою и пересылкою 3 руб.

Въ видѣ безплатной преміи подписчики на одну газету получаютъ:

Годовые—двѣнадцать, а полугодовые—шесть музыкальныхъ пьесъ по выбору редакціи, стоимость которыхъ превыситъ цѣну подписки на газету.

Газета «Музыкальный Свѣтъ», единственный въ Россіи спеціальный органъ, является положительною необходимостью для музыкантовъ, антрепренеровъ, актеровъ и всѣхъ лицъ, причастныхъ музыкальному и театральному дѣлу, по разнообразію же содержанія представляетъ интересное чтеніе и для посторонней публики.

Отдѣльные нумера газеты, по десяти коп. за нумеръ, продаются въ конторѣ журнала, у разносчиковъ и во всѣхъ театрахъ.

Примѣчаніе. Всѣмъ безъ исключенія магазинамъ, принимающимъ подписку на журналъ и газету «Музыкальный Свѣтъ», дѣлается уступка въ слѣдующемъ размѣрѣ:

Съ годоваго подписчика—на журналъ 50 коп.; на газету 30 коп.; съ полугодоваго подписчика—на журналъ 30 коп., на газету 20 коп.

Доставляющимъ въ контору сразу не менѣе десяти подписчиковъ дѣлается уступка съ каждаго подписчика въ двойномъ противъ показаннаго выше размѣрѣ.

Во избѣжаніе недоразумѣній покорнѣйше просимъ внимательно читать это объявленіе.

Отвѣтственный Редакторъ-Издатель *Н. П. Карцовъ.*

ОБЪ ИЗДАНІИ ВЪ 1878 ГОДУ ЖУРНАЛА

„ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“.

Иллюстрированный журналъ «Живописное Обозрѣніе» издается еженедѣльно въ форматѣ большихъ иностранныхъ иллюстрацій не менѣе двухъ листовъ въ каждомъ нумерѣ по слѣдующей программѣ: 1) романы, повѣсти, разсказы, очерки и біографіи; 2) драмы и драматическія сцены; 3) поэмы, сказки и мелкія стихотворенія; 4) иллюстрированныя путешествія; 5) этнографическіе очерки; 6) статьи

научнаго содержанія; 7) новости изъ области наукъ и искусствъ; 8) телеграммы; 9) смѣсь; 10) шахматный листокъ.

Гг. подписчики, кромѣ 52 нумеровъ «Живописнаго Обозрѣнія», получаютъ ежемѣсячное, безплатное иллюстрированное приложеніе «Жизнь и Хозяйство», составляющее большой отдѣльный томъ, заключающій въ себѣ статьи по отдѣламъ: 1) гигіены человѣка и животныхъ; 2) сельскаго хозяйства; 3) домоводства; 4) садоводства; 5) огородничества; 6) лѣсоводства; 7) пчеловодства; 8) рыболовства; 9) овцеводства; 10) птицеводства и 11) разнообразныя практическія свѣдѣнія, кухонные рецепты и наставленія о первоначальной помощи заболѣвающимъ.

Кромѣ того гг. подписчики на 1878 г. получаютъ безплатныя преміи, состоящія изъ лучшихъ, вполнѣ заключенныхъ, беллетристическихъ произведеній Русскихъ и иностранныхъ авторовъ съ отдѣльными иллюстраціями на веленевой бумагѣ.

Кромѣ означенныхъ премій, редакція имѣетъ въ виду разослать въ видѣ преміи картину «Взятіе Константинополя».

Въ журналѣ «Живописное Обозрѣніе» на 1878 годъ примутъ дѣятельное участіе своими трудами слѣдующія лица: П. В. Быковъ, С. П. Воскресенская, А. Егоровъ, И. Н. Захарьинъ (Якунинъ), С. М. Крапивина, Н. Н. Каразинъ, Н. Б. Куроѣдовъ, Л. Леванда, А. Майковъ, Д. Л. Мордовцевъ, В. И. Немировичъ-Данченко, И. В. Омулевскій, П. П. Пашино, В. Славянскій, К. М. Станюковичъ, Н. П. Стремоуховъ, Н. А. Чмыревъ, В. В. Чуйко, С. С. Шашковъ, А. К. Шеллеръ (А. Михайловъ), Н. В. Шелгуновъ, Н. И. Шульгинъ, г-жа Юрьева и другіе.

Редакція «Живописнаго Обозрѣнія» имѣетъ въ своемъ распоряженіи для печатанія въ теченіи будущаго года романъ Э. Гонкура, разсказы А. Додэ и Э. Золя и статьи Вирхова, Геккеля, Гольцендорфа, Карла Фогта и др.

Сверхъ того предполагается печатать въ теченіи года иллюстрированныя сказки Боккачіо (Декамеронъ), въ переводѣ Н. И. Шульгина, «Похвальное слово глупости» Эразма, въ переводѣ А. К. Шеллера (А. Михайлова) и, если позволитъ мѣсто, «Комическій романъ» Скарона.

Въ художественномъ отдѣлѣ будутъ помѣщаться гравюры различныхъ извѣстныхъ Русскихъ и иностранныхъ художниковъ, отъ 4 до 8 гравюръ въ каждомъ нумерѣ.

Цѣна безъ доставки и пересылки на годъ 6 руб., на полгода 3 р. 50 к., съ доставкою и пересылкою на годъ 7 р., на полгода 4 р.

Подписка на 1878 г. открыта и принимается въ конторѣ редакціи въ С.-Петербургѣ.

АЗБУЧНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

СОБСТВЕННЫХЪ ИМЕНЪ,

УПОМИНАЕМЫХЪ

ВЪ ТРЕТЬЕЙ КНИГѢ РУССКАГО АРХИВА

1877 года.

(Тетради 9, 10, 11 и 12).

РОСПИСЬ

СОДЕРЖАНІЮ

РУССКАГО АРХИВА

ЗА ПЕРВЫЯ ПЯТНАДЦАТЬ ЛѢТЪ ЕГО ИЗДАНІЯ.

1863—1877.

Приложеніе къ 12-й тетради Русскаго Архива 1877 года.

МОСКВА.
Типографія Лебедева, Донская, домъ Зоркиной
1877.

*

Въ теченіи первыхъ одинадцати лѣтъ (1863—1873) годовое изданіе Русскаго Архива составляло одну книгу, съ особымъ счетомъ страницъ и съ азбучнымъ указателемъ; но распространявшійся объемъ Русскаго Архива представлялъ неудобства въ азбучномъ указателѣ, такъ какъ число страницъ выходило слишкомъ велико. Поэтому въ 1874 году Русскій Архивъ составилъ уже двѣ книги, а съ 1875 года составляетъ три книги, каждая со своимъ счетомъ страницъ и указателемъ.

Въ нижеслѣдующей Росписи, при статьяхъ 1874—1877 гг. означено Римскою цифрою, въ какой книгѣ искать статью. Находящіяся *передъ* статьями Арабскія цифры означаютъ послѣдовательный порядокъ статей, а такія же цифры *сзади* статей указываютъ на годъ и страницу книги. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ попадаются возбуждающія недоумѣніе страницы съ нулями впереди; ихъ надо искать вблизи тѣхъ же страницъ безъ нулей. (Посредствомъ нулей приходилось возстановлять счетъ страницъ, нарушенный постороннею рукою).

Русскій Архивъ 1863, 1864 и 1865 печатался и вторымъ изданіемъ; но въ теперешней Росписи указанія страницъ относятся къ первымъ изданіямъ.

*

Содержаніе пятнадцати лѣтъ Русскаго Архива, или 22 книгъ, распредѣлено въ настоящей Росписи на слѣдующіе 22 отдѣла:

I. Петръ Великій и первые его преемники.
II. Анна Іоанновна.
III. Елисавета Петровна.
IV. Елисаветино время и люди.
V. Петръ Третій.
VI. Екатерина Вторая (лично).
VII. Письма Екатерины Второй къ разнымъ лицамъ.
VIII. Екатеринино время.
IX. Люди Екатеринина времени.
X. Павелъ Петровичъ.
XI. Марія Θеодоровна.
XII. Александръ Павловичъ.
XIII. Александрово время.
XIV. 1812—1815 годы.
XV. Люди Александрова времени.
XVI. Два послѣднія царствованія.
XVII. Люди двухъ послѣднихъ царствованій.
XVIII. Русскіе писатели.
XIX. Допетровская старина.
XX. Старообрядчество.
XXI. Генеалогія.
XXII. Библіографія и Смѣсь.

Такимъ образомъ можно обозрѣть все содержаніе историческаго запаса, напечатаннаго въ теченіи 15 лѣтъ въ нашемъ изданіи. Кромѣ того, для удобства отысканія нужной статьи помѣщенъ вслѣдъ за Росписью азбучный указатель,

который даетъ возможность найти искомое имя; цифра послѣ имени, находящаяся въ этомъ указателѣ, относится къ передовой цифрѣ Росписи.

Въ эту Роспись включены также статьи изъ четырехъ книгъ «Осмнадцатаго Вѣка» и двухъ книгъ «Девятнадцатаго Вѣка», такъ какъ оба сборника эти служили пополненіемъ Русскому Архиву.

Въ 1863 году къ Русскому Архиву приложены были два Указателя: къ Русской Бесѣдѣ и къ Русскому Вѣстнику.

Въ 1864 году такіе же Указатели къ Библіографическимъ Запискамъ и къ Запискамъ Храповицкаго, Описаніе патріаршей библіотеки 1718 года, рисунокъ къ статьѣ графа Уварова (Образъ Ангела Хранителя) и снимки съ древнихъ вещей, хранившихся въ Чертковской библіотекѣ.

Въ 1866 году портретъ Екатерины Второй въ траурномъ одѣяніи и Указатель къ повременнымъ изданіямъ Московскаго Общества Исторіи и Древностей (1815—1865).

Въ 1867 году портретъ К. Н. Батюшкова.

Въ 1868 году Роспись содержанію Русскаго Архива за первыя пять лѣтъ изданія.

Въ 1872 году портретъ Петра Великаго большаго размѣра (раздавался отдѣльно) и Роспись содержанію Русскаго Архива за первыя десять лѣтъ изданія.

Въ 1874 году гравированные портреты князя В. Ѳ. Одоевскаго и Ѳ. И. Тютчева.

Кромѣ того, съ Русскимъ Архивомъ 1863 и 1864 годовъ разослано получателямъ 55 листовъ подробнаго систематическаго каталога Чертковской библіотеки, хранителемъ которой былъ издатель Русскаго Архива и при которой Русскій Архивъ издавался до 1872 года включительно. *П. Б.*

Роспись содержанію Русскаго Архива за 1863—1877 годы.

I. Петръ Великій и первые его преемники.

1. Первоначальное образованіе Петра Великаго (по новооткрытымъ бумагамъ). Статья Н. Н. Астрова. **1875**. II, 470; III, 90 и 212.
2. Глава изъ біографіи Петра Великаго. (Первые годы жизни). Статья академика М. П. Погодина. **1872**. 2045.
3. Петръ Великій въ Парижѣ, статья М. П. Полуденскаго. **1865**. 675.
4. Записки графа Бассевича, служащія къ поясненію нѣкоторыхъ событій изъ времени царствованія Петра Великаго (1713—1725). Переводъ съ Французскаго И. Ѳ. Аммона. **1865**. 1, 141 и 567.
5. Записки Вебера о Петрѣ Великомъ и объ его преобразованіяхъ, въ переводѣ съ Нѣмецкаго, съ предисловіемъ и примѣчаніями Н. П. Барсова. **1872**. 1057, 1334 и 1613.
6. Петръ Великій и финансистъ Лау. (Изъ неизданнаго сочиненія М. Ѳ. Орлова). **1874**. I. 1578.
7. Петръ Великій, первый овцеводъ на югѣ Россіи. Статья Г. П. Данилевскаго. **1873**. 02288.
8. Россія при Петрѣ Великомъ. (Новооткрытыя Записки секретаря Прусскаго посольства въ Россіи Фокерода). **1873**. 1360.
9. Отзывъ Петра Великаго объ отношеніяхъ нашихъ къ Европѣ (изъ бумагъ графа А. И. Остермана). **1874**. I. 1579.
10. Разсказъ Петра Великаго о Никонѣ, съ примѣчаніемъ протоіерея Петра Алексѣева. **1863**. 697.
11. Одинъ изъ указовъ Петра Великаго противъ пьянства. (Сообщено отцомъ архимандритомъ Леонидомъ). **1875**. II. 43.
12. Рескрипты и указы императора Петра 1-го къ Лифляндскимъ генералъ-губернаторамъ: Полонскому, князю Голицыну и князю Репнину. 1711—1724. **18-й В.IV**. 1.
13. Шуточный патентъ Петра Великаго думному дворянину Прокопію Ушакову. **1865**. 673.
14. Письма Петра Великаго къ князю Ѳедору Юрьевичу Ромодановскому. **1865**. 635.
15. Письмо Петра Великаго къ князю М. М. Голицыну о разведеніи буковыхъ деревьевъ. **1868**. 106.
16. Одинъ изъ собственноручныхъ указовъ Петра Великаго, какъ бить зорю. **1868**. 105.
17. Пункты о Петергофѣ, писанные Петромъ Великимъ. **1863**. 660.
18. Просьба Петра Апраксина о графскомъ титулѣ и рѣшеніе Петра Великаго. **1863**. 903.
19. Приказъ, отданный Петромъ Великимъ воинству своему въ день Полтавскаго сраженія Іюня 27 дня 1709 г. **1871**. 186.

1*

20. Печать Антихриста. (Письмо Петра Великаго къ князю Я. Ѳ. Долгорукому). Съ предисловіемъ Г. Н. Александрова и съ рисункомъ. **1873.** 2068.
21. Еще о печати Антихриста (подлинное доказательство клейменія рекрутъ). Г. Н. Александрова. **1873.** 02296.
22. Домъ, гдѣ жилъ Карлъ XII подъ Полтавою. Замѣтка Л. Коростовцева. **1869.** 1721.
23 Малороссійское преданіе объ образѣ Покрова Божіей Матери и паденіи гетмана Мазепы предъ Покровской церковью въ Переяславлѣ, статья А. В. Терещенки. **1865.** 1119.
24. Икона въ селѣ Жукахъ (память Шведскаго нашествія). Замѣтка И. К. Павловскаго. **1875.** II. 27.
25. Прошеніе Петру Великому танцовальнаго учителя Стефана Рамбурха. **1867.** 1187.
26. Письмо Якова Брюса къ Петру Великому о крѣпостныхъ строеніяхъ. **1867.** 1185.
27. Малоизвѣстный анекдотъ о Петрѣ Великомъ (высасываетъ рану у ксендза). **1867.** 1341.
28. Дѣло о дьячкѣ Васильѣ Ефимовѣ, сожженномъ за ложное чудо въ 1721 году. **1867.** 1708.
29. Къ исторіи сношеній Россіи съ Черногоріею при Петрѣ Великомъ. (Сообщено П. И. Савваитовымъ). **1875.** III. 310.
30. Безпечальный монастырь. Легенда о Петрѣ Великомъ. **1864.** 988.
31. О приложенной къ Русскому Архиву 1872 года большой гравюрѣ съ портретомъ Петра Великаго. **1872.** 1215.
32. Письмо къ издателю отъ княжны В. Н. Репниной (о портретѣ Петра Великаго). **1872.** 1982.
33. Псевдо-портретъ Петра Великаго, замѣтка А. А. Васильчикова въ отвѣтъ г-ну Стасову. **1877.** II. 95.
34. Распоряженіе Правительствующаго Сената о письмахъ и бумагахъ Петра Великаго. (По донесенію Крекшина). 1751 года. Сообщено С. М. Соловьевымъ. **1873.** 776.
35 Объ изданіи въ свѣтъ полнаго собранія писемъ и рукописей Петра Великаго. **1873.** CLIV.
36. Черты изъ исторіи книжнаго просвѣщенія при Петрѣ Великомъ. Переписка директора Московской Синодальной типографіи Ѳеодора Поликарпова съ начальникомъ Монастырскаго Приказа графомъ И. А. Мусинымъ - Пушкинымъ (1715—1717). **1868.** 1041.
37. Свѣдѣнія о Васильѣ Кипріановѣ, библіотекарѣ Московской гражданской типографіи при Петрѣ I, съ предисловіемъ М. Д. Хмырова. **1866.** 1291.
38. О граверѣ Шонебекѣ. Статья князя М. А. Оболенскаго. **1870.** 1390.
39. Юрналы и камеръ-фурьерскіе журналы. Библіографическое описаніе С. А. Соболевскаго. **1867.** Въ особомъ приложеніи.
40. О зачатіи и зданіи царствующаго града С.-Петербурга. **1863.** 833.
41. О присягѣ иноземцевъ при Петрѣ Великомъ. Статья Д. В. Полѣнова. **1869.** 1729.
42. Первая супруга Петра I, Евдокія Ѳеодоровна. Статья И. М. Снигирева. **1863.** 541.
43. Память о царицѣ Евдокіи Ѳеодоровнѣ въ Мещовскомъ уѣздѣ, на ея родинѣ. Статья отца архимандрита Леонида. **1873.** 648.

44. Старинная пѣсня о царицѣ Евдокіи Ѳедоровнѣ, съ нотами и замѣткою князя В. Ѳ. Одоевскаго. **1863**. 107.
45. Духовное завѣщаніе Анны Монсъ. (Сообщено Г. Н. Александровымъ). **1875**. I. 0258.
46. По поводу духовнаго завѣщанія Анны Монсъ: Прошеніе Фонъ Миллера, съ предисловіемъ Г. Н. Александрова. **1875**. III. 251.

*

47. Похвальное слово Софронія Лихуды Екатеринѣ I-й, съ замѣткою В. М. Ундольскаго. **1863**. 761.
48. Хозяйственныя распоряженія царевенъ Екатерины Іоанновны и Прасковьи Іоанновны. **1865**. 1411.
49. Книга приходо-расходная комнатныхъ денегъ (червонцевъ) императрицы Екатерины Первой. За 1723—1725 годы. Найдена Г. В. Есиповымъ. **1874**. I. 513.
50. Екатерина Первая. Статья В. В. Андреева. **18-й В**. III. 1.
51. Указы императрицы Екатерины I-й Лифляндскому генералъ-губернатору князю Репнину. 1725—1726. (Извлечено изъ архива канцеляріи Рижскаго генералъ-губернатора Е. В. Чешихинымъ). **18-й В**. IV. 77.
52. Умалишенные при Екатеринѣ Первой. **1876**. II. 360.
53. Подлинное дѣло Новгородскаго архіепископа Ѳеодосія (разстриженнаго и сосланнаго). **1864**. 121.
54. Письма герцогини Голштинской Анны Петровны, императрицы Анны Іоанновны и камеръ-фрау Юшковой къ П. И. Машкову. **1868**. 1861
55. Контръ-адмиралъ Никита Петровичъ Вильбуа (автобіографическія показанія). **1867**. 1188.
56. Абрамъ Петровичъ Ганнибалъ. Статья М. Н. Лонгинова. **1864**. 180.
57. Письма и выписки изъ писемъ С.-Петербургскаго генералъ-полицеймейстера Девіера къ князю А. Д. Меншикову. **1865**. 1233.
58. О Лефортовскомъ дворцѣ въ Москвѣ. Статья Г. Н. Александрова. **1875**. III. 482.
59. Письмо Спафарія къ боярину Головину. **1867**. 308.
60. Духовное завѣщаніе фельдмаршала графа Б. П. Шереметева. (1718). **1875**. I. 86.
61. Поправка и замѣтка къ духовному завѣщанію фельдмаршала графа Б. П. Шереметева. **1875**. I. 310.
62. О бумагахъ фельдмаршала графа Б. П. Шереметева. **1874**. II. 1127.
63. Письмо Русскаго плѣнника въ Швеціи, князя А. Я. Хилкова къ адъютанту Чебышову (1714). Переведено съ Шведскаго и сообщено А. А. Чумиковымъ. **1874**. II. 1.
64. Письма (графа) П. А. Толстаго изъ Турціи къ брату его И. А. Толстому. **1864**. 473.
65. Жизнеописаніе князя А. Д. Меншикова (по новооткрытымъ бумагамъ). Статья Г. В. Есипова. **1875**. II, 233; III, 47, 198 и 477.
66. Дополнительная замѣтка о первыхъ судьбахъ Меншикова. **1875**. III. 108.
67. О Меншиковой башнѣ. Письмо къ издателю Русскаго Архива Д. Д. Филимонова. **1877**. II. 478.
68. Жизнь Ивана Ивановича Неплюева, имъ самимъ описанная, съ предисловіемъ и примѣчаніями Л. Н. Майкова. **1871**. 577.

*

69. Ссылка графа Санти въ Сибирь. **1866**. 273.
70. Письма въ Испанію, о Россіи въ

царствованіе Петра II, дука де Лиріи, бывшаго первымъ Испанскимъ посланникомъ при нашемъ дворѣ. Переводъ съ Испанскаго, священника К. Л. Кустодіева. **18-й В.** книги 2 и 3-я.

71. Росписи царской охоты, утвержденныя императоромъ Петромъ II-мъ. **1869**. 1675.

72. Прошеніе Малороссіянъ императору Петру II-му. **1864**. 493.

73. Замѣтка о портретѣ Петра II-го **1866**. 1347.

II. Анна Іоанновна.

74. Царствованіе Анны Іоанновны (изъ сочиненія Германа), переводъ съ Нѣмецкаго. **1866**. 1, 137, 661, 1349 и 1508.

75. Диспозиція и церемоніалъ торжественнаго въѣзда императрицы Анны Іоанновны въ С.-Петербургъ, 16-го Генваря 1732 г. **1867**. 332.

76. Новыя подлинныя черты изъ частной жизни императрицы Анны: а) Современный разсказъ Н. Ф. Шестаковой, б) частная переписка императрицы Анны съ графомъ С. А. Салтыковымъ. **1873**. 1641.

77. Восемь собственноручныхъ писемъ императрицы Анны Іоанновны (къ А. М. Козодавлевой, Е. И Пашкову и графу А. И. Остерману). **18-й В**. III. 151.

78. Архимандритъ Варлаамъ, духовникъ императрицы Анны Іоанновны. Біографическій очеркъ, сочиненіе архимандрита Леонида, съ приложеніемъ писемъ Варлаама къ императрицѣ Екатеринѣ I-й и указовъ къ нему императрицы Анны. **1874**. I. 568.

79. Борода Тимоѳея Архипыча. Изъ воспоминаній Е. А. Нарышкиной. Семейная легенда, записанная Ѳ. И. Тимирязевымъ. **1874**. I. 612.

80. Русскій генералитетъ въ 1730 году. Статья М. Н. Лонгинова. **18-й В**. III. 161.

81. Донесеніе Московскаго генералъ-губернатора графа С. А. Салтыкова императрицѣ Аннѣ о князьяхъ Долгоруковыхъ. **1866**. 46.

82. Изъ жизни государыни-невѣсты княжны Е. А. Долгоруковой, статья Р. Г. Игнатьева. **1866**. 38.

83. Памятныя записки княгини Натальи Борисовны Долгоруковой (полный текстъ, съ предисловіемъ и примѣчаніями издателя). **1867**. 1.

84. Челобитная княгини Н. Б. Долгоруковой. **1867**. 1167.

85. Поправка и объясненіе (о потомствѣ княгини Н. Б. Долгоруковой). **1869**. 077.

86. Дѣло о князѣ А. А. Черкасскомъ (сосланномъ въ Сибирь). Подлинныя бумаги императрицы Анны и графа Остермана, съ введеніемъ А. Д. Курепина. **1871**. 035.

87. Докладъ императрицѣ Аннѣ князя Шаховскаго (объ отношеніяхъ Нѣмцевъ къ Русскимъ въ службѣ). **1866**. 48.

88. Подлинныя бумаги по дѣлу о убіеніи Шведскаго курьера Синклера, съ предисловіемъ Ю. В. Толстаго. **1866**. 674.

89. Русскіе солдаты въ Пруссіи. **1866**. 1539.

90. Происхожденіе анекдота о Иванѣ Эрнестѣ Биронѣ. Замѣтка Н. С. Шубинскаго. **1874**. I. 01097.

III. Елисавета Петровна.

(лично).

Н. С. Тихонравовымъ. **1872.** 1169.

115. Бумаги первыхъ годовъ Елисаветина царствованія: а) Собственноручная записка императрицы б) Указъ кабинету. в) Упражненія въ словесности великаго князя Петра Θеодоровича. г) Письма великой княжны Екатерины Алексѣевны къ императрицѣ Елисаветѣ. д) Неизданные отрывки Камерфурьерскаго Журнала 1744 г. съ предисловіемъ П. П. Петрова. е) Вѣдомость челобитень, передъ свадьбою великаго князя Петра Θеодоровича. **18-й В.** II. 216.

116. Четыре письма императрицы Елисаветы Петровны къ Θ. С. Вишневскому (о Венгерскихъ винахъ) съ предисловіемъ С. И. Лашкевича. **1870.** 273.

117. Рескриптъ императрицы Елисаветы Петровны въ Парижъ графу Чернышеву, 1761 года (объ отказѣ Бретёля цаловать руку великой княгини Екатерины Алексѣевны). **1870.** 1417.

118. Письмо принца Августа Голштинскаго съ замѣчаніями императрицы Елисаветы и канцлера графа Бестужева-Рюмина **1863.** 906.

119. Собственноручная приписка императрицы Елисаветы съ сохраненіемъ ея орфографіи (на мнѣніи графа А. П. Бестужева о Голштинскомъ принцѣ Августѣ). **1863.** 909.

120. Шесть писемъ А. П. Волынскаго къ цесаревнѣ Елисаветѣ Петровнѣ. **1865.** 323.

121. Два письма Арсенія Мацѣевича къ императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ. **1866.** 50.

122. Совѣтъ Фридриха Великаго императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ (объ угнетеніи Брауншвейгской фамиліи). **1866.** 1541.

123. Письмо Шотландцевъ къ императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ съ просьбою о защитѣ противъ Англіи. **1865.** 487.

124. Черта нравовъ, сто лѣтъ назадъ. (Челобитная Д. Ватазиной императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ и письмо ея къ М. Е. Шуваловой). **1867.** 189.

125. Къ исторіи Семилѣтней войны: 1) Восточная Пруссія подъ Русскимъ владѣніемъ. 2) Рескриптъ императрицы Елисаветы Петровны къ князю Н. В. Репнину. **1873.** LVI.

IV. Елисаветино время и люди.

126. Записки Мессельера о пребываніи его въ Россіи съ Мая 1757 по Мартъ 1759. (Изъ старинной Французской книги). Съ предисловіемъ, примѣчаніями и послѣсловіемъ М. Н. Лонгинова. **1874.** I. 952.

127. Къ исторіи Семилѣтней войны. Записки пастора Теге (въ переводѣ съ Нѣмецкаго, Алексѣя Иларьевича Казановича). **1864.** 1101.

128. Плѣнъ Шведскаго графа Гордта въ Россіи (1759—1762). Заключеніе въ Петропавловской крѣпости при Елисаветѣ Петровнѣ и первыя недѣли царствованія Петра III-го. Извлечено изъ его Записокъ и дополнено Л. Н. Майковымъ. **1877.** II. 294.

129. Письмо канцлера графа Бестужева-Рюмина къ Константинопольскому патріарху о скоромной пищѣ въ посты. **1865.** 1276.

Г. В. Есипова. **18-й В.** III. 280.

155. Изъ подлинныхъ бумагъ Елисаветинскаго царствованія. (Сообщено профессоромъ С. М. Соловьевымъ): 1) Выписки изъ перлюстраціи 1748 и 1749 г. 2) Записка Бестужева объ его ссорѣ съ Тепловымъ. **18-й В.** IV. 87.

V. Петръ Третій.

156. Письма Петра III къ И. И. Шувалову. **1866.** 580.

157. Мнѣніе бывшаго императора Петра III-го, посланное имъ въ Св. Синодъ. **1871.** 2055.

158. Два письма Д. В. Волкова къ Г. Г. Орлову о Петрѣ Третьемъ. **1874.** II. 336.

159. Одно изъ распоряженій Петра Третьяго. (Посылка Саввы Тетюшева для закупки вещей въ чужихъ краяхъ). **1874.** II. 346.

160. Вопросъ о Курляндскомъ герцогствѣ при Петрѣ III. Статья П. К. Щебальскаго. **1866.** 284.

161. О вторичномъ погребеніи Петра III-го. **1871.** 2066.

162. Еще тѣнь Петра III-го (самозванство въ Кіевѣ 1788). **1871.** 2055.

VI. Екатерина Вторая.

(лично).

163. Свѣдѣнія изъ С.-Петербургскихъ Вѣдомостей о пребываніи въ Россіи княгини Ангальтъ-Цербской. Извлечено М. Д. Хмыровымъ. **18-й В.** I. 423.

164. Екатерина Вторая, новыя свѣдѣнія, письма и бумаги, касающіяся ея родителей и ея пріѣзда въ Россію. (Извлечено издателемъ изъ Московск. Гл. Архива М. Иностр. Дѣлъ) **18-й В.** I. 1.

165. Двѣ замѣтки Екатерины II (о предсмертныхъ мысляхъ императрицы Елисаветы и о желаніи Австрійскаго двора женить великаго князя Константина Павловича на своей принцессѣ). **1863.** 566.

166. Первые пособники Екатерины II. **1864.** 198.

167. Нѣсколько свѣдѣній о первыхъ пособникахъ Екатерины Второй. Статья М. Н. Лонгинова. **18-й В.** III. 343.

168. Еще нѣсколько извѣстій о первыхъ пособникахъ Екатерины II-й. Замѣтки М. Н. Лонгинова. **1870.** 965.

169. «Похожденіе извѣстныхъ Петербургскихъ дѣйствъ». Записка Малороссіянина о восшествіи на престолъ Екатерины Второй. **18-й В.** II. 631.

170. Замѣчанія Французскаго короля Людовика XVI-го и княгини Е. Р. Дашковой на книгу Рюльера о воцареніи Екатерины Второй. **1877.** II. 354.

171. Свѣдѣнія объ офицерахъ конной гвардіи, въ Іюнѣ мѣсяцѣ 1762 г. М. Н. Лонгинова. **1867.** 481.

172. Письма, относящіяся къ восшествію на престолъ Екатерины Второй: а) адмирала Талызина къ Н. И. Панину; б) графа Дивіера къ Е. И. Шарогородской. (Сообщено княземъ М. А. Оболенскимъ). **18-й В.** II. 634.

173. О премьеръ-маіорѣ Рославлевѣ. Дополнительная замѣтка М. Н. Лонгинова. **18-й В.** III. 491.

174. Первые дни Екатеринина царствованія. Извлечено изъ подлинныхъ бумагъ В. И. Ламанскимъ. **18-й В.** IV. 207.

175. Четыре манифеста о восшествіи на престолъ Екатерины II-й и о кончинѣ Петра III-го. **18-й В.** IV. 216.

176. Три циркулярные указа Россійскимъ министрамъ за первые мѣсяцы Екатеринина царствованія: 1) О движеніяхъ хана Крымскаго. 2) О вторичномъ занятіи Пруссіи Русскими войсками. 3) О заговорѣ Гурьевыхъ и Хрущовыхъ, съ запискою объ ономъ по подлиннымъ бумагамъ. **18-й В.** I. 45.

177. Разсказы Екатерины II-й о первыхъ пяти годахъ ея царствованія. **1865.** 469 и 882.

178. Автобіографическая памятная замѣтка Екатерины II-й (Маскерадъ 1763). **1870.** 1155.

179. О видахъ добра. (Замѣтка Екатерины II-й, написанная для графа А. С. Строганова). **1864.** 587.

180. Нравственные идеалы Екатерины II-й. (Ея замѣтка на экземплярѣ Фенелонова Телемака). **1863.** 938.

181. Записка императрицы Екатерины II-й о дѣтствѣ великаго князя Александра Павловича, составленная для Густава III-го, съ объясненіями профессора Брикнера. **1871.** 1519.

182. Распоряженіе Екатерины II (чтобъ дѣти не забавлялись солдатствомъ). **1865.** 1031.

183. Антидотъ (противоядіе). Полемическое сочиненіе Екатерины II-й, или разборъ книги аббата Шаппа д'Отероша о Россіи. Часть 1-я. Разборъ предисловія. — Отчетъ о путешествіи въ Тобольскъ. — О климатѣ Сибири и прочихъ областей Россіи. — О Русскомъ правительствѣ съ 861 по 1767 г. — О Греческой вѣрѣ. Часть 2-я. Описаніе города Тобольска, его жителей, Русскихъ нравовъ, обычаевъ, обрядовъ и пр. — О домашнихъ и дикихъ звѣряхъ, о птицахъ, о рыбахъ и насѣкомыхъ. — Объ успѣхахъ наукъ и искусствъ въ Россіи, о народномъ характерѣ и о воспитаніи. — О законахъ, о казняхъ и о ссылкѣ. **18-й В.** IV. 225.

184. Поправка, В. Ѳ. Кеневича объ академикѣ Гмелинѣ, упоминаемомъ въ «Антидотѣ» Екатерины II-й. **1870.** 1944.

185. Образчики рѣшеній Екатерины II-й на ежедневныя всеподданнѣйшія просьбы, 1788 годъ. **1864.** 398.

186. О Нѣмецкомъ сочиненіи Екатерины II-й (сказка Обидагъ, переведенная Семеномъ Великимъ). Замѣтка И. И. Ханенки. **1871.** 1272.

187. Замѣтка Екатерины II-й о мѣстѣ ея погребенія. **1871.** 150.

188. Два письма князя Потемкина къ Екатеринѣ II-й объ измѣнѣ ей графа Мамонова. Сообщены П. С. Лебедевымъ. **1865.** 1516.

189. Прошеніе Тульскихъ купцовъ о торговлѣ въ Средиземномъ морѣ, съ поощрительными замѣтками Екатерины II-й. **1870.** 541.

190. Ученая степень Екатерины II-й. Замѣтка М. Ѳ. Шугурова. **1867.** 1262.

191. Генеалогическія занятія императрицы Екатерины Второй (изъ писемъ В. С. Попова къ Я. И. Булгакову). 1793. **1875.** I. 5.

192. Филологическія занятія Екатерины II-й, съ замѣткою С. А. Соболевскаго. **1863.** 940.
193. Еще о трудахъ Екатерины II-й по составленію сравнительнаго словаря. (Письмо графа Безбородки къ Я. И. Булгакову). **1864.** 293.
194. Филологическія занятія Екатерины II-й (Сравнительные словари). Статья академика Я. К. Грота. **1877.** I. 425.
195. Обрядъ при высочайшемъ шествіи Екатерины Второй чрезъ Харьковское намѣстничество, сочиненъ тамошнимъ намѣстникомъ В. А. Чертковымъ. **18-й В.** I. 306.
196. Екатерина Вторая, стихи М. А. Дмитріева. **1866.** 52.
197. Procès-verbal du décès de l'Impératrice Catherine II. (Запись о кончинѣ императрицы Екатерины II-й). Сообщена барономъ М. Л. Боде - Колычовымъ. **18-й В.** II. 638.
198. Частное письмо въ Москву (Т. П. Кирьяка) отъ 9 Ноября 1796 г. о кончинѣ Екатерины II. **1867.** 1266.
199. Духъ Екатерины II-й (Ея отзывы и мнѣнія). **1865.** 1278.
200. Черты Екатерины II-й. Разсказы, записанные П. И. Сумароковымъ. **1870.** 2076.
201. Два анекдота о Екатеринѣ Великой (изъ записной книжки М. М. Евреинова). **1866.** 657.
202. Два письма графа Эстергази изъ С.-Петербурга о свиданіи съ Екатериною Второю. (1791). **18-й В.** I. 352.
203. Записка Екатерины II-й о мѣрахъ къ возстановленію во Франціи королевскаго правительства. **1866.** 399.
204. О приложенномъ къ Русскому Архиву портретѣ Екатерины II въ траурномъ одѣяніи по Елисаветѣ Петровнѣ. **1866.** 132.
205. Слова, произнесенныя М. П. Погодинымъ въ Московской Городской Думѣ, предъ портретомъ Екатерины Второй по поводу открытія ей памятника въ Петербургѣ. **1874.** I. 245.
206. О новооткрытой статуѣ Екатерины II-й. **1870.** 998.
207. Переписка братьевъ Коростовцовыхъ о памятникѣ Екатерины II-й въ Екатеринославлѣ. **1876.** II. 410.
208. Замѣтки на статьи Русскаго Архива. М. Н. Лонгинова (о статуѣ Екатерины II-й и «Драматическомъ Вѣстникѣ»). **1865.** 867.

VII. Письма Екатерины Второй

(въ азбучномъ порядкѣ получавшихъ).

209. Изъ бумагъ Николая Петровича Архарова. Письма къ нему Екатерины II, императора Павла Петровича и Александра Павловича и нѣкоторыхъ правительственныхъ лицъ. **1864.** 873.
210. Два письма Екатерины II-й къ графу А. А. Безбородкѣ. **1870.** 1959.
211. Письма Екатерины II-й къ А. И. Бибикову во время Пугачевскаго бунта. **1866.** 388.
212. Выписки изъ Архива канцеляріи Прибалтійскаго генералъ-губернатора. (Переписка Екатерины II-й съ графомъ Ю. Ю. Броуномъ). Извлечено Е. В. Чешихинымъ. 1) Яиц-

VIII. Екатеринино время.

горуковыхъ, съ послѣсловіемъ Ю. В. Толстаго. **1875.** I. 364.

277. Москва въ 1771 году (бумаги А. А. Саблукова). **1866.** 329.

278. Описаніе Московскаго бунта 1771 г. Разсказъ протоіерея Петра Алексѣева. **1863.** 910.

279. Сказаніе о Колившинѣ (народномъ возстаніи въ Малороссіи). Сочиненіе М. А. Максимовича (1839). **1875.** II. 5.

280. Историческія свѣдѣнія о сношеніяхъ Россіи съ Черногоріею. (Просьба Черногорцевъ 1778 года. Записка о Черногорцахъ, посылка совѣтника Пучкова, денежныя выдачи Черногорцамъ). Изъ дѣлъ князя Потемкина извлечено Г. Н. Александровымъ. **1876.** II. 257.

281. Выписки и извлеченія изъ рукописей Рѣшетиловскаго архива. (Бумаги князя Потемкина и В. С. Попова). **1865.** 519.

282. Прошеніе Карачевскихъ крестьянъ А. А. Беклешову. **1871.** 1527.

283. Изъ архива графа В. Н. Панина (дипломатическая переписка по дѣламъ Польскимъ; дневныя записки чрезвычайнаго сейма 1773 года; Польскій символъ вѣры и десять заповѣдей; исчисленіе обидъ, причиненныхъ Россіи и пр.). **1872.** 1.

284. Изъ архива графа В. Н. Панина. Бумаги о первомъ раздѣлѣ Польши. **1871.** 1761.

285. Мнѣніе объ освобожденіи крестьянъ (1767). **1870.** 288.

286. Гарлибъ Меркель и его книга о Латышахъ въ исходѣ XVIII-го столѣтія. **1870.** 1009.

287. О рукописной исторіи первой Екатерининской войны съ Турціею. Замѣтка С. Гуляева. **1870.** 1158.

288. Цензурная вѣдомость 1786—1788 годовъ, съ предисловіемъ С. Смирнова. **18-й В.** I. 425.

289. Канцеляріи Правительствующаго Сената приказъ о говѣніи въ великій постъ. **1867.** 365.

290. Матеріалы для исторіи Дружескаго Ученаго Общества 1782 г., (объявленіе объ его первомъ засѣданіи) съ предисловіемъ М. П. Полуденскаго. **1863.** 204.

291. Масонскія бумаги: а) Посланіе Симбирскихъ масоновъ въ Москву. б) Письмо И. П. Тургенева къ А. П. Соковнину. в) Письма Кауница Ритберта къ князю А. Б. Куракину съ послѣсловіемъ и примѣчаніями М. Н. Лонгинова. г) Изъ донесенія князя Прозоровскаго императрицѣ Екатеринѣ о масонахъ (Сообщено С. М. Соловьевымъ). **18-й В.** II. 368.

292. Ода Дружескому Ученому Обществу. Ѳ. П. Ключарева. **1863.** 212.

293. О книгѣ Французскаго агента Сабатье де Кабра: Catherine II. **1863.** 537.

294. Матеріалы для исторіи присоединенія Польши къ Россіи (1772—1814). (Выписки изъ Полн. Собранія Законовъ). **1863.** 549, 661, 785.

295. Жалоба крестьянъ Тамбовскаго намѣстничества Екатеринѣ Второй (Сообщено И. С. Аксаковымъ). **1875.** III. 397.

296. Былое изъ Пугачевщины. Разсказъ Аскалона Труворова. **18-й В.** III. 481.

297. Изъ архива Саратовскаго губернскаго правленія. Бумаги за время Пугачевщины, переписка Цыплетева, Михельсона и Суворова. (Сообщено Саратовскимъ губернаторомъ М. Н. Галкинымъ-Враскимъ). **1873.** 0451.

298. Выписки изъ архива канцеляріи Прибалтійскаго генералъ-губернатора: 1) О бѣглыхъ Лифляндскихъ крестьянахъ. 2) О Степанѣ Маломъ. 3) По дѣламъ, касающимся Польши. 4) О казакахъ Маркинѣ и Поцалуевѣ. 5) О магистрѣ Масковѣ. 6) По Пугачевскому бунту. 7) По Турецкой войнѣ. 8) О подаркѣ отъ Лифляндіи по случаю перваго брака великаго князя Павла Петровича. 9) О Курляндцѣ Отто Германѣ фонъ-Ховенѣ. (Извлечено Е. В. Чешихинымъ). **18-й В.** III. 187.

299. Сардинія въ эпоху первой Французской революціи. Письма князя А-ра М. Бѣлосельскаго-Бѣлозерскаго, Россійскаго посланника при Сардинскомъ дворѣ, къ вице-канцлеру графу Ивану Андреевичу Остерману (съ разсказами о событіяхъ въ Парижѣ). Сообщено княгинею Е. Э. Трубецкою. **1877.** II. 369; III. 5.

300. Сооруженіе Сѣверо-Екатерининскаго канала (изъ бумагъ Ярославскаго намѣстника А. П. Мельгунова). **1866.** 777.

301. О большомъ императорскомъ алмазѣ (принадлежавшемъ Армянину Лазареву). **1866.** 644.

302. Письма Германской (Кобургской) принцессы (будущей тещи великаго князя Константина Павловича) о Русскомъ Дворѣ. **1869.** 1089.

303. Изъ дипломатической корреспонденціи XVIII вѣка, статья Д. И. Иловайскаго (по поводу Исторіи Россіи, Германа). **1868.** 822.

304. Образцы политической сатиры въ Польшѣ въ эпоху паденія. Съ предисловіемъ Д. И. Иловайскаго. **1869.** 584.

305. Къ исторіи Шведской войны 1788 года. Статья академика Я. К. Грота по Шведскимъ книгамъ. **1869.** 111.

306. Мѣстничество въ исходѣ XVIII вѣка. Споръ о командованіи Русскими арміями по кончинѣ князя Потемкина. Подлинныя бумаги съ предисловіемъ Г. Н. Александрова **1873.** LX.

307. Вѣсти изъ Россіи въ Англію. Письма графа Θ. В. Ростопчина къ графу С. Р. Воронцову. Годы 1791—1794 (Военная служба.—Ясскій конгрессъ.—Камеръ-юнкерство.—Зубовъ. Поповъ. Нелидова.—В. П. Кочубей.—Графъ Безбородко.—Дворскія извѣстія. — Эстергази. — Морковъ.— Фельдмаршалъ графъ Румянцовъ.—Женитьба на Протасовой и пр.). Годы 1794—1795 (Ссылка графа Ростопчина.—Его супруга.—Тутолминъ.—Великіе князья.—Братья графы Румянцовы. — Чапка. — Борхъ. — Принцъ Нассаускій. — Дубянскій). 1796-й годъ (Персидская война.—Похищеніе въ банкѣ.—Графъ Безбородко.— Эмигранты-Французы.—Свадьба великаго князя Константина Павловича.—Построеніе Одессы. — Придворное положеніе графа Ростопчина.—Будбергъ.—Шведскій король.—Его несостоявшееся обрученіе.—Канунъ Павловскаго воцаренія.—Поляки въ Петербургѣ.—Графъ Румянцовъ-Задунайскій.—Кончина Екатерины). **1876.** I. 79, 206, 303.

308. Изъ Записокъ графа Е. Θ. Комаровскаго (Екатеринино время). **18-й В.** I. 314.

IX. Люди Екатеринина времени.

(въ азбучномъ порядкѣ).

309. Письмо архимандрита Амвросія къ преосвященному Платону (1782). **18-й В.** III. 394.

310. Автобіографическое показаніе Арсенія Мацѣевича, съ примѣчаніемъ Н. И. Григоровича. **18-й В.** II. 361.

311. Письма духовныхъ особъ прошлаго вѣка къ Ярославскому архіепископу Арсенію Верещагину. (Сообщены профессоромъ И. Д. Бѣляевымъ). **1864.** 1163.

312. Московскія письма въ послѣдніе годы Екатеринина царствованія. Отъ Н. Н. Бантышъ-Каменскаго къ князю Александру Борисовичу Куракину (1791—1795 годы). Съ предисловіемъ издателя. **1876.** III. 257 и 385.

313. Канцлеръ князь Безбородко. Опытъ разработки матеріаловъ его біографіи. Статьи Н. И. Григоровича. Главы I—VII. (Первоначальное поприще и возвышеніе). **1874.** II. 553, 899 и 1026. Глава VIII-я (Труды по управленію почтовымъ вѣдомствомъ). Глава IX-я (Комиссія о дорогахъ.—Совѣтъ.—Учрежденіе банковъ.—Гофмейстерство). Глава X-я (Путешествіе въ Крымъ.—Начало войны съ Турціей). **1875.** I. 98, 222, 424. Глава XI (Война съ Швеціею. П. А. Зубовъ). Глава XII (Отношенія къ писателямъ и къ просвѣщенію). **1875.** II. 29, 141. Глава XIII. (Ясскій миръ. (Переписка князя Безбородки съ Екатериною II-ю). **1876.** I. 129. Глава XIV (Борьба съ Зубовымъ.—Письма въ Лондонъ къ графу С. Р. Воронцову.—Поѣздки въ Москву.—Намѣреніе покинуть службу.—Объясненіе съ Государынею.—Послѣдній раздѣлъ Польши.—Письма къ князю Репнину.—Шведскій король). **1876.** III. 456. Глава XV. (Секретарскіе труды при Екатеринѣ II-й.—Домашняя жизнь въ Петербургѣ. — Екатеринино престолонаслѣдіе). Глава XVI (Безбородко въ первый мѣсяцъ Павловскаго царствованія.—Милости въ коронацію.—Родственныя сношенія.—Московскій домъ.—Политическія дѣла. Послѣдніе мѣсяцы жизни Безбородки.—Сношенія съ княземъ Лопухинымъ. Предсмертная болѣзнь и кончина). **1877.** I. 22, 198 и 289.

314. Письмо князя А. А. Безбородки къ С. С. Зиновьеву о нашихъ сношеніяхъ съ Испаніею. **1869.** 210.

315. Записка канцлера князя Безбородки о потребностяхъ Имперіи Россійской, составленная при императорѣ Павлѣ Петровичѣ. **1877.** I. 297.

316. Записка о бунтѣ, произведенномъ Беніовскимъ въ Большерѣцкомъ острогѣ и о послѣдствіяхъ онаго. Составлена для императора Николая Павловича графомъ Д. Н. Блудовымъ. **1865.** 417.

317. Къ запискѣ о бунтѣ Беніовскаго. Письмо вице-канцлера кн. А. М. Голицына къ нашему резиденту въ Парижѣ Н. К. Хотинскому. **1865.** 895.

318. Замѣтка о Беніовскомъ (изъ Англійской книги объ островѣ Ма-

дагаскарѣ), К. П. Побѣдоносцева. **1865.** 859.

319. Челобитная Бецкаго, объ увольненіи его въ отпускъ за границу. **1866.** 1567.

320. Письмо Бецкаго къ императрицѣ Екатеринѣ II. **1865.** 773.

321. Письмо А. И. Бибикова къ кн. М. Н. Волконскому (въ Пугачевщину). **1867.** 500.

322. Письма А. И. Бибикова къ А. М. Лунину (въ Пугачевщину). **1866.** 377.

323. Графъ Алексѣй Григорьевичъ Бобринской и его бумаги (Письма графа Бобринскаго, Екатерины II-й, И. И. Бецкаго, І. М. Рибаса, барона Гримма, графа Завадовскаго, профессора Озерецковскаго и пр.). Съ предисловіемъ издателя. **1876.** III. 5.

324. Дневникъ графа Алексѣя Григорьевича Бобринскаго, веденный въ Кадетскомъ Корпусѣ и во время путешествія по Россіи и за границею. (1779—1786). **1877.** III. 116.

325. Письмо графа Ю. Ю. Броуна къ графу Н. И. Салтыкову о сливахъ для царскаго дома. (Сообщено Г. Н. Александровымъ) **1873.** 643.

326. Письма Веніамина, архіепископа Казанскаго, къ архимандриту Платону Любарскому. **1871.** 237.

327. Записки Малороссіянина Григорія Степановича Винскаго о Россіи въ царствованіе Екатерины II-й. Съ предисловіемъ А. И. Тургенева. (Важность зачатія. Первые годы жизни. —Глуховъ. — Малороссійскіе нравы.—Измайловскій полкъ. —Заключеніе въ долговой тюрьмѣ.—Буянство.—Жизнь среднихъ людей въ Петербургѣ.—Женитьба.—Банковое дѣло). **1877**, I, 76. (Заключеніе Винскаго въ Петропавловской крѣпости.—Потемкинъ и Вяземскій.—Исторія Брещинскаго.—Княжна Тараканова.—Упреки Екатерининскому царствованію.— Ссылка на поселеніе въ Оренбургъ.—Служба у откупщика. — Учительство. — Семейства Булгаковыхъ и Рычковыхъ). **1877.** I. 150.

328. Къ жизнеописанію Г. С. Винскаго. **1877.** II. 233.

329. Бумаги князя Михаила Никитича Волконскаго. Съ предисловіемъ издателя. Сообщены княземъ А. Ѳ. Прозоровскимъ - Голицынымъ. **1865.** 1039.

330. Письмо о кончинѣ Вольтера, доставленное императрицѣ Екатеринѣ съ предисловіемъ Евг. Ег. Скайлера (Американскаго консула въ Москвѣ). **18-й В.** III. 430.

331. Автобіографія графа Семена Романовича Воронцова (до 1797 года) **1876.** I. 33.

332. Письма С. Р. Воронцова къ С. А. Колычову. (Сообщено барономъ М. Л. Боде-Колычовымъ). **1876.** III. 162.

333. Два письма изъ Лондона отъ графа С. Р. Воронцова къ графу Н. П. Панину и къ императору Александру (1801). **1874.** II. 971.

334. Письма князя С. Р. Воронцова къ графу Ѳ. В. Ростопчину съ предисловіемъ и примѣчаніями графа А. Ѳ. Ростопчина. **1872.** 2174.

335. Записка графа С. Р. Воронцова объ измѣненіяхъ въ Русскомъ войскѣ со времени Петра Великаго, писанная въ 1802 году. **1876.** III. 345.

336. Изъ бумагъ Гавріила, митропо-

лита С.-Петербургскаго и Новгородскаго. Извлечено, съ примѣчаніями, Н. И. Григоровичемъ. **1869.** 1569.

337. Разсказы князя С. М. Голицына, записанные М. П. Полуденскимъ. **1869.** 627.

338. Бумаги князя Сергія Ѳедоровича Голицына (Письма и рескрипты Екатерины II-й, Павла и Александра I-го; письма Потемкиныхъ, Суворова, князя Прозоровскаго и др.). **1876.** II. 129.

339. Записки князя Ѳедора Николаевича Голицына, съ предисловіемъ издателя и воспоминаніемъ о князѣ М. Ѳ. Голицынѣ. **1874.** I. 1271.

340. Черты изъ жизни княгини Е. Р. Дашковой. (Ея бумаги и письма къ Екатеринѣ и др.). Сообщены княгинею Е. А. Долгоруковою. **1864.** 569.

341. Записка княгини Е. Р. Дашковой къ графу А. А. Безбородкѣ. **1872.** 1182.

342. Письмо княгини Е. Р. Дашковой къ П. С. Потемкину. 1786. (Сообщено Н. Ѳ. Дубровинымъ). **1875.** I. 195.

343. Письма княгини Е. Р. Дашковой къ графу Н. П. Шереметеву съ послѣсловіемъ издателя. **1873.** 1908.

344. Письма изъ Россіи въ Ирландію иноземки, гостившей у княгини Дашковой (1805—1807). Переводъ съ Англійскаго. **1873.** 1825.

345. Прокофій Акинѳіевичъ Демидовъ. 1) Письма къ сыновьямъ. 2) Письмо къ Михельсону. 3) Статья о пчеловодствѣ 4) Сказка или автобіографическое показаніе П. А. Демидова; 5) Письма къ М. И. Хозикову, Н. И. Рибасъ и И. И. Бецкому. 6) Наставленіе дочери. 7) Письмо къ прикащикамъ. **1873.** 2230.

346. Еще автобіографическое показаніе Прокофія Акинѳіевича Демидова. **1874.** II. 550.

347. Письма графа А. М. Дмитріева-Мамонова къ Екатеринѣ II-ой (просится назадъ послѣ женитьбы). **1865.** 851.

348. Новые матеріалы для исторіи масонства. (Записка И. П. Елагина). **1864.** 93.

349. Нѣсколько словъ о П. Д. Еропкинѣ, замѣтка В. В. Ильина. **1874.** I. 0577.

350. Изъ семейнаго архива села Вытебити. Письма Н. И. Зиновьева къ сыну его въ Лейпцигъ. Съ введеніемъ и примѣчаніями Н. П. Барышникова. **1870.** 932.

351. Письмо графа В. А. Зубова къ брату его князю Зубову. 1796 года. (Сообщено П. К. Щебальскимъ). **1873.** 876.

352. Общее обозрѣніе торговли съ Азіею. Записка графа В. А. Зубова. Сообщено Н. Ѳ. Самаринымъ. **1873.** 879.

353. Письмо князя Зубова къ О. М. Рибасу (миритъ съ Н. С. Мордвиновымъ). **1871.** 1524.

354. Ириней, архіепископъ Псковскій. Статья Н. И. Григоровича. **1869.** 1103.

355. Просительное письмо Малороссіянина Искры къ графу П. А. Зубову. **1869.** 1566.

356. М. Ѳ. Каменскій у Фридриха II-го въ 1765 году. (Письмо Каменскаго къ великому князю Павлу Петровичу съ описаніемъ Бреславскаго лагеря въ 1765 г. и письмо къ М. Ѳ. Каменскому отъ неизвѣстнаго

Французскіе подлинники съ Русскимъ переводомъ. **1873**. 2172. Сообщено кн. Д. А. Оболенскимъ.

378. Краткая біографія Адама Васильевича Олсуфьева, писанная его сыномъ. **1870**. 1341.

379. Князь Григорій Григорьевичъ Орловъ. Подробное жизнеописаніе, изъ печатныхъ и рукописныхъ источниковъ, составленное А. П. Барсуковымъ. **1873**. 1.

380. Переписка графа Г. Г. Орлова съ Ж. Ж. Руссо, съ предисловіемъ В. В. Андреева. **1869**. 581.

381. Сношенія Яицкихъ казаковъ съ графомъ Г. Г. Орловымъ. **18-й В.** I. 365.

382. Письма княгини Екатерины Николаевны Орловой къ братьямъ (1776). Сообщено Н. П. Барышниковымъ. **1877**. III. 113.

383. Къ біографіи графа А. Г. Орлова-Чесменскаго. Письма его и о немъ во время Морейской экспедиціи, извлеченныя изъ бумагъ вице-канцлера князя Голицына А. В. Рачинскимъ. **1876**. II. 270.

384. Письмо изъ Пизы въ Петербургъ отъ графа А. Г. Орлова-Чесменскаго къ князю Потемкину. 1774. Сообщено Г. Н. Александровымъ. **1876**. II. 5.

385. Письмо графа Орлова-Чесменскаго къ графу Салтыкову объ Александрѣ Чесменскомъ, 1796. (Сообщено Г. Н. Александровымъ). **1873**. 0468.

386. Письма графа А. Г. Орлова-Чесменскаго къ его Воронежскому прикащику. Съ предисловіемъ и примѣчаніями В. И. Коптева. **1877**. I, 507.

387. Поправка о графѣ Г. В. Орловѣ Г. Г. Григорьева **1876**. II. 471.

388. Изъ бумагъ протоіерея Іоанна Памфилова, духовника Екатерины II-й. **1871**. Письма къ нему: Статсъ-секретаря Кузмина 201. — Княгини Прасковьи Шаховской 203.—Архимандрита Кіево-Печерскаго Зосимы 208. — Георгія Конисскаго 209.—Архитектора князя Макулова 210.—Протоіерея Петра Алексѣева 211. — Князя Безбородки 234.—Г. Р. Державина 236.

389. Первая свадьба графа П. И. Панина: письмо В. Е. Ададурова заграницу къ графу Н. И. Панину. 1748. (Сообщено княгинею М. А. Мещерскою). **1875**. I. 0370.

390. Пугачевщина: Письма графа П И. Панина къ брату его графу Никитѣ Ивановичу и письма князя Потемкина къ графу П. И. Панину. Съ предисловіемъ издателя. (Сообщено княгинею М. А. Мещерскою). **1876**. II. 7.

391. Письмо графа Н. П. Панина къ графу Нессельроду-отцу. **1867**. 506.

392. Итальянское происхожденіе графовъ Паниныхъ. **1876**. I. 376.

393. Отрывокъ жизни Василія Пассека, имъ самимъ сочиненный въ С.-Петербургской градской тюрьмѣ въ 1803 году. **1863**. 353, 497, 577.

394. Замѣтки митрополита Платона на прокладныхъ листахъ мѣсяцеслова 1775 года. **1877**. III. 331.

395. А. Я. Полѣновъ. Русскій законовѣдъ XVIII вѣка. Статья Д. В. Полѣнова. **1865**. 445, 703.

396. Объ уничтоженіи крѣпостнаго состоянія крестьянъ въ Россіи. Разсужденіе А. Я. Полѣнова, съ замѣткою Я. П. Борзова. **1865**. 285.

397. Письмо В. С. Попова къ Н. И. Новикову о Татарскихъ родахъ въ

423. Радищевъ и его книга: «Путешествіе изъ Петербурга въ Москву», статья М. Н. Лонгинова. **1868.** 1811.

424. Радищевъ и его книга. Изслѣдованіе М. Ѳ. Шугурова. **1872.** 227.

425. Частное письмо гетмана графа Разумовскаго къ его зятю графу Гудовичу. 1787. (Сообщено Н. В. Росковшенкомъ). **1873.** 0467.

426. Анекдотъ о князѣ Андреѣ Кириловичѣ Разумовскомъ. (Отзывъ И. Ф. Мойеру). **1864.** 228.

427. Письмо князя Н. В. Репнина къ И. И. Шувалову о братьяхъ князьяхъ Чарторыжскихъ. (1795). **1876.** I. 416.

428. Письма фельдмаршала князя Репнина къ князю А. Б. Куракину, въ царствованіе Павла. (Сообщены княземъ Ѳ. А. Куракинымъ). **1876.** III. 167.

429. Подлинные анекдоты о князѣ Н. В. Репнинѣ. (Извлечены изъ Записокъ лорда Мальмсбюри М. Н. Лонгиновымъ). **1865.** 847.

430. Памятныя записки первой воспитанницы Смольнаго монастыря Глафиры Ивановны Ржевской. (Бецкій). **1871.** 1.

431. Записки оберъ-камергера графа Александра Ивановича Рибопьера (1781—1865), съ вступительнымъ предисловіемъ и примѣчаніями А. А. Васильчикова. (Происхожденіе. —Служба отца.—Графъ Мамоновъ и его женитьба. — Екатерина въ обращеніи съ ребенкомъ.—Эрмитажи. — Дворъ Екатерины. — Ея апологія.—Павелъ Первый.—Лопухины.—Княжна Анна.—Жизнь въ Вѣнѣ. — Суворовъ. — Поединокъ.—Заточеніе въ крѣпости.—Поединокъ князя Зубова.—Камергерство. — Фельдмаршалъ Каменскій.—Поѣздка къ Шведскому королю). **1877.** I. 460.

432. Мелочи изъ прошлаго (о братѣ Робеспьера въ Россіи). Замѣтки Ю. В. Толстаго. **1865.** 1537.

433. Семейство Робеспьеровъ. Статья М. Ѳ. Шугурова. **1867.** 516.

434. Дружественное письмо графа Н. П. Румянцова къ графу П. В. Завадовскому, о намѣреніи поступить въ военную службу. **1867.** 1263.

435. Письмо графа П. А. Румянцова-Задунайскаго къ графу Н. И. Панину, по поводу переговоровъ съ Турціею. **1865.** 987.

436. Письма отъ разныхъ лицъ (Бурнашева, Требинскаго, Ласси и др.) къ графу П. А. Румянцову-Задунайскому и къ графу А. В. Суворову-Рымникскому. **1874.** II. 532.

437. Два анекдота о графѣ П. А. Румянцовѣ. Ѳ. Ѳ. Воропонова. **1863.** 65.

438. О памятникѣ Кагульской битвы, сооруженіи князя М. С. Воронцова. Статья Н. Н. Мурзакевича. **1873.** 0463.

439. Автобіографія графа С. П. Румянцова (доведена до 1786 года). **1869.** 839.

440. Письма графа С. П. Румянцова къ отцу его графу Румянцову-Задунайскому. **1869.** 853.

441. Донесеніе графа А. Н. Самойлова о печатаніи Алькорана. **1866.** 685.

442. Мнѣніе графа А. Н. Самойлова относительно уплаты процентовъ и долговъ, сдѣланныхъ внѣ государства (1794). **1866.** 687.

443. О Запискахъ графа Сегюра. Замѣтка М. Ѳ. Шугурова. **1866.** 1590.

444. Изъ донесеній Русскаго посланника въ Парижѣ И. М. Симолина:

1) Первый взрывъ Французской революціи; 2) Журналъ событіямъ, совершившимся въ Парижѣ съ 11-го по 17-е Іюля 1789; 3) Предложеніе Корсиканцевъ Русскому правительству взять подъ свою охрану ихъ островъ. 1875. II. 410.

445. Письма и записки Суворова къ его дочери и къ О. М. Рибасу. Съ примѣчаніями и объясненіями А. Ѳ. Бычкова. 1866. 929.

446. Суворочка къ отцу своему: два письма ея, 1791 года. Сообщено М. Ѳ. Шугуровымъ. 1874. I. 761.

447. Письма къ Я. И. Булгакову Суворова и князя М. Н. Волконскаго. 1867. 487.

448. Письмо Суворова къ графу Д. И. Хвостову. 1868. 1865.

449. Два письма Суворова къ С. А. Колычеву. 1869. 210.

450. Переписка Суворова съ Нельсономъ, съ предисловіемъ барона Ѳ. А. Бюлера. 1872. 738.

451. Анекдотъ о Суворовѣ въ бытность его въ Астрахани. (Примиреніе съ супругою). 1873. 146.

452. Послѣдніе четыре года въ жизни Суворова. Статья М. Д. Хмырова. 1871. 1446.

453. Отзывъ современника-иностранца (Игельштромова секретаря Зейме) о Суворовѣ. (Сообщено И. И. Ханенкомъ). 1877. III. 334.

454. Житіе Ѳеодора Васильевича Ушакова, съ пріобщеніемъ нѣкоторыхъ его сочиненій. Статья А. Н. Радищева, съ послѣсловіемъ издателя. 18-й В. II. 296.

455. Замѣтка о княжнѣ Таракановой по поводу картины Флавицкаго, М. Н. Лонгинова. 1865. 89.

456. Два письма Г. Н. Теплова: къ князю М. М. Щербатову (ходатайствуетъ о зятѣ Неплюевѣ) и графу Н. И. Панину (описаніе обѣда у М. П. Нарышкиной). 1869. 216.

457. Замѣтки объ экономѣ Шляхетнаго Корпуса Фрейтагѣ и о дамскихъ мундирахъ при Екатеринѣ II-й. Л. В. Даля. 1877. III. 337.

458. Автобіографическія Записки В. С. Хвостова. 1870. 551.

459. Михаилъ Матвѣевичъ Херасковъ. Статья М. Н. Лонгинова. 1873. 1453.

460. Характеристика Памятныхъ Записокъ Храповицкаго по поводу приложеннаго къ нимъ указателя. 1864. 1099.

461. Объ изданіи Памятныхъ Записокъ А. В. Храповицкаго. (Статья Д. В. Полѣнова). 1867. 921.

462. По поводу статьи г-на Брикнера о Дневникѣ Храповицкаго. Замѣчанія Н. П. Барсукова. 1875. III. 388.

463. О Дневникѣ Храповицкаго. (Разъясненіе недоумѣній гг. Брикнера и Безсонова). 1876. I. 489.

464. Еще о Дневникѣ Храповицкаго: письмо къ издателю Русскаго Архива отъ Н. П. Барсукова. 1876. II. 104.

465. Записка Греческаго митрополита Хрисанѳа, поданная князю Зубову передъ Персидскимъ походомъ 1795 года. Сообщено Н. Ѳ. Самаринымъ. 1873. 863.

466. Записки Хршонщевскаго (1770—1820). Переводъ съ Польской рукописи. Съ предисловіемъ и примѣчаніями I. I. Ролле. 1874. I. 898.

467. Письма князя П. Д. Циціанова къ В. Н. Зиновьеву съ предисловіемъ и примѣчаніями Н. П. Барышникова. 1872. 2100.

468. Письма во время осады Измаила, 1790 года, отъ графа Г. И. Чер-

нышова къ князю С. Ѳ. Голицыну. **1871**. 385.

469. Замѣтка о Чернышовыхъ, упоминаемыхъ Екатериною въ ея Запискахъ. М. Н. Лонгинова. **1865**. 863.

470. В. А. Чупятовъ, чудакъ XVIII вѣка. Статья Л. Н. Майкова. **1873**. 1672.

471. О С. И. Шешковскомъ, письмо къ вдовѣ его генералъ-прокурора графа Самойлова. **1866**. 263.

472. Два письма изъ переписки Вольтера съ графомъ А. П. Шуваловымъ. **1864**. 34.

473. Случайные люди (изъ Гельбига). Переводъ съ Нѣмецкаго М. Н. Лонгинова, съ примѣчаніями и дополненіями. (Шафировъ, Карлъ Скавронскій, Олицъ, Завадовскій, Безбородки, Ягужинскіе, Чоглоковъ, Ив. Черкасовъ, Дм. Шепелевъ и Турчаниновъ). **1865**. 53, 205, 821, 1447.

474. Замѣтка о Гельбигѣ. **1865**. 211.

475. Изъ давнихъ воспоминаній, статья В. В. Селиванова (о Л. Л. Демидовѣ, Поздѣевѣ, Соковнинѣ, о Павлѣ Петровичѣ, комендантѣ Гессе, Юни и пр.) **1869**. 153.

476. Историческія лица въ головѣ простолюдина. (Екатерина, Петръ III-й и князь Орловъ). Письмо А. П. Барсукова къ издателю Русскаго Архива. **1873**. 2074.

477. Сатирическій каталогъ при дворѣ Екатерины II-й. 1765 года. Съ объясненіями М. Н. Лонгинова. **1871**. 2039.

478. Отзывъ Итальянца о главныхъ правительственныхъ лицахъ во вторую половину Екатерининскаго царствованія: Потемкинъ, Безбородко, Панинъ, Вяземскій, Бакунинъ и Остерманъ. (Изъ рукописей Туринскаго архива). **1875**. II. 113.

X. Павелъ Петровичъ.

479. Сто три дня изъ дѣтской жизни императора Павла Петровича. 1765 годъ. Вновь найденная тетрадь Записокъ С. А. Порошина, съ предисловіемъ и примѣчаніями издателя. (Сообщено Амбразанцевымъ-Нечаевымъ). **1869**. 1.

480. Словесныя упражненія великаго князя Павла Петровича. **1869**. 67.

481. Вѣдомости о великомъ князѣ Павлѣ Петровичѣ. **1869**. 68.

482. Два документа къ біографіи С. А. Порошина: а) Шуточный дипломъ, выданный Павломъ Петровичемъ. б) Отправленіе Порошина за принцемъ Жоржемъ. **1874**. II. 945.

483. Два письма великаго князя Павла Петровича къ графу Румянцову-Задунайскому (1776). (Сообщены А. М. Лазаревскимъ). **1873**. 0461.

484. Повелѣніе великаго князя Павла Петровича о лейтенантѣ Полянскомъ. **1871**. 149.

485. Записки великаго князя Павла Петровича къ офиціанту Курдюкову. **18-й В.** III, 406.

486. Письма великаго князя Павла Петровича къ графу Ивану Григорьевичу Чернышову. **1867**. 197.

487. Графъ и графиня Сѣверные въ Нидерландахъ. Статья г-на Гашара и донесеніе Екатеринѣ II-й А. И.

Маркова, съ предисловіемъ Л. Н. Майкова. **1876**. II. 45.

488. Разсказъ императора Павла Петровича о видѣніи ему Петра Великаго. Замѣтка В. В. Андреева. **1869**. 517.

489. Частное письмо о первыхъ дняхъ царствованія Павла Петровича. **18-й В**. III. 419.

490. Путешествіе императора Павла по Ярославской губерніи, статья Л. Н. Трефолева. **1870**. 293.

491. Современный журналъ о пребываніи въ Казани императора Павла I-го. **18-й В**. IV. 464.

492. Любопытныя и достопамятныя дѣянія и анекдоты государя императора Павла Петровича (изъ Записокъ А. Т. Болотова). **1864**. 54, 201, 295, 596, 748.

493. По поводу анекдотовъ Болотова объ императорѣ Павлѣ I-мъ, замѣтка Ѳ. Н. Фортунатова. **1864**. 471.

494. Разсказы генерала Котлубицкаго, о временахъ императора Павла I-го. (Записаны А. И. Ханенкомъ). **1866**. 1301.

495. Разсказы о старинѣ (Н. О. Котлубицкаго и другихъ), записанные А. И. Ханенкомъ. **1868**. 1069.

496. Письма императора Павла Петровича къ адмиралу Макарову (1797—1800). **1875**. I. 6.

497. Бумага князя Лопухина и два рескрипта императора Павла I-го къ Владимірскому губернатору Руничу о Зубовыхъ. (Сообщено графомъ Д. Н. Толстымъ). **18-й В**. IV. 474.

498. Разсказъ очевидца о посѣщеніи императоромъ Павломъ I-мъ города Владиміра на Клязьмѣ. **18-й В**. IV. 469.

499. Къ біографіи императора Павла (изъ Записокъ Августа Коцебу). **1870**. 1960.

500. Письма императора Павла Петровича къ Московскимъ главнокомандующимъ (М. М. Измайлову, князю Ю. В. Долгорукову и графу И. П. Салтыкову). **1876**. I. 5.

501. Письма императора Павла къ Е. И. Нелидовой и князя Суворова къ П. И. Бабарыкину, съ предисловіемъ Н. Н. Бабарыкина. **1872**. 780.

502. Записочки Павла Петровича къ А. А. Баратынскому (1794—1797). **1870**. 1438.

503. Записка императора Павла къ генералу-лейтенанту Амбразанцеву. **1869**. 66.

504. Указъ императора Павла Д. Е. Лесли. **1868**. 1866.

505. Два рескрипта императора Павла къ Ѳ. И. Фонъ-Брадке. **1874**. II. 958.

506. Екатерина Ивановна Нелидова. Біографическій очеркъ. **1873**. 2160.

507. Письмо Е. И. Нелидовой къ Ѳ. Ѳ. Вадковскому. (1788). **1870**. 327.

508. Изъ бумагъ Е. И. Нелидовой. Переписка императора Павла Петровича и императрицы Маріи Ѳеодоровны съ Е. И. Нелидовой. **18-й В**. III. 422.

509. Ю. А. Нелединскій-Мелецкій. Очеркъ его жизни, по семейнымъ бумагамъ. **1867**. 101.

510. Письма князя А. Б. Куракина, великаго князя Павла Петровича и великой княгини Маріи Ѳеодоровны къ Ѳ. И. Вадковскому. **18-й В**. III. 408.

511. Воспоминанія Ѳ. П. Лубяновскаго (Разсказы В. П. Лопухина. Служба при кн. Репнинѣ. Времена Пав-

ловы и Александровы). **1872.** 98 и 449.

512. Письмо графа Г. И. Кушелева къ адмиралу Макарову (1800). **1875.** I. 10.

513. Распоряженіе императора Павла относительно театральной дисциплины (1800). **1873.** 02298.

514. Распоряженіе временъ императора Павла Петровича (объ офицерскомъ одѣяніи). **1875.** I. 12.

515. Паульс-гнаде и Зорген-фрей, мызы въ Курляндіи. (Изъ временъ императора Павла). **1875.** II. 228.

516. Изъ Записокъ Н. А. Саблукова о временахъ императора Павла, съ планомъ комнаты, гдѣ онъ скончался. Переводъ съ Англійскаго, С. А. Рачинскаго. **1869.** 1869.

517. Нѣсколько словъ о «вызовѣ» императоромъ Павломъ Европейскихъ государей на поединокъ. Н. С. Киселева. **1871.** 0195.

518. Описаніе Михайловскаго дворца 1801 года, Августа Коцебу. **1870.** 969.

519. Крестьянское движеніе при императорѣ Павлѣ Петровичѣ (1797) и дневникъ князя Н. В. Репнина. Статья М. Ѳ. Де-Пуле, по новонайденнымъ бумагамъ. **1869.** 525.

520. Черта Русской политики въ послѣдніе дни XVIII вѣка. Письмо императора Павла къ С. А. Колычову и тайный наказъ о переговорахъ съ Бонапартомъ. **1874.** II. 961.

521. Письмо изъ ссылки отъ княгини Дашковой къ императору Павлу (весною 1797). **1871.** 1486.

522. Людовикъ XVIII въ Россіи. Извлечено изъ его Записокъ Д. Д. Рябининымъ. **1877.** III. 48.

523. Послѣдній король Польскій въ Гроднѣ и Литва въ исходѣ XVIII вѣка. Статья М. Ѳ. Де-Пуле, написанная на основаніи бумагъ, найденныхъ въ архивѣ Виленскаго генералъ-губернатора. I и II. **18-й В.** IV. 97.

524. Рапортъ губернатора Карнѣева императору Павлу о православіи въ Минской губерніи. **1869.** 1559.

525. Ода императору Павлу I-му, Степана Руссова, съ предисловіемъ М. И. Семевскаго. **18-й В.** IV. 476.

526. Изъ временъ Павла Петровича, анекдотъ о чудакѣ Лузинѣ. (Сообщено Н. П. Степановымъ). **1873.** 644.

527. По поводу писемъ И. М. Муравьева-Апостола къ графу С. Р. Воронцову (Коцебу объ опалѣ графовъ Панина и Ростопчина при Павлѣ. О ссыльныхъ при Павлѣ). Замѣтки Д. Д. Рябинина. **1876.** I. 377.

528. Записки Николая Ивановича Греча. Первыя двѣ главы. Происхожденіе, предки, семейство и рожденіе автора. (Нѣмцы въ Петербургѣ, во 2-й половинѣ XVIII вѣка). **1873.** 225. Царствованіе Павла Петровича и первые годы царствованія Александра Павловича. **1873.** 673.

529. Изъ воспоминаній графа Нельи (о князѣ Зубовѣ, Суворовѣ и гр. Шереметевѣ). М. Ѳ. Шугурова. **18-й В.** III. 396.

530. Вѣсти изъ Россіи въ Англію, въ царствованіе Павла Петровича. Письма графа Ѳ. В. Ростопчина къ графу С. Р. Воронцову. (Дѣятельность графа Ростопчина при Павлѣ. Князь Безбородко. Кочубей. Принцъ Конде. Князь Лопухинъ). **1876.** II. 81.

531. Вѣсти изъ Россіи въ Англію. Пись-

ма графа Ѳ. В. Ростопчина къ графу С. Р. Воронцову. 1799 годъ. (Крутости Павловскаго времени. Опала графа Воронцова. Увольненіе графа Ростопчина. Князь Безбородко. Тугутъ. Суворовъ. Отношенія къ Пруссіи. Браки великихъ княженъ. Графъ Н. П. Панинъ. 1800—1801 годы). **1876.** III. 65 и 414.

532. Анекдоты прошлаго столѣтія. Извлечено изъ анонимнаго Французскаго сочиненія (Шерера) И. В. Шпажинскимъ. **1877.** III. 280 и д.

XI. Марія Ѳеодоровна.

533. Письмо императрицы Маріи Ѳеодоровны къ С. И. Плещееву, по кончинѣ императора Павла. **1869.** 1951.

534. Воспоминанія княгини Е. Г. Хилковой объ императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ. **1873.** 1121.

535. Письмо императрицы Маріи Ѳеодоровны къ Ю. А. Нелединскому-Мелецкому. **1872.** 853.

536. Письма государыни императрицы Маріи Ѳеодоровны къ князю С. И. Гагарину (о поселеніяхъ Воспитательнаго Дома). Съ предисловіемъ издателя. **1868.** 1.

537. Письма государыни императрицы Маріи Ѳеодоровны къ почетному опекуну Московскаго Воспитательнаго Дома Н. И. Баранову. **1870.** 1441.

538. Записка императрицы Маріи Ѳеодоровны къ генералу Ламсдорфу о Николаѣ Павловичѣ. (1811). **1871.** 1919.

539. Письма государыни императрицы Маріи Ѳеодоровны къ двумъ младшимъ ея сыновьямъ, съ введеніемъ и объяснительными примѣчаніями барона М. А. Корфа. **1868.** 337.

540. Письмо императрицы Маріи Ѳеодоровны къ начальнику Парижскаго училища глухонѣмыхъ аббату Сикару. 1808. (Сообщено П. И. Степановымъ). **1877.** I. 147.

541. Объ основаніи училища глухонѣмыхъ въ Спбургѣ. А. Меллера. **1872.** 1009.

542. Письма съ дороги въ Вѣну отъ князя Александра Борисовича Куракина къ государынѣ императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ 1807 года. **1868.** 23 и 161. **1869.** 385.

543. Письма изъ Вѣны отъ князя А. Б. Куракина къ государынѣ императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ (о предполагавшемся бракѣ великой княжны Екатерины Павловны съ императоромъ Австрійскимъ). 1807 годъ. **1869.** 385.

544. Дополненія, замѣтки и поправки (о письмахъ князя Куракина къ императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, о переводѣ романа Тургенева: «Отцы и Дѣти» на Англійскій языкъ и пр.). **1868.** 334, 528.

XII. Александръ Павловичъ.

(лично).

545. Учебная тетрадь великаго князя Александра Павловича. **1866.** 111.

546. Письмо А. Я. Протасова къ великому князю Александру Павловичу (1790). **1877.** III. 341.

547. Письмо великаго князя Александ-

ра Павловича къ его наставнику. А. Я. Протасову (1794). **1877** II. 265.

548. Замѣтки одного изъ Русскихъ воспитателей (А. Я. Протасова) великаго князя Александра Павловича. **1869**. 94.

549. Бумаги Лагарпа, съ двумя письмами его къ императору Александру. Статья графа А. С. Уварова. **1869**. 75.

550. Ф. Цезарь Лагарпъ въ Россіи (изъ его Записокъ). **1866**. 75.

551. Собственноручная записка императора Александра Павловича касательно военной исторіи, съ послѣсловіемъ Г. Н. Александрова. **1874**. I. 201.

552. Письмо императора Александра Павловича къ адмиралу Макарову. **1875**. I. 11.

553. Два письма императора Александра Павловича 1801: а) къ оберъ-шенкшѣ А. Н. Нарышкиной о духовномъ завѣщаніи ея мужа; б) къ княгинѣ М. Г. Голицыной (впослѣдствіи графинѣ Разумовской) о разореніи ея мужа. **1877**. I. 115.

554. Письмо императора Александра Павловича въ Москву къ графу И. П. Салтыкову о Каразинѣ (1801). **1876**. I. 59.

555. Два письма И. М. Муравьева-Апостола 1801 года: опала графа Н. П. Панина (при Павлѣ) и первыя недѣли Александровскаго царствованія. (Сообщены его свѣтлостью княземъ С. М. Воронцовымъ). **1876**. I. 121.

556. Два письма графа Н. П. Панина къ его супругѣ въ Москву (1801) о первыхъ недѣляхъ царствованія Александра Павловича. **1874**. II. 709.

557. Рескриптъ императора Александра Павловича сенаторамъ Тейльсу и Макарову по дѣлу генералъ-маіорши Обуховой (1801). Съ выдержкою изъ Записокъ графа Е. Ѳ. Комаровскаго. **1877**. II. 266.

558. Письма и указы императора Александра Павловича къ министру юстиціи Г. Р. Державину. **1863**. 460.

559. О возстановленіи новаго Славяно-сербскаго государства. Записка митрополита Стратиміровича, поданная императору Александру Павловичу. 1804 года. **1868**. 112.

560. Рескриптъ императора Александра Павловича Беклешову о памятникѣ П. Д. Еропкину. **1874**. II. 459.

561. Двѣ записочки императора Александра Павловича къ адмиралу Чичагову. 1803 и 1811. **1875**. I. 76.

562. Изъ переписки императора Александра Павловича съ В. С. Поповымъ. **1864**. 319.

563. Письмо императора Александра I-го къ Г. П. Милорадовичу (о Татариновскихъ сборищахъ). **1864**. 623.

564. Императоръ Александръ Павловичъ и князь Адамъ Чарторыжскій. Ихъ переписка въ Русскомъ переводѣ, съ предисловіемъ и примѣчаніями издателя. **1871**. 697.

565. Графъ Михаилъ Огинскій и его отношенія къ императору Александру Павловичу. Изъ Записокъ графа Огинскаго, извлечено А. О. Подвысоцкимъ. **1874**. I. 637.

566. Записка Н. М. Карамзина о древней и новой Россіи, написанная въ 1811 году для императора Александра Павловича. **1870**. 2225.

567. Замѣчательный указъ императора

Александра I-го о проповѣдяхъ. **1870**. 1389.

568. Объ отношеніи императора Александра Павловича къ католичеству, замѣтка Д. Н. Свербеева. **1870**. 1811.

569. О мнимомъ обращеніи Александра Павловича въ католичество. Замѣтка издателя. **1877**. II. 107.

570. Записка о католическомъ духовенствѣ, поданная императору Александру Павловичу митрополитомъ Сестренцевичемъ-Богушемъ. **1870**. 1745.

571. Письмо императора Александра Павловича къ графинѣ Шарлоттѣ де Бальменъ (1824). **1868**. 473.

572. Донесенія изъ Франціи графа А. И. Моркова императору Александру Павловичу. (Тутъ же два письма его къ управлявшему Русскимъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ). Французскіе подлинники съ Русскимъ переводомъ и послѣсловіемъ. **1873**. 2329.

573. Записка, поданная княземъ А. Б. Куракинымъ императору Александру Павловичу послѣ Аустерлицкаго сраженія. **1869**. 1125.

574. Донесенія изъ Франціи князя А. Б. Куракина императору Александру Павловичу о бесѣдахъ съ Наполеономъ I-мъ (1809—1811). Французскіе новооткрытые подлинники съ Русскимъ переводомъ. **1870**. 1.

575. Изъ письма В. С. Попова къ императору Александру Павловичу, (разсказъ о способѣ царствовать). Сообщено А. И. Ставровскимъ. **1864**. 447.

576. Письмо В. С. Ланскаго къ императору Александру Павловичу, съ предостереженіемъ о Польшѣ. **1863**. 830.

577. Императоръ Александръ Павловичъ въ Финляндіи, лѣтомъ 1819 года. Статья Севастьяна Грипенберга, съ предисловіемъ издателя. **1877**. III. 343.

578. Изъ семейнаго архива: 1) Письмо А. И. Архаровой къ М. И. Постниковой изъ Спб. въ Москву; 2) Письмо М. И. Постниковой къ А. И. Архаровой изъ Москвы въ Спб. (объ императорѣ Александрѣ), съ примѣчаніями А. А. Васильчикова. **1867**. 1028.

579. Свиданіе съ императоромъ Александромъ по поводу Семеновской исторіи. Изъ личныхъ воспоминаній С. Ѳ. Тимирязевой. Статья Ѳ. И. Тимирязева. **1873**. 01319.

580. Посѣщеніе императоромъ Александромъ Смоленскаго кладбища въ Спб. Н. И. Григоровича. **1869**. 075.

581. Письмо князя П. М. Волконскаго къ (гр.) А. А. Закревскому о кончинѣ императора Александра Павловича. **1870**. 627.

582. Разсказы и воспоминанія Н. И. Лорера: лейбъ-кучеръ Илья Байковъ. **1872**. 2261.

583. Обозрѣніе жизни и царствованія императора Александра I-го. Статья Н. В. Путяты. **19-й В**. I. 426.

XIII. Александрово время.

584. Московскій Архивъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ въ 1800—1801 году (изъ Записокъ Ф. Ф. Вигеля). **1863**. 851.

585. Московскій Архивъ Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ въ 1812 году (Переписка Н. Н. Бантышъ-Каменскаго съ графомъ Ѳ. В. Растопчинымъ и его донесеніе объ участи архива съ предисловіемъ барона Ѳ. А. Бюлера). **1875.** III. 289.

586. Письмо принца Карла-Мекленбургскаго 1801 года къ княгинѣ Аѳимьѣ Алексѣевнѣ Туркестановой. (Сообщено княземъ Н. Н. Туркестановымъ). **1866.** 928.

587. Неизданная ода графу Потоцкому 1803 г. (о правахъ дворянства), съ предисловіемъ М. Н. Лонгинова. **1869.** 1377.

588. Унтеръ-офицеръ Старичковъ, герой 1806 года. (Сообщено Г. Н. Александровымъ). **1877.** II. 166.

589. Подвиги Русскихъ солдатъ въ царствованіе Александра Павловича (Сообщено Г. Н. Александровымъ). **1876.** III. 373.

590. Подвигъ мѣщанина Герасимова (Сообщено Г. Н. Александровымъ). **1875.** III. 106.

591. Приказы военнаго министра Барклая де-Толли. (Сообщено Г. Н. Александровымъ). **1876.** III. 517.

592. Театръ въ Петрозаводскѣ въ 1809 г. (Сообщено К. М. Петровымъ). **1870.** 954.

593. Воспоминаніе Лицеиста (о Дебудри). **1866.** 131.

594. Лицейская годовщина. **1866.** 127.

595. Старина Царскосельскаго Лицея. Статья Я. К. Грота. (Съ выдержками изъ Записокъ Ѳ. Ѳ. Матюшкина и протоколами Лицейскихъ годовщинъ). **1875.** I. 479.

596. Старина Царскосельскаго Лицея. Статья Я. К. Грота. (М. А. Корфъ. Профессоръ Д. И. Дебудри.—Литературное общество въ Лицеѣ, закрытое правительствомъ). **1876.** I. 481.

597. Записки Ипполита Оже (Hippolyte Auger) съ неизданнаго Французскаго подлинника (1814 годъ.—Русскіе въ Парижѣ.—Поступленіе на Русскую службу.—Петергофскій праздникъ.—Петербургъ. —Ф. Ф. Вигель. Семейство Тухачевскихъ.—Праздникъ въ Павловскѣ. — Пажескій Корпусъ. — Братья Хрущовы.—Дѣвица Лунина.—Походъ въ Варшаву.—Встрѣча съ М. С. Лунинымъ. М. С. Лунинъ, его характеристика, отношенія его къ отцу и удаленіе изъ Россіи. Жизнь съ Лунинымъ въ Парижѣ) **1877.** I. 51, 240, 519; II. 55.

598. Къ Запискамъ Ипполита Оже. Замѣтка Л. **1877.** II. 108.

599. По поводу Записокъ Саксонскаго посланника графа Зенфта (Наполеонъ I. — Александръ I. — Лагарпъ.—Князь Чарторыжскій.—Сперанскій.—Графъ Каподистрія —Вѣнскій Конгрессъ.—Священный Союзъ.—Броженіе умовъ.—Аракчеевъ и его характеристика). Статья князя П. А. Вяземскаго. **1876.** I. 362, 464.

600. Правила для обхожденія съ нижними чинами (1815). Изъ приказовъ князя М. С. Воронцова. (Сообщено Н. Н. Мурзакевичемъ). **1877.** II. 167.

601. Путешествіе по Россіи и въ чужихъ краяхъ великаго князя Николая Павловича, 1816 и 1817 года. (Сообщено Б. Г. Глинкою-Мавринымъ). **1877.** II. 172.

602. Путешествіе по Россіи великаго князя Михаила Павловича въ 1817

и возникновеніи ихъ. Статья Г. Н. Александрова. **1873.** 1716.

626. Еще нѣсколько словъ о военныхъ поселеніяхъ. Отвѣтъ Г. Н. Александрову Н. В. Путяты. **1874.** I. 1042.

627. Записка о тайныхъ обществахъ въ Россіи, составленная въ 1821 году. **1875.** III. 423.

628. Студенческія воспоминанія Ф. Л. Лядикова. 1818—1822 годы. **1875.** III. 376.

629. Воззваніе къ Грекамъ князя Александра Ипсиланти, въ 1821 году. **1868.** 293.

630. Бумаги о кончинѣ и погребеніи въ Одессѣ Цареградскаго патріарха Григорія. (Сообщены Ю. В. Толстымъ). **1871.** 1920.

631. Памятныя замѣтки Вологжанина (Магницкій, Сперанскій, Дюгуровъ, Словцовъ, Каразинъ, Макшеевъ, Монаковъ, Трощинскій и пр.). Ѳ. Н. Фортунатова. **1867.** 1646.

632. О наводненіи 1824 года. Боянуса. **1870.** 1559.

633. Мытищенская встрѣча, или 30-го Ноября 1825 года (о замыслѣ на жизнь графа Аракчеева). Изъ Записокъ А. Я. Булгакова. **1873.** 1529.

634. Изъ воспоминаній П. П. Новосильцова: 1. Видѣніе принцу Евгенію Богарне, подъ Савинымъ монастыремъ. 2) О междуцарствіи 1825 года въ Москвѣ. **1870.** 1161.

XIV. 1812—1815 годы.

635. Объясненіе императора Александра Павловича съ канцлеромъ его, графомъ Н. П. Румянцовымъ. (Собственноручная записка въ Апрѣлѣ 1812 года). **1869.** 609.

636. Изъ Записокъ адмирала Чичагова. Дѣла съ Турціею въ 1812 году. **1870.** 1522.

637. Частныя письма 1812 года отъ М. А. Волковой къ В. И. Ланской. (Переведены съ Французскаго М. П. Свистуновою). **1872.** 2372.

638. Переписка между С. А. Масловымъ и П. Х. Граббе о подвигѣ Ермолова въ Бородинской битвѣ. **1869.** 061.

639. Замѣтка объ убіеніи Верещагина. Д. Н. Свербеева. **1870.** 518.

640. Воспоминанія о 1812 годѣ. Князя П. А. Вяземскаго. **1869.** 181.

641. Поминки по Бородинской битвѣ. Стихотвореніе князя П. А. Вяземскаго. **1869.** 175.

642. Переправа черезъ Березину. (Изъ Записокъ адмирала Чичагова). **1869.** 1147.

643. Разсказы и воспоминанія Московскихъ Французовъ о 1812 годѣ. Записка Шевалье д'Изарна съ предисловіемъ и примѣчаніями господина Гадарюеля (Ладрага). **1869.** 1399.

644. Выдержки изъ Записокъ Александра Яковлевича Булгакова. 1811 и 1812 годы, съ примѣчаніями Н. С. Киселева. **1867.** 1361.

645. Два разсказа изъ исторіи 1812 года. **1868.** 1675.

646. Историческія замѣчанія И. П. Липранди. **1866.** 1031.

647. Московскій Новодѣвичій монастырь въ 1812. Разсказъ очевид-

разсказы, письма, анекдоты, стихотворенія и пр. **1876.** II. 302, 387.

676. Воспоминанія Каролины Карловны Павловой объ ея дѣтствѣ и о 1812 годѣ. **1875.** III. 222.

677. Память о 1812 годѣ. Записка Московскаго ополченца 1812 года, М. М. Евреинова. **1874.** I. 95 и 451.

678. Мои воспоминанія о 1812 годѣ. Автобіографическая записка Павла Алексѣевича Тучкова. **1873.** 1928.

679. Изъ воспоминаній о 1812 годѣ. П. А. Дивова. **1873.** 01331.

680. Москва въ 1812 году. Сочиненіе А. Н. Попова (по новооткрытымъ бумагамъ). Главы I—II (До отъѣзда Государя изъ Москвы). Глава III-я (С. Н. Глинка.—Ключаревъ.—Наполеоновы лазутчики. — Поваръ графа Ростопчина.—Г-жа Сталь). **1875.** II. 269, 369. Глава IV-я (Барклай и Багратіонъ.—Оставленіе Смоленска.—Отзывы графа Ростопчина о князѣ Кутузовѣ.—Заботы императрицы Маріи Ѳеодоровны объ институтахъ.—Выѣздъ жителей.—Леппихъ и его шаръ. Въ приложеніи: переписка императрицы Маріи Ѳеодоровны съ Ю. А. Нелединскимъ. Разсказъ Шнейдера и бумаги о Леппихѣ). Главы V-я и VI-я (Барка съ высланными иностранцами.—Сцена съ Московскимъ простонародьемъ.—Левенштернъ.--Переписка графа Ростопчина съ Государемъ и княземъ Кутузовымъ. — Первыя мѣры князя Кутузова.—Атаманъ Платовъ въ Москвѣ. — Канунъ Бородина. — Графъ Ростопчинъ о Бородинской битвѣ.—Раненые. Московскій Сенатъ.—Размолвка графа Ростопчина съ княземъ Кутузовымъ и пр.). Глава VII-я (Свиданіе графа Ростопчина съ княземъ Кутузовымъ.—Рѣшеніе оставить Москву безъ боя. — Первое Сентября.— Ермоловъ о Кутузовѣ.—Совѣтъ въ Филяхъ. — Вывозъ сокровищъ.— Канунъ гибели. — Второе Сентября.—Послѣдніе часы графа Ростопчина въ Москвѣ.—Встрѣча на Яузскомъ мосту). **1875.** III. 5, 129, 257.

681. Французы въ Москвѣ въ 1812 году. Сочиненіе А. Н. Попова. Глава I (Личное положеніе Наполеона при Бородинѣ.—Значеніе Бородина.— Милорадовичъ.—Наполеонъ передъ Москвою.—Проходъ войскъ черезъ Москву.—Наполеонъ на Поклонной горѣ. — Типографщикъ Ламуръ.—Наполеонъ у Дорогомиловской заставы. — Бестужевъ - Рюминъ. —Вступленіе Наполеона въ Кремль). Глава II (Мюратъ въ Баташевскомъ домѣ.—Графъ Солтыкъ. — Пожаръ Гостиннаго Двора. — Французы тушатъ огонь.—Ночь съ 3 на 4 Сентября.—Отдача Москвы на грабежъ.—Наполеонъ въ Московскомъ огнѣ.—Наполеонъ спасается въ Петровскій дворецъ.— Аббатъ Сюрюгъ. — Актриса Фюзиль. — Организація грабежа.— Междоусобіе грабителей.—Оставшіеся жители. — Орловъ лугъ.— Новодѣвичій монастырь.—Избіеніе непріятеля). Глава III (Церковныя сокровища.—Грабежъ и неистовства въ церквахъ.—Неистовство Нѣмцевъ и Поляковъ.—Сцены въ Зачатеевскомъ монастырѣ. Черты человѣколюбія въ непріятеляхъ.— Голицынская больница.—Свои грабители. — Старообрядцы. — Вертепъ Московскихъ острожниковъ. —Преступники на волѣ). **1876.** I.

рѣевскій.—1812 годъ. — Встрѣча 1814 года.—Сельскій праздникъ у А. А. Плещеева). Толычовой. **1877.** II. 361.

698. Черты стариннаго дворянскаго быта. (Къ разсказамъ и анекдотамъ г-жи Толычовой). В. И. Кирѣевскій. Статья А. П. Петерсона. **1877.** II. 479.

699. Бумаги изъ эпохи 1812—1814 годовъ съ предисловіемъ Г. Н. Александрова. (Письма императора Александра Павловича къ кн. Кутузову-Смоленскому и гр. Барклаю-де-Толли. Образованіе Верховнаго Совѣта для управленія Варшавскимъ герцогствомъ, докладныя записки графа Барклая-де-Толли и пр.) **1871.** 1537.

700. Письма изъ эпохи 1812—1815 годовъ: кн. Ю. В. Долгорукаго, гр. Ѳ. В. Ростопчина, гр. М. И. Платова, гр. А. А. Аракчеева, гр. М. И. Барклая-де-Толли и кн. М. Л. Кутузова-Смоленскаго. **1871.** 150.

701. Загробное опроверженіе. Письмо графа К. Ѳ. Толя къ Д. П. Бутурлину (1824), по поводу желанія иностранцевъ умалить значеніе князя Кутузова, съ предисловіемъ издателя. **1873.** 411.

XV. Люди Александрова времени.

(въ азбучномъ порядкѣ).

702. Автобіографическія замѣтки графа Аракчеева, на прокладныхъ листкахъ книги св. Евангелія. (Сообщены М. И. Богдановичемъ). **1866.** 922.

703. Письмо императора Александра Павловича къ графу Алексѣю Андреевичу Аракчееву. (1809 г.). **1869.** 1660.

704. Письмо графа Аракчеева къ Д. А. Булыгину. **1872.** 2036.

705. Письмо графа Аракчеева къ графинѣ Е. З. Канкриной, съ замѣткою князя П. А. Вяземскаго. **1868.** 281.

706. Приказъ графа Аракчеева въ 1808 году. (Сообщено Г. Н. Александровымъ). **1875.** III. 314.

707. Письмо графа Аракчеева къ А. П. Малиновской. **1864.** 1186.

708. Письмо графа Аракчеева къ Олонецкому губернатору Ушакову. **1866.** 1047.

709. Письма къ графу Аракчееву наперсницы его Настасьи Ѳедоровой Минкиной (1816 — 1820). **1868.** 1656.

710. Переписка графа Аракчеева съ кн. Д. В. Голицынымъ о постройкѣ крестьянскихъ избъ. (Сообщено Д. Ѳ. Самаринымъ). **1873.** 646.

711. Черновой отвѣтъ князя Д. В. Голицына графу А. А. Аракчееву. (Сообщено Д. Ѳ. Самаринымъ). **1873.** 647.

712. Курьезъ изъ времени управленія военнымъ министерствомъ графа Аракчеева (увольненіе изъ службы Дмитрія Валуева). Съ замѣчаніями Г. Н. Александрова. **1874.** I. 499.

713. Описаніе столовыхъ часовъ графа Аракчеева, съ замѣткою г. Пашкевича и съ нотами. **1869.** 1183.

714. Надпись на иконѣ графа Аракчеева. **1869.** 076.

715. Два духовныя завѣщанія графа Аракчеева. **1872.** 2037, съ дополненіемъ Ив. Евронеуса. **1872.** 2505.

716. Переписка графа Аракчеева съ митропол. Платономъ о Коломенскомъ архіерейскомъ домѣ. **1877.** III. 406.

717. Письмо графа Аракчеева къ императору Николаю Павловичу. **1866.** 1049.

718. Предсмертные дни и кончина графа Аракчеева (со словъ очевидца Е. М. Романовича). **1868.** 283.

719. Настоящій разсказъ о предсмертныхъ дняхъ и кончинѣ графа Аракчеева. А. П. Бровцына. **1868.** 951.

720. Изъ воспоминаній о Грузинѣ въ 1826 г. А. П. Языкова. **1869.** 1462.

721. Сонъ въ Грузинѣ, письмо къ графу Аракчееву М. Л. Магницкаго. **1863.** 930.

*

722. Графъ А. А. де-Бальменъ (Русскій приставъ при первомъ Наполеонѣ на островѣ св. Елены). Біографическій очеркъ. **1868.** 462.

723. Письма съ острова св. Елены Русскаго пристава при первомъ Наполеонѣ, графа А. А. де Бальмена (1816—1820). **1868.** 659 и 1924; **1869.** 647 и 765.

724. Выдержка изъ письма въ Москву къ графинѣ Бальменъ отъ графа С. Р. Воронцова. (О медикахъ въ Россіи). **1877.** III. 112.

725. Генералъ графъ Леонтій Леонтьевичъ Бенигсенъ. Біографическій очеркъ. **1868.** 1837.

726. Списокъ о службѣ графа Бенигсена (1816), имъ подписанный. **1874.** I. 826.

727. Замѣтка о К. И. Бистромѣ. В. В. Селиванова. **1871.** 1297.

728. Изъ записной книжки живописца В. А. Боровиковскаго. **19-й В.** I. 213.

729. Адамъ Ѳомичъ Брокеръ. Его Записки и біографія. **1868.** 1413.

730. Письмо С. Броневскаго къ генералу Г. Г. Ломоносову. **1864.** 1188.

731. Письмо барона Будберга къ Т. И Тутолмину въ Москву объ оставленіи арміи фельдмаршаломъ графомъ Каменскимъ. **1871.** 1093.

732. Очеркъ жизни графа Д. П. Бутурлина. **1867.** 376.

733. Письма гр. Д. П. Бутурлина къ А. Н. Оленину съ примѣчаніями графа М. Д. Бутурлина. **1870.** 1200.

734. Замѣтка о библіотекѣ графа Д. П. Бутурлина. С. А. Соболевскаго. **1867.** 479.

735. Бумаги князя Иларіона Васильевича Васильчикова, съ предисловіемъ сына его, князя А. И. Васильчикова о Семеновской исторіи. (Три письма императора Александра Павловича 1820 года, изъ чужихъ краевъ.—Первое донесеніе Государю о Семеновской исторіи.—Секретныя замѣчанія Государя.—Письмо графа А. Х. Бенкендорфа.—Письма къ Государю и письмо къ великому князю Николаю Павловичу.—Отвѣтныя письма князя Васильчикова князю Волконскому.—Письма его къ князю П. М. Волконскому.—Письмо его къ князю А. С. Менщикову.—Письмо къ министру внутреннихъ дѣлъ графу В. П. Кочубею.—Два письма къ князю И. В. Васильчикову тайнаго агента Грибовскаго.—Письмо къ нему князя Паскевича). **1875.** I. 339. II. 44, 126, 325, 419. III. 401.

736. Поѣздка князя Н. Г. Волконскаго къ Наполеону I-му въ 1809 году. Изъ семейныхъ воспоминаній кня-

зя Александра Никитича Волконскаго. **1874**. I. 1047.

737. Письма А. Н. Голицына къ графинѣ А. А. Орловой-Чесменской. 1822 и 1823 годы. **1869**. 943.

738. Два письма министра народнаго просвѣщенія князя А. Н. Голицына къ директору Царскосельскаго Лицея Е. А. Энгельгардту. **1868**. 873.

739. Очеркъ жизни и службы Е. А. Головина. Статья Ю. В. Толстаго. **19-й В**. I. 1.

740. Къ біографіи Е. А. Головина. Статья графа Д. Н. Толстаго. **1872**. 1954.

741. По поводу біографіи Е. А. Головина, замѣчанія М. П. Щербинина о дѣятельности князя М. С. Воронцова на Кавказѣ. **1872**. 707.

742. О пасторѣ Госнерѣ. (Изъ Записокъ Н. И. Греча). **1868**. 1403.

743. Записки князя О. В. Грабе-Горскаго. **19-й В**. I. 201.

744. Записки Н. Н. Греча. (Дѣло о книгѣ пастора Госнера). **1868**. 1403. (Біографіи современниковъ). **1871**. 289.

745. Письма князя Михаила Петровича Долгорукова. **1865**. 1305.

746. Педагогъ прошлаго времени (Дюгуровъ), статья профессора Н. А. Лавровскаго. **1869**. 1541.

747. Письма великой княгини Екатерины Павловны къ Ф. П. Деволану. Французскіе подлинники съ Русскимъ переводомъ. **1870**. 1967.

748. Авдотья Петровна Елагина. Біографическій очеркъ, статья издателя. **1877**. II. 483.

749. Замѣтки А. П. Ермолова объ его молодости. **1867**. 366.

750. Разговоръ съ А. П. Ермоловымъ, издателя. **1863**. 436.

751. Встрѣча моя съ А. П. Ермоловымъ. Изъ воспоминаній Н. В. Берга. **1872**. 285.

752. Краткое біографическое воспоминаніе о графѣ А. А. Закревскомъ. Статья Н. В. Путяты. **1865**. 371.

753. Письма фельдмаршала графа Михаила Ѳедотовича Каменскаго къ сыну его графу Николаю Михайловичу, 1806—1809, съ біографическимъ предисловіемъ и примѣчаніями. **1868**. 1489.

754. Графъ Егоръ Францовичъ Канкринъ. **1866**. 113.

755. Замѣтка на статью Канкрина объ освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. **1866**. 126.

756. Изъ записной книжки П. М. Языкова (о графѣ Е. Ф. Канкринѣ). **1867**. 392.

757. Изъ Записокъ генералъ-адъютанта графа Е. Ѳ. Комаровскаго (время Александрово). **1867**. 219, 521, 748 и 1276.

758. Письма къ великому князю цесаревичу Константину Павловичу графа Аракчеева и Н. М. Карамзина, съ замѣткою Г. Н. Александрова. **1868**. 289.

759. Письмо князя А. Б. Куракина къ государственному канцлеру графу Н. П. Румянцову. **1870**. 135.

760. Два письма князя А. Б. Куракина изъ Парижа къ канцлеру графу Румянцову о политическомъ положеніи Россіи и сношеніяхъ съ Наполеономъ (1810). Французскіе подлинники съ Русскимъ переводомъ. **1873**. 392.

761. Частное письмо князя Алексѣя Борисовича Куракина къ графу Н. П. Румянцову. **1877**. III. 256.

762 Посольство князя Алексѣя Борисовича Куракина къ Наполеону Первому. 1810 г. **1877**. III. 229.

763. Депеши князя Алексѣя Борисовича Куракина во время его поѣздки въ Парижъ въ 1810 году, къ государственному канцлеру графу Н. П. Румянцову. **1877.** III 236.

764. А. Ѳ. Лабзинъ, статьи П. А. Безсонова и М. А. Дмитріева. **1866.** 817.

765. Баронъ К. Ѳ. Левенштернъ и письма къ нему великаго князя Михаила Павловича, графа Аракчеева и пр. съ примѣчаніями М. И. Семевскаго. **1869.** 1649.

766. Письма И. В. Лопухина къ Д. Н. Руничу. **1870.** 1215.

767. Письма И. В. Лопухина къ Сперанскому. **1870.** 609.

768. Письмо И. В. Лопухина къ Д. Л. Бобарыкину. Сообщено Н. П. Барышниковымъ. **1877.** III. 110.

769. Воспоминаніе о М. Л. Магницкомъ. Некрологическая статья А. С. Стурдзы. **1868.** 926.

770. Матеріалы для біографіи Михаила Леонтьевича Магницкаго. **1863.** 930.

771. Два мнѣнія М. Л. Магницкаго. **1864.** 321.

772. Инструкція М. Л. Магницкаго Д. М. Макшееву объ осмотрѣ учебныхъ заведеній. **1867.** 1643.

773. Мое знакомство съ Магницкимъ. Воспоминанія И. Т. Морозова. **1875.** III. 241.

774. Автобіографическія показанія М. Л. Магницкаго. **19-й В.** I. 235.

775. Существуютъ-ли Записки графа М. А. Мамонова? Замѣтка Н. С. Киселева. **1868.** 87.

776. Графъ М. А. Мамоновъ. Разсказъ изъ семейной памяти П. Г. Кичеева. **1868.** 91. Еще о графѣ Дмитріевѣ-Мамоновѣ (его письма къ князю Д. В. Голицыну и характеристика его болѣзни, доктора В. Малиновскаго). **1868.** 962.

777. Замѣчанія графа М. А. Мамонова на книгу Кастѐры. **1877.** III. 389.

778. Письма изъ Петербурга въ Италію графа Жозефа де Местра къ королю Сардинскому. **1871.** 53.

779. Письмо графа Іосифа де Местра къ князю П. Б. Козловскому. **1866.** 1492.

780. Заявленія графа Г. А. Милорадовича о бумагахъ графа М. А. Милорадовича и объ исторіи Пажескаго корпуса. **1875.** I. 494.

781. Анекдоты Александра Львовича Нарышкина. **1864.** 872.

782. Калейдоскопъ воспоминаній (1811—1871). Глава 1-я. Николай Николаевичъ Новосильцовъ. Ципринуса (псевдонимъ). **1872.** 1705. Глава 2-я. Адамъ Мицкевичъ, 1887. Глава 3-я. 1811 и 1812 годы. 2269.

783. Анти-Ципринусъ. Воспоминаніе о графѣ Н. Н. Новосильцовѣ, П. В. Кукольника. **1873.** 203.

784. Очерки и воспоминанія. I. Московское семейство стараго быта. (Князья Оболенскіе). Статья князя П. А. Вяземскаго. **1877.** I. 305.

785. Дѣла давно минувшихъ дней (о Переверзевѣ). Т. Толычовой. **1871.** 1289.

786. Бумаги Ивана Борисовича Пестеля. (Автобіографія. — Письма къ нему сына его Павла Ивановича. —Свѣдѣнія о П. И. Пестелѣ.— Записка о Куткинѣ и пр.). **1875.** I. 369.

787. Письмо атамана графа Платова къ лейбъ-медику Вилье. Сообщено В. К. Истоминымъ. **1877.** II. 109.

788. Останки атамана графа Платова. Статья В. К. Истомина. **1877.** II. 109.

857. Встрѣча съ Шишковымъ. Изъ Записокъ Д. Н. Свербеева. **1871.** 162.
858. Воспоминанія о директорѣ Царскосельскаго Лицея Е. А. Энгельгардтѣ, сына его В. Е. Энгельгардта. **1872.** 1462.
859. Педагогическія замѣтки Е. А. Энгельгардта. **1872.** 1595.

XVI. Два послѣднія царствованія.

860. Письмо императора Николая Павловича къ графинѣ Е. П. Потемкиной отъ 4 Апрѣля 1826 (о своемъ отношеніи къ заключеннымъ по дѣлу 14 Декабря). **1872.** 425.
861. Нѣсколько словъ объ императорѣ Николаѣ I-мъ. Замѣтка М. В. Юзефовича по поводу памятника тысячелѣтію Россіи (отношеніе къ Лепарскому; человѣколюбіе). **1870.** 999.
862. Еще черта для характеристики императора Николая. Замѣтка М. В. Юзефовича (о корпусѣ жандармовъ и объ инструкціи шефу онаго). **1870.** 1727.
863. О пребываніи великаго князя Николая Павловича въ Англіи. (Изъ письма леди Пемброкъ въ Москву къ графинѣ М. В. Де-Бальменъ). Сообщено В. А. Олсуфьевымъ. **1877.** III. 292.
864. Изъ Записокъ графа А. Х. Бенкендорфа (о путешествіи императора Николая по Россіи въ 1836 г. и о пребываніи въ Чембарѣ по причинѣ сломанной ключицы) въ переводѣ, съ предисловіемъ барона М. А. Корфа. **1865.** 129.
865. ИмператоръНиколай I-й въ Св.Правительствующемъ Синодѣ. Статья Н. И. Григоровича. **1869.** 739.
866. Изъ воспоминаній о прошломъ (о сострадательномъ характерѣ императора Николая и о томъ, какъ графиню М. А. Воронцову совратили Іезуиты). Статья княжны В. Н. Репниной. **1870.** 1724.

*

867. Четырнадцатое Декабря 1825 года, на Петербургскихъ площадяхъ: Дворцовой, Адмиралтейской и Петровской. (Записано очевидцемъ на третій день послѣ происшествія). Статья П. С. Деменкова. **1877.** III. 258.
868. Частное письмо о происшествіи 14 Декабря 1825 года (государственнаго секретаря А. Н. Оленина). **1869.** 731.
869. Замѣтки и поправки: а) И. С. Ульянова (о великомъ князѣ Константинѣ Павловичѣ) и б) С. Д. Комовскаго (о Московской присягѣ 1825 года). **1868.** 103 .
870. Приложеніе къ докладу Слѣдственной Коммиссіи о тайныхъ обществахъ, открытыхъ въ 1825 году. **1875.** III. 434.
871. Бунтъ Черниговскаго полка, современныя бумаги. **1871.** 257.
872. Изъ воспоминаній Матвѣя Иванова Муравьева-Апостола (о бунтѣ Черниговскаго полка). **1871.** 0229.
873. Изъ Записокъ А. Г. Гебеля о бунтѣ Черниговскаго полка, съ поправками воспоминаній М. И. Муравьева-Апостола. **1871.** 1717.
874. По поводу новѣйшихъ книгъ и статей о 14 Декабрѣ 1825 года и декабристахъ. Статья декабриста П. Н. Свистунова. **1870.** 1633.

875. Изъ Записокъ декабриста И. Д. Якушкина. **1870.** 1566.

776. По поводу Записокъ И. Д. Якушкина и статьи о нихъ П. Н. Свистунова: а) Отвѣтъ автора «Записокъ Декабриста». **1871.** 0189. б) Отвѣтъ С. В. Максимова. 322. в) Отповѣдь П. Н. Свистунова. 333.

877. Записки о происшествіи 14 Декабря 1825 года. Николая Васильевича Басаргина. **19-й В.** I. 65.

878. Изъ Записокъ П. И. Фаленберга. **1877.** III. 92 (государственный преступникъ по неволѣ), 199 (походы 1812—1814 годовъ).

879. Два письма (графа) Д. Н. Блудова къ его супругѣ въ 1826 г. изъ Москвы въ С.-Петербургъ о коронаціи Николая Павловича. **1867.** 1046.

880. Ермоловъ и Паскевичъ. Статья г-на Андреева (по новоду писемъ Паскевича къ императору Николаю). **1873.** 1571.

881. Наваринскій бой (Paul Lacroix: Histoire de la vie et du règne de Nicolas 1-er, t. 3-me, Paris, 1866) Статья В. К. Истомина, съ приложеніемъ современныхъ бумагъ. **1877.** III. 268.

882. Къ исторіи первой Турецкой войны при императорѣ Николаѣ Павловичѣ. Изъ нѣкогда-секретныхъ донесеній полковника И. П. Липранди. (Сообщено Г. Н. Александровымъ). **1877.** II. 470.

883. Изъ воспоминаній о Турецкой кампаніи 1828 года. Осада Варны. В. М. Еропкина. **1877.** Ш. 411.

884. Изъ Записокъ И. П. Поливанова первой о Турецкой войнѣ при императорѣ Николаѣ Павловичѣ. **1877.** Ш. **414.**

885. Переѣзды съ Гумбольдтомъ по Сибири. **1865.** 1011.

886. Холера въ Петербургѣ въ 1831 году. Разсказъ очевидца, Ильи Васильевича Селиванова. **1868.** 958.

887. О чумномъ возмущеніи въ Севастополѣ 1830 года. Записка священника Софронія Гаврилова. **1867.** 1375.

888. Замѣтки о Польскомъ возстаніи 1830 года. И. С. Ульянова. **1867.** 695.

889. Переписка епископа-князя Симона Гедройца съ графомъ Д. Н. Блудовымъ и другими лицами во время Польскаго матежа 1831 года. **1869.** 1485.

890. Похожденія Завиши. **1870.** 651.

891. Разсказъ Менгдена о занятіи Русскими Кракова. **1870.** 663.

892. Записки Н. В. Берга о Польскихъ возстаніяхъ съ 1831 года (изъ печатныхъ и рукописныхъ источниковъ). **1870.** 201, 431, 631 и 1821; **1871**, 509 и 1985; **1872**, 622. Назначеніе намѣстникомъ генералъ-адъютанта Лидерса. Прибытіе его въ Варшаву и первыя дѣйствія. Назначеніе архіепископомъ Варшавской архидіецезіи ксендза Фелинскаго. Бѣлая организація. Работы красной партіи. Прибытіе новаго архіепископа въ Варшаву. Открытіе храмовъ. Присяги ремесленниковъ. Назначеніе намѣстникомъ Великаго Князя Константина Николаевича и Велепольскаго начальникомъ гражданскаго управленія. Покушеніе противъ намѣстника Лидерса. Прибытіе Великаго Князя. Покушенія противъ него и Велепольскаго. Казнь преступниковъ. **1873.** 1222.

893. Замѣчанія Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Констан-

тина Николаевича на разсказъ въ статьѣ Н. В. Берга о покушеніи Ярошинскаго. **1873**. 01345.

894. Заявленіе Н. В. Берга, по поводу его Записокъ о Польскомъ возстаніи. **1871**. 181.

895. Іосафатъ Огрызко и его Польская газета «Слово». (По поводу Записокъ Берга о послѣднемъ Польскомъ возстаніи). Замѣтки О. А. Пржецлавскаго. **1872**. 1031.

896. Отвѣтъ Н. В. Берга О. А. Пржецславскому. **1872**. 1210.

897. По поводу «Отвѣта» Н. В. Берга на замѣчанія объ его Запискахъ о Польскихъ заговорахъ и возстаніяхъ. О. А. Пржецлавскаго. **1872**. 1553.

898. Еще замѣтка О. А. Пржецлавскаго на Записки Н. В. Берга. **1872**. 1055.

899. Отвѣтное слово г-ну Пржецлавскому (о Польскомъ Катехизисѣ). М. В. Юзефовича. **1873**. 0201.

900. Начало мюридизма на Кавказѣ (изъ Записокъ князя М. Б. Лобанова-Ростовскаго). **1865**. 1379.

901. Второе Февраля 1836 года въ Петербургѣ. Разсказъ очевидца о пожарѣ въ балаганѣ Лемана. Статья Д. А. Чаплина. **1877**. III. 219.

902. Разсказы очевидцевъ (гр. А. Х. Бенкендорфа, кн. А. Ѳ. Орлова, барона М. А. Корфа, А. Р. Барановича, графа В. Ѳ. Адлерберга и барона Э. И. Мирбаха), о пожарѣ зимняго дворца въ 1837-мъ году, съ примѣчаніями барона М. А. Корфа. **1865**. 1087.

903. Еще разсказъ очевидца о Петербургскомъ пожарѣ 1837 года, И. Д. Лужина, съ приложеніями. **1868**. 844.

904. О дѣлѣ флигель-адъютанта Копьева. (Въ опроверженіе превратныхъ показаній о князѣ М. С. Воронцовѣ). Статьи В. С. Толстаго и Д. А. Чаплина. **1873**. 1754.

905. Серъ Джонъ Макниль. Изъ служебныхъ воспоминаній Владиміра Сергѣевича Толстаго. **1874**. I. 884.

906. Изъ воспоминаній о Грузіи, В. С. Толстаго (Дѣло генерала Шварца. 1847 года). **1877**. II. 37.

907. Изъ служебныхъ воспоминаній В. С. Толстаго. Поѣздка въ Осетію въ 1847 году. **1875**. II. 265.

908. Изъ далекаго прошлаго (Приказы въ Военной Академіи И. О. Сухозанета). Стараго воспитанника Академіи. **1875**. I. 219.

909. Православные Латыши въ 1841 и 1842 годахъ. Историческій очеркъ Ю. Ѳ. Самарина. **1869**. 1224.

910. Два съ половиною года въ плѣну у Чеченцовъ 1847—1850. И. Клингера. **1869**. 964.

911. Записки Польскаго епископа Буткевича (Переводъ съ Польской рукописи. Князь Паскевичъ и графъ Лубенскій.—Разговоръ съ императоромъ Николаемъ. — Поѣздка въ Римъ.—Разговоры съ папою Піемъ IX. — Монсиньоръ Феррари.—Записка о Польской церкви. — Ченстохово. — Варшавская Духовная Академія.—Папскій нунцій въ Москвѣ.—Воскресенцы.— Августовское епископство и пр. Разговоръ съ папою Піемъ IX-мъ. —Эмигранты. — Католичество въ Пруссіи.—Онѣмеченіе Поляковъ.— Августовское епископство.—Исторія Людике). Сообщены П. К. Щебальскимъ. **1876**. II. 321, 427.

912. Изъ Одесскихъ воспоминаній П. Т. Морозова. (Бларамбергъ.—Магницкій.--Стурдза). **1877**. III, 324.

913. Изъ воспоминаній о Венгерской кампаніи, адъютанта князя Паскевича, Д. П. Сонцова. **19-й В.** I. 256.

914. Полузабытыя черты недавней старины. О дѣлахъ Сербіи, Черногоріи, Босніи и Австрійскаго Славянства. **1876.** III. 178.

915. Изъ памятныхъ замѣтокъ В. Д. Давыдова. (Сцена у кн. С. Г. Голицына съ Ротшильдомъ, разговоръ Наполеона III-го съ Н. Д. Киселевымъ, разсказъ графа А. А. Закревскаго о Сперанскомъ). **1871.** 0948.

916. Записки очевидца о войнѣ Россіи противъ Турціи и западныхъ державъ 1853—1856. Сочиненіе генерала-участника, Н. И. Ушакова. 2 части. **19-й В.** II. 01.

917. Изъ Записокъ Севастопольца. (Характеристика Нахимова и Корнилова. Синопскій бой). **1867.** 1579.

918. Отъ издателя (по поводу Записокъ Севастопольца). **1868.** 336.

919. Письмо г-на управляющаго морскимъ министерствомъ Н. К. Краббе (по поводу Записокъ Севастопольца). **1868.** 877.

920. Еще о Севастополѣ. Корниловъ и Тотлебенъ (Изъ книги Кинглека). В. В. Андреева. **1868.** 1676.

921. Изъ Крымскихъ воспоминаній послѣдней войны С. Д. Кожухова. **1869.** 381.

922. Изъ походныхъ воспоминаній о Крымской войнѣ. С. Д. Кожухова. **1870.** 2044.

923. Возраженіе генералу Рыжову. С. Д. Кожухова. **1870.** 1668.

924. Изъ воспоминаній о войнѣ 1853—1856 годовъ (Дѣло на Черной и князь М. Д. Горчаковъ) И. И. Красовскаго. **1871.** II. 207.

925. Кто послѣдній оставилъ Севастополь? (По поводу Севастопольскаго обѣда 1874 года). Изъ воспоминаній И. И. Красовскаго. **1875.** I. 360.

926. Письмо къ издателю о статьѣ «Кто послѣдній оставилъ Севастополь?» генералъ-адъютанта графа П. Е. Коцебу. **1875.** I. 478.

927. По поводу статей о томъ, кто послѣдній оставилъ Севастополь: письмо графа Д. Е. Остенъ-Сакена къ И. И. Красовскому и письмо князя С. С. Урусова къ издателю Русскаго Архива. **1875.** II. 217.

928. Изъ личныхъ воспоминаній о Крымской войнѣ (Дѣло на Черной). Д. А. Столыпина. **1874.** I. 1358.

929. Письмо къ издателю Русскаго Архива отъ князя В. И. Васильчикова (о Севастополѣ и доблестномъ образѣ дѣйствій князя М. Д. Горчакова). **1874.** I. 1580.

930. Испанская книга о послѣдней восточной войнѣ. Священника К. Л. Кустодіева. **1869.** 751.

931. Докладная записка по поводу упраздненія военныхъ поселеній въ Новороссіи. (1856). Д. А. Столыпина. **1874.** I. 765.

932. Изъ жизни Витебскихъ крестьянъ 1858 года. М. П. Щербинина **1872.** 1577.

933. Частное письмо о взятіи Шамиля. 1859. Графа А. В. Орлова-Давыдова. **1869.** 1045.

934. Объ отмѣнѣ крѣпостнаго права. Письмо П. В. Кирѣевскаго къ А. И. Кошелеву (1851). **1873.** II. 1345.

935. Матеріалы для исторіи упраздненія крѣпостнаго права въ Россіи. Записка графа С. С. Ланскаго

(1859) съ предисловіемъ Н. П. Семенова. **1869**. 1362.

936. Къ исторіи упраздненія крѣпостнаго права въ Россіи. Толки и надежды помѣщичьихъ крестьянъ. Записка Корибута-Дашкевича, съ предисловіемъ П. П. Семенова. **1874**. II. 439.

937. Поѣздка по нѣкоторымъ мѣстностямъ царства Польскаго въ Октябрѣ 1863 года (статья Ю. Ѳ. Самарина). Сообщено Н. А. Милютинымъ. **19-й В.** I. 282.

938. Послѣдняя записка по крестьянскому дѣлу Я. И. Ростовцева. **1868**. 1213.

939. Историческая записка о разныхъ предположеніяхъ по предмету освобожденія крестьянъ. (Проекты Аракчеева, Мордвинова, Сперанскаго, князя Меншикова, графа Перовскаго, С. И. Шипова, князя Друцкаго-Соколинскаго и др., дѣйствія комитетовъ 1826, 1839, 1840, 1844, 1846 и 1848 годовъ). Сообщено Н. А. Милютинымъ. **19-й В.** II. 145.

940. 1861-й годъ. Эпизодъ изъ исторіи Калужскаго крестьянства. Статья графа М. Д. Бутурлина. **1876**. III. 245.

941. По уніатскому дѣлу (1873—1875). Замѣтка Л. Словачевскаго. **1875**. II. 355.

XVII. Люди двухъ послѣднихъ царствованій.

(въ азбучномъ порядкѣ).

942. Черта въ государственной дѣятельности графа Д. Н. Блудова (мѣры противъ цензурныхъ стѣсненій печатнаго слова). Статья барона Ѳ. А. Бюлера. **1872**. 1013.

943. По поводу кончины графа Д. Н. Блудова (19 Февраля 1864). Нѣсколько словъ издателя. **1864**. 344.

944. Воспоминанія графини Антонины Дмитріевны Блудовой. 1830-й годъ. **1872**. 1217.—1831 годъ. (Жизнь въ Берлинѣ. Польскій мятежъ. Берлинскій королевскій дворъ. Нынѣшній императоръ. Королева Луиза. Баронъ Штейнъ и пр.) **1873**. 2049. (Польскій мятежъ и первая холера. Семейная переписка съ историческими поясненіями). **1874**. I. 713 и 833. (Усмиреніе Польскаго мятежа. Воспоминаніе о гр. Каподистріи. — Сношенія съ Греками. — Констанцъ и Верона.— Лордъ Байронъ.—Кончина императора Александра Павловича). **1875**. I. 129. (Русская политика въ началѣ Николаевскаго царствованія.—Графъ И. А. Каподистрія и его кончина. — Знакомство съ княземъ Метернихомъ). **1875**. II. 182.

945. Графъ Алексѣй Алексѣевичъ Бобринскій и его общественное значеніе. Статья князя П. А. Вяземскаго. **1868**. 2025.

946. Арестъ и ссылка поручика Богданова. Извлечено изъ подлиннаго дѣла И. Якунинымъ. **1876**. II. 237.

947. Письмо къ издателю (о вице-адмиралѣ Бойлѣ) К. А. Манна. **1871**. 0244.

948. Автобіографическія записки сенатора Егора Ѳедоровича фонъ-Брадке. (Происхожденіе.—Служба отца.—Горный корпусъ.—Вятка. —Колоновожатые. — Служба за границею.—Генералъ Гартингъ.—

4*

Военныя поселенія.—Графъ Аракчеевъ.—Госнеръ.—Южныя поселенія.—Графъ Виттъ.—Польскій мятежъ.—Занятіе Ловича.—Кіевскій учебный округъ.—Открытіе университета св. Владиміра.—Жизнь въ Кіевѣ.—Цихъ. — Аресты. — Служба въ Министерствѣ Государственныхъ Имуществъ и въ Сенатѣ). **1875**. I. 13 и 257.

949. Воспоминаніе о братьяхъ Константинѣ и Александрѣ Яковлевичахъ Булгаковыхъ, статья князя П. А. Вяземскаго. **1868**. 1436.

950. Изъ писемъ фельдмаршала князя М. С. Воронцова къ М. П. Щербинину, съ Кавказа и изъ чужихъ краевъ въ Москву. **1870**. 2145.

951. Письма князя М. С. Воронцова къ археологу Н. Н. Мурзакевичу. **1876**. III. 362.

952. Воспоминанія Михаила Павловича Щербинина о князѣ М. С. Воронцовѣ. **1876**. III. 285.

953. Князь Михаилъ Семеновичъ Воронцовъ въ его государственной дѣятельности на Кавказѣ. Статья В. С. Толстаго. **1877**. III. 293.

954. Николай Ивановичъ Второвъ (черты областной умственной жизни въ Россіи). Статьи М. Ѳ. Де-Пуле. **1877**. II. 136, 327 и 426.

955. Изъ очерковъ недавней старины (объ Е. А. Головинѣ и жестокостяхъ военнаго быта). **1871**. 1253.

956. Изъ памятныхъ Записокъ графа Павла Христофоровича Граббе. (Поѣздка въ Петербургъ въ 1834 году. Вознесенскіе маневры 1837 года.—Дѣтство, воспитаніе, начатки боеваго поприща. Голоминъ. Прейсишъ - Эйлау. Адъютантство при Ермоловѣ. Военное агентство въ Баваріи. Отечественная война). **1873**. 416 и 781.

957. Изъ памятныхъ замѣтокъ В. Д. Давыдова. (Кончина Дибича, по разсказу его адъютанта Никиты Егоровича Панина). **1871**. 0289.

958. Изъ воспоминаній М. М. Евреинова. Н. К. Загряжская. **1875**. I. 335.

959. Изъ Кавказскихъ воспоминаній В. А. Инсарскаго. Поѣздка въ Баку (1857). **1868**. 475.

960. Изъ Записокъ В. А. Инсарскаго. Дача подъ Тифлисомъ, Каджоры (1857). **1874**. II. 301.

961. Походъ 1859 года. Изъ Кавказскихъ воспоминаній В. А. Инсарскаго. **1868**. 1245.

962. Кавказскіе праздники, глава изъ Записокъ В. А. Инсарскаго. **1868**. 1003.

963. Общество посѣщенія бѣдныхъ въ С.-Петербургѣ 1846—1855. Изъ Записокъ В. А. Инсарскаго. **1869**. 1005.

964. Изъ Записокъ Василія Антоновича Инсарскаго. 1832—1837. Первые шаги служебной дѣятельности. Образованіе Министерства Государственныхъ Имуществъ. **1873**. 513.

965. Контръ-адмиралъ Истоминъ. Очеркъ его жизни.—Его Севастопольскія письма.—Письма къ нему его брата.—Письмо П. С. Нахимова объ его кончинѣ. (Сообщено В. К. Истоминымъ). **1877**. I. 124.

966. Письмо контръ-адмирала Истомина къ Лайонсу. **1867**. 911.

967. Русскій человѣкъ на восточной окраинѣ. (Очеркъ жизни и дѣятельности Г. С. Карелина). Статья его дочери С. Г. Карелиной. **1873**. 1318.

968. М. М. Карніолинъ-Пинскій въ Сим-

XVIII. Русскіе писатели.

(въ азбучномъ порядкѣ).

1019. «А. П. Елагиной». Стихотвореніе И. С. Аксакова. **1877**. II. 496.

1020. Очеркъ помѣщичьяго быта въ началѣ нынѣшняго вѣка. Посмертная статья С. Т. Аксакова. **1868**. 529.

1021. Письмо графа А. Х. Бенкендорфа къ С. Т. Аксакову по поводу «Мароы Посадницы» М. П. Погодина. **1873**. 02299.

1022. Воспоминанія А. Н. Аөанасьева. Глава первая. (До Воронежской гимназіи и въ гимназіи). **1872**. 805.

1023. Перечень трудовъ А. Н. Аөанасьева, имъ самимъ составленный. **1871**. 1948.

1024. Челобитная Черниговскаго архіепископа Лазаря Барановича царю Алексѣю Михайловичу, о напечатаніи сочиненія его «Трубы». (Сообщена Л. Н. Майковымъ). **1875**. III. 308.

*

1025. Матеріалы для полнаго собранія сочиненій Е. А. Баратынскаго, собранные М. Н. Лонгиновымъ. **1864**. 110.

1026. О стихотвореніи Баратынскаго «Леда». Замѣтка Н. В. Путяты. **1864**. 675.

1027. Баратынскій и его сочиненія. Статья М. Н. Лонгинова. **1867**. 248.

1028. Письма Е. А. Баратынскаго къ Жуковскому и А. И. Тургеневу. **1871**. 0239.

1029. Письма Е. А. Баратынскаго къ свояку и другу его Н. В. Путятѣ. **1867**. 263.

1030. Письмо Е. А. Баратынскаго къ В. А. Жуковскому. (Увольненіе изъ Кадетскаго Корпуса). **1868**. 147.

1031. Замѣтка на «Воспоминанія» В. И. Панаева (о Баратынскомъ). Н. В. Путяты. **1868**. 141.

1032. Еще нѣсколько словъ о Е. А. Баратынскомъ. (Жизнь въ подмосковной деревнѣ). П. Г. Кичеева. **1868**. 866.

1033. Письмо Е. А. Баратынскаго къ Н. А. Полевому. **1872**. 351.

*

1034. Одиннадцать писемъ пѣшехода Василія Григорьевича Барскаго къ роднымъ. 1723—1746. (Съ предисловіемъ А. М. Лазаревскаго). **1874**. II. 513.

1035. Константинъ Николаевичъ Батюшковъ. Его письма и очерки его жизни. Статья П. И. Бартенева. **1867**. 1342 и 1440, съ портретомъ.

1036. Прогулка по Москвѣ. Вновь найденное сочиненіе К. Н. Батюшкова. **1869**. 1191.

1037. Письма К. Н. Батюшкова къ В. А. Жуковскому. **1870**. 1711.

1038. Письмо Бестужева (Марлинскаго) къ К. А. Полевому (съ Кавказа). **1874**. II. 6.

1039. Къ исторіи покоренія Кавказа. Письмо Марлинскаго (А. А. Бестужева) о Вельяминовскомъ походѣ къ Геленджику въ 1834 году. **1877**. III, 106.

1040. Изъ письма В. П. Боткина (1864) о Польскомъ мятежѣ. **1872**. 1055.

1041. Письмо Булгарина къ И. П. Липранди объ изданіи Сѣверной Пчелы. **1869**. 1553.

1042. Письмо Булгарина къ Гречу (коммерчески-издательскія дѣла съ Плюшаромъ). **1870**. 1943.

1043. Письмо Бѣлинскаго къ пріятелю его Н. И. Ханенкѣ. **1876**. II. 359.

1044. Импровизація Д. В. Веневитинова. **1866**. 259.

1045. Письмо Ф. Ф. Вигеля къ В. А. Жуковскому за границу. **1870**. 1718.

1046. Парнасскій адресъ-календарь А. Ѳ. Воейкова. **1866**. 760.

1047. Посланіе А. Ѳ. Воейкова къ Н. Н. Раевскому (старшему). **1871**. 0945.

1048. Письмо А. Ѳ. Воейкова къ А. И. Тургеневу (въ прозѣ и стихахъ). **1872**. 1184.

1049. О княгинѣ З. А. Волконской. **1867**. 311.

1050. Пѣснь Невская, стихотвореніе княгини З. А. Волконской. **1872**. 1979.

1051. Письмо А. Х. Востокова къ смотрителю за домами Румянцовскаго Музеума. **1864**. 1245.

*

1052. Выдержки изъ старыхъ бумагъ Остафьевскаго Архива, князя П. А. Вяземскаго. **1866**. 217 (Письма 1812 года), 473 (Арзамазскія литературныя шалости, письма Д. В Дашкова, Варнгагена и Сильвіо Пеллико), 859 (Письмо Батюшкова, письма въ стихахъ Жуковскаго, письма А. И. Тургенева, Нелединскаго-Мелецкаго, Д. В. Давыдова), 1065 (бумаги графа Уварова; письма Плетнева, Жуковскаго, Гоголя и Чадаева).

1053. Еще выдержки изъ бумагъ Остафьевскаго Архива. Письма къ князю П. А. Вяземскому: а) В. А. Жуковскаго, б) Сильвіо Пеллико, в) Профессора Баруффи. г) Сергѣя Львовича Пушкина, д) А. В. Кольцова, е) И. П. Мятлева, съ объяснительнымъ введеніемъ князя П. А. Вяземскаго. **1868**. 436.

1054. Изъ старыхъ бумагъ князя П. А. Вяземскаго: 1) Письмо Н. М. Карамзина къ князю А. И. Вяземскому 1796; 2) Письмо Н. В. Гоголя къ князю П. А. Вяземскому. 1846; 3) Указъ Петра Великаго Курбатову. **1872**. 1323.

1055. Эпиграмма князя П. А. Вяземскаго на князя А. А. Шаховскаго. **1876**. I. 392.

1056. Памяти М. П. Погодина. Стихотвореніе князя П. А. Вяземскаго. **1876**. I. 262.

1057. «Поминки» (по графѣ М. Ю. Вьельгорскомъ). Стихотвореніе князя П. А. Вяземскаго. **1877**. I. 542.

1058. Старая Записная Книжка, начатая въ 1813 году. (Прежніе писатели.—Книга Манзони.—Романы Купера.—Современныя черты въ стихахъ Ломоносова.—Случай съ Пушкинымъ. — Графъ Ланжеронъ. — Американецъ Графъ Толстой.— Новосильцовъ. — Jean de Paris. —Нелединскій.—Павелъ и Вилье. —Канингъ въ Москвѣ. — Праздникъ 1814 года.—Графъ Ростопчинъ и пр.). **19-й В**. II. 219. (Карточная игра. — Попугай-клеветникъ.—Путешествіе въ Англію). **1872**. 2252. (Записки Станислава Понятовскаго и его мечты о бракѣ съ Екатериною II-ю.— Острота графа Сакена.—Характеристика Карамзина.—С. Н. Маринъ.—Петръ Степановичъ Молчановъ.—Сумашедшій графъ Мамоновъ). **1873**. 0832. 1017. (За-

мѣтки біографическія, характеристическія, литературныя, житейскія. Ермоловъ, Багратіонъ и Милорадовичъ. Новиковъ. А. М. Пушкинъ. Князь А. Ѳ. Орловъ. Поццо-ди-Борго и пр. Записки графини Хотекъ. Разсказы объ императорѣ Павлѣ. Неѣловъ. Позняковъ и пр.). **1873**. 1783, 1968 и 2139. (Загряжская. Графъ Гудовичъ. Магницкій. Сперанскій. Его отношенія къ императору Александру Павловичу). **1874**. I. 173. (Первыя судьбы Бирона. Пальмштернъ. Московскіе типы: Н. Д. Офросимова и ея сынъ. Сибилевъ. Театральная исторія 1830 года. Анекдоты о князѣ А. С. Менщиковѣ, Давыдовѣ, Ермоловѣ. Клочки разговоровъ, мимоходомъ схваченныхъ и пр. 467. (Donna Sol. Левъ Серг. Пушкинъ. Арендтъ. Разные анекдоты). 1337. (Московскій врачъ до 1812 года. Дѣвица Жоржъ. Милиція. Князь Тюфякинъ. Князь В. С. Голицынъ. Н. И. Кривцовъ). **1874**. II. 186. (Оскаръ.—Бернадотъ.—Князь Бѣлосельскій.—А. И. Тургеневъ.—Москва сороковыхъ годовъ.—Ѳ. П. Опочининъ.—Графъ Остерманъ-Толстой. — Чухломскіе критики.—Несчастный учитель.—Графы Сенъ-При. — Отрывчатые разговоры.—Дорожка въ Царскомъ Селѣ.—Геніи.—Стихи князя Хованскаго и пр.—Варшавскіе разсказы. — Логогрифы. — Княгиня Юсупова.—Т. Б. Потемкина.—Россіяда. — Милоновъ и пр.—Азартныя игры. — Служебное усердіе.—Новосильцовъ и Байковъ въ Варшавѣ.—Курута.—Амфигури.—Ариѳметическая табличка). **1875**. I. 54, 196, 295, 468. (Гастрономическія и застольныя отмѣтки, а также и по части питейной. Княгиня Ночная: Princesse Nocturne). **1875**. II. 99, 173. (И. Б. Пестель. Комедіи Реньяра. Князь А. К. Разумовскій. Графъ Л. Г. Разумовскій. Графиня М. Г. Разумовская.—Казань въ 1809 году. Влюбчивость). **1875**. III. 439. (Мистификаторы.—Пріемъ В. Л. Пушкина въ Арзамасъ.—Арзамаскія рѣчи: Жуковскаго, Северина, Д. В. Дашкова, графа Д. Н. Блудова, князя П. А. Вяземскаго и В. Л. Пушкина). **1876**. I. 60, 199. (Пикникъ въ Царицынѣ.—Воспоминанія о Палестинѣ.—Дельвигъ и планъ его повѣсти.—Затѣйливый помѣщикъ.—Крыловъ и Гнѣдичъ. — Искаженія Французской рѣчи.—П. И. Кутузовъ.—Заставы.—Характеристики.— Мадригалы.—Прозвища.—С. С. Апраксинъ. — Спектакль въ Льговѣ). **1876**. II. 200, 417. (Шарады.—Князь И. М. Долгорукій. — Отзывъ Батюшкова о стихахъ своихъ.—Путешественники.— Мысли и отзывы Жуковскаго. — Французская Муза въ Россіи). **1876**. III. 59 и 155. (Сатирическія объявленія. — Застольная пѣснь). **1877**. II, 221. (Разсказы о Жуковскомъ и Пушкинѣ. — Петербургское общество «Галера».—Хитровъ.—Елисавета Михайловна Хитрова.—Печать и ея значеніе. Посланникъ Шредеръ). **1877**. I. 511.

1059. Замѣчанія на вторую книгу «Девятнадцатаго Вѣка» и напечатанныя въ ней Выдержки изъ Ста-

рой Записной Книжки, начатой въ 1813 году. **1872**. 2251.

*

1060. Заявленіе Н. В. Гербеля (объ его предкахъ). **1873**. 0221.
1061. Воспоминаніе объ А. И. Герценѣ и его похороны. Статья Д. Н. Свербеева. **1870**. 673.
1062. Письма М. И. Глинки къ К. А. Булгакову, съ нотами и съ примѣчаніями М. Н. Лонгинова и князя В. Ѳ. Одоевскаго. **1869**. 341.
1063. Письма М. И. Глинки къ В. Н. Кашперову. **1869**. 1143.
1064. Воспоминаніе о М. И. Глинкѣ. В. Н. Кашперова. **1869**. 1137.
1065. По поводу Записокъ С. Н. Глинки, графа Г. А. Милорадовича. **1873**. 0220.
1066. Замѣтка о С. Н. Глинкѣ. Князя В. И. Баюшева. **1875**. III. 495.
1067. Анекдотъ о Гнѣдичѣ. **1863**. 170.

*

1068. Воспоминаніе о Гоголѣ. Я. К. Грота. **1864**. 177.
1069. Повѣсть о капитанѣ Копѣйкинѣ по рукописи, найденной въ Римѣ, съ предисловіемъ А. Ѳ. Бычкова. **1865**. 775.
1070. Письмо Гоголя къ кн. П. А. Вяземскому. **1865**. 787.
1071. Два письма Гоголя къ Д. К. Малиновскому. **1865**. 1124.
1072. Письмо Гоголя къ П. А. Плетневу о Мертвыхъ Душахъ. **1866**. 766.
1073. Неизданныя мѣста изъ писемъ Н. В. Гоголя къ друзьямъ. **1866**. 1730.
1074. Шуточное письмо Н. В. Гоголя къ Елиз. Гр. Чертковой. **1867**. 473.
1075. Двѣнадцать писемъ Гоголя къ Жуковскому (до 1843 г.) **1871**. 946.
1076. Письмо Н. В. Гоголя къ М. П. Погодину. **1872**. 2369.
1077. Двѣ записки Гоголя къ К. С. Сербиновичу. **1876**. III. 202.
1078. Гоголь и Кукольникъ въ Нѣжинской гимназіи, разсказы Артынова, записанные Л. Мацѣевичемъ. **1877**. III. 191.

*

1079. Александръ Васильевичъ Горскій. Біографическій очеркъ. Статья графа Д. Н. Толстаго. **1875**. III. 472.
1080. Русскій у подошвы Чатырдага, стихи князя Д. П. Горчакова. **1871**. 1285.
1081. О Египтологѣ Гульяновѣ. Изъ письма Т. Н. Грановскаго къ Н. В. Станкевичу. Сообщено А. В. Станкевичемъ. **1873**. 0479.
1082. Изъ бумагъ Н. И. Греча (Письма А. С. Стурдзы, А. С. Пушкина, С. Н. Глинки, А. А. Бестужева и стихи Измайлова). **1869**. 600.
1083. Исторія перваго энциклопедическаго лексикона въ Россіи. Изъ Записокъ Н. И. Греча. **1870**. 1247.
1084. По поводу статьи Греча о Плюшарѣ, М. Н. Лонгинова. **1870**. 1940.

*

1085. Анекдоты о Грибоѣдовѣ и Загоскинѣ, записанные М. Н. Лонгиновымъ. **1863**. 466.
1086. Замѣтка о кончинѣ Грибоѣдова Н. В. Путяты. **1871**. 1299.
1087. О смерти А. С. Грибоѣдова, статья П. А. Ефремова. **1872**. 1492.
1088. Письма А. С. Грибоѣдова къ К. К. Родофиникину. **1872**. 1538.
1089. Письмо князя П. А. Вяземскаго къ М. Н. Лонгинову (о Грибоѣдовѣ). **1874**. I. 0535.
1090. Очеркъ первоначальной исторіи Горе отъ ума. Статья А. Н. Веселовскаго. **1874**. I. 1513.
1091. Варіанты къ Горю отъ ума. **1874**. I. 1566.

1092. Арестъ Грибоѣдова въ 1825 году. Изъ воспоминаній Н. В. Шимановскаго. **1875**. II. 339.

1093. Изъ бумагъ Д. В. Давыдова. (Письма къ графамъ Аракчееву, Адлербергу, Закревскому, Ермолову, стихи: «Голодный пёсъ», разговоръ Николая Павловича съ Ермоловымъ). **1866**. 904.

1094. Письмо Д. В. Давыдова къ В. А. Жуковскому, при посылкѣ уса. **1868**. 975.

1095. Автобіографическая записка В. И. Даля. **1872**. 2246.

1096. Владиміръ Ивановичъ Даль (черты его жизни). Некрологическая статья издателя. **1872**. 2023.

1097. Письма къ друзьямъ изъ похода въ Хиву 1839 года, В. И. Даля. **1867**. 402, 606.

1098. Поправки и дополненія. Объ В. И. Далѣ, Л. Стиды. О Военной Академіи, И. П. Липранди. **1875**. II. 0115, 366.

1099. Два лицейскія стихотворенія барона Дельвига. **1864**. 1073.

1100. Десять писемъ Г. Р. Державина къ В. С. Попову. **1865**. 349.

1101. Письмо Г. Р. Державина къ И. П. Кулибину. **1872**. 1182.

1102. Частное письмо святителя Дмитрія Ростовскаго. **1872**. 441.

*

1103. Дополненіе къ матеріаламъ для изданія сочиненій И. И. Дмитріева. М. Н. Лонгинова. **1864**. 1251.

1104. Письма разныхъ лицъ къ И. И. Дмитріеву (Шишкова, Жуковскаго, Батюшкова, гр. Блудова, кн. Вяземскаго, А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя). **1866**. 1616.

1105. Неизданныя шуточныя стихотворенія И. И. Дмитріева. **1867**. 981.

1106. Письма 1806—1823 годовъ Ивана Ивановича Дмитріева (1760—1837) къ А. И. Тургеневу (1784—1845). **1867**. 1072.

1107. Письма къ Ивану Ивановичу Дмитріеву: а) 12 писемъ Д. В. Дашкова; б) 29 писемъ князя П. А. Вяземскаго. **1868**. 583.

1108. Письма И. И. Дмитріева и двѣ записки Карамзина къ Д. И. Языкову, съ примѣчаніями А. Ѳ. Бычкова. **1868**. 1081.

1109. Письма И. И. Дмитріева къ В. А. Жуковскому. **1870**. 1691; **1871**, 409.

1110. Библіографическая поправка М. А. Дмитріева. **1863**. 959.

1111. Эпиграммы М. А. Дмитріева. **1872**. 1984.

1112. Послѣдняя іеремиада Николаевской эпохи. Посланіе въ стихахъ М. А. Дмитріева къ С. Т. Аксакову. **1875**. II. 225.

*

1113. О Запискахъ князя Ивана Михайловича Долгорукова и хронологія его стихотвореній. Статья М. Н. Лонгинова. **1865**. 364.

1114. Хронологія нѣкоторыхъ стихотвореній князя Ивана Михайловича Долгорукова. **1865**. 368.

1115. Выдержки изъ дружескихъ писемъ Евгенія Болховитинова къ Воронежскому жителю В. И. Македонцу 1800—1810. Съ примѣчаніями и послѣсловіемъ Н. Е. Сѣвернаго. **1870**. 769.

1116. Письмо митрополита Евгенія къ епископу Парѳенію. (Сообщено Л. Н. Майковымъ). **1875**. III. 315.

1117. Письмо Евгенія Болховитинова объ его постриженіи въ монашество, къ Воронежскимъ его друзьямъ (1800). **1873**. 388.

1118. Нѣсколько словъ о митрополитѣ Евгеніѣ и его письмахъ. **1870**. 871.

1119. Замѣтки Я. К. Грота на письма Евгенія и Н. И. Зиновьева. **1870.** 1768.
1120. Замѣтка къ статьѣ объ изданіи «Опыта о человѣкѣ». П. А. Ефремова. **1872.** 2031.
1121. Шесть записокъ А. П. Ермолова къ П. М. Садовскому. **1873.** 158.

*

1122. Письмо В. А. Жуковскаго къ П. И. Голубкову о крѣпостныхъ своихъ людяхъ. **1863.** 708.
1123. Подлинныя черты изъ жизни В. А. Жуковскаго. Письма его и А. И. Тургенева. **1864.** 448.
1124. Письма В. А. Жуковскаго къ роднымъ въ Бѣлевъ. **1864.** 458.
1125. Матеріалы для полнаго изданія сочиненій В. А. Жуковскаго, собранные М. Н. Лонгиновымъ. **1864.** 627.
1126. Долбинскія стихотворенія В. А. Жуковскаго. **1864.** 1005.
1127. Письмо В. А. Жуковскаго къ книгопродавцу И. В. Попову. **1865.** 319.
1128. Разсказъ В. А. Жуковскаго о первомъ его представленіи императрицѣ Маріи Өеодоровнѣ. **1865.** 803.
1129. Изъ письма В. А. Жуковскаго къ принцессѣ Луизѣ Прусской (о холерномъ возмущеніи въ С.-Петербургѣ, на Сѣнной площади). **1866.** 339.
1130. Книжная рѣдкость. (Муравейникъ, изданіе Жуковскаго для царскихъ дѣтей). **1867.** 299.
1131. Шуточная записка В. А. Жуковскаго къ Н. И. Гнѣдичу. **1867.** 311.
1132. Письма В. А. Жуковскаго къ А. И. Тургеневу. **1867.** 789.
1133. Письма В. А. Жуковскаго къ И. И. Козлову. **1867.** 820.
1134. Письма В. А. Жуковскаго къ А. Ө. фонъ-деръ-Бриггену. **1867.** 843.
1135. Письма В. А. Жуковскаго къ Его Императорскому Высочеству Великому Князю Константину Николаевичу (1840—1851), съ предисловіемъ князя П. А. Вяземскаго. **1867.** 1385.
1136. Письмо великой княгини Александры Николаевны къ В. А. Жуковскому. **1868.** 107.
1137. Два письма В. А. Жуковскаго къ князю А. Н. Голицыну о Баратынскомъ. **1868.** 156.
1138. Протоколъ двадцатаго Арзамаскаго засѣданія, въ стихахъ В. А. Жуковскаго. **1868.** 829.
1139. Письмо В. А. Жуковскаго къ Д. В. Дашкову. **1868.** 837.
1140. Письма В. А. Жуковскаго къ А. Я. Булгакову. **1868.** 1445.
1141. Черта въ характерѣ Жуковскаго. **1868.** 1871.
1142. Письма В. А. Жуковскаго къ протоіерею И. И. Базарову. **1869.** 81.
1143. Письма Жуковскаго къ Е. Г. Пушкиной. **19-й В.** I. 406.
1144. Неизданное стихотвореніе В. А. Жуковскаго (къ Великой Княгинѣ Маріи Николаевнѣ). **1869.** 379.
1145. Письмо В. А. Жуковскаго къ графу М. Ю. Вьельгорскому. **1869.** 644.
1146. Стихи В. А. Жуковскаго А. П. Ермолову. **1870.** 268.
1147. Письмо Жуковскаго къ графинѣ С. М. Соллогубъ по случаю кончины дѣтей ея. **1869.** 958.
1148. Смерть Іисуса, неизданное стихотвореніе В. А. Жуковскаго. **1870.** 1237.
1149. Изъ бумагъ В. А. Жуковскаго: письма къ нему Карамзина, Дмитріева, Батюшкова и письма Жуковскаго къ Дмитріеву. **1870.** 1682.
1150. Письмо Жуковскаго къ Гете. **1870.** 1817.

1151. Письма Жуковскаго къ И. И. Дмитріеву. **1870**. 1703.
1152. Письмо В. А. Жуковскаго къ Г. И. Павскому. **1870**. 2127.
1153. Письма къ В. А. Жуковскому: а) А. Ѳ. Мерзлякова. **1871**. 0133. б) Графа С. С. Уварова. 0157. в) В. К. Кюхельбекера. 0170. г) А. В. Кольцова. 0180. д) Д. В. Давыдова. 0187.
1154. Переписка В. А. Жуковскаго съ генераломъ Жомини. **1871**. 255.
1155. Письма В. А. Жуковскаго къ А. О. Смирновой. **1871**. 1856.
1156. Воспоминанія А. О. Смирновой о Жуковскомъ и Пушкинѣ. **1871**. 1869.
1157. Письмо В. А. Жуковскаго къ Ю. А. Нелединскому-Мелецкому о кончинѣ императрицы Маріи Ѳеодоровны. **1872**. 855.
1158. Дѣтскія письма В. А. Жуковскаго къ его матери. **1872**. 2363.
1159. Письмо В. А. Жуковскаго къ неизвѣстному лицу. **1872**. 2367.
1160. Письма В. А. Жуковскаго изъ Дрездена къ Государынѣ Императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ о воспитаніи Государя Императора Александра Николаевича (1826 и 1827). Французскіе подлинники съ Русскимъ переводомъ. **1873**. 1.
1161. Осмнадцать писемъ В. А. Жуковскаго къ Императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ (1826—1839) о воспитаніи, отроческихъ лѣтахъ и первой молодости Государя Императора Александра Николаевича. **1874**. I. 9.
1162. Изъ бумагъ В. А. Жуковскаго: Письмо А. И. Тургенева къ В. А. Жуковскому. **1873**. 1516. Переписка А. И. Тургенева съ Гумбольдтомъ. 1519. Письмо короля Прусскаго къ Тургеневу. 1526. Письмо Тургенева къ Жуковскому. 1528.
1163. Изъ бумагъ В. А. Жуковскаго: Повѣсть о Іосифѣ Прекрасномъ и мелкіе отрывки въ стихахъ и прозѣ. Сообщены К. С. Сербиновичемъ. **1873**. 1693.
1164. Изъ бумагъ В. А. Жуковскаго:— Записка Гизо къ Жуковскому. — Письмо Жуковскаго въ г-жѣ Моро де ла Мельтьеръ. — Выдержка изъ письма Жуковскаго къ А. А. Воейковой. — Письма графини Генріетты Разумовской. — Письма А. И. Тургенева о кончинѣ графини Разумовской. — Письма графа Д. Н. Блудова. — Письма К. Н. Батюшкова. — Письмо И. А. Петина. — Письмо В. А. Озерова. — Письмо Ю. А. Нелединскаго. — Письмо графа Д. И. Хвостова. — Письма Н. И. Гнѣдича. — Письма живописца А. А. Иванова. — Письмо князя Паскевича. — Письмо І. И. Ростовцова.—Письма С. П. Шевырева. **1875**. III. 317, 318, 320, 321, 339, 341, 343, 362—365, 368—370.
1165. По поводу бумагъ В. А. Жуковскаго. Два письма князя П. А. Вяземскаго къ издателю Русскаго Архива. (Вскрытыя звѣздочки. — Дружба прежнихъ литераторовъ.— Письмо Жуковскаго къ императору Николаю Павловичу.—Политическая виновность Н. И. Тургенева.—Жуковскій-адвокатъ Н. И. Тургенева.—Значеніе 14-го Декабря). **1876**. I. 248.
1166. Письма В. А. Жуковскаго о графѣ І. М. Вьельгорскомъ и его болѣзни. 1837—1839. **1876**. I. 356.
1167. Письмо Бунзена къ В. А. Жуков-

скому. 1835. (Сообщено Н. А. Елагинымъ). **1876**. I. 437.

1168. Записочка Жуковскаго къ А. С. Пушкину. **1876**. II. 453.

1169. Жуковскій въ Парижѣ. Статья князя П. А. Вяземскаго (съ выдержками изъ Записокъ Жуковскаго). **1876**. II. 91.

1170. Листокъ изъ бумагъ Жуковскаго (о свободѣ). **1876**. III, 202.

1171. Письмо В. А. Жуковскаго къ А. М. Веневитиновой. (1849). **1877**. II. 228.

1172. Стихотвореніе Жуковскаго: Капитану «Геркулеса». **1877**. II. 368.

1173. Послѣдніе дни жизни В. А. Жуковскаго. Статья И. И. Базарова. **1869**. 99.

1174. Воспоминаніе о Е. А. Жуковской. И. И. Базарова. **1869**. 2023.

1175. Матеріалы для изданія полнаго собранія сочиненій и переводовъ Жуковскаго, собранные М. Н. Лонгиновымъ. **1870**. 0695.

*

1176. Канцеляристъ. Неизданный разсказъ М. Н. Загоскина. **1865**. 791.

1177. Письма Александра Ефимовича Измайлова къ И. И. Дмитріеву, съ приложеніями въ стихахъ и прозѣ (гр. Хвостова, Рылѣева, б. Дельвига и пр.). **1871**. 961.

1178. Извлеченія изъ писемъ лицеиста А. Д. Илличевскаго къ Фуссу. **1864**. 1050.

1179. Три политическія записки преосвященнаго Иннокентія, архіепископа Таврическаго. **1867**. 1330.

1180. Записка Иннокентія, архіепископа Херсонскаго и Таврическаго, о Римско-католической епархіи въ Херсонѣ, съ примѣчаніями П. И. Савваитова. **1868**. 412.

1181. Воспоминаніе о Ѳ. И. Иноземцовѣ, С. А. Смирнова. **1872**. 718.

1182. Къ біографіи Ѳ. И. Иноземцова, замѣтка графа М. Д. Бутурлина. **1872**. 1457.

1183. Письмо Калайдовича къ архимандриту Амвросію (Сообщено П. М. Строевымъ). **1869**. 1715.

1184. Вновь найденная эпиграмма князя А. Д. Кантемира. **1865**. 1358.

*

1185. Карамзинъ и В. Л. Пушкинъ (1801) изъ Записокъ Ф. Ф. Вигеля. **1863**. 295.

1186. Сто лѣтъ со дня рожденія Карамзина. Статья М. Н. Лонгинова. **1865**. 1532.

1187. Еще о годѣ рожденія Карамзина. Статья М. Ѳ. Шугурова. **1866**. 1504.

1188. О мѣстѣ рожденія Н. М. Карамзина. Статья М. А. Дмитріева. **1865**. 1534.

1189. Записка Карамзина къ неизвѣстному лицу (столкновеніе съ графомъ Закревскимъ по изданію въ свѣтъ Исторіи Государства Россійскаго). **1866**. 1765.

1190. Письма и записки Н. М. Карамзина къ Е. Ѳ. Муравьевой. **1867**. 455.

1191. Письма Н. М. Карамзина къ В. А. Жуковскому. (1803 — 1818). Съ примѣчаніями князя П. А. Вяземскаго. **1868**. 1827.

1192. Письма Н. М. Карамзина къ графу С. П. Румянцову и В. В. Измайлову. **1869**. 587.

1193. Два письма Карамзина къ Жуковскому въ Дерптъ. **1869**. 1383.

1194. Два письма Н. М. Карамзина къ Н. И. Гречу. **1869**. 1723.

1195. Письмо Карамзина къ Е. А. Протасовой. **1870**. 1689.

1196. О сношеніи Н. М. Карамзина съ Харьковскимъ университетомъ. Н. А. Лавровскаго. **1869**. 2017.

1197. Мое представленіе исторіографу. М. П. Погодина. **1866**. 1766.
1198. Матеріалы для полнаго собранія сочиненій и переводовъ Карамзина, статья М. Н. Лонгинова. **1864**. 849.
1199. Отголосокъ Карамзинскаго юбилея въ Парижѣ. Статья М. Н. Лонгинова (по поводу изданія В. С. Порошинымъ Писемъ Русскаго путешественника на Французскомъ языкѣ). **1867**. 467.

*

1200. Выдержки изъ писемъ актера В. А. Каратыгина къ П. А. Катенину. **1871**. 0241.
1201. Два письма М. Т. Каченовскаго къ Н. И. Гнѣдичу. **1868**. 970.
1202. Изъ писемъ И. В. Кирѣевскаго къ В. А. Жуковскому. **1870**. 959.
1203. Стихи И. В. Кирѣевскаго Мицкевичу, при поднесеніи ему кубка. **1874**. II. 223.
1204. Статья И. В. Кирѣевскаго о Баратынскомъ, съ предисл. Н. А. Елагина. **1874**. II. 633.
1205. О подпискѣ на стипендію Е. П. Ковалевскаго. **1869**. 2105.
1206. Къ біографіи Е. П. Ковалевскаго (рѣчь князя П. А. Вяземскаго). **1872**. 1196.
1207. Памяти Евграфа Петровича Ковалевскаго и письмо Н. И. Тургенева къ кн. П. А. Вяземскому. (Сообщено Н. П. Барсуковымъ). **1872**. 1195.
1208. Матеріалы для полнаго собранія сочиненій Ивана Ивановича Козлова. **1864**. 230.
1209. Изъ розыскнаго дѣла о трагедіи Княжнина «Вадимъ». **1863**. 467.
1210. Поправка о Княжнинѣ. **1873**. 02297.
1211. Къ біографіи комика Княжнина. (Сообщено Г. Н. Александровымъ). **1873**. 1796.
1212. Неизданныя стихотворенія Кольцова. Статья М. Ѳ. де-Пуле. **1864**. 990.
1213. Неизданныя стихотворенія А. В. Кольцова. **1871**. 0250.
1214. Неизданное стихотвореніе Кольцова (Дмитрію Никитичу Бѣгичеву). **1874**. I. 1577.
1215. Письмо Кольцова къ Бѣлинскому (Сообщено А. З. Зиновьевымъ). **1875**. III. 395.
1216. Письмо Е. И. Кострова со стихами къ Суворову. (1792). **1874**. II. 4.
1217. Нѣсколько словъ о Костровѣ и его переводахъ, по поводу новаго изданія Апулеева Золотаго Осла. **1870**. 0709.

*

1218. О Крыловѣ, изъ Записокъ Ф. Ф. Вигеля (гощеніе у князя Голицына въ деревнѣ). **1863**. 68.
1219. Нѣсколько свѣдѣній о басняхъ Крылова. Статья М. Н. Лонгинова. **1864**. 1246.
1220. Хронологія басенъ Крылова. В. Ѳ. Кеневича. **1865**. 501, 993.
1221. Замѣтки о заимствованныхъ басняхъ Крылова. В. Ѳ. Кеневича. **1865**. 999.
1222. Разсказы объ И. А. Крыловѣ. Н. М. Колмакова. **1865**. 1007.
1223. Басня Крылова, Прихожанинъ. Сообщена Ѳ. Кеневичемъ. **1866**. 255.
1224. Письмо И. А. Крылова къ молодой дѣвицѣ (1801). **1865**. 991.
1225. Маскерадныя стихотворенія И. А. Крылова. Сообщены В. Ѳ. Кеневичемъ. **1866**. 1335.
1226. Неизданная басня И. А. Крылова (Пестрыя Овцы). Сообщена В. Ѳ. Кеневичемъ. **1867**. 386.
1227. Къ біографіи Крылова: молодая любовь его къ А. А. Константиновой. Замѣтка П. В. Алабина. **1868**. 860.

1257. Археологъ Капитонъ Ивановичъ Невоструевъ. Статья Е. В. Барсова. **1873**. 0846.

1258. Возраженіе Е. В. Барсову (о Невоструевѣ). **1873**. 01343.

1259. Экспромпты Неелова. (Сообщены княземъ Ю. А. Оболенскимъ). **1874**. I. 1357.

1260. «У всякаго свой рай», старинное стихотвореніе С. А. Неелова. (Сообщено А. Г Ермоловымъ). **1875**. III. 109.

1261. Свѣдѣнія о жизни и дѣятельности И. С. Никитина. Статья М. Ѳ. де-Пуле. **1863**. 453.

1262. Староста. Стихотвореніе И. С. Никитина. **1865**. 317.

1263. Молитва въ саду Геѳсиманскомъ. Стихотвореніе И. С. Никитина, съ біографической замѣткой. **1865**. 805.

1264. «Поэту-обличителю». Стихотвореніе И. С. Никитина. **1865**. 1359.

1265. Либералъ, разсказъ И. С. Никитина. **1867**. 1169.

1266. Шрамъ на головѣ Русскаго артиста (Н. М. Никифорова). Замѣтка В. И. Родиславскаго. **1876**. III. 128.

1267. Письма Н. И. Новикова къ Я. И. Булгакову. **1864**. 737.

1268. Письма Николая Ивановича Новикова къ Д. П. Руничу. **1871**. 1013.

1269. О библіотекѣ А. С. Норова, замѣтка С. А. Соболевскаго. **1869**. 064.

1270. Черта изъ жизни А. С. Норова, Статья М. Н. Лонгинова. **1869**. 066.

1271. Памяти А. С. Норова, стихотвореніе князя П. А. Вяземскаго. **1869**. 067.

1272. Князь М. А. Оболенскій. (Его труды и изданія). Статья Н. И. Костомарова. **1873**. 667.

1273. Стихотворенія А. И. Одоевскаго, присланныя имъ изъ ссылки князю П. А. Вяземскому: Чалма, Балъ, Свѣтлое воскресенье, Послѣдняя надежда. **1873**. CIII.

*

1274. Изъ бумагъ князя В. Ѳ. Одоевскаго. Письма: Д. М. Велланскаго, князя А. А. Шаховскаго, А. С. Грибоѣдова, князя В. Ѳ. Одоевскаго къ А. С. Пушкину, А. С. Пушкина, В. А. Жуковскаго, А. Ѳ. Воейкова, А. В. Кольцова, Н. В. Гоголя, М. И. Глинки, В. А. Каратыгина, гр. Е. П. Ростопчиной. **1864**. 804.

1275. Черта въ характерѣ князя В. Ѳ. Одоевскаго (по Обществу посѣщенія бѣдныхъ). **1870**. 927.

1276. 5-е Марта 1861 года. Стихотвореніе, найденное въ бумагахъ кн. В. Ѳ. Одоевскаго. **1871**. 186.

1277. Изъ неизданныхъ бумагъ князя В. Ѳ. Одоевскаго: отрывки, замѣтки, афоризмы, автобіографическіе наброски и пр. **1874**. I. 278.

1278. Князь В. Ѳ. Одоевскій и Общество посѣщенія бѣдныхъ просителей въ Петербургѣ. **1874**. I. 264.

1279. Князь В. Ѳ. Одоевскій. Общій очеркъ его жизни и дѣятельности. Воспоминанія объ Обществѣ посѣщенія бѣдныхъ просителей въ Петербургѣ. Статья Н. В. Путяты (съ портретомъ). **1874**. I. 257.

1280. Изъ бумагъ князя В. Ѳ. Одоевскаго. (Къ исторіи Русской цензуры. О мѣрахъ противъ заграничной Русской печати. 19 Февраля. Замѣтки, наброски, афоризмы). **1874**. II. 11.

*

1281. Письма В. А. Озерова къ А. Н. Оленину. **1869**. 123.

1282. Письмо В. А. Озерова къ Ѳ. А. Голубцову. **1869.** 151.

1283. Письмо В. А. Озерова къ книгопродавцу. (Сообщено Ек. Ст. Некрасовой). **1877.** III. 279.

1284. Къ біографіи В. А. Озерова. Замѣтка И. П. Варпаховскаго. **1869.** 2029.

1285. По поводу предъидущей статьи, замѣтка князя П. А. Вяземскаго. **1869.** 2032.

1286. Наслѣднику Цесаревичу Александру Александровичу, при поднесеніи Потемкинской трости. Стихотвореніе Д. П. Ознобишина. **1877.** III. 3.

1287. Стихотвореніе Н. Ф. Павлова («Иной, всю жизнь отдавъ заботамъ»). **1875.** II. 110.

1288. Напоминаніе о Павскомъ. М. П. Погодина. **1870.** 1948.

1289. Письмо М. П. Погодина къ издателю о семействѣ протоіерея Павскаго. (Въ особомъ приложеніи). **1870.** 1.

1290. Семь писемъ А. А. Петрова къ Н. М. Карамзину. **1863.** 473.

1291. Неизданные отрывки изъ писемъ А. А. Петрова къ Н. М. Карамзину. **1866.** 1756.

1292. Письма стихотворцевъ Петрова и Струйскаго къ князю Потемкину. **1871.** 071.

1293. Изъ Записокъ эмигранта, В. С. Печерина. (Сообщено Ѳ. В. Чижовымъ). **1870.** 1333.

1294. Письмо В. С. Печерина о своей судьбѣ къ графу С. Г. Строгонову. **1870.** 2129.

1295. Отзывъ В. С. Печерина о классическомъ обученіи. **1871.** 1740.

1296. Алексѣй Ѳеофилактовичъ Писемскій и его двадцатипятилѣтняя литературная дѣятельность. Статья Б. Н. Алмазова. **1875.** I. 453.

1297. П. А. Плетневъ, статья Я. К. Грота. **1869.** 2067.

1298. Литературный вечеръ у П. А. Плетнева, статья И. С. Тургенева. **1869.** 1663.

1299. Изъ писемъ П. А. Плетнева къ В. А. Жуковскому. **1870.** 1273.

1300. Письмо П. А. Плетнева къ В. А. Жуковскому отъ 17 Февраля 1833 года. **1875.** II. 466.

1301. Письмо П. А. Плетнева въ Москву къ К. А. Коссовичу. (Сообщено Н. П. Барсуковымъ). **1877.** III. 321.

1302. Письма П. А. Плетнева къ Дм. Иван. Коптеву (1844—1852), съ очеркомъ жизни сего послѣдняго. **1877.** III. 357.

*

1303. Изъ Записокъ о жизни въ Римѣ съ Гоголемъ и Шевыревымъ въ 1839 г. М. П. Погодина. **1865.** 887.

1304. Литературно-историческія замѣчанія М. П. Погодина. **1869.** 2092.

1305. Письмо М. П. Погодина о кончинѣ графа С. С. Уварова. **1871.** 2107.

1306. Воспоминанія А. П. Подолинскаго съ предисловіемъ М. В. Юзефовича. **1872.** 856.

1307. Qui pro quo, замѣтка Петербургскаго Старожила (возраженіе Подолинскому). **1872.** 1604.

1308. Письмо графа А. Х. Бенкендорфа къ Н. А. Полевому, по поводу статьи о комедіи «Горе отъ ума». **1866.** 1753.

1309. Письмо графа А. Х. Бенкендорфа къ Н. А. Полевому касательно исторіи Петра Великаго. (Сообщено Т. В. Кибальчичемъ). **1874.** I. 1050.

1310. Мой дядя и кое-что изъ его разсказовъ. Воспоминанія Я. П. Полонскаго. **1876.** I. 72.

1311. М. П. Полуденскій, статья В. С. Неклюдова. **1868**. 1483.

1312. Письмо В. А. Полѣнова къ И. И. Мартынову (о Карамзинѣ). **1866**. 1763.

1313. Исторія изданія «Опыта о человѣкѣ» сочиненія Попе, въ переводѣ Поповскаго, статья Н. С. Тихонравова. **1872**. 1311.

1314. Изъ тетради замѣтокъ и воспоминаній Н. В. Путяты. **1863**. 350.

*

1315. Мадонна, стихотвореніе А. С. Пушкина (по рукописи поэта). **1863**. 20.

1316. Городъ Кишиневъ, стихотвореніе А. С. Пушкина. **1863**. 384.

1317. Письма А. С. Пушкина къ П. А. Осиповой. **1867**. 119.

1318. Два письма П. А. Осиповой къ В. А. Жуковскому о Пушкинѣ. **1872**. 2358.

1319. Письма А. С. Пушкина къ А. Н. Вульфу. **1867**. 154.

1320. Два письма А. С. Пушкина къ графу А. Х. Бенкендорфу (о семействѣ Раевскихъ). **1864**. 192.

1321. Два письма А. С. Пушкина къ Н. И. Кривцову, съ очеркомъ жизни Кривцова. **1864**. 1076.

1322. Письмо А. С. Пушкина къ князю Н. В. Репнину и отвѣтъ князя Репнина. **1864**. 1081.

1323. Изъ рукописей А. С. Пушкина. **1865**. 1528.

1324. Письма А. С. Пушкина къ графу Г. А. Строганову. **1866**. 1748.

1325. Письмо А. С. Пушкина къ А. И. Тургеневу. **1867**. 671.

1326. Письмо А. С. Пушкина къ Б. А. Адеркасу (о переводѣ въ крѣпость). **1872**. 2359.

1327. Письма А. С. Пушкина и В. А. Жуковскаго къ М. Н. Загоскину. **1868**. 973.

1328. Два автографа Пушкина, съ объясненіями М. Н. Лонгинова. **1869**. 1063.

1329. Неизданные стихи А. С. Пушкина: 1) изъ Кавказскаго Плѣнника; 2) о Псковѣ. **1869**. 1724.

1330. Новыя письма А. С. Пушкина къ В. А. Жуковскому, И. Ф. Мойеру, В. К. Кюхельбекеру и П. А. Плетневу. **1870**. 1169.

1331. Три письма А. С. Пушкина къ В. А. Жуковскому. **1872**. 2354.

1332. Еще новыя письма Пушкина къ Жуковскому, графу Бенкендорфу и къ другимъ лицамъ. **1870**. 1366.

1333. Письмо А. С. Пушкина къ барону М. А. Корфу съ примѣчаніемъ барона Ѳ. А. Бюлера. **1872**. 1601.

1334. Письмо А. С. Пушкина къ барону М. А. Корфу. О новѣйшей Русской Исторіи. **1872**. 198.

1335. Письма А. С. Пушкина къ кавалеристъ-дѣвицѣ Н. А. Дуровой, съ послѣсловіемъ барона Ѳ. А. Бюлера. **1872**. 199.

1336. Пятьдесятъ писемъ А. С. Пушкина къ князю П. А. Вяземскому (1816—1831) съ новыми стихами А. С. Пушкина. **1874**. I. 111 и 419.

1337. Письмо князя П. А. Вяземскаго къ А. С. Пушкину 1825 года. **1874**. I. 161.

1338. Письмо А. С. Пушкина къ барону Дельвигу, съ новыми стихами А. С. Пушкина. **1874**. I. 450.

1339. Письмо жениха Пушкина къ его будущей тещѣ Н. И. Гончаровой. (1830). Сообщено Н. О. Эминымъ. **1873**. 736.

1340. Письмо А. С. Пушкина къ А. Н. Верстовскому (1830). **1874**. I. 1376.

1341. Новое четверостишіе А. С. Пушкина. (Сообщено П. С. Киселевымъ). **1874**. I. 1579.

1342. Неизданные стихи А. С. Пушкина.

Сообщ. М. В. Юзефовичемъ. **1874.** II. 221.

1343. Четыре неизданныхъ стиха А. С. Пушкина. **1874**. II. 463.

1344. Неизданное четверостишіе Пушкина. (Сообщено А. П. Барсуковымъ). **1875**. III. 109.

1345. Еще четверостишіе А. С. Пушкина. **1876**. I. 489.

1346. Неизданные десять стиховъ А. С. Пушкина. (Сообщены Н. П. Хвицкимъ). **1876**. II. 453.

1347. Письма Пушкина къ П. В. Нащокину, съ отвѣтами. **19-й В.** I. 383.

1348. Записка о народномъ образованіи, представленная А. С. Пушкинымъ императору Николаю Павловичу въ 1826 году, съ послѣсловіемъ издателя. **19-й В.** II. 209.

1349. Для будущаго полнаго собранія сочиненій А. С. Пушкина. Собраніе разбросанныхъ его стихотвореній. Съ предисловіемъ Н. В. Гербеля. **1876**. III. 205.

1350. Удаленіе А. С. Пушкина изъ С.-Петербурга въ 1820 году. Сатья Ѳ. Н. Глинки. **1866**. 917.

1351. Письмо И. Н. Инзова о Пушкинѣ къ К. Я. Булгакову въ 1820 году. **1863**. 900.

1352. Пушкинъ въ южной Россіи. (Матеріалы для его біографіи, собираемые П. И. Бартеневымъ). **1866**. 1089.

1353. Изъ дневника и воспоминаній И. П. Липранди. Замѣчанія на предъидущую статью. **1866**. 1213. 1393.

1354. Замѣтка на статью «Пушкинъ въ южной Россіи». М. Н. Лонгинова. **1866**. 1749.

1355. Пушкинъ у А. П. Ермолова въ 1828 году. **1863**. 441.

1356. Объ отношеніяхъ А. С. Пушкина къ его дядѣ. Статья М. Н. Лонгинова. **1863**. 898.

1357. Изъ воспоминаній молодости (о Пушкинѣ). С. М. Сухотина. **1864**. 1083.

1358. Изъ воспоминаній о Пушкинѣ М. П. Погодина. **1865**. 95.

1359. Замѣтка о Пушкинѣ. П. И. Бартенева. **1865**. 389.

1360. Изъ воспоминаній графа В. А. Сологуба (о Пушкинѣ и Гоголѣ). **1865**. 735.

1361. Черта изъ жизни А. С. Пушкина. (Полицейскій надзоръ). **1876**. II. 236.

1362. Замѣтки и поправки свѣдѣній о Пушкинѣ. Н. П. Барсукова. **1874**. II. 1088.

1363. Анекдотъ о Пушкинѣ (изъ Записокъ П. М. Языкова): Пушкинъ во время холеры. **1874.** I. 800.

1364. Мицкѣвичъ о Пушкинѣ (по поводу изданія посмертныхъ сочиненій Мицкѣвича). Статья, присланная изъ-за границы. **1873.** 1057.

1365. Встрѣча Нѣмца съ Пушкинымъ. **1873**. 2204.

1366. Таинственныя примѣты въ жизни Пушкина. Статья С. А. Соболевскаго. **1870**. 1377.

1367. Къ предсказаніямъ о Пушкинѣ. Замѣтка М. П. Погодина. **1870**. 1947.

1368. Мелочи, замѣтки и поправки (о письмахъ Пушкина къ И. Ѳ. Антипину, о карликѣ на Полотняномъ Заводѣ, острота Жуковскаго, о Лафермьерѣ). **1869.** 1726 и 2091.

1369. Дополненія и поправки (о письмѣ А. С. Пушкина касательно желѣзныхъ дорогъ, о стихотвореніи Жуковскаго «Островъ», о письмахъ Даля изъ Хивинскаго похода). **1867.** 990.

1370. Поединокъ и кончина Пушкина на

Итальянской сценѣ. Сообщено Марьею Егоровною Гутмансталь. **1874**. I. 01096.

1371. Оправданіе іезуита Ивана Гагарина по поводу кончины Пушкина. **1865**. 1031.

1372. О перевозѣ тѣла Пушкина въ Святогорскій монастырь. Письмо А. И. Тургенева къ А. Я. Булгакову. **1864**. 469.

1373. Неизданные отрывки изъ письма В. А. Жуковскаго о кончинѣ Пушкина. **1864**. 48.

1374. О памятникѣ Пушкину. Замѣтка П. И. Миллера. **1871**. 1939.

1375. Стихотвореніе А. С. Норова на кончину Пушкина. **1871**. 0948.

*

1376. А. П. Розбергъ. Русскій педагогъ въ Прибалтійскомъ краѣ. Некрологъ. **1873**. 1705.

1377. Матеріалы для полнаго собранія сочиненій и для біографіи графа Ѳ. В. Ростопчина. Статья М. Н. Лонгинова. **1868**. 851.

1378. О графинѣ Е. П. Ростопчиной. Изъ записной книжки Н. В. Путяты. **1865**. 815.

1379. Неизданное стихотвореніе графини Ростопчиной, 1856 года, во время коронаціи. (Сообщено И. С. Аксаковымъ). **1874**. I. 497.

*

1380. Изъ бумагъ Рылѣева: 1) письма Рылѣева къ отцу 1812 года. 2) Письмо Рылѣева къ Булгарину. 3) Письмо Булгарина къ Рылѣеву. 4) Письмо къ Рылѣеву неизвѣстнаго лица. 5) Царевичъ Алексѣй. Дума. 6) Стихотворный набросокъ. 7) Видѣніе императрицы Анны. Дума. **19-й В**. I. 362.

1381. По поводу воспоминаній о Рылѣевѣ. Замѣтка Е. Я. **19-й В**. I, 351.

1382. К. Ѳ. Рылѣевъ. Изъ Записокъ Н. А. Бестужева. **19-й В**. I. 338.

1383. Письма Рылѣева къ Пушкину. **19-й В**. I. 376.

1384. Подлинныя бумаги о поединкѣ Новосильцова съ Черновымъ. **19-й В**. I, 333.

1385. Воспоминаніе о К. Ѳ. Рылѣевѣ князя Е. П. Оболенскаго. **19-й В**. I. 312.

*

1386. Воспоминаніе о П. М. Садовскомъ. Режиссера Московскихъ театровъ С. П. Соловьева. **1873**. 149.

1387. Разсказъ П. М. Садовскаго о Французской революціи 1848 года. **1873**. 155.

1388. Самаринъ-ополченецъ. Изъ воспоминаній его дружиннаго начальника по ополченію 1855 года. В. Д. Давыдова. **1877**. II. 42.

1389. Письма Ю. Ѳ. Самарина къ князю I. А. Мещерскому. **1877**. II. 103.

1390. Изъ дневника, веденнаго Ю. Ѳ. Самаринымъ въ Кіевѣ, въ 1850 году. (По поводу книги П. А. Кулиша). **1877**. II. 229.

1391. Стихи на могильномъ камнѣ актера Сандунова. **1869**. 1568.

1392. Для біографіи И. П. Сахарова: Воспоминанія Сахарова. **1873**. 897. Аттестастъ, выданный Сахарову. 919. Ходатайство кн. А. Н. Голицына о Сахаровѣ. 920. Библіографія трудовъ Сахарова. 927. Записки Сахарова (1837—1852). 941. Путешествіе Сахарова по Россіи въ 1858 году. 986. Предположенія и предложенія Сахарова, съ предисловіемъ и примѣчаніями П. И. Савваитова. 1014.

1393. Сенковскій и Мицкѣвичъ. Замѣтка по поводу воспоминаній г-на Ципринуса, съ послѣсловіемъ издателя. **1873**. 632.

1394. Воспоминанія И. М. Снегирева. **1866**. 513 и 735.

1395. О вліяніи Смоленскаго бульвара въ Москвѣ на Португальскій парламентъ въ Лиссабонѣ, замѣтка С. А. Соболевскаго. **1868**. 330.

1396. С. А. Соболевскій. Некрологъ. **1870**. 2140.

1397. Изъ разсказовъ С. А. Соболевскаго, Н. В. Берга. **1871**. 187.

1398. Голосъ изъ Иркутска по поводу кончины С. А. Соболевскаго. Графа А. Ѳ. Ростопчина. **1871**. 383.

1399. Замѣтка на замѣку (по поводу разсказовъ Соболевскаго). Н. В. Берга. **1871**. 1734.

1400. О С. А. Соболевскомъ. Я. Ф. Березина-Ширяева. **1871**. 1738.

1401. Семь шуточныхъ стихотвореній С. А. Соболевскаго. **1874**. II. 461.

1402. Нѣсколько словъ о В. И. Соколовскомъ Ѳ. Н. Фортунатова. **1865**. 1396.

1403. Изъ воспоминаній С. П. Соловьева, г-на режиссера Московскихъ театровъ (Васильевъ. Ленскій. Театральныя женщины. Пожаръ Большаго театра). **1873**. 2046.

1404. Любительскіе спектакли въ Москвѣ. Изъ воспоминаній бывшаго режиссера Московскихъ театровъ С. П. Соловьева. **1874**. I. 203.

1405. Изъ письма къ П. М. Строеву Н. П. Барсукова. (Въ особомъ приложеніи). **1870**. 6.

1406. Нѣсколько извѣстій о Пензенскомъ помѣщикѣ Струйскомъ (изъ Записокъ князя И. М. Долгорукаго). **1865**. 481.

1407. Дополненія, замѣтки и поправки (о Струйскомъ и милосердіи Екатерины II-й). Ю. В. Толстаго. **1866**. 265.

1408. Собственноручная записка А. П. Сумарокова (сообщена М. М. Евреиновымъ). **1867**. 100.

1409. Послѣдніе годы жизни А. П. Сумарокова. Изслѣдованіе М. Н. Лонгинова. **1871**. 1637.

1410. Поправки къ статьѣ М. Н. Лонгинова о Сумароковѣ. **1871**. 1955.

1411. Изъ записной книжки А. М. Павловой (анекдоты о Сумароковѣ). **1874**. II. 957.

1412. Анекдотъ о Сумароковѣ. (Сообщенъ М. М. Евреиновымъ). **1874**. I. 01097.

1413. Два доношенія А. П. Сумарокова, съ предисловіемъ Л. Н. Майкова. **18-й В**. III. 182.

1414. Н. В. Сушковъ. Некрологъ. **1871**. 1743.

1415. Нѣсколько объяснительныхъ словъ графа Л. Н. Толстаго (по поводу сочиненія его «Война и Миръ»). **1868**. 515.

1416. Изъ дѣла о присвоеніи В. К. Тредьяковскимъ гренадерской жены, съ предисловіемъ Г. Н. Александрова. **18-й В**. III. 178.

1417. Изъ памятныхъ замѣтокъ М. В. Юзефовича (Ѳ. А. Туманскій и Д. В. Давыдовъ). **1874**. II. 728.

1418. Письма А. И. Тургенева къ И. И. Дмитріеву. **1867**. 639. (Сообщены Ѳ. М. Дмитріевымъ).

1419. Письма разныхъ лицъ къ Александру Ивановичу Тургеневу. **1866**. 647.

1420. Новое изданіе сочиненій И. С. Тургенева. **1871**. 380.

1421. Письма Н. И. Тургенева къ князю П. А. Вяземскому и П. Я. Чаадаеву. **1872**. 1200.

1422. Николай Ивановичъ Тургеневъ. Статья Д. Н. Свербеева. **1871**. 1962.

1423. Дополненія и поправки (О С. А.

Тучковѣ). И. П. Липранди. **1874**. II. 959.

1424. На Новый 1855 годъ, стихотвореніе Ѳ. И. Тютчева. **1867**. 1638.

1425. Россія и Германія (1844). Письмо Ѳ. И. Тютчева къ издателю Всеобщей Аугсбургской Газеты **1873**. 1993.

1426. Россія и революція. 1848-й годъ. Записка Ѳ. И. Тютчева. **1873**. 895.

1427. Записка Ѳ. И. Тютчева о цензурѣ въ Россіи (1857). **1873**. 607.

1428. Тютчевъ и Гейне. Замѣтка П. Ч-ва. **1875**. I. 128.

1429. Изъ частнаго письма по поводу кончины Ѳ. И. Тютчева. **1874**. I. 1374.

1430. Ѳедоръ Ивановичъ Тютчевъ. Статья И. С. Аксакова. Съ гравированнымъ портретомъ Тютчева. **1874**. II. 5. (Въ особомъ приложеніи).

1431. Неизданные стихи Ѳ. И. Тютчева («Играй, покуда надъ тобой еще безоблачна лазурь»). Сообщены П. Д. Голохвастовымъ. **1874**. II. 222.

1432. Еще стихи Ѳ. И. Тютчева. (Къ Н. А. Акинѳіевой: «Какъ ни бѣсилося злорѣчье»). **1874**. II. 1124.

1433. Письмо графа С. С. Уварова къ барону Штейну. **1871**. 0129.

1434. Для біографіи графа С. С. Уварова. Переписка его съ М. П. Погодинымъ. **1871**. 2078.

1435. Біографическое извѣстіе о графѣ С. С. Уваровѣ. **1871**. 2103.

1436. Четыре письма высокопреосвященнѣйшаго Филарета, митрополита Московскаго: а) къ А. А. Полторацкой, б) Д. Б. Мертваго, в) В. М. Мертваго. **1868**. 137.

1437. Воспоминаніе о митрополитѣ Филаретѣ (монахъ Трифилій). **1869**. 1177.

1438. Записочка митрополита Филарета къ А. Я. Булгакову (1842). **1874**. II. 637.

1439. Письмо Московскаго митрополита Филарета къ графу Протасову (1851). **1876**. III. 175.

1440. Записка митрополита Московскаго Филарета о сохранности церковныхъ древностей. **18-й В**. I. 453.

1441. Митрополитъ Филаретъ въ его письмахъ къ архимандриту Антонію. **1877**. III. 311.

1442. Два письма Д. И. Фонвизина къ А. М. Обрѣзкову въ Букарештъ. **1865**. 984.

1443. М. Д. Хмыровъ, некрологическая статья П. А. Ефремова. **1873**. CXXVIII.

1444. Неизданныя стихотворенія А. С. Хомякова, съ замѣткою П. И. Бартенева. **1863**. 222, 303.

1445. Неизданное пятистишіе А. С. Хомякова. **1866**. 770.

1446. Объ отмѣнѣ крѣпостнаго права въ Россіи. Письмо Алексѣя Степановича Хомякова къ графу I. И. Ростовцеву (1858). **1876**. I. 277.

1447. Изъ воспоминаній объ А. С. Хомяковѣ. А. В. Рачинскаго. **1876**. II. 101.

1448. Къ Сербамъ. Посланіе (въ прозѣ) изъ Москвы, А. С. Хомякова. **1876**. III. 104.

1449. О сочиненіяхъ П. Я. Чаадаева. М. Н. Лонгинова. **1863**. 270.

1450. Воспоминаніе о П. Я. Чаадаевѣ, статья Д. Н. Свербеева. (1856). **1868**. 976.

1451. Слово, произнесенное у гроба Чаадаева духовникомъ его, протоіереемъ Н. А. Сергіевскимъ. **1868**. 1002.

1452. Два письма князя А. А. Шаховскаго къ С. Т. Аксакову о литературѣ и театрѣ. 1830. Сообщено И. С. Аксаковымъ. **1873**. 0470.

1453. Изъ воспоминаній о С. П. Шевыревѣ. М. П. Погодина. **1865**. 381.

1454. О библіотекѣ С. П. Шевырева. **1872**. 445.

1455. Письмо С. П. Шевырева къ М. А. Максимовичу. **1872**. 1208.

1456. Анекдотъ о Шишковѣ. **1863**. 217.

1457. Мелочи и поправки (о стихахъ Шишкова Суворову). **1870**. 1199.

1458. Мнѣнія А. С. Шишкова о цензурѣ. **1865**. 1339.

1459. «Князю П. А. Вяземскому». Посланіе въ стихахъ М. В. Юзефовича. **1877**. I. 233.

1460. Н. М. Языковъ 1803—1846. (Новые стихи его и письма). Статья М. И. Семевскаго. **1867**. 712.

1461. Два стихотворенія Н. М. Языкова, съ предисловіемъ В. М. Княжевича. **1871**. 1303.

1462. Осудительное посланіе Н. М. Языкова къ П. Я. Чаадаеву. **1875**. II. 111.

1463. О стихотвореніяхъ Ѳеофана Прокоповича. Статья М. А. Максимовича. **1872**. 997.

1464. Письмо Ѳеофана Прокоповича къ Кіевскому архіепископу о Братскомъ монастырѣ. **1865**. 439.

1465. Матеріалы для полнаго собранія сочиненій Русскихъ писателей. Библіографическія розысканія М. Н. Лонгинова: 1) Баратынскаго. **1864**. 1103. 2) Батюшкова. **1863**. 952. 3) Гнѣдича. **1863**. 845. 4) И. И. Дмитріева. **1863**. 710. 5) Князя И. М. Долгорукаго. **1865**. 964. 6) Жуковскаго. **1864**. 1123. 7) Карамзина. **1864**. 1135. 8) Козлова. **1864**. 1111. 9) Лермонтова. **1863**. 571. 10) Милонова. **1864**. 1114.

1466. Краткія свѣдѣнія о Русскихъ писателяхъ и ученыхъ, умершихъ въ 1860, 1861 и 1862 годахъ. Изъ справочнаго Словаря, составляемаго Г. Н. Геннади. **1864**. 641.

1467. Тоже (въ 1863). **1865**. 115.

1468. Тоже (въ 1864). **1866**. 561.

1469. Тоже (въ 1865). **1867**. 953.

1470. Тоже (въ 1866). **1868**. 2001.

1471. Тоже (въ 1867). **1869**. 1985.

1472. Тоже (въ 1868). **1870**. 2013.

1473. Тоже (въ 1869). **1871**. 483.

1474. Тоже (въ 1870). **1872**. 1985.

1475. Тоже (въ 1871). **1873**. 1479.

1476. Тоже (въ 1872). **1874**. II. 1095.

1477. Тоже (въ 1873). **1875**. III. 461.

1478. Тоже (въ 1874). **1877**. II. 79.

1479. Матеріалы для полнаго собранія сочиненій нѣкот. извѣстныхъ писателей. (Ломоносовъ, Княжнинъ, Богдановичъ, Хемницеръ, Костровъ, Нелединскій, М. Н. Муравьевъ, Карамзинъ, Крыловъ, Жуковскій, Баратынскій). М. Н. Лонгинова. **1866**. 1770.

1480. Словарь Русскихъ писательницъ. Составилъ Николай Книжникъ (кн. Н. Н. Голицынъ). **1865**. 1139.

1481. Къ Русскимъ писательницамъ. Воззваніе князя Н. Н. Голицына. **1870**. 2138.

XIX. Допетровская старина.

1482. О происхожденіи Дунайскихъ Болгаръ. Изслѣдованіе Д. И. Иловайскаго. **1874**. II. 55.

1483. Къ вопросу о лѣтописи и началѣ Руси. Изслѣдованіе Д. И. Иловайскаго. **1873**. 654.

1484. Подарокъ изъ Скандинавіи, статья М. П. Погодина, съ отвѣтнымъ

замѣчаніемъ Д. И. Иловайскаго. **1872**. 438.

1485. Замѣтка по Варяжскому вопросу, Д. И. Иловайскаго. **1872**. 2499.

1486. Замѣтки о книгѣ Васильевскаго и отвѣтъ М. П. Погодину, Д. И. Иловайскаго. **1873**. 0425.

1487. Спасъ-Нередица. Церковь XII вѣка. Археологическое описаніе Скалдина (псевдонимъ). **1871**. 1273.

1488. Духовное завѣщаніе Колычова, писанное въ 1570 году. **1869**. 2104.

1489. Московиты у Нѣмцевъ въ 1576 году. Статья С. А. Соболевскаго. **1868**. 2047.

1490. Слово отъ притчи о вадящихъ князю на други. (Сообщено архимандр. Леонидомъ). **1877**. III. 332.

1491. Правда о Сусанинѣ (сводъ мѣстныхъ преданій). Статья протоіерея Алексѣя Доминскаго. **1871**. 01.

1492. Еще отповѣдь Костомарову (о Сусанинѣ) Костромскаго губернатора В. И. Дорогобужинова. **1871**. 1729.

1493. Мининъ и Пожарскій. Прямые и кривые въ Смутное Время. Изслѣдованіе И. Е. Забѣлина. **1872**. 353, 581 и 881. Дополнительныя страницы о Мининѣ и Пожарскомъ. **1872**. 1213.

1494. Поясненія къ статьѣ: «Мининъ и Пожарскій» (отвѣтъ Костомарову) И. Е. Забѣлина. **1872**. 2436.

1495. Памятникъ «Смутнаго Времени» подъ Кинешмою. Статья Ив. Якунина. **1877**. III. 278.

1496. Дѣло объ измѣнѣ ротмистра Хмелевскаго (1614), съ замѣткою К. Н. Бестужева-Рюмина. **1863**. 721.

1497. Замѣчательный портретъ патріарха Филарета (безъ бороды). Статья Л. П. Яковлева. **1863**. 348.

1498. Переписка святѣйшаго патріарха Никона съ митрополитомъ Аѳанасіемъ и граматоносцемъ Саввою. 1665 и 1666 г. Открылъ и объяснилъ архим. Л—ъ. **1873**. 1601.

1499. Объ указѣ царя Алексѣя Михайловича касательно Нѣмцевъ. Замѣтка А. А. Гатцука. **1871**. 0249.

1500. Черты монастырскаго быта въ XVII вѣкѣ. (Письмо архіепископа Сибирскаго Нектарія и шутовская челобитная Колязинскихъ монаховъ). Два документа, съ предисловіемъ Л. П. **1873**. 1770.

1501. Списокъ съ челобитной Василія Васильева сына Полозова, царю Ѳеодору Алексѣевичу. **1865**. 977.

1502. Сыскное дѣло 1697 года о дорогѣ въ Хиву. **1867**. 395.

XX. Старообрядчество.

1503. Челобитная протопопа Аввакума. **1864**. 26.

1504. Посланія протопопа Аввакума къ боярынѣ Ѳеодорѣ Морозовой, княгинѣ Евдокіи Урусовой и Маріи Даниловой. **1864**. 707.

1505. Странники (изъ исторіи раскола). Л. Н. Трефолева, съ примѣчаніями И. С. Аксакова. **1866**. 602.

1506. Краткая записка о странникахъ или бѣгунахъ. И. С. Аксакова. **1866**. 627.

1507. Подлинныя черты изъ исторіи Рогожскаго и другихъ старообрядческихъ кладбищъ. **1864**. 233.

1508. Подлинные черты и случаи изъ исторіи раскола. **1864**. 720.

1509. Отзывъ Русскаго старообрядца о Вѣнской революціи 1848 года: письмо въ Москву на Рогожское кладбище отъ настоятеля Бѣлокри-

ницкаго монастыря Павла Великодворскаго. **1875**. II. 112.

1510. Три старообрядческія стихотворенія. **1864**. 1182.

XXI. Генеалогія.

1511. Очерки Малороссійскихъ фамилій. Матеріалы для исторіи общества въ XVII и XVIII вѣкахъ, собираемые А М. Лазаревскимъ. Апостолы. Базилевскіе. Безбородки, Бороховичи, Галаганы, Гамалѣи, Герцики, Гоголи-Яновскіе. **1875**. I. 91, 311 и 439. Горленки, Грабянки, Дмитрашки-Раичи. Жученки-Жуковскіе. **1875**. II. 248. 402. 406. Иваненки, Искры. **1875**. III. 297. Капнисты, Кочубеи. (Мазепа и Матрона Кочубей.—Дѣло В. Л. Кочубея.—Самоуправство пановъ). **1876**. III. 437.

1512. Нѣсколько словъ о семьѣ Баташовыхъ. Т. Толычовой. **1871**. 2112.

1513. Соисканіе преміи за біографію князя Безбородки. **1870**. 1197.

1514. Родословная Демидовыхъ, составленная Платономъ Александровичемъ Демидовымъ. **1873**. 2212.

1515. Замѣтка о родословіи князей Долгоруковыхъ. Н. Фадѣевой. **1866**. 1340.

1516. Синодикъ 1670 года (съ новыми указаніями о родѣ Карамзиныхъ), археологическая замѣтка князя М. А. Оболенскаго. **1869**. 1076.

1517. Родословная князей Коркодиновыхъ. **1869**. 1080.

1518. Бумаги, біографическія свѣдѣнія и преданія о Милорадовичахъ. (Въ особомъ приложеніи). **1871**.

1519. Родъ Нарышкиныхъ. Генеалогическое изслѣдованіе А. А. Васильчикова. **1871**. 1487.

1520. Поправки къ статьѣ о родѣ Нарышкиныхъ. **1871**. 1960.

1521. Гербъ Хоростовецкихъ. Статья В. Л. Коростовцова. **1873**. 1049.

1522. Замѣтка о родѣ Шепелевыхъ, Дмоховскаго. **1867**. 475.

1523. Приглашеніе (по поводу родословныхъ свѣдѣній, собираемыхъ А. Е. Стремоуховымъ). **1871**. 1535.

1524. Генеалогическое недоумѣніе. Н. Невѣдомцева. **1872**. 2044.

1525. Генеалогическое заявленіе В. Ц. Герцыка. **1875**. II. 366.

1526. Генеалогическое подтвержденіе (письмо княжны В. Н. Репниной къ издателю). **1877**. II. 368.

XXII. Библіографія и смѣсь.

1527. Новыя сочиненія и изданія на иностранныхъ языкахъ, относящіяся до Россіи. **1865**. 1537.

1528. Книжныя заграничныя вѣсти. **1866**. 260.

1529. Тоже за 1867 годъ. **1868**. 317.

1530. Тоже за 1868 годъ. **1869**. 025.

1531. Тоже за 1869 годъ. **1870**. 501.

1532. Тоже за 1870 годъ. **1871**. 0965.

1533. Тоже за 1871 годъ. **1872**. 752.

1534. Тоже за 1872 годъ. **1873**. CIV.

1535. Тоже за 1873 годъ. **1874**. I. 505.

1536. Тоже за 1874 годъ. **1875**. I. 236.

1537. Тоже за 1874—1876 годы. **1876**. I. 297.

1538. Тоже за 1876 годъ. **1877**. I. 210 и 443.

1539. Библіографическая лѣтопись. П. А. Гильтебрандта. **1863**. 268.

1540. Книжныя вѣсти. **1863**. 174.

1541. Замѣчательнѣйшія новыя книги. 1863. 73 и 171.
1542. Новыя полученныя въ Москвѣ книги на Славянскихъ нарѣчіяхъ и о Славянахъ. 1863. 76 и 351.
1543. Книжныя замѣтки, М. Ѳ. Шугурова. 1866. 771.
1544. А. Д. Чертковъ и его библіотека. 1863. 1.
1545. Нѣсколько словъ о Чертковской библіотекѣ. 1864. 1.
1546. О Чертковской библіотекѣ въ 1864 году (краткій отчетъ). 1865 1
1547. О Чертковской библіотекѣ въ 1865 году. 1866. 4 нен. стр.
1548. О Чертковской библіотекѣ въ 1866 году. 1867. 314.
1549. Пріобрѣтенія Чертковской библіотеки въ 1868 году. 1869. 039.
1550. Пріобрѣтенія Чертковской библіотеки въ 1869 году. 1870. 522.
1551. Составъ черниламъ, како составливати добрая чернила (изъ рукописи Синодальной библіотеки XVII в.). 1863. 495.
1552. О палеографическихъ снимкахъ, издан. преосв. Саввою. Замѣтка А. Е. Викторова. 1863. 487.
1553. Копія съ росписи книгамъ, которыя обрѣтаются въ патріаршей ризницѣ (1718 г.). 1864. Въ особомъ приложеніи.
1554. Отвѣтъ на библіографическій вопросъ. Я. К. Грота, съ замѣткою А. А. Котляревскаго. 1865. 1400.
1555. Псевдо-переводы съ Русскаго. (По матеріаламъ императорской публичной библіотеки). Статья барона М. А. Корфа. 1866. 204.
1556. Замѣтка на статью «Псевдо-переводы съ Русскаго», П. А. Ефремова. 1866. 512.
1557. Исторія изданія въ Русскомъ переводѣ сочиненія Коцебу о Свитригайлѣ (Сообщено барономъ М. А. Корфомъ). 1869. 613.
1558. Юбилейныя изданія Московскаго университета. 1867. 1177.
1559. Объ юбилейномъ изданіи Московской Синодальной типографіи, П. А. Безсонова. 1867. 914.
1560. Заявленіе издателей Полярной Звѣзды (1825). 1871. 0964.
1561. Замѣтка объ изданіи Полярной Звѣзды и Сѣверныхъ Цвѣтовъ. 1873. XCVIII.
1562. Альманахъ «Звѣздочка на 1826 годъ», замѣтка М. И. Семевскаго. 1869. 053.
1563. Отвѣтъ на библіографическій вопросъ г-на Геннади (о собраніи Русскихъ журналовъ). П. Библіографа. 1873. 1584.
1564. Пополненіе С. А. Соболевскаго о Чулковско-Новиковскомъ пѣсенникѣ. 1870. 1935.
1565. Замѣтка С. А. Соболевскаго объ энциклопедическихъ лексиконахъ въ Россіи. 1870. 1937.
1566. Библіографическій курьезъ (о первопечатной Псалтыри 1568 года). П. А. Безсонова. 1864. Въ особомъ приложеніи.
1567. Библіографическая замѣтка. Письмо къ С. А. Соболевскому П. М. Строева (по поводу предъидущей статьи). 1865. 513.
1568. Библіографическая поправка (о трудахъ И. П. Сахарова) С. А. Соболевскаго. 1865. 517.
1569. Изъ нашей учебно - исторической литературы (объ учебникѣ Беллярминова). Статья П. И. Мельникова. 1873. CXLIV.
1570. Замѣтка о торговлѣ Русскими книгами между Австрійскими Сербами въ началѣ сего столѣтія, Н. А. Попова. 1873. 159.

1571. Библіографическое извѣстіе (о сказкахъ, собранныхъ А. Н. Аѳанасьевымъ). **1864**. 120.

1572. Заявленіе П. А. Безсонова (отказъ отъ выводовъ о Державинскихъ стихахъ). **1876**. I. 128.

1573. О сборникѣ Муханова, замѣтка А. Ѳ. Бычкова. **1867**. 1180.

1574. Библіографическія замѣтки И. И. Ханенки: неизвѣстныя стихотворенія Пушкина, Кольцова и Баратынскаго и эпиграмма Крылова. **1869**. 073 и 2026.

1575. О трудахъ по исторіи Русскаго законодательства, статья Ѳ. В. Чижова. **1869**. 2045.

1576. Новыя явленія въ Русской библіографіи С. А. Соболевскаго **1869**. 921.

1577. Библіографическая замѣтка о «Матеріалахъ для библіографіи Я. Ф. Березина-Ширяева», С. А. Соболевскаго. **1870**. 2070.

1578. Объ исторіи Академіи Наукъ, замѣтка М. Н. Лонгинова. **1871**. 0246.

1579. О Памятникахъ Русской старины Западнаго края. **1873**. CXXXVII.

1580. О книгѣ М. Д. Лихутина: «Русскіе въ Азіатской Турціи». **1863**. 350.

1581. Библіографическая замѣтка Л. Н. Майкова (объ изданіи проповѣдей Л. Барановича). **1875**. III. 496.

1582. Воззваніе Государя Наслѣдника Цесаревича о собираніи свѣдѣній касательно Севастопольской обороны. **1870**. 2350.

1583. Рукописи о Севастопольской оборонѣ. Статья Ѳ. И. Тимирязева. **1873**. 1089.

1584. Обзоръ дѣятельности Русской печати за послѣднія 18 лѣтъ. Д. И. Иловайскаго. **1874**. I. 223.

1585. Отвѣтная замѣтка В. И. Собольщикову о Чертковской библіотекѣ. П. И. Бартенева. **1864**. 680.

1586. Объясненіе по поводу Записокъ Ф. Ф. Вигеля. П. И. Бартенева. **1863**. 960.

1587. Нѣсколько словъ о сочиненіяхъ Болгарина Раковскаго. К. И. Жинзифова. **1863**. 217.

1588. Литературная новость. К. И. Жинзифова. **1863**. 880.

1589. Толковый словарь Велико-Русскаго языка, В. Даля. **1863**. 495.

1590. Полный указатель къ Русской Бесѣдѣ (1856—1860) и Московскимъ Сборникамъ (1846, 1847 и 1852). **1863**, въ особомъ приложеніи.

1591. Азбучный указатель къ Русскому Вѣстнику (1856—1864). **1863**, въ особомъ приложеніи.

1592. Указатель къ Запискамъ Храповицкаго. **1864**. Въ особомъ приложеніи.

1593. Азбучный полный указатель къ Библіографическимъ Запискамъ. **1864**. Въ особомъ приложеніи.

1594. Указатель къ повременнымъ изданіямъ общества исторіи и древностей Россійскихъ при императорскомъ Московскомъ университетѣ (1815—1865). **1866**. Въ особомъ приложеніи.

1595. Общая роспись статьямъ «Русскаго Архива» за первыя пять лѣтъ сего изданія. Въ особомъ приложеніи. **1868**. Тоже за первыя десять лѣтъ. **1872**. Въ особомъ приложеніи.

1596. Азбучный указатель къ Полному Собранію Законовъ, за царствованіе Павла 1-го. Въ особомъ приложеніи. **1873**.

1597. Предметная роспись содержанію шести книгъ Архива Князя Воронцова. **1875**. III. 110.

1598. Образъ Ангела-хранителя съ похожденіями. Графа А. С. Уварова (съ рисункомъ). **1864**. 13.

1599. Вѣтеръ (изъ Русской символики). Графа А. С. Уварова. **1864**. 681.

1600. О нѣкоторыхъ древнихъ вещахъ изъ Чертковскаго собранія. **1864**. 1001, 1255.

1601. Описаніе трехъ панагій, графа Уварова. **1864**. 676.

1602. О притчахъ св. Кирилла. Статья О. И. Коларя. **1864**. 434.

1603. Сказка о Шибаршѣ, съ замѣткою Ильи В. Бѣляева. **1863**. 444.

1604. Притчи святаго Кирилла-философа, учителя Славянскаго. Статья С. А. Соболевскаго. **1864**. 172.

1605. Повѣсть о царѣ Аггеѣ, съ предисл. М. Ѳ. Шугурова. **1865**. 1114.

1606. Аника-воинъ. Статья Ильи В. Бѣляева. **1864**. 90.

1607. Еще объ Аникѣ-воинѣ. Статья Ѳ. Н. Фортунатова. **1864**. 228.

1608. О храбромъ воинѣ Аникѣ и смерти (стихи). **1864**. 1096.

1609. Сказаніе, кіимъ святымъ каковыя благодати отъ Бога даны, съ замѣткою барона Д. О. Шепинга. **1863**. 943.

1610. Странствующія сказанія. О святыхъ Борисѣ и Глѣбѣ и о кончинѣ Русскаго епископа Ѳомы. По Армянскимъ Чети-Минеямъ. Съ предисловіемъ и примѣчаніями Н. О. Эмина. **1877**. I. 273.

1611. Русское письмо (epistola) XVII вѣка. **1864**. 717.

1612. Путешествіе въ Святую Землю священника Лукьянова. Доставлено С. А. Соболевскимъ. **1863**. 21, 113, 223, 305, 385.

1613. Еще о путешествіи Лукьянова. Замѣтка Г. А. Милородовича. **1864**. 871.

1614. Замѣтка о путешествіи Лукьянова, П. И. Бартенева. **1863**. 494.

1615. Замѣтки о самозванствѣ въ Россіи и новыя свѣдѣнія о самозванцахъ XVIII в., профессора С. М. Соловьева. **1868**. 265.

1616. Обращикъ стариннаго крючкотворства, съ предисловіемъ И. С. Тургенева. **1870**. 269.

1617. Рѣдкостная помѣщичья довѣренность 1775 года. **1868**. 1863.

1618. Заплечный мастеръ (1768). Статья Л. Н. Трефолева. **1868**. 1064.

1619. Михайло-Медвѣдь, разбойничій есаулъ. Статья Н. П. Розанова. **1869**. 1082.

1620. Русскія пытки, историческій очеркъ, составленный Аполлономъ Эрн. Ц. **1867**. 1139.

1621. Ученіе и ученики въ XVII вѣкѣ. М. Ѳ. Шугурова. **1866**. 304.

1622. Корчма, историческій очеркъ И. Г. Прыжова. **1866**. 1053.

1623. Разсказы объ Ярославской старинѣ: Подкидышъ.— Зѣлье-цилибуха. — Меланхоликъ. — Старинный филантропъ.—Монтіоновскія преміи въ Россійскомъ вкусѣ.—Поэтъ Праволамскій. — Ростовскіе кладоискатели. Крыловъ. Коншинъ и Пушкинъ. Статьи Л. Н. Трефолева. **1876**. III. 314 и 500; **1877**, III, 399.

1624. Очерки изъ быта Малороссіи XVIII вѣка: Приходское духовенство и монахи. Статья А. М. Лазаревскаго. **1871**. 1884.

1625. Очерки внутренней жизни Малороссіи въ XVIII в. Сотники. Статья А. М. Лазаревскаго. **1873**. 341.

1626. Обращики стариннаго острословія. (На Домашнева). **1872**. 2032.

1627. Замѣтка о раздѣленіи Россіи на губерніи въ 18 вѣкѣ, Н. С. Киселева. **1863**. 492.

1628. Убожество православныхъ церквей въ Польшѣ (1760). **1864**. 227.

1629. Казаки по отношенію къ государству и обществу (Великорусское казачество.—Запорожскіе нравы.—Значеніе благочестія.—Показанія самовидца.—Усы). П. А. Кулиша. **1877**. I. 352 и II, 113.

1630. О нашемъ крѣпостномъ вопросѣ въ XVIII столѣтіи. Статья О. Ѳ. Миллера (въ отвѣтъ Г. Ѳ. Карпову). **1875**. III. 82.

1631. Письмо неизвѣстнаго лица о Московскомъ масонствѣ XVIII вѣка, новыя показанія о Шварцѣ и Новиковѣ. Переводъ съ Нѣмецкаго О. Н. Балашовой. **1874**. I. 1031.

1632. О Кавказскихъ правителяхъ въ XVIII вѣкѣ. Записка, составленная изъ бумагъ, сохранившихся въ мѣстныхъ архивахъ. (Сообщено М. Т. Лорисъ-Меликовымъ). **1873**. 741.

1633. О крѣпостномъ правѣ въ Малороссіи. Статья Г. Ѳ. Карпова. **1875**. II. 229.

1634. Село Мурашкино. Историко-этнографическій очеркъ князя А. Н. Волконскаго. **1875**. I. 116.

1635. Десять простонародныхъ разсказовъ изъ прошлыхъ временъ. Съ предисловіемъ Н. П. Барышникова. **1874**. I. 621.

1636. Поправка предыдущей статьи. **1874**. I. 01098.

1637. Къ столѣтію перваго Московскаго Кадетскаго Корпуса. Переписка отца архимандрита Леонида съ М. Д. Хмыровымъ и А. Н. Корсаковымъ. **1875**. II. 157.

1638. Къ столѣтію Константиновскаго Межеваго института. Очеркъ первоначальной его исторіи, князя I. А. Мещерскаго. **1877**. I. 546.

1639. Диспутъ въ Московскомъ университетѣ въ 1769 году. (Сообщено С. М. Соловьевымъ). **1875**. III. 312.

1640. Поправка (о юбилейной медали Московскаго университета). **1874**. I. 0580.

1641. Ученое привѣтствіе 1821 года. **1871**. 1728.

1642. Воспоминаніе о С.-Петербургскомъ университетѣ (по поводу 50 лѣтняго юбилея) Ѳ. Н. Фортунатова. **1869**. 305.

1643. Зубриловскій пансіонъ. Попытка большаго учебнаго заведенія въ помѣщичьемъ имѣніи. Статья г-на Арнольдова. **1873**. 2202.

1644. Кредитныя учрежденія Московскаго Воспитательнаго Дома. (Сохранная, Вдовья и Ссудная Казны). Историческій очеркъ Д. Д. Филимонова. **1876**. I. 265.

1645. Еще о кредитныхъ учрежденіяхъ Воспитательнаго Дома (Присяга опекуновъ.—Служба безъ жалованья.—Сохранная Казна передъ ея закрытіемъ). Статья Д. Д. Филимонова. **1876**. II. 219.

1646. Московская старина. Письмо къ издателю Русскаго Архива, отъ М. М. Евреинова и черты Московскаго быта въ письмахъ Анны Іоанновны къ С. А. Салтыкову, сообщенныя А. А. Мартыновымъ. **1877**. III. 180.

1647. Къ исторіи города Тамбова. Замѣтка М. Ѳ. Де-Пуле. **1877**. I. 143.

1648. Изъ матеріаловъ для исторіи и статистики города Ельца, собранныхъ Н. А. Ридингеромъ. **1866**. 346.

1649. Списокъ оберъ-прокурорамъ Св. Синода, съ учрежденія до нынѣ. **1866**. 601.

1650. О пасторѣ Лонгѣ. П. И. Бартенева. **1863**. 576.

1651. Вукъ Стефановичъ Караджичъ. К. И. Жипзифова. **1864**. 329.

1652. О Руссофильствѣ Мицкевича, статья А. А. Чумикова. **1872**. 426.

1653. Замѣтка по поводу предъидущей

статьи, Н. В. Берга. **1872**. 432.

1654. Савва Влковичъ Филаретовъ. (Некрологъ). **1864**. 118..

1655. Письмо Сербскаго патріарха Раячича къ Русскому консулу въ Бѣлградѣ. **1868**. 120.

1656. Изъ путевыхъ замѣтокъ въ Славянскихъ земляхъ профессора П. А. Лавровскаго. **1866**. 1285.

1657. Еще о Венедиктѣ Кралевичѣ. Замѣтка Н. А. Попова. **1872**. 1021.

1658. Письма П. Атанацковича, Вука Караджича, Миклошича и Коллара къ Н. И. Надеждину, съ предисловіемъ и объясненіями профессора Н. А. Попова. (Подробности о Вѣнской революціи 1848 года). **1873**. 1131.

1659. Изъ дневниковъ Варнгагена-фонъ-Энзе. Съ предисловіемъ А. А. Чумикова **1875**. II. 344.

1660. Wahrheit und Dichtung. (Правда и вымыселъ). Статья Д. Д. Голохвастова по поводу воспоминаній Т. П. Пассекъ. **1874**. I. 1053.

1661. По поводу воспоминаній Т. П. Пассекъ. Замѣчанія Д. Д. Голохвастова. **1876**. II. 231.

1662. Графъ Н. С. Мордвиновъ въ его сельско-хозяйственной дѣятельности. Письма въ Пензенскую деревню. Съ предисловіемъ Д. А. Столыпина. **1874**. I. 772.

1663. Земледѣльческіе порядки до и послѣ упраздненія крѣпостнаго права. Д. А. Столыпина. **1874**. I. 1369.

1664. Мнѣніе князя И. А. Лобанова-Ростовскаго объ упрощеніи внутренняго управленія въ Россіи. **1871**. 1914.

1665. Объ обращеніи въ католичество графини М. А. Воронцовой, замѣтка графа М. Д. Бутурлина. **1869**. 1712.

1666. О склоненіи Малороссійскихъ собственныхъ именъ, замѣтка Г. П. Галагана. **1869**. 1718.

1667. Генералъ Бонапартъ, оборонитель Грековосточнаго вѣроисповѣданія, съ предисловіемъ князя М. А. Оболенскаго. **1868**. 108.

1668. Листки изъ памятной книжки В. П. Бурнашева (о Лизогубѣ). **1872**. 1606.

1669. Славянофилы. Историко-критическій очеркъ (по поводу статьи г-на Пыпина). Э. А. Дмитріева-Мамонова. **1873**. 2488.

1670. Письмо къ издателю о Славянофилахъ (по поводу статьи г. Дмитріева-Мамонова). И. С. Аксакова. **1873**. 2508.

1671. Старинное острословіе. **1869**. 1568.

1672. Старинное острословіе (Прошеніе въ Небесную Канцелярію). **1875**. III. 255.

1673. О Воспоминаніяхъ О. А. Пржецлавскаго. Статья С. П. Сушкова. **1876**. II. 460.

1674. По поводу воспоминаній г-на Ципринуса, замѣтка издателя Русскаго Архива. **1873**. 1052.

1675. Замѣтки и поправки Д. Д. Рябинина (о Кольцовѣ, Бѣгичевѣ и Кривцовѣ). **1874**. II. 725.

1676. Западный край въ его историческихъ памятникахъ. Замѣтка профессора Н. А. Попова. **1875**. I. 232.

1677. Замѣтка о Польскомъ Катехизисѣ. Н. Бицына. **1873**. 200.

1678. Уроки исторіи. Двѣ статьи Д. И. Иловайскаго. (Мнимые охранители). **1874**. I. 0549, 801.

1679. Новая тяжба о буквѣ Ъ. (А. А. Перовскаго). **1865**. 1128.

1680. Замѣтка на предыдущую статью. **1865**. 1403.

1681. Замѣтка о Петербургскихъ двор-

УКАЗАТЕЛЬ
КЪ РОСПИСИ РУССКАГО АРХИВА
1863—1877.

6*

СОДЕРЖАНІЕ

ТРЕТЬЕЙ КНИГИ РУССКАГО АРХИВА 1877 ГОДА.

(Тетради 9, 10, 11 и 12).

1876 ГОДЪ. КНИГА ПЕРВАЯ.

Автобіографія **графа С. Р. Воронцова**. Опала **графа Н. П. Панина** при Павлѣ. Вѣсти изъ России въ Англію (Письма **графа Ростопчина**. 1791—1796). Политическая автобіографія **князя Адама Чарторыжскаго**. Французы въ Москвѣ въ 1812 году. **Сочиненіе А. Н. Попова**. Выдержки изъ Старой Записной Книжки. Объ отмѣнѣ крѣпостнаго права, статья **А. С. Хомякова**. Письмо **князя П. А. Вяземскаго** объ Н. И. Тургеневѣ. Цѣна **2** рубля.

1876 ГОДЪ. КНИГА ВТОРАЯ.

Французы въ Москвѣ въ 1812 году, сочиненіе **А. Н. Попова**. Вѣсти изъ Россіи въ Англію въ царствованіе Павла Петровича (Письма **графа Ростопчина**. 1799 годъ). Выдержки изъ Старой Записной Книжки. — Записки Польскаго **епископа Буткевича** (Разговоры съ императоромъ Николаемъ и папою Піемъ IX). Жуковскій въ Парижѣ, статья князя **П. А. Вяземскаго**. Цѣна **3** рубля.

1876 ГОДЪ. КНИГА ТРЕТЬЯ.

Графъ Алексѣй Григорьевичъ Бобринскій, его переписка съ Екатериною II-ю. Вѣсти изъ Россіи въ Англію въ царствованіе Павла Петровича (Письма **графа Ростопчина** 1800 и 1801 года). Французское нашествіе: письма **И. М. Муравьева-Апостола**. Сборникъ стихотвореній **Пушкина**. Разсказы объ Ярославской старинѣ **Л. Н. Трефолева**. Записка **графа С. Р. Воронцова** о Русскомъ войскѣ. Цѣна **3** рубля.

Тамъ же можно получать четыре тома Осмнадцатаго Вѣка и два тома Девятнадцатаго Вѣка, по три рубля каждый.

Лица, желающія выписать 1873, 1874, 1875 и 1876 годы Русскаго Архива и томы Осмнадцатаго и Девятнадцатаго Вѣковъ за пересылку ничего не прилагаютъ.

ТАМЪ ЖЕ

(ПО ОДНОМУ РУБЛЮ, ПЕРЕСЫЛКА ЗА ОДИНЪ ФУНТЪ)

ИСТОРІЯ СЕРБІИ

ПО СЕРБСКИМЪ ИСТОЧНИКАМЪ,

сочиненіе профессора Ранке. Переводъ П. И. Бартенева.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

РУССКІЙ АРХИВЪ

ВЪ 1878 ГОДУ.

(ГОДЪ ШЕСТНАДЦАТЫЙ).

Цѣна годовому изданію Русскаго Архива 1878 года имѣющаго выходить, *по мѣрѣ отпечатанія,* двѣнадцатью тетрадями (изъ коихъ каждыя четыре тетради составятъ особую книгу, съ отдѣльнымъ счетомъ страницъ и азбучнымъ указателемъ) какъ въ Москвѣ и Петербургѣ, съ доставкою на домъ, такъ и съ пересылкою иногороднымъ подписчикамъ

ВОСЕМЬ РУБЛЕЙ.

Желающіе получать Русскій Архивъ въ 1878 году доставляютъ **восемь** рублей, съ приложеніемъ четко-написаннаго мѣста своего жительства, *въ Москву, на Никитскій бульваръ, въ домъ Дюгамеля, въ Главную Контору Русскаго Архива.*

Кромѣ того, въ С.-Петербургѣ подписка на Русскій Архивъ принимается на Большой Морской, № 11, въ Главной Конторѣ газеты Русскій Міръ.

Отвѣтственность за исправную доставку принимается лишь въ томъ случаѣ, если подписка была сдѣлана въ вышеуказанныхъ мѣстахъ.

Заграничные подписчики платятъ въ Германію 10 рублей, въ Бельгію, Францію, Швейцарію и Италію 11 рублей.

Составитель и Издатель Русскаго Архива

Петръ Бартеневъ.